

Академия наук СССР
Институт всеобщей истории

ИСТОРИЯ
КРЕСТЬЯНСТВА
В ЕВРОПЕ

История крестьянства в Европе

Эпоха
феодализма

В ТРЕХ ТОМАХ

Главная редакция:

член-корреспондент АН СССР **З. В. УДАЛЬЦОВА**

(главный редактор)

доктор исторических наук **Ю. Л. БЕССМЕРТНЫЙ**

(заместитель главного редактора)

академик **Ю. В. БРОМЛЕЙ**

доктор исторических наук **М. А. БАРГ**

доктор исторических наук **В. И. БУГАНОВ**

академик АН Эстонской ССР **Ю. Ю. КАХК**

Москва
Издательство „НАУКА“
1985

История крестьянства в Европе

Эпоха
феодализма

ТОМ ПЕРВЫЙ
Формирование
феодально-зависимого
крестьянства

Москва
Издательство „НАУКА“
1985

В первом томе «Истории крестьянства в Европе (Эпоха феодализма)» рассматриваются судьбы крестьянства в масштабах всего Европейского континента на стадии генезиса феодализма. В центре внимания — основные закономерности и типологические особенности процесса образования феодально-зависимого крестьянства в разных регионах Европы. Исследуются возникновение класса крестьян, феодальной собственности, структура вотчины, формы феодальной ренты, а также социальная борьба крестьянства, его духовная жизнь.

Редколлегия:

член-корреспондент АН СССР

З. В. УДАЛЬЦОВА

(ответственный редактор)

доктора исторических наук

Ю. Л. БЕССМЕРТНЫЙ, А. Я. ГУРЕВИЧ,

кандидаты исторических наук

Л. Т. МИЛЬСКАЯ, К. А. ОСИПОВА,

В. Д. НАЗАРОВ

Рецензенты:

К. Д. АВДЕЕВА, Л. С. ЧИКОЛИНИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Введение	13
<i>З. В. Удальцова, Ю. Л. Бессмертный</i>	

I

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФЕОДАЛЬНО-ЗАВИСИМОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Глава 1. Природные, демографические и материально-производственные условия в Европе раннего средневековья	20
<i>А. Я. Шевеленко</i>	
Глава 2. Сельское население Поздней Римской империи	62
<i>А. Р. Корсунский</i>	
Глава 3. Аграрный строй варваров	90
<i>А. Я. Гуревич</i>	
Глава 4. Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства	137
<i>А. И. Неусыхин</i>	

II

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ КЛАССА ФЕОДАЛЬНО-ЗАВИСИМОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Глава 5. Становление феодально-зависимого крестьянства в Юго-Западной Европе в V—X вв.	178
<i>А. Р. Корсунский</i>	
Глава 6. Формирование феодально-зависимого крестьянства на территории Северной Франции (VI—X вв.)	216
<i>Ю. Л. Бессмертный</i>	
Глава 7. Формирование крестьянства в немецких землях (VII—XI вв.)	245
<i>Л. Т. Мильская</i>	
Глава 8. Становление английского крестьянства в донормандский период	276
<i>А. Я. Гуревич</i>	
Глава 9. Формирование крестьянства в Скандинавских странах (IX—XIII вв.)	296
<i>А. Я. Гуревич</i>	

Оглавление

Глава 10. Формирование крестьянства на Руси <i>Л. В. Черепнин</i>	314
Глава 11. Становление крестьянства в южнославянских и западно-славянских странах (до конца XII в.) <i>Ю. В. Бромлей, В. Д. Королюк, Г. Г. Литаврин</i>	350
Глава 12. Венгерское крестьянство XI — первой половины XIII в. <i>В. П. Шушарин</i>	373
Глава 13. Формирование феодального крестьянства в Византии (VII—XI вв.) <i>З. В. Удальцова, К. А. Осипова</i>	387

III

КРЕСТЬЯНСТВО В РАННЕФЕОДАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Глава 14. Крестьянство и государство <i>А. Р. Корсунский</i>	428
Глава 15. Социальная борьба крестьянства <i>Е. В. Гугнова, Л. П. Репина</i>	462
Глава 16. Крестьянство и город раннего средневековья <i>Л. А. Котельникова</i>	492
Глава 17. Крестьянство и духовная жизнь раннесредневекового общества <i>А. Я. Гуревич</i>	519
Некоторые итоги изучения генезиса феодально-зависимого крестьянства в Европе <i>З. В. Удальцова, Ю. Л. Бессмертный, А. Я. Гуревич</i>	555
Источники и сокращения	562
Библиография	570

CONTENTS

Preface	9
Introduction	13
<i>Z. V. Udaltsova, Yu. L. Bessmertny</i>	

I

PRE-CONDITIONS OF THE FORMATION OF FEUDAL DEPENDENT PEASANTRY

Chapter 1. Natural and Geographical Environment, Population and Conditions of Production in Early Medieval Europe	20
<i>A. J. Shevelenko</i>	
Chapter 2. The Rural Population of the Late Roman Empire	62
<i>A. R. Korsounsky</i>	
Chapter 3. Agrarian Structure with Ancient Barbarians	90
<i>A. J. Gourevitch</i>	
Chapter 4. Evolution of the Barbarian Social Structure from Early Communal Forms to the Emergence of Individual Husbandry	137
<i>A. I. Neussykhin</i>	

II

THE MAKING OF THE CLASS OF FEUDAL DEPENDENT PEASANTRY

Chapter 5. The Formation of Peasantry in South-West Europe, the 5th to 10th Centuries	178
<i>A. R. Korsounsky</i>	
Chapter 6. The Formation of Peasantry in the Territory of Northern France, the 6th to 10th Centuries	216
<i>Yu. L. Bessmertny</i>	
Chapter 7. The Formation of Peasantry in the German Lands, the 7th to 11th Centuries	245
<i>L. T. Milskaya</i>	
Chapter 8. The Making of English Peasantry in Pre-Norman Times	276
<i>A. J. Gourevitch</i>	
Chapter 9. The Formation of Peasantry in Scandinavia, the 9th to 13th Centuries	296
<i>A. J. Gourevitch</i>	

Contents

Chapter 10. The Formation of Peasantry in Russia <i>L. V. Tcherepnin</i>	314
Chapter 11. The Making of Peasantry in the Southern and Western Slavonic Countries, up to the 12th Century <i>Yu. V. Bromley, V. D. Korolyuk, G. G. Litavrin</i>	350
Chapter 12. The Rural Population of Hungary, the 11th to the First Half of the 13th Century <i>V. P. Shousharin</i>	373
Chapter 13. The Formation of Peasantry in Byzantium, the 7th to 11th Centuries <i>Z. V. Udaltsova, K. A. Ostpova</i>	387

III

PEASANTRY IN EARLY FEUDAL SOCIETY

Chapter 14. Peasantry and State <i>A. R. Korsounsky</i>	428
Chapter 15. The Peasants' Social Struggles <i>Eu. V. Goutnova, L. P. Repina</i>	462
Chapter 16. Peasantry and Early Medieval Town <i>L. A. Kotelnikova</i>	492
Chapter 17. Peasantry and the Spiritual Life of Early Medieval Society <i>A. J. Gourevitch</i>	519
Certain Results in the Studies of the Genesis of Feudal Dependent Peasantry in Europe <i>Z. V. Udaltsova, Yu. L. Bessmertny, A. J. Gourevitch</i>	555
List of Sources and Abbreviations	562
Bibliography	570

ПРЕДИСЛОВИЕ

История крестьянства — одна из магистральных тем в изучении феодальной эпохи. Крестьянство составляло тогда главный производительный класс, основную массу населения. Естественно, что судьбы тех миллионов сельских тружеников, которые возделывали поля, расчищали леса под пашни, разводили домашний скот, растили овощи и фрукты и которые вместе с тем пряли и ткали, шили одежду и обувь, представляют первостепенный интерес для марксистско-ленинской исторической науки.

Интерес к истории крестьянства определяется, однако, не только его ведущей ролью в развитии феодальной экономики. Феодальная общественно-экономическая формация была классово-антагонистической: непрерывная борьба крестьянства — сперва против превращения свободных в зависимых, позднее — против различных форм феодальной эксплуатации — неотъемлемая черта социальной истории средневековья. Эта борьба накладывала свой отпечаток на формирование конкретно-исторического облика феодального общества, во многом обуславливала его политическую эволюцию, так или иначе сказывалась в его духовной жизни. Без познания закономерностей классово-борьбы феодально-зависимого крестьянства немыслимо изучение ни самого этого общественного строя, ни путей смены феодализма капитализмом.

Важность изучения крестьянства определяется также его огромной ролью в развитии средневековой культуры. Трудовой опыт крестьянства, накопленные им производственные навыки и практические знания легли в основу многих производственных достижений средневековья. Свойственные крестьянам представления о мироздании, их социальные устремления отразились на типичной для средневековья «картине мира». Устное народное творчество крестьян, их художественные промыслы оказали очень большое влияние на средневековую литературу и изобразительное искусство.

Столь же несомненна познавательная ценность истории европейского крестьянства. Оно издавна вызывало интерес у ученых разных континентов. И не только потому, что материал европейской истории послужил отправным пунктом в создании ряда исторических концепций и привлек специальное внимание

Предисловие

основоположников марксизма-ленинизма. Нельзя забывать, что исторический опыт народов Европы, включая и их опыт в борьбе против феодализма, занимает достойное место в социальном опыте всего человечества. В полной мере это касается опыта, накопленного народами нашей Родины. Тысячелетняя история феодализма, сохранявшего свое господство в России вплоть до XIX в., как и длительная борьба российского крестьянства и других классов против феодального гнета, в высшей степени поучительна. Рассматривая историю России в едином комплексе с историей других европейских стран, история крестьянства получает широкие возможности для исторических обобщений (тем более, что со времен позднего феодализма в составе России находились, как известно, огромные азиатские территории, простиравшиеся до берегов Тихого океана). Долг историков, изучающих эпоху феодализма, сделать весь материал по истории европейского крестьянства — вместе с вытекающими из него научными выводами — доступным обозрению ученых-обществоведов разных специальностей.

Выполнение этого долга советскими историками тем более необходимо, что глубокий интерес к проблемам аграрной истории составляет примечательную особенность отечественной историографии. Не только изучение судеб российского крестьянства, но и разработка средневековой аграрной истории Франции, Англии, Византии, Испании с давних пор завоевали нашей науке заслуженную славу. Недаром еще до Великой Октябрьской революции сложилось научное направление русской аграрной школы, представителями которого были такие крупные ученые, как П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, В. К. Пискорский, А. Н. Савин и др. Советские ученые в течение ряда десятилетий успешно продолжали аграрные исследования своих дореволюционных предшественников. Достаточно вспомнить получившие широкое признание труды Б. Д. Грекова, Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина, Л. В. Черепнина, А. И. Неусыхина, Н. П. Грацианского и др. Немалая часть советских работ о средневековом крестьянстве Европы переведена на европейские языки и стала достоянием мировой науки.

Опираясь на это историографическое наследие, авторы настоящего издания стремятся обобщить и творчески переосмыслить богатейший материал по истории европейского крестьянства эпохи феодализма, накопленный за последние десятилетия как в советской, так и в зарубежной историографии.

При реализации подобного замысла приходится преодолевать целый ряд трудностей, в том числе и методических. Как

Предисловие

совместить строго исследовательский аналитический подход к истории крестьянства разных районов Европы с поиском обще-европейских закономерностей? Каким образом сконцентрировать внимание на центральных проблемах истории европейского крестьянства, не уступив в то же время из внимания проблемы, важные лишь для судеб крестьянства отдельных регионов?

Путь к преодолению этих и некоторых других трудностей авторы видят в применении марксистско-ленинского типологического подхода. Опираясь на предварительный конкретно-исторический анализ, они выделяют для каждого этапа средневековой истории важнейшие варианты — типы — развития крестьянства и определяют географические рамки преобладания каждого из них. Тем самым выясняются типологические регионы, характерные для основных стадий в истории крестьянства. Самые стадии получают характеристику, во-первых, отдельно для каждого из регионов, а во-вторых — слитно (т. е. в масштабе Европы в целом) по каждому из основных аспектов истории крестьянства (в так называемых проблемных главах).

Такое сочетание проблемных и региональных глав позволяет увидеть в локальном и, казалось бы, уникальном проявлении всеобщего. Облегчаются широкие историко-сравнительные сопоставления крестьянства разных народов и стран, взятых на одном и том же этапе развития. Расширяется возможность постижения общеевропейских закономерностей аграрной истории. Наконец, создаются условия для плодотворного решения — в применении к истории крестьянства — одной из самых трудных задач исторического познания — уяснения общего и особенного.

В своем развитии европейское крестьянство эпохи феодализма пережило три главные стадии, соответствующие основным этапам эволюции феодального строя в целом, — становление, наиболее полное развитие и упадок (в некоторых странах эта последняя стадия предполагала и разложение крестьянства как класса). Каждый из трех томов настоящего издания последовательно освещает судьбы крестьянства на одном из трех основных этапов феодализма. Первый том посвящен возникновению феодально-зависимого крестьянства, второй — крестьянству в период развитого феодализма, третий — крестьянству в эпоху позднего феодализма и зарождения капиталистических отношений. Поскольку каждая из этих стадий начиналась и заканчивалась в разных регионах не вполне одновременно, хронологические рамки отдельных томов не могли быть одинаковыми для всех регионов. В 1-м томе анализ предпосылкам

Предисловие

формирования крестьянства начинается по отношению к некоторым регионам с очень ранних периодов — еще до начала нашей эры. В 3-м томе история феодального крестьянства заканчивается в отдельных странах лишь в XIX в. В результате хронологические рамки издания в целом охватывают более чем два тысячелетия.

*

У истоков настоящего издания стояла плеяда выдающихся советских ученых, не доживших, к глубокому сожалению, до его выхода в свет. Среди его инициаторов и первых организаторов были академики С. Д. Сказкин и Л. В. Черепнин, профессора А. Р. Корсунский, А. Д. Люблинская, А. И. Неусыхин. Невозможно переоценить вклад, внесенный ими в разработку общей структуры данного коллективного труда, в подготовку и обсуждение его отдельных разделов и глав, не говоря уже о ценности текстов тех глав, которые принадлежат их перу.

В течение ряда лет главным редактором «Истории крестьянства в Европе» был С. Д. Сказкин, а после его кончины — Л. В. Черепнин. Их знаниям, опыту, увлеченности и вдохновению мы во многом обязаны тем, что этот труд мог быть создан. Пусть же он будет скромной данью их памяти!

*Главная редакция
«Истории крестьянства в Европе
(Эпоха феодализма)».*

ВВЕДЕНИЕ

Первый том «Истории крестьянства в Европе» посвящен проблемам генезиса крестьянства как основного производительного класса феодального общества в Европе. Анализ этого процесса с позиций марксистско-ленинской методологии требует взаимосвязанного изучения широкого круга вопросов. Нельзя изучать формирование крестьянства, не касаясь генезиса феодальной собственности, складывания класса феодальных землевладельцев, роли возникающего феодального государства, влияния городов, также как и истории социальной борьбы и духовной жизни. Все эти крупные и по сути дела самостоятельные проблемы, каждая из которых могла бы стать предметом особого исследования, освещаются в данном томе лишь в связи с развитием крестьянства и потому в сравнительно ограниченных пределах. Тем не менее внимание им уделяется как в региональных, так и в проблемных главах.

В первой части тома (гл. 1—4) рассматриваются предпосылки возникновения средневекового крестьянства. Среди них в первую очередь анализируются производительные силы общества, естественно-географические и демографические условия, сложившиеся в раннее средневековье. При этом приходится считаться с тем, что уровень производства на заре генезиса крестьянства не превышал тот, который был характерен для высшей стадии развития рабовладельческого античного общества; в некоторых областях он мог быть и ниже. Правда, он превосходил уровень производительных сил, типичный для родо-племенного строя, но возможность поступательного развития общества, и в частности возможность складывания класса феодально-зависимого крестьянства, обуславливалась не столько этим, сколько тем, что феодализм заключал в себе такие потенции дальнейшего роста производства, которые были недоступны ни для родо-племенного, ни для рабовладельческого общества. В целом же уровень средневекового производства оставался еще относительно низким, что делало неизбежным разделение общества на классы — эксплуатирующий и эксплуатируемый, господствующий и угнетенный. «Пока совокупный общественный труд,— писал Ф. Энгельс,— дает продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока, следовательно, труд отнимает все или почти все время огромного большинства общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы. Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусство и т. д.» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 292—293).

Без такого разделения труда был тогда невозможен какой бы то ни было общественный прогресс. Складывание феодально-зависимого крестьянства являлось в этом смысле исторически неизбежным.

Говоря о предпосылках возникновения крестьянства, необходимо также учитывать, что в одних странах Европы феодальная формация сменяла родо-племенной, в других — рабовладельческий строй. Соответственно и в формировании феодально-зависимого крестьянства играли большую роль в одних странах свободные члены варварских племен, полусвободные и рабы родо-племенного общества, а в других — мелкие собственники позднеантичного типа (составлявшие сельский плебс), колонны, вольноотпущенники, рабы позднеантичного общества. На значительной части европейского континента феодализация осуществлялась путем взаимодействия и синтеза элементов разлагавшихся рабовладельческой и первобытно-общинной формаций. Характер и варианты этого синтеза сыграли немалую роль в судьбах крестьянства ряда европейских стран, и потому этот аспект генезиса феодализма рассматривается как в первой, так и во второй частях тома.

Вторая часть тома (гл. 5—13) посвящена формированию феодально-зависимого крестьянства в различных регионах Европы. Этот процесс происходил в течение так называемого раннефеодального периода. Данная ранняя стадия феодальной общественно-экономической формации начинается в различных странах в разное время: в Юго-Западной Европе (т. е. на территории Испании, Италии, Южной Франции) — в VI в., на территории Северной Франции — в начале VII в., в Византии — во второй половине VII в., на Руси — в конце VIII — первой половине IX в. и т. д. Завершение становления феодально-зависимого крестьянства в тех или иных регионах также было асинхронным.

Соответственно хронологические рамки тома для разных регионов не одинаковы.

Сами эти регионы выделены на основе типологического анализа судеб крестьянства в период генезиса феодализма и с учетом принципов этого анализа, разработанных в нашей науке (Удальцова, Гутнова, 1970, с. 1—19). Всего рассматривается девять регионов: Юго-Западная Европа (Испания, Италия, Южная Франция), территория Северной Франции, Германия, Англия, Скандинавия, Русь, южнославянские и западнославянские страны, Венгрия и Византия. Одни из них территориально соответствуют границам формирующихся в дальнейшем государств, другие охватывают лишь ту или иную их часть, третьи объединяют несколько будущих государств¹.

В качестве критериев при выделении типов генезиса крестьянства и соответствующих им регионов учитывались три момента: во-первых, предпосылки становления феодально-зависимого крестьянства, во-вторых, особенности самого процесса его формирования, в-третьих — специфика результатов этого процесса.

Под предпосылками становления феодально-зависимого крестьянства подразумеваются характер производства, социальной структуры, политической организации в эпоху разложения родового или рабовладельче-

¹ Рассматриваемые в томе регионы охватывают все основные части Европы — как Западной и Восточной, так и Северной и Южной. В то же время некоторые географические области остались за рамками тома. В первую очередь это касается окраинных европейских территорий, в пределах которых процесс классового образования еще недостаточно изучен. Внутри рассматриваемых регионов изучается формирование феодально-зависимого крестьянства прежде всего тех народов, развитие которых определяло своеобразие данного региона. Не стремясь, следовательно, к всеобъемлющему географическому охвату, авторы тома сосредоточивают внимание на основных типах генезиса феодально-зависимого крестьянства в Европе.

ского строя, специфика природных условий. Известно, например, что такие страны, как Византия, Южная Италия, Центральная и Южная Испания, в значительной мере сохранили тот относительно продвинутый уровень сельскохозяйственного производства, торговли и городской жизни, который был свойствен Поздней Римской империи. В то же время в Британии, Германии к востоку от Рейна, Северной Испании, Скандинавии и многих других частях Европы уровень агрикультуры был намного ниже и наблюдалось полное господство деревенской жизни и натурально-хозяйственных отношений. Неоднородной, как уже отмечалось, была к началу перехода к феодализму и социальная структура стран Европы. Природные условия, в свою очередь, в разной степени благоприятствовали развитию пашенного земледелия и других отраслей сельского хозяйства в тех или иных зонах континента. Многообразны были в канун генезиса феодализма и формы политической организации общества: сохранение позднеимперского эксплуататорского централизованного государства в одних странах, значительные пережитки системы «военной демократии», действовавшей в интересах всей массы варваров-завоевателей, — в других.

Среди предпосылок становления крестьянства учитывалась и историческая обстановка, в которой развертывалась феодализация, поскольку завоевательные войны и внешние экономические, политические и культурные влияния имели немалое значение для складывания крестьянства.

В число важнейших особенностей самого процесса формирования феодально-зависимого крестьянства, учитывавшихся при выделении регионов, включались характер германо-романского (или славяно-романского, греко-славянского) синтеза, влияние античного наследия, роль государства в процессе феодализации крестьянства и самый темп образования этого класса.

Наконец, под результатами процесса формирования феодально-зависимого крестьянства, также включенными в критерии типологизации, имеются в виду различия, обнаруживающиеся к концу рассматриваемого периода в структуре класса непосредственных производителей, в формах крестьянской зависимости (в частности, в соотношении ее частно-сеньориальных и государственных форм), в преобладающей форме ренты и в специфике крестьянской общины.

Все названные критерии типологизации рассматривались как неразделимый комплекс. Именно комплексное их применение и позволило выделить девять упомянутых выше регионов.

Региональный принцип анализа тех процессов, которые привели к становлению класса крестьянства в Европе, разумеется, не означает, что авторы тома в какой бы то ни было мере недооценивают важность выделения основных закономерностей, действовавших в масштабах всего континента. Эти основные закономерности были в поле зрения авторов всех региональных глав, они — в центре внимания в третьей части тома и в заключительном его разделе.

Не предвосхищая последующего изложения, коснемся здесь лишь некоторых стержневых посылок исследования, и прежде всего понятия «крестьянство».

Для раннефеодального периода, когда наряду с формирующимся феодальным крестьянством сохранялись остатки сельских классов предшествующих обществ, мы считаем возможным различать понятие «крестьянство» в широком и узком смысле. Крестьянство в широком

смысле охватывало всех мелких сельских производителей, которые вели индивидуальное хозяйство собственными силами и средствами производства и для которых трудовая деятельность составляла их важнейшую социальную функцию. Будучи, таким образом, непосредственными производителями, крестьяне в этом понимании противостояли господствовавшим в обществе классам или слоям. В то же время они четко отграничивались, с одной стороны, от рабов как бесправных тружеников, не имевших возможности вести хозяйство собственными орудиями труда и находившихся как бы вне общества, а с другой стороны, от тех свободных членов родо-племенных обществ, для которых сельскохозяйственное производство еще не приобрело основополагающего значения и которые еще не стали непосредственными производителями, противостоящими правящей верхушке. Соответственно, крестьянство в широком смысле охватывало в раннефеодальный период, помимо собственно феодально-зависимых крестьян, эксплуатируемых мелких земледельцев позднеантичного происхождения, имевших свободный статус, а также тех рядовых свободных разлагавшихся варварских обществ, для которых занятие сельским хозяйством стало главным видом их деятельности и которым все более противостояла возвышавшаяся знать.

Под крестьянством в узком смысле мы предложили бы подразумевать основной производящий и эксплуатируемый класс феодальной формации.

Феодальная зависимость этого класса была одним из существеннейших проявлений отношений феодальной собственности. Эта зависимость предполагала подчинение крестьян экономической, судебной, административной и политической власти крупных земельных собственников и соответствующее ограничение личных прав крестьян. Своеобразие этой зависимости во многом обуславливалось тем, что феодальный крестьянин являлся владельцем земли, т. е. вел собственное хозяйство на чужой земле, которая «противостояла» ему «как находящаяся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 358). Особенностью феодально-собственнических отношений было, следовательно, отделение собственности от владения. Это отделение относилось к одному и тому же реальному объекту: те же самые участки, которые составляли владение крестьян, являлись собственностью их феодальных господ.

Именно вследствие этого реализация земельной собственности феодалов предполагала их судебно-административное и политическое господство над личностью крестьян.

В свою очередь, самое феодально-зависимое крестьянство раннефеодального периода не было единым по своему социально-правовому положению.

Значительную часть крестьянства составляли держатели земли того или иного отдельного сеньора. Другая часть крестьян, хотя и не входила в состав держателей какой бы то ни было сеньории, находилась в судебно-политическом подчинении отдельных сеньоров или же феодальных государей — королей, императоров, князей и т. п. Отсутствие у таких крестьян поземельной зависимости не исключало при определенных условиях феодального характера их подчинения земельным собственникам. Ибо феодальная природа крестьянской зависимости обуславливалась не тем, являлся ли господином крестьянина светский сеньор, монастырь или же государь — представитель государственно-корпоративного господ-

ства феодалов, — по содержанию феодально-собственнических отношений.

Эти соображения о феодальной собственности, феодальной зависимости и зависимом крестьянстве не претендуют на сколько-нибудь полное воспроизведение тех теоретических положений, из которых исходили авторы тома в своем конкретном исследовании судеб европейского крестьянства.

Более подробно об этом говорится в тексте книги.

Необходимо, однако, иметь в виду, что данная работа представляется, на наш взгляд, актуальной не только потому, что в ней обобщаются итоги исследований нескольких поколений советских историков-медиевистов, но и поскольку в ней предпринимается попытка выявить исследовательские лакуны, уяснить вопросы, требующие дальнейшей разработки, наметить пути возможного решения спорных проблем. По некоторым вопросам генезиса феодально-зависимого крестьянства современная медиевистика не имеет однозначных решений. Соответственно, не дает таких решений и данный том, в разных главах которого содержатся подчас не тождественные суждения. Это относится, в частности, к трактовке различий частно-сеньориального и государственного крестьянства и критериев их разграничения (ср. гл. 10 и 14). Это касается также оценки характера германской общины раннего средневековья и роли процессов ее внутреннего разложения в возникновении феодальной зависимости (ср. гл. 3 и 4, 6 и 7)². Расхождения затрагивают и некоторые вопросы классификации категорий крестьянства (в частности, возможности выделять в рассматриваемый период крепостных крестьян).

Итоги исследования основных спорных проблем резюмированы в заключительном разделе тома.

Не имея возможности предпослать изложению всех рассматриваемых проблем обстоятельные историографические экскурсы (что непомерно расширило бы объем тома), авторы старались дать хотя бы сжатый критический анализ основных взглядов по наиболее важным и спорным вопросам, высказываемым в современной литературе. Включение историографических разделов в позитивное изложение придает научной полемике конкретность и позволяет эффективнее доказывать действенность и преимущества используемого исторического подхода.

² Указанные расхождения в трактовке германской общины в немалой мере обусловлены тем, что редколлегия не считала возможным вносить какие бы то ни было принципиальные коррективы в главы, подготовленные в свое время А. И. Неусыхиным, скончавшимся в 1969 г. (см. гл. 4), и А. Р. Корсунским, который скончался в 1980 г. (см. гл. 5 и 14). Публикуя тексты этих глав, насыщенные ценным конкретно-историческим и теоретическим материалом, с минимальными редакционными изменениями, редколлегия в то же время включила в том специальную главу об аграрном строе варваров (гл. 3), в которой на основе использования новейших материалов предлагается иная, чем в главах А. И. Неусыхина и А. Р. Корсунского, трактовка эволюции германской общины в раннее средневековье. Не совпадающие с концепциями А. И. Неусыхина и А. Р. Корсунского положения о путях формирования ранне-средневекового крестьянства обосновываются на основе привлечения новых материалов и в ряде других глав тома (гл. 6, 8, 9, 11). Что касается главы «Формирование крестьянства на Руси», написанной академиком Л. В. Черепнинным (скончавшимся в 1977 г.), то в нее были дополнительно включены лишь некоторые новейшие библиографические данные, подготовленные В. Д. Назаровым.

Введение

*

Все ссылки на источники и литературу даются непосредственно в тексте. Единый список цитируемых источников и сокращений помещен в конце тома. При ссылках на литературу в тексте указываются лишь фамилия автора и год издания цитируемой работы. Полные выходные данные приводятся в конце тома в списке литературы к каждой главе, где все упоминаемые работы помещены в алфавитном порядке их авторов (или названий — для коллективных трудов)³.

Указатель ко всему изданию будет дан в последнем, третьем томе.

³ Бригадир тома кандидат исторических наук Л. П. Репина. Библиография составлена и иллюстрации подобраны Ю. Р. Ульяновым.

І. Предпосылки возникновения феодално-зависимого крестьянства

ПРИРОДНЫЕ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МАТЕРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ В ЕВРОПЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Природные условия

Географическая среда — одна из составных частей материальных условий жизни общества. Она служила естественной основой трудовой практики, предпосылкой самого процесса производства материальных благ и в совокупности своих элементов прямо влияла на характер и состояние производительных сил в целом, на типы орудий труда, уровень трудовых навыков и производственного опыта крестьянства раннего средневековья. В одних случаях она ускоряла, в других замедляла развитие производительных сил и регулировала степень выживания человеческого коллектива; менялся характер первоначальной взаимосвязи крестьянина и окружающей его природы. К XI в. непосредственные производители стали успешнее адаптироваться к природе и подчинять ее себе. А географическая среда, дав первоначально толчок прогрессу материальной культуры в определенном направлении и обусловив конкретное состояние производительных сил, затем постепенно оказывала все более слабое воздействие вследствие того, что, преобразованная человеком, она нередко изменялась в более благоприятную для него сторону, а также потому, что по мере развития цивилизации с каждым новым веком эта цивилизация уже по-иному поддавалась влиянию естественной среды, преломляя его через собственные достижения. Люди раннего средневековья, считаясь с окружающими их условиями и строя сообразно с ними свою жизнь, использовали предыдущие хозяйственно-технические успехи и, опираясь на них, шли дальше. Природа же продолжала действовать с прежней сезонной периодичностью и в рамках тех же внешних параметров, если не считать случаев внезапных катастроф либо стихийных бедствий (Алексеева, 1977, с. 231, 250). Поэтому изменения географической среды в Европе VI—X вв., происходившие сравнительно медленно, резко отставали по темпам своего выявления от изменений, вносимых трудом крестьян и быстрее влиявших на ход исторического процесса.

Таким образом, главная функция природной среды как исходной производительной силы проявлялась по-разному. Человек VI—X вв., ушедший вперед по сравнению с человеком эпохи родового строя, тем не менее был основательно связан с окружающей средой. Так, климат влиял на выбор людьми открытого, полукрытого или закрытого типа жилища с разными режимами их эксплуатации. Связь труженика с природой была здесь прямой. Но она была опосредована феодальной структурой, когда крестьянин пахал землю на сеньора; охотясь, прятался от королевского лесничего; собирал виноград для уплаты оброка, т. е. окружающая среда проявляла себя в качестве компонента производительных сил, сложнейшего экономико-социальными факторами. А примат в преломлении среды сквозь социальную призму принадлежал земле — главной кормилице, пахали ли ее, охотились ли на ней или пасли скот. И собирателям, и охотникам, и скотоводам, и земледельцам она служила преимущественным средством производства (Шевеленко, 1969, с. 98).

Преобразование природы выступало в жизни крестьян антропогенным (порожденным людьми) фактором первичного порядка. А поскольку классовая борьба, феодальная социально-политическая система, формы идеологии, особенно по мере их усложнения и модификации, с течением времени тоже начинали воздействовать на производительные силы, включая географическую среду, — это влияние в повседневной жизни становилось таким же антропогенным фактором, но уже вторичного порядка. Например, попав на Сардинию, арабы внедрили каноны Корана; после этого жители острова перестали употреблять в пищу свинину, свиноводство было заброшено, домашние свиньи одичали, леса наполнились кабанами. На полях завоеванной ими Сицилии арабы сажали азиатские растения, и ее флора обогатилась сахарным тростником. В 988 г. Русь крестилась; вскоре православная религия ввела неизвестные ранее славянам-язычникам ритуальные запреты и праздники, в том числе Мясопуст и Мясоед. К одному приурочивалось потребление постной пищи, что способствовало развитию огородничества и появлению на приусадебных участках новых видов полезных культур; другой стимулировал заботу домашних и диких животных выше обычного уровня и снижал их поголовье.

Со своей стороны, природные условия, уже измененные деятельностью непосредственных производителей, тоже оказывали влияние вторичного порядка. Так, в процессе крупных расчисток лесов с последующей их распашкой, начавшихся в конце I тыс. н. э., видовой состав и география растительного мира становились другими. Ежегодные покосы трав и злаков на одних и тех же местах способствовали образованию ранних (цветущих и плодоносящих еще до покоса) и поздних растительных видов; в результате появился сезонный диморфизм растений с укороченным у некоторых из них циклом развития. Датчане и шведы к началу II тыс. н. э. сильно вырубали в своих странах дубовые и еловые леса; вместо них вырастали буковые. В свою очередь, на жизнь крестьян особенно заметное воздействие оказывала географическая среда, ранее неоднократно изменявшаяся трудом людей и являвшаяся не только порождением природы, но и частичным следствием биотического фактора: в древнеримские времена Паннонию покрывал густой лес; с первых столетий нашей эры туда вторгаются различные пришельцы; через Паннонию прошли десятки племен — иранских, германских, славянских, тюркских, угро-финских, монгольских. Бушевали пожары, конница топтала поля, вековые деревья рубили для устройства завалов и городищ; постепенно лес сходил на нет, а его место заняли ксерофиты (засушливые растения степей). Паннонская степь — историческое новообразование — вызвала к жизни иные методы земледелия и скотоводства, а формы быта оседавших там племен менялись в раннем средневековье буквально на глазах (Györfy, 1983; Растительный мир..., 1982, т. 1, с. 72; Vághy, 1969).

Вообще внешний облик Европы в V—X вв. подвергся существенным преобразованиям. Первичных природных ландшафтов существовало в начале средневековья гораздо больше, чем ко II тыс. Все активнее проявлялась роль труда непосредственных производителей. Они распахивали поля, вырубали леса, сжигали растительный покров, осушали болота, долбили камень и мрамор, строили замки, монастыри и дома, спускали воду из озер, возводили плотины, мельницы, мосты и акведуки, рыли каналы и шахты, сооружали насыпи. Нерасчетливая пастьба скота и сведение лесов обусловили появление густой сети балок и оврагов. В результате естественные ресурсы оскудевали, на тружеников обрушивались ме-

1. Возникновение феодально-зависимого крестьянства

ведомые им прежде беды. Резче всего это сказалось в земледелии (Lambert, 1971, p. 100; Растительный мир., 1982, т. 2, с. 177).

Чем интенсивнее внедрялись его прогрессивные системы, тем сильнее нарушалась гармония различных компонентов флоры. Поля крестьян в раннефеодальную эпоху буквально зарастали сорняками, которые стали одним из худших врагов земледельца. Сорняки сопровождали людей по мере их миграций и расселения: «пришлым» сорнякам сопутствовали местные. Вначале безобидные, они быстро вторгались в огороды и на пашни (Растительный мир, 1982, т. 1, с. 77—80). Одновременно крестьяне познавали свойства различных полевых растений, в результате чего появились первые средневековые травники (описания лекарств, приготовляемых из трав) и лечебники (описания болезней, к которым приложили эти лекарства). Так человек и силы природы определяли естественный и искусственный отбор некультивируемых диких растений, влиявших на сельское хозяйство и на санитарное состояние населенных пунктов (Общество и природа..., 1984).

Арктический, субарктический, умеренный и субтропический географические пояса Европы в ту эпоху распределялись несколько иначе, чем впоследствии. В арктическом поясе (пространство от Северной Исландии на западе до Новой Земли на востоке и от Земли Франца-Иосифа на севере до северной оконечности Норвегии на юге) среднеянварская температура воздуха равнялась -15° , среднеиюльская $+5^{\circ}$; зимнее давление воздуха было низким, а летнее — умеренным. Зимой дули южные ветры с континента, летом — северные, морские. Годовая сумма атмосферных осадков составляла около 600 мм. Почвы — тундровые, вечномерзлотные, местами с ледниками; растительность и животный мир — скудные и однообразные. Этот пояс был наименее благоприятен для жизни и производительной деятельности человека. Поэтому в период раннего средневековья население там было очень редким, а его трудовая деятельность оказала слабое влияние как на общеевропейское состояние производительных сил, так и на эволюцию феодального общества.

Субарктический пояс был лишь ненамного удобнее предыдущего для освоения его крестьянством. Он простирался по Южной Исландии и вдоль берегов Баренцева моря. Ему были присущи те же летние изотермы, но при зимних со средним повышением на 5° и резким перепадом температур по мере удаления на восток от теплого течения Гольфстрима. Осадков в год выпадало примерно 350 мм. Почвы — тундровые, лесотундровые и горно-тундровые, с вечномерзлотными включениями, местами подзолистые; растительность и животный мир — чуть разнообразнее, чем в Арктике. Общее значение этого пояса в европейском балансе было ненамного выше.

Умеренный пояс охватывал большую часть Европы. Его июльская изотерма $+20^{\circ}$, а январская — от $+5^{\circ}$ в Приатлантике до -5° в Центральной Европе и -15° в Восточной, при умеренных изобарах. Осадков на резко выдвинутых в Атлантику участках суши выпадало около 1500 мм, в остальной части пояса — около 750 мм. Зимой дули преимущественно континентальные, восточные ветры, а летом — морские, западные. Северная зона имела подзолистые, дерново-подзолистые и горно-подзолистые почвы с хвойными и смешанными лесами; центральная зона (от Англии до среднерусского района и от Ютландии до Альп) — подзолистые, бурые и серые почвы со смешанными лиственными лесами; юго-восточная зона (от Причерноморья до Приуралья) — чернозем с лесостепной и степной растительностью. Животный мир этого пояса в пре-

делах Европы был наиболее разнообразным. По природным условиям и успешности освоения крестьянством к концу раннего средневековья данный пояс занял первое место.

Субтропический пояс включал в Европе зоны средиземноморскую, степную, или полупустынную (Кастилия, частично Северный Кавказ с Прикаспием), и субтропических лесов. Для него были характерны январские изотермы от $+15^{\circ}$ в Южной Испании до -5° на Кавказе и июльские $+15^{\circ}$ при почти неизменном годовом давлении в 764 мм на западе и понижении летней изобары к востоку на 6 мм. Осадки здесь выпадали крайне неравномерно: их годовая амплитуда колебалась от 2000 мм в Аджарии или Галисии до 400 мм в Греции и 200 мм в Прикаспии. Почвы были бурые, серые и коричневые, растительность лиственная, степная или жестколистная вечнозеленая. Чрезвычайно благоприятный в древности для деятельности человека, слабо оснащенного технически, этот пояс по экономическому значению постепенно отходил в раннем средневековье на второе место (Алисов, Полтараус, 1962, с. 135—158; Силицын, 1967, с. 191; Марков, 1960, с. 244 и след.).

По типу и формам ландшафта природные зоны Европы в пределах сравнительно малой площади были разнообразны, как ни в какой иной части света: континентальные на востоке и приморские на западе, при среднем соотношении единиц площади материкового пространства и побережья лишь 30:1 (в Азии — 100:1) и сильнейшей изрезанности берегов, что чрезвычайно благоприятствовало развитию морских сношений; высокогорные в Альпах и на Кавказе; горные в Испании, Шотландии, Норвегии, ряде мест Центральной и Южной Европы; равнинные или холмисто-равнинные в большинстве районов и низинные в Прикаспии; лесные на севере и в центре Европы; степные на юго-востоке и (вкраплениями) на юге; озерные на севере и в Швейцарии; болотистые на северо-востоке; исключительно плодородные на основной части территории при крайнем неплодородии отдельных мест в горах, ледниках и полупустынях; наконец, достаточно снабженные теми первичными полезными ископаемыми (железо, глина, строительный камень) и другим природным сырьем, без которого не могли бы развиваться производительные силы раннего средневековья, — таковы разноликие свойства этих зон.

Климат Европы раннего средневековья, постепенно переходивший от суббореального к субатлантическому, в целом стал более влажным, чем в древности. Лес надвигался на степь, тундра — на тайгу. Лесостепь изъели торфяники. Ель вытесняла лиственные деревья. Уровень воды в озерах первоначально возрос. При этом в сухих зонах временное общее усыхание, начавшееся в I в. н. э., сменилось в V в. увлажнением, за которым в X в. последовало новое усыхание, а в XI в. — опять увлажнение. Во влажных зонах процесс разворачивался в обратном порядке. Наиболее засушливой была пора с 500 до 700 г. Одновременно распространялось общее потепление в рамках VI—XIII вв. (Man Made the Land, 1973, p. 11—190; Aalen, 1978, p. 38 s.; Smith, 1967, p. 8—9; Sandström, 1968, s. 171). В результате климат южных районов медленно становился сравнительно не столь влажным в противоположность климату северных районов, куда интенсивно проникали южная флора и фауна, так что в целом растительность и животный мир Северной Европы в видовом отношении обогащались. На юге же грунтовые воды уходили глубже в землю, уровень озер спадал, болота пересыхали, а флора и фауна беднели. Увеличилось пространство под лесами на севере, под лугами на юге. При этом большая часть Европы испытывала воздействие Атлантического

океана, постепенно исчезающее к Уралу, в рамках перехода от морского климата на западе до континентального на востоке и с убыванием количества осадков с северо-запада на юго-восток (Prehistorie, 1969, s. 49; Le Roy Ladurie, 1967, p. 287 s.; Борисенков, 1982, с. 23—25).

Охарактеризованные выше географические константы и происходившие в них изменения сыграли определенную роль и в расселении земледельцев. Понижение уровня болотно-речных вод у Северного моря и частичное отступление последнего в сочетании с повышением плодородия тамошних земель способствовали в начале средневековья освоению саксами территории по нижнему течению Везера, Хунте, Хазе и Эмса; фризы прочно осели севернее устья Рейна (там, где во II тыс. н. э. образовался залив Зейдер-Зе), а салические франки стали легко проникать в Токсандрию. Отчасти в силу изменения климатических условий, послужившего одним из толчков к социально-экономическим переменам, некоторые германские и славянские племена смещаются на юг. Исчезновение льдов на море вокруг Исландии облегчило ее заселение в 870—930 гг. норвежцами и открытие ими Америки к концу раннего средневековья.

Долины рек, смешанные и лиственные леса, особенно лесостепи превратились в район обитания оседлых земледельцев, а прикаспийско-причерноморские степи и их продолжение к западу — кочевников. Покрывшиеся более густыми, чем раньше, травами и расширившиеся луга Подонья, Поднепровья, Поднестровья и Подунавья привлекали скотоводов. Сдвигая соответственно готов, алан и хазар, начали кочевать в поисках новых мест обитания вплоть до Карпат и Альп гунны (IV—V вв.), авары (VI в.) и венгры (IX в.). Их прорыв далее на запад и юг облегчался наметившимися тогда изменениями в природе гор: горное оледенение спадало, проходимость перевалов повысилась, торфяники заросли лесом и кустарником, а селения горцев переместились ближе к вершинам. Обилие пастбищ Приазовья способствовало быстрому численному росту местных кочевников-болгар: избыток населения, воздействуя на производительные силы, а также различные факторы социально-политического порядка заставили одних болгар оседать в VII в. в Поволжье, других — уходить на Балканы; их место заняли хазары (VIII в.), а затем печенеги (IX в.) (А. Федоров, Г. Федоров, 1978; Wachrach, 1973).

Когда в раннее средневековье славяне заселяли Верхнее Поднепровье, Средне-Русскую возвышенность и Волго-Окское междуречье, этот процесс был обусловлен у них сдвигом в развитии производительных сил. Но действовал и природный фактор: славянская миграция, направлявшаяся в области, пригодные для земледелия, в дерновую, сплошь открытую степь, подвластную кочевникам, проникала только отдельными «языками» вдоль рек; в луговой же степи с ее тучным черноземом и многочисленными рощами поляне и северяне, используя благоприятные природные условия, оседали густыми «гнездами», переходившими в систему поселений, учащавшихся по направлению к лесостепи, которая тянулась тогда далеко к югу (Ляпушкин, 1968, с. 128, 166). Даже Киев считался едва ли не лесным городом: «и быше около града, — отмечает русский летописец, — лес и бор велик» (Летопись..., 1897, с. 8). Наконец, прорезавшая этот переходный район, подлинную житницу восточных славян, днепровская речная магистраль с ее притоками являлась осью торговых и политических связей между Севером и Югом, а также между оседлым, земледельческим и кочевым, скотоводческим мирами. Тут происходили наиболее ожесточенные сражения пахарей со степняками и там же легче налаживались затем межплеменные контакты.

Природа содействовала, далее, «внутренним» перемещениям народов и племен, приводившим к лучшему освоению занятых прежде территорий и к интенсификации производства. Общее потепление в период раннего средневековья благоприятствовало тому, что уже к X в. норвежцы били китов и тюленей у самых паковых ледовых полей. Новгородцы сеяли хлеб на моренных песках и глинах Севера. Сумь строила каменные дома среди льдов. Шведы использовали озы — естественные насыпи, созданные когда-то движением льдов, как пути сообщения в лесных болотах. Исландцы изготовляли кирпичи из послеледниковой моренной глины. Швейцарцы-реты пасли скот на высокогорных лугах, рядом с ледниками. Савояры использовали таяние альпийских ледников для орошения низинных полей (Бетин, Преображенский, 1962; Шевеленко, 1969).

Особенное быстрое и прямое влияние на жизнь, занятия и местопребывание людей оказывали стихийные бедствия: внезапное похолодание, глубокий снег, жестокая или длительная зима, наводнение. Источники V—X вв. переполнены ссылками на такого рода факты (Бетин, Преображенский, 1962, с. 18 и след.). Легче приспособлялись люди к капризам природы в Средиземноморье с его относительно стабильным климатом, труднее — в умеренно-континентальной зоне, где резко менялись температуры, причем благополучие кочевого населения зависело от климата в большей степени, чем земледельческого: засуха сразу порождала бескормицу, падеж скота и обуславливала вымирание целых родов и племен. Когда же дожди шли необычно часто и обильно, тотчас обогащался травяной покров, возрастало поголовье скота и сокращалась площадь свободных пастбищ. Это вызывало необходимость поиска новых мест обитания, и оседло-кочевые народы, регрессируя в своем развитии, переходили порой к чисто кочевым формам быта. Весьма чувствительными в этом плане были последствия общего длительного увлажнения засушливых районов Евразии после IV в. н. э. Оно способствовало массовым передвижениям кочевников и в конечном итоге повлияло на Великое переселение народов. Земледельцы же раннефеодальной Европы легче принарабатывались к климатическому разнообразию, ибо их материальные ресурсы и резервы производства были значительно шире. Поэтому оседлые цивилизации всегда обладали лучшей выживаемостью, чем кочевые. Тем не менее в раннесредневековом, главным образом варварском обществе Европы, хотя и оседлом, в связи с низким уровнем развития производительных сил пределы выживаемости крестьян оставались невысокими. Если же численность непосредственных производителей быстро возрастала, то материальные возможности данной географической зоны оказывались исчерпанными, и тогда ее население сдвигалось с места. Чем дальше на север, чем ближе к скудному ресурсами арктическому поясу, тем это случалось в оседлых цивилизациях чаще. Вот почему коренные оседлые жители Южной Европы в V—X вв. перемещались и пускались в странствования гораздо реже, чем Северной (Вихтоп, 1971, сар. VI).

В свою очередь смена места жительства влекла за собой перемены в экономике и общественной жизни: изменялись климат, ландшафт и почва, а вслед затем и трудовые занятия. Новые природные условия диктовали необходимость обновления методов ведения хозяйства, что приводило потом к переменам в общественных отношениях. Выпадение осадков сразу же вызывало повышение или снижение урожайности. Ее сокращение заставляло, в свою очередь, свободного земледельца отказываться от голодного существования на уже обжитом месте: он отправлялся в военный поход. Порою целые коллективы в течение многих лет переселялись

в отдаленные районы, сменяя оседлое земледелие как постоянное занятие на полукочевой образ жизни, основанный на скотоводстве либо на ограблении встречных обществ (Вихтов, 1971, сар. V). Севернее, в Субарктике, наряду с отмеченными выше климатическими изменениями, наибольшую роль сыграло еще и общее воздействие Гольфстрима. Задолго до новой эры постепенно повернувший свои воды к Европе и донесший их до Баренцева моря, он столь благотворно повлиял позднее на освоение людьми I — начала II тыс. субарктической зоны, что новгородцы стали заселять даже северо-западные районы Кольского полуострова.

Общение труженика с природной средой проявлялось также в установлении определенной системы взаимоотношений человека и естественно-географических условий: чем больше имелось в этой системе вторичных элементов, определявшихся техническим творчеством, тем выше стояла данная цивилизация и тем насыщеннее и разностороннее оказывался крестьянский быт (Одум, 1968, с. 16). Несмотря на опустошения, причиненные вторжениями варваров в провинции Западной и Восточной Римских империй, в целом общества более благоприятного в природном отношении Средиземноморья V—VII вв. значительно превосходили по уровню развития общества Северной и Центральной Европы. А внутри последних в течение всего раннего средневековья впереди шли оседлые земледельцы, трудившиеся преимущественно на равнинах умеренного пояса.

Природный фактор определял многие стороны бытия. Так, огромную роль в жизни человеческих коллективов играли реки, моря и горы. Земледельцы, выбирая место поселения, в первую очередь учитывали гидрологический фактор и ориентировались на озерные и речные берега. При наличии проточной воды они могли основать поселок даже на тяжелых подзолистых почвах, а без нее не шли и на отличный аллювий. Предпочитали берега средней высоты, с четкой кромкой, по возможности изрезанные ручейными оврагами. Мест очень крутых или, наоборот, болотистонизинных избегали. При одинаково благоприятных гидрологических условиях обращали внимание уже на почву, причем если ее покрывал лиственный лес, то охотнее набирали участки, поросшие дубом и грабом: папшия здесь получалась лучше. Между притоками крупных рек возникали целые деревни, жители которых (на Руси их называли волочане) имели катки, канаты и повозки для перетягивания и переноса судов из одной водной системы в другую (Русанова, 1973, с. 8; Probleme, 1966, S. 172; Алексеев, 1966, с. 89).

Немаловажным было значение водных преград и для разграничения отдельных обществ. Охраняемые со всех сторон устьями широких рек и болотами, фризмы, например, смогли сравнительно успешно отстаивать свою независимость и от Меровингов и от Каролингов. Роль морей как фактора не только связующего, но и разъединяющего, отчетливо проступает в судьбах жителей Британских островов. Островное положение оказало сильнейшее влияние на всю их историю. А то обстоятельство, что жителям Сицилии в раннефеодальные времена трудно было покинуть свой остров, отчасти способствовало упрочению их зависимости от различных завоевателей, поочередно захватывавших Сицилию в V—X вв.: вандалов, византийцев, арабов и норманнов.

Масса переплывавших в Центральной Руси водных путей сообщения породила возможность успешно заниматься рыбной ловлей, налаживать волоки и облегчила развитие торговых сношений. Полноводные весенние разливы стимулировали прогресс не только земледелия и луговодства, но и судоходства. Правые берега рек, текших на юг, выше левых; поэтому

славяне возводили свои укрепленные селения именно на первых, что облегчало им борьбу с кочевниками.

Чрезвычайно разностороннее воздействие на быт крестьян оказывал лес. От лесотундры до Средиземного и Черного морей Европа была тогда почти сплошь лесным регионом, и роль лесных просторов в общественной жизни чувствовалась чрезвычайно сильно. Во многих районах вся крестьянская культура развивалась «в тени лесов». Это сказывалось на всем, начиная с процесса производства и кончая освящением деревьев и иными проявлениями характерной идеологии. Но поскольку главная связь природы с крестьянским трудом осуществлялась у большинства коллективов через землю, — преимущественными занятиями непосредственных производителей в раннефеодальный период, соответственно тогдашнему уровню развития производительных сил, были также отрасли сельского хозяйства, как земледелие (долинное и равнинное) и скотоводство (Ключевич, 1971, с. 30 и след.; Dhondt, 1976, p. 106; Fourquin, 1971, p. 28—32).

2. Народонаселение

Главной производительной силой раннесредневекового общества было население. Для той эпохи данные о демографических процессах, которыми располагает наука, носят приблизительный характер (Ann. de démogr. hist., 1968, p. 43). Изучение демографических процессов в европейской деревне V—X вв. затрудняется отсутствием твердой базы, поскольку сравнительно скудные данные источников с трудом поддаются массовой статистической обработке. Переписи в сугубо демографических целях тогда, естественно, не производились. Косвенные же сведения позволяют оперировать лишь вероятностным исчислением либо комбинацией показателей, заимствуемых из локальных источников: полиптиков (описи монастырских владений), дарственных книг (перечни завещаний в пользу церкви, так же картулярии — сборники дарственных грамот), различных официальных актов (реестры прекариев, бенефициев и иммунитетных пожалований, капитулярии, указы, имперские и королевские дипломы, эдикты) и мн. др. (Ann. de démogr. hist., 1975; Guillaume, Poussou, 1970, chap. II, § 1). При всем богатстве статистико-математического аппарата, используемого при подсчетах в современной демографии, сколько-нибудь полной картины демографического состояния деревни той поры еще нет. Нескольку лучше изучены лишь миграции, так как они полнее отражены в источниках (Trebici, 1975; Weeks, 1978).

Средние подсчеты, точность которых остается сомнительной, показывают, что в Италии к V в. проживало 4—5 млн. человек коренного населения, на Балканах — 2 млн., в Галлии — 4—5 млн., в Испании — около 4 млн., на Британских островах с Ирландией — 0,5—1 млн., в Германии — 0,5—3 млн. человек. В результате многочисленных эпидемий и разрушительных вторжений варваров число жителей резко убавилось, например в Галлии до 3 млн., на Балканах до 1 млн. В V в. европейское население достигло своего минимума, с VII в. опять растет и к XI в. достигает на Балканах приблизительно от 2 до 4 млн. человек (а вместе с малоазийскими районами Византии — 7 млн.), в Италии — от 5 до 7 млн., во Франции — 6 млн., на территории современных Бельгии и Нидерландов — 0,7 млн., в Испании — от 4 до 9 млн., на Британских островах с Ирландией — 2 млн., в скандинавских странах — 1 млн., в Германии — 3,5 млн., на территории нынешних Швейцарии и Австрии — 1 млн., на территории современных Чехословакии — 1 млн., Венгрии — 0,5 млн.,

Польши — 1 млн., в Восточной Европе — от 4 до 10 млн. человек (Маркузов, 1967, с. 390; Козлов, 1969, с. 240 (табл.); Василик, 1976, с. 16; Slicher van Bath, 1970, S. 190; Tuma, 1971, p. 50; McEvedy, Jones, 1978; Santa-Ritta, 1979, p. 41).

Плотность населения была тогда сравнительно невысокой, особенно в V—VI столетиях. Населенные пункты, весьма разобщенные на большей части Европы, очень редко шли сплошной полосой, за исключением отдельных мест в речных долинах и возле морских берегов. Чаще наблюдалось «гнездование» деревень неправильными группами, связанное с наличием плодородных земель, пересечением основных сухопутных и водных путей сообщения, размещением экономических и политических центров. Остальные селения были как бы «вкраплены» в природу. Если на рубеже II тыс. н. э. в Британии плотность населения в Дэнло составляла 12 человек на кв. милю и 8 — в Центральной Англии, то лишь 3 — в Корнуэлле и 2 — в Уэльсе. Сельское население росло в ту эпоху довольно медленно. Только к концу I тыс. н. э. наблюдается заметный прирост плотности населения, особенно в речных долинах. Заселяются горы, лесные и степные просторы. Восстанавливаются и даже расширяются многие старинные города, появляется масса новых городов и, в первую очередь, деревень. Если в долине Мозеля в конце VIII в. насчитывалось 340 селений, то в конце IX в. — 490, в конце X — 590, а в конце XI в. — 830 (Шевеленко, Демографич. заметка, 1981, с. 218).

В период раннего средневековья примерно треть жителей гибла в войнах и стычках или умирала от голода и болезней в возрасте до 8 лет (Урланис, 1960). Ежегодно смерть забирала не менее 1% населения. Средний срок жизни европейца составлял, по-видимому, не более 40—45 лет; в Восточной Европе составлял 34—39 лет. Средний женский возраст был на четверть короче мужского. Молодые люди массами умирали вследствие сильно распространенного рахитизма и плохого питания. Населенность зависела и от числа детей в семье. Для V—VIII вв. характерна в основном малодетность. В IX в. у наименее обеспеченных крестьян и ремесленников было в среднем не более чем по одному — три ребенка. Это объясняется не только социальными факторами, но еще и тем, что девушки быстро теряли здоровье из-за раннего вступления в брак (между 12 и 15 годами). Кроме того, нужно принять в расчет безбрачие части населения (монахи, а также лица, по разным поводам давшие обет безбрачия). Так, в Италии VII в. в браке состояло только 45% всех жителей, в Северной Франции IX в. — столько же (т. е. три четверти населения брачного возраста), в Провансе — чуть более 30%, в Германии — даже менее 30% (или 60% населения брачного возраста) (Bach, Dušec, 1971, S. 145; Herrmann, 1971, S. 180; Reinhard, Armgengaud, Dupaquier, 1968, chap. 5).

Тяжело отражались на населении бесконечные голодовки и частые эпидемии. Временами сильные голодовки сопровождались людоедством. Не будучи массовым явлением, оно достаточно четко фиксируется источниками V—X столетий, в отдельных случаях из века в век. Сравнительно низкий уровень развития производительных сил не давал людям той эпохи никаких гарантий благополучного существования. Как известно, долина Рейна — один из древнейших, хорошо освоенных и цивилизованных районов Европы с давно устоявшейся системой производства материальных благ; тем не менее на рубеже I и II тыс. там случались сильные голодовки каждые три-четыре года. Тяжелые голодовки знала Древняя Русь: для второй половины X в. известно не менее пяти таких:

выморочных явлений. Страшным бедствием являлись массовые заболевания, перераставшие в пандемии. Когда вспыхнувшая в 541 г. в Эфиопии чума через Северную Африку проникла в Испанию, а через Ближний Восток на Балканы, то в одном только Константинополе погибла половина населения. Добравшись до Галлии, чума оставила там несколько очагов: за повсеместными заболеваниями 543 г. последовали новые вспышки в 580, 588, 591, 592 гг. К тому же в 580 г. была еще эпидемия дизентерии. Идентичные явления имели место в разных местах и повторялись неоднократно. Особенно участились эпидемии, в том числе тифа, холеры и малярии, после перехода охотников и собирателей к оседлому земледелию. В целом раннему средневековью была свойственна очень низкая стабильность человеческой жизни (Bigaben, 1975, chap. 2; Ann. de démogr. hist., 1966, p. 37 s.; Duby, 1973, p. 21; Chance and Change, 1978, passim; Ранние земледельцы, 1980, с. 9–10).

Ее колебанию в конце I тыс. н. э. способствовало и возникновение новых городов. С одной стороны, городское население обладало возможностью лучше защищать от врагов свое благополучие. С другой, скученность жителей в случае эпидемии приводила к социальным трагедиям и почти полному их вымиранию. Но города с округой влияли еще и на некоторые чисто природные, биологические свойства человеческого организма. Люди стали испытывать на себе воздействие иных жилищ, одежды, бытовых условий и образа жизни, попадали в иной микроклимат и бактериальную среду. Города ослабляли былую брачную изоляцию крестьянского общества: в деревнях круг лиц, вступающих в брачный союз, более узок, что дурно отражалось на крестьянской наследственности, приводя к случаям генетического вырождения. Урбанизация, способствуя ликвидации этнических и языковых барьеров и смешению населения, приводила, в частности, к учащению браков между лицами из географически отдаленных популяций и снижению количества родственных контактов. Это, в свою очередь, вызывало ослабление частоты встречаемости дефектов человеческого организма, легче передающихся по наследству даже при отдаленном кровосмешении (Migration, 1971, p. 95).

Особую роль в развитии производительных сил играл прирост населения. Он увеличивал количество рабочих рук, стимулировал при недостатке материальных ресурсов переход к более прогрессивным способам добывания пищи и всего, необходимого для жизни. Например, в лесостепной полосе Европы VIII в. довольно быстрый прирост населения, вызвавший потребности в зерновых, повлиял на переход крестьян от рала к плугу, а в лесной полосе — от рала к сохе, веком позже — на внедрение двуполья, привел к успешному осуществлению расчисток в лесах и распашке новых земель. Наконец, прирост населения ускорял изменения в самой природе. Так, прослеживается поэтапно влияние большей массы людей на ландшафт Приильменья после того, как к финским аборигенам добавились славянские пришельцы. Сосновые чащи Северного Причерноморья сводились еще скифами и сарматами, затем с V по X в. передвижения очередных групп земледельцев в стороны от речных долин и нашествия кочевников повлекли за собой дальнейшее непрерывное убывание количества рощ; а после монголо-татарского нашествия этот район превратился в степь, местами же вообще стал Диким полем (Жекулин, 1972, с. 115–142; Кириков, 1979, гл. 1; Основные проблемы, 1980, с. 15).

Если в одних случаях рост народонаселения не воздействовал на экономику и социально-политическую жизнь (при условии, что уровень производства гарантировал материальную обеспеченность жителей соот-

ветственно тогдашним потребностям или не приводил к заметным сдвигам в общественных отношениях), то в других случаях он, обгоняя рост сельскохозяйственного производства, осложнял экономическое развитие и вызывал миграции или создавал значительные трудовые ресурсы, использовавшиеся либо в сфере производства, либо в войнах. Миграции вообще были заметным фактором общественного развития. Они приводили к важным сдвигам в составе крестьянства, формах его труда, видах классового и сословного подчинения. Низкий уровень производительных сил в позднеархаическом и раннеклассовом обществах порождал перенаселенность конкретных районов, к которой добавлялись социальные (разорение части соплеменников, жажда обогащения) и естественно-географические (неблагоприятные природные условия) причины миграций. Миграции приводили к неоднократным этническим и разнородным социальным напластованиям на одной и той же территории. Поэтому социальная лингвистическая, этническая и материально-культурная карта Европы V—X вв. отличается чрезвычайной пестротой. Раннефеодальное крестьянство вобрало в себя и переварило весьма различные этнические элементы европейского, азиатского и африканского происхождения и само было результатом их многовековой переплавки. В раннесредневековой Европе в этом процессе участвовали романизованные народы бывшей Западной Римской империи, романо-эллинизованные народы Восточной Римской империи, а также фракийцы, славяне, балты, германцы, кельты, сарматы и аланы, тюрки, угро-финны, берберы и семиты (Ethnol. Europ., 1967, p. 45; Тот, Фирштейн, 1970, с. 24, 27, 32, 71, 117, 147).

Среди главных миграционных движений той поры самым значительным было Великое переселение народов, как условно называют массовые вторжения в III—VII вв. различных племен в Римскую империю, на соседние с ней территории и в ее бывшие регионы. Оно привело к почти полной этнической метаморфозе прежней империи, краху античного общества, разложению родового строя у варваров, синтезу элементов рабовладельческого строя и военной демократии. Крупные сдвиги происходили и в восточной части Европы. В Северном Причерноморье последовательно сменялись различные иранские и тюркские племенные волны попеременно с отдельными германскими и угорскими племенами, а жившие в древности к северу и востоку от Карпат славяне, осваивая все более отдаленные области, передвигаются к Балтике, на Балканы, в сторону Черного моря, заселяют восточноевропейскую лесостепь, потом лесную зону, вытесняют балтов и финно-угров или смешиваются с ними, к рубежу II тыс. становясь крупнейшей этнической группировкой Европы. На вторую половину I тыс. н. э. приходится арабское внедрение в Восточное, Южное и Западное Средиземноморье и норманнская экспансия из Скандинавии. Наконец, имела место «внутренняя» миграция в специфических формах, порожденных раннефеодальными усобицами, бегством крестьян от зависимости и заселением пустошей и расчисток (Fustier, 1972, p. 140; North, 1973, p. 36).

Величина этнических миграционных потоков была неодинаковой. Например, волна остготов охватывала примерно 200 тыс. человек, бургундов — 100 тыс., вандалов — 80 тыс. (Авербух, 1970, гл. III, § 1). Еще меньшими являлись группы вторичных мигрантов, возникавшие в результате крупномасштабных первичных миграций. Такова волна беглецов из Северной Италии, ушедшая в VI в. после лангобардского вторжения в Равеннский экзархат и Римский дукат. Независимо от величины и последовательности миграций, все они влияли на феодализирующееся обще-

ство в трех основных направлениях: приводили к освоению чужих территорий, этно-лингвистическому смешению, социальной пестроте и появлению новых государств; распространяли материальные и культурные достижения одних народов среди других; ломали сложившиеся ранее формы жизни и нередко вели с собой разрушения, опустошения и смерть (Степи Евразии..., 1981, с. 5; Бромлей, 1973, с. 153 и след.; *Ann. de démogr. hist.*, 1976, p. 28).

Как правило, переселенцам, даже если они были в меньшинстве и отставали по уровню развития от местных жителей, удавалось захватывать новые земли. Это объясняется в большинстве случаев рассредоточенностью аборигенов по своей стране и, наоборот, скоплением пришельцев в одном месте, что при тогдашнем уровне развития техники и невысокой плотности населения давало им временное военное преимущество. Но, когда мигранты оседали, в силу вступали постоянные социально-экономические факторы. Тут в одних случаях пришельцы растворялись среди аборигенов (тюрки-болгары в Мёзии, норманны в Южной Италии, свевы в испанской Галисии, остготы в Северной Италии), и в других, довольно редких случаях, равнодействовали, в третьих преобладали (новгородские словене в финском Приильменье, тюрки в Юго-Западном Приуралье, англосаксы в Британии, бретты в галльской Арморике, мадьяры в Паннонии).

Сочетание неодинаковых, хотя бы и родственных, этнических напластований с примерно общим для них этническим субстратом и на основе даже весьма сходной социальной действительности имело для судеб крестьянства, тем не менее, различные последствия. Так, к III в. н. э. римская Галлия была достаточно однородной как имперский регион, в котором уже осуществился первичный галло-римский синтез. Но вот в это романизованное общество вторгаются варвары. За исключением захвативших Арморикку бриттов или таких интервентов, которые не успели оставить в Галлии заметных следов (например, гунны), остальные крупные массивы мигрантов были германскими. Они осели, каждая в каком-то определенном районе: салические франки — в Северной, Северо-Восточной и Центральной Галлии; бургунды — в Средне-Восточной (Бургундия); вестготы — в Аквитании; остготы — в Провансе. Повсюду наметился вторичный синтез — переплетение разлагавшегося рабовладельческого общества с тоже разлагавшимся позднеродовым варварским (Шевеленко, 1971, с. 107).

Непосредственные контакты различных этнических групп раннефеодальной Европы, соприкоснувшихся в ходе миграций, равным образом имели свою специфику и в сфере материально-экономической. При столкновении с обитателями иной природной среды, а иногда и при простом передвижении в другую природную зону крестьяне быстрее всего приспособлялись, а затем видоизменяли детали орудий труда и жилища, медленнее — украшения. Это естественно, ибо от первых зависело выживание коллектива, в то время как предметы искусства не имели здесь определяющего значения (Вопросы этногенеза..., 1976, с. 21). Длительный же контакт приводил постепенно к плодотворному взаимовлиянию, например при заимствовании кочевниками новых занятий и форм жизнедеятельности при оседании на землю (Этническая история..., 1977, с. 227; Древнее жилище..., 1975, с. 8—9; Краснов, 1971, с. 13, 96; Голубева, 1979, с. 5).

А когда контакты выливались в опустошительные войны, последние влияли на крестьянство в плане не только социально-политическом, но и

чисто биологическом: изменялся состав населения; в деревне падала общая трудоспособность при наличии массы инвалидов; терялись рабочие навыки и производственный опыт при гибели тружеников; широко распространялись заболевания. В V—X вв. эти явления регулярно приводили к обезлюдению деревни и другим мелким и крупным социальным катастрофам.

В результате аборигенной эволюции, а также суммы миграций и последовательных смешений, возникновения ряда государств и развития старых и новых местных культур — на рубеже II тыс. н. э. появились в Северной Европе первые, в Южной — новые народности или сложились предпосылки появления таких народностей, которые определили позднее этническое лицо современной Европы. Достаточно четко выявились крупнейшие этно-лингвистические миры: славянский, угро-финский, балтский, германский, кельтский и романский, в рамках которых жило и действовало крестьянство. Сложилась и новая антропологическая картина: в Скандинавии, на побережье Северного моря и в Англии начали преобладать типы людей атлантико-балтийской антропологической группы; в Испании, Южной Франции и Италии — индо-средиземноморской; на Балканах, Кавказе и в Малой Азии — балкано-кавказской; в средней полосе Европы от Атлантики до Волги — средневропейской; в Заволжье до Урала — южносибирской, наконец, от Балтики до Северной Двины — беломорско-балтийской (Алексеев, 1979). У крестьян соответствующие антропологические признаки были выражены отчетливее, чем у горожан.

Что касается результатов крестьянского труда, то амальгамы различных культур, особенно в мелочах, дают исключительно пеструю картину форм одежды, украшений, предметов обихода и т. п. Больше сходства наблюдается в определяющем факторе социально-экономического развития — орудиях и средствах труда, ибо здесь сама естественная обстановка заставляла людей идти общим путем и выработать лишь несколько основных типов плугов, топоров, седел, упряжи, мечей, копий, рыболовных сетей, лодок, жилищ, одежды и т. д., чтобы лучше овладеть силами природы или подчинить себе другие общества (Вайнштейн, 1973, с. 10; Артановский, 1967, с. 43, 102, 150).

3. Сельское хозяйство

Для тружеников I тыс. н. э. одним из важнейших факторов их существования было плодородие почвы. У кельтов, германцев и славян наиболее благоприятным для земледелия районом являлась лесостепь. В находившихся южнее прилуарских, придунайских и причерноморских степях имелись засушливые, местами солончаковые почвы, а в лесах, расположенных севернее, они представляли собой смесь песка и глины. Поэтому лесостепной чернозем, десятую часть которого составлял растительный перегной, или бурозем более всего привлекали пахарей. В V—VI вв. у юго-западных славян и во всех областях бывшей Римской империи уже практиковалось пашенное земледелие.

У восточных славян лесостепной зоны, балтов и северных германцев до VII в. преобладало огневое земледелие: растительность сжигали, после чего клали семена в почву, удобренную золой. Чаще встречалось подсечно-огневое земледелие. Сожжению растительности предшествовала ее обработка с тем, чтобы пламя дало больший эффект. Такое земледелие тоже было сначала беспашенным. Оно включало в себя четыре главных

этапа — подготовка участка, валка леса, выжог, посев — и сочеталось с охотой и лесным промыслом. Крестьяне выбирали подходящее место, как правило, полуостров, вклинившийся в излучину реки или в озеро, открытый свету, воздуху и теплу, поросший дубом и грабом (Западная Европа) либо елью и березой (Восточная Европа) (Казенс, 1982, с. 43—44). Тут ставили временное селение. Затем помечали зарубками и засекали на деревьях, в какой очередности их следует валить в ближайшие годы. Далее по всему участку, который использовали в течение 5—20 лет, деревья окольцовывали или надсекали на них кору, чтобы они скорее высохли. В зависимости от породы деревьев и от почвы высыхание длилось иногда до 15 лет. Это обуславливало длительность подготовительного и краткость эксплуатационного периодов, причем долгая подготовка охватывала район в десятки или даже сотни квадратных километров, в то время как три последующих этапа в совокупности длились на отдельных участках данного района примерно три года.

Валку начинали в июне, когда на деревьях удерживалась еще свежая листва. Это определяло качество будущей золы. Стволы растаскивали по участку, равномерно покрывая почву, и до осени они оставались лежать на земле. Осенью, убрав урожай, переходили на подсеку, где обрубали сучья и ветки, разравнивали их и собирали хворост в кучи. Следующей весной осуществляли выжог, ведя огонь против ветра, чтобы прокалить дерновую слой. Через сутки, собрав уцелевшие обрубки, на слегка остывшем пожоге жгли их вторично. Спустя двое суток, разравняв пожог граблями, по свежему палу сеяли зерно или овощи в теплую золу. Если скот пасли в лесу, то готовили под пашню ближние участки, а скот выгуливали на дальних (Histoire de la France rurale, 1975, p. 305).

Главными посевными культурами в условиях подсечно-огневой системы были ячмень, рожь, лен, репа. После сева почву бороновали верхушками срубленных елей — суковатками. Иногда на подсеке возникали примитивные севообороты. В Восточной Европе предпочитали по пожогу сеять первый год лен, второй — рожь, третий — овес либо ячмень, либо горох, либо репу. Относительно Западной Европы соответствующие данные скудны. Первый урожай обычно выходил отличным, второй — посредственным, третий — плохим. Далее подсеку забрасывали, используя ее порою под сенокос, и она отдыхала лет 15, так что крестьянин мог обработать за свою жизнь один и тот же участок не более двух-трех раз (Петров, 1968, с. 42 и след., 182, 193). Длительность использования почвы несколько увеличилась, когда пал перед посевом стали взрыхлять мотыгой. Постепенно мотыгу сменяло рало или соха. Реже применялась вспашка по пожарищу плугом. Таким образом, возникают три вида пашенного земледелия: мотыжное, сошное, плужное.

Оскудевший лесной участок забрасывали и «наезжали» на новый. Старому же, при нехватке лугов, позеленяли зараста сорняками, мелким кустарником, и он потом использовался как луг. Чем скорее увеличивалось население и исчезали леса, тем быстрее на основе совершенствования орудий труда внедрялось пашенное земледелие, благодаря чему можно было оставаться более длительное время на одном месте. В VIII в. северные германцы, балты и северные славяне переходят в чисто лесной зоне к корчеванию деревьев и регулярной вспашке земли. В целом же пашенное земледелие побеждает не ранее конца I тыс. (Алексеев, 1980, с. 118; Rubner, 1967, S. 25). В степях тогда по-прежнему сжигали целину и только потом ее распахивали и засевали. После того как урожай был снят и участок покрывался бурьяном, его, как и раньше, за-

брасывали, и он превращался в залежь. Так сложилась залежная система земледелия.

В разное время и в различных местах, когда целины для залежной системы стало не хватать, европейские крестьяне начали возвращаться к залежи, использованной прежде. В лесах возврат осуществлялся позже, в степях — раньше. Тем самым степная залежь становилась перелогом — участком, оставшимся без обработки лишь несколько лет (лесной перелог длился около 10 лет). Постепенное сокращение интервалов между пустованием и обработкой земли нарастало с необратимой последовательностью по мере увеличения численности населения. При переложной системе почва скудеет быстрее, поэтому по мере того как «наезд» на перелог учащался, пока не становился ежегодным (в результате чего перерыв в посевах на одном участке тоже оказывался годичным), население переходило для подъема плодородия еще более истощенной теперь почвы к использованию пара. Возникли два поля: паровое и пашня. На паровом поле пахали, чтобы избавиться от сорняков, поскольку однолетний перелог бурьянист. Однако паровое поле не засевали, и оно год отдыхало. Если при подсеčno-огневой системе необходим был труд больших коллективов, то при неоднополье, включавшем землю под паром, достаточно было сил семьи, вследствие чего быстрее прогрессировало индивидуальное мелкое хозяйство. Оно выросло экономически на базе перехода от переложной системы к двуполью практически во всех странах Европы (Данилов, 1964, с. 8—9; Семенов, 1974, с. 308).

Исидор Севильский в своих «Этимологиях» (начало VII в.) характеризовал двуполье следующим образом: новь — это поле, вспаханное впервые, либо такое, которое отдыхает через год, ради восстановления сил и поочередно то бывает с урожаем, то пустует. Эта двупольная система, заменившая переложную и давно известная населению районов, некогда входивших в состав Римской империи, к северу от них возобладала почти повсеместно только к концу I или даже к началу II тыс., хотя постоянно чередовалась с менее прогрессивными методами земледелия — подсеčno-огневым, залежным и переложным (Земледелие..., 1966, с. 222 и след.; Slicher van Bath, 1962, S. 62—74; Duby, 1962, p. 57—71, 124—129). Переход к двуполью совершался в разных областях не в одно и то же время, причем любое стихийное бедствие или сильное обезлюдение района после голодовки, набега либо войны тотчас отбрасывали уровень земледелия назад.

При двуполье в ежегодном производстве участвует только половина обрабатываемой земли. Народы и племена, более или менее регулярно сочетавшие земледелие со скотоводством, практиковали поэтому пастбу скота на отдохавших от пахоты участках — толоках, обращая пар в выгон. Лишь на рубеже I—II тыс. начало распространяться трехполье (обычная последовательность: пар, озимь, ярь). Чаще всего в средне-европейской полосе с весны до конца июня поле являлось выгоном. Затем его пахали под черный пар. Осенью разбрасывали удобрения и пахали под озимое. Когда в следующем августе снимали урожай, поле становилось пастбищем. Но эта система применялась далеко не везде. Разнобой в методах обработки почвы был очень велик и сохранялся много времени спустя.

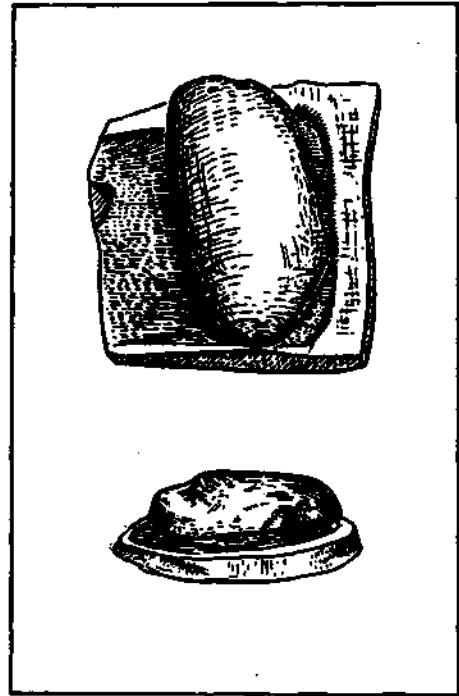
Размеры трех полей варьировали и, как правило, не совпадали. Регулярность чередования постоянно нарушалась.

Применение двуполья и трехполья расширяло производственный кругозор и способствовало накоплению трудовых навыков у земледельцев,

ставя перед ними одновременно и более сложные задачи в борьбе с природой: если еще у варваров впервые отчетливо отделялись друг от друга поле, луг и огород или сад (два последних часто совпадали), то позднее, в рамках двуполья и трехполья, луг опять стал внедряться в эти системы, чередуясь по месту расположения с пашней. Возникло травополье, особенно в горах, где влияние ландшафта и почв было резче. Кроме того, при залежно-переложном методе обработки почвы ее структура восстанавливалась естественным путем, а при трехполье почва распылялась и легче теряла плодородие. Земли, многократно подвергавшиеся обработке, истощались. Прогресс земледелия практически оказался почти необрати-

Крестыжская деревянная мотыга
конца I тысячелетия н. э.
из Прибалтики

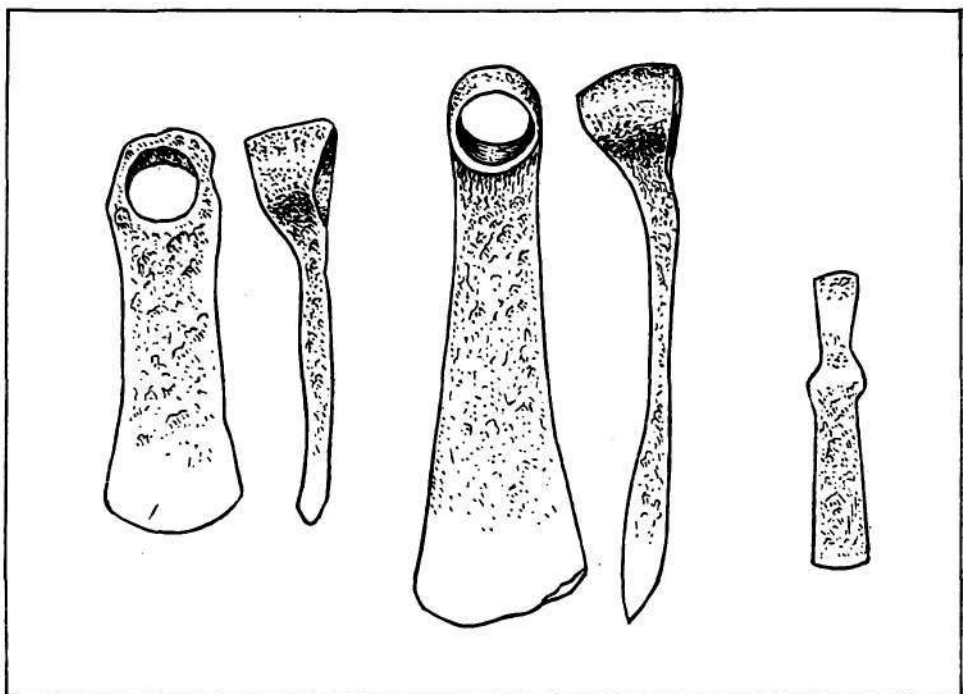

Двуручные каменные зернотерки
середины I тысячелетия н. э.
(Белоруссия)

мым только в болотистых местностях, где применялись насыпные «высокие поля». Осушались также топкие луга. Жители побережий Вандей, Бретани и Фрисландии медленно отвоевывали у моря заливные луга или просто участки суши, отгороженные плотинами. Однако эти, хотя и прочные, успехи носили все же сугубо локальный характер (Шевеленко, 1975, с. 80).

Уже в VII в. были известны восемь основных видов полевых работ: сжигание растительности, пахота, унавоживание, посев, боронование, прополка, сбор урожая и сожжение соломы. После перехода к пашенному земледелию главные полевые работы из месяца в месяц в течение года, согласно описанию Вандальберта Прюмского, жившего в Рейнской области в середине IX в., были такими: февраль — пахота и сев ячменя;

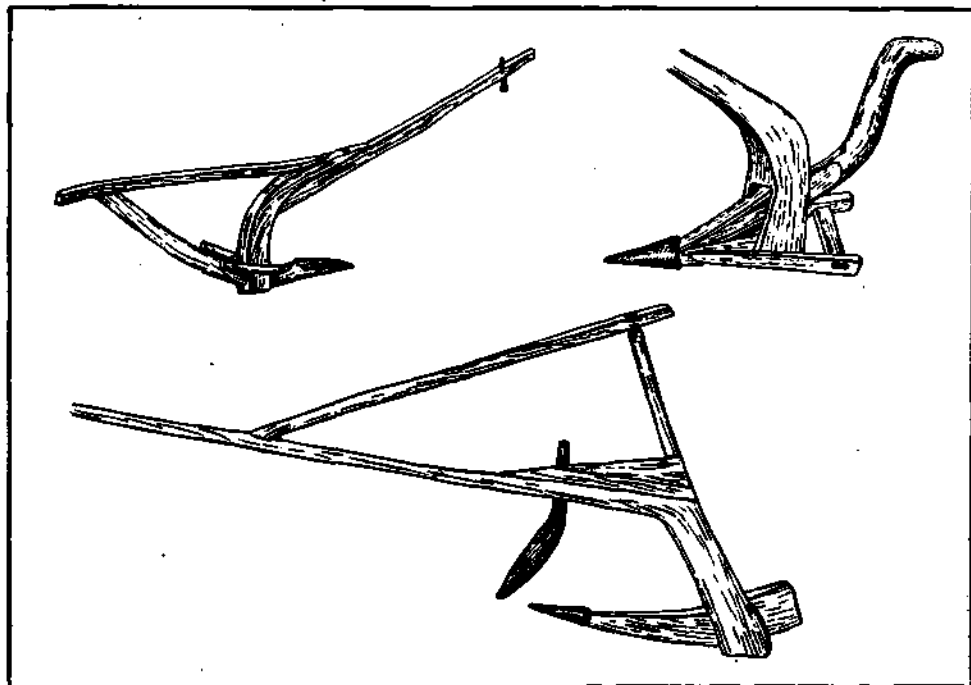
март — боронование, удобрение полей, посев прочих культур и их огораживание; апрель — орошение лугов; май — пахота под озимь; июнь — кошение сена; июль — уход за созревающими культурами; август — жатва льна, бобов, овса, ячменя, вики, чечевицы; сентябрь — продолжение уборки урожая; октябрь — сбор винограда; ноябрь — посев озимых; декабрь — боронование под будущие ячмень и бобы. Иным был цикл полевых работ в Южной Европе, ибо там встречались другие культуры (оливка, гранаты, сахарный тростник, тута, фиги, хна), требовавшие соответственно и другого ухода, причем единственный интервал в этих работах приходился на декабрь (East, 1966, p. 210).

Железные мотыги. (Латвия, Белоруссия) I тысячелетия н. э.

Орудия труда в сельском хозяйстве раннефеодальной эпохи совершенствовались чрезвычайно медленно. Повсеместно использовались мотыга для вскопки и рыхления свежей почвы, рало и соха, а также плуг (не всюду) для вспахивания, бороны и грабли для рыхления обработанной земли, коса для косьбы травы и урожая, серп при жатве, вилы при уборке сена и урожая, цеп при молотье, лопата для разнообразных земляных работ, топор и нож для рубки и резки леса и кустарника, кроме того, — мукомольня, молотильная доска и каток. Наибольшие изменения, судя по археологическим находкам, претерпевали орудия пахоты, преимущественно в сторону расширения их функций. В принципе эти орудия были двух типов. Первый представлял собой рало: легкое приспособление, влекомое одним-двумя волами или ослиами и снабженное дубовым либо каменным острием в виде остроугольной лопаточки, с металлическим, порою

втульчатым либо плечиковым наральником или без него, для рытления верхнего слоя почвы и проведения неглубокой (до 7 см) борозды, в которую при посеве ложились семена. Степные наральники были широколопастными, для многостороннего устойчивого рала с полозом; лесные — узкими, для более поворотливого однозубого рала. Однако и те и другие обычно давали кривую борозду. По обеим ее сторонам симметрично вырастали параллельные невысокие грядки, отделявшие одну межу от другой. Иногда для расширения межи использовались крепившиеся к ралу дополнительные планки. Вдоль линии тяги проходил грядиль — одинарное (реже двойное) дышло, схваченное перевязью и защепкой в комле

*Кривоградильные рала I тысячелетия н. э.:
скандинавское (№ 1), балканское (№ 2), шотландское (№ 3)*

рукоятки и посредством стояка соединенное с подошвой рала. Спереди грядиль крепился к упряжи. В Западной и Центральной Европе грядиль был прямым, на Руси — кривым, с двумя самостоятельными ручками. У народов лесостепей и лесов рало господствовало почти до конца I тыс. н. э. (Рафалович, 1972, с. 106—107; Краснов, 1971, с. 47—48; Вопросы этногенеза..., 1976, с. 237).

Собственно плуг, вошедший в Европе (кроме районов прежней античной культуры) в постоянное употребление лишь на рубеже II тыс., имел еще чересло — нож спереди или сзади лемеха, служивший для подрезания вскрываемого пласта земли, и доску-полицу, крепившуюся, обычно ребром справа и отваливавшую пласт набок. Плуг отличался от рала главным образом своей односторонней конструкцией. При вспашке

же ралом земля ложилась по обе стороны. Поскольку плужную конструкцию удобнее тянуть на передке, последний подвешивали перед отрезом или устанавливали порою на колесах, а грядильную стрелу и ногу рукоятки принимали единой вьюкой. Железные части такого плуга впервые появляются у славян в VI—VII вв., но только среди жителей Верхнего Подунавья. Славяне других регионов, а также финны, скандинавы и балты в то время железного лемеха еще не знали (Негтманн, 1971, S. 32; Lee, 1960, p. 85—94). Плуг, влекаемый двумя—шестью животными, давал возможность обрабатывать участки с неподатливым грунтом и осуществлять более глубокую вспашку. Три главных типа такого плуга

Плуги каролингского периода

(облегченный германский, утяжеленный кельтский, славянский с полозом) практически бесконечно варьировали в разных степных местностях, обладая принципиальным сходством.

Отличия же порождались разницей в природных условиях (Ethnol. Europ., 1970, p. 219—228, 256).

Археологические материалы показывают, что на протяжении V—X вв. рало неоднократно превращалось в элементарный плуг благодаря мелким усовершенствованиям, как бы предвосхищавшим собою отрезной нож и отвальные доски и направленным на повышение эффективности орудия. Усовершенствования сводились к добавлению металлических рабочих частей к деревянной чапке и к наклону вертикального лемеха более горизонтально, чтобы он мог разрезать почву достаточно широко, сплошным ровным слоем и подрезать корни сорняков. Еще у древних славян, применявших во время пахоты наральники для вертикального разрезания земли, бесполозный ральник, как правило, крепился не прямо, а под углом для лучшего эффекта.

В дальнейшем плуг совершенствовался по мере того как осваивались степные просторы. Плуг—это подлинное детище степей, равно как соха—дочь лесов. В I тыс. н. э. соха явно преобладала над плугом именно потому, что еще сохранилась масса лесов. Орудие с высоким центром тяжести (у плуга—с низким), соха была лучше приспособлена для вспашки и рыхления подзолистых почв. Обычно у нее имелось более

одного зуба на сошнике. Основная разновидность сохи, встречавшаяся только на Руси, представляла собою пахотное орудие без грядила; его заменяли отходившие от поперечного бруска обжи — небольшие оглобли, тянувшиеся к животному (Горленко, 1971, с. 31—62; Древние славяне..., 1970, с. 137; Черенцов, 1973, с. 5, 10, 15).

Другие сельскохозяйственные орудия веками удерживали свою форму и назначение. Мотыга представляла собой сук с одним-двумя природными зубьями. Иногда к ней крепился каменный боек. Глыбы земли разбивали тяжелыми древесными корнями с утолщением в ударной части. Каменные и металлические серпы имели гладкие и зубчатые лезвия, порою с шаровидно-утолщенным острием, которое придерживало колосья, а срезала их середина лезвия, изгибавшегося дугой от почти прямой линии до полуокружности. Молотили на гумне, выколачивая из снопов зерно цепами — двухколенными кривыми палками с лопастью. Длинная часть, держалка, скреплялась подвижным соединением с короткой-вальком, при ударе поворачивавшимся вниз плоским боком. При обмолаоте льна, особенно для оббивания колокольчиков, применяли изогнутую кичугу с закругленным концом. В иных случаях через гумно прогоняли домашних животных, которые собственной тяжестью выдавливали зерно из колосьев либо волокли по снопам снабженную зубьями доску или каток. Зерно мололи на ручной мельнице, состоявшей обычно из двух каменных жерновов: нижнего, неподвижного, и верхнего, подвижного. Под нижним находилась пята. Из этого гнезда шла вверх вертикальная ось с деревянной зубчаткой, за которую цеплялась горизонтальная ось с рукояткой-коловоротом. Первая ось вращала верхний жернов с воронкой для засыпки зерна, а мука сбрасывалась из зазора между камнями в боковой канал (Чеботаренко, 1973, с. 82; Pleinerová, 1975, s. 130).

Косы, прямые и горбуши, в разных странах Европы отличались лишь шириной лезвия и толщиной обуха. Специальные точильные бруски того времени попадаются при раскопках только в Италии и Югославии. Вероятно, общеупотребительным точилом служили покрытые смолою дощечки с налепленным на них песком. Более разнообразны формы лопат: применялись прямые и желобковые, дубовые и с каменной накладкой по острию, в исключительных случаях — железные заступы. Боронь (тягловые грабли) использовались также для предварительного размягчения твердой пашни, разрыхления комьев и зарывания посевных семян. Борона состояла из продольных и поперечных деревянных грядок, размещенных решеткою и связанных плетеными кожаными витями, на которых находились деревянные кулачки с заклиенными в них зубьями. Но обычно крестьяне боронили просто суковатыми леснами, привязанными к коблю дышла (Рыбаков, 1982, гл. 3).

Фонд сельскохозяйственных культур изменялся медленно. Пшеница была представлена несколькими разновидностями. Прежде всего твердая, богатая белком. Древний Рим ее не знал. Занесенная с Востока, как и многие злаковые гибриды, она модифицировалась в условиях европейских предгорий и степей и проникла в хозяйство варваров, а от них — в бывшие римские провинции. Этот злак, будучи сезонной культурой, сеялся только на яровом поле, обычно на залежи либо целине, что позволяло внедрять его при расчистке лесов или освоении других новых участков. К середине I тыс. н. э. в степях Европы твердая яровая пшеница выступала одной из главных сельскохозяйственных культур. Мягкую пшеницу, как остистую, так и безостую, давно сеяли в Средиземноморье. В Север-

ной Европе, попав туда с юга, она (правда, избирательно) давала более высокие урожаи, в основном на почве, богатой перегноем, а как сезонная культура была и озимой и яровой. По посевной площади и значению пшеница в целом занимала тогда среди европейских злаков второе место (Origine, 1976, p. 116—144; Dimbleby, 1967).

Первое место принадлежало полбе. Это растение, разновидность пшеницы, неприхотливо, спокойно выдерживало капризы климата и по своей распространенности в раннее средневековье, а также по пищевому значению было для крестьян главной среди злаков культурой. Археологические находки убеждают, что собственно полба сеялась тогда преимущественно в странах Западной Европы, однозерная полуполба — чаще на юге, а двузерный эммер, обосновавшись на землях восточных славян, медленно распространялся оттуда по всей Европе (Lange, 1971, К. 7—10).

Ячмень как не очень прихотливое злаковое растение преобладал в северных районах, хотя часто встречался и в Центральной Европе. Однако он чувствителен к определенным почвам и не выдерживает истощенной земли, а кроме того, требует плодосмена. Когда крестьяне, по незнанию или в силу необходимости, сеяли ячмень по ячменю, урожайность катастрофически падала. Наилучшие результаты ячмень давал, если шел в полевом севообороте вторым по очереди на суглинке, удобренном мергелем. В южных районах ячмень подмешивали в пищу скоту, и повсюду он использовался для пивоварения. Из проросших и замоченных его зерен, поджаривая их и очищая от ростков, изготавливали солод. Замешав его водку, получали сусло, которое отстаивали, а затем варили с хмелем и оставляли бродить, пока не образовывалось пиво. В северных районах ячмень был основной, порою единственной яровой культурой. Находки при раскопках на средневековых гумнах свидетельствуют, что примерно в равном соотношении сеялся ячмень двух разновидностей: чрезвычайно остистый, который после обмолота очищали, и безостый, сразу шедший на ручной или мельничный размол.

Просо давало зерно, употреблявшееся на лепешки и кашу. Это растение не любит увлажненных участков, и его сеяли обычно на целине, хорошо очищенной от травы, или на сухой и легкой почве. В условиях средневропейского климата не ранее августа, а севернее — в сентябре его можно было косить. Поэтому пшенная каша в осеннем меню крестьян сменяла блюда из более ранних злаков. Семена проса, обнаруженные в средневековых горшках или просто в культурных слоях, относят к трем разновидностям: метельчатое просо (Восточная и Северная Европа), могар (Южная Европа), росичка, более редкая разновидность, почти не имевшая самостоятельного значения для рациона людей и порою подмешивавшаяся в пищу скотине. Иногда при приготовлении пивного солода просом заменяли ячмень. Судя по археологическим находкам, просо можно считать в Европе, во всяком случае на землях, где впоследствии поселились славяне, самой древней злаковой культурой (Синская, 1969, с. 183).

Находки ржаных и овсяных зерен от римской эпохи случайны: по-видимому, речь должна идти о естественной примеси, а не о массовом специальном возделывании этих культур. Как яровая культура рожь издревле сеялась понемногу в разных местах Европы. Чаще всего она выступала лишь спутником пшеницы, и ее считали сорняком. Но чем севернее, тем все сильнее пшеница отходила на второй план и тем эффективнее проявлялись свойства ржи. Постепенно рожь стала самостоятельной культурой, однако уже не яровой, а почти исключительно озимой. Эта

вторичная, главная волна ее распространения прослеживается археологами по мере продвижения ее в V—VI вв. с европейского юго-востока на северо-запад. С VIII в. рожь известна лесостепи, а с X в. она вошла в культуру и в лесных районах (Негманн, 1968, S. 86). В областях с очень коротким вегетационным периодом она поспевала из посевного закрома в уборочный за 8 недель, с более долгим — за 10 недель, которые обычно распределялись по две недели на каждый из этапов созревания: зеленение, колошение, отцветание, налив и подсыхание. При подсечно-огневой системе озимую рожь сеяли в раннем средневековье в конце июля и обязательно по золе, а при двупольной — на песках. Колосья, подобранные на ржанице, давили в затирных чанах, замешивали водой и пускали остуженное тесто под брагу, а после перегонки напиток кормили оставшейся бардой свиней (Возникновение, 1967, с. 195).

Овес — однолетний злак, который использовался вначале как яровая культура. Затем, по мере распространения второй волны ржи, его сеяли на следующий год после ржи как траву, несколько раз косили и готовили под корм для скотины. На второй год всходил сам собою овсец — смесь овса с рожью из падалицы. Мука из смешанных зерен шла на изготовление киселя или лепешек. Овес оказался незаменимым кормом для лошадей. Образование военно-кавалерийских дружин в процессе становления феодального строя явилось тем социальным фактором, который стимулировал распространение овса. Редкой культурой была тогда гречиха. К славянам она попала не ранее VII в. от волжских болгар (Минкевич, 1965, с. 79, 105; Бахтев, 1960, с. 90; Коробушкина, 1979, с. 87; Купцов, 1975, с. 73).

В целом (если принять Рейн за разграничительную линию для злаков) пшеница и полба преобладали тогда западнее; ячмень, рожь и овес — восточнее; просо сеялось повсеместно. Последовательность возделывания хлебных культур по годам была на полях обычно такой: пшеница либо ячмень, затем рожь, потом просо. Урожайность злаковых оставалась в V—X вв. крайне низкой: сам-полтора, сам-два, очень редко сам-три, причем половину или более семян сохраняли для следующего посева и только оставшуюся часть потребляли. Северные соседи римлян обычно варили тесто из злаковых зерен или жарили тестовую массу как лепешки. Выпекать хлеб по-римски, т. е. на основе гидротермической обработки зерна с учетом его веса и поглощения им воды, они научились примерно не ранее VIII в. (Казаков, 1965, с. 15).

Еще в эпоху бронзового века в Южной, а потом и в Центральной Европе был окультурен виноград, распространившийся благодаря искусственному разведению в районах, где средняя годовая температура не выше +21°, а средняя летняя — не ниже +17°. Тогда же стало отработываться искусство ухода за виноградом. Опытным путем, как и во всех других случаях, земледельцы уяснили, что под виноградник следует выбирать южные склоны холмов с известняково-глинистой щебенчатой почвой, плохо задерживающей воду. Перекапывая землю на почти метровую глубину, виноградный куст затем размножали черенками, чубуками, отдельными узлами, отводками или семенами. Проросшую лозу обрезали и прививали, почву рыхлили и сорняки выпалывали. Ягоды с самого начала использовались для еды в сыром виде, для изюмной засушки и для изготовления вина крепких сортов — на юге и более легкого — севернее. Древнейший способ виноделия — получение самотечного вина, когда переспевшие ягоды слегка отжимали. Затем постепенно научились использовать все стадии брожения: квасную, сахарную и винную. Это уме-

ние перешло от жителей Южной Европы к кельтам, германцам и славянам, было ими освоено и приспособлено к условиям новых мест обитания. К VI в. виноградарство распространилось уже до Рейна и Альп, а к X в. — до Одера.

В Испании, Галлии, Италии и на Балканах виноград и продукты из него быстро заняли важное место в пищевом рационе крестьян. Поскольку вино использовалось во время литургии, церковь благоприятствовала виноделию. Наиболее развитыми по тем временам были методы виноделия и виноградарства в Италии (Fumagalli, 1976, p. 3—25).

Практика садово-огородного дела той поры сравнительно плохо отражена в источниках, хотя огородные и садовые культуры уже тогда занимали в пище немаловажное место. В лесных районах наиболее распространенными овощами были репа и капуста, аборигенным растением Северной и Средней Европы — брюква, Восточной Европы — хрен. В Южной Европе давно сажали яблони (еще античный мир знал до 40 их сортов), оливки, виноград, малину, коноплю (полевой культурой она стала позднее), белую горчицу, крупные бобы, цикорий, шелковицу, листовую свеклу и посевную чину. Груши в ту пору восточнее Рейна и севернее Карпат не произрастали (Синская, 1969, с. 185; Land, 1980, S. 259).

Из технических культур в Центральной Европе постоянно использовали лен, из трав — вику, из бобовых — мелкие бобы и lupini. После того как в 711 г. арабы, победив вестготов, начали завоевывать Испанию, неизвестный европейцам рис стали сеять в долинах Гвадалквивира и Гвадианы, а с 827 г. и на Сицилии. Только в VIII—IX вв. получает заметное распространение горох, мало ценившийся в античности, а с X в. — чечевица.

Тогда же появляются новые разновидности яблонь. Так, в Англии вывели сорт «зимний золотой пармен». Во Франции стал новой, хорошо освоенной садовой культурой крыжовник.

При обычной, довольно скудной концентрации различных садово-огородных растений в каком-либо одном месте, в целом их ассортимент уже в VIII—IX вв. весьма разнообразен. Например, во франкском «Капитулярии о поместьях» (конец VIII или начало IX в.) перечисляется длинный ряд известных той эпохе растений, в том числе яблони четырех сортов, виноград, хмель, груши семи сортов, сливы нескольких сортов, рябина, кизил, каштаны, персики нескольких сортов, айва, орехи двух сортов, миндаль, шелковица, фиги, вишни нескольких сортов, тыква, репа, редька, горчица, огурцы, дыни, фасоль, тмин, многие лекарственные травы, цветы и свыше 70 других различных огородных и садовых растений (Сар., I, p. 82—91). «Образцы описей церковных и королевских земель» (Германия, начало IX в.) содержат данные о 32 огородных растениях и 12 видах фуктовых деревьев (Сар., I, p. 250—256). 24 названия огородных растений, частично не совпадающих с вышеупомянутыми, приводит в своей «Книге об обработке огородов» Валафрид Страбон, живший в середине IX в. в Южной Германии (Poetae latini, p. 335—350).

С юга и востока в Центральную Европу попадали и медленно распространялись гладиолусы, резеда, герань, лилии, хризантемы, гладиолусы, розы, тюльпаны, жасмин. Они пополнили сады, где росли цветы местного происхождения, — левкой, астры и нарциссы. В Кордове в то время существовал даже ботанический сад. Правда, то был своеобразный оазис южной, более передовой аграрной цивилизации, в которой смешались античные и арабские достижения. Некоторые растения были занесены

кочевниками: дурман завезли сельджуки; болотный аир аланы клали в сосуды с водой, чтобы сохранить ее свежей, потом растение выбрасывали, и его корни быстро давали побеги (Камышев, 1961, с. 89; Жуковский, 1964, с. 15).

Полнее был ассортимент полезных растений в балканской части Византии, сохранявшей и использовавшей древние традиции. Внутреннее впечатление производит византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. «Геопоники», обобщившая опыт ряда предыдущих столетий. Ее составитель дает рекомендации по выращиванию таких культур, как ячмень, пшеница, бобы, горох, чечевица, просо, лупин, конопля, лен, полба, сезам, абрикосы, маслины, миндаль, сливы, вишни, виноград, гранаты, каштаны, сельдерей, амарант, лимоны, яблони, спаржа, лук, перец, укроп, петрушка, финики, персики, щавель, артишоки, портулак, латук, свекла, капуста, салат, мальва, тыква, огурцы (именно из Византии огурцы попали на Русь), дыня, репа, редька, рута и некоторые другие. Далее дается ряд советов по всему циклу сельскохозяйственных работ — от выбора нужной почвы для посева и отбора семян до жатвы, молотбы, хранения зерна и пр. (Геопоники, 1960, с. 55, 63). Ничего сколько-нибудь похожего Северная и Центральная Европа того времени не знала, хотя земледельческий уклад настолько проник в повседневную жизнь, что уже в начале XI в. европейцам было вполне присуще «земледельческое мышление»: «Яко же бо се некто землю разореть, другой же насеет, или же пожинають и ядят пищу бескудну, — тако и съ», — гласит «Повесть временных лет» (ПВЛ, ч. I, с. 102).

Немалую роль в крестьянском быту играло рыболовство. Практически рыбу ловили тогда везде, где имелись водоемы. Морское рыболовство велось только у берегов, а речным и озерным занимались народы, жившие во всех зонах Европы. Поскольку скотоводство и земледелие в связи с разорительными последствиями вооруженных конфликтов или стихийных бедствий не давали гарантии прожиточного минимума, то рыболовство и охота в раннефеодальном обществе служили существенным подспорьем в хозяйстве. Судя по находкам костей при раскопках, в лесной зоне охота нередко преобладала над скотоводством. В степях скотоводство вытесняло охоту быстрее. Так, в Поднепровье 40% всех костей, найденных в селениях (у западных славян — от 11 до 65%), принадлежали диким животным.

Систематическое истребление диких животных внесло резкие изменения в соотношение естественных средств производства. В V—X вв. этот процесс принял гигантские размеры. В раннюю пору средневековья медведи жили в Европе не только в лесах, но даже в степях. Повсеместно в большом количестве встречались лисицы, волки, лоси, туры, зубры, дикие лошади и тарпаны, олени, дикие ослы и куланы, кабаны, дикие козлы, косули, сайгаки, выдры, россомахи, хори, соболи, белки, куницы, барсуки, рыси, дикие коты, бобры, зайцы, дрофы, тетерева, куропатки. Пищевой рацион людей был поэтому по исходным продуктам вряд ли менее разнообразным, чем в эпоху развитого феодализма, причем широко употреблялась конина, составлявшая порой третью часть мясной продукции даже у земледельцев и еще большую — у скотоводов. Из диких птиц в пищу шли утки, орланы, пеликаны, выпи, цапли, журавли, колпицы. Однако к началу II тыс. н. э. поголовье диких животных и птиц резко сократилось, поэтому мясной баланс рациона изменился (Сухобков, 1972, с. 16; Тимченко, 1972, разд. 1; Кириков, 1979, с. 70—79; Природная обстановка..., 1967, с. 65—66).

1. Возникновение феодально-зависимого крестьянства

Массовое истребление дикой фауны во второй половине I тыс. н. э. обуславливалось не только распространенностью охоты как хозяйственно-го подспорья, но и ее ролью в жизни сеньориальной знати, для которой охота являлась особой формой времяпрепровождения и одним из главных развлечений. Императоры, короли и князья систематически устраивали крупные облавы на красного зверя, дичь и копытных. Высшей аристократии усердно подражали рядовые феодалы, тратившие на охоту массу свободного времени. Это наиболее «достойное» для знатного человека, вслед за войнами, занятие вскоре превратилось в подлинный бич природного царства. Так, когда к Карлу Великому прибыли послы от багдад-

*Старинный способ запряжки. С миниатюры XI в.
Четырехколесная телега, запряженная парой волов в ярме*

ского халифа, в их честь устроили преследование туров, которых гнали на огромное расстояние. Множество животных было бессмысленно погублено. Если еще в VIII в. измененность между Шельдой и Северным морем изобиловала лосями, то спустя два столетия там не осталось ни одного. В связи с сокращением поголовья зверей и птиц вторичные продукты животного происхождения, получаемые от домашних животных, приобрели теперь еще более важное значение, нежели ранее (Clason, 1967, p. 215).

Приручение домашних животных было первоначально делом охотников. Кое-где, например у скандинавов и балтов, скотоводство к середине I тыс. н. э. играло столь же важную роль, что и земледелие. Кельты, германцы и славяне издавна разводили волов как тяговую силу, лошадей — как ездовую силу, а также свиней, коз, кур и собак. Количественно почти всюду преобладали свиньи и крупный рогатый скот (за исключением народов Поволжья, где преимущественно были распространены овцы и совсем не было кур и коз). Качественный сдвиг намечился к концу I тыс. н. э., когда крестьяне, аккумулировав производственный опыт предыдущих столетий, стали более интенсивно воздействовать на развитие домашней фауны в трех направлениях: расширение ареала распространения животных в сходных природных условиях, акклиматизация

их в иных географических зонах, создание новых пород домашнего скота.

От прямого заимствования у дикой природы люди перешли к систематическому сознательному разведению нужных им животных. Так, еще до эпохи развитого феодализма во Франции вывели новые породы лошадей и собак. На Руси к концу I тыс. н. э. уже использовали сторожевых собак и два вида охотничьих. Повсеместно для улучшения качества свиной ее скрещивали с дикими кабанями. Изменялись и породы овец. В ранне-средневековой Европе они были двух видов: крупные, муфлонной породы — на юге; мелкие, торфяниковой породы — на севере. Первые дели-

Упряжка с мягким хомутом. Трирский Апокалипсис. Ок. 800 г.
Выполнен в Туре (?). Библиотека Трира

лись на балканских жирнохвостых и пиренейских длиннохвостых, давших начало испанским мериносам с их знаменитой уже тогда шерстью; вторые — на германских короткохвостых и скандинавских вересковых. Существовало также несколько пород домашних коз (Природная обстановка..., 1965, с. 123 и след.).

Крупный рогатый скот в I тыс. н. э., как правило, по размерам был невелик (Кнеcht, 1966, S. 20). Еда, приготовленная из молока коров, коз, овец и ослиц, в V—X вв., была уже одной из главных составных частей пищевого рациона. Жители гор ранее других научились получать сыр. Судя по находкам маслостоек и мутовок, греки и римляне умели с давних пор получать животное масло, а в Северной и Центральной Европе систематическое изготовление масла может быть отнесено к концу раннего средневековья. Животное масло потребляли тогда преимущественно богатые люди. Крестьянин не мог позволить себе подобной роскоши и использовал либо мясной жир, либо растительное масло (Ethnol. Europ., 1970, p. 238—243; 1976, p. 64—122).

Лошадь, одомашненная в глубокой древности на Востоке, попала в Европу из азиатских степей и на новой родине дала начало ряду пород, еще в средние века получивших названия по месту их выведения: арденнская, бретонская, норманнская, саффолкская и т. д. Среди домашних

животных лошадей была четверть, а среди диких лесных — от ~~1/50~~ ^{1/12} до ~~1/50~~. Зато лесные породы были крупнее и массивнее, и их раньше, чем на степном юге, стали использовать как тягловую силу для земледельческих работ и для перевозки грузов. Но в южных районах Европы раньше появились верховые лошади, и там быстрее научились выводить мулов (от жеребца и ослицы) и лошаков (от арабского осла и кобылы). Рост значения лошади в домашнем хозяйстве и в войске привел к тому, что к X в. почти во всех странах Европы 18 августа отмечали день св. Лавра и св. Флора — покровителей лошадей. А знатных людей почти повсеместно хоронили вместе с боевыми конями (Driesch, 1972, S. 142).

Для верховой езды лошадь интенсивно стала использоваться раньше, в эпоху Великого переселения народов. Тогда же, во время массовых кочевий и передвижений, были изобретены самими европейцами либо переняты у восточных народов стремя и подкова (римляне надевали лошадям поверх копыт особые сандалии). Предания приписывают это открытие вандалскому королю Хильдериху (523—530 гг.), прозванному Гиппологом («Лошадеведом»). Шпоры были давно известны в Европе. Тягловым животным лошадь стала в Северной и Восточной Европе только к IX в. (Breutjes, Richter, Sonnemann, 1978, S. 139—140; Плетнева, 1982, с. 47). Расширение функций лошади к концу I тыс. способствовало развитию деревенского ремесла. С IX в. чаще встречаются в захоронениях ранее не изготовлявшиеся оседлыми европейцами металлические, костяные и роговые удила и их элементы: боковые прищечные ограничители — псалии и межзубья-грызла, затем кольчатые удила, ремешки и пряжки от оголовья, бубенчатые украшения — решмы, разные виды седел. С того же времени в Западной Европе постоянно используются хомут, сбруя, узда и поводья для тягловой упряжной лошади. Если прежде, особенно кочевниками, применялись мягкие седла с невысокой лукой и подушечным сиденьем, то теперь начинают употребляться седла жесткие, с высокой передней лукой, арочными вырезами и прочными опорными стремянами, предназначенные для тяжеловооруженного всадника. Вместо примитивного стремени в виде ременной петли в обход входит твердое, деревянное, либо треугольное с прямой подножкой (каролингское), либо круглое (аварское) стремя с металлической обкладкой. У восточных славян, которые тогда не пользовались шпорами, была распространена ременная плеть как универсальное средство управления конем. Появились подпруги, кожаные путы с костяными цурками для стреноживания. Спрос на верховых коней вырос настолько, что с X в. ободриты разводили лошадей на экспорт (Степи Евразии..., 1981; Timm, 1964, S. 96; Федоров, 1973, с. 290; Кирпичников, 1973, с. 10—37).

Подлинный культ лошади существовал у степных жителей. Там встречались особые формы труда, связанные с разведением лошадей и кочевым бытом. Ремесленники изготавливали специальные ножи, сверла, долота и пилы для обработки лошадиных костей и каркасы под юрты. Среди костяных изделий встречаются орудия труда и предметы быта, оружие и украшения, предметы культа и игрушки. Жители лесов чаще изготавливали из костей и рога резные подвески. С развитием животноводства была тесно связана и такая отрасль хозяйства, как кожевенное дело.

Определенную роль играло в хозяйстве бортничество. Воск и мед были важнейшими предметами экспорта из Восточной Европы. В Западной Европе появились отдельные селения, жители которых занимались ис-

ключительно бортничеством. Церковь поощряла применение пасек и облагала крестьян оброком в виде воска либо готовых свечей.

Общий прогресс сельского хозяйства существенно влиял на развитие социальных отношений. К концу I тыс. н. э. размер прибавочного продукта уже составлял базу как для расширенного воспроизводства, так и для ренты и дани, отчуждавшейся в пользу представителей господствующего класса.

4. Производственный опыт раннего средневековья. Крестьянские ремесла

В период раннего средневековья ремесло в массовом масштабе еще не отделялось от сельского хозяйства. Поэтому ремесленное производство являлось постоянной частью повседневного труда крестьянина. При этом хозяйственный прогресс опирался на достижения в сфере производственного опыта как благоприобретенного, так и унаследованного от античного мира. Но в период вторжений варваров в Западную Римскую империю и после ее падения ознакомление завоевателей с достижениями жителей Средиземноморья не давало еще никаких гарантий, что эти достижения станут достоянием варварского мира в целом. Так, из 70 древних рецептов красок растительного и животного происхождения раннефеодальной деревней было перенято не более 8; из 150 рецептов сплавов сберегли лишь 6; только на Балканах умели варить мыло, как прежде, из смеси жира, глины и древесной золы; в упадок пришло гончарное дело: из бывших 100 керамических форм в VI в. повсюду сохранился и преобладал печной горшок, а в целом посуда стала толстостенной, неровной, плохо обожженной. Правда, новое население Южной Европы наблюдало у греков, римлян и их потомков очень многое, но редко перенимало что-либо без всяких изменений. Чаще, придя к выводу о целесообразности увиденного, оно переименовывало то же самое на свой лад, как правило — вследствие неумения применять или из-за нехватки производственного опыта. При этом каждая отрасль производства прогрессировала в результате глубоко эмпирических действий, а приобретенный опыт передавался лишь наглядным показом и очень медленно. Поэтому для V—VII вв. было характерно общее огрубление европейских орудий труда и изделий (Дончева-Петкова, 1977, с. 147; Техника в ее историческом развитии, 1979; Славяне на Днестре и Дунае, 1983, с. 153, 195). Существенный разрыв между античной культурой и культурой новых обитателей ряда районов: римской и славяно-болгарской — на Балканах, римской и франкской — в прирейнской Вестфалии, римской области по Майну и поздней Франконии. Нередко новое население охотнее следовало традициям более близкого ему по уровню развития доримского, т. е. доклассового, общества. Так, бургунды, отвергнув многие достижения римлян, заимствовали ряд технических и хозяйственных изобретений, бытовавших у местных галлов еще до завоевания их Юлием Цезарем (Morlet, 1966, p. 144; Klavergen, 1969, p. 21—25; Pirling, 1966, p. 9, 13, 232).

Изучение производственного опыта и трудовых навыков раннего средневековья показывает, что в сельском ремесле непосредственные производители добились большего, чем в сельском хозяйстве. С одной стороны — традиционные, застывшие в своей костности формы эксплуатации домашних животных и невысокие по результатам методы использования посевных площадей. С другой — труд деревенского мастера, основанный на точном расчете, изощренном глазомере и таких рабочих навыках, на-

1. Возникновение феодально-зависимого крестьянства

ких позднее лишились люди, полагавшиеся уже не столько на свои руки, сколько на машины или хотя бы на богатый набор инструментов. Кроме того, сказывалась специфика натурального хозяйства: при слабо развитых товарно-денежных отношениях (когда нет поточного производства, при котором работа упрощается и шире применяются типовые формы и заготовки) чаще встречаются штучные изделия, требующие существенного индивидуального мастерства (Черных, 1972, с. 169; Кропоткин, 1967, с. 117, 125).

Одна из черт производственного опыта той эпохи — его прямая, очень тесная связь с цикличностью природы. Урожай злаков, овощей, плодов,

*Крестьянская кожаная обувь из Западной Прибалтики.
Конец 1 тысячелетия н. э.*

кормов для скота, подготовка почвы приходились на строго определенное время года. Поэтому загрузка крестьянина непосредственно зависела от сезона и испытывала регулярные подъемы и спады. Хотя эта периодичность в принципе повторялась ежегодно, крестьянин в случае каких-либо непредвиденных сдвигов слабо ее использовал, обычно запаздывая с принятием необходимых решений, причины чего коренились в плохих средствах связи и транспорта и общем состоянии экономики: до медвежьих углов даже самые свежие и важные новости, затрагивавшие сферу хозяйства и требовавшие срочных изменений, доходили тогда неделями, а то и месяцами.

Вообще в земледельческом обществе люди передвигались с места на место довольно медленно. По сравнению с кочевниками оседлые жители

порой просто бывали тяжелы на подъем. Зато при натуральном хозяйстве, где каждая ячейка жила сама по себе, сбой в каком-то одном звене почти никак не отражался на соседнем. Даже разгром завоевателями местной цивилизации и утрата ее жителями технических достижений или другие резкие социальные перемены не обязательно влекли за собой повсюду одинаковые результаты. В отдельных локальных гнездах сохранялись абсолютно не затронутыми элементы былой культуры и накопленного производственного опыта.

Указанные особенности эпохи тормозили рост производства. Постоянно сказывалось также запаздывание информации о том либо ином техническом открытии или хозяйственном достижении: введение где-нибудь однократных новшеств еще не означало, что они прочно войдут в жизнь. Такие новшества могли появляться и опять исчезать десятки раз, пропадая для потомства, а средний уровень цивилизации оставался почти неизменно тем же. «Только от распространенности сношений зависит, теряются — или нет — для дальнейшего развития созданные в той или другой местности производительные силы, особенно изобретения. Пока сношения ограничиваются непосредственным соседством, каждое изобретение приходится делать в каждой отдельной местности заново; достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 54).

Примером могут служить последствия вторжений кочевников в Северо-Западное Причерноморье. До IV в. н. э. на территории современной Молдавии и севернее обитали обладатели черняховской культуры. Опушительное нашествие гунов смело ее с лица земли. Сменившим здесь в VI в. черняховцев славянам-антам пришлось начинать на пустом месте: между культурой первых и вторых зияет лакуна V столетия (Карпато-дунайские земли..., 1975, с. 7; Поболь, 1971, с. 178; Корзухина, 1978, с. 13). Поселившиеся по Днестру анты создали племенной союз с довольно высокой культурой. Но, подвергшись удару со стороны авар и протоболгар, они в VII в. тоже здесь исчезли, и в следующем столетии район их обитания заняли новые славянские племена — уличи и тиверцы, не сумевшие, однако, воспользоваться плодами труда предшественников (Славяните..., 1973, с. 15 и след.; Баран, 1972, с. 68; Рафалович, 1972, с. 40). Равным образом волна славян-земледельцев VIII в. заселила Десну и породила роменскую культуру будущих северян. Заслонив Правобережье Днестра от Хазарского каганата, роменцы в основном погибли под хазарскими саблями. А их современники на Днестре были уничтожены печенегами, так что между днестровскими славянами и средневековыми молдаванами опять образовался вакуум, не заполненный культурными достижениями. Напротив, среднеднепровское Правобережье не знало в VII—X вв. подобных разорительных набегов, и в результате на протяжении всех этих 400 лет здесь наблюдается непрерывное развитие местной культуры (Сухобоков, 1972, с. 24; Чеботаренко, 1973, с. 88; Русанова, 1973, с. 31).

Внутри раннесредневекового ремесла наиболее прогрессивными отраслями были «малая металлургия» и металлообработка, связанные с деятельностью кузнецов в походных кузницах — у кочевников и в сельских кузницах — у оседлых жителей. Развитие этих, как и ряда других отраслей, основывалось на наличии необходимых полезных ископаемых, прежде всего металлов, глины, строительного и поделочного камня. Послед-

ний, как и кость, сохранял особое значение для некоторых отсталых районов Севера или в глухих лесах, где вплоть до II тыс. бытовали каменные и костяные орудия труда (Дубов, 1982, с. 199; Capelle, 1968, К. 1—34). Большое внимание уделялось добыче жировика (стеатита) для нужд керамического производства. Примерно в пяти местах Южной Скандинавии, вдоль пролива Скагеррак и впадающих в него рек, имелись стеатитовые разработки. Отсюда жировик поступал в Норвегию, Швецию, Данию, Германию, Фрианию и к поморским славянам. Повсеместно встречались гончарные глины, пригодные для изготовления посуды. До того, как изобрели гончарный круг, обычно использовали способ ленточной наделки, при котором глиняные жгуты ложились один на другой, или лоскутной наделки, когда кусочки глины примазывались изнутри стенки сосуда. В глиняное тесто подмешивали шамот (огнеупорную добавку), песок, слюду или дресву (толченый камень). Мелкие сосуды обжигали в печах, вынесенных за пределы жилищ; крупные — в костровых ямах.

Поделочный камень использовался на вымостки, обкладку колодцев, жернова, литейные формы, точила, рыболовные грузила, якоря, подставки, пряслица и амулеты. Хуже обстояло дело со строительным камнем, изобиловавшим в горах, но отсутствовавшим во многих других местах. Дальние перевозки крестьянами каменных глыб водою по велению сеньоров — одна из характерных черт тогдашней жизни. В Италии и на Балканах функционировали разработки мрамора, в Шотландии и Скандинавии — скальных пород. При нехватке камня устраивали глинокопни и обжигали кирпичи. Возводя крупные здания (замки, церкви), строители использовали связующие цементные растворы. Камень для зданий добывался и обрабатывался набором различных, но довольно примитивных инструментов: зубил, кирок, тесовиков, киянок, зубаток, пил, буров (Probleme, 1966, S. 67; Древняя культура Молдавии, 1974, с. 93; Древняя Русь и славяне, 1978, с. 47).

Каменную соль почти не добывали, а использовали соляной раствор из источников. Над крупными источниками возводились солеварни, охранявшиеся вооруженными отрядами. Готовую соль, отформованную караваями, под охраной перевозили по стране. Например, так поступала соль из трех главных групп источников возле нынешних Колобжега (Поморье), Галле и западнее Пшемышля ко всем западным славянам. Коегде выпаривали соль из морской воды, но ценилась она значительно ниже (Doehaerd, 1978, p. 133; Salt, 1972, p. 22—23).

Главную роль в прогрессе ремесла играли добыча и обработка железа. По всей Европе залегает много бедных, но легко доступных железных руд на глубине 0,5—3 м. Обязательное условие успеха добычи состояло в наличии не менее чем четверти (от общей рудной массы) сравнительно просто извлекаемого железа. Выходы бурых железняков на поверхность использовались европейцами еще в доклассовую эпоху. Эксплуатировались зеленоватые озерные месторождения, рыжие луговые (дерновые) и красноватые лесные лимониты. В первую очередь разрабатывались луговые, выкапываемые из земляного гнезда. Если железорудные месторождения оказывались крупными, в таком месте возникали огромные по площади шахтные поля, изрытые ямами. В Южной Германии, западнее Аугсбурга, насчитывается до 5 тыс. подобных ям, западнее Айхаха — около 3 тыс., северо-западнее Фрейзинга — до 300, юго-восточнее Пфарркирхена — до 900, возле Гризбаха — около 3 тыс. Выработки содержали в 1 м³ породы до 30 кг железистой массы, а из каждой ямы вынимали по 5 м³. Первые шахты появились здесь еще в доримское вре-

мя, но интенсивное извлечение руды началось в IX в. (Frei, 1966, К. 1, S. 62—82).

При добыче шахтной породы применяли грубые молоты, распорные клинья, кайла, лопаты, ручные ворота. Воду вычерпывали кожаными ведрами вручную, изредка (Италия, Балканы) — чашами на водоотливном винте или поршневыми насосами. Твердую руду размывали водой либо пользовались огнем и кислотами. Крупные глыбы доставляли наверх тоже вручную, реже — малыми кранами (Византия). Шахтные каналы уплотняли элементарными трамбовками и прессами, причем в европейских районах Византии все еще использовалась простая кооперация рабочего труда. Народам же Северной Европы в V—VI вв. было еще недоступно умение добывать глубокозалегающие руды. Изменения наметились только с VII в. Озерную руду (лежавшие на дне «бобовые зерна») сгребали черпаками, стоя на плоту. Болотные пласты, находившиеся под дерниной в смеси с глиной и песком, доставали лопатами. Эти средневековые рудокопы, обособившиеся от других ремесленников, отмечали 17 декабря день своего покровителя — пророка Даниила. В рудознатцах тогдашнее общество видело кудесников. Так, предание X в. о монахе Манге (VIII в.) гласит, что он с помощью медведя открыл месторождение железа и начал его разработку. Церковь относилась к рудокопам и металлургам с подозрением, считала их неверующими и безбожниками (*incredula gens, viri impii*), которые «озорничают» и за то наказуемы (Анучин, 1982, с. 188; Heilfurth, 1967, S. 68—69; *Lexikon des Mittelalters*, 1980, S. 1951).

В сфере металлургии античная муфельная печь сохранилась после V в. лишь в Испании, которая, как и прежде, поставляла Европе наилучшую сталь. Там же и в Далмации опирались, помимо того, на некоторые былые традиции дерево- и металлообработки (использование в кузницах примитивного токарного станка с ручным приводом и гвоздильной доски). В кузнечном деле повсюду широко употреблялись усовершенствованные еще римлянами шарнирные ножницы и щипцы, клещи и кусачки, пила, инструменты с усиливающим действием грузом на возвратно-поступательном рабочем звене, различные циркули, продолговатые бритвы, запорные замки и многобородчатые ключи.

Металлургический процесс был очень трудоемким. С давних времен бытует поговорка: «Лучше с женою сварливую жити, чем железо варити». Наибольшее значение для развития техники имели сыродутный метод плавки и способы получения твердого железа (сваривание, закалка, цементация). Плавку в V—X вв. осуществляли во вкопанном в землю известняковом сыродутном горне размером 0,6 на 0,35 м с толщиной стенки 5—7 см. В него закладывали руду, древесный уголь (у степняков — кости) и мехами нагнетали воздух. Восстановительный процесс через три часа позволял получить тестообразную железную массу в смеси со шлаком, который удалялся многократной проковкой. Вместе с ним терялось в отходах 50—75% руды. Сутки труда приносили трехпудовую крицу в крупной печи и полупудовую — в мелкой при втрое большем расходе угля. Когда крицу вынимали, горн приходилось разбирать, а затем часть кладки восстанавливать заново. Жидкий металл разливали льячками (глиняными ложками). Этот способ получения металла был доступен любому деревенскому кузнецу (Гришин, 1980, с. 95; Из истории..., 1979, с. 46; *La forgation...*, 1977, p. 49; Early, 1973, p. 7—13).

Далее сельские мастера обрабатывали железо в горячем состоянии молотом на наковальне, а в холодном — молотками, напильниками, сверла-

ми, щипцами и резцами. Волоча металл, превращали его в проволоку разных диаметров. Ее резали и гнули на булавки и иголки. Имелись довольно крупные металлургические и металлообрабатывающие центры, чья продукция широко расходилась по Европе. Например, изделия доменно-кузнечного центра в Малой Польше середины I тыс. н. э. обнаружены по всей территории между Одером, Вартой, Бугом и Карпатами (Early, 1973, p. 35). Площадь центра в Гочевском городище (Среднее Поднепрывье) равнялась 10 тыс. м², а его изделия встречаются в обширном районе. Большие железоплавильные центры выявлены в Желеховице (Северная Моравия) и Победине (Словакия) с несколькими десятками домен, расположенных в два ряда. Менее масштабной была обработка цветных металлов, связанная с ювелирным делом. Золото и серебро являлись тогда главным сырьем для штучных ювелирных поделок и чеканки монеты (Кочуркина, 1982, с. 82—99; Рябинин, 1981, с. 5—9; Максимов, 1974, с. 7—13; Максимов, Горнунг, 1976, с. 8 и след.; Максимов, 1977, с. 33 и след.).

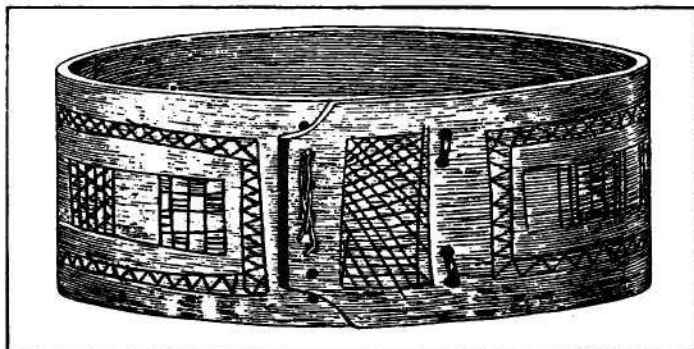
Существенно обогатился производственный процесс после того, как научились сочетать детали из черных и цветных металлов в одном изделии. Однако подобные комбинации встречаются в основном с конца I тыс. н. э. вследствие дороговизны бронзы. Еще в V в. почти все западноевропейское бронзовое литье шло на изготовление церковных колоколов. Лишь с VIII в. шире встречаются бронзовые поделки в быту. Появляется тонкое медное литье, особенно в Среднем Поволжье, где оно было делом женщин, и в Прикамье. Поскольку в Восточной Европе мало цветных металлов, то большинство ее районов их ввозило, порою издалека. Дорого ценилась ковчаная сталь, использовавшаяся при изготовлении оружия. В то время сражалась преимущественно крупными ножами (особенно хорошо известны однолезвийные кинжалы-скрамасаксы), а меч-спат являлся предметом роскоши. Он дешевлеет только в VIII в., когда новым центром производства мечей становится Каролингское государство (Розенфельдт, 1982, с. 21—31; Материальная культура..., 1969, с. 11; История Урала, 1976, с. 27; Кирпичников, 1966, вып. 1, с. 22, 45, 46, 72).

Типичным оружием жителя лесостепей являлось тогда копьё. В V—VII вв. крестьяне использовали в бою сулицы — легкие дротыки. Позднее их сменили более тяжелые копьё — франкские ланцетовидные, скандинавские лавролистные, славянские треугольные, финские ромбовидные. Самым употребительным крестьянским оружием были дубина и топор. Тогдашний топор — это заимствованный у кочевников чекач с молоточком на тыльной части обуха или секира — славянская бородавчатая, финская узколезвийная, скандинавская широколезвийная. Степняки применяли в рукопашной схватке кистени — гири на ремешке, а также сабли. У оседлых земледельцев сабля появляется только в X в. (Bouton, 1976, p. 66—67; Кирпичников, 1966, вып. 2, с. 12—13, 33, 39, 59; Древние славяне..., 1970, с. 108).

С VIII в. входит в употребление сложный лук с костяными накладками, усиленный по спинке сухожилиями. Для стрел лесные племена изготавливают костяные наконечники, а лесостепные и степные предпочитают железные: с конической втулкой для насаживания на древко (германцы, западные славяне, финны) или с узким черешком, втыкавшимся в торец древка (восточные славяне). Средством защиты в схватке служили кожаные панцири с металлическими нашивками (VI—VIII вв.), пластинчатые доспехи (с IX в.). Ни щитов, ни шлемов, ни кольчуг рядовые воины из народного ополчения не имели. Хорошее ору-

жие, высоко ценившееся, часто продавалось и перепродавалось. Характерно, что в 805 г. Карл Великий запретил торговать оружием со славянами, его постоянными противниками (Медведев, 1966, с. 8–10, 53–54; Кирпичников, 1971, с. 7, 16, 43; Сар., I, р. 122).

Слабое общественное разделение труда, сочетание работ сельскохозяйственных и ремесленных в одних и тех же крестьянских руках обуславливали недифференцированность конкретных способов работы и, как правило, сравнительно низкую квалификацию большинства исполнителей. Лишь к самому концу I тыс. н. э. наблюдается скачок в этой сфере. В деревне у отдельных мастеров появились новые образцы инстру-

Западнобалтийский прядильный короб конца I тысячелетия н. э.

ментов: плотниcko-столярные (топоры с термически обработанным наварным острием, пилы лучковые и ножовки, спирально-перовидные сверла, рубанки, токарные резцы), кузнечные (зубила с различными углами рубки металла, обсечки, бородки, гвоздильни), слесарные (напильники с нестандартными насечками). Они долго бытовали и позднее: практически все железные орудия труда II тыс., созданные кузнецами, увидели свет еще в I тыс. Стали применяться такие деревянные машины, их детали и более сложные, чем раньше, дерево-металлические орудия труда, как ткацкие станки, блочные подъемные механизмы (при возведении зданий), опорные подшипники, вертлюги, траверсы, простейшие токарные станки с универсальным преобразователем возвратно-кругового движения, кривошип. В странах Западной Европы уже использовалась тогда водяная мельница (The Fontana..., 1972, р. 157; White, 1969, р. 106).

Появление серии новых орудий производства привело в IX–X вв. к новой стадии хозяйственного развития европейского общества. Постепенно начали складываться предпосылки массового отделения ремесленного труда от сельскохозяйственного. Одновременно расширялся производственный опыт крестьян и утверждались иные формы их труда. Например, первоначально железную руду использовали для плавки почти в натуральном виде. Затем сельские кузнецы научились обогащать болотную железную руду: добыв ее в конце лета, два месяца сушили, потом обжигали, мельчили, промывали, закладывали в укрупненные домницы с более мощным, искусственным дутьем и изготавливали не только железо разных составов, причем достаточно высокого качества, а и углеродистую сталь (Техника, 1979).

Археологические находки свидетельствуют, что деревенские мастера всей Европы умели в X в. делать листовое олово и золото, лить амальгамы на плоскости и объемно, волочить проволоку, штамповать, вытягивать, шлифовать, полировать, пробивать, сверлить, клепать, фальцевать, резать, опиливать, паять, ковать, фигурно чеканить, гравировать по металлу и плакировать, расцветивать металлические поверхности, изготавливать эмаль, скань, зернь и чернь (La formation..., 1977, p. 42; Аулих, 1972, с. 77). Они поставляли для внутренней обкладки стен в господских домах плитчатую плитку, варили стекло, белое и цветное, прозрачное и непрозрачное, крутили стеклянные фигурки, катали и резали стеклянные

Ручная прялка. С миниатюры 1028 г.

листы (Щапова, 1983, с. 165 и след.). Необычайным разнообразием отличались работы по дереву, особенно под арабским влиянием в странах Средиземноморья с VIII в.

Тогда же усовершенствовались плетение и прядильно-ткацкий процесс. Плести научились, чередуя уток и основу в разных комбинациях: полотняным способом (через клеточку), саржевым (по диагонали), под прямыми и косым углом. Нити вели плоско (тесью) и цилиндрически (шнуром). Шедший на ткань лен тщательно вымачивали, чтобы отделить волокна от растительного клея; мяли, чтобы измельчить стебли; трепали, чтобы выбить кусочки древесины из волокон; продевали в стоячий гребень и чесали; наконец, на деревянном веретене с керамическим или каменным грузилом прядли льняные нити. Из готовой пряжи с простыми и кручеными нитками крестьянки ткали льняное полотно на вертикальном или горизонтальном станке с бердом, а челнок перебрасывали рукою. Шерстяную пряжу сначала облагораживали, отделяя остевые волокна от пуховых. В шерстяную ткань вплетали цветные нити или бронзовую проволоку (Endrei, 1968, p. 15-18; Das archäologische Fundmaterial..., 1970). Наряду с местными довольно широко использовались формы одежды южных народов: римские тунки, африканские капюшоны с

пелеринами, византийские кафтаны с обтяжными рукавами, арабские плащи. Крестьяне носили длинные штаны, нижнюю рубаху-каμισу и верхнюю с короткими рукавами, а зимой — либо кожану, либо драповую свитку (Синицына, 1976, с. 17 и след.; Седов, 1982, с. 257-258).

Бытовая химия той поры опиралась на повседневную практику. Краску-киноварь получали, разогревая смесь серы и ртути; сурик — обжиганием свинцовых белил; ярь — поливая уксусом медные опилки; синь — варя листья вайды; олифу — разваривая льняное масло со смолой; ски-

шидар — отгонкой из сырой смолы; камедь — из вишнево-сливового сока, клей — вываривая кости, смесь негашеной извести с творогом и рыбы пузыри (Возникновение и развитие химии, 1980, с. 14 и след.).

В целом крестьянский труд той поры по его результатам можно расчленить на получение урожая; рыбных и мясо-молочных продуктов, меда и воска, металлов, изготовление изделий каменных, костяных и керамических, кожаных, тканых, деревянных и металлических. Первым превращается в самостоятельное деревенское ремесло гончарное дело. За ним следовали отделившиеся от металлургии кузнечное, оружейное и ювелирное. Кое-где довольно рано специализировалась деревообработка. Прочие ремесла по-прежнему оставались домашними промыслами (Федоров, Чеботаренко, 1974, с. 7—8; Древняя Русь, 1978, с. 63; La formation..., p. 57; Paulsen, Schach-Dörgees, 1972, S. 72, 104, 108).

Гончарное дело уже в VIII—IX вв. знало изделия с заглаженной поверхностью и орнаментом. Возникает дифференциация видов горшков по регионам: германцы изготовляли посуду для установки над пламенем; славянская посуда чаще помещалась прямо в огонь или подле него; финская имела железные обручи для подвешивания. Одновременно посуда профилируется и постепенно подразделяется на кухонную, столовую и тарную. Из ее видов по назначению наиболее употребительны горшок, ковш, лохань, кувшины, плошка и чашка. С X в. уже всюду в Европе используется гончарный круг, впервые появившийся здесь в VII в. При раскопках находят ножной круг азиатского типа и ручной с грибовидным диском и неподвижной осью, также с плоским диском на оси, снабженной опорными плечиками (так что получался поворотный столик), наконец, со сборным диском при сквозном осевом отверстии.

Вершиной керамического творчества раннего средневековья была поливная посуда. На смену импортной, завозимой с Востока, приходит в IX в. своя: сначала в Болгарии (заимствование византийского опыта) и Англии, позднее во Франции и у западных славян, затем — в Германии и у восточных славян. Особенно впечатляют сосуды, подражающие ближневосточным и среднеазиатским образцам: белоглиняные (монохромные, с подглазурной росписью, с бесконтурной росписью), красноглиняные и комбинированные (с люстровой росписью, с ангобной росписью, синеполливные и с бесцветной глазурью). К концу I тыс. в Западной Европе наметилась специализация мастеров по производству чаш — деревянных, глиняных, каменных, роговых, стеклянных, костяных, оловянных, латунных, бронзовых, серебряных — двух основных видов: дешевых плоскодонных и дорогих конусов вниз на подставку (La formation..., S. 99; Макарова, 1967, с. 7, 35, 37; Lexikon, 1980, S. 1771—1772).

5. Жилища и средства сообщения

Если орудия труда были подходящими, то они сохранялись в крестьянском быту неизменными целые столетия (Ethnol. Europ., 1971, p. 160), и только к IX—X вв. в развитии производительных сил наиболее передовых районов Европы наблюдается существенный сдвиг, вызванный тем, что крестьянские промыслы подготовили базу для отделения ремесла от сельского хозяйства. Тем самым сложились экономические предпосылки образования новых городов. Соответственно менялись и сельские жилища. В провинциях бывшей Западной Римской империи и особенно в Византии, кое-где в Центральной Европе в эпоху раннего средневековья сохранялось немало античных традиций строительства жилищ городского и

сельского типа. Испания, Южная Галлия, Италия, Балканы знали тогда многоэтажные дома, каменные здания, развитое архитектурное дело.

Кое-что было унаследовано и вторгшимися туда варварами (A History of Technology and Inventions, 1969, p. 375—376). В Северной и Южной Галлии преобладали недолговечные деревянные конструкции; в Южной — более долговременные, крытые черепицей; в Средней — блочные. В Центральной и Северной Европе у оседлых жителей встречались в V—VII вв. обычные жилища эпохи раннеклассового общества: в горах — каменные и земляные; на равнинах — земляные и глинобитные; в средневропейских лесах — деревянные; в североевропейских — дерево-каменные. Наиболее ранние равнинные поселения не имели укреплений (за исключением случаев, когда требовалась защита от кочевников) и располагались в низких местах, как бы прячась в излучинах реки или возле топей и болот. Вне стен жилищ находились выносные очаги, а на холмах рядом с ними — могильники.

Более поздние поселения размещались на невысоких берегах больших рек. Неукрепленных деревенских поселений — селищ в тогдашней Европе были уже тысячи. На небольшой территории между Днестром и Припятью, например, существовало свыше 70 поселений, а в одной только будущей Северной Руси их насчитывалось более 400. Если вести счет по сельским кладбищам, то число селищ достигает в том же районе 1500 (Баран, 1972, с. 14; Вължарова, 1965; Donat, 1966). Все они концентрировались крупными гнездами, каждое из которых состояло из нескольких групп, по два—шесть в каждой, расположенных в нескольких километрах одна от другой и разделенных оврагами или ручьями. В селище на площади примерно в 1 га размещалось 10—20 жилых и хозяйственных построек. В степи они обычно стояли кучно, в лесу — рядами. Жилища представляли собой ориентированные по сторонам света (с юга на север у славян, с запада на восток у германцев) прямоугольные однокамерные землянки либо полуземлянки с толстыми глиняными полами, с лепными, расположенными прямо на полу округлыми печами (каменками в углу — у славян, очагами посередине — у восточных германцев, выносными очагами — у западных германцев) и с ямами-кладовыми. Верхние стенки были сплетены из прутьев и обмазаны глиной. Такие жилища знала вся Центральная и Восточная Европа средней полосы (Седов, 1982, с. 11, 16, 21, 31, 42, 56, 90 и след., Древнее жилище..., 1975, с. 75—76; Themes, 1977, p. 153; Кузаренко, 1969, с. 124—139; Древние славяне..., 1970, с. 117—119; Карпатский сборник, 1976, с. 35; Древняя Русь..., 1978, с. 187—190; Мезенцева, 1965, с. 19—51; Раппопорт, 1975, с. 116—119, 144—146, 157—167; Славяне и Русь, 1980, с. 91; Славяне на Днестре и Дунае, 1983, с. 8, 42; Lexikon, 1980, S. 1577, 1604).

В VII—IX вв. селения чаще начинают укрепляться валом, рвом, тыном и, превращаясь кое-где в городища, постепенно передвигаются на более возвышенные места. Открытые селища теснились к городищам, где население в случае опасности находило убежище. Передко встречаются углубленные в землю многокамерные постройки, соединенные переходами в единый жилой комплекс и с несколькими выходами. На европейском севере, особенно у славян, по-прежнему используются печи-каменки, на европейском юге и юго-востоке — сводчатые глиняные печи. В лесных районах строятся целые дома или полуземлянки площадью от 6 до 15 м² с деревянными стенами, чаще всего в виде заполненного землей каркаса из столбов, обшитых плахами или обложенных досками. Рядом с жилищами находились хозяйственные сооружения (амбары, стойла, ямы с

зерном и помещения для размола зерна). В бревенчатом наземном срубке, обычно однокамерном, имелись, как правило, теплая комната и холодная клеть под общей двускатной крышей с продольным брусом. Дым выходил через прорубленные в стенах и потолке отверстия. Окна закрывались ставнями. Под домом размещалось подполье. Стены конопатились мхом. Иногда в поселках встречались общественные здания либо общественные навесы на столбах (Hansen, 1974, s. 71 f.; Mead, 1981, p. 28—33; Древности, 1982, с. 211).

С IX в. крестьяне все чаще строят отдельные дома с дворами. Заметнее становится этническая индивидуализация построек. У поморян складывается тип дома неправильной формы с врезанным в него входом под нависающим портиком (позднее такое строение было унаследовано немцами Мекленбурга). В Средней Германии возводят «большие дома»; балты — преимущественно наземные столбовые многокамерные; скандинавы — бревенчатые срубные с каменной подкладкой; обитатели Средиземноморья — двухэтажные строения, в одной части которых находились кухня и жилая комната, в другой — хлев и чердак; обитатели Альп и Пиренеев — строения с жилой частью спереди, хозяйственной сзади; во Фландрии — дом, гумно и стойло под общей крышей; англосаксы — помещения с длинным холлом, открытым очагом и дымоходом. Как следствие разложения позднеродовой и складывания сельской общины с индивидуализацией хозяйства происходит изменение общих размеров крестьянских поселений, в каждом из которых группировалось теперь не более пяти дворов (Valonen, 1963, S. 496 f., Siedlung..., 1969; Bach, Dušek, 1971, S. 73; Födisch, 1967, S. 41—58; Born, 1974, S. 42; Искусство стран и народов мира, 1962, т. 1, с. 14, 287, 437, 544; 1965, т. 2, с. 129, 135, 511, 562; 1971, т. 3, с. 85, 132, 230; 1978, т. 4, с. 65; 1981, т. 5, с. 28, 155).

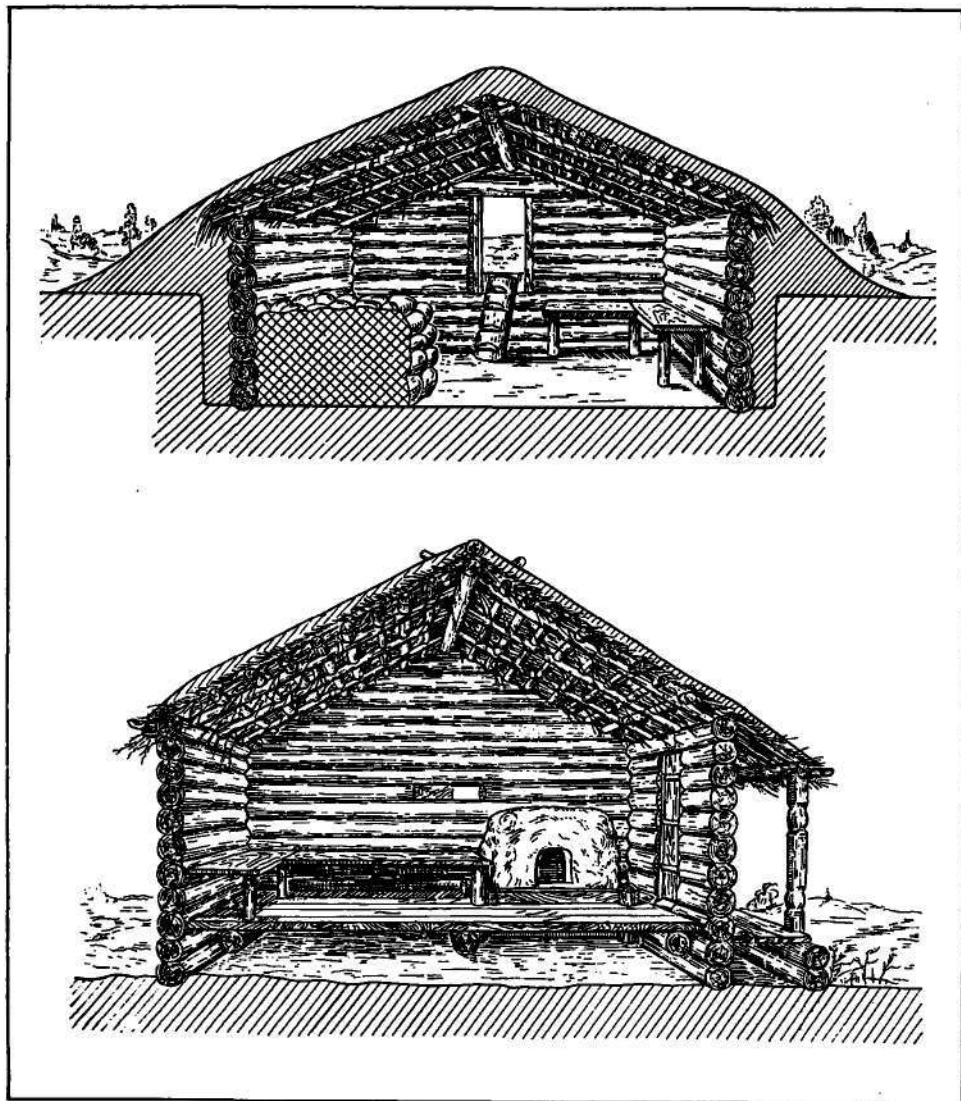
Последовательность освоения крестьянами различных природных зон в ту эпоху хорошо заметна при сопоставлении возрастов конкретных поселений. Так, в районе Вестервальда (запад Германии) самыми ранними оказались деревни, у которых в названии второе корневое слово — *bach* (ручей). Более молодые — деревни с названиями на *berg* (возвышенность) и *hausen* (постройки), приходящиеся на время передвижения населения от речных пойм к водоразделам и сооружения достаточно постоянных поселков. Наконец, к более позднему периоду крупных расчисток лесов относятся деревни на *rode* (корчевание) и *hain* (роща) (Born, 1957; Smith, 1967, p. 123, 134).

Средства сообщения той эпохи были тесно связаны по типу с характером путей сообщения. Кочевые и полукочевые народы и племена использовали в военных отрядах лошадей, а в обозах — лошадей и волов, реже — ослов и мулов и еще реже (Южная Испания, Сицилия, Византия, Закавказье) — верблюдов. Повозки, как правило, были двух-, реже — четырехколесными, иногда с продольной дрогой, соединявшей переднюю ось с задней. Колеса — из сплошных дисков, без спиц. Тележный корпус нередко подвешивался на ремнях; получался деревянный гамак на колесах. Оседлые жители периода раннего средневековья предпочитали передвигаться вдоль морских или речных берегов. Вообще речные долины являлись тогда важнейшими магистралями, по которым текли основные людские и грузопотоки, а такие реки, как Волга (по VIII в.), Рейн, Дунай и Днепр, имели в этом смысле общеевропейское значение. Особую роль в установлении связей играли волоки: в Восточной Европе — весь район, за которым простиралось Заволочье, и путь из Ловати

1. Возникновение феодально-зависимого крестьянства

в Днепр; в Западной Европе — между речными системами Ду — Сона — Рона и Рейн — Бирс.

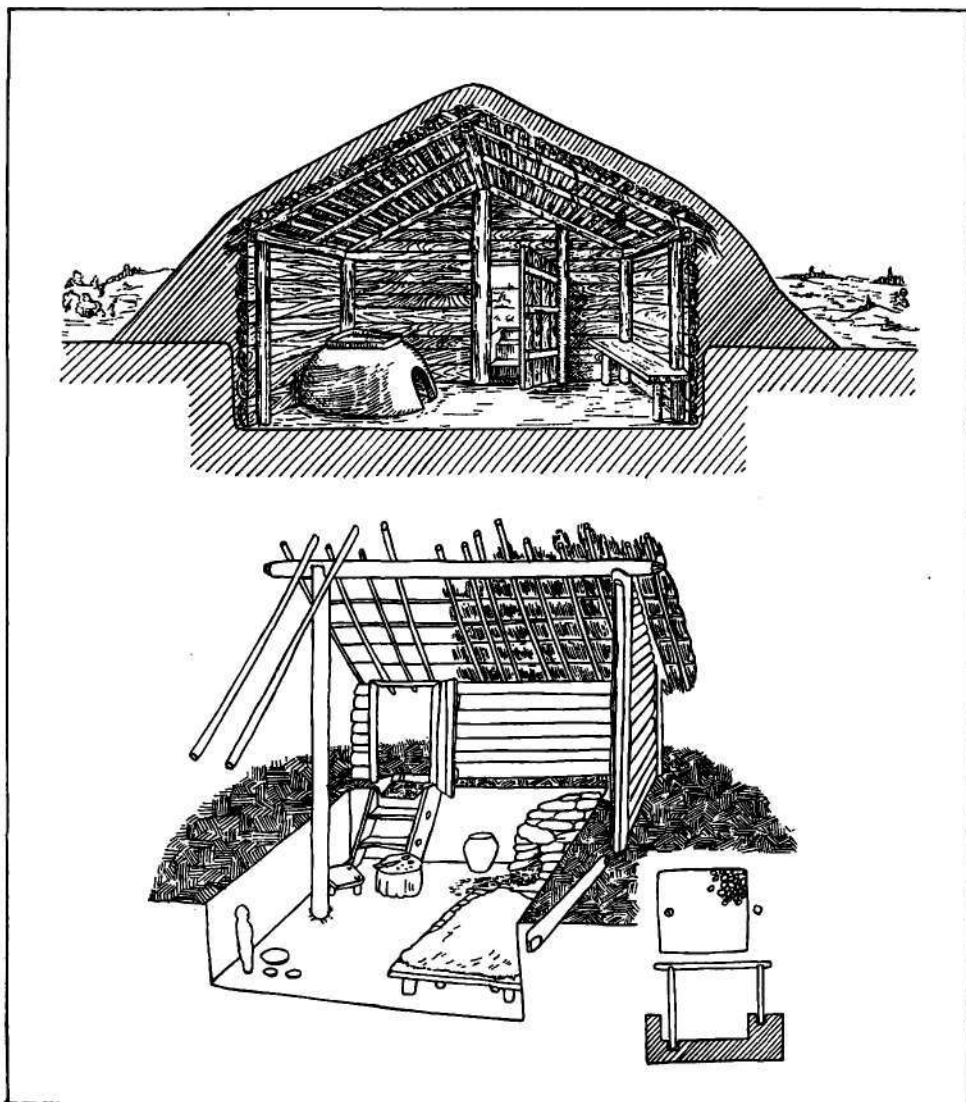
Отдельные специфические пути сообщения вызывали к жизни и особые средства их использования. Например, скандинавы для передвижения по льду применяли костяные или металлические обоймы с шипами, надевавшиеся на обувь; саамы очень рано изобрели упряжные сани под оленей и собак, а также лыжи. На охотничьих лыжах ходили без палок, лыжи были непарными (длинная лыжа скользила, короткой отталкивались, в руках оружие) и подбивались оленьим мехом волосками назад, чтобы не проскальзывали (Ethnol. Europ., 1976, p. 4; Лейтон, 1970, с. 4).

Реконструкция восточнославянской полуземлянки VIII—X вв.

Реконструкция восточнославянской полуземлянки X—XI вв.

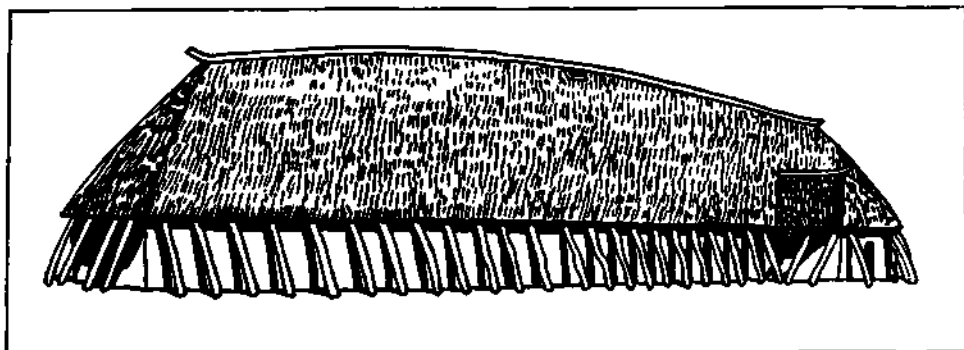
С античного времени сохранились римские тракты. Они не утратили былой роли и в VII—X вв., когда их вновь стали интенсивно использовать, а порою даже частично реставрировали. Такова первая настоящая проезжая дорога в Германии шириною в 6 м, ведущая из Кобленца в Майнц. Главные сухопутные тракты, доступные для телег практически в любое время года, пересекали Западную и Южную Европу. Наиболее известными были так называемое «Иберийское кольцо» — окружная дорога в Испании, «Лугудунский трезубец» в Галлии, «Медиоланский двузубец» в Италии, «Аквилейская плетка» на Балканах и «Виндобонская стрела», шедшая из Вены почти прямо к «янтарному побережью» Бал-

Реконструкция восточнославянского наземного срубного жилища X—XI вв.

Реконструкция западнославянского крестьянского столбового жилища VII в.

тики. Постоянное межплеменное общение, в свою очередь, порождало возникновение хорошо укатанных дорог строгого направления. Крупнейшие пути этого типа в Центральной Европе вели из Агрипповой Колонии (Кёльн) к лужичанам (Лейпциг), из Фраги (Прага) через Резне (Регенсбург) к Дунаю («Баварская дорога»); через Нюрнберг к Рейну («Имперская дорога») и сквозь Чехию («Домашняя дорога»). Только после того как установились достаточно твердые, наезженные дороги, начали систематически подковывать лошадей, а с IX в. вошло в обычай подбивать подковы гвоздями (An Hist. Geography of England and Wales, 1978, p. 50; An Hist. Geography of the Balkans, 1977, p. 136).

*Деревянный дом типа ладьи, встречавшийся в V—X вв. в Северной Европе.
Длина — от 14 до 30 м, иногда до 50 м. Ширина — 6—8 м.*

Морские и речные средства сообщения развивались неравномерно. Парусных кораблей в чистом виде сначала не было, использовались вельсьные, снабженные мачтой. Весьма разнообразны типы применявшихся рыболовами и перевозчиками VI—X вв. речных и морских лодок, чью форму и строительный материал диктовали людям природа и производственные возможности. Зимой срубали липу или дуб, их долбили и выжигали. В одних случаях через щель в древесном стволе обрабатывали сердцевину, а затем борта распяливали, получался челнок. В других случаях борта наращивали досками. Доски пришивали ивовыми прутьями. Таков славянский шитня. Рыбачьи челны кроили из бересты. Моноксилы (однодеревки), как показывает само название, были вытесаны из одной колоды, а в качестве каркаса имели опругу (шпангоут). Двухколадные лодки крепились в середине по затесанной части колод. Трехколадки обладали широкими поперечными накладками, одна из которых служила наддоньем, а две — бортами. При высоко набитых досках получалась набойная ладья. Ее снаряжали уключинами, веслами, мачтой и якорем, а летом спускали на воду. Якоря, даже у кораблей, обычно представляли собой просто каменный груз с отверстием без острого наконечника. Ладья такого типа была как бы переходной формой от лодки к более крупному судну. Тупоносые, глубоко сидящие, вместительные морские баркасы четко отделяются от остроносых и плоскодонных речных шняг и озерных дощаников (бесколадных лодок, у которых обшивка крепилась прямо к шпангоуту). В служивших сразу вельботом и ледовыми санями скандинавских зверобойных карбасах на полах применяли кожу, шитую деревянной вицей или жилами. У кельтов встречались

сплетенные из ивовых веток курахи — корзины, обтянутые просмоленной кожей (Bergetaa, Costa, 1966, p. 36—37; Генриот, 1974, с. 15; Sandermann, 1978, S. 141).

Корабли, которыми пользовались крестьяне в раннем средневековье, можно разделить на несколько типов. Древнейшие из них, восходившие к римским, существовали в Византии: крупные дромоны и мелкие памфилы. Последние встречались именно у рядовых труженников. Малогабаритные памфилы имели не столько боевое, сколько бытовое назначение: перевозка небольшого груза, ловля рыбы, моллюсков и губок.

Иными предстают корабли Северной Европы. Франки до X в. были плохими моряками и использовали примитивные барки. Потом во Франции приступили к постройке высокобортных нефов с двумя рулевыми веслами по бокам кормы и с палубными надстройками. Фризы использовали для глубоководного плавания круглодонные суда без форштевня или ахтерштевня и без переходящего в них киля, скрепленные планками, с очень плотно сидящими и симметрично чередующимися крупными и мелкими внутренними ребрами; для низких вод — плоскодонный высокобортный корабль со штевнем, давший позднее начало пузатым морским грузовикам — ганзейским когтам. Бритты традиционно строили небольшие, скверно плававшие суда с гладкой обшивкой, так что одна доска прилегала к другой. В отличие от них англосаксы имели длинные, с богатым шпангоутом корабли из брусков или досок, лежавших внахлест. На толстом шипе твердо сидела мачта; весельных отверстий было немного; груз клали в середине судна, чтобы оно лучше входило на волну (Ellmers, 1972, S. 63—75; A History of Seafaring, 1972, p. 123—124).

Этот клинкерный метод сооружения корпуса явился значительным достижением мореплавателей и был перенят скандинавами. Их высоконосые челны, типичные клинкеры с суженным книзу днищем и растопыренными бортами, до VII в. беспарусные, в принципе были приспособлены для каботажного плавания вдоль берегов. Применяв позднее прямоугольный парус и увеличив количество весельных уключин, норманны сумели переплыть Атлантический океан. Хожение по морю стало столь важной частью их жизни, что они погребали своих вождей в больших лодках с оружием и утварью. На кораблях викингов, украшенных драконами, планки поверх шпангоутов крепились стопорами, а поперечные распорки лежали очень низко, будучи прижаты к днищу и почти не поддерживая бортов. Вариантом такого корабля были прамы — суда поморских славян, тоже клинкерные и килевые. Однако скандинавский киль был высоким и узким, а славянский — невысоким и широким, почти плоским. Доски в прамах держались на деревянных заклепках, пазы конопатились мхом (скандинавы клепали железом, шпаклевали волосом животных) (Crumlin-Pedersen, 1969, S. 22—31). Новгородские суда были ближе к прамам и менее похожи на киевские ладьи. Все эти корабли уже обладали, хотя и в разной степени, основными судоходными качествами: плавучестью, остойчивостью, ходкостью, непотопляемостью, прочностью и управляемостью. В целом речное и морское дело представляло собой существенную сферу интенсивного приложения труда (Шевеленко. Первые корабли, 1981).

Накопленные крестьянством трудовые навыки и рабочий опыт превращались в составную часть того комплекса производительных сил, который, образуя основу феодальных производственных отношений, способствовал утверждению феодальной формации.

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ *

Неотъемлемыми элементами социально-экономической структуры античного мира всегда были мелкое земледельческое хозяйство и класс непосредственных производителей — крестьян. Характер и удельный вес мелкого крестьянского хозяйства на различных этапах развития рабовладельческого общества не оставались неизменными. До того как рабский труд в значительной степени возобладал в производстве, мелкое крестьянское хозяйство составляло экономическую основу жизни общества (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 346, примеч. 24). Когда же рабский труд к I в. до н. э. стал доминировать в сельском хозяйстве, а разорение мелких собственников усилилось, экономическое, да и политическое значение свободного крестьянства, ранее игравшего важную роль в социально-политической борьбе, упало. Тем не менее класс крестьян сохранился и в этот период, что было обусловлено коренными особенностями социально-экономического строя и политической организации, а также спецификой демографической эволюции римского рабовладельческого общества. Производство здесь в общем и целом осуществлялось индивидуально. Так обстояло дело не только в мелком, но и в среднем и крупном землевладении, где лишь спорадически применялась в широком масштабе простая кооперация труда рабов. Несмотря на довольно тесные связи многих крупных, средних, а частично и мелких хозяйств с рынком, в Италии и провинциях в целом господствовали натурально-хозяйственные отношения. В античном обществе, таким образом, постоянно существовала экономическая база для индивидуального земледельческого хозяйства. К тому же римское рабовладельческое государство в пору его роста расширяло свою территорию главным образом за счет таких стран, в которых рабовладение не достигло значительного развития и основная масса населения была представлена мелкими свободными или зависимыми земледельцами. Класс мелких производителей в сельском хозяйстве Империи, следовательно, вновь и вновь пополнялся.

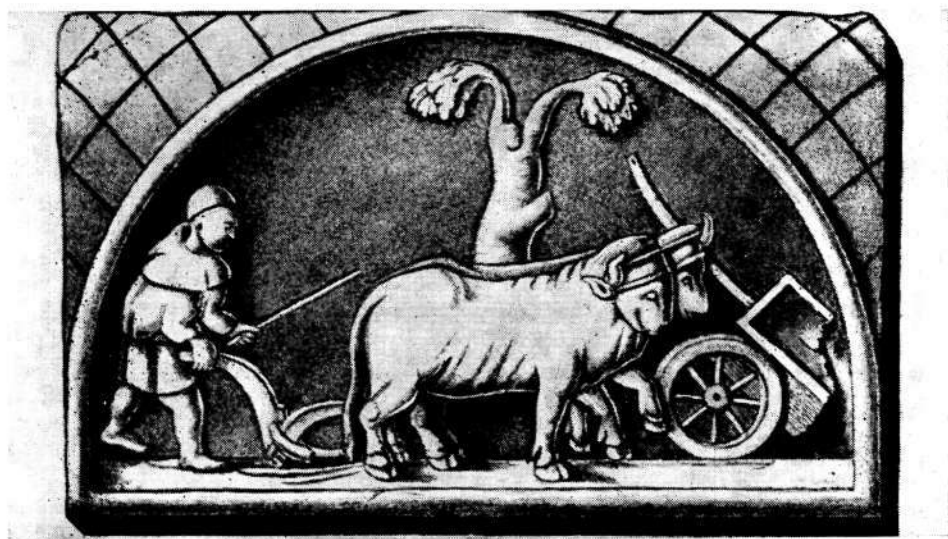
Отсутствие естественного воспроизводства основного эксплуатируемого класса было характерной чертой классического рабовладельческого общества. Рабы, стоявшие вне гражданского общества и не участвовавшие в политической жизни, не могли быть использованы (в обычных условиях) для формирования важнейшего элемента государственного аппарата — армии. Экономическая жизнь и функционирование государства были поэтому невозможны без значительного слоя свободных людей. А поскольку деклассированные элементы свободных граждан — городской плебс — по условиям своего существования не были пригодны для военной службы, постольку ее могли выполнять лишь мелкие свободные или зависимые земледельцы. Отсюда практика наделения земель ветеранов и поселение варваров на римской территории в качестве летов, федератов, позднее — колонов.

Еще большее значение приобрело мелкое хозяйство в земледелии после того, как в конце II и в III в. н. э. в рамках римской державы начался кризис рабовладельческой системы хозяйства.

* В главе речь идет только о Западной Римской империи.

1. Кризис рабовладельческого строя и сельское хозяйство

Кризис рабовладельческого строя возник в результате крайнего обострения противоречий рабовладельческого способа производства. В ранний период существования рабовладельческой формации рабство способствовало росту производительных сил. Рабы, трудившиеся под надзором управляющего (виллика), являлись основной рабочей силой в рациональном и рентабельном хозяйстве — небольшой и средней вилле (например, описанной Катонем и Варроном). До известного предела повышение про-

Пахарь. Рельеф с надгробного памятника в Арлоне

изводительности труда в таком хозяйстве обуславливалось самой кооперацией и вместе с тем специализацией работников, занятых в различных отраслях земледелия, накоплением у них производственного опыта. Однако по мере роста крупного землевладения и распространения рабовладельческих отношений на периферии римского государства рабство становилось препятствием для дальнейшего развития производительных сил. Владельцы вилл, эксплуатируя дешевый рабский труд, не стремились к техническому прогрессу, рабы же тем более не были заинтересованы в нем. Так, в I в. н. э. в Реции, согласно сообщению Плиния, стал применяться тяжелый плуг на колесах, который взрезывал землю глубже, чем обычный римский плуг (рало), широко применявшийся в Италии при Колумелле (I в. н. э.). Но этот тяжелый плуг на колесах не получил широкого распространения в римском сельском хозяйстве: крупные виллы, использовавшие дешевую рабочую силу сервов, предпочитали многократное вспахивание одного и того же участка более примитивным плугом. Некоторое усовершенствование орудий производства, происходившее примерно до I в. н. э., осуществлялось преимущественно в хозяйстве свободных крестьян и ремесленников.

Рост латифундий, основанных на эксплуатации рабов, вел в конечном счете к понижению производительности труда. С увеличением их размеров надзор над рабами, без которого нормальное функционирование латифундиального хозяйства было невозможным, оказывался все более затруднительным.

Развитие крупного землевладения, базировавшегося на эксплуатации рабского труда, сопровождалось вытеснением мелкого крестьянского хозяйства, что в свою очередь подрывало экономические основы рабовладельческой системы, так как нарушались обеспечивавшие ее жизнеспособность условия воспроизводства рабочей силы. Последнее осуществ-

*Провейвание зерна. Рельеф с надгробного памятника в Майнце.
Один крестьянин провеивает зерно грохотом, другой уносит очищенное зерно*

лялось, как уже отмечалось выше, посредством завоеваний за счет расширения варварской периферии Римского государства. Между тем ко II в. н. э. успешная завоевательная политика Рима прекратилась: упадок класса мелких земельных собственников подорвал военную мощь рабовладельческого государства. С другой стороны, увеличивалась численность деклассированных элементов, прежде всего паразитического городского плебса, содержание которого требовало дополнительных расходов и усиливало бремя основных непосредственных производителей.

Параллельно с ослаблением Римской державы наблюдался рост военного потенциала варварских племен (связанный с процессами социального развития в их среде). Все это сделало невозможным регулярное пополнение римского сельского хозяйства дешевыми рабами¹. В то же время разорение широких слоев свободных крестьян и ремесленников вело к сужению внутреннего рынка. При таких обстоятельствах крупное, интенсивное, специализированное земледельческое хозяйство становилось нерентабельным.

¹ В эпоху Поздней империи цены на рабов поднялись настолько, что использовать их в сельском хозяйстве стало просто нерациональным. См.: Bloch, 1963, p. 265—266; Jones, 1964, v. II, p. 794.

Кризис рабовладельческого строя нашел свое выражение в упадке вилл, в сокращении площади обрабатываемых земель, сужении общественного разделения труда и распространении экстенсивных форм сельского хозяйства. Производство в целом переживало застой, а в некоторых сферах и деградировало.

Изменения в экономике сказались и на сокращении товарно-денежных отношений: городская жизнь стала клониться к упадку. Ослабление значения городов было связано прежде всего с разорением многих городских землевладельцев — собственников небольших и средних вилл, а также с захирением городского ремесла.

Важнейшим экономическим сдвигом явилось свертывание форм крупного производства, которые сложились в Риме в классический период, и дальнейшее расширение сферы мелкого производства в сельском хозяйстве. Крупные землевладельцы сокращали или вовсе ликвидировали свое плантационное хозяйство и раздавали земельные участки мелким держателям — прекаристам, колонам, вольноотпущенникам и рабам, либо переходили к ведению экстенсивного скотоводческого хозяйства. (Это изменение организации производства во владениях крупных земельных собственников не ставило, однако, под сомнение существование крупной собственности как таковой.)

Указанный процесс получил свое выражение в развитии так называемого постклассического права, для которого характерна определенная модификация понятий собственности, владения, свободы. Если классическое римское право четко разграничивало собственность и владение, то в рассматриваемый период «расстояние» между ними сокращается, в ряде случаев оба понятия смешиваются (Levy, 1951, p. 22, 32—40, 46—47). В то же время типичная для античной формы собственности абсолютная власть рабовладельцев над рабами ограничивается законодательным путем: запрещаются убийство господами рабов и продажа сельских рабов без земли; рабам предоставляется право искать защиту от произвола хозяев у статуй принцепсов или алтарей богов (позднее — право церковного убежища). Новшеством, противоречившим классическим нормам права собственности, явилось также лишение курялов — городских землевладельцев, ответственных за взнос налогов, — права продавать свои земли и рабов. Существенным нарушением принципа свободы, пронизывавшего классическое право, в имперском законодательстве послужило прикрепление свободного населения некоторых разрядов (курялов, коллегатов, колонов, либертинов) к месту их рождения и лишение права уходить из соответствующих городских общин, деревень или имений.

Охарактеризованные выше сдвиги оказали определенное воздействие на экономику и социальную структуру позднеимперского общества, в том числе и на положение мелкого производства и его основных носителей.

2. Вилла и деревня

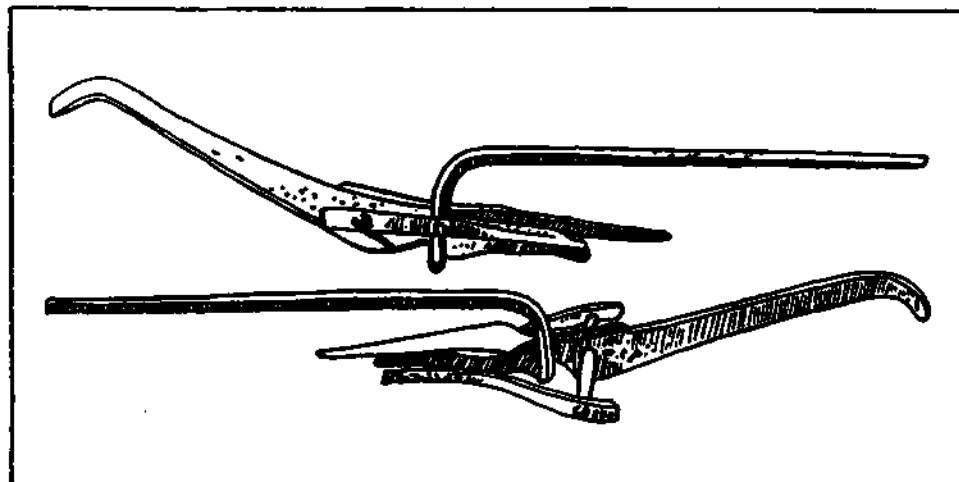
В Поздней Римской империи продолжался рост крупного землевладения. Именьями, разбросанными в различных провинциях, владели фиск, император, магнаты из сенаторского сословия, верхушка городских землевладельцев (декурионы), христианская церковь. Именья магнатов иногда занимали площадь в несколько тысяч югеров (югер — около 25 аров) (Stevens, 1966, p. 119). Было, однако, немало средних и мелких имений. При Константине с поместий, подаренных церкви Равенны,

1. Возникновение феодально-зависимого крестьянства

поступал незначительный доход от 20 до 120 солидов, в среднем — 40 солидов в год (Jones, 1964, т. II, р. 785).

Имена могли дробиться: известны владельцы их трети, шестой, восьмой части (Jones, 1966, р. 302). В то же время поместья могли группироваться в комплексы, охватывавшие иногда до 30 имений, доход с которых мог достигать 1650 солидов.

Данные о структуре имений разрозненны и неполны: они позволяют делать лишь весьма общие выводы. Можно утверждать, что, несмотря на разнообразие местных условий в отдельных областях Западной Римской империи, крупные имения обычно состояли из домена и держаний

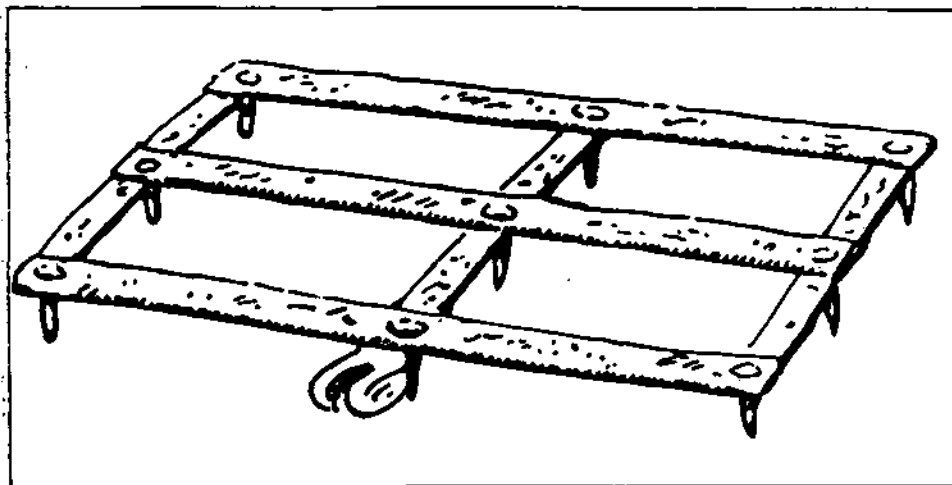
Римский легкий плуг: симметричное орудие плужного типа с изогнутым градилом, подошвой, рукоятками и стреловидным лемехом. Бронзовая модель. Кёльн

зависимых земледельцев различного статуса. По-видимому, пахотная земля в основном отдавалась в держания. Соотношение же между пахотными землями, лесами, лугами и прочими необрабатываемыми землями, было неодинаковым, но, как правило, пашия занимала только незначительную часть общей земельной площади.

Население имений обычно состояло из домашней челяди и сельских рабов (*familia urbana et rustica*), сервов, посаженных на землю, колонов, мелких прекаристов. Если даже большая часть земли в крупных имениях и раздавалась в держания, все же домен нередко оставался довольно значительным, и его обработка требовала немалого количества рабочих рук. Для обработки земель виллы Шираган, например, необходимо было, согласно подсчетам некоторых исследователей, около 400 человек (Grenier, 1931, т. VI, р. 888—892). Подобные подсчеты, разумеется, не могут считаться точными. Однако и археологические раскопки римских вилл в Галлии, на Рейне, в Испании подтверждают, что непосредственно в господской части обычно находились жилые помещения, рассчитанные на значительное число людей (Brogan, 1953, р. 125; Grenier, 1931, р. 844—845; Stevens, 1966, р. 113; Serra Rafols, 1952). Вероятно, в большинстве случаев подобного рода помещения были предназначены для рабов, которые, как и раньше, обрабатывали домен. Об этом свидетель-

ствуют и литературные и юридические памятники IV—V вв., в которых наряду с рабами, посаженными на землю, упоминаются сельские рабы (*mancipia rustica*), рабы-землепашцы (*servi aratores*), работающие под надзором господина или его виллика.

В имении проживали также сервы и либертины, которые вели собственное хозяйство, колонны различных категорий (*coloni, tributarii, inquilini*), свободные поселенцы (*advena ingenui*), мелкие прекарисы и вольные наемные работники (*mercenarii*), привлекавшиеся обычно в разгар сельскохозяйственных работ. Кое-кто из этих земледельцев мог жить не на территории виллы, а в прилегавших к ней деревнях. О наличии

Римская борона

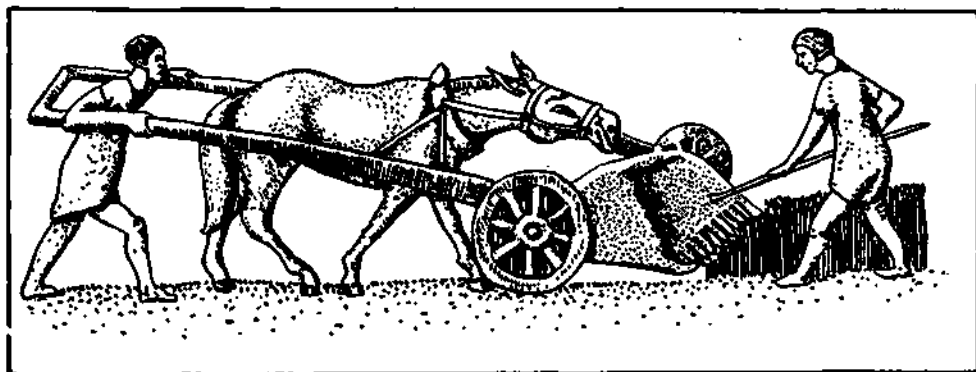
такого рода поселений на периферии крупной виллы свидетельствуют литературные и археологические памятники.

В IV в. имение рассматривалось обычно как комплекс владений, состоящий не только из собственно виллы, но включающий и отдаленные земельные участки, связанные с ней теми или иными хозяйственными узами. Эти участки обозначаются в источниках терминами «прилегающие» или «тянущие» (*adiacentia, pertinentia*) (*Cod. Theod.*, X, 8, 1). К поместью юридически могли относиться также права на пользование соответствующим общим выпасом — *ager compascuus* (*Steinwenter*, 1942, S. 101—102). В ряде случаев хозяйством виллы руководил непосредственно ее собственник. В IV—V вв. некоторые землевладельцы, сенаторы и куриалы, переселяются в свои имения, но многие еще остаются жить в городах. Управлял виллой так называемый кондуктор, или виллик, который выплачивал собственнику твердо фиксированную ренту. Зачастую в крупных виллах трудились и ремесленники, удовлетворявшие потребности самого имения и его обитателей в каких-либо изделиях, но, как правило, имение по-прежнему было связано с городом и его ремесленным производством.

Домен обрабатывался преимущественно сельскими рабами и наемными работниками, в значительно меньшей мере прибегали к барщинному труду колонов (*Cod. Just.*, IX, 49, 7; *Brogan*, 1953, p. 125; *Jones*, 1964,

1. Возникновение феодально-зависимого крестьянства

v. II, p. 787). В домене главное место занимали масличные культуры и виноградарство. Хлебопашество в Италии и некоторых других провинциях служило удовлетворению лишь внутренних потребностей поместья. Основную часть дохода владельца имения составляла рента, которая вносилась держателями земельных наделов деньгами и продуктами. Несмотря на постепенное сокращение товарно-денежных отношений, денежная рента продолжала играть большую роль в хозяйственной жизни имения. Колоны и другие мелкие держатели продавали свой урожай (или часть его) на местных рынках и добывали таким путем деньги, необходимые для выплаты денежного оброка. Кое-где уже установился

Галло-римская косица. Реконструкция

обычай выплаты ренты в натуральной форме, и в этих случаях господам запрещалось требовать от колонов денежные взносы. Но еще в начале V в., по сообщению Олимпиодора, римские сенаторы получали три четверти ренты золотом, а одну четверть продуктами (Олимп. Ист., § 44).

Хотя вилла как хозяйственный центр и пункт сосредоточения земледельческого населения все более выступает на передний план, деревня (*vicus*) также сохраняет важное значение в римском обществе. В период Империи *vicus* — это низшая политическая ячейка городской общины (*civitas*). *Vici* обладали статусом юридических лиц, имели своих магистратов. В деревнях происходили рыночные собрания. Жители деревни могли совместно принимать решения по некоторым вопросам общественной жизни (Halban-Blumenstock, 1894, S. 135). В западных провинциях империи *vici* могли в некоторых случаях владеть недвижимостью, в том числе и землей, но это не была общинная земля — ведь территория деревни входила в состав территории городской общины (Schulten, S. 662—663). Использование общих выпасов теми или иными группами деревенских жителей обычно подчинялось римской системе межевания и распределения земли.

О системе полей, характерной для римской деревни, позволяют судить данные землемерной практики, известной из трактатов землемеров (I—II вв. н. э.), фрагментов земельных кадастров и материалов, полученных с помощью аэрофотосъемки. Земля, которую отводили колонистам или ветеранам, в Италии и провинциях межевалась путем раздела обрабатываемой площади на квадратные участки — центурии — обычно

по 200 югеров в каждом. В некоторых случаях межевание происходило в форме стригации и скамнции — земля делилась на прямоугольные полосы. Центурии или скамьи и полосы подвергались разделу между поселенцами, причем доли их были неравными. Границы владений (*fines*) служили проселочными дорогами для соседей и были обсажены деревьями. Оставшиеся при межевании нераспределенными участки земли (*subseciva*) в большинстве случаев отдавались в пользование группам соседей — ближайших собственников, иногда — целым общинам (*ager compascuus*). Межевание с помощью центуриации и скамнции не ограничивалось территорией, которая предоставлялась поселенцам, а рас-

Галло-римская вилла периода Ранней империи.
Фреска из музея в Трире

пространялось и на земли соседних possessоров из местного населения. В общем наиболее характерными чертами системы полей, соответствовавшей этой землемерной практике, были замкнутое расположение входящих в то или иное владение культивируемых земель; наличие сети дорог, которые обеспечивали каждому собственнику свободный доступ к его участку; общее пользование угодьями, осуществлявшееся группами земельных собственников (Грацианский, 1960, с. 255—283). Такой порядок межевания гарантировал свободу индивидуального хозяйствования.

Система земледелия, применявшаяся на территории Римской империи, не была единообразной. Как правило, однако, она предполагала

сохранение определенных полей под паром. Каждый земельный участок делился на две или три части, а засеивались ежегодно только одна либо две из них, вторая или третья оставались под паром. Римляне еще во времена Республики знали трехполье, но оно не стало господствующим. В средиземноморских районах Империи широко практиковалось двухполье.

Население «свободных» деревень обычно обозначаемое в источниках терминами «*vicani*», «*plebs*», «*rustici*», состояло, по-видимому, из мелких собственников-крестьян и земледельцев, оказавшихся уже в поземельной или личной зависимости от поссессоров.

По мере упадка городской муниципальной организации значение деревень должно было возрастать. Правда, они втягивались в сферу влияния крупных вилл; в восточных провинциях этому способствовали широко распространенные патронии магнатов над деревнями. На Западе крупные земельные собственники также становились патронами мелких земледельцев, однако о существовании здесь коллективных патрониев, подобных *patrocinia vicorum* Востока, в источниках не содержится каких-либо данных (Корсунский, 1959).

3. Непосредственные производители в сельском хозяйстве

В сельском хозяйстве Поздней Римской империи важную роль играли рабы, колонны, прекарисы и свободные мелкие собственники.

Рабы считались неотъемлемой принадлежностью имения. Постановления (конституции) римских императоров, касающиеся завещаний, конфискаций, дарений, раздела имений между наследниками и проч., включают сервов в основные категории имущества. Согласно ряду правительственных документов, наличие сервов рассматривалось, и по-видимому не только по традиции, как условие нормального функционирования и хозяйственной устойчивости имений. В стремлении предотвратить разорение землевладельцев из тяглого сословия декуррионов, правительство запрещало им отчуждать недвижимость и рабов (*Cod. Theod.*, XII, 3, 1; *Nov. Maior.*, 7, 9). По той же причине не разрешалось отнимать у землевладельцев за долги или брать в залог сельских рабов. Их труд, как формулировали эту мысль законодатели, давал возможность выплачивать налоги (*Cod. Theod.*, IV, 18, 1; ср.: *Cod. Just.*, VIII, 17, 7). Опекуны не могли продавать имения и сельских рабов, входивших в состав имущества их подопечных.

Убеждение, что в вилле нельзя обойтись без рабов, высказывает епископ Амвросий Медиоланский, живший в конце IV в. Напомнив сенаторам о необходимости, несмотря на голод, поразивший Италию, кормить сервов, он внушает: если рабы умрут, все равно придется потом покупать новых, а это обойдется дороже (*Ambros. De officiis*, III, 46—49; см.: Jones, 1964, v. II, p. 795).

Рабы использовались в имениях поссессоров различных категорий. В поместьях римской знати в Италии, Галлии, Испании, Африке и других провинциях трудились сотни сервов, как это видно, в частности, из сообщений Сидония Аполлинария, Симмаха, Сальвиана и других авторов того времени. Рабы были обязательной принадлежностью имений фиска и церкви. Земли фиска жаловали обычно вместе с сервами (*Vg. Cod. Theod.*, X, 1, 1). Частным лицам запрещалось переводить рабов из доменов фиска в свои владения (*Vg. Cod. Theod.*, XI, 1, 12;

ср.: Cod. Theod., X, 12, 1, 2; X, 10, 10). Уже в V в. в актах ряда церковных соборов упоминаются рабы церкви (Conc. Aurel., с. 15; Conc. Auris., с. 6; Greg. I. Epist., IX, 98; 123). Сервов имели также монастыри (Conc. Agath., с. 56) и отдельные клирики (Cod. Theod., V, 4, 7; Nov. Val., 35, 6; Apoll. Sid. Epist., IV, 24; Conc. Aurel., II, с. 32). Рабы находились также в виллах курiales и ветеранов. Они обладали свободные крестьяне, а иногда и колонны. Степень распространенности рабства в различных провинциях Империи в IV—V вв. была неодинакова. По крайней мере, сопоставляя косвенные свидетельства источников, исследователи высказывают мнение, что труд рабов сравнительно широко применялся в сельском хозяйстве Италии, Испании, на островах Эгейского моря, в Галлии.

Источники рабства в период Поздней империи все еще были многообразны. Важную роль в пополнении рабского населения играли войны. Правда, военнопленные теперь чаще оказывались в положении колоннов, но нередко по-прежнему продавались в рабство (SHA, Claud., 9, Aurel., 7, 1; Valer., 10, 2). В IV—V вв. сохранялась работорговля. На границах Италии и в ее городах существовали рынки рабов (Br. Cod. Theod., IX, 14, 1; Symm. Epist., II, 78). Одним из источников пополнения несвободного населения было добровольное вступление в рабство римских горожан, которых толкали к этому нужда и голод. В связи с тем, что в рассматриваемый период укрепляется рабская семья и упрочивается хозяйственная самостоятельность части сервов, увеличивается и естественный прирост этой категории населения. В источниках упоминаются доморожденные сервы — *vergae*.

Определенные группы рабов выполняли сельскохозяйственные работы в домене. В IV—V вв., как показывают юридические и литературные памятники, сохранилось еще прежнее деление сервов на *familia urbana* и *familia rustica*. Среди рабов, использовавшихся в хозяйстве, существовала специализация (пахари, пастухи быков, пастухи овец и т. д.) (Cod. Just., VIII, 17, 7; Cod. Just., II, 30, 2; Maxey, 1938, p. 17). Паулин из Пеллы упоминал о сервах, которые работали в его имении, «побуждаемые примером господина и понуждаемые против воли его суровостью» (Paul. Pell. Eucharist., V, 192—196). Таких же рабов, эксплуатируемых прежним, т. е. плантационным способом, вероятно, имел в виду и Сальвиан, когда говорил о сервах, которые подвергаются побоям и дрожат перед акторами и прокураторами (Salv. De gubern. Dei, IV, 13, 7). В литературных произведениях IV—V вв. встречаются жалобы на нерадивость и хитрость рабов, а также рассуждения о том, как лучше побуждать их к усердному труду (Pallad. De re rust., XIV; Veget. Ars mulomedic., I, 56, 11—13; ср.: Salv. De gubern. Dei, IV, 3).

Однако, хотя традиционный метод эксплуатации сервов применялся до конца существования Западной Римской империи, все же расширялась практика наделения рабов землей. О таких рабах, посаженных на землю, занесенных в ценз по соответствующему имению и выплачивающих оброки, упоминают различные источники III—V вв. (Symm. Epist., IX, 6; Cod. Theod., XI, 1, 20; II, 32; Cod. Just., XI, 48, 7). Эти рабы, как трактует вопрос известный римский юрист Ульпиан, не входили в инвентарь имения (Dig., 33, 7, 12). Их заносили в ценз, и право господ отчуждать их подвергалось ограничениям: сервов, испомещенных на землю, нельзя было продавать за пределы провинции и вообще отчуждать без земли (Cod. Theod., XI, 3, 2; XI, 1, 20; Cod. Just., XI, 48, 7).

В произведениях юристов II—III вв. большое внимание уделяется пекулию, который выступает здесь как имущество, находящееся в распоряжении серва. В пекулий могли входить земельный участок, скот, рабы. Юрист Павел рассматривал пекулий раба как имущество, подобное достоянию свободного человека (Dig., 15, 1; 47, 6). Раб иногда мог фактически распоряжаться своим имуществом, заключать хозяйственные сделки. Стало возможным вчинять иск по поводу сделок серва, связанных с эксплуатацией пекулия, в пределах его стоимости (*actio de peculio*). Обычно при отпуске раба на свободу пекулий оставался за ним. Как видно из надписей, серв был вправе делать дарения (во всяком случае, жене) из своего имущества (Seyfarth, 1963, S. 147—148).

Официальное законодательство в известной мере, как уже говорилось, ограничило власть господ над рабами. Несколько упрочились семейные связи рабов. В надписях сервы обозначаются теперь нередко как супруги (*coniunx, maritus, uxor*), упоминаются их дети, что свидетельствует о существовании устойчивой рабской семьи. Законы требуют, чтобы при разделе своих имений господ не дробили семьи рабов.

Все эти нововведения не означали, однако, коренного изменения статуса сервов. Пекулий, по закону, по-прежнему был собственностью господина; в силе оставались положения о том, что серв не может иметь собственности; все приобретаемое им принадлежит его господину (Dig., 50, 17, 178; ср.: Dig., 50, 17, 32; 50, 17, 118). Раб лишен был права составлять завещания. Господин мог отнять у него пекулий или уменьшить его по своему усмотрению (*Gai. Instit.*, II, 8, 7). За рабами не признавалось право подписывать какие-либо обязательства (Dig., 15, 1, 41). Наличие подобного рода юридических норм характерно не только для классической римской юриспруденции, но и для постклассического права (*Bgr. PS*, III, 6, 1; *Bgr. Cod. Theod.*, II, 30, 2).

Таким образом, предоставление рабам некоторой свободы распоряжения имуществом, связанное, по-видимому, в первую очередь с наличием слоя рабов, занимавшихся ремеслом и коммерческими операциями по поручению своих господ, не привело к оформлению имущественной правоспособности сервов. Они не могли свободно распоряжаться ни землей, ни движимым имуществом. Изменения в социальном и юридическом статусе рабов не имели радикального характера. Они по-прежнему были лишены всяких политических и гражданских прав, не могли занимать какие-либо должности на государственной службе и в муниципиях, нести военную службу, давать в суде показания против своих господ (за исключением случаев государственной измены). Что касается власти господ над сервами, то фактически она не подверглась существенному ограничению: господин не отвечал за смерть раба, умершего в результате перенесенного им наказания. Как видно из сочинения Сальпана, землевладельцы и в V в. считали, что им принадлежит право жизни и смерти над их рабами (*Salv. De gubern. Dei*, IV, 5). Законы, запрещавшие отчуждать сервов без земли, отнюдь не преследовали своей целью закрепление земли за ними. Государство признавало за господами право переводить рабов из одного имения в другое или из числа сельских сервов в дворню.

Таким образом, институт рабства в Поздней Римской империи не претерпел коренных изменений, позволивших бы сельским сервам превратиться в земледельцев, владеющих орудиями производства и пользующихся полной хозяйственной самостоятельностью, хотя можно просле-

дать некоторые элементы эволюции в этом направлении. Потребность в создании подобного слоя непосредственных производителей в большей мере удовлетворяли другие институты — колонат и вольноотпущенничество.

Значение колоната в экономике Империи постоянно возрастало. Труд колонов широко применялся и в крупном и в среднем землевладении, в виллах фиска, сенаторов, куриалов и церкви. Однако характер этого института претерпел в IV—V вв. существенные изменения по сравнению с тем, который он имел в период Ранней империи.

В первые века Империи колоны были мелкими арендаторами, которые оставались свободными полноправными гражданами и находились лишь в поземельной зависимости от собственников обрабатываемой ими земли. Отношения колоната основывались на договоре между владельцем имения и земледельцами и могли быть прекращены по желанию той или другой стороны. Однако термин «*colonus*» имел в IV—V вв. широкое значение и обозначал земледельцев, статус которых не был одинаковым. Так, африканским колонам, упоминаемым еще в законе Адриана об оккупации пустошей, принадлежало право владения землей и передачи ее по наследству — *ius possidendi ac fructu hereditique suo relinquendi*; некоторые африканские колоны пользовались правом продажи своих владений и в V в. Колонам владений фиска (*rei privatae*) тоже разрешалось продавать свои наделы.

Но основная масса колонов не имела права владеть обрабатываемыми землями ни по нормам классической римской юриспруденции, ни по законам позднеримских императоров; колоны в большинстве своем не могли отчуждать землю. Они по-прежнему были лишь мелкими держателями земельных участков, выплачивавшими оброки собственникам земли. Разница заключалась в том, что владение землей и взаимоотношения колонов с последними теперь не обуславливались договором. Колоны были прикреплены к имениям и выполняли обязанности по отношению к их собственникам в силу своей юридически оформленной принадлежности к разряду колонов (*nomine et titulo colonorum*.— *Cod. Just.*, XI, 53, 1). Согласно нормам официального права, они считались прикрепленными не столько к посессорам, сколько к их имениям (*Cod. Theod.*, XI, 1, 26)². Колоны IV—V вв.— это в основной своей массе потомки колонов — мелких арендаторов периода Ранней империи, приписанные к имениям. С IV в. «инквилит», «колон» и «трибутарий» — термины, которыми в Западной империи обозначались держатели по колонатному праву и которые употребляются и в юридических и в литературных памятниках как синонимы. Важную роль в нивелировке различных категорий мелких земельных держателей колонатного типа играло законодательство.

Известное значение для роста численности колонов имело также наделение земель отпущенников (*Fustel de Coulanges*, 1885; Штаерман, Трофимова, 1971, с. 66, 53). Состав этого слоя постоянно пополнялся в результате поселения (на условиях колонатного права) пленных варваров в пределах римской территории, бегства куриалов, коллегатов и свободных крестьян в виллы магнатов, церкви и фиска, принудительного поселения в качестве колонов лиц, занимавшихся бродяжничеством.

Принадлежность к разряду колонов была наследственной. Дети колонов прикреплялись к имениям, в которых они родились, и после смерти

² *Plebem constet non tam hominibus, quam praediis adscribendum.*

родителей продолжали обрабатывать их наделы. Прочность владения землей обеспечивалась постановлениями, возбранявшими господам отчуждать колонов без земли. (Впрочем, закон не препятствовал посессору переводить колона из одного имения в другое.) Официальное право запрещало также использовать колонов в качестве домашних рабов (Cod. Theod., V, 6, 3). Колоны выплачивали собственникам земли оброки и в ряде случаев несли барщину. В источниках оброки обычно характеризуются как «часть урожая», в отдельных случаях (так, например, определяется их размер у колонов некоторых имений Африки в V в.) как его треть. Величина оброка и его форма — натуральная либо денежная — устанавливались обычаями. В V в. вошло в практику добавлять к оброкам, взимавшимся ранее, «подарки» натурой — свиньями, гусями, яйцами, медом (см.: Jones, 1966, p. 295). По-видимому, обычай регулировал и барщину, которая была незначительной (Cod. Just., IV, 62, 4; XI, 50, 1; см.: Ruggini, 1961, p. 411—414; Jones, 1964, v. II, p. 805—806), а зачастую и вовсе отсутствовала.

На колонах лежало также бремя государственных налогов (поземельный и подушный налог)³ и повинностей, включая постройку и ремонт дорог и мостов, доставку угля, работу в пекарнях, обжиг извести, обеспечение транспортом и проч. — так называемые «грязные» повинности — *munera sordida* (Cod. Theod., V, 6, 3; Cod. Just., XI, 53, 1). Со второй половины IV в. взимание государственных налогов с колонов стало поручаться самим посессорам. Оброки, налоги и повинности, по-видимому, поглощали весь прибавочный, а может быть, и часть необходимого продукта колонов. Между собственниками земли и колонами постоянно велась борьба из-за оброков и платежей. Посессоры в нарушение обычая заставляли колонов вносить ренту деньгами, принуждали их платить поборы с торгового оборота; в доменах фиска арендаторы требовали от колонов дополнительной платы за орошение их участков. Колоны, со своей стороны, задерживали уплату оброков (Symm. Epist., IX, 130; ср.: VI, 81), жаловались на господ в суд по поводу нарушения ими обычаев.

Имущественная правоспособность колонов в IV—V вв. все более ограничивалась. Правда, они теперь вели свое хозяйство, могли иметь, помимо держания, участок собственной земли, рабов; колоны сами продавали свой урожай, уплачивали судебные штрафы. Однако в то же время владелец имения рассматривал имущество колона как свою собственность. В одной из императорских конституций, изданной на рубеже V в., прямо говорится, что все достояние колона принадлежит его господину (Cod. Theod., XVI, 5, 54); следовательно, имелась в виду не только земля, но и движимое имущество. Колона не мог без разрешения господина ничего продавать из своего пекулия (Cod. Just., XI, 50, 2). Законы требовали, чтобы беглых колонов возвращали господам вместе с их имуществом. Формально колонам вообще было запрещено заключать какие-либо имущественные сделки.

Колоны, тем не менее, сохраняют и в этот период ряд черт, присущих свободным гражданам. Нередко их именуют свободными (*inge-*

³ Налоговая система, принятая в Империи, так называемая *iugatio* — *capitatio*, предусматривала обложение и обрабатываемой земельной площади (с учетом наличия рабов и скота) и самих земледельцев: каждый из них при определении суммы налога приравнивался к определенному количеству земли (в соответствии с региональными условиями).

ни). Они самостоятельно ведут тяжбу, привлекаются к несению военной службы. Вообще зависимость колонов от владельцев поместий в глазах современников выглядит в первую очередь как имеющая поземельный, а не частноправовой характер (August. De civit. Dei, 10, 1: «Propter agriculturam sub dominio possessorum»). Колоны могут вступать в брак со свободными людьми. Они составляют завещания и передают имущество своим детям. В некоторых случаях законы прямо отличают их статус от сервильного так же, как обязанности колонов от обязанностей рабов. Однако в определенных обстоятельствах колонов противопоставляют свободным. Уголовное право устанавливает за отдельные преступления одинаковые наказания для сервов и колонов, отличающиеся от наказаний, которым подвергаются свободные. Действуют одинаковые правила представления в суд сервов и колонов, розыска беглых. И те и другие не вправе обвинять своих господ перед судом (колоны могут это делать в гражданских делах и в тех случаях, когда господин нарушает обычай при взимании оброка). Если колон и его жена принадлежат разным посессорам, треть их потомства принадлежит хозяину супруги колона.

В одной конституции 393 г. говорится, что, хотя колоны «кажутся по своему положению свободными, они должны рассматриваться как рабы земли, где родились» (Cod. Just., XI, 52). Осуществление принципа приписки по месту рождения (*origo*) было в известной мере отражением эллинистических влияний. Земледелец должен был обрабатывать землю там, где он родился, но это не означало порабощения. Ведь и городские землевладельцы — куриалы — также не могли оставить свои муниципии и освободиться от возложенных на них повинностей. Все же не приходится игнорировать различия в применении принципа *origo* к куриалам, с одной стороны, и колонам — с другой. Государственные налоги и повинности нередко разоряли часть куриалов, однако они, как правило, вели свое хозяйство, эксплуатируя рабов и колонов, а сами не участвовали в производстве.

Напротив, колоны были непосредственными производителями, подвергавшимся эксплуатации со стороны государства и землевладельцев. Несмотря на то, что колоны считались прикрепленными к государственному тяглу, а не к собственникам земли, их личная зависимость от владельцев имений постепенно возрастает. Государство предоставляет последним определенные административные и полицейские права по отношению к колонам. Землевладельцы, как отмечалось выше, собирают с колонов налоги, которыми те обязаны государству. Они представляют колонов в суд в случае совершения ими преступления. В некоторых случаях землевладельцам передается право самим наказывать колонов, виновных в правонарушениях. Господа же посылают колонов служить в войске (Cod. Theod., VII, 13, 7; XIII, 1, 10; XIII, 1, 3). Впрочем, в IV—V вв. землевладельцам предоставляется возможность заменять поставки рекрутов-колонов денежными взносами, что ведет фактически к отстранению колонов от военной службы и еще большему усилению личной зависимости основной массы колонов от землевладельцев. Не случайно в V в. колонов, как и рабов, начинают обозначать термином «*mancipia*».

По всей видимости, реальный статус колонов в меньшей степени обнаружил сходство со статусом сервов, чем об этом позволяют судить данные законов IV—V вв. В своих имениях посессоры еще не обладали достаточно действенным аппаратом принуждения. Когда колоны уклонялись от выплаты оброков, владельцам вилл приходилось обращаться за

помощью к государственным должностным лицам. Однако если нормы юридических источников и не вполне адекватны практически существовавшим социальным отношениям, то все же они правильно отражают общее направление формирования такой категории производительного населения, как колонны.

Высокий уровень эксплуатации, которой они подвергались в эпоху Поздней империи, едва ли был возможен без личной зависимости колоннов — в той ее форме, в которой они в это время оказались. А ведь вплоть до последнего периода существования Империи наряду с колоннами, прикрепленными к земле, оставались и «свободные колонны». Те, кто сохранял свои земельные участки, приписывались не к именным, держателям в которых они были, но платили налоги в деревнях, где еще обладали собственностью. Особенно четко разграничение между «свободными колоннами» и адскрипциями проводилось в Восточной Римской империи. В целом социальный статус колоннов в эту эпоху понижается. Не случайно колонны считались «презреннейшим» (см.: *Nov. Valent.*, III, XXVII: «*laqueos vilissimi colonatus*») социальным слоем, находящимся между свободными и рабами.

Значительный слой населения Римской империи представляли вольноотпущенники (либертины). Их статус в IV—V вв. претерпел некоторые изменения. Вплоть до III в. многие из них находили себе применение в торговле и промышленности. В период Поздней империи вольноотпущенники все чаще выступают держателями земельных наделов в имениях своих прежних хозяев (*Cod. Just.*, VII, 38, 1; XI, 53, 1). Либертины и до этого нередко были определенным образом связаны со своими бывшими господами, однако их обязанности (в частности, приносить благодарность и выказывать почтение) не находили тогда четкого отражения в юридических памятниках. Теперь эти обязанности либертинов приобретают более ясно очерченные формы, что было связано с распространением новых способов их использования. Отпуская раба на свободу, ему зачастую предоставляли земельный участок. Такие вольноотпущенники превращались, следовательно, в крестьян, находившихся в поземельной зависимости от прежних господ. Все вольноотпущенники оставались в то же время и в личной зависимости от них.

Во второй половине IV в. издаются законы, лишаящие либертинов права ухода из тех имений или деревень, в которых они проживают. Помимо этого, ограничивается — в пользу патронов — имущественная правоспособность либертинов. Уже в III в. действовало правило, согласно которому вольноотпущенник, составляя завещание, не мог обходить патрона, — он должен был оставлять патрону половину имущества. В период Поздней империи ограничения подобного рода усиливаются, особенно в отношении низшего разряда вольноотпущенников. В римском праве эпохи Империи среди либертинов различались две категории: *Latini*, или *Latini Juliani*, и *cives Romani* — в зависимости от способов их освобождения. Либертины той категории, которая обозначалась термином «латиняне» (*Latini*), не имели права свободно отчуждать свое имущество и даже завещать его. Оно не наследовалось их детьми, а возвращалось в собственность патрона.

Лучше было положение либертинов из числа так называемых римских граждан (*cives Romani*). Они могли передавать свое имущество по наследству и в известной степени распоряжаться им при жизни. Однако, коль скоро такой либертин умирал, не оставив детей и завещания, все его имущество отходило к патрону. Либертин-*civis Romanus* не мог и

составить завещание без ведома патрона — оно признавалось недействительным. Таким образом, и либертины высшего разряда не были вполне вольны в распоряжении своим имуществом.

Вольноотпущенники считались свободными людьми, но их все же отличали от свободнорожденных. Либертинов нельзя было назначать на какие-либо почетные должности; для них имелись ограничения и в брачном праве. Вольноотпущенник не мог выступать на суде против патрона в качестве свидетеля или обвинителя.

Решающим фактором, определявшим социальный статус либертина, служило то обстоятельство, что он обязан был повиноваться патрону. Последний обладал также известной дисциплинарной властью над либертинами. Вольноотпущенник, проявляющий «высокомерие» и «дерзость» по отношению к патрону, мог быть вновь обращен в рабство.

Личная свобода *cives Romani* была обеспечена несколько более, чем свобода остальных категорий вольноотпущенников. Постановления соборов и светские законы грозили карами тем, кто без основательной причины, т. е. без соответствующей вины либертина, принадлежащего к *civibus Romanis*, возвращает его в рабское состояние. Тем не менее и на *cives Romani* распространялось запрещение уходить из поместий господ, их гражданские и имущественные права ограничивались (Корсунский, 1954, с. 55—58). Все же либертины-земледельцы, особенно *cives Romani*, занимали более самостоятельное хозяйственное положение и обладали большим социальным весом, нежели колонны. Либертинов не только формально рассматривали как свободных людей, в документах эпохи их значительно реже, чем колонов, сопоставляли с сервами, — они могли свободнее распоряжаться своим имуществом.

В период Поздней империи приходит в упадок институт аренды. Крупные арендаторы держали землю (в императорских доменах) большей частью на основе норм эмфитевтического права и реально мало отличались по своему положению от земельных собственников. Мелкие земледельцы становились преимущественно прекаристами или колонами. Мелкая же свободная аренда сохранялась в незначительных размерах. Арендаторы крестьянского типа постепенно по своему статусу сближались с мелкими прекаристами и в еще большей мере — с колонами. Из законов IV—V вв. видно, что при определении меры наказания и оценке правоспособности с такими арендаторами обращались как с должностными лицами имений, которые были колонами и рабами по своему происхождению (Levy, 1956, S. 252—256).

Прекарий представлял собой издавна распространенную форму условного землевладения. В эпоху Ранней империи отличительной чертой прекария было отсутствие каких-либо четких условий пользования отданной в держание землей. Собственник земли, правда, мог в любое время вернуть ее себе обратно, но в источниках нет никаких данных об обязательствах прекариса нести какие-либо повинности (в виде оброков или платежей). Прекарис не считался владельцем того участка, который обрабатывал. Прекарисами были преимущественно мелкие земледельцы.

В IV—V вв. институт прекария переживает некоторую эволюцию. Прекарное держание становится длительным, в ряде случаев пожизненным, хотя и законы, и постановления церковных соборов предупреждают, что давность владения не обеспечивает прекарисам права собственности на обрабатываемые ими земли (Cod. Just., VII, 39, 2; Conc. Epaon., с. 18; Conc. Agath., с. 59). Кроме того, прекарий все чаще оформляется теперь письменно, и прекарисы вносят платежи собственнику земли.

Существенное воздействие на становление новых отношений в римской деревне оказывал также патронат. Он был известен и республиканскому Риму и заключался в том, что менее состоятельные и менее влиятельные граждане отдавались под покровительство лиц, обладавших социальным весом и значением. Институт патроната стоял, однако, вне сферы официального права: речь шла о добровольных взаимоотношениях полноправных свободных граждан.

В Поздней империи ситуация изменяется, и патронат приобретает существенные новые черты. Он связывается с поземельными отношениями и становится формой личной зависимости крестьян — мелких земельных собственников или мелких держателей от крупных землевладельцев. Причиной вступления под патронат (или патроциний) нередко и теперь было желание того или иного гражданина заручиться покровительством в суде или получить защиту от насилий других магнатов, имперских чиновников или муниципальных властей. Однако более типичным мотивом обращения к патрону становится стремление избежать уплаты непосильных государственных налогов и уклониться от выполнения муниципальных повинностей.

Как правило, для приобретения такого покровительства крестьяне переводили свои участки на имя патронов, т. е. лишались права собственности на землю. «...Желая получить защиту, они прежде всего передают покровителям почти все свое имущество» (Salv. De gubern. Dei, V, 8, 39; Cod. Theod., XI, 24, 2; Cod. Just., XI, 54, 1; Cod. Theod., II, 14, 1; Cod. Just., II, 13, 1). Под патронат отдавались и люди, приходившие к магнату и совсем без всякого имущества, «для пропитания», как отмечал Августин (August. De civit. Dei, II, 20). В юридических памятниках они именуются иногда *advenaе* (Nov. Valent., XXXI). Такими пришельцами, вступавшими под патроциний магнатов, могли быть и беглые колонны и рабы. Человек, отдавшийся под покровительство, обычно становился земельным держателем во владениях патрона — прекаристом или колоном (Salv. De gubern. Dei, V, 1, 43). Он владел землей, по Сальвиану, пожизненно, как правило, уплачивая оброк своему покровителю (Cod. Just., XI, 54, 2). Держатель, отдавшийся под патроциний, рассматривается в качестве лица, подчиненного патрону, находящегося под его властью (Salv. De gubern. Dei, V, 8, 38).

Патроцинии, сопровождающиеся передачей земли патрону и уклонением от уплаты налогов, не были легальными. С середины IV в. императоры издавали законы, впрочем мало действенные, грозившие строгими карами за принятие земледельцев под патроциний (Cod. Theod., XI, 24, 1—6; II, 14, 1; Cod. Just., II, 13, 1; XI, 54, 1—2).

В имениях использовались и свободные наемные работники. Их было особенно много в провинции Африка. В качестве наемных работников могли использоваться и сервы, однако, судя по эпиграфическим и юридическим источникам, чаще всего в роли наемных работников выступали свободные земледельцы (Cod. Theod., XVI, 5, 52; 54; Cod. Just., XI, 48, 8), хотя таких наемных труженников передавали по наследству и даже сдавали внаем по контракту. В случае оскорбления, нанесенного наемному работнику, иск вчинял его наниматель.

При Диоклетиане государство, регламентируя цены, установило твердую таксу и для наемного труда. Сельскохозяйственный работник (*operarius rusticus*) получал в день 25 денариев, включая стоимость пропитания. Большая часть наемных работников, по-видимому, сближалась по своему положению с зависимыми земледельцами. Уже во II—III вв. та-

кие работники оказываются в той или иной мере в личной зависимости от владельцев имений. Как и рабы, эти земледельцы не могли давать показания на суде против своих хозяев. Эдикт Диоклетиана (301 г.) о рыночных ценах и о заработной плате вообще не проводил каких-либо различий между сервами, либертинами и свободными.

Весьма скуден материал источников относительно мелких земельных собственников крестьянского типа в период Поздней империи. В эпиграфических памятниках и произведениях землемеров, относящихся еще к периоду Ранней империи, упоминаются наряду с деревнями, расположенными на территории крупных вилл, и деревни, находившиеся в городских округах. Такие деревни сохранились также в последний период Империи. Юридические источники отличают деревни (*vici*) от имений (*possessiones*) и от городских общин (*Cod. Theod.*, XVI, 2, 33; VIII, 5, 35).

Мелкие земельные собственники жили, кроме того, бля крепостей — *castella* (см.: *Cod. Just.*, XI, 54, 1: «*rustica plebs quae extra muros posita*»). Ср.: *Cod. Theod.*, XIII, 1, 3) и составляли значительную часть населения городских общин.

О наличии мелких земельных собственников в Италии в конце IV в. можно судить, в частности, по произведениям Амвросия Медиоланского: он многократно отмечает захваты земель бедняков их соседями — магнатами (*Ruggini*, 1961, p. 25—26). Еще более значителен был слой свободных крестьян-собственников в провинциях; в частности, о Галлии соответствующие сведения передает Сальвиан. Кое-какие данные относительно свободных деревень по берегам Луары содержит сатирическое произведение позднеантичного периода «Кверол» («Горшок»). В этой комедии говорится о людях, которые живут не по римским законам, а по варварскому праву, и которым «все дозволено»: крестьяне, согласно этому праву, негодует автор, выступают перед судом (*Quogolus*, p. 17).

Такие же свободные крестьянские общины имелись на Пиренейском полуострове, особенно в областях басков и кантабров, в Северной Африке. На Дунае, в Норике, в конце V в., судя по житию св. Северина, написанному Евгипшием, основную массу населения в городах, *oppida* и *castella* составляли римские земледельцы, работавшие на своих полях.

Обращаясь к юридическим признакам, отличавшим в позднеримском обществе различные категории свободных людей, мы видим, что свободные крестьяне входили в состав плебса. Эта сословная группа в целом была отграничена от других слоев свободного населения, с одной стороны, от колонов и рабов — с другой. Юридические памятники выделяют среди населения городского округа курялов (декурионов) и плебс. К последней категории принадлежал прежде всего городской плебс (*plebs urbana*), который пользовался в ряде городов Империи некоторыми привилегиями. Часть его несла специфические обязанности по отношению к государству (коллегаты). К этому же плебсу относятся и земледельцы. Иногда они обозначаются термином «*plebs rustica*» (сельский плебс), но чаще всего это просто *plebs* или *populus* [*Cod. Theod.*, I, 29, 9 (392); I, 29, 8 (392); XII, 6, 20 (386); *Nov. Maior.*, VII, 1]. В экономическом отношении для их статуса характерно то, что они считаются *possessores*, а их земельный надел называется *possessio*. Иногда, в отличие от сенаторов или курялов (или зажиточных курялов), которые также являются *possessores*, они именуются *minores possessores* [*Cod. Theod.*, XI, 7, 12 (383)]. Плебс пользовался некоторыми политическими правами и были членами церковной общины. Они участвовали в избрании дефензора (*Nov. Maior.*, III), епископа (*Vita S. Germani*, c. 2).

Как известно, в Поздней Римской империи наряду с прежними словесными делениями возникло деление на «почтенных» (*honestiores*) и «низших» (*humiliores*). Сельские и городские плебеи, как правило, относились ко второй категории. Для них, как и для всех *humiliores*, уголовное право предусматривало особые наказания (*Cod. Theod.*, XVI, 5, 52; 54; *Nov. Valent.*, XXIII, 3—4). Законы иногда прямо умаляют их правоспособность по отношению к декурionsам и представителям высших слоев общества [*Cod. Theod.*, XI, 1, 14 (366—374); ср.: *Cod. Theod.*, V, 19, 1(365)]. Для обозначения плебеев применяются термины «наихудшие» (*pezzimi*), «ничтожнейшие» (*tenuiores*). В юридических и нарративных памятниках IV—V вв. отражен процесс утраты определенной частью плебеев земельной собственности и личной свободы. Плебеи (крестьяне) подвергаются эксплуатации со стороны городской верхушки и государства: орудием этой эксплуатации служат налоги и повинности. Плебеи нередко становятся жертвами прямого насилия магнатов и государственных чиновников, захватывающих их земельные участки, рабов и скот. Мелкие земельные собственники вынуждены отдаваться под покровительство магнатов, становиться их прекаристами или колонами.

Заинтересованное в сохранении слоя мелких крестьян — налогоплательщиков и воинов — государство не раз издавало законы против патрициев, против того, чтобы верхушка куриалов перекладывала основное бремя налогов на мелких possessоров, против незаконной экспроприации чиновниками имущества крестьян и принуждения их к работам в свою пользу. Был учрежден особый институт дефензоров, призванных защищать интересы плебса; чиновникам запрещено было взимать повинности с крестьян по произволу, отбирать у них за неуплату долгов и в качестве залога плуга, рабочий скот, рабов-пахарей и все, что относилось к земледельческому инвентарю (*Cod. Theod.*, II, 33, 1; IV, 18, 1; *Br. Cod. Theod.*, II, 30, 1; *Cod. Just.*, VIII, 16, 8; *Rhetores Latini minores*, p. 385). В начале V в. правительству в ряде случаев приходилось идти на снижение налогов (*Cod. Theod.*, XI, 28, 4; 5; 6; 7). Все эти меры оказывались неэффективными, ибо их выполнение возлагалось на чиновников, которые рассматривали крестьян как источник собственного обогащения. В этом отношении и дефензоры вскоре перестали отличаться от остальных представителей имперской бюрократии. Государство санкционировало продажу имущества крестьян, которые были не в состоянии выплатить налоги.

Источники отразили отчасти самый процесс перехода крестьянина-плебея от статуса свободного человека к статусу колона. В законах говорится о тех, кто поселился в имении фиска или частных лиц в качестве колонов, но сохранил за собой право собственности на свои участки по месту прежнего жительства (*Cod. Theod.*, XIII, 1, 10 (374)).

Наблюдается определенная тенденция к сближению положения плебеев-крестьян, особенно вступавших под патронат магнатов, и колонов. В императорских конституциях колоны даже включаются в состав *plebs rustica* (*Dig.*, 43, 26, *Ulp.*; *Cod. Just.*, VII, 39, 2), что как бы предвосхищает соответствующие формулировки хозяйственных документов периода раннего средневековья (Франкское королевство, Италия и Испания). Тем не менее в позднеримских памятниках сохраняется довольно четкое разграничение мелких земельных собственников — плебеев и колонов. Даже в тех случаях, когда по отношению к колонам применяется понятие *plebs rustica*, их все-таки не смешивают с прочими *rusticani*, свободными земельными собственниками [*Cod. Theod.*, XIII, 1, 9(361); XIII, 1,

10(374); Seyfarth, 1963, X, 111—112; 118], в то же время плебе, о котором должен заботиться дефензор, — это *rusticitas* (Cod. Just., I, 55, 3).

Крестьяне — мелкие собственники считались поссессорами, между тем как колонны не признавались таковыми; различен был порядок призыва тех и других в войско: плебей-земледельцы, объединяясь по несколько человек, выставляли рекрута, а колонны направляли в войска их господа (Cod. Theod., VII, 13, 7). Мелкие собственники — плебей пользовались всеми правами свободных людей; колонны, напротив, были лишены ряда этих прав.

Что представляло собой хозяйство крестьян-плебеев? Земельные собственники, располагавшие более чем 25 югерами земли, согласно конституции 342 г. зачислялись в курии. Вероятнее всего, владения основной массы свободных крестьян не превышали указанные размеры. По расчетам Моммзена, римская крестьянская семья обеспечивала свое существование, работая на участке приблизительно в 20 югеров (Моммзен, 1933, I, с. 177).

В рассматриваемый период крестьянин нередко имел одного-двух рабов. У него была упряжка быков. В некоторых областях Италии и в других западных провинциях крестьяне были связаны с рынком, продавая свой урожай и покупая ремесленные изделия.

В Италии и в романизованных провинциях Запада у крестьян, по-видимому, исчезла общинная организация. В ряде случаев в деревнях функционировали, однако, органы самоуправления, выборные должностные лица. В слабо романизованных и нероманизованных областях крестьяне жили общинами.

К мелким собственникам в Поздней империи относились не только плебей, но отчасти также разорявшиеся от непосильного налогового бремени куриалы — средние землевладельцы. Уже к середине IV в. среди них наблюдается глубокая дифференциация. Из юридических и нарративных памятников видно, что власть в куриях принадлежит городской верхушке (*principales, decemprimi, potentes*), которая использует свое положение для того, чтобы перекладывать всю тяжесть налогов и повинностей на массу рядовых куриалов, *inferiores*. Некоторые куриалы настолько беднеют, что их приходится освобождать от городских повинностей, разрешать им продавать рабов и земли. Эти куриалы фактически по своему имущественному положению не отличаются от мелких собственников — плебеев.

Конституция 342 г., предписывавшая включать в состав курий плебеев, владевших более чем 25 югерами земли [Cod. Theod., XII, 1, 33(372)]⁴, показывает что куриалами могли быть и землевладельцы, имевшие типичные крестьянские наделы. Вопреки официальному праву, куриалов, как и *humiliores*, иногда подвергали телесным наказаниям (Cod. Theod., XII, 1, 47; 80; 85; 126; 153; 190). Писателям V—VI вв. — Августину, Сальвиану, Евгипсию — хорошо известен тип жителя городской общины — куриала-бедняка, который собственноручно обрабатывает клочок земли возле стен своего города (August. De cura pro mortibus, 12, 15; Salv. De gubern. Dei, V, 7, 28; Eugipp. Vita S. Severini, с. 12, 14, 22). Судя по сообщениям императорских конституций, куриалы спасаются бегством, поселяются в имениях фиска и магнатов в качестве колоннов, женятся на рабынях или женщинах, принадлежащих к разряду

⁴ В число куриалов включались и те плебей, у которых было менее 25 югеров собственной земли, но которые имели еще державки в имениях фиска.

колонов. Такие курналы в своем большинстве, несомненно, именно мелкие собственники.

Собственниками подобного же рода иногда вновь становились и крестьяне, ранее превратившиеся в наемных работников и накопившие достаточно средств для ведения самостоятельного хозяйства. Такой факт упоминается в надписи из Мактариса (Северная Африка), где говорится о жнеце, сделавшемся в дальнейшем собственником виллы и декурсионом.

В эпоху Поздней империи имелось много запустевших земель. Государство всячески поощряло тех, кто согласен был взяться за обработку заброшенных земель, облегчая переход пустошей в собственность.

Особый слой земельных собственников, пользовавшихся рядом привилегий по сравнению со свободными людьми из низших слоев общества, составляли ветераны весьма многочисленной римской армии. Они были освобождены от принудительных государственных повинностей и, по видимому, не платили налоги за предоставленные им земли. Впрочем, приобретая новые земли, подлежащие обложению, они, очевидно, обязаны были платить соответствующие налоги. Ветераны не подвергались некоторым униительным наказаниям и принудительному труду в рудниках. Их не заставляли выполнять обязанности декурсионов. Они имели свои организации — коллегии ветеранов. Решающее значение, однако, для реконструкции социального облика ветеранов имеет их имущественное положение, которое не было одинаковым⁵. В Поздней империи вывод колоний ветеранов становится редким явлением, хотя совсем и не прекращается. По закону Константина от 320 г. ветераны могли приобретать пустующие земли. Государство оказывало им помощь в организации хозяйства (деньгами, рабочим скотом и семенами). Простые солдаты получали 50 фоллиев (1 фоллий равен 72 солидам), пару волов и 50 модиев зерна, гвардейцы — 100 фоллиев, две пары волов и 100 модиев зерна. Если учесть, что, по расчетам Колумеллы, для засева одного югера требовалось 4 модия зерна, то обычный размер надела рядовых ветеранов равнялся 12,5 югера, а ветерана из гвардии — 25 югерам. В обоих случаях перед нами — наделы крестьянского типа. Разумеется, ветераны могли приобретать еще дополнительно земли, а так как они пользовались известными преимуществами по сравнению с крестьянами-плебеями, то среди них, очевидно, было немало зажиточных крестьян. Обычно ветераны применяли в своем хозяйстве труд рабов.

Особым разрядом мелких земледельцев в Поздней империи были варвары, которых селили на римской территории с тем, чтобы они обрабатывали земли и несли военную службу (*laeti, gentiles*). *Laeti* упоминаются в источниках с конца III в. Термин этот германского происхождения, он родствен термину, обозначающим полусвободных у некоторых германских племен (*lidi, lazzi, lassii*). Леты селились главным образом на границах государства, на Рейне, но иногда и во внутренних областях — Галлии, Италии, Африке, Фракии. Они обрабатывали землю государства или муниципиев, предоставленную им императором (*terrae laeticae*),

⁵ В I в. до н. э. — I в. н. э. ветераны нередко получали большие наделы. Так, в I в. н. э. рядовые римские воины в Германии, по некоторым подсчетам, вознаграждались участками в среднем в 400 югеров. В Галлии же, согласно кадастру в Оране наделы солдат равнялись 33,5 или 66,6 югера. Значительно меньшим был тогда надел в Дунайских провинциях: в Далмации при Августе — 50 югеров, при Тиберии — 25 югеров. Землемер Гигин считал обычным размером участка ветерана 66,6 югера (Колосовская, 1963, с. 105; Die Schriften der römischen Feldmesser, S. 204; см.: Schmitz, 1948, I, S. 142—143; Piganol, 1962, p. 56).

и обязаны были поставлять рекрутов. Юридически они считались варварами, а не римскими гражданами. Браки с римлянами (Cod. Theod., III, 14, 1) им были запрещены. Попытки летов присвоить себе права римских ветеранов пресекались. Жили леты деревнями. Большею частью такие воины, по-видимому, владели участками, близкими по своим размерам к крестьянским наделам. Отчуждать свои земли леты не могли. В то же время правительство не разрешало им самовольно расширять свои владения (Дилигенский, 1961, с. 95—97; Головачев, 1963, с. 153). В V в. основная масса летов была близка к низшим слоям земледельческого населения. Новелла Севера запрещает им вступать в браки с римскими колонатами и рабами (Nov. Sever., II, 1).

Близки по своему положению к летам были и так называемые *gentiles*, которые в отличие от летов не являлись военнопленными, а добровольно поступали на римскую военную службу. Они имели и несколько более привилегированный статус: из них комплектовались отборные императорские войска (Günther, 1971, S. 56—57).

Сохранение в Поздней Римской империи мелкой земельной собственности вполне закономерно: система хозяйства, базировавшегося на эксплуатации рабского труда, никогда не была в Риме единственной формой экономики в сфере земледелия, а после того как начался кризис рабовладельческого общества, применение труда рабов вообще значительно уменьшилось, пришли в упадок города, сократились внешняя и внутренняя торговля и денежное обращение. В таких условиях роль мелкого производства, основанного на труде свободных и зависимых крестьян, стала возрастать. Нет оснований сколько-нибудь преувеличивать устойчивость мелкого крестьянского хозяйства в этот период. Если одной стороной процесса социально-экономического развития было расширение мелкого производства, то другая его сторона — рост крупного землевладения и различных форм зависимости непосредственных производителей. Мелкие собственники в большинстве случаев оказывались рано или поздно под патронием магнатов или церкви, становились их прекаристами или попадали в еще более суровую зависимость, превращаясь в колонатов и сервов. Это был длительный процесс, и он не получил своего завершения в Поздней империи. Мелкая земельная собственность погибала, но в ряде случаев и возникала вновь; мелкая земельная собственность и свободные крестьяне сохранились в Западной Империи ко времени ее завоевания варварами и в первые столетия существования варварских королевств на римской территории.

В Южной и Юго-Восточной Галлии и в Испании, где поселились вестготы и бургунды, судя по юридическим и нарративным памятникам в V в. еще имелись мелкие земельные собственники как галло-римского, так и испано-римского происхождения. Известно, что готы и бургунды, осуществляя раздел земель с местным населением, занимали также и земли мелких собственников (Неусыхин, 1956, с. 315; Корсунский, 1969, гл. 1). В областях Галлии к северу от Луары, занятых в конце V в. франками, также сохранились галло-римские мелкие земельные собственники. Согласно широко распространенной в исследовательской литературе точке зрения *possessor Romanus* Салической правды, жизнь которого охраняется таким же вергельдом, как и жизнь франкского лига, — это средний или мелкий собственник, курнал или свободный крестьянин из племса (L Sal., XL, 1, 5—7; XLII, 4). Вероятно, такие же мелкие земельные собственники имеются в виду в нарративных и юридических памятниках, упоминающих «меньший люд» (*minor populus*) в городских

округах и сельских земледельцев (*pagenses Romanos*) (Greg. Turon. H. F., II, с. 24; *Form. Marc.*, I, 8).

Местное население остготской Италии сохраняло позднеримскую социальную структуру. Кассиодор упоминает курiales, посессоров, плебс. У него встречается также термин «*rustici*», который иногда обозначает свободных крестьян, иногда — всех земледельцев, в том числе и колонов (Cassiod. *Variae*, VIII, 33, 1—2; VIII, 34, 5; VIII, 32, 5; см.: Удальцова, 1959, с. 105—112; см. также: Njeussychin, 1961, S. 237—238).

Мелкие земельные собственники не представляли собой в Поздней Римской империи единой сословной группы, но входили в состав сословий, отличных друг от друга по своему юридическому и социальному положению. Те земледельцы, которые вошли в сословие курiales, пользовались, по крайней мере формально, рядом преимуществ по сравнению с массой прочих свободных крестьян. Земледельцы, относившиеся к *plebs rustica*, платили аннону и поголовный налог, которые не вносил городской плебс (*plebs intramurana*) (Mazzarino, 1951, p. 250). В особом положении находились крестьяне-ветераны и воины-земледельцы — литы. От всех названных групп земледельческого населения отличались по своему экономическому и социальному положению свободные крестьяне на периферии Империи, где были значительными пережитки общинного устройства.

Ярким показателем сдвигов, происходивших в социальном положении трудового населения, могут служить изменения в отношении к физическому труду, намечающиеся в рассматриваемый период.

Во времена классической древности, когда утверждалось господство рабовладельческой системы, характерной чертой общественного мировоззрения стал взгляд на физический труд как на рабскую деятельность. Он считался занятием, бесчестящим свободных людей. Подобный взгляд был присущ античному обществу до самой его гибели (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 643; т. 21, с. 153).

В эпоху Империи становятся заметными некоторые перемены в мировоззренческой оценке труда. Это относится прежде всего к идеологии народных масс. Отдельные памятники свидетельствуют о том, что в этой среде проявляется уважение к труду. Многие эпитафии оценивают трудовую деятельность как первостепенную добродетель. На надгробиях трудового люда иногда изображаются орудия труда (Штаерман, 1961, с. 95—97; Holzapfel, 1941, S. 201).

Подобные взгляды нашли отражение в христианстве, которое возникло как религия рабов, бедняков и поработенных Римом народов. В произведениях христианской литературы I в. н. э. — «Дидахе» («Учение двенадцати апостолов») и «Пастырь» Германа — идеализировался рабский труд; здесь высказывалась мысль, что не за страдания на кресте, но за свой труд раб вознаграждается в небесах как наследник и сын божий. В произведениях Василия Великого, Григория Назианзина, Иеронима, Августина Блаженного на первый план выдвигалась очищающая и аскетическая функция физического труда, служащего средством искупления первородного греха. Вместе с тем Иероним подчеркивал самостоятельное значение физического труда как богоугодного дела: пусть человек, по словам Иеронима, rozdal все свое имущество бедным, все же в глазах Христа самым ценным будет то, что он изготовил своими собственными руками.

Было бы, однако, неправильным переоценивать значение такого рода высказываний, как это делал, например, В. Вестерман, считавший их

появление в христианской литературе некоей «моральной революцией» (Seipel, 1907, S. 124—127; Westermann, 1955, p. 129). В действительной жизни презрение к физическому труду и стремление избежать его оставались чертами, глубоко укоренившимися в общественном мировоззрении. В исторической литературе уже не раз обращалось внимание на письмо клермонского епископа Сидония Аполлинария (V в.) своему другу, знатному галло-римлянину Евтропию, потомку senatorского рода, которого автор упрекает в том, что тот увлекается сельскохозяйственными работами и даже сам участвует в них (Apoll. Sid. Epist., I, 6). Имея в виду традиционно негативные взгляды на этот счет, Иоанн Златоуст призывал своих слушателей не презирать тех, кто валит деревья, бьет молотом, покрыт сажей: стыдиться должны те, кто не работает.

Нежелание заниматься физическим трудом было весьма распространенным и среди монахов. Августин писал о недопустимости такого положения, когда крестьяне и мастеровые остаются праздными, в то время как начинают трудиться прежние сенаторы и владельцы имений (August. De oroga monachorum, 25, 33; см.: Seipel, 1907, S. 132). Характерно, что даже в VIII—IX вв. основные сельскохозяйственные работы (пахота, косьба, выкорчевывание деревьев, возделывание виноградника или огорода), изготовление одежды женщинами именовались в Западной Европе *orega servilia* (Cap. I, 63, с. 13; 22, с. 31; L Baiuv., VII, 3a).

Исследователи отмечают, что земледelec (*agricola*), которому уделялось столь значительное место в произведениях римских агрономов и в буклической литературе классического периода, постепенно исчезает из литературы эпохи Империи. Отчасти это объясняется изменениями в самом характере литературы, утрачивающей свойственный ей прежде реализм, но прежде всего, по-видимому, изменением социальной жизни, усилением процесса деградации свободного крестьянства.

4. Государственная власть и мелкие земледельцы. Классовая борьба земледельческого населения

Существенное воздействие на положение непосредственных производителей в Римской империи оказывала государственная политика. Государственная власть Поздней империи, опираясь на войско, состоявшее в значительной своей части из варваров — наемников и федератов, обладала относительной самостоятельностью и имела возможность лавировать между различными слоями крупных и средних землевладельцев, поессессоров Италии и провинций, однако позднеримское государство выражало прежде всего интересы крупных землевладельцев из senatorского сословия и верхушки городских землевладельцев. Этим определялся характер государственной политики по отношению к массе земледельцев: она была двойственной, что вытекало из противоречивости общественного развития в рассматриваемый период.

Общая тенденция экономического развития состояла тогда в упрочении мелкого индивидуального производства. В то же время условия жизни позднеантичного общества, в котором еще сохранялись товарно-денежные отношения и городской строй, паразитический плебс городов, громоздкая и дорогостоящая государственная машина, требовали поддержания весьма высокой нормы эксплуатации непосредственных производителей. Государство принимало меры, которые способствовали упрочению индивидуального производства и сохранению мелкой собственности, повышали социальный статус сервов и не давали принизить колонов до

уровня рабов. Ограничив, — правда, лишь незначительно и формально, — власть господ над рабами, несколько укрепив связь сервов с землей, государство сохраняло резкую грань между свободными и рабами, гражданское бесправие сервов. Поссessorам запрещалось обращаться с колоннами как с сервами, использовать их для домашних работ, продавать без земли, дробить их семьи, нарушать обычаи при взимании с них оброка и проч. Вместе с тем императоры прикрепили колоннов к земле, лишили их имущественной правоспособности и ряда других важных прав свободных граждан, способствовали начинавшемуся подчинению колоннов личной власти поссessorов. Поощряя отпуск рабов на свободу, государство в то же время укрепило личную зависимость вольноотпущенников от их патронов. Принимая меры для предотвращения разорения мелких земельных собственников, правительство своей налоговой политикой в сущности содействовало превращению их в зависимых крестьян.

Особенно ярко классовая природа позднеимперского государства проявлялась в подавлении движений народных масс. Протест против гнета землевладельцев и государства принимал различные формы, в отдельных случаях выливаясь в вооруженные восстания; чаще же всего он выражался в пассивном сопротивлении — в бегстве земледельцев, внесенных в ценз, из тех вилл и деревень, где они были приписаны, чтобы казаться от налогов и повинностей.

В социальных выступлениях против господствующего класса и его государственности участвовали различные слои населения — рабы, колонны и свободные крестьяне. Роль их в этих выступлениях была неодинаковой. Участниками наиболее крупных вооруженных выступлений были колонны и свободные крестьяне, к ним примыкали рабы, не поднимавшие сколько-нибудь значительных самостоятельных восстаний. Наиболее крупными восстаниями земледельческих масс в III—IV вв. были движения багаудов и агонистиков.

Первое восстание багаудов произошло в Галлии в 80-х годах III в. Его участники опустошали поля, нападали на города. Своих вождей — Аманда и Элиана — они провозгласили императорами. Местные войска оказались бессильны против них. Для подавления восстания багаудов был послан соправитель Диоклетяна — Максимиан, вскоре разгромивший восставших.

В IV в. начались выступления агонистиков в Северной Африке. Движение имело религиозную окраску: агонистики были связаны с еретиками донатистами, боровшимися против ортодоксальной, католической церкви. Определяющую роль в движении агонистиков играли свободные крестьяне, колонны, наемные сельские рабочие, а в ряде случаев восставших поддерживали и рабы. Отряды агонистиков нападали на сборщиков налогов, на поссessorов. Участники восстания добивались главным образом аннулирования задолженности земледельцев поссessorам, ростовщикам и государству. Нападая на имения, агонистики освобождали сервов, захватывали имущество поссessorов, поджигали виллы, действовали террористическими средствами против землевладельцев. Небольшие, плохо вооруженные и разрозненные группы агонистиков были истреблены силами местных воинских частей: имперскому правительству не пришлось вмешиваться в эти события.

В конце IV — начале V в. движение агонистиков в Северной Африке возобновилось. Они создавали вооруженные отряды, которые передвигались по стране, выступая против властей. Массового вооруженного восстания, однако, и на этот раз не произошло. Многие участники движения

погибли в результате репрессий, осуществлявшихся местными властями. В начале V в. снова вспыхнули выступления багаудов в Галлии. Их отряды действовали и в Альпах. В некоторых галльских областях багауды в 408 г. добились изгнания римских должностных лиц (магистров) и создания самоуправления. Восстание было подавлено к 417 г. В 30-х годах V в. развернулось восстание в Арморике: его подавляли римские полководцы Аэций, а затем Литторий. Армориканцы потерпели поражение. В 447 г. Арморик отложился от Империи. Туда были направлены римские войска, которые восстановили власть императорского правительства. Основную массу багаудов составляли разорившиеся крестьяне. В движении участвовали также колоны и рабы. Восставшие стремились освободиться от римского владычества, сбросить иго римских законов и налоговой системы, организовать самоуправляющиеся общины или во всяком случае установить новые органы власти, аппарат которых рекрутировался бы из местных жителей.

В 40-х годах V в. восстание багаудов развернулось в Тарраконе (Испания). Его участниками были, как и в Галлии, прежде всего крестьяне, колоны, но также сервы. В 454 г. вестготы — федераты Империи нанесли испанским багаудам решительное поражение (Корсуевский, 1957).

Одновременно с первым восстанием армориканцев происходило восстание в Британии. Современникам эти два выступления представлялись сходными по своему характеру. Византийский историк Зосим даже утверждает, будто армориканцы, поднимая мятеж, последовали примеру британцев. По-видимому, и в Британии участниками движения были крестьяне и колоны. Восставшие отложились от Империи. Среди местной знати имелась, вероятно, проримская партия: известно, что некоторые города обращались за помощью к императору Гонорию (Zosim. Hist., VI, 5, 9—14; Thompson, 1956, p. 165).

Таким образом, народные движения интенсивнее всего развивались на периферии Империи. Здесь военно-бюрократический аппарат Римского государства особенно ослабел: его силы концентрировались в самой Италии, на периферии же укреплялись сепаратистские элементы, в провинциях происходило постепенное проникновение варваров. Народные движения развертывались главным образом там, где быстрее протекали процессы роста крупного землевладения, разорения свободного крестьянства и закабаления колонов, где имелись в то же время значительные массы рабов (Галлия, Испания, Северная Африка).

Эти движения имели общие черты: отказ крестьян подчиняться римским чиновникам, нападения повстанцев на имения поссессоров и захват их имущества, присоединение к восставшим беглых рабов. Народные массы стремились уничтожить или ограничить налоги, оброки и повинности, которые возлагались на земледельцев государством и магнатами. Однако восстания эти протекали стихийно и их участники не ставили своей целью уничтожение основ социально-экономических отношений, господствовавших в Римской империи. Сказанным определяется и ограниченность масштабов упомянутых восстаний. Они нигде не приняли всеобщего характера и не сумели охватить подавляющее большинство эксплуатируемых масс.

Весьма ограниченными оказались и политические результаты народных движений. Ни одно из них не привело к ликвидации римского господства в той или иной части Империи.

Разумеется, расширение практики самостоятельного хозяйствования рабов на предоставлявшихся им участках имело не только сугубо эконо-

1. Возникновение феодально-зависимого крестьянства

мические предпосылки. Хотя факторы экономического порядка и были главными, известную роль играло усиливавшееся сопротивление рабовладельческим плантационным методам их эксплуатации. Однако в политической и юридической области каких-либо существенных уступок массам трудящихся не было сделано (Корсунский, 1957; 1966).

Сопротивление колонизации со стороны землевладельцев и государства вело к тому, что правительство вынуждено было признать обычай нормой, регулирующей их оброки. Государство вынуждено было иногда идти на аннулирование недоимок по налогам. Достичь большего сельское население в этот период не могло.

Сервы, колонны и другие зависимые земледельцы были неспособны вести организованную и сознательную борьбу против господствующего класса и государства. Они не обладали локальной сплоченностью, которая появится у крестьян позднее — в феодальную эпоху — и будет связана с их общинной организацией.

Социальной распыленности позднеимперских земледельцев способствовали различия в этническом происхождении, религиозной принадлежности и уровне цивилизованности. Рядом с потомками римских крестьян находились вчерашние варвары — язычники или христиане, не относившиеся к ортодоксальной церкви (ариане). Нет оснований говорить и о каком-либо союзе народных масс Рима с варварами. Если рабы и колонны порой поддерживали вторгавшихся варваров, то нередко складывалась и противоположная ситуация, когда местное земледельческое население оказывало сопротивление завоевателям.

*

Оценка охарактеризованных категорий земледельческого населения в эпоху Поздней империи как определенных социальных типов непосредственных производителей весьма существенна для решения важной проблемы: возможности возникновения феодальных отношений в недрах рабовладельческого общества. По этому поводу в советской и зарубежной исторической литературе высказывались различные взгляды. Некоторые исследователи считали возможным рассматривать позднеимперскую экономику как феодальную⁶. Другие авторы писали о «зародышах феодализма» в Поздней Римской империи (Ковалев, 1954), об «элементах феодализации», о «закрепощении крестьянства» и «процессах феодализации» (Сюзюмов, 1972, с. 5—9).

Существует также мнение, наиболее четко высказанное Е. М. Штаерман, что условием перехода к феодализму было не столько разрушение тех элементов старого строя, «которые тормозили развитие сложившегося в его же недрах нового», сколько уничтожение этого строя «до основания, чтобы на его развалинах могли прогрессировать иные, возникшие вне его отношения» (Штаерман, Трофимова, 1971, с. 313).

Целесообразно различать две стороны проблемы перехода от рабовладельческого строя к феодальному: возможность возникновения элементов

⁶ Так В. С. Сергеев писал о «феодализации Римской империи», о «государственном крепостничестве», «зарождении в недрах рабовладельческого Рима феодального общества» (Сергеев, 1938, ч. II, с. 679, 704). Ф. Эртель полагал, что в Риме в III в. появляются «феодальные лендлорды», которые «ведут феодальное хозяйство» (Oertel, 1939, p. 274, 275, 280). Э. Штейн противопоставлял режиму императорской бюрократии на Востоке «феодализм» крупных землевладельцев на Западе (Stein, 1928, Bd. I, S. 342). О крупных имениях как носителях феодальных отношений в Римской империи пишет и К. Стивенс (Stevens, 1966, p. 120—122).

феодалных отношений в недрах старого строя и возможность их превращения в феодальный уклад при его возобладании.

Из приведенных выше данных видно, что ни раб, посаженный на землю, ни колон уже не представляли собой типичных непосредственных производителей рабовладельческого общества. Квазиколон отличался от античного раба рядом существенных признаков: он вел самостоятельное хозяйство и мог на практике (без юридического оформления) в определенных границах располагать своим имуществом; право господина распоряжаться рабом как собственностью было ограничено.

От феодально-зависимого крестьянина такой раб отличался прежде всего юридической неспособностью, особенно — отсутствием права собственности на орудия производства, и тем, что он еще оставался вне гражданского общества. Следует, однако, иметь в виду, что подобный слой рабов сохранялся и на Западе и на Востоке в течение всего раннего средневековья, составляя низшую категорию феодально-зависимого крестьянства.

Позднеримский колон — тип непосредственного производителя, чуждый античной социальной системе. Этот мелкий производитель, в отличие от своего предшественника эпохи Республики и Ранней империи, был прикреплен к земле, и его личная свобода была ограничена. От зависимого крестьянина он отличался, однако, в первую очередь не тем, что его статус в некоторых отношениях снижался до рабского (хотя формально он считался свободным), а государственной зависимостью — прикреплением к государственному тяглу, жестокой эксплуатацией государства.

В эпоху Поздней империи античная собственность находилась уже в состоянии разложения, античный полис как коллектив рабовладельцев утрачивал свою прежнюю роль в социально-экономической и политической жизни, приходила в упадок муниципальная организация, городские земледельцы закрепощались государством, постепенно отмирало само античное рабство, с существованием которого неразрывно был связан данный тип собственности (Корсунский, 1980, с. 71). Тем более ускользали из сферы влияния античного города колонны, которые переставали быть его гражданами и попадали под власть крупных землевладельцев и государственных чиновников.

И квазиколонны и колонны — это различные варианты переходного типа непосредственного производителя. Появление земледельцев подобного рода в Поздней империи знаменует собой возникновение хозяйства, «в котором в зародыше уже содержался способ производства, господствовавший в средние века» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 501). Что же касается возможности развития феодальных элементов, создания нового уклада хозяйства и его победы, то для этого необходимы были соответствующие условия: уничтожение рабовладельческого государства, ряда античных социальных институтов и преодоление некоторых черт общественной идеологии, несовместимых с социальными институтами феодального общества. Реализация таких условий осуществлялась в ходе социальной революции, которая вела к смене рабовладельческого строя феодальным.

Итак, в Поздней Римской империи крестьянства как единого класса не существовало. Масса непосредственных производителей, занятых в сельском хозяйстве, состояла из нескольких социальных слоев — остатков разлагавшегося класса античных рабов, античных свободных крестьян — мелких собственников, а также квазиколоннов и колоннов — предшественников феодально-зависимых крестьян.

АГРАРНЫЙ СТРОЙ ВАРВАРОВ

После рассмотрения социально-экономического строя Поздней Римской империи, и в частности вопроса о предпосылках феодального развития в недрах переживавшего глубокий и всесторонний кризис рабовладельческого общества, нужно обратиться к изучению той силы, которая нанесла смертельный удар империи и тем самым расчистила путь для генезиса феодализма и феодально-зависимого крестьянства. Такой силой явились варвары. Вторжение германских племен, гуннов, венгров, других степных народов, а также славян, арабов, северных германцев-норманнов наполняют почти весь изучаемый нами период. Они привели к коренной перекройке этнической, лингвистической и политической карты Европы, к возникновению новых государственных образований. Невозможно понять начальный этап становления европейского крестьянства, не обратив самого пристального внимания на общественные и хозяйственные порядки, существовавшие у этих народов.

Как неоднократно подчеркивали Маркс и Энгельс (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 643; т. 3, с. 21, 22, 74 и др.), решающую роль в разрушении Римской империи сыграли германцы (при всей этнической неопределенности этого понятия, о чем см. ниже), поэтому представляется необходимым особенно подробно обрисовать их аграрные отношения. Целесообразность этого объясняется также и тем, что в научной литературе по вопросу о социально-экономическом строе германцев нет единодушия, и настоятельна потребность разобраться в существующих противоречиях.

1. Предварительные замечания

Процесс формирования крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе начался после завоевания варварами территории Римской империи. Главную роль в Великих переселениях играли германские племена. Поэтому изучение их социального строя — необходимая предпосылка анализа истории возникновения крестьянства. В какой мере можно говорить о том, что феодальное подчинение крестьян было подготовлено в века, предшествовавшие завоеваниям? Имелись ли какие-либо зародыши раннефеодальной системы у германцев? Как надлежит понимать преемственность между этими двумя этапами истории Европы — до и после варварских вторжений и переселений? Эти вопросы оживленно дебатировались на протяжении двух последних столетий развития исторического знания. Не вдаваясь здесь в рассмотрение споров между «романистами» и «германистами» (см.: Вайнштейн, 1940; Алпатов, 1949; Давылов, 1958; Косминский, 1963; Гутнова, 1974), необходимо подчеркнуть, что, оставляя в стороне политические, национальные и философско-идеологические причины противоборства школ историков, существенную трудность для познания общественно-экономических отношений у германцев представляло состояние источников. Историкам приходилось строить свои заключения на сообщениях греко-римских писателей, но содержащаяся в их сочинениях информация отрывочна, крайне неполна, тен-

денциозна и дает основания для неоднозначного и даже предельно противоречивого истолкования.

В самом деле, общественный строй германцев историки разных направлений характеризовали и как первобытное равенство, и как господство аристократии и крупного землевладения, эксплуатировавшего труд подневольных крестьян. Экономический быт германцев понимали то как нomaдизм, то как переходную стадию от кочевничества к примитивному земледелию, то как «кочевое земледелие», то как переложное земледелие при преобладании скотоводства, наконец как развитое земледельческое хозяйство (Weber, 1924). Ожесточенные споры вызывал и вопрос об общине: если одни историки находили в древней Германии общинно-родовой быт и видели в ней колыбель средневекового маркового устройства, то другие, отрицая любые намеки на подобное устройство, утверждали, что германцы знали частную собственность на землю. Теория, согласно которой германцы явились силой, разрушившей Римскую империю и обновившей Европу, противопоставлялась теории, отрицавшая какую бы то ни было катастрофу при переходе от древности к средневековью; германцы якобы постепенно проникли в империю и приобщились к ее цивилизации, близкой к их собственным социальным порядкам (Dopsch, 1923; Koehn, 1928; Kulturbruch oder Kulturkontinuität..., 1968).

Такая поляриность суждений об одном и том же предмете поневоле заставляет призадуматься: существует ли надежда получить сколько-нибудь объективное знание об этом предмете? Ведь сторонники взаимно исключавших точек зрения привлекали все тот же фонд источников — неужели состояние последних настолько безнадежно, что и впредь будет давать основания для прямо противоположных заключений?!

Поэтому очерк аграрного строя древних германцев приходится начинать с рассмотрения вопроса о памятниках, в которых он нашел свое отражение.

Как уже сказано, историки в своих суждениях традиционно исходили из анализа сообщений античных писателей. Эти письменные свидетельства появляются с тех пор, как представители античной цивилизации вступили в контакты с германскими варварами. Но отношения с варварами были по преимуществу немирными: Рим то оборонялся от германских вторжений, то вел против них наступательные войны; военные действия перемежались переговорами и обменом посольствами. В Германии побывали полководцы и воины, купцы и должностные лица, все они смотрели на ее население и его быт настороженно или просто враждебно. Строй жизни народов, живших за Рейном и Дунаем, неизменно выделялся в противостоянии строю римской жизни.

Первое крупное столкновение между Римом и германцами — вторжение кимбров и тевтонов, которые около 113 г. до н. э. двинулись из Ютландии в южном направлении и в 102 и 101 гг. до н. э. были разгромлены Марием. Правда, не существует достоверных сведений о том, что эти племена вообще были германцами, древние авторы именовали их «кельтами» или «кельто-скифами», и к германцам впервые их причислил лишь Цезарь.

Цезарь, который в ходе завоевания Галлии в середине I в. до н. э. вступил в более интенсивные отношения с германским племенем севов, вторгшимся в эту страну, оставил довольно пространное описание германцев (два «германских экскурса» в «Записках о Галльской войне»). Но, конечно, Цезарь, политический деятель и полководец, был весьма далек от намерения собрать объективную информацию о севвах в чисто по-

знавательных целях — он заботился и об оправдании и превознесении собственных действий в Галлии. Разгром свевов, огромные массы которых перешли Рейн и захватили часть земель галлов, был нелегким делом даже для такого военачальника. Экскурсы о свевах в IV книге его «Записок» входил в донесения римскому сенату: «германский экскурс» в VI книге, независимо от того, был ли он присоединен Цезарем при окончательной работе над этим сочинением или же возник вместе со всеми остальными комментариями, также отнюдь не чужд тенденциозности в отборе и истолковании материала. Хотя Цезарь форсировал Рейн, в глубь Германии он не заходил, и сообщаемые им сведения могли быть почерпнуты лишь у прирейнских племен или у германцев, переселившихся в Галлию. Это не помешало Цезарю распространить сделанные им локальные наблюдения на германцев в целом.

Приблизительно полтора столетия спустя, в самом конце I и начале II в. н. э., о германцах писал Тацит: помимо повествования о войнах и переговорах римлян с разными германскими племенами (в «Историях» и «Анналах») он сочинил книгу «О происхождении и местожительстве германцев» (более известную под названием «Германия»), содержащую разнообразные сведения о них. Часть они были собраны у очевидцев-воинов и купцов, но немалую долю сведений Тацит позаимствовал у других авторов, и, следовательно, эта информация могла уже устареть ко времени составления его труда.

Кроме произведений Цезаря и Тацита — «коронных свидетельств» о германцах, сообщения о них сохранились в трудах Страбона, Веллея Патеркула, Гая Плиния Старшего, Плутарха, Флора, Аппиана, Диона Кассия и других древних авторов; события более позднего времени рисуются в «Истории» Аммиана Марцеллина (IV в.).

Значительная часть письменных известий о германцах не принадлежит очевидцам. Но и в тех случаях, когда автор повествования непосредственно общался с ними, подобно Цезарю, достоверность его сообщений подчас вызывает самые серьезные сомнения. Северные варвары были чужды грекам и римлянам и по языку, и по культуре, по всему строю своей жизни — они были выходцами из иного мира, который пугал и настораживал. Иногда этот мир внушал и другие чувства, например чувство ностальгии по утраченной чистоте и простоте нравов, и тогда описание германских порядков служило, как у Тацита, средством косвенной морализаторской критики римской пресыщенности и испорченности — у древних авторов существовала давняя традиция восприятия «примитивного человека», не испорченного цивилизацией, и связанные с ней штампы они переносили на германцев. В этих условиях сообщения античной этнографии и анналистики о жителях заальпийской Европы неизбежно окрашивались в специфические тона. Читая эти сочинения, сталкиваешься в первую очередь с идеологией и психологией их авторов, с их представлениями о варварах, в большой степени априорными и предвзятыми (Walser, 1956, S. 77, 86 ff.), и вычленив из такого рода текстов реальные факты жизни германцев крайне трудно. Сочинения античных писателей характеризуют прежде всего культуру самого Рима, культура же германцев выступает в них сильнейшим образом преломленной и деформированной взглядами и привычками мышления столкнувшихся с нею носителей совершенно иной культурной традиции. Варварский быт служил античным писателям своего рода экраном, на который они проецировали собственные идеи и утопии, и все заслуживающие доверия фактические сведения в их сочинениях надлежит оценивать в именно этом

идеологическом контексте. Трудности, встающие перед исследователем, заключаются не столько в том, что сообщаются неверные сведения о варварах — они могут быть правильными, но оценка их значения, их компоновка в общей картине, рисуемой античным писателем, всецело определяются установками автора.

Не отсюда ли обилие научных контrovers в интерпретации данных о германцах, оставленных греко-римской историографией? Историческая и филологическая критика давно уже продемонстрировала, на какой шаткой и неверной основе строится картина германского общественного и хозяйственного устройства (Norden, 1923; Much, 1967). Однако отказаться от привлечения показаний Цезаря и Тацита в качестве главных свидетельств о материальной жизни германцев историки не решались до тех пор, пока не сложился и не приобрел достаточной доказательности комплекс других источников, в меньшей мере подверженных произвольному или субъективному толкованию, — данных археологии и связанных с нею новых дисциплин. При этом речь идет не о накоплении разрозненных вещественных находок (сами по себе они фигурировали в научном обороте давно, но не могли сколько-нибудь серьезно изменить картины древнегерманской жизни, сложившейся на основе письменных свидетельств; см.: Dopsch, 1923, S. 51f.; Неусыхин. Общественный строй..., 1929, с. 3 и след.), а о внедрении в науку более точной и объективной методики исследования.

В результате комплексных археологических исследований с привлечением картографирования, климатологии, почвоведения, палеоботаники, радиоуглеродного анализа, аэрофотосъемки и иных относительно объективных новых методов, в особенности же в результате успехов в археологии поселений (Siedlungsarchäologie. См.: Jankuhn, Einführung..., 1977), перед наукой в настоящее время открылись перспективы, о которых еще недавно даже и не помышляли. Центр тяжести в обсуждении древнегерманского материального быта явственно переместился в сферу археологии, и в свете собранного ею и обработанного материала неизбежно приходится пересматривать и вопрос о значимости письменных свидетельств о германских племенах. Если ряд высказываний римских писателей, прежде всего Тацита, высказываний о явлениях, которые легко распознавались даже при поверхностном знакомстве с бытом германцев, находит археологическое подтверждение (Jankuhn, 1966), то наиболее важные их сообщения о социально-хозяйственной жизни в древней Германии оказываются, как мы далее увидим, в разительном контрасте с новыми данными о полях, поселениях, погребениях и культуре народов заальпийской Европы в первые века нашего летосчисления, данными, многократно подтвержденными и, несомненно, репрезентативными, лишеными элемента случайности.

Само собой разумеется, археология не в состоянии ответить на многие из вопросов, которые волнуют историка, и сфера ее компетенции должна быть очерчена со всею определенностью. Нам еще предстоит обратиться к этой проблеме. Но сейчас важно вновь подчеркнуть первостепенную значимость недавних археологических открытий в отношении хозяйства германцев: обнаружение остатков поселений и следов древних полей коренным образом меняет всю картину материальной жизни Средней и Северной Европы на рубеже н. э. и в первые ее столетия. Есть основания утверждать, что упомянутые находки аграрного характера кладут конец длительным и продемонстрировавшим свою бесплодность спорам, связанным с истолкованием высказываний Цезаря и Тацита о

германском земледелии и землепользовании — лишь в свете реконструкции полей и поселений становится вполне ясным, что эти высказывания не имеют под собой реальных оснований. Таким образом, если еще сравнительно недавно казалось, что археология может послужить только известным дополнением к анализу литературных текстов, то ныне более или менее ясно, что этим ее роль отнюдь не исчерпывается: самым серьезным образом под сомнение поставлены ключевые цитаты из «Германии» и «Записок о Галльской войне», касающиеся аграрного строя германцев, — они представляются продуктами риторики или политической спекуляции в большей мере, нежели отражением действительного положения дел, и дальнейшие попытки их толкования кажутся беспредметными.

И все же затруднение, которое испытывает исследователь древнегерманского общества, остается: он не может игнорировать сообщений античных авторов о социальной и политической жизни германцев, тем более что археологические находки дают куда меньше данных на этот счет, нежели об их материальной жизни. Но здесь приходится учитывать еще одно обстоятельство.

Интерпретация текстов античных авторов осложняется, помимо прочего, еще и тем, что они характеризовали германские отношения в категориях римской действительности и передавали понятия, присущие варварам, на латинском языке. Никакой иной системой понятий и терминов римляне, естественно, не располагали, и возникает вопрос: не подвергалась ли социальная и культурная жизнь германцев — в изображении ее латинскими писателями — существенной деформации уже потому, что последние прилагали к германским институтам лексику, не способную адекватно выразить их специфику? Что означали в реальной жизни варваров *gex*, *dux*, *magistratus*, *principes*? Как сами германцы понимали тот комплекс поведения, который Тацит называет *virtus*? Каково было действительное содержание понятий *nobilitas* или *dignatio* применительно к германцам? Кто такие германские *servi*? Что скрывалось за терминами *pagus*, *civitas*, *oppidum*? Подобные вопросы возникают на каждом шагу при чтении «Записок» Цезаря и «Германии» Тацита, и точного, однозначного ответа на них нет. Комментаторы этих сочинений нередко указывают на германские термины, которые, по их мнению, должны были обозначать соответствующие явления реальной жизни (Much, 1967; Wührer, 1959), однако термины эти зафиксированы много столетий спустя, содержатся в северогерманских, преимущественно скандинавских, средневековых текстах, и привлечение их для истолкования древнегерманского социального строя подчас рискованно. В отдельных случаях обращение к германской лексике кажется оправданным — не для того, чтобы подставить в латинское сочинение какие-либо готские или древнеисландские слова, но с целью прояснить возможный смысл понятий, скрытых латинской терминологией.

Во всяком случае, осознание трудностей, порождаемых необходимостью перевода — не только чисто филологического, но и перехода из одной системы социокультурных понятий и представлений в другую, — помогло бы точнее оценить античные письменные свидетельства о древних германцах.

Археология заставила по-новому подойти и к проблеме этногенеза германцев. «*Germani*» — не самоназвание, ибо разные племена именовали себя по-разному. Античные авторы применяли термин «германцы» для обозначения группы народов, живших севернее Альп и восточнее

Рейна. С точки зрения греческих и римских писателей, это племена, которые расположены между кельтами на западе и сарматами на востоке. Слабое знание их быта и культуры, почти полное незнание с их языком и обычаями делали невозможным для соседей германцев дать им этническую характеристику, которая обладала бы какими-либо позитивными отличительными признаками. Первые определенные археологические свидетельства о германцах — не ранее середины I тысячелетия до н. э., и лишь тогда «германцы» становятся археологически ощутимы, и в это время нельзя всю территорию позднейшего расселения германцев рассматривать как некое археологическое единство (Монгайт, 1974, с. 325; ср.: Die Germanen, 1978, S. 55 ff.). Мало того, ряд племен, которых древние относили к германцам, по-видимому, таковыми или вовсе не являлись, или же представляли собой смешанное кельто-германское население. В качестве своеобразной реакции на прежнюю националистическую тенденцию возводить происхождение германцев к глубокой древности и проследить их непрерывное автохтонное развитие начиная с мезолита ныне раздаются голоса ученых ГДР и ФРГ о неопределенности этнических границ, отделявших германцев от других народов. Резюмируя связанные с проблемой германского этногенеза трудности, видный западногерманский археолог вопрошает: «Существовали ли вообще германцы?» (Nachmann, 1971, S. 31; Ср.: Döbler, 1975).

В целом можно заключить, что вместе с уточнением исследовательской методики и переоценкой разных категорий источников наши знания о социально-экономическом строе германцев одновременно и расширились, и сузились: расширились благодаря археологическим открытиям, которые дали новые сведения, до недавнего времени вообще не доступные, в результате чего вся картина хозяйства германцев выступает в ином свете, нежели прежде; сузились же наши знания о социальной структуре древних германцев вследствие того, что скептицизм по отношению к письменным свидетельствам античных авторов стал перерастать в полное недоверие к ним — его источником явились, с одной стороны, более ясное понимание обусловленности их сообщений римской культурой и идеологией, а с другой — ставшие очевидными в свете находок археологов ошибочность или произвольность многих важнейших известий римских писателей.

2. Хозяйство

Характеристика экономического строя древних германцев в представлении историков разных школ и направлений, как уже упоминалось, была предельно противоречива: от первобытного кочевого быта до развитого хлебопашества. Сторонники номадной теории полагали, что в период, разделяющий «Записки» Цезаря и «Германию» Тацита, германцы переходили от кочевого быта к оседлости и начаткам земледелия. Однако постепенно наука отказалась от номадной теории — слишком уж бросались в глаза не согласующиеся с такими оценками указания Тацита и даже Цезаря¹. Цезарь, застав свефов во время их переселения, достаточно определенно говорит: свефов привлекали плодородные пахотные земли Галлии (De bell. Gall., I, 31); приводимые им слова вождя свефов Ариовиста о том, что его народ на протяжении 14 лет не имел крова над головой (De bell. Gall., I, 36), свидетельствует скорее о нарушении привыч-

¹ Подробный анализ этих высказываний античных авторов см. в кн.: *Неусыгин. Общественный строй...*, 1929, ч. I, гл. 3.

ного образа жизни германцев, который в нормальных условиях, видимо, был оседлым. И действительно, расселившись в Галлии, свевы отняли у ее жителей треть земель, а затем заявили притязания на вторую треть (De bell. Gall., I, 34; ср.: I, 44; IV, 7). Слова Цезаря о том, что германцы «не усердствуют в обработке земли» (De bell. Gall., VI, 22, 29), невозможно понимать так, что земледелие им вообще чуждо, — попросту культура земледелия в Германии уступала культуре земледелия в Италии, Галлии и других частях Римского государства.

Хрестоматийно известное высказывание Цезаря о свевах: «земля у них не разделена и не находится в частной собственности, и им нельзя более года оставаться на одном и том же месте для возделывания земли» (De bell. Gall., IV, 1), — ряд исследователей склонен был толковать таким образом, что римский полководец столкнулся с этим племенем в период завоевания им чужой территории и что военно-переселенческое движение огромных масс населения создало исключительную ситуацию, которая с необходимостью привела к существенному «искажению» их традиционного земледельческого уклада жизни². Не менее широко известны слова Тацита: «они каждый год меняют пашню и [все-таки] еще остается [свободное] поле» (Герм., 26). В этих словах Допш усматривал свидетельство существования у германцев переложной системы землепользования (Feldgraswirtschaft), при которой пашню приходилось систематически забрасывать для того, чтобы почва, истощенная экстенсивной обработкой, могла восстановить свое плодородие (Dopsch, 1923, S. 71 f.). Возможно, слова «et superest ager» означали и другое: автор имел в виду обширность незанятых под поселение и необработанных пространств в Германии.

Аргументом против теории кочевого быта германцев служили и описания античными авторами природы Германии. Если страна представляла собой либо нескончаемый девственный лес, либо была заболочена (Герм., 5), то для кочевого скотоводства попросту не оставалось места. Правда, более пристальное чтение повествований Тацита о войнах римских полководцев в Германии показывает, что леса использовались ее жителями не для поселения, но в качестве убежищ, где они прятали свой скарб и свои семьи при приближении противника, а также для засад, откуда они внезапно нападали на римские легионы, не приученные к войне в подобных условиях. Селились же германцы на полянах, на опушке леса, близ ручьев и рек (Герм., 16), а не в лесной чаще.

Следовательно, территория Германии в начале нашей эры не была сплошь покрыта первобытным лесом, и сам Тацит, рисуя весьма стилизованную картину ее природы, тут же признает, что страна «плодородна для посевов», хотя «и не годится для разведения фруктовых деревьев» (Герм., 5). В свое время Р. Градман выдвинул теорию, согласно которой на пространствах Германии в интересующую нас эпоху перемежались леса и степи (Gradmann, 1904; ср.: Hoops, 1905; Much, 1928), — эта теория, видимо, должна была объяснить сочетание в хозяйстве германцев скотоводства с земледелием (оценку этой теории см.: Jäger, 1963, S. 90—143). При этом предполагалось, что ландшафт Германии существенно не изменялся вплоть до внутренней колонизации XII и

² Weber, 1924; Dopsch, 1923, S. 60 f.; ср.: Hoops, 1905, S. 511 ff., 531 ff. См. также: Неусыгин. Общественный строй..., 1929, с. 63 и след. Деформация эта выразилась, по Допшу, в том, что война породила у свевов «государственный социализм» — отказ их от частной собственности на землю. Д. М. Петрушевский говорит в этой связи о «воинском коммунизме» у свевов (Петрушевский, 1928, с. 142).

XIII вв. и что сельскохозяйственные поселения оставались на протяжении всей этой более чем тысячелетней эпохи на тех самых местах, где они были расположены на рубеже новой эры, — предположения, оказавшиеся при проверке археологами и палеоботаниками неосновательными; во-первых, средневропейский ландшафт менялся под воздействием человека уже в древнегерманскую эпоху, знакомую, в частности, и с расчистками лесных пространств под пашню; во-вторых, в тех случаях, когда найдены следы древних поселений, они прерываются в период Великих переселений народов, и новые деревни и хутора возникали на новых местах (Jankuhn. *Archäologie...*, 1976, S. 245 f.; Jankuhn, 1969, S. 22 ff., 134).

Археология поселений, инвентаризация и картография находок вещей и погребений, данные палеоботаники, изучение почв показали, что поселения на территории древней Германии распределялись крайне неравномерно, обособленными анклавами, разделенными более или менее обширными «пустотами». Эти незаселенные пространства в ту эпоху были сплошь лесными. Ландшафт Центральной Европы в первые века нашей эры был не лесостепным, а преимущественно лесным (Jankuhn. «Тетта»..., 1976, S. 149 ff.). Поля близ разобщенных между собой поселений были небольшими — места человеческого обитания окружал лес, хотя частично он уже был разрежен или вовсе сведен производственной деятельностью (Jankuhn, 1966, S. 411—426). Вообще необходимо подчеркнуть, что старое представление о враждебности древнего леса человеку, хозяйственная жизнь которого якобы могла развертываться исключительно вне лесов (Неусыхин. *Общественный строй...*, 1929, с. 48—54), не получило поддержки в современной науке. Напротив, эта хозяйственная жизнь находила в лесах свои существенные предпосылки и условия (Handbuch der deutschen Wirtschafts..., 1971, S. 68; Gebhardt, 1970, S. 70—72; Trieg, 1952; ср. выше, гл. I). Мнение об отрицательной роли леса в жизни германцев диктовалось доверием историков к утверждению Тацита о том, что у них якобы мало железа (Germ., 6). Отсюда следовало, что они бессильны перед природой и не могут оказывать активного воздействия ни на окружающие их леса, ни на почву. Однако Тацит в данном случае заблуждался. Археологические находки свидетельствуют о распространности у германцев железодобывающего промысла, который давал им орудия, необходимые для расчистки лесов и вспашки почв, так же как и оружие (Much, 1967, S. 128 ff., 131, 143, 445, 477; Handbuch der deutschen Wirtschafts..., 1971, S. 28 f). Предположение Р. Муха о том, что упоминаемое Тацитом имя соседей лангобардов Reudingi (Germ., 40) происходит от германского слова *«reudan» — «корчевать», «расчищать», представляется правдоподобным, так как расчистки лесных площадей под пашню имели место, как теперь установлено, уже в последние столетия до начала нашего летосчисления и сделали возможным переход населения с легких почв на более тяжелые (Much, 1967, S. 444 f.; Jankuhn. *Archäologie...*, 1976, S. 10, 16; Christensen, 1969, S. 60).

Одновременно с расчистками лесов под пашню нередко оставались старые поселения по причинам, которые трудно установить. Возможно, перемещение населения на новые места вызывалось климатическими изменениями (около начала новой эры в Центральной и Северной Европе произошло некоторое похолодание), но не исключено и другое объяснение: поиски лучших почв³.

³ На территории Ютландии обнаружены следы полей, которые датируются периодом начиная с середины I тысячелетия до н. э. и вплоть до IV в. н. э. Такие поля

Необходимо вместе с тем не упускать из виду и социальные причины оставления жителями своих поселков — войны, вторжения, внутренние неурядицы. Так, конец поселения в местности Ходде (Западная Ютландия) ознаменовался пожаром (Hvass, 1975, s. 75—85). Почти все деревни, открытые археологами на островах Эланд и Готланд, погибли от пожара в эпоху Великих переселений (Jankuhn, Турен..., 1977, S. 230). Пожары эти — возможно, результат неизвестных нам политических событий.

Изучение обнаруженных на территории Ютландии следов полей, которые возделывались в древности, показало, что поля эти располагались преимущественно на местах, расчищенных из-под леса (Jankuhn. *Archäologie...*, 1976, S. 87). Во многих районах расселения германских народов применялся легкий плуг или соха (*ard*) — орудие, не переворачивавшее пласта почвы (видимо, такое пашенное орудие запечатлено и на наскальных изображениях Скандинавии эпохи бронзы: его везет упряжка волов. См.: Glob, *Argd...*, 1951; Adama v. Scheltema, 1964, S. 466, fig. 5). В северных частях континента в последние века до начала н. э. появляется тяжелый плуг с отвалом и лемехом (Bishop, 1936, p. 274 f.; Steensberg, 1936, p. 244—280; Curwen, Hatt, 1953, p. 61 ff.; RL, I, S. 42 ff.); подобный плуг был существенным условием для подъема глинистых почв, и внедрение его в сельское хозяйство расценивается в научной литературе как революционное новшество, свидетельствующее о важном шаге на пути интенсификации земледелия (Brøgger, 1940).

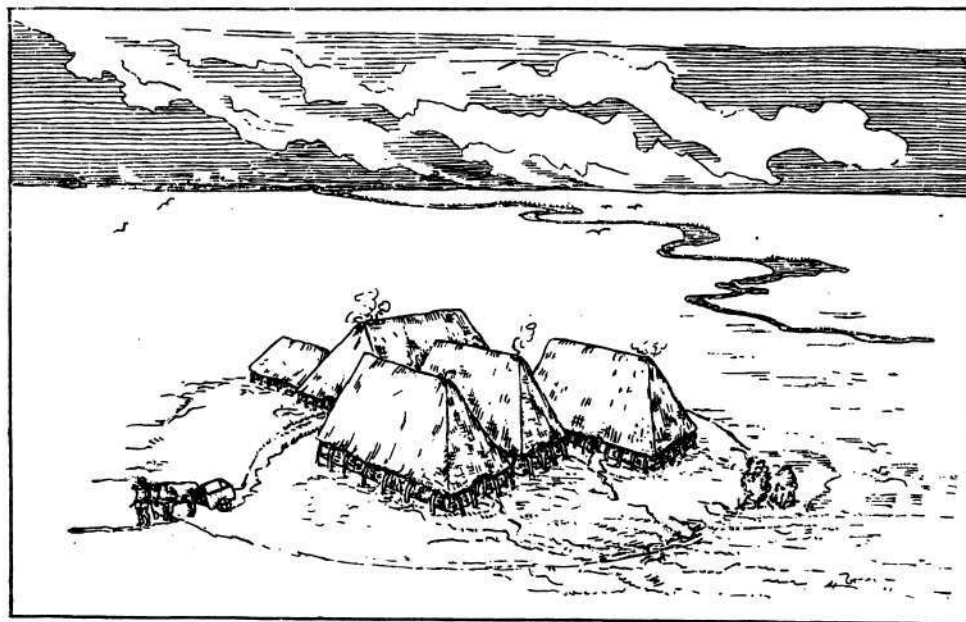
Климатические изменения (понижение среднегодовой температуры) привели к необходимости постройки более постоянных жилищ. В домах этого периода (они лучше изучены в северных районах расселения германских народов, во Фрисландии, Нижней Германии, в Норвегии, на о-ве Готланд и в меньшей степени в Средней Европе⁴) наряду с помещениями для жилья располагались стойла для зимнего содержания домашних животных. Эти так называемые длинные дома (от 10 до 30 м. в длину при 4—7 м. в ширину) принадлежали прочно оседлому населению. Константность поселений, однако, не следует понимать в духе теории Градмана, предполагавшего непрерывную преемственность мест проживания начиная с неолита. В то время как в доримский железный век население занимало под обработку легкие почвы, начиная с последних столетий до н. э. оно стало переходить на более тяжелые почвы. Такой переход стал возможным вследствие распространения железных орудий и связанного с ним прогресса в обработке земли, расчистке лесов и в строительном деле.

Типичной «исходной» формой германских поселений, по единодушному утверждению современных специалистов, были хутора, состоявшие из нескольких домов, или отдельные усадьбы. Они представляли собой не-

находились под обработкой на протяжении нескольких поколений (подробнее см. ниже). По мнению датского археолога П. Глоба, земли эти были в конце концов заброшены вследствие выщелачивания почвы, что приводило к болезням и падежу скота. Глоб высказывает предположение, что переселение кимвров и тевтонов из Ютландии в римские пределы было вызвано именно этими обстоятельствами (*Glob. Jyulands...*, 1951, S. 136—144).

⁴ Распределение находок поселений на территории, занимаемой германскими народами, — крайне неравномерное. Как правило, эти находки обнаружены в северной части германского ареала, что объясняется благоприятными условиями сохранности материальных остатков в приморских районах Нижней Германии и Нидерландов, а также в Ютландии и на островах Балтийского моря — в южных областях Германии подобные условия отсутствовали.

большие «ядра», которые постепенно разрастались. Примером может служить поселок Эзинге близ Гронингена. На месте первоначального двора здесь выросла небольшая деревушка. Она возникла на невысокой искусственной насыпи, возведенной жителями для того, чтобы избежать угрозы наводнения,—такие «жилые холмы» (Terpen, Warfen, Würten, Wierden) насыпались и из поколения в поколение восстанавливались в приморской зоне Фрисландии и Нижней Германии, которая привлекала население лугами, благоприятствовавшими разведению скота (Монгайт, 1974, с. 332). Под многочисленными слоями земли и навоза, которые спрессовывались на протяжении веков, хорошо сохранились

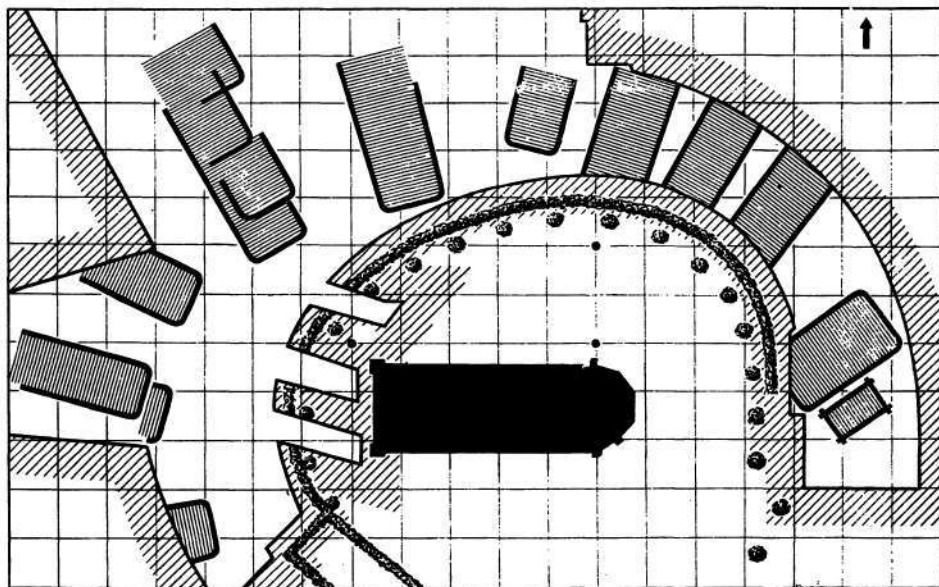

*Поселок Эзинге (Гронинген). Реконструкция. Ок. начала н. э.
Поселок расположен на искусственной насыпи*

остатки деревянных жилищ и различные предметы. «Длинные дома» в Эзинге имели как помещения с очагом, предназначенные для жилья, так и стойла для скота. На следующей стадии поселение увеличилось примерно до 14 крупных дворов, выстроенных радиально вокруг свободной площадки. Этот поселок существовал начиная с IV—III вв. до н. э. и вплоть до конца Империи. Планировка поселка дает основания полагать, что его жители образовывали некую общность, в задачи которой, судя по всему, входили работы по возведению и укреплению «жилого холма» (van Giffen, 1936, S. 40 ff.).

Во многом аналогичную картину дали раскопки деревни Феддерзен Вирде, находящейся на территории между устьями Везера и Эльбы, севернее нынешнего Бремерхафена (Нижняя Саксония). Это поселение просуществовало с I в. до н. э. до V в. н. э. И здесь открыты такие же «длинные дома», которые характерны для германских поселков железного века (подробнее см.: Гуревич, 1960). Как и в Эзинге, в Феддерзен Вирде дома располагались радиально. Поселок разросся из небольшого

хутора приблизительно до 25 усадеб разных размеров и, видимо, неодинакового материального благосостояния (об этом ниже). Предполагают, что в период наибольшего расширения деревню населяло от 200 до 250 жителей. Наряду с земледелием и скотоводством заметную роль среди занятий части населения деревни играло ремесло (Haarnagel, 1975, S. 10–29; 1979).

Поселок Эзинге (Гронинген), план радиального расположения строений.
Первые столетия н. э.

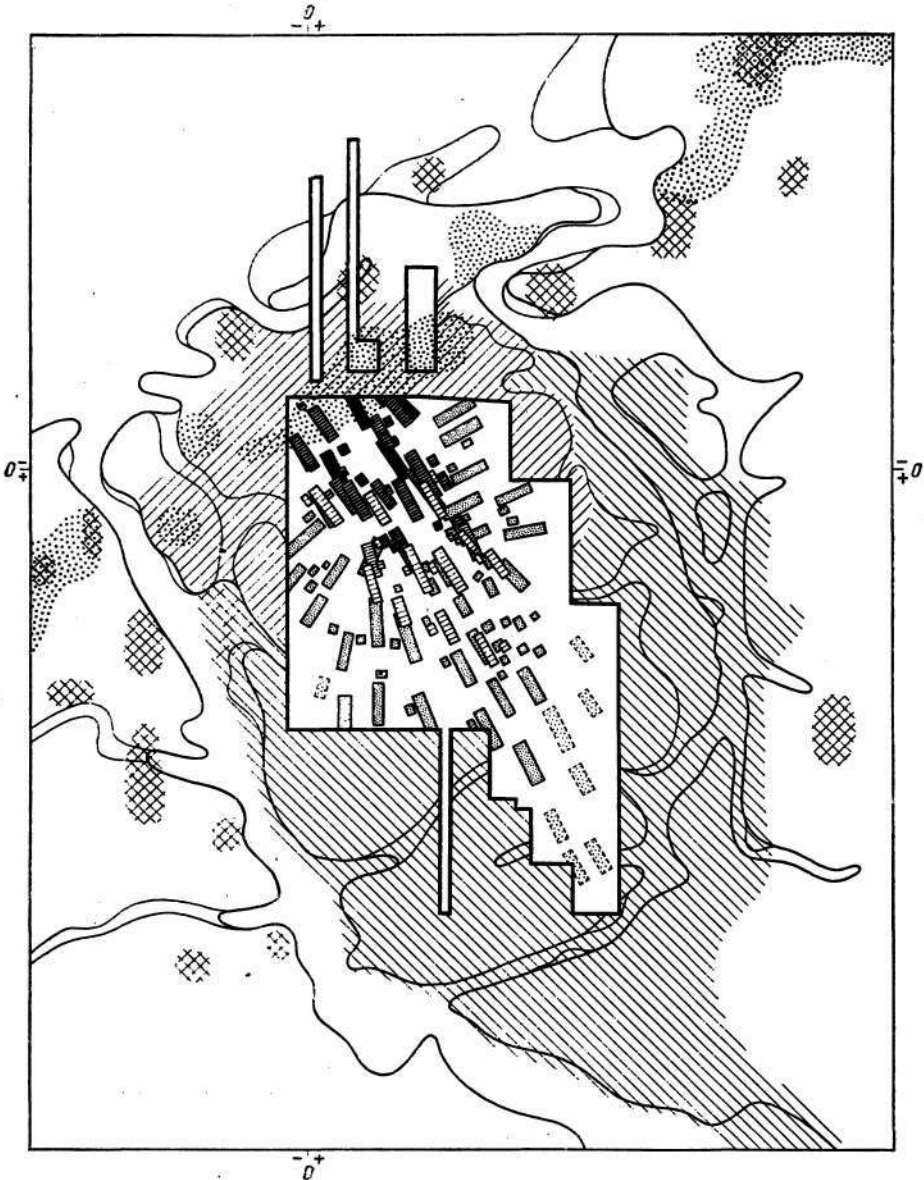
Другие поселения, изученные археологами, не возводились по какому-либо плану — случаи радиальной планировки, подобные Эзинге и Феддерзен Вирде, объясняются, возможно, специфическими природными условиями⁵ и представляли собой так называемые кучевые деревни. Однако крупных деревень обнаружено немного. Распространенными формами поселений были, как уже сказано, небольшой хутор или отдельный двор. В отличие от деревень обособленные хутора имели иную «продолжительность жизни» и преемственность во времени: через одно-два столетия после своего основания такое одиночное поселение могло исчезнуть, но некоторое время спустя на том же месте возникал новый хутор (Ausgrabungen... 1975, S. 5).

Заслуживают внимания слова Тацита о том, что германцы устраивают деревни «не по-нашему» (т. е. не так, как было принято у римлян) и «не выносят, чтобы их жилища соприкасались друг с другом; селятся они в отдалении друг от друга и вразброд, где [кому] приглянулся [какой-нибудь] ручей, или поляна, или лес» (Germ, 16). Римлянам, которые были привычны к проживанию в тесноте и видели в ней некую норму

⁵ Впрочем, построенное радиально аграрное поселение Экеторп на о-ве Эланд, очевидно, было окружено стеной по соображениям обороны (Stenberger, 1969, S. 103–112). Существование «круговых» поселков на территории Норвегии некоторые исследователи объясняют потребностями культа (Rønneseth, 1966).

(см.: Кнабе, 1979, с. 28–32), должна была броситься в глаза тенденция варваров жить в индивидуальных, разбросанных усадьбах, тенденция, подтверждаемая археологическими изысканиями (Jankuhn, 1969, S. 138; Hatt, 1957).

Эти данные согласуются с указаниями исторической лингвистики. В германских диалектах слово «dorf» («dorp, raup, thorp») означало

Поселок Феддерзен Вирде (Нижняя Саксония). План.
Дома, построенные на рубеже н. э., обозначены черным и заштрихованы,
дома III–IV вв. н. э. обозначены точками.
Из первоначального небольшого хутора поселок разросся примерно
до 25 хозяйств

как групповое поселение, так и отдельную усадьбу; существенна была не эта оппозиция, а оппозиция «огороженный» — «неогороженный». Специалисты полагают, что понятие «групповое поселение» развилось из понятия «усадыба» (Schützeichel, 1977, S. 318). Подобно этому, в скандинавских рунических надписях терминами «byr», «bo» обозначались равно и отдельный двор, и деревня (Düwel, 1977, S. 37—40). Археология подтверждает предположение, что характерным направлением развития поселений было разрастание первоначальной отдельной усадьбы или хутора в деревню (Müller-Wille, 1977, S. 198 ff.; Jankuhn, Einführung..., 1977, S. 116 ff.).

Вместе с поселениями приобрели константность и хозяйственные формы. Об этом свидетельствует изучение следов полей раннего железного века, обнаруженных в Ютландии, Голландии, внутренней Германии, на Британских островах, на островах Готланд и Эланд, в Швеции и Норвегии. Их принято называть «древними полями» — oldtidsagre, forgnåkrar (или digevoldingsagre — «поля, огороженные валами») или «полями кельтского типа — celtic fields. Они связаны с поселениями, жители которых возделывали их из поколения в поколение (Kirbis, 1952; Müller-Wille, 1965).

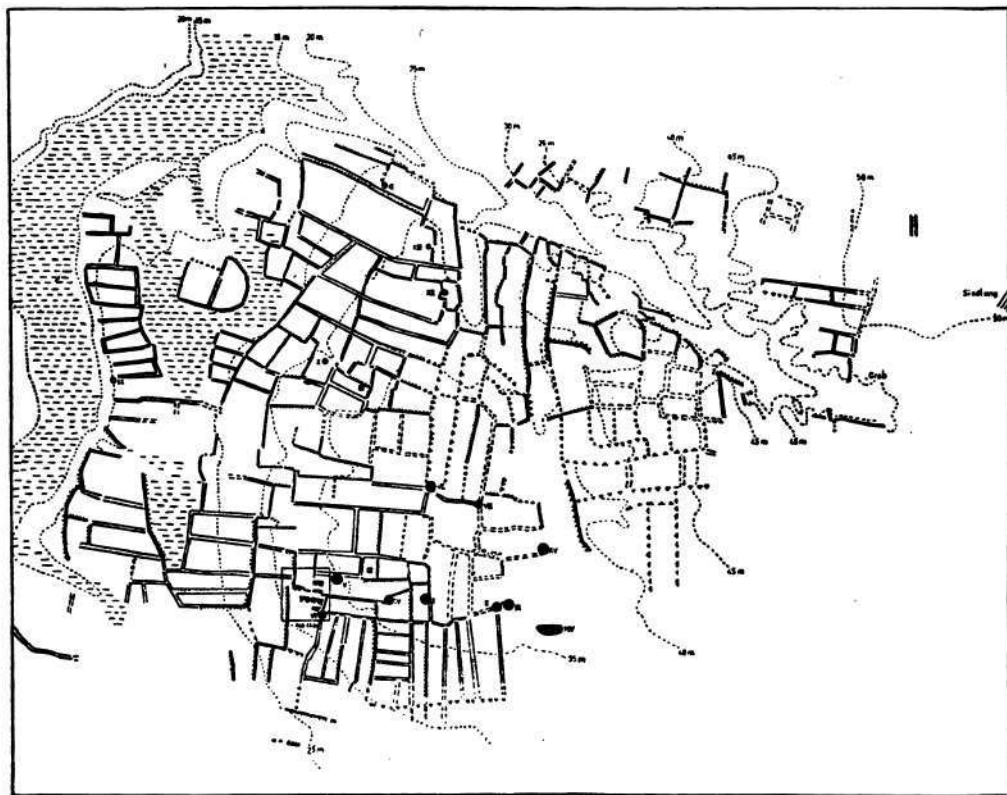
Особенно детально изучены остатки полей доримского и римского железного века на территории Ютландии (Hatt, 1931; Hatt, 1949; Hatt, 1957; Danmarks historie, 1977, S. 63 f.; Jankuhn, 1969, S. 149 ff.). Эти поля представляли собой участки в виде неправильных прямоугольников. Поля были либо широкие, небольшой длины, либо длинные и узкие; судя по сохранившимся следам обработки почвы, первые вспахивались вдоль и поперек, как предполагается, примитивным плугом (ard), который еще не переворачивал пласта земли, но резал и крошил ее, тогда как вторые вспахивались в одном направлении, и здесь применялся плуг с отвалом. Возможно, что обе разновидности плуга применялись в одно и то же время (RL, I, S. 102). Каждый участок поля был отделен от соседних неспаханной межей — на эти межи складывались собранные с поля камни, и естественное движение почвы по склонам и наносы пыли, из года в год оседавшей на сорной траве на межах, создали низкие, широкие границы, отделявшие один участок от другого. Межи были достаточно велики для того, чтобы земледелец мог проехать вместе с плугом и упряжкой тяглых животных к своему участку, не повредив соседских наделов. Не вызывает сомнений, что наделы эти находились в длительном пользовании.

Площадь изученных «древних полей» колеблется от 2 до 100 га, но встречаются поля, достигающие площади до 500 га; площадь отдельных участков в полях — от 200 до 7000 кв. м. (Jankuhn, 1969, S. 151 f.). Неравенство их размеров и отсутствие единого стандарта участка свидетельствуют, по мнению известного датского археолога Г. Хатта, которому принадлежит главная заслуга в исследовании «древних полей», об отсутствии переделов земель. В ряде случаев можно установить, что внутри огороженного пространства возникали новые межи, так что участок оказывался разделенным на две или несколько (до семи) более или менее равных долей (Hatt, 1939) *.

Индивидуальные огороженные поля примыкали к усадьбам в «куче-

* Однако в тех случаях, когда ощущалась нехватка пахотной земли (как на северо-фризском острове Зильт), мелким хозяйствам, выделившимся из «больших семей», приходилось вновь объединяться. См.: Harck, Kossack, Reichstein, 1975, S. 30—44.

вой деревне» на Готланде (раскопки в Вальхагар); на острове Эланд (близ побережья Южной Швеции) поля, принадлежавшие отдельным хозяйствам, были отгорожены от участков соседних усадеб каменными насыпями и пограничными дорожками. Эти поселки с полями датируются эпохой Великих переселений. Подобные же поля изучены и в горной Норвегии (Stenberger, 1933; Stenberger, Klindt-Jensen, 1955; Hagen, 1953; Rønneseth, 1966). Расположение участков и обособленный характер их обработки дают исследователям основание полагать, что в изученных до сих пор аграрных поселениях железного века не существовало чересполосицы или каких-либо иных общинных распорядков, которые нашли

План поля в Скербек Хеде (Ютландия). Железный век.
Участки разделены межами

бы свое выражение в системе полей (RL, I, S. 102; Jankuhn, 1969, S. 74, 150; ср.: Krenzlin, 1961, S. 190 ff.).

✓ Открытие следов таких «древних полей» не оставляет никаких сомнений в том, что земледелие у народов Средней и Северной Европы еще в доримский период было оседлым и более интенсивным, чем предполагалось ранее. Таким оно оставалось и в первой половине I тысячелетия н. э.⁷ Разводили ячмень, овес, пшеницу, рожь (Handbuch der deut-

⁷ Историки, которые изучали проблему аграрного строя германцев в период, предшествовавший этим открытиям, даже придавая хлебопашеству большое значе-

schen Wirtschafts..., 1971, S. 66). Именно в свете этих открытий, сделавшихся возможными вследствие усовершенствования археологической техники, стала окончательно ясной беспочвенность высказываний античных авторов относительно особенностей сельского хозяйства северных варваров. Отныне исследователь аграрного строя древних германцев стоит на твердой почве установленных и многократно засвидетельствованных фактов⁸ и не зависит от неясных и разрозненных высказываний повествовательных памятников, тенденциозность и предвзятость коих невозможно устранить. К тому же, если сообщения Цезаря и Тацита вообще могли касаться только прирейнских районов Германии, куда проникали римляне, то, как уже упоминалось, следы «древних полей» обнаружены на всей территории расселения германских племен — от Скандинавии до континентальной Германии; их датировка — доримский и римский железный век⁹. Подобные поля возделывались и в кельтской Британии.

Хатт делает на основе собранных им данных еще и другие, более далеко идущие выводы. Он исходит из факта длительной обработки одних и тех же земельных площадей и отсутствия указаний на общинные распорядки и пределы участков пашни в поселках, которые им были изучены. Хатт полагает, что поскольку землепользование явно имело индивидуальный характер, а новые межи внутри участков свидетельствуют, на его взгляд, о разделах владения между наследниками, то здесь существовала частная собственность на землю (Hatt, 1939, p. 10; 1955). Между тем на той же территории в последующую эпоху — в средневековых датских сельских общинах — применялся принудительный севооборот, производились коллективные сельскохозяйственные работы и жители прибегали к перемерам и пределам участков (Rhamm, 1905; Haff, 1909; Steensberg, 1940). Хатт утверждает, что эти общинные аграрные распорядки невозможно, в свете новых открытий, считать «первоначальными» и возводить к глубокой древности, — они суть продукт собственно средневекового развития. С последним заключением можно согласиться, но Хатт, не ограничиваясь им, высказывает идею о том, что коллективная и частная собственность не являются двумя последовательными фазами в эволюции землевладения; они сменяют одна другую попеременно, в зависимости от конкретных исторических и природных условий (Hatt, 1955, S. 121 ff.; 1939, p. 7, 12, 15, 22). В Дании развитие шло якобы от индивидуального к коллективному, а не наоборот. «Наши земледельцы, — пишет Хатт, — были более индивидуалистичны две тысячи лет назад, чем в сельских общинах XVIII века» (Hatt, 1939, p. 12).

Тезис о частной собственности на землю у германских народов на рубеже н. э. утвердился в новейшей западной историографии¹⁰. Поэтому необходимо остановиться на этом вопросе.

ние. Все же склонялись к мысли об экстенсивном его характере и предполагали переложную (или залежную) систему, связанную с частой сменой лашенных участков. См., например: *Неусылин. Общественный строй...*, 1929, с. 83, 93 и след.

⁸ Еще в 1931 г., на начальном этапе изысканий, для одной лишь Ютландии были зафиксированы 69 «древних полей» (Hatt, 1931, p. 148—153).

⁹ Однако следов «древних полей» нигде не найдено для времени после Великих переселений народов. См.: RL, I, S. 45.

¹⁰ *Lutge, 1967, S. 15; RL, I, S. 102 f.; Bosl, 1970, S. 704*. В. Кирбис высказывает сомнения относительно этого вывода (*Kirbis, 1952, S. 43*). Г. Янкув, присоединяясь к заключению об отсутствии сельской общины у германцев, воздерживается от вывода о наличии у них частной собственности на пахотную землю (хотя и ссылается на теорию Хатта). Ср.: *Handbuch der deutschen Wirtschafts...*, 1971, S. 25; *Jankuhn, 1969,*

Прежде всего — о пределах компетенции археолога. Наблюдения Хатта и других исследователей относительно древних аграрных поселений, систем полей и способов земледелия чрезвычайно важны. Однако вопрос о том, свидетельствует ли длительность обработки земли и наличие межей между участками о существовании индивидуальной собственности на землю, неправомерно решать с помощью лишь тех средств, какими располагает археолог. Социальные отношения, в особенности отношения собственности, проецируются на археологический материал весьма односторонне и неполно, и планы древних германских полей еще не раскрывают тайны общественного строя их владельцев. Отсутствие переделов и системы уравнильных участков само по себе едва ли дает нам ответ на вопрос: каковы были реальные права на поля у их возделывателей? Ведь вполне можно допустить — и подобное предположение высказывалось (Hagen, 1953; Jankuhn, 1969, S. 152; Jankuhn. *Tyren...*, 1977, S. 224, 252), — что такая система землепользования, какая рисуется при изучении «древних полей» германцев, была связана с собственностью больших семей. «Длинные дома» раннего железного века рассматриваются рядом археологов именно как жилища больших семей, домовых общин. Но собственность на землю членов большой семьи по своему характеру чрезвычайно далека от индивидуальной. Изучение скандинавского материала, относящегося к раннему средневековью, показало, что даже разделы хозяйства между малыми семьями, объединявшимися в домовую общину, не приводили к обособлению участков в их частную собственность (Гуревич, 1977, гл. 1). Для решения вопроса о реальных правах на землю у их возделывателей необходимо привлекать совсем иные источники, нежели данные археологии. К сожалению, применительно к раннему железному веку таких источников нет, и ретроспективные заключения, сделанные на основании более поздних юридических записей, были бы слишком рискованны.

Встает, тем не менее, более общий вопрос: каково было отношение к обрабатываемой земле у человека изучаемой нами эпохи? Ибо нет сомнения в том, что в конечном счете право собственности отражало как практическое отношение возделывателя земли к предмету приложения его труда, так и некие всеобъемлющие установки, «модель мира», существовавшую в его сознании.

Археологическим материалом засвидетельствовано, что жители Центральной и Северной Европы отнюдь не были склонны часто менять места жительства и земли под обработкой (впечатление о легкости, с которой они забрасывали пашни, создается лишь при чтении Цезаря и Тацита), — на протяжении многих поколений они населяли все те же хутора и деревни, возделывая свои огороженные валами поля¹⁴. Покидать привычные места им приходилось только вследствие природных или социальных бедствий: из-за истощения пашни или пастбищ, невозможности прокормить возросшее население либо под давлением воинственных соседей. Нормой была тесная, прочная связь с землей — источником средств к существованию. Германец, как и любой другой человек архаического

S. 150; Jankuhn. *Archäologie...*, 1976, S. 300; Much, 1967, S. 34 f. Мысль о *Sondereigentum* у германцев в начале нашей эры высказывается и в историографии ГДР. См., например: Die Germanen, 1978, S. 433. См. ниже.

¹⁴ То, что жители древнего поселка близ Grøntoft Hede (западная Ютландия) с течением времени сменили место его расположения, — скорее исключение, чем правило; к тому же продолжительность обитания в домах этого населенного пункта — примерно столетие (Becker, 1966, S. 39—50).

общества, был непосредственно включен в природные ритмы, составлял с природой единое целое и видел в земле, на которой он жил и трудился, свое органическое продолжение, точно так же, как был он органически связан и со своим семейно-родовым коллективом.

Нужно полагать, что отношение к действительности члена варварского общества было сравнительно слабо расчленено, и говорить здесь о праве собственности было бы преждевременно. Право было лишь одним из аспектов единого недифференцированного мировоззрения и поведения — аспектом, который выделяет современная аналитическая мысль, но который в реальной жизни древних людей был тесно и непосредственно связан с их космологией, верованиями, мифом.

Лингвистика способна помочь нам в какой-то мере восстановить представление германских народов о мире и о месте в нем человека. В германских языках мир, населенный людьми, обозначался как «срединный двор»: *midjungarðs* (готск.), *middangeard* (др.-англ.), *miðgarðr* (др.-исл.), *mittingart*, *mittilgart* (др.-верхненем.).

Garðr, *gart*, *geard* — «место, обнесенное оградой». Мир людей осознавался как благоустроенное, т. е. огороженное, защищенное «место посредине», и то, что этот термин встречается во всех германских языках, свидетельствует о древности такого представления. Другим соотношенным с ним компонентом космологии и мифологии германцев был *útgarðr* — «то, что находится за пределами ограды», и это внешнее пространство осознавалось в качестве местопребывания злых и враждебных людям сил, как царство чудовищ и великанов. Оппозиция *miðgarðr* — *útgarðr* давала определяющие координаты всей картины мира, культура противостояла хаосу (Grönbech, 1961, S. 183 ff.). Термин *heimr* (др.-исл.; ср.: гот. *haim*s, др.-англ. *hām*, др.-фризск. *hām*, *hēm*, др.-сакс. *hem*, др.-верхненем. *heim*), встречающийся опять-таки преимущественно в мифологическом контексте, означал как «мир», «родину», так и «дом», «жилище», «огороженную усадьбу». Таким образом, мир, возделанный и очеловеченный, моделировался по дому и усадьбе¹².

Еще один термин, который не может не привлечь внимания историка, анализирующего отношения германцев к земле, — *ōðal*. Этому древнескандинавскому термину опять-таки существуют соответствия в готском (*haim* — *oþli*), древнеанглийском (*ōðel*, *eaðele*) древневерхненемецком (*uodal*, *uodil*), древнефризском (*ethel*), древнесаксонском (*oðil*). Одаль, как выясняется из исследования средневековых норвежских и исландских памятников, — это наследственное семейное владение, земля, по сути дела неотчуждаемая за пределы коллектива родственников. Но «одадем» называли не одну лишь пахотную землю, которая находилась в постоянном и прочном обладании семейной группы, — так называли и «родину». Одаль — это «вотчина», «отчина» и в узком, и в широком смысле. Человек видел свое отечество там, где жили его отец и предки и где проживал и трудился он сам; *patrimonium* воспринимался как *patria*, и микромир его усадьбы идентифицировался с обитаемым миром в целом.

Но далее выясняется, что понятие «одадь» имело отношение не только к земле, на которой обитает семья, но и к самим ее обладателям: термин «одадь» был родственным группе понятий, выражавших в германских языках прирожденные качества, благородство, родовитость, знатность

¹² Согласно скандинавской мифологии, мир богов-асов также представлял собой огороженную усадьбу — *ásgarðr*.

лица (*adal, aedel, ethel, adal, eðel, eðel, adel, aedelingr, óðlingr*). Причем родовитость и знатность здесь надлежит понимать не в духе средневекового аристократизма, присущего или приписываемого одним только представителям социальной элиты, а как происхождение от свободных предков, среди которых нет рабов или вольноотпущенников, следовательно, как полноправие, полноту свободы, личную независимость. Ссылаясь на длинную и славную родословную, германец доказывал одновременно и свою знатность, и свои права на землю, так как по сути дела одно было неразрывно связано с другим. Одаль представлял собой не что иное, как родовитость человека, перенесенную на земельное владение и укорененную в нем. *Adalborinn* («родовитый», «благородный») был синонимом *óðalborinn* («человек, рожденный с правом наследования и владения родовой землей»). Происхождение от свободных и знатных предков «облагораживало» землю, которой владел их потомок, и, наоборот, обладание такой землей могло повысить социальный статус владельца (подробнее см.: Гуревич, 1977, гл. 1,3; Bosl, 1970, S. 704; RL, I, S. 59).

Земля для германца — не просто объект владения; он был с нею связан многими тесными узами, в том числе и не в последнюю очередь психологическими, эмоциональными. Об этом свидетельствуют и культ плодородия, которому германцы придавали огромное значение¹³, и поклонение их «матери-земле»¹⁴, и магические ритуалы, к которым они прибегали при занятии земельных пространств¹⁵. То, что о многих аспектах их отношения к земле мы узнаем из более поздних источников, едва ли может поставить под сомнение, что именно так дело обстояло и в начале I тысячелетия н. э., и еще раньше.

Главное заключается, видимо, в том, что возделывавший землю древний человек не видел и не мог видеть в ней бездушного предмета, которым можно инструментально манипулировать; между человеческой группой и обрабатываемым ею участком почвы не существовало абстрактного отношения «субъект — объект». Человек был включен в природу и находился с нею в постоянном взаимодействии; так было еще и в средние века, и тем более справедливо это утверждение применительно к древнегерманскому времени. Но связанность земледельца с его участком не противоречила высокой мобильности населения Центральной Европы на протяжении всей этой эпохи. В конце концов передвижения человеческих групп и целых племен и племенных союзов в огромной мере диктовались потребностью завладеть пахотными землями, т. е. тем же отношением человека к земле, как к его естественному продолжению.

Поэтому признание факта постоянного обладания участком пашни, огороженным междой и валом и обрабатываемым из поколения в поколение членами одной и той же семьи, — факта, который вырисовывается благодаря новым археологическим открытиям, — не дает еще никаких оснований для утверждения, будто бы германцы на рубеже новой эры были «частными земельными собственниками». Привлечение понятия

¹³ Человеческие жертвоприношения, о которых сообщает Тацит (*Gertr.*, 40) и которые засвидетельствованы многими археологическими находками, видимо, связаны также с культом плодородия (*Jankuhn*, 1967, S. 117—147).

¹⁴ Богиня Нертус, которой, согласно Тациту, поклонялся ряд племен и которую он толкует как *Terra mater* (*Gertr.*, 40), видимо, соответствовала известному из скандинавской мифологии Ньерду — богу плодородия. См.: *Much*, 1967, S. 450 f.; *Turville-Petre*, 1964, p. 171 sq.; *Piekarczyk*, 1979.

¹⁵ При заселении Исландии человек, занимая определенную территорию, должен был обходить ее с факелом и зажигать на ее границах костры. См.: *Гуревич*, 1977, с. 136.

«частная собственность» в данном случае может свидетельствовать только о терминологической неразберихе или о злоупотреблении этим понятием. Человек архаической эпохи, независимо от того, входил он в общину и подчинялся ее аграрным распорядкам или вел хозяйство вполне самостоятельно¹⁶, не был «частным» собственником. Между ним и его земельным участком существовала теснейшая органическая связь: он владел землей, но и земля «владела» им; обладание наделом нужно понимать здесь как неполную выделенность человека и его коллектива из системы «люди — природа».

При обсуждении проблемы отношения древних германцев к земле, которую они населяли и обрабатывали, видимо, невозможно ограничиваться традиционной для историографии дилеммой «частная собственность — общинная собственность». Марковскую общину у германских варваров находили те ученые, которые полагались на слова римских авторов и считали возможным возводить к седой старине общинные распорядки, обнаруженные во времена классического и позднего средневековья. В этой связи вновь обратимся к упомянутой выше общегерманской «модели мира». Как мы видели, обнесенное оградой¹⁷ жилище образует, согласно этим представлениям, *miðgarðr*, «срединный двор», своего рода центр мироздания; вокруг него простирается Утгард, враждебный людям мир хаоса; он одновременно находится и где-то далеко, в необитаемых горах и пустошах, и начинается тут же за оградой усадьбы (*Grönbech*, 1961, S. 188 ff.). Оппозиции *miðgarðr* — *útgarðr* полностью соответствует противопоставление понятий *innangarðs* — *útangarðs* в средневековых скандинавских правовых памятниках; это два вида владений: «земля, расположенная в пределах ограды», и «земля за оградой» — земля, выделенная из общинного фонда (Гуревич, 1977, с. 116 и след., 140). Таким образом, космологическая модель мира была вместе с тем и реальной социальной моделью: центром и той и другой являлся хозяйственный двор, дом, усадьба — с тою только существенной разницей, что в действительной жизни земли *útangarðs*, не будучи огорожены, тем не менее не отдавались силам хаоса — ими пользовались, они были существенно необходимы для крестьянского хозяйства; однако права домохозяина на них ограничены, и в случае нарушения последних он получал более низкое возмещение, чем за нарушение его прав на земли, расположенные *innangarðs*. Между тем в моделирующем мир сознании земли *útangarðs* принадлежат «Утгарду». Как это объяснить?

Картина мира, вырисовывающаяся при изучении данных германского языковедения и мифологии, несомненно, сложилась в весьма отдаленную эпоху, и община не нашла в ней отражения; «точкой отсчета» в мифологической картине мира были отдельный двор и дом. Это не означает, что община на том этапе вообще отсутствовала, но, видимо, значение общины у германских народов возросло уже после того, как их мифологическое сознание выработало определенную космологическую структуру (Гуревич, 1979, S. 113—124).

Вполне возможно, что у древних германцев существовали большесемейные группы, патронимии, тесные и разветвленные отношения родства

¹⁶ Жители открытых археологами деревень, вне сомнения, выполняли какие-то коллективные работы: хотя бы возведение и укрепление «жылых холмов» в затопляемых районах побережья Северного моря. О возможности общности между отдельными хозяйствами в ютландском поселке Ходде см.: *Hass*, 1975, s. 75—85.

¹⁷ О роли, которую в сознании германцев играла идея ограды, см. работы известного лингвиста Й. Триера (*Trier*, 1940, S. 55—131).

и свойства — неотъемлемые структурные единицы родо-племенного строя. На той стадии развития, когда появляются первые известия о германцах, человеку было естественно искать помощи и поддержки у сородичей, и жить вне таких органически сложившихся коллективов он едва ли был в состоянии. Однако община-марка — образование иного характера, нежели род или большая семья, и она вовсе не обязательно с ними связана. Если за упоминаемыми Цезарем *gentes* и *cognationes* германцев крылась какая-то действительность, то, скорее всего, это кровнородственные объединения. Любое прочтение слов Тацита: *agri pro numero cultorum ab universis vicinis* (или: *in vices*, или: *invices*, *invicem*) *occupantur, quos mos inter se secundum dignationem partuntur* (Germ., 28) — всегда было и обречено и впредь остаться гадательным¹⁸. Строить на столь шаткой основе картину древнегерманской сельской общины в высшей степени рискованно.

Утверждения о наличии сельской общины у германцев опираются, помимо толкования слов Цезаря и Тацита, на ретроспективные выводы из материала, который относится к последующей эпохе. Однако перенос средневековых данных о земледелии и поселениях в древность — операция едва ли оправданная. Прежде всего, не следует упускать из виду отмеченный выше перерыв в истории германских поселений, связанный с движением народов в IV—VI вв. (Janssen, 1968, S. 315 ff., 345, 351).

¹⁸ *Misch*, 1967, S. 332 ff. Перевод этого места А. С. Бобовичем: «Земли для обработки они поочередно занимают всю общиной по числу земледельцев, а затем делят их между собою, смотря по достоинству каждого» (*Журналист Тацит*, 1960, с. 364), — представляет собой вычитывание из текста большего, чем он содержит. Перевод С. П. Моравского: «Земля занимается всеми вместе поочередно по числу работников, и вскоре они делят ее между собой по достоинству» (*Древние германцы*, 1937, с. 70) — более осторожен; к тому же он сопровождается комментарием, в котором указано, что таково одно из возможных толкований этого спорного и испорченного в рукописи текста. Сопоставление слов Цезаря о германцах: «И никто из них не имеет точно отмеренного участка или владений в частной собственности, но должностные лица и старейшины ежегодно отводят родам и группам живущих вместе родственников, где и сколько они найдут нужным земли, а через год принуждают их перейти на другое место» (*De bell. Gall.*, VI, 22) — с только что цитированным высказыванием Тацита о порядке занятия и распределения земли германцами позволяет предположить, что в основу последнего лег этот текст Цезаря. Во-первых, в обоих случаях подчеркивается несклонность германцев усердствовать в обработке земли. Во-вторых, словам Цезаря о *magistratus ac principes*, которые отводят сородичам земли и принуждают их через год переходить на другое место, соответствуют слова Тацита о занятии земель «всеми вместе» и ежегодной смене пашни. В-третьих, подобно Цезарю, отмечаящему наличие обширного земельного фонда, об этом же пишет и Тацит. Отличие текста Цезаря от текста Тацита состоит, собственно, лишь в том, что первый приводит еще и объяснение описанного им порядка ежегодной перемены мест жительства: такой порядок якобы не дает германцам прельститься оседлым образом жизни, гарантирует сохранение равенства, не отвлекает от воинских занятий и препятствует возникновению жадности, — объяснение, имеющее прямое отношение к Риму, но не к германцам! Не исключена возможность того, что Тацит в данном случае, как и в некоторых других, опирается на литературный источник, а не на свидетельство очевидцев. Чрезвычайную близость текстов Цезаря и Тацита о землепользовании у германских племен отмечал А. Д. Удальцов (*Удальцов*, 1934, с. 17 и след.). В целях «спасения» сообщений античных писателей об аграрных порядках германцев перед лицом противоречащих им данных археологии можно было бы, казалось, предположить, что слова Цезаря и Тацита сохраняют истинность хотя бы в отношении лучше известной римлянам части Германии — районов, примыкавших к «лимесу». Однако трудно представить себе, чтобы те племена, которые в наибольшей мере испытали влияние римской цивилизации, остались на более примитивной ступени земледелия, чем жители центральных и северных областей Европы. Напротив, подвергшиеся романизации германцы перенимали новые для них виды землепользования и знакомы были с римскими формами земельной собственности.

После этой эпохи происходили как смена мест расположения населенных пунктов, так и перемены в системе землепользования. Данные об общинных распорядках в средневековой марке по большей части восходят к периоду не ранее XII—XIII столетий (Мильская, 1975, с. 64 и след.); применительно к начальному периоду средних веков такие данные чрезвычайно скудны и спорны.

Между древней общиной у германцев и средневековой «классической» маркой невозможно ставить знак равенства. Это явствует из тех немногих указаний на общинные связи жителей древнегерманских деревень, которые все же имеются. Радиальная структура поселков типа Фелдерзен Вирде — свидетельство того, что население размещало свои дома и проводило дороги, исходя из общего плана. Борьба с морем и возведение «жилых холмов», на которых возводились деревни, также требовали объединения усилий домохозяев. Вполне вероятно, что выпас скота на лугах регулировался общинными правилами и что отношения соседства приводили к некоторой организации жителей деревни. Однако о системе принудительных полевых порядков (*Flurzwang*) в этих населенных пунктах мы сведений не имеем. Устройство «древних полей», следы которых изучены на обширной территории расселения древних германцев, не предполагало такого рода распорядков¹⁹. Нет оснований и для гипотезы о существовании «верховой собственности» общины на пахотные участки.

При обсуждении проблемы древнегерманской общины необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство. Вопрос о взаимных правах соседей на земли и о размежевании этих прав, об их урегулировании возникал тогда, когда возрастала численность населения и жителям деревни становилось тесно, а новых угодий не хватало. Между тем начиная со II—III вв. н. э. и вплоть до завершения Великих переселений происходило сокращение населения Европы, вызванное, в частности, эпидемиями (Abel, 1967, S. 12 ff.). Поскольку же немалая часть поселений в Германии представляла собой обособленные усадьбы или хутора, то едва ли и возникала необходимость в коллективном регулировании землепользования.

Человеческие союзы, в которые объединялись члены варварского общества, были, с одной стороны, уже деревни (большие и малые семьи, родственные группы), а с другой — шире («сотни», «округа», племена, союзы племен). Подобно тому как сам германец был далек от превращения в крестьянина, социальные группы, в которых он находился, еще не строились на земледельческой, вообще на хозяйственной основе — они объединяли сородичей, членов семей, воинов, участников сходов, а не непосредственных производителей, в то время как в средневековом обществе крестьян станут объединять именно сельские общины, регулирующие производственные аграрные порядки.

В целом нужно признать, что структура общины у древних германцев

¹⁹ Здесь уместно вспомнить спор между А. Дощем и рецензентом его книги Г. Вонфнером о сельской общине у германцев. Вонфнер утверждал, что с тезисом Доща об отсутствии принудительного севооборота на древних полях Германии можно было бы согласиться только в том случае, если б удалось показать, что к каждому полевому участку был самостоятельный доступ. «То, что такой доступ существовал надрезе, невозможно доказать на основе археологических или каких-либо иных источников» (Wopfner, 1912—1913, S. 53). Ныне наличие широких межей в полях римского железного века на территории расселения германцев многократно продемонстрировано археологически.

нам известна слабо. Отсюда — те крайности, которые зачастую встречаются в историографии: одна, выражающаяся в полном отрицании общины в изучаемую эпоху (между тем как жителей поселков, изученных археологами, несомненно, объединяли определенные формы общности); другая крайность — моделирование древнегерманской общины по образцу средневековой сельской общины-марки, порожденной условиями более позднего социального и аграрного развития.

Может быть, более правильным подход к проблеме германской общины сделался бы при учете того существенного факта, что в хозяйстве жителей пероманизованной Европы, при прочной оседлости населения, первенствующую роль сохраняло все же скотоводство (Lange, 1971, S. 106). Не пользование пахотными участками, а выпас скота на лугах, пастбищах и в лесах должен был, судя по всему, в первую очередь затрагивать интересы соседей и вызвать к жизни общинные распорядки.

Как сообщает Тацит, Германия «скотом изобильна, но он большей частью малорослый; даже рабочий скот не имеет внушительного вида и не может похвастаться рогами. Германцы любят, чтобы скота было много: в этом единственный и самый приятный для них вид богатства» (Germ., 5; ср.: Caes. De bell. Gall., VI, 35). Это наблюдение римлян, побывавших в Германии, соответствует тому, что найдено в остатках древних поселений раннего железного века: обилие костей домашних животных, свидетельствующих о том, что скот действительно был малорослым²⁰. Как уже было отмечено, в «длинных домах», в которых по большей части жили германцы, наряду с жилыми помещениями находились стойла для домашнего скота. Исходя из размеров этих помещений, полагают, что в стойлах могло содержаться большое количество животных, иногда до трех и более десятков голов крупного рогатого скота (Handbuch der deutschen Wirtschafts-..., 1971, S. 64 f.; Haarnagel, 1979, S. 251 f.).

Скот служил у варваров и платежным средством (Tac. Germ., 12, 21). Даже в более поздний период виры и иные возмещения могли уплачиваться крупным и мелким скотом, и самое слово *fehu означало у германцев не только «скот», но и «имущество», «владение», «деньги».

Охота не составляла, судя по археологическим находкам, существенного для жизни занятия германцев, и процент костей диких зверей очень незначителен в общей массе остатков костей животных в изученных поселениях (Much, 1967, S. 235 f.; Haarnagel, 1979, S. 272 ff.). Очевидно, население удовлетворяло свои потребности за счет сельскохозяйственных занятий. Однако исследование содержания желудков трупов, обнаруженных в болотах (эти люди были, очевидно, утоплены в наказание за преступления либо принесены в жертву) (Tac. Germ., 9, 12, 40; Much, 1967, S. 173 f., 214 f., 289 f.; Vries, 1970, S. 408 f.), свидетельствует о том, что подчас населению приходилось питаться, помимо культивируемых растений, также и сорняками и дикими растениями (Jankuhn, 1969, S. 229 f.; Much, 1967, S. 114).

Как уже было упомянуто, античные авторы, недостаточно осведомленные о жизни населения в Germania libera, утверждали, будто страна бедна железом, что придавало характер примитивности картине хозяйства германцев в целом. Несомненно, германцы отставали от кельтов и римлян в масштабах и технике железоделательного производства. Тем не

²⁰ Much, 1967, S. 115 f. Среди костей животных, найденных в древних поселках, преобладают кости коров и овец. См.: Jankuhn, 1969, S. 145.

меее археологические исследования внесли в нарисованную Тацитом картину радикальные поправки. Железо добывалось повсеместно в Центральной и Северной Европе и в доримский и в римский периоды. Железная руда была легко доступна вследствие поверхностного ее залегания, при котором была вполне возможна ее добыча открытым способом. Но уже существовала и подземная добыча железа, и найдены древние штольни и шахты, а равно и железоплавильные печи (RL, II, S. 258 f.). Германские железные орудия и иные металлические изделия, по оценке современных специалистов, отличались доброкачеством. Судя по сохранившимся «погребениям кузнецов», их социальное положение в обществе было высоким (Jankuhn, 1969, S. 160 ff.; Ohlhafer, 1939).

Если в ранний римский период добыча и обработка железа оставались, возможно, еще сельским занятием, то затем металлургия все явственнее выделяется в самостоятельный промысел (Jankuhn, 1970, S. 28 f.). Его центры обнаружены в Шлезвиг-Гольштейне и Польше. Кузнечное ремесло стало важным неотъемлемым компонентом хозяйства германцев. Железо в виде брусьев служило предметом торговли. Но обработкой железа занимались и в деревнях. Исследование поселения Феддерзен Вирде показало, что близ наиболее крупной усадьбы концентрировались мастерские, где обрабатывались металлические изделия; не исключено, что они шли не только на удовлетворение местных нужд, но и продавались на сторону (Neue Ausgrabungen..., 1958, S. 215 f.; Naarnagel, 1979, S. 296 f.).

Слова Тацита, будто у германцев мало изготовленного из железа оружия и они редко пользуются мечами и длинными копьями (Germ., 6), также не получили подтверждения в свете археологических находок (Uslar, 1975, S. 34). Мечи найдены в богатых погребениях знати. Хотя копья и щиты в погребениях численно преобладают над мечами, все же от 1/4 до 1/2 всех погребений с оружием содержат мечи или их остатки (Schirrig, 1965; Raddatz, 1966; 1967; Steuer, 1970). В отдельных же районах до 80% мужчин были похоронены с железным оружием²¹ (Capelle, 1979, S. 54—55). Также подвергнуто сомнению заявление Тацита о том, что панцири и металлические шлемы почти вовсе не встречаются у германцев (Uslar, 1975, S. 34; Much, 1967, S. 143 f.).

Помимо железных изделий, необходимых для хозяйства и войны, германские мастера умели изготавливать украшения из драгоценных металлов, сосуды, домашнюю утварь, строить лодки и корабли, повозки; разнообразное получило текстильное производство (Jankuhn, 1969, S. 166 ff.; Uslar, 1975, S. 86 ff.).

Оживленная торговля Рима с германцами служила для последних источником получения многих изделий, которыми сами они не обладали: драгоценностей, сосудов, украшений, одежд, вина (римское оружие они добывали в бою). Рим получал от германцев янтарь, собираемый на побережье Балтийского моря, бычья кожа, скот, мельничные колеса из базальта, рабов (работоторговлю у германцев упоминают Тацит и Аммиан Марцеллин). Впрочем, кроме доходов от торговли, в Рим поступали германские подати и контрибуции. Наиболее оживленный обмен происходил на границе между империей и *Germania libera*, где были расположены римские лагеря и городские поселения. Однако римские купцы проника-

²¹ Оружие, в том числе мечи, находят не только в погребениях. У германцев существовал обычай после победы над врагом приносить захваченное оружие в жертву богам, предварительно изломав его, и подобные жертвоприношения найдены на берегах болот и озер. См.: *Danefae*, 1980, N 41.

ли и в глубь Германии. Тацит замечает, что во внутренних частях страны процветал продуктовый обмен, деньгами же (римскими) пользовались германцы, жившие близ границы с империей (Germ., 5). Это сообщение подтверждается археологическими находками: в то время как римские изделия обнаружены по всей территории расселения германских племен, вплоть до Скандинавии, римские монеты находят преимущественно в сравнительно узкой полосе вдоль границы империи (Eggers, 1951, Lüders, 1952—1955, S. 85 ff.). В более отдаленных районах (Скандинавии, Северной Германии) встречаются, наряду с отдельными монетами, куски серебряных изделий, разрубленных, возможно, для использования в целях обмена (см.: Danefae, 1980, № 20).

Уровень хозяйственного развития не был однородным в разных частях Средней и Северной Европы в первые столетия н. э. Особенно заметны различия между внутренними областями Германии и районами, прилежавшими к «лимесу». Прирейнская Германия с ее римскими городами и укреплениями, мощными дорогами и другими элементами античной цивилизации оказывала значительное воздействие на племена, жившие поблизости. В созданных римлянами населенных пунктах жила и германцы, переживавшие новый для них образ жизни. Здесь их высший слой усваивал латынь как язык официального обихода, воспринимал новые для них обычаи и религиозные культы. Здесь они познакомились с виноградарством и садоводством, с более совершенными видами ремесла и с денежной торговлей. Здесь включались они в социальные отношения, которые имели очень мало общего с порядками внутри «свободной Германии» (Petrikovits, 1960, S. 84 ff., 112; Schmitz, 1963; Jankuhn, 1969, S. 122 ff.; Die Römer an Rhein..., 1975; Römer..., 1976).

3. Социальный строй

Разногласица в оценке общественного строя древних германцев в историографии в немалой мере вызывалась расхождениями в философско-исторических концепциях, которыми руководствовались историки, — ведь речь шла об истоках европейского развития. Специфическая база источников, на которую приходилось при этом опираться, оставляла простор для самых различных толкований.

Поэтому, переходя к социальному строю германцев, опять-таки необходимо сопоставить показания античных писателей с данными археологии. Заранее можно сказать, что и те и другие свидетельства сами по себе недостаточны: первые тенденциозны, вторые по природе своей не способны с должной полнотой осветить общественную структуру. Имея в виду эти ограничения, обратимся сначала к письменным источникам.

Римляне сталкивались прежде всего с германскими войнами и их вождями; употребляемая латинскими авторами терминология заведомо неточна, и потому едва ли ее анализ может быть результативен. В частности, из слов Тацита о том, что «королей они выбирают по знатности, а военачальников — по доблести» (Germ., 7)²², — заявления, вызвавшего длительную дискуссию (Bosl, 1964), — трудно извлечь какую-либо достоверную информацию, ибо древнегерманские социальные термины нам

²² Мы предпочитаем перевод термина «гех» в применении к германскому правителю — «король» (таков перевод С. П. Моравского. — См.: Древние германцы, 1937, с. 59 и далее), а не «царь» (таков перевод А. С. Бобовича. — См.: Корнелий Тацит, 1960, I, с. 356 и далее). Германские термины, которые здесь можно подразумевать: * kuningaz, * kunungaz, * reudanz (гот. riudans).

неизвестны и неясно, что такое «знатность» у древних германцев, кто именно подразумевался в тот период под «королем» и чем отличался он от «военачальника», равно как темной остается и процедура их «избрания». Не должна ли быть эта фраза Тацита отнесена скорее к его риторике, чем к германской действительности? Здесь этот вопрос не может нас занимать специально, и удовольствуемся констатацией факта, что во главе племен или союзов племен у германцев стояли вожди, выделявшиеся особой знатностью происхождения и воинскими доблестями. Возможно, что королевская власть (или лучше: власть «конунга»?) уже в тот период осмыслилась как сакральная, хотя точное содержание этой сакральности (происхождение от богов? тесная связь с ними и покровительство, оказываемое богами отдельным знатым родам? ведущая роль короля в религиозно-культурной жизни племени, жреческие или магические функции его?) ускользает от нашего взора²³.

Во всяком случае, ясно, что наличие королевской власти предполагало существование социальной группы, которая концентрировалась вокруг короля, — нобилитета. Знать находилась с королем в противоречивых отношениях: знатные люди спланивались в возглавляемые вождями дружины, служили им, искали у них наград и добычи, вступали с ними в отношения личной службы и покровительства (Tac. Germ., 13—15), но в определенных ситуациях представители нобилитета могли фигурировать и в роли конкурентов короля и завязывать с ним или между собой борьбу за власть (см. «Истории» и «Анналы» Тацита). Р. Венкус отвергает высказывавшуюся в историографии точку зрения на древнегерманскую знать, как на замкнутое «сословие» (Stand), четко отделенное от массы свободных, и полагает, что каждая знатная семья обладала собственным статусом, который определялся комплексом причин, и что уже в древнегерманский период существовала социальная мобильность, выражавшаяся в возвышении одних родов и упадке других (RL, I, S. 60 f.). Он указывает, кроме того, на невозможность общей оценки положения нобилитета у германцев и подчеркивает региональные и племенные различия, в частности различия между племенами, жившими близ Рейна, т. е. в непосредственной близости от империи и в постоянном контакте с нею, приэльбскими племенами и, наконец, северогерманскими племенами (различия эти частично отмечены и самим Тацитом).

Представители знати выделялись из остальной массы соплеменников своими богатствами, и не только украшениями, оружием и другими сокровищами, которые они захватывали в войнах или выменивали на захваченную добычу, но и большими земельными владениями (Неусыхин. Общественный строй..., 1929; с. 83, 147 и след., 219 и след.). В пользу этой точки зрения свидетельствуют как высказывания латинских авторов, так и данные археологии. При всей неясности слов Тацита о том, что германцы делают землю «по достоинству» (secundum dignationem.— Germ., 26), все же возможно, что за ними стояла некая реальность — неравные разделы владений в зависимости от происхождения участников дележа занятой земли. В «Анналах» упоминается «вилла» фриза Крупторига (Ann., IV, 73), в «Историях» — «поля и виллы» Цивилиса (Hist., V, 23).

²³ На сакральной природе королевской власти у германцев настаивает ряд современных историков (К. Хаук, О. Хефлер, К. Босл; см.: Gebhardt, 1970, 1, S. 710 f.), тогда как другие историки ставят эти выводы под сомнение. См., в частности: Baetke, 1964.

Конечно, все эти указания Тацита слишком разрознены и спорадичны для того, чтобы на их основании делать положительные выводы. Однако описание им быта дружинников, в особенности ссылка на их полную праздность в то время, когда они не ведут войны (Germ., 15), заставляет с определенностью предположить, что именно в их владениях в первую очередь должны были трудиться те наделенные участками и домами рабы, о которых Тацит пишет несколько ниже (Germ., 25). То, что, по его словам, все заботы о жилище, домашнем хозяйстве и пашне дружинники перекладывают на плечи «женщин, стариков и наиболее слабосильных из домохозяев» (Germ., 15), внушает большие сомнения: если хозяйства знати были наиболее обширными, то обработка земли в них явно требовала куда больших усилий, чем это рисуется идеализирующему примитивный варварский быт римскому автору.

Однако, даже если мы допустим, что германский нобилитет обладал более обширными земельными владениями, чем прочие соплеменники, нет достаточных оснований для утверждения о том, что эти владения представляли собой «вотчины» (Fleischmann, 1906, S. 7 f.). Нельзя недооценивать глубоких различий между владениями древнегерманских нобилей, использовавших труд рабов, с одной стороны, и владениями средневековой знати, производство в которых опиралось прежде всего на эксплуатацию зависимых крестьян, — с другой. Это различие, как кажется, игнорирует ряд современных исследователей. Исходя из данных археологии, И. Герман полагает, что уже в первые века н. э. владения германского нобилитета представляли собой «комплексы дворов», которые находились в собственности их обладателей и в которых трудились зависимые непосредственные производители (Untersassen). Эта точка зрения медиевиста ГДР внутренне связана с его представлением о том, что у древних германцев уже существовала частная собственность на землю (Hegtmann, 1966, S. 409 ff.; 1973, S. 178 ff.).

Нужно полагать, что если за словами Тацита: «гораздо труднее убедить их распахать поле и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны» (Germ., 14), — скрывалась какая-то действительность, то перед нами не просто германские установки в отношении физического труда и войны, а этика, присущая именно нобилитету, непосредственно о котором Тацит здесь и говорит. Напомним, что охота, которой, по словам римских авторов, дружинники уделяют свой досуг (Germ., 15; ср.: Caes. De bell. Gall., IV, 1), была проявлением их праздного образа жизни, «благородным занятием» и не представляла собой способа добывания средств к существованию, как полагали сторонники архаизирующей тенденции в изображении древнегерманского быта.

Знать, как явствует из высказываний Тацита, играла ведущую роль в управлении племенем, и именно на ее собраниях и пирах обсуждались все важнейшие дела — остальным же соплеменникам предоставлялось, потрясая оружием, одобрить те предложения, которые были выработаны королем и знатью (Germ., 11)²⁴. Вообще «простолюдины», рядовые свободные занимают в рисуемой Тацитом картине общественной жизни Германии второстепенное место. Инициатива в принятии решений, имеющих значение для жизни народа, принадлежит, согласно этой картине, вождям и нобелям, масса же следует за ними. Как передает Тацит, знатный гер-

²⁴ Германский обычай поднимать оружие в знак одобрения решения сохранился и в раннее средневековье.

манец Сегест, противник Арминия, советовал римскому полководцу Вару бросить в оковы вождей (proceres) херусков: «простой народ (plebs) ни на что не осмелится, если будут изъяты его предводители» (principes) (Ann., I, 55). Людей, следовавших за Сегестом, Тацит называет «клиентами» (Ann., I, 57). Точно так же именует он и сторонников знатного Ингиомера (Ann., II, 45; XII, 30).

У германцев, отмечает Тацит, «существует обычай, чтобы каждый добровольно уделял вождям кое-что от своего скота и плодов земных, и это, принимаемое теми как дань уважения, служит также для удовлетворения их нужд» (Germ., 15). Даже если допустить, что дары, приносимые свободными соплеменниками вождям, действительно имели добровольный характер, то легко предположить, что в случае нежелания кого-либо из членов племени выказать подобное уважение его главе такой человек рисковал навлечь на себя месть или опалу. Дары эти — далеко не подать, не принудительная дань, и тем не менее налицо элементы эксплуатации части ресурсов свободного населения в интересах нобилитета. Вполне возможно, что в материальном отношении эти дары были необременительными, однако самая традиция делиться ими с вождями выражала способ перераспределения материальных благ между рядовыми свободными и нобилитетом (см.: Grüpert, 1968, S. 47—55). Для предводителя, окруженного многочисленной дружиной, подарки, получаемые как от соплеменников, так и от соседних племен (Tac. Germ., 15), должны были служить немаловажным подспорьем в укреплении его могущества.

Если этот общественный порядок и можно называть «военной демократией» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 164), то форма последней у германцев существенно отличалась от той формы, которую Морган наблюдал у североамериканских индейцев: у германцев лидерство знати приняло уже вполне развитые очертания. «Военная демократия» выступает в изображении Тацита в качестве крайне противоречивого феномена. С одной стороны, это демократия, и народ, все свободные участвуют в управлении племенем; нет отношений эксплуатации в среде свободных. С другой же стороны, это военная демократия, и воинственный нобилитет оказывает все возрастающее влияние на все стороны социальной и хозяйственной жизни. Знать представляла собой динамичный фактор в варварском обществе, и перегруппировка племен, возникновение новых племен и их союзов в позднеримский период в большой степени определялись военной ролью нобилитета (Wenskus, 1961, S. 429 ff.). Это дало основание ряду западногерманских историков (Г. Данненбауэру, Г. Миттайсу, К. Бослу) выдвинуть тезис о «господстве знати» (Adelsherrschaft) как конститутивном признаке древнегерманского общества (Gebhardt, 1970, S. 705 ff.). Более осторожные исследователи предпочитают говорить не о «господстве», а о «ведущей роли» знати (Adelsführung), отмечая непринудительный, добровольный характер связи между нею и остальными свободными, которыми она предводительствовала (Wenskus, 1961, S. 339 f.; ср.: Leube, 1976, S. 189 f.).

Сдержанность этих ученых диктуется, в частности, тем, что утверждения, согласно которым знать и вожди опирались на укрепленные бургы (как впоследствии феодалы: Dannenbauer, 1958, S. 121—178), не нашли поддержки со стороны археологов; последние склонны видеть в изученных ими укреплениях из земли и дерева убежища для населения в моменты опасности (Jankehn. Archäologie..., 1976, S. 236; Einführung., 1977, S. 148, 150 ff.). О том, что германцы при приближении врага укрывались в лесах или на горных вершинах, рассказывают Тацит и Аммиан

Марцеллин, которые, однако, в этой связи не сообщают об искусственных укреплениях. Упоминаемые же античными авторами германские *oppida* и *castella*, по-видимому, были оставлены в начальный период Империи. Они становятся более частыми в III—V вв.²⁵

Таким образом, знать, вожди, дружинники, несомненно, выделялись из основной массы населения как своим образом жизни, воинственным и праздным²⁶, так и немалыми богатствами, которые были ими награблены, получены в подарок или в результате торговых сделок; их земельные владения были более крупными, чем владения остальных свободных, и, видимо, знатные семьи преимущественно использовали труд рабов, перекладывая на них заботы о своем содержании. Впрочем, Р. Мух справедливо предостерегал от излишнего доверия к сообщению Тацита о полной бездеятельности знати и ее отвращения к физическому труду — в этих словах римского писателя нетрудно разглядеть определенную тенденцию (Musch, 1967, S. 237). Вероятно, действительность была более многообразна и не поддавалась такой однотонной стилизации. Зажиточные собственники могли принимать участие в производстве, даже если они и принадлежали к знати. Точно так же и рабы, о которых мы знаем из тацитовской «Германии» (Тацит уподобляет их римским колонам, мелким свободным арендаторам и явно идеализирует их положение²⁷), трудились не на одних только вождях и дружинников, и наличие одного или нескольких рабов в хозяйстве свободного человека никоим образом не избавляло его самого от необходимости заниматься производственной деятельностью.

Об этих германских рядовых свободных известно очень немного: внимание римских авторов было, естественно, приковано к наиболее воинственному и динамичному слою дружинников и нобилей. Между тем рядовые свободные соплеменники составляли костяк населения. Исследователи древнегерманского общества сплошь и рядом без обиняков называют свободных (*ingenui*, *plebs* античных писателей) «крестьянами», имея в виду при этом, как правило, то, что они были земледельцами и скотоводами. Следовало бы, однако, привлечь во внимание тот факт, что в германских языках отсутствовало обозначение для людей свободного происхождения, занятых сельским хозяйством (RL, II, S. 99 f.). Германские термины *bōndi*, *gebur* (*gibur*), *būari* происходят от глагола *būa* (*būan*, *bauan*), обозначающего проживание, пребывание в доме и связь с коллективом, но не сельскохозяйственную деятельность. Лишь затем эти термины стали указывать на определенный социально-правовой статус, и, наконец, из них развилось значение «крестьянин» (Wort und Begriff «Bauer», 1975, S. 58, 64 ff., 72), — человек, который поглощен сельскохозяйственным трудом и занимает вследствие этого низкое положение в социальной иерархии.

Однако такое содержание эти термины получили уже в складывавшемся феодальном обществе. Для более ранней стадии характерно было то,

²⁵ RL, I, S. 208; IV, S. 176—178. Кольцевые укрепления в Скандинавии (главным образом на островах Балтийского моря) относятся по большей части к эпохе Великих переселений народов. См.: RL, IV, S. 210 ff.

²⁶ Знать отличалась от прочих соплеменников и своей одеждой (*Tac. Germ.*, 17), и тем, что в ее среде практиковалось многоженство (*Ibid.*, 18); известно, в частности, что у Арвюста были две жены (*Caes. De bell. Gall.*, I, 53).

²⁷ Мух полагает, что германские сервы могли исполнять и трудовые повинности наряду с уплатой подати и что, кроме них, существовали домашние рабы (*Musch*, 1967, S. 326).

что производственные функции свободного не воспринимали в качестве определяющих; более существенными были такие значения терминов *bōndi*, *būnda*, как «домохозяин», «владелец дома», «глава семьи», «супруг». Не свидетельствует ли эта семантика об отсутствии в германском обществе функционального «разделения труда»?

В социологическом смысле древнегерманские свободные соплеменники еще чрезвычайно далеко отстояли от крестьян, и поэтому употребление термина «крестьянин» применительно к древней истории Средней и Северной Европы — явная модернизация.

Среди критериев крестьянства Р. Венкус отмечает тесную связь с землей — в смысле его «укорененности», прочной оседлости. На этом основании он считает невозможным говорить о «крестьянстве» применительно к аграрному населению неримской Европы (RL, II, S. 103).

Однако новые данные о «древних полях» и поселениях с «длинными домами», а также указания, почерпнутые из языка и мифологии германцев (см. выше), как кажется, не оставляют сомнения относительно того, что подобная «укорененность» имела место. Тем не менее о крестьянстве в собственном смысле слова можно говорить, по-видимому, только тогда, когда налицо общество, строящееся на разделении социальных и производственных функций, и когда в состав этого общества входит класс людей, занятых сельскохозяйственным трудом в своих мелких хозяйствах. Даже если отделение производственной функции от функций военной и управленческой проведено непоследовательно и земледельцы сохраняют личную свободу, тот факт, что они крестьяне, свидетельствует о существовании в обществе иной социальной группы, которая в той или иной мере концентрирует в своих руках войну и управление. В крестьянство рядовые германские соплеменники превратятся только после Великих переселений народов.

Древнегерманская социальная структура была весьма далека от подобного общества, и потому давний долгий спор в историографии о том, считать ли свободных соплеменников «крестьянами» или «вотчинниками» (последнюю точку зрения выдвинул в свое время В. Виттих)²⁸, представляется беспредметным: они не являлись ни теми ни другими. Свободный соплеменник был занят сельскохозяйственным, а временами и ремесленным трудом, но в его хозяйстве или на участках, выделенных из его владения, вполне могли трудиться несвободные или зависимые люди; вместе с тем он был воином и участвовал в военных действиях и, нужно полагать, именно поэтому выступал в качестве члена народного собрания (Tas. Germ., 11, 12). Иначе говоря, свободный соплеменник был полноправным членом общества, еще не знакомого с последовательно проведенным разделением социальных функций, — общества доклассового.

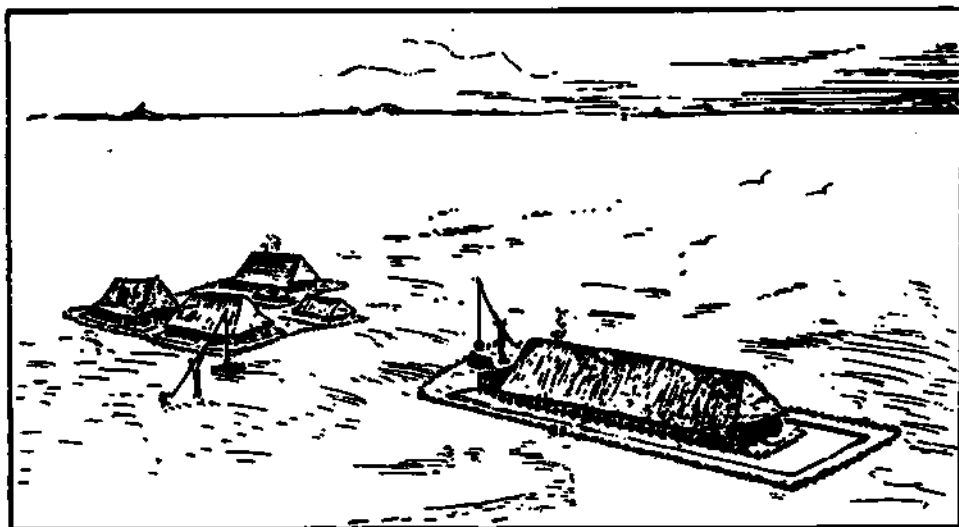
Состав хозяйства соплеменника определить довольно трудно. Характерный для древних поселков «длинный дом», площадь которого достигала подчас 100—150—200 и более кв. метров, был способен вместить несколько десятков жителей²⁹. Его могла населять «большая семья» — коллектив родственников из трех поколений, включавший семью родителей и семьи их женатых или замужних детей; здесь жили и зависимые.

²⁸ См. критику этих взглядов: Weber, 1924, S. 35 ff.

²⁹ Г. Мильденбергер, напротив, полагает, что эти дома могли давать приют только малым семьям и что поля, следы которых обнаружены близ них, были способны прокормить небольшое число жителей. См.: *Mildenberger*, 1972, S. 63. Иначе: *Steuer*, 1979, S. 620, 627.

О большой семье или домовой общине у древних германцев приходится высказываться гипотетически, поскольку никаких твердых данных на этот счет применительно к изучаемой эпохе нет и все предположения исходят из более позднего материала, рассматриваемого ретроспективно³⁰.

Более обширные родственные союзы германцев — патронимия, или род³¹, — также известны нам чрезвычайно плохо, и такие выражения, как *gentes cognationesque* (Цезарь) или *familiae et propinquitates* (Тацит), мало проясняют картину. В новейшей научной литературе высказывались возражения против идеи тесно сплоченного и ясно очерчен-

Поселок Эзинге (Гронинген),
схема жилых домов (со стойлами для крупного скота)

ного рода как социальной единицы у германцев (Genzmer, 1950; Kroe-schell, 1960), и нужно признать, что возражения эти небезосновательны: от действительных отношений родства и родовой взаимопомощи, которые, вне всякого сомнения, играли огромную роль в жизни германцев, необходимо отграничивать разработанную систему родовых институтов, созданную историко-юридической мыслью XIX в. (Schlesinger, 1963).

³⁰ Некоторые исследователи ставят под сомнение возможность существования у германцев большой семьи, ссылаясь на то, что средняя продолжительность жизни была тогда очень низкой (предположительно 27 лет); это практически исключало одновременное существование трех поколений родственников. См.: *Veius*, 1980, S. 22—23. Однако вероятная продолжительность жизни — понятие среднестатистическое; в очень большой степени она определялась высокой детской смертностью. В большой семье могли и отсутствовать родители взрослых сыновей, которые уже завели собственные семьи, но проживание в одном доме и совместное хозяйствование неразделенных братьев и сестер означало сохранение этого коллектива.

³¹ Патронимия, по М. О. Косвену, — широкая группа родственников, связанных хозяйственными, социальными и идеологическими отношениями, она представляет собой «ограниченный круг действия родства», членов которого объединяют право места и право возмещения, соприязничество, «необходимое наследование», право предпочтительной покупки и родового выкупа отчужденного семейного имущества. См.: *Косвен*, 1963, с. 91 и след.; 1949, с. 356. О понятии «род» у германцев см.: *Phillipotts*, 1913; *Гуревич*, 1977, с. 42 и след.

Тем не менее индивида в древнегерманском обществе трудно представить себе вне состава обширного коллектива сородичей и других близких людей — в качестве члена этой группы он находил поддержку и помощь. По Тациту, вооруженные отряды германцев состоят из людей, связанных семейными узами и кровным родством (Germ., 7); у них принято мстить за убитого сородича (Germ., 21) — обычай, как известно, сохранившийся у германских народов и много веков позднее; широкое гостеприимство (Germ., 21) — признак общества, в котором людей сплачивают прежде всего родовые отношения; об этом же свидетельствует и особо тесная связь между сыном сестры и дядей (Germ., 20)³². Однако беспочвенно предположение о существовании у германцев родовых общин, члены которых якобы вели совместное хозяйство (Mayer, 1924, S. 30 ff.). Как передает Тацит, «наследниками и преемниками умершего могут быть лишь его дети»; при их отсутствии имущество переходило лицам, ближайшим по степени родства, — к братьям, к дядьям по отцу, дядьям по матери (Germ., 20). Новые данные о землепользовании и поселениях германцев подтверждают мысль о том, что производственной ячейкой этого общества была семья («большая» или «малая»). Мелкое производство едва ли требовало объединения усилий отдельных хозяев. Как мы уже видели, в основе картины мира германцев лежало представление о доме, огороженном дворе. Самое создание мира, согласно германской мифологии и космологии, было не чем иным, как процессом основания усадеб, и все обжитое и возделанное пространство земли, в их глазах, представляло собой совокупность обособленных усадеб (Гуревич, 1972, с. 42—44).

Знать, дружинники³³, свободные, вольноотпущенники, рабы — таков в изображении античных авторов состав древнегерманского общества. Археологический материал дает картину этого общества в несколько иной проекции. Здесь знатные и могущественные люди выступают не в роли участников пиров и сходок, а как обладатели полей и стад, оружия и сокровищ. Точно так же и простой народ в археологическом освещении рисуется не в виде прячущихся в лесах и болотах воинов, которые легко снимаются с насиженных мест и переселяются в другие области, но нерадивы в обработке земли (Тас. Germ., 45), — раскопки свидетельствуют о населении деревень, существующих на протяжении нескольких столетий, населенки, поглощенные заботами о скоте и вспашке земли, постройке деревянных домов и ремесле.

Сопоставление сообщений письменных источников, да еще таких специфичных, какими были повествования античных авторов об их враждебных соседях-германцах, с одной стороны, и данных археологии — с другой, чревато трудноустраняемыми противоречиями (см. об этом: Клейн, 1978, с. 24 и след., 63 и след.), в особенности когда обсуждается проблема социальной стратификации, которая может найти отражение в археологическом материале лишь в весьма одностороннем виде (Jankehn. Einführung..., 1977, S. 182 ff.). Вместе с тем этот материал, накопленный

³² Мнение о том, что аэуэкулат, примеры которого можно найти также в скандинавских и английских источниках раннего средневековья, якобы представлял собой пережиток древнего материнского права (Planitz, 1971, S. 54), не имеет под собой оснований. См.: RL, I, S. 525 f.; M'ich, 1967, S. 297 f.

³³ Тацит говорит о знатных юношах, которые, будучи недовольными тем, что их собственное племя «закосневает в длительном мире и праздности», вступают в дружины вождей других племен (Germ., 14). Тем не менее едва ли все дружинники были знатными, и сам же Тацит отмечает, что в дружины «есть степени по решению того, за кем они следуют» (Germ., 13). Вполне вероятно, что в дружины входили и воины низкого происхождения. См.: Kuhn, 1956; ср.: Schlessinger, 1963, S. 22.

и исследованный к настоящему времени, настолько красноречив и показателен, что игнорировать его было бы недопустимой ошибкой.

Особое внимание привлекают поселения, следы которых открыты археологами. Интерес к этим данным возрастает в связи с тем, что в ряде случаев вскрыто несколько археологических горизонтов, датируемых разными периодами, так что удается проследить последовательные этапы истории одной и той же деревни.

Именно так обстоит дело в уже упомянутом ранее поселке Феддерзеен Вирде, просуществовавшем более полутысячелетия — от раннего железного века до эпохи Великих переселений народов (Haarnagel, 1977, S. 257—284; 1979). Феддерзеен Вирде был расположен на территории расселения племени хавков — тех самых хавков, про которых Плиний Старший писал как об «убогом, несчастном племени», лишенном «возможности держать скот и питаться молоком», и даже охотиться, но обреченном на одну только ловлю рыбы в море, окружающем их хижины (Nat. Hist., XVI, 2—4). Здесь выделены восемь археологических горизонтов. На начальной стадии, которую удается установить (I в. до н. э.), в этой местности параллельно располагались пять равновеликих «длинных домов», обособленных каждый на своем «жилом холме». По величине дома можно судить о приблизительном количестве крупного рогатого скота, который содержался в стойлах, и поэтому, исходя из равенства площади домов, мы вправе заключить, что населявшие их семьи были относительно одинаковой состоятельности. В этот период здесь уже применялся плуг с отвалом. Поля, очевидно, были небольшими, и на первом месте в хозяйстве этих приморских жителей стояло скотоводство.

Затем складывается овално-радиальная структура деревни. Изучение плана расположения домов, равно как и дорог и мостов, привело В. Хаарнагеля, руководителя раскопок в Феддерзеен Вирде, к заключению, что жители подчинялись определенным распорядкам в организации и использовании пространства и, следовательно, в этом смысле образовывали общину (Haarnagel, 1979, S. 316, 320).

В I в. н. э., в период разрастания деревни до 14 дворов, между хозяйствами, по-видимому, уже наметилось имущественное неравенство — появляются дома разных размеров. Несколько усадеб располагались внутри общей ограды, видимо, объединяя семьи сородичей или хозяйства, имевшие какие-то общие интересы. Эти объединения состояли из неравного числа домов, но в каждом из объединений выделялся один дом большего размера, чем прочие. В. Хаарнагель полагает, что налицо — усадьба крупного хозяина и наделы его зависимых держателей (Hinterzassen) (Haarnagel, 1962, S. 151 f.; 1979, S. 318 f.).

Во II в. выделяется одно наиболее крупное хозяйство с домом длиной 29 м и тремя связанными с ним домами меньших размеров. Хаарнагель придерживается мнения, что большой жилой дом с «залом» (Halle), окруженный малыми домами, в которых, возможно, жили зависимые люди (их статус, естественно, неизвестен), представлял собой резиденцию самого зажиточного «крестьянина» или «предводителя» (Hauptlingssitz), хозяйственный и культурный центр деревни. В этом доме, в отличие от прочих «длинных домов», не было стойла, скот содержался в других помещениях.

В непосредственной близости от жилища этого «богача» находился «дом сходок» жителей деревни, и то, что он располагался не на центральной площадке деревни, а неподалеку от «усадьбы предводителя», побуждает предположить, что он находился с ним в какой-то особой связи.

Хаарнагель допускает возможность того, что этот дом был построен «предводителем», который руководил собраниями жителей (Haarnagel, 1975, S. 22).

На протяжении II и III вв. в Феддерзеен Вирде существовали уже 23—26 домов разной величины (длиною от 25 до 10,5 м), расположенных двумя концентрическими кругами: появление новых домов не привело к изменению общего плана поселения. И в этот период сохранялись как «богатый дом», так и «дом сходок», причем первый был обнесен прочной оградой и рвом и сильнее обособлен от деревни, — по Хаарнагелю, он превратился отныне в «господский дом» (Herrenhof). Вокруг него концентрировалось ремесло, как можно судить по обилию ремесленных полуфабрикатов, угля и шлаков, а также ям для обжига в его непосредственном окружении и в малых домах поблизости. Мастера по металлу, работавшие в отдельных домах под покровительством или контролем владельца этой усадьбы, очевидно, уже не были заняты в сельском хозяйстве и представляли собой профессиональных ремесленников. Помимо кузнечного дела, здесь существовало гончарное, плотницкое и текстильное производство. «Господский дом» был также средоточием торговой деятельности. В этом хозяйстве найдено, в частности, немало предметов импорта из Римской империи, поступление которых в эту область было облегчено мореплаванием вдоль побережья Северного моря вплоть до устья Рейна.

Одновременно расширяется и «дом сходок» (его размеры достигают 25 м в длину при 6,5 м в ширину), и на то, что дом этот служил каким-то важным целям, указывает тщательно сооруженный в центре его очаг. На площадке, где располагались «господская усадьба», «дом сходок» и ремесленные мастерские, найдено большое количество римских монет, черепков импортной посуды, фибул, стекла и т. п. Возникает предположение, что «господская усадьба» являлась центром ремесленной и торговой активности для всего населения деревни. На службе этого «господина» или «сельского предводителя» находились, по мнению Хаарнагеля, ремесленники и мореходы, получавшие от него содержание. Здесь же должны были проживать и стражники, охранявшие «господскую усадьбу» и ее богатства.

В IV—V вв. в Феддерзеен Вирде появляются дома меньшего размера, и, судя по материальным остаткам этого периода, здесь произошли какие-то неблагоприятные перемены (упадок сельского хозяйства вследствие выщелачивания почвы и наступления моря?), в меньшей мере отразившиеся, очевидно, на «господской усадьбе». Можно предположить возрастание удельного веса ремесла за счет сельского хозяйства. В конце концов в V в. жителям пришлось оставить это поселение.

Итак, Хаарнагель гипотетически выделяет следующие слои населения Феддерзеен Вирде: «свободные, независимые крестьяне» (unabhängige freie Bauern), «зависимые держатели» (Hintersassen), «крестьяне-ремесленники», «профессиональные ремесленники», «господин» (Herr) или «предводитель» (Hauptling)²⁴.

Раскопки в Феддерзеен Вирде не имеют параллели по богатству материала и по открывшейся в данном случае возможности восстановления

²⁴ Погребение коня близ «дома сходок», собаки под порогом и свиньи под очагом, если истолковать эти погребения как жертвенные, дает основания предположить, что «господин» выполнял также и жреческие функции. Неподдалеку от того же дома найдено человеческое погребение, и полагают, что, поскольку оно расположено, в отличие от всех прочих, не на кладбище, а в поселении, это захоронение имело культовый характер. См.: Ausgrabungen..., 1975, S. 24 f.; RL, IV, S. 41f.

истории древнего поселения в Европе железного века на протяжении столь длительного периода. Тем не менее и другие находки деревень и хуторов на территории расселения германцев, несомненно, заслуживают всяческого интереса. Остановимся на них более кратко.

Деревня в Западной Ютландии на рубеже н. э. обнаруживает в основном структуру, сходную с вышеописанной. В поселке Ходде найдены следы домов разной величины — от длинных (12—28 м) до малых (4,5—7,5 м), причем малые дома хозяйственно связаны с большими. В этой деревне тоже выделяется один особенно крупный дом (длиною до 28 м) со стойлом примерно для 30 голов скота. С. Хвасс, изучивший этот поселок, называет большой дом «усадьбой могущественного человека» (Stormandsgård) (Hvass, 1975, s. 75—85).

В деревне Нёрре Фьанд (в Западной Ютландии), существовавшей в I в. до н. э. и в I в. н. э., находим аналогичную картину. Здесь опять-таки обнаружены остатки домов разной величины, один из коих превосходит размерами прочие. По мнению Г. Хатта, это было хозяйство, доминировавшее в поселке (Hatt, 1957). В другом ютландском поселении, Греттофт Хеде, которое возникло в V или IV в. до н. э., К. Беккер, исходя опять-таки из размеров помещений для скота, предполагает наличие «владельцев усадеб» (gårdsmaend), «мелких крестьян» (husmaend) и «безземельных людей» (jordløse). (Becker, 1965, S. 209—222; 1968, S. 235—255; Müller-Wille, 1977, S. 179 f.). Об усадьбе «предводителя» в хуторе Фохтелоо (Фрисландия) в I—II вв. н. э. пишет А. ван Гиффен, которому удалось реконструировать «длинный дом», стоявший обособленно от прочих домов меньшего размера (van Giffen, 1958). Ван Гиффен напоминает в связи с находкой в Фохтелоо сообщение Тацита о располагавшейся в этой местности вилле некоего Крупторига, германца, служившего Риму (Ann., IV, 73). В нидерландском селении Вийстер (время его существования — примерно от середины II до начала V в. н. э.), которое разрослось из одного двора, также обнаружена усадьба, которую считают аналогичной «господскому двору» в Феддерзен Вирде (van Es, 1967).

Таким образом, социально-экономическая структура древнегерманского поселения, рисующаяся при изучении Феддерзен Вирде, не была исключением. Постепенный и неуклонный рост одного наиболее богатого хозяйства в этой деревне на протяжении нескольких столетий заставляет предположить, что здесь действительно происходило материальное и социальное возвышение некой семьи, которая если и не подчинила себе прочих жителей, то распространила свое влияние на всю деревню³⁵. Могущество этой семьи опиралось на доходы от скотоводства и земледелия, а также и во всевозрастающей степени — от ремесленного производства и торговли, в том числе и дальней. То обстоятельство, что и в других изученных поселениях приблизительно в ту же эпоху наблюдаются сходные явления: выделение одного более крупного хозяйства, — дало основание для предположения о формировании «господского слоя» (Heitmann, 1966, S. 409 ff.; Böhner, 1975, S. 4). К такому предположению приходят как историки и археологи ФРГ, так и отдельные историки ГДР.

Оставляя в стороне утверждения о существовании в обследованных поселках «господ» или «предводителей» и «зависимых держателей», ибо

³⁵ В. Хаарнагель полагает, что, хотя община равных свободных владельцев исчезла в Феддерзен Вирде уже в середине I в. н. э., нет указаний и на то, что «предводитель» осуществлял над жителями вотчинные права (Haarnagel, 1979, S. 322).

для установления социального статуса обладателей крупных усадеб и их отношений с остальным населением деревни явно нужны были бы совершенно иные источники, мы, тем не менее, имеем основания констатировать существование в этих аграрных населенных пунктах значительной общественной и имущественной дифференциации. Эта дифференциация, судя по всему, усиливается в эпоху Империи.

Выводы, сделанные на все же территориально ограниченном материале обследования поселений, находят дальнейшее подтверждение при изучении погребений. В захоронениях доримского железного века можно видеть отражение относительного имущественного и социального равенства, начиная же со времен принципата становится заметной дифференциация на богатые и бедные погребения; Р. Хахман предполагает, что богатые погребения принадлежали «деревенским предводителям» (Nachmann, 1956—1957, S. 7 f.; Jankuhn, Siedlung..., 1976, S. 310). В начале н. э. появляются более пышные, так называемые княжеские погребения (Fürstengräber), которые выделяются из их окружения, образуемого скромными сожжениями (Eggers, 1953)²⁸. В могильные камеры из камня или дерева помещали деревянный гроб с телом; туда же клали серебряные и глиняные сосуды, украшения из золота и серебра, в том числе фибулы и другие предметы. При этом «рядовые» погребения отличались значительными региональными вариациями, тогда как существенной особенностью «княжеских погребений» была их однородность на обширной территории Западной и Северной Германии, что заставило предположить «династические связи» внутри слоя nobilitate. Неясно, существовало ли соответствие этого слоя упоминаемым Тацитом *reges* и *principes* (Carpelle, 1971, S. 13, 166).

Однако против квалификации богатых погребений как «княжеских», казалось бы, говорит отсутствие в них оружия. Поэтому высказывалось мнение, что погребения эти отражают скорее не социальную дифференциацию, а новые религиозные представления (Much, 1967, S. 203ff., 344). Новейшие исследования погребений этого типа вообще поставили под вопрос их принадлежность к «княжеским». Такие погребения в ряде районов охватывали немалый процент всех погребений (от 10 до 20%), и поэтому возникло предположение, что в них хоронили не вождей или их жен (весьма велик удельный вес женских погребений среди «княжеских»), а скорее зажиточных свободных, и в таком случае погребения упоминаемых Тацитом *reges* или *principes* вообще еще не найдены (Gebühr, 1974, S. 82—128). Вопрос о том, в какой мере социальные различия находили отражение в погребениях, остается открытым (Mildenberger, 1970, S. 86 f.; Wenskus, 1961, S. 282, 310 f.; Steuer, 1979, S. 611). Так или иначе — наличие существования некоего общественного слоя, располагавшего значительными богатствами.

Данные археологии демонстрируют социальную и имущественную неоднородность в среде свободных. Конечно, было бы неосторожно, исходя из разительных контрастов в наборе вещей, которые помещали в погребение вместе с телом или урной с прахом умершего, прямо заключать об его статусе — следовало бы учесть и религиозные верования, в частности представления о загробном мире, и погребальные традиции. И тем не менее свидетельства археологии убеждают в том, что в древне-

²⁸ Эту группу погребений принято называть «любовской», по могильнику у деревни Любоса (Любишево) в Северной Польше, заселенной в ту эпоху еще германскими племенами. См.: *Монгайт*, 1974, с. 341.

германском обществе существовали зажиточные и бедные, не говоря уже о знати, которая располагала подчас огромными богатствами и похвалялась редкими сокровищами, импортированными из Рима. О наличии немалых богатств у части населения (или у отдельных индивидов) красноречиво говорят многочисленные клады, содержащие монеты римской чеканки, драгоценности, утварь, оружие и т. п. (Geisslinger, 1967).

Обладание сокровищами способствовало возвышению вождей и упрочению их власти, привлекая в их дружины наиболее ответственную часть соплеменников³⁷. Наличие этих сокровищ выполняло и важную знаковую функцию; одеждой и фибулами, оружием и прической знать выделялась из остальной массы соплеменников. Полученные от римлян монеты подчас не имели меновой стоимости у племен, которые вели безденежную торговлю (Тас. Germ., 5), но германцы изготавливали из них украшения, имевшие религиозно-магическое и символическое значение (RL, III, S. 361—401). Трудно удержаться от заключения, что в этом обществе знать возвысилась над рядовыми свободными, заняв доминирующие позиции и в социальной, и в хозяйственной жизни, сосредоточив в своих руках ведение войн (в которых в случае необходимости принимали участие все свободные мужчины), а возможно, и руководство культом. Вывод о социально-экономическом и военном могуществе знати, напрашивавшийся уже и из анализа письменных источников (Неусыхин. Общественный строй..., 1929, с. 83, 147 и след., 154 и след., 219 и след.), находит в археологическом материале дальнейшее широкое подтверждение и, главное, конкретизируется. В этом смысле очень показательна рассмотренная выше история поселения Феддерзен Вирде. Группа домохозяев-скотоводов и земледельцев приблизительно одного достатка с течением времени, по мере роста населения, дифференцируется; затем в деревне выделяется наиболее зажиточная усадьба, вокруг которой концентрируются ремесло и торговля и с которой, по-видимому, связаны мелкие хозяйства (неизвестно, были ли то хозяйства несвободных наподобие тацтовских сервов или же хозяйства мелких свободных соплеменников); наконец, экономическое преобладание этой состоятельной семьи, как можно предположить, приобретает также и некоторые черты социального верховенства.

А. И. Неусыхин видел в древнегерманском нобилитете социальную группу, которая выделилась из свободных соплеменников благодаря войне. То были лица, «которые играли наиболее выдающуюся роль в деле организации военной обороны племени» (Неусыхин, 1974, с. 393). Изучение археологических данных побуждает предположить, что накопление богатств и в мирных условиях приводило к обособлению в среде скотоводческого и земледельческого населения германских деревень преуспевающей верхушки, хотя остается загадкой, в какой мере она идентична нобилитету, изображенному Цезарем и Тацитом.

Признавая имущественное и социальное расслоение германского общества, тем не менее можно со всей определенностью отрицать зарождение в нем классовой структуры³⁸. Тезис о наличии у германцев частной соб-

³⁷ Об отношениях между вождем и дружинниками, об их верности, делящейся вплоть до смерти, о состязании дружинников в проявлении доблести и о наградах, получаемых ими от предводителя, Тацит говорит очень красноречиво (Germ., 13, 14). Позднейшие письменные источники, в особенности скандинавские, рисуют такую же картину для эпохи викингов.

³⁸ Неусыхин, 1968, с. 597, 616 и след. Иначе — И. Герман, который возводит начало классовой дифференциации у германцев к рубежу н. э. (Herrmann, 1966, S. 398 ff.; 1973, S. 178 ff.).

ственности на землю, который многократно постулировался историками, не находит подтверждения. Перед нами — родо-племенное варварское общество на поздней стадии своего развития («высшая ступень варварства» по Энгельсу). Существующие в нем социальные градации — знать, свободные, рабы — это разряды именно родо-племенного общества, основную массу которого образуют свободные³⁹. Нет указаний о зависимости, личной или хозяйственной, одних свободных от других, и в этом отношении владения состоятельных германцев, в которых эксплуатировались рабы, радикально отличаются от средневековых вотчин с зависимыми крестьянами из числа бывших свободных. Ни зависимость сервов от их господ, ни личная связь дружинников с вождем не могут свидетельствовать о возникновении «зародышей» феодализма — они должны рассматриваться в контексте древнегерманской социальной системы, структурно, а не «телеологически». Варварское общество — последняя стадия доклассового общества.

Изучение социально-экономической истории германских народов на протяжении «имперского времени», с I по V в.⁴⁰, обнаруживает своеобразное сочетание черт изменчивости и константности. Активная римская политика по отношению к Германии, походы римских полководцев в глубь страны, основание римлянами военных лагерей и поселений вдоль «лимеса» способствовали романизации областей, граничивших с Рейном и Дунаем. Однако романизация, восприятие германцами, населявшими эти районы, элементов римской цивилизации и социальных порядков, ограничивалась сравнительно узкой «каймай» на границе — внутри «свободной Германии» она чувствовалась очень мало. Крупнейший современный специалист в области германских древностей подчеркивает, что в целом германцы, несмотря на полутысячелетнее соседство с римлянами, почти ничего не переняли у них в сфере материальной жизни (Jankuhn, 1969, S. 184).

Если попытаться подвести итог длительной дискуссии на тему «континуитет — культурная цезура» при переходе от античности к средневековью, вызванной работами Дюпша (*Kulturbruch oder Kulturkontinuität...*, 1968), то при всей рискованности однозначного ответа на столь резко сформулированный вопрос все же можно с большой степенью определенности утверждать: вторжения варварских народов на территорию Римской империи открыли качественно новую эпоху в социально-экономической истории Европы. И дело не исчерпывается той ломкой позднеримского общественного уклада, которая происходила в завоеванных германцами странах. Великие переселения нарушили преемственность и на родине германцев. Как уже упоминалось, археологами установлено, что почти все без исключения открытые ими поселения на пространствах, издавна обитаемых германцами, в IV—VI вв. пришли в запустение, были разрушены или оставлены их жителями⁴¹. После этого же хроно-

³⁹ Разумеется, знать, свободные и несвободные у германцев не представляли собой «сословий» (*Stände*), как их мыслили историки-юристы XIX и начала XX в., а иногда еще и ныне; см.: *Lütge*, 1967, S. 16. Ф. Лютге пишет о «сословиях по происхождению» (*Geburtsstände*), хотя и признает их неполную отграниченность одного от другого.

⁴⁰ Мы не касаемся здесь военно-политических перипетий отношений между Римом и германцами, равно как и изменений в структуре германских племен, и в частности образования племенных союзов. См. об этом: *Heusylgin*, 1929, с. 109—128; *Wenskus*, 1961, S. 429 ff.; *Dannenbauer*, 1959, S. 184 f.

⁴¹ Весьма наглядно это видно из приводимой В. Янссеном таблицы, на которой показана хронология существования древних и средневековых поселений на терри-

логического рубежа не обнаруживаются и так называемые «древние поля», широко распространенные в доримский и римский железный век. Налицо нарушение преемственности в области хозяйства и поселения. Напротив, деревни, заселенные германцами после Великих переселений, как правило, существовали на протяжении большей части средневековья.

Новые формы поселений, новые типы полей и системы обработки почвы, главное же — иной характер социальных отношений решительно отделяют древнегерманских скотоводов, земледельцев и воинов, членов варварского общества, от формирующегося крестьянства раннего средневековья.

4. Германская община после варварских завоеваний

После расселения в завоеванных провинциях Римской империи рядовые свободные германские соплеменники стали превращаться в крестьян. Несмотря на то, что и на старых местах жительства, внутри Германии, они с давних времен занимались оседлым земледелием и скотоводством, до Великих переселений крестьянами, непосредственными производителями, поглощенными хозяйством, они еще не являлись (см. выше). Ибо наряду с хозяйственной деятельностью они вели жизнь воинов, принимали участие в управлении и суде. Вещи, найденные в германских кладах и погребениях, очень часто представляли собой добычу, захваченную во время войн и грабительских набегов, и слова Тацита о том, что варвары предпочитают добывать себе нужное пролитием крови, а не пота (Germ., 14), — не пустая риторическая фигура. Общая картина, вырисовывающаяся при чтении «Германии»: неторопливые сборы на народные сходки, отнимающие подчас несколько дней; толпы («сотни»), следующие за старейшинами; непробудное пьянство на долгих пирах; оружие, с которым германцы никогда не расстаются; тяга молодежи в дружины; склонность отдавать сну не только ночь, но и часть дня; наконец, особенности германцев, которые поражали сторонних наблюдателей, а именно — большая выносливость в ратных делах и неприспособленность к труду и напряженной деятельности (Germ., 4, 11, 12, 13, 22), — свидетельствует о том, что перед нами отнюдь не крестьянское общество.

Сколь разителен контраст между этой картиной и тем, что выступает на первый план в древнейших записях обычного права германцев — варварских Правдах⁴². Главное содержание судебных книг — охрана имущества и личной неприкосновенности домохозяев, их усадеб, домов, скота, рабов, движимости. Средоточием их хозяйственной и социальной жизни являются усадьба и дом, и они явственно доминируют в сознании германца. Преступления, совершенные против него внутри ограды его усадьбы и тем более в доме, караются особенно сурово (L Sal., II, add. 1, 2; VII, 3, add. 8; VIII, 1, add. 1; XI, 3, 5; XIII, 5; XIV, add. 1,

тория Германии: IV и в особенности V и VI вв. знаменуют резкий и всеобщий упадок старых деревень; VI—VII вв. — время основания новых деревень (Janssen, 1968, S. 345; ср.: Schlette, 1969, S. 11—25).

⁴² В варварских Правдах крупное землевладение не находит адекватного или вовсе никакого (как в Салической правде) отражения. Однако необходимо иметь в виду, что эти судебники, предназначенные главным образом для регулирования правоотношений в среде рядовых соплеменников, к тому же преимущественно только спорных или неясных случаев, но не бесспорных норм, затрагивают отдельные аспекты жизни германцев, расселившихся в римской провинции, и не могут дать всесторонней картины общества в целом.

2; XVI; XXVII, 22, 23; XXXIV, 4, add. 2; XLII, 5); изгороди, отделяющие его хозяйство от внешнего мира, неприкосновенны (L Sal., IX, add. 2; XXXIV, 1, add. 1); лица, проживающие в его усадьбе, составляют ли они его семью или принадлежат ему в качестве зависимых, рабов, находятся под его покровительством, и он несет за них ответственность (L Sal., XIII; XV; XXIV; XXV; XXXV; XXXIX; XL; XLIV); в доме надлежит вчинять ему иски и вызывать на суд (L Sal. I, 3; LII, LVI); человек, который должен уплатить вергельд, но вынужден в силу своей имущественной несостоятельности переложить эту обязанность на родственников, бросает горсть земли, стоя на пороге своего жилища, и затем прыгает через плетень, что, видимо, символизировало его отказ от дома, двора и имущества (L Sal., 3, LVIII).

Кроме усадьбы, свободный германец владеет пахотным участком, лугом, выпасом для скота, делянкой в лесу, и неприкосновенность этих его владений и угодий также охраняется правом, хотя и не в той же мере, как неприкосновенность дома и двора (L Sal., VII, add. 11; IX, 1, 2, 4, 5; XXVII; XXXIV, 2, 3. См.: Неусыхин, 1974, с. 52 и след.). Право пользования «травой, водою и дорогою» принадлежит всем жителям населенного пункта, и потому любой хозяин может воспретить постороннему лицу сюда переселиться, дабы его собственные интересы не оказались ущемленными (L Sal., XLV). Скрупулезность, с какой составители судебныхников вникают во все возможные казусы краж и ограблений, подробнейшие перечни крупного и мелкого скота, птицы, утвари с уставовленным пеней за их похищение (вспомним хотя бы «свиную терминологию» Салической правды — L Sal., II), за потравы, нарушение границ и иной ущерб, причиненный хозяйству, — все это продиктовано интересами мелких производителей. Поводы для тяжб между ними нередко возникают во время пахоты, рубки леса, выпаса домашних животных, помолы зерна на мельнице.

Разумеется, они свободны (*liberi, ingenui*) и полноправны, а потому вооружены, и в судебныхниках видное место отводится карам за убийства и ранения; видимо, вооруженная стычка между людьми, что-то не поделившими, была заурядным явлением. Еще недавно эти люди принимали участие в военной колонизации Галлии, и военный быт, очевидно, не вовсе ушел в прошлое. Не следует забывать и того, что в условиях только зарождавшегося государства свободному человеку самому приходилось охранять от посягательств свою жизнь и достоинство, а равно своих близких и достояние, прибегая при этом не только к, может быть, даже не столько к средствам судебной защиты, сколько к силе оружия. И тем не менее центр их интересов явственно переместился в сферу хозяйственной деятельности. Тот, кто предпочел войну земледелию и скотоводству, стал ангустином, дружинником короля и защищен утроенным против обычного вергельдом (L Sal., XLI, 3, 5; XLII, 1, LXIII, 2). Все остальные — крестьяне.

Существование, с одной стороны, крупного землевладения короля и знати и — с другой, превращавшихся в крестьян свободных было источником глубоких противоречий в VI в. Укреплявшееся после завоевания могущество монархии и сил, которые ее поддерживали⁴³, создавало

⁴³ Здесь нет необходимости останавливаться на вопросе о старой франкской знати. То, что ее не упоминает Салическая правда, дало повод полагать, что франкские короли сумели ее физически истребить (см. на этот счет повествования Григория Турского), однако, возможно, часть старой знати перешла на службу королю. Высказан-

угрозу независимости крестьянства — если не сейчас, то в недалеком будущем. Первые симптомы уже налицо в Салической правде.

Право жителей «виллы» воспретить постороннему вселиться в этот хутор или деревню (исследователи расходятся в толковании термина *villa* в гл. 45 Салической правды — см. ниже) теряло силу в том случае, если *migrans* предъявлял королевскую грамоту, дававшую ему такое право, и попытка воспрепятствовать вселению подобного привилегированного лица сурово каралась (L. Sal., XIV, 4). Нетрудно предположить, что приближенный короля или человек, пользующийся его милостью, после вселения в виллу оказывался способным утеснить ее жителей; такой привилегированный поселенец вполне мог располагать средствами для того, чтобы поставить в зависимость от себя кое-кого из местных крестьян.

Но это лишь гипотеза. Факт же заключается в том, что, как явствует из гл. 45 Салической правды, составители судебного кодекса исходят из представления об отсутствии у жителей виллы (в данном случае так называно, видимо, групповое поселение) единства интересов. Соответственно, в ситуации, когда в виллу (точнее — к одному из ее жителей) вселяется какое-то новое лицо, часть крестьян хочет принять его, тогда как один (или несколько) жителей высказываются против вселения и тем самым делают его невозможным. В данном случае нас интересует не то, на каких правах и по каким причинам этот *migrans* переселяется к «другому», ибо здесь невозможно продвинуться дальше догадок (см.: Грацианский, 1960, с. 339 и след.), — существенны самый факт разногласий между жителями виллы и наличие у любого из живущих в ней хозяев права воспрепятствовать переселению в нее нового лица. Если вилла — деревня, то ее жители выступают в обрисованной ситуации индивидуально; даже при согласии всех остальных достаточно противодействия одного для того, чтобы вселение *migrans*'а оказалось противоправным. Титул 45 привлекали в качестве свидетельства того, что франкская деревня представляла собой общину, располагавшую правом «верховой собственности» на земли (см. полемику между А. Допшем и Г. Вольфнером: Worfner, 1912—1913; Dopsh, 1912—1913). Но этот казус представляется в несколько ином свете, если учесть, что законодатель делает упор на расхождениях в среде соседей. Перед нами — не корпорация, которой принадлежит коллективное право запрета на вселение чужака, а совокупность соседей, у каждого из которых — свой собственный интерес, не обязательно совпадающий с интересами других крестьян (см.: Halban Blumenstok, 1894, S. 253 ff.; Inama-Sternegg, 1909, S. 105, 129 ff.) “.

важась и иное предположение: франкская знать просто-напросто не испытывала потребности в том, чтобы ее права, в частности вергельды, были зафиксированы в таком правовом уложении, как Салическая правда, касающаяся преимущественно отношений внутри сельского населения. Вопрос о знати у франков в VI в. (до становления служилой знати) остается предметом научных дебатов. См., в частности: *Bergengruen*, 1958; *Grain-Hoek*, 1976; *RI*, I, S. 67 f.

“ К. З. Бадер обратил внимание на сходство этого титула Салической правды с постановлением Кодекса Феодосия (III, 1, § 6, от 27 мая 391 г.), которым воспрещалось отчуждение земель чужакам, и предположил, что посредствующим звеном между обоими памятниками явился *Wegivium Alarici*, повторивший это предписание поадриеримского права. Отличие титула 45 Салической правды от этого предписания, по Бадеру, заключается только в том, что вместо запрета продажи имущества (*res vendere*) здесь говорится о *migrare*, ибо в обстановке франкской деревни начала VI в. продажи земли быть не могло и имелось в виду пользование угодьями. Тем самым, заключает Бадер, одно из «коронных свидетельств» существования марки в начале средневековья оказывается сугубо сомнительным (Bader, 1962, S. 133—136). На наш взгляд, нахождение возможного источника этого титула Салической правды

Нет ли оснований согласиться с тем, что вселение нового хозяина в деревню могло противоречить интересам ее жителей, поскольку этот новый хозяин неизбежно станет пользоваться угодьями и тем самым сократит долю каждого из них в этих угодьях? (Грацианский, 1966, с. 342). Об общинных правах во франкской вилле можно говорить, опираясь на данный текст, в той мере, в какой речь идет о совместном пользовании лугами, водами и дорогами (*Extravagantia*, В. XI: «*Non potest homo migra- gare, nisi convicinia, et herba, et aquam, et via...*»). Но едва ли правомерно искать здесь указания на «верховную собственность» общины на пахотные земли.

Совместное проживание в населенном пункте и занятие сельским хозяйством в пределах одной территории естественным образом приводили к возникновению некоторых отношений и связей между крестьянами. В первую очередь эти отношения определялись необходимостью пользования угодьями, и постольку жители деревни образовывали общность. Титул *De migrantibus* несет на себе отпечаток этих отношений. Представляется натяжкой видеть в *vicini*, упоминаемых этим титулом, кого-либо иного, нежели соседей. В самом деле, сначала они названы здесь *ipsi qui in villa consistunt*, а затем — *vicini*. То, что их связывает, — это совместное проживание в одном поселении и происходящее из него пользование угодьями, в котором они заинтересованы. Никаких намеков на родственные связи между жителями виллы Салическая правда не содержит. Из судебного текста ясно видно, что все конфликты и правоотношения, которые им предусматриваются, суть отношения между отдельными лицами, обособленными хозяевами.

Нет достаточных доказательств существования у франков периода записи их обычного права большесемейных коллективов, ибо совершенно естественное и неизбежное в тех условиях поддержание родственных связей и оказание родственниками взаимопомощи не могут свидетельствовать об их совместном проживании в одной усадьбе и о ведении ими общего хозяйства. Истолкование «генеалогии» как большой семьи в *L Alamap.*, LXXXI, где описана тяжба из-за границ владений двух «генеалогий», также остается спорным. Из этого титула не вытекает с необходимостью, что члены генеалогий вели совместное хозяйство и совместно обрабатывали землю, на которую имели общие права (ср.: Неусыхин, 1956; Ganahl, 1944, S. 68 f.).

Точно так же трудно найти намеки на родство между соседями и в тексте эдикта Хильперика, которым порядок наследования земли был дополнен и изменен в пользу родственниц женского пола, не обладавших этим правом согласно Салической правде (титул 59). Этот титул предписывал, чтобы земельное наследство поступало после смерти хозяина одним лишь мужским его потомкам, а эдикт Хильперика допускал переход земли, в случае отсутствия сыновей, дочерям, причем была сделана оговорка, согласно которой *vicini* эту землю не получают⁴³. Оговорку о соседях, видимо, следует толковать в том смысле, что к ним переходили выморочные земли, которые могли быть использованы в качестве неподделанных угодий (*Halban Blumenstock*, 1894, S. 301 f., 360, 367). О правах соседей на выморочные земли многократно упоминается в источ-

все же не лишает его самостоятельного интереса. См. возражение: Неусыхин, 1967, с. 53.

⁴³ А. И. Неусыхин (*Неусыхин*, 1956, с. 115, 117 и след.) предполагал, что отмененные эдиктом привязки соседей «восходят к тем временам, когда эти „соседи“ были соседями», членами большой семьи или домовой общины.

никах более позднего времени, в частности в Weistümer конца средневековья (*Die Anfänge der Landgemeinde*, 1964, S. 251), и эти права не могут свидетельствовать ни о том, что соседи — родственники прежнего владельца выморочного участка, ни о «верховой собственности» общины на пахотные земли (см.: Inama-Sternegg, 1909, S. 130 f., 136).

Таким образом, община, вырисовывающаяся из памятников периода после Великих переселений, — это не коллектив больших семей или бывших сородичей, обладавших верховенством над обрабатываемыми ими пахотными землями, а скорее объединение соседей, которые раздельно владели своими наделами, но были заинтересованы в регулировании пользования угодьями. Германская община периода Меровингов, самое существование которой не вызывает сомнений, представляла собой пока еще рыхлую и слабо оформленную организацию, если сравнивать ее с общиной классического и позднего средневековья. Подобно тому как самое крестьянство находилось в процессе становления, складывалась и крестьянская община. Видеть в ней непосредственную преемницу древнегерманской общины (см. выше) едва ли есть достаточные основания — ведь в истории аграрных поселений германцев завоевания привели к резкому разрыву. Археологическое изучение поселений на территории Германии свидетельствует о том, что почти ни в одном случае деревня, существовавшая до V в., не сохранилась впоследствии; все известные археологам поселки более позднего времени начинаются не ранее V или VI в. (Janzen, 1968, S. 12—13).

Для того чтобы несколько приблизиться к пониманию природы общины у германцев в период, непосредственно следующий за Великими переселениями, нужно остановиться на вопросе о характере их поселений. Анализ терминологии варварских Правд и других памятников того же периода показывает, что термин *villa* мог равно означать и деревню, и однодворное поселение (Dölling, 1958; Bader, 1957, S. 23, 91). Большой интерес представляет наблюдение, сделанное археологами. Для этого периода характерной формой кладбищ, на которых германцы, переселившиеся на территорию Северной Галлии, хоронили своих покойников, были так называемые *Reihengräber* (тела погребали головой на восток, и все могилы были расположены параллельно, вместе с покойником клали его вещи: оружие, одежду, украшения, иногда коней и собак. См.: Wegner, 1950). Некоторые исследователи высказывали предположение, что это погребения воинственной знати (Redlich, 1948, S. 177—180), другие — что здесь хоронили свободных крестьян, обладавших значительным достатком (Böhner, 1950/51, S. 28; 1950, S. 94, 105; Franz, 1970, S. 19; Steuer, 1979, S. 629 f). Такие кладбища с параллельно ориентированными могилами невелики по размерам — очевидно, поселки, из которых совершались здесь захоронения, не были крупными.

Этот вывод находит широкое подтверждение в свидетельствах письменных источников, топонимике и данных археологии поселений: доминирующей формой были не большая «кучевая деревня» и не изолированная усадьба, а небольшое поселение, дворы в котором были расположены на известном расстоянии один от другого. В Северной Галлии и Бельгии ареал распространения обособленных дворов совпадал с ареалом преобладания германского языка, причем степень доминирования таких усадеб возрастала по мере продвижения с юга на север (Steinbach, 1927, S. 44, 55f.). Хутора (*Weiler, village*) характерны для значительной территории расселения германцев в период после завоеваний. Например, в Верхней Швабии в начале VI в. были распространены поселения с двумя-тремя

дворами, и число дворов постепенно увеличивалось по мере роста населения и расчисток новины (Bog, 1956, S. 13). Однако не всегда эти хутора разрастались, и, как утверждает К. З. Бадер, даже в зрелое средневековье хутор оставался в Германии преобладающим типом сельского поселения; противоположность деревни и обособленной усадьбы обострилась, собственно, только к концу средневековья. Эти хутора могли населять сородичи, но родственная группа не являлась основой поселения (Bader, 1957, S. 33 f.), и топонимы с членом *-ingen*, ранее считавшиеся наименованиями родовых поселков, на самом деле не свидетельствуют о том, что в этих поселках обитали сородичи, потомки одного предка.

Что же касается формы поселения, которая нашла свое отражение в Салической правде, то, как показал Н. П. Грацианский, составители судебногоника имеют в виду небольшие поселки в один, два или несколько дворов, нередко расположенных по соседству; по мере освоения пустоши и вырубки леса эти поселки могли объединяться либо же разрастаться отдельный хутор. Исходя из предположительного состава стад домашнего скота, упоминаемых в титулах судебногоника о краже животных (L Sal., II, 7, 14—16; III, 6—7, add. 5; XXXVIII, 3—4), исследователь высказывает мысль о том, что стадо от 12 до 25 (и даже более) рогатых животных или стадо в 15, 25 или 50 свиней, 40 баранов и до 12 лошадей — это стада незначительных размеров, они не могли принадлежать крупным деревням. Точно так же и постановление о краже быка, который обслуживал стада трех вилл (L Sal., III, 5), имело в виду, очевидно, небольшие поселения (Грацианский, 1960, с. 334 и след.; возражения см.: Неусыхин, 1956, с. 16, 17).

Салическая правда не дает ясных указаний на существование больших деревень и не противоречит выводам, к которым приходят современные исследователи: германские поселения в канун средневековья были по преимуществу мелкими. Если титул *De migrantibus* и рисует виллу, в которой проживают несколько хозяев, то все же нет оснований полагать, что их было здесь много; в других же титулах судебногоника *villa* выступает преимущественно как обособленная усадьба (Грацианский, 1960, с. 333 и след.; Dölling, 1958, S. 7). Франки и другие германцы в тот период селились просторно, не стесняя друг друга и выбирая себе удобные места на лесных полянах, на опушке леса, близ рек и водоемов. Полевые участки, принадлежавшие жителям хуторов и небольших деревень, были расположены не чересполосно, как в последующий период, а обособленно один от другого, и разделялись межами. Эти поля (*Eschflügen*) обрабатывались индивидуально и не были подчинены принудительному севообороту, который сложится лишь с переходом к трехпольной системе земледелия, — в условиях господства двухполья не возникало потребности в разделении поля на конь (*Gewinne*) (Steinbach, 1960, S. 10 ff.).

Коренная ошибка представителей старой «марковой теории» (Г. Вайца, Г. Л. фон Маурера, О. Гирке, А. Мейцена, Г. Ханссена и др.) заключалась в том, что полевое устройство и деревенскую общинную организацию, с которыми историки были знакомы по памятникам позднего средневековья и нового времени, они безоговорочно переносили в более раннюю эпоху. Презумпция для такого переноса состояла в том, что общинное устройство, вырисовывавшееся из межевых карт и планов полей и деревень позднейшего времени, якобы было унаследовано от древнегерманской старины, а не сложилось в процессе развития деревни на протяжении средних веков. Средневековой общине по существу отказывали в истории: все коренные ее признаки воспринимались как «изначаль-

яне», и считалось, что для ее характеристики можно привлекать данные, зафиксированные в источниках самых разных периодов, от времен Цезаря и Тацита и вплоть до XIX в.

От подобного подхода к изучению общины историческая наука сумела отказаться лишь постепенно⁴⁶. Стало ясно, что понять историю деревенской общины можно только в более широком контексте истории сельского хозяйства, смены методов обработки земли и эволюции форм поселений. Поля конца средневековья, карты которых изучали историки, представляют собой, по выражению Ф. Штайнбаха, «палимпсест», и под новым «текстом конов» была вскрыта более древняя система огороженных полей (Steinbach, 1960, S. 10).

Для сельского хозяйства зрелого средневековья в Германии были характерны: 1) относительная земельная теснота, 2) групповое деревенское поселение, 3) система землепользования, основанная преимущественно на трехполье, при котором поля делились на коны, в пределах каждого кона крестьянам, населявшим деревню, выделялись участки или полосы пахотной земли; возникавшая в результате чересполосица была по необходимости сопряжена с принудительным севооборотом и выпасом деревенского скота по жнивью. Не вызывает сомнения, что все три отмеченных момента были теснейшим образом между собой связаны. Нехватка земли, порождаемая ростом сельского населения, делала невозможным свободное отпочкование новых хуторов и вела к росту размеров деревни, к необходимости более строгого размежевания как прав отдельных хозяев в пределах сельской округи, так и прав на угоды между соседними деревнями. Иными словами, процесс так называемой *Verdorfung* (сплочения хуторов и мелких поселков в более обширные сельские коллективы) сопровождался усилением общинного начала, созданием разработанной общинной организации в деревне, которая брала на себя контроль за соблюдением полевых распорядков, а равно и всех других правил проживания и поведения в пределах общинной округи⁴⁷. Полевые распорядки, выражавшиеся в чересполосице, принудительном севообороте и выпасе по жнивью, т. е. в системе «открытых полей», могли сложиться и получить распространение только с укреплением трехполья. Первые спорадические упоминания трехполья и деления полей на коны относятся к VIII в., широкое отражение в источниках эта система землепользования находит не ранее XI в. (Franz, 1970, S. 51; Vog, 1956, S. 591).

Между тем в изучаемый нами начальный период средневековья, непосредственно после колонизации германскими племенами новых территорий, отсутствовали все перечисленные условия. Население было редким (на территории, ныне занимаемой ФРГ, средняя плотность населения не превышала 2,4 чел. на кв. км (Abel, 1967, S. 13), причем сокращение числа жителей, наметившееся в Европе еще со II в., продолжалось и в VI в.; по оценке Д. Рассела, максимальный демографический упадок приходится как раз на это время (Russell, 1958, p. 85, 88, 140). Аграрные поселения были мелкими и раздробленными, нередко они состояли всего из 2—3 дворов (Handbuch der deutschen Wirtschafts-...

⁴⁶ Данилов, 1969, с. 8 и след. Критику марковой теории в западной историографии см.: Dopsch, 1962, S. 361 ff.; 1933; Die Anfänge der Landgemeinde, 1964; Bader, 1957; 1962; Franz, 1970; RL, I, S. 200 ff.; Bosl, 1964, S. 425—439. Ныне критическую оценку марковой теории в той или иной мере разделяет и ряд медиевистов ГДР. См.: Herrmann, 1971, S. 756 f.; 1973, 181 ff.; Müller-Mertens, 1963, S. 332; Erb, 1974, S. 839 ff.

⁴⁷ К. Босл связывает образование больших сплоченных деревень с вотчинно-хозяйственной деятельностью (Bosl, 1970, S. 727).

1971, Bd. 1, S. 84 f.). Эти Weiler, группы усадеб или хутора, окружающие пахотные поля небольшой площади, луга и рощи; внутренний круг владений опоясывали леса, служившие местом выпаса скота, сбора валяльника, охоты. Далее простирался уже дикий лес (Urwald). Такая картина германских поселений рисуется по данным археологии, палеоботаники, топонимики, аэрофотосъемки (Mortensen, 1958, S. 16—36, Radig, 1955).

Поскольку еще не существовало трехпольного севооборота, отсутствовала и система «открытых полей».

В силу этих обстоятельств община при Меровингах оставалась относительно аморфным коллективом и не могла еще вырасти в более сплоченную организацию, какой она выступает при изучении источников более позднего периода. В круг деятельности общинников тогда входили те функции, которые диктовались соседскими связями: пользование угодьями, лугами, лесами, водами, рыбными ловлями, не поделенными между соседями или подлежащими разделу лишь на время; расчистка и раскорчевка леса под пахотную землю; распоряжение выморочными и бесхозяйственными землями; взаимная помощь, оказываемая соседями друг другу независимо от того, состояли они в родственных связях или нет (естественно, что узы родства и свойства должны были существовать или вновь возникать между жителями одной деревни или близлежащих поселков значительно чаще, чем между людьми, жившими на большом расстоянии, безотносительно к каким бы то ни было «пережиткам» родовых отношений) (Halban Blumenstock, 1894, S. 256 ff.; 359 f.).

Община франкского периода была еще весьма далека от своего юридического оформления, от становления как правового института. Если мы возвратимся к титулу 45 Салической правды, то увидим, что, хотя любой хозяин в вилле мог заявить протест против вселения в эту виллу постороннего лица, осуществить на практике свое право он был в состоянии только с помощью органов власти, возвышающихся над деревней и расположенных вне ее, — сам он лишь требовал от *pligans*'а оставить виллу, явившись к нему со свидетелями, но суд, в который ему придется вызывать нарушителя права, — это не общинный суд, а суд окружной, или графский, и процедуру выселения был уполномочен осуществить опять-таки граф. В публичном суде, не имеющем никакого отношения к сельской общине, рассматриваются и все другие дела, о которых идет речь в варварских Правдах. Последние не упоминают никаких официальных лиц, стоявших во главе общины, мы ничего не читаем и об общинном сходе. Упоминаемый здесь маллус — это сотенное собрание, и рахинбург, тунгия — должностные лица сотни. Таким образом, еще нет никаких указаний на существование общинного самоуправления. Не показательно ли то, что права соседей упоминаются не в самой Салической правде, а в более поздних текстах (в *Extravagantia* и в эдикте Хильперика)? Не означает ли это, что укрепление общинных прав происходило в период, следующий за временем составления Салической правды?

Не менее симптоматично и то, что еще нет специальных терминов для обозначения общинных угодий, — они появляются в более позднее время. В частности, термин «альменда» фиксируется памятниками начиная с XII в. (*Deutsches Rechtswörterbuch*, 1914—1932, Bd. 1, S. 463 f.), термин *Gewald* («кон») — с XIV в. (*Ibid.*, 1940, Bd. 4, S. 725), а наименование общины *communitas* (*communitas villae*), — по-видимому, не ранее XIII в. (Steinbach, 1960, S. 51). Зато начиная с XII—XIII вв. община заявляет о своем существовании повсеместно (Franz, 1970, S. 51).

Представляя собой соседство, коллектив пользователей угодьями, германская община не обладала каким-либо правом собственности или верховенства по отношению к пахотным участкам отдельных хозяев. Не будучи поселением рода или совокупности родственных больших семей, эта община не являлась и субъектом собственности на поля, которыми владели и пользовались ее члены. Тезис старой марковой теории относительно изначальной собственности общины на пахотные земли, возделываемые ее членами, не находит подтверждения в источниках раннего средневековья Западной Европы.

Вопрос стоит, следовательно, не так, как его подчас формулируют современные западные историки: существовала ли община на первой стадии средневекового аграрного развития, — исходя из отсутствия в тот период целого ряда признаков общины, характеризующих ее на более позднем этапе ее истории, они дают негативный ответ на этот вопрос, — вопрос заключается в том, чтобы уяснить специфику ранней общины.

Мы могли убедиться в том, что путь развития общины при переходе к средневековью был во многом прямо противоположным тому, какой изображает марковая теория. Древнегерманская община, существовавшая до периода варварских завоеваний, не являлась коллективным земельным собственником. Эта община не знала периодических уравнительных переделов, ее образовывали хозяйства, каждое из которых самостоятельно возделывало свой участок поля, находившийся в постоянном, наследственном обладании семьи, возможно, большой. Сменившая эту форму общины новая, которую мы застаем в период первых записей германского права, не была и не могла быть непосредственной преемницей древнегерманской общины уже потому, что варварские завоевания и все связанные с ними потрясения сопровождались решительным перерывом в поселениях, перемещениями масс германцев на новые территории и в новые жизненные условия. При этом происходили распад старых племен и образование новых, население смешивалось, традиционные социальные связи замещались принципиально иными, которые строились уже не столько на кровнородственной основе, сколько на основе соседской, территориальной.

Иными словами, при переходе к средневековью мы наблюдаем скорее перерыв континуитета общины, нежели продолжение ее органической эволюции. Поэтому те формы общины, которые удается проследить в VI—VIII вв., вряд ли правомерно непосредственно связывать с более ранними, тем более что эти более ранние формы реконструировались марковой теорией умозрительно. Видимо, в начале средних веков община переформируется. Как и в древнегерманской общине, в этой новой общине индивидуальный дом и усадьба образовывали самостоятельные единицы (Kgoeschell, 1968, S. 47), и связывало их между собой, помимо отношений соседства, только пользование общими угодьями. Подобно древней общине, эта новая община по преимуществу была небольшой по составу (несколько хозяйств). Ее отличие от древнегерманской общины состояло, насколько можно судить на основе фрагментарного материала имеющихся источников, во-первых, в том, что стало меняться соотношение скотоводческих и земледельческих занятий: удельный вес вторых несколько возрастал и скотоводство утрачивало первенствующую роль, которую оно играло в эпоху до Великих переселений. Во-вторых, большая семья распалась, уступив место различным менее крупным родственным сообществам. Этот процесс шел медленнее на севере Европы, в частности у скандинавов, следы большой семьи, возможно, еще удастся обнаружить

1. Возникновение феодально-зависимого крестьянства

в алеманнской «генеалогии» (хотя весьма сомнительно, что последняя еще представляла собой в период записи Алеманнской правды хозяйственную единицу); в Салической правде и других памятниках убедительных указаний на большую семью найти не удастся.

Дальнейшая история общины заключалась не в «разложении» ее, а, напротив, в развитии, которое вызывалось переходом к окончательной оседлости (большая часть населенных пунктов, возникших в начале средневековья, сохранялась на всем его протяжении), приростом населения, увеличением объема и плотности поселков⁴⁴, в постепенном медленном оформлении и укреплении общинных порядков, в развитии внутренней структуры общины, в стабилизации альменды и — по мере распространения трехпольного севооборота — складывании системы чересполосицы с принудительными аграрными распорядами. Община отнюдь не являлась реликтом архаического строя, как изображали дело сторонники марковой теории, — она была естественным и закономерным продуктом средневекового развития с присущим ему всеобщим корпоративизмом. В этом смысле выработка общих институтов шла во многом параллельно коммунальному движению в городах, и в ряде случаев можно установить прямую связь между обоими процессами.

Что касается обширных марок, объединявших несколько деревень общим пользованием лесными и другими угодьями, то, как показали новые исследования, эти марки стояли не у истоков общинного развития, а сложились намного позднее в результате территориального сближения отдельных сельских общин.

⁴⁴ Демографический спад III—VI вв. сменяется затем подъемом. Рост численности населения был весьма значителен. В изученных археологами населенных пунктах Зарейнской Германии число жителей возросло между началом VI и концом VII в. примерно в десять раз (Abel, 1967, S. 25 f.).

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВАРВАРОВ ОТ РАННИХ ФОРМ ОБЩИНЫ К ВОЗНИКНОВЕНИЮ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Основные стадии развития общины

Одной из предпосылок возникновения средневекового крестьянства — наряду с состоянием производительных сил, естественно-географическими и демографическими условиями, появлением мелкого производства и индивидуального хозяйства в Поздней Римской империи — являлась эволюция общественного строя варварских племен. Процесс возникновения индивидуального крестьянского хозяйства в ходе этой эволюции растянулся на несколько столетий. Он заключался в выделении индивидуально-семейной собственности на земельный участок из собственности общины и большой семьи. Родовую или кровнородственную общину, в которой каждый род или каждое кровнородственное объединение занимает целое поселение, можно считать первой стадией эволюции общины. У германских народов в эпоху раннего средневековья такая родовая община была уже пройденным этапом развития. Он засвидетельствован в гораздо более раннем источнике, а именно в «Записках о Галльской войне» Юлия Цезаря: должностные лица и старейшины германцев «отводят ежегодно родам и группам живущих вместе родственников (или: «сходящимся для этой цели», т. е. для наделения землей.— А. Н.), где и сколько они найдут нужным земли» (De bell. Gall., VI, 22). Однако пережитки кровнородственных отношений продолжают играть значительную роль и на следующей стадии эволюции общины, когда она превращается, по терминологии Маркса, в «земледельческую» или «сельскую» общину. Наличие подобных пережитков зафиксировано в памятниках обычного права варварских народов V—VI вв. Возможно, что многие из этих народов (в том числе саллические франки) первоначально селились именно более обширными родовыми союзами, из которых впоследствии выделялись большие семьи.

Каков же был характер взаимоотношений общины и индивида, общественного человека и внешней природы в разных формах родовой общины и на ранней стадии земледельческой общины?

В самых древних формах родовой общины, восходящих еще к первобытно-общинному строю, т. е. «в ее азиатской, славянской, античной и германской¹ формах», земля,— писал К. Маркс,— является «*базисом коллектива*». «К земле люди относятся с наивной непосредственностью, как к *собственности коллектива*... производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 463). «Однако это *отношение к земле, как к собственности трудящегося индивида*... сразу же опосредствовано... существованием индивида, как *члена какой-либо общины*» (Там же, ч. I, с. 473). Такую форму собственности К. Маркс называет «*первоначальной*» собственностью и рассматривает

¹ Под «германской» К. Маркс имел в виду первичную фазу родовой общины.

ее сущность как единство двух моментов — общинного и индивидуально-го с преобладанием первого, ибо «изолированный индивид совершенно так же не мог бы иметь собственность на землю, как он не мог бы говорить» (Там же, ч. I, с. 473). На этой ранней стадии развития общественный человек еще неразрывно связан с условиями своего производства, а сами они не создаются в результате воздействия общественного человека на внешнюю природу, но служат предпосылкой такого воздействия: «...присвоение природного условия труда (*земли...*) происходит не при посредстве труда, а предшествует труду в качестве его предпосылки» (Там же, ч. I, с. 473). Иными словами, главное условие производства — земля — выступает как естественное условие труда, еще не подвергшееся общественному воздействию и видоизменению. По мысли К. Маркса, «это и есть природное единство труда с его вещными предпосылками» (Там же, ч. I, с. 461). Поэтому на ранней стадии развития родовой общины индивид относится к условиям его производства и воспроизводства, «как к неорганической природе своей субъективности» (Там же, ч. I, с. 473).

Такое отношение индивида к условиям труда предполагает «принадлежность индивида к какому-либо племени (коллективу)» (Там же, ч. I, с. 481). Однако коллективная собственность на землю «сама может реализовываться самым различным образом» и «...в зависимости от условий производства... принимать различные формы» (Там же, ч. I, с. 463, 485). Следовательно, взаимоотношение между общиной и индивидом может носить разный характер у различных племен и проходить различные стадии развития у одних и тех же племен.

У варварских народов Западной Европы в начале нашей эры, говоря словами Маркса, индивидуальная земельная собственность не выступает ни как форма, противоположная земельной собственности общины, ни как форма, опосредствованная общиной, но «община существует только во взаимных отношениях... этих индивидуальных земельных собственников как таковых». И далее: «Общинная собственность как таковая выступает только как общее для всех добавление к индивидуальным поселениям соплеменников и к индивидуальным земельным участкам» (Там же, ч. I, с. 472). На этой стадии развития родовая община уже превращается постепенно в земледельческую. В этом ее видоизменении К. Маркс усматривает особенность германской общины, как она сложилась позднее — в противоположность восточной общине.

В процессе отмеченного превращения с усложнением внутренней структуры общины происходит смена двух типов взаимоотношений между общиной и составляющими ее домохозяйствами: вначале основанием хозяйственной деятельности каждого собственника была община в целом, и тогда он относился к другим, как к соучастникам общей собственности; в земледельческой общине таким основанием сделались уже отдельные семьи, составляющие общину, и в соответствии с этим каждый отдельный член общины стал относиться к другим, как к самостоятельным собственникам наряду с ним самим. Такой более поздний тип взаимоотношений между общиной и составляющими ее семьями, который и образует второй этап эволюции самой земледельческой общины, характерен как раз для общественного строя варварских племен Западной Европы IV—V вв.

При господстве земледельческой общины крестьянство и крестьяне — это лишь «трудящиеся субъекты», т. е. совокупность мелких производителей, ведущих индивидуально-семейное хозяйство в недрах самой общины. Они еще не выделались из последней. В сущности, это общинники,

тесно связанные друг с другом. Общине принадлежали территориальное верховенство, коллективная собственность на всю пахотную и вообще возделываемую землю, а не только на неподеленные общинные угодья.

В земледельческой общине на поздней стадии ее развития каждое домохозяйство все еще располагает только правом пользования своим земельным участком, но не имеет возможности полного распоряжения им. Многие из этих домохозяйств в пределах сельского поселения представляют собой так называемую большую семью из трех поколений. Однако в такой общине неизбежно возникает дуализм между коллективной собственностью на землю и парцеллярным хозяйством — источником частного присвоения. Этот дуализм приводит к возникновению имущественного неравенства внутри общины (в обладании движимым имуществом). Одновременно развертывается длительный процесс распада больших семей на малые индивидуальные семьи в пределах одного и того же поселения — виллы. Он совершается весьма неравномерно, так что в одной и той же общине большие семьи продолжают сосуществовать с малыми. Переход к семейно-индивидуальному хозяйству малых семей, которые могли бы распоряжаться своими земельными участками, на первых порах был весьма затруднен общинными распорядками чередования посевов и использования общинных угодий (в частности, принудительным севооборотом), а также верховной общинной собственностью на всю территорию виллы. Поэтому он мог происходить только через ряд промежуточных звеньев.

Первым из таких звеньев послужило возникновение самого наследования земельного участка — вначале весьма ограниченного. Поскольку раньше субъектом пользования пахотным наделом была большая семья, постольку до появления ограниченного права наследования все ее члены после смерти главы большой семьи совместно обрабатывали оставшееся земельное владение. Тем не менее самое зарождение какого бы то ни было порядка наследования содержало в себе возможность изменения этого положения и способствовало возникновению соседской общины, где малые семьи преобладают над большими.

Хозяйственный строй соседской общины характеризуется следующими основными признаками: выделением отдельных наделов «пахоты и луга уже в качестве... свободной собственности владельцев, обязанных лишь обычными для марки повинностями» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 497), возникающим на основе роста парцеллярного хозяйства отдельных семей неравенством в обладании не только движимым, но и недвижимым имуществом. К. Маркс оценивает значение этого перехода от земледельческой общины к соседской следующим образом: «...период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной» (Там же, т. 19, с. 404)².

Различные этапы процесса превращения земледельческой общины в соседскую и изменения порядка наследования рельефнее всего прослеживаются в истории салических франков. Памятник их обычного права — Салическая правда — позволяет выявить самые архаические для континентальной Западной Европы порядки. Наследование недвижимости у салических франков начинается с перехода земельного участка к сыновьям умершего отца, причем наследовать это бывшее родовое владение большой

² «Частная собственность» здесь обозначает индивидуально-семейную собственность — в противоположность общинной.

семьи, согласно Салической правде, может лишь совокупность его сыновей, т. е. братьев. К кому перейдет это владение в случае отсутствия сыновей у главы семьи — неизвестно. По-видимому, исходным пунктом предшествующего развития порядка наследования земельного участка был фактический переход последнего в совместное владение всех мужских членов большой семьи, реально обрабатывавших этот земельный участок. Чья бы то ни было индивидуально-семейные права на него юридически не фиксировались, и наследование земельного надела сыновьями еще не разрушало большой семьи, а происходило в ее недрах. (При этом наследование земли женщинами не разрешалось).

Этот ограниченный порядок наследования недвижимости — наряду с регулированием наследования движимого имущества (оно могло переходить и к женщинам, но преимущество сохранялось за мужчинами) — отразился и в более поздней документально оформленной привилегии, предоставленной одним из франкских королей второй половины VI в. — Хильпериком — воинам его отца Хлотаря I. Земля, по-прежнему не переходившая по наследству к женщинам, обозначалась здесь особым термином «салическая земля» (*terra salica*) или «дедовская земля» (*terra aviatica*). Необходимость предоставления указанной привилегии королевским воинам обуславливалась тем, что в это самое время — в эдикте того же Хильперика (575 г.) — был зафиксирован и юридически оформлен новый порядок наследования недвижимости, который (возникнув, конечно, до издания эдикта) внес весьма существенные изменения в прежнюю традицию. Эти изменения шли в двух направлениях. Во-первых, разрешено было наследовать землю женщине: в случае отсутствия сыновей земля должна была переходить по наследству к дочери умершего; во-вторых, земельные владения умершего брата отныне наследовал его брат, а в случае его отсутствия — сестра умершего. При этом отменялись какие бы то ни было притязания соседей на выморочный земельный участок (раньше, по-видимому, соседи предъявляли свои претензии на него в качестве родственников умершего, ибо большая семья могла занимать и два соседних домохозяйства).

Второе изменение прежнего порядка наследования — переход земельного участка от брата к брату — не менее существенно, чем первое: вместо совокупности наследников (всех сыновей умершего) в качестве субъекта наследования выступает один из них — брат, может быть, уже ставший главою отдельной малой семьи, выделяющейся из состава большой семьи. Переход недвижимости к женщине — дочери или сестре умершего — весьма важен в том отношении, что при выходе дочери или сестры умершего замуж унаследованный ею участок может перейти в состав земельного владения другой, по-видимому, малой семьи: ведь все претензии родственников-соседей на него утрачивали силу. Тем самым «дедовская земля» — наследственное родовое владение большой семьи до ее завершенного распада, т. е. земля, которой владеет уже третье поколение потомков одного и того же родоначальника и которая именно поэтому и не передается по наследству женщине и боковым родственникам, соответственно уступает место земельным владениям, перешедшим в обладание малых индивидуальных семей.

Дальнейшая эволюция порядка наследования недвижимости у салических франков развивается в течение VI в. в сторону перехода недвижимого имущества от сыновей к внукам умершего после смерти сыновей последнего, причем возникает возможность последующего раздела между ними. Однако в самом конце VI в. произошло новое изменение порядка

наследования земельного владения, юридически санкционированное постановлением короля Хильдеберта II от 596 г. Согласно этому постановлению, внук умершего владельца (и по мужской, и по женской линии) может вступить во владение дедовским имуществом наряду с дядьями и тетками, т. е. наряду с детьми деда, — точно так же, как если бы дело происходило при жизни его отца или матери. Тем самым внуки умершего обладателя «дедовской земли», представители третьего поколения наследников, получают право совладения и частичного наследования земельного надела даже и при жизни их родителей, причем это право распространяется на внуков не только от сыновей, но и от дочерей. Усиление нововведенный эдикта Хильперика, их распространение на членов третьего поколения создает ситуацию, при которой оказывается возможным сначала совладение, а потом и раздел бывшего земельного комплекса большой семьи между внуками и внучками, сыновьями и дочерьми родоначальника, следовательно, дробление земельного владения между прямыми потомками их общего деда или отца. Подобное дробление в сочетании с другими причинами в конечном итоге привело к возникновению неравенства в обладании недвижимостью между разными малыми семьями в пределах общины.

В Салической правде впервые появляется понятие «аллод». Первоначально это понятие обозначало архаический порядок наследования движимого и недвижимого имущества: гл. 59 этого памятника, демонстрирующая самое зарождение описанного выше ограниченного порядка наследования земли (наряду с регулированием наследования движимости), имеет название «Об аллодах» (*De alodis*). Совершенно очевидно, однако, что уже в конце VI в. даже в силу одних только изменений порядка наследования аллод меняет свой характер, превращаясь из владения большой семьи в собственность выделившихся из нее малых семей и отдельных ее членов. Таким образом, ранний аллод в конце VI в. уже находится на пути к перерождению в «поздний», или «полный аллод», который имеет тенденцию превратиться в индивидуально-семейную собственность — правда, еще ограниченную во многих отношениях верховной собственностью общины и отчасти большой семьи.

Чтобы конкретно выяснить своеобразную природу этой индивидуально-семейной собственности в пределах общины, нужно обратиться к другим проявлениям процесса перерождения раннего аллода — проследить возникновение разных видов завещания, дарения, обмена и продажи недвижимости, т. е. ее отчуждения домохозяевами, стоявшими во главе малой или большой семьи, или ее членами. Отмеченное выше расширение круга индивидуальных наследников, конечно, в значительной мере расчленило путь этому процессу, но некоторые его стороны (например, завещание) зародились одновременно с изменениями в порядке наследования. Завещание частично вступает в противоречие с этими изменениями, а частично совпадает и сливается с ними в одном акте.

Зарождение передачи имущества по завещанию у салических франков отражено в одной из самых архаических глав Салической правды (гл. 46), где оно обозначено характерным словом «аффатомия [от корня *Vat(er)* — отец], т. е. усыновление, или адаптация. Сущность этой сделки заключалась в том, что тот или иной домохозяин передавал часть своего имущества другому лицу (не его наследнику) через посредника, который становился временным распорядителем этого имущества до смерти его владельца, — а через год после нее обязан был предоставить «его тому, кому оно предназначалось. Этот акт фактически нарушал уста-

новленный порядок наследования, так как давал возможность передачи имущества постороннему лицу в обход родственников завещателя (отсюда и термин «усыновление»). Однако в Салической правде нет даже попытки как-либо согласовать аффатомию с порядком наследования. Да и крайняя неопределенность самого способа обозначения имущества, передаваемого в силу этой сделки, не позволяет утверждать, что в его состав входит и недвижимость. Тем не менее, несмотря на эту неопределенность, возможность передачи имущества в силу аффатомии представляет собой новый, крупный шаг к выделению индивидуально-семейной собственности, первое нарушение преобладания кровнородственных связей в пределах большой семьи.

Процедура аффатомии устанавливала нечто среднее между устным завещанием и дарением в его зачаточной форме, действительным лишь после смерти дарителя.

Дальнейшая эволюция такого типа завещания отражена уже в других памятниках обычного права. Так, в Лангобардской правде (в эдикте Ротари 643 г.) первичное сочетание устного завещания с дарением принимает форму дарения, в условиях которого содержится оговорка о сохранении за дарителем пожизненного права пользования подаренным имуществом³.

На первый план здесь выступает уже дарение, объектом которого является именно недвижимость⁴. Первоначальный его характер как завещания сказывается в том, что передаваемое имущество становится собственностью получателя лишь после смерти дарителя. Характерная, и притом новая, черта этой формы дарения — сохранение за дарителем пожизненного права пользования переданной недвижимостью, а также возможность ее продажи или залога в случае обращения дарителя за материальной помощью к получателю и его отказа в ней. Таким образом, завещание, подобное франкской «аффатомии», не только сочетается тут с дарением и прямо превращается в него — предусматривается и возможность материальной помощи дарителю со стороны получателя, что указывает на хозяйственную необеспеченность дарителя, которая и составляет в данном случае один из основных мотивов дарения. Этим, собственно, объясняется предоставление дарителю разрешения продавать (частично или полностью) переданную недвижимость⁵.

Другие формы дарений, совершаемых между общинниками, обставлены у лангобардов рядом ограничений в пользу наследников дарителя: прямо запрещающая лишать сыновей наследства в результате дарения и объявляющая его недействительным в случае рождения у дарителя (после заключения сделки) сыновей или дочерей, эдикт не разрешает дважды отчуждать одно и то же имущество разным лицам и передавать кому-либо имущество, ранее подаренное другому лицу (Ro, § 168 и 169—170).

Параллельно росту различных видов отчуждения недвижимости у лангобардов VI—VII вв. продолжается и дальнейшее разложение боль-

³ Ro, § 173. Эта форма дарения обозначается германским термином *lidinlaib* и латинским *in die obitus sui*, т. е. «пожизненно», до смерти дарителя.

⁴ Ro, § 173. Недвижимость описана как «земля с рабами или без них» (*terra cum mancipia aut sine mancipia*).

⁵ Ro, § 173. Эта форма дарения совершаемого одним малоимущим общинником в пользу другого, впоследствии эволюционирует в прекарий, и тогда право держателя отчуждать переданную им недвижимость исчезает. В эдикте Ротари именно наличие такого права и отсутствие якиша в пользу получателя сильно отличает данную сделку от прекария. О дальнейшей эволюции прекария см. ниже.

шой семьи. Хотя братья после смерти отца иногда продолжают вести совместное хозяйство в его доме, некоторые из них после женитьбы выходят из такой домоводной общины, что сопровождается разделом отцовского и материнского имущества и между остальными братьями. Однако и в пределах большой семьи каждый из братьев имел свою индивидуальную собственность, в состав которой входило и имущество, полученное им в качестве дарения (Ro, § 167).

В соответствии с распадом большой семьи и ростом отчуждения недвижимости эволюционирует и порядок наследования. У лангобардов он достиг той стадии, которая получила развитие у салических франков ко времени эдикта Хильперика, правда, со значительными изменениями. Круг наследников, в чьих интересах ограничиваются дарения, у лангобардов шире, чем у франков (согласно этому эдикту): в первую очередь наследуют сыновья (законные); за ними следуют дочери и сестры умершего, затем незаконные сыновья и, наконец, на последнем месте — ближайшие родные, прежде всего братья и дядья по отцу, получающие наследство лишь в случае отсутствия сыновей или дочерей у умершего (Ro, § 154, 158—159, 163). Таким образом, предпочтение отдается прямым потомкам умершего, и притом обоего пола, с сохранением некоторых прав на получение наследства за боковыми родственниками.

Параллельно распространению прав наследования всего имущества на женщин, а также на братьев умершего регулируются имущественные взаимоотношения супругов, как это отражено во всех памятниках обычного права германских народов на континенте Западной Европы. Во всех варварских Правдах разрабатываются определенные нормы совместного владения супругов и разделов имущества между ними в соответствии с эволюцией форм семьи и брака в сторону установления примата малой семьи. Разделы недвижимости между супругами, как ранее между братьями, способствовали усилению индивидуальной семейной собственности и возникновению отчуждаемого, так называемого позднего, или полного, аллода.

В разных варварских Правдах фигурирует в качестве мотива дарения, вступающего в силу после смерти дарителя, также материальная необеспеченность некоторых общинников. Согласно старинному обычаю саксов, например, запрещаются всякие земельные дарения, потому что они могут лишить наследников их наследства; однако те саксы, которых вынуждает к этому крайняя необходимость — нужда и голод, могут дарить свою недвижимость, чтобы получить поддержку от получателей их дарений⁶. Тем самым лангобардское и саксонское обычное право дают прямые указания на дарение земельного аллода одними общинниками другим — с соблюдением прав законных наследников. При этом и у лангобардов, и у саксов дарителями выступают менее обеспеченные аллодисты, хотя степень их необеспеченности у саксов VIII—IX вв. значительно выше, чем у лангобардов VI—VII вв. В обоих случаях даритель, еще сохранивший свой земельный аллод, по-видимому, не располагает достаточными средствами для его обработки и нуждается в помощи более зажиточного соседа (возможно, у него не хватает скота и орудий труда). Таким обра-

⁶ Сделанная в той же главе Саксонской правды оговорка о разрешении земельных дарений в пользу церкви и короля без всяких ограничений объясняется поздней датировкой этого памятника (803 г.), осуществленной по инициативе Карла Великого после франкского завоевания Саксонии, и отражает зарождение феодальных отношений в стране. Приведенный нами в тексте запрет лишать наследников земельного наследства, конечно, характеризует дофеодалные обычаи саксов.

зом, уже в VI—VII вв. у некоторых племен обнаруживается тенденция к частичному или полному отчуждению земельного аллода в результате возникновения неравенства в обладании недвижимостью в среде самих общинников.

У баваров с VII—VIII вв. полным ходом идет процесс отчуждения недвижимости в виде продажи и дарения одними общинниками другим не только пахотных участков и лугов, но также лесов, заимок и прочих составных частей альменды; из-за этого происходят тяжбы между членами соседской общины — в ходе разбирательства соблюдается старинная процедура, указывающая на прочность общинных связей. В этом смысле в тяжбах, вызванных продажей или дарением спорного участка, показательна ссылка (L Baiuv., XVI, 17) на приложение истцом собственного труда для обработки его аллодиального владения; главным аргументом истца служит указание на владение по праву аллода, т. е. на полученную по наследству земельную собственность. Однако именно поэтому даритель может передать лишь долю аллода; ведь отцовский аллод наследуется сыновьями умершего (в случае их отсутствия — дочерями) и делится между ними поровну, дарения при жизни отца разрешаются у баваров лишь после раздела этого аллода с сыновьями.

Характерная черта порядка наследования у баваров — как раз переход всего земельного аллода по наследству не к совокупности сыновей, как в более ранних памятниках обычного права (например, в Салической правде или отчасти в эдикте Ротари), а предоставление равных его долей каждому из сыновей, что свидетельствует о торжестве индивидуально-семейной собственности малой семьи (L Baiuv., II, 7; XV, 9—10). В соответствии с этим у баваров начала VIII в. не встречается никаких следов сохранения хотя бы временно неподеленного земельного владения братьев после смерти отца (как, например, у лангобардов VI—VII вв.). Относительно рано у баваров возникло раздельное владение супругов.

Земельный аллод не сохраняется в неразделенной земельной собственности большой семьи и у алеманнов начала VIII в.⁷ — он дробится на доли, составляющие индивидуальную собственность бывших ее членов; первыми наследниками аллода (и движимости, и недвижимости) выступают сыновья, которые делят его поровну, как и у баваров; точно так же до раздела между ними никто не вправе самостоятельно распоряжаться своей долей или отчуждать ее (L Alam., LXXXV). В случае отсутствия сыновей у умершего главы семьи земельное наследство делится поровну между дочерьми, если они выходят замуж за свободных (L Alam., V).

Итоги процесса превращения земельного аллода на территории Франкского государства в индивидуальную собственность наследников обоеро поля характеризует в высшей степени типичная декларация юридических формул (образцов для составления грамот, фиксирующих сделки разного рода из сборника формул Маркульфа, — конец VII — начало VIII в.). В одной из этих формул отец завещает долю своего аллода дочери на равных правах с сыновьями и отдает распоряжение в письменной форме пронавести раздел аллода поровну между сыновьями и дочерью; при этом он подчеркивает устарелость и несправедливость былого запрета женщинам наследовать землю (согласно главе Салической правды об

⁷ Исключение составляет алеманнская генеалогия, изображенная в гл. 81 Алемантской правды. См. о ней ниже.

аллодах). Существенно, что вместе с передачей отцовского аллода как наследственной собственности постулируется и раздел благоприобретенного имущества⁴, которое в следующем поколении тоже войдет в состав отцовского наследства, т. е. аллода.

В течение VII—VIII вв. аллод превратился в собственность малой семьи и ее отдельных членов. Этот процесс начался на поздней стадии эволюции земледельческой общины, в условиях перехода ее в соседскую общину, и завершился в недрах последней.

Итак, развитие поземельной собственности у континентальных народов Западной Европы в раннее средневековье прошло несколько этапов от «первоначальной» собственности «трудящихся субъектов» как членов общинного и племенного коллектива через промежуточные фазы (нераздельная собственность более узкого кровнородственного коллектива большой семьи) — к индивидуальной собственности малой семьи, к установлению определенного порядка наследования вплоть до возникновения разных форм отчуждения и перехода этой собственности в другие руки. В родовой и отчасти земледельческой общине собственность как таковая независимо от ее различных форм лишь зарождалась. Однако с переходом земельной собственности в распоряжение индивидуальной малой семьи и с началом ее отчуждения самый характер собственности меняется (см. подробнее: Неусыхин, *Собственность и свобода...*, 1974).

Позднюю стадию эволюции индивидуальной собственности в рамках соседской общины можно с полным правом обозначить как стадию складывания свободно отчуждаемой собственности. Она отчуждаема постольку, поскольку каждый домохозяин имеет возможность передавать ее в другие руки посредством завещания, продажи или дарения. Кроме того, она является свободно отчуждаемой потому, что ее обладатель осуществляет такую возможность, не нуждаясь для этого в разрешении общинного или кровнородственного союза большой семьи, хотя, как было указано выше, в ранних памятниках обычного права еще отражены известные ограничения отчуждения (притязания наследников, соседескородичей и других родственников). Свободно отчуждаемая собственность и есть полный аллод. Конечно, иногда (и даже часто) некоторые формы отчуждения (например, дарения) вызывались необходимостью — они были не добровольными, а вынужденными, но эта черта одной из группы ничего не меняет в принципиальном определении полного аллода как свободно отчуждаемой собственности. Важна самая возможность распоряжаться земельным наделом общинника — именно она создает право отчуждения, в каких бы формах оно ни выражалось.

Выше были показаны последствия отчуждения недвижимости членов общины, которые, однако, еще сохраняли свои земельные участки. До тех пор, пока в земледельческой (на поздней стадии ее развития) и соседской общине среди массы земельных дарений преобладают сделки между общинниками, возникновение крестьянства как класса проходит лишь первый этап своего развития. Уже тогда начинается мобилизация земельной собственности, но происходит она главным образом внутри самой общины, хотя встречаются уже нередко земельные дарения в пользу возникающего церковного, светского и королевского землевладения.

Вместе с ростом крупного землевладения в процессе возникновения и укрепления раннефеодальных отношений все большее значение приоб-

⁴ Fortn. Magc., II, № 12. Толкование этой формулы см.: Неусыхин, *Возникновение...*, 1956, с. 120, примеч. 1; Неусыхин, 1962, с. 228. См.: Bergengruen, 1958, S. 54—56.

ретают дарения (и другие виды отчуждения) земельной собственности в пользу постепенно складывающегося слоя крупных землевладельцев. Процесс возникновения крестьянства вступает во второй этап своего развития — формируется зависимое крестьянство. Мобилизация земельной собственности усиливается, так как на этом этапе взаимодействуют два процесса — один, происходящий в недрах самой общины, и другой, вторгающийся в нее извне.

Параллельно этим обоим процессам углубляется разложение большой семьи и намечается тенденция, ведущая к торжеству мелкой крестьянской собственности отдельных членов семьи, причем эта крестьянская собственность все более и более поглощается (в разных формах) крупным землевладением.

В среде общинников намечается не только имущественная, но и социальная дифференциация, последствия которой сказываются в изменении самой структуры соседской общины.

2. Структура общины

Структура общины — до массового втягивания составлявших ее домохозяйств в зависимость от землевладельцев — представляла собою сочетание общинной верховной собственности на всю территорию деревни с различными правами собственности и владения отдельных свободных домохозяев на разные составные части их земельных наделов. Земельный надел каждого общинника-домохозяина состоял из полос пахотного поля, огородов, садов, виноградников и, кроме того, отдельных участков луга и леса; по отношению к ним обладатель надела имел лишь права владения, но не собственности. При переходе к соседской общине луга и некоторые участки леса постепенно превращаются в составные части надела каждого общинника. Однако даже на поздней стадии развития земледельческой общины луга и леса могли быть собственностью самой общины и лежать сплошными массивами. Так же была размещена и общая для всей деревни площадь пахотной земли, которая, в свою очередь, делилась на различные поля — так называемые геванны, или конь (в зависимости от качества почвы); каждому общиннику принадлежали различные полосы в каждом коне; эти конь опять-таки объединялись в поля — уже в целях осуществления регулярного севооборота. Поэтому каждый общинник был связан в своей хозяйственной деятельности распорядками всей общины: обрабатывая отдельные полосы, входившие в его поле, он обязан был считаться с интересами соседей и производить распашку и засев полос в каждом поле в определенные сроки, т. е. весной — под яровое, осенью — под озимое, и на некоторое время оставлять их под паром (подробнее об этом см.: Неусыхин, 1964, гл. II).

При этом практиковалась пастба скота по поже и пару. Такой порядок использования территории пашни обозначается в науке как «система открытых полей» с принудительным севооборотом (хотя эти два явления не обязательно связаны друг с другом). Данные о наличии того и другого содержит уже сравнительно ранний эдикт Ротари. Система открытых полей совмещается большей частью с тем типом поселения, который именуется «кучевой деревней»: дома там были размещены беспорядочно, и притом на значительном расстоянии друг от друга, а между ними лежали приусадебные участки с садами и огородами.

Неподеленные угодья составляли коллективную собственность общины, но каждый общинник — член соседской общины — имел право производить заимки и расчистки в общинных лесах и пастбищах, а на более ранней стадии, т. е. в период господства земледельческой общины, мог пользоваться участками леса, выделенными в его индивидуальное пользование. Наиболее интенсивной была собственность домохозяина на принадлежавшие ему полосы пахотного поля, а затем на приусадебные участки и виноградники и вообще на всякое огороженное пространство. Система открытых полей с чересполосицей и принудительным севооборотом при трехполье, самая древняя на территории Германии, была от-

*Реконструкция франкской деревни
по материалам раскопок поселения VII в. близ Гладбаха.
(Средний Рейн, Западная Германия)*

нюдь не единственной и повсеместно распространенной в Западной Европе. Она не была господствующей ни в Бургундии, где наблюдается тенденция к возникновению компактных владений с отсутствием чересполосицы, ни во Фландрии, ни в прирейнской Германии; в этом последнем районе наряду с системой открытых полей в некоторых местностях встречается компактное расположение участков, находящихся под разными сельскохозяйственными культурами (например, пашни и луга или пашни и виноградники). С другой стороны, наличие общей — для всей деревни — площади пахотной земли, лежавшей за ее пределами, и связанная с этим чересполосица во многих местностях не обязательно сочетались с системой открытых полей, т. е. с делением всего общего пахотного поля на правильные четырехугольники — геванны.

В некоторых районах континентальной Западной Европы наряду с «кучевой деревней» распространены были поселения иного типа, а именно в виде совокупности нескольких дворов. В Скандинавии, в частности в Норвегии (ввиду ее географических особенностей), такие поселения даже преобладали, что объясняется сравнительно небольшой площадью земель, пригодных для хлебопашества, и значительной ролью скотоводства. Однако и такие (сравнительно небольшие) поселения составляли общины с коллективной собственностью на неподеленные угодья и наделами отдельных домохозяев.

Наиболее характерны для раннего периода общинного строя, т. е. для земледельческой общины на второй стадии ее развития, «кучевая деревня» и система открытых полей. В такой общине объектом разных форм отчуждения могли быть различные составные части надела — отдельные полосы в пределах конов или совокупность полос в одном коне, или огороды, сады, виноградники. Эта совокупность пахотных участков, садов, огородов и т. п. и составляла аллод каждого общинника, который мог отчуждаться и полностью, особенно в результате завещания.

Основная масса общинников, занимавших территорию деревни (или нескольких хуторов, близких друг к другу), состояла из свободных домохозяев, хотя наряду с ними в том же поселении было известное число полусвободных (литов или альдиев) и рабов.

В переходный период от родо-племенного строя к раннефеодальному социальная дифференция выражается в делении членов племени и общины на три основные категории — знатных, свободных и полусвободных (рабы не составляли главного слоя непосредственных производителей в общине). Такой характер социального членения, с одной стороны, определяется пережитками родового строя, а с другой — отражает неравенство, возникающее как в среде общинников, так и внутри всего племени. Это неравенство еще не представляет собой классового расслоения: родовая знать (а впоследствии — и начинающая складываться дружинная на первом этапе ее оформления) еще не использует труд полусвободных в своем хозяйстве (и тем менее — свободных); свободные хозяйствуют, отнюдь не прибегая к эксплуатации рабов или литов. Напротив, основную массу «трудящихся субъектов» еще составляют именно свободные, собственные трудом воспроизводящие основные условия своего хозяйства. Этим объясняется и особый характер их свободы, которая не исчерпывается противопоставлением несвободе рабов или полусвободе литов, а заключается в полноправии и поэтому может быть обозначена как позитивная свобода. Такое полноправие свободного коренится в собственности (семейной и общинной) и имеет определенное конкретное содержание. Каждый свободный обладает земельным участком и имеет право пользоваться неподеленными общинными угодьями (альмендой): он может пасти там свой скот и делать на территории альменды заимки, расчищая леса и пустоши. К правам свободных членов общины относятся участие в сельских сходах, в сотенных или окружных судебных собраниях в качестве судебных заседателей, свидетелей и приносящих клятву соприсяжников, а также право ношения оружия и участия в народных собраниях всего племени (у тех народов, у которых они еще сохранились). Существенная особенность этой совокупности прав свободных общинников состоит в том, что каждое из них в то же время является их обязанностью — но не по отношению к королевской власти или какой-либо зависящей от нее инстанции, а также не по отношению к вотчинной власти, которая еще не успела тогда сложиться и, во всяком случае, ни в какой мере еще не надстроилась ни над общиной в целом, ни над составляющими ее отдельными домохозяйствами; это — обязанности по отношению к самой общине, к входящим в нее кровнородственным союзам (типа большой семьи) и, наконец, ко всему племени, в состав которого могли входить несколько общин.

Так, владение земельным участком влечет за собою обязательность соблюдения характерных для общинного строя правил пользования различными угодьями (при наличии градуированности индивидуальной собственности на каждое из них), а также обработки полей и принятых

общинной севооборотов в пределах данного района. Оно обязывает, кроме того, каждого общинника считаться с интересами других членов общины в том, что касается порядка использования неподделанных земельных территорий и допущения новых поселенцев к их эксплуатации.

Право ношения оружия предполагает в то же время обязанность каждого свободного соплеменника выступать в качестве участника народного ополчения; неявка в окружное судебное собрание, как и отказ выполнять функции судебных заседателей, свидетелей и соприсяжников, очень строго карается нормами обычного права.

Полноправие каждого свободного общинника в этот переходный период недостаточно обозначить как совокупность прав — его следует определить как совокупность прав-обязанностей.

Конкретное соотношение между этими правами-обязанностями видоизменяется в ходе эволюции от земледельческой общины к соседской и соответственно при переходе от ранней к более поздней стадии развития дофеодалного варварского общества. На том этапе, когда совокупность прав-обязанностей свободных общинников как членов племени еще отчетливо не оформилась в качестве однозначной позитивной свободы, т. е. в родо-племенном обществе, многие из этих прав трудно даже назвать «правами», ибо они непосредственно вытекают из положения свободного полноправного хозяйствующего субъекта в коллективе, без всякого элемента чего-либо опосредствованного, в то время как «право» (в том числе обычное право) предполагает в качестве своей предпосылки некое опосредствование. Нельзя назвать «правом» принадлежность такого субъекта к «роду», ибо она-то и определяет его «права» как члена кровнородственного союза. Этим и определяется его вхождение в хозяйственный коллектив в качестве обладателя надела, а следовательно, и позитивное содержание его свободы. Поэтому самая свобода на ранней ступени развития варварского общества и является само собой разумеющейся; в наиболее архаических записях обычного права (например, в древнейших текстах Салической правды) она особо и не подчеркивается. Но и тогда, когда ее начинают подчеркивать в самом обычном праве и противопоставлять полусвободе литов (во многих текстах той же Салической правды), она все еще сохраняет свою однозначность; все свободные по-прежнему равноправны. Так, все проступки по отношению к свободным, включая и нарушение прав владения или пользования различными земельными угодьями, караются определенными судебными штрафами, которые отличаются от соответствующих штрафов за проступки по отношению к полусвободным. Самым же главным показателем однозначности позитивной свободы на раннем этапе ее оформления служит наличие единого вергельда за убийство свободного. Вергельд, конечно, не конституирует содержание свободы, но является выражением того факта, что жизнь всякого свободного защищена в одинаковой мере.

Равноправие всех свободных остается в силе и тогда, когда в их среде уже начинается имущественная дифференциация. Так, у салических франков имеются и более, и менее зажиточные, и даже совсем малоимущие свободные; это отразилось, хотя и косвенно, в их обычном праве: глава Салической правды, устанавливающая порядок уплаты вергельда за убийство свободного, указывает сначала на связи по родственной линии и возлагает обязанность взноса соответствующей части вергельда прежде всего на ближайших родственников со стороны матери и со стороны отца, т. е. на членов большой семьи, а затем учитывает степень их состоятельности и различает в их среде более бедных и имущих (L Sal.,

LVIII). В соответствии с этим другая глава Салической правды разрешает свободному франку выход из кровнородственного союза с вытекающим отсюда отказом такого свободного от получения им его доли наследства и вергельда и от родовой защиты при уплате им самим части вергельда; такой отказ от родства мог быть выгоден лишь зажиточному человеку⁹.

Однако эта имущественная дифференциация не создает еще никаких градаций свободы и тем более — никаких социальных статусов внутри широкой массы свободных. Вселение чужаков во франкскую деревню-виллу (в случае отсутствия протеста ее обитателей против этого или по приглашению одного из них) (L Sal., XLV), а также передача имущества по завещанию неродственникам усиливает самостоятельность отдельных домохозяйств и приводит к изменению состава населения виллы и к усложнению ее структуры.

Следующим этапом в ходе имущественной дифференциации должно было бы стать появление различных социальных статусов внутри массы свободных, но это произошло далеко не сразу. Переход от имущественной дифференциации к социальной и, соответственно, от однозначности свободы и полного равноправия всех свободных к возникновению различных, и притом юридически оформленных, статусов свободных совершается через промежуточную стадию различных градаций в среде свободных. Это новое явление вызывается различием имущественного положения уже не только разных членов большой семьи (бедных и зажиточных), т. е. имущественным расслоением в пределах кровнородственного союза, но и разграничением разных кровнородственных объединений по признаку различия их социального положения. Так, у лангобардов еще в VI—VII вв. отсутствует единый вергельд свободного и даже нет никаких указаний на его размеры; за убийство или нанесение увечья свободному вергельд и штрафы исчисляются каждый раз в зависимости от «качества» (или «достоинства») потерпевшего, которое, в свою очередь, определяется его принадлежностью к тому или иному роду. Самый ранний памятник лангобардского обычного права — эдикт Ротари — формулирует этот способ установления полагающейся за убийство суммы вергельда следующим образом: «сообразно качеству убитого», его «родовитости» или «знатности» и, наконец, в соответствии с «размерами его земельного владения» (Ro, § 11, 14, 48, 74, 141, 378), при этом иногда имеется в виду и степень личной зажиточности потерпевшего, а размеры его вергельда определяются тем, «во сколько он сам будет оценен»¹⁰.

Такого рода градации — результат охарактеризованного выше значительного имущественного расслоения, происходящего в обстановке роста различных видов земельных дарений и прочих сделок, связанных с отчуждением движимости и земельных наделов (продажи, дарения различ-

⁹ L Sal., LV. Об имущественной дифференциации косвенно свидетельствуют сделки свободных с рабами, их совместные кражи и случаи ограбления рабов (и даже их трупов) свободными, и притом — на небольшую сумму.

¹⁰ Ro, § 11. Лишь в начале VIII в. — распоряжением короля Лютпранда от 724 г. — устанавливается вергельд свободного лангобарда, и свободные уже подразделяются на разные разряды, причем это распоряжение мотивируется необходимостью дать конкретное разъяснение того, что значит «качество лица». Такое разграничение свободных на «лучших» и «худших» с различными вергельдами — в 150 солидов за убийство «худшего» человека, т. е. рядового свободного, в 300 солидов за убийство «лучшего» (Lic, § 82) — показатель уже довольно далеко зашедшей социальной дифференциации широкого слоя свободных, приводящей к началу процесса классовобразования. Этот процесс у лангобардов разворачивается в основном в VIII в.

ного типа и др.). Это имущественное расслоение у лангобардов частично начинает превращаться уже в VII в. в социальное: некоторые свободные получают от других свободных земельные пожалования с рабами и доказывают особой грамотой свое право на наследственное пользование пожалованным им земельным участком (Ro, § 227). Перед нами — первое упоминание либеллярного держания, которое будет играть огромную роль в аграрной истории Италии в последующие века (см.: Котельникова, 1967).

Конечно, отсюда еще далеко до превращения всех аллодов в держания; в эдикте Ротари нет никаких данных ни об условиях возникающего либеллярного держания, ни о степени его распространенности; ясно только, что и хозяин земельного участка, и его либеллярный держатель принадлежат к одному и тому же широкому слою свободных лангобардов. Следовательно, самая возможность возникновения либеллярных отношений в VII в. указывает на фактическое неравенство наделов различных свободных общинников и на зарождающееся в их среде социально-экономическое расслоение. С этим согласуются многочисленные сведения о совместных проступках рабов и свободных (Ro, § 250, 263), о задолженности некоторых свободных, у которых агент королевской власти — скульдахий — обязан в счет выплаты долга конфисковать последнюю лошадь или корову (Ro, § 251). Наиболее показательны в этом отношении наличие таких разоряющихся свободных, которые во главе целой толпы рабов совершают вооруженные нападения на лангобардские деревни, причем и те и другие обозначены общим термином «деревенские жители», их совместные нападения на села названы даже «заговором (или бунтом) крестьян». Правда, эдикт старается пресечь подобные «бунты» самыми суровыми мерами: свободным, которые возглавляют рабов, грозит смертная казнь или огромный штраф в 900 солидов. Эдикт подчеркивает, что кража, произведенная рабом вместе со свободным, позорна для последнего (Ro, § 279).

Однако, несмотря на этот запрет, подчеркивающий непроходимую грань между статусом свободного и раба, весь эдикт пестрит упоминаниями о совместных кражах такого рода. Да и сама сентенция об их позорности «для чести свободного» исходит от короля Ротари, который вместе с приближенными⁴¹ выступил кодификатором обычного права. Между тем в Прологе к эдикту он сам прямо указывает на притеснения бедных и насилия могущественных лиц; целью издания эдикта, собственно, и объявляется борьба с этими злоупотреблениями.

И все-таки свобода широкой массы лангобардов, уже ставшая многозначной — с обилием оттенков и градаций, — еще не привела к возникновению юридически определенных статусов в среде свободных. Более того: несмотря на постоянные упоминания о степени знатности или родовитости тех или иных групп или семей свободных, родо-племенная знать как особый слой, не входящий в массу свободных и стоящий над нею, в обычном праве лангобардов времен Ротари не фигурирует. Конечно, родо-племенная знать была у лангобардов издавна, — это явствует из упоминаемых хронистом VIII в. Павлом Диаконом особо знатных родов у лангобардов уже в конце VI в., во время их расселения в Северной Италии (Paul. Diac. H. L., II, 9) (их, по-видимому, и имеет в виду эдикт Ротари, говоря о знатности и родовитости отдельных семей или кровнородственных объединений). Однако эти знатные роды конца VI в.

⁴¹ В заглавии эдикта в их числе указаны «первые в народе» — королевские судьи.

так и не составили вплоть до конца VII — начала VIII в. господствующего слоя лангобардского общества.

Весьма возможно, что частично знать состояла из тех самых свободных лангобардов, которые в начале VIII в., в соответствии с законами короля Лиутпранда (Liu, § 62), были защищены в качестве лиц «высшего ранга» вдвое большим вергельдом, чем свободные «низшего ранга».

У салических франков более высокое положение «лучших людей» в массе свободных (хотя и без установления различных вергельдов для них) существовало гораздо раньше — приблизительно в середине VI в.: так, в последней части третьего капитулярия к Салической правде, в главе об убийстве между двумя виллами, соседи, привлекаемые к ответственности, делятся на «лучших» и «худших», или менее состоятельных¹². Эти соседи, очевидно, — простые свободные; повод для разграничения двух слоев в их среде — разное количество соприсяжников, выступающих во время принесения клятвы «лучшими» и «худшими» обитателями двух близлежащих деревень, — таков, что установление особых вергельдов для них представляется неуместным, ибо речь здесь идет не об определении какой-то общей нормы их социального положения, а о конкретном казусе — убийстве, совершенном между двумя деревнями; ответственность за него несут свободные общинники обеих вилл соответственно имущественной дифференциации в их среде. В этой связи весьма существенно, что и Салическая правда не содержит ни сведений о правовых статусах внутри массы свободных, ни упоминаний о родо-племенной знати, хотя она, несомненно, существовала у салических франков (как и у лангобардов) еще до фиксации их обычного права, но это не нашло своего правового оформления; по-видимому, она была оттеснена королевскими дружинниками (антрустонами), вергельд которых втрое превышал вергельд свободных франков. И у лангобардов VI—VII вв. все большую роль начинают играть дружинники (газинды), а также представители судебно-административной власти, герцоги и другие могущественные лица, что видно уже из заглавия эдикта Ротари и Пролога к нему. Не только королевские газинды, но и газинды герцогов производят земельные дарения (Ro, § 177), которые, в отличие от дарений, совершавшихся свободными общинниками, могут рассматриваться как отдаленное предвосхищение будущего бенефиция. Газинды были даже и у частных лиц.

Градации среди свободных лангобардов, конечно, отражают имущественную дифференциацию в массе свободных (частичное обеднение и даже разорение одних и обогащение других), но она только начинает перерастать в социальное расслоение, а потому еще и не привела к появлению особых статусов внутри широкого слоя свободных. Эти градации, таким образом, намечают продолжение и усиление давнишней тенденции развития. Между тем укрепление королевской власти и ее аппарата, возвышение газиндов и «сильных людей» указывают на новые тенденции, на складывание предпосылок формирования господствующего класса. Социальным материалом для образования будущего класса зависимого крестьянства у лангобардов VII в. служат малоземельные и

¹² По новейшим данным, этот капитулярий является не первым, а третьим; последняя его часть выдана при сыновьях Хлодвига — Хильдеберте I и Хлотаре I (правивших совместно с 511 по 558 г.), но после 524 г. См.: *Неусыжин*, 1960, с. 409; 1967, с. 47, 50.

частично разорвавшиеся свободные, полусвободные (альдии), отчасти — рабы (главным образом римские).

У некоторых германских народностей (например, баваров), несмотря на возобладание малой семьи и возникновение свободно отчуждаемого аллода, вплоть до VIII в. еще сохранились градации среди свободных, хотя разграничение разных социальных статусов с различными фиксированными для каждого из них вергельдами и штрафами отсутствовало. Эти градации формулируются в виде указания уже знакомого нам на лангобардского обычного права на зависимость размера пени от «качества» или происхождения потерпевшего лица, причем подобные формулировки таких градаций встречаются как в наиболее архаических частях записи обычного права баваров, восходящих к VI—VII вв., так и в самых поздних ее главах (начало VIII в.) (L Baiuv., I, 6, 8; X, 1; VIII, 14). Баварская правда объясняет такие градации тем, что все свободные бавары в одинаковой мере свободны по своему происхождению, но не в одинаковой степени зажиточны¹³; и она таким образом возводит их к имущественному неравенству, которое, как мы знаем, при далеко зашедшей мобилизации земельной собственности (разных форм ее отчуждения — дарений, продажи и пр.) было уже очень глубоким¹⁴. В начале VIII в. эта имущественная дифференциация приводит уже к социальному расслоению внутри свободных и к выделению из них беднейшего слоя баварских общинников — *minores homines*, *minor populus*; за особенно тяжкие преступления они могут даже утратить свою свободу и стать сервами фиска. Известны случаи, когда одни свободные продают других в рабство, и хотя такая продажа карается, но, по-видимому, становится частым явлением. Гл. I Баварской правды, принадлежащая к числу ее самых поздних глав и посвященная защите церкви и церковного землевладения, подробно регламентирует повинности церковных колонов, отражая весь ход превращения обедневших свободных в сервов и колонов¹⁵.

Таким образом, Баварская правда, которая до начала VIII в. все еще держится за явно устаревшие градации в среде свободных, возникшие в VI—VII вв., в более поздних своих составных частях, включенных в нее по инициативе церковных землевладельцев или герцогов и даже под влиянием франкской королевской власти, ярко рисует процесс классовобразования. В церковных колонов и даже в сервов церкви и фиска превращаются не рабы, посаженные на землю, а разорвавшиеся

¹³ L Baiuv., XV, 9: «... non aequaliter divites...». В данном случае речь идет о различии имущественного положения женщины, с которыми вступают в брак свободные бавары, по среди этих последних имеются не только люди разной степени зажиточности, но и бедняки (L Baiuv., VII, 4). Эти люди, которые разорялись под бременем непосильных для них штрафов, всякого рода залоговых и торговых сделок, а также насильственных дарений, обозначаются в других случаях как *minores homines* («меньшие люди»).

¹⁴ L Baiuv., I, 6: в случае поджога дома требуется его восстановление в зависимости «от качества» владельца, что указывает на разное материальное положение различных свободных домовладельцев в одной и той же деревне.

¹⁵ § 13 титула I Баварской правды описывает барщину и оброки церковных колонов совершенно в духе каролингских полшпиков. И это несмотря на декларацию — в поздних, и более ранних составных частях Баварской правды — неприкосновенности аллода и свободы всякого свободного бавара (L Baiuv., II, 1), а также вопреки прямому запрету лишать свободы и сгонять любого свободного (в том числе и бедняка) с его наследственного владения (VII, 4). Характерно, что земельные дарения в пользу церкви тут же, вслед за этим запретом, прямо поощряются, причем дарителем может выступать и обедневший свободный, еще сохранивший часть своего аллода.

свободные общинники. Следовательно, в этой части Баварской правды отражается возникновение зависимого крестьянства на его втором этапе. Оно образуется из низшего слоя свободных, хотя разные социальные статусы в широкой массе свободных еще отсутствуют.

Деление свободных на лиц разного статуса, обладающих различными вергельдами, имеет место у алеманнов — в самой ранней записи их обычного права, зафиксированной в начале VII в. (между 613 и 623 г.) и отражающей, может быть, еще более ранние социальные отношения. В этой древнейшей части Алеманнской правды (*Pactus Alamannorum*) — свободные алеманны делятся на три разряда: 1) *baro de minoflidis*; 2) *medianus*; 3) *primus* с вергельдами в 160, 200 и 240 солидов [*L. Alam., Pactus Alam., II, 36—38 (-14, 6—8)*]. При этом следует иметь в виду, что термин *minoflidus* происходит от слова *flidus* и обозначает имущественно менее состоятельного человека, так же как и в капишлярии III к Салической правде. П. Г. Виноградов объясняет такую таксацию алеманнских вергельдов по принадлежности к кровнородственным группам разной социальной значимости тем, что легче было определить размер вергельда по социальному весу каждой такой группы, чем по отношению к отдельному индивидууму, и таким образом могла возникнуть некоторая «иерархия между родами» (*Vinogradoff, 1902, S. 175, 177—178*) (т. е. между кровнородственными объединениями).

Однако ситуация, сложившаяся у алеманнов и баваров, как раз показывает, что, с одной стороны, единообразный вергельд может охватывать множество реальных имущественных и социальных различий внутри этого слоя, а с другой — наличие среди свободных лиц разного статуса с различными вергельдами (у алеманнов VII в. или у лангобардов начала VIII в.) еще не обязательно означает далеко зашедший процесс классового образования, хотя свидетельствует о том, что он достиг известной стадии развития, выражающейся в «иерархии между родами», т. е. между отдельными большими семьями ^{15a}.

Запись обычного права алеманнов дошла до нас в двух разных вариантах, состоящих друг от друга на целое столетие. Более поздний вариант составляет третью часть так называемого Закона Алеманнов — *Lex Alamannorum* (зафиксированного по инициативе алеманнского герцога Лантфрида в 724—725 гг.), первые две составные части которого посвящены церковному землевладению и герцогской власти. В то время как эти первые две части Алеманнской правды рисуют яркую картину процесса классового образования в раннефеодальном обществе, третья часть, в значительной мере основанная на *Pactus Alamannorum*, содержит

^{15a} У англосаксов в конце VII — начале VIII в. наряду с исконным делением всего племени на родо-племенную знать — эрлов и простых свободных — кэрлов (с двойным или тройным вергельдом первых) уже складывается другое деление: различаются статусы свободных и знатных, а именно лица с вергельдом в 200 шиллингов — *twyhundeman*, лица, обладающие правом на вергельд в 600 шиллингов — *sixhundredman*, и, наконец, группа людей с вергельдом в 1200 шиллингов — *twelfhyndeman*. Лица, убийство которых карается в 200 шиллингов (*twyhundeman*), отождествляются с кэрлами; таким образом, это новое деление пересекает старое разграничение на эрлов и кэрлов, поскольку его высшие разряды относятся уже не к эрлам, а к возникающему слою королевских дружинников. Особенно существенно, что вергельд здесь прямо связан с земельным цензом: представители низшего разряда — кэрлы имеют одну гайду земли, а члены двух высших (дружинники — *геант-кандманн*) — три и пять гайд, причем особо выделяются безземельные дружинники, согласно закону уэссекского короля Инэ конца VII в. См.: *Неусылин. Возникновение...*, 1956, с. 202—206.

данные о постепенном перерождении обычного права алеманнов и о возникновении имущественного неравенства. Так, в этой части *Lex Alamannorum* сохраняется различие вергельдов между «средними» алеманнами и остальными свободными (L Alam., LX). И это не случайно. Успехи процесса социальной дифференциации у алеманнов особенно ясно сказываются в порядке заключения браков свободных женщин с церковными и королевскими колонами и в последствиях этих браков. Дочь главы семьи, вышедшая замуж за колона, лишается права наследовать долю земельного аллода (хотя бы и во вторую очередь) (L Alam., LX). Причины такого запрета раскрывает первая часть Закона алеманнов: церковные и королевские колоны предстают здесь в качестве зависимых держателей, несущих оброк и выполняющих барщину (L Alam., VIII, XXII) (как и в соответствующих главах Баварской правды). Однако, как и у баваров, церковные колоны у алеманнов — потомки свободных, что явствует из их обозначения в двух главах первой части Алеманнской правды как «свободных церковных людей, которых теперь называют колонами» (L Alam., VIII, XXII). В одной из этих глав устанавливается их вергельд, который, согласно тексту Алеманнской правды, равен вергельду свободного алеманна (L Alam., VIII), но в действительности составляет третью часть его, а равенство с вергельдом свободного возникло в результате утроения вергельда именно церковного колона в интересах церковного землевладения¹⁶.

Однако и церковные сервы (а не только колоны) весьма часто происходили из обедневших свободных, что явствует из зафиксированных в той же части Алеманнской правды, по-видимому, весьма нередких случаев продажи одним свободным другого свободного алеманна в рабство. При этом предусматриваются две возможности: продажа свободного в рабство в пределах алеманнского герцогства (L Alam., XLVII) и за его пределы. В обоих случаях ему должна быть возвращена прежняя свобода, но за самый акт продажи устанавливается различный штраф: за продажу в пределах Алеманнии — 12 солидов, а за ее пределы 40 солидов; в этом последнем случае виновник должен вернуть на родину человека, незаконно проданного в рабство, а при невозможности это сделать обязан уплатить его родственникам сумму его вергельда (L Alam., XLV, XLVII). Подобные кары предписываются и за продажу свободных женщин вне пределов Алеманнии — с соответствующим повышением вергельда (L Alam., XLVI).

Приведенные факты с очевидностью свидетельствуют о том, что зависимое крестьянство — даже на втором этапе его формирования — образуется из свободных соплеменников, утрачивающих свою свободу и свои аллоды. Этот вывод подтверждается грамотами алеманнских и баварских картуляриев более позднего времени (VIII—IX вв.) (об этом см.: Неусыхин. К вопросу..., 1956, с. 65—67).

Несмотря на успехи этого процесса, в некоторых поселениях алеманнов еще сохранилось совместное земельное владение и совместное ведение хозяйства группами родственников, другими словами — еще сохранился аллод как собственность большой семьи. Ярким свидетельством может служить тяжба между двумя алеманнскими «генеалогиями» из-за границ их владений: каждая из этих «генеалогий» выступает в качестве

¹⁶ См.: *Leges Alamannorum*, 1962; толкование гл. VIII см.: Teil I, S. 86, где указано, что также утроился и штраф за убийство церковного серва, — это произошло именно потому, что он церковный. Ср.: L Alam., VII.

субъекта земельной собственности¹⁷. Самая процедура этой тяжбы, имеющая весьма архаический сакральный характер и заканчивающаяся судебным поединком между двумя представителями обеих «генеалогий», и тот факт, что тяжба происходит из-за спорной пограничной территории, на которую заявляют свои притязания обе «генеалогии» (а не отдельные лица), указывает на совладение определенной земельной площадью целой совокупности родственников (см.: Неусыхин. К вопросу..., 1956, с. 55—64). По-видимому, наряду с индивидуально-семейной собственностью, возобладавшей в Алемании VII—VIII вв., еще кое-где сохранилась земельная собственность большой семьи, состоящей из трех поколений. Иногда в одной и той же деревне (*villa*) могли функционировать не только домохозяйства, составлявшие малую индивидуальную семью, но и, значительно реже, другие домохозяйства (или группы таковых), в которых обитали «большие семьи» («генеалогии»). Живучесть остатков совладения земельным аллодом — наряду с бурно шедшим процессом распада больших семей и постоянными земельными разделами между их бывшими членами¹⁸, — явственно прослеживается по данным дарственных грамот Сен-Галленского монастыря IX—X вв. (на территории Алемании) и в соответствующих формулах. Несмотря на то, что разделившиеся члены больших семей продолжают называть себя наследниками и совладельцами, они становятся уже прекарристами монастыря, и о совместном ведении хозяйства ими не может быть и речи¹⁹.

Еще позднее, в конце IX — начале X в., в документах одного из цюрихских монастырей подробно описывается личный состав «генеалогии» зависимых от монастыря держателей сервилльного статуса, явно происшедших из прежних свободных аллодистов крестьянского типа; при этом один из них даже включается в состав этой «генеалогии» в результате неравного брака (в конце IX в.) с женщиной, зависимой от монастыря. В «генеалогии» входят потомки трех братьев и двух сестер, являющихся родоначальниками отдельных семей, из которых она состоит. Потомки этих родоначальников (их сыновья и внуки), в свою очередь, вступают в браки как со свободными, так и с сервами и попадают в зависимость от разных монастырей. Следовательно, цюрихская «генеалогия» не была реальным коллективом лиц, ведущих совместное хозяйство, и этим резко отличается от «генеалогии» гл. LXXXI Алеманнской правды²⁰. Тем не менее до распада «генеалогий» на пять отдельных семей между ее членами вплоть до конца IX в. еще сохранялась какая-то не только кровнородственная, но и хозяйственная связь (характер последней, впрочем, неясен).

Из приведенных сопоставлений следует тот существенный вывод, что процесс классового образования протекал в Алемании сложно и противоречиво: даже тогда, когда зависимость значительной части крестьянства от крупных вотчинников (т. е. в раннефеодальный период) стала свершившимся фактом, еще сохранялись пережитки дофеодальных отношений.

¹⁷ L Alam., LXXXI. Эта глава находится в той же третьей части L Alam., где имеются данные о разных статусах свободных и о продаже людей в рабство.

¹⁸ Эти разделы происходят в соответствии с порядком наследования, зафиксированным в Алеманнской правде.

¹⁹ См. подробнее: Неусыхин, 1964, гл. III, § 3, с. 122—127. О роли прекарриев в процессе отчуждения аллодов мелких собственников путем дарения в пользу церкви в раннефеодальный и феодальный период см.: Грацианский, 1960; Мильская, 1957; Романова, 1959.

²⁰ См.: Неусыхин, 1964, с. 138—143. О цюрихской «генеалогии» см.: UB Zürich. De analoia (-genealogia), грамота № 140 от 930 г. (ср. № 192 и 199).

Еще более сложно и противоречиво, но крайне замедленно протекал этот процесс в Саксонии. Ее общественный строй в конце VIII — начале IX в. сохранил наибольшее количество признаков дофеодалного уклада.

В Саксонии в это время исключительно большое значение имела родо-племенная знать, поэтому расслоение свободных саксов на группы лиц разного социального статуса с определенными и очень различными вергельдами выразилось в своеобразном взаимоотношении между знатными и простыми свободными. Согласно сообщениям хронистов IX—X вв. (Нитарда, Гуквальда и Рудольфа Фульдского), а также по данным Саксонской правды (803 г.) и двух саксонских капитуляриев Карла Великого конца VIII в., все племя саксов делилось на три основных слоя, не считая рабов: знатных, по-саксонски — эделингов, свободных — фрилингов и полусвободных — литов.

В Саксонской правде они резко отграничены друг от друга как по характеру и размерам вергельдов и штрафов, так и по другим весьма существенным признакам. Вергельд нобили (эделинга) в шесть раз выше вергельда свободного, размер которого в самой Правде даже вовсе не указан, так что его приходится устанавливать по косвенным данным. Такого шестикратного вергельда знатного не знает ни одна варварская Правда, кроме Саксонской²¹. В первой части этого памятника нобили, а не свободные выступают основными носителями правовых норм, т. е. субъектами права: вергельды и штрафы устанавливаются именно для нобилей и служат масштабом и критерием при определении пеней за различные проступки, в том числе за проступки по отношению к лицам, принадлежащим к другим слоям (например, за ранение полусвободного — лита). В случае убийства в качестве возможного убийцы или лица, ответственного за убийство, которое лит совершил по приказанию своего господина, на первом месте назван нобиль, а простой свободный — на втором. Размеры штрафов за ряд проступков (кража, вступление в незаконный брак, неявка в суд и др.) различаются в зависимости от социального статуса виновного в данном проступке лица — нобили, простого свободного и лита. Сумма штрафов нобили в два раза выше, чем виновного свободного. В случае обвинения нобили в убийстве он должен принести очистительную присягу, приводя с собой меньшее число соприсяжников, чем свободный — фрилинг: это значит, что его клятва приравнивается по значению к клятве нескольких фрилингов. Размер штрафов в зависимости от социального статуса виновника, а не потерпевшего лица составляет важную особенность социального строя саксов («активная градация» — Aktivstufung). При определении наказания за продажу человека в рабство за пределы страны упомянут лишь тот случай, когда один нобиль продает в рабство другого нобили; о продаже свободным свободного ничего не говорится, в отличие от всех других памятников обычного права германских племен.

Однако из всех этих особенностей соотношения нобилей и свободных саксов отнюдь не следует, что именно нобили были здесь основным социальным слоем, соответствующим слою равноправных свободных у других германских племен.

²¹ Пять привилегированных родов баваров, защищенных четырехкратным вергельдом, не могут служить аналогией к саксонским нобилим, так как их нельзя рассматривать как целый слой родовой знати: это — лишь отдельные семьи, выделявшиеся своим земельным богатством и занимавшие в племени баваров первое место после герцогского рода Агилольфингов (L. Baiuv., III, 1).

Совокупность всех остальных данных — как свидетельств нарративных источников, так и правовых норм второй части Саксонской правды — указывает на то, что нобили составляли родо-племенную знать, выделившуюся из состава равноправных свободных. Последние при этом не потеряли своей свободы, хотя некоторые из них — разорившиеся и обедневшие — оказались под патронатом нобилей. Таким образом, саксонская свобода охватывает и знать, и фрилингов; свободные у саксов состоят из двух слоев: из родовой знати и простых свободных²². Внутри каждого из этих слоев происходила имущественная дифференциация.

Однако, это расслоение еще не привело — вплоть до IX в. — к замене исконного деления саксонского племени на знатных, свободных и полусвободных каким-либо другим, резко выраженным делением на иные социальные слои, в частности на классы раннефеодального общества. Знатные (нобили) не стали господствующим классом, который существовал за счет эксплуатации остальных свободных, так же как эти последние (фрилинги) не жили только за счет эксплуатации литов. Если некоторые свободные попадали под патронат нобилей и даже под их власть, то основная масса фрилингов сохраняла не только свою свободу, но и свою собственность и продолжала состоять из самостоятельных аллодистов, которые вели крестьянский образ жизни.

Характерна крайняя замедленность (до IX в.) процесса превращения аллода у саксов в отчуждаемую собственность. Простые свободные участвовали в политической жизни страны — наравне с эделингами; их представительство на общеплеменном собрании саксов было одинаковым с представителями нобилей и даже литов (по 12 человек).

К тому же ряду явлений относятся пережитки родового строя у всех трех слоев саксонского племени: живучесть широких кровнородственных связей (даже у литов)²³; остатки кровной мести (файды), заменяемой уплатой вергельда; распространенность старинного обычая насильственного похищения невест (умыкание), с которым борется Саксонская правда; архаические формы семьи и брака; участие в судебном процессе большого числа соприсяжников (до 12 человек).

Во время длительных завоевательных походов Карла Великого в Саксонию (с 70-х годов VIII в. до начала IX в.) исконное трехчленное социальное деление племени саксов, конечно, углубилось, а кроме того, усилилась и имущественная (и отчасти социальная) дифференциация внутри каждого из этих слоев. Наиболее зажиточная и влиятельная часть эделингов (*nobilissimi*) в ходе этих войн начинает сближаться с франкской знатью. Члены герцогских родов (из числа герцогов Вестфалии, Остфалии и Ангарии) и близких к ним кругов уже превращаются частично в вотчинников, они совершают земельные дарения (с несвободными держателями) в пользу монастырей за пределами Саксонии, а в начале IX в. основывают монастыри в самой Саксонии (под влиянием

²² Это не опровергает все вышеприведенные данные о резкой градации между нобилем и фрилингами — ни шестикратный вергельд нобилей, ни даже запрет браков (под страхом смерти) между нобилем и простыми свободными, составляющий опять-таки своеобразие общественного строя саксов. Свидетельство хрониста второй половины IX в. Рудольфа Фульдского о таком запрете, раньше подвергавшееся сомнению, теперь считается достоверным. См.: *Lintzel*, 1961, S. 433—445.

²³ В случае убийства литом нобилем без ведома господина он и семь его сородичей изымаются из-под власти последнего и передаются в распоряжение родственников убитого. Отсюда следует, что литы, по-видимому, произошли из каких-то обедневших родов свободных, имевших некогда собственные земельные наделы и живших в окружении родственников — членов большой семьи (см.: *L. Sax.*, XVIII).

политики Карла Великого и франкских феодалов, направленной на христианизацию Саксонии и насаждение в ней церковного землевладения). Правда, монастырей в Саксонии было основано еще очень мало. И церковные, и светские вотчины, весьма немногочисленные здесь вплоть до первой половины IX в., служили лишь первыми опорными пунктами феодализации и могли втянуть в зависимость от себя лишь некоторую часть фрилингов. Слой эделингов в целом еще не превратился в класс раннефеодального общества, господствующий над основной массой простых свободных фрилингов. Об этом лучше всего свидетельствует ход и характер восстания Стеллинга (841—843), происшедшего через 40 лет после окончательного завоевания Саксонии. Лозунг восставших — возвращение к старому трехчленному делению племени саксов, т. е. к дофеодальному строю, — говорит о живучести последнего в Саксонии еще в середине IX в. Однако в то же время изгнание восставшими фрилингами и лигатами «почти всех своих господ» из страны является симптомом усиления тенденции к феодализации; под «господами» следует разуметь франкских феодалов (назначенных Карлом Великим графов и др.) и частично объединившуюся с ними высшую прослойку саксонских эделингов, — но отнюдь не всех эделингов вообще (см.: Неусыхин. Крестьянские движения..., 1974). Из двух основных слоев, представители которых участвовали в этом восстании, фрилинги большей частью имели до середины IX в. самостоятельную и независимую крестьянскую собственность, хотя аллодам многих из них уже грозила опасность превращения в зависимые держания монастырей и светских вотчинников — как франкских, так и саксонских. Эта опасность была тем более реальной, что такое превращение частично уже началось, как это видно из грамот крупнейших монастырей Саксонии в IX в. — Корвейского и Верденского, а также из более ранних свидетельств Саксонской правды о земельных дарениях в пользу церкви и короля. Что касается литов, тоже участвовавших в восстании, то они начали превращаться из старосаксонских полусвободных в зависимых держателей раннефеодального типа.

Восстание Стеллинга явилось последствием феодализации на ее начальном этапе, хотя реставраторский характер восстания оказался возможным лишь ввиду того, что в Саксонии вплоть до середины IX в. преобладали дофеодальные отношения. Зависимое крестьянство формировалось здесь отчасти из свободных фрилингов, отчасти из массы полусвободных литов, но процесс этот протекал крайне замедленно и растянулся на весь IX и частично X в. Для VIII и начала IX в. преобладание дофеодального уклада в Саксонии совершенно несомненно. Оно ярко сказывается и в очень своеобразном политическом строе Саксонии этого времени. При отсутствии единой королевской власти политическое единство Саксонии осуществлялось через посредство общеплеменного собрания представителей всех трех слоев племени, которые избирались на собраниях отдельных округов, входивших в состав четырех племенных герцогств страны. Общеплеменное собрание в населенном пункте Маркло на р. Везере имело очень обширную компетенцию: издание новых общеплеменных постановлений и возобновление прежних, обсуждение самых важных дел, касавшихся войны и мира. Значительную роль на этих собраниях играли наиболее влиятельные руководители племенных подразделений, «сатрапы», — они избирались из числа эделингов на местных собраниях отдельных племен. Однако, хотя они и образывали особый политический орган — «сенат всего племени саксов», тем не менее представители отдельных округов каждого герцогства

(в лице не только эделингов, но и фрилингов и литов) также принимали участие в выработке постановлений в качестве «народа»²⁴.

В случае тяжелой войны (в частности, во время войн с Карлом Великим) созывалось, по словам хрониста Видукинда, общесаксонское ополчение, которым, кроме герцогов отдельных племен, командовал один общий вождь²⁵. Описанный нами политический строй Саксонии носит некоторые довольно существенные черты военной демократии, пережитки которой сохранились до IX в. Особенностью этого строя у саксов (в отличие не только от племенных союзов V—VII вв., но и древнегерманских племен I в.) была слабая роль дружины. Хотя отдельные герцоги (герцог Вестфалии — Видукинд, Ангарии — Бруно, герцоги Остфалии — Гесси и Аббио) выступают совместно с какими-то своими «союзниками» (*suis sociis*) из влиятельных эделингов, но это скорее представители ближайшего окружения герцогов (вероятно, даже члены родственных им знатных родов), чем дружинники, т. е. военнотрудовые люди, которые обычно происходят как из среды родовой знати, так и из массы простых свободных. На незначительную роль дружины в общественном строе саксов указывает и то обстоятельство, что ни в правовых, ни в нарративных источниках нет даже особого термина для обозначения дружинника (наподобие франкского антрустиона, лангобардского гавинда, англосаксонского гезита и др.), а в Саксонской правде повышенным вергельдом защищены только представители родовой знати, но не дружинники — последние в ней даже не упоминаются (как и в Саксонских купитулориях Карла Великого).

Своеобразие социально-политического строя саксов VIII—IX вв. наложило свой длительный и довольно прочный отпечаток на внутреннюю структуру феодального герцогства Саксонии в тот период, когда она входила в состав средневековой Германии, т. е. вплоть до начала XIII в. В большом восстании разных классов саксонского общества против королевской власти в 70-х годах XI в. принимали активное участие также и вооруженные свободные крестьяне, которые еще сохранились в небольшом количестве в XI в.

Последствия длительного перерождения прежних саксонских фрилингов и литов, их превращения в зависимых и полузависимых крестьян разных категорий, ясно отражены в памятнике феодального обычного права Саксонии начала XIII в. — Саксонском зеркале. В его разделе (так называемом Земском праве), посвященном положению земледельческого населения, разным его слоям, их правам и обычаям, фигурируют различные прослойки крестьян (*Bargilden*, *Pfleghafte*) причем указываются их права и вергельды, упоминаются также зависимые держатели (*Landvassen*) и лично несвободные слуги (*Sachsenspiegel*..., 45, § 4—11). Живучесть категорий фрилингов и литов как нельзя лучше подчеркивает длительность и неравномерность путей феодализации Саксонии.

*

Известную параллель к общественному строю саксов в VIII—IX вв. представляет социальный строй соседних с ними фризов, отраженный во Фризской правде, составленной в VIII в. и окончательно зафиксиро-

²⁴ Данные об этом (а также и о смысле термина «сатрапы») см. в тексте ранней версии «Жития св. Лебуина» начала IX в. Оценку значения этого важного источника см.: *Lintzel*, 1961, S. 235—262. Ср. также: *AR Franc. et A. Einh.*, anno 777.

²⁵ *Widukind*, I, 14. См. о внутренней политической структуре Саксонии: *Lintzel*, 1961, S. 263—292.

важной (с некоторыми дополнениями) на Ахенском съезде 802 г., т. е. одновременно с Саксонской правдой. Основное сходство социального строя фризов и саксов заключается в том, что фризы тоже делились на три таких же социальных слоя (за исключением рабов) — знатных (*nobiles*), свободных (*liberi*) и полусвободных — литов. Это деление воспроизводит средневековый памятник фризского обычного права на фризском диалекте, притом — в нижнегерманских терминах, отчасти уже известных нам из саксонских хроник: этелинги, фрилинги и литы²⁶.

Социальный строй фризов, однако, имеет существенное отличие: этелинги не занимают в их племени столь ярко выраженного господствующего положения, как у саксов. Поэтому у фризов носителями правовых норм выступают не только нобили, но и простые свободные и даже литы²⁷. Но имущественная и социальная дифференциация у фризов, так же как и у саксов, развивается внутри каждого из трех слоев и даже иногда сдвигает и пересекает правовые границы между ними. Некоторые свободные фризы иногда бывают вынуждены «крайней необходимостью» вступать в зависимость (*servitium*) на положении литов не только от нобилей, но и от других свободных и даже от таких же литов²⁸. Возможность вступления одних свободных в литскую зависимость от других и даже от литов (притом в такую довольно тяжелую зависимость, которая обозначается понятием *servitium*) прямо указывает на то, что трехчленное деление племени фризов на разные статусы явно подвергается изменению под воздействием социально-экономических процессов. Вместе с тем та же возможность указывает на возникновение зависимости одного свободного от другого, притом зависимости такого характера, что один из них становится «господином» другого, иными словами, речь идет о возникновении *dominium*'a *liberi* над другими. Это тем более верно, что впавший в литскую зависимость свободный может доказать, присягой свою свободу и тем самым вернуться в состав свободных (см.: *L Fris.*, XI, 1).

Далее, зажиточный фризский лит (не из числа бывших свободных, а из среды исконных литов) может на собственные средства выкупиться у своего господина (к какому бы социальному слою ни принадлежал последний) и приобрести полную свободу, но с правом господина через несколько лет отрицать факт выкупа, что влечет за собой судебный процесс и клятву с соприсяжниками [*L Fris.*, XI (*De lito*), 2].

У фризов, как и других германских племен дофеодалного периода, имели место случаи продажи соплеменников в рабство, но, в отличие

²⁶ *Rüstr. Recht*, S. 136 (комментарий к *Küre*, 8); ср.: S. 164, 166 (*Wort- und Sachregister — Etheling, Friling*). В параллельном латинском тексте того же памятника эти термины передаются словами *nobiles*, *liberi*, *minus nobiles* (последний термин — вместо *liti* во Фризской правде). См.: *Richthofen*, 1840, S. 539; *Heck*, 1900, S. 48; 1927, S. 28 f. (в названных исследованиях приведены выдержки из латинского текста Фристинского комментария).

²⁷ Так, трактуя правовые последствия убийства, совершенного рабом по подстрекательству его господина, Фризская правда подробно разбирает все возможные комбинации статуса убитого и убийцы: и тот и другой (а значит, и господин раба) может быть и нобилем, и свободным, и литом (*L Fris.*, I, 16—18; 19—21); в каждом случае меняется лишь число и социальное положение соприсяжников.

²⁸ *L Fris.*, XI (*De lito*), 1. При этом человеку, попавшему в положение зависимого лита, предоставляется возможность доказать, опираясь на свидетельства трех соприсяжников, свою свободу от зависимости; если ему это не удастся, то его господин может (привлекая большее число соприсяжников) закрепить свое господство над ним.

от Саксонской правды, по Фризской правде виновник такой продажи и сам проданный в рабство могли принадлежать и к нобилиям, и к *liberi* [L. Fris. XXI (De plagio)]. Это обстоятельство лишней раз подчеркивает, что, в отличие от саксов, у фризов носителями правовых норм выступали не только знатные, но и свободные. В отличие от саксонских памятников (как правовых, так и нарративных), фризский памятник обычного права — Рюстрингский комментарий — дает прямое определение смысла слов: «этелинг», «фрилинг» и «лит» (параллельных латинским *pobiles*, *liberi* и *minus pobiles*). Согласно этому определению, этелинги суть люди, обладающие привилегированной собственностью и свободой и не имеющие среди своих предков никаких незаконнорожденных лиц. Такая привилегированная собственность, обозначенная фризским словом *etheldom*, переходила из рода в род в пределах одного и того же слоя этелингов¹⁹. Некоторые исследователи сравнивают ее с родовым наследственным владением представителей родовой знати у норвежцев, т. е. с одалем. Иначе говоря, фризский *etheldom* представлял собой наследственную родовую земельную собственность большой семьи этелинга, которой фрилинги в такой форме, видимо, не обладали. Однако, несмотря на это, они тоже были полноправными свободными. Ведь их свободу не могли аннулировать даже неравные браки: в случае выхода свободной женщины замуж за несвободного мужчину ее отказ от имущества мужа после его смерти приводил к разрыву всяких связей с ним и его статусом и к сохранению прежней свободы за нею и его сыновьями.

Конечно, Рюстрингский комментарий дает здесь не общее определение положения фрилинга, а лишь пример, поясняющий его статус, но самый выбор именно этого примера весьма характерен: он свидетельствует о стремлении составителя памятника определить грань между свободой и несвободой (Mauger, 1924), а поэтому его нельзя, вопреки Гекку, истолковать в том смысле, что все фрилинги происходят от неравных браков и, следовательно, являются неполноправными свободными (ср.: Некк, 1900, S. 51—54). Полусвободные литы (*letschlachta*) определяются в том же памятнике как потомки сыновей зависимых людей, ушедших от родителей и переселившихся на собственные держания²⁰.

Из сопоставления данных Фризской правды и Рюстрингской Судебной книги можно сделать следующий вывод. Социальным источником формирования зависимого крестьянства у фризов служили некоторые прослойки свободных фрилингов, либо попадавшие под *dominium* других свободных (или этелингов), либо вступавшие в отношения литской зависимости (*servitium*). Разоряться могли и некоторые этелинги: на это указывает возможность их продажи в рабство. Часть зависимого крестьянства могла формироваться у фризов, конечно, и из литов, т. е. полусвободных зависимых держателей дофеодального типа.

¹⁹ Ср.: *Rüstr. Recht* (Küre, 8), S. 136; эти издатели Рюстрингского комментария интерпретируют *etheldom* как *der edle Heere*, т. е. «благородное» земельное владение (см.: *Wert- und Sachregister*, S. 165); между тем в переводе самого памятника они передают слово *etheldom* немецким словом *Adel*, т. е. просто «знатность»; подобный перевод создает впечатление, будто этелинги обладают лишь знатностью и свободой, а не привилегированной земельной собственностью, что, конечно, неправильно, как это яствует хотя бы из указания того же издания. Толкование *etheldom* как собственности этелинга см. также: *Richthofen*, 1840, S. 539; 1880.

²⁰ *Rüstr. Recht*, S. 137 (перевод слова *ayn god*, как *anderes Gut*). См.: *Richthofen*, 1880, S. 1045 — «Eigengute».

3. Положение литов, вольнотпущенников и рабов у различных варварских германских племен

Одним из социальных слоев варварского общества, послуживших материалом для формирования зависимого крестьянства, были полусвободные — литы и вольнотпущенники²¹. Чтобы охарактеризовать социальное положение литов, достаточно сопоставить признаки их свободы и несвободы у салических и рипуарских франков, у лангобардов и алеманнов. В некоторых, весьма существенных отношениях положение литов сходно с положением свободных людей. Они обладают земельными наделами и самостоятельно ведут свое хозяйство, принимают участие в походе, могут выступать на судебном собрании, давать обязательства и предъявлять иски, т. е. имеют известную правоспособность в качестве феодалских лиц. Литы могут частично распоряжаться своим имуществом и заключать сделки с другими лицами. Их жизнь защищена вергельдом. Однако вергельд литы составляет лишь половину вергельда свободного. Кроме того, и другие — столь же, а может быть, и более существенные — признаки свидетельствуют о несвободе литов. Они находятся в личной и отчасти материальной зависимости от свободных; свободный, имеющий зависимого литы, обозначается как его господин; лит может быть отпущен на волю, и только после этого он становится полноправным свободным. Браки между свободными мужчинами и женщинами — дочерьми литов — запрещены под страхом штрафа; похищение литом свободной женщины карается смертной казнью. В случае убийства литом свободного убийца передается в распоряжение родственников убитого, что еще раз указывает на материальную и личную зависимость литы от свободного.

Из этого сопоставления видно, что положение литов отличалось двойственностью и противоречивостью. Оно объясняется самым характером материальной зависимости литы от господина: лит помещен на чужом участке, но не как феодально-зависимый держатель, а скорее на положении серва тацитовских времен, уплачивающего натуральные взносы господину, но ведущего собственное хозяйство.

У алеманнов литы, может быть (так же, как и у саксов или фризов), были членами каких-то кровнородственных объединений. Намек на это содержится в ранней редакции алеманнского обычного права, где идет речь об отпуске литы на волю в походе, в то время, когда он находился в составе родовых союзов, на которые подразделялось войско (см.: *L Alam., Pactus Alam., XVII, 3*; ср.: Неусыхин, К вопросу..., 1956, с. 59—60. См. также: *Grupp, 1906, S. 118*). Сопоставляя этот намек с прямыми упоминаниями саксонских источников о сородичах литы, можно сделать вывод, что именно из принадлежности литы к родовому союзу происходят и правоспособность литы, и элементы его свободы. Тем самым подтверждается высказанная выше (по поводу саксонских литов) гипотеза, что литы произошли из опустившихся или обедневших родов бывших свободных, впадших в зависимость от других, более богатых родов. Отсюда — резкая грань между литами и рабами. Она осо-

²¹ У лангобардов они назывались альдиями, но их положение аналогично статусу литов у других племен.

бенно явственно выступает в общественном строе лангобардов, где альдии даже имеют своих рабов²².

Резюмируя сказанное о литах у всех германских племен (независимо от конкретных различий в их положении), мы можем заключить, что литы, в отличие от рабов, входили в состав варварского общества, но в качестве неполноправных его членов. В этом смысле литство — институт неполной зависимости и неполноправной свободы, характерный именно для дофеодального и отчасти родо-племенного строя (на разных этапах его развития), где его наличие лишь более выпукло оттеняет полноправие большинства членов племени, ибо оно является производным от этого последнего (см.: Неусыхин. Возникновение..., 1956, с. 220).

В период складывания и торжества феодальных отношений литы превращаются в феодально-зависимых держателей крупных вотчин, и притом именно держателей тяглых мансов, а не прекарных участков, как это явствует из всех полиптиков IX—X вв. (поземельных описей владений монастырей). На территории Франции, как известно, тяглые мансы делились на три категории, из коих одна обозначалась как литские мансы (хотя их не обязательно держали только литы). Однако и в разных областях Германии в X в. — во Фрисландии и Саксонии, т. е. как раз там, где литы обладали в дофеодальный период наибольшими правами, — они становятся такими же держателями, причем в некоторых аббатствах (например, в Корвейском в Саксонии, где они назывались латами) составляли значительную часть зависимого населения, несущего оброк и барщину; на землях Верденского аббатства очень часто встречаются держатели тяглых мансов — литы.

*

Вольноотпущенники (либертины) происходили из рабов или литов, но делились на разные категории в зависимости от способа и цели их освобождения.

Лишь у одного германского племени дофеодального периода — у салических франков начала VI в. — существовал только один, «высший» способ отпуска раба или литы на волю, а именно — освобождение, осуществлявшееся при помощи процедуры выпивания монеты (денария) в присутствии короля: либертин таким образом получал полную свободу, причем этот акт был необратимым даже в случае незаконного освобождения раба или литы без ведома их господина. Следовательно, у салических франков начала VI в. еще не сложился особый слой либертинов и последние еще не становились тогда зависимыми держателями.)

У других племен, но уже несколько позднее, в VI—VII вв., различные разряды вольноотпущенников сохраняли, напротив, материальную и личную зависимость от освободившего их патрона и даже превращались в зависимых держателей церкви и королевского фиска. Так, у лангобардов в VII в. наряду с освобождением раба по распоряжению короля (через денарий), которое давало полную свободу (как и у салических франков), практиковались и другие способы отпуска на волю. Один из них — освобождение в церкви — уже в VIII в. приравнивался к освобождению королевской властью. Наибольший интерес представляет

²² Некоторые исследователи (Pertile, 1896, p. 60; Beyerle, 1947, S. 474) высказывали предположение, будто в число лангобардских альдиев частично вошли бывшие римские possessores, но эта гипотеза оказалась необоснованной (подробнее об этом см.: История Италии, 1970, т. 1, гл. 1).

способ освобождения, которое происходило согласно старому обычному праву при помощи архаической процедуры, содержавшей две стадии: господин раба мог, освободив его при посредстве свободных людей в присутствии свидетелей и понятых, предоставить ему право перехода; однако освобожденный таким способом человек (обозначаемый как *fulcfree*) продолжал оставаться под властью своего патрона, который имел право наследовать его выморочное имущество. Тем самым *fulcfree* становился полусвободным; для того чтобы он получил полную свободу, необходимо было заявление господина, что он делает отпускаемого на волю *fulcfree* независимым от себя (*haamund, id est extraneus a se*). Превращение раба путем отпуска на волю в качестве альдия тем более не давало ему полной свободы, и он даже не приобретал права перехода.

Как видим, у лангобардов VII—VIII вв. только освобождение в присутствии короля или в церкви предоставляло полную свободу. При освобождении раба был необходим отказ патрона от всех прав патроната, т. е. от материальной и личной зависимости отпускаемого на волю лица. К зависимости или независимости от патрона и сводится различие социального положения разных разрядов вольноотпущенников у лангобардов.

Аналогичные явления наблюдаются и у англосаксов: так, по закону кентского короля Уитреда (конец VII в.), человек, отпущенный на волю в церкви и обозначавшийся сходным термином *folcfrý*, остается в личной материальной зависимости от патрона, который имеет известные права на его движимое имущество. Иначе говоря, ни у лангобардов, ни у англосаксов разные разряды либертинов еще не оформляются в виде особых социальных категорий, представители которых обладают различными правами, обязанностями и вергельдами. Отсюда явствует, что у данных племен промежуточный слой либертинов еще не играл большой роли. В противоположность этому у рипуарских франков он уже с самого начала VII в. распадался на ряд именно таких резко отграниченных друг от друга социальных категорий — в соответствии с различными способами их освобождения, на которые в ряде случаев оказало влияние римское право. Так, согласно постановлениям Рипуарской правды, оформленным (после объединения двух частей Франкского государства — Австразии и Нейстрии) королем Хлотарем II (584—629)²³, у рипуарских франков были в ходу (кроме полного освобождения через денарий) еще три способа отпуска на волю, каждый из которых, в сущности, приводил к превращению отпускаемого лица в зависимого держателя либо освободившего его патрона, либо церкви. Зависимость от патрона сохранялась в случае превращения серва его господином в лита или трибутария (т. е. в колона) с вергельдом в 36 солидов; в случае отпуска раба на волю его господином в церкви на положении табулярия («согласно римскому праву, по которому живет церковь») (L Rib., LVIII) сохранялась зависимость серва и его потомков от церкви, в пользу которой они обязаны были нести повинности и которая наследовала их выморочное имущество. При освобождении серва с предоставлением ему права перехода на положение «римского гражданина»²⁴ сохранялась его зависимость от освободившего его лица, хотя выморочное имущество поступало в собственность королевского фиска.

²³ Самая ранняя версия Рипуарской правды датируется 623—625 гг.

²⁴ L Rib., LVI, 2: такой либертин судится по римскому праву; его вергельд — 100 солидов. Датировку соответствующей части Рипуарской правды см.: L Rib., 1966, S. 1—2.

При всех этих способах отпуска серва на волю Рипуарская правда разрешает господину дальнейшее освобождение либертина через денарий в присутствии короля, в результате чего он становится полностью свободным, «как и прочие рипуари». Однако полное освобождение табулярия, т. е. раба, ставшего зависимым держателем церкви, запрещается. Этот запрет очень характерен: он означает правовую гарантию сохранения за церковным учреждением наследственных зависимых держателей. Если в период торжества феодализма превращение литов в один из слоев зависимых держателей тяглых наделов (мансов) в крупных вотчинах составляло одну из сторон общего процесса вовлечения свободных и полусвободных в феодальную зависимость, то освобождение рабов с сохранением тех или иных форм их личной зависимости (а также и их потомков) от патронов или от церковных учреждений в обстановке роста крупного землевладения приводило к формированию разных категорий зависимого крестьянства из среды бывших рабов.

Хотя у большинства германских племен (за исключением вестготов и отчасти бургундов) главным социальным источником складывания зависимого крестьянства были отнюдь не рабы, либертины все же играли определенную роль в этом процессе. Естественно, возникает вопрос о положении рабов до возникновения рассмотренных форм их неполного освобождения. У германцев дофеодального периода рабы не входили в состав общества: они не являлись членами кровнородственных и общинных объединений. Однако у разных племен конкретное положение рабов было весьма различным. У саллических франков времен записи их обычного права оно отличалось известной двойственностью, хотя рабы всегда противопоставлялись свободным, от которых были отделены непреходимой гранью. С одной стороны, раб здесь рассматривался как вещь, он приравнивался к животному и служил объектом торговли и кражи. Система наказаний за проступки раба прямо противоположна ответственности свободных: в то время как с последних взимаются судебные штрафы, рабы подвергаются телесным наказаниям, и притом очень жестоким — бичеванию (от 120 до 144 ударов плетью), пытке, кастрации. За проступки раба, как правило, отвечает его господин, но наблюдается тенденция к появлению собственной юридической ответственности раба: в некоторых случаях на первом месте указывается штраф, уплачиваемый рабом, и лишь в случае неспособности виновного выплатить его применяются телесные наказания. Исключительная ответственность господина за проступки раба заменяется в течение VI в. представлением провинившегося раба через посредство его господина в графский суд, тем самым возникает возможность перехода к подсудности раба господину — особенно если последний имел земельные владения в разных местах⁸⁶.

Таким образом, с одной стороны, несколько смягчается бесправие раба, ибо он становится юридическим лицом, отвечающим за свои проступки, с другой — в VI—VII вв., в обстановке роста крупного землевладения, это приводит к подчинению раба вотчинному суду. В то же время раб может сам выступать в судебном собрании франков, правда, только по такому делу, в котором он является не субъектом, а объек-

⁸⁶ Согласно распоряжению сына Хлодвига, короля Хлотаря I, включенному в «Договор о мире между королями Хильдебертом I и Хлотарем I» (датируется временем между 524 и 531 гг.), речь идет о подсудности господину того раба (посредством передачи его в графский суд), который принадлежал одному из могущественных лиц (L. Sal., Cap. II). См.: Pactus L. Sal., 1902, p. 252.

том, а именно: в случае продажи чужого раба за море он должен — после того как господин равнует его — созвать трех свободных свидетелей и назвать в судебном собрании (маллюсе) имена похитителей и тех вилл, откуда они происходят (L Sal., XXXIX, В 2). Возможность выступления раба в маллюсе (хотя бы по делу о его похищении) и вызова им свободных свидетелей (до трех раз) указывает на некоторые моменты юридической правоспособности раба и, кроме того, на частичную близость интересов свободных и рабов. Весьма показательно, в частности, то обстоятельство, что сам господин, отыскавший раба, не участвует в подтверждении показаний раба и его свободных свидетелей.

Вместе с тем сохраняется грань между рабами и свободными: браки между ними карались обращением свободного мужа рабыни или свободной жены раба в рабство — может быть, вместе со всем потомством таких супругов³⁶.

Это тем более вероятно, что такой неравный брак не расторгается. Весьма возможно, что лишением свободы была заменена смертная казнь, по крайней мере, одного из вступивших в такой брак. На это имеются прямые указания в обычном праве бургундов (L Burg., XXXV, § 32). У саллических франков брак свободной девушки с собственным рабом карался особенно жестоко; раб подвергался колесованию, а девушку объявляли «лишенной мира» или поставленной «вне закона» (*azrellis*). Этот, по-видимому, весьма старинный обычай, коренящийся еще в особенностях родового быта, отражен не в самой Салической правде, а в капитулярии к ней (VI в.)³⁷. В основе запрета неравных браков лежало стремление помешать сближению свободных с рабами. Это вполне естественно по отношению к рабам свободных общинников; такие рабы были скорее домашними слугами, чем держателями земельных наделов³⁸. Франкские рабы обладали движимым имуществом, как это явствует из уплаты ими штрафов в размере 6 солидов: известны также случаи похищения имущества раба и даже ограбления его труппа. Однако невысокая величина этих штрафов, ничтожная оценка похищенного имущества (один солид), подтверждает высказанное выше предположение, что рабы франкских общинников не вели собственного хозяйства, а служили лишь подсобной рабочей силой в хозяйстве свободных.

Кроме рабов, эксплуатировавшихся свободными общинниками, Салическая правда упоминает и рабов, принадлежавших королевским дружинникам, обученных рабов-ремесленников (кузнецов, плотников, золотых дел мастеров), а также рабов, обслуживавших отдельные отрасли хозяйства (виноградарей, свинопасов, конюхов) (см.: L Sal., XXXV, 36). Кроме того, у франков имелись рабы, выполнявшие административные поручения. Такие рабы также могли принадлежать только лицам, обладавшим сравнительно значительными земельными комплексами³⁹. В особом положении находились королевские рабы: они приравнивались

³⁶ В пользу этого предположения свидетельствуют обычай рипуаров, отраженный в Рипуарской правде (см.: L Rib., LVIII, 16). Однако при сравнении Рипуарской правды с Салической следует иметь в виду, что у рипуаров в начале VII в. рабство уже начало перерождаться в зависимость раннефеодалного характера.

³⁷ L Sal., Cap. III (по классификации Экхардта), XCVIII (по общему счету, начиная с 65-й, последней главы Салической правды).

³⁸ Следовательно, рабы саллических франков близки по своему положению к домашним рабам германцев времен Тацита, а не к рабам, посаженным на земельные участки.

³⁹ L Sal., XXXV, 7 (общая сумма пени за убийство или кражу таких рабов похищена).

к литам, были защищены вергельдом в 100 солидов (L. Sal., XIII, 7; XLII, 4) и занимали должности на королевской службе⁴⁰. В число рабов короля и его дружинников, по-видимому, входили не только франкские, но и галло-римские рабы, захваченные во время завоевания Галлии. Однако в Салической правде нет никаких прямых указаний на захват рядовыми свободными франками галло-римских рабов, а разделов земель между франками и галло-римлянами не было, и, следовательно, нельзя полагать, что рабы франкских общинников произошли от галло-римских рабов. Тем не менее наличие галло-римских рабов у короля и дружинников могло привести к некоторому ухудшению положения франкских рабов, принадлежавших свободным общинникам, сравнительно с положением дворовых рабов, описанным Тацитом.

В ходе дальнейшей эволюции франкского общества VI—VIII вв. в результате процесса классовобразования домашние рабы франкских общинников постепенно превращались в держателей тяглых сервильных наделов и таким путем влиялись в состав зависимого крестьянства в качестве низшего его слоя. Однако, как явствует из источников раннефеодальной и феодальной эпохи (поземельные описи, юридические формулы, капитулярии и пр.), тяглые мансы, заселенные сервами, составляли меньшинство всех тяглых держаний; держатели большей части мансов происходили из вставших в зависимость свободных общинников и литов.

У лангобардов дофеодального периода, общественный строй которых отражен в эдикте Ротари, имелись, в отличие от салических франков, не только домашние рабы, но и рабы, помещенные на земельные участки, и притом не только лангобардские, но, по-видимому, и римские. Хотя эдикт Ротари и не проводит никакого разграничения между ними, существование римских рабов — факт, о котором свидетельствует довольно сложное иерархическое распределение некоторых категорий рабов по профессиям и должностям, что было совершенно не свойственно германским племенам до их поселения на римской территории (Tac. Germ., 25). Общая численность рабов и их роль в хозяйственной жизни лангобардов значительно больше, чем у салических франков. Рабы германского происхождения были у свободных лангобардских общинников и даже у некоторых алдиев, такие рабы большей частью (как и у салических франков) являлись домашними слугами в хозяйстве свободных. Обладатели господских дворов использовали в своем хозяйстве обученных рабов (министерналов): надсмотрщиков, начальников (*magistri*), разного рода пастухов и ремесленников (Ro, § 76; ср. § 130—137). К ним примыкали также дворовые рабы, которых их хозяева использовали для обработки своих земельных владений [Ro, § 103; 383 (*servi rustici*)]. Наконец, особый разряд составляли рабы, державшие от своих господ земельные участки и имевшие собственный скот и собственных пастухов (Ro, § 234).

Рабы перечисленных категорий (министерналы, массарии и др.), вероятно, не только были римского происхождения, но и обслуживали дворы римских посессоров. Существование таких рабов и таких хозяйств посессоров объясняется тем, что, хотя лангобарды и не производили разделов земель и рабов с римлянами, тем не менее в результате их су-

⁴⁰ L. Sal., LIV, 2 — за убийство сацебарона как должностного лица короля, даже если он происходил из королевских рабов, взимается утроенный штраф в 300 солидов (штраф за убийство или кражу обыкновенного раба равняется 35 солидам).

рового завоевания Италии римские посессоры превратились в покоренное население. Жизнь обученных рабов и рабов — земельных держателей защищена была повышенным штрафом в 50 солидов, в то время как за убийство рабов низших разрядов взымалось от 16 до 25 солидов (подробнее см.: История Италии, т. 1, гл. I). Однако наличие всех этих категорий рабов в хозяйствах римских посессоров не привело к преобладанию рабовладельческого уклада в лангобардском обществе — ни в раннюю эпоху (в VII—VIII вв.), ни позднее. Как показывают многочисленные грамоты IX—XI вв., в Северной и Средней Италии процесс феодализации происходил главным образом путем превращения свободных и полусвободных в либеллярных и исполных держателей; именно они, а не квалифицированные рабы составили основной слой зависимого крестьянства в этой части страны, хотя в его состав вошли и сервы. Иначе складывалась участь рабов у тех германских племен (бургундов и вестготов), которые производили земельные разделы с местным галло-римским или испано-римским населением и у которых синтез античного наследия и общинного строя начался очень рано, тотчас же вслед за их поселением в римских провинциях.

4. Особенности общественного строя и роль рабовладения у бургундов и вестготов

У бургундов и вестготов ко времени их размещения на римской территории в качестве «постояльцев» (госпитов) сохранилась и большая семья из трех поколений, и поземельная община. Бургундские законы, фиксированные по инициативе бургундских королей в течение второй половины V и начала VI в. и объединенные королем Гундобадом (474—516) в начале VI в. в Бургундскую правду [Lex Gundobada — с последующим прибавлением новелл Сигизмунда (517—524) и Годомера (524—534)], в своих наиболее ранних частях — а ретроспективно и в более поздних — еще довольно ярко отражают общинный строй бургундов. Даже во времена Гундобада у бургундов сохранялась большая семья, представлявшая собою кровнородственное объединение переселенцев — фараманнов. Гундобад упоминает, что они «уже давно», т. е. при королях V в. во время поселения в Савойе и в Лионской Галлии, поделили с римлянами поровну леса, расчистки в них и заимки, а теперь отягощают римских посессоров новыми требованиями и захватами. Поэтому Гундобад подтверждает прежнее постановление о разделах поровну лесов, а также усадеб и садов, основанных и разведенных на территории заимок (L Burg., LIV, 1—2; ср.: Die Gesetze der Burgunden, S. 190; ср. S. 181). Эта большая семья в дальнейшем ходе расселения бургундов и их разделов с галло-римлянами постепенно разлагалась, уступая место малой семье.

На первых порах имели место разделы земельных владений и имущества между отцом и сыновьями. Позднее стала практиковаться передача движимого имущества и наследственного земельного владения (hereditas) не только сыновьям, но и дочерям и прочим родственникам по женской и боковой линиям, а затем возникло и его отчуждение (L Burg., LXXV, 1, 2—3; XIV, 1—2; 5; LI, 4—5). Исключение составлял только надел (sorg), полученный бургундским поселенцем на земле галло-римского собственника. Вначале этот участок рассматривал-

ся как надел большой семьи, располагавшей лишь ограниченным правом передачи его по наследству, — прямым мужским потомкам. Иными словами, он представлял собою аллод на ранней стадии его развития. Впоследствии характер *sorts* резко изменился: эти изменения наметились уже в ходе поселения бургундов на римской территории в качестве госпитов, а затем в результате земельных разделов между бургундами и галло-римлянами. В некоторых главах Правды Гундобада, сохранившей и данные о раннем аллоде, *sorts* в начале VI в. выступает как свободно отчуждаемая, индивидуально-семейная собственность, т. е. как полный аллод; он становится объектом завещания, дарения и купли-продажи (не говоря уже о его наследовании по женской линии)⁴¹. Это право отчуждения недвижимости подлежит двум ограничениям: оно разрешается только после раздела отца с сыновьями или тем аллодистам, которые имеют какое-либо владение в другом месте.

Наряду с этим у бургундов сравнительно долго сохранялась территориальная соседская община, во владении которой находились общие леса, пастбища и пустоши. Пахотные участки уже выделялись в качестве индивидуально-семейной собственности, причем их владельцы должны были соблюдать определенные обязанности по отношению друг к другу во всем, что касалось использования как земли, так и рабочего скота. В начале VI в. усиливается охрана индивидуальной собственности на те участки, которые не находились в совладении двух соседей, на их разные составные части — сад, ниву, виноградники, луг, а также на всякое огороженное пространство и все в нем находящееся — дом, рабов и скот. За нарушение владельческих прав домохозяина — ограбление дома и подземного помещения, за кражу скота — налагаются соответствующие кары, подчас очень тяжелые и, по-видимому, восходящие к римскому праву (например, нарушение пограничных знаков карается отсечением руки). В случае погравы пашни, нивы, луга или виноградника охраняются интересы владельца этих земельных угодий, и ему предоставляется даже право присвоения животного, совершившего поправу. Даже кража сошника карается возвращением плуга и двух быков со всем их снаряжением собственнику земельного надела. Очевидно, не только надел, но все орудия его обработки составляли собственность его владельца. Индивидуальной собственностью становились также отдельные участки леса. После раздела лесов и пустошей поровну между римлянами и бургундами (LR Burg., XIII; XVII, 5) они долгое время еще оставались общими владениями для бургундов, но потом начались разделы между самими бургундами (LR Burg., XVII, 5).

В их среде происходит значительная социальная дифференциация. Свободные бургунды делились на три слоя: знатных (*optimates, nobiles*) с вергельдом в 300 солидов; свободных среднего социального положения (*mediocres in populo, mediocres personae ingenuae*) с вергельдом в 200 солидов; свободных низшего разряда (*minores personae, inferiores personae*). Это деление на различные категории, обладавшие разными вергельдами, напоминает аналогичное явление у алеманнов VII в. и у лангобардов VIII в.; оно всегда отражает не только далеко зашедшее имуществен-

⁴¹ L Burg., LI, 1; XLIII, 1, 2, 4; XXIV, XXXIV; земельные дарения бургундов, согласно их обычному праву, отличались от дарений у лангобардов VII в. тем, что получатель тотчас же становился полным собственником переданного ему земельного владения (см.: L Burg., LX, 2); другими словами, это были не только дарения на случай смерти дарителя (как в эдикте Ротари).

ное расслоение, но и возникновение различных социальных статусов среди свободных, т. е. начало процесса классообразования. В отличие от алеманнов и лангобардов, у бургундов этот процесс усиливался соседством с римлянами, которые делились на те же три слоя, что и бургунды, хотя у римлян сохранилось и античное деление на *honestiores* и *humiliores*. Последние, т. е. мелкие римские possessores, иногда жили в одних деревнях с бургундами (LR Burg., XXXVIII, 5, 7). Такие смешанные римско-бургундские деревни возникали в результате земельных разделов с римлянами.

Какой бы гипотезы о характере и последовательности этих разделов ни придерживаться, во всяком случае, можно считать твердо установленными два факта: во-первых, при одном из этих разделов бургунды получили треть рабов⁴³, принадлежащих римским собственникам, и, во-вторых, представители разных социальных слоев бургундов поселились на земельных владениях различных галло-римских собственников. Оба эти факта одинаково важны, так как дают конкретное представление о синтезе античных и варварских отношений у бургундов. По-видимому, на пустующих землях в пределах владений крупных галло-римских помещиков поселялись не только рядовые свободные бургунды, но и представители знати, между тем как рядовые бургунды селились и во владениях мелких местных possessоров — об этом свидетельствует наличие смешанных по этническому составу римско-бургундских деревень, между жителями которых происходили столкновения по разным хозяйственным вопросам⁴⁴. В таких смешанных виллах рядовые бургунды могли поселиться бок о бок с теми местными possessорами, которые принадлежали к мелкопоместным собственникам и имели рабов; треть последних переходила в обладание бургундов. С другой стороны, и у рядовых свободных бургундов еще до их разделов с галло-римлянами могли быть собственные рабы, которых они использовали в качестве подсобной рабочей силы в своем хозяйстве — для пахоты или пастбы скота⁴⁴.

Так или иначе, но получение представителями разных социальных слоев бургундов одной трети местных рабов заметно усиливало процесс социального расслоения в среде свободных бургундов.

Реальное положение рабов (германских и римских) зависело от их профессии и от того, кому они принадлежали. Как и у лангобардов, в Бургундском королевстве были рабы-министры, находившиеся в

⁴³ Некоторые исследователи полагают, что по первому разделу (в середине V в.) при поселении бургундов в Савойе они получили половину пахотных полей, усадеб, садов и пастбищ галло-римских землевладельцев, а по второму разделу (в 80-х годах V в.), проваженному уже в Лионской Галлии, леса, усадьбы и сады по-прежнему делились поровну, но бургунды получили две трети пахотных полей и треть римских рабов (см.: *Грацианский. О разделах земель...*, 1960, с. 306—326. Ср. примечания А. Р. Корсунского к этой статье, с. 326—329). Этой точки зрения придерживался и ряд зарубежных ученых (А. Гальбан, Г. Бруннер, Л. Шмидт). Согласно другой гипотезе, по первому разделу бургунды получили две трети пахотных полей, половину лесов и пустошей и одну треть рабов, а по второму разделу — половину земель римских possessоров без рабов (см.: *Beyerle*, 1936, S. 181).

⁴⁴ LR Burg., XXXVIII, 5, 7; впрочем, в § 5 этой главы среди обитателей подобной виллы фигурируют и бургунды высшей категории (*maiores personae*), тогда как в § 7 названы просто римляне и бургунды, т. е., очевидно, именно рядовые бургунды.

⁴⁴ Эту возможность подтверждают данные Бургундской правды о пошатнем в илен простом свободном бургунде: он имел своих рабов, которые вплоть до его возвращения из плена переходили в пользование его родственников, а потом вновь становились его собственностью (*Gesetze der Burgunden. Const. Extrav., D, tit. XXI, 1*).

составе дворовой челяди (их жизнь оценивалась в 60 солидов), серебряных и золотых дел мастера (их жизнь ценилась в 100—150 солидов, т. е. в размере вергельда свободных низшего разряда); имелись также рабы-плотники, кузнецы, чей вергельд был ниже, и, наконец, пахари или свинопасы (за их убийство взимались лишь 30 солидов). Рабами-министериалами и квалифицированными ремесленниками могли обладать лишь крупные землевладельцы.

В Бургундском королевстве в начале VI в. наряду с крупным королевским землевладением распространено было и частное землевладение вотчинного типа — как у римлян, так и у бургундов. Об этом свидетельствуют упоминания должности управляющих частновладельческими имениями из рабов. Особое положение занимали королевские рабы, управлявшие королевскими имениями: за их убийство взималось 150 солидов (или же убийцу казнили). Они могли выступать свидетелями в суде при заключении сделок — дарений или составлении завещаний наряду со свободными (L Burg., LX, 3). Между тем положение обыкновенных рабов было весьма тяжелым (их проступки карались суровыми телесными наказаниями) и еще более ухудшалось под влиянием галло-римских распоряжений. В Бургундском королевстве существовала работорговля: некоторые бургунды продавали своих рабов за пределы королевства (например, в Алеманнию) и приобретали там новых рабов (Gesetze der Burgunden, Const. Extrav., D, tit. XXI, 1—2).

Возникновение поместного землевладения у бургундов стимулировалось королевскими земельными пожалованиями из владений фиска на условии несения службы королю, причем эти пожалования могли быть наследственными (L Burg., I, 3). Такие королевские пожалования — наиболее раннее свидетельство возникновения бенефиция. Начавшийся синтез римского и бургундского аграрного строя ярко сказывается в начале VI в. не только в этом, но и в наличии имений (вилл), которые передаются в держание свободным съемщикам, обозначаемым римским термином *conductores*. Так путем слияния бургундской родо-племенной и служилой знати, а равно и местных галло-римских землевладельцев происходило формирование господствующего класса⁴³. В то же время низшие слои свободных бургундов подвергались разорению. Это явствует не только из упомянутого выше их деления на три разряда, но и из таких фактов, как свидетельство Бургундской правды о превращении некоторых свободных бургундов в оригинариев (L Burg., XVII, 5; см.: Корсунский, 1963, с. 46), о продаже некоторых свободных в рабство (L Burg., LVI, 2) и о совместных кражах, совершаемых свободными в сообществе с рабами (L Burg., XCI).

Кроме рабов разных разрядов, у бургундов имелось много вольноотпущенников, они фактически были полусвободными, но различались по имущественному положению и по способу своего освобождения.

Приведенные данные показывают, что зависимое крестьянство складывалось в Бургундском королевстве из разорившихся свободных, вольноотпущенников, колонов и испомещенных на землю рабов. Хотя роль последних в формировании зависимого крестьянства была здесь значительно важнее, чем у большинства германских народов именно благодаря наличию римских колонов и рабов, тем не менее нельзя утверждать, что

⁴³ Самые богатые и значительные из них упоминаются в Бургундской правде в качестве «сотрапезников короля» (*convivae regis*). См.: L Burg., XXXVIII, 2.

даже и у бургундов зависимое крестьянство формировалось главным образом за счет наделавшихся землей рабов — ведь в зависимых держателях превращались и многие свободные бургунды.

Гораздо большую роль в возникновении зависимого крестьянства играли рабы у вестготов. Ход этого процесса у вестготов и бургундов представляет собою разные варианты синтеза общинного и позднего рабовладельческого строя. Однако отличие здесь в том, что у вестготов зависимое крестьянство складывалось главным образом из рабов, колоннов и вольноотпущенников, несмотря на наличие у вестготов общинного строя и остатков большой семьи не только в IV в., но и в ранний период их поселения в Аквитании и на Пиренейском полуострове. Следы этих старинных отношений у вестготов обнаруживаются в некоторых данных самого раннего памятника вестготского права — кодекса Эдриха (466—485), дошедшего до нас лишь в отрывках, а также в отдельных главах законов короля Леовигильда (572—586). Оставляя в стороне ход дальнейшей романизации общественного строя вестготов в VII—VIII вв. и роль туземного испано-римского населения в формировании зависимого крестьянства, мы здесь проследим лишь отношения, складывавшиеся в среде самих вестготов в ранний период.

О пережитках большой семьи у вестготов свидетельствует постоянное сопоставление в источниках родственников и соседей; регламентация имущественных взаимоотношений между отцом и сыном (в случае их совместного проживания в одном доме); данные о разделе имущества между братьями, о первоначальном наследовании земельного надела преимущественно мужскими потомками (Cod. Eur., 320) (уже в законах Леовигильда оно сменялось равенством сыновей и дочерей в правах на отцовское наследство) [L Vis., IV, 2, 1 (Antiqua)]. Однако, как явствует из самого этого перечисления признаков наличия большой семьи в конце V в., она уже распадается на малые индивидуальные семьи. На это явление указывает отмена ответственности сородичей за уголовные преступления кого-либо из их родственников, причем в источнике перечислены сыновья, супруги, братья и более дальние родственники виновника, и в этой связи упомянуты также и соседи⁴⁶. Это постановление законов Леовигильда свидетельствует о существовании родственных связей между некоторыми соседями, но в то же время рисует порядок, противоположный коллективной уплате вергельда, зафиксированной главой «О горсти земли» в Салической правде. Более того, оно составляет контраст характеру кровнородственных связей у самих вестготов в IV в.⁴⁷ В отличие от бургундов, нет данных о *zorg* вестготов как наделе именно большой семьи; *zorg* фигурирует лишь в качестве надела готского поселенца.

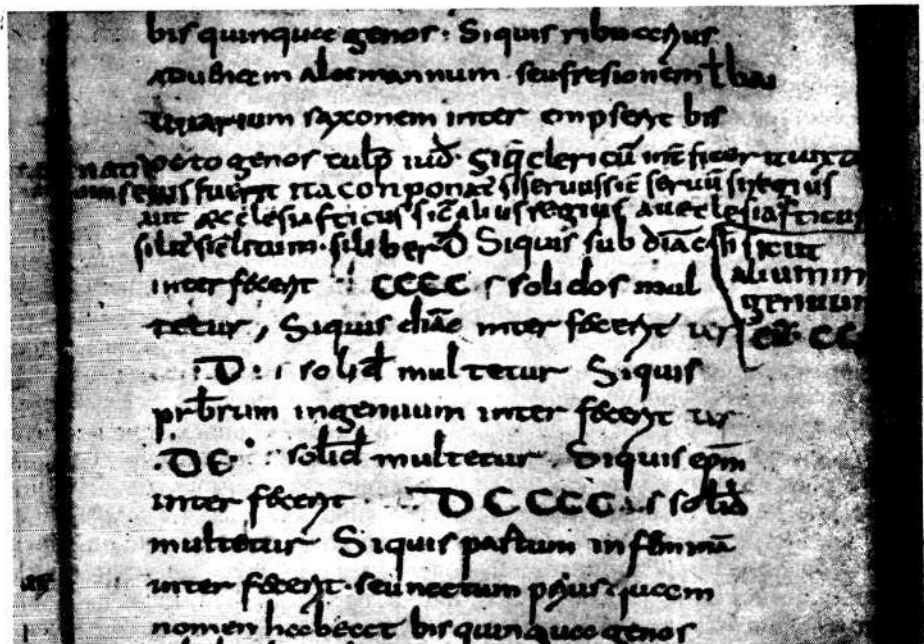
Черты общинного строя на первых порах сохранились у вестготов там, где они селились компактно на территории поместий крупных местных землевладельцев. Эти черты сказались в регулировании совместного пользования неподеленными угодьями и неогороженными пастбищами, в праве проезда через пустоши и поля после уборки урожая (даже

⁴⁶ L Vis., VI, 1, 8 (Antiqua), т. е. постановления до правления короля Леовигильда включительно.

⁴⁷ Об особенностях строя вестготов в IV в. свидетельствуют археологические, лингвистические и другие косвенные данные (в частности, агрография, античные авторы и перевод Библии на готский язык. См.: Корсунский, 1965). О прочности остатков родо-племенного строя и свойственной ему свободы у бургундов и вестготов см. также: Jäkel, 1950.

при наличии границ между ними), в разрешении тем свободным общинникам, которые не имеют собственных угодий, пасти скот в чужих лесах; для общинного строя характерны также распоряжения, направленные против пограв. Указанные признаки вестготской общины восходят еще к IV в., ко времени поселения вестготов в бассейне Днестра, когда, судя по археологическим данным, они селились деревнями, состоявшими из больших и малых индивидуальных семей (см.: Корсунский, 1965).

Там, однако, где вестготы селились вперемежку с местными мелкими собственниками и крестьянами, становясь их совладельцами (*consortes*),

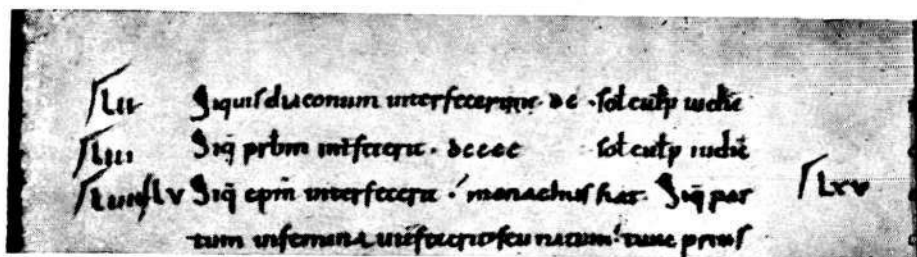

Рипуарская правда. Рукопись А₄, л. 9, стк. 5—20
(*Lex Ribv.*, Tit. 36)

и в результате возникали смешанные готско-римские деревни, эти общинные порядки начали быстро разлагаться, особенно из-за малочисленности вестготов. Уже в конце V в. среди свободных вестготов намечается сильная имущественная и социальная дифференциация: многие готские общинники разоряются, нанимаются в пастухи, а некоторые даже продают своих детей в рабство (*Cod. Eur.*, 278, 299; см.: Корсунский, 1957, с. 33—39; см. также: Корсунский, 1969). Социальной дифференциации в среде рядовых свободных вестготов соответствовало возникновение служилой и должностной знати, появление дружинников (букцелляриев и сайонов) не только короля, но и наиболее влиятельных представителей знати, а также зарождение бенефициальных и вассальных отношений. Начало расслоения вестготского племени на знатных и простых свободных общинников восходит еще к IV в., но тогда оно имело обычный характер деления на родовую знать и рядовых свободных

(по принципу: знатные — свободные — полусвободные), а в V в. усилилось настолько, что способствовало сравнительно быстрому переходу к процессу классовобразования, который и развернулся в V—VI вв. в Тулузском, а затем в Толедском королевстве вестготов. Это было результатом, с одной стороны, выделения королевских дружинников (еще в IV в.), с другой — значительной роли рабовладения: рабами в IV в. владела не только знать, но и рядовые свободные готы, которые в ходе переселения передвигались вместе со своими рабами, а кроме того, захватывали рабов в качестве военной добычи; по свидетельству римского писателя IV в. Аммиана Марцеллина, в рабство иногда продавали и свободных.

Немалую роль в процессе разложения родо-племенного строя сыграли сравнительно оживленные торговые связи вестготов, существовавшие уже в IV в., и развитие у них различных ремесел. Тому же содействовали условия поселения вестготов в Аквитании и Испании: при первоначаль-

Рипуарская правда. Рукопись А7, л. 161, стб. 1, стк. 1—3
(Lex Ripu., Tit. 36)

ном поселении они получали две трети пахотных земель, половину лесов и часть рабов местных жителей.

Кроме того, в ходе дополнительных разделов вестготы (как и бургунды) увеличивали свои земельные владения (см.: Корсунский, 1964).

Последствиями процесса классовобразования у вестготов уже в V в. были следующие явления: купля-продажа земли, наличие свободно отчуждаемой собственности на землю, упрочение аллода, рост товарного обращения, возникновение займов. В V—VI вв. в Вестготском королевстве (в отличие от Франкского) не существовало разных вергельдов для вестготов и местного населения. Вестготские законы V—VI вв. делят все население по совершенно несвойственному другим варварским Правдам признаку — на свободных и рабов. Рабы различались по профессиям и категориям (высшего и низшего разряда), но не по их этнической принадлежности (см.: Корсунский, 1953, с. 13).

Однако в дальнейшем в течение VII в. эти рабы, т. е. сервы, испомещенные на земельные участки, постепенно превращались в обладателей своего собственного хозяйства, включая орудия производства (Корсунский, 1953, с. 21, 28—29).

В VII в. в вестготской Испании происходило весьма интенсивное разорение свободных низшего разряда: они лишались собственности на землю и превращались в держателей уже на более близких к феодальному держанию условиях, чем местные «римские» землевладельцы в Южной Галлии и Испании в V—VI вв. Этот процесс в равной мере за-

1. Возникновение феодально-зависимого крестьянства

тронул и местных мелких землевладельцев, и разоряющихся вестготских свободных. Но ввиду малочисленности последних основную массу зависимого крестьянства составили испано-римские прекаристы, колонны, вольноотпущенники и сервы. Их реальное социально-экономическое положение уже было иным, чем в V—VI вв. (см.: Корсунский, 1957, с. 54—57).

Анализ развития общественного строя бургундов и вестготов в V—VI вв. в сопоставлении с эволюцией социальной структуры других варварских племен показывает, что рабовладение сыграло значительную (хотя не исключительную) роль в формировании зависимого крестьянства именно у этих двух народов. Они пережили наиболее глубокий синтез родо-племенных и общинных отношений с разлагающимся рабовладельческим строем в римских провинциях. У всех остальных племен континентальной Западной Европы зависимое крестьянство складывалось в результате процесса расщепления широкой массы свободных и отчасти полусвободных (литов и либертинов), рабы же играли в этом процессе лишь второстепенную роль.

II. Процесс становления класса феодално-зависимого крестьянства

СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-ЗАВИСИМОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В V—X ВВ.

1. Расселение германских племен

Возникновение феодальных отношений в Италии, Южной Франции и Испании представляет собой особый тип генезиса феодализма. Становление феодализма происходило здесь, как, впрочем, и в некоторых других областях, в гетерогенной социальной и этнической среде, в смешанном римско-варварском обществе. Однако этому процессу в рассматриваемом регионе присущ ряд специфических черт. В странах этого региона в свое время рабовладельческие отношения достигали высшего уровня развития, а рабство и колонат в их позднеримских формах сохранили свое значение и после крушения Западной Римской империи. В образовавшихся здесь варварских королевствах уцелели, хотя и регрессировали, городская жизнь, товарно-денежные отношения. Варвары были малочисленны по сравнению с местным населением и составляли лишь ничтожную часть формирующегося класса крестьянства. Для данного региона характерны также неустойчивость политических образований и демографической структуры общества.

Действительно, на территории Италии в конце V в. сложилось Остготское королевство, которое уже к 555 г. было уничтожено Византией. В 563 г. здесь сложилось Лангобардское королевство, но ряд областей на юге и в центральной части полуострова остался у византийцев. В 70-х годах VIII в. Лангобардское королевство вошло в состав Франкской империи. В IX в. на значительной части территории Южной Италии было восстановлено византийское господство. Южная Галлия в начале V в. перешла под власть вестготов, а в 507 г., после разгрома Тулузского королевства вестготов Хлодвигом, стала частью Франкского государства. В юго-восточной Галлии в 40-х годах V в. возникло Бургундское королевство, сохранявшее свою самостоятельность менее одного столетия. В 30-х годах VI в. оно вошло в состав Франкского королевства.

Большая часть Испании в конце V в. была завоевана вестготами. На северо-западе Пиренейского полуострова еще в начале V в. возникло Свевское королевство, просуществовавшее до 80-х годов VI в., когда его уничтожил вестготский король Леовигильд. Само же Вестготское королевство в начале VIII в. было разгромлено арабами: они заняли почти весь полуостров, за исключением небольших горных областей на севере. Там возникают христианские государства — Астуро-Леонское королевство, Наварра. Северо-восточную часть полуострова завоевывают в конце VIII — начале IX в. франки. Создается Испанская марка, позднее распавшаяся на несколько самостоятельных графств.

Характер завоевания римской территории варварами и их условия поселения на ней в различных странах были неодинаковы. В некоторых случаях варвары обосновывались на землях империи по соглашению с римскими властями и провинциальной знатью. Так, вестготы и бургунды поселились в Галлии первоначально в качестве федератов Западной Римской империи: получая от Римского государства содержание, они взяли на себя обязательство нести ему военную службу. Позднее, однако, вест-

готы захватывали новые владения в Галлии и в Испании силой оружия — в борьбе против вандалов, аланов, свевов и местной галло- и испано-римской знати. Бургунды заняли Лионскую провинцию по соглашению с местной сенаторской знатью. Остготы вступили в Италию на правах федератов Восточной Римской империи. Королевства же свевов и лангобардов возникли в результате прямого завоевания римских и византийских владений.

Характер завоевания оказывал существенное влияние и на способ поселения варваров, и на их взаимоотношения с коренным населением. Там, где пришельцы обосновывались по соглашению с римскими властями, местное население сохраняло полностью гражданские права и подвергалось лишь частичной экспроприации. Здесь осуществлялся раздел земель между римскими землевладельцами и варварами, в результате чего последние расселились вперемежку с местными посессорами.

Доля владений, которая выделялась в упомянутых королевствах германцам, была различной. В Южной Галлии вестготы в начале V в. получили $\frac{2}{3}$ пахотных земель, половину лесов и лугов, а также часть рабов, колонов, инвентаря, скота, хозяйственных и жилых помещений. В Испании до 60-х годов V в. не было массовой вестготской колонизации. Позднее же, поселяясь на Пиренейском полуострове, готы, возможно, отбирали большую часть владений у римских землевладельцев по сравнению с той, которая предусматривалась условиями первоначального раздела (см.: Корсунский, 1969, гл. I).

Бургунды, по-видимому, дважды производили раздел земель с местным населением: первоначально, утверждаясь в Савойе, они получали половину земель галло-римских посессоров, а при короле Гундобаде (ок. 474—516) — $\frac{2}{3}$ пахотных земель, половину лесов и лугов и $\frac{1}{3}$ сервов и колонов. Бургунды, переселявшиеся при короле Сигизмунде (517—524) из областей, занятых остготами, получали половину земельных владений римских посессоров вместе с испомещенными на этих землях сервами (Неусыхин, 1956, с. 313—316; Perrin, 1968, p. 367).

В Италии еще наемники Одоакра (476—493) отобрали у местных посессоров треть их земель. После победы Теодориха над Одоакром остготы присвоили себе эти трети, а иногда, вероятно, привлекали к разделу, в соответствии с этой же нормой, и некоторые владения итальянцев, оставшиеся прежде нетронутыми.

Король мог изменять порядок раздела: некоторые варвары (очевидно, из служилой знати) приобретали больше земли, чем им полагалось по общей норме. Прежние владения императорского фиска обычно переходили в руки королей. Разделу подвергались в первую очередь имущества крупных римских землевладельцев, но нет никаких данных, позволяющих считать, что экспроприация не затрагивала средних и мелких земельных собственников (Неусыхин, 1956, с. 315; Корсунский, 1969, с. 22—24).

Вестготы, бургунды и остготы селились в основном в деревнях и виллах, лангобарды же, видимо, не осуществляли какого-либо регулярного раздела земли с местными посессорами, а просто их экспроприровали. По данным Павла Диакона, часть местных землевладельцев была превращена в трибутариев, обязанных выплачивать треть своих доходов землевладельцам¹. Не вызывает сомнения тот факт, что ланго-

¹ Paul. Diac. N. L., II, 32. О степени надежности этого сообщения существуют различные точки зрения: одни историки признают его достоверным, другие считают не соответствующим действительности. См.: Неусыхин, 1956, с. 230—231.

барды получали имения вместе с находившимися в них сервами и колонами. Во время завоевания значительная часть римлян была истреблена или вынуждена была бежать за пределы захваченной лангобардами территории, но какая-то часть римских землевладельцев, включая магнатов, а также горожан, уцелела, сохранив свободу и имущество (Schiaparelli, 1929, № 18, а. 714; см. Leicht, 1946, р. 27; Fasoli, 1965, р. 48). Лангобарды чаще, чем другие названные выше варвары, селились в городах.

После завоевания франками вестготских, бургундских и остготских владений в Галлии каких-либо существенных изменений в земельных отношениях не произошло. Распространение власти франкских королей на эти территории не сопровождалось столь широкой франкской колонизацией, которая имела место к северу от Луары.

Уровень социально-экономического развития римского и германского населения — важный фактор, определявший характер взаимодействия между тем и другим, — был, как уже отмечалось выше, неодинаков в разных варварских королевствах. Южная Галлия и Испания (за исключением северных районов полуострова) принадлежали к числу наиболее романизованных провинций Империи и по типу социального устройства мало отличались от Италии. Этого нельзя, однако, сказать о варварах-завоевателях. Все они ко времени поселения на римской территории жили в условиях родового строя, находившегося на последнем этапе разложения, но стадии этого процесса у различных племен были разными.

Вестготы и бургунды к началу и остготы к концу V в. переживали его завершающую фазу. Общественное развитие остготов и вестготов было ускорено их контактами с центрами античной цивилизации во II—IV вв. в Причерноморье. Они занимались земледелием и скотоводством, у них развито было ремесло: находки готских металлических изделий свидетельствуют о высоком уровне техники обработки металлов. У вестготов в конце IV в., как видно из письменных памятников, существовала имущественная дифференциация, выделялась родовая знать. В конце IV в. у них сложилась королевская власть. Еще в середине века среди вестготских племен стало распространяться христианство, была изобретена письменность. В течение четырех десятилетий до своего поселения в Аквитании вестготы находились на римской территории, то ведя борьбу против Империи, то состоя у нее на службе в качестве федератов.

Остготы в IV в., по-видимому, мало отличались по уровню своего общественного развития от вестготов. Возможно, скотоводство играло большую роль в их хозяйственной жизни, чем у западных соседей. Ремесленные же изделия остготов трудно отягчить от вестготских. Остготы в течение почти ста лет до своего вторжения в Италию обитали в различных римских провинциях: Мезии, Фракии, Эпире, Паннонии. Освободившись в середине V в. от подчинения гуннам, они управлялись королями, власть которых превратилась в наследственную. Как и у вестготов, у них имелась родовая знать, получил развитие институт дружинников, существовала имущественная дифференциация. Остготы в это время были уже христианами.

Бургунды к концу IV в. оставались, по-видимому, на несколько более низкой ступени общественного развития, чем вестготы и остготы. Когда в 70-х годах IV в. они жили на Майне, у них еще не было прочной королевской власти. Их короли могли быть смещены народным собранием. Бургунды были язычниками: религиозные обряды отправляли

жрецы (Amm. Marcell., XXVIII, 14). Однако и тогда, и затем позднее во время пребывания на Рейне, в качестве федератов, бургунды испытали римское влияние. За одно столетие произошел большой скачок в их общественном развитии. К началу VI в. у них уже была налицо значительная имущественная и социальная дифференциация, происходил переход от земледельческой общины к марке, возникло ремесленное производство, в организации управления исчезли остатки военной демократии. Бургунды принимают христианство.

Примерно в таком же положении, как бургунды в конце IV в., находились лангобарды накануне их вторжения в Италию. В то время,

Колесный плуг. Бронзовый рельеф дверей базилики св. Зенона в Вероне. Конец XI в. Первое изображение колесного плуга.

когда они жили в Нижней Австрии и Южной Моравии, их основным занятием являлось земледелие. После переселения в Паннонию возросло значение скотоводства (Tagliaferri, 1964, p. 285). В лангобардских общинах имелись люди, занимавшиеся изготовлением оружия. У лангобардов были еще сильны кровнородственные связи: характерно, что на завоеванной территории Италии они селились фарами — кровнородственными группами (вероятно, большими семьями). К 60-м годам VI в. у лангобардов еще не было постоянной королевской власти. В ходе завоевания лангобардские племена объединились под властью общего короля-военачаль-

ника, однако, после того как они осели в Италии, единое управление у них исчезло. Власть оказалась в руках многих вождей — герцогов. Таким образом в середине VI в. лангобарды переживали первый этап разложения родового строя.

Характер взаимодействия римского и германского общественного устройства в варварских королевствах во многом зависел от численного соотношения местных жителей и завоевателей. Согласно подсчетам некоторых исследователей, к III в. н. э. население Испании равнялось 9 млн., Галлии — 8 млн., Италии (с Сардинией и Сицилией) — 7 млн. чел. (Урланис, 1941, с. 21—22), численность же варваров-завоевателей оценивается следующим образом: вестготов в Испании — 100 тыс.; остготов — 100 тыс.; бургундов на обоих берегах Рейна — 50 тыс.; савов — 30—35 тыс.; лангобардов — 200—300 тыс. чел. (Schmidt, 1969, S. 168, 293, 453; Fasoli, 1965, p. 48; Reinhart, 1953, p. 105).

Завоеватели составляли лишь ничтожный процент от общей массы жителей страны.

В районах массового поселения варваров возникали деревни со смешанным римско-германским населением, а иногда (особенно в лангобардской Италии) и чисто варварские поселения, но местное население по численности обычно преобладало. В лангобардской Италии численность италийских свободных землевладельцев, очевидно, резко сократилась. Тем не менее, зависимое население оставалось весьма значительным. На части же территорий варварских королевств полностью преобладали прежние поселения (римского периода) и варварского деревенского населения вовсе не было (хотя некоторые виллы могли оказаться в руках представителей королей и служилой знати).

Поселение германцев привело к радикальному преобразованию политического строя, существовавшего ранее на римской территории; прежняя государственность была устранена, и ее место заняли институты варварских королевств. Господство в этих королевствах принадлежало германской служилой знати. Лишь постепенно эти королевства становились подлинными государствами (см.: Корсунский, 1963).

С утверждением варваров в рассматриваемом регионе не произошло каких-либо существенных изменений в агрикультуре. По-прежнему доминировала двухпольная система и применялся римский плуг с железным ломом. Судя по варварским Правдам, германцы через несколько десятилетий после своего поселения в римских провинциях (так же, как и местные земледельцы) занимались виноградарством, садоводством, огородничеством, вносили в почву искусственные удобрения, заботились об искусственном орошении (в засушливых областях). В районах массового поселения варваров повысилось значение скотоводства, особенно свиноводства. Усвоение варварами виноградарства и садоводства (наряду с другими факторами) оказало определенное воздействие на изменение системы землепользования, по крайней мере в дальнейшем пользование садом, а частично и виноградником регулировалось у германцев другими правовыми нормами, нежели пользование пахотной землей.

Расширилась площадь обрабатываемых земель; обычные для периода Империи упоминания о заброшенных землях в источниках теперь не встречаются. В то же время в варварских Правдах говорится о запущенных, осущестляемых как местными земледельцами, так и варварами на ранее не обрабатывавшихся землях. Производились и мелктеративные работы (Лущатто, 1954, с. 158). Это явление, свидетельствующее о подъеме производства, было связано со значительным ослаблением налогового гне-

га и некоторым увеличением численности мелких земельных собственников (а также свободных держателей).

Экономические отношения в варварских королевствах Испании, Италии и Южной Франции складывались в условиях явного преобладания римских элементов хозяйственной структуры над варварскими. Показатель этого — быстрое разложение общинных форм собственности у германской части населения в новых королевствах.

2. Романизация варваров

Существование различных этнических групп в варварских государствах, образовавшихся в результате завоевания германцами стран, находившихся на более высокой ступени общественного развития, неизбежно вело к ассимиляции завоевателей покоренными народами. Особенно интенсивно романизация германцев происходила в Вестготском, Бургундском и Остготском королевствах. Это было обусловлено самым способом расселения германцев среди местного населения и уровнем их общественного развития ко времени вторжения. Римские юридические нормы оказали глубокое влияние на применявшиеся варварами системы права (в частности, право собственности, обязательства и договоры).

В первый период после завоевания германские племена везде сохраняли арианское вероисповедание, что отражало известные противоречия между завоевателями и местным населением. Однако слияние местной и германской знати в единый формирующийся класс феодальных землевладельцев привело и к конфессиональному единству. Экономическое и культурное преобладание римского населения над варварским, большее соответствие римской католической церковной организации новым социальным условиям, складывавшимся по мере развития феодализационного процесса, послужили причинами того, что такое единство осуществилось путем признания местной церкви в качестве государственной. Бургунды приняли католичество уже при короле Сигизмунде, вестготы и свевы во второй половине VI в.

Постепенно стирались различия в гражданских правах. Римляне в VI в. стали привлекать к несению военной службы, а германцев — к уплате налогов. Исчезли запрещения вступать в смешанные браки (L Vis., III, 1, 1; L Burg., XII, 5). Наметилась также тенденция государственной власти к установлению правового единообразия.

Завоеватели усвоили и язык местного населения. Уже ко времени вторжения в названные страны варвары были в известной своей части двуязычными: помимо родного языка, они знали и латынь. В дальнейшем латинский язык сыграл решающую роль в формировании романских языков.

В Италии процесс романизации варваров получил в середине VI в. новый толчок в связи с византийским завоеванием страны, однако вскоре вторжение лангобардов привело к значительному усилению германских элементов. Условия завоевания и поселения лангобардов на полуострове первоначально не были благоприятны для их романизации. Римское население оказалось здесь, как отмечалось выше, в худшем положении, чем в других упомянутых варварских королевствах; местной знати и римским учреждениям был нанесен сильнейший удар. И хотя по уровню своего развития лангобарды были менее подготовлены к восприятию римской материальной и духовной культуры, чем вестготы или остготы, тем не менее ряд обстоятельств способствовал романизации вар-

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

варских племен, участвовавших в завоевании Италии: они утвердились в самом центре римской цивилизации и чаще, чем большинство других варваров-завоевателей, селились в римских городах; рядом с лангобардскими владениями в Италии находились византийские, служившие проводниками римского влияния. Поэтому романизация, происходившая в начале несколько замедленно, в конечном счете осуществилась и здесь.

Первый свод лангобардского права — эдикт Ротари — записан был на латинском языке. Немало его положений обнаруживает заметные следы римского влияния — в наследственном праве, положении внебрачных детей, порядке передачи имущества и др. (Rr, § 153, 156, 157, 171, 237, 227, 228; см.: Halban, 1901, S. 115). Римляне, очевидно, сохранили свое личное право и руководствовались им в частных отношениях (Fasoli, 1965, p. 79).

Важную роль в романизации варваров сыграла католическая церковь, которую не сломили удары, нанесенные ей непосредственно во время вторжения лангобардов. Уже завоеватель Италии Альбоин покровительствовал некоторым католическим церквям (Paul. Diac. H. L., II, 12). При Ротари в каждом диоцезе было два епископа: арианский и католический.

Некоторые лангобардские короли конца VI в. были католиками, а в середине VII в. ортодоксальная религия окончательно восторжествовала. Лангобарды, становившиеся клириками, жили по римскому праву. По этому же праву могли жить лангобардки, вышедшие замуж за римлян, и их дети. Смешанные браки в лангобардской Италии вообще не были запрещены. При Лиутпранде, в первой половине VIII в., римлян начали широко привлекать к несению военной службы. Завоевателям Италии так же мало удалось сохранить свой язык, как и основателям других средиземноморских королевств. Знаменательно, что среди лангобардских слов, вошедших в итальянский язык, не более шести обозначают понятия, относящиеся к сельскому хозяйству (см.: Gamillscheg, 1935, S. 193—194).

В свою очередь, варвары оказывали влияние на различные стороны жизни местного населения даже за пределами районов их массового поселения. Об этом свидетельствует, в частности, распространение некоторых германских обычаев в области семейного и гражданского права: например *Morgengabe* (утренний дар жениха невесте) — в Южной Испании и в Южной Италии, *лаунегильд* (возмещение за дарение) — в Южной Италии, система *вергельдов* в Вестготском, Бургундском, Франкском и Лангобардском королевствах. Известное воздействие на аграрный строй местного населения оказали принесенные варварами порядки деревенской общины. Все эти факты не противоречат общему положению о результатах взаимодействия обеих этнических групп.

Данные, касающиеся романизации и ассимиляции германцев в варварских королевствах Средиземноморья, позволяют сделать вывод о преобладании римских элементов над германскими в процессе их взаимодействия, что, в свою очередь, накладывало отпечаток и на процесс классового образования в рассматриваемых варварских королевствах. Арабское завоевание Пиренейского полуострова и последовавшая затем Реконкиста существенно повлияли на социально-экономическое развитие испанского общества, но в целом процесс формирования зависимого крестьянства происходил здесь и в VIII—X вв. по типу, характерному для изучаемого региона.

3. Формы земельной собственности

Для экономической системы варварских королевств Средиземноморья характерно наличие двух форм земельной собственности. У основной массы местного населения сохранялась римская система частной собственности в нормах постклассического (иначе — вульгарного) права. Последнему были присущи некоторые отклонения от принципов неограниченной и абсолютной частной собственности, нашедших свое выражение в классической римской юриспруденции (в частности, сближение понятий собственности и владения. См. выше, гл. II). Все это касалось, однако, тех лиц, которые владели землей *suo nomine*, и не влияло на положение рабов, колонов, либертинов, являвшихся мелкими земельными держателями. «Вульгарное» право не рассматривало их как *possessores*. Ограничения права собственности затрагивали отдельные категории собственников и определенные формы отчуждения. Курiales, например, не могли продавать свои земли.

По отношению к римскому населению варварских королевств продолжало применяться право давности, защищавшее интересы собственников. Лишь по истечении тридцати лет с того времени, как лицо, обрабатывавшее землю, фактически и владело ею, собственник утрачивал на нее свои права (*Cod. Theod.*, IV, 12; *LR Burg.*, XXXI, 1; *Form. Turon.*). Данная форма собственности, сохранившаяся в римской среде в Южной Франции, Италии и Испании после варварских завоеваний, оказала существенное воздействие на официальное право соответствующих раннефеодальных государств.

Вторая форма собственности, германская, в начальный период истории варварских королевств удерживала еще некоторые черты родовой собственности. Они выражались в ограничении прав женщины наследовать землю, в различении наследственного и приобретенного имущества. Последним мог свободно распоряжаться не только глава семьи, но и сын, еще не отделившийся от отца. Наследственный же надел в первое время либо вовсе нельзя было отчуждать, либо это можно было делать лишь при соблюдении определенных условий. В варварских *Правдах* подчеркивается, что приобретенное имущество — это индивидуальная собственность его владельца, на которую не могут претендовать братья, родители или сыновья (*L Burg.*, XXXIV, 1, 5; *L Vis.*, IV, 2, 16; *Ro*, § 167). Различие между приобретенным имуществом и имуществом наследственным, именуемым аллодом, отражено и в памятниках Южной Галлии франкского периода (*Form. Andec.*, 41; *Form. Arvern.*, 2, 6; *Pard.*, 1, N 186, 363; 2; N 559; *Greg. Turon.*, H. F., VIII, 22; IX, 39). Тесный контакт с римским населением и влияние католической церкви, которая руководствовалась римским правом рано привели к воздействию на германское население римских представлений о собственности. Разумеется, само по себе применение римских терминов *proprietas* и *dominium* к владению землей (*L Burg.*, LIII, 1; LXXIV, 3; *L Vis.*, X, 3, 5) в правовых источниках варварских королевств еще не означает, что здесь утвердилась частная земельная собственность римского типа. Известно, что у германцев право человека, которому земля была подарена при условии не отчуждать или не передавать ее по наследству без согласия дарителя, мало отличалось от обычного права пользования чужим недвижимым имуществом (см.: Hübner, 1908, S. 222). Характерно также, что жалоба свободного бургунда на захват кем-либо его земельного участка обосновывается ссылкой на имевшее место насильственное удаление истца из владения,

по не на его право собственности. Только этот факт и требовалось доказать для того, чтобы выиграть дело (L Burg., LXXIX, 2).

В течение длительного времени в официальном праве варварских королевств сохранялись ограничения права дарения и отчуждения имущества. Так, у вестготов нельзя было завещать посторонним лицам более одной пятой части имущества (L Vis., IV, 5). У лангобардов еще в VII в. можно было в некоторых случаях вернуть себе подаренное ранее имущество (Ro, § 171, 173, 174). Однако эти ограничения не могли все же помешать практике отчуждения варварами земли, в том числе наследственной. Из юридических памятников варварских королевств видно, как официальное право постепенно устраняло те ограничения свободного распоряжения землей, которые характерны для начального периода существования этих королевств.

Так, в источниках заметна тенденция придать продажам и дарениям необратимый характер. У вестготов в VI в. запрещается требовать расторжения сделки о продаже земли под тем предлогом, что заплачена слишком низкая цена (L Vis., V, 4, 7; ср.: Cod. Eur., 294). Согласно закону конца VII в., упрочивалась собственность на подаренное имущество за тем лицом, которому оно должно было принадлежать после смерти традента, сохранявшего на это имущество право пожизненного пользования (см.: Корсунский, 1969, с. 94—95).

У лангобардов еще в начале VII в. срок, в течение которого считалось допустимым расторжение сделки о продаже земли, был ограничен пятью годами (Ro, § 227). По лангобардским законам даритель долгое время сохранял пожизненное право частичного распоряжения уступленной им (подаренной) землей. И в римско-готском, и в лангобардском праве обнаруживается стремление устранить или ограничить германский обычай, по которому дарение считалось действительным лишь тогда, когда получатель предоставлял дарителю известное вознаграждение². «Правда» Гундобада предоставляет всем бургундам право дарить, продавать и завещать имущество как по германскому, так и по римскому обычаю (L Burg., LX, 2). Характерна также тенденция права варварских королевств облегчать возможность раздела земельных владений между сонаследниками, консортами, тенденция, действовавшая, видимо, вопреки инерции германского обычного права. Так, Вестготская правда устанавливает: «...что разделено родственниками или соседями, потомки не смеют нарушать» (L Vis., X). Lex Romana Burgundionum тоже утверждает законность разделов земель консортами: «Не следует препятствовать консортам делить поровну их общее поле, если внутри него не было еще определенно установленных разграничений» (LR Burg., XVII, 4).

У лангобардов эдикт Ротари регулирует порядок раздела общего имущества братьями, если те из них, которые женились, хотят отделиться (Ro, § 167). Вся земля, без различия ее категорий, свидетельствуют источники, становилась объектом купли-продажи и дарений. Бургундская правда упоминает о том, что бургунды расточают свои *sortes*. В еще более широких размерах это происходило в вестготской Испании и в остготской, а позднее и в лангобардской Италии, в южной части Франкского королевства.

² У вестготов в конце VI в. такое возмещение (*vicissitudo*) вовсе отменялось (Fragm. Gaud., XIX). У лангобардов становилась обязательной выплата *launegild* в случаях дарений в пользу церкви (Liu, § 73).

В конечном счете, несмотря на некоторые ограничения, связанные как с позднеримскими, так и с германскими традициями³, в упомянутых варварских королевствах утверждается собственность на землю, близкая к римской частной земельной собственности в ее постклассической форме. Это относится и к южной Франции, где для обозначения наследственного владения употреблялся термин «аллод» (*Form. Andec.*, 1; *Form. Arvern.*, 2, 6), и к готской Испании, где Вестготская правда в одном случае обозначает наделы испано-римлян, как и готские наделы, словом *sortes*⁴. Речь идет, по-видимому, лишь о внешнем заимствовании германских терминов, не отражающих каких-либо существенных изменений в самом понятии собственности (ср.: Серовайский, 1959, с. 18). Юридические и хозяйственные источники показывают, что купля-продажа земли осуществлялась в широких размерах. Если законы вестготского короля Эйриха, перечисляя имущество, которое обычно служит объектом продажи, упоминают рабов, скот и просто «вещи» (*res*), то в редакции, относящейся к VI в., в этот перечень включается земля (*Cod. Eur.*, 294; ср.: *L Vis.*, V, 4, 7). В середине VII в., судя по закону короля Хиндасвинта, многие дарили свои земли церквям, лишая детей наследственных владений (*L Vis.*, IV, 5, 1). В Остготском королевстве, как видно из грамот VI в., продажа земли была обычным явлением (см.: Marini, 1805, p. 114, 115, 118; Tjäder, 1955, p. 12, 13).

Еще шире сделки подобного рода практиковались в рассматриваемом регионе в VIII—X вв.

В грамотах и формулах, относящихся к южной и центральной части Франкского королевства, где широко применялось римское право, отражена практика отчуждения земель различных категорий. Продаются, дарятся и завещаются и целые деревни, и отдельные участки, как из наследственных владений, так и из приобретенного имущества. Отчуждение земельных наделов свободными общинниками практиковалось и в лангобардской Италии в VIII в. (*Schiaparelli*, 1929, № 23, 37, 46, 49, 52, 60, 64, 66, 68, 69, 75, 79, 97). В испанских королевствах VIII—X вв. сохранились некоторые ограничения в праве отчуждения наследственного земельного владения, ограждавшие интересы детей собственника земли. Иногда преимущественное право покупки земли предоставлялось соседям. Однако грамоты и фуэрос IX—XI вв. свидетельствуют, что отчуждение крестьянских земельных наделов происходило в широких размерах (*Fuero de Cuenca*, II, 1; *Becerro Gotico de Cardeña* 28, 61, 101, 104, 138, 145, 150, 154; *Wagau-Dihigo*, 1900; *Sánchez-Albornoz*, 1966; Арский, 1941; ср.: Мильская, 1962).

Таким образом, к концу раннефеодального периода в странах изучаемого региона окончательно сложилась земельная собственность, которая в своих главных чертах мало чем отличалась от частной земельной собственности времен римского постклассического права. Отличия заключались в основном лишь в сохранении некоторых норм варварского обычного права, ограничивавших свободу отчуждения, с одной стороны, и в развитии форм условного землевладения — с другой.

³ Помимо различия приобретенного и наследственного имущества, к этим традициям можно отнести дифференциацию земли на пахотную и непашотную.

⁴ *L Vis.*, X, 2, 1. Обычно участки галло- и испано-римлян именовались *tertiaie*.

4. Вотчина

Существенная особенность формирования класса крестьянства в Италии, Южной Франции и Испании состояла в том, что здесь с самого начала существовало крупное землевладение, унаследованное от Римской империи. Поместье магната сразу после возникновения варварских королевств не претерпело каких-либо преобразований в своем характере. Римские поссессоры, лишились ли они части своих владений или вовсе избежали экспроприации, продолжали вести хозяйство прежним способом. Короли и служилая знать варваров, арианская церковь также не осуществляли сколько-нибудь значительных изменений в хозяйственном строе доставшихся им римских имений. Они обрабатывались, как и ранее, трудом сервов и колонов. Наиболее основательные перемены в отношениях собственности произошли, как отмечалось выше, в лангобардской Италии. Большая часть римских имений перешла там к завоевателям. Однако структура этих имений и порядок хозяйствования в них оставались в основных своих чертах прежними (Неусыхин, 1956, с. 231—282; Tagliaferrì, 1964, p. 286; Fasoli, 1965, p. 128).

Как и в позднеримский период, различались вотчины двух основных типов: имения, делившиеся на домены и держания мелких землевладельцев; виллы, состоявшие только из мелких держаний. К первому типу относится часть итальянских имений, о которых идет речь в Равеннских папирусах (VI—VII вв.) (Jones, 1964, p. 805—806), церковные владения лангобардской Италии (VIII—IX вв.). Такие имения встречались в Бургундском королевстве в VI—VII вв. (L Burg., XXXVIII, 8) и позднее — в Северо-Восточной Бургундии (Déléage, 1941, p. 695), в готской Испании (Verlinden, 1949).

Второй тип крупных имений был особенно широко распространен в Италии и Южной Франции. В Провансе вплоть до VIII в. виллы с доменом являлись исключением (Kiener, 1900).

Там, где был домен, он обрабатывался главным образом с помощью сервов, которые не были наделены землей. В некоторых областях Италии, в имениях Равеннской церкви в VI в., в отдельных монастырях Северной и Средней Италии в VIII—IX вв. в обработке домена участвовали также колоны и другие зависимые земледельцы, выполнявшие барщинные повинности (Ковалевский, 1898, с. 282; Удальцова, 1961). Использовался и труд наемных работников (*oregarii, mercennarii*).

По-видимому, вплоть до VIII в. в рассматриваемых странах шире был распространен второй тип вотчины. Имения, полностью или в основном состоявшие из держаний свободных и зависимых земледельцев, характерны для папского патримония в VI в. в Италии и Провансе (Mommesen, 1907, S. 190—191; Kiener, 1900, S. 34), для Оверни и Юго-Восточной Бургундии (Déléage, 1941, p. 695). Здесь отсутствовала дифференциация наделов, связанная с социальным статусом их держателей, как это наблюдалось в Северной Франции. Надел обрабатывался нередко не одной малой семьей, а группой лиц, составлявших своеобразную домовую общину. В ее состав могли входить представители трех поколений зависимых крестьян, в том числе и сервов. В Италии в VI в. такие домовые общины держателей обрабатывали земли папского патримония (Виноградов, 1880, с. 179). Домовые общины имелись в Лангобардском королевстве и в Южной Италии в VIII—IX вв. (Ковалевский, 1898, с. 246, 290; Luzzatto, 1966, p. 60—62). В Галисии в VIII в. работы на запустевших землях тоже осуществлялись группами родственников из

числа свободных, сервов и либертинов (Floriano, 1949, № 4). Во главе виллы стоял управляющий — велик или актер. Иногда вилла передавалась целиком в аренду съемщикам. Ими могли быть и свободные люди, и колонны, и сервы. Такого рода аренда применялась в VI в. на землях папского патримония в Италии, в Бургундском и Вестготском королевствах (Greg. I. Epist., I, 42; Cassiod. Variar., V, 39; P. S., II, 19, 2; L. Burg., XXXVIII, 10).

Характер и размеры повинностей зависимых земледельцев определялись, как и в Римской империи, обычаем (см.: *Form. Vis.*, 36; Troya, t. IV, N 810, a. 764). Повинности держателей заключались в выплате главным образом натурой: зачастую оброк представлял собой определенную часть урожая. В Равенне в VI в., например, колонны и либеллярии выплачивали $\frac{1}{3}$ оливок и вина, $\frac{1}{7}$ часть зерна (Ковалевский, 1898, с. 244). В готской Испании в начале VII в. прекаристы и колонны выплачивали десятину с зерна, плодов и скота (*Form. Vis.*, 36). В Провансе же в VIII в. оброк вносился в основном не продуктами земледелия, а мелким скотом, домашней птицей, яйцами (Kiener, 1900, S. 31—32). Иногда держатели уплачивали денежные взносы (в Провансе такой денежный взнос именовался *tributum*) (Kiener, 1900, S. 41). Денежная рента выплачивалась и во владениях Равеннской церкви, и в папских владениях в Италии в конце VI в. (Jones, 1964, p. 769, 771—773). Применение денежной ренты вполне согласуется с тем, что в VI—VIII вв. в изучаемом регионе в известных размерах сохранялись товарно-денежные отношения.

Барщина на большей части территории Италии, Испании и Южной Франции не играла тогда значительной роли. В Западной Франции, Оверни, Провансе, Южной Италии следы барщины не встречаются. Если здесь земледельцы несут какие-либо службы, то это — транспортные повинности (Овернь). Впрочем, в некоторых имениях Равеннской церкви в VI в. держатели несли барщину 1—3 дня в неделю. Этой же повинностью были отягощены и зависимые земледельцы различных категорий в церковных имениях лангобардской Италии в VIII—IX вв. Отсутствуют данные об отработках в готской Испании.

Основные изменения в структуре и характере вотчины, происходившие в изучаемых странах на протяжении VI—VIII вв., сводились в основном к тому, что господская часть вотчины сокращается или вовсе исчезает. Так, в Южной Франции к IX в. почти все вотчинные земли раздаются во владение мелким держателям (Fournier, 1969, p. 306—372; 326; Déléage, 1941; Kiener, 1900, p. 98—99).

Невелик был домен в Астурии в VIII—IX вв. и в Южной Италии (Verlinden, 1949, p. 193—194; Абрамсон, 1961, с. 142—143). В Северной и Средней Италии в VIII—IX вв. ведущая роль в хозяйстве вотчины принадлежала держаниям свободных и зависимых держателей, а не домену. В то же время там, где он сохранился, снижалось значение труда сервов (не исполненных на землю) в его эксплуатации¹.

В вотчине имелись различные категории земледельцев, причем их состав и роль в вотчинном хозяйстве претерпевали изменения на протяжении истории варварских королевств. Первоначально основной категори-

¹ В IX в. в монастыре Фарфа на 93 серва-пребендаря, чей труд применялся в домене, приходилось 1400 мелких держателей, а во владениях монастыря св. Юлии в Брешиа соответственно 741 и 4000 (Cambridge Economic History of Europe, 1966, V, 1, p. 240; ср.: Fournier, 1962, p. 306).

ей были сервы (среди которых, в свою очередь, большое место занимали рабы — пребендарии), а также колонны. Наряду с ними существенную долю составляли свободные мелкие сьёмщики земли, не являвшиеся тяглыми крестьянами, — прекарсты и наследственные мелкие арендаторы (в Испании и Южной Франции), либеллярии (в Италии). Относительно велика была роль полусвободных — альдиев в лангобардской Италии.

К концу раннефеодального периода состав земледельческого населения вотчины изменяется. Сокращается численность рабов — пребендариев, используемых только для обработки домена. Сужается разрыв между социальным статусом свободных и несвободных держателей. В тех вотчинах, где сохраняется домен, на свободных земледельцев (либелляриев, свободных поселенцев) распространяются отработочные повинности. Свободные сьёмщики попадают в различного рода личную зависимость от вотчинников.

О численном соотношении тех или иных категорий держателей данные отсутствуют. Не вызывает, однако, сомнений весьма значительная роль сервов и колоннов в хозяйственной жизни вотчины. Осуществляя получение ренты с непосредственных производителей, вотчина являлась в то же время производственным организмом. Вотчинник оказывал известное воздействие на производственный процесс и на хозяйство мелких держателей. Часто в качестве одного из условий сохранения держания некоторым мелким держателям предписывалось хорошо обрабатывать свой надел (Conc. Tolet., IV, с. 5; VI, с. 4). Нуждающимся крестьянам предоставляются ссуды (в денежной форме или продуктах) (см.: Greg. I. Epist., XIII, 37; Leicht, 1948, Documenti, IV). Варварские Правды и капитулярии регулируют порядок предоставления ссуд и взимания процентов с должников. Иногда держатели получали от вотчинников рабочий скот, инвентарь и семена. Постановления церковных соборов Галлии и Испании предписывают контролировать, сколько имущества и денег предоставлено либертинам (держателям во владениях церкви), — все, что превышало нормы, установленные обычаем, полагалось вернуть церкви (Conc. Agath., с. 7; Conc. Tolet., X, aliud decretum). Если учесть еще, что вотчинник (особенно крупный светский магнат или сильная церковная корпорация) мог обеспечить своим держателям определенную личную безопасность, то станет очевидным значение, которое для непосредственного производителя приобретала тогда принадлежность к вотчине. Несмотря на эксплуатацию, которую влекло за собой включение в эту феодальную организацию, его хозяйственная устойчивость повышалась по сравнению с положением мелкого аллодиста.

5. Мелкие земельные собственники

На территории Южной Франции, Италии и Испании после поселения варваров сложились два слоя свободных крестьян: местные земельные собственники и общинники-германцы⁶. Местные мелкие земледельцы (plebei, plebes, rustici) жили в деревнях. Они свободно распоряжаются

⁶ Впрочем, вопрос о сохранении собственников римского происхождения в лангобардской Италии вызывает разногласия: некоторые исследователи полагают, что не только римские колонны, но и свободные римские земледельцы-собственники (possessores) были с приходом лангобардов превращены в альдиев (т. е. полусвободных). См.: Hartmann, 1910, S. 44; Beyerle, 1947, S. 474. Напротив, Ф. Шнейдер считал, что римские possessores сохранили после лангобардского завоевания имущество и свободу (Schneider, 1914, S. 163). Данная точка зрения была поддержана рядом других исследователей. См.: Njeussichin, 1961, S. 348—349; Fasoli, 1965, p. 75—77. С предполо-

своим имуществом (рабочим скотом, сервами, землей); впадая в нужду, продают своих детей и самих себя в рабство или коммендируются крупным землевладельцам. Эти крестьяне, согласно нормам позднеимского права, сохранившим свое действие и в варварских королевствах, принадлежали к инашему слою свободных. За одни и те же правонарушения их подвергали более тяжелым и унижительным наказаниям, чем представителей высшего слоя. Там, где существовала дифференциация в вергельдах, родственники убитого свободного крестьянина должны были удовлетвориться минимальной суммой возмещения. (L Burg., II, 2; XXVI, 1-3; ср.: L Sal., XLI, 6). Положение этих свободных крестьян отличалось неустойчивостью. Им нелегко было сохранить собственность на землю и независимость. Налоговое бремя теперь стало менее тяжким, чем в римские времена, но все же нередко оказывалось непосильным для мелких хозяев. Основную роль в налоговом обложении по-прежнему играл поземельный налог, взимавшийся деньгами или продуктами. Кроме того, местное население несло различные государственные повинности (строительство дорог и укреплений, извоз, постой должностных лиц короля и пр.).

Порядок взимания налога оставался в общем прежним: налог выплачивался в соответствии с размерами имущества земельного собственника. Но ввиду прекращения регулярных переписей поссессоры, владения которых дробились и мельчали вследствие разделов между наследниками или отчуждения части владений, долгие годы вынуждены были платить по-прежнему (Greg. Tur. H. F., X, 7). Взимание налогов нередко сопровождалось злоупотреблениями королевских и городских должностных лиц. Мелкие собственники разорялись. В источниках встречаются упоминания о том, что свободные люди, впадая в долги, отдают кредиторам в качестве залога свой рабочий скот; продают своих детей и самих себя в рабство. (Cod. Theod., III, 3, 1; Nov. Valent., IX, 1; Fragm. Gaud., XVII; Cassiod. Variae, VIII, 33, 3; Ed. Theod., 82, 94; Form. Andec., 2; Form. Arvern., 5; Greg. Tur. H. F., VII, 45).

Если в первое время после образования варварских королевств местное население не несло военной службы, то позднее на него тоже распространяется воинская повинность и за уклонение от нее взимаются штрафы или назначаются другие наказания. Неспособность мелких поссессоров выплатить налоги и долги подчас влекла за собой утрату ими земельных владений и прочего имущества, уход из деревень (Cod. Theod., X, 9, 1; XI, 4, 1; Cassiod. Variae, V, 39, 12; Greg. Tur. H. F., V, 28).

Неустойчивость положения мелких собственников усиливалась в связи с давлением на них со стороны светских магнатов и церкви, которые путем таяб или прямого насилия захватывали их имущество и земли, пользуясь, в частности, их первоначально приниженным по сравнению с варварами статусом. Необходимость отдавать варварскому конsortу от одной до двух третей пахотной земли сама по себе могла оказаться роковой для мелких собственников. Но они нередко подвергались нападениям тех варваров, которые, не довольствуясь результатами «законного» раздела владений римлян, самовольно захватывали их остальные земли и имущество. Местные крестьяне, для того чтобы избежать насилий со стороны магнатов, искали покровительства варваров, что способствовало распространению института коммендации.

женем, будто все уделенные римляне стали альдионами, не согласуется тот факт, что законы Лутипранда признают особое право, по которому живут римляне.

В особенно тяжелом положении оказались мелкие собственники-италийцы в Лангобардском королевстве, где часть их, в районах массового поселения варваров, была полностью экспроприрована, а другая из-за небеспеченности правового положения быстрее, чем в прочих варварских королевствах, пошла в зависимое состояние (Fasoli, 1960, p. 116).

Таким образом, процесс постепенного разорения римских свободных крестьян, интенсивно развертывавшийся в империи, продолжался и в варварских королевствах, хотя в замедленном темпе. Особым слоем свободного земледельческого населения в Южной Галлии, Италии и Испании были рядовые германцы. В исторической литературе высказывалось мнение, что завоеватели-германцы сами не занимались производительным трудом, а вели хозяйство, используя труд рабов и полусвободных земельных держателей. (Schneider, 1914, S. 165—167; Пискорский, 1909, с. 12; Pevite-Orton, 1952, p. 142; ср.: Schmidt, 1969, S. 507). Источники этого не подтверждают. Основные носители юридических норм варварских Правд — именно рядовые земледельцы, которые сами выполняют всевозможные сельскохозяйственные работы и совместно, как это свойственно сельчанам-соседям, решают вопросы деревенской жизни.

В ранний период существования варварских королевств рядовой германский свободный — это владелец земельного надела, полученного при поселении на новой территории, глава большой семьи. Помимо членов этой семьи, в хозяйстве использовались (в качестве вспомогательной силы) рабы, колонны, приселенцы и полусвободные, германские земледельцы селились часто рядом с римскими и, следовательно, становились в ряде случаев членами одной и той же деревенской общины. Они отличались от местных земледельцев (во всяком случае, первоначально) по своему социальному и юридическому статусу. Германцы были полноправными свободными людьми, служили в войске и имели право на получение определенной доли военной добычи, не платили поземельного налога (по крайней мере, в первое время после поселения). Их жизнь ограждалась вергельдом (о вергельдах для римлян см. выше).

Принадлежность к господствующей этнической общности обеспечивала всем завоевателям некоторые преимущества в общественной жизни. В источниках именно варвар (причем не обязательно знатный), а не римлянин чаще всего выступает как захватчик чужого имущества, насильник, но также и как человек, способный оказать покровительство. Однако уже в самый ранний период существования варварских королевств заметна дифференциация среди свободных германцев: появляется слой малоимущих земледельцев; экономическое положение в конечном счете выступает на первый план, а этнические различия постепенно утрачивают свое значение. Имущественное расслоение, возникшее намного раньше, приводит к разорению части свободных общинников. В источниках упоминаются свободные, которые не в состоянии более вести самостоятельно хозяйство на своих наделах и вынуждены либо прибегать к посторонней помощи, либо изыскивать дополнительные источники доходов, прибегая к побочным заработкам. Так же, как и римские мелкие собственники, германские общинники нередко становятся теперь несостоятельными должниками; кредиторы отбирают у них скот, рабов, движимое имущество, а иногда и землю в залог (L Vis., V, 6, 3; L Burg., XIX, 1—3; Cassiod. Variae, IV, 10; Ro, § 246, 249, 250, 252). Некоторым из этих крестьян не хватает лесных угодий, откуда они получают дрова и строительные материалы, где пасут скот. Иногда они испытывают нужду в рабочем скоте и вынуждены одалживать его за

плату у своих более состоятельных соседей. Из обедневших общинников исполняется слой наемных работников.

К этому же разряду свободных принадлежат упоминаемые в источниках лица, крадущие снопы на чужих полях или дрова в лесах своих соседей, участвующие в кражах совместно с рабами (L Burg., LXII, LXX, XCI; Ro, § 283; L Vis., VII, 2, 14). Крайние средства, к которым прибегают такие обедневшие свободные общинники, — продажа земельных наделов (L Burg., LXXXIV; L Vis., V, 4, 7; Ro, § 173; Magini, 117; 118), коммодация крупному землевладельцу, получение прекария или полное закабаление. Характерно, что в варварских королевствах сформировался слой бедняков, постоянно пользовавшихся благотворительностью церкви и городских общин (Conc. Turon., a. 567, c. 5; Greg. Tur. H. F., V, 26; VII, 29; Paul Emerit. De vita patr. Emer., c. IX).

Параллельно имущественному расслоению возникает и юридическая градация среди варварской части населения. Складывается низший разряд свободных: их статус характеризуется обычно особыми, более низкими, нормами вергельдов и штрафов, чем у прочих германцев¹. Судебники применяют по отношению к ним, в соответствии с нормами римского права, иную шкалу кар за правонарушения. «Низших» подвергают иногда телесным наказаниям (как и сервов) (L Burg., LXIII; L Vis., VII, 5, 1; VIII, 3, 6; 4, 25; 4, 29; IX, 3, 3). Юридическая дифференциация находит отражение и в умалении гражданской правоспособности «низших»: их свидетельские показания не равноценны показаниям тех, кто принадлежит к высшему слою свободных (L Vis., V, 7, 8; X, 3, 5).

По мере роста имущественной и социальной дифференциации среди свободных варваров и стирания граней между пришлым и коренным населением мелкие земледельцы римского и германского происхождения нивелировались по своему положению, сливаясь в один слой «низших» свободных. В последний период существования варварских королевств специфика социального статуса этого слоя находит наиболее яркое выражение в том, что значительная часть обедневших свободных оказывается не в состоянии нести военную службу. В Испании VII в., по заявлению короля Эрвигия, почти половина населения именно за уклонение от участия в походах была лишена права давать свидетельские показания (L Vis., IX, 2, 8; 2, 9; Conc. Tolet., XII). В Италии VIII в. часть «низших» свободных, не имевших уже собственной земли, оставалась во время войны дома и несла барщину в пользу королевских должностных лиц (Liu, § 83; ср.: Aist., § 1). О том, что в аналогичном положении был низший слой свободных во Франкском королевстве, свидетельствуют капитулярии Карла Великого о призыве в войско.

Свободные мелкие собственники теряли в Италии, Южной Галлии и Испании свои земельные наделы под действием тех же факторов, которые вели их к разорению и превращению в зависимых земледельцев во всех странах в средние века, в первую очередь вследствие экономической неустойчивости мелкого индивидуального хозяйства с его примитивными орудиями производства и низкой производительностью труда. С разложением земледельческой общины мелкое хозяйство, основанное на аллодиальной или повднеримской земельной собственности, оказалось противопоставленным формирующейся феодальной вотчине, кото-

¹ L Burg., II, 2; XXVI, 3; Ro, § 75; Liu, § 62. У вестготов не было дифференциации в вергельдах среди свободных.

рая была экономически более жизнеспособным и прогрессивным институтом и обладала всем необходимым, чтобы стать победительницей.

Разорению крестьян способствовали общие условия жизни в эпоху раннего средневековья (хронические войны и вторжения неприятелей, голодовки, эпидемии). Крестьяне неспособны были противостоять прямому насилию крупных светских и церковных землевладельцев и королевских должностных лиц. Церковь имела возможность использовать также свою власть над сознанием масс верующих. Это идеологическое воздействие было настолько мощным, что церкви удавалось побуждать земледельцев (и не только мелких) жертвовать своими материальными интересами и будущим своего потомства ради «богоугодных» деяний. То обстоятельство, что в изучаемом регионе в большей мере, чем где-либо в Европе (за исключением Византии), сохранились города и товарно-денежные отношения, ускорило здесь разорение мелких крестьянских хозяйств, вовлекавшихся в торговлю.

Процесс разорения мелких собственников протекал, однако, медленно. Консерватизм всей общественной жизни в рассматриваемую эпоху, местами значительная изолированность населения, особенно в труднодоступных в силу природных условий районах, благоприятствовали спорадическому сохранению свободных мелких собственников. В некоторых случаях этот слой вновь пополнялся за счет тех сервов, которые получили свободу и земельные наделы, но не попали сразу же в тесную зависимость от своих прежних господ.

Важное значение для образования слоя новых мелких земельных собственников имела внутренняя колонизация. Уже в ранний период существования варварских королевств состав свободного деревенского населения пополнялся за счет приселенцев: крестьянин принимал к себе на свой участок, свободного человека (на условии совладения), по какому-либо причинам оставшегося без родового земельного надела. Приселенец приобретал длительное право пользования, а со временем (по Бургундской правде — через 15 лет, если прожил без протеста с чьей-либо стороны) и право собственности на обрабатываемый им участок⁶.

Позднее, особенно с VIII в., широкое распространение во всех изучаемых странах получил институт *ad medium plantum* (*media plantaria*). В Оверни, например, в каролингский период держатель получал землю, обычно пустующую, на пять лет. Он культивировал этот участок, не неся никаких повинностей собственнику, а по истечении указанного срока делил с ним землю пополам, приобретая вместе с тем право собственности на свою долю. Прежний хозяин земли сохранял лишь право преимущественной покупки этого надела (Fournier, 1962, p. 293—300). Аналогичная форма сдачи земли применялась в Южной Италии, Бургундии, а также в Каталонии⁷. По мнению испанских исследователей, в результате колонизации в VIII—IX вв. в горах Кантабрии и Леона, в долине Дуэро вырос слой мелких земельных собственников (Sánchez-Albornoz, 1966).

Наличие такого слоя в VIII—X вв. засвидетельствовано также в Центральной и Южной Италии, в Провансе, Бургундии, Септимании и Каталонии (Абрамсон, 1953, с. 170, 280; Грацианский, 1935, *passim*; Délibage, 1941, p. 240; Арский, 1941, с. 10—15). Характерно, что в капитуляриях

⁶ L. Burg., XXIX, 1; см.: Нусылин, 1956, с. 298—301. Возможно, таким же приселенцем был и *ассола*, упоминаемый в Вестготской правде. L. Vis., X, 1, 15.

⁷ См.: Абрамсон, 1953, с. 176; Грацианский, 1935, с. 62—63. В Каталонии участок делился между земледельцами и собственником на 7-й год. См.: Felis Monfort, 1972, p. 26.

Карла Великого, применявшихся во всем Франкском королевстве, говорится о мелких свободных аллодистах (Сар., II, № 265; № 281, с. 10), хотя неизвестно, какую часть общей массы сельскохозяйственного населения составлял этот слой и какой частью общей земельной площади он располагал¹⁰.

6. Деревенская община

О деревенском устройстве в изучаемом регионе имеются лишь скудные сведения. Во Франкском государстве деревня играла определенную роль в фискальной системе, могла являться центром церковного прихода (Form. Arvern., 6; Form. Tiron., App. 4; Form. Bituric., 5; см.: Fournier, 1962, p. 193—194), в готской Испании и в лангобардской Италии — местом пребывания судьи (L. Vis., VI, 2, 4; VIII, 5, 6; Ro, § 344). Население деревни — это свободные и зависимые крестьяне, а также сервы.

Жители деревни связаны известными хозяйственными интересами: в памятниках эпохи они выступают как соседи. Их хозяйственные связи отнюдь не всегда представляли собой общинное землевладение. Община, члены которой коллективно владеют угодьями, подчиняются единому порядку землепользования, регулярно собираются на собрания, где обсуждаются важнейшие вопросы деревенской жизни, а иногда осуществляется и суд, была чужда основной массе римских землевладельцев. Они сохранили в основном деревенские порядки имперского периода. Группы соседей могли пользоваться сообща водами и дорогами в соответствии с нормами римского права о сервитутах (LR Vis., 2,1; P. S., I, 17, 1—2; V, 7,7). Возможно, сохранилось и коллективное владение группами землевладельцев угодьями, подобное римскому *ager communis*. Соседи выступали свидетелями при заключении некоторых имущественных сделок, оценивали судебные издержки и стоимость спорного имущества (Cod. Theod., III, 1, 2; Ed. Theod., 74). В общем это была деревня, основанная на римских принципах частной собственности на землю и индивидуального хозяйствования.

В варварских Пrawdax отражены, однако, и некоторые черты германской общины. Наиболее благоприятные условия для установления общинных порядков сложились на территории Италии, занятой лангобардами и их союзниками. Известно, что они расселились по кровнородственным союзам (фарам), селами (Paul. Diac. H. L., II, 26; Marius Avent., a. 568; см.: Неусыкин, 1956, с. 228). Однако община сельскохозяйственного типа у лангобардов уже в VII в. превратилась в марку.

Иначе обстояло дело у вестготов и бургундов в Южной и Юго-Восточной Галлии, а также в Испании, где варвары селились вперемежку с местными земледельцами. Однако и здесь обнаруживаются отдельные черты германского общинного устройства. К ним относятся: право жителей деревни пасти скот по полям и пустошам и проезжать через них, обычай (зафиксированный лишь в наиболее ранних законах) пользоваться любым лесом для получения дров, пастьбы в нем свиней (за уплату десятины) и для захвата пчел. О том, что поля и, во всяком случае, пустоши и леса, принадлежавшие одному земледельцу, были открыты на определенных условиях для проезда и прохода соседей, свидетельствует требование обычного права, чтобы ставящий охотничьи ловушки на своей

¹⁰ Вывод Н. П. Грацианского о господстве в бургундской деревне X—XII вв. малой земельной собственности и наличии там большой прослойки свободного крестьянства оспаривается Я. Д. Серовайским. См.: Серовайский, 1966, с. 297.

земле предупреждал об этом соседей (L Vis., VIII, 4, 23; L Burg., XLVI, 1). Обычно скот соседей пасется совместно.

Германского происхождения было чуждое римскому праву разграничение пахотных и прочих земель в Вестготской и Бургундской правдах (Levy, 1951, p. 85), а также в лангобардских законах (Ro, § 355, 356; ср.: Ro, § 281—284). Варварские Правды и некоторые другие юридические памятники VII—VIII вв. упоминают собрания жителей деревень. Круг вопросов, рассматривавшихся здесь, не намного шире тех, которые обсуждали соседи в деревнях римского типа. Соседи определяли ущерб, нанесенный сельчанину в результате потравы, пожара или иного стихийного бедствия (L Vis., VIII, 3, 13, 15; Ro, § 146; 343; Form. Andec., 31), восстанавливали нарушенные межевые знаки между их владениями (L Vis., X, 3, 2); на собраниях объявлялось о приблудившемся скоте или о появлении животного, опасного для жизни сельчан (L Burg., XLIX, 3; L Vis., VIII, 4, 14; 4, 17; 5, 4). Жители деревни присутствовали на судебных заседаниях и были свидетелями публичных наказаний плетью (L Vis., III, 4, 17; VI, 2, 4; VII, 2, 6; Form. Andec., 32, 33).

В некоторых случаях совместное владение соседей угодьями было связано с разделом земель между варварами и римлянами, ставшими, согласно терминологии Правд, консортами (L Burg., XIII; XXXI; L Vis., X, 1,8; 9; ср.: Cassiod. Variarum, VII, 3, 1). Однако это совместное владение не обязательно представляло собой германскую альменду, а могло примыкать и к римской традиции общего пастбища. В лангобардской Италии можно в отдельных случаях, как утверждает итальянский ученый А. Каванна, констатировать переплетение хозяйственных порядков позднеримской деревни и лангобардского поселения. Так, в одной из деревень в области Vigevano после прихода лангобардов рядом с общими угодьями римской деревни находились пастбища лангобардов (Cavanna, 1967, p. 132, 135—138, 159—164). Итальянская грамота от 730 г. сообщает о продаже двумя братьями надела из общинной земли, которым они владели, подобно другим соседям (Schiapparelli, 1929, № 49; см.: Невусышин, 1961, S. 395—396).

На тех территориях, где германцы селились попеременно с местными земледельцами и оказывались в сфере влияния римского производства и римских отношений собственности, быстро прогрессировало индивидуальное землепользование. Устойчивости германской марки с ее общинной чересполосицей и системой открытых полей препятствовал и сам характер сельского хозяйства в Южной и Юго-Восточной Галлии, Италии и Испании (значительная роль виноградарства, расположение пахотных участков попеременно с виноградниками), и условия его ведения в V—VI вв. (разделы земель, иногда неоднократные, между варварами и местными земледельцами). Сад, даже если он находился на определенном отдалении от деревни, и виноградник, согласно германскому обычному праву, не подпадали под действие права, регулировавшего пользование пахотной землей, их эксплуатация регулировалась особым правом (см.: Vager, 1957, 39—40).

Аграрные порядки германской общины не закрепились надолго ни на территории Галлии, занятой вестготами и бургундами и позднее вошедшей в состав Франкского королевства, ни в вестготской Испании и остготской Италии (см.: Невусышин, 1956, с. 305—306; Корсунский, 1969, с. 46—49). Вероятно, несколько более устойчивыми эти порядки оказались в Лангобардском королевстве. В Северной Италии в IX в. отмечаются общинное владение пастбищами, лугами и лесами. Здесь существо-

вали крестьянские объединения, которые владели такими угодьями, хотя право собственности на них могло сохраняться за светскими и духовными феодалами (см.: Виноградов, 1880, с. 186—187, 213; Ковалевский, 1898, с. 228, 271, 334; Котельникова, 1980, с. 223—229). Однако сведения о характере этих общин отсутствуют.

Следует иметь в виду, что на протяжении всего раннего средневековья общине угодья имелись у сельского населения (свободного и зависимого) и в тех областях, где германцы не селились. В византийских областях Италии крестьяне огораживали свои пашни, виноградники и сады. Здесь не практиковалась система открытых полей, но были общине угодья (Абрамсон, 1953, с. 164). То же явление наблюдается и в Провансе в каролингский период (Kiener, 1900, S. 95—97).

Немало данных относительно общинных угодий в Северной Испании (включая районы, где не селились вестготы, например Наварру) содержится в испанских фуэрос. (Melicher, 1930; S. 243—254; Garcia Gallo, 1954, p. 609—617). Характерно, что, в отличие от типичной альменды германского типа, эти общине угодья могут быть разделены по требованию кого-либо из совладельцев. Об общинном устройстве в Бургундии, как отмечает Ж. Дюби, можно судить по материалам, касающимся регулирования сельскохозяйственных работ в деревнях (не совпадающих с сеньориями), по наличию общинных земель, на основании сведений о периодических собраниях жителей этих деревень для решения мелких тяжб. Община выступает единым целым, выполняя ряд обязанностей по отношению к королю и его должностным лицам (Duby, 1962, p. 125—126).

Наиболее обстоятельными данными мы располагаем об испанской общине IX—X вв. (в Астурии, Леоне и Кастилии). Она является юридическим лицом, обладает собственным имуществом, ей принадлежат в определенных границах право самоуправления, она же регулирует землепользование. Орган управления общины — собрание всех взрослых соседей. Община обладает правом собственности на угодья, находящиеся в совместном пользовании ее членов. Она может отчуждать землю, раздавать из пустошей новые участки своим членам, разрешать или не разрешать чужакам поселение на территории общины. В некоторых случаях крестьяне, покидая деревню, обязаны были продавать свои земельные владения соседям, но зачастую они произвольно распоряжались наделами, отчуждая их вместе с соответствующими долями общинных угодий (см.: Корсунский, 1978; см. также: Melicher, 1930).

Итак, общее владение угодьями и те или иные формы деревенской организации крестьян в изучаемом регионе могли уходить своими корнями не только в германскую марку, но и в римские аграрные порядки и в общинную организацию нероматизированного населения прежних римских провинций.

По мере углубления имущественной и социальной дифференциации состав деревенского населения становился все более пестрым. Рядом с крестьянами, сохранившими свободу и земельный надел, оказывались их обедневшие соседи, которые превратились в зависимых людей, и несвободные земледельцы — сервы. Роль всех этих категорий сельских жителей в деревенских делах неодинакова. Первенствующее значение принадлежит теперь наиболее зажиточным соседям. Их свидетельские показания считаются наиболее достоверными, а мнение при решении спорных вопросов приравнивается к мнению большинства (L. Vis., X, 1, 3; XI, 1, 1; Ro., § 146; Form. Andec., 31; 47; 53).

Таким образом, в романских странах существовала деревенская организация различных типов: мало где уцелела германская марка; чаще встречается община, для которой характерны только владение общими угодьями (без принудительного севооборота и системы открытых полей) с правом сельчан требовать реального раздела угодий и отчуждать свою долю и сохранение за общинниками лишь малозначительных функций в деревенском управлении.

7. Колоны

Колоны, как известно, представляли собой многочисленный разряд земледельческого населения в Поздней империи. Вопрос об их судьбах после ее крушения весьма существен для исследования процесса формирования класса зависимого крестьянства.

Юридические и хозяйственные памятники свидетельствуют о том, что колоны уцелели и в варварских королевствах Италии, Южной Франции и Испании. Они владели земельными наделами, выплачивали оброки (натурой, иногда деньгами), размеры которых по-прежнему определялись обычаями. Относительно барщины встречаются лишь единичные упоминания, чаще касающиеся транспортных повинностей (Tjäder, 1955, 3; Pard., I, № 180, p. 138; см.: Fournier, 1962, p. 242; Удальцова, 1959).

В варварских королевствах продолжали действовать нормы позднеримского права, которые исключали колонов из числа полноправных свободных и принижали их статус в некоторых отношениях до уровня сервов. Колоны не могли уходить из имений, в которых они находились (Cod. Theod., IX, 1; LR Burg., VI, 2; Ed. Theod., 84; Greg. I. Epist., IV, 21; Conc. Tolet., II, 3). Их продавали вместе с землей, а иногда и без нее. Больше того, римский закон, запрещавший продавать колонов без земли, не вошел в те своды права, которые составлялись в варварских королевствах, а Эдикт Теодориха и формально отменил его действие (Ed. Theod., 142).

Статус колона был наследственным: колоны, как и прежде, обязаны были оставаться в тех имениях, где обрабатывали землю их родители (Cod. Theod., V, 10, 1; V, 11, 1; LR Burg., XIV, 6; ср.: L Vis., V, 4, 19). Формально колоны не обладали имущественной правоспособностью. Их постоянно именовалось пекулием; сохранились в силе правовые нормы, по которым все их имущество считалось собственностью господ; колонам запрещалось продавать даже движимость без ведома господ; они не могли заключать имущественные сделки: тот, кто давал ссуду колону, терял свои деньги, и господин не отвечал за колона-должника.

В некоторых случаях уголовное и гражданское право приравнивало колонов к сервам. Их подвергали по суду телесным наказаниям и пыткам; они не могли давать показания против своих господ и их детей и возбуждать иски против них по гражданским делам; если колон совершал преступление, господина выдавал его судье. Колонам не разрешалось становиться клириками и монахами без согласия господ. Если колон вступал в брак с женщиной того же звания, принадлежавшей другому лицу, их потомство делилось между господами. Законодательству варварских королевств присуща тенденция рассматривать колонов и сервов, занятых в имениях, как единую массу несвободного земледельческого населения. В документах VI в. иногда упоминается об «освобождении» колонов. В завещании Ремигия два колона получают свободу, но с условием, чтобы они принадлежали родственникам завещателя и несли оп-

ределенные повинности¹¹. Отпуск на волю сводился, вероятно, к полному или частичному освобождению от прежних повинностей. Как правило, колоны не служили в войске.

Тем не менее колоны и теперь не слились с сервами в единый слой зависимых крестьян; они сохранили ряд специфических черт своего состояния. М. Блок справедливо отмечал тенденцию к нивелировке статуса тех и других, но, говоря о возникновении в IX в. серважа, он преувеличивал результаты этого процесса (Bloch, 1919, p. 394; ср.: Verriest, 1946, p. 191—195).

Колоны обладали большей хозяйственной самостоятельностью, чем сервы, и сохранили некоторые черты статуса свободных. Они сами продавали свой урожай и могли вчинить иск тем, кто похищал плоды на их полях (Ed. Theod., 146), а иногда отчуждали не только движимость, но и землю (Troya, IV, № 731, а. 704). Колоны были связаны со своими наделами прочнее, чем сервы: отчуждение колонов без земли было, видимо, редким явлением. В лангобардской Италии колон имел право уйти из имения, если его земельный надел подвергался отчуждению. Повинности колонов более строго фиксировались обычаям, чем службы сервов. В случае произвольного повышения оброков господином колон был вправе жаловаться государственному судье. Вообще колоны могли судиться со свободными людьми и давать свидетельские показания (Cod. Theod., V, 9, 1; ср.: Greg. Tur. H. F., V, 28), а иногда выступать и судебными заседателями (см.: Bloch, 1970, p. 435). Характерным свидетельством сохранения существенных отличий в положении колонов и сервов служат данные об освобождении сервов в IX—X вв. в областях к югу от Луары, при этом они приобретали статус колонов.

Некоторое улучшение положения колонов (по сравнению с римским временем) было вызвано в значительной мере изменением государственного строя, в частности ослаблением налогового гнета. Прикрепление колонов к государственному тяглу исчезло или стало номинальным. Колоны, видимо, выплачивали подушный налог. Вместе с тем варварское королевство с его примитивной государственностью менее эффективно осуществляло принуждение по отношению к колонам, чем поднеримское централизованное бюрократическое государство.

По мнению некоторых исследователей, хозяйственное положение колонов после крушения Западной Римской империи упрочилось, в частности, и потому, что в ходе аграрных преобразований, обусловленных поселением варваров на римской территории, они получили доступ к общим угодьям (см.: Fossier, 1970, p. 60).

Источником пополнения колонов было в основном естественное воспроизводство. Разорение мелких земельных собственников, имевшее важнейшее значение для роста этого слоя в Поздней Римской империи, не играло в варварских королевствах значительной роли. Лишившиеся своей земли свободные люди теперь превращались преимущественно в мелких прекаристов, либелляриев, наконец, тяглых крестьян, но не подвергались такому ограничению гражданских и имущественных прав, которое характеризует статус поднеримских колонов.

Если в сводах права, составленных в варварских королевствах для местного населения, колонам уделялось много внимания, то в законах, изданных для варваров, они занимают очень мало места. В вестготских

¹¹ Pard., I, № 118. Освобождение колонов упоминается и в итальянских грамотах VIII в. См.: Schiaparelli, 1929, № 18, 93.

законах V—VI вв., в эдиктах лангобардских королей VII—VIII вв. существование римских колонов игнорируется. О них говорится лишь в Бургундской правде, в одной из глав Салической правды, в одном вестготском законе VII в. и в капитуляриях Каролингов.

Разумеется, вестготы и лангобарды, получая часть имений римских землевладельцев или захватывая их целиком, приобретали одновременно и проживавших там колонов. Однако поскольку хозяйственное положение колонов и сервов было сходным (уже в V в. тех и других нередко обозначали общим наименованием — *manseria*), постольку законы, изданные для варваров, продолжили и усилили практику смешения обоих разрядов земельных держателей. *Manseria* варварских Правд, формул, королевских грамот и других памятников рассматриваемого периода — это зачастую не только сервы, но и римские колоны, точнее — их потомки. В тех же случаях, когда законы касаются собственно колонов, они подтверждают нормы позднеримского права о колонате или создают новые ограничения их статуса в соответствии с варварским правом: отказывают колонам в имущественной правоспособности, прежде всего запрещают им продавать землю (L Burg., XXI; L Vis., V, 4, 19; Cap. II, № 273); назначают для них, как и для рабов, наказания плетьюми (L Burg., XXXVIII, 8; XXXIX, 3; Cap. II, № 250, с. 5; № 273, с. 20, 23, 24); обязывают господ выдавать суду колонов, обвиненных в каких-либо преступлениях (L Burg., VII, 1; Cap. II, № 278, с. 3); устанавливают вергельд для колона (трибутария) несколько более низкий, чем для полусвободного-варвара (L Sal., XLI, 7; ср.: L Sal., XXVI, 1; XLII, 4).

Слабый интерес варварских Правд к колонам объясняется также и тем, что этот римский институт не привился у самих варваров: разорвавшиеся свободные общинники становились зависимыми земельными держателями, но не колонами (римского типа).

По-видимому, наличие более мягких форм земельной зависимости в варварских королевствах оказывало свое действие и на положение потомков римских колонов. Выше уже отмечалось, что на практике их положение бывало более благоприятным, чем об этом можно судить на основании юридических норм, но все же вплоть до IX в. сохраняется слой таких колонов, которые входят в состав *manseria* и по важнейшим чертам своего юридического статуса являются наследниками позднеримских колонов.

8. Рабы

О роли рабов в формировании класса зависимого крестьянства Италии, Южной Франции и Испании V—VIII вв. можно судить лишь по косвенным данным исторических памятников. Деление на свободных и рабов выступает в качестве определяющей юридической градации как в законах, изданных для местного населения, так и в варварских Правдах. Конкретные случаи рассматриваются правом варварских королевств обычно в двух планах: применительно к свободным и сервам. Рабы были непременной составной частью земледельческого населения имений фиска, церкви и светских землевладельцев. Во многих церковных имениях сервы нередко были основной рабочей силой. Наличие известного числа сервов у той или иной церкви считалось условием ее существования как самостоятельной хозяйственной и религиозной организации. В актах одного из церковных соборов Бургундии в VI в. запрещение аббатам произвольно освобождать рабов мотивировалось тем, что монахам самим придется тогда заниматься земледельческим трудом (Сопс. Ераоп., с. 8).

А XVI Толедский собор (VII в.) установил, что приходская церковь может иметь своего священника лишь в том случае, если она располагает не менее чем десятью сервами (Сопс. Tolet., XVI).

В варварских королевствах с самого начала существовал значительный слой рабов: в римских провинциях ко времени захвата их варварами насчитывалось много несвободных, и завоевание не привело к уничтожению рабства. Если многие сервы воспользовались войнами и смутами, чтобы бежать от своих господ, то варвары, со своей стороны, сами привели собственных рабов.

Источники рабства были многообразны. Как и в римские времена, дети сервов наследовали статус своих родителей. Имелось много домопощенных рабов. Практиковалось долговое рабство. Число несвободных пополнялось в ходе войн, продолжала существовать и работорговля. Уголовное право как одну из мер наказания предусматривало обращение в рабство, особенно в вестготской Испании и остготской Италии. Наконец, обедневшие свободные нередко прибегали к добровольному закабалению; точно так же они продавали в рабство собственных детей.

В имениях сервы использовались двойным способом: они работали на домене либо испомещались на землю и платили оброк. Вплоть до VIII в. сохранялось старое римское деление на дворовых и сельскохозяйственных рабов (пахарей, свинаярей, виноградарей и пр.), которые трудились под управлением вилликов и акторов, а также магистров, возглавлявших группы сервов одной профессии.

Широко распространено было наделение рабов земельными участками. О сервах, которые имели наделы пахотной земли, виноградники, дома и выплачивали оброки своим господам, упоминают источники, относящиеся к Италии, готской Испании, Южной и Юго-Восточной Франции. С особой определенностью выделена эта категория рабов в лангобардских законах. В эдикте Ротари такие сервы (массарии) оцениваются (судя по возмещению за их убийство) выше, чем сельскохозяйственные рабы (Ro, § 135, 234).

Юридический статус сервов в ранний период истории варварских королевств не изменился по сравнению с нормами позднеримского права. Раб по-прежнему считался вещью и включался в состав движимого имущества. Рабы не обладали имущественной правоспособностью, не могли заключать контракты, продавать какое-либо имущество из своего пекулия. Старое положение римского права — имущество серва принадлежит его господину — постоянно воспроизводится в законах варварских королевств. Раб мог быть продан своим господином и вместе с землей, и без нее.

Резкая грань отделяла сервов от свободных. Они были лишены каких-либо политических и гражданских прав. Их не привлекали к несению военной службы. Рабы не могли становиться клириками. Им не разрешалось обвинять на суде свободных людей. Господам уже не принадлежало право жизни и смерти по отношению к их сервам, но в случае убийства серва им грозили лишь церковные кары, а за смерть раба в результате учиненной над ним экзекуции господни вовсе не отвечал. Браки между свободными и сервами считались незаконными. Если вступали в сожительство рабы разных господ, потомство делилось между их хозяевами.

Рабы местного населения и варваров различались между собой лишь в первое время после образования варварских королевств. Вскоре они слились в единую массу несвободных. Однако, несмотря на то, что право

новых государств как бы санкционировало позднеримские юридические установления, касавшиеся рабов, и способы их хозяйственного использования тоже оставались как будто прежними, в положении сервов постепенно происходили некоторые изменения. Уже сам по себе тот факт, что законодатели вынуждены то и дело запрещать сервам произвольно распоряжаться своим имуществом, вступать в браки со свободными, подавать на них в суд, показывает, каковы были тенденции социального развития, которым пытались противодействовать создатели официального права.

В действительности сервы, помещенные на землю, постепенно приобретали некоторую хозяйственную самостоятельность. В VII в. это обстоятельство отчетливо проступает и в новых юридических нормах. В готской Испании рабы получили право отчуждать свое движимое имущество (в том числе рабочий скот) даже без согласия их господ, а рабы фиска могли продавать своим сотоварищам и землю. Они легально приобретали теперь недвижимое имущество в чужих имениях, им не запрещалось получать наследство от родственников (L Vis., V, 7, 3).

Сервы-массарии в лангобардской Италии могли давать имущество из своего пекулия взаимно другим сервам. Им разрешалось и продавать это имущество, правда, с оговоркой, что такой акт не должен наносить ущерба данному хозяйству (Ro, § 234). С согласия собственников земли могли отчуждать доли своих держаний и сервы в Южной Италии (под условием выплаты новыми держателями прежних повинностей) (Абрамсон, 1953, с. 171).

В Бургундии несвободные в X в. приобретали недвижимое имущество, продавали его своим господам (см.: Грацианский, 1935, с. 72—73). В астурийских грамотах VIII—IX вв. встречаются упоминания о том, что сервы дарят своим господам земельные участки, строят церкви и передают их монастырям.

Итак, для этого периода характерно весьма существенное изменение статуса не только классического римского, но и позднеримского права: имущество раба перестает считаться собственностью его господина¹².

Службы рабов отныне ограничиваются обычаем; иногда они фиксировались в завещаниях, по которым сервы передавались другим лицам. Нарушение таких обычаев вызывало сопротивление сервов.

Порой сервов рассматривали уже как лиц, юридически ответственных за свои действия. Так, Эдикт Теодориха устанавливал кары для рабов за некоторые преступления независимо от того, совершали они их по приказанию своих господ или без их ведома (Ed. Theod., 77; 104). Если раб был уличен в краже, то, согласно бургундским законам, ответственность несли и сам он (его наказывали плетью), и его господин (который возмещал ущерб) (L Burg., IV, 4; LXIII). Иногда несвободные выплачивали судебные штрафы и возмещали ущерб пострадавшим (LR Burg., XII, 2; L Vis., II, 2, 9; VIII, 3, 6; Ro, § 259, 261, 267, 270, 279, 280). В готской Испании и Бургундском королевстве сервы (особенно сервы фиска) при определенных обстоятельствах допускались на суд свидетелями (Корсунский, 1969, с. 116—118; L Burg., X, 3). В случае убийства раба, по Эдикту Теодориха, господин, если он не желал требо-

¹² В вестготском законе VII в. четко различается пекулий, которым сервы располагают свободно, и имущество его господина (L Vis., V, 4, 13). Посягательство господина на раба или скот серва-массария вызывало открытое сопротивление (Ro, § 234).

вать возмещения ущерба, мог возбудить уголовное дело против убийцы (Ed. Theod., 152).

Ряд положений в законодательных сборниках свидетельствует и о некотором укреплении рабской семьи. В законах Липутранда, например, говорится о «законной жене» серва (Liu, § 104). Вестготская правда ограничила годичным сроком право господ расторгать браки своих сервов с чужими рабынями. Запрещено было дробить семьи рабов при разделе имений. Выполнение законов, требовавших самых суровых кар для свободных женщин, вступивших в брак с сервами, встречало в лангобардской Италии большие трудности: родственники зачастую уклонялись от возложенной на них обязанности убивать или продавать за пределы провинции сожительницу раба (Ro, § 22; Liu, § 24). Из Анжерских формул видно, что свободная женщина, вступившая в брак с рабом, могла сохранить свой статус и передать его также и детям (Form. Andec., 59). Такой же порядок действовал и в Южной Италии (Абрамсон, 1961, с. 140—141).

В Испании в VII в. было изменено прежнее постановление, по которому дети сервов навеки остаются рабами. Отныне устанавливалось, что если они прожили в течение тридцати лет как свободные, то могли и далее оставаться таковыми (L Vis., III, 2, 3).

Вплоть до конца рассматриваемого периода сервы оставались одной из самых значительных по численности категорий сельскохозяйственного населения в Испании, Южной Франции и Италии.

Памятники по истории готской Испании конца VII в. и Астурии и Леона VIII—IX вв. свидетельствуют о том, что они играли важную роль в обработке имений церкви, светских землевладельцев и короны. О том, что сервы оставались неременной и существенной составной частью сельскохозяйственного населения Южной Франции, говорят дипломы, грамоты и формулы, — правда, в число мансипия могли подчас входить и потомки римских колоннов (Dipl. Karol., I, № 90; 91; 94; Bouquet, t. VIII, p. 355, 358, 361, 363, 373; Form. Ageru., 2—3; Form. Tugol., 1 B; 4, 5, 10, 12). В лангобардской Италии в некоторых крупных имениях, например в монастыре Боббио, рабы представляли собой наиболее многочисленную группу земледельцев¹³. Мелкие собственники нередко имели сервов. Как видно из одного лангобардского памятника, утрата единственного раба грозила крестьянину обнищанием (Adelg., 1).

Много сервов было и в Южной Италии вплоть до X в. (Абрамсон, 1961, с. 154).

В VIII—IX вв. явственно усилилась тенденция использовать рабов путем предоставления им земельных наделов. Это было связано с эволюцией самого крупного имения, в котором, как отмечалось выше, домен либо сокращался в своих размерах, либо вовсе исчезал. Там же, где такой домен оставался более или менее значительным, в первую очередь в лангобардской Италии, важную роль в обработке домена играла теперь барщина земельных держателей.

Таким образом, рабство в изучаемых странах сохранялось на протяжении всего раннефеодального периода, хотя оно претерпело существенные изменения. Большая часть сервов представляла собой теперь мелких земельных держателей и пользовалась некоторой хозяйственной самостоятельностью. Правда, определяющей чертой их юридического статуса остается несвобода, т. е. наиболее тяжелая форма личной зависимости.

¹³ См.: Hartmann, 1910, S. 61. В монастыре св. Юлии в Брешии они составляли более одной трети держателей (см.: Luzzato, 1966, p. 110—111).

9. Вольноотпущенники

Несоответствие римского античного и германского патриархального рабства новым историческим условиям находило свое выражение и в росте вольноотпущенничества. В варварских королевствах, как это было в римском законодательстве, число рабов, которых мог отпустить на свободу их собственник, не ограничивалось (за исключением Вестготского государства, где Бревинарий Алариха сохранял соответствующее установление для римлян до середины VII в.).

Процедура освобождения сервов в Италии до лангобардского завоевания и в Южной Франции и Испании в V—VII вв. в основном остается прежней. В лангобардской Италии форма отпуска рабов на свободу испытала влияние некоторых германских обычаев, само же вольноотпущенничество по своему характеру не отличалось в Италии VI—VIII вв. от аналогичного института других варварских королевств.

Либертины, как и сервы, представляли собой довольно значительную часть земледельцев в имениях светских поссессоров, церкви и королей. Хозяйственное положение вольноотпущенников было неодинаковым: они владели земельными участками либо на правах собственности, либо в качестве держаний. Зачастую при освобождении сервов им передавали в собственность тот надел, который ранее входил в их пекулий, или же иной участок. Иногда либертин не получал такого земельного владения или вскоре лишался его; тогда он обычно становился держателем в имении своего прежнего господина или в чужой вилле. Не меньшее значение для судьбы серва, отпущенного на волю, имели способы и условия освобождения, степень личной зависимости от патрона.

В Южной Франции, Италии и Испании по отношению к местному населению применялись римские способы освобождения сервов: по завещанию, в церкви, по письму, среди друзей. Степень зависимости от прежних господ у вольноотпущенников разных категорий была неодинакова. При этом если процедура освобождения сервов у лангобардов сохраняет архаические черты, то по своему статусу либертины Италии существенно не отличались от вольноотпущенников Южной Франции и Испании. В грамотах освобождения обычно фиксировалось, имеет ли вольноотпущенник право уйти от своего патрона или обязан оставаться и нести бремя патроната (Form. Vis., 2—5, 6; Form. Andec., 23; Form. Argem., 3, 4; Form. Tugon., 12). Общая тенденция развития данного института состояла, однако, в усилении зависимости либертинов от прежних господ. В Бургундском королевстве вольноотпущенник, уходя, должен был уплатить взнос в 12 солидов (L Burg., LXXXVIII) — сумма, весьма значительная, если учесть, что за 5—10 солидов в начале VI в. можно было купить раба. В готской Испании в VI в. либертин, уходивший от патрона, обязан был вернуть ему все то, что получил от него, и половину имущества, приобретенного им за время пребывания во владениях патрона (L Vis., V, 7, 13). Позднее либертины Испании и вовсе лишились права ухода: в имениях церкви — с конца VI в., а в доменах светских землевладельцев — с конца VIII в.

В лангобардской Италии лишь либертины, относившиеся к категории *amund*, могли свободно уходить от своих патронов. В середине же VIII в. король Айстульф издал закон, по которому и *amund* не имел права покинуть своего патрона; если в грамоту освобождения были внесены соответствующие оговорки (Aist., § 11). Состояние вольноотпущенников становилось наследственным: их дети не могли покидать патронов

и облагались такими же платежами, как и их родители (L Vis., V, 7, 17; Liu, § 10).

Положение либертинов было двойственным. С одной стороны, либертин рассматривался как *ingenuus, libigus*; с другой — юридические и хозяйственные источники, где перечисляются различные категории населения, отличают либертинов от собственно свободных людей. По своему статусу вольноотпущенники не были равны свободнорожденным: вергельд за либертинов был вдвое ниже, чем за свободных; давать свидетельские показания на суде против свободных они могли лишь в том случае, если отсутствовали свидетели из числа свободных, а своих патронов вовсе не могли обвинять перед судом или давать против них показания.

Либертины связаны были с патронами определенными обязательствами. Так, от римских времен было унаследовано положение, в силу которого вольноотпущенник обязан был поддерживать прежнего своего господина, если тот впал в нужду. Помимо этого, либертины несли повинности в пользу своих патронов (главным образом оброки, натуральные и денежные). Патроны имели право на выморочное имущество большей части вольноотпущенников. В Италии *массарии*, отпущенные на свободу, должны были еще платить патронам взнос, когда выдавали своих дочерей замуж. Уклонение от уз патроната влекло за собой строгие кары — вплоть до возвращения в рабское состояние.

В Лангобардском королевстве к вольноотпущенникам тесно примыкали *альдии*, слой полусвободных германского происхождения. Как отмечалось выше, одним из способов освобождения серва, согласно эдикту Ротари, было объявление его *альдием*. *Альдии* использовались в имениях так же, как и большинство других вольноотпущенников, т. е. в качестве мелких земельных держателей, и находились в тесной зависимости от патронов. Без согласия последних они не имели права отчуждать свои земли, продавать или отпускать на свободу сервов, уходить от патронов. Повинности *альдия*, правда, фиксировались, и патрон не мог произвольно повышать их. *Альдиям* разрешалось жениться на свободных женщинах без ущерба для их свободы. За *альдия* выплачивался более низкий вергельд, чем тот, который вносился за полноправного свободного низшей категории, но в три раза превышающий штраф за убийство серва-*массария*. В VIII в. происходила, как показал А. И. Неусыхин, эволюция статуса *альдиев* — от полусвободы к несвободе, усиливалась их зависимость от патронов (Неусыхин, 1956, с. 281). В IX в. упоминания об этом слое становятся все более редкими, и численность *альдиев* в имениях, видимо, была незначительна.

Во многих хозяйственных документах, особенно VIII—IX вв., в перечне различных категорий земледельцев, проживающих в имении, упоминания о либертинах отсутствуют. Ведь именно юридический статус человека, но не его положение в производстве, определял в основном его принадлежность к данному слою. Вольноотпущенник мог быть и *аллодистом*, и *прекаристом*, и *колоном*. В юридическом отношении статус либертина считался более высоким, чем *колона* (римского типа)¹⁴. Даже будучи собственником земельного участка, либертин отличался от свободного крестьянина тем, что в большинстве случаев находился в подчинении у своего патрона.

¹⁴ См.: *Conc. Arausic.*, с. 7; ср.: *Pard.*, I, N 118 (колонов освобождают, оставляя в зависимости от наследников завещателя).

В общем большинство либертинов были к концу раннефеодального периода мелкими земельными держателями, находившимися в поземельной и личной зависимости от вотчинников.

10. Коммендация

В образовании класса мелких земледельцев-крестьян, находящихся в личной зависимости от вотчинников, важную роль сыграл институт коммендации. Источником роста слоя лично-зависимых земледельцев в Италии, Франции и Испании еще в римские времена служил патронат. С крушением Западной Римской империи значение патроната еще более повысилось: ведь с того времени, когда бюрократически централизованный государственный аппарат сменился примитивной организацией управления у варваров, потребность мелких земледельцев в покровительстве магнатов, церкви или короля возросла. Вместе с тем позднеримские законы, направленные против патрощиниев, в варварских королевствах либо вовсе не применялись, либо были смягчены. По-прежнему не разрешалось передавать патронам ведение тяжб, переводить на их имя спорное имущество или достояние, которому угрожал захват со стороны третьего лица; запрещалось насильственное навязывание патроната (Cassiod. *Variarum*, V, 39, 15). Фактически, однако, патронат в варварских королевствах легализуется. Этому способствовало существование у варваров давно уже сложившегося, сходного с патронатом института личной зависимости, связанного с развитием дружины, с наличием целого слоя дружинников, служивших королям, герцогам и частным лицам. Они вступали в отношения подчинения и зависимости к своим патронам (коммендировались), а последние, в свою очередь, оказывали им покровительство, предоставляли оружие, коней, позднее — землю. Постепенно коммендация распространяется не только на дружинников, но и на других свободных людей, нуждавшихся в покровительстве магнатов. Прежде всего стали коммендироваться разорявшиеся мелкие собственники из местного населения и общинники варварского происхождения. В VI в. в остготской Италии практикуется коммендация, напоминающая патронат, который в свое время описывал Сальвиан. Мелкий собственник-крестьянин ради получения покровительства могущественного соседа коммендирует ему свою землю (*Vita S. Benedicti*, I, 23, с. 31; ср.: *Salv. De gubern. Dei*, V, 38, 8). Коммендация сочеталась, таким образом, с прекарнем, или узуфруктом. Подобная коммендация сохранялась и в более поздний период. Так, в каталонской грамоте 920 г. говорится о передаче четырьмя мелкими собственниками своих аллодов графу Пальяра, с целью получения от него покровительства: «...дарим тебе все наши аллоды в графстве Пальярс и в вилле Байен... по доброй воле с тем, чтобы вы были нашим добрым сеньором и защитником против всех людей в вашем графстве» (см.: *Bouttruche*, 1968, *Documents*, p. 338). В Астурии крестьянин отдает половину своего надела монастырю для того, чтобы коммендироваться под его покровительство (*Floriano*, 1949, № III).

Нередко коммендация предшествовала получению земли во владение. В актах церковных соборов Южной Галлии, вестготских законах и капитуляриях Каролингов упоминаются люди, которые коммендировались церквам, графам, частным лицам и на условии несения своим патронам служб получали от них земли. Помимо индивидуальной, практиковалась также коллективная коммендация, осуществлявшаяся обычно в принудительном порядке королем или светскими землевладельцами. Так,

периода остаются свободными людьми, находящимися лишь в поземельной зависимости от вотчинников.

В Италии особую категорию свободных земельных держателей составляли либеллярии. Соответствующую форму земельного владения упоминал еще Кассиодор, широкое распространение она получила при лангобардах. Либелляриями именовались свободные люди, селившиеся на чужой земле по письменному соглашению, обязывавшему их уплачивать оброк. В условия держания нередко входило требование хорошо обрабатывать землю. Источники пополнения слоя либелляриев были различны. Во время лангобардского завоевания (такова гипотеза Л. Гартманна) множество римских колонов бежало на юг полуострова. Большие пространства земли оставались необработанными. По установлении мира колонны возвращались и получали земли в держание на договорных началах. В дальнейшем, однако, все большую роль в формировании этого слоя стали играть разорявшиеся мелкие аллодисты. В VIII—IX вв. либелляриями были главным образом крестьяне, получившие от вотчинника в держание землю, которая ранее им и принадлежала (Котельникова, 1960, с. 86). (Земля передавалась либелляриям в держание на определенный срок, обычно длительный, чаще всего — 29 лет.

Права такого держателя на землю были довольно прочными. До истечения срока договора либеллярия обычно нельзя было лишить надела. Иногда владение являлось наследственным. В одной грамоте от 842 г. указывалось, что собственник земли, не передавший надел либеллярия его сыну, возьмет на себя заботу о его пропитании (Виноградов, 1880, с. 247). А если либеллярий, виновный в убийстве, бежал, то владелец имения отдавал родственникам убитого половину его движимого имущества или же передавал им в пользование его участок (Liu § 92). Собственник земли, пытавшийся изгнать либеллярия из его участка, должен был платить штраф. Тем не менее в некоторых районах лангобардской Италии такие случаи, видимо, имели место. В отдельных грамотах отмечается, что, если собственник земли лишает либеллярия его участка, тот может уйти, получив с землевладельца штраф и взяв с собой все свое движимое имущество (Leicht, 1948, Documenti, V—VII). Либеллярий мог покинуть имение и по собственной воле. В Южной Италии он был вправе уйти до окончания срока договора, взяв движимое имущество и сохранив за собой дом (Абрамсон, 1959, с. 19). Однако в лангобардской Италии право ухода подвергалось ограничениям. За уход до истечения договорного срока либеллярии штрафовались. Они лишались всего или большей части (от половины до двух третей) своего движимого имущества (Виноградов, 1880, с. 176—177; Leicht, 1948, Documenti, V—VII; Котельникова, 1960, с. 87). Поскольку штраф, который должен был выплатить либеллярий в случае ухода, составлял в области Сены от 20 до 50, а иногда даже 100 солидов (Leicht, 1948, Documenti, I—III, V—VII), очевидно, что легальный уход для большинства здешних либелляриев оказывался практически невозможным.

Повинности либелляриев заключались в выплате оброка (натурального, иногда — денежного), а также в барщине. Оброк составлял обычно часть урожая зерновых, оливок и других плодов [в Равеннской области, например, $\frac{1}{7}$ часть хлеба и $\frac{1}{2}$ оливок (Ковалевский, 1898, с. 245), в Южной Италии — от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{2}$ урожая (Абрамсон, 1953, с. 175)]. Отработочные повинности играли неодинаковую роль в жизни имений в разных частях полуострова. В византийских областях Италии барщина не практиковалась, либеллярии несли здесь лишь извозную повинность (Аб-

рамсон, 1959, с. 15), тогда как в лангобардских землях Северной и Средней Италии барщина была довольно значительна: размеры ее и исчисленные разнообразны — 23 дня или 10 недель в год, иногда — 2—3 дня в неделю (Виноградов, 1880, с. 250; Hartmann, 1910, S. 59; Endres, 1918, S. 275). В IX в. барщина кое-где доходила даже до 3—5 дней в неделю (Виноградов, 1880, с. 250; Ковалевский, 1898, с. 284).

В VIII в. возникают зачатки судебной зависимости либелляриев. Если либеллярий был уличен в убийстве, собственник земли должен был разыскать его и выдать родственникам убитого (Liu, § 92).

К IX в. многие либеллярии (особенно в Средней Италии) превращаются по существу уже в тяглых крестьян, находящихся не только в поземельной, но и в известной мере в личной зависимости. Их теперь часто приравнивают к сервам-массариям, и они сливаются в единую категорию с зависимыми крестьянами, часть же либелляриев сохраняет личную свободу (*liberi libellarii*; см.: Mor, 1952, p. 383). Те из них, кто оставались формально свободными людьми, вероятно, несли военную службу (см.: Liu, § 83).

Личная свобода характеризует и статус основного слоя зависимых крестьян в Астурии и Леоне в X—XI вв. — хуньорес де эредад. Они имели право приобретать землю у других крестьян и пользоваться ею, пока жили в данной вотчине, могли присваивать запустевшую землю, беря на себя ее обработку. Право ухода таких крестьян из вотчины подвергалось к XI в. ограничениям: отныне они могли переселяться лишь на определенное расстояние от вотчины, не далее «третьей виллы», и, уходя, оставляли свое земельное владение (*hereditas*), половину приобретенного владения и движимого имущества (*Fuero de León*, с. 9, 11). Хуньорес де эредад несли повинности в пользу государства, в том числе военную службу (см.: Guglielmi, 1967, p. 109—110). Происходили они от испаноримских колонов или вольноотпущенников (Ganzaco, 1924, p. 357; Valdeavellano 1968, p. 613; Verlinden, 1955, p. 113). Свобода хуньорес де эредад выступает особенно отчетливо при сопоставлении их статуса с положением другого слоя земледельцев — хуньорес де кабеса. Последние выплачивали подушный налог (не взимавшийся с хуньорес де эредад) и вовсе лишены были права ухода от своих господ. По мнению Л. Валдеавельяно, они, возможно, вовсе не имели земельных наделов, а использовались для работ в господском дворе (Valdeavellano, 1968, p. 613). Сходное с хуньорес де эредад положение занимали крестьяне, именовавшиеся колласос в Наварре и Арагоне и соларьегос — в Кастилии.

Таким образом, для аграрного строя Южной Франции, Италии и Испании в изучаемый период характерно сочетание довольно широко распространенного свободного мелкого земельного держания с различными формами личной зависимости крестьян.

Положение мелких держателей было неодинаковым. Оно определялось условиями, в которых происходило разорение тех или иных групп мелких собственников местного и германского происхождения, с одной стороны, общей тенденцией процесса классового образования, заключавшейся в формировании тяглого зависимого крестьянства, — с другой. Поэтому среди свободных держателей в раннефеодальный период наблюдаются различные градации: от наследственных держателей, выплачивающих лишь незначительный ценз и близких к положению свободных мелких собственников, до съемщиков, находящихся не только в поземельной, но и в известной мере в личной зависимости, выполняющих, помимо оброков, барщину, т. е. мало отличающихся уже от зависимых тяглых крестьян.

Анализ положения различных слоев земледельцев Южной Франции, Италии и Испании в V—X вв. позволяет установить некоторые общие черты социальной эволюции сельского населения. После образования варварских королевств основную массу непосредственных производителей в сельском хозяйстве, как и в римские времена, составляли сервы, колоны и либертины. Вследствие поселения германцев на территории этих стран образовался более широкий слой мелких земельных собственников.

Деревня была чаще всего римской по своему типу, за исключением тех областей, где происходило массовое расселение германских завоевателей. Германская община существовала поэтому недолго и лишь на небольшой части территории рассматриваемого региона. Изначальное существование крупного имения, слабость или отсутствие общинной организации крестьян, сохранение в довольно значительных размерах товарно-денежных отношений определили здесь темп и особенности процесса формирования зависимого крестьянства.

Феодальная вотчина складывалась в этом регионе в результате постепенного преобразования римского крупного имения. Господствующей формой эксплуатации в таком имении все более определенно становится эксплуатация наделенных парцеллами мелких держателей. Там, где сохраняется домен, главную роль в его обработке начинают играть несвободные и зависимые земельные держатели, которые, сменяя прежних сельских рабов, выполняют отработочные повинности. Постепенно завершается процесс разложения античного рабства, выразившийся не столько в изменении юридического статуса сервов, сколько в переходе основной массы сервов к ведению самостоятельного хозяйства в качестве мелких земельных держателей и в прогрессирующем развитии вольноотпущенничества.

У завоевателей очень рано сформировалась собственность аллодиального типа, общинная же собственность подверглась разложению. Это обуславливало также и быстрый темп превращения свободных германских общинников в зависимых крестьян. Однако главная линия, по которой произошло формирование зависимого крестьянства в изучаемых странах, может быть представлена в виде двухчленной формулы: «колон (серв, либертин) — тяглый крестьянин». Малочисленные германские общинники не сыграли здесь большой роли в складывании категории зависимого крестьянства — исключение составляла лангобардская Италия.

Это не значит, однако, что обрисованный выше социальный процесс происходил здесь в таких же условиях, как и в Римской империи, и был лишь прямым его продолжением. Становление зависимого крестьянства осуществлялось в новой исторической обстановке, когда само развитие производства требовало замены рабов и колонов позднеимперского типа непосредственными производителями, обладающими большей хозяйственной самостоятельностью и более прочным социальным и юридическим статусом, когда римское рабовладельческое государство уступило свое место раннефеодальным королевствам и норма эксплуатации зависимого земледельческого населения снизилась. Разорвавшиеся мелкие собственники из местного населения и аллодисты — германские общинники превращались теперь в основной своей массе в мелких прекаристов, поселенцев, коммендировались крупным землевладельцам, становились тяглыми крестьянами.

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

Наличие подобного рода категорий непосредственных производителей оказывало влияние и на статус прежних сервов и колонов, чья зависимость от землевладельцев несколько смягчилась. Происходила известная нивелировка различных прослоек зависимого крестьянства, которая, однако, в раннефеодальный период не получила завершения. До тех пор, пока существовали мелкая собственность и свободные земледельцы, продолжался процесс формирования зависимого крестьянства, а поскольку различные слои свободных земельных собственников или прежних рабов и полусвободных в разных условиях по-разному изменяли свое положение в производстве и свой статус, т. е. либо утрачивали земельную собственность и свободу или, напротив, начинали вести хозяйство самостоятельно, превращаясь из сельских рабов в зависимых земледельцев, то неизбежно было сохранение и различных категорий зависимого крестьянства.

В массе непосредственных производителей в сельском хозяйстве изучаемого региона различим ряд слоев, статус представителей которых в различной степени соответствует социальному типу феодально-зависимого крестьянства. Принимая в качестве основного критерия принадлежности тех или иных категорий земледельцев к феодально-зависимому крестьянству характер прав на обрабатываемую землю, уровень правоспособности, специфику личных связей с собственниками земли, размеры и структуру выплачиваемой ренты, можно выделить следующие основные группы.

1. Свободные мелкие земельные собственники — потомки позднеримских крестьян или рядовых общинников-варваров, а также отпущенники, ставшие независимыми от своих прежних господ, или беглые несвободные и зависимые крестьяне, которые в результате колонизации стали аллодистами. По своему личному статусу — это правоспособные свободные, которые несут военную службу.

2. Свободные мелкие земельные держатели — мелкие «арендаторы» Анжерских и Турских формул, итальянские «свободные либеллярии», франкские и вестготские прекарисы, либертины, освобожденные без обязанности находиться в подчинении у патрона, астури-леонские хуньорес де эредад. Они обладают обширными владельческими правами на обрабатываемую ими землю (наследственное или срочное, гарантированное договором владение), могут отчуждать ее с разрешения или без разрешения собственника земли и находятся в той или иной степени в личной зависимости от него. По своему личному статусу — это люди свободные, но их свобода ограничена. Положение разных групп земледельцев, относящихся к данной категории, неодинаково. Иногда наследственные держатели обладают обширными владельческими правами, выплачивают относительно небольшой оброк, имеют статус полноправных свободных («арендаторы» Анжерских и Турских формул); вестготские прекарисы частью лишены возможности распоряжаться своей землей без санкции собственника, кое-где подчинены его контролю в отношении качества обработки земли. Мелкие земельные держатели имеют право ухода; они зачастую подвластны юрисдикции сеньора, выполняют барщину, вносят относительно небольшую ренту. Эти держатели несут определенные повинности и в пользу государства (налоги, военная служба), подлежат юрисдикции государственных судов, пользуются свободой ухода. В некоторых случаях свобода таких земледельцев подвергается ограничениям (ограничение права ухода, зачатки юрисдикции сеньоров над держателями отдельных разрядов).

3. Полусвободные мелкие земельные держатели — основная масса колонов, либертинов (оставшихся в подчинении у патронов); литы и альдии. Они обладают владельческими правами на землю, основанными на традиции, но не могут распоряжаться держанием без санкции собственника земли; вносят значительную ренту в натуральной и денежной форме, а отчасти принуждаются к барщине. Иные из них формально свободны (колоны), но лишены свободы ухода. Эти земельные держатели юридически сопоставляются иногда в источниках с сервами. Они не несут военной службы, подчинены, как правило, сеньориальным судам, хотя по отношению к третьим лицам могут выступать в судах в качестве свободных людей.

4. Сервы, помещенные на землю, отличаются от полусвободных держателей большим объемом повинностей и юридически фиксированной несвободой, что вовсе лишает их личных прав и обеспечивает полноту власти господина над ними. Их владельческие права на землю и движимое имущество оберегаются только обычаем.

5. Сервы, не помещенные на землю и используемые на домене.

Из всех перечисленных категорий земледельцев самыми многочисленными в данном регионе были, вероятно, третья и четвертая, представители которых в наибольшей мере (и второй категории земледельцев в несколько меньшей степени) приближались к типу феодально-зависимых крестьян. При этом земледельцы третьей и четвертой групп по существу являлись крепостными.

Грани между указанными категориями не были четкими, между ними имелись переходы. Члены испанских бегетрий, например, оставаясь мелкими собственниками, коммендировались сеньорам, т. е. делали первый шаг по пути превращения в лично-зависимых крестьян, совершившегося уже в XII—XIII вв. Свободные либеллярии и прекарисы нередко оказывались в положении колонов. В то же время владельческие права сервов на землю и движимое имущество упрочивались.

Утверждение феодального уклада выражалось в развитии феодальной вотчины, которая обслуживалась в первую очередь представителями второй, третьей и четвертой категорий земледельческого населения. Однако упрочение феодального уклада хозяйства изменяло и роль двух остальных разрядов земледельцев в социальной системе. По мере того как складывались феодальные отношения и феодальное государство, сохранившийся еще слой мелких земельных собственников втягивался в сферу феодальной эксплуатации, которая осуществлялась в централизованной форме самим государством. Дворовые рабы использовались на домене. Однако слой этот по сравнению с остальными категориями непосредственных производителей был к концу раннефеодального периода наименее значительным.

ФОРМИРОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНО-ЗАВИСИМОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ФРАНЦИИ (VI—X ВВ.)

1. Постановка проблемы

История крестьянства на территории Северной Франции издавна привлекает особое внимание историков. Относительное обилие фактического материала, с одной стороны, сравнительная ясность и завершенность форм средневекового аграрного развития, с другой, привели к тому, что именно северофранцузский материал явился в свое время исходной базой для разработки самого понятия феодализм. Не удивительно, что и генезис феодального крестьянства на территории Северной Франции рассматривается как исключительно важный в познавательном отношении вариант этого процесса в Европе. Накопление новых данных о путях такого генезиса в названном регионе неизбежно затрагивает поэтому некоторые общие представления о феодализме. Анализ и осмысление этих данных имеет, следовательно, как конкретно-исторический, так и теоретический интерес.

В начале I тыс. н. э. территория Северной Франции составляла часть римской Галлии. После падения Рима Северная Галлия стала ядром формирования Франкского государства, границы которого простирались далеко за пределы будущей Франции (не говоря уже о ее северной половине). Возникшее здесь в середине IX в. Западно-Франкское государство также не совпадало по своим границам с Северной Францией. Выделяя эту территорию в качестве самостоятельного региона по типу генезиса крестьянства, мы руководствуемся не политическими границами, но относительным единством здесь путей формирования этого класса.

Северная Франция охватывает большую часть междуречья Рейна и Луары. Почти все оно располагается на низменности Парижского бассейна. Тянувшаяся от Арморики до Вогезов и Арденн, эта низменность насчитывает более 180 тыс. км² (впоследствии — треть всей территории Франции). Ее природные условия — плодородие почв, мягкий влажный климат, преобладание долины или невысоких холмов — как нельзя более благоприятствовали хлебопашеству. Его развитие облегчала и сравнительно значительная освоенность земли. Многочисленные реки, как и сохранившиеся римские дороги, открывали доступ к плодородным долинам. Почти постоянный приток населения стимулировал освоение у леса новых земель. Неудивительно поэтому, что на карте лесов Западной Европы V—X вв. в зоне благоприятной для хлебопашества, междуречье Луары и Рейна выступает областью наибольшего обезлесения, правда сугубо относительного. Даже в Пикардии и Иль-де-Франсе, принадлежавших к числу самых обжитых районов, леса еще и в IX в. занимали не менее трети освоенной земли (Nigounet, 1966, p. 362—363, 370, 398—399; Fossier, 1968, p. 229). Эти леса создавали богатые возможности для охоты, собирательства, рыбной ловли. Не меньшую роль играли они и в качестве пастбищ для скота.

Интенсивному развитию земледелия в междуречье Рейна и Луары содействовала и относительная плотность населения. В доримской Гал-

ли, по оценке современных исследователей, проживало 6—8 млн. человек (Russell, 1958, p. 84—85; Fossier, 1968, p. 129). Отдельных подсчетов для Северной Галлии не проводилось, однако, исходя из того, что население одной только древней Пикардии составляло около 1 млн. человек (Russell, 1965, p. 1119; Fossier, 1968, p. 129), можно предполагать, что число жителей Северной Галлии (включая Прирейнские области) в I в. до н. э. достигало не менее 3—3,5 млн. К концу римского владычества войны, восстания, иноземные вторжения несколько его сократили. Тем не менее, средняя плотность населения в Галлии составляла около 6 человек на квадратный километр, в два раза превышая плотность в Германии и в три раза — в Англии (Abel, 1966, p. 162—180).

Еще значительнее, чем природные и демографические особенности, относительно быстрому развитию Северной Галлии способствовали социальные и политические условия: здесь рано начался процесс генезиса феодализма; именно на этой территории располагались центры крупнейших в раннесредневековой Западной Европе политических образований: здесь же интенсивно протекало взаимодействие — синтез — позднеримских отношений (существовавших в среде галло-римского населения) и отношений, свойственных разлагавшемуся варварскому укладу германских племен (завоевавших Галлию).

Проблема синтеза, как и проблема перехода от античности и варварства к феодализму, принадлежат к ключевым в истории средневековья. Те или иные аспекты этой проблематики применительно к Западной Европе затрагивает каждое новое поколение медиевистов с тех давних пор, когда впервые развернулись споры «германистов» и «романистов» (XVIII в.). Не касаясь почти необозримой историографии этой темы (см.: Косминский, 1963; Поршнев, 1964; Гутнова, 1974), ограничимся краткой характеристикой тех решений, которые предлагались в последние десятилетия для рассматриваемого региона историками-марксистами.

Всех их объединяет трактовка перехода от позднеантичного и варварского обществ к зарождению феодальной формации как глубокой социальной революции. В то же время в понимании механизма этой революции и, в частности, в оценке «вклада» в нее позднеантичного и варварского укладов среди наших медиевистов существуют определенные расхождения. Одним эта революция рисуется крутой ломкой обеих взаимодействующих в Галлии обществ, равно лишенных способности породить элементы феодализма (Гуревич, 1970, с. 150—153). Другие подчеркивают решающее значение феодальных элементов позднеантичного происхождения и сводят на нет роль варваров-франков (Сюзюмов, 1972). Третьи, наоборот, склонны отдавать предпочтение потенциям феодализации, таящимся в недрах варварского (германского) уклада. (Эта точка зрения распространена, в частности, среди советских исследователей Франкского государства.) Наконец, четвертые мыслят синтез на территории Северной Франции как соиздание феодализма из элементов, равно вызревавших в обоих взаимодействующих обществах (Удальцова, Гутнова, 1970, с. 3—5; Günther, 1972, S. 347—440; Люблинская, 1968, с. 9 и след.).

Воздерживаясь от высказывания нашего суждения по существу этой проблемы, пока не охарактеризован соответствующий конкретно-исторический материал, отметим здесь два момента. Во-первых, подчеркнем особую плодотворность установившегося за последние годы в нашей науке типологического подхода к процессу генезиса феодализма. Он позволяет совмещать уяснение единства этого процесса с раскрытием полива-

риантности феодального синтеза в различных регионах. Именно на этой основе оказывается правомерной и постановка вопроса о специфике синтеза на территории Северной Франции. Во-вторых, обратим внимание на то, что обсуждение проблемы германо-романского синтеза в немалой мере концентрируется сейчас вокруг путей формирования основных классов средневекового общества. Это как раз тот вопрос, который имеет особую актуальность для исследователя генезиса феодального крестьянства.

Из числа письменных памятников, привлекаемых для реконструкции этого генезиса в Северной Галлии, чаще всего используются судебники германских племен (особенно, Салическая правда), эдикты и капитулярии франкских королей из династий Меровингов и Каролингов, формулы юридических сделок (Анжерские, Маркульфа, Салические, Императорские), прекарные, престарные, купчие и обменные грамоты, завещания светских и духовных лиц, постановления церковных соборов, поместные описи. По сравнению с памятниками ряда сопредельных регионов, эти источники отличаются богатством материала. Тем не менее, в них мало прямых данных о путях становления феодально-зависимого крестьянства. Процесс его генезиса приходится поэтому реконструировать не только с их помощью, но и на основе отрывочных косвенных данных, а также на базе привлечения археологических и ономастических материалов. Комбинируя все эти данные, попытаемся уяснить основные этапы формирования крестьянства на территории Северной Франции, условия и пути его складывания, составные элементы этого класса и систему его эксплуатации в формирующемся раннефеодальном обществе.

2. Первый этап формирования феодально-зависимого крестьянства

Римское господство над Галлией продолжалось около 500 лет — до последних десятилетий V в. Последствия этого господства для южной половины будущей Франции охарактеризованы в гл. V. Что касается Северной Галлии, то до недавнего времени преобладало мнение о ее относительно слабой романизации. Это давало основание сравнительно скромно оценивать воздействие римского наследия в этой части страны.

Археологические данные последнего десятилетия побуждают внести в это представление существенные уточнения. В ряде основных северо-французских провинций — Пикардии, Артуа, Нормандии, Иль-де-Франсе, Бос, Шампани — аэрофотосъемкой обнаружены под верхним слоем почвы фундаменты римских поместий II—III вв., локализуемые по характерным конфигурации и расположению (Agache, 1975, p. 708—709; 1978, p. 314—316; 372—384; 420; Chapelot, Fossier, 1980, p. 47—49; Deletang, 1982, p. 77—94; Holmgren, Leday, 1982, p. 127—139). Число таких вновь найденных поместий превзошло все ожидания: их многие сотни. То обстоятельство, что исследователям предыдущих поколений они не были известны, не должен удивлять: руины римских построек и в самом деле встречаются в Северной Галлии неизмеримо реже, чем в Южной. Видимо, мощные волны иноземных нашествий, прокатившихся впоследствии по Северной Галлии, смели эти поместья с лица земли и породили представление об их полном отсутствии. Новые научные методы позволили восстановить факт их широкого распространения в период Ранней империи, а отчасти и в IV в.

Располагаясь в первую очередь в наиболее плодородных хлебопашеских районах, крупные и средние римские поместья не могли не оказать

глубокого влияния на аграрный строй Северной Галлии. Вряд ли можно сомневаться, что главной рабочей силой в этих поместьях были галлы, и не только рабы (о миллионе порабощенных галлов заявлял уже Цезарь), но и колонны, посаженные на землю рабы (квазиколонны), мелкие арендаторы, наемные работники из числа мелких свободных собственников, владевших землей по соседству (Штаерман, 1978, с. 160, 190; Корсунский, 1980, с. 65; Corbier, 1982, р. 13; Petry, 1982, р. 211—277). Источником римского воздействия в Северной Галлии была, однако, не только крупная собственность. Сходную роль сыграли средние и мелкие хозяйства римских центурионов-ветеранов, поселения которых обнаружены археологами в Шампани, Бургундии, Бретани и Эльзаса. (Chouquet, Favory, 1980; Jacques, 1979, р. 783—822).

Средоточием мелкой римской собственности в Северной Галлии были и виллы — изолированные сельские поселения, существование которых засвидетельствовано здесь археологическими и эпиграфическими данными. Жители таких вилок имели свое небольшое хозяйство и, кроме того, участвовали в решении общих дел, связанных с какой-либо совместной собственностью (Штаерман, 1978, с. 35—47; Fossier, 1968, р. 54—55)¹. Контакт с римлянами и соответствующей перестройки деревни смогла во II—III вв. избежать лишь та часть галлов (и бриттов), которая жила в малодоступных лесных районах.

Возникшие в Северной Галлии римские формы землевладения сохранили определенное влияние и в IV—V вв. — после известного кризиса III в. Об этом говорит, в частности, судьба крупной земельной собственности. Как показали новейшие исследования, в пределах, например, современной Бельгии (в областях Эно, Намюр, Льежуа), римские поместья, разрушенные в III в., в следующем столетии были восстановлены и просуществовали довольно долго (Agache, 1978, р. 380). Некоторые из заброшенных в III в. вилок вошли в IV—V вв. в состав новых крупных и средних хозяйственных комплексов, в которых использовался труд летов и федератов²; живя бок о бок с галло-римлянами, леты и федераты подвергались постепенной романизации (Wankenne, 1972; Roosens, 1968, р. 89—109; Agache, 1978, р. 448). Установлено также, что территория тех галло-римских поместий III в., о включении которых в крупные владельческие комплексы двух последующих столетий нет данных, во многих местах не вышла из хозяйственного использования. Археологические материалы обнаруживают существование здесь в IV—VI вв. поселений, располагавшихся в пределах хозяйственного ареала бывшей виллы. Эти поселения в дальнейшем преемственно сохраняются, превращаясь в средневековые деревни. Многие из них доживают до наших дней, скрывая под фундаментами древние жилища (Гюнтер, 1984, гл. 9; Boutruche, 1968, р. 66; Agache, 1978, р. 380, 438—440, 444; Chapelot, Fossier, 1980, р. 53—54; Corbier, 1982, р. 10; Jalmain, 1977, р. 73—75).

¹ Внутренний строй этих вилок изучен пока что недостаточно. О характере сообществ, объединявших их жителей, идут споры. По мнению одних специалистов, виллы были сельскими общинами, объединявшими мелких римских собственников (Штаерман, 1978, с. 14—48), по мнению других, виллы состояли из совершенно независимых индивидуальных частных собственников, лишь время от времени объединявшихся для совместного владения имуществом (например, общим пастбищем — *ager communis*. См.: Корсунский, 1980, с. 54—63). Все, однако, согласны в том, что мелкие свободные собственники галло-римского времени активно участвовали в частнособственнических сделках.

² Германские и скифо-сарматские федераты, судя по находкам погребальных вещей, использовались в Шампани, Орлеане, Франш-Конте (*Le Glay*, 1975, р. 281—285).

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

Организация хозяйства в таких местах в IV—V вв. известна очень плохо. Однако тот факт, что в VI—VII вв. церковные и светские сеньори существовали подчас там, где в III в. были зафиксированы крупные землевладельческие комплексы, дает основание предполагать: и в IV—VI вв. территория по крайней мере некоторых римских поместий предшествующего времени не подверглась полному раздроблению.

В свете всех этих наблюдений по-новому зазвучали имеющиеся в Салической правде, актах церковных соборов и повествовательных памятниках VI в. данные о крупных римских землевладельцах, об использовании ими рабов и колонов, имущественном неравенстве и частнособственнических сделках в галло-римской среде, а также о крупном церковном землевладении и частной власти земельных магнатов (L. Sal., XXXV, 6; L. Sal., Capit. II, 4; Concil. Augel., II, с. 29; Greg. Tur. H. F., IV, 45; III, 15; Корсунский, 1954, с. 50—51; 1969, с. 28—29; 1980, с. 64—65; Гюнтер, 1984, гл. 9; Duby, 1973, p. 50; Lemarignier, 1950, p. 37—66; Doehaerd, 1971, p. 186—188). Упоминания обо всех этих явлениях перестали ныне казаться случайными отголосками прошлого; они приобрели значение весомых аргументов в пользу сохранения в аграрных отношениях Северной Галлии вплоть до VI в. некоторых существенных черт позднеантичного субстрата.

Абсолютизировать его роль, разумеется, не следует. Нельзя забывать, что античный уклад в северогалльской деревне даже во времена апогея римской власти не выступал в своем классическом виде, что восстания и нашествия IV—V вв. не могли не подорвать многие античные традиции, что раннесредневековые поселения VI и последующих столетий располагались не только на территории позднеримских поместий, но и в необжитых в римское время районах (Verhulst, 1966, p. 142—143; ср.; Chapelot, Fossier, 1980, p. 35).

В VI в. своеобразие аграрных отношений в Северной Галлии — центре вновь возникшего Франкского государства — еще более увеличилось. В рамках нового государства усилились натуральнохозяйственные тенденции, выросла автаркия отдельных поместий, расширилась частная власть земельных магнатов.

В северо-восточных районах междуречья Рейна и Луары, подвергшихся в VI в. массовой франкской и алеманнской колонизации, аграрный строй претерпел еще более глубокую — кардинальную — перестройку. Как это было показано на материале Салической правды в предыдущих главах, франкское общество VI в. еще не знало классового раскола. Во вновь возникших германских поселениях за каждым свободным признавалось право иметь земельный надел, усадьбу, иноплеменного раба (или полусвободного), пользоваться наряду с другими членами деревенской общины лесами, лугами, водами и прочими угодьями. Хозяйства этих свободных основывались на их собственном труде, сами они также не подвергались эксплуатации. Германские общины этого периода представляли элемент варварского уклада, противостоящего позднеантичному во всех своих характерных чертах.

Напомним, однако, что массовой германской колонизации подверглись в это время только области на крайнем северо-востоке — в низовьях Рейна и Мааса (Токсандрия) и в левобережье среднего Рейна (Эльзас, Пфальц), которые, строго говоря, находятся за пределами территории Северной Франкии. В основных ее районах франки составляли в VI в. ничтожное меньшинство населения (Гюнтер, 1984, гл. 9; Люблинская, 1979, с. 37; Wartburg, 1951, S. 123—125; Russell, 1958, p. 83; Salin, 1959,

р. 449—452; Boutruche, 1968, р. 71—72; Fossier, 1968, р. 100). Распространенное в нашей литературе мнение о широком возникновении здесь в VI в. франкских деревень, современными археологическими и топонимическими данными не подтверждается (Гюнтер, 1984, гл. 9; Fourquin, 1975, р. 298). Социальное воздействие отдельных франкских поселений, располагавшихся изолированными островками преимущественно в лесах, преувеличивать не приходится. Большое значение могло бы иметь использование в государственном аппарате франкской служилой знати. Однако, как известно, она испытывала серьезную конкуренцию со стороны галло-римской senatorской аристократии, так что даже графами уже с середины VI в. назначались преимущественно люди галло-римского происхождения (Wartburg, 1951, S. 120).

Отсюда следует, что во всех основных районах Северной Галлии аграрная перестройка — в той мере, в какой она в VI в. происходила — имела отправным пунктом структуру позднеантичного происхождения. Многие ее основные устои уцелели здесь и после франкского завоевания. Так, не были отменены ни рабство, ни колонат; не была экспроприрована и земельная собственность галло-римлян. Франки не предприняли в Северной Галлии и тех частичных разделов земельных владений местных собственников и их прав на рабов, которые осуществили на завоеванных ими территориях бургунды и вестготы. Галло-римские магнаты и среднепоместные собственники смогли поэтому сохранить и землю и несвободных. Для всего галло-римского населения продолжали действовать нормы римского права, в том числе и те, которые касались частнособственнических отношений. Салическая правда, как и древнее алеманнское право (*Rectus alamannorum*) применялись главным образом во взаимоотношениях германцев. В тех же случаях, когда Салическая правда касается отношения к римлянам, она закрепляет привилегированный статус их верхушки: вергельд римлянина высшего разряда (так называемого королевского сотрапеэника) был в полтора раза выше вергельда рядового свободного франка, тогда как вергельд римского собственника средней руки (так называемого римского посессора) — наоборот, в 2 раза ниже (L Sal., XLI, 5—7).

Поскольку все эти установления сохраняли силу в Северной Галлии на протяжении почти всего VI в., нет оснований говорить применительно к этому времени о коренном переломе в аграрном устройстве, по крайней мере, для основной части региона. Главенствующую роль здесь пока сохраняли аграрные отношения позднеантичного происхождения.

Однако их внутреннее разложение постепенно углублялось. Этому несомненно способствовало включение Северной Галлии в состав Франкского государства. Так, уже отмечалось, что в рамках Франкского государства еще более расширились частнопровольные прерогативы земельных магнатов. Составитель так называемого *Rectus pro tempore pacis* (первая половина VI в.) констатирует, что «владельцы землями по разным местам» магнаты в своих отношениях с несвободными порой игнорируют требования королевских судей (L Sal., Capit. II, 4). Епископы, крупные монастыри тоже постепенно расширяли в это время свою судебную-административную и военно-политическую автономию. В VI в. получает новый импульс и тенденция, зародившаяся еще в поместьях Поздней империи, применять рентную форму эксплуатации несвободных и полусвободных, признавая за ними известные владельческие права.

Одновременно углублялись социально-правовые градации между галло-римскими магнатами и рядовыми земельными собственниками. Так,

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

согласно Салической правде, вергельд рядового свободного жителя галло-римской деревни (трибутария) устанавливался в 5 раз ниже вергельда магната (королевского сотрапезника) и в 3 раза ниже вергельда свободного франка (но все же в 4 раза выше штрафа за похищение раба.— *L. Sal.*, XLI, 5—7; XXXIX, 1, 3). Подобный разрыв обуславливался, вероятно, явлениями двойного рода: с одной стороны, имущественным расхождением в галло-римской деревне (в связи с господством в ней частнособственнических отношений), с другой — расширением в рамках Франкского государства частнопровольных прерогатив магнатов.

Все это свидетельствовало об усилении в северогалльской деревне VI в. «протофеодальных» (по выражению З. В. Удальцовой и Е. В. Гутниковой) элементов, т. е. явлений, сходных по форме с феодальными, но включенных пока что в иную социально-экономическую структуру. Эта последняя еще сохраняла, как мы видели, много общего с позднеримской, хотя и обретала постепенно все новые черты. В силу прочности в Северной Галлии позднеримских традиций и вследствие ограниченности в VI в. масштабов франкской колонизации на основной территории рассматриваемого региона взаимодействие (синтез) отношений позднеримского и варварского происхождения в это время лишь намечалось. Оба эти типа отношений сосуществовали здесь как два во многом еще обособленных целых. О становлении феодального уклада говорить пока было бы преждевременно (Бесмертный, 1984).

Положение меняется на рубеже VI — VII вв. Памятники этого времени выявляют становление феодальных элементов и во франкской и в галло-римской деревне (Неусыхин, 1968, с. 606—607). Франкская знать все чаще выступает как обладательница земельных владений и частной власти. По данным редакции Салической правды, составленной между 576 и 593 гг., некоторые франки вместе со всем их имуществом (включая земли) могли быть пожалованы тому, кому сочтет нужным король (*L. Sal.*, LVI, 1 — рукопись группы C). Тогда, согласно эдикту Хильперика, королевские приближенные получают право взимания в свою пользу вдовьего реицуса (что возможно отражало зарождение их прав и на часть судебных штрафов.— *L. Sal.*, Capit. IV, 2). По эдикту 614 г. Хлотаря II, должности королевских графов предоставлялись отныне только аристократам-землеладельцам из того же графства. Как показали генеалогические исследования, среди этой местной аристократии возростала доля смешанных германо-галло-римских родов (Wegner, 1967, S. 94—121). Определенная нивелировка захватывала и низы общества, как это видно, например, из формул VII в., где подчеркивается, что королевским должностным лицам равно подвластны люди любого этнического происхождения (Form, Magc., I, 40).

Судя по фрагментам меровингского законодательства середины VII в. (дошедшего до нас благодаря их включению в Алеманнскую и Баварскую правды. См. Pegin, 1951, p. 90—91; Verhulst, 1966, p. 154), в это время еще более усиливается личное подчинение галло-римских колонов частной власти магнатов. Повинности колонов раскладываются теперь не только на их земельные наделы, но и на их личность (*L. Baiuv.*, I, 13); предусматривается возможность обложения, не регламентированного в «lex» (*L. Alam.*, 23, 2); такие повинности, как военная служба, выполняются по воле господина, и их точный объем не фиксируется³. В грамотах, завещаниях и юридических памятниках ко-

³ *L. Baiuv.*, I, 13: *Parafretos donent aut ipsi vadant ubi eis iniunctum fuerit.*

люны теперь все чаще выступают как категория непосредственных производителей, противостоящая слою свободных (Корсунский, 1969, с. 29).

Одновременно изменяется положение бывших галло-римских рабов. Хотя их использование в качестве дворовой челяди не прекращается, доля рабов, помещенных на землю, по-видимому, увеличивается. Об этом свидетельствуют материалы завещаний VII в., часто упоминающие рабов-держателей, меровингское законодательство, в котором рабам-держателям посвящены специальные параграфы, фрагменты сохранившихся поземельных описей VII в. (Ganshof, 1958, p. 75—90; Lemaignier, 1950, p. 37—66; Documents, 1975). Не исключено, что бывшие галло-римские рабы были и среди тех, кто приобретал в VII—начале VIII в. на льготных условиях неосвоенные земли с обязательством их превращения в пашины или виноградники (так называемые держания «ad plantandum»)⁴.

Этот процесс расширения возделываемых площадей составлял вообще весьма характерную черту аграрного развития Северной Галлии в VII в. Археологические и топонимические исследования, как и вновь изученные свидетельства письменных памятников, обнаруживают в это время явную интенсификацию хозяйственной жизни. Ряд поселений заметно разрастается. Многие из них переименовываются, получая топонимы на -ville, -villare, -veiler -court, особенно характерные впоследствии для владений вотчинной структуры. Появляется немало новых поселений, примыкающих к уже существовавшим (Verhulst, 1966, p. 147—154; Higounet, 1966, p. 392—397; Chapelot, Fossier, 1980, p. 22, 53; Ganshof, 1958, p. 85). В менее освоенных землях быстро растут новые монастыри, складываются их вотчины. За седьмое столетие было основано 130 аббатств (для сравнения стоит учесть, что к началу IX в. в пределах «Francia» и «Burgundia» насчитывалось около 250 монастырей; почти половина их ведет, следовательно, начало от VII в.). Из этих 130 монастырей 60 было основано в сравнительно узкой области между Сеной и Маасом всего за 30 лет — с 630 по 660 г. (Lemaignier, 1966, p. 461 s). Интенсивность процесса создания в это время церковных вотчин выступает, как видим, с полной очевидностью. Некоторые исследователи (в частности, Гансхоф) называют это время периодом внутренней колонизации новых территорий. Другие (Шабло и Фоссье) подчеркивают, что речь шла главным образом о распадке уже освоенных в прошлом, но надолго заброшенных земель. В любом, однако, случае ясно, что VII в. был периодом хозяйственного оживления в Северной Галлии.

Совпадение по времени этого хозяйственного подъема и отмеченных выше изменений в формах эксплуатации колоннов и рабов вряд ли случайно. Ведь основания новых и разрастание старых вотчин, особенно характерное для середины VII в., не могло происходить без расширения ресурсов рабочей силы или же без изменения форм ее использования. Этому-то и способствовали усиление эксплуатации колоннов и помещение на землю рабов. Эти явления выступают, следовательно, как объективная необходимость и как условие выхода из хозяйственного упадка, который переживала вся Галлия в предыдущем VI в.

Аналогичное значение для хозяйственного подъема VII в. имело превращение в зависимых держателей некоторых свободных галло-римского и германского происхождения. Самый этот слой в VII—начале VIII в.

⁴ Помимо рабов, владельцами этих держаний могли, разумеется быть и вольноотпущенники, а также свободные галло-римского (или германского) происхождения.

несколько расширился за счет новых волн германской колонизации. Внутри свободных галло-римлян не прекращался процесс имущественного расслоения, связанный с господством в их среде частнособственнических отношений. Имущественное расслоение становилось, видимо, все более характерно и для франкских аллодистов (см. гл. III—IV). Оскудевшие свободные зафиксированы в северогалльской деревне этого времени рядом формул (Form. Andec., № 18, 38, 48; Form. Marc., II, 28, 41). Обычно это свободные земледельцы, утратившие большую или меньшую часть своих земельных прав, но сохранившие хотя бы часть надела.

Об их подчинении в VII—начале VIII в. магнатами шире всего общают те же формулы. Судя по ним, магнаты добивались зависимости некоторых свободных на основе заключения закладных сделок, договоров о прекариях и о патронате, актов о самозакабалении (см.: Form. Andec., № 38, 48; Form. Marc., II, № 27, № 39—40, 17; Form. Andec., № 19, № 18; Form. Marc., II, № 28, 41). Долю свободных, утративших в это время свободу, нельзя установить сколько-нибудь точно. Однако ретроспективные данные конца VIII—IX в., содержащие огромный материал о подчинении мелких свободных земледельцев, позволяют предполагать, что в VII—начале VIII в. этот процесс в Северной Галлии еще только начинался.

Самая его возможность в ту пору во многом обуславливалась возросшей мощью знати, добившейся от королевской власти ряда привилегий. Имунитетные пожалования, начинающиеся во Франкском государстве с эдикта Хлотаря II от 614 г., передавали магнатам важные судебно-административные и фискальные прерогативы. Особенно широкими эти имунитетные привилегии становятся с середины VII в. (после правления Дагоберта I). Они передают в руки магнатов ряд важнейших функций управления, которые открывают новые возможности социального возвышения знати. По существу тот же смысл имела и бенефициальная реформа Карла Мартелла в начале VIII в., обеспечившая создание привилегированного конного войска. Вместе с имунитетными привилегиями знати, бенефициальная система подготавливала отстранение свободных от выполнения важнейших прав-обязанностей — военной службы, участия в суде, участия в местном управлении. (Во Франкском государстве эти права-обязанности были распространены на галло-римлян с VII в. См.: Группег, I, 1906, S. 302.)

Имунитетные и земельные пожалования Меровингов в пользу знати не были случайностью. Другого средства заручиться хотя бы временной поддержкой знати у Меровингов просто не было. Причина этого коренится в конкретно-исторических условиях развития Галлии (в том числе и северных ее областей), которые предопределили особую мощь земельной аристократии. Опираясь на преимущественно сохранявшееся крупное землевладение, слой магнатов, несмотря на все изменения своего состава, очень рано обрел здесь политическое влияние и смог противопоставить себя королям.

Эти привилегии знати были и объективно необходимы. Ибо они оформляли классовое (функциональное) разделение труда, неизбежное при тогдашнем уровне развития производства (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 292—293). Любое хозяйственное оживление, любое достижение в поступательном развитии экономики было тогда возможно лишь ценою полного сосредоточения мелких земледельцев на производительном труде. Достичь этого можно было лишь ценою их полного устранения из сферы управления, иными словами, лишь при

передаче управленческих функций господствующему классу. В этом смысле возвышение знати было столь же неотвратимо, как и превращение основной массы населения в непосредственных производителей, подчиненных крупным землевладельцам (см.: Гуревич, 1970, с. 179).

Как видим, в VII — начале VIII в. зависимое положение мелкого земледельца начинает становиться в Северной Галлии нормой аграрных отношений. Эта зависимость захватывает здесь все большую часть бывших галло-римских колонов и арендаторов, посаженных на землю римских рабов, так же как и часть свободных галло-римского и германского происхождения. Конкретные ее формы были исключительно многообразны, но в любом случае они предполагали ту или иную зависимость мелкого, самостоятельно ведущего свое хозяйство земледельца, от землевладельца, выступавшего в качестве личного господина этого последнего. Именно подобный — феодальный — тип межклассовых отношений начинал распространяться в течение указанных столетий. Так как он подразумевал соответствующую перестройку организации и господствующего класса и государства, его становление можно считать свидетельством складывания феодального уклада.

Этот уклад рождался в Северной Галлии в ходе острейшей социально-политической борьбы: борьба знати за верховенство над остальным населением переплеталась в это время с междоусобицами в ее собственной среде и войнами между отдельными франкскими государствами.

В конкретных условиях Северной Галлии VII — начала VIII в. новые аграрные отношения были тесно связаны с римским наследием и несли на себе его отпечаток. Однако, как это было показано выше, нет никаких оснований отрицать (подобно, например, М. Я. Сюзюмову) решающую роль в их становлении взаимодействия позднеантичного и варварского укладов. Точно так же признание роли римского наследия на территории Северной Франции ни в коей мере не означает континуитета в аграрном развитии данного региона между античностью и ранним средневековьем. Крестьянство VII — начала VIII в. принципиально отличалось здесь от позднеантичного и по своему составу, и по положению отдельных категорий, и по формам эксплуатации.

*

В начале VIII в. в Северной Галлии заканчивается первый этап складывания феодально-зависимого крестьянства, длившийся около 150 лет. Суть его в том, что процесс феодализации захватил в первую очередь несвободные категории меровингского крестьянства, приводя к превращению колонов, равно как и значительной части рабов и вольноотпущенников, в зависимых держателей с владельческими правами на свои земельные наделы. Феодализация свободного населения — мелких галло-римских земледельцев и германских аллодистов — на этом этапе делала лишь первые шаги.

Тогда же начался новый, второй, этап складывания феодально-зависимого крестьянства в Северной Галлии, продолжавшийся более 250 лет — до последних десятилетий X в. Его суть — в феодальном подчинении свободных. На этом втором этапе свершился «переворот в аграрных отношениях» (Энгельс) и феодальная зависимость охватила основную массу сельского населения, обрета одновременно свои наиболее ясные, классические формы.

3. Второй этап формирования феодально-зависимого крестьянства

Созревание феодально-зависимого крестьянства в Северной Галлии VIII в. происходило в первую очередь в рамках унаследованных от прошлого меровингских поместий. Их структура не была однородной. В центральных областях в начале VIII в. чаще других встречались поместья средней величины с небольшой барской запашкой; в их доменальных хозяйствах играло заметную роль животноводство; зерновое производство было развито слабо. В обработке господской земли важное место занимали дворовые холопы. Барщины крестьян-держателей постепенно расширялись, но в начале VIII в. еще не стали основой доменальной системы. Среди держателей-барщинников большинство составляли тогда испомещенные на землю рабы, реже — колоны. Держатели из свободных в основном несли лишь продуктовые (иногда — денежные) оброки. Степень связи этих держателей с вотчинником и мера их подвластности ему были еще довольно ограниченными.

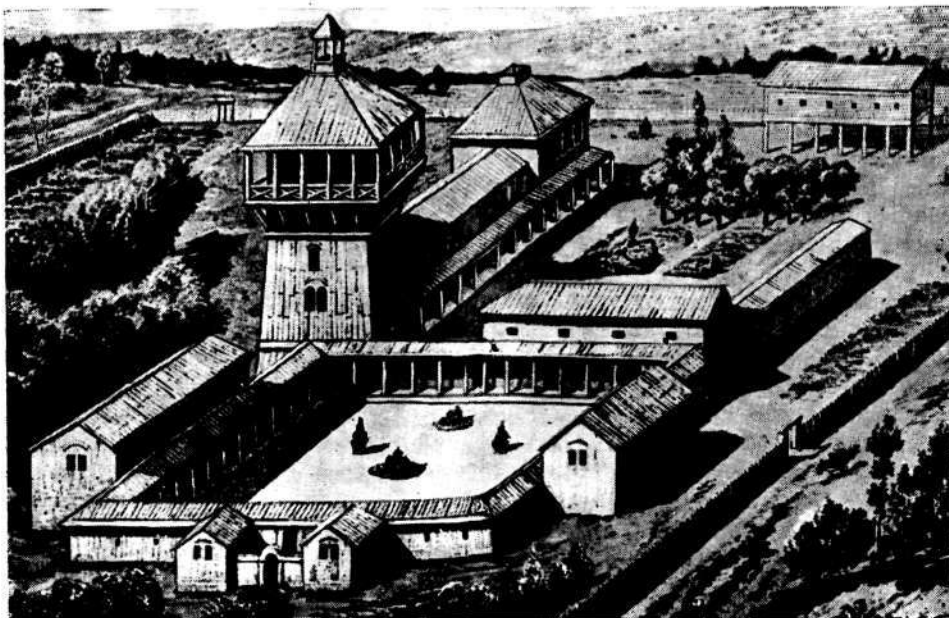
Кроме подобных вотчин, в начале VIII в. существовали и сеньории иного типа: они вовсе не имели домена и представляли собою землевладельческие комплексы, обеспечивавшие их владельцам лишь определенную совокупность юрисдикционных прав над местным населением и некоторую сумму натуральных и денежных поступлений (Verhulst, 1966, p. 145 з.; Toubert, 1973, p. 96—111). Основу населения таких сеньорий составляли свободные галло-римские (или франкские) мелкие земледельцы.

Процесс формирования зависимого крестьянства на территории Северной Франции в VIII—X вв. ярче всего характеризуется теми изменениями, которые были связаны с возникновением так называемой классической вотчины. В современной литературе понятие «классическая» применяют к крупной сеньории (в несколько сот га и более), включающей в свой состав обширную барскую запашку с хлебным производством (около 25—30% общей площади вотчины) и комплекс земельных держаний, зависимые владельцы которых выполняют регулярные барщины; так как эти барщины обеспечивают выполнение на домене основных работ, тесная социальная и хозяйственная связь крестьян-держателей с доменальным хозяйством выступает как важный отличительный признак всей системы (Verhulst, 1966, p. 139; Toubert, 1973, p. 96—111; Roushe, 1982). На территории Северной Франции подобная вотчина встречалась чаще, чем где бы то ни было (хотя, как мы увидим, она и здесь не была единственным типом вотчинной организации, совмещаясь с рядом других).

Чтобы такая вотчина смогла сложиться, должны были произойти немаловажные изменения в положении всех составных элементов феодально-зависимого крестьянства. Завершилось превращение в держателей земельных наделов основной массы рабов. Колоны (и подобные им категории свободных арендаторов) до конца утратили элементы прежней свободы и стали регулярно выполнять полевые барщинные службы. Мелкие свободные земледельцы, составлявшие, как отмечалось, костяк галло-римских деревень и основную массу населения во франкских селах, потеряли и свободу и право собственности на принадлежавшие им земли. Объяснить эволюцию статуса рабов и колонов в VIII—IX вв. сравнительно несложно: она представляла лишь завершение процессов, начав-

шихся еще на первом этапе формирования северогалльского крестьянства. Труднее понять и конкретно представить массовую феодализацию свободных.

В основе нее лежал продолжавшийся в VIII—X вв. процесс отстранения рядовых свободных — и галло-римлян и франков — от пользования основными гражданскими правами-обязанностями. Утрата этих прав, составлявшая оборотную сторону сосредоточения свободных исключительно на трудовой деятельности, неизбежно предполагала их подчинения магнатам, в руках которых концентрировалась политическая и административная власть.

Реконструкция поместья крупного каролингского землевладельца. Комплекс включает жилые покои и хозяйственные постройки

Действительно, судебно-административные иммунитетные привилегии знати продолжали расширяться. Бенефициальная система обретает полную силу. В VIII в. перестают созываться общие судебные собрания в округах и сотнях. Их заменяют коллегии присяжных, назначавшихся графами. С середины VIII в. прекращаются также ежегодные смотры всеобщего военного ополчения («мартовские поля»). Его состав сужается, служба в войске превращается в привилегию высших слоев свободного населения, тогда как для низших слоев она заменяется денежным налогом. Со времен Карла Великого право (и обязанность) непосредственного участия в ополчении сохраняют лишь владельцы более чем четырех обычных земельных наделов — мансов. Владельцы трех мансов объединялись с кем-либо из тех, кто имел один манс, и сообща представляли одного воина, владельцы двух мансов объединялись с той же целью по двое, владельцы одного манса — по четверо (или по трое), владельцы полумансов — по шестеро (Сар., I, 50, 1; 48, 2). Дифференцируется и ставка военного налога. Те свободные, движимое имущество которых

(т. е. прежде всего оружие, кони, тягловый скот, сельскохозяйственный инвентарь) оценивалось в 6 фунтов, уплачивали 3 фунта военного налога (50%) оценки имущества), имевшие 3 фунта платили 30 солидов (50%), имевшие 2 фунта — 10 солидов (25%), имевшие один фунт — 5 солидов (25%) (Сар., I, 44, 19).

Меньший объем военных обязанностей у свободных низших имущественных прослоек символизировал известную приниженность их социального положения, или, по крайней мере, тенденцию к такому принижению. Не случайно все неспособные самостоятельно выполнять воинскую обязанность (т. е. имевшие менее чем по три-четыре манса) порою объединялись составителями каролингских капитуляриев в особую категорию «mediocres» («незначительные», «заурядные») (Сар., I, 165, 1). Параллельно складывалось понятие «minus potentes» («маломощные», «малоимущие»). И те и другие подобно вдовам и сиротам считались находящимися под королевским патронатом (Сар., I, 33, 40; 34, 18; 59, 1; 63, 1; 90, 1; 98, 2), который должен был защитить их от посягательств со стороны магнатов, но в то же время создавал возможность их личного подчинения королю. В неустойчивости положения этих слоев свободных как раз и проявлялось ярче всего ухудшение их социального статуса. Дело шло к утрате прежнего смысла и значения их свободы.

Важность этой тенденции тем более очевидна, что во времена Карла Великого она затронула едва ли не основную массу мелких свободных собственников — всех, кто имел меньше трех-четырех мансов. Вся эта масса свободных (а отнюдь не только разоренные и обезземеленные люди) переживала ныне процесс социального опускания.

Об этой же тенденции свидетельствует судьба *Iberi homines pauperes*. Перевод названия этой категории не так прост, как это может показаться на первый взгляд. *Pauperes* VIII—IX вв., фигурирующие в капитуляриях, не имели ничего общего с пауперами в современном смысле слова. В отличие от таковых они обычно обладали собственными земельными наделами, движимым имуществом и могли даже иметь собственных зависимых от них людей (см., например: Сар., I, 73, 3)⁵. Это не значит, что понятие «*pauperes*» в капитуляриях вовсе не имело отношения к имущественному положению человека: к числу *pauperes* относили прежде всего оскудевших людей⁶. Но в конституировании этого слоя не меньшую (если не большую) роль играло ухудшение социального статуса этих людей как такового, т. е. сокращение их прав-обязанностей, уменьшение возможностей защитить свою независимость и свободу, ущемление их свободы, происходившее, несмотря на сохранение в их руках тех или иных прав земельной собственности⁷.

⁵ Мы не касаемся здесь значений, которые термин «*pauperes*» мог иметь в нарративных памятниках. О многозначности этого термина см.: *Bosl*, 1963.

⁶ В *pauperes* можно было превратиться вследствие той или иной хозяйственной неудачи — например, при невыгодной продаже зерна и винограда «на корню» (Сар., I, 63, 12). Среди *pauperes* были и такие, кто не имел ни земли, ни собственных зависимых (Сар., I, 48, 2).

⁷ Отсутствие жесткой связанности социального и имущественного положения *pauperes* отражено в источниках совершенно недвусмысленно. Показательно, что даже полная утрата *pauperes* земли не влекла автоматического лишения их прав-обязанностей свободных. Так, при созыме ополчения в Западной Галлии к службе в нем были привлечены и те свободные *pauperes*, у которых не было ни своих зависимых, ни собственных земельных владений; поскольку, однако, их движимость оценивалась не ниже определенной суммы, они были обязаны, подобно владельцам полумансов, выставлять вшестером одного воина (см.: Сар., I, 48, 2). Об участии *pauperes*

Социальное принижение раурегес представляло длительный и постепенный процесс, проходивший на фоне упорной борьбы между служилой знатью и королями. Многочисленные установления капитуляриев и церковных соборов свидетельствуют о притеснениях раурегес со стороны магнатов и несправедливых судей (Cap., I, 33, 25; 33, 29; 34, 12; 35, 51; 135, 3; 44, 16; 50, 2; 73, 2; 73, 3; 73, 5; Cap., II, 258, 18; MGH, Concil. Mogunt., с. 7, р. 262; Concil. Cabillonense, с. 6—8, р. 275; Concil. Remense, с. 36, р. 256; Concil. Turon., с. 44, р. 292; Concil. Paris., с. 2, р. 651). Королевская власть пыталась ограничить эти притеснения, чтобы таким путем предотвратить усиление знати и сохранить свое влияние в среде мелких свободных собственников.

В общем королевская опека раурегес — как и королевский патронат по отношению к *mediocres* и *minus potentes* — отражали неустойчивость социального положения широкого круга мелких свободных собственников (любого этнического происхождения). В этих акциях королевской власти проявлялось соперничество между двумя политическими силами эпохи — королями и служилой знатью, каждая из которых пыталась использовать результаты социального опускания свободных в своих собственных интересах⁶.

Отличием Северной Галлии от ряда европейских регионов было то, что, как уже отмечалось, знати удалось здесь «опередить» королей в подчинении свободного населения. Это «опережение» намечалось еще на первом этапе формирования феодально-зависимого крестьянства. Оно было закреплено в VIII—X вв. за счет широкого использования магнатами результатов объективного процесса социального упадка свободных. Интенсивность этого процесса и взаимосвязанный с ним рост экономической и политической мощи служилой знати позволили уже в VIII—IX вв. придать феодализации свободных на территории Северной Франции исключительно широкие масштабы. Не только оскудевшие крестьяне, но и свободные, сохранявшие земельную собственность, почти повсеместно превратились здесь в зависимых от знати (в первую очередь, от служилой знати) людей.

Осуществлялось это превращение несколькими путями. Один из них — прямое принуждение свободных, сохранявших землю, к выполнению определенных хозяйственных повинностей в пользу королевских должностных лиц. Вот, например, что говорится в одном из капитуляриев начала IX в.: «Свободные не обязаны графам и викариям никакими иными обязанностями, кроме службы в королевском войске... — ни в лугах, ни на жатве, ни на папине или в винограднике» (Cap., I, 57, 2). Конкретность этой формулировки наводит на мысль, что принуждение свободных, сохранявших земельную собственность, к выполнению бар-

в ополчении и судебных заседаниях упоминается не раз (Cap., I, 73, 3; 73, 5; 135, 3). Столь же поучительно, что и наличие собственной земли (и даже зависимых людей) могло совмещаться, как это отмечено выше, с ущербностью свободы человека и его приращением к раурегес.

⁶ В концепции западногерманского историка Т. Майера и его школы, не раз уже подвергавшейся справедливой критике в советской и зарубежной науке, непосредственное подчинение свободных королевской власти неоправданно используется для доказательства того, что состояние свободы, как и сама категория свободных, являлись порождением королевской власти (см. подробнее: Данилов, Неусыгин, 1960, с. 117 и след.; Барс, 1973, гл. III). В действительности, как мы видели, попытка королевской власти предотвратить подчинение мелких свободных собственников магнатам не имела ничего общего с созданием свободы и объективно представляли лишь одно из средств в борьбе королей за социально-политическое верховенство.

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

ции в хозяйствах магнатов было вполне реальным явлением. Сходные факты отмечены и в других капитулярных (Сар., I, 158, 10; 143, 4).

К числу крестьян, чья личная свобода подвергалась ограничению, несмотря на сохранение земли, относились также мелкие земледельцы, заключившие с магнатами сделки о коммэндации. Суть этих сделок состояла в юридическом признании личного подчинения составителей договора, которые как бы добровольно отказывались от свободы. На деле, как прямо отмечается в капитулярных, коммэнтация нередко представляла вынужденный акт (Сар., I, 73, 8). О поступлении свободных, сохраняющих свои аллоды, в «услужение» к знатым известно и по более поздним капитулярным. О нем упоминает, например, Пистевский эдикт Карла Лысого (Сар., II, 273, 28). Во всех этих случаях первым шагом к установлению феодальной зависимости свободных оказывалось их личное подчинение. Возможность распоряжения принадлежавшими им землями на первых порах сохранялась. Однако на фоне личной несвободы эти права собственности постепенно утрачивали свою ценность. Рано или поздно зависимость, охватывавшая личность крестьянина, распространялась и на его земельный надел.

Другой вариант феодального подчинения свободных знатно характеризуется одновременной утратой ими и личной свободы и земельной собственности. Этот вариант получил отражение, в частности, в императорских формулах Людовика Благочестивого. В них отмечается, что графы, королевские посланцы и другие должностные лица, пользуясь своей властью, незаконно превращают отдельных свободных в сервов (или даже целые свободные роды — *genealogia* — в зависимых людей — *fiscalini*), требуя исполнения повинностей. По-видимому, параллельно узурпируются и земельные права этих свободных: согласно формулам, предписывается одновременно восстанавливать и их свободу и их земельные владения (Form. Imperiales, 5, 9, 45, 51; Epperlein, 1969, S. 91).

Аналогичная картина вырисовывается по военным капитулярным 808 и 811 гг.: свободные рауреги всячески принуждаются к продаже (или иной передаче) своих земельных владений графам, судьям, епископам и аббатам, пользовавшимся правами созыва военного ополчения; свободных, согласившихся отказаться от прав на свои земли, магнаты не только освобождают от службы в войске, но и оставляют на их прежних землях или же возлагают на них обязанности министерялов (Сар., I, 73, 3; 73, 4; 50, 4; 44, 16). Самых же «маломощных» («*raupregioses*») магнаты посылают в свои поместья (Сар., I, 73, 5). Вероятно, те же самые последствия имели злоупотребления королевских должностных лиц при отправлении правосудия. По несколько раз в течение одного и того же года Карл Великий требовал от своих судей, графов и посланцев воздерживаться от «притеснения» свободных раурегов. Судить следует согласно закону, а не по произволу; никто не смеет противозаконно притеснять другого; графы не должны притеснять раурегов через суды; «народ» чрезвычайно отягощен судами, которые созываются викариями и сотниками «преимущественно по корыстолюбию, а не ради правосудия» — этими и подобными им сентенциями пестрят капитулярные (Сар., I, 34, 12; 33, 25—26, 29; 35, 51; 59, 9; 135, 3; Сар., II, 193, 5). Конкретное содержание притеснений, которым судьи подвергали свободных, в капитулярных раскрывается не всегда. Можно, однако, думать, что речь идет как о попытках личного подчинения свободных, так и о покушениях на их земли.

В первую очередь такое насильственное подчинение свободных (при одновременной утрате ими и свободы и земельных прав) распространялось на наиболее оскудевшие семьи. Средние слои свободных понадеялись в зависимости от магнатов преимущественно на основе юридически оформленных двусторонних соглашений (Мильская, 1957, с. 200—201). Главными их видами в VIII—IX вв. были закладные и прекарные сделки, устанавливавшие обязанность свободного выполнять в пользу землевладельца определенные повинности и передававшие ему одновременно известные права на землю. Так, согласно одной из Саисских формул (конец VIII в.), свободный, получивший заем деньгами, закладывает свой виноградник с условием, что кредитор может пользоваться плодами этого виноградника вплоть до погашения суммы займа (Foght. Senon., № 48). По-видимому, обработка виноградника остается в течение срока договора на обязанности его первоначального собственника. Последний оказывается фактически в определенном личном подчинении кредитора и в то же время признает его временные права на сам виноградник.

Сочетание фактической зависимости с утратой прежних прав на землю еще более отчетливо выражается в прекарных соглашениях VIII—IX вв. (имеются в виду прекарии «возвращенные» и с «вознаграждением»). На рубеже VIII—IX вв. прекарные сделки получают в междуручье Рейна и Луары особо широкое распространение. Существенным отличием крестьянских прекариев VIII—IX вв. становится то, что они сопрягаются с уплатой тяжелого чинша, включавшего даже барщину и увеличивавшегося из поколения в поколение (Грацианский, 1960, с. 182—185; Мильская, 1957, с. 110—113). Уплата подобного чинша не могла не стеснять фактическую независимость прекариста. Свобода его хозяйственной деятельности и права распоряжения землей так или иначе ограничивались. Да и во всех иных случаях мелкий прекарист-крестьянин вряд ли мог чувствовать себя свободным по отношению к магнату, с которым его связывали пожизненные или даже наследственные обязательства. На этом фоне личная свобода крестьянина-прекариста, упоминаемая в прекарных грамотах, постепенно превращается в фикцию. С точки зрения фактического положения вещей, собственник крестьянского типа, вступивший в прекарную сделку с магнатом, утрачивал не только свободу распоряжений аллодом, но — более или менее одновременно — и часть своей личной независимости от магната (ср.: Романова, 1959, с. 80). Прекарные сделки во Франкском государстве VIII—IX вв. можно поэтому рассматривать как еще один вариант того пути феодального подчинения, при котором свободные параллельно начинали утрачивать и свободу и права на землю. Процесс этот мог быть сугубо постепенным и очень длительным (Мильская, 1957, с. 155—156), однако на всех этапах своего развития прекарные отношения затрагивали как личную свободу, так и земельные права крестьянства.

Рассмотренные примеры возникновения зависимости свободных от знати имеют между собой то общее, что права на землю утрачивались крестьянами либо после их личного подчинения, либо параллельно с ним. Случаи, когда в зависимость попадали свободные, уже утратившие какую бы то ни было связь с землей, были в Северной Галлии VIII—X вв., по-видимому, более редкими. Конкретными свидетельствами этого пути формирования зависимого крестьянства можно было бы считать в первую очередь данные об использовании в хозяйствах знати некоторых свободных бедняков. Так, в постановлении Парижского церковного собора

(829 г.) указывается, что знатные люди заключают иногда бедняков в эргастулы (Concil. Paris., с. 2, р. 651), используя их, по-видимому, в качестве дворовых работников. Судя по ранним поместным описям (например, Сен-Жерменской), некоторые магнаты практиковали инопомещение безземельных людей на вновь создававшиеся тяглые мансы, т. е. превращали их в обычных зависимых держателей. О том же самом свидетельствуют прекарии «выданные» (data), встречающиеся (хотя и сравнительно редко) в конце VIII — начале IX в.

Широкий размах в VIII—X вв. феодального подчинения свободных знатию привел к тому, что по темпам складывания класса феодально-зависимого крестьянства территория Северной Франции заметно обогнала все сопредельные области. И хотя свободные от подчинения знати крестьяне не исчезли здесь полностью ни в IX, ни в X в. (см.: Boutchec, 1943; 1968, т. 1, р. 83, 152—153; Fossier, 1982, р. 145), социальное и экономическое положение основной массы сельского населения оказывается отныне неразрывно связанным с судьбами феодальной сеньории.

4. Система эксплуатации крестьянства в сеньории VIII—X вв.⁹

Как уже отмечалось выше (см. § 3), феодальные сеньории Северной Франции не были одинаковы ни по размеру, ни по структуре. Вотчина упомянутого выше классического типа встречалась преимущественно в центре и на севере Парижского бассейна, реже — в Пикардии, Эно, на севере Бургундии, на юге Фландрии и Брабанта, изредка — в Лотарингии и Эльзасе (Verhulst, 1966, р. 141, 154). Наряду с крупными вотчинами, по 3—4 тыс. крестьянских держаний, встречались сеньории с 1—2 тыс. держаний; небольшими вотчинами считались, согласно данным церковного собора 816 г., те, в которых было 3—4 сотни крестьянских наделов. По капитулярию 780 г., владения сильнейших графов насчитывали не менее 400 мансов, «рядовых» вассалов — по 100—200 мансов. В то же время существовало много мелких сеньорий, особенно — в Нормандии, Бретани, Мэне. Число подчиненных им крестьянских держаний могло не превосходить 5—10. Некоторые королевские вассалы имели всего по 30—50 мансов (Concil., II, р. 401, с. 122; Cap., I, 21, р. 52).

По самым осторожным подсчетам, в сравнительно обширных сеньориях (насчитывавших по несколько сот и более держателей), уже в IX в. было сосредоточено не менее трети всего зависимого крестьянства. Бессмертный. К демографическому..., 1981, с. 51—58).

Мелкие сеньории располагались обычно на территории одной-двух или нескольких близлежащих деревень, т. е. сравнительно компактно. Владения средних и крупных вотчин были, как правило, разбросаны по ряду районов, в каждом из которых могло находиться по одному-двум или большему числу хозяйственных комплексов — имений. Эти имения, в свою очередь, располагались отдельными своими частями в разных деревнях,

⁹ Ряд характерных черт в положении крестьянства Северной Франции на втором этапе его формирования достаточно полно проявились лишь в IX в. Этот же век нашел широкое по сравнению с предыдущим и последующим столетиями отражение в дошедших до нас источниках. Этим объясняется особенно широкое использование материалов IX в. при освещении аграрного развития на данном этапе.

так что по соседству с зависимыми крестьянами какого-либо сеньора могли жить зависимые других вотчин, мелкие сеньоры, свободные собственники крестьянского типа. Несовпадение поместья и деревни было таким образом типично для многих сеньорий между речья Рейна и Луары (особенно для тех, которые находились в восточных районах).

В крупной и средней сеньории общая площадь домена была либо равна площади держаний, либо несколько уступала ей. Это равенство достигалось, однако, в основном за счет лесов, пустошей, пастбищ, лугов, занимавших большую часть доменных владений. Наиболее важная категория земель — пашня — входила в своей основной части в состав крестьянских держаний. На западе региона крестьянская запашка была в 3—4 раза больше господской, на востоке — в 5—6 раз. Тем не менее абсолютная величина господской пашни в ряде крупных и средних вотчин была немалой.

Судя по дошедшим до нас описаниям крупных каролингских вотчин, главную роль в обработке домена в них играли крестьяне-держатели, выполнявшие различные барщинные службы. Широко использовалась также дворовая челядь. Значительно реже применялся труд поденщиков.

Об организации хозяйства в мелких сеньориях и роли в них барской запашки для VIII—X вв. прямых сведений нет. Ретроспективно можно предпологать, что домен, обрабатывавшийся несколькими несвободными, играл в них еще большую роль, чем в классической вотчине. В то же время далеко не все крупные сеньории каролингского времени имели классическую вотчинную структуру: часть их состояла из разбросанных по значительной территории земельных держаний, владельцы которых были обязаны уплачивать сеньору лишь продуктовые и денежные оброки и подчиняться его судебной-политической власти.

Наиболее распространенным типом крестьянских держаний в Северной Франции VIII—X вв. были так называемые мансы. Почти везде (исключая Нормандию) они представляли собою не компактно расположенные наделы, но сложные земельные комплексы. Дом с приусадебным участком находился в деревне. Пахотные же земли были разбросаны отдельными участками, чересполосно, в трех-четыре полях, принадлежавших данной общине. Если в состав манса входили виноградник, луг и лес, они также располагались не рядом с домом, но поодаль — в той или иной части деревенской территории. Каждый владелец манса мог, кроме того, пользоваться неподеленными общинными лесами и пастбищами, пасти свой скот по жнивью и на поле, оставленном под паром. Манс, как таковой, представлял наследственное владение своего держателя, имевшего право отчуждать его внутри сеньории, а при согласии вотчинника — и вне ее (Грацианский, 1960, с. 118; Бессмертный, 1960, с. 148—149).

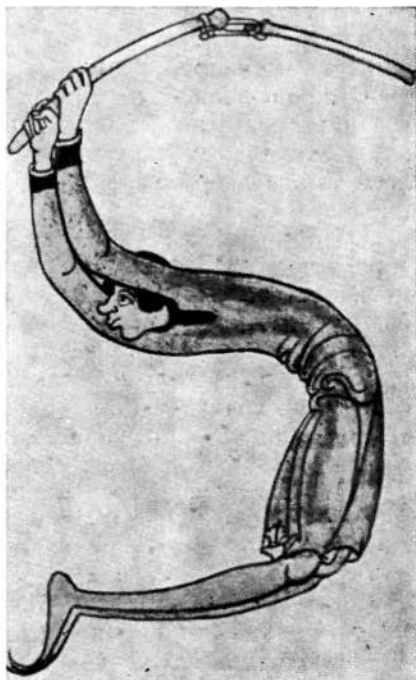
В отличие от состава и структуры крестьянских держаний их обложение и особенно площадь изменялись в зависимости от категории манса и опосредованно — от социального происхождения его держателя. На территории Северной Франции мансы разделялись в VIII—X вв. на интениульные, лидильные и сервилльные. Предположительно они восходят к наделам, находившимся соответственно во владении свободных, латв и сервов. Однако уже в X в. социальный разряд манса и его держателя все чаще не совпадают. В этом выражается тенденция к унификации правового статуса крестьян равного происхождения. Ведь поскольку основные крестьянские обязанности определялись типом держания, крестья-

II. Становление класса феодално-зависимого крестьянства

не разных социальных разрядов, жившие на мансах одной и той же категории, сближались по составу повинностей¹⁰. Так, например, полевая барщина, которая в меровингское время была отличительным признаком рабов, ныне становится обычным видом повинностей и для свободных (в прошлом) крестьян. Это не означает, однако, что социальные градации вовсе утратили всякое значение. Они проявлялись и в специфических личных и поземельных повинностях и в неравенстве мансов разных социальных разрядов (почти повсеместно больше всего была площадь ингенуильных мансов, наименьшей — сервильных). Среди крестьянских повинностей наиболее весомыми были в крупных и средних вотчинах

Косарь. За поясом у крестьянина оселок.
Матриолог Вандальберта Прюмского.
Первая половина X в.
Библиотека Ватикана, Рим.

Молотба цепом.
Инициал из рукописи XI в.
Библиотека Дижона.

барщины и (в несколько меньшей степени) натуральные оброки (Dubu, 1962; Fossier, 1968; Fourquin, 1975).

Важнейшими отраслями сельского хозяйства оставались в VIII—X вв. животноводство и земледелие. Хотя разведение скота продолжало занимать в хозяйстве важное место, его экономическая роль в сравнении с той, которую оно играло в VII в., сократилась и первенствующее значение земледелия стало очевиднее. Особенно это касалось районов с плодородными почвами — Иль-де-Франса и Пикардии. Здесь

¹⁰ Характерный пример: в имении Кондэ-сюр-Мари Реймского монастыря св. Ремигия одну половину свободного манса держал раб, другую — колон; повинности обоих были абсолютно одинаковы (Doehaerd, 1971, p. 173).

интенсивно возделывались зерновые, виноград, овощи. В центре внимания находилось производство зерна. Все чаще хлебопашество рассматривалось как основной (или даже единственный) источник средств к жизни. Главными зерновыми культурами были полба, рожь, ячмень, в меньшей степени овес и пшеница. В качестве яровых сеяли чаще овес, озимые включали обычно рожь, ячмень, пшеницу. Соответственно озимый клин обычно превращался яровой. Там же, где применялось трехполье, пары занимали подчас большую площадь, чем озимые и яровые вместе взятые (Fossier, 1968, p. 235; Duby, 1966, p. 274 з.).

Несмотря на неоспоримую интенсификацию сельскохозяйственного производства (подтверждающуюся, в частности, самим составленным серией поместных описей), северофранцузские крестьяне нередко испытывали в VIII—X вв. острую нехватку продуктов питания. Об этом свидетельствуют многочисленные данные. Составляющиеся в разных местах хроники (Мозельские, Лоршские, Фульдские анналы), жития святых, каролингские капитулярии многократно упоминают голодные годы и прежде всего недостаток зерна. Нехватка продуктов и голод побуждали королей изменять порядок набора свободных (Сар., I, 48, § 2), ограничивать цены на зерно, предписывать помощь нуждающимся, запрещать сделки об урожае до его сбора (Сар., I, 46, 18; 62, 64). «Голод во многих местах» или просто «голод» констатируют капитулярии ряда лет (Сар., I, 46, 18; 48, 2; 62, 24).

Изменения в частоте голодных лет в каролингский период по сравнению с предшествующими столетиями недостаточно выяснены. Еще менее ясна динамика в урожайности сельскохозяйственных культур. Тем не менее крайняя неустойчивость урожаев зерновых, частое их опускание (даже в плодородных районах) до сам-два, сам-полтора, сам-один выступает из источников с полной очевидностью (см.: Бессмертный, Современная..., 1981, с. 7—17).

Пища северофранцузских крестьян включала в VIII—X вв. преимущественно овощи (в первую очередь бобовые и капусту), дикие фрукты и коренья, вареное зерно (полбу, рожь), рыбу. Трудности обмолота полбы, малочисленность мельниц и хлебных печей предопределяли сравнительную редкость печеного хлеба в крестьянском районе. Зерно употреблялось преимущественно в виде похлебки или каши, приправленных травами. Хлеб, особенно белый, давали лишь больным. Мясо (свинина, баранина) появлялось на крестьянском столе только по праздникам. Из-за систематического недоедания, частых войн и болезней люди рано умирали (на одном из кладбищ того периода в Иль-де-Франсе нет захоронений взрослых людей старше 30 лет. См.: Fourquin, 1969, p. 50). Детская смертность была чрезвычайно велика. В то время как число рождений в крестьянской семье редко было меньше шести-семи, среднее число детей в ней составляло примерно 2,5—2,7 (Fossier, 1968, p. 204—205; Duby, 1973, p. 97; Bregi, 1975, p. 166—167; 227—273; Бессмертный. К демографическому..., с. 58—61).

До VIII в. общая численность населения, видимо, не увеличивалась. В конце VIII — начале IX в., в период политической стабилизации, происходящей на время первых Каролингов, положение изменяется к лучшему. В наиболее плодородных областях рост населения затрагивает даже зависимое крестьянство (Блонн, 1984). Так, на землях Сен-Жерменского и Сен-Вертенского аббатств (Парижский бассейн и Пикардия) и Реймского монастыря св. Ремигия (Шампань) плотность населения в первой половине IX в. достигала 30—40 человек на квадратный кило-

метр. В целом же она была на территории Северной Франции того времени в 3—4 раза ниже. В конце IX и в течение большей части X в. — в период возобновившихся междоусобиц — рост населения сменился его стагнацией или даже сокращением (Fourquin, 1969, p. 57—59; Roushe, 1982, p. 460).

5. Социальная и имущественная структура зависимого крестьянства в IX—X вв.

Как уже отмечалось выше, несоответствие деревни и поместья было одной из характерных черт аграрной структуры Северной Франции. Вследствие этого различались те рамки, внутри которых шел процесс формирования феодально-зависимого крестьянства (поместье), и те, в которых протекала его повседневная жизнь (деревня).

Все дошедшие до нас источники были составлены сеньорами или другими членами господствующего класса. Естественно, найти в них сведения о деревне как таковой очень трудно. Не удастся, в частности, обнаружить в них данные и об организации деревенской общины. О ней приходится судить, отталкиваясь от материалов о галло-римской деревне, с одной стороны, и о германской общине — с другой.

Выше уже отмечалась сложность вопроса о внутридеревенской организации галло-римлян. Необходимость решать общедеревенские вопросы (использование неподеленных угодий, охрана полей, пастьба скота и т. п.) делала неизбежной некую форму общедеревенской организации. Однако проследить ее функции и права в течение первых столетий средневековья не удается. Ясно лишь, что в VIII—X вв. в деревнях Северной Галлии, являвшихся преемниками галло-римских поселений, деревенские сообщества не располагали верховными правами не только на пахотные земли крестьян, но и на определенную часть угодий. Об этом свидетельствует тот факт, что крестьянские наделы — мансы, более или менее свободно отчуждавшиеся их владельцами, включали не только пахотные участки и виноградники, но и участки луга и леса (см. § 4). Традиции германской общины (в той мере, в какой они сохранились после феодализации Северной Галлии) могли с особой силой сказаться в области франкских поселений. Здесь община обладала несомненными правами на угодья (а в ранний период — быть может, и на пахотные земли). Поскольку, однако, франкские деревни были в Северной Галлии редки (см. § 2), преувеличивать роль этих общинных традиций для региона в целом не приходится.

И, тем не менее, нельзя согласиться с весьма распространенным в западной средневековой историографии представлением, согласно которому на территории Франции VIII—X вв. полностью победили индивидуалистические принципы хозяйствования и малая семья (т. е. семья, состоящая из родителей и их неженатых детей) вытеснила все иные типы внутридеревенской организации. Работы последних лет, опирающиеся на новую исследовательскую методику, позволили вскрыть широкое распространение в северофранцузской деревне IX в. крестьянских сообществ типа домовых общин из трех поколений (родители, их взрослые женатые дети, дети этих детей)¹¹.

Эти сообщества совместно владели земельными наделами, совместно выполняли повинности сеньору, сообща владели тяглым скотом и инвен-

¹¹ Библиографию этой темы см.: *Бессмертный*, 1980, с. 35 и след.

тарем. Создание таких сообществ стимулировалось нехваткой в крестьянском хозяйстве рабочих рук (но-ва крайне низкой производительности труда). Аналогичную роль играл недостаток скота и инвентаря. Распространению этих сообществ способствовала господствовавшая в сеньории IX—X вв. система поземельного обложения, в силу которой старшим крестьянским детям, оставшимся на отчем мансе, удавалось набегать дополнительных повинностей. Свое воздействие оказывали также прочность родственных связей, авторитет старших родичей, недостаточная выделенность малой семьи. Не будучи преемственно связаны с древней большой семьей (исчезающей среди коренного населения Галлии уже в римский период), домовые общины IX в. свидетельствовали о способности к возрождению (на той или иной основе) больших семейно-хозяйственных объединений и спустя столетия после распада патриархальной семьи (Бессмертный, 1980, с. 43—52; Блонни, 1984; Bessmertnyj, 1980, str. 184—190; Bregi, 1975, p. 89—92, 167—170, 227—273).

Выяснение широкого распространения на территории Франции домовых общин на трех поколениях позволяет внести уточнения в структуру, состав и численность крестьянской семьи. Если обособленная малая семья насчитывала в среднем около 4,5 человек, то домовые общины достигали подчас 20—30 человек, в среднем — 8—9 человек (Бессмертный, К демографическому..., 1981, с. 52—58). Не менее существенно уточнение наших представлений о тех социальных рамках, внутри которых жило северофранцузское крестьянство IX в.: это был тесный мир родственно-хозяйственных объединений.

Величину самой деревни и число крестьянских хозяйств в ней установить очень трудно. Имеющиеся в нашем распоряжении поземельные описи сообщают лишь о тех крестьянах каждой деревни, которые зависят от данной вотчины, игнорируя всех остальных. Размер деревни на территории Северной Франции можно поэтому охарактеризовать по данным этих описей лишь самым приблизительным образом. Порою она достигала 30—50 домохозяйств и более. Но, видимо, чаще деревня насчитывала 10—12 дворов.

Две основные экономические категории крестьян VIII—X вв. составляли держатели и дворовые. В состав держателей в Северной Франции вошли наследники мелких свободных советвенников галло-римского происхождения, преемники меровингских колонов, свободных франкских аллодистов, помещенных на землю меровингских рабов, франкских литов; категория дворовых составила из преемников безземельных рабов галло-римского (или франкского) происхождения, франкских литов, а также из отдельных оскудевших и разорившихся колонов и свободных. В какой мере эти различия социального происхождения сказывались на социально-правовом статусе членов нового класса?

Выше уже отмечалось (см. § 4), что наряду с поземельными сеньориальными повинностями, раскладывавшимися на держания, в Северной Франции в IX—X вв. сохранялись некоторые специфические личные повинности литов, рабов, сервов, колонов. Они обуславливали известные различия в обязанностях этих крестьян. Не были одинаковыми и их правовые возможности. Показательно, что среда безземельных или малоземельных дворовых холопов, чьи обязанности по отношению к сеньору не были каким бы то ни было образом ограничены, составляли рабы — *мансiра*. Это обстоятельство, не означая отсутствия у рабов права владеть полным наделом, отражало, тем не менее, особую приниженность многих крестьян рабского происхождения (Fossier, 1968, p. 208; Bregi, 1975, p. 118).

Еще заметнее были отличия судебно-процессуальных и личных прав рабов. Безземельный раб — «собственность» своего господина — мог быть продан, подарен, обменян или заложен. Место жительства такого раба, род его занятий, выбор брачной партии и даже самая возможность брака зависели от воли хозяина (Boutriche, 1968, р. 144—145). Он же обладал правами судьи по отношению ко всем своим рабам (Сар., I, 56, 1; 82, 7), а в случаях их судебных споров с третьими лицами представлял своих рабов в любом ином суде. Ни безземельный раб, ни раб-держатель не добились таким образом в VIII—X вв. юридического оформления ряда основных прав. По правовому статусу в близком к рабам положении нахо-

*Дровосеки и пильщики. Ковер из Байе. XI в.
При изготовлении досок употреблялись топоры.*

дились в IX—X вв. сервы — та часть бывших рабов-держателей, которые, если не формально, то фактически отличались характером своих прав и личного статуса от рабов. По отношению к сервам сеньор не практиковал ни отобрания надела, ни произвольного перевода в другое имение или изменения повинностей. В то же время сервы, как и рабы, находились в наследственной личной зависимости от господина. Без его разрешения они не могли уходить из имения, отчуждать надел, поступать в клирики и т. д.

В отличие от рабов и сервов колоны находились под защитой королевских судов, обладали правами юридических лиц (Сар., II, 278, 3), не подлежали (до середины IX в.) телесным наказаниям (Bloch, 1963, р. 437), могли вчинять иски свободным, привлекаться к военной службе (Boutriche, 1968, р. 151) и даже жаловаться в суд на собственных господ (Корсунский, 1969, с. 40—41). Зависимые крестьяне свободного происхождения (*liberi, franci, liberi sub potestate potentiorum*), помимо всего этого, пользовались правами свободного отказа от держания, могли выйти из-под зависимости от вотчинника, их жизнь защищалась вергельдом свободного (Fossier, 1970, р. 62—63), их преступления карались иначе, чем такие же преступления колонов (Корсунский, 1969, с. 37).

Численное соотношение «свободных», колонов, литов, рабов среди зависимого населения удастся выяснить лишь для некоторых сеньорий IX в. Так, в Сен-Жерменском аббатстве под Парижем из 2788 крестьянских семей «свободных» было 8, рабов — 120, литов — 45, колонов — 2080 семейств (в 286 семьях супруги имели разный юридический статус; происхождение крестьян в остальных 249 семьях не известно. См.: Guéard, 1843, p. 358). Аналогичным образом в Реймском монастыре св. Ремигия доля *ingenii* (близких по своему статусу к колонам) и собственно колонов примерно в 5 раз превышала долю рабов; в Сен-Бертенском аббатстве рабы составляли несколько большую, чем в Сен-Жермене

Вскапывание земли мотыгой и лопатой. XI в. Национальная библиотека, Париж.
Лопата деревянная с железной оковкой на конце

и Реймсе, часть зависимых: их было не менее трети. В целом же, как полагает Р. Бутрюш, рабы составляли в IX в. в данном регионе 10—20% сельского населения (Bouttruche, 1968, p. 144), т. е. несравнимо меньше, чем в Испании, Италии и намного меньше, чем в Германии и Англии¹². Такое соотношение могло сложиться в IX в. в Северной Галлии лишь в результате включения значительной части бывших рабов в состав более высоких социальных разрядов зависимого населения.

Действительно, ряд данных свидетельствует о сближении рабов, литов и колонов. Ему способствовало преобладание в северофранцузской сеньории IX—X вв. поземельного обложения, нивелировавшего многие существ-

¹² Объяснить это можно рядом обстоятельств. Одно из них — меньшая, чем в Испании и Италии, роль рабства в период римского господства. Однако, пожалуй, главное все же не в этом (тем более, что доля рабов в Германии и Британии в римский период вряд ли была больше, чем в Северной Галлии), а в специфике путей феодализации. Сумев особенно быстро подчинить свободных галло-римлян и франков, северогалльская знать сравнительно меньше нуждалась в IX в. в консервации рабства как такового. Быть может, поэтому рабам легче удавалось здесь добиваться улучшения своего положения. Они чаще приобретали держания, добивались фактического расширения своих прав, улучшения социального статуса. Слияние рабов с колонами могло поэтому идти здесь быстрее и интенсивнее, чем в других регионах.

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

Венные различия в сеньориальных обязанностях крестьян самого разного происхождения. С середины IX в. усилению этого процесса стало содействовать и ослабление королевской власти. Непосредственная связь колонов с королем, которому они еще в конце VIII в. должны были лично принести присягу в верности (Сар., I, 25, 4), стала утрачиваться. Колонов все чаще рассматривали как находившихся, подобно несвободным, под сеньориальной юрисдикцией (Корсунский, 1969, с. 37). Упрочивалась личная зависимость колонов от их господ. Это не означало еще их прикрепления к земле, поскольку проживание колона вне пределов сеньории представляло обычное явление, зафиксированное в ряде политиков. Однако уже в начале IX в. сеньор мог потребовать от такого колона, как и от раба, возвратиться на место своего рождения (Сар., I, 58, 4).

В середине IX в., в период заметного ослабления королевской власти, были предприняты попытки распространить на колонов правила, действовавшие по отношению к беглым рабам и предписывавшие их принудительный возврат (вместе с потомством) к прежнему господину (Сар., II, 195; 278, 3). Эти меры, рассчитанные на прикрепление колонов к земле, по-видимому, оказались неэффективными: отсутствовал принудительный аппарат, способный их реализовать. В условиях усилившейся внутриполитической анархии единственным средством обеспечения подобных законодательных норм были межсеньориальные судебные иски, которые редко могли привести к успеху (Cart. Redon, p. 210)¹³. Однако независимо от их результатов сама тенденция объединения правового статуса колона и раба проступала весьма рельефно.

Та же тенденция проявлялась в распространении во второй половине IX в. телесных наказаний на колонов, в учащении браков между колонами и рабами (а также между колонами и сервами), в применении к определению социального статуса потомства, родившегося от таких браков, порядка, который использовался по отношению к потомкам рабов, принадлежавших разным господам, и т. д. Вполне естественно, что уже в IX в. колоны, сервы и рабы рассматриваются в ряде памятников так, как если бы они представляли одну социальную категорию (Корсунский, 1969, с. 40; Bloch, 1963, p. 437).

Такое социально-правовое объединение колонов и рабов символизировало собой глубокое изменение принципов стратификации эксплуатируемого населения. Прежнее противопоставление колонов (как юридически свободных людей) рабам было словно забыто. В то же время сблизившиеся с рабами колоны не впали в рабство; точно также и улучшившие свое правовое положение рабы не обрели свободы. И те и другие воплощали теперь некие новые статусы, которые не укладывались в рамки древних социально-правовых представлений, отражая их перестройку.

Об этой перестройке свидетельствовало также изменение соотношения между колонами и впадшими в зависимость свободными, в первую оче-

¹³ Нереальность прикрепления колонов этого периода к земле не раз подчеркивал французский исследователь М. Блок. А. Р. Корсунский оспаривает это суждение Блока, ссылаясь на упомянутые выше тексты 56-го, 195-го и 278-го капитуляриев (см.: Корсунский, 1969, с. 38). Однако в 56-м капитулярии проживание колонов «под чужой властью» рассматривается как нечто обычное и их возврат к месту первоначального проживания предписывается лишь в случае, если прежний господин их «востребует»; что же касается 195-го и 278-го капитуляриев, вменяющих в обязанность должностным лицам многолетний поиск беглых колонов, то они представляют скорее свидетельство бессилия властей справиться с самовольным переходом колонов из вотчины в вотчину, чем признак того, что они «не могут уходить из вменений».

редь, сближение их имущественных, владельческих прав. Уже в 803 г. Карл Великий предписал запретить колонам и другим зависимым людям (*fiscalini*) совершать отчуждения вне *mitio*, т. е. вне пределов действия частной власти господина (Сар., I, 40, 10). На кого именно, кроме колонов, распространялось в данном случае действие этого капитулярия, остается не вполне ясным из-за многозначности термина *fiscalini* (возможно, что под *fiscalini* здесь подразумевались и держатели-рабы). Во всяком случае, симптоматично, что колон, лишенный некогда прав распоряжения земельным наделом, обладал теперь неоспариваемыми возможностями его отчуждения в границах сеньории и пытался распространить это право и за ее пределы.

В том, что в действительности, несмотря на официальные запреты, колоны продавали свои держания вне сеньории, убеждает изданный через 61 год после цитированного капитулярия Пистенский эдикт Карла Лысого (Сар., II, 273, 30). В нем прямо отмечается, что колонные королевских и церковных сеньорий продают свои мансы не только «равным», но и клириками и другим людям. Установленное в 803 г. запрещение отчуждений вне *mitio* вовсе не упоминается в эдикте 864 г. Единственное, чего требует теперь король, — не совершать сделок без разрешения сеньора и его министралов.

Подобное расширение прав колонов весьма существенно. Сколь бы сложным ни было происхождение колонов VIII—IX вв., поглотивших, вероятно, некоторых свободных, не приходится сомневаться в том, что, по крайней мере, часть колонов рассматриваемого периода была преемственно связана с колонами предшествующих столетий. Для этих колонов их превращение в зависимых держателей феодальной сеньории предполагало, следовательно, заметное изменение их правового статуса — его улучшение и сближение со статусом попавших в зависимость свободных собственников. Для последних ограничение прав распоряжения их землей представляло, разумеется, сужение традиционных прав. Однако именно сближение фактических правовых возможностей бывших свободных и колонов только и могло привести к «растворению» части свободных в массу колонов.

Еще более явственным было сближение права наследования надела у держателей разного происхождения. Этим правом равно пользовались не только колоны и бывшие свободные, но и рабы, владевшие держаниями. Показательно, что уже в составленном в самом начале IX в. Сен-Жерменском полиптике не прослеживается в этом отношении каких бы то ни было различий между держателями всех социальных разрядов. Аналогичным образом не различались и права отчуждения движимости, в частности, урожая¹⁴, а также права пользования общинными угодьями.

Соотношение основных социальных разрядов крестьянства изменяется, таким образом, весьма своеобразно. С одной стороны, сближаются между собой колоны и рабы — за счет ухудшения статуса колонов и улучшения статуса рабов; с другой — стираются некоторые различия между колонами и бывшими свободными (в результате ограничения прав свободных и расширения прав колонов). В результате бывшие свободные и рабы в VIII—X вв. оказываются в ряде случаев объединенными в общую катего-

¹⁴ Запрещая зависимым людям «спрадно шататься по рынкам», «Капитулярий о виллах» распространяет этот запрет на всех подвластных людей, не выделяя ни рабов, ни колонов, ни свободных (Сар., I, 32, 54).

рию¹⁵. Стратификация сельского населения, базирующаяся на критериях внутривотчинного разделения, вступает, таким образом, в явное противоречие со стратификацией, унаследованной от галло-римского или же от варварского обществ.

Собственника сеньории больше, чем публично-правовой статус его крестьян, интересовал теперь объем конкретных прав по отношению к ним. По этим правам наиболее заметно различались крестьяне, находившиеся в лично-наследственной зависимости от вотчинника (рабы, сервы, литы, колонны), и те, кто был свободен от нее. (В источниках эти последние выступали, как отмечалось, под терминами *liberi sub potestate potestiorum; liberi; franci*; в некоторых областях число подобных терминов достигало 10—12.—*Bouttruche, 1968, p. 141 et suiv.*) При этом свобода от лично-наследственной зависимости не исключала подвластности сеньору, поскольку он пользовался по отношению к этим крестьянам не только поземельной, но и судебной-административной и военно-политической властью, все более расширявшейся к концу рассматриваемого периода. Не случайно современники применяли для обозначения этой категории те же собирательные термины, что и для крестьян первой из названных категорий — *servi* (*Bouttruche, 1968, p. 337—338*). Соответственно двумя основными правовыми категориями сеньориального крестьянства Северной Франции VIII—X вв. можно считать лично-наследственных зависимых и зависимых не-наследственных¹⁶.

В какой мере вновь складывающееся социально-правовое разделение крестьянства было связано с его имущественным разделением? Выше уже отмечалось, что противостояние держателей и дворовых находилось в известном соответствии с их социальным происхождением. Поскольку дворовые были либо безземельными, либо малоземельными работниками и по своему имущественному положению находились намного ниже крестьян-держателей, постольку среди зависимых крестьян нижних социальных разрядов в целом преобладали люди низшего имущественного статуса. Хотя на практике имелось немало отступлений от этого принципа, в целом он прослеживается по отношению к указанным категориям довольно ясно.

Известно, однако, что основную и наиболее многочисленную группу зависимых крестьян составляли на территории Северной Франции IX—X вв. держатели земельных наделов. Как соотносились их социальный и имущественный статусы? О различиях в имущественном положении держателей свидетельствует прежде всего то, что некоторые из них не имели собственного тяглового скота или же имели его меньше, чем другие. Судя по одному из капитуляриев Карла Великого, наряду с зависимыми крестьянами, имевшими упряжку с четырьмя животными, встречались

¹⁵ Симптоматична выступающая в постановлениях Шалонского церковного собора 813 г. картина социальной структуры общества: оно представляется состоящим лишь из двух частей — знатных и незнатных, причем последние равно охватывают как рабов и колоннов, так и простых свободных (*Concil., II, 283*).

¹⁶ Такая классификация более точна, чем встречающаяся в специальной литературе разделение сеньориальных крестьян этого времени на «крепостных» и «словно свободных». Ибо понятие «крепостные», неизбежно навевающее ассоциации с эпохой так называемого второго издания крепостничества, столь же мало подходит для обозначения лично-наследственных зависимых VIII—X вв., когда отсутствовало какое бы то ни было подобие ориентированному на рынок барщинному хозяйству и общегосударственному крепостному праву, как и понятие «словно свободные» для обозначения крестьян, подвластных частным сеньорам (*Бессмертный. Основные..., 1975, с. 36—46*).

владельцы неполной упряжки, а также держатели, вовсе не имевшие тяглого скота; они занимались на господском поле «ручными работами», которые по времени были втрое продолжительнее барщины, выполнявшихся владельцами полной упряжки (Сар., I, 31). Источники не позволяют проследить особенности в социальном составе крестьян, владевших полной или неполной упряжкой. Есть возможность изучить различия в социальном статусе лишь у зависимых держателей, владевших мансами разной площади. Хотя разновеликость наделов характеризует различия в имущественном статусе крестьян весьма неточно, при массовом анализе она все же может быть использована для выделения имущественных прослоек.

Такой анализ возможен в первую очередь на базе известной описи Сен-Жерменского аббатства начала IX в., последовательно сообщаящей площадь крестьянских мансов, а также социальный статус держателей. Подсчеты, необходимые для выяснения соотношения между социальным статусом и имущественным положением зависимых крестьян и учитывающие распределение колонов, литов и рабов на мансах с разной земельной обеспеченностью держательской семьи, обнаруживают известную зависимость земельной обеспеченности от социального статуса держателя. Так, рабы чаще встречаются на наименьших по площади ингауильных мансах и никогда не владеют самыми крупными из них. Аналогичным образом литы встречаются на меньших мансах чаще, чем большие. Зато колоны чаще обладают большей земельной обеспеченностью, чем литы и рабы (Грацианский, 1960, с. 116; Coleman, 1977, р. 633—684; Бессмертный, 1975, с. 243). Сходная картина вырисовывается при изучении и других поземельных описей Северной Галлии (Bregi, 1975).

В общем на территории Северной Франции IX в. рабы чаще были беднее, а колоны и свободные — чаще зажиточнее. Состоятельные рабы и обедневшие колоны представляли скорее исключение, чем правило. Из двух характеристик социально-экономического положения зависимого крестьянина — социально-правового статуса и имущественного положения — первая обладает гораздо большей стабильностью, чем вторая. Правовой статус, как правило, приобретает и передается по наследству. Имущественное положение может не раз измениться в течение одной жизни. Известное соответствие правового и имущественного статуса у зависимых держателей представляет собой, таким образом, свидетельство ведущей роли социального происхождения крестьянина (в противном случае гораздо чаще встречались бы разбогатевшие рабы и оскудевшие колоны). Колону было тогда намного легче сохранить имущественное превосходство, чем рабу приобрести его.

*

Подведем итоги. На формирование феодально-зависимого крестьянства на территории Северной Франции сильнейший отпечаток наложили особенности развития этого региона в период, предшествующий синтезу позднеантичных и варварских отношений. В условиях интенсивной романизации протофеодальные элементы возникают здесь еще в галло-римское время. «Реализоваться» они смогли только после создания на развалинах Римской империи франкского государства, социально-политические условия которого создали возможность генезиса феодально-зависимого крестьянства и в галло-римской и во франкской деревне. Этот генезис становится особенно заметным здесь с середины VII в. и достигает апогея через 100—150 лет.

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

В состав феодально-зависимого крестьянства в Северной Франции вошли галло-римские свободные мелкие собственники, колонны, рабы, а также свободные франкские аллодисты. Формирование этого класса ускорило здесь давней традицией классово-антагонистических отношений, а также мощью галло-римской знати, унаследовавшей огромные земельные богатства. Благодаря этому объективная необходимость сосредоточения крестьянской массы на производительном труде — при ее отстранении от участия в управлении — смогла реализоваться здесь особенно быстро и полно. Имущественное расслоение свободных (связанное с давним господством в этом регионе частнособственнических отношений) облегчало их феодальное подчинение, хотя и не предполагало их предварительного массового обезземливания.

Эксплуатация феодально-зависимого крестьянства осуществлялась на территории Северной Франции преимущественно в рамках частновладельческой сеньории, так как частновладельческая знать сумела здесь особенно рано достичь экономической и политической самостоятельности. Крупная частная сеньория с обширной барской запашкой (около трети всей пахотной площади) и развитыми барщинами охватывала уже в IX в. значительную часть сельского населения (не менее трети).

ФОРМИРОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В НЕМЕЦКИХ ЗЕМЛЯХ (VII—XI вв.)

С VII в. становление и формирование крестьянства как класса феодального общества, складывающегося в немецких землях, вошедших в состав Франкского государства после длительного периода существования независимых племенных герцогств и королевств, прошло длительный процесс развития и завершилось в основных чертах к концу XI — началу XII в. Этот обширный период расчленяется на ряд этапов: первый, ранний этап относится к VII—VIII вв. (Неусыхин, 1956); следующий этап в IX в. достигает своей кульминации, выразившейся в аграрном перевороте; в X—XI вв. крестьянство, несмотря на сложность его состава, уже в массе своей не существует вне связей с феодальной вотчиной — бурные процессы социально-экономических преобразований как бы замедляются и приостанавливаются; общество, пройдя через потрясения двух восстаний в Саксонии, которые можно рассматривать как реакцию на углубление феодализации (Неусыхин, 1974; Müller-Mertens, 1972), осваивает результаты существенной перестройки в сфере отношений собственности и классовобразования, совершившейся в эпоху Каролингов¹.

Эта периодизация находит подтверждение и в данных письменных источников, касающихся сферы аграрных отношений (в частности, это отражается в нарастающем к середине IX в. числе актов, оформляющих поземельные сделки, дарения и т. п., и резком снижении количества подобных документов в X—XI вв.), и в данных археологии о возникновении новых поселений. Если в течение IV—VI вв. интенсивность роста новых поселений в области свободных германских племен падает, то в конце VI—VII в. она возрастает вновь, становится особенно заметной в VIII—IX вв., претерпевает некоторое снижение в X—XI вв., чтобы опять возрасти уже в XII—XIII вв. (Janssen, 1977, S. 343—344).

В демографическом аспекте именно в VII в. отмечается большой прирост населения, как естественный, так и возникший в результате миграций (Donat, Ullrich, 1971, S. 335. См. также данные о росте населения в кн.: Abel, 1962, S. 25).

Политически немецкие земли представляли собой совокупность племенных герцогств, последовательно завоеванных в течение VI—VII вв. франками (за исключением Саксонии). Название «Восточно-франкское королевство» Фульдские анналы употребляют еще до Верденского раздела (843 г.) (см.: Eggert, 1973, S. 19: «regnum orientalium Francorum», а. 838), в результате которого из империи выделилось государство немецких Каролингов — основа дальнейшего развития немецкой государственности.

Формирование феодального крестьянства в Германии шло своеобразными путями. Однако, несмотря на разные темпы феодализации и ее особенности в отдельных герцогствах, нельзя считать, что между ними не было связей и взаимного влияния. Ряд унифицирующих факторов позво-

¹ Меньшая по сравнению с VIII—IX вв. изученность истории аграрных отношений в Германии X—XI вв., что связано с худшим состоянием источников, не раз отмечалась в специальной литературе (см.: Bentsen, 1980, S. 17).

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

ляет рассматривать становление крестьянства в рамках всей страны. В герцогствах будущей Германии и после франкского завоевания продолжали действовать нормы варварского права, записанные в Правдах каждого из крупных германских племен. Вместе с тем законодательство франкских королей распространялось на все немецкие земли.

Объединяющую роль играло королевское землевладение, центр которого в период правления Каролингской династии постепенно смещался на восток. Родовые поместья Каролингов в районах, прилегающих к Нижнему и Среднему Рейну, Маасу и Мозелю, составляли ядро королевских владений при Карле Великом и Людовике Благочестивом; значение этой области падает ко времени Верденского договора. При Людовике Немцем центром королевских владений все более становится Бавария, меньшее значение имеет Алеманния, а Саксония не играет почти никакой роли (Metz, 1960, S. 127).

Земли крупных церковных вотчин, так же как земли фиска и королевские домены, простирались на территории всей Германии.

Существовали могущественные группы знати, сфера влияния которых не ограничивалась пределами тех или иных племенных герцогств (так, баварская знать имела владения и пользовалась большим весом в Алеманнии и среднефранконских землях, род Агилольфингов был связан не только с баварами, но и с другими племенами); Х.-Й. Бартмус считает, что в ходе франкских завоеваний произошло уравнение в правах феодалов, принадлежавших к разным племенам, породнение франкской и саксонской знати. К концу IX в. столкновения между племенами были просто конфликтами между знатыми домами². Интересы светских магнатов тесно переплетались с интересами церковных землевладельцев (см.: Störmer, 1969). Связи, складывающиеся внутри господствующего класса, оказывали свое воздействие и на формирование крестьянства как класса феодального общества. Таким образом, германские земли могут рассматриваться как относительно единый регион, который и образует с X в. королевство Германию.

Насильственное включение племенных германских герцогств в течение VI—IX вв. в состав Франкского государства имело существенные социально-экономические последствия. Как бы своеобразно ни шло их развитие, они разделяли его политические судьбы, а в их социально-экономической жизни происходили сходные процессы. Показательно, что некоторые исследователи указывают на франкское происхождение Баварской правды, которая, в свою очередь, оказала влияние на Алеманнскую правду³.

Общим в жизни германских герцогств являлась сравнительно поздняя христианизация — один из важнейших факторов феодального преобразования общества. В германских областях надолго уцелели пережитки язычества, особенно сильные в среде рядовых свободных, из которых прежде всего формировалось крестьянство. Наиболее глубокими эти пережитки были в Саксонии, где сопротивление феодализации было связано со стремлением вернуться к обычаям предков, т. е. к язычеству. Важно, что христианизация осуществлялась сильной королевской властью и уже весьма упрочившей свои позиции церковью, которая накопила большие земель-

² Barmus, 1969, S. 89, 91 f., 95. Вместе с тем этнические различия длительное время сохранялись: данные археологических раскопок подтверждают наличие этнических наслоений для периода VII—VIII вв. (см.: Janssen, 1977, S. 335).

³ Metz, 1960, S. 73 f. О влиянии Салической правды на Рипуарскую и прочие взаимные влияния различных варварских прав см. также: Schmidt-Wiegand, 1977.

ные богатства и достаточный опыт феодальной эксплуатации. Влияние христианской церкви на формирование класса феодально-зависимого крестьянства было очень велико: история возникновения церковного землевладения и основания крупных монастырей — весьма существенный компонент истории немецкого крестьянства.

Вопрос о происхождении и формировании крестьянства в Германии не менее, чем в других странах и регионах, связан с проблемой так называемого синтеза римских и германских социально-экономических порядков в процессе перехода от родо-племенного строя к раннефеодальному. В течение нескольких столетий герцогства, сложившиеся в рамках

Саксонская повозка. С миниатюры XI в.
Колеса — со спицами и составным ободом

племенных союзов на территории будущей Германии, в той или иной мере испытывали влияние Рима. Вне непосредственного взаимодействия такого рода были только саксы и фризы. Восприятие элементов римского наследия, которые обнаруживаются на ранних этапах истории германских племенных союзов, усилилось в ходе франкского завоевания. Значительное воздействие на формирование земельной собственности и на возникновение и рост класса феодально-зависимого крестьянства оказала христианизация, возникновение и быстрый рост церковного землевладения. От прямого или косвенного воздействия римских институтов и понятий не был свободен ни один из больших племенных союзов, не исключая и саксов. Несомненные следы римского влияния в ряде областей Германии археологи обнаруживают и в сфере сельскохозяйственной техники, в системе полей и т. п. (см.: Janssen, 1977, S. 302, 307, 346; Bentzien, 1980, S. 391).

В сфере поземельных отношений и права прежде всего церковь выступала носителем преобладающей римской аграрной и правовой культуры, какова бы ни была степень деформации и разрушения последней. В свете сказанного Германию, конечно, нельзя считать регионом «бессинтезного» развития феодализма. Феодализм и христианство были неразрывно связаны друг с другом (Корсунский, 1963, гл. IV).

1. Основные особенности второго этапа формирования крестьянства

Первому этапу становления крестьянства в Германии соответствует самое появление собственности на землю в форме раннего аллода (см. гл. IV); на втором этапе крестьянство формируется как класс феодального общества (Неусыкин, 1964, с. 25; Данилов, 1958, с. 325). Одновременно происходит и кристаллизация господствующего класса, причем последний процесс известное время обгоняет процесс формирования феодально-зависимого крестьянства: складывающийся класс феодальных собственников на самых начальных фазах своего развития в большой степени существует за счет эксплуатации несвободного населения, трансформирующегося в непосредственных производителей в рамках старых производственных отношений, с одной стороны, рабовладельческого, а с другой — варварского общества, уже миновавшего стадии племенных союзов и военной демократии (ср. постановку проблемы: Жуков, 1980, с. 131).

Формирующийся класс феодалов в этот период сложен, изменчив по своему происхождению и составу и чрезвычайно подвижен. Его отношения с формирующимся крестьянством многообразны и складываются в различных сферах: хозяйственной, политической и судебной. Основное направление эволюции идет в русле развития вотчины, причем на ранних стадиях преимущественно мелкой, если иметь в виду процессы, протекающие внутри общины, в которой длительное время не изживаются отношения дофеодальной свободы, варварского права.

Возникающее в недрах общины крестьянство втягивается во все расширяющуюся сферу быстро растущего крупного светского и церковного землевладения, позиции которого существенно укрепляются в процессе франкского завоевания. Создается известный разрыв между темпами развития и степенью зрелости класса феодалов и процессами, подготавливающими формирование феодально-зависимого крестьянства внутри деревни.

Знать, послужившая основой для формирования класса крупных землевладельцев-вотчинников, возникла лишь после основания варварских государств (Неусыкин, 1961, с. 300; см. также: Мильская, 1976, с. 31). У франков до VI в. землевладельческая знать отсутствовала. Формирование раннефеодальной знати у племен внутренней Германии происходило в этот же период, может быть, лишь несколько медленнее. К концу VII в. наличие экономически сильной и социально могущественной знати несомненно; однако процесс ее возвышения имел свою специфику (Bergengruen, 1958, S. 182—185). По-видимому, именно с этим своеобразием развития германских племенных союзов, на базе которых конституировались герцогства, составившие Германское королевство, связаны особенности так называемого аграрного переворота на территории Германии — он развертывался вместе с формированием классового общества; в ходе этого процесса и складывалось как класс феодально-зависимое крестьянство.

Одной из важных особенностей формирования крестьянства в Германии было то, что церковные вотчины и владения светских феодалов (в большом числе переселявшихся в ходе франкских завоеваний в зарейнскую Германию) складывались здесь на базе общинного землевладения и деревенского строя. В этом регионе не крестьяне, как правило, получали землю от феодала, а напротив, феодальная вотчина «осваивала»

свободную деревню, прошедшую уже длительный путь развития, прежде прочно спаянную общинными узами (на основе которых покоилась теснейшая, трудно расторгжимая связь свободного общинника-аллодиста с землей, с земельным наделом), втягивая ее по частям в зависимость и трансформируя ее в деревню смешанного типа. Преобладание таковой отчетливо прослеживается в источниках начиная с VIII в. Это также было одной из причин, обусловившей своеобразие аграрной эволюции Германии, особенно ее зарейнских областей.

Начало аграрного переворота для более развитых экономических частей Германии можно отнести к VII в., когда растут мелкие и крупные церковные и светские вотчины, в которых применялся уже не только труд сервов, но втягивалась в сферу феодальной эксплуатации и часть свободных крестьян, превращавшихся в тяглых держателей. Этот процесс интенсивно разворачивается в течение IX—X вв. и завершается лишь в XI в.⁴ В VII—VIII вв. в Германии еще происходило расхождение общинны, приводившее к выделению аллодиальных собственников крестьянского и мелковотчинного типа из среды общинников.

Судить о характере социально-экономического преобразования общества можно прежде всего на основании анализа массовых документов юридического характера, оформляющих многие тысячи поземельных сделок разного рода (дарения, продажа, обмен, завещания, тяжбы и т. п.). Документы эти собраны в монастырских картуляриях, исследованию которых посвящено множество специальных монографий⁵.

Подавляющее большинство земельных дарений, совершаемых собственниками любого социального статуса, относится ко второй половине VIII — первой половине IX в.: начиная с 30-х годов IX в. число дарений резко снижается (среди дарителей последующего периода явно преобладают собственники феодального типа).

Уменьшение количества дарений в пользу крупных церковных вотчин в середине IX в. объясняется, видимо, феодальным освоением деревни, достигшим в этот период в ряде областей (в частности, в Баварии и Франконии) весьма высокого уровня. Тем не менее свидетельства того, что крупная вотчина победила деревню, отсутствуют. Сложный и противоречивый процесс формирования феодального крестьянства не может быть правильно понят, если главное значение в его развитии приписывать крупной церковной вотчине. Наряду с крупными церковными феодалами и в тесной связи с ними активную роль играли светские феодальные землевладельцы, в том числе и мелкие вотчинники.

Светская вотчина образуется и растет за счет поглощения свободной мелкой собственности. Особую роль играли мелкие вотчинники, которые выдвигались над свободными общинниками, подтачивая свободную деревню изнутри, подготавливая «внутреннюю» феодализацию сельского населения в период, когда крестьянская собственность лишь формирует-

⁴ Ср.: *Неусыхин*, 1964, с. 42—44; *Данилов*, 1956, с. 123—124; автор данной главы описывает завершение этого процесса в наиболее развитых областях Германии к началу X в. (исключая Саксонию и Фризию). См.: *Мильская*, 1957, с. 35, 240 и след.

⁵ Специальная литература, посвященная различным аспектам аграрной истории Германии, неисчерпаема; даже в основных направлениях она может быть очерчена лишь в серии историографических исследований. Об основных школах немецкой историографии конца XIX — начала XX в. см.: *Данилов*, 1958; *Барс*, 1969; 1973; *Müller-Mertens*, 1963 (Kap. 1). В середине 70-х годов в ФРГ был проведен ряд коллоквиумов, посвященных кардинальным вопросам истории крестьянства и деревни на междисциплинарном уровне. К таким вопросам относятся и самые дефиниции деревни и крестьянства (см.: *Wort und Begriff «Bauer»*, 1975; *Das Dorf der Eisenzeit...*, 1977).

ся и еще не полностью втянута в систему феодальных отношений. В раннефеодальный период крестьянскую общину на начальных этапах развития скорее следует трактовать более широко, а именно как деревенскую общину, включающую в себя весьма различные и в хозяйственном, и в социальном отношении слои сельского населения.

Для лично свободных крестьян Германии раннефеодального периода характерна невычлененность из общей массы сельского населения, крайняя пестрота социальных типов и прослоек. Примечательно, что в источниках отсутствуют какие-либо терминологические обозначения лично свободных крестьян; границы между верхним слоем населения, ведущего крестьянский образ жизни, и мелкозачинным слоем зыбки и открыты.

2. Аллод

К VII—VIII вв. в сфере отношений собственности господствует индивидуально-семейное владение — «поздний», или «полный», аллод. Его развитие относится к концу VI—VII в., когда распространяются разные формы отчуждения — завещание, дарение, обмен и продажа. Те отношения, которые сложились в VII—IX вв., были результатом процесса возникновения и перераспределения земельной собственности, существенно важного для становления крестьянства как класса. Лишь только мы оставляем почву варварских Правд и переходим к другой группе источников, рисующих уже становление раннефеодальных отношений, — формулам королевским капитуляриям и особенно картуляриям крупных церковных вотчин, — мы неизбежно обнаруживаем определенный разрыв между отражаемыми этими разными группами источников отношениями, уже отмечавшийся в специальной литературе (см.: Неусыхин, 1956, с. 378—380). Он объясняется не только происхождением и назначением каждого вида документов, но и существенными различиями зафиксированных в них отношений.

Начиная с VII в. малая индивидуальная семья выступает субъектом прав собственности (или владения), причем наследственные права каждого из членов этой малой семьи точно дифференцированы: на протяжении всего периода в поземельных сделках всякого рода строго различаются наследственное имущество («материнское» или «отцовское») и благоприобретенное достояние⁶. В грамотах постоянно подчеркивается, что передается «полный» аллод⁷, — эта настойчивость свидетельствует о его относительно недавнем происхождении, о том, что он еще связан путями общины, рода, семьи. Такая связанность земельной «собственности» многими ограничениями была привычной. Именно поэтому, например, установление прекарных отношений субъективно не воспринималось как существенное ограничение в распоряжении и пользовании землей. Эта «связанность», «ограниченность» земельной собственности и была тем новым, что внесли варвары-германцы в генезис феодализма. В течение VII—VIII вв. аллод превратился в собственность не только малой семьи, но и ее отдельных членов. Процесс этот начался на поздней стадии развития общины, при переходе ее в соседскую общину, и завершился в недрах последней. Возникновение аллода было равнозначно самому зарождению собственности как таковой, независимо от ее различных форм⁸.

⁶ *Hereditas* и *adquisitum*; *hereditas paterna vel materna* — примеры этого разграничения имеются в сотнях грамот любого картулярия.

⁷ *Alodium plenum*, *alodium plenissimum*.

⁸ А. И. Неусыхин подчеркивает, что в литературе существует недостаточная от-

Только после образования варварских королевств совершается превращение бывшего общинного аллода в свободно отчуждаемую земельную собственность и тем самым возникает расхождение бывшего единства собственности и свободы (Неусыхин, 1967, с. 80—81; 1968). В зарождении индивидуально-семейной собственности и в то же время в ее неполноте вплоть до утверждения раннефеодального строя и заключается основной признак структуры дофеодального общества и основной принцип его диалектической трансформации из родоплеменного в феодальный строй.

Так рисует историю аллода А. И. Неусыхин, показывая, каким образом возникла возможность отчуждения аллода, предопределившая его дальнейшее развитие. При феодализме крестьянин ведет собственное хозяйство на земле, которая противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда. Происходит отделение собственности от владения, но вместе с тем сохраняется и тесная связь с реальным объектом владения, которая «доходит до полного или частичного прикрепления к земле» (Неусыхин, 1964, с. 21—22).

Индивидуальный характер складывающейся собственности на землю был присущ еще германской общине на раннем этапе ее существования и находился в противоречии с ограничениями, которые род и община налагали прежде всего на распоряжение землей. Данное противоречие послужило одним из источников возникновения и развития аллода и его дальнейшего перерождения в феодальную собственность и раннефеодальное держание (Неусыхин, 1964, с. 22—23, примеч. 14).

Ряд историков ГДР считает возможным относить возникновение частной собственности на землю ко времени возникновения свободной купли-продажи земли. У франков этот процесс происходит в конце VI — начале VII в. (И. Германн полагает, что до 500 г. — см.: Bleiber, 1973), в Баварии и Алемании, вероятно, не ранее 600 г. (что отразилось в Пrawdax)⁹. Социальная дифференциация у германских племен сочеталась с родовым характером владения землей, в этом и заключалась противоречивость их общественного развития: социальная дифференциация осуществлялась в рамках родового, а не классового общества (Bleiber, 1973, S. 823).

Аллод представляет собой раннюю форму собственности, которая формируется в процессе производства, а не базируется на захвате, и притом в условиях, когда «частные лица являются работниками» и когда связь собственности и владения еще не разорвана. Разрыв этой связи становится источником развития феодальной собственности. Развиваясь из общинного надела, аллод долго сохраняет связь с общинными порядками. Трудность освобождения от общинных уз, личный труд и частное присвоение его продуктов, влияние римских институтов — все это вместе взятое породило аллод, а через его посредство — дуализм феодальной собственности: последняя распадается на собственность и владение и имеет характер условной собственности¹⁰.

четливость в разграничении аллода как полной, свободно отчуждаемой собственности главы индивидуальной семьи «от аллода, как общинного надела большой семьи, который заключается лишь в возможности его наследования прямыми мужскими потомками» (Неусыхин, 1966, с. 298).

⁹ Процесс развития протекал у франков, алеманнов и баваров в своих основных чертах единообразно и качественно резко отличался от развития саксов и фризов (Bleiber, 1973, S. 823).

¹⁰ Неусыхин, 1964, с. 22: «Феодальный крестьянин трудится на своем участке, ему не принадлежащем, а потому работает не только на себя, но и на верховного собственника».

В течение VII—XI вв. охарактеризованный процесс охватил значительные массы непосредственных производителей; он был тесно связан с общим ходом развития общины и вотчины.

3. Община-марка

В 60-х годах XX в. в западной историографии была предпринята попытка подвести итог кардинальной переоценке выработанных основных положений в понимании сущности и становления сельской общины, причем применительно к раннему средневековью самое ее существование оспаривается (*Die Anfänge der Landgemeinde...*, 1964; см. об этом: Мильская, 1975).

Аргументация сторонников такого пересмотра, каковы бы ни были его идейные мотивы, во многом подкреплялась тем, что терминология в период раннего средневековья была еще весьма расплывчатой: для общины еще нет названия, ни каких-либо определенных описаний, подобных засвидетельствованным памятниками XIII в.¹¹, когда точно определяются права и владения собственников в пределах каждой деревни или поселения, а также права и повинности сельской общины; однако анализ источников показывает, что появление этих терминов отражает не возникновение, а результаты завершения процессов феодального освоения деревни, начавшихся именно в период раннего средневековья.

В некоторых актовых документах раннего средневековья слово «марка» (*marka*) употребляется в качестве синонима терминов *villa*, *locus*, *vicus*, т. е. обозначает селение со всеми принадлежащими ему землями¹². Можно, однако, проследить и отголоски того, как с термином *marka* все еще связывается представление об альменде — даже в случаях, когда речь идет о владениях крупных магнатов, разбросанных в разных деревнях.

Марка могла объединять несколько поселений [ср. CL № 228 (782 г.), 1044 (751 г.), № 21 и др.], и, напротив, каждое из разделившихся поселений могло образовать свою марку [ср. CL, № 487 (768 г.)].

Документы VIII—XI вв. показывают, что узурпация общинных прав формирующимся классом феодальных собственников, прав, давно выработавшихся и прочно живущих в юридических нормах и в сознании сельского населения, происходила в значительных масштабах, причем она велась в разных направлениях. Внутри общины-марки права по общинные угодья сосредоточивались в руках поднявшихся над своими соседями мелких и средних вотчинников, которые приобретали путем скупки и дарений не только уже выделенные в пользование отдельных семей определенные участки пастбищ, леса, выгонов, но и доли (*portiones*) в пользовании общинными угодьями. Это неизбежно приводило к дальнейшему углублению экономического неравенства и социальных противоречий

¹¹ См., например, так называемую Книгу аббата Эделина (1262 г.) в составе «*Traditiones possessionesque Wizenburgenses*», где обычен термин «*universitas*». Впрочем, такая датировка этого источника, который, по-видимому, составлен на основе более ранних документов, оспаривалась еще А. Допшем (*Dopsch*, 1939); К. З. Бадер (*Bader*, 1962), анализируя понятия *Gemeinde* и *Genossenschaft*, признает, что сообщество, или общность соседей, стадильно предшествовало «подлинной» (по терминологии западных историков) общине. Однако известны и отдельные более ранние упоминания *gimeinede* (*Gemeinde*), например в тирольских документах середины XI в. (*Bader*, 1962, S. 15).

¹² Таковы, например, данные Лоршского картулярия (см.: Мильская, 1957, с. 57 и след.).

внутри самой общины, к разрыву тесной связи надела и альменды. Таким путем развертывался и процесс феодального освоения общинных земель.

Тенденциям такого рода противостояла все еще прочная первоначальная связь свободного общинника с землей, которая, однако, сочеталась со стремлением экономически наиболее сильных элементов марки освободиться от общинных пут, от «власти других» (*aliorum potestate*). Присвоение общинных прав распространяется даже на общинные леса. В документах противопоставляются понятия «собственного» леса и леса, находящегося в общем пользовании. Дарения и всякого рода земельные сделки охватывают части лесов и лугов. Совершение сделок, объектом которых были такого рода доли и права на земли, стало возможным лишь после того, как был пройден длительный путь возвышения отдельных семей и размежевания их прав с остальными общинниками. Иредка в источниках встречаются прямые указания на формы, характеризующие этот процесс. Следует отметить, что вплоть до XIII в. права владения лесами, принадлежавшими крупному феодальному собственнику, не исключали, а предполагали и наличие общинных прав: так, в особое владение Вейссенбургского аббата выделялись лесистые холмы, но все остальные леса, которыми владел монастырь, считались альмендой (TW, p. 331—332, 1275 г.).

Судя по многочисленным дарственным грамотам, в VII—IX вв. идет интенсивный процесс вотчинного освоения альменды, присвоения лесов, пастбищ и пустошей (см.: Мильская, 1957, с. 61—72). Возможность использования лесов и пастбищ для скотоводства и прочих хозяйственных нужд и, может быть, в еще большей степени возможность производить займки была весьма существенна для крестьянского хозяйства (ср.: Серовайский, 1980). Займки совершались из фонда еще не поделенной альменды, а также на землях, которые, будучи нерасчищенными, уже обособлялись как принадлежность надела (*portio de marca, portio de silva*): и те и другие участки назывались расчистками или займками (*bifang, proprisum, povale, stirpatio*; ср.: CL, № 313—314). В источниках VIII и особенно IX в. эти земли уже фигурируют в качестве объектов поземельных сделок, прежде всего дарений. Займки могли рассматриваться не только как составная часть права на альменду, которым обладал каждый свободный общинник (ср.: St. G., № 680, от 890 г.), но и как реально выделенная доля в альменде (братья обладали, например, разными участками нови); займки могли постепенно расчищаться и застраиваться (встречаются факты передачи частично возделанных, частично невозделанных бифангов со строениями).

Расчистки и корчевка нови и лесов к IX в. достигли весьма значительных масштабов (Janssen, 1977, S. 344), но плодами этого труда широко пользовались феодальные собственники¹². Участки нови, займки зафиксированы в документах не только в виде объектов дарений, но и как собственность крупных светских и церковных вотчин (новь предоставляется в бенефиций). Эти нарезанные участки нови могли лежать компактно, гранича один с другим, и в этом случае составляли целый массив общинной земли (обычно леса), но иногда они прирезывались непосредственно к пахотным землям, принадлежавшим тому или иному наделу, т. е. лежали с ними в одной меже.

¹² Мнение, что в IX в. «альменда находилась еще в полном распоряжении крестьянских общин» (Серовайский, 1980, с. 54), представляется спорным.

Дарения светскими вотчинниками общинных земельных резервов, предназначавшиеся церкви, способствовали дальнейшему перерождению марки. Помимо распоряжения отдельными заимками и правами на них, светские и церковные вотчинники захватывали угодья целых общин: право пользования лесами служило объектом сделок, в результате которых, в частности, права на пользование альмендой получали и зависимые люди светских и церковных вотчинников.

К IX в. процесс узурпации общинных прав (см.: Erperlein, 1969, S. 153—174) и угодий светской и церковной вотчинами зашел весьма далеко¹⁴. Хотя в документах нередко декларировалось, что «каждый свободный человек имеет право на выпас, займку, пользование лесом и т. п.», в действительности общинные права отнюдь не оставались само собою разумеющимся атрибутом общинного надела; ими дорожили, их добивались разными путями, в том числе и путем уступок монастырской вотчине своего земельного владения (или его части).

Целью ряда дарений, упоминаемых в источниках, является получение права пользования альмендой, уже утраченное частью свободных аллодистов-общинников.

Дарения общинных земель, составлявших альменду, свидетельствуют о глубоком расщеплении общинников, о разложении и ослаблении дофеодальной по своему происхождению общины, но несомненен и тот факт, что при совершении подобных дарений не происходило полное изъятие этих земель из-под контроля общины; получатели дарений (светские и церковные вотчинники) становились лишь соучастниками в пользовании общинными правами наряду с прочими общинниками, хотя их внедрение в общину усиливало процессы, приводившие к разрыву тесной связи надела и альменды. Тем не менее узы соседства, объединявшие жителей деревни, включая вотчинников, продолжали оставаться весьма прочными и в большой степени определяли социальное и экономическое положение крестьянства.

Однако освоение свободной деревни даже крупным, титулованным магнатом было не простым делом¹⁵. Прежде чем феодальные собственники могли укорениться среди ее свободного населения, внутри него должна была получить заметное развитие «внутренняя феодализация», способствующая ослаблению общины, ее имущественной и социальной дифференциации, образованию промежуточных групп сельского населения, часть которых включалась в состав формирующегося класса феодальных собственников. Важную роль при этом играло использование труда несвободных — в качестве зависимых держателей и дворовых холопов. Только на основе этого процесса, развивающегося в течение всего VII в., оказалось возможным развитие феодальных отношений в деревне VIII—X вв.

Возвышение отдельных семей бывших аллодистов-общинников и обеднение других — процесс, начавшийся одновременно с появлением аллода, — было необходимой предпосылкой становления раннефеодальной эки-

¹⁴ Еще в Алеманнской правде предусматривается казус, когда могло возникнуть право собственности на один или оба берега реки (L Alam, LXXX).

¹⁵ См.: CDF, № 261: в грамоте Карла Великого от 811 г. содержится упоминание о неудачной попытке графа Амалунга (значительно предшествовавшую времени составления грамоты) поселиться в свободной деревне, где проживали франки и саксы; граф был изгнан деревенскими жителями (затем эта деревня вновь привлекла внимание его сына — графа Бенита, которому и выдана грамота). Ср.: Данилов, 1958, с. 262.

мутации. Задолго до начала бурного роста крупного церковного землевладения в VIII и особенно в IX в. деревня как поселение свободных аллодистов-общинников претерпевает эволюцию, результатом которой было появление «смешанной деревни»¹⁶. Это — не только один из типов поселения, но и в какой-то степени определенная стадия развития аграрных отношений в раннефеодальный период. Она не прослеживается во всех деталях непосредственно по источникам, но о ней свидетельствуют ретроспективные и косвенные данные. В VIII в. обнаруживаются результаты процесса, зародившегося во времена Салической правды, когда в поселения равных франков-общинников вторгались пришельцы и переселенцы, снабженные королевской грамотой; в VIII—IX вв. «смешанная» деревня уже господствует в Восточнофранкском государстве, являясь, по-видимому, наиболее типичным для территории будущего Германского королевства видом поселения. Медленное течение этого процесса способствовало тому, что совпадение деревни и вотчины было в Германии относительно редким. Поэтому здесь длительное время удерживался ряд таких особенностей аграрного строя, как сохранение общинных распоряжений и общинных связей, медленное освобождение аллодиальной собственности от пут общинных и даже родовых ограничений.

Эти связи были очень живучи, и во многом именно они определяли развитие форм собственности, владения, пользования, возможности повторных отчуждений и т. п.; они способствовали длительному сохранению тех уз, которые соединяли непосредственного производителя с землей и которые не смогло полностью разрушить даже господство феодального землевладения и феодальной собственности (напротив, оно использовало эти узлы и даже иногда базировалось на них), с другой стороны, они порождали неизбежное, коль скоро возник аллод, стремление освободиться от этих ограничений.

Ряд данных источников свидетельствует о том, что подлинным, хотя и скрытым, мотивом дарений, наряду с религиозными чаяниями и экономическими интересами, было стремление, вступив в отношения поземельной зависимости от крупной церковной вотчины, разорвать тем самым путы общинных и родовых ограничений и связей с владениями прежних собственников. В орбиту влияния крупной феодальной вотчины втягивается собственность недавнего происхождения, «новая» собственность; ее обладатели, конечно, не могли понимать, что они вступают в сферу действий таких сил, которые очень скоро поглотят их земли и будут представлять также реальную угрозу для их личной свободы. Иными словами, аллодиальная собственность переходного, или «дофеодального», периода по природе своей недолговечна; еще не освободившись от прежних пут и ограничений, она трансформируется в процессе этого освобождения в феодальную собственность. Торжеством последней и заканчивается рассматриваемый период. Однако «уровень развития производительных сил... властно требовал сохранения... того типа экономических связей между отдельными домохозяйствами, который и выражался в сочетании частной собственности на усадьбу и общинного верховенства над нахотной землей... Это сочетание оказалось настолько прочным, что оно продолжало довольно долго сохраняться даже после того, как аллоды отдельных общинников стали превращаться в товар, а в марку начали влияться крупные и мелкие вотчинники» (Неусыхин, 1956, с. 350).

¹⁶ А. И. Неусыхин под «смешанной» деревней понимает поселение, в котором существуют разные типы собственников и держателей, образовавшиеся в результате частичного вторжения вотчинника в общину (1964, с. 31 и след.).

4. Деревня и вотчина

Одна из центральных проблем истории крестьянства в Германии — соотношение деревни и вотчины¹⁷.

С середины VIII в. свободная деревня все более интенсивно втягивается в сферу влияния вотчины, хотя редкие упоминания о свободных деревнях в отдельных областях страны встречаются в источниках вплоть до XII в. и далее.

В некоторых областях Германии (особенно в Саксонии и отдельных районах Алеманнии) еще долго сохраняются свободные деревни, пытающиеся устоять перед натиском феодалов.

Свободная деревня и вотчина не были взаимоисключающими институтами. Характерная черта социально-экономического развития Германии состояла в том, что замкнутая вотчина как определяющий тип социально-экономических связей здесь не сложилась. Да и ее замкнутость выходит за рамки чисто поземельных отношений. Вотчина не поглощает полностью деревню, хотя уже в начале IX в. деревня в значительной мере представляет собой поселение людей, имеющих сеньора (Сар. 67, с. 3—4, 804—813 гг.).

Из трех видов крупного землевладения, господствовавших в раннефеодальную эпоху, — королевского, церковного и светского — лишь земли фиска и королевские домены представляли собой относительно компактные владения (впрочем, мансы, или гуфы, принадлежавшие королю и разбросанные по деревням среди наделов собственников самого разного социального статуса, — вполне обычное явление). Вотчины даже самых крупных монастырей, аббатств и епископств Германии отличались крайней дробностью и разбросанностью (ср.: Schwind, 1977, S. 446); лишь немногие деревни в течение VIII — первой половины IX в. оказываются в значительной степени полностью включенными в сферу влияния церковной вотчины, и то главным образом на основе прекарных отношений, условием которых было сохранение личной свободы прекариста. Светское землевладение охватывало весьма различные типы собственников — от магнатов, обладавших тысячами крестьянских наделов, до мелких вотчинников, приближавшихся по своему экономическому статусу к крестьянам.

Основу землевладения всех видов составлял крестьянский надел — базис деревенской жизни. Сельское поселение, если рассматривать его как составную часть вотчины, — простой конгломерат зависимых от нескольких вотчинников гуф (мансов), перемешанных с наделами свободных аллодистов разных категорий. Напротив, деревня как таковая — единый комплекс хозяйств сельских жителей, хозяйств, составляющих живой и действующий социальный и экономический организм.

Самый распространенный тип деревни — поселение, в котором сосуществуют несколько вотчинников различного статуса наряду со свободными и зависимыми крестьянами. Относительно компактное землевладение возникало, по-видимому, прежде всего в процессе колонизации в тех местах, где основывались новые деревни, признававшие власть одного господина (Schlesinger, 1964).

¹⁷ О термине «вотчина» в русской и советской медиевистике см.: Неусыхин, 1964, с. 30, примеч. 23; Барр, 1973, гл. II.

Крестьянство конституируется именно в этих двух сферах — в пределах вотчины и деревни, которые в экономическом отношении не исключают друг друга, но при подчиняющем социальном и политическом господстве вотчины скорее сосуществуют, хотя в хозяйственном отношении доминирует деревня.

В средневековой литературе существование свободного крестьянства и торжество крупного вотчинного землевладения долгое время считались взаимоисключающими факторами (см.: Данилов, 1958, ч. III). Исследования исто-

Сельскохозяйственные работы. Календарь, ок. 818 г. Зальцбург.
Из двенадцатимесячного цикла картин особое внимание привлекают:
июнь — пахота на волах, июль — косарь, август — жатва серпом

риков, принадлежащих к разным школам, показали неправомерность такого противопоставления: структура деревни и ее взаимоотношения с вотчиной были гораздо сложнее (Schwind, 1977, S. 451—452). Деревня, вопреки взглядам многих, преимущественно немецких, историков, сложилась раньше вотчины. Процесс освоения деревни вотчиной прослеживается в источниках с полной определенностью.

Что же представляла собою деревня в германских герцогствах и, позднее, в Германском королевстве в период раннего средневековья?

В литературе по аграрной истории, писал К. Э. Бадер, понятие деревни применяется для определения двух явлений 1) мест поселения (Siedlungsstätte) и союза поселенцев (Siedelverband) — под этим понимается замкнутое сообщество крестьян, хозяйствующих совместно и рядом друг с другом, т. е. деревенское поселение (Dorfsiedlung), и 2) вся территория, используемая в хозяйстве, т. е. деревенская территория, или деревенская марка (Dorfgebiet oder Dorfmark). Такое двойное значение встречается и в источниках, не содержащих четкого разграничения между деревней и деревенской маркой (Bader, 1957, S. 20; см.: Мильская, 1977. Определение деревни см. также в статьях В. Янсена, Х. Егера, Ф. Швинда в издании: *Das Dorf der Eisenzeit...*).

Это определение, данное одним из крупнейших ученых в области аграрной истории Германии, верно преимущественно для развитого и позднего средневековья. В раннее средневековье дело обстоит иначе. Немецкую деревню VIII—XI вв. можно, конечно, определить как место поселения и, в ограниченном смысле, как союз поселенцев, но нельзя видеть в ней некое замкнутое сообщество совместно и рядом друг с другом хозяйствующих крестьян, хотя она и является деревенским поселением. Характерная черта немецкой деревни раннефеодального периода — как раз отсутствие замкнутости, «открытость».

Немецкая деревня крайне пестра по социальному составу своих жителей: она включает большое число весьма разнообразных социальных и хозяйственных типов. В Германии господствовала так называемая смешанная деревня — поселение, для которого характерно сосуществование вотчины и общины: в ней налицо части владений крупных церковных и королевских вотчин, части владений крупных и средних светских вотчинников, владения мелких вотчинников, наделы (или части таковых) свободных аллодистов-общинников, наделы и держания прекаристов, сохраняющих личную свободу, но втянутых в сферу влияния той или иной феодальной вотчины, наделы феодально-зависимых крестьян разных категорий, наконец мансы (или туфы) сервов, полностью — и лично и по-земельно — зависящих от одного или нескольких вотчинников, имеющих свои владения в данной деревне. Все эти различные слои населения, располагающиеся между крайними категориями, противостоящими друг другу на полюсах феодального общества, — крупными феодалами и феодально-зависимыми и крепостными крестьянами, сосуществуют и хозяйствуют в обстановке быстрого роста светского и церковного землевладения рядом с владениями и во владениях монастырей и светских феодалов. Невозможно точно определить количественные соотношения тех или иных социальных слоев деревни, ибо данные источников заведомо неполны, но несомненно, что свободные крестьянские наделы со всех сторон были окружены феодальными владениями. Это подтверждает изучение границ отдельных владений и наделов, о том же свидетельствуют данные монастырских хроник [так, стремление точно описать границы принадлежащих Лоршу владений мотивируется тем, что вокруг расположены

владения многих монастырей и бенефиции различных феодалов (см.: CL, Chronik, 21 под 815 г.)].

В некоторых районах, в частности в Прирейнской Германии, деревни располагались довольно скученно (на протяжении 15—17 км здесь находились, например, девять населенных пунктов, из которых не менее четырех представляли собой большие деревни). Лоршский картулярный упоминает 20 населенных пунктов в междуречье Неккара и Леймбаха, там, где эти реки впадают в Рейн, т. е. на территории около 112 км² (причем расстояние между деревнями было менее 2, 4, 8 км, так что жители нескольких деревень совместно пользовались угодьями) (см.: Данилов, 1956, с. 101—102, 110—111).

Величина поселений разного типа была неодинакова: имелись и небольшие хутора из немногих дворов, были и крупные селения, в которых насчитывалось около 100 и более собственников самого различного социального статуса и положения¹⁸. Как правило, там, где данные источников достаточно полны, можно установить, что многие собственники в каждой из таких крупных деревень владеют землями и в других населенных пунктах, часто — в нескольких.

*

Вопрос о величине и типе поселений, их определение и классификация вызвали к жизни новую отрасль исторической науки — историю поселений, базирующуюся прежде всего на данных археологии и исторической географии (Jankuhn, 1977).

Археологические исследования, хотя и не решили окончательно длительный спор о преобладании хуторного или деревенского типа поселения (Abel, 1962, S. 65), дали, однако, огромный, к настоящему времени еще далеко не полностью обработанный и изданный материал (Janssen, 1977, S. 285), показывающий, что в действительности не было ни единой линии развития от отдельных дворов и хуторов к деревне, ни преобладания какого-либо господствующего типа поселений. Можно считать установленным, что деревни в ранний период возникали совсем не обязательно из отдельных дворов, но с самых начальных стадий своего существования создавались именно как поселения деревенского типа¹⁹.

Известный исследователь ранней деревни Х. Егер насчитывает четыре варианта возникновения деревень: 1) поселение основывается в качестве деревни на свободной территории; 2) поселение развивается из одного крестьянского двора; 3) деревня вырастает из сложного вотчинного двора; 4) деревня развивается из группы дворов. При этом возможны стадии: двор, группа дворов, хутор, большая деревня (Jäger, 1977, S. 73—74). В. Янсен, подводя итоги многолетних исследований, заключает, что «не было типа поселения, характерного для определенного периода» (Janssen, 1977, S. 299), и отмечает вместе с тем, что ряд типов все время повторяется; весьма варьирует и величина деревень (по данным захоронений меровингского периода, от 50 до нескольких сотен и тысяч

¹⁸ Принято считать, что с севера на юг концентрация поселений усиливается. Ср.: Steinbach, 1964, S. 247.

¹⁹ Jäger, 1977, S. 73. Х. Егер ссылается, в частности, на данные Г. Янкуна о раскопках, обнаруживших деревни, возникшие именно как групповые поселения еще в период неолита. О недоказанности теории возникновения деревни из отдельных дворов или крупных поселений пишет В. Шлезингер (Schlesinger, 1974, S. 12).

жителей)²⁰. Янсен считает несомненным, что в раннее средневековье существовали подлинные деревни, о чем свидетельствуют и изгороди, обнаруженные при раскопках (Janssen, 1977, S. 323). Г. Янкуhn считает деревню преобладающей формой поселений уже в VII в. (Jankuhn, 1975, S. 89; см. также: Schwind, 1977, S. 492). Таким образом, многочисленные исследования археологов показали, что попытка свести все многообразие исторической действительности к однолинейному и однозначному процессу потерпела неудачу.

Крайняя раздробленность и дискомпактность землевладения эпохи раннего средневековья отчасти объясняется, по-видимому, условиями, сложившимися еще в период первоначального расселения германских племен (возможно, разделами и переделами земель во время начальной оккупации и позднейшими переделами, когда по правую сторону Рейна расселялись франки)²¹. Вместе с тем отчетливо прослеживается тенденция приобретать земли (в виде зависимых наделов) именно в разных местах, не собирая их в какие-то компактные владения (даже в королевских грамотах, пожалованных крупным монастырям и церковным магнатам, заметно стремление предоставлять мелкие части владений)²².

Деревня состояла из крестьянских наделов различного рода и разной величины: свободных крестьянских аллодов, держаний, зависимых в различной степени и формах от разных (нередко — многих) феодальных собственников, в том числе и крепостных держаний. Держания феодально-зависимых и крепостных крестьян и свободных аллодистов-общинников, которые еще оставались непосредственными производителями, не утрачивая своей свободы, но и не поднимаясь до статуса мелких вотчинников, составляли как бы фундамент деревни, на котором надстраивались очень сложные переплетения феодальной зависимости. Феодальное освоение деревни заметно усиливается к середине IX в., когда переход свободной крестьянской собственности в руки церковных и светских вотчинников становится массовым явлением.

Источники не позволяют выяснить, какие именно жители деревни обладали земельными наделами или держаниями только в данной деревне. Большинство свободных обитателей немецких деревень, которые совершают дарения земель в пользу церковных вотчин (о процессах, касающихся светского феодального землевладения, можно судить преимущественно лишь по косвенным данным тех же монастырских картуляриев), имеют земли в разных поселениях; определить, в каком из этих поселений они жили и где был центр их хозяйства, возможно лишь в редчайших случаях. Там, где удастся с какой-то степенью вероятности установить группу жителей деревни, она обычно составляла меньшинство ее собственников (не обязательно находившихся в числе ее обитателей или часто вовсе не являвшихся таковыми). Именно при такой структуре распределения земельной собственности и было возможно существование нескольких больших поселений, насчитывающих сотню владельцев на небольшой территории.

²⁰ Janssen, 1977, S. 322. См. также данные историков ГДР: Donat, Ullrich, 1971, S. 246—253.

²¹ Т. Майер (Die Anfänge, 1964, S. 476), опираясь на данные топонимки, заключает, что поселенцы правого берега Рейна в значительной степени были выходцами из франкских областей этого региона.

²² Ср.: DH II, № 221 (1010 г.) — король предоставляет Титмару Мерзебургскому по две «familia» в каждом королевском поместье в Саксонии и Тюрингии. См. также: Abel, 1962, S. 41.

Естественно, возникает вопрос, из кого же тогда состоял деревенский союз? Кто входил в общину в качестве полноправных общинников?

Для определения характера феодализации и формирования класса феодально-зависимого крестьянства весьма важно выяснить, на какой основе протекал этот процесс, какие земли подвергались феодальному освоению — испомещались ли крестьяне на землях феодалов или, напротив, феодальное землевладение росло и развивалось за счет поглощения крестьянских наделов, вклиниваясь в свободную деревню. Разумеется, в чистом виде эти явления не происходили ни в одной европейской стране, но преобладание того или иного варианта развития накладывало отчетливый отпечаток на весь ход феодализации. Данные источников позволяют в общих чертах проследить, как в Германии вотчина осваивает деревню, которая была более ранним социальным образованием, притом достаточно сильным, чтобы противостоять такому наступлению на протяжении длительного времени. В результате здесь и утвердился в качестве преобладающего, основного типа деревенского поселения смешанная деревня. С этим в какой-то степени связана и общая незавершенность и замедленность развития германского феодализма.

В силу специфики сохранившихся источников в центре внимания исследователей находилась деревня, уже в той или иной степени втянутая в зависимость от крупных церковных вотчин, причем в тех же самых районах, где было наиболее развито и королевское землевладение, что не могло не накладывать особого отпечатка на социальную структуру окружающих поселений. Весьма немногочисленные свидетельства о свободной деревне (чем далее на восток от Рейна и к Северной Германии, тем больше было, по-видимому, таких поселений)²³ содержатся в нарративных источниках.

Ни вотчина, ни деревня не являлись в какой бы то ни было мере замкнутыми системами, свободными от воздействия внешних сил, и прежде всего от взаимопроникающих влияний. В письменных источниках, относящихся к периоду, следующему за временем варварских Правд, не упоминаются ни вотчина, полностью подчинившая себе деревню, ни деревня, свободная от влияния вотчины и взаимодействия с нею.

Исследования последних двух десятилетий довольно отчетливо выявили контуры деревни различных областей Германии начиная с XIII в., причем картина получилась чрезвычайно разнообразной и пестрой; при этом различные историки (Ф. Лютге, Т. Майер) высказывали твердое убеждение в том, что время сколько-нибудь обоснованных обобщений в этой области еще не наступило и на данной стадии развития науки необходимы конкретные локальные исследования, на базе которых в будущем возможно будет вывести какие-то общие закономерности развития. Для раннего средневековья (особенно для периода VII в. и затем с середины IX и X в.) такого рода обобщения еще более рискованны.

Тем не менее в отдельных районах отчетливо вырисовывается следующая картина. В одном и том же поселении (причем это — такова специфика источников — всегда лишь часть всей деревни, реконструировать

²³ Хотя и для других областей Германии известны случаи, когда крупные церковные вотчины и светские собственники втягивали в зависимость целые деревни (CL, № 228, от 782 г.); такова же, например, судьба многократно описанной в аграрных исследованиях деревни Волен, правда, в более поздний период, однако данные огромной массы документов позволяют заключить, что наиболее распространенной формой была деревня смешанного типа.

полностью состав собственников которой невозможно) иногда насчитывается свыше 100 собственников, выступающих контрагентами поземельных сделок, соседями этих контрагентов или свидетелями, подписывающими совершаемые акты. Совокупность этих данных (в особенности подробные описания границ владений) показывает, что в пределах одного поселения могли находиться земли, принадлежавшие королю (герцогу), графам, различным церковным вотчинам, крупным феодалам, многочисленным мелким дарителям, включая мелких вотчинников и свободных крестьян, причем представители обеих последних групп в течение VIII—первой половины IX в. вступают в поземельную зависимость от крупной церковной вотчины в качестве лично свободных прекаристов. Все эти свободные аллодисты — юридически правоспособные и дееспособные лица, обладающие правом собственности на свои земли.

Таким образом, характерная черта немецкой деревни раннего средневековья — крайняя пестрота ее социального состава и раздробленность земельной собственности большинства ее обитателей, которая как бы воспроизводит (или предваряет) раздробленность вотчины. Только часть этих собственников — обитатели деревни, и лишь некоторые из них — крестьяне.

Деревне противостоит крупная вотчина; однако вотчина распылена — она обычно включает в себя лишь отдельные наделы в той или иной деревне. Крупные монастырские вотчины и вотчины, принадлежавшие королю и королевскому фиску, насчитывали тысячи мансов (Генрих II предоставил в бенефиций крупнейшим магнатам королевства 6656 мансов, принадлежавших аббатству св. Максимиана Трирского, более 10 тыс. мансов Фульдского аббатства находились во владении магнатов-бенефициариев). Какая-то доля этих мансов образовывала отдельные поместья с главными дворами-усадебями, от которых зависели подчиненные виллы²⁴, т. е. так называемые вилликации. Структура владений и социальный состав населения, равно как и абсолютная величина этих вилл (прежде всего зависевшая от количества крестьянских наделов), не поддаются точному определению, ибо в Германии крайне мало поместных описей (полиптиков)²⁵.

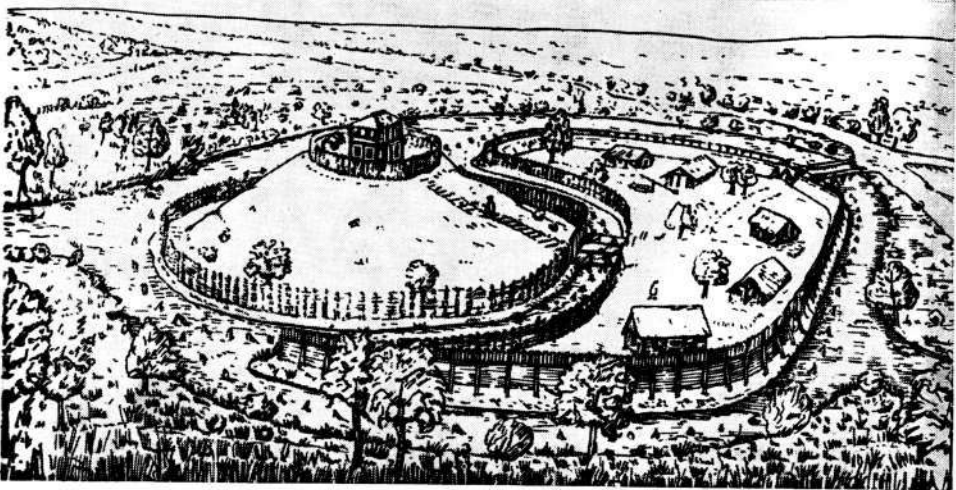
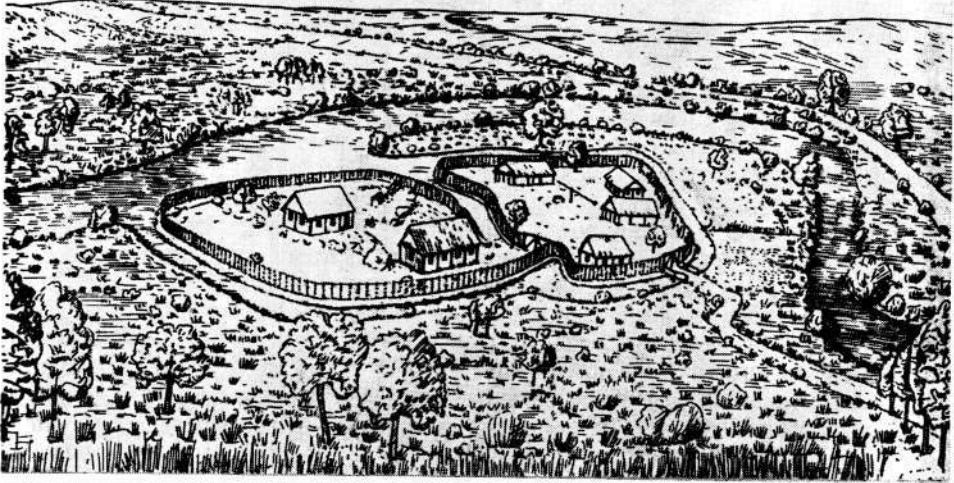
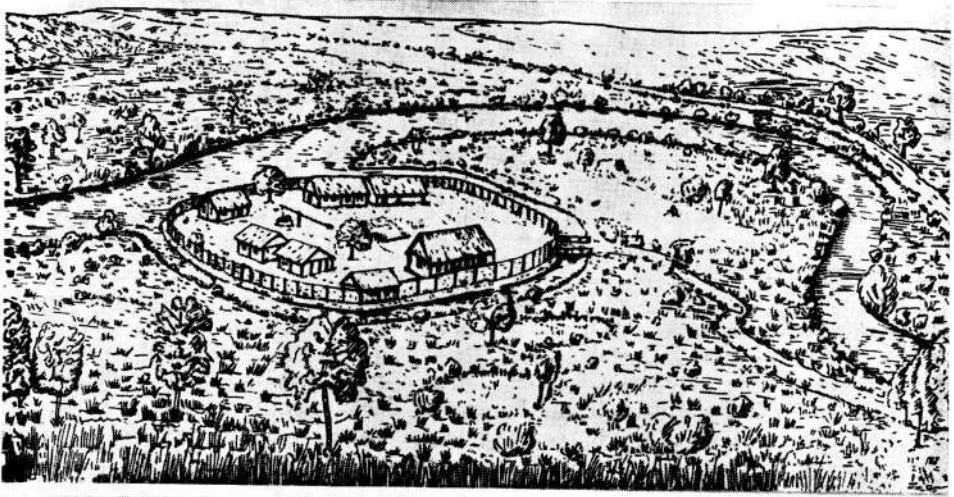
В некоторых виллах Фульдского монастыря, происходящих из королевских фисков, насчитывалось большое (до 400) число зависимых крестьянских наделов (гүф), однако В. Мец полагает, что речь идет о центрах вилликаций, объединяющих держания, разбросанные по разным поселениям (ср.: TAF Cap. 43, 10, 11, 13, 22 и др.; Metz, 1960, S. 116). Многие вилликации, под которыми в немецкой классической историографии понимали хорошо организованные крупные вотчинные комплексы²⁶, в действительности часто оказываются лишь незначительными вкраплениями в деревне. Вотчинник, даже крупный, стремился к тому, чтобы вилликация составляла некое организационное единство, но в источниках обнаруживаются вилликации даже в один-два манса²⁷. Повин-

²⁴ DH, II, № 520 (1015 г.): «XIII... principibus curtilibus... cum omnibus villis adtinentibus...» (грамота подложная).

²⁵ Таковы Верденские урбарии, Примский полиптик, урбарий аббатства Хур, «Книга владений аббата Эдеина» (Вейссенбургский монастырь), относящаяся к XIII в.; к полиптику приближаются и Notitiae hubarum Лоршского картулярия (вторая половина XII в.).

²⁶ Прежде всего К. Т. Инама-Штернегг (см. об этом: Данилов, 1958, с. 264—282).

²⁷ Так, Фульдский аббат высказывает следующую lamentацию: «Ita tamen ut pauce sint villicationes in quibus mansum I. aut duos vel III. aut amplius obtinuerim ecclesie» (TAF, Cap. 76, p. 156).

Этапы возникновения замка. Реконструкция (по Гернбротту)

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

ности, следуемые с держателей в таких владениях, могли сводиться к неделе-двум отработок (TAF Cap. 76, p. 153), при удаленности от центра вотчины и незначительности зависимых хозяйственных комплексов барщина вообще могла отсутствовать (Бессмертный, 1957, с. 67).

Даже владения, непосредственно предназначенные для содержания монастырской братии (Tafelgüter), что специально оговаривается в королевских дарениях, часто состоят из нескольких разбросанных в разных местах наделов.

Хорошо исследованные верденские вилликации были крайне разбросаны: 120 мансов в 19 населенных пунктах (5 барских дворов); в ряде вилликаций Верденское аббатство имело по 1, в некоторых — по 2—3, лишь в очень немногих — 4—5 держаний; в 72 населенных пунктах насчитывается 98 держаний (см.: Неусыхин, 1964, с. 266—273).

Итак, данные источников свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период деревня как социально-экономическая общность соперничала с вотчиной, владения которой обычно были лишь частью, и даже сплошь и рядом небольшой частью, каждой отдельно взятой деревни.

Разумеется, невозможно отрицать существование крупных вотчин с иным организационным и хозяйственным устройством²⁸. В эпоху Каролингов крупные вотчинники создают новые поселения силами несвободных²⁹, но этот процесс не приводит вплоть до конца каролингского периода к исчезновению «смешанной деревни», развившейся из ранее свободной общины-марки, этот тип остается преобладающим. К X—XI вв. данное соотношение нарушается.

В оформлении класса феодально-зависимого крестьянства в Германии наряду с намеченными социально-экономическими изменениями очень важную роль сыграли особенности развития политической власти в стране в целом и особенности формирования аппарата внеэкономического принуждения на местах. Большое значение в этом, в частности, имела эволюция власти фогта (см.: Вейс, 1946; Данилов, 1948; Неусыхин, 1945; Hirsch, 1958, S. 111—134) — фигуры, играющей весьма важную роль не только в сфере чисто вотчинных отношений, но и в сфере деревенской жизни. Завершение феодализации немецкой деревни связано с социально-экономическими процессами, которые ее подготовили и были ее основой, а в сфере социально-политической — с развитием иммунитета и округов банна. Формирование и развитие крестьянства под влиянием этих институтов и отношение крестьян к государственной власти все еще нельзя считать исследованными в полной мере, в особенности во всей конкретности их сложных связей.

Описанная структура сельского поселения, его соотношение с вотчиной, постоянно прослеживаемое в источниках наличие нескольких вотчинников в одной деревне, их соперничество между собой, делавшее возможным длительное сохранение отдельных островков свободного крестьянского землевладения, — все это явления, характерные для немецкой деревни раннефеодального периода.

²⁸ В советской историографии см. данные об организации вотчин Прюмского монастыря (Бессмертный, 1957); ср. анализ соотношения доменных земель и держательских гуф в нескольких вотчинах: Данилов, 1958, с. 284—285.

²⁹ Примером может служить история поселения Науборн близ Вецлара, реконструированная Ф. Швиндом по Лоршским грамотам (Schwind, 1977).

5. Сельское население

Выделить крестьянство из чрезвычайно многообразной массы сельского населения весьма трудно. В источниках раннефеодального периода отсутствует общий термин, обозначающий крестьян³⁰, — употребляются лишь расплывчатые наименования *populus, rustici, pagenses, vicini*, имеющие весьма широкое значение, лишенное какой-либо социальной определенности. На протяжении всего периода VIII—XI вв. сосуществуют социальные градации варварских Правд (*nobiles, ingenui*, литы, сервы) и градации отчасти социально-экономического порядка (*primi, minofledi, minores*); в текстах налицо также противопоставление «могущественных людей» (*potentes*) и бедняков (*pauperes*), причем последний термин отнюдь не имеет строго определенного содержания — иногда он применяется просто для сравнения более и менее богатых людей: эти последние могут быть названы *pauperiores* лишь по сравнению с *principes*³¹. Однако даже и эти градации присутствуют лишь в Правдах, капитуляриях и нарративных источниках, в частных же актах, фиксирующих имущественные сделки, какие-либо социальные дефиниции, как правило, отсутствуют: указывается лишь титул (должность) графов, для всей остальной массы дарителей не существует никаких обозначений социального статуса, а представители самых низших категорий сельского населения (сервы, *mancipia*) и вовсе не являются субъектами права, они — лишь объекты поземельных сделок.

Терминология Баварской правды, определяющая, несомненно, рядовых свободных, ведущих крестьянский образ жизни (*comparcani, calasleo*), несмотря на ее более позднее сравнительно с другими Правдами происхождение, обращена в данном случае вспять, — это терминология дофеодального периода, относящаяся к слою, из которого крестьянство лишь выделяется (см.: Данилов, 1958, с. 244).

Деревня как совокупность непосредственных производителей состоит из зависимых держателей и свободных обладателей наделов (или их частей); градации зависимости весьма разнообразны — от лично свободных держателей до крепостных, рассматриваемых как принадлежность надела.

Такое же множество типов и градаций существует и среди свободных обитателей деревни — из них крестьянство в собственном смысле в начале рассматриваемого периода только выделяется. А. И. Неусыхин, отмечая исключительную пестроту состава крестьянства в Германии, насчитывал шесть основных прослоек и групп, существовавших в VIII—IX вв.: 1) свободные аллодисты, сохранившие и личную свободу, и экономическую независимость от вотчинников; 2) аллодисты, часть аллода которых превратилась в держания; 3) аллодисты, весь аллод которых превратился в держание, а именно в прекарый; 4) аллодисты, наделы которых превратились в тяглые мансы, а сами их владельцы полностью или

³⁰ Иначе обстоит дело в более поздних памятниках: так, в Саксонском зеркале XIII в., несмотря на глубокую дифференциацию различных групп крестьянства, имеющих свои названия, обычен термин *vaer, burg, burg* — крестьянин. Впрочем, по мнению Г. Бухды, определить вполне указанный термин трудно и в этот период (*Buchda, 1964, S. 18*).

³¹ См.: TAF, Cap. 76; ср.: Cap. Sax., 1, где *minus potentes* трактуются как люди, нуждающиеся в особой защите (наряду со вдовами и сиротами).

частично утратили свою свободу; 5) общинники, впавшие в личную зависимость, но еще сохранившие части своих аллодов; 6) бывшие свободные крестьяне, подвергавшиеся личному закабалению и превратившиеся в дворовых холопов. Причем этот перечень, как полагает А. И. Неусыхин, далеко не полностью отражает пестроту состава крестьянства в Германии раннефеодального периода (Неусыхин, 1964, с. 25—26).

Другая сторона формирования класса крестьянства связана с процессами социальных преобразований вне свободной общины, происходившими в среде несвободного населения деревни. Основное разграничение среди сельских непосредственных производителей определяется сохранением или утратой личной свободы.

Проблема существования свободного крестьянства и понимание характера свободы, самое понятие свободы служат предметом острых дискуссий в современной историографии²².

Однако как бы ни рассматривать данную проблему, как бы ни трактовать социальный статус держателей, сотни и тысячи которых упоминаются в частных актах, по-видимому, уже на исходе VIII, а тем более в течение IX в. и позднее, тщетно искать свободных крестьян (и в еще большей степени свободную деревню), живущих вообще вне каких-либо связей с вотчиной.

В тех больших массах «промежуточных слоев», принципиально изменчивых и неустойчивых переходных социальных типов, существовал значительный, хотя с течением времени постоянно уменьшавшийся, слой свободных крестьян. Однако крестьянства, свободного от вотчины, уже не было (исключения имели чисто локальный характер). Э. Мюллер-Мертенс прав, различая крестьян (и другого рода собственников), связанных с вотчиной (*feudalgebundene*) и феодально-зависимых (*feudalabhängige*)²³. Документы строго разграничивают феодально-зависимое крестьянство (свободных держателей) и лично несвободных держателей, составляющих основной слой крепостного крестьянства, куда входят потомки сервов предшествующего периода²⁴, но который постоянно пополняется недавними свободными общинниками, подвергшимися разорению, — факт, с несомненностью доказуемый данными дарственных грамот.

Над теми и над другими возвышается слой связанных с вотчиной свободных прекаристов, слой крайне неоднородный, но включающий в себя именно свободное крестьянство. Каким-либо массовым подсчетам и хотя бы приблизительным заключениям о величине этого слоя мешает единообразие юридических форм, в которых осуществлялись социально-экономические взаимоотношения между представителями различных социальных групп и классов. С юридической точки зрения все дарители равны, ибо сословная неполноправность крестьянина в раннефеодальный период не составляет главного его признака.

²² См.: *Barz*. Об одной концепции..., 1973; *Barz*. Проблемы социальной истории..., 1973, с. 150—174. Известные итоги различных трактовок этого вопроса с большой степенью объективности подведены в статье: *Krause*, 1969, S. 41—73. В советской медиевистике теория «королевских свободных» подвергнута острой критике. См.: *Данилов, Неусыхин*, 1960.

²³ См.: *Müller-Mertens*, 1963, S. 84. См. также: *Epperlein*, 1969, S. 126, где автор приводит свидетельство Агобарда Лионского, согласно которому в представлении современников лишь «внутренний человек» (*homo interior*) мог быть свободен.

²⁴ Даже в X—XI вв. полностью сохраняется представление о «ярме рабства». См., например, диплом Оттона I № 326 (966 г.) и более поздние документы.

Итак, в течение VIII — первой половины IX в. происходит быстрый рост крупного вотчинного землевладения и складывается феодальная зависимость больших масс ранее свободного крестьянства, не приводящая на первой стадии этой зависимости (поземельной) к утрате свободы и переходу в крепостное состояние, хотя эта угроза живо намечается в перспективе, что и засвидетельствовано в частных актах дарений. Реализация такой возможности ускользает от нашего внимания, ибо акты, посредством которых волеизъявитель передает самого себя в зависимость (*Autotraditiones*), исключительно редки. Для этого слоя крестьянства, который образуется на основе расслоения свободных общинников-аллодистов и выделения из него слоя непосредственных производителей, живущих крестьянским трудом, процесс феодализации сводится к феодальному освоению их земельной собственности — аллода, который, полностью или частично, становится владением, зависящим от верховного собственника. В результате этого акта крестьяне остаются лично свободными людьми, стоящими не вне общества, а внутри него (в отличие от сарвов или крепостных).

Прекарислы, которые ни в коей мере не составляли единого социального слоя, в том числе и прекарислы крестьянского типа, или, вернее, полноправные свободные аллодисты, сделавшие лишь первый шаг на пути к превращению в зависимых крестьян, образовывали как бы внешнюю кайму вотчины, в первую очередь церковной, ту питательную среду, которая была резервуаром для пополнения людских и земельных фондов растущего феодального землевладения. Этот круг прекарислов-держателей отличался значительной пестротой своего социального состава. Он в основном складывался во второй половине VIII — первой половине IX в., когда многие мелкие свободные собственники различного социально-экономического статуса, но юридически находящиеся в одинаковом положении, совершая поземельные сделки путем свободного волеизъявления, ставят себя в тесную связь с крупным церковным землевладением, не теряя при этом своей личной свободы. Поземельная зависимость их также неполна, ибо в подавляющем большинстве случаев они дарят лишь часть своих земель, оставляя другую в своей полной собственности. Возможно, здесь — одна из причин того, что объекты дарений, по которым мы в значительной мере судим о социальном составе сельского населения, обычно представляют собой лишь часть владений.

Экономически такие дарения должны были бы разрушать целостность хозяйственного комплекса. Однако тут борются две тенденции: невозможность для мелкого свободного земельного собственника существовать в условиях разрушения большесемейных и общинных уз, вызывавшая (в обстановке роста вотчинного землевладения и глубокой имущественной дифференциации в самой общине) попытки завязать связи с сильными соседями в надежде на покровительство и помощь³⁵, и усилия, направленные на то, чтобы удержать при этом часть собственной земли. В общественном сознании и в законодательстве (каролингские капитулярии) собственность и свобода все еще тесно связаны — связь, идущая от варварского общества и долго остающаяся в силе. Отсутствие возможности в обстановке аграрного переворота сохранить независимость, с одной

³⁵ О слабости и беззащитности рядовых свободных в этот период говорят не только те многочисленные пассажи капитуляриев, где прямо осуждаются угнетение и притеснения со стороны потентатов, но и то, что капитулярии упоминают — наравне со вдовами и сиротами, которых следует оберегать от беззаконий и утеснений, *minus potentes* (не беднейшие, а, очевидно, средние слои населения).

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

стороны, а с другой — традиционное представление о полноправном свободном как человеке, имеющем свою землю (наряду с держанием), — причина земельных дарений по частям. Отсюда — относительно медленное, растягивающееся на срок жизни нескольких поколений феодальное освоение аллодиальной земельной собственности. Этот процесс завершится лишь к XII в., когда исчезнут и аллоды, и прекарии мелких и средних собственников, а те их обладатели, которым не удастся подняться до положения представителей низших слоев феодального класса или войти в министералитет, превратятся в феодально-зависимых крестьян, утрачивших вместе с личной свободой и свои прекарии²⁶.

Существует все еще четкое различие между слоем прекаристов, обязанных уплатой чина церковной вотчине, но сохранивших личную свободу, и сервами, а также крепостными свободного происхождения. «Иго рабства» делает невозможным обладание прекарным держанием, прекарий может держать только человек, сохранивший свою личную свободу; если утрачивается свобода, теряют свою силу условия держания, прекарии любого рода возвращаются монастырю²⁷. Разумеется, не приходится говорить о стирании граней между лично свободным и зависимым крестьянством; они налицо и в праве, и в реальной действительности, и особенно — в сознании современников.

Закрепощение свободного крестьянства идет полным ходом даже в Алемании, где последнее сохраняется дольше, чем в Баварии и Прирейнской Германии; возможность закрепощения воспринимается людьми того времени в качестве некоей закономерности — возможность утраты свободы рассматривается в частноправовых актах, в отличие от королевского законодательства (капитуляриев), как нечто само собой разумеющееся и при совокупности определенных обстоятельств неизбежное. Этого опасались, такую возможность предвидели в более или менее близком будущем.

Процесс социальной деградации рядовых свободных общинников раскалывает не только общину, но и малую семью крестьянина: в грамотах встречаются сведения о том, что лишь один из членов семьи теряет свободу; выражается надежда, что один из сыновей сохранит свободу и тогда будет владеть монастырским прекарием (St. G., № 346, от 834 г., № 240, от 819 г., № 287, от 824 г.). Члены одной и той же семьи приобретают различный социальный и правовой статус в результате неравных браков (этот принцип продолжает действовать и в X в.)²⁸.

Тем не менее, несмотря на все углубляющееся социальное расслоение в среде свободных общинников-аллодистов, приводящее к установлению их поземельной и личной зависимости, продолжает сохранять свое значение происхождение от свободных родителей. В грамотах, фиксирующих

²⁶ Ко второй половине IX в. относится группа грамот Сен-Галленского картулярия, которая показывает реальную угрозу потери свободы для прекаристов монастыря: St. G., № 240 (819 г.), 281 (824 г.), 346 (834 г.), 399 (846 г.), 418 (852 г.), 446 (856 г.), 447 (856 г.), 467 (859 г.), 481 (861 г.) и др.

²⁷ *Неусызгин*, 1964, с. 119; *Романова*, 1959; *Мильская*, 1955; 1957, с. 166—187. Данные источников не позволяют согласиться с мнением, что «наиболее существенное в прекарной сделке... акт личного подчинения крестьянина, распространение же на его землю права собственности сеньора — следствие признания личной зависимости» (*Гуревич*, 1970, с. 42).

²⁸ St. G., № 784 (922—925 гг.): свободная жена серва, принадлежавшего монастырю св. Галла, должна, согласно Алеманнской правде, разделить своих детей — двух из четверых отдадут in servitium монастырю, как повелевает закон, дочь же выкупается ценой передачи монастырю одного несвободного; ср. также: Reg. Als., N 498 (835 г.).

судебные тяжбы по поводу определения социального статуса, основным мотивом для удовлетворения притязаний вотчинников, предъявляющих подобные иски, выставляется происхождение от несвободных родителей. Впрочем, в Баварии, в отличие от Алеманнии, дети свободной женщины и серва признавались свободными (равно как и дети свободного от несвободной женщины, которую вместе с детьми можно было выкупить перед лицом государевых посланцев).

Источники позволяют констатировать известную обязательность соединения земельной собственности с наличием и несвободной рабочей силы — такое соединение весьма устойчиво в актах юридического характера (Сар. 273, с. 6, от 862 г.: *res et mancipia et domos habuerunt*) и довольно обычно в частных актах. Отсутствие *mancipia* если и не делает ведение хозяйства совсем невозможным, то, во всяком случае, грозит нестабильностью, быстрым разорением, для которого в то время было много поводов³⁹.

Распад большой семьи, зафиксированный источниками предшествующего периода⁴⁰, и торжество малой индивидуальной семьи, которое связано с процессом становления аллодальной собственности и переплетается с ним, имеют, по-видимому, еще и чисто экономический аспект. Крестьянское хозяйство, по крайней мере полноценное, способное обеспечить определенный жизненный уровень, соответствовавший представлениям о достоинстве полноправного свободного, могло функционировать, только располагая достаточным количеством рабочих рук⁴¹, в противном случае низкая производительность труда⁴², нехватка орудий и инвентаря, трудоемкость сельскохозяйственных работ (в особенности при расчистках новых земель), низкая урожайность вели к тому, что оно неизбежно опускалось ниже этого уровня, а сам крестьянин оказывался на грани разорения (такая ситуация в раннее средневековье не так уж редко встречалась). Для малой семьи вопрос о рабочей силе приобретал особенно острое значение, причем тут же этот экономический аспект оборачивался своей социальной стороной. Отсюда начинается и процесс дифференциации крестьянства на наиболее зажиточный слой, часть которого служит пополнением мелковотчинного населения, и на менее обеспеченных собственников, тщетные усилия которых удержаться на этой грани запечатлены в тысячах грамот, собранных в каролингских картуляриях.

Формирующееся крестьянство представляет собой не только чрезвычайно многоликую, но и весьма неустойчивую социальную категорию. В условиях феодализации общества и быстрого роста крупного землевла-

³⁹ Ср.: Сар. 62, с. 2, 24; 63, с. 12 (809 г.): продажа урожая хлеба и винограда на корню из-за бедности. В. Абель считает, что в этот период крестьянское хозяйство производило очень немного сверх необходимого продукта (Abel, 1962, S. 24).

⁴⁰ П. Донат и Г. Ульрих на основании данных археологических раскопок считают, что в большую семью, состоявшую из трех поколений, входило 20—30 человек, обитавших в больших дворах. Распад большой семьи начался лишь в VII в. в наиболее богатых семьях (Donat, Ullrich, 1977, S. 256). Нам представляется, что распаду большой семьи способствовали отношения собственности и установившийся порядок наследования в пределах малой семьи, причем эти явления находились в известном противоречии с экономической необходимостью и техническими возможностями индивидуального хозяйства.

⁴¹ В состав дарений, совершаемых даже теми общинниками, которые стояли перед непосредственной угрозой утраты свободы и закрепощения, могли входить несвободные.

⁴² Bentzen, 1980, S. 32—35; крестьяне могли обрабатывать землю на глубину не более чем 5—6 см: лемех плуга был очень мал, бороны — целиком деревянные.

дения оно все время подвергается трансформации, втягиваясь в зависимость. Вотчина, подобно водовороту, втягивает в себя свободных крестьян именно потому, что под сенью вотчины они надеются сохранить свой прежний статус, оставаясь свободными прекаритами. Разложение больших семейных уз и социальное расслоение зашли настолько далеко, что уже раскалывают семью изнутри. Происходят разделы собственности в семье, причем делятся не только земли, находящиеся в индивидуальном владении, но выделяются и доли в пользовании общинными угодьями. Показательна неустойчивость социального статуса всех членов семьи. В капитуляриях формулируются сентенции о притеснении и разорении беднеющих свободных, государственные акты регистрируют расследования по поводу социального статуса и обращения свободных в сервов; в частных актах сплошь и рядом выражаются опасения по поводу возможности сохранить свободу для всей семьи и для кого-то из ее членов. Этот процесс разворачивается в течение всего IX в. — недавние свободные пополняют слои сервов или *мансирія*, превращаясь в крепостных крестьян, — во всех актах они рассматриваются как собственность субъекта, производящего ту или иную сделку; во многих случаях эти люди неразрывно связаны с землей, на которую они помещены. Хорошо известно, что каролингские капитулярии пестрят требованиями возвращать беглых, далеко не всегда называя их сервами.

В вопросе об отношении ранней вотчинной власти к свободным держателям среди исследователей не возникает никаких разногласий. Все они считают, что на ранней стадии полная вотчинная юрисдикция над свободными держателями отсутствовала. Число свободных в вотчинах не было тогда велико, сохранялась их подсудность государственному суду, хотя в суде графа вотчинник фигурировал в качестве патрона, представляющего на суд своих держателей. Однако власть вотчинников существенно меняется по мере превращения свободных в держателей вотчины (Seeliger, 1903, S. 72). Отныне они втягиваются в сферу феодального господства. Превратившись в держателя, свободный стал объектом экономического принуждения вотчинника, взимавшего чинш с держания и требовавшего барщины.

В капитуляриях строго различаются те, кто, помимо держаний, зависящих от вотчины, обладает собственной землей, и те, кто таковой земли не имеет (Cap. 193, с. 6, от 829 г.; ср.: Seeliger, 1903, S. 75). Если свободные держатели обладали и своей собственной землей, то их тяжбы по делам о владении землей разбирались в суде графа. Согласно капитулярию Карла Лысого (864 г.), подсудность графскому суду была тесно связана с обладанием домами и земельной собственностью (Cap. 273, с. 6). С точки зрения государственной власти жители вотчины так же не имеют своего дома и земли, как и те, о которых говорит этот капитулярий; они вообще не располагают имуществом, которое дало бы возможность непосредственно вызвать их в суд графа, обратившись к ним самим. Они владеют собственностью другого лица — именно к этому собственнику и обращается граф с требованием представить на суд виновного (Cap. 215, с. 4, от 856 г.).

Судебная ответственность свободного, получившего землю у вотчинника или превратившего свой надел в держание от вотчинника, совершив условное дарение, изменяет свой характер — связь свободных держателей с государственным судом ослабевает. Вызов свободных держателей, не имеющих своей земли, кроме держания, на суд графа осуществляется теперь, по-видимому, лишь через посредство вотчинника.

Уже в источниках VIII в. упоминаются несвободные *недавнего* происхождения; они постоянно пополняют вотчинное население, но не перестают при этом оставаться обитателями деревни.

Так, например, во второй половине VIII в. в период волнений и столкновений (*turbatio*) между Алеманнией и Эльзасом многие несвободные (*mancipia*) отказались нести службу монастырю Мурбах и объявили себя свободными, а некоторые — поселенцами на королевских землях. Люди рабского происхождения не могли бы объявить себя свободнорожденными, здесь речь идет о свободных, превратившихся в монастырских крепостных сравнительно недавно и воспользовавшихся беспокойными временами и беспорядками, чтобы вернуть себе прежнюю свободу. Примечательно, что часть из них попыталась объявить себя живущими в королевских бенефициях — полную свободу сохранить было трудно, и они это понимали⁴³.

Несвободное население вотчины — это крепостное крестьянство, чаще всего обозначаемое терминами *mancipia*, *servi*. Эти термины употребляются в источниках и как однозначные, и как имеющие разный смысл (*mancipia* — дворовые сервы, не имеющие наделов; см., например: *St. G.*, № 357 и др.); источники позволяют считать, что слой *mancipia* (равно и сервов), представляющих крепостных крестьян, сидящих на наделах, был многочисленным и оказывал значительное влияние на жизнь деревни (*Schwind*, 1977, S. 485, 489; *Rudolf*, 1976, S. 40). Он состоял из двух категорий: к первой относятся несвободные, которые выступают в грамотах как принадлежность земли, служащей объектом тех или иных сделок (дарений, купли-продажи, обмена, пожалований, завещаний и т. п.), сплошь и рядом даже имя их не упоминается. Часть их может быть отнесена к дворовым (их категории различны: *homines proprii*, *stipendiarii*, *provendarii*, *deservientes* etc.); многие были держателями наделов, т. е. крепостными крестьянами, являющимися непосредственными производителями; однако их права на надел недостаточно обеспечены; кое-кто из таких крестьян мог использоваться лишь для обработки доменальной земли. Другие, являясь объектом сделок, всецело зависящих от воли собственника, уже персоналифицируются — это несвободные держатели наделов, которые тесно с ними связаны и принадлежат тому, кто обладает правом собственности на надел. Они составляют одну из прослоек населения вотчины, которая и несет основной труд по обработке вотчинных земель.

Какие-либо твердые грани в экономическом смысле между свободным и несвободным населением, зависимым от вотчины, установить нелегко. Известны разбогатевшие сервы, обладающие несколькими наделами и десятком-полтора десятками несвободных: им противостоят обедневшие свободные, отдающие последний клочок земли за ежедневное пропитание, т. е. буквально за кусок хлеба.

Не всегда можно провести четкую границу — в экономическом смысле — между свободным держателем вотчины и сервом, помещенным на надел, хотя их повинности различны. Тем не менее в правовых нормах, по своему социальному положению и в сознании современников они разделены весьма явственно. Максима капитуляриев «*nisi amplius est quod*

⁴³ *Reg. Als.*, N 334 (774—789 гг.): «cum aliqua turbatio fuit inter Alamannus et Alsacenses, multi de illa mancipia, qui iurae sancti ill. debentur de parte ill., et de proprio servitio evaserint et modo se aliqui ingenuos esse dicunt, et aliquas nobis contendunt illi comis et alii homines per alios comitatos dicunt se ipsos in vestro beneficio habere...».

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

seignus aut liber» («нет большей разницы, чем между сервом и свободным») в Германии сохраняется на протяжении всего раннефеодального периода (и уходит даже в XII в.)⁴⁴, в документах постоянно присутствуют деления, существующие со времени варварских Правд, — сервы, литы, колоны, свободные (таковы данные многочисленных картуляриев из всех областей Германии этого периода, терминология королевских дипломов-пожалований XI—XII вв.). Однако указанная, характерная для раннего средневековья, антитеза противопоставляет лишь два крайних полюса общества: между ними находятся многочисленные социальные слои, внутри каждого из которых существуют свои градации.

Слой несвободных отличался большой неоднородностью: в него могли входить остатки сервов; с течением времени в его составе становятся все более заметны и новые слои, которые конституировались как категория зависимого крестьянства уже в рамках вотчины, притом постепенно, проходя несколько стадий зависимости, прежде чем превратиться в массу крепостного крестьянства. Сначала, на первой стадии втягивания в зависимость, грани между свободными собственниками-общинниками крестьянского типа и теми, кто встал на путь подчинения вотчине, очень неопределенны и почти незаметны. Однако было бы неверно думать, что сервы, которые в хозяйственном отношении могли быть почти в одинаковом положении с другими категориями феодально-зависимых крестьян (но только почти, ибо в повинностях тех и других на протяжении всего изучаемого периода сохранялись весьма существенные различия), приближались в процессе нивелировки к феодально-зависимому крестьянству в социальном и правовом положении. Этот процесс не завершился еще в XI в., когда даже владения разбогатевших сервов все-таки считались собственностью их господина и в качестве таковых служили объектом имущественных сделок⁴⁵. Юридически сервы не обладали обеспеченными правами собственности на землю. Земельные дарения имели законную силу лишь в том случае, если они совершались свободными людьми (DO, I, № 326, от 966 г.); известны, впрочем, и земельные дарения сервов.

Источники позволяют наблюдать резкие отличия экономического и юридического статуса крестьян (тесно связанного с происхождением) — они еще не сложились в единый класс (что соответствует такой же многоликости и гетерогенности класса феодалов); более того, отсутствуют однородные группы и внутри каждого слоя⁴⁶. Господствует гетерогенность и многоликость каждого социального статуса, начиная с сервов и шапсиря, которые и по происхождению, и по своему положению в королевских фисках, церковных и светских вотчинах, в хозяйстве свободных или зависимых аллодистов, и по экономическому статусу тоже не составляют единства. Особое место в процессе классовообразования занимает освобождение сервов и литов, становившихся вольноотпущенниками. Число их велико и с ростом крупного землевладения, особенно церковного, все время возрастает (Eppelrein, 1969, S. 139).

⁴⁴ Иную трактовку этой антитезы см.: Барз, 1962, с. 233, 245.

⁴⁵ См.: DH II, № 231 (1011 г.): владения некоего Перангария во Франконии и Тюрингии стали объектом меновой сделки между королем и монастырем Тегерзеэ на том основании, что сам Перангарий некогда был монастырским сервом.

⁴⁶ Сохраняющееся в полной мере племенное право к XI в. претерпевает иногда своеобразную эволюцию — оно приобретает как бы социальный характер: так обстояло дело у славянских племен в восточных областях Германии, сходный процесс происходил и у завоеванных и переселенных саксов.

Вплоть до XI в. возможности социальных перемещений оставались открытыми, постепенно сокращаясь с ростом и углублением феодализации. Все названные выше разнообразные слои на протяжении VIII—XII вв. трансформируются в классы феодального общества, где членение происходит уже по другим признакам, где формируются два полюса общества — феодальные собственники и зависимые крестьяне. Рассматриваемый этап имеет принципиально переходный характер⁴⁷.

Одна из типичных черт раннефеодальной деревни и раннефеодального крестьянства в Германии — отсутствие замкнутости. Жизнь лично свободного крестьянина раннефеодальной поры не замыкается границами его надела, хозяйства, деревни. Он находится в фокусе перекрещивающихся социальных связей: этим земледельцы раннего средневековья отличаются от крестьян более поздней эпохи, облик которых все еще лежит в основе наших представлений о крестьянстве вообще.

6. Общий характер эксплуатации

Система эксплуатации крестьянства в Германии была не менее многообразной, чем его социальный состав (Rudolf, 1976, S. 42—43). В VIII—IX вв. она все еще существенно отличалась от системы феодальной эксплуатации, которая сложилась в странах с установившимися, более развитыми формами вотчины-сеньории. Вотчинная эксплуатация одного слоя крепостного крестьянства — сервов и мансiрия — осуществлялась в Германии приблизительно в одинаковых формах. Основная масса феодально-зависимого крестьянства, не утратившего личной свободы, подвергалась «множественной» эксплуатации. Она не была освобождена от государственных повинностей (хотя категории «государственно-зависимых» крестьян здесь не существовало).

Связь с вотчиной, к установлению которой вынуждены были стремиться слои сельского населения, по крайней мере до конца X в. отнюдь не изымала их полностью из сферы компетенции государственной власти и ее фискальной системы (см.: Колесницкий, 1959, особенно с. 87—95). Зачастую крестьяне испытывали гнет и светской и церковной вотчины, земельные владения которых в большой степени переплетаются. При этом светский вотчинник, в особенности мелкий, мог быть связующим звеном, через посредство которого труд непосредственных производителей использовался в хозяйстве крупных феодальных (прежде всего церковных) собственников.

Нормы эксплуатации лично свободных держателей крайне разнообразны и относительно невелики, но положение осложнялось тем, что над непосредственным производителем крестьянского типа часто стояло несколько феодалов разного положения. В результате реальное бремя различного рода повинностей, лежавших на лично свободных крестьянах, особенно неполностью вовлеченных в орбиту вотчинной власти, могло быть достаточно тяжелым. Если же принять во внимание общий низкий материальный уровень жизни широких слоев населения, то эта эксплуатация была иногда и просто непосильной. Вот почему люди свободного происхождения, еще имевшие возможность распоряжаться своим личным статусом и своим достоянием, предпочитали попасть под власть какого-

⁴⁷ См.: Мильская, 1955, с. 19; 1957, с. 182; ср.: Колганов, 1961, с. 329 — особенно тезис о невозможности продолжительного существования независимых свободных землевладельцев.

либо одного вотчинника, особенно обладавшего иммунитетными правами. Многообразные повинности лично свободных прекарисстов и держателей включали в себя все виды феодальной ренты. Преобладали натуральные оброки и денежные чинши (последние, впрочем, часто составляли лишь эквивалент тех же натуральных повинностей). Отработочная рента свободных держателей и даже прекарисстов занимала меньшее место и практически часто перелagалась на их зависимых людей. Барщинные повинности в значительно большей мере возлагались на сервов, причем в сознании современников представление об этой связи (восходящее к временам варварских Правд⁴⁸) сохранялось даже тогда, когда в реальной действительности она уже была утрачена.

С крупной вотчиной непосредственно было связано не все несвободное население деревни: значительные слои его трудились в хозяйствах мелких вотчинников и крестьян, землевладельцев промежуточных категорий; формы эксплуатации этих непосредственных производителей еще не в полной мере освободились от наследия, связанного с социально-экономическим развитием предшествующего периода. Преобразование в сторону «феодализации» повинностей этого многочисленного слоя несвободного населения происходит под влиянием отношений, образующихся в сфере вотчинных связей, тут же рядом, в той же деревне. Именно в вотчине складывается определенное единство повинностей, в первую очередь несвободного населения. В вотчине они, в отличие от разнообразных чиншей свободного населения, определяются с большой точностью. Существуют устойчивые представления о величине повинностей и чиншей сервов — выражения «обязанность одного серва», «оброк одного серва», «деньги одного серва» и т. п. употребляются в документах как стандартная формула, не требующая пояснений. Ее конкретное содержание выявляется обычно тогда, когда речь идет о каких-либо изменениях, причем в состав повинностей сервов и литов входят обязательные отработки (обычно — три дня в неделю, уменьшение этого обычного числа дней тщательно оговаривается).

Особенностью системы эксплуатации феодально-зависимого и крепостного крестьянства в Германии было длительное сохранение форм, сложившихся во Франкском государстве, которые сочетались с пережитками еще более ранних форм эксплуатации непосредственных производителей несвободного происхождения, при этом в темпах феодализации различных областей Германии обнаруживались существенные отличия (см.: Неусыхин, 1964, с. 44).

*

Процесс становления феодально-зависимого крестьянства в основных чертах завершился в Германии к концу XI — началу XII в. (Неусыхин, 1964, с. 314), не утратив таких специфических для этого региона черт, как возникновение свободных чиншевых держаний на базе прекарных отношений, возраставшая унификация повинностей, постепенное изменение статуса сервов и *шалсэриа*, рост слоя вольноотпущенников, увеличение числа зависимых людей в составе дарителей к началу XII в. (см.:

⁴⁸ По данным Баварской правды (I, 14), свободному человеку запрещается под угрозой суровых наказаний работать в воскресные дни: в этой статье явственно прослеживается представление о сельскохозяйственных полевых работах, как о «рабском деле», недостойном свободного человека. В законодательстве, таким образом, отчетливо сказывается борьба двух тенденций: экономической необходимости и представлений, уцелевших со времен родового общества на его заключительной фазе.

Трошков, 1941, особенно с. 16—17, 50). Неоднородность крестьянства продолжала сохраняться. Тип развития аграрного строя прирейнской Германии, Баварии, частично Алеманнии и Тюрингии в сфере вотчинных отношений близок в основных чертах к типу развития левобережья Рейна. Напротив, в эволюции и облике деревни имелись существенные различия. Как хозяйственный коллектив в Германии в общем доминирует деревня, а не вотчина. При этом организационная и хозяйственная структура вотчины такова, что экономический прогресс возможен преимущественно в рамках крестьянского хозяйства⁴⁸. Решающим в этом прогрессе, по мнению У. Бенциана (ГДР), было не изменение сельскохозяйственной техники, а изменение социальных отношений: «...зависимое от феодалов крестьянство, располагающее фактически основными средствами производства и частью прибавочного продукта, обеспечило развитие производительных сил» (Bentzien, 1980, S. 51; Abel, 1962, S. 32).

Итак, на протяжении трех столетий — с VII по IX в. — первоначально слабо расчлененное общество равноправных свободных общинников с немногочисленным верхним слоем родовой знати перерождается в классовое раннефеодальное общество, отчетливо разделенное на два основных антагонистических класса. Складывается феодальная вотчина, живущая за счет эксплуатации крестьянского населения, градации и формы зависимости которого от феодалов весьма широки и многообразны.

Мир варварских Правд безвозвратно отступает перед миром феодальным, приобретающим устойчивость, несмотря на все политические и социальные потрясения, и укрепляющим свои позиции в X—XI вв. Складывается вотчинное право; в сфере вотчины подготавливается новая крестьянская общность, давшая жизнь крестьянской общине XII в., отличающейся большей определенностью очертаний, более разработанной организацией, развившейся на иных основаниях, нежели ранняя, дофеодальная община, некогда объединявшая свободных и равноправных аллодистов.

Былая общность народа-племени в процессе длительного становления раннефеодального общества разрушается и исчезает. «Между миром господина с его рыцарской культурой и крестьянской жизнью лежит пропасть» (O. Вуппег, 1939, S. 399). В эпоху развитого феодализма феодалы-вотчинники начинают покидать деревни, в которых ранее находились их бурги; феодальная знать селится на отдаленных от деревни горных склонах, отграничиваясь территориально и социально от остального населения. Об этом свидетельствуют не только письменные источники, но и археология (Janzen, 1977, S. 330). На другом полюсе социальной иерархии крестьянство Германии к концу XI — началу XII в. конституируется как сословие феодального общества.

⁴⁸ Существенный интерес представляют приводимые У. Бенцианом данные о распространении некоторых римских сельскохозяйственных орудий в поселениях Восточнофранкского государства — в ряде случаев прослеживается преемственность; однако орудия, которые могли применяться лишь в крупных латифундиях, после конца римского господства не обнаруживаются... Этот факт служит лишним аргументом в пользу тезиса об экономическом преобладании мелкого крестьянского хозяйства в эпоху раннего средневековья (Bentzien, 1980, S. 38).

СТАНОВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ДОНОРМАНДСКИЙ ПЕРИОД

1. Начальный этап истории англосаксонского крестьянства

Римские социально-экономические порядки в кельтской Британии рухнули вместе с римским политическим владычеством. Судя по всему, период, отделявший момент вывода римских легионов с острова (начало V в.) от начала массовых вторжений германцев на него (вторая половина V в.), как и период самих этих вторжений (до конца VI в.), явился решающим для уничтожения институтов Римской империи, которые существовали в Британии в предшествовавшее время. Быстрота и полнота их исчезновения свидетельствуют о том, что кельтское общество Британии было романизовано в меньшей степени, чем в Галлии или Испании.

После германских завоеваний в Британии, по-видимому, отсутствовал сколько-нибудь заметный и существенный для ее дальнейшего развития римский социальный субстрат. Во всяком случае, источники, как правило, о нем молчат¹. Вместе с тем в последующий период контакты между Британией и континентом были всесторонними и тесными и влияние европейских раннефеодальных институтов — весьма заметным и эффективным (Levison, 1946).

Христианизация англосаксов произошла в конце VI—VII вв., и церковь сыграла в социальном развитии Англии значительную роль. Сравнительно могущественной была в Англии и королевская власть, что в первую очередь вызывалось условиями, сложившимися в результате германского завоевания острова. Сближение королевской власти с церковью, в свою очередь, создало благоприятные условия для перестройки варварского общества.

*

Природа Британии при всем разнообразии рельефа, почв и климата отдельных районов страны в целом была благоприятна для земледелия и скотоводства. Германцев, захвативших и заселивших основную часть Британии, было не так много, чтобы на первом этапе после переселения ощущалась нехватка земель. Расселялись пришельцы небольшими группами, занимая территории с удобными для обработки почвами, где имелось много заливных лугов. Больше всего новопоселенцев разместилось вблизи рек и в приморских районах Южной и Восточной Англии.

Ранние германские поселения представляли собой анклавные на прогалинах в лесах, густо покрывавших эти области (обширные заросшие лесом пространства сохранялись здесь и несколько столетий спустя — An Historical Geography of England, 1951). Лес играл в жизни англосаксов огромную роль. Препятствуя свободному расширению пахотных

¹ Попытки отыскать римские предпосылки манориальной (поместной) системы в Англии предпринимались как в XIX в., так и в наше время, но они не могут быть сочтены успешными. См.: Seebohm, 1905; Finberg, 1955; The Agrarian History..., 1, 2, 1972, p. 250 f., 385 f.

участков, он вместе с тем составлял необходимое условие крестьянской жизни и хозяйственной деятельности, давая сырье, топливо, корм для животных, добычу для охотников. Лес служил и защитой от нападений. В записях англосаксонского права неоднократно говорится о лесах и порядке пользования ими: устанавливаются наказания за неумышленный поджог леса, за уничтожение деревьев, под которыми паслись свиньи, за убийство или ранение человека во время совместной рубки леса. Расчистки в лесах первоначально были невелики, ибо корчевка являлась весьма трудным делом. Не меньшее внимание раннего законодательства привлекают выпасы и луга, пользование которыми строго регулировалось.

Как правило, англосаксы не занимали мест, ранее населенных кельтами или римлянами. В то время как поселения бриттов были расположены преимущественно на возвышенностях, англосаксы осваивали равнинные районы. Таким образом, уже сам способ оккупации завоеванной страны исключал преемственность между романо-кельтскими и германскими аграрными распорядками².

Поселения англосаксов были как групповыми, так и хуторскими, в зависимости от местных условий (Stenton, 1971, p. 277 f.). Поселки в один или несколько дворов были распространены в Кенте, тогда как в Мерсии и Уэссексе зачастую возникали деревни. Естественно поэтому, что в записях уэссекского права встречаются постановления, касающиеся отношений между соседями. «Законы Инэ» (конец VII в.) гласили: усадьба кэрла³ должна быть огорожена круглый год; в случае же, если изгороди не установлены, сосед, чья скотина причинит ущерб другому хозяину, не несет ответственности (Ine, 40). Судебник регулировал и порядок пользования долями общего луга и других земель (Ine, 42). Для обработки почвы нередко требовался тяжелый плуг⁴, в который впрягали несколько пар волов (в период после Нормандского завоевания нормой считали восьмиволовую запряжку), а это в ряде случаев вынуждало отдельных хозяев кооперироваться или занимать у соседей недостающий рабочий скот (на условиях, зафиксированных в тех же «Законах Инэ»).

Каким образом возникла английская деревенская община? Когда-то Ф. Сибом полагал, что она родилась в недрах крупной вотчины — манора. Эта теория последующей историографией была отвергнута. На самом деле общинные связи крестьян складывались в значительной мере до создания феодального землевладения и помимо него; манор по сравнению с ними был вторичным явлением более позднего времени.

² Идею существования такой преемственности отстаивал Ф. Сибом и его последователи. Историки «германисты» XIX в. исходили из предположения, будто англосаксонское завоевание сопровождалось полным искоренением местного населения или вытеснением его на север и запад острова. Более детальное изучение проблемы приводит к иным выводам. Хотя немалое число автохтонов погибло в борьбе против захватчиков, а многие были превращены в рабов, часть бриттов уцелела. Их диалекты оказали незначительное воздействие на древнеанглийский язык, тем не менее в топонимии удержались кельтские названия — свидетельства сохранения независимых кельтских поселений и после германской колонизации Британии. См.: *Ekwall*. 1936, p. XIX f.

³ Кэрл — рядовой свободный домохозяин. Иная трактовка термина *seorl* как человека, близкого к вольноотпущенникам (*The Agrarian History*, 1, 2, p. 432f., 446 f., 451 f.), лишена должного обоснования.

⁴ Тяжелый плуг получил распространение в Британии, по-видимому, с приходом германцев, хотя, возможно, применялся на острове еще в римских виллах. См.: *Colingwood*. *Muges*, 1937, p. 210 f.; *The Agrarian History*, 1, 2, p. 397 f.

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

Вместе с тем, возникнув, вотчина использовала общинные отношения и способствовала их упорядочению. В ранних источниках обнаружены лишь спорадические свидетельства существования общинных распоряжков в англосаксонской деревне: кроме упомянутого предписания уэссекского судейника, имеются соответствующие указания в отдельных грамотах (К., 714, В., 303, 322). Распорядки «открытых полей» тесно связаны с двух- или трехпольем, но до X в. какие-либо данные на этот счет отсутствуют. Яснее система «открытых полей» выступает в грамотах конца англосаксонского периода (К., 1278; В., 1095, 1120, 1181, 1280). Вероятно, в то время преобладало двухполье (наряду с еще более при-

Англосаксонское поселение V—VII вв. в Уэст-Стоу. Суффолк, Англия.
Реконструкция

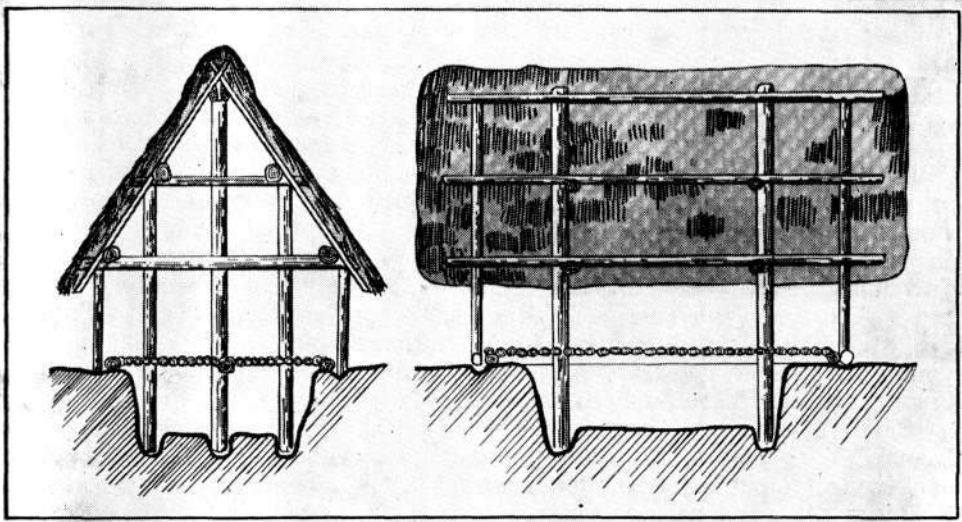
митивными системами земледелия), распространение же трехполья приходится уже на нормандский период (Gray, 1915, p. 58 f.).

Высказанный в середине прошлого века взгляд, согласно которому многочисленные в ранней Англии населенные пункты с названиями, оканчивавшимися на *-ingas*, *-ingham*, представляли собой родовые общины (Kemble, 1849, p. 58—64), ныне признан ошибочным. В действительности подобные названия, относящиеся ко времени расселения англов, саксов и ютов на территории Британии, могли иметь различное происхождение. Нередко такие деревни получали имя от своего владельца или предводителя группы, которая здесь поселялась; в иных случаях топонимика указанного типа была лишь коллективным обозначением жителей, населявших данный пункт, подобно тому как жителей Кента, например, называли *Centingas* (Ekwall, 1952). Родовых поселений в Англии источниками не зафиксировано.

Констатируя наличие сельской общины в Англии VII в., приходится признать ее рыхлость по сравнению с общиной более позднего периода (Thirsk, 1964; *The Agrarian History*, I, 2, 262, 398, 487 f.). Социальные связи кэрлов, с одной стороны, концентрировались в более узких ячейках, с другой — охватывали более обширные коллективы, чем деревня. Под ячейками первого типа имеются в виду большие семьи. Источники

очень немногословны на этот счет и не рисуют ясной картины устройства семейной общины. Тем не менее имеются основания предполагать наличие подобного коллектива у англосаксов (Braude, 1932, S. 35 f., 83 f.).

Однако переселения и завоевание нанесли непоправимый удар большой семье, как и родовым отношениям вообще (Phillpotts, 1913, p. 205, 265; Lancaster, 1958), и она, по-видимому, вскоре начала сменяться малой семьей. Родовой строй на вновь освоенной территории уступил место строю территориальному. Хотя в источниках в течение длительного времени продолжали фигурировать племенные обозначения англов, саксов и

Разрез дома в Уэст-Стоу — англосаксонском поселении V—VII вв.
Реконструкция

ютов (Н. Е., I, 15), в действительности население образовавшихся в Британии германских королевств уже утратило свою племенную однородность (Chadwick, 1907, p. 88 f., 96 f.). Основу территориального строя англосаксов образовывали не деревенские общины, а более обширные округа, включавшие ряд поселений. Центром округа было судебное собрание (*gemot*, англ. *moot*), куда сходились главы семей; здесь решались все дела, представлявшие общий интерес, разбирались тяжбы. Как свидетельствуют записи права, произведенные по инициативе королевской власти, эти собрания уже в начале VII в. находились под охраной короля, а возглавлял их его управляющий (*Abt*, 1; *Af*, 22, 34, 38; II *Ew*, 8; II *As*, 2, 12). Впрочем, в кентских законах конца VII в. упомянуты «кентские судьи», которые «присуждают право» (II, 8).

Жители округа пользовались самоуправлением, на них лежала обязанность оберегать мир и следить за порядком, с этой же целью в конце англосаксонского периода жители округа были разбиты на сотни и десятки поручительств. Участие в народных сходках считалось неотъемлемым социальным признаком свободного человека. В грамоте, относящейся к концу периода, кэрлы именуются «достойными участия в судебном собрании и ополчении и пользования общими выпасами» (*Vino-*

gradoff, 1908, p. 28, 388, 419). Право посещать сходки стоит здесь на первом месте. Государственной власти, которая использовала систему народных собраний в административных целях, вместе с тем приходилось считаться с ними, поскольку они объединяли кэрлов и тем самым давали им средство сопротивления королю и его агентам.

Но уже наиболее ранние источники, относящиеся к VII в., рисуют и принципиально иные отношения — отношения господства и подчинения. Эти записи права двух южноанглийских королевств, Кента и Уэссекса, отражают две во многом несхожих системы социального устройства.

Кент, небольшое королевство в юго-восточном углу острова, одним из первых подвергшееся христианизации, тем не менее предстает в судебныхниках VII в. обществом с архаичной структурой, сходной с трехчленной структурой континентальных северных германцев и скандинавов (знать, свободные и несвободные). Эрлы, кэрлы и лэты (помимо бесправных рабов) — таково социальное членение кентцев. Если англосаксонские термины *earl* и *seorl* родственны скандинавским *jarl* и *karl*, то кентский *laet*, вне сомнения, близок, если не идентичен, латам (латам) у франков, фризов и саксов. Другими англосаксонскими памятниками этот слой не упоминается. Мало того, положение кэрлов в Кенте отличалось от положения этого слоя в других королевствах ранней Англии. Вергельды кэрла и эрла находятся здесь в пропорции 1:3 (100 и 300 кентских шилл. См.: *Abt*, 24; *HI*, 4, 3), тогда как в Уэссексе вергельд кэрла — в 6 раз меньше вергельда знатного человека (*Ine*, 19, 70). Это обстоятельство может быть истолковано как свидетельство меньшей, чем в других королевствах Англии, социальной дистанции, разделявшей в Кенте рядовых свободных и знать.

Главное, однако, заключается в другом. Отношения господства и подчинения в Кенте, как они предстают в судебныхниках VII в., сводились преимущественно к зависимости лэтов и рабов от знатных и кэрлов. Вопросы владения рабами стоят в центре внимания авторов судебныхников. По-видимому, эксплуатация несвободных — основная форма эксплуатации рабочей силы в этой части Англии VII в. Правда, в кентских источниках изредка встречаются термины «*hlaford*», «*dryhten*» («покровитель», «господин», от *hlaford* — английское «*lord*»), но они применяются либо по отношению к королю, которому служат дружинники и повинуются подданные (*Abt*, 6; *Wi*, 5), либо к собственнику раба. О зависимости в среде свободных здесь еще нет речи. Возмещения за преступления против свободного человека уплачиваются ему и его сородичам, тогда как в Уэссексе VII в. часть компенсации следовала также и покровителю — лорду (*Ine*, 21, 27, 70, 74, 76). Таким образом, в то время в Кенте отношения зависимости одних свободных от других, очевидно, еще не были настолько развиты, чтобы привлечь внимание законодателя.

Если в Кенте в VII в. социальная структура оставалась весьма архаичной⁵, то в Уэссексе положение было существенно иным. И здесь кэрлы, видимо, образовывали широкий слой свободного населения. Тем не менее зависимость крестьянина от лорда рисуется составителю «Законов Инэ» чем-то вполне нормальным и вряд ли новым (*Aston*, 1958, p. 65 f., 83). Часть возмещения за ущерб, нанесенный свободному человеку, причитается его покровителю, поскольку тот отвечает за поведение

⁵ Эта архаика сохранялась в качестве отличительной черты Кента и много столетий спустя, даже в период наивысшего развития английского феодализма, когда она уже смыкалась с рано начавшимся здесь разложением манорального строя (*Косминский*, 1947, с. 192—195; *Aston*, 1958, p. 65 f., 83).

«подопечного» и выполнение им государственных повинностей. «Подопечным» было запрещено уходить от лордов без разрешения: найденного беглеца возвращали и наказывали (Ine, 39). Ослабление родовых связей и неспособность (или нежелание) сородичей поддержать человека, попавшего в беду (Ine, 28, 35, 74, 2; Abt, 23), открывали перед более могущественными людьми возможность установления своей власти над обедневшими или изгоями (Ine, 70).

Судя по «Законам Инэ», глафордат — верховенство одного человека над другим — не сводился к покровительству или коммендации. Отношения зависимости и эксплуатации могли принимать и более ощутимые

*Пахота и сев. Англосаксонский календарь. XI в. Британский музей, Лондон.
Впереди упряжки — погонщик с длинной палкой. За пахарем — сеятель.
Здесь впервые в средневековой истории Западной Европы изображен грядковый плуг,
введение и распространение которого сыграло важную роль
в развитии средневекового сельского хозяйства*

очертания. «Если человек договорится о виргате⁶ земли или более на условии уплаты продуктами и вспашет ее, а лорд потребует, помимо платежей, также и работ, тот не должен брать землю, если господин не даст ему жилища, но при этом он лишится урожая» (Ine, 67). Перед нами, возможно, продуктовая аренда, с тем, однако, немаловажным отличием, что землевладелец, поселивший арендатора, мог потребовать от него также и исполнения повинностей. Напрашивается предположение, что бедняки или пришлые люди, лишённые собственных жилищ, оказывались, таким образом, в более тяжелой и прочной зависимости от лордов. О принуждении свободного человека к труду «Законы Инэ» говорят еще выразительнее: «Если раб трудится по воскресеньям, согласно приказу своего господина, его следует освободить, а лорд пусть уплатит штраф в 30 шилл.», — гласил судебник, но тут же добавлял: «А если свободный работает в эти дни, пусть лишат его свободы или взыщут с него 60 шилл., если только он поступает так не по приказу своего господина» (Ine, 3).

Очевидно, зависимость свободного от лорда возникала подчас на основе трансформации арендных отношений. Она могла быть и результатом прямого закабаления бедняков. Человек, не способный самостоятельно внести залог в суде и вынужденный обращаться за помощью к другому лицу, по выражению судебногоника, «шел к нему в руки», т. е.

⁶ Виргата — четверть гайды, полного надела.

закабалаялся (Ine, 62). Кабальные рабы, люди, утратившие свободу вследствие содеянного преступления, которое они были не в состоянии возместить материально, неоднократно упоминаются источниками (Ine, 24, 48). Такие люди, если они не имели возможности выкупиться из кабалы, выпадали из системы родовых связей, ибо «свободный не обязан связываться с родственником-рабом» (Ine, 74, 2).

Итак, в Уэссексе к концу VII в. сложились различные формы зависимости, распространявшиеся на лиц свободного происхождения, — от коммендации и покровительства до закабаления и порабощения. В одних случаях человек, который находился под мундиумом лорда, тем не менее сохранял права лично свободного, в других — он их утрачивал на определенный срок (или окончательно). Никакого особого юридического статуса зависимого крестьянина не существовало не только в это время, но и намного позднее, — право по-прежнему расчленяло общество на свободных и несвободных. Однако наряду с этим делением складывалось и иное. Встречающаяся в судебных актах традиционная формула «ge eorl ge seorl» охватывала родовую знать и кэрлов, объединяя их в категорию свободных. Между тем уже в «Законах Инэ» наблюдается известный сдвиг понятий: свободные делятся на людей «родом из гезитов» (gesið-cund) и «родом из мужиков» (cierlisk. См.: Ine, 54). В сопоставлении с дружинниками — служилыми людьми короля (вернее, в противопоставлении им) крестьяне выступают уже не как полноправные свободные, но в качестве занятых неблагородным трудом и потому социально принижённых людей.

Гезиты, позднее тэны, в услугах которых государственная власть остро нуждалась, получали от короля земельные пожалования. Первоначально они, видимо, предоставлялись на срок (в судебнике предполагается случай, когда гезит «уходит». См.: Ine, 63, 64, 68), но в плане изучения равней истории английского крестьянства важно другое: пожалованное владение являлось материальной базой для исполнения дружинником военной службы, а это диктовало необходимость соответствующей «организации хозяйства». «Законы Инэ» предписывали: дружинник, имевший 20 гайд земли, должен был, покидая владение оставить «заселенными» 12 гайд; во владении, насчитывавшем 10 гайд, следовало «заселить» 6 гайд; а тот, у кого было 3 гайды, обязан «заселить» полторы из них (Ine, 64—65). Термин «gesettes land», по-видимому, означал здесь не просто «обрабатываемую землю» (Attenborough, 1963, p. 57, 59), а именно землю, на которую были помещены люди, обрабатывавшие ее¹.

Таким образом, уже в этот ранний период истории крестьянства существовали не только кэрлы, находившиеся на разных стадиях подчинения личной и имущественной власти лордов, но и владельцы хозяйств вотчинного типа. Трудно с уверенностью сказать, что происходило с «незаселенной» частью владения гезита: использовалась ли она в качестве домена или оставалась невозделанной? Вполне возможно последнее

¹ В предыдущем титуле (Ine, 63), непосредственно связанном с этими поставленными, указано, что «отъезжавший» гезит мог взять с собой своего управляющего, кузнец и няньку его детей. На «заселенной» же земле жили крестьяне, которых он должен был оставить, покидая пожалованное ему владение.

Термин «gesið», как и упоминаемые ниже термины «geneat» и «gebur», традиционно в историографии на русском языке передаваемые как «гезит», «генит» и «гебур», с точки зрения древнеанглийского произношения, правильнее было бы транслитерировать «есит», «енат», «ебур».

(недаром король озабочен тем, чтобы хотя бы часть пожалованного владения обрабатывалась и могла приносить доход), в таком случае перед нами еще одно свидетельство того, что вотчина находилась в процессе становления, она еще не была полностью «устроена», укомплектована рабочей силой. Не исключено, что обрабатывали землю в этих ранних вотчинных образованиях не столько бывшие свободные, сколько посаженные на участки рабы.

2. Роль королевской власти в процессе формирования зависимого крестьянства

И в Кенте и в Уэссексе значительную роль в хозяйствах как кэрлов, так и в особенности более высокопоставленных и привилегированных собственников играл труд рабов. Кроме того, в Уэссексе, граничившем на западе с Уэльсом, известное значение имела эксплуатация кельтских данников. «Законы Инэ», устанавливая размеры вергельдов кельтов, так и называют их: «кельты, платящие подати», *Wealh gafolgelda* (Ine, 23, 3). Среди них были свободные и рабы. Величина компенсации за кельта зависела от размеров его владений: обладатель гайды земли был защищен вергельдом в 120 шилл., владелец половины гайды — 80 шилл., вергельд же «безземельного» равнялся лишь 60 шилл. (Ine, 32). Тот факт, что подобные вергельдные градации (в зависимости от размеров землевладения) применялись только в среде кельтов, но не самих саксов, объясняется, на наш взгляд, именно положением кельтов как данников уэссекского короля: гайда была фискальной единицей, и социальная «ценность» кельта определялась размерами взимаемой с него дани. Это не означает, тем не менее, что англосаксонское население не платило податей. Провозглашение «Законами Уитреда» (конец VII в.) податного иммунитета церкви (*Wi, 1*) служит косвенным указанием на то, что миряне не были свободны от поборов.

Имеются, однако (по крайней мере, для Уэссекса), и прямые свидетельства существования системы податей. Так, в перечне возмещений за нарушение мира в доме наряду с владениями короля, монастыря, элдрмена (знатного лица) или «другого высокопоставленного мудрого советника» назван дом «податного человека» (*gafolgelda*), или гебура (*gebur*) (Ine, 6). В позднейших англосаксонских источниках гебурами называются зависимые крестьяне, т. е. одна из основных категорий населения вотчин. Что же касается этого первого упоминания гебуров, то в данном контексте под «податными людьми», или «гебурами», разумелось, вероятно, все крестьянское население Уэссекса. Уплата свободными крестьянами податей королю в VII в. еще не считалась их конституирующим признаком (как это было в отношении кельтов), и в самих этих поборах на данной стадии вряд ли можно без существенных оговорок усматривать налог.

Подати в англосаксонских королевствах поначалу не представляли собой налогов в полном смысле слова, то были «кормления» (*gafol, feorm, foster*), которые глава племени — король мог получать во время разъездов по подвластной ему территории. Возможно, эти «кормления» или «угощения» были аналогичны тем подаркам, которые германцы приносили своим вождям еще во времена Тацита. Как уже отмечалось, и в ту давнюю эпоху приношения эти едва ли были вполне добровольными. Такого рода продуктовые поставки взимались правителями с возглав-

ляемого ими населения и в других странах в раннее средневековье (в частности, в Скандинавии и на Руси)*. У англосаксов кормления, по-видимому, очень скоро приобрели характер обязательных поставок продуктов населением. В «Законах Инэ» уже зафиксирована норма, которую полагалось сдавать с каждых десяти гайд *to fostre*: определенное число голов скота и домашней птицы, количество мер пива, меда, масла, хлеба, фуража и т. п. (Ine, 70, 1). Подобные кормления неоднократно упоминаются и в королевских дипломах более позднего времени, чаще же в них назван лишь пункт, где крестьяне должны были сдавать продукты и упомянутые «подати, которые оттуда следуют королям» (*tributum quod regibus inde dabatur*. См.: K., 90, 109, 114, 313; B., 477, 1010).

Выражение «суточное содержание» (*firma unius noctis*), которое поступало в пользу лорда с населения деревни, встречается в источниках и после Нормандского завоевания, когда эта относительно примитивная система была, казалось бы, изжита (Vinogradoff, 1892, p. 301 f.). Гайда уже в начале англосаксонского периода стала обозначением податной единицы, с которой шли поставки продуктов. Именно в этом качестве она (как и ее латинские эквиваленты — *manepes*, *mansus*, *sasatus*, *tributarius*) фигурирует в многочисленных грамотах, оформлявших королевские пожалования церковным и монастырским учреждениям и знатым лицам. В этих грамотах (наиболее ранние из них относятся к VII в.) указывалось число гайд, переданных королем тому или иному получателю грамоты. Также пожалования многократно упоминает и историк начала VIII в. Беда Достопочтенный. Даже в англосаксонском эпосе «Беовульф» упоминаются земельные пожалования, которыми короли награждали своих отличившихся слуг: в одном случае названы 7 тыс. гайд, пожалованных Беовульфу за его подвиги, в другом — 100 тыс. Эти цифры, конечно, — фантастические (Beowulf, 2198, 2994), но если отвлечься от эпических преувеличений, то мы получим представление о том, насколько, естественным считалось уже в ранний англосаксонский период вознаграждение таиа путем передачи ему податей с населения.

Столь же распространенным стало определение площади территории посредством указания количества насчитывавшихся в ней гайд. От конца англосаксонского периода сохранились кадастры, охватывавшие всю или большую часть Англии, *Tribal Hidage*, *Brughal Hidage* (см.: Maitland, 1897, p. 592 f.). В этих списках для отдельных графств и местностей называлась круглая цифра — несколько сотен, а иногда и тысяч гайд. Ясно, что такие оценки были приблизительными. Трудно сказать, к какому времени они сложились, однако подобные же оценки дает в своей «Церковной истории англов» и Беда (10, 30, 50, 300, 600, 900, 7000 гайд), они применялись, следовательно, уже в начале VIII в. Обширность территории, «ценность» ее выражалась в числе податных единиц, с которых поступали «кормления» короля. Округа и территории, где королев-

* Природа этого обложения исследована недостаточно. Высказывалось мнение, что право короля взымать с населения продукты сельского хозяйства и домашнего ремесла опиралось на «специфическую раннюю форму земельной собственности короля», «собственности, которая возникла в условиях, когда представители складывавшегося господствующего класса еще не присвоили землю основной массы общинников и могли поэтому эксплуатировать их преимущественно при посредстве раннефеодальной государственной власти» (Гуревич, 1957, с. 72). Однако автор этих строк ныне склонен более осторожно оценивать институт англосаксонских «кормлений» и видеть в нем скорее выражение примитивного суверенитета главы племени в период трансформации родоплеменного устройства в территориально-государственное.

ская власть собирала «кормления», разумеется, не имели ничего общего с вотчинами: крестьяне платили королю или его представителю подати продуктами не в силу частной зависимости, а в качестве его подданных. Однако тот факт, что «семейный надел» кэрла стал считаться податной единицей, как мы далее увидим, был чреват серьезными последствиями для свободного крестьянства.

В свете этих данных становится несколько ясней смысл королевских пожалований⁹. Пожалования бокленда создавали привилегированные земельные владения, однако самым непосредственным образом затрагивали крестьян, их земельные отношения и социальный статус: по существу раздача королями территорий на праве бокленда означала установление власти крупных собственников над свободными кэрлами и их землями. Трудность же интерпретации пожалований заключается прежде всего в том, что формуляр королевской грамоты был заимствован в папской канцелярии и несет на себе отпечаток влияния римского права. Грамоты пестрят выражениями, которые должны свидетельствовать о передаче права полной и ничем не ограниченной частной собственности на землю, жалуемой навечно (*in jus ecclesiasticum, jure hereditario*). На самом же деле смысл этой традиционной формулы заключался в том, чтобы подчеркнуть нерушимость королевского пожалования: никто не смел его оспаривать и присваивать, кроме служилого человека или церковного учреждения, получившего грамоту¹⁰.

Реальные отношения, складывавшиеся на землях, переданных по грамоте, т. е. пожалованных на праве бокленда (*bocland* — земля, на которую выдана грамота — *hoc*), мало соответствовали нормам римского права, даже если учесть те изменения, которые оно претерпело в позднимперский период. Фактически король передавал по грамоте вовсе не землю — она оставалась в руках тех, кто владел ею до пожалования, — крестьян, мелких собственников. Непосредственным объектом пожалования обычно были доходы, собираемые с этих земель королем, — «кормления». Получатель пожалования мог отныне их присваивать. Поэтому грамота и носила название «грамоты освобождения» (*freols hoc*): имелось в виду освобождение от обязанности платить подать королю. При последствии этих пожалований король обеспечивал необходимыми доходами духовенство и (начиная с последней четверти VIII в.) служилых людей¹¹. Закрепление прав бокленда за одной семьей или чаще церковным учреждением открывало перед ними довольно широкие возможности для вмешательства в жизнь крестьян.

Первоначально крестьяне, населявшие переданную по грамоте территорию, вряд ли ощущали резкую перемену в своем положении. Они

⁹ Различные интерпретации королевских пожалований давали П. Г. Виноградов, видевший в бокленде пожалование прав частной собственности на землю, которые ранее принадлежали их владельцам по «народному праву», и Ф. Матланд, трактовавший бокленд как пожалование «суверенитета» над землями, до пожалования не принадлежавшими получателю грамоты (*Vinogradoff, 1908; Maitland, 1897; ср.: Гуревич, 1953; 1957*).

¹⁰ Наиболее ранние из сохранившихся подлинников грамот датируются последней третью VII в.

¹¹ Утверждение М. Н. Соколовой, будто значительная часть земель, пожалованных в бокленд, якобы представляла собой пустоши, долго остававшиеся неосвоенными (*Соколова, 1971, с. 84 и след., 88*), противоречит указаниям королевских грамот о доходах, получаемых с этих земель. Пустовавшие земли в то время не могли иметь никакой ценности. Макговерн с основанием полагает, что *gesettes land* — заселенная крестьянами земля, пожалованная на праве бокленда (*McGovern, 1971*).

уплачивали подать, раньше отдаваемую королю, тому лицу, которое приобрело по отношению к ним право бокленда, в остальном же могли по-прежнему владеть своими участками. Однако монастыри, епископ или королевский тэн, получив по грамоте права по отношению к местному населению, приобретали возможность установить свою власть над крестьянами и «осваивать» их земли. В ряде случаев пожалование доходов с крестьян предоставлялось владельцам, которые уже обладали в этом районе своими землями. Естественно, что они стремились распространить на оказавшихся под их господством кэрлов порядки, которые уже существовали в их собственных вотчинах: заводили здесь свое хозяйство, привлекали крестьян, попавших под их власть, к обработке барской запашки.

Жалованные грамоты скрывают от исследователя реальные отношения, складывавшиеся между владельцем бокленда и его населением. Можно, тем не менее, предположить, что в первую очередь в зависимость от лорда попадали малоземельные и разорившиеся крестьяне, нуждавшиеся в инвентаре. Во всяком случае, от X и XI вв. сохранились отдельные документы, из которых явствует, что в вотчинах, которые образовались на территории, пожалованной по королевской грамоте, наряду с обеспеченными землей крестьянами имелись держатели, получившие от лорда как надел, так и инвентарь.

Важным средством воздействия на крестьян была судебная власть, которую зачастую приобретал владелец бокленда. Вместе с правом сбора податей и присвоения судебных штрафов он получал по грамоте право председательствования в местном судебном собрании. Таким образом, территория, доходы с которой служили объектом пожалования, превращалась в иммунитетный округ, а его глава — крупный привилегированный землевладелец — постепенно прибирал к рукам крестьянские земли и подчинял себе самих крестьян.

Число жалуемых королем податных единиц могло быть самым различным: от нескольких гайд до сотни и даже нескольких сотен — в последнем случае, очевидно, объектом пожалования являлись сотенные округа (John, 1966, p. 108 f.), и со временем на этих территориях складывались крупные вотчины. Таков был один из важных путей возникновения церковного и монастырского землевладения, а также владений служилых людей короля. Этот процесс охватывал, судя по всему, длительный промежуток времени, может быть, даже несколько поколений. Первоначально кэрлы, оказавшиеся под властью владельца бокленда, продолжали считаться свободными. Если допустима аналогия между ними и сокменами последних десятилетий англосаксонского периода (свободными крестьянами, признававшими верховенство и судебную власть лорда, но вольными перейти к другому господину и распоряжаться своими землями), то следует предположить, что по крайней мере часть населения бокленда и некоторое время после пожалования сохраняла владельческие права на свои наделы.

Относительная замедленность процесса феодального подчинения свободных крестьян церковной и светской аристократией в это время отчасти объясняется тем, что последняя располагала другими источниками доходов. Вновь следует подчеркнуть длительную живучесть рабства в Англии. О распространенности рабства в VII—XI вв. свидетельствуют памятники права. Их изучение не оставляет сомнения в том, что основной противоположностью в обществе по-прежнему считалась оппозиция «свободный—раб». Многочисленные деловые документы X—XI вв

оформляли дарения рабов в составе иного имущества либо их отпуск на волю — практически это освобождение означало превращение их в зависимых держателей прежнего господина. Часть рабов была испомещена на наделы. Однако даже памятник Нормандского завоевания — «Книга Страшного суда» (1086 г.) знает дворовых рабов, немалое число которых находилось во владениях и крупных и мелких собственников. До тех пор, пока рабский труд играл существенную роль в вотчинной экономике, лорды, видимо, могли не форсировать нажим на свободных крестьян, оказывавших им сопротивление. Необходимо иметь в виду и другое немаловажное обстоятельство. В англосаксонский период не существовало ни «классического» «полного» аллода (Гуревич, 1967; Савело, 1977, с. 14), ни прекария. Прекарные сделки отсутствуют в актовом материале и не упоминаются в законодательстве или в нарративных памятниках. В «Церковной истории» Беды, повествующего о крещении англосаксов и благочестивых делах в пользу церкви, несомненно, нашли бы отражение дарения крестьян, если бы таковые получили распространение, но Беда молчит о подобных дарениях. Как явствует и из его сочинений, и из других источников, церковные владения складывались прежде всего за счет дарений королей и других знатных лиц.

3. Крестьянство в поздний англосаксонский период

Феодализация, начавшаяся задолго до нападения скандинавов на Англию, продолжалась и в датский период (IX—XI вв.). Процесс феодального подчинения крестьян замедлился преимущественно лишь в Восточной Англии, в Денло («области датского права»). Свободные скандинавские поселенцы, поделившие здесь между собой земли, сохраняли личную свободу и независимость или только номинально признавали над собою власть местного предводителя. Оседание рядовых датских (на востоке и северо-востоке Англии) и норвежских (на северо-западе) воинов на земле благоприятствовало консервации некоторых дофеодальных институтов. Впрочем, возможно, свободное крестьянство в Восточной Англии в X—XI вв. не было новообразованием, порожденным скандинавскими вторжениями, а в немалой степени восходило к предшествующему периоду (Davis, 1955). Действительно, наличие сокменов, «свободных людей» (*liberi homines*) зафиксировано «Книгой Страшного суда» не только в областях датской колонизации (хотя именно здесь их было особенно много).

Однако положение свободных мелких землевладельцев в Англии стало весьма неустойчивым как в силу продолжавшейся феодализации, так и вследствие огромных дополнительных тягот, которые взвалили на них непрекращавшиеся войны. Содержание системы укреплений, которые возводились королем Альфредом (871—899 гг.) и его преемниками для того, чтобы дать отпор завоевателям, возлагалось на крестьян: население окружавшей бург местности обязано было своими силами строить и чинить укрепления, а также снабжать гарнизон продовольствием.

В научной литературе продолжает дебатироваться вопрос о степени участия крестьян в военных действиях (Stenton, 1971; Hollister, 1962). По-видимому, костяк английского войска в течение двух последних столетий, предшествовавших Нормандскому завоеванию, составляли тяжелооруженные воины. Такое впечатление особенно усиливается благодаря тому, что источники уделяют основное внимание аристократической

части армии — тэнам, элдорменам. Тем не менее в войнах против скандинавских завоевателей невозможно было обойтись и без общего ополчения, в которое входили все свободные. Когда хронисты пишут об участии нескольких тысяч человек в военных действиях, приходится предположить, что наряду с профессиональными воинами в их числе были и ополченцы из простонародья. В отдельных же случаях хроника прямо говорит о «населении страны» (*landleode*), сражавшемся с датчанами (*Two of the Saxon Chronicles*, A 917, 918, 921; E 1006, 1009, 1010, 1016).

Разорение крестьянства в ходе опустошительных войн¹² способствовало его подчинению власти лордов. Тяжелейшим бременем легли на крестьян постоянные налоги, введенные в Англии во времена скандинавских нашествий (в конце X в.). Эти «датские деньги», выплачивавшиеся норманнам из года в год, сначала в виде дани захватчикам, а затем — платы наемникам, разоряли даже крупных собственников: нечего и говорить, до какой степени обременительны были они для простых крестьян.

Жестокие поборы вызывали возмущение и отпор населения. В 1041 г. в г. Вустере были убиты два служилых человека короля Хардакнута, собиравшие налоги, после чего жители графства оказали сопротивление карательной экспедиции, посланной в Вустершир разгневанным датским королем. Широкие слои населения, в том числе и крестьяне, поддержали мятеж против короля Эдуарда Исповедника, поднятый в 1051—1052 гг. крупным аристократом эрлом Годвином. По-видимому, не случайно именно тогда отменили «военный налог»: нужно было успокоить население. Когда королю удалось достигнуть примирения с мятежным эрлом, народу обещали «справедливые законы», которые, впрочем, так и не были изданы.

Участие рядовых свободных в военных действиях — доказательство того, что они еще сохраняли свою социальную значимость в системе английской государственности. Не потому ли законодательная политика англо-датского короля Кнута Великого (1016—1035 гг.) отчасти была направлена на защиту мелких землевладельцев, к которым, вероятно, помимо тэнов, принадлежала и верхушка кэрлов (II Сп, 72, 78, 79)? Тем не менее трудно сомневаться, что воинская повинность, то и дело отрывавшая свободных крестьян от хозяйства, социально сказывалась на их положении. Если кэрл, который возвысился настолько, что обладал пятью гайдами земли и полным рыцарским вооружением, мог перейти в разряд привилегированных (*Stenton*, 1970), то основная масса свободных испытывала от воинской повинности серьезные дополнительные тяготы. При Кнуте нередки были случаи, когда господа пытались представить своих людей то рабами, то свободными, как им казалось выгоднее (II Сп, 20, 1). Это — ясное свидетельство упадка личной свободы крестьянина, которую уже не всегда было легко отличить от несвободы. Возможно, подобная практика диктовалась стремлением избавиться от бремени государственных повинностей, в том числе и воинской.

Историк располагает лишь случайными сведениями о втягивании крестьян в зависимость от крупных собственников и о том, что они передавали церкви и монастырям свои надельные участки. Такие отрывочные данные, относящиеся к X в., можно почерпнуть, например, в хронике епископства Илийского. В одном селении монахи спустили «множество

¹² По сообщениям хронистов, некоторые районы оставались в запустении после датских войн на протяжении двух столетий. См.: *Chron. Abing.*, 1858, p. 486.

владений бедных крестьян». Епископ, получивший обширные владения от короля, не гнушался присваивать и незначительные клочки земель мелких собственников. Имели место случаи конфискации крестьянских участков по суду и прямое принуждение мелких владельцев отдавать недвижимое имущество аббатству. Иногда к передаче надела лорду вынуждала неспособность обнищавшего человека платить налоги (*Liber Eliensis*, 1848, p. 120, 126, 130 f., 134).

Превращение кэров в держателей, подчиненных власти крупных землевладельцев, оттеснение их от участия в общественных делах, которые все более монополизировались знатью, сопровождалось умалением личной свободы крестьян. Она уже ничего общего не имела с полноправием. Симптоматично, что в конце IX в. при заключении мирных договоров с датчанами, завоевавшими часть Англии, англосаксонский «кэрд, который сидит на земле, облагаемой податью», по величине возмещения приравнивался к скандинавскому вольноотпущеннику (*Alfred and Guthrum*, 2).

Уже в IX в., если не ранее, считалось нормой, чтобы каждый человек имел покровителя — глафурда. Ответственность за поведение простолюдина возлагалась на его патрона — либо он судил его в своем суде, либо обязан был представить его в королевский суд. Судебные привилегии крупных аристократов получили в конце англосаксонского периода большое распространение. Окруженные дружинами, располагавшие значительными богатствами и властью, светские и церковные феодалы укрепляли свое господство над крестьянством. За lamentациями архиепископа Вульфстана: «народное право... постоянно нарушается... и многие обнищали... Права свободных уничтожены, и право рабов ухудшается». (*Wulfstan, Sermo Lupi ad Anglos*, p. 264) — стояла суровая реальность феодализировавшегося общества.

Как уже отмечалось, в областях «датского права» феодализация была замедленной и неполной. Здесь сохранялись свободные крестьяне-собственники и мелкие служилые люди короля, противившиеся подчинению крупным магнатам. Поэтому именно районы Восточной Англии явились очагом политического и социального брожения в канун Нормандского завоевания (*Freeman*, vol. II, 1877; Гуревич, 1957, с. 130—131) и в годы, последовавшие непосредственно за ним. Основная же масса сельского населения Англии к середине XI в. так или иначе была вовлечена в процесс становления зависимости от лордов.

*

В X и первой половине XI в. сельское хозяйство сделало некоторые успехи по сравнению с предшествовавшим периодом. Несколько улучшились методы земледелия. В наставлении управляющему крупным поместьем (начало XI в.) отмечено, что в обязанности последнего вменяется изыскание способов улучшения обработки почвы (*Gerefa*, 8). Не ограничиваясь выпасом скота по жнивью, на поле вывозили естественные удобрения (*Gerefa*, 9; *Rectitudines singularum personarum*, 14). Вспашка производилась неоднократно: весной, летом и зимой (*Gerefa*, I, 11, 12; *Rectitudines singularum personarum*, 4). Наряду с хлебными злаками разводили и технические культуры: лен, растения, из которых добывали красящие вещества.

Дальнейшее развитие получило ремесло. В «Беседе» церковного писателя Эльфрика изображен спор между представителями разных профессий; в нем участвуют сапожник, солевар, повар, кузнец, золотых дел

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

мастер, мастер по серебру, медник, плотник, а также купец и пахарь. Каждый из мастеров настаивает на общественной полезности и необходимости его профессии. Автор склонен подчеркивать значение ремесла, но, тем не менее, вкладывает в уста учителя такой ответ на вопрос, какое занятие он считает наиболее важным: «Земледелие, ибо пахарь кормит всех нас». Соглашаясь с кузнецом, что его профессия полезна, он замечает: «Однако мы все предпочтем жить с тобою, пахарь, нежели с тобою, кузнец, ибо пахарь дает нам хлеб и питье; а что ты в своей кузнице можешь дать нам, кроме искр, стука молотков и ветра из мехов?» Учитель заключает свое поучение словами, обозначающими натуральнохозяйственную, аграрную природу англосаксонского общества: «Пусть каждый помогает другим своим ремеслом и всегда пребывает в согласии с пахарем, который нас кормит» (Aelfric's Colloquy, 219, 235—237).

Королевское законодательство X и первой половины XI в. исходит из презумпции, что страна разделена на крупные вотчины — «земли» тэнов. Тэна памятники права именуют «господином земли» (landhlaford). Отношения в пределах этих «земель» и отношения между их владельцами и государством — один из основных объектов законодательства. На лордов возложены политические функции, которые ранее отправлялись королевской властью, и распоряжения королей адресованы преимущественно этим крупным собственникам (As, II, 1, 10; III, 7; Em, III; Eg, I, 2, 3, 7; III, 7; IV, 8, 11; Atr, I, 1, 3; VIII, 8 и др.). Переезд из одного населенного пункта в другой был равнозначен, в глазах законодателя, переходу с территории одного господина на территорию другого (Be wifmannes beweddunge, 7). Деревенская община, указания на существование которой теперь сделались более частыми и определенными, чем в ранний англосаксонский период, изображается в законах подчиненной лорду (Eg, II, 1; IV, 9). Сельский сход, на котором обсуждались местные дела, не обладал, однако, судебными правами, — низшей судебной инстанцией являлось собрание сотни — административного округа, возглавлявшегося королевским служилым человеком либо крупным лордом, обычно церковным — обладателем иммунитетных привилегий. В X и первой половине XI в. широкое распространение получила частная юрисдикция крупных землевладельцев, и иммунитетный суд стал на один уровень с судом сотни. Крестьянство в значительной мере уже было изъято из сферы действия центральной власти (Гуревич, 1957, с. 84, 102—115).

Но рисуемая памятниками права картина всеобщего засилья крупного землевладения, якобы не оставившего никакого места для свободной деревни, едва ли вполне объективна. Законодательство конца англосаксонской эпохи, завершившейся Нормандским завоеванием 1066 г., затрагивало преимущественно те стороны социальной жизни, которые были связаны с упрочением нового общественного и хозяйственного уклада.

Более детализованную характеристику положения зависимого крестьянства в этот период можно получить при изучении поместных описей и наставлений об управлении вотчинами. Особого внимания заслуживают трактаты, в которых обрисованы отношения в крупном владении тэна (Rectitudines singularium personarum) и обязанности, возложенные на управителя подобного поместья (Gerefa). Привилегии тэна — владельца поместья, как сказано в первом из этих произведений, приобретены по королевской грамоте; следовательно, это бокленд. Под властью лорда находятся крестьяне разных категорий: гениты (geneatas), гебурсы (geburas) и котсетлы (kotsellan), а также рабы.

Генит обязан платить поземельный чинш (*landgafol*), отдавать господину свинью за пользование травой, ездить с поручениями, исполнять конную службу, работать на барщине, снабжать глафорда продовольствием, убирать урожай и косить сено, огораживать загоны для дичи и устраивать ловушки, кормить людей, останавливающихся в деревне на постой, нести охрану и платить церковные подати. Показательно, что объем повинностей генита и сроки их выполнения не определены, тогда как в отношении платежей и служб других категорий зависимого населения автор этого описания более скрупулезен. Не говорит он и о размерах земельного надела генита. В научной литературе высказывалось предположение, что гениты вообще не крестьяне, а мелкие вассалы лорда, выполнявшие преимущественно конную службу (*Maitland*, 1897, p. 59, 328—329; *Vinogradoff*, 1908, p. 72), либо крестьяне, но «с некоторыми чертами конных вассалов» (*Stenton*, 1971, p. 473). Другие исследователи (*Leo*, 1842, с. 119—120; *Chadwick*, 1905, p. 87; *Liebermann*, 1903—1916, s. 298) склонялись к мысли, что гениты — крестьяне, потомки свободных кэрлов.

Несомненно, что некоторые повинности, возложенные на генитов, отличали их от остальных зависимых крестьян и сближали со свободными людьми. Таковы уплата гафоля, «угощение» господина, предоставление постоя, конная служба, укрепление бурга. Но вместе с тем гениты несли барщину и платили оброки, что служит явным доказательством их принадлежности к зависимым крестьянам. Противоречивость статуса генитов обнаруживается и в других памятниках. Можно предположить, что указанная противоречивость объясняется генезисом этой категории крестьян: свободные в прошлом кэрлы оказались в зависимости от лорда вследствие королевского пожалования бокленда, и те службы и платежи, которыми они, будучи свободными, были обязаны королевской власти, теперь превратились в повинности в пользу крупного лорда — владельца бокленда (*Гуревич*, 1957, с. 87—91).

Гебуры несли более тяжелые отработочные повинности, чем гениты. На протяжении всего года на них возлагалась двухдневная барщина в неделю, а во время жатвы барщина возрастала до трех дней; на них лежала, кроме того, обременительная пахотная повинность. Были обложены гебуры и оброками. Земельный надел, инвентарь и скот гебур получал от господина, и «когда он [гебур] умрет, его господин заберет то, что он ему дал» (*Rectitudines singularium personarum*, 4, § 3). На этот разряд крестьян ложилось главное бремя труда в поместье, и их наделы служили средством обеспечения эксплуатации. В отдельных поместных описях содержится указание на неопределенность повинностей гебура, состав и размеры которых определялись лордом (*B.*, 928). Часть гебуров, как явствует из источников, происходила от рабов, другие в прошлом были потомками свободных.

Ручные обработки возлагались на котсетлов. Участок земли и им выдавал лорд, но если нормой наделения гебура была виргата, то котсетлу приходилось довольствоваться пятью акрами, а то и еще меньшим клочком земли (*Rectitudines singularium personarum*, § 3). Среди котсетлов наряду с разоренными свободными были посаженные на землю рабы и вольноотпущенники.

В наставлениях об управлении поместьями подчеркивается: «управитель должен знать как земельное право лорда (*hlafordes landriht*), так и народный обычай» (*folces gerihtu*. См.: *Gegefa*, 1), и управлять подчиненными людьми «с помощью силы господина (*mid hlafordes crafte*)

и по народному праву (*mid folcrichte*)» (*Gerefa*, 7). Стремясь сочетать обычное право с порядками, возникшими в результате развития вотчинного строя, крупные землевладельцы хотели и этим порядкам придать характер старинного обычая и тем самым закрепить свою власть над крестьянами. Здесь уже зарождалось позднейшее сочетание «*voluntas domini*» с «*consuetudo manerii*».

О тяжести возложенных на крестьян повинностей, помимо поместных описей и инструкций по управлению крупными владениями, свидетельствует и «Беседа» Эльфрика. Пахарь, отвечая на вопрос учителя, говорит: «О дорогой господин, я работаю очень много... Никогда не бывает зимняя стужа настолько суровой, чтобы я осмелился остаться дома, ибо я боюсь лорда... Я должен пахать каждый день целый акр или более». На нем лежат и другие повинности, помимо пахотной. Учитель выражает ему сочувствие, на что пахарь отвечает: «Да, мой дорогой, у меня много работы, ведь я несвободен» (*Aelfric's Colloquy*, 23—27, 35).

Пахарь «Беседы» напоминает гебура поместных описей. Но в сельском хозяйстве широко применялся по-прежнему и труд рабов. Правда, в конце изучаемого периода участился отпуск рабов на волю, но эти люди, получая клочки земли и инвентарь от своих господ, оставались под их властью в качестве мелких держателей.

Значительная устойчивость рабства в Англии объясняется, вероятнее всего, относительной медленностью ломки варварского общества, а равно и теми трудностями, которые встречало крупное землевладение, подчиняя себе свободных крестьян. Показательно, что доля рабов наиболее высока в составе населения тех вотчин, которые выростали не из бокленда, а иными путями — в результате «частной деятельности» знатного лица или преуспевшего кэбла. Данные об этих вотчинах, весьма многочисленных в Англии, тем не менее, почти отсутствуют в источниках конца англосаксонского периода, и генезис такого рода поместий и пути их складывания остаются неясными. Однако соответствующие сведения, подобно сведениям обо всех других владениях, зафиксированы в «Книге Страшного суда». Несмотря на то, что эта грандиозная правительственная опись была произведена через два десятилетия после завоевания Вильгельма I, внесшего немалые перемены в распределение английского землевладения и в положение крестьянства, ее данные могут быть ретроспективно использованы для выявления некоторых итогов процесса феодализации до 1066 г.

Для большей наглядности представим эти итоги в виде таблицы. В нее включены почерпнутые в «Книге Страшного суда» цифры, характеризующие структуру двух типов вотчин: А — вотчины, возникшие в результате феодального «освоения» бокленда (сведения о них содержатся как в жалованных грамотах англосаксонского периода, так и в «Книге Страшного суда»¹³; Б — мелкие вотчины, боклендом, вне сомнения, не являвшиеся. Для того чтобы их сопоставление было возможным, взято одинаковое число вотчин обоих типов, а именно — по 140 (такое количество вотчин, выросших из бокленда, обнаружено нами в «Книге Страшного суда» в описях, которые охватывают территорию Уэссекса и Мерсии; данные о мелких вотчинах типа Б заимствованы из

¹³ Идентификация владений, упоминаемых грамотами, в переписи Вильгельма Завоевателя чрезвычайно затруднена вследствие неустойчивости топонимии, перегруппировки владений, изменения их состава и т. п. Поэтому число сопоставлений оказывается сравнительно незначительным по сравнению с общим числом грамот, сохранившихся от VII—XI вв.

описей, относящихся к тем самым местностям, где расположены вотчины типа А). С целью большей конкретизации полученных результатов мы подразделили вотчины типа А на два подтипа: А^I — крупная вотчина-бокленд и А^{II} — мелкая вотчина-бокленд. Сопоставление проведено по тем показателям, которые удалось установить на основе изучения «Книги Страшного суда»¹⁴.

Таблица

	Тип вотчин		
	А ^I	А ^{II}	Б
Держатели манора (%)			
вилланы	59	47	30
бордарии и коттеры	41	53	70
Число рабов на единицу пахотной земли (на один плуг)	0,4	0,5	0,7
Удельный вес домена (% к общей площади вотчины)	26	32	39

Из этого сопоставления явствует, что крупная вотчина, сложившаяся на основе бокленда (тип А^I), была лучше обеспечена полнонадельными крестьянами, чем мелкая, которая образовалась вне зависимости от королевского пожалования (тип Б). Напротив, в последней преобладали малоземельные крестьяне и больший удельный вес имели рабы.

Мелкая вотчина типа Б несет следы «дофеодального» происхождения. Этот тип вотчин, чрезвычайно распространенный в донормандской Англии, складывался лишь в ограниченной степени за счет подчинения свободных крестьян, в значительной же мере он опирался на традиционную для варваров эксплуатацию несвободных, которые частично были помещены на участки, а частично составляли господскую челядь. Сравнительно высокая доля домена в такого рода владениях — свидетельство того, что их ядром было собственное хозяйство землевладельца, вокруг усадьбы которого группировались немногочисленные мелкие участки держателей; владельца такого «манора» (в «Книге Страшного суда» мельчайшие вотчинные образования именуются манорами так же, как и крупные, «типичные» вотчины) обеспечивало в первую очередь его собственное хозяйство. В условиях неразвитости аллодиальных форм землевладения отчуждения крестьянских земель происходили в ограниченных размерах, и этим путем могли складываться преимущественно очень небольшие вотчины.

Мелкая вотчина-бокленд (А^{II}) представляла собой промежуточную форму владения, типологически находившуюся между крупной вотчиной

¹⁴ Согласно классификации нормандских писцов, полнонадельные крестьяне вносились в «Книгу Страшного суда» под названием villani, а малоземельные держатели — под именем bordarii и cottarii. Социальный статус крестьянина при этом обычно не учитывался, и в числе вилланов оказались не только многие лично свободные ксеры, но и лица более приниженного положения. И вилланы, и бордарии, и коттеры рассматриваются в описи 1086 г. в качестве держателей манора, в отличие от сокменов и liberi homines, которые еще не были включены в систему маноральных отношений. Размеры пахотной земли в «Книге Страшного суда» определяются по числу плугов, необходимых для ее обработки.

и мелкой вотчиной «дофеодального типа». По-видимому, она довольно быстро меняла свою структуру. От мелкой вотчины типа Б эта вотчина отличалась меньшей распыленностью своих частей. Как явствует из источников, вотчины типов А^{II} и Б — владения королевских тэнов, крупная же вотчина типа А^I — прежде всего церковная. Последняя характеризовалась значительной устойчивостью своего состава.

В подавляющем большинстве случаев, когда мы имели возможность для одной и той же вотчины сопоставить жалованные грамоты англосаксонского времени с описями в «Книге Страшного суда», обнаруживалось совпадение числа фискальных единиц. Для 11 графств Центральной и Южной Англии процент подобного совпадения числа фискальных единиц достигает 80 (Гуревич, 1955, с. 28 и след.). Если принять во внимание, что большинство учтенных нами королевских дипломов было составлено в IX—X вв. (а некоторые даже в VII и VIII вв.), то станет ясно, что фискальная оценка «мощности» населенных пунктов оставалась неизменной на протяжении нескольких столетий. Земли, оказавшиеся под властью церковного учреждения, обычно не распылялись и образовывали прочный комплекс, сохранявший единство из поколения в поколение.

Среди пожалований в бокленд преобладали такие, посредством которых король жаловал количество гайд, равное или кратное пяти и десяти. Это наблюдение, сделанное еще Мэтландом, находит подтверждение при статистическом обзоре королевских дипломов: среди владений, для которых мы располагаем как англосаксонской жалованной грамотой, так и записью в кадастре 1086 г., в упомянутых 11 графствах в 80% случаев нашли такое округленное число гайд (5, 10, 15, 20, 25 и т. д. вплоть до 100). На наш взгляд, этот факт подтверждает сделанный выше вывод: у истоков подобных вотчин находилось фискальное пожалование, передававшее монастырю или тэну право присвоения определенной квоты поборов. В дальнейшем население территории налогового иммунитета, попавшее под власть владельца бокленда, превращалось в его держателей — не случайно в «Книге Страшного суда» в описях этих маноров мы находим и доменальную запашку и держателей, причем среди последних в крупных владениях (в отличие от мелкой вотчины) преобладают относительно обеспеченные, полнонадежные крестьяне (вилланы).

Хотя унифицирующая социально-юридическая классификация крестьян, наложенная «сверху» на английскую деревню нормандскими клерками, скрывает реальное многообразие общественных отношений, несомненно существовавшее вплоть до завоевания 1066 г., все же есть основания полагать, что далеко не везде на переданных в бокленд землях ко времени завоевания завершился процесс генезиса «классического» манора. Право позднего англосаксонского периода, отражая глубокий социальный упадок свободного крестьянства, вместе с тем до конца придерживалось традиционного членения общества на свободных и рабов и признавало за кэрлами личные и имущественные права. К моменту воцарения в Англии Вильгельма Завоевателя еще не был выработан правовой статус зависимого крестьянина, который приблизился бы к вилланству XII и XIII вв. В этом нашли отражение как консерватизм обычного права, цепко державшегося за однажды принятые нормы и в известной мере неадекватно передававшего действительные социальные отношения первой половины XI в. (Барг, 1962, с. 233 и след.), так и незавершенность англосаксонской феодальной системы, в которую крестьянство (в особенности на востоке и севере страны) было включено далеко не полностью (Косминский, 1963, с. 364—365).

Подведем итоги.

Социальный строй Англии в первый период после англосаксонского завоевания имел определенные черты сходства с социальным строем скандинавов. Хотя расселившиеся на острове германские племена вступили во взаимодействие с частично романизированным кельтским населением, в синтезе варварских и позднеантичных институтов преобладающую роль безусловно играли первые. Основным социальным слоем в англосаксонских королевствах были свободные кэрлы. Знать была лишена возможности в сколько-нибудь широких масштабах присваивать их земли и подчинять кэрлов своей власти. Как и значительная часть свободных, знать использовала труд рабов. Королевская власть опиралась на кэрлов — в военном деле, где они наряду с дружиной гэвитов оставались активной силой, и в материальном отношении (система «кормлений», участие населения в возведении и ремонте бургов и мостов и в прокладывании дорог).

Однако вскоре начавшаяся христианизация и постепенное объединение разрозненных королевств сопровождалось усилением государственной власти. Исходя из необходимости обеспечить доходами церковь и служилую знать, короли начали широкую раздачу «кормлений». Возникший в результате этой политики бокленд отличался от скандинавской вейцлы (см. гл. 9), так как в Англии крестьяне, населявшие переданную церковному учреждению или тэнгу территорию, попадали под власть обладателя бокленда, который распространял свою верховную собственность на их земли и «осваивал» пожалованное владение, облагая крестьян новыми платежами и повинностями и устанавливая частную юрисдикцию. Формирование феодальной вотчины происходило в Англии разными путями, но роль королевской власти в этом процессе была исключительно велика.

Скандинавские нападения и завоевания несколько замедлили процесс феодализации, способствуя укреплению и расширению слоя свободных крестьян в Восточной и Северной Англии. Тем не менее в X и первой половине XI в. Английское королевство в целом было уже раннефеодальным образованием со сложившимся господствующим классом. Масса крестьян была подчинена его социально-экономическому и политическому верховенству.

Еще в конце IX в. король Альфред указывал, что государь для управления страной нуждается в «людях, которые молятся» (*gebodmen*), в «людях, которые воюют» (*furdmen*), и в «людях, которые трудятся» (*weorcmen*) (King Alfred's... Boethius, 1968, p. 40). Затем эту формулу повторили церковные деятели Эльфрик и Вульфстан. Так в Англии — впервые в Европе — был сформулирован принцип трехфункционального членения общества, явившийся своего рода теоретическим обоснованием феодального социально-политического господства (см.: Duby, 1978). Анализ англосаксонского законодательства X и первой половины XI в. убеждает в том, что этот принцип действительно лежал в основе социальной структуры: привилегированным духовенству и служилой военной знати противопоставляется социально приниженное сельское население.

Нормандское завоевание 1066 г., ознаменовавшее новый этап подчинения крестьянства, существенно приблизило английский феодализм к тому типу феодальных отношений, который доминировал в «классических» регионах Западной Европы.

ФОРМИРОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ (IX—XIII ВВ.)

Формирование крестьянства в Скандинавии происходило в ситуации, существенно отличной от обстановки в романизованных областях Европы. Складывание класса крестьян в северном регионе совершалось вне прямого взаимодействия с римскими порядками. Вместе с тем этот процесс имел здесь немало общего с развитием социальных отношений в других регионах нероманизованной Европы. Он начался в доклассовом, варварском обществе, тогда как в ряде других областей Европы формирование класса средневекового крестьянства протекало в условиях синтеза элементов доклассового строя варваров с позднеримскими, вследствие чего самый «социальный материал», из которого этот класс складывался, был в северном регионе несколько иным, более однородным. Именно поэтому в Скандинавии лучше, чем где бы то ни было, вырисовываются некоторые специфические черты «дофеодального» общества германцев.

Истоки генезиса крестьянства датируются в Скандинавских странах концом эпохи викингов¹, формирование класса крестьян продолжалось вплоть до XII—XIII вв. Памятники же письменности (не считая рунических надписей и иностранных свидетельств) появляются там лишь с XII в., а основной их массив приходится на следующее столетие. Последнее обстоятельство делает необходимым ретроспективный анализ источников, вполне допустимый, если принять во внимание их традиционализм (особенно сильный в правовых памятниках).

1. Предпосылки становления крестьянства в Скандинавии

Основная исходная предпосылка социального развития Скандинавских стран в период раннего средневековья — трансформация древнегерманского доклассового, варварского строя. В общественной структуре германских племен, расселившихся на территории Скандинавии, как она рисуется в древнескандинавских памятниках, достаточно четко определились социальные группы и слои.

Во главе общества стояла знать — наиболее родовитые и воинственные семьи, которые играли руководящую роль в жизни племени или племенного союза, сохранив эту роль и после перерождения родового строя в территориальный. Представители родовой знати — ярлы, конунги, херсирсы — возглавляли боевые дружины, предводительствовали в походах, на местных сходках и в судебных собраниях — тингах; из их среды выдвигались короли первых раннегосударственных образований; под контролем знати находился языческий культ, она была хранительницей традиций, ей приписывались особо тесные отношения со сверхъестественными силами и происхождение от богов и «культурных героев». Слой родовой

¹ «Эпохой викингов» в историографии принято называть период широкой скандинавской экспансии, начавшейся на рубеже VIII—IX вв. и закончившейся около середины XI в.

знати пользовался различными привилегиями, которых были лишены рядовые свободные соплеменники: в записях обычного права эти отличия выражаются в более высоких вергельдах и других пенях, полагающихся знатым лицам за нарушение их личных прав, чести и неприкосновенности имущества и людей, которые состоят под их покровительством. В руках знати концентрировались немалые богатства, прежде всего захваченные в военных экспедициях. Знатым семьям подчинялись рабы, трудившиеся на них либо в качестве домашней челяди, либо на небольших участках.

Основной социальный слой в варварском обществе Скандинавии составляли свободные, самостоятельные хозяева — бонды. *Bóndi* (*búandi*) — домохозяин, глава семьи. У него есть усадьба, скот, земля, на которой он трудится вместе с членами своей семьи, поручая наиболее тяжелые и грязные работы зависимым людям. Число рабов и домоладцев у рядового соплеменника, вне сомнения, было не столь велико, как у знатного и могущественного человека, тем не менее полноценным считался только такой бонд, у которого имелась подчиненная ему рабочая сила¹. При низкой производительности труда продукт, получаемый от раба, не мог быть значительным, поэтому наличие нескольких зависимых в хозяйстве не избавляло собственника от необходимости трудиться и самому. Бонды дорожили своими личными и имущественными правами. Посягательство на личность свободного влекло уплату очень высокого вергельда или части его (в зависимости от тяжести преступления), и первые записи обычаев норвежцев и шведов представляли собой прежде всего тарифы возмещений. Не меньше внимания в судебных актах уделяется защите имущественных прав свободного и в особенности — неприкосновенности его жилища. Вторжение в усадьбу или в дом сурово каралось даже в тех случаях, когда виновником был король (F., IV, 50—52). Тем не менее, несмотря на многочисленные предписания о возмещениях за всевозможные оскорбления, обычай кровной мести держался в Скандинавии исключительно долго².

Важнейшей социальной и хозяйственной ячейкой скандинавского общества того периода была патриархальная большая семья. В ее состав наряду с семьей бонда входили семьи его сыновей; это был довольно многочисленный коллектив, который мог насчитывать до нескольких десятков человек. Семейная община совместно проживала в одном дворе, вела единое хозяйство; власть над семьей принадлежала ее главе; единство семьи скреплялось культом предков и генеалогическими легендами и сагами, которым придавалось большое значение. То, что в литературе нередко называют «родом» у северных германцев, в действительности представляло собой скорее большую семью — родственный коллектив из трех поколений или объединение нескольких таких семей — патронимию. Родовые связи сохранялись у скандинавов очень долго, но родственники, оказывавшие друг другу помощь и поддержку, не составляли — помимо

¹ Норвежские «Законы Фростатинга» предписывали в качестве компенсации за причиненное увечье предоставлять пострадавшему хозяйство с 12 коровами, 2 лошадами и 3 рабами (F., IV, 44). Предполагалось, следовательно, что в «нормальном» хозяйстве бонда имелось несколько несвободных.

² Нормы права, требовавшие судебного разрешения конфликтов, на практике соблюдались относительно редко, и наиболее достойным, с точки зрения представлений о чести индивиду и семьи, считалось отмщение обидчику и его близким. Еще в XIII в. во введении к «Законам Фростатинга» норвежский король сетовал на те опустошения, которые причиняла стране родовая месть (F., Indl).

членов большой семьи — производственного или общественного коллектива (Гуревич, 1977, с. 42 и след.).

Земля, на которой вели хозяйство члены семейной общины, одаль (*odal*), была неотчуждаемым наследственным владением. В записях областного права Норвегии выдвигалось требование: для доказательства права одаля нужно было представить свидетельство того, что оспариваемая земля находилась в непрерывном обладании четырех или шести (в зависимости от области) поколений представителей данной семьи (F., XII, 4; G., 266). Однако и в более позднее время, во второй половине XIII в., в норвежском праве встречается выражение *haugodal* — земля, права на которую восходят ко временам погребения в курганах, т. е. к эпохе язычества, закончившейся в Норвегии к началу XI в. (L., VI, 16, 1). Между одалем и его обладателями существовала теснейшая, по сути дела, неразрывная связь. Даже если земля была передана в другие руки, одальманы (члены большой семьи, на ней проживавшие) не утрачивали на нее своих прав и могли вернуть ее себе, причем первоначально право выкупа не было ограничено временем.

Отношение членов большой семьи к земельному участку не исчерпывалось обладанием и возделыванием. Термин «одаль» значил также «отчина», «родина». В этом понятии воплощалось органическое единство родственного коллектива с землей, в которой человек находил продолжение своего «я». Вместе с тем термином «одаль» обозначались и прирожденные качества лица, его происхождение, права свободного и полноправного члена общества. В Дании такой полноправный бонд назывался *athael bonde* (J. L., I, 3; II, 50, 103).

Личные качества человека, его принадлежность к семейно-родовой группе, «благородство» его происхождения и его владельческие права выступали в варварском обществе скандинавов как органическая целостность. Индивид обладал землей постольку, поскольку являлся членом коллектива, которому «испокон веков» принадлежала эта земля, — потому-то его личные права и право владения образовывали, по сути дела, нерасторжимое единство. В Скандинавии раннего средневековья право собственности на землю подразумевало не свободу владения и оперирования объектом собственности, но полноту обладания, неразрывность уз, связывавших семейный коллектив (сообщество живых и мертвых, предков и потомков) с местом его обитания и хозяйствования, с почвой, в которой было укоренено бытие этих людей, их прошлое и настоящее, с которой было связано их будущее, — полноту обладания, исключавшую окончательное отчуждение земли (Гуревич, 1977, гл. 1). С таким отношением к земельной собственности, характерным для всех германских народов на архаической стадии их развития (см. гл. 3), пришлось столкнуться перкви — главному носителю римского права, когда язычество в Скандинавии стало в X—XI вв. вытесняться христианством. Понадобились столетия, прежде чем частноправовые принципы отношения к земле возобладали над варварскими.

Наличие довольно большого числа рабочих рук как сородичей, так и зависимых в большой семье создавало условия, при которых ее глава мог совмещать производственную деятельность с активным участием в жизни племени. Он был членом народного ополчения и судебного собрания, и эти функции считались столь же неотъемлемыми признаками его свободы, как и обладание усадьбой, в которой он трудился.

Бонды не представляли собой единого слоя ни по социальному статусу, ни в материальном отношении. Среди тех, о ком мы лучше знаем из

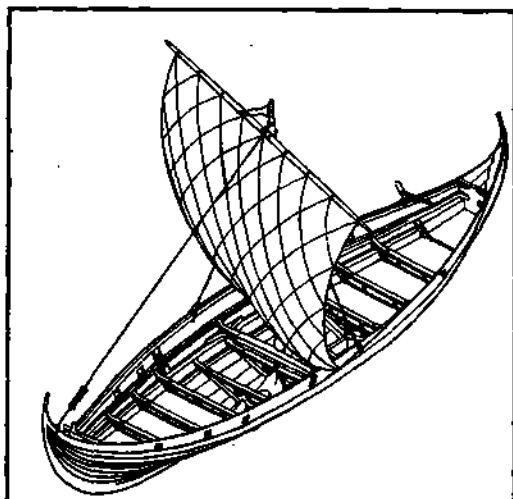
саг, наряду с хозяевами отдельных дворов были и очень богатые и влиятельные люди. Эти «могучие бонды», или хольды, нередко сами выступали предводителями основной массы населения, занимая в своих сотнях и округах положение, сходное с положением родовой знати, от которой они отличались происхождением. На другом полюсе существовала, по-видимому, довольно многочисленная прослойка людей, не имевших собственных хозяйств и потому не считавшихся бондами; в Швеции их называли *löske menn* — «холостяками», «слабыми», «ленивыми» людьми, что само по себе свидетельствует об их относительно принижённом положении и материальной несамостоятельности. Они входили в число свободных, но не пользовались полноправием и не имели голоса в общественных делах. Бедняки нередко состояли под покровительством знати и «могучих бондов».

К беднякам были близки вольноотпущенники и их потомки, люди, находившиеся в зависимости от своих бывших господ; их положение в обществе определялось происхождением от несвободных. Часть бедняков, вольноотпущенников и других зависимых людей была наделена участками земли, за которые выплачивался оброк владельцам. Как известно, помещение несвободных на землю практиковалось у германцев еще в древности (см. гл. 3).

Разграничение между воинами и земледельцами из числа свободных в тот период не было резким. В завоевательных походах участвовали и те и другие. В скандинавской экспансии наряду со знатью и ее дружинами значительную роль играли бонды. Военным нападением норманнов предшествовала мирная «крестьянская» колонизация островов Северной Атлантики; в более поздний период походов викингов бонды участвовали в заселении захваченных земель. Под верховенством военных предводителей, правивших завоеванными датчанами областями Восточной Англии, поселилось значительное число воинов-крестьян.

Показательно, что свои внутренние проблемы варварское общество Северной Европы разрешало или пыталось разрешить преимущественно в главном образом посредством завоеваний. Нехватка земель и средств существования, относительная перенаселенность, которая при примитивном и малоподвижном производстве по временам давала себя чувствовать с катастрофической силой, потребность предводителей и дружинников в богатствах и рабах — все это вместе приводило к нападениям на другие народы, к грабежу и пиратству, к военному наемничеству у чужеземных государей, наконец, к переселениям в новые страны.

Некоторые основные черты социального строя скандинавов на рассмотренной нами стадии развития в поэтической идеализированной форме

Реконструкция
норманской морской лодки X в.
из Скулделева с широкими бортами,
высоким штевнем и прямым парусом

нашли отражение в одной из эдических песней — в «Песни о Риге» (Rígsþula)⁴. В этом произведении воплотилась «мифологическая социология» скандинавского общества. В «Песни о Риге» рассказывается о том, как бог Хеймдалль, принявший имя Рига, последовательно посещает жилища Прадеда и Прабабки, Деда и Бабки и, наконец, Отца и Матери. От сожительства Рига с Прабабкой родился Трель и от него пошел род рабов (þræla ættir), с Бабкой он породил «Карла» (Karl), т. е. крестьянина, а Мать родила благородного и воинственного Ярла (Jarl), сыном коего в свою очередь был Кон (отсюда konungr, конунг, король). Перед нами — предание, которое должно было объяснить генезис трех социальных слоев, составлявших общество Северной Европы в раннее средневековье. Божество переходило от менее совершенных творений (сперва рабы, затем простолюдины-крестьяне) к более совершенным (знать и король). В изображении автора песни Трель обладает отталкивающей внешностью, занят тяжелым и грязным трудом (пасет и кормит скот, выгребает навоз, добывает торф); Карл благообразен, это землепашец. Занятие же Ярла — война и охота, он обладает большими сокровищами и многими усадьбами. Таков и его младший отпрыск Кон, к тому же владеющий тайнами магии.

Рисующаяся в «Песни о Риге» трехчленная социальная структура архаична, что становится особенно ясно видно при сопоставлении этой схемы с трехфункциональной схемой социального членения, разработанной в более развитых странах Европы (в X в. в Англии и в XI в. во Франции), — деления на «тех, кто молятся», «тех, кто воюют», и «тех, кто трудятся». Общее для обеих схем заключается в возвышении королевской власти (подробнее см.: Гуревич, 1977, с. 274—303). Однако если трехфункциональная схема, получившая распространение в других странах, своеобразно служила обоснованию феодальной структуры (Duby, 1978), то северная «мифологическая социология» скорее была обращена к варварскому прошлому скандинавов.

2. Начальный этап возникновения крестьянства в Скандинавских странах

Различия в процессе формирования крестьянства во многих странах Западной Европы, с одной стороны, и в Скандинавии — с другой, в значительной мере обусловлены тем, что в Галлию, Италию, Испанию, Британию варвары явились в качестве переселенцев и завоевателей, тогда как основная масса скандинавов оставалась на своей родине. Поэтому процесс феодального подчинения крестьянства на Западе начался в обстановке, подготовленной захватом территории и смешением населения, в Скандинавии же население было этнически более однородным. Походы норманнов оказали воздействие на социальное развитие Дании, Норвегии и Швеции, но эта экспансия, направленная на другие страны, лишь отдаленно была связана с социальными процессами, протекавшими на Севере.

Другое отличие связано со спецификой хозяйства. Большинство стран Европы — земледельческие, и основная часть их территории была доступна для возделывания. Доля же территории Швеции и Норвегии (это же касается Дании), на которой можно вести земледельческое хозяйство, очень невелика (в Норвегии она и ныне не превышает 3% площади

⁴ Время возникновения этой песни неизвестно, так же как и других песней «Старшей Эдды»; сохранилась «Песнь о Риге» в исландской рукописи XIV в.

страны, в Швеции — 9%, в Исландии обрабатываемые земли занимают менее 1% площади острова). Горный и моренный ландшафт служил препятствием для внутренней колонизации ряда областей. Наиболее густо заселенными были приморские и приозерные районы, но и в них земледельческое хозяйство развивалось на небольших площадях.

Эти природные условия определяли преобладающую роль скотоводства в хозяйстве (скотоводства, сочетавшегося тем не менее с земледелием), а также значительный удельный вес охоты, рыболовства и других морских промыслов. Вследствие такой специфики природы и хозяйства преобладающей формой поселения в Норвегии и в части Швеции и Дании был однодворный хутор; с течением времени хутора могли превращаться в небольшие поселки из нескольких дворов. Крупных деревень, как правило, здесь не было. Поселение в четыре-восемь дворов считалось в Швеции «полной деревней». Несколько более крупные поселения существовали в Дании, но и там они возникли, по-видимому, из хуторов (Christensen, 1969, S. 53 f., 58 f.; ср.: Ковалевский, 1977, с. 34, 137).

Соответственно, у скандинавов община регулировала в первую очередь пользование пастбищами. Принудительный севооборот практиковался в датской и кое-где в шведской деревне. Пастбища делились на несколько категорий. Наряду с выгонами, которыми пользовались отдельные хозяева, имелись общие пастбища, находившиеся в распоряжении ряда бондов, куда скот выпускали пастись в течение всего летнего сезона. Необходимым условием ведения хозяйства были так называемые альменнинги (норв. *almennings*, дат. *alminding*) — общий земельный фонд, включавший луга, леса, пустоши, пригодные для возделывания, и иные угодья. Как указывает самый термин, эти пространства принадлежали «всем». Альменнинги использовались под пастбища, но люди, нуждавшиеся в пахотной земле, с общего согласия жителей округа могли произвести на альменнинге заимку. Обычное право разрешало бонду прирезать отсюда к своему хозяйству землю, на которую он бросил свой нож, косу или серп (G., 145; F., XIX, 8), иначе говоря, предполагалось, что у него есть рабочая сила, с помощью которой он может обработать этот участок⁵.

Представление о широких масштабах внутренней колонизации дает топонимика. Изучение названий дворов с характерными корнями на *gård*, — *gård* (от *gudning* — расчистка) — подобных топонимов насчитываются на Севере многие тысячи — позволяет проследить, в каких районах совершалось наиболее интенсивное расселение в период экспансии викингов и в последующее время. Поселения, названия которых первоначально имели корень *boer* (двор), а затем сменили его на *gård* (соседство), представляют собой хутора, разросшиеся в небольшие деревни. Многочисленные в Дании усадьбы с названиями на *thorp* обозначали «дочерние» выселки из первоначальных дворов (Nordisk kultur, 17, 1952). Однако процесс освоения новых земель протекал крайне медленно: плодородных и легко возделываемых почв было мало, а орудия труда (соха, легкий плуг, кирка, лопата) оставались весьма примитивными, и обработка участков сплошь и рядом совершалась вручную⁶.

⁵ В период колонизации Исландии первопоселенец занимал такое пространство, которое он мог обойти за день («от восхода до заката»), зажигая костры на границе на равном расстоянии один от другого.

⁶ Применялся обычно легкий безотвальный плуг — *arðr* (ср. лат. *aratrum*). Невершенство обработки почвы компенсировалось до известной степени ее интенсивным унавоживанием — при небольших размерах поля и наличии значительного ко-

Коллективные связи бондов выражались прежде всего в использовании альменнинга, они объединяли жителей округа, границы которого обычно определялись природными условиями. Владельцы усадеб сходились на судебное собрание-тинг округа, обсуждая и решая интересовавшие их вопросы — не только дела о преступлениях, но и имущественные тяжбы, споры о владениях и т. п.; сделки бонды также должны были заключать в присутствии местных жителей, выступавших свидетелями. По мере укрепления королевской власти на бондов округов стали возлагаться некоторые административные обязанности — ответственность за охрану порядка, за участие местных жителей в ополчении, в постройке и снаряжении кораблей, а в более позднее время — и за сбор податей в пользу государства и церкви. Таким образом, в определенном смысле община и судебно-административный округ здесь совпадали, поскольку все жители последнего имели право пользоваться альменнингом; с другой стороны, в условиях преобладания хуторов община не могла приобрести в значительной части Скандинавии той роли, какую она играла в странах с деревенским типом поселения, где постепенно получила распространение система «открытых полей» с чересполосицей и принудительным севооборотом.

Большая семья у скандинавов проявляла значительную устойчивость. Даже после выделения из нее малых семей они долго поддерживали родственные и хозяйственные связи, в частности продолжало действовать право сородичей наследовать имущество и выкупать отчужденную землю. Однако наряду с одалем появляется категория земельных владений, называемых *каура jorð* (в Норвегии), *кбрае iorð, terra empticia* (в Дании); это — земли, относительно которых была заключена какая-либо сделка (буквально: «ударил по рукам») — о закладе, купле-продаже, аренде и т. п. Распоряжение «приобретенной землей» было облегчено по сравнению с распоряжением одалем — практически неотчуждаемым владением. Категория «приобретенных земель» рассматривалась в памятниках права как производная от одаля: в тяжбах из-за земельных владений права владельца благоприобретенной земли принимались во внимание при условии, что среди его свидетелей был человек, обладавший правом одаля на оспариваемое владение (F., XIII, 25). Предполагалось, что даже на «купленную землю» кто-то имел право одаля. Если, однако, этих прав на нее никто не предъявлял, то в конце концов она могла окончательно перейти в обладание нового владельца, и по истечении определенного срока непрерывного владения земля становилась его одалем.

Таким образом, между категориями земель *odal* и *каура jorð* устанавливалось отношение своеобразного круговорота: одал в определенных случаях мог превратиться в «купленную землю», но и эта последняя, если она находилась в наследственном обладании одной и той же семьи в течение длительного времени, в свою очередь, становилась одалем. Вероятно, устойчивость института одаля, возрождавшегося даже тогда, когда, казалось бы, земля подвергалась отчуждению, была связана с относитель-

личества скота земля удобрялась настолько обильно, что необходимость оставлять ее под пар возникала не столь часто: раз в четыре, пять и даже в шесть лет (*Visted og Stigum*, 1951). Преимущественно скотоводческая ориентация хозяйства бондов проявлялась и в том, что, например, в Западной Норвегии нормой считалось наличие в хозяйстве 12 коров; хозяйство же с 3, даже с 6 коровами было бедным (F., II, 27; IV, 44; V, 14; XIII, 21; G., 6). По-видимому, таковы были условия в значительной части Скандинавского полуострова. В некоторых районах Швеции земледелие было развито лучше, особенно в Сконе.

ной устойчивостью семейной общины. Свободно отчуждаемая земельная собственность в средние века не возникла ни в одной из Скандинавских стран (Ковалевский, 1977, с. 77 и след., 131—132; Гуревич, 1977, с. 42 и след., 147, 305 и след.)

Распад больших семей, тем не менее, совершался и в Скандинавии, на что указывают хотя бы данные топонимики и археологии. Известную роль в этом процессе сыграл рост населения, выталкивавший часть жителей Скандинавии в новые районы, в особенности за пределы страны. Одной из главенствующих черт крестьянской жизни в Скандинавии был голод (Steinnes, 1930). Едва ли, конечно, и в истории Швеции и Норвегии голодные годы встречаются чаще, чем в истории других стран Европы, но, принимая во внимание сравнительную скудость природных условий и суровость климата, приходится констатировать, что для населения Севера последствия неурожая — голод и эпидемии были особенно тяжелыми. Недаром здесь сложился обычай поднимать на ежегодных пирах кубки «за мир и урожай»; эти возлияния должны были побудить языческих богов к тому, чтобы обеспечить благополучие страны. Показательно, что наряду с военным опустошением самой большой опасностью считался неурожай («дурной год»). Примечательно и то, что практика «вынесения» новорожденных (обычно девочек), т. е. оставления их в пустынной местности на верную смерть⁷, у скандинавов прекратилась не сразу даже и после принятия христианства: когда в 1000 г. исландский алтинг (народное собрание) принял решение о переходе всех жителей острова в новую веру, была сделана оговорка, допускавшая наряду с тайным отправлением желающих языческих обрядов также и вынесение детей (Islandingabók, 7).

Вера в то, что боги и связанные с ними магической силой конунги даруют населению урожай, как и вообще благоденствие, проявляется в легендах, согласно которым в периоды жестоких и длительных недородов скандинавы приносили в жертву богам своих вождей (Heimskringla, Ynglinga saga, kap. 43). Когда страной правит «добрый» конунг, справедливый, удачливый и совершающий жертвоприношения, народ собирает хороший урожай, скот дает приплод и к берегам страны приходят косяки рыб; «злой» же правитель приносит народу несчастье, неурожай и голод (Heimskringla, Ynglinga saga, kap. 8f.). В сагах, однако, указываются и другие причины голода: увеличение численности дружины вождя, с которой он разъезжал по стране, заставляя бондов кормить их (Heimskringla, Haralds saga gráfeldar, kap. 2; Óláfs saga Tryggvasonar, kap. 12, 87; Óláfs saga helga, kap. 38, 74, 97, 115; Fagtskinna, kap. 13, 14). Таким образом, даже сравнительно небольшое увеличение поборов могло привести к перенапряжению ресурсов крестьянского хозяйства.

Обычно же пища бондов была, видимо, не столько скудной, сколько однообразной и лишенной витаминов. Часть зерна расходовалась на изготовление пива — главного напитка жителей холодного Севера, рацион которых составляли преимущественно вяленая рыба и мясо. Среди сельскохозяйственных культур Норвегии и Швеции преобладали быстро созревающие сорта ячменя и овса, а рожь и пшеницу сеяли лишь кое-где, прежде всего на более плодородных землях в Дании и Сконе, и то в

⁷ Этот обычай реалистически объяснен в саге: «Когда Исландия была еще совсем языческой, существовал такой обычай, что люди, которые были бедны и имели большую семью, уносили своих новорожденных детей в пустынное место и оставляли там. Однако и тогда считалось, что это — нехорошо» (Исландские саги, с. 26).

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

небольшом количестве. Хлеба в Скандинавии в раннее средневековье сплошь и рядом не хватало, и зерно ввозили из-за границы, в первую очередь из Англии. Материальные условия жизни бондов были нелегки. В свете этих данных становится более понятным, почему в экспедиции викингов вовлекалось и простонародье. Вслед за боевыми отрядами в другие страны тянулись бонды, переселявшиеся на новые места жительства. Как уже упоминалось, мирная «крестьянская» колонизация в некоторых случаях предшествовала военным нападениям; так было на островах Северной Атлантики, а, возможно, и в бассейне Балтики (Гуревич, 1966, с. 81 и след.).

Первые норвежцы, достигшие Исландии, привлекали в нее своих соотечественников рассказами об обилии природных богатств на острове, якобы чрезвычайно благоприятствующих скотоводству: там «с каждого стебля травы капает масло!» (*Landnámabók*, 38, 39).

Переселяясь в Исландию, скандинавы продолжали вести экстенсивное, преимущественно скотоводческое хозяйство. Районы, откуда направлялась наиболее массовая эмиграция (Юго-Западная Норвегия в первую очередь), по-видимому, переживали длительный хозяйственный упадок. Здесь найдены остатки многочисленных «длинных домов», служивших, судя по их сравнительно большим размерам, жилищами семейных общин, которые располагали обширными пастбищами, довольствуясь при этом ограниченными пахотными участками (Гуревич, 1960, с. 222 и след.; Анохин, 1971, с. 64 и след.). В период с конца VI — начала VII в. и вплоть до IX в. значительная часть этих усадеб была заброшена. В поселениях же, возникших на этой территории начиная с IX в., обнаружены дома, размерами намного уступавшие прежним. Относительно причин «сельскохозяйственного кризиса», симптомы которого обнаружили на Скандинавском полуострове в канун эпохи викингов⁴, в науке высказывались различные взгляды, но есть основания предполагать, что этот упадок был связан с начавшимся переходом от семейной общины к иной социально-производственной ячейке — «малой», индивидуальной семье.

Этот процесс растянулся на столетия. Указания на совместное ведение хозяйства членами большой семьи содержатся еще и в записях обычного права Норвегии и Швеции XIII—XIV вв. Но, во-первых, это право очень традиционно и отчасти архаизирует современную ему действительность, а, во-вторых, в нем нашел отражение и распад больших семей, члены которых делили между собой одадь и окончательно отпочковывались от патриархальной семейной организации.

Изменения в семейной и хозяйственной организации сопровождались важными социальными последствиями. До тех пор, пока сохранялось единство большесемейного коллектива, глава семьи и его взрослые сыновья имели возможность сочетать производственную деятельность с исполнением общественных обязанностей. Без ущерба для домохозяйства бонд мог уходить на войну, совершать плаванье в другие районы страны (сообщение между ними шло преимущественно морским путем) или за море, посещать судебные сходы — дома оставалось достаточное количество рабочих рук. В условиях преобладания скотоводства в усадьбе в зимние месяцы вообще было мало работы.

⁴ Подобный же перелом в хозяйстве и семейной организации, нашедший отражение в резком изменении форм поселения, наблюдался приблизительно в тот же период и в Дании (*Christensen*, 1969, S. 40 f., 53).

После «сельскохозяйственного кризиса» удельный вес земледелия несколько повысился и хозяйство стало предъявлять к бондам большие требования. С распадом семейных общин заботы о хозяйстве целиком ложились на главу индивидуальной семьи, и отрываться от производства делалось для него все более сложным. Бонд не мог одновременно вести хозяйство и исполнять военную службу или посещать областные судебные собрания (при территориальной распыленности хуторов путь на тинг и обратно отнимал несколько дней, а то и недель). Для многих бондов военная служба и участие в тингах превращались в обременительные повинности, от которых стремились избавиться. Записи права свидетельствуют о том, что бонды уклонялись от этих публичных обязанностей, не являлись в народное ополчение и на тинги. Эти явления подчас приобретали массовый характер (Гуревич, 1967, с. 56 и след.). Между тем укреплявшаяся начиная с XI в. королевская власть нуждалась и в военной силе бондов, и в бесперебойном функционировании тингов: они оставались основными органами управления и поддержания порядка в стране.

Начавшийся распад семейных общин постепенно влек за собой изменения в положении основной массы бондов. Хозяйственная бедность Скандинавских стран делала положение мелких владельцев особенно неустойчивым. Неурожай и падеж скота, уплата вергельда или штрафа, вражеское нападение или злоупотребления правителя, необходимость забрасывать свое хозяйство для участия в походе — все могло поставить маломощного хозяина в крайне тяжелые условия. Мы читаем в источниках о сопротивлении, оказываемом попыткам конунгов обложить население регулярными поборами. В этом, как и в уклонении бондов от военной службы и в неявке их на тинги, приходится видеть симптомы стремления населения оградить хозяйство от разорения. Силою обстоятельств низшие слои бондов вытеснялись из активной политической жизни, что неизбежно отрицательно сказывалось на их социальном статусе.

Этот процесс шел во всех Скандинавских странах, но по норвежским памятникам можно проследить прогрессирующее размежевание свободных на два разряда — хольдов и бондов. Первоначально хольдом мог быть назван любой свободный, таково было обычное в поэзии обозначение воина. В законодательных памятниках Западной Норвегии хольды фигурируют уже в качестве наиболее влиятельных собственников, отличаясь от остальных свободных полнотой своих прав. Есть, однако, основания предполагать, что возвышение хольдов (Maurer, 1890) по крайней мере до XIII в. определялось не столько приобретением ими каких-либо новых прав, сколько частичным социальным упадком остальных бондов, — понижением их статуса способствовало относительно повышению статуса хольдов, — сохранив все права свободных «дофеодалного» периода, хольды оказались теперь в привилегированном положении (Гуревич, 1977, с. 200 и след.). В то время, когда основная масса бондов превратилась в крестьян, автор «Младшей Эдды» помещает хольдов на социальной лестнице между конунгами и военными предводителями-херсрами, с одной стороны, и королевскими дружинниками — с другой (Младшая Эдда, с. 88). Во второй половине XIII в. термины «höldr» и «riddari» («рыцарь») стали взаимозаменяемыми (Jónsbók, Landleiebolk, 18; Kjöbebolk, 24). В этой эволюции термина «хольд» отчетливо выразилось прогрессирующее размежевание свободного населения на привилегированных воинов и лишившихся полноправия земледельцев.

3. Скандинавское крестьянство и государственная власть

Важнейшими факторами социальной перестройки варварского общества явились королевская власть и связанные с нею институты — дружина и кормления. В округах и областях страны были расположены опорные пункты — резиденции конунга, по которым он ездил. В эти пункты к его прибытию местное население свозило продукты, необходимые для содержания конунга вместе с дружинниками (Steinnes, 1953; 1955). В каждой области конунг пользовался правом появляться с определенными интервалами, имея при себе дружину установленной численности, чтобы не быть в тягость местным жителям. Поставки продуктов на ранней стадии существования скандинавских королевств, возможно, не имели характера обязательной подати, хотя на практике вряд ли кто-либо мог от них уклониться. Считалось, что бонды должны кормить своего предводителя, защищавшего страну от врагов. В наиболее ранних памятниках права эти кормления выступают уже не в качестве добровольных угощений. Пирвейцла (veizla), который бонды устраивали для вождя, играл огромную роль в общественной жизни варваров, и ему даже придавали сакральное значение. Конунги, правившие отдельными областями, не обладали развитой принудительной властью и опирались преимущественно на обычай.

Положение изменилось с объединением страны (X—XI вв.) (Anderzen, 1977). Король, сумевший подчинить себе мелких конунгов или лишить их власти, закрепив свой успех, предъявлял к бондам повышенные требования. В сагах, отражающих недовольство бондов усилением такого верховного правителя, его власть нередко определяется термином «насилие», «тирания». Упрочение его могущества сопровождалось расправами над непокорными, конфискацией их владений, изгнанием за пределы страны. Вейцлы утратили характер добровольных пиров и угощений, во время которых устанавливалось личное общение бондов с вождем. На первый план выдвинулась теперь материальная, экономическая сторона этого отношения, таким способом король и его дружина, численность которой с объединением страны возросла, жили за счет крестьян. Начавшаяся вскоре христианизация лишила пиры и кормления того сакрального смысла, какой они имели в языческую пору. Все вместе вело к разрыву единства правителя и народа, единства, иллюзия которого держалась до поры до времени. С точки зрения бондов, их личная свобода и собственнические права представляли собой нерасторжимое целое: посягательства короля на их доходы воспринимались как ущемление их независимости. С установлением единовластия и превращением кормлений в обязательную подать крестьяне утратили какую-то часть своих прав на наследственные земли и оказались подвластными складывавшемуся государству. Это возмущало бондов, которые видели в новых домогательствах короля нарушение старинных вольностей и «отнятие» у них одаля (Гуревич, 1967, с. 93 и след.).

Отныне король распоряжался получаемыми с крестьян доходами по своему усмотрению, не считаясь с традицией. Он мог пожаловать право сбора кормления своему приближенному — дружиннику, служилому человеку. Такой человек назывался *lendr maðr*, *veizlu maðr*, *haette man*, а округ, во главе которого он стоял, — вейцла, сюсла (*sysla*), лен (*laen*), *exastio*. Не приобретая права собственности на земли, население которых должно было его кормить, лендрман получал от конунга административ-

ные полномочия и осуществлял от его имени власть над местными жителями; часть собираемых доходов он отдавал в казну, другую оставлял себе. Такого рода пожалования *вейцл* или *ленов* не приводили к созданию вотчин, представляя собой не что иное, как пожалования «*фьефов*, состоявших только из даней» (Магх, 1899, р. 76). К тому же они давались на время, как правило, на срок жизни служилого человека, и от конунга зависело, получит ли *вейцлу* наследник прежнего *лендрмана* или *херремана*; владелец *вейцлы-лена* не имел права кому-либо передавать ее — в противном случае он считался «вором».

Таким образом, скандинавский *лен* существенно отличался от «классического» феода, или *бенефиция* (Christensen, 1968, S. 143 f., 163 f., 176 f.; Andrae, 1960, s. 63). Путем раздачи кормлений, связанных с должностями, королевская власть обеспечивала своих приближенных и служилых людей доходами, которые те собирали с крестьян. Последние, не теряя права распоряжения своей землей, должны были содержать на собственный счет представителей социальной верхушки. С укреплением королевской власти и ростом дружины кормление превратилось в специфическую форму присвоения части продукта крестьянского хозяйства складывающимся господствующим классом.

Источники, по которым можно изучать этот процесс (*судебники*, *саги*), относятся к сравнительно позднему времени и по ним трудно установить последовательные этапы трансформации даней и угощений. Известно, однако, что к XIII в. *вейцла* (или *лен*) стала в Норвегии нормальной формой пожалования служилому человеку. Так, не разрушая полностью традиционного отношения крестьянства к земле, сложилась система государственных *ленов*, подконтрольных королю.

Формы присвоения представителями господствующего класса прибавочного продукта крестьянского труда были своеобразны: доходы, получаемые «господами», «рыцарями» (эта терминология распространилась в XIII в. и в Скандинавских странах), представляли собой государственные подати-кормления и не превратились в ренту того типа, которую собирали континентальные *сеньоры*; крестьяне не находились под частной властью и сохраняли на свои земли право *одаля*. Все это накладывало специфический отпечаток на социальные отношения в средневековой Скандинавии. Здесь не сложилась *сеньория* — важнейшая социально-политическая ячейка развитого феодального общества, подчинявшая себе крестьянина и его хозяйство. Владелец *вейцлы-лена* эксплуатировал *бондов* не в качестве их личного господина, но лишь опираясь на королевское пожалование. Поэтому личный статус *бондов* не претерпел столь же глубокой трансформации, как, скажем, статус бывших свободных *аллодистов* в Германии.

Тем не менее реальное содержание личной свободы *бонда* существенно изменилось. Хотя народные ополчения время от времени продолжали созываться, их роль резко снизилась. Преимущества профессиональных и тяжеловооруженных воинов перед крестьянами-ополченцами были очевидны в Скандинавии не в меньшей мере, чем в других странах. Короли предпочитали собирать с *бондов* побор, заменивший в XIII в. службу в ополчении, и *лединг* (в Дании), *ледунг* (в Швеции), *лейданг* (в Норвегии) — первоначально эти термины обозначали народное ополчение — явился первым постоянным налогом в этих странах (не считая церковной десятины). Замена военной службы *бондов* налогом, избавляя их от необходимости отрываться от своего хозяйства, объективно благоприятно сказывалась на нем.

В результате этих перемен бонды превратились в податное сословие. Особенно четко это деление на податных и привилегированных выразилось в Швеции. Шведские привилегированные именовались «фрельсе» (frelse). Буквально это значило «свободные», «освобожденные». Фрельсе получали налоговые изъятия на условии выполнения профессиональной военной службы, все же остальные считались податными, скаттовыми людьми (skatt — подать, налог). В отличие от норвежских бондов, так и не расставшихся с «народным оружием» (боевым топором или мечом, копьем, щитом и луком со стрелами должен был обладать каждый подданный короля), шведские бонды в конце концов лишились права ношения оружия; боевой силой стало исключительно тяжеловооруженное конное рыцарское войско. В Швеции и Дании была ослаблена роль тингов и контроль над ними перешел к королевским чиновникам; хотя этот процесс протекал и в Норвегии, местное крестьянское самоуправление (по сути своей — управление наиболее зажиточных и «могучих» бондов и хольдов) не было ликвидировано.

Однако раскол шведского общества на податных и фрельсе (в число которых наряду с рыцарями входило также духовенство) не привел к сословному замыканию этих социальных групп. Человек, располагавший средствами, необходимыми для выполнения профессиональной военной службы, имел право перейти в ряды фрельсе и освободился от уплаты податей; тот же фрельсе, которого рыцарская служба тяготила, мог возвратиться в число податных бондов. Социальная дифференциация не сопровождалась, таким образом, резкой сословно-юридической поляризацией, как это было в некоторых других странах феодальной Европы (Ковалевский, 1977, с. 161 и след.). Военно-служилый люд в Дании, *haette maen* (*homines domingum*), пользовался такими же привилегиями, как и фрельсе в Швеции; эти привилегии и здесь распространялись на духовенство.

Итак, на смену присущей варварскому обществу коренной противоположности «свободный» — «несвободный» пришла противоположность «привилегированный воин» — «податный крестьянин» (и «клирик» — «крестьянин»). Эта трансформация была неполной, ибо сохраненные бондами существенные элементы прежних вольностей, каким бы ограничениям они ни подвергались, служили не только основанием для угнетения, но и известным залогом их прав. Соотношение негативных и позитивных сторон свободы бондов было весьма неодинаково для различных категорий крестьян, и этот вопрос невозможно однозначно решать применительно к беднякам и к зажиточным хозяевам, к собственникам усадеб и к арендаторам; для части скандинавского крестьянства обладание даже урезанной свободой являлось немаловажным преимуществом.

Обратимся к анализу положения той части крестьян, которые не являлись собственниками земельных участков, но арендовали их у землевладельцев. Выше, при характеристике варварского общественного строя в Скандинавии, нам уже приходилось отмечать наличие слоя людей, живших на чужих землях. В тот период среди них преобладала несвободность для вольноотпущенники, платившие оброки своим господам. По мнению некоторых исследователей, из числа рабов и вольноотпущенников в основном сложилась масса арендаторов и в последующий период (Piekarczyk, 1962, s. 69 f.)^{*}. В Швеции и Дании рабство сохранялось вплоть до XIII в., в Норвегии оно исчезло несколько раньше.

* О несвободном происхождении части арендаторов свидетельствует эволюция

Но наряду с потомками рабов в состав арендаторов входили и лица свободного происхождения. По норвежским источникам можно наметить два этапа развития аренды. На первом этапе она имела характер по преимуществу межкрестьянский: безземельные (избыточное население крестьянских дворов, пришельцы из других местностей, разорившиеся люди) снимали участки у более состоятельных владельцев, или же бонды, обладавшие собственными хозяйствами и стремившиеся их расширить, приарендовывали землю у тех, кто не мог сам ее возделывать. Аренда этого рода не несла на себе ясно выраженного отпечатка антагонизма между собственниками и сѣмщиками земель. С XII в. арендные отношения усложняются: появляются арендаторы в королевских владениях, во владениях светской знати и католической церкви, которая получала дарения от короля. Арендаторы имелись у каждого более или менее состоятельного хозяина. Арендаторами стали и те крестьяне, которые произвели заимки в общинных землях: право собственности на них присвоил король, и эти хозяева были обязаны платить ему за пользование участками. Естественно, что внутренняя колонизация в XI—XIII вв. сопровождалась чрезвычайным ростом слоя арендаторов. Вследствие пожалований и дарений арендаторы короля попадали под власть светских и церковных магнатов.

В Норвегии арендаторы назывались лейлендингами (leiglendingar), в Швеции и Дании — ландбу (landbög). Платили они продуктами сельского хозяйства (только в отдельных районах Дании и Швеции ландбу исполняли небольшие остротки). Ландбу, или лейлендинг, был срочным арендатором, который платил землевладельцу на основании соглашения и не находился от него в личной зависимости (Lindkvist, 1979). При заключении соглашения он должен был сделать собственнику «подарок» — вступительный платеж, подчас довольно обременительный. По истечении срока аренды, устанавливавшегося, как правило, на год (в Дании) или на несколько лет (в Норвегии и Швеции), арендатор был волен покинуть усадьбу и уйти восвояси, так же как и собственник имел право освободить землю от арендатора и пригласить нового. Фактический срок пользования землей не ограничивался, и если ни у владельца, ни у арендатора не было причин расстаться, договор мог быть возобновлен. На практике отношения между крупным землевладельцем и мелким арендатором были далеки от равенства, и собственник имел возможность применить принуждение к бедняку, не имевшему своей земли, а последнему приходилось признавать в нем своего господина¹⁰. Тем не менее арендатор считался юридически равноправным собственнику. Вряд ли есть основания называть скандинавскую средневековую аренду «держанием», от которого она столь разительно отличалась. Отсутствие частной юрисдикции и иммунитетов у скандинавских землевладельцев не предоставляло им тех возможностей, которыми располагали феодалы в других странах.

Личная свобода ландбу давала ему определенное преимущество перед сервом — зависимым крестьянином в странах развитого феодализма, человеком социально приниженным. В то же время феодальная несвобода сервов, прикрепление их к личности сеньора служили залогом сохранения

статуса так называемых брюты (bruti) в Дании и Швеции. Первоначально это были рабы, надвигавшие за челядью в хозяйстве господина (буквально bruti — «тот, кто распределяет [пищу]»); в XII—XIII вв. брюты — уже свободные люди, управляющие арендованными усадьбами.

¹⁰ «Грудно спорить с землевладельцем», — гласит «Упшландское уложение» (UL, IV, 13).

за ними надела, на котором они вели хозяйство из поколения в поколение. Между тем пользование землей скандинавским арендатором не было юридически гарантировано, и эта правовая необеспеченность в сочетании с экономической неустойчивостью позиций крестьянина, краткосрочностью аренды делали его положение весьма неблагоприятным и к тому же лишили его заинтересованности в повышении производительности труда, в хозяйственных улучшениях. Кроме того, западноевропейские сервы, виллан — члены сельской общины могли получить некоторую поддержку других общинников, тогда как ландбу таковыми не являлись, даже если жили в деревне, поскольку общинными правами пользовались только самостоятельные бонды.

Земельная аренда получила в XII—XIII вв. широкое распространение. Как и король, другие крупные собственники, прежде всего церковь, имели множество арендаторов. Наряду с владениями, возникшими из королевских пожалований и дарений магнатов, церковь приобретала земли у обедневших бондов, принужденных закладывать участки и не располагавших подчас возможностью их выкупить; такие бонды превращались в арендаторов. Рост церковного землевладения приходится на период интенсивных расчисток новых земель; церковные и монастырские учреждения испомещали на них арендаторов. Стремясь расширить свои владения, церковь добивалась изменения старинного права, в особенности — отмены права одаля, исключавшего свободное отчуждение земель. Однако в этом отношении духовенство сумело добиться только частичных успехов: можно было беспрепятственно дарить лишь небольшую долю наследственного имущества. В Норвегии без согласия наследников владелец имел право передать духовенству четвертую часть благоприобретенного имущества, но не наследственный одаль (F., III, 17; IX, 3, 4, 18, привилегии от середины XII в.).

Церковь столкнулась в Скандинавии со своеобразным препятствием на пути накопления подаренных ей имуществ: согласно древнескандинавским правовым и моральным нормам, дарение не имело силы, если не вознаграждалось компенсацией, и даритель мог отобрать подаренное, коль скоро не получил достойного дара в ответ (подробнее см.: Гуревич, 1970, с. 68 и след.). Награда на небесах, обещанная церковью за вполне ошутимые материальные дары, которых она требовала, не воспринималась бондами, далеко не полностью порвавшими с системой духовных ценностей времен язычества, как эквивалентная. Шведское обычное право еще и в начале XIII в. запрещало дарение недвижимого имущества без согласия наследников; этот «дурной обычай» решительно осудил папа Иннокентий III. Конфликт между традиционными идеями и институтами, живучими в крестьянской среде, и новыми требованиями церкви нашел выражение в одном из областных уложений Швеции — «Старшем Вестьеталаге»: «В день смерти, согласно закону, нельзя [ничего] дарить из наследства без согласия наследника. Но ученые люди говорят, что, согласно божьему праву, нельзя говорить «нет» (VGL, I, A 10; см.: Ковалевский, 1971, с. 291).

Институт одаля, таким образом, не был ликвидирован, и господствующий класс Швеции и Норвегии оказался не в состоянии осуществить такой аграрный переворот, какой произошел во Франкском государстве. В Скандинавских странах аренда не привела к возникновению типичного феодально-зависимого держания. Положение арендатора, не подчиненного частной власти собственника земли и вольного покинуть надел по истечении срока договора, вряд ли поддается, без больших натяжек, интер-

претации как разновидность феодального отношения (ср.: Бессмертный, 1971, с. 113). Тем не менее аренда, возникшая еще до начала генезиса классового строя в Скандинавии, была приспособлена к потребностям растущего господствующего класса и послужила одной из главных форм обеспечения его доходами от земледелия и животноводства. В положении ландбу-лейлвдинггов проявляется социально-экономическая многоукладность средневековой Скандинавии.

Отмечая эту многоукладность, нужно вместе с тем признать, что к концу XII—XIII в., в условиях укрепления государственной власти и консолидации господствующего класса, скандинавское крестьянство, при всех особенностях его правового и социального статуса, заняло в обществе такое же место, какое было отведено крестьянству в других странах Европы того времени, — на его долю и в этом регионе выпало нести материальное бремя по содержанию военной, служилой и землевладельческой аристократии, церкви и королевской власти. Иными словами, глубокая специфика социальной структуры Северной Европы не ставила ее вне мира феодализма¹¹.

Развитие крупного землевладения отразилось на общине. В то время как Норвегия оставалась страной по преимуществу хуторской, в Швеции и Дании начинает распространяться деревенский тип поселения. Деревни возникали в результате разделов больших семей и внутренней колонизации. Активное участие в ней приняли крупные землевладельцы, прежде всего церковные.

Новые общинные распорядки, сложившиеся на этих землях в XIII в., по-видимому, создавались под влиянием и при участии крупных собственников. Эти распорядки выражались в искусственной системе раздела земель между жителями деревни «по солнцу» (*solskipt*): усадьбы в деревне, равно как и доли, принадлежавшие соседям в поле, должны были располагаться по движению солнца (владельцу двора, находившегося в северной части поселения, принадлежала северная часть поля и т. д.), ибо, как гласила поговорка: «усадьба — мать пахотного поля» (Ландслаг короля Магнуса Эрикссона, с. 195; J. L., I, 55). Пахотные земли стали оцениваться в денежных единицах (маркланды, эртугсланды и т. д.), и на основе этой оценки устанавливались размеры арендных платежей и государственных податей. Не исключено, что введение системы маркландов было вызвано военно-податными реформами XIII в., в частности заменой воинской службы бондов налогами и распределением последних между жителями одной деревни или округа.

В Норвегии в XIII в. также была установлена функциональная зависимость величины государственных податей, взимаемых с земли (взамен исполнения крестьянином военной службы в ополчении), от арендной платы; увеличение последней автоматически влекло за собой повышение налога (L., III, 6; VII, 7,3; 53,4). Проведение на практике подобной зависимости налога от размеров ренты, способствовавшее стабилизации ее величины, стало возможным в результате повсеместного распространения земельной аренды. Тем самым было исключено свободное изменение арендаторских платежей — свидетельство активного государ-

¹¹ В недавней статье А. А. Сванидзе (*Сванидзе*, 1984) старается обнаружить в социальном строе Швеции все те основные черты, которые наблюдаются в феодальной структуре более развитых стран Европы. Эта точка зрения, отрицающая глубокую специфику положения зависимого крестьянства в средневековой Швеции, противоречит многочисленным свидетельствам источников (в том числе использованным в данной главе) и потому представляется необоснованной.

II. Становление класса феодално-зависимого крестьянства

ственного вмешательства в поземельные отношения между крупными землевладельцами и крестьянами.

Источники не дают указаний, которые позволили бы установить хотя бы приблизительное соотношение в распределении земель между разными категориями владельцев или относительные доли собственников и арендаторов среди крестьян Швеции, Дании и Норвегии в конце изучаемого периода. Ясна лишь общая тенденция: сокращение удельного веса самостоятельных бондов и резкое увеличение численности арендаторов. Нужно, однако, учитывать, что немало крестьян-арендаторов одновременно являлись владельцами собственных дворов.

Крупное землевладение было организовано преимущественно таким образом, что подавляющая масса земель сдавалась в аренду крестьянам, платившим за пользование участками ренту продуктами (в большей мере животноводческими, чем зерновыми); поскольку барская запашка почти отсутствовала, в непосредственном хозяйственном ведении собственника обычно находился отдельный двор (или несколько дворов), в котором использовался труд зависимых «домочадцев» и наемных слуг. Вотчины отдельных крупных монастырей насчитывали по несколько сотен крестьянских дворов или их частей, — по скандинавским масштабам это были довольно внушительные владения, как правило, разбросанные по обширной территории. Можно еще отметить чрезвычайную неравномерность распределения крупного землевладения в отдельных областях и районах. В самых общих чертах картина была такова: близ городов (обычно они служили резиденциями короля или церковных прелатов) и в наиболее плодородных, равнинных местностях значительная часть земель принадлежала господствующему классу и возделывалась арендаторами, твердой же крестьянского землевладения были по преимуществу горные и труднодоступные части Швеции и Норвегии (Holmsen, 1971, s. 288).

Значительный слой крестьян составляли люди, занятые наемным трудом, — хусманы (*husmenn*), арендовавшие дом, иногда с небольшим клочком земли, батраки и слуги. Эти бедняки не пользовались правами бондов и, считаясь лично свободными, фактически находились в зависимости от своих хозяев. Власти следили за тем, чтобы бедняки, не имевшие собственных хозяйств, не бродили по стране; их заставляли найти себе хозяев и работать на них.

*

Процесс становления крестьянства во всех трех Скандинавских странах (мы оставляем в стороне Исландию, где этот процесс по целому ряду причин шел еще более медленно и половинчато) до конца изучаемого периода протекал в принципе одинаково. Существенные различия в положении крестьян Дании, с одной стороны, и Швеции и Норвегии — с другой, стали заметными с конца XIII — начала XIV в.

Норвежские и шведские крестьяне, не подвергавшиеся такому всеобъемлющему подчинению власти господ, как это произошло во многих других странах Европы, оказались способными сопротивляться нажиму государства и крупных землевладельцев. В XI—XIII вв. во всех Скандинавских странах происходили крестьянские волнения и восстания. В высшей степени показательны, что в Норвегии — стране, где крестьянство сохранило часть своих былых свобод, — его противодействие укреплению новых отношений проявилось с наибольшей силой. Усиление королевской власти и окружавшего ее слоя означало новые поборы и ограничения для крестьян, что в обстановке хозяйственной бедности вело

к тяжелым последствиям для их хозяйства. Возмущения бондов произволом королей многократно зафиксированы сагами.

Максимального накала социальная борьба в Норвегии достигла в последней четверти XII в., когда она вылилась в серию восстаний, известных под названием движения биркебейнеров — «березовоногих» (Helle, 1974, p. 74 f.). В этом движении на время слились воедино борьба претендентов на престол, сепаратистские выступления отдельных областей еще не объединенной страны, конфликты между старой родовой знатью и выдвигавшимся новым служилым слоем, противоречия между норвежской монархией и папской курией и, наконец, сопротивление широких слоев крестьянства установлению новых порядков, которое и придало всему движению особые упорство, длительность и размах. Вождь восставших самозванец Сверрир захватил престол, старая династия пала, и ее опора — лендрманы были разгромлены и частично истреблены. Однако эта победа обернулась для бондов горьким поражением, так как Сверрир и «новые люди», пришедшие вместе с ним к власти, лишь укрепили складывавшееся государство. Биркебейнеры составили кадры нового государственного аппарата и усилили фискальную эксплуатацию крестьян, вызвав тем самым новые выступления бондов в начале XIII в. Все эти выступления были подавлены (Гуревич, 1967, с. 201 и след.).

Из социально-политического кризиса норвежская монархия вышла укрепившейся и способной более эффективно, чем прежде, обуздывать и подавлять крестьянскую массу. Рыцарство и духовенство сплотились вокруг короля (История Норвегии, 1980, с. 147 и след.). То, что крестьянские движения в Скандинавских странах были направлены в первую очередь против королевской власти, особенно наглядно вскрывает специфику процесса формирования крестьянства.

ФОРМИРОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА НА РУСИ

1. Территория. Природные условия. Этнический состав населения

Территория Восточной Европы, на которой происходило формирование класса русского крестьянства, была весьма обширной. По подсчетам Б. П. Урляниса, площадь Киевской Руси в X—XI вв. ко времени образования Древнерусского государства равнялась примерно 1,33 млн. км², а включая северные районы, — 1,8 млн. км², численность населения составляла от 4,5 до 5,3 млн. человек (Урлянис, 1941, с. 84—88). А. И. Яковлев считает территорию Киевской Руси равной примерно 1,5 млн. км², а численность населения определяет в 7,9 млн. человек (Яковлев, 1943, с. 298). Конечно, подсчеты эти весьма условны. Точное определение границ Древнерусского государства неосуществимо, и ни о какой статистике для того времени говорить не приходится. Плотность населения в разных частях страны была неодинаковой, но в целом весьма невысокой. Громадные пространства открывали богатые возможности для колонизации.

Природные условия, в которых протекала историческая жизнь восточных славян, отличались известным разнообразием. Территорию Восточной Европы условно делят на три зоны: на юге — степную; севернее линии, пересекающей среднее течение Прута, Днестра, Южного Буга, Днепра, Дона — лесостепную; на север от Киева, Брянска, Калуги — лесную (Ляпушкин, 1968, карты на с. 48, 97, 113). Установить, какое пространство было занято лесом и степью во времена Киевской Руси, не представляется возможным, но сопоставление современной почвенной карты со сведениями, содержащимися в исторических источниках, приводит исследователей к выводу, что в старину лесов было больше, чем теперь (Любавский, 1909, с. 44—45). Еще древнерусский летописец обратил внимание на равнинный характер страны, которую пересекает сеть речных систем. Из возвышенностей в «Повести временных лет» отмечены лишь Карпаты («Кавкасиинския горы, рекше Угорьски»), из рек же перечислены все главнейшие (Дунай, Днестр, Днепр, Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга) (ПВЛ, ч. I, с. 10).

Географические, природные условия оказывали воздействие на размещение населения и его занятия. Соседство с кочевниками степной полосы определяло границы оседлости древнерусской народности. Наличие больших лесных массивов и болотных трясин приводило к разбросанности населения и к неравномерности его территориального размещения. Естественными средствами защиты от нападений врагов служили береговые мысы рек, леса, болота, под укрытием которых возникали поселки. Осваивались также речные долины с плодородной почвой, удобные для ведения сельского хозяйства. От преобладания чернозема, глины, суглинка, песка зависела степень распространения земледельческой культуры в разных районах. Обилие лесов, рек, озер стимулировало развитие промыслов — охоты, рыболовства, бортничества, причем их соотношение с земледелием в разных частях страны в значительной мере обуславливалось особенностями естественно-географической среды.

Пестрым был этнический состав населения. Основное этническое ядро Древнерусского государства IX—X вв. образовывала древнерусская народность, складывавшаяся на основе объединения ряда восточнославянских племен. В данной зависимости от Киевской Руси находились 22 разноязычных народа (Папуто, 1965, с. 81). Часть этих данников («языщи, иже давь дають Руси») упомянута «Повестью временных лет». Среди них — отдельные народы Прибалтики (литовцы — «литва» и «норма»; земгалы — «змигола»; латыши — «корсь»; ливы — «либь»; эстонцы — «чудь»), Севера (финны — «ямь»; коми — «пермь», «печера»), бассейна Волги и Оки (вепсы — «весь», «меря», «мурома», мари — «черемись», «морьдва») (ПВЛ, ч. I, с. 13). Некоторые народы Прибалтики (латгалы, воль, ижора), Севера и Северо-Востока (корелы, «саамы» — «лопарь», заволочская чудь, ханты — манси — «югра», ненцы — «само-ль») и другие в приведенном перечне отсутствуют, но и они входили в орбиту влияния Киевской или Новгородской Руси. На Северном Кавказе в зависимость от Древнерусского государства попали черкесы и осетины («ясы» и «касоги»). На границе лесостепной и степной зон русские соприкасались с кочевыми народами (тюрками, печенегами, половцами), совершавшими постоянные нападения на южные земли Киевского государства.

Характер хозяйственной жизни и уровень социально-экономического развития отдельных народов были неодинаковы — так же как и степень их подчинения Руси. Среди них можно назвать и земледельцев (например, жителей Прибалтики), и скотоводов (кочевников южных степей), и народы, для которых главными занятиями являлись рыболовство, охота (саамы, коми, югра), и население, сочетавшее земледелие с лесными промыслами (мордва, мари и другие обитатели Поволжья). В связи с этим находятся и различия в общественном строе. Если одни народы (например, некоторые обитатели Севера и Северо-Востока) долгое время оставались на стадии первобытно-общинных отношений, то у других народов процесс феодализации начался раньше и происходил быстрее.

Основное население Восточной Европы составляли, как уже указывалось, славяне. Вопрос о древней истории восточных славян очень сложен и во многом неясен. По словам И. И. Ляпушкина, они представляют собой «составную часть славянской семьи народов» и выделились «в процессе распада славян на многие племена и последующей длительной и сложной перегруппировки их при расселении» (Ляпушкин, 1968, с. 22). Однако восстановить картину их многовекового передвижения за отсутствием достаточно твердых данных трудно.

Восточных славян исследователи генетически связывают с антами, о которых сообщают писатели VI в. — Иордан, Прокопий. Много споров было в связи с попытками отнесения к славянам тех или иных археологических памятников антского и более раннего времени. Что касается последующего периода, то сравнительно недавно И. И. Ляпушкин предпринял пересмотр археологического материала VIII—IX вв. (кануна образования Древнерусского государства), отбора памятников достоверно славянских и нанесения их на карту. Памятники эти разбросаны по большой территории в бассейнах рек Прута, Днестра, Южного Буга, Днепра, Дона, Оки, Волги, Волхова, Западной Двины. Археологическая карта, будучи наложена на схему размещения отдельных групп (союзов племен) восточного славянства, данную в «Повести временных лет»,

позволяет проверить и уточнить летописные историко-географические сведения¹.

«Повесть временных лет» называет 14 восточнославянских земель. Несомненно, естественно-географические и исторические условия накладывали отпечаток на развитие каждой из них. Несмотря на этническую, языковую общность, приведшую к IX в. к созданию единой древнерусской народности, отдельные группы восточного славянства отличались известным своеобразием социально-экономической жизни и культуры. Именно это обстоятельство подразумевает летописец, говоря: «нмяку бо обычай свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой правъ» (ПВЛ, ч. I, с. 14). Поэтому при характеристике истории русского крестьянства приходится учитывать многоукладность социально-экономических отношений и неравномерность их эволюции. К сожалению, источники слишком мало отражают факты такого рода.

2. Развитие производительных сил

Историю крестьян как основного производящего класса феодального общества Руси, очевидно, надо начинать со времени генезиса феодализма. По вопросу о том, когда здесь зародились феодальные отношения, у историков нет единого мнения, однако большинство исследователей считает Древнерусское государство конца IX—XII вв. уже раннефеодальным². Поэтому представляется обоснованным рассматривать становление

¹ Этногенез славян, и прежде всего восточных, продолжает оставаться предметом острых дискуссий. По одним взглядам, это был чрезвычайно длительный процесс, уходящий корнями в III—II тыс. до н. э. и отразившийся в ряде археологических культур в некоторых областях Центральной и Восточной Европы (включая Среднее Поднепровье), причем подчеркивается непрерывность этнического развития (в том числе в границах будущего расселения восточнославянских племен). Наиболее подробно эта концепция изложена в работах Б. А. Рыбакова (*Рыбаков. Геродота Скифия, 1979; Рыбаков. Язычество..., 1981; Рыбаков. Новая концепция..., 1981*). По другим представлениям, ясно рисуемая картина славянского этногенеза прослеживается не ранее второй половины I тыс. до н. э., а последующая его история связана с масштабными миграционными процессами. Детально (с привлечением данных лингвистики и антропологии) эта концепция представлена в исследовании В. В. Седова (*Седов, 1979*). В значительной мере по-новому решаются теперь археологами вопросы славянской колонизации территории будущего Древнерусского государства (независимое от среднего Поднепровья освоение Новгородской земли, сложность процессов славянской миграции в междуречье Оки и Волги, Верхнего и Среднего Поволжья, а также ряд других. См.: *Голубева, 1973; Русанова, 1973; 1976; Седов. Новгородские сопки, 1970; Седов. Славяне..., 1970; Булкин, Дубов, Лебедев, 1978; Финно-угры и славяне, 1979; Никольская, 1981*). Проблемам формирования древнерусской народности посвящен ряд монографий и коллективных сборников последних лет (*Третьяков, 1970; Маеродин, 1971; Славянские древности..., 1980; Формирование..., 1981; Развитие..., 1982*). — *Здесь и далее примеч. редкол.*

² См.: *Актуальные проблемы..., 1970* (статьи С. М. Каштанова и Я. Н. Шапова); *Черепнин, 1972, с. 126—187, 249—250; Становление..., 1972; Шапов, 1972; Рапов, 1977; Рыбаков. Смерды, 1979; Пьянков, 1980, с. 104—207; Алексеев, 1980; Буваков, Преображенский, Тихонов, 1980, с. 19—21, 34—35, 44—45; Янин, 1981, с. 200—282; Свєрдлов, 1983, с. 18—89. Особые позиции в современной советской историографии занимают В. И. Горемыкина и И. Я. Фроянов, взгляды которых по ряду вопросов близки (тезис о господстве или значительной роли рабовладельческого уклада, характеристика древнерусской общины, определение характера государственной власти, государственных налогов и податей и др.). По мнению В. И. Горемыкиной (1970), Древняя Русь (по крайней мере до XII в.) была обществом с господством рабовладельческого способа производства и рабовладельческим государством при значительном удельном весе свободных крестьян-общинников. Критику ее построений см.: *Черепнин, 1972, с. 142, 153, 155, 166, 180; Черепнин, Пашуто, Назаров, 1978, с. 9* (раздел В. Т. Пашуто); *Кизилов, 1973, с. 157—163; Свєрдлов, 1983, с. 91, 151* и др. Согласно концепции*

русского крестьянства с периода, непосредственно предшествовавшего возникновению у восточных славян единой государственности, т. е. примерно с VIII в. Тем не менее источниковедческая база, к сожалению, позволяет оперировать преимущественно более поздним материалом (X—XII вв.).

Основой экономики Руси издревле было сельское хозяйство. Свидетельством этому являются как данные письменных источников, так и найденные остатки земледельческих орудий и зерна хлебных злаков. В южных районах, в степной и лесостепной полосах, в рассматриваемый период было развито пашенное земледелие. Наряду с перелогом существовала двух- и трехпольная система с паровым клином. По вопросу о времени появления тут трехполья и о его удельном весе высказывались различные мнения (Довженок, 1961, с. 103—106, 116—121; Ляпушкин, 1968, с. 138)².

Еще больше неясностей в вопросе о характере земледелия в лесной зоне. Здесь долгое время господствовала подсечная система, которая во второй половине I тыс. стала вытесняться пашенной (Левашева, 1956, с. 21). Для X—XI вв. процесс этот вырисовывается уже достаточно заметно (Кочин, 1965, с. 78). Спорным остается все же, в какой мере в указанное время было распространено двух- или трехполье. Его наличие Б. Д. Греков усматривал в указаниях Новгородской летописи под 1127 и 1161 гг. на посевы «озимицы» и «яри» (НПЛ, с. 21, 31; см.: Греков, 1952, с. 38). А. В. Кирьянов пришел к более решительным выводам, сделанным на основе анализа зерен ржи и пшеницы из слоев XI—XII вв. Обнаружив среди них значительное число сорняков, типичных для злаков, произраставших не на подсеке, а на старопахотных землях, Кирьянов заключил, что в XI—XII вв. паровая система занимала ведущее место в земледелии Новгородской земли; элементы же ее по-

И. Я. Фроянова (1974—1980), распад родоплеменного строя в Древней Руси произошел в конце X — начале XI в., а затем в течение более чем двух веков общество развивалось в направлении феодального, так и не успев завершить этой эволюции ко времени нашествия Батыя. В социально-экономической сфере господствовало свободное крестьянское землевладение и хозяйство, крупная вотчина (княжеская, боярская, церковная) была весьма немногочисленна, по XI в. носила исключительно рабовладельческий характер, а позднее зависимость рабского или полусвободного толка в ней преобладала, хотя и появились первые элементы феодальной зависимости. Дани, кормления и все другие попустушения (или повинности) в пользу государственной власти или его агентов никак не соотносятся с классовой эксплуатацией трудового населения. Само государство (со второй половины XI—XII вв.) вырастает на общинной основе и принимает общинную форму «городских волостей — государств», князья и знать (как связанная с князьями, так и земская) в своей политической деятельности выражают в значительной мере интересы и потребности свободных членов общества таких государств (т. е. свободных горожан и свободных крестьян), причем союзы общин в этих государственных образованиях возглавляет торговоремесленная община главного города. Вассалитет (княжеский, боярский), иммунитет носят дофеодалный характер. Эти построения вызвали решительные возражения. См.: Черепнин, 1976, с. 15—22; рецензия В. Т. Папуто (1982) на вторую книгу И. Я. Фроянова; рецензия Ю. А. Лимонова, М. Б. Свердлова и Я. Н. Шапова (1982); Свердлов, 1983, с. 26—27, 84—85 и др., а также указанные выше работы.

² О развитии земледелия у восточных славян, распространении различных его систем (огневой или подсечно-огневой, переложной или залежной, паровой с двух- и трехпольным севооборотом) в их различном сочетании и в разных зонах (южной — лесостепной, северной — лесной) накопилась в последние годы немалая литература. Один из дискуссионных вопросов (в связи с разной методикой определения состава и удельного веса злаковых сорняков А. В. Кирьяновым и А. П. Раскинцем) — вопрос о мере распространения паровой системы в лесной зоне в XI—XII вв. См.: Шапиро, 1977, с. 37—49; Пьянков, 1980, с. 75—84; Буганов, Преображенский, Тихонов, 1980, с. 27—29.

явились уже с VII в. (Кириянов, 1959, с. 328, 333). Заключение Кириянова было оспорено Г. Е. Кочинным, высказавшим ряд сомнений по поводу точности новой методики изучения зернового материала и по поводу допустимости на ее основе широких выводов. По обоснованному мнению Кочина, на северо-востоке и северо-западе Руси роль подсеки была велика и в XIII в. (Кочин, 1965, с. 78—91).

Из сельскохозяйственных орудий употреблялись рало, плуг, соха. В письменных источниках первые два упоминаются с X в., соха — с XIII в.; археологически она зафиксирована с IX в. (ПВЛ, ч. I, с. 47, 58; Кочин, 1965, с. 43). Найденные археологами железные части названных земледельческих орудий (наральники, сошники, плужные лемехи и чересла) датируются начиная с VII—VIII вв. (Кириянов, 1959, с. 314—315; Довженко, 1961, с. 64—66, 73—75, 85; Ляпушкин, 1968, с. 135—136; Левашева, 1956, с. 23—25).

По-разному рассматривают исследователи вопрос об эволюции пахотных орудий. В литературе довольно широкое распространение получила точка зрения П. Н. Третьякова о происхождении сохи из деревянной бороны — суковатки, употреблявшейся в лесной полосе при подсечном земледелии для разрыхления почвы. Зубья суковатки начали снабжаться железными наконечниками — так якобы получилась многозубая соха, а на ее основе в дальнейшем в связи с развитием пашенного земледелия стала выделяться двузубая соха (Третьяков, 1932, с. 24—26). Однако конкретному материалу, которым можно было бы аргументировать гипотезу Третьякова, слишком мало, и в последнее время она все больше подвергается обоснованным сомнениям. Наличие в древности многозубых сох стали отрицать (Кочин, 1965, с. 52—72) ⁴.

⁴ Возможность превращения суковатки в двузубую соху отрицает и А. В. Чернецов, согласно построениям которого предшественником двузубой сохи было однозубое рало с наральником без плечиков и высоко расположенным центром тяжести. Закономерность подобной эволюции доказывается также наличием сох с укороченным грядилем (дышлом) и набитым поперечным брусом, что дало возможность перейти к оглоблевой (бездышловой) упряжи при соединении бруса с рассохой и исчезновении, следовательно, грядила. Такой взгляд на происхождение русской двузубой сохи не исключает в принципе предположения о возможности применения в древности трех- и многозубых сох, хотя никаких конкретных фактов такого рода нет.

Эволюция пахотных орудий, по А. В. Чернецову, выглядит следующим образом. В лесной (северной) зоне Древней Руси в VII—X вв. были распространены разнообразные рала, с IX—X вв. фиксируются сошники и рассохи (т. е. двузубая соха). Появление именно двузубой сохи объясняется особенностями лесных почв, прежде всего в условиях начала освоения леса под пашню. В последующее время (X—XIII вв.) Чернецов (основываясь на выводах В. Л. Левашевой и А. В. Кириянова) выделяет два типа сошников. Первый тип (относительно небольшие размеры, длинная втулка, узкая рабочая часть — она уступает по ширине втулке — и ряд других) связан типологической близостью с наральниками этой зоны и появлением своим обязан особо тяжелым условиям освоения лесной пашни. Возникновение второго типа (известен с XII в.) было обусловлено особенностями обработки уже окультуренных земель. Именно он послужил основой для последующей эволюции сохи. По мнению автора, могла применяться и однозубая соха. В южной (лесостепной и степной) зоне в VII—X вв. преобладали единообразные широколопастные наральники с плечиками, которые связываются с «четырёхсторонним» ралом с половом (общеславянское пахотное орудие, хорошо известное в Европе). В X—XIII вв. широко распространяется тяжелое усовершенствованное рало (ему соответствуют крупные симметричные наральники), по-видимому, с череслом (для подрезания слоя почвы). Последний находит с IX в. К такому типу орудий с двусторонним отвалом относятся изображенное на миниатюре Радзивиловской летописи, где ясно показаны колесный передок и две рукоятки, что предполагает наличие широкой подошвы. Эти детали позволяют видеть в нем непосредственного «предка» древнерусского плуга, т. е. орудие с односторонним отвалом почвы, для которого характерны асимметричные лемехи. Появле-

Что касается самой двузубой сохи, то ее введение в северной полосе действительно сыграло роль в переходе к пахотному земледелию. Конструктивной особенностью этой сохи в отличие от плуга и широколопастных рал, являлась сравнительно крутая установка сошников к горизонту почвенного слоя: обработка почвы сохой заключалась в рыхлении и перемешивании пласта, а не в его подрезании и обороте (Кочин, 1965, с. 71).

Тягловой силой при пахоте служили лошади, а на юге, возможно, и волю. Из дошедшего до нас древнерусского сельскохозяйственного инвентаря следует назвать еще бороны, железные мотыги, лопаты, топоры (свидетельствующие о том, что сохранялась подсека).

Пахотное орудие плужного типа. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в. с иллюминированного протографа первой половины XIII в. Видны одноколесный передок, лемех на деревянной основе, окованной по краям железом, двусторонний отвал, рукоять с двумя ручками и двумя перекладинами. Упряжь пароконная, прямые оглобли крепятся к твердому хомуту и оси колеса

Хлеб жали серпами (косы использовались для сенокосения). Снопы после просушки в копнах свозили на гумно или складывали в скирды в поле. Молотыба производилась на току цепями. Автор «Слова о полку Игореве», рисуя поле битвы, в качестве образительного средства прибегает к аллегорическому воспроизведению цикла сельскохозяйственных работ: «На Немизе снопы стелютъ головами, молотять чепи харлужными, на тоце животь кладуть, веют душу от тела» (Слово о полку Игореве, 1950, с. 46).

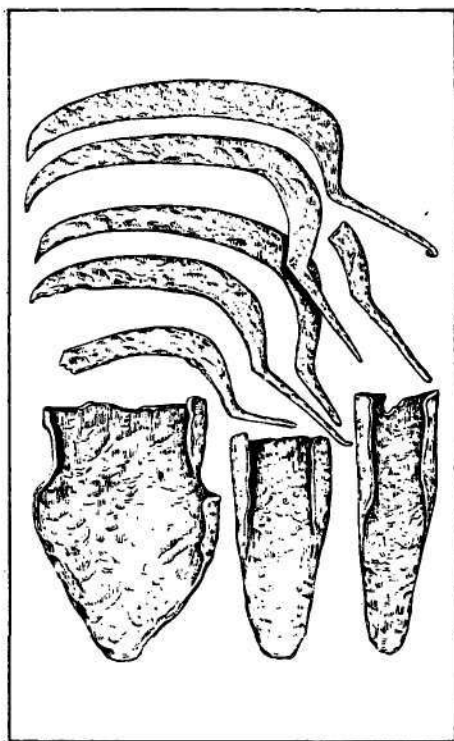
Провеянное зерно хранилось в предназначенных для этого ямах. Его перемол в муку производился при помощи ручных жерновов, их образцы найдены археологами.

Форма плуга относится к первой половине XIII в., а его широкое распространение к XIV—XVI вв. Наряду с тяжелым ралом в X—XIII вв. вновь распространяется рало с узколопастным наральником, применявшееся, по-видимому, для повторной обработки почв. Усовершенствованное рало использовалось также в районах лесной зоны, близких по почвенно-ландшафтным условиям к лесостепи (Чернецов. К вопросу..., 1972, с. 73—82; Чернецов. О периодизации..., 1972, с. 135—148; Он же, 1975, с. 72—82). См. также: Горский, 1970, с. 64—65; Миролюбов, 1977; Шапиро, 1977, с. 15—29; Никольская, 1981, с. 239—240.

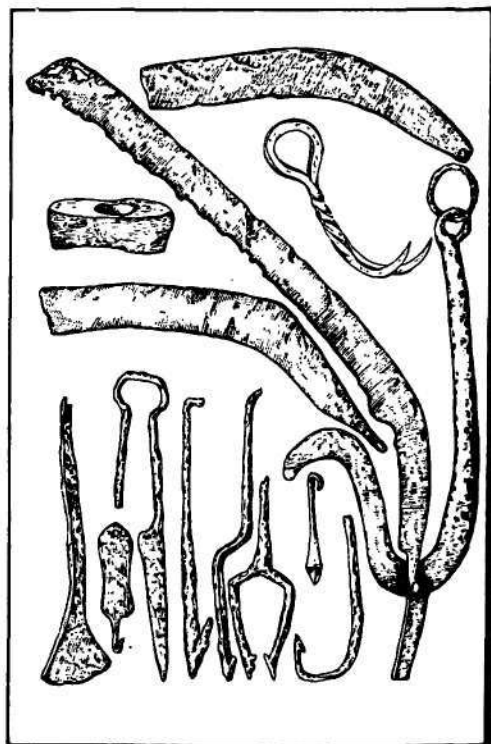
II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

Из зерновых культур в Древней Руси были известны рожь, пшеница, овес, ячмень, просо⁵; из маслично-волоконистых — лен, конопля; из бобовых — горох, бобы, чечевица; из овощей — репа, капуста, лук, огурцы, тыква и пр. (Левашева, 1956, с. 39—75).

Наряду с земледелием и огородничеством большое значение в экономике Руси имело скотоводство. Судя по находкам костей домашних животных, разводились лошади, коровы, овцы, козы, свиньи; из домашних птиц в крестьянском хозяйстве были куры, утки, гуси и пр. О стойловом содержании скота зимой можно судить по упоминанию хлева в Русской Правде и по остаткам хлевов и скотных дворов, обнаруженных

Серпы, плужный лемех, сошники
XII—XIII вв.
(Городище Слободка и Серенск).

Орудия промыслов
и сельскохозяйственных работ.
XII—XIII вв.
(Городище Слободка и Серенск).

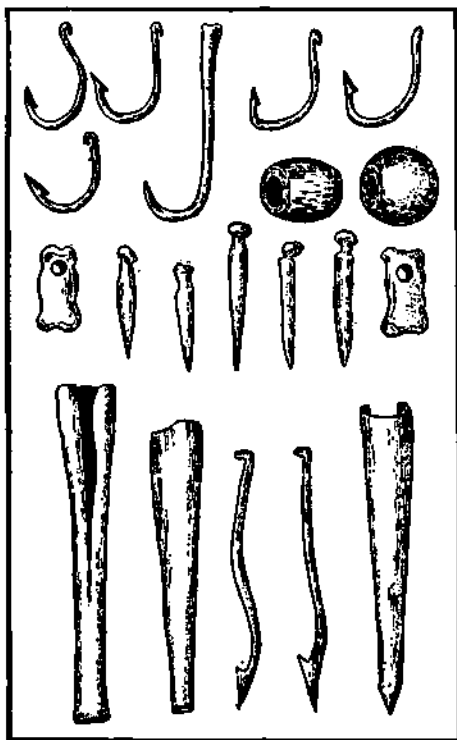
⁵ По данным последних исследований, в южной зоне Древней Руси озимая рожь занимала ведущие позиции уже в X—XI вв., а в XII—XIII вв. ее удельный вес еще более увеличился, достигая 80% всех хлебов. Затем шли пшеница, овес, ячмень, просо, а из зернобобовых — горох и чечевица. В северной зоне рожь также была хорошо известна, в XI—XII вв. ее сеяли в Новгородской земле на старопахотных, а не только на вновь осваиваемых землях. Преобладали пшеница, ячмень (дававший хороший урожай в первые годы при подсечно-огневом земледелии), были распространены овес, просо и другие культуры. Не позднее XII—XIV вв. рожь начинает преобладать и в северной (лесной) зоне, а среди яровых культур на первое место выходит овес (в Новгороде немалое распространение имел ячмень). В XI—XII вв. в западных районах, а в XII—XIII вв. в юго-восточных областях Руси зафиксирована гречиха. Археологические ее находки единичны, хотя эта ценная в пищевом отношении и неприхотливая культура была распространена, скорее всего, повсеместно: Горский,

во время раскопок. Для заготовки сена употреблялись косы-горбуши, грабли; копы металась при помощи деревянных вил. Помимо сена, на корм скоту шли солома и полова. В летописях и Русской Правде имеются сведения о выпасе скота (Левашева, 1956, с. 76—93).

Если земледелие и связанное с ним скотоводство занимали первое место в крестьянском хозяйстве, то немалая роль в экономике деревни принадлежала и промыслам: охоте, рыболовству, бортничеству. В соответствующих географических условиях (лесной зоны) эта роль была особенно значительной. Охотой добывались пушнина и мясо. Из летописей видно, что мехами куниц и белок славяне в IX в. платили дань (хазары с них «имаху... по беле и веверице от дыма»; князь Олег «имаше... по черне куне») (ПВЛ, ч. I, с. 18, 20). Данью лисицами и куницами было обложено население ряда городов и сел Смоленской земли. В большом количестве пушнина поступала на внешний рынок. Ценились бобровые шкурки, в силу чего охота на бобров была широко распространена.

Материалы раскопок в сочетании с письменными источниками дают представление об охотничьих орудиях. Это — луки и стрелы (с железными, костяными, деревянными наконечниками), копы, топоры, дротики, рогатины, которыми поражали добычу. Для поимки зверей и диких птиц применялись также всевозможные ловушки, тенета, западни и т. д. Часто источники говорят о «путниках» (лесных тропах, где расставлялись капканы) и «перевесищах» (просеках, где устанавливались «перевесы» — силки для ловли птиц) (Мальм, 1956, с. 106—115).

Важным занятием населения было рыболовство, что обуславливалось наличием на Руси многих рек и озер. Рыбные угодья («ловища») постоянно упоминаются в источниках. Рыба являлась составной частью крестьянского оброка. Археологи извлекли на свет многочисленные крючки, блесны, грузила, поплавки и другие орудия лова. В качестве колющих орудий применялись острога и пешня. Широко использовались сетевые снасти: сежи, неводы, бредники, мережи. В ходу были также снасти — ловушки, устраиваемые из дерева, лозняка и т. д. Особенно часты в источниках указания на устройство в реках «езов» — частоколов с отверстиями для кошелей, куда заходила рыба (Мальм, 1956, с. 116—128).

Железные, глиняные и костяные орудия рыбной ловли у восточных славян VI—X вв.

1970, с. 40—44; Краснов, 1971, с. 19—20 и др.; Шапиро, 1977, с. 30—36; Горская, Маньков, Панелях, Свердлов, Юргинис, 1977, с. 85—86; Бузанов, Преображенский, Тихонов, 1980, с. 24—25.

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

В лесных угодьях одним из крестьянских промыслов было бортничество (добыча меда диких пчел), особенно распространенное в междуречье Оки и Волги, в Муромо-Рязанской земле, а также в некоторых районах земель Новгородской и Смоленской. Мед и воск включались в состав дани, оброка, они вывозились на внешний рынок. Бортовые «ухожаи» — участки леса — представляли большую ценность. На «бортах» — деревьях с дуплами, где водились пчелы, — крестьяне ставили свои «знамена» (владельческие знаки) и начинали их эксплуатировать. С течением времени стали делаться и искусственные дупла. Об орудиях бортного промысла можно судить по сохранившимся в слоях древних поселений древолазным шипам (при помощи которых взбирались на деревья) и медорезкам (посредством которых извлекали мед из бортей). Пасечное пчеловодство в то время развития, по-видимому, еще не получило (Мальм, 1956, с. 129—135). Поиски промысловых угодий являлись одним из существенных факторов крестьянской колонизации.

В настоящее время собран и уже обработан значительный материал, характеризующий домашнюю крестьянскую промышленность. Ее распространенными видами были прядение и ткачество, вызванные к жизни потребностями в изготовлении одежды и других предметов первой необходимости. Раскопки предоставили в распоряжение археологов веретена и большое количество пряслиц. О приемах ткачества можно судить на основе дошедших до нас древнерусских тканей. М. Н. Левинсон-Нечаева обследовала 85 их образцов X—XIII вв. и пришла к выводу, что древнерусский ткацкий станок был прототипом станка XIX в. и отличался от него лишь большей простотой устройства (неподвижность стана, отсутствие заднего навоя и рамы, упрощенная система блоков и пр.). Материалом для тканей служила пряжа из овечьей шерсти и растительного волокна, материал для окраски ткани давали растительные красители (Левинсон-Нечаева, 1959, с. 9—37).

Скотоводство доставляло сырье для кожевенного производства, в частности для сапожного дела, которое в деревне находилось на уровне домашнего ремесла. Найдены образцы плетеных подошв от лаптей и другие остатки кожаной обуви. Сельское население изготовляло различные сорта кожи. Немалое распространение в деревне получило скорняжное дело — пошивка шуб из овчины и звериных шкур.

Если в городе косторезное искусство достигло значительного уровня, то в деревне техника выделки костяных изделий имела примитивный характер (рабочим орудием служил простой железный нож) (Левашева. Обработка кожи..., 1959, с. 38—60).

В значительной мере на стадии домашних ремесленных занятий оставалась обработка древесины. Дерево использовалось в качестве материала для постройки жилищ. Из него выделывались мебель, посуда, сельскохозяйственный инвентарь, лодьи и лодки, телеги, лыжи, орудия охоты и рыбной ловли, различные инструменты и т. д. Луб (лыко) и береста шли на заготовку лаптей, веревок, туесов (разновидность посуды), рыболовных снастей и пр. Береста служила также для письма (Левашева. Изделия из дерева..., 1959, с. 61—93).

Таким образом, значительная часть домашних промыслов еще не отделилась от сельского хозяйства (Рыбаков. Ремесло..., 1948, с. 182—188; Левашева. Добывание..., 1959, с. 103). Некоторые из них (например, смолокурение, бондарное дело) были сезонными (Рыбаков. Ремесло..., 1948, с. 87—95, 122—140).

Из отраслей деревенской промышленности, приобретавших характер ремесла, надо прежде всего назвать металлургическое (железоплавильное и железообрабатывающее) производство (Колчин, 1953). Сельские металлурги были знакомы с техникой сыродутного процесса. Особый интерес представляют горны близ села Григоровки, Могилевского района, Винницкой области, изученные М. И. Артамоновым. Здесь, около старого славянского поселения VIII—XI вв., на площади 1400 м² обнаружено 30 железоплавильных печей (причем некоторые неплохо сохранились). Печи представляют собой ямы, обмазанные внутри глиной. Эта находка — единственная в своем роде и по указанию на размеры производства, и потому, что она дает цельное представление о производственном процессе: здесь железо не только добывалось из руды, но и подготавливалось в качестве материала для кузнечного дела (Ляпушкин, 1968, с. 142—144; Успенская, 1959, с. 105—122). Однако следы металлургического производства (остатки сыродутных печей, железных криц, шлаков, руд) зарегистрированы во многих местах. На карте, составленной А. В. Успенской, такие находки отмечены в 27 селищах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X — начала XIII в. (Успенская, 1959, с. 117).

Размещение очагов железоплавильного дела находилось, конечно, в зависимости от наличия сырьевой базы. Что касается деревенских ремесленников — кузнецов, то их деятельность уже не была связана непосредственно с местами добычи руды, и они были рассредоточены по ряду деревень. О работе кузнецов можно судить по находкам как средств и орудий производства (горнов, шлаков, молотков, клещей, зубила пр.), так и произведенной ими продукции (Ляпушкин, 1968, с. 144—145).

Среди деревенских ремесленников были также ювелиры, занимавшиеся обработкой цветных металлов (серебра, меди, свинца и т. п.). Интерес представляют остатки двух ювелирных мастерских VIII—IX вв., найденных при раскопках поселения Новотроицкого на берегу реки Псла. Это полуземляночные помещения с печами-горнами. Там обнаружены глиняные тигли для плавки металла, бронзовая матрица для тиснения поясных бляшек, точильные камни и сырье — металлический лом, серебряные монеты.

Ремесленный характер имело производство глиняных изделий, прежде всего посуды. Выделение этой отрасли ремесленной деятельности было связано с появлением (примерно с IX в.) гончарного круга. Лепная керамика начинает вытесняться круговой. Гончарный круг в целом виде при раскопках не обнаружен, найдены лишь отдельные его детали. Б. А. Рыбаков сделал попытку его реконструкции по этнографическим данным (Рыбаков. Ремесло..., 1948, с. 163—182; Мальм, 1959, с. 123—148; Ляпушкин, 1968, с. 148—149).

Наличие в деревне отдельных отраслей ремесла не меняет общего вывода о том, что она жила натуральным хозяйством. Рост общественного разделения труда приводил к развитию городов как ремесленно-торговых центров, их роль усиливалась во второй половине XI — и в XII в., но связь города с деревней оставалась слабой. Продукты сельского хозяйства попадали на рынок или как прибавочный продукт крестьянского труда, присвоенный представителями господствующего класса в качестве дани либо оброка, или же как излишки.

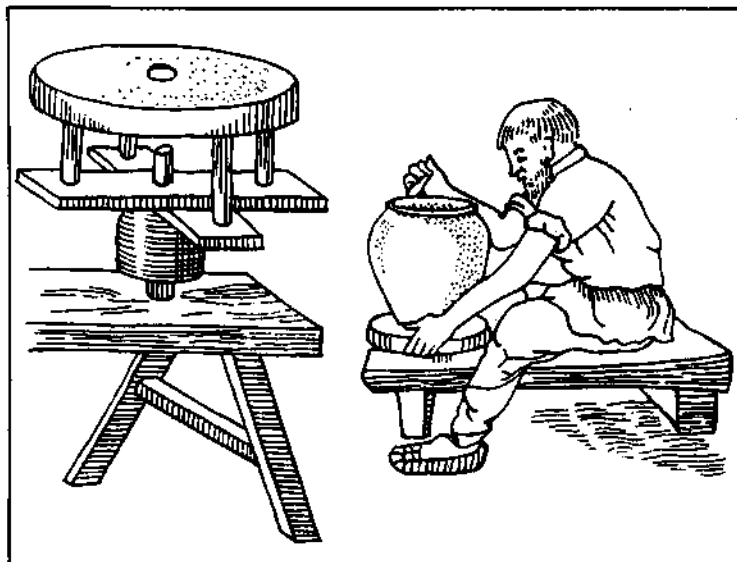
Товарное производство в деревне было развито очень незначительно, хотя на городские торги и попадала продукция земледелия, скотоводства, промыслов. Как уже говорилось, отдельные статьи крестьянской данн

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

и оброка (воск, пушнина и т. д.) экспортировались в качестве товаров за границу.

Сельские ремесленники — кузнецы, ювелиры, гончары, — по-видимому, в основном работали на заказ, хотя не исключено, что в какой-то мере велось и производство изделий на продажу. Район сбыта отдельных деревенских ремесленных изделий был невелик. Для кузнечных изделий Б. А. Рыбаков определяет его в 10—30 км (Рыбаков. Торговля..., 1948, с. 351).

Городская ремесленная продукция распространялась в деревне городскими мелкими торговцами — «гостебниками» — предшественниками

Реконструкция древнерусского гончарного круга, конец I тысячелетия

позднейших коробейников. Попадали в сельские местности и импортные товары. М. Ф. Фехнер попыталась поставить вопрос об экономических связях древнерусской деревни на примере массового материала, найденного в курганных погребениях Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, — бус. Она обследовала свыше 26 тыс. экз. бус (как привезенных из стран Востока, так и местного городского производства) и пришла к выводу, что огромное их количество в курганах свидетельствует о значительном участии сельского населения во внутренней торговле. Делает автор и более широкое заключение: очевидно, не вся деревенская продукция сельского хозяйства и промыслов, поступавшая на внутренний и внешний рынок, отчуждалась у крестьян на основе феодального права (Фехнер, 1959, с. 149—173).

3. Поселения. Древнерусская община

И. И. Ляпушкин систематизировал археологические данные о славянских поселениях лесостепной полосы VIII—IX вв., накануне образования Древнерусского государства (о поселениях лесной зоны приходится судить по более поздним материалам). В лесостепной полосе поселения рас-

полагались «гнездами», по три-четыре, на расстоянии до 5 км одно от другого. Расстояние между «гнездами» достигало в среднем 30—40 км, но иногда доходило до 100 км и больше. Жилища были небольшие, площадью в 10—20 м², и в них проживало четыре-пять человек. Это — жилища малых семей. Они представляли собой полуземлянки. Стены им облицовывались деревом. По краям им возводились столбы, поддерживавшие двух- или трехскатные крыши. Внутри жилищ были печи, иногда открытые очаги. Вдоль стен устраивались лавки, в одном из углов иногда делался погребок. Около жилищ сооружались хозяйственные постройки полуземляночного или наземного типа. В лесной полосе жилища строились наземные, рубленые (Ляпушкин, 1968, с. 128, 166, 172 и др.)⁶.

А. В. Успенской и М. В. Фехнер составлена (по археологическим и письменным источникам) карта поселений, а также курганных могильников Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X — первой половины XIII в., куда нанесено 425 сельских поселений и около 1500 курганных могильников, часть которых принадлежала жителям древнерусской деревни. Авторы подвергли анализу до 170 памятников (Успенская, Фехнер, 1956, с. 7—18). В. В. Седов вывел для изучения сравнительно небольшой участок в центральной части Смоленской земли, но обследовал его полностью и всесторонне за большой хронологический отрезок, выявив 168 памятников VIII—XV вв. (селищ, городищ, курганных могильников) (Седов, 1960).

По данным М. В. Фехнер, большинство деревень было вытянуто вдоль водоемов. Застройка применялась по преимуществу прибрежно-рядовая. Деревни были сравнительно малодворными: около 70% имело по 3—6 дворов, 30% — по 7—12 и больше (Фехнер, 1967, с. 278).

По данным В. В. Седова, поселения VIII—X вв. были крупнее последующих. Уменьшение поселений автор связывает с переходом от подсечного земледелия, требовавшего применения сил больших коллективов, к пахотному (Седов, 1960, с. 24).

Термин «деревня» в письменных источниках до XIV в. отсутствует. Сельские поселения носили название «веси» (это слово упоминается главным образом в памятниках церковно-поучительной литературы, причем, как правило, в общей форме, в противопоставлении городам) и «села». Обозначая вначале поселение свободных земледельцев, термин «село» в дальнейшем, с установлением феодальных отношений, стал применяться преимущественно по отношению к пунктам, принадлежавшим светским и духовным феодалам и населенным зависимыми от них людьми.

Ко времени образования Древнерусского государства господствующей формой общественной организации у славян (по крайней мере, в районах, наиболее развитых в социально-экономическом плане) была соседская, а не патриархальная община. На севере она именовалась «погостом», или «миром», на юге — «вервью». Община могла совпадать с селом (или же состоять из нескольких сел — в таком случае термин «погост» в документах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси означает и центральное поселение общины).

Письменные источники рисуют погосты на том этапе, когда они уже были включены в сферу воздействия государственной администрации, стали центрами сбора дани и княжеского суда. Отсюда иногда делается вывод, что погост — территориальная единица, образованная князья-

⁶ Весь известный к середине 70-х годов археологический материал о древнерусском жилище VI—XIII вв. обобщен и тщательно исследован П. А. Раппопортом (1975).

ми для фискальных и административных целей (Романов, 1960, с. 341—375; Фроянов, 1966, с. 72). С этим согласиться трудно. Многие погосты как административно-податные пункты возникли на старой общинной основе дофеодального времени⁷. Показательны также исследования археологов. В. В. Седов выделил из числа смоленских селищ ряд поселений древних дофеодальных общин. Признаки, которыми он при этом руководствовался, следующие: крупные размеры поселения; наличие поблизости курганного могильника (общинного кладбища); наличие (тоже поблизости) города-убежища или культурного городища; большая древность крупного поселения по сравнению с другими той же группы, что дает возможность рассматривать его как «родоначальное».

Под наименованием «вервь» община упоминается в Русской Правде. Нам не кажется плодотворным спор, ведшийся между С. В. Юшковым и Б. Д. Грековым по вопросу о том, что представляла собой вервь: патриархальную большую семью (Юшков, 1939, с. 8—12) или соседскую общину (Греков, 1952, с. 58—82). На наш взгляд, исторически подходя к вопросу, исследователь должен сделать вывод, что термин, сначала относившийся к организации, основанной на кровных связях, затем был перенесен и на общину сельскую (Романов, 1960, с. 360)⁸.

Русская Правда рассматривает вервь под определенным углом зрения, отражающим интересы раннефеодального государства. Речь идет об ответственности общины за преступления, совершенные ее сочленами (которые Правда называет «люди»). Княжеская власть возлагает на вервь некоторые судебно-розыскные функции (поиски убийцы, вора. См.: РП Кр. ред., ст. 19, 20, 38; РП Пр. ред., ст. 3—8, 19, 40, 70, 77.—Цит. по: РП, в. I, 1952). Внутренние взаимоотношения между общинниками Правда не раскрывает. Мы знаем лишь, что общинники связаны между собой круговой порукой и участвуют в уплате «дикой виры» (штрафа за убийство, который вносится коллективно) в соответствии с мирской разверсткой (РП Пр. ред., ст. 5). Указания на общинный суд содержатся в статье, говорящей об «изводе пред 12 человека» в случае долговых исков, или в статье, запрещающей «мучить» (т. е. подвергать пытке) смерда «без княжа слова» (РП Кр. ред., ст. 15, 33; РП Пр. ред., ст. 78).

Очень темн из-за отсутствия источников вопрос о поземельных отношениях внутри соседской общины. И. И. Ляпушкин видит «одну из основных пружин ее развития» в борьбе между «старыми коллективными устоями жизни... и нарождающимися индивидуальными (частнособственническими)...». «Первоначально земля подвергается периодическим переделам, а в конце концов делится навсегда. Лишь выгоны, сенокосы да

⁷ Воронин, 1935, с. 20—36; см. также: Черепнин, 1972, с. 149—150; Янин, 1981, с. 274—276, 281—282; ср.: Рыбаков. Смерды, 1979, с. 46—47.

⁸ По мнению И. Я. Фроянова, вервь сочетала в себе и родственные и соседские связи, занимала промежуточное положение между семейной и территориальной (соседской) общиной и была, таким образом, по своему типу сельской общиной (Фроянов, 1980, с. 19—26). Я. Н. Шапов видит в верви соседскую общину, состоявшую из больших и малых семей (Шапов, 1975, с. 13—18, 21). Л. В. Черепнин в одной из последних своих работ отметил, что в верви действительно сочетались и родственные и соседские связи (Черепнин, 1976, с. 17). Особую (и не вполне ясную) позицию занимает В. И. Горемыкина: согласно ее взглядам, вервь являлась патронимией, выделенной из родовой общины и, в свою очередь, входила в состав «мира волости». Последняя, однако, не была ни территориальной, ни земледельческой (сельской?) общиной, как не была ею и вервь. Кроме вервей-патронимий в «мир-волость» входили также «братские» и патриархальные семьи старого типа (Горемыкина, 1973, с. 123—145). Критику ее построений и методики исследования см.: Кизилов, 1973.

лесные угодья остаются в общинном пользовании» (Ляпушкин, 1968, с. 167). Для России это чисто умозрительное построение. Мы ничего не знаем о периодических земельных переделах, да и сомнительно, были ли они вообще⁹. Однако возрастающий дуализм в отношении собственности несомненен. Появляются крестьяне — мелкие собственники (владельцы дворовых и пахотных участков). Хозяйство такого крестьянина наглядно выступает из записанной под 1103 г. в летописи речи Владимира Мономаха, посвященной опасности половецкого вторжения: «...оже то начеть орати смердь, и приехавъ половчинъ ударить ѿ стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехавъ иметь жену его и дети его, и все его имень» (ПВЛ, ч. I, с. 183). Село — это земельный участок смерда, у которого семья, имущество, лошадь. Следы права на отчуждение крестьянами-общинниками своей земли (уже сильно видоизмененного) отразились в дошедших до нашего времени более поздних источниках XIV—XV вв. За общиной сохранялось право распоряжения выморочными, брошенными, участками, пустошами, лугами, лесами: об этом тоже говорят более поздние документы¹⁰.

4. Генезис феодализма

Известны три линии, по которым шло развитие форм феодальной собственности и обращение сельского населения в зависимое от господствующего класса. Во-первых, происходило «окняжение» земли и обложение свободных общинников данью, перераставшей в феодальную ренту. Так складывалась государственная собственность, получившая впоследствии наименование «черной». Во-вторых, наблюдалось расслоение соседской общины, из которой выделялись крестьяне-аллодисты, превращавшиеся затем в феодалов, и безземельные люди, труд которых присваивался землевладельцами. Наконец, в-третьих, собственники-феодалы сажали на землю рабов, становившихся зависимыми крестьянами.

Для времени до середины XI—XII в. господствующей формой феодальной собственности была государственная, господствующим видом эксплуатации — взимание дани. К XII в. складывается землевладение княжеское (домениальное), боярское, церковное, основанное на присвоении прибавочного продукта, произведенного трудом зависимого крестьянства и посаженных на землю холопов¹¹.

Процесс расслоения древнерусского общества (в том числе и общины), хорошо вскрываемый летописным рассказом об убийстве древлянами князя Игоря в 945 г. (см. об этом эпизоде ниже), дает заметные результаты уже к началу X в. Так, в договорах Руси с Византией X в. упоминаются «светлые и великие князи», «князи», «великие бояре», «бояре» («боляре») (ПВЛ, ч. 1, с. 25, 26, 35).

Наиболее ранней формой эксплуатации крестьян киевскими князьями являлась дань (продуктами сельского хозяйства, промыслов, деньга-

⁹ Точка зрения Л. В. Черепнина подтверждается фактами: первый документально зафиксированный полный передел земель в дворцовой общине-волости относится ко второй четверти XVII в. Частичные переделы (поравнения) известны по источникам по крайней мере с начала XVII в. (ПС ЭИ, с. 283—286, 304—317; АТН, № 66, с. 81—82). Не исключено, что поравнения вошли в практику в ряде областей страны еще ранее — с первой половины — середины XVI в.

¹⁰ Коланев, 1951, с. 190; см. также: Черепнин, 1971, с. 13—16, 25; 1972, с. 156—157, 210—229.

¹¹ См. также: Черепнин, 1972, с. 149—166, 249—250.

ми), которой они облагали сельское население подчиненных восточнославянских земель. Присоединенные территории начинали рассматриваться верховными правителями как государственная собственность. Право на сбор дани с определенных областей получали княжеские дружинники. Так, «мужу» Игоря Свенельду была пожалована для этих целей Древлянская земля. Первоначально взыскание дани производилось посредством «полюдьа», т. е. поездок княжеских дружинников в подвластные земли, где они кормились за счет населения до тех пор, пока не собирали всего, что полагалось. Термин «полюдь» имел два значения: форма взыскания дани — объезды представителями правящего класса подчиненных общин — и тот корм, который ими при этом брался.

Дань раскладывалась по погостам и взыскивалась с «двора», «дыма», «рала», «шлуга», т. е. с отдельных крестьянских хозяйств. В связи с этим погосты как поселения соседских общин приобретают новое значение — административно-фискальных округов. С именем княгини Ольги летопись связывает проведение в 946—947 гг. ряда мероприятий, направленных на укрепление княжеской власти в пределах сельских территорий: нормирование повинностей, получавших регулярный характер («уставляюща уставы и уроки»), устройство погостов как постоянных центров сбора дани («устави... повосты и дани...») (ПВЛ, ч. I, с. 43). Система «полюдьа» постепенно сменяется «повозом», т. е. доставкой дани в определенные центры — погосты (ПВЛ, ч. I, с. 59).

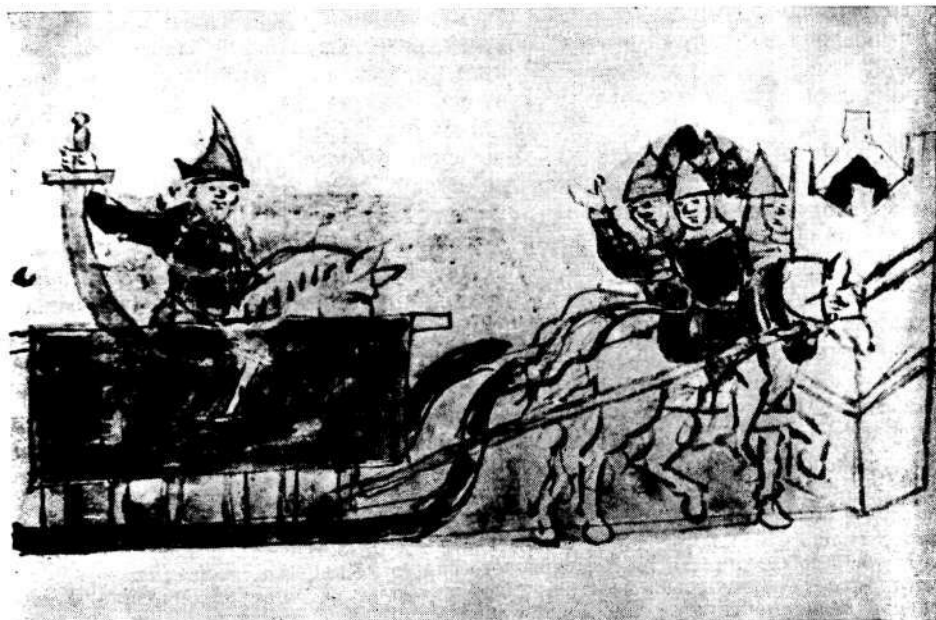
Смерды и данники стали подчиняться княжеским судебным органам. Система штрафов в княжескую казну («продаж») заменила платежи в пользу потерпевших («за обиду»).

Общинники постепенно утрачивали возможность свободно пользоваться доходами со своих земель, становившихся верховной собственностью государства, право самим распоряжаться продуктами своего труда, часть которых присваивалась господствующим классом в форме дани. Считая крестьянские земли государственными, княжеская власть начинала отчуждать их по своему усмотрению, причем вместе с крестьянами. От XII в. об этом имеются уже ясные свидетельства. В 1130 г. великий князь Мстислав Владимирович велел своему сыну Всеволоду принести в дар новгородскому Юрьеву монастырю село Буйце с данью, «вирами» и «продажами» (т. е. судебными штрафами за убийство и другие преступления), а сам, кроме того, «далъ рукою своею и осеннее полюдь даровное» (ГВНП, с. 140—141, № 81). Князь Всеволод Мстиславич передал тому же монастырю рель (луг) на Волкове и Терпужский погост Ляховичи «съ землею, и съ людьми, и съ коньми, и съ угодьми. Большой интерес представляет грамота князя Изяслава Мстиславича 1134—1148 гг. Пантелеймонову монастырю на село Витославицы со смердами и на другие земли (ГВНП, с. 139, № 79; с. 139—140, № 80; с. 141, № 82; Ист. арх., 1955, № 5, с. 204—207)¹². Под 1158 г. Ипатьевская летопись упоминает вклад в Печерский монастырь, сделанный князем Ярополком Изяславичем, умершим в 1086 г.: «Сии бо Ярополк вда всю жизнь свою Небльскую волость, и Дервьскую, и Лучьскую, и около Киева» (ПСРЛ, т. II, стб. 492). В Лаврентьевской летописи под 1158 г. говорится, что князь Андрей Боголюбский заложил во Владимире «цер-

¹² В. Л. Янин датирует указанные акты 1134 г., устанавливая точное месторасположение села Буйце, а также погоста Ляховичи, и определяет их размеры (территория Ляхович, в частности, простиралась до 40 км с севера на юг и до 20 км с запада на восток): Янин, 1977, с. 60—80; 1981, с. 231—240.

ковь камену святую Богородицю» и пожаловал ей «много именья, и свободы купленыя и з даньми, и села лепшая» (ПСРЛ, т. I, стб. 348). Здесь, очевидно, имеются в виду две разновидности земельной собственности: земли, населенные крестьянами-данниками, и домениальные княжеские села.

Следовательно, процесс «окняжения» территории соседских общин приводил к их феодализации, к созданию фонда земель, которые впоследствии получили название «черных», к превращению дани в феодальную ренту¹³. Постепенно часть земель, население которых эксплуатировалось посредством взимания дани, переходила к князьям как феодалам-соб-

Сани и конская упряжь. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в. с иллюминированного протографа первой половины XIII в. Рисунок иллюстрирует текст о покушении на князя Ярополка. Длинные прямые оглобли крепятся к твердому хомуту и к первому поперечному брусу, соединяющему полозья саней

ственникам, и они начинали эксплуатировать живших на этих захваченных землях крестьян, взимая с них оброк или заставляя их работать на барщине.

¹³ Об особой точке зрения на дань В. И. Горемыкиной и И. Я. Фроянова см. выше. Промежуточную позицию занимает А. Л. Шапиро (Аграрная история..., 1971, с. 67—70). Из работ последнего десятилетия см. также: Черепнин, 1972, с. 151—155; Курмачева, Назаров, 1974, с. 176—177 (раздел В. Д. Назарова); Назаров, Пашуто, Черепнин, 1976, с. 29 и др.; 1978, с. 23, 33—36; Черепнин, Пашуто, Назаров, 1978, с. 10, 16—20. В указанных работах развивается наиболее распространенная среди советских историков точка зрения на генезис и характер государственной эксплуатации, в связи с чем уточняются два аспекта: 1) в дани (как и во всей совокупности государственных налогов и повинностей феодального общества) на уровне социологического анализа выделяются как рентная сторона (она является ведущей), так и моменты, связанные с публично-правовыми прерогативами государства; 2) рентный характер дани вытекает не только из складывающейся государственной (формирую-

Термин «село» применительно к собственно княжеским именьям употребляется источниками XI—XII вв. лишь в рассказах о событиях с X в. Так, в летописи упоминаются села княгини Ольги по Днепру и Десне (ПВЛ, ч. I, с. 43; см. также: НПЛ, с. 113); село Предславино на том месте, где князь Владимир «посади» одну из своих жён — Рогнеду полоцкую (ПВЛ, ч. I, с. 56); село, где Владимир держал наложниц (получившее затем наименование Берестово) (ПВЛ, ч. I, с. 57). В Новгородской летописи под 1016 г. упоминается село Ракома — местопребывание князя Ярослава (НПЛ, с. 174). Устюжский летописец под 970 г. называет село Будотино, куда княгиня Ольга сослала свою ключницу Малку (Малушу) (УЛС, с. 27).

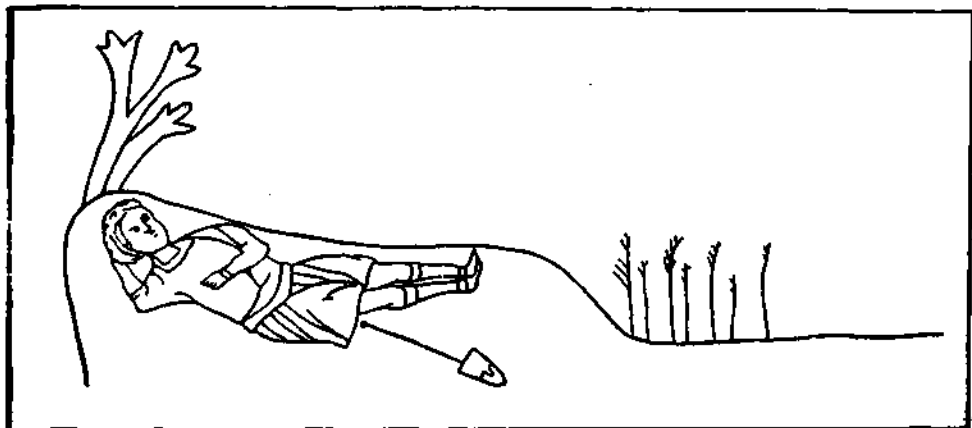
Некоторые историки относятся к приведенным данным с недоверием: слишком далеки источники от событий, о которых в них идет речь; возможно, перед нами позднейшее припоминание, а, может быть, и домысел. Однако для второй половины XI в. исследователи располагают источником, уже бесспорно свидетельствующим о наличии княжеского домена, — это Правда Ярославичей, датируемая, скорее всего, 1072 г. А ведь земельная собственность складывается не сразу. Поэтому при всем критическом отношении к известиям о селах X в. их нельзя просто отбросить¹⁴. Более подробны сведения о княжеских именьях для XII в. Так, под 1146 г. летопись красочно описывает села князей Игоря Ольговича черниговского и Святослава Ольговича путивльского — со множеством челяди, с дворами, гумнами, кладовыми, погребями, запасами вина, меда, с табунами коней и т. д. Интересна грамота князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии от 1136—1137 гг.: в ней названы княжеские села, с которыми можно связать сохранившиеся до сих пор на Смоленщине селища (ПРП, вып. II, с. 41; см. также: ДКУ, с. 143; Седов, 1960, с. 49).

шегося класса феодалов в целом) собственности на землю, но и из корпоративно-феодальной собственности господствующего класса на личность производителя (в том или ином объеме), которая целиком и полностью не сводима, как правило, к поземельной зависимости крестьян. Совсем недавно В. Л. Янин показал на археологических источниках, что соучастие новгородского боярства (находящегося в процессе формирования) в государственной эксплуатации крестьянства совместно с княжеской властью фиксируется не позднее 70-х годов X в. Выделение в Новгороде особого вида государственно-корпоративной собственности на землю (носителем которой было новгородское вече) из княжеско-государственной произошло на рубеже XI—XII вв. (Янин, 1981, с. 272—283; 1982, с. 138—155; Назаров, 1984, с. 112—121). Попытку анализа налогообложения на Руси IX—XI вв. см.: Свердлов. Из истории..., 1978, с. 144—150. Автор видит в дани и других формах податного обложения средство реализации верховной земельной собственности раннефеодального государства, но при этом полагает, что крестьянская поземельная собственность (ранее неограниченная) продолжала сохраняться в качестве особого вида феодальной земельной собственности, эксплуатируемой государством (Свердлов. Генезис..., 1978; Свердлов, 1980; ср.: Свердлов, 1983, с. 56—64, 78—89). По наблюдениям Ю. Л. Бессмертного, сочетание государственных и сензоральных элементов эксплуатации характерно для всех видов феодальной земельной собственности (в разном соотношении) на этапе развитого феодализма, что генетически, возможно, восходит к эпохе складывания феодальной формации (Бессмертный, 1980).

¹⁴ См.: Черепнин, 1972, с. 157—159. О. М. Рапов отнес складывание княжеского землевладения во времени не позднее IX—X вв. (Рапов, 1977). По Л. В. Алексею, доменальные владения князей в Смоленском княжестве сформировались в несколько приемов на протяжении второй половины XI — середины XII в. По В. Л. Янину, формирование княжеских владений доменального типа в Новгородской земле происходит на рубеже XI—XII вв. в связи со складыванием государственно-корпоративной верховной земельной собственности Новгорода (Янин, 1981, с. 241—249, 272—281; см. также: Назаров, 1984, с. 112—121; Свердлов, 1983, с. 56—74, 106—135 и др.).

Трудно сказать, когда появляется на Руси боярское феодальное землевладение. Этот вопрос пока еще не разрешен исследователями из-за недостатка источников. Противоречивы мнения археологов.

Б. А. Рыбаков, исследуя черниговский некрополь, датированный им IX—X вв., и сопоставляя курганные группы, окружающие город, с летописными названиями сел, делает вывод: «...рассредоточенность дружинных погребений может быть объяснена появлением у дружинников земельных владений вокруг города» (Рыбаков, 1949, с. 51—52). К несколько иному выводу приходит на основе анализа смоленских владельческих поселений замкового типа В. В. Седов. По его мнению, время появления

Отдыхающий крестьянин с лопатой.

Рисунок на полях псковской рукописи XIII в. Надпись: «делатель трудися». На крестьянине короткая рубаха-косоворотка; штаны заправлены в высокие сапоги. Лопата деревянная с железной оковкой нижней части

феодалных укрепленных усадеб падает на конец XI — начало XII в. (Седов, 1960, с. 124—126).

Что касается письменных источников, то в Краткой редакции Русской Правды нет данных о боярском землевладении, и только в Пространной редакции (складывавшейся в конце XI—XII вв.) мы находим сведения о «боярском тиуне», «боярском рядовиче», «боярских холопах», «боярской заднице» — наследстве (РП ПР. ред., ст. 1, 14, 46, 66, 91). В летописях в качестве обозначения имений бояр термин «село» встречается также со второй половины XI в., а преимущественно с XII в. Вот хотя бы несколько, правда хорошо известных, примеров. В 1096 г. князь Мстислав Владимирович, прервав военные действия, «распусти дружину по селом», а через некоторое время снова ее собрал для продолжения войны (ПВЛ, ч. I, с. 169). В 1146 г. киевляне «разграбиша... дружины» князя Игоря и Всеволода Ольговичей «...и села и скоты, взяша именья много в домехъ и в монастырехъ» (ПСРЛ, т. II, стб. 328). В 1150 г. князь Ияслав Мстиславич говорил своим дружинникам: «...вы есте по мне из Рускы земли вышди, своихъ сельъ и своихъ жизни и лишився» (ПСРЛ, т. II, стб. 409). В 1177 г. войска князя Всеволода Юрьевича «села боярская взяша и кони и скот». В том же году рязанский князь Глеб Мстиславич «села пожже боярская» (ПСРЛ, т. 1, стб. 382—383).

Итак, наличие у дружинников имений во второй половине XI—XII вв.—факт бесспорный, но, поскольку феодальная собственность на землю складывается медленно, надо думать, что первые сведения о ней (как и о княжеском домене) попали в источники позднее того времени, когда она зародилась¹⁵.

В вопрос о церковном землевладении значительная ясность внесена благодаря трудам Я. Н. Шапова¹⁶. Он доказал, что после принятия христианства, в X—XI вв., церковь существовала на средства, выделяемые государством в виде десятины от дани, судебных и торговых пошлин. Значение десятины падает с ростом феодальной земельной собственности церкви. Источником роста служат княжеские пожалования, сведения о которых относятся ко времени не ранее второй половины XI в., а в большей мере — к XII в. В «Сказании о начале Киево-Печерского монастыря», включенном в «Повесть временных лет», говорится, что князь Изяслав Ярославич пожаловал монастырю «гору», недалеко от села Берестова (ПВЛ, ч. 1, с. 106) (этот вклад датируется 1061—1062 гг.) (Шапов, 1965, с. 33). В конце XI в., видимо, киевский митрополит Ефрем II (1092—1096 гг.) дал Печерскому монастырю в Суздале церковь с селами (ПВЛ, ч. 1, с. 169; Шапов, 1965, с. 332). Выше говорилось о вкладе в Печерский монастырь трех волостей князем Ярополком Изяславичем (до 1086 г.) (ПСРЛ, т. II, стб. 492). Его дочь в 1158 г., следуя примеру отца, сделала монастырю новое пожалование — пять сел с челядью (ПСРЛ, т. II, стб. 492—493).

Из новгородских материалов ранее были уже названы данные грамоты XII в. на земли князей Мстислава, Всеволода и Изяслава Юрьеву и Пантелеймонову монастырям, из смоленских — уставная грамота князя Ростислава местной епископии¹⁷. При Андрее Боголюбском были заложены основы землевладения Владимирской епископской кафедры (Шапов, 1965, с. 333—334).

Таким образом, в истории церковной феодальной собственности, так же как и земельной собственности князей и бояр, заметный перелом намечается со второй половины XI в. и особенно в XII в., когда на Руси происходит переход от раннего к развитому феодализму.

5. Формы феодальной зависимости и категории несвободного сельского населения

Феодально-зависимое крестьянство формировалось как из свободных общинников, так и из рабов.

В наиболее ранних источниках основная масса сельского и городского населения Киевской Руси носит название «люди». В Краткой редакции Русской Правды этот термин обозначает всех свободных, но преимущественно крестьян-общинников (в противоположность феодалам) (РП Кр. ред., ст. 19, 38 и др.; ПР Пр. ред., ст. 3, 7, 8, 40, 77 и др.; см. также: ПВЛ, ч. I, с. 43, 47 и др.). Когда феодальный способ про-

¹⁵ См. также: Черепнин, 1972, с. 159—162. По В. Л. Янину, складывание вотчинной системы новгородского боярства начинается в XII в. и завершается в XIV в. (Янин, 1981, с. 207—213, 241—256, 272—273 и др.; см. также: Назаров, 1984).

¹⁶ Шапов, 1965, с. 279—352, особенно с. 279—297; 1972.

¹⁷ См. также: Черепнин, 1972, с. 162—163; Янин, 1977, с. 40—59, 80—90, 136—149; 1981, с. 229—241; Алексеев, 1980.

изводства стал господствующим, а собственность феодалов на землю сделалась основой эксплуатации ими непосредственных производителей материальных благ, слово «люди» стало употребляться для обозначения феодально-зависимых крестьян. Поэтому в документах термин «люди» (крестьяне) сопровождается теперь уже указанием на их зависимость от тех или иных разрядов землевладельцев («люди» великого князя, монастырские, боярские и т. д.).

Одним из каналов формирования класса феодально-зависимого крестьянства, как сказано выше, было рабство. Хотя в ряде источников, особенно литературного (преимущественно церковно-литературного) характера, встречается слово «раб», большее распространение получил другой термин — «челядин», фигурирующий в некоторых правовых памятниках, в летописях и проч.

О том, что наиболее раннее значение слов «челядин», «челядь» — раб, рабы, свидетельствуют договоры начала X в. киевских князей с Византией, отражающие очень древние правовые нормы. По договорам челядин считается собственностью своего владельца. Он является объектом купли—продажи. Попытка челядина освободиться от власти господина бегством пресекается: закон требует возврата беглого раба владельцу. В то же время челядину предоставляется право на выкуп (ПРП, вып. 1, с. 8—9, ст. 11, 12; с. 32—33, ст. 3, 4, 7).

В так называемой Древнейшей Правде начала XI в. (сохранившейся в составе Русской Правды Краткой редакции) содержатся постановления, регулировавшие куплю—продажу челяди и утверждавшие право господина требовать возврата беглого челядина. С некоторыми добавлениями эти статьи воспроизводятся и в Пространной Правде. В последнем памятнике упоминается также «плод» (потомство) от челяди, который, подобно «плоду от скота», составляет собственность господина, передаваемую по наследству (РП Пр. ред., ст. 32, 99).

Значительная часть челяди, особенно на ранних этапах ее истории, — это пленные. Отсюда некоторыми учеными делается вывод, что челядинами всегда назывались рабы-пленники, что «плен был единственным источником челяди» (Фроянов, 1965, с. 86—88). Однако таким же источником могло быть и закабаление.

Ранние сведения об использовании труда челядинов-рабов на пашне относятся к XI в. (но приводятся в источниках более поздних). Вероятно, однако, что применение рабской силы в сельском хозяйстве началось со времени зарождения вотчинного землевладения, т. е. еще в X в. Интересные рассказы (можно сказать, живые бытовые зарисовки, хотя и с налетом литературной стилизации) имеются в Киево-Печерском Патерике. Про Феодосия там говорится, что он «начат на труды подвижнее быти, яко же исходити ему с рабы своими на село делати с всякимъ прилежаньмъ». Любопытен рассказ о монахе Киево-Печерского монастыря Федоре: он якобы выполнял «работу», положенную рабам, — молот жито, привозимое «от сел». Однажды Федора стал искушать бес. Тогда он заставил беса молот жито, пригрозив ему: «Не престаи от работы, дондеже измелеш все жито, да и ты поработаеши на святую братью». Другие бесы, искушавшие инока, также «съзузу себе работную прискавше».

С течением времени рабы в качестве производящей силы все более вытеснялись в феодальном хозяйстве зависимыми крестьянами. В связи с этим термины «челядин», «челядь» постепенно перерастают свое первоначальное, узкое значение, сливаясь с названием «люди» и обозначая уже все зависимое от феодалов население. В этом смысле термины «че-

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

лядин», «челядь» встречаются в рассказах о войнах XI—XIII вв., во время которых князья захватывали зависимых людей противника (ПВЛ, ч. I, с. 149, 160, 185; ПСРЛ, т. II, стб. 219, 255, 393, 493, 502, 608, 669, 677, 678, 698, 887, 889, 911, 936; НПЛ, с. 51, 248). В данной (вкладной) грамоте Варлаама Хутынского новгородскому Спасскому монастырю XII в. говорится о передаче земли с «челядью и с скотиною» (в числе «челяди» упомянуты «отроки» и «девки», может быть, рабы) (ГВНП, с. 161, № 104).

В связи с переходом части рабов на положение крестьян и термин «работа» стал обозначать повинности (преимущественно барщинные) всего зависимого населения вотчины.

На заре формирования феодальных отношений появляется социальная категория, известная под именем «изгой». Он упоминается в Русской Правде, но всего один раз (РП, Кр. и Пр. ред., ст. 1). Изгой обычно толкуют как человека, вышедшего из общины, изжитого (от слова «жить» — жить, «гобино» — жизнь). «Гобино», «жито», «жизнь» — термины, означающие продукты земледельческого труда крестьянина. В более поздних актах XIV—XV вв. слово «жить» применительно к крестьянину означает обрабатывать земельный участок своим трудом (добывая прибавочный продукт). Термин «изгой» прямо противоположен слову «старожилец». Отсюда позднейший термин «старожилец». Изгой — это крестьянин, лишившийся земли и средств производства и вынужденный переходить в феодальную зависимость.

В уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича смоленского 1136—1137 гг. (с припиской 1150 г.) говорится о передаче епископской кафедре сел «со изгой и з землею...» И. И. Смирнов доказывал, что под изгойми здесь подразумеваются люди, порвавшие связь с соседской общиной (Смирнов, 1952, с. 106).

Грамота Ростислава — единственный, кроме Русской Правды, правовой источник времени Киевской Руси, упоминающий изгоев из числа прежних общинников. Слово «изгой» в этом значении не получило широкого распространения. Появившись в начальный период возникновения феодальных отношений, оно исчезает в процессе дальнейшей феодализации.

Другой источник изгойства — это выкуп из рабства. Изгоем становился выкупившийся на свободу челядин, который в дальнейшем мог перейти в состав вотчинных крестьян. Перед нами два потока, ведущих в русло складывающейся феодальной системы.

С процессом образования государственной собственности на землю связано, по-видимому, возникновение термина «смерды», появляющегося в памятниках письменности с XI в. В литературе выдвигались разные точки зрения на смердов. Под ними понимают или все древнерусское крестьянство (Греков, 1952, с. 181—213), или особую группу зависимых людей, близких к западным лита́м, или альдионам (Юшков, 1939, с. 89—113), или рабов, посаженных на землю (Зимин, 1962, с. 222—228), и т. д.

В ряде новгородских актов смердами называются крестьяне, живущие на казенной земле и уплачивающие дань государству. Так, в дарственной грамоте середины XII в. князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю на село Витославицы и другие земли, которые он передал, «испрошав» их «у Новгорода», имеется фраза: «а смердам витославицам не потянути им ни ко князю ни к епискупу, ни в городские потуги, ни к смердам ни в какие потуги, ни иною завирицою» (Корецкий,

1955, с. 204—207). Отсюда видно, что смерды и государственные крестьяне выполняли по разверстке повинности князю и Новгороду. С переходом государственных земель в монастырь сидевшие на них смерды должны были нести повинности монастырским властям и освобождались от обязанности участвовать в раскладке их вместе со смердами, оставшимися в зависимости от князя и Новгорода.

В договорах Новгорода с князьями XIII и последующих веков, воспроизводящих старинные правовые отношения, встречается повторяющаяся в разных вариантах формула: «кто купец, поидеть въ свое сто, а смердъ поидеть въ свои погостъ» (ГВНП, с. 16, 20, 22, 30, 41, № 6, 9, 10, 15, 22). Как зависимые от государства данники смерды упоминаются в Новгородской летописи (НПЛ, с. 36, 40, 68, 221, 232, 274). Очевидно, термины «смерд», «смерды» равнозначны позднейшим терминам «черный человек», «черные люди», как назывались в XIV—XV вв. крестьяне, «сидевшие» на государственной земле и «тянувшие» «данью», «проторами» и «погугами» (т. е. выполнявшие ряд повинностей в пользу государства) согласно раскладке, производившейся внутри крестьянских общин (термин «черные люди» известен по летописям с конца XII в., в сохранившихся же документальных источниках — с XIV в.).

Однако в XI в. слово «смерды» означало не только государственных крестьян. Среди крестьян-данников, сидевших на «окняженной» земле, в связи с развитием феодальных отношений выделялась особая группа (типа последующих дворцовых крестьян), находившаяся в более тесной и непосредственной зависимости от князей-вотчинников. Сведения об этих крестьянах, очень глухие и недостаточные для решительных выводов, дает Правда Ярославичей. За убийство смерда взыскивается штраф 5 гривен, как и за убийство холопа. Запрещается «мучить» (пытать) смерда «без княжа слова», т. е. устанавливается непосредственная подсудность смердов княжескому суду. Упоминается рабочий конь смердов, за кражу которого взыскивается штраф меньший, чем за кражу княжеского коня (РП Кр. ред., ст. 26, 28, 33).

Пространная Правда повторяет и в ряде случаев дополняет эти постановления. Так, устанавливаются «уроки» (нормы) штрафа («продажи»), уплачиваемого смердами за кражу скота. Имеется особая статья о праве князей на наследство после смерти смерда, не оставившего сыновей, и о выделе части имущества смерда во владение его дочерям до их выхода замуж (РП Пр. ред., ст. 45, 90).

Итак, смерды, зависимые от князя-вотчинника, имели земельные наделы, переходившие по наследству к их сыновьям, а в случае отсутствия детей мужского пола отходившие в состав княжеских владений. Эти смерды вели собственное единоличное хозяйство, у них был свой рабочий скот. В развитии хозяйства смердов был заинтересован и князь, пользовавшийся частью их прибавочного труда как вотчинник. О зависимом положении такого смерда свидетельствует то обстоятельство, что за его убийство уплачивался штраф, равный штрафу за убийство холопа. Феодальная зависимость этой группы смердов находила правовое выражение в их непосредственной подсудности князю.

Нет точных данных о том, в какой форме осуществлялась эксплуатация смердов на собственных землях князя: в форме барщины (как думал Б. Д. Греков) или натурального оброка. За предположение о преобладании в это время отработочной ренты говорит упоминание в Краткой редакции Русской Правды ратайного старосты (возможно, надзиравшего за барщинными работами. См.: РП Кр. ред., ст. 24). Однако нет никаких

оснований отрицать существование в это время и натурального оброка. Осветить путь перехода смердов-данников в разряд зависимого населения княжеского домена помогают более поздние источники — договорные грамоты Новгородца с князьями XIII—XV вв., сохранившиеся, как уже указывалось, много правовых норм, относящихся к раннефеодальному периоду. Согласно условиям этих договоров, князья не могли приобретать земли в пределах Новгородской республики и принимать закладников из числа смердов и купцов (ГВНП, с. 11, № 2; с. 12—13, № 3). Очевидно, в процессе феодализации часть смердов-данников была вынуждена переходить под патронат князей. «Закладывались» (как это видно из грамот XIV в.) и целые села и отдельные крестьяне (ГВНП, с. 23, № 11). «Закладники» сохраняли свою землю и хозяйство (что видно из статей Русской Правды об отписке выморочного имущества смердов на князя и из указания источников, что смерды «по селом живут») (РИБ, т. VI, стб. 47), но становились людьми, зависимыми не от государства, а от князя-феодала, выполняли повинности в его пользу, подлежали его суду.

К началу XII в. на Руси образовался новый разряд феодально-зависимого населения — закупы. Об их положении довольно подробно говорит Пространная редакция Русской Правды (РП Пр. ред., ст. 56—62, 64, 66). Закуп — это человек, попавший в долговую кабалу и обязанный своей работой в хозяйстве землевладельца вернуть полученную от него сеуду («кupu»). Сеуда под проценты называлась «наймом» (РИБ, т. VI, стб. 24). Отсюда наименование закупа — «наймит».

Феодал предоставлял закупу надел земли, сельскохозяйственные орудия (плуг, борону), рабочий скот. Закуп вел свое собственное хозяйство, у него мог быть свой конь. Однако закуп обязан был работать на господина («аще ли господин его отслеть на свое орудие...»). Закупа, который исполнял сельскохозяйственные работы, называли «ролейным» (от слова «роль» — пашня). Стараясь закрепить за собой закупа, землевладельцы требовали от них возврата «купы» в увеличенном размере, стремились присвоить себе побольше продуктов их труда (урожай, скот).

Закуп был сильно ограничен в своих правах, прежде всего было стеснено право его ухода от господина. За побег он превращался в полного («обельного») холопа. За кражу, совершенную закупом, отвечал его господин, но закуп при этом, как и в случае побега, становился полным холопом. Землевладелец имел право подвергать закупа телесному наказанию.

Тем не менее закон отличал закупа от полного холопа (раба). Если господин продавал закупа в холопы, то за этот незаконный акт он должен был заплатить штраф, а закуп получал свободу. По незначительным делам, в случае нужды, закуп разрешалось выступать на суде в качестве свидетеля. Закуп мог обращаться в суд с жалобой на своего господина.

Рост закупничества связан с развитием наряду с государственной собственностью на землю частнофеодального землевладения (боярского, монастырского и пр.). Пространная Правда, приводя большой материал о закупках, в то же время сохраняет и дополняет статьи Краткой редакции о смердах. Значит, она отличает закупа как особую категорию феодально-зависимого крестьянства от смердов (государственных и княжеских доменных крестьян).

Можно наметить три основных пути образования закупничества: свободный общинник («людин»), с одной стороны; смерд-данник — с дру-

гой; выкупавшийся на волю челядин — с третьей, превращались в «изгоев», а затем были вынуждены вступать в кабальную зависимость.

В связи с этим следует вернуться к вопросу об истории термина «челядин». С установлением самых тяжелых форм эксплуатации, приближавших положение крестьянина к положению раба, потребовалось прояснить в законе более четкую черту, которая отделяла бы закупа (как наиболее бесправный разряд зависимого крестьянства) от рабов. Из широкого понятия «челядин» выделились два новых: «закуп» и «обельный холоп» (или «полный холоп»). В подтверждение этому можно привести статьи так называемого «Правосудия митрополичьего», памятника более позднего времени (по-видимому, XIV в.), в котором различаются «челядин полный» и «челядин-наймит» (или «закупный наймит»), что соответствует «обельному холопу» (или «холопу») и «закупу-наймиту» Русской Правды.

Термин «холоп» появляется в источниках с X в. (о холопстве см.: Зимин, 1965, с. 39—75). В Краткой, а особенно развернуто в Пространной Правде холопы противопоставлены свободным «мужам» (РП Кр. ред., ст. 17, 26, 29; РП Пр. ред., ст. 16, 17, 46, 63—66, 85, 89, 110—118, 121). Холопы как люди несвободные не могли приносить присяги и выступать свидетелями («послухами») в суде. Холоп, ударивший свободного человека, нес кару. Будучи несвободными, холопы не уплачивали «продажу» (штраф) за преступления. За холопа, совершившего кражу, отвечал его господин, свободные же люди, которые участвовали вместе с холопами в воровстве или укрывательстве краденого, платили «продажу». За убийство холопа взыскивался не государственный штраф («вира»), а только частное вознаграждение («урок») его господину. Последний отвечал за имущественные сделки, заключенные его холопами. Ряд статей Пространной редакции Русской Правды устанавливает ответственность свободных людей за помощь, оказанную беглым холопам, и требует от княжеской администрации и частных лиц, чтобы они содействовали холоповладельцам в поимке их холопов.

Законодательство определяет источники холопства. Это — самопродажа в рабство, женитьба на рабыне без договора («ряда») с ее владельцем, вступление без «ряда» в должность тиуна или ключника, растрата чужого имущества, взятого в долг или для ведения торговли.

Законодательное определение правового положения холопства было в значительной мере связано с усиливающейся ролью городов, притягивавших беглое, зависимое от феодалов, население, в том числе и холопов. Судя по Пространной Правде, холоп не только скрывался в городе во время побега, но и участвовал в торговле, заключал сделки, «добывал» товар, укрываясь от своего владельца, и т. д.

Суммируя все здесь изложенное, можно сказать, что в складывании различных категорий феодально-зависимого населения намечаются те же два этапа, что и в процессе формирования феодальной собственности на землю. Гранью между ними является примерно середина XI — середина XII в. На первом этапе еще значительное место в общественной жизни занимало лично свободное население соседних общин — «люди», смерды-данники, в составе несвободных преобладала челядь. На втором этапе все большая часть непосредственных производителей переходит в число смердов, закупа, холопов¹⁸.

¹⁸ Подробнее см.: Черепнин, 1956, с. 235—264; 1972, с. 167—187. И. Я. Фроянов считает, что в вогчине XI—XII вв. преобладающей формой зависимости была раб-

6. Повинности крестьян

Для изучаемого времени у нас мало сведений о повинностях крестьян. Наиболее полно о них говорится в двух уставных грамотах, изданных почти одновременно, в 1136—1137 гг., князьями Ростиславом Мстиславичем смоленским и Святославом Ольговичем новгородским, о церковной десятизне с княжеских доходов.

Обследовав детально первый устав, Я. Н. Шапов выделяет в нем три группы повинностей. Во-первых, это дани, шедшие в княжескую казну с государственных крестьян («все дани смоленские», «или мала или велика дань, любо княжа, любо княгинина, или чья...»). Дань собиралась по погостам и волостям, куда поступала от плательщиков, разверстывавших между собой окладную сумму («...платит кто ж свою дань... по силе, кто что мога... а в тых погостех во всех сходится дани...»). В случае убыли населения уменьшался и оклад («а в тых погостех, а некоторы погубнеть, то тки десятины убудеть», т. е. уменьшится отчисление от дани в пользу церкви). Кроме дани, упоминается «полюдь». Вероятно, здесь речь идет о пошлине, компенсирующей право князей или их слуг объезжать свои владения для фискальных сборов, а может быть, объезды все еще продолжались, и грамота фиксировала причитающийся при этом сборщикам дани денежный корм.

В состав государственных доходов входят также торговые пошлины: гостиная дань, перевоз, торговое мыто, передмер, корчмиты (отчисления с корчем). В некоторых случаях грамота указывает размеры таких сборов, в иных — ограничивается оговоркой: «не ведомо, но что ся снидет» (т. е. не известно, сколько будет получено).

Вторая группа повинностей крестьян — вотчинные — идут не князю, а духовной феодальной корпорации — Смоленской епископии с владений, князем ей уступленных. По грамоте Ростислава, в собственность епископской кафедры перешли села с землями, сенокосами, озерами, огородом, борными ужожаем. В зависимость от кафедры попали, по княжескому пожалованию, и жившие здесь люди: лично свободные общинники-изгои и несвободные («прощенники» — категория, близкая к закупам), а может быть, холопы (бортник, огородник — «капустник», птицелов — «тетережник» с семьями). Грамота специально говорит о повинностях «прощенников»: они платили оброк медом и «кунами» — деньгами.

Наконец, третья группа крестьянских повинностей — судебные штрафы и пошлины. Очень метко выразился Б. А. Романов, сказав, что «вирши и продажи на первых же порах обратились в раскладочный государственный сбор, падавший на общину в дополнение к той дани, которую князь

ская и полурабская (челядь, холопы, «государственные» смерды, закупы, рядовичи и др.), а элементы феодальной зависимости (отдельные группы смердов, изгои), проявляясь с середины XI в., постепенно проникают в структуру вотчины, но имели в ней вплоть до первой половины XIII в. меньшее значение (Фроянов, 1980, с. 100—158). Большею, чем признавалось ранее, роль рабства в IX—XI вв. подчеркнул А. А. Зимин. По его мнению, в частности, смерды, бывшие в IX—XI вв. одним из разрядов холопства, превратились к началу XII в. в одну из групп феодально-зависимого крестьянства. Примерно такую же эволюцию, но быстрее, проделали и закупы-рядовичи (Зимин, 1973, с. 21—233). По Б. А. Рыбакову, смерды явились особым «полукрестьянским» лично свободным разрядом сельского населения на княжеских именных землях, обязанных княжеской власти платежом дани, несением воинской повинности, а также повинностями по обслуживанию погостов в ряде северных областей, связанных со сбором и доставкой дани (Рыбаков. Смерды, 1979, с. 54—57; см. также: Свердлов, 1983, с. 74—78, 135—193).

продолжали собирать с нее» (Романов, 1966, с. 88). Передача князем вир и продаж с определенных территорий другим землевладельцам означала пожалование последним судебного иммунитета. Так, князь Ростислав, передавая Смоленской епископии «прощеников», закрепил за ее епископом право судить их (ПРП, вып. II, с. 39—46; Шапов. Смоленский устав..., 1965, с. 37—47)¹⁹.

Устав Святослава Ольговича, подобно уставу Ростислава смоленского, определяет размеры церковной десятины от княжеских даней, вир и продаж. Дань и в этом случае раскладывается по погостам, откуда поступает «в руце княжини в клеть его», т. е. в казну его. Взимается дань деньгами (гривнами, кунами), мехами, в местах соледобычи — солью. Среди крестьянских повинностей епископу упомянуты «дар» (единовременные приношения в связи с праздниками или по другим поводам) и «поезд от всея земли» (денежный взнос взамен содержания епископа с его слугами при объездах своих владений) (ПРП, вып. II, с. 117—118. Тихомиров, Щепкина, 1952, с. 18—24)²⁰.

Платежи крестьян своим господам и государству не ограничиваются перечисленным. Грамота князей Мстислава Владимировича и его сына Всеволода 1125—1132 гг. говорит, например, о «вене», т. е. пошлине с браков.

Интересный материал имеется в Русской Правде об обязанностях населения обеспечивать содержание представителю княжеской администрации — «вирнику», приезжавшему в ту или иную местность для сбора вир. Правда приводит «покон (или «поклон») вирный», изданный князем Ярославом Мудрым. На взыскание вир в пределах соответствующей административной единицы сборщику полагалась неделя. За это время жители должны были предоставить ему 7 ведер солоду, барана или половину говяжьей туши, 14 кур (по две на день), 2 сыра в постные дни — среду и пятницу. Если дело происходило постом, то вирник получал довольствие не мясом, а рыбой. Количество хлеба и пшена нормировано не было. Натуральный корм мог быть заменен денежным взносом согласно указанной в «поклоне» расценки продуктов. Вирник мог приезжать на четырех конях, для которых население должно было давать сколько будет потребно овса. С некоторыми дополнениями и изменениями устав Ярослава вошел и в Пространную редакцию Русской Правды (РП Кр. ред., ст. 42; РП Пр. ред., ст. 9). Он имел значение закона, действовавшего на всей территории Древнерусского государства.

Поскольку представители княжеской администрации получали определенные отчисления от собранных вир и продаж и «кормились» за счет жителей тех территорий, где им приходилось расследовать преступления, они иногда и искусственно создавали дела по обвинению в убийстве и в других уголовных действиях. В предисловии к Начальному летописному своду 90-х годов XI в. противопоставляются «правые» и «творимые» вирь, т. е. штрафы, взыскивавшиеся за доказанные преступления, с одной стороны, и налагававшиеся по поклепу — с другой (Шахматов, 1909, с. 265).

У нас мало данных об участии крестьян Древней Руси в действиях вооруженных сил. Тем не менее имеются свидетельства, что наряду с

¹⁹ См. также: ДКУ, с. 141—146; Шапов, 1972, с. 136—150; ср.: Алексеев, 1980, с. 20—25, 107—111, 242—243.

²⁰ См. также: ДКУ, с. 147—148; Шапов, 1972, с. 150—165; ср.: Янин, 1977, с. 80—90.

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

дружиной и городскими ополчениями князя привлекали в ряды «воев» и смердов. Новгородские смерды участвовали в 1015—1016 гг. в борьбе князей Ярослава и Святополка за киевский стол. После того как Ярослав одержал над своим противником победу, он одарил деньгами помогавших ему смердов, дав каждому из них по гривне (НПЛ, с. 15, 175). На Долобском съезде князей и их дружинников в 1103 г. выражалась тревога по поводу того, что поход на половцев, оторвав смердов от пашни, губительно отразится на их хозяйстве: «Негодно ныне весне ити, хотим погубити смерды и ролью их», — говорили дружинники князя Святополка (ПВЛ, ч. I, с. 183). Под 1158 г. в Ипатьевской летописи рассказывается

Угон половцами крестьян и скота. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в. с иллюминированного протографа первой половины XIII в.
Рисунок иллюстрирует текст под 1171 г. о нападении половцев на «Закиевские села»

о войне князя Ярослава Осмомысла с Иваном Ростиславичем Берладником. Иван Берладник пытался занять город Ушицу, но там была засада Ярослава. Смерды из войска засады стали перебегать к Берладнику («а смерды скачючъ чересь заборолъ къ Иванови») (ПСРЛ, т. II, стб. 497). При описании битвы князя Игоря Святославича с половцами в 1185 г. говорится, что русские воины «молвахуть бо, — оже побегнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то от бога ны будеть грехъ, сихъ выдавше поидемъ» (ПСРЛ, т. II, стб. 641) («черные люди» — это те же смерды). Под 1219 г. в летописи содержится рассказ о том, как венгерские войска, захватившие Галицкую землю, «смерды избьешы быша» (ПСРЛ, т. II, стб. 738). Несколько позднее князь Ростислав собрал в Перемышльской земле на войну «смерды многы пешьце» (ПСРЛ, т. II, стб. 797).

Государственные и владельческие поборы тяжелым бременем ложились на крестьянство, а часто возникавшая необходимость бросать свое

хозяйство и отправляться в походы нарушала нормальную экономическую жизнь. Не случайно летописец конца XI в. говорит об «оскудении» земли «от рати и от продаж» (ПВЛ, ч. I, с. 143).

7. Феодалная идеология и мировоззрение крестьянства.

Вопрос о взаимоотношениях крестьян с господами привлекал внимание авторов XI—XII вв. и получил довольно широкое отражение в литературе того времени, преимущественно церковной. Обращение ранее свободных общинников в феодалную зависимость, усиление их эксплуатации вызывали протест народных масс. Наряду с мерами внеэкономического принуждения в отношении крестьян и холопов церковь использовала и средства идеологического воздействия как на них, так и на их владельцев. В этих целях была соведена своеобразная доктрина, которую И. У. Будовниц удачно назвал «теорией общественного примирения» (Будовниц, 1960, с. 103). Она проводилась в «словах», проповедях, поучениях, произведениях духовной письменности, в том числе в епитимийниках и аналогичных им сочинениях. Цель этой теории — сгладить классовые противоречия, призвать и господ и угнетенных к достижению социальной гармонии, освящая тем самым систему эксплуатации в феодалном обществе.

Идеалом для церковников, далеким от реальности (они это прекрасно осознавали, что хорошо видно из приведенных ниже источников), были патриархальные отношения между челядью и господином. Проповедь, казалось бы, обращенная даже более к феодалу, чем к зависимому от него человеку, преследовала тем не менее вполне ясную цель: внушить идеи неизбежности подчинения, социальной пассивности именно «обидимым» и «насилуемым». Именно поэтому в пастырских словах подчеркивается, что господин должен «челядь же свою такоже милуй, дажь им потребная; показай же я на добро не яростию, нъ яко дети своя» (РИБ, т. VI, стб. 124), его призывают к справедливому, но без излишней строгости обращению: «челядь свою наказующе, гладом не моряще, порть доволъ дающе» (РИБ, т. VI, стб. 116).

К грехам относилось жестокое обращение с челядью, ее принуждение к исполнению тяжелых работ («аще кто бес правды насилует на челядь свою и морить гладомъ, и раною, и наготою, и деломъ насилает...» (Смирнов, 1912, с. 50). В «вещех греховных» обвинялся тот, кто «челядь друча голодом и наготою, страдоу насиле творят» или кто «томя челядь свою гладомъ и равами» (РИБ, т. VI, стб. 91, 107).

За обиды, нанесенные порабощенному человеку, церковь грозила его владельцу епитимьей («или сироту бид без вины... или не дал сироте найма... или продал еси человека по гневу любо право, любо криво...» (Смирнов, 1912, с. 141; см. также с. 153). Скорее всего, не случайно, что здесь по существу перечислены правонарушения господина в отношении закупа, о которых говорит Русская Правда: избивание ни в чем неповинного закупа, удержание следуемой ему ссуды, продажа его в холопство.

В одном из поучений говорится, что в случае самоубийства зависимого человека («аще кто... удавится... или забодется, или потопится...») следует выяснить, чем это самоубийство вызвано — умопомешательством, угнетением работой, насильями вельмож, утеснением кредиторов: «...рассмотрити достоять, аще не от цела ума сотворил, или от некие нужда

и беды великие, или работен, зде томим без вины, или от вельможь насилуем и от должник, того убо добре пытайте» (Смирнов, 1912, с. 72).

Внушается мысль, что милостыня лишь тогда угодна богу, когда ее источником не является ограбление других, когда она подается не от богатства, нажитого путем эксплуатации труда бедняка («милостыня бо творити от своего поту, не от грабления, ни от насилня, аще ли неправдою добывает на худых сиротах емлюще...». См.: Смирнов, 1912, с. 239).

Однако, призывая господ быть добрыми к крестьянам и холопам и не злоупотреблять своей властью, церковь в то же время учит тех, кто находится в зависимости от господ, работать на них и не выходить из повиновения («послушьливу быти до съмърти, тружатися до съмърти». Цит. по: Будовниц, 1960, с. 123). К грехам причислялся подговор зависимых людей к невыполнению повинностей, на них лежащих («аще кто учить раба не работати господни своей с приязнью») (Смирнов, 1912, с. 47).

Идеи «общественного примирения» можно найти и в светской публицистике. Особенно показательно в этом отношении «Поучение Владимира Мономаха» (Будовниц, 1960, с. 136—141). Мы находим здесь советы не забывать «убогих», кормить и поить их, оборонять от обид со стороны богатых и могущественных людей, брать пострадавших от несправедливости под защиту суда. Поучение пронизывают также наставления: «избавите обидима, судите сироте, оправдайте вдовицю»; «не вдавайте сильным погубити человека»; «куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком — ни своим, ни чюжым, ни в селех, ни в житех; да не кляти вас начнуть». Самому себе Мономах ставил в заслугу, что он якобы «худого смерда и убогы вдовице не дал... сильным обидети...» (Орлов, 1946, с. 132, 134, 136, 138, 148).

Это была пропаганда идеи социального мира в целях укрепления существующей системы отношений, т. е. феодального строя. Б. А. Романов несколько иронически назвал политическую линию Мономаха «смердолюбием» и раскрыл ее классовый смысл: на рубеже XI и XII вв. тема о смердах «обсуждается под углом зрения интересов самого господствующего класса в целом», и «признаком хорошего тона в этих кругах считается заступиться за интересы «худого» смерда, строго отличая его от смерда бунтующего» (Романов, 1966, с. 101).

Крестьяне не противопоставляли феодалам какой-либо оформленной идеологии. Но у них было свое мировоззрение, свое отношение к действительности, которое нашло отражение прежде всего в устном народном творчестве, особенно в былинах. Вопрос об использовании эпоса в качестве исторического источника сложен и спорен. Он был предметом дискуссии Б. А. Рыбакова (Рыбаков, 1963) с В. Я. Проппом (Пропп, 1958) и некоторыми другими фольклористами. Б. А. Рыбаков ищет в былинах следы реальных исторических фактов и событий. В. Я. Пропп думает, что их основа — художественный вымысел. Однако независимо от того, как решать этот спор (на наш взгляд, поиски Б. А. Рыбакова более удачны), несомненно, что былины зародились в народной, прежде всего в крестьянской, среде и поэтому могут служить источником для изучения взглядов их коллективного творца²¹.

²¹ Проблемы, связанные с возникновением и развитием былинного эпоса, продолжают оживленно обсуждаться специалистами. Среди наиболее дискутируемых выделяются следующие: 1) соотношение в былинных текстах напластований феодаль-

Трудовое крестьянство воплощено в образе богатыря Микулы Селяниновича. Былина о Микуле — это апофеоз трудового подвига свободного «оратая», который работает в поле, чтобы были сыты, веселы и радостны русские «мужички»:

*Я как ржи-то накошу и во скирду сложу,
Я во скирды сложу да дома вымолочу.
А я пива наварю да мужичков напою.
А тут станут мужички меня похвалявати:
«Молодой Микула Селянинович!»*

(Русское народное творчество, 1953, с. 199)

Земледельцем-пахарем рисуется и Илья Муромец. Он смолоду выполнял «работу... крестьянскую», вырубал «дубье-колодые», чтобы посеять на подсеке хлеб (Русское народное творчество, 1953, с. 204).

И сами богатыри сознают свою принадлежность к крестьянству (Пропп, 1958, с. 249).

Появление богатырей на пирах у князя Владимира вызывает злобное отношение врагов Руси и русского народа. Страшный Тугарин, видя у Владимира Алешу Поповича, обращается к князю со словами:

*«Да что у тя на запече за смерд сидит,
За смерд — от сидит де за засельщина?»*

(Пропп, 1958, с. 211)

В былинах подчеркивается социальная преграда, отделяющая некоторых богатырей от знатных женщин, с которыми сводит их судьба. Княгиня Евпраксия именуется Алешу «деревенщиной» и «засельщиной» (Пропп, 1958, с. 223). Добрыня не может жениться на любимой им племяннице князя Владимира Забаве Путятичне и объясняет ей это:

*«Ах, ты молода Забава, дочь Потятична!
Вы есть пунчу роду княженицкого,
Я есть роду христианского:
Нас нельзя назвать же другом да любимым»*

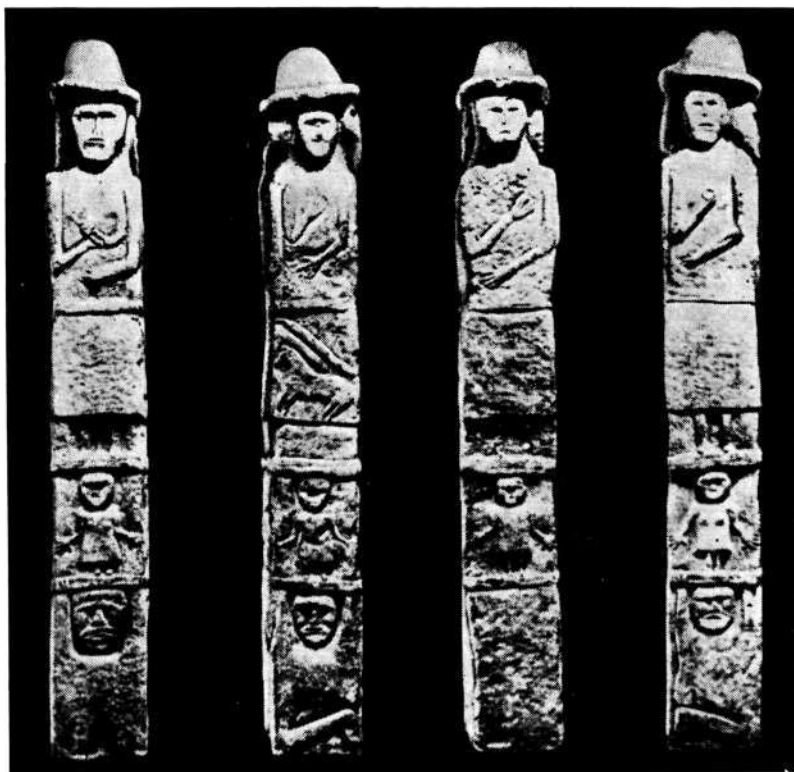
(Пропп, 1958, с. 205)

Конечно, дошедшие до нас былинные тексты содержат многовековые напластования фабул, сюжетов, образов, и трудно, сняв эти напластования, проникнуть в то ядро, которое возникло еще в эпоху Киевской Руси. Однако, по-видимому, к этой эпохе восходят и народный колорит, и демократическая направленность, и крестьянские мотивы былевого эпоса.

Если религиозной основой феодальной идеологии было христианство, то крестьянское мироощущение в значительной мере питалось язычески-

ного и дофеодального времени (к последнему относят идеи и сюжеты, связанные с так называемым «родовым» (племенным) эпосом, а также еще более древние элементы мифологического типа — осколки мифов о культурном предке и т. п.); 2) наличие особого (по происхождению, а не по бытованию или позднейшим записям) новгородского цикла былин (наличие киевского цикла в принципе общепризнанно); 3) взаимоотношения исторической действительности (в ее эволюции) с развитием былин как жанра на Руси и их поздней записью в XVIII — начале XX в.; 4) уточнение оценок предшествующих направлений в фольклористике (в том числе и «исторической школы»). См. исследования С. Н. Азбелева, Д. М. Балашова, Г. Л. Венедиктова, Л. И. Емельянова, Ф. М. Селванова, Ю. И. Смирнова и др. в кн.: Русский фольклор, 1975, 1976, 1981 (там же указана и обширная литература по этим сюжетам); см. также: Юдин, 1975; Путилов, 1978, с. 222—235.

ми представлениями²². И в этом, быть может, сказывался неосознанный народный протест против православной церкви, освящавшей своим авторитетом систему господства и подчинения в феодальном обществе. В рассказе о половецком нашествии 1068 г. летописец расценивает его как божье наказание за грехи людей, уклоняющихся от посещения церковных служб и соблюдающих языческие обычаи и обряды. Дьявол «всяческими лестями» отвращает людей от бога: «Трубами и скоморохи, гуслими и русальи». «Видим бо игрища утолчена (т. е. утоптаные), и людей много множество на них... а церкви стоять» (ПВЛ, ч. I, с. 114).

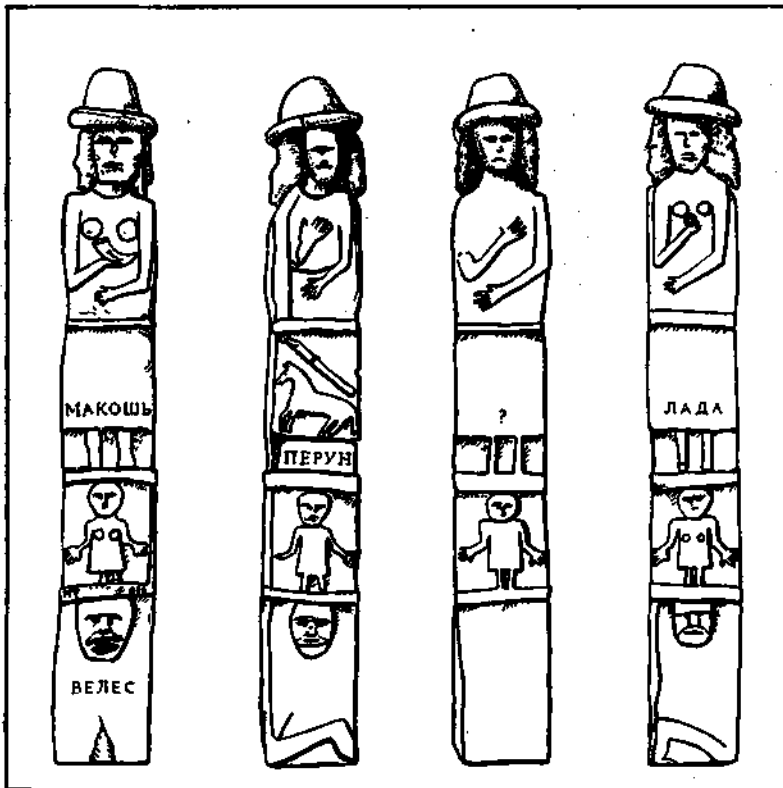
Збручский идол. IX в.

В верхнем и нижнем ярусах — божества славянского языческого пантеона; в среднем — женские и мужские фигурки с протянутыми руками (в хороводе?). По Б. А. Рыбакову, в верхнем ярусе расположены богини Макошь (или Мокошь) и Лада, а также Перун; в нижнем Велес (анфас и в профиль) (на с. 345 прорись — реконструкция)

В «Правилах» митрополита Иоанна (1089 г.) осуждаются те, «еже жрут (приносят жертвы) бесом и болотом и кладязем, и иже поймаются без благословенья счатаются, и жены отмеаются (сходятся и расходятся с женщиной), и свое жены пуцают (бросают) и прилепляются инем, иже не принимают святых тайн ни единою летом» (ни разу в году) (цит. по: Романов, 1966, с. 174).

²² Древнейшей истории славянского язычества до I тыс. н. э. посвящена монография Б. А. Рыбакова (Рыбаков. Язычество..., 1981); см. также: Носова, 1975, с. 3—105).

Носителями языческих представлений и традиций были волхвы и кудесники. Их верования летописец изображает с позиций христианского учения, передавая под 1071 г. спор одного новгородца-христианина с кудесником. На вопрос новгородца: «То каци суть божи ваши, где живут?» — кудесник якобы ответил: «В безднахъ. Суть же образом черни, крылаты, хвосты имуще; всходятъ же и подъ небо, слушающе ваших боговъ» (ПВЛ, ч. I, с. 119). Об авторитете и общественной силе волхвов свидетельствует то обстоятельство, что иногда они становились во главе народных движений.

Наряду с живучестью язычества надо отметить и проникновение некоторых еретических представлений в народную среду. Так, нечто общее с богомилством имеют рассуждения одного волхва (в передаче летописца): «И створи дьяволъ человека, и бог душу во нь вложи» (ПВЛ, ч. I, с. 118)²².

8. Социальные противоречия и социальная борьба

Фазы развития социальной борьбы были связаны с основными этапами формирования феодально-зависимого населения. И договоры киевских князей с Византией X в., и Древнейшая Русская Правда начала XI в.

²² См. также: Казачкова, 1958; Жужунадзе, 1963; Фроянов, 1983, с. 19—38.

говорят о столкновениях между «челядинами» и их владельцами. Борьба челяди со своими господами не выливалась в восстания, — наиболее распространенной формой сопротивления были побег. Древнейшая Правда предусматривает также случаи, когда холоп ударит свободного человека.

Протест населения вызывало проводившееся киевскими князьями «окняжение» земли и обращение ранее свободных общинников в зависимых крестьян-данников. В 945 г. произошло восстание древлян против киевского князя Игоря. Поводом к восстанию послужил сбор Игорем дани с них в повышенном размере. Очевидно, существовало какое-то неписанное право, определявшее норму повинностей в пользу киевских князей. Древляне считали незаконным ее превышение и начали борьбу за фиксирование повинности обычаям. Игорь был убит. Подавление восстания в Древлянской земле осуществила его жена Ольга.

В это время в Древлянской земле уже возникло социальное неравенство. Шел процесс выделения феодализирующейся знати — «лучших мужей», «нарочитых мужей», «старейшин» (ПВЛ, ч. I, с. 39—43), которые господствовали над простыми «людьми» — общинниками. Этой знати принадлежала политическая власть. В связи с появлением классового общества и государственности у древлян возникли свои «грады» — усадьбы, центры властвования «лучших мужей» (Третьяков, 1952, с. 64—68).

Однако степень феодализации в Древлянской земле была еще слабая, а родоплеменные отношения, напротив, весьма заметны. Поэтому местной древлянской знати удалось возглавить восстание под лозунгом борьбы за своих, «добрых» князей. Подавление восстания в Древлянской земле имело следствием восстановление ее даннических отношений к киевским князьям.

Одной из форм социального протеста против феодализации являлись вооруженные нападения крестьян на представителей господствующего класса — «разбой». В летописи содержится рассказ о мерах, принятых князем Владимиром Святославичем в 996 г. в целях искоренения этого явления. Когда «умножились разбой», Владимир, по совету епископов, решил казнить разбойников, а затем, по указанию тех же епископов, установил виры (денежные штрафы) в качестве наказания за «разбой» (ПВЛ, ч. I, с. 86—87).

Об убийстве феодалов («огнищан») во время «разбоев» говорится и в Краткой редакции Русской Правды (РП Кр. ред., ст. 19—21). В Пространной редакции памятника карой за разбой служат «поток и разграбление» (РП Пр. ред., ст. 7), т. е. изгнание преступника из общины с конфискацией всего имущества.

Усиление разбоев в конце X и в XI в. порождалось ростом неравенства среди крестьян и выделением из общины «изгоев» — людей, лишенных средств производства и вынужденных идти в феодальную зависимость.

Народные волнения возникали и в связи с междоусобной борьбой князей за создание единого государства. В 1015 г. восстали «гражданские» (горожане) Новгорода: они перебили дружину варягов-наемников, призванных новгородским князем Ярославом против его отца Владимира Святославича киевского. Можно думать, что в движении горожан приняли участие и новгородские смерды: летописец упоминает их в составе войск Ярослава (НПЛ, с. 174—175).

После того как в конце X в. на Руси в качестве официальной государственной религии было принято христианство и православная церковь стала феодальной организацией, антифеодальные движения начали вы-

ступать под религиозной оболочкой, принимая форму выступлений против христианства, за старую языческую веру. Так, восстание в Суздальской земле во время голода 1024 г. возглавили волхвы. Восставшие стали избивать местную знать («старую чадь»), подозревая, что она скрывает запасы продовольствия. Вероятно, это было движение изгоев (Черепнин, 1965, с. 154—158). Оно прекратилось лишь после того, как из Волжской Болгарии в Суздальскую землю был привезен хлеб. Ярослав сам прибыл в Суздаль и там расправился с волхвами, заточив одних, казнив других.

Социальные противоречия в Древней Руси обострились во второй половине XI и в начале XII в. Во-первых, в это время происходили вы-

Языческие игрища северян, радимичей и вятичей.

Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.

с иллюминированного протографа первой половины XIII в.

Рисунок иллюстрирует текст о «схожении межю сел» на «игрища, на плясанье и на вся бесовская песни, и ту умыкаху жены себе»

ступления смердов, вызванные уже не окняжением земли и обложением данью общинников, а установлением зависимости части смердов непосредственно от князя как земельного собственника. Во-вторых, в это же время наблюдался подъем движений горожан (в конечном счете вследствие усиления роли городов в экономической жизни страны), причем иногда городские восстания смыкались с движениями крестьянства. В-третьих, крестьянские волнения обуславливались появлением таких тяжелых форм феодальной зависимости, как закупничество.

Об обострении классовых противоречий свидетельствует Правда Ярославичей, созданная, по-видимому, в начале 70-х годов XI в. В этом кодексе речь идет о действиях смердов, закабаляемых князьями-вотчинниками. Отмечаются случаи поджогов и порчи княжеских бортей (деревьев с пчелиными ульями), нарушений прав земельной собственности (перепаживание границ пашенных участков и уничтожение пограничных знаков). Памятник говорит об уводе скота из хлева и с поля, об ограблении клетки (кладовой) с хлебом, о краже птицы из «перевесов» (ловушек, которые ставились в лесу). При этом имеются в виду не единичные случаи хищений, а грабежи с участием десятка — двух десятков человек.

Правда, статьи закона формулируются так, что не всегда можно сказать, о нарушении чьей собственности идет речь. Собственниками могли быть и крестьяне, между которыми возникали порой земельные споры (Романова, 1961, с. 76—90). Однако в ряде случаев прямо говорится о княжеском домене. Поэтому вполне правомерен вывод, что многие правонарушения, перечисленные в постановлениях сыновей Ярослава, являлись формами протеста сельских низов против социального неравенства, обострившегося в условиях становления феодального способа производства.

Правда Ярославичей устанавливает повышенный штраф за убийство людей, близких к княжескому двору, и возлагает ответственность за это преступление на всю крестьянскую общину. Тот, кто убьет огнищанина при охране им княжеской собственности, может быть тут же предан смерти. Князь Изяслав, старший конюх которого был убит жителями города Дорогобужа, издал особый указ, охранявший повышенным штрафом жизнь княжеских конюхов. Правда Ярославичей вводит разветвленную шкалу штрафов за убийство и других представителей княжеской волчьей администрации (Черепнин, 1952, с. 93—95).

Первое крупное движение горожан произошло в Киеве в 1068 г. По-видимому, оно имело отклики и среди сельского населения в окрестностях Киева. Киево-Печерский патерик рассказывает, как однажды ночью на Печерский монастырь напали «разбойники», собиравшиеся убить братию и захватить церковное имущество. Вероятно, это был не простой грабёж: «разбойники» хотели, уничтожив монахов, избавиться от их совета, помешать росту монастыря как феодальной организации («хотешу темь святое то стадо искоренити от места того»). Действовала целая группа людей, у которых имелся предводитель — «старейшина». Они собирались в лесу, но где-то в соседнем селении у них были свои «домы» (Патерик Киево-Печерского монастыря, с. 38). Видно, что Патерик описывает действия крестьян-смердов, которые боялись, что расширение монастыря приведет к утрате ими земель и свободы. М. Н. Тихомиров с основанием относил это выступление к 1068—1069 гг. — времени, близкому к восстанию в Киеве (Тихомиров, 1955, с. 93—99).

В том же Патерике можно найти сведения и о других актах борьбы крестьян с феодалами, относящихся также примерно к рубежу 60-х и 70-х годов XI в. Однажды к Феодосию привели связанными «разбойников», которые намеревались совершить кражу в одном из монастырских сел. Игумен якобы сжалился над пойманными людьми, велел освободить их и отпустил, посоветовав в дальнейшем «никого же обидити и никому же зла сотворити» (Патерик Киево-Печерского монастыря, с. 42).

Колоритен и еще один рассказ — о том, как земельные собственники захватили на месте преступления «разбойников», покушавшихся на их имущество. Грабителей связали и повели в город к судье. Когда их вели мимо какого-то монастырского села, один из них стал угрожать, что когда-нибудь он со своими товарищами явится туда: «разбой хотяще творити и поимати вся бывшаа...» (Патерик Киево-Печерского монастыря, с. 48). Какие-то отклики на киевское восстание 1068 г. были и среди холопов. Судя по Новгородской летописи, новгородского епископа Стефана, прибывшего в Киев, «свои холопе удавиша» (НПЛ, с. 473).

Под 1071 г. в летописи описано наиболее крупное крестьянское движение конца XI в. — выступление смердов в Ростовской земле и на Белозере. Согласно данным летописи, общество состояло тут из простых «людей» (крестьян) и «лучших людей», у которых имелись большие запасы хлеба, меда, рыбы, мехов. Такое скопление богатств в руках местной элиты

ги вызывало протест у рядовой массы общинников, принявший особые формы во время голода. Началось волнение среди смердов. Волхвы — выходцы из Ярославля — стремились направить движение по линии борьбы с христианством, за старую, языческую веру. Продвигаясь по Волге, восставшие отнимали имущество у «лучших людей». Волхвы, пытаясь придать языческий оттенок социальному выступлению смердов, указывали на женщин, как на хранительниц запасов: в народе были распространены суеверия относительно «алых жен», напускающих голод (Мавродин, 1949, с. 149—163).

Характер волнений крестьянства осложнился его взаимоотношениями с княжеской властью. Ряд крестьян-смердов принадлежали к числу княжеских данников. На Белоозере, куда пришло до 300 человек, в это время собирал дань со смердов дружинник Святослава Ярославича — Янь Вышатич. Он потребовал выдачи волхвов, поскольку они являются его и его князя смердами, а значит, живя на земле, освоенной в качестве государственной собственности Святославом черниговским, подсудны последнему, следовательно, и Яню как его представителю. Смерды, однако, настаивали на непосредственной подсудности князю и отказались выдать волхвов. Вооружившись, Янь с дружиной выступил против смердов. В лесу произошло столкновение. Смерды не смогли одолеть дружину и скрылись. В дальнейшем, испугавшись угрозы Яня, что он в течение целого года не прекратит сбора дани с населения, если оно его не послушается, смерды предали волхвов в руки данщика. Тот распорядился, чтобы родственники убитых женщин осуществили право кровной мести и убили волхвов, что и было сделано.

Очень мало сведений сохранилось о движении в Киеве в 1113 г. Источники говорят о «мятеже», «толке», «крамоле, суще и в людях». Из летописи и других источников видно, что киевляне разгромили дворы тысяцкого Путяты, сотских, кварталы, где жили еврейские ростовщики, собирались громить дворы бояр, монастыри (Жития святых мучеников..., 1916, с. 64; ПВЛ, ч. I, с. 196). Очевидно, это было выступление как городской бедноты, закабаленной купцами и ростовщиками, так и сельских закупов, поднявшихся против светских и церковных феодалов. Толчком к восстанию послужила кончина князя Святослава Изяславича, который оставил по себе недобрую память. Вместе со своими советниками и монахами Киево-Печерского монастыря он занимался ростовщическими операциями, спекулировал солью, в то время как ее подвоз в Киев прекратился из-за войны с галицкими князьями.

Испуганная киевская аристократия призвала княжить в Киев из Переяславля Владимира Мономаха, который путем некоторых уступок социальным низам сумел подавить восстание (Смирнов, 1963, с. 240—242).

На причины движения 1113 г. проливают свет статьи устава Владимира Мономаха, изданного сразу после подавления восстания и сохранившегося в составе Пространной редакции Русской Правды. Те уступки со стороны господствующего класса, которые содержит устав, позволяют судить о лозунгах восставших. Была снижена разрешенная законом норма процентов, взимавшихся с ростовщических денежных ссуд. Устав Владимира Мономаха пытается ограничить произвол господина, нарушающего права закупа: экономические (требование с него в повышенном размере ссуды, уменьшение его земельного надела, использование закупа для своих хозяйственных нужд) или юридические (продажа закупа в холопство, избивание его в пьяном виде и т. д.). Отсюда видно, что восстание 1113 г. было вызвано тем, что положение закупа менялось по пути от сословной неполноправности к более тяжелым формам феодальной зависимости.

**СТАНОВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА
В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ
СТРАНАХ
(ДО КОНЦА XII В.)**

Становление крестьянства у южных и западных славян происходило в период от Великого переселения народов до оформления и упрочения раннефеодальных государств. Хронологические рамки этого процесса для разных групп славян различны: переселение совершалось в пределах V—VIII вв., а оформление государств — в период с конца VII до X в.

Основной поток славянского переселения из междуречья Вислы и Одры (Одера) либо — для VI—VIII вв. — междуречья Среднего Днепра и Одры, был направлен в Центральную и Юго-Восточную Европу. Одна его волна устремилась на запад и юго-запад, другая — в левобережье Нижнего Дуная, который она затем (во второй половине VI в.) пересекла и захлестнула Балканы. Колонизация территории современных Чехословакии, Венгрии, Словении, Балканского полуострова завершилась в VII в., а бассейна Лабы (Эльбы) — в VIII в. (ободриты). На землях Венгрии, Хорватии, Словении, Австрии и отчасти Сербии обе волны встретились, составив как бы единое целое в истории заключительного этапа Великого переселения народов. Переселение в Центральную и Юго-Восточную Европу захватило отнюдь не всех славян: часть их осталась на месте, а часть передвигалась к северу, востоку и югу, осваивая просторы Восточноевропейской равнины.

Переселение славян ознаменовалось разложением первобытно-общинных отношений. Земледелие у них в эту эпоху (VI—VIII вв.) составляло наряду со скотоводством их главное занятие (Свердлов, 1977; Седов, 1979, с. 101—143; Развитие этнического самосознания..., с. 10—33; Королюк, 1957, с. 65; Тьшкова-Займова, 1966, с. 17—88). Они сеяли просо, ячмень, пшеницу, рожь (она, видимо, была освоена позже других злаков). Знали славяне и огородные культуры, и технические. Славяне использовали пахотные орудия с железными рабочими частями, а также серпы, косы, топоры для расчистки леса. Скот — а славяне уже разводили все виды скота, известные в Европе в средние века, — служил тягловой силой. Еще до переселения славяне освоили, по крайней мере на части занятой ими территории, не только подсечно-огневое, но и пашенное земледелие (Lowmiański, 1953, s. 138—178). Уже в это время они находились в длительных контактах с провинциальной греко-римской культурой и были поэтому подготовлены к восприятию достижений передовой для той эпохи позднеримской (ранневизантийской) цивилизации (Седов, 1979, с. 85).

**1. Особенности условий формирования
крестьянства
у южных и западных славян**

Со времени расселения славян на новых территориях темпы их общественного развития стали более разнообразными в зависимости от конкретных исторических условий (уровень развития автохтонного населения

масштабы его сохранения, характер его отношений со славянами, формы их взаимодействия с соседними народами и государствами, размеры военной опасности, природно-географические особенности).

Формировавшаяся западная ветвь славянства вступила в контакт с находившимися на сходной стадии развития германцами и осколками кельтских племен, ассимилируя их остатки к западу и юго-западу от Одры (Hensel, 1965). На Балканах славяне, заселившие наиболее плотно северную часть полуострова, а также значительные районы Эпира, Средней Греции и Пелопоннеса (Ангелов, 1981, с. 90—102, 124—174; Ljubinković, 1969, с. 295), взаимодействовали с остатками фракийцев (в горных местах), большинство которых к северу от Балканского хребта было уже романизировано, а к югу от него эллинизировано (Велков, 1972, с. 375—379), с потомками иллирийцев (предками современных албанцев) (Алексеев, Бромлей, 1968, с. 35—45), с романским населением далматинских городов и с греками, сохранившимися крупными компактными массивами вдоль западночерноморского и эгейского побережья, в Юго-Восточной Фракии, Фессалии, Аттике и восточной части Пелопоннеса. Часть романизированного населения, именовавшегося позднее влахами (а к северу от Нижнего Дуная — волохами), была оттеснена славянами в горы.

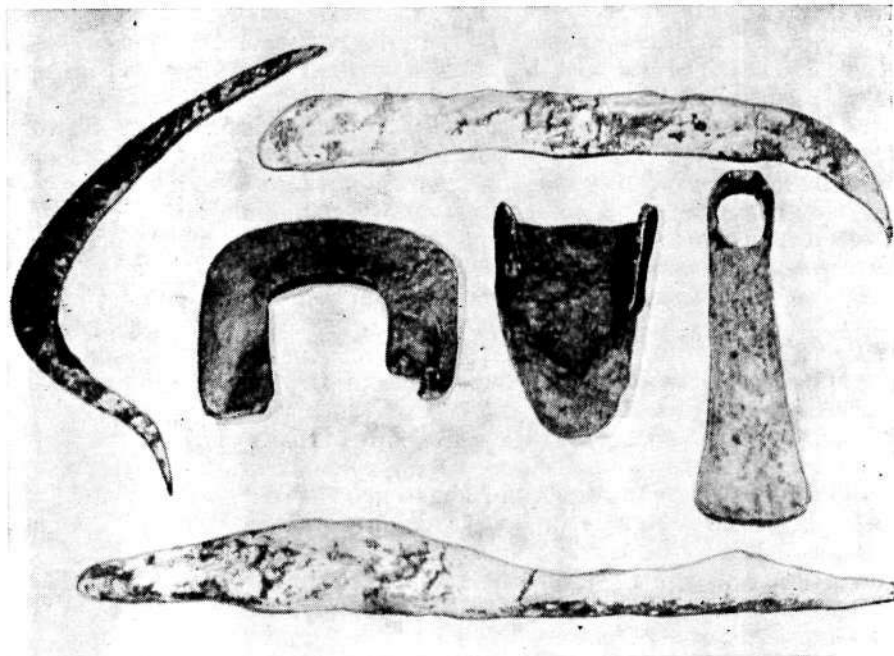
Менее интенсивными были контакты славян с сохранившимся романским населением бывших провинций империи — Норика и Паннонии, где позднее оформились народности словенцев, отчасти моравян, словаков и хорватов. Впрочем, уровень общественного развития автохтонов в местах расселения хорватов (Suić, 1978, с. 135) и отчасти сербов (в изолированных горных массивах Черногории и Сербии) резко различался: он был высок у романских жителей далматинского побережья и у греко-романского населения восточного и южного пограничья сербского ареала и мало отличался от славянского во внутренних районах. Последствия славяно-волошского синтеза были, видимо, более ощутимыми в Карпато-Дунайском регионе: в период переселения здесь (а возможно, также в горных районах Балкан и в Восточных Альпах) у славян возросла роль скотоводства в форме пастушества (Королюк, 1978, с. 177—198; История народного хозяйства Молдавской ССР, с. 46—61), хотя в целом сохранился земледельческий хозяйственно-культурный тип. Преобладание проса у славян левобережья Дуная свидетельствует либо о господстве у них подсеки, либо (что вероятнее) о возвращении к этой системе в VI в. — временно, в ходе переселения. Даже в условиях всеобщего перехода славян к пашенному земледелию в VIII—IX вв. они использовали подсеку для расширения посевных площадей (Седов, 1982, с. 237). Существенно, что славяне левобережья Нижнего Дуная, а отчасти и Паннонии еще до заселения Балкан в течение столетия находились в тесных отношениях с византийцами. В славянских землях были расселены десятки тысяч пленников, взятых в походах на империю.

Все это содействовало ускорению темпов развития славян данного региона, который считался богатым краем к началу VII в., еще до массового заселения славянами Балкан.

Славяне ассимилировали на Балканах остатки фракийцев, оседлого романизированного и эллинизированного населения и самих греков, проживавших к северу от южных районов Эпира, Македонии и Фракии. Напротив, к югу от этой границы, попадая постепенно под власть империи, они сами подверглись ассимиляции. Славянизация протекала медленно в вошедших в пределы Болгарии греческих причерноморских городах и особенно в городских центрах далматинского побережья, где население,

принадлежавшее к западнохристианской, римской церкви, приобрело славянский этнический облик окончательно лишь в XI—XII вв.

В ходе этно-культурных процессов славяне активно осваивали более совершенные орудия труда, технологию их производства, интенсивные формы земледелия автохтонного оседлого населения, новые земледельческие культуры и т. д. Археологи отмечают тот важный факт, что уже для VIII в. крайне трудно выделить среди найденных орудий труда собственно варварские (славянские), которые уступали бы по качеству греческим (История на България, т. 2, с. 52). Согласно агиографическому памятнику VII в. «Чудесам св. Димитрия», в набегах на империю славя-

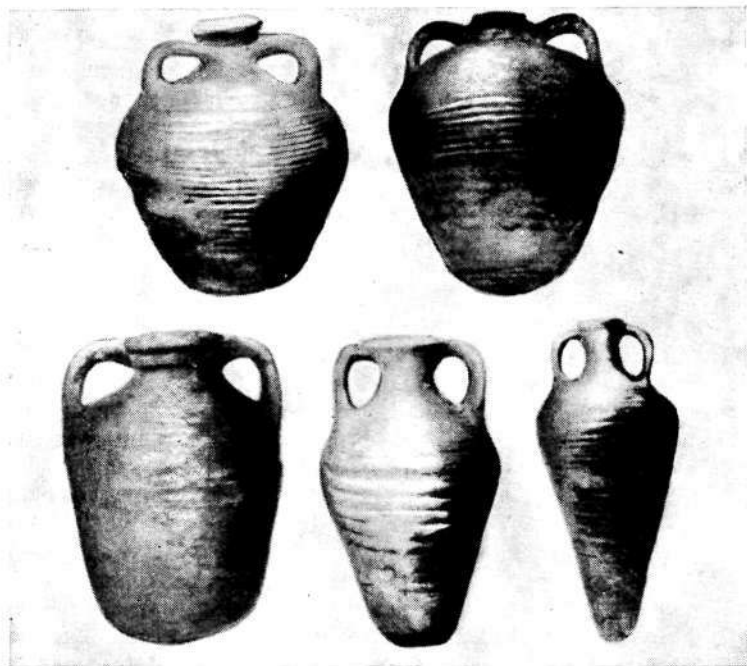
Моравские серп, коса, наконечник для лопаты, сошник, тесло и лемех IX в.

не захватывали как добычу орудия труда (Lemerle, 1979, p. 185, 35—36, § 199).

При взаимодействии с кочевыми народами в хозяйственном и этнокультурном отношении брал верх, как правило, славянский элемент. Авары, господствовавшие с конца VI до начала IX в. над славянами Паннонии и ряда соседних районов, не оказали глубокого влияния на социальную структуру славянского общества (элементы славяно-аварского синтеза отмечают только у паннонских славян, участвовавших в формировании словаков, и в меньшей мере — у словенцев и хорватов) (Grafenauer, 1950, s. 91—95). Иной характер носило взаимодействие славян между Дунаем и Балканским хребтом с тюркским объединением протоболгар, создавших в союзе со славянской родо-племенной знатью в конце VII—VIII в. устойчивое государственное объединение — Болгарию (Петров, 1981, с. 179—287; Литаврин, 1981, с. 29—48). В отличие от Аварского хаганата здесь имело место сотрудничество социальных верхов дву-

этносов в подчинении формирующегося крестьянства и в решении внешнеполитических задач молодого государства. В новых условиях протоболгары (кочевники и полукочевники) были вынуждены оседать на землю. Они растворились в славянской среде, усвоив язык и культуру славян и оставив населению свое имя — болгары.

Последним крупным вторжением кочевников был приход в Центральную Европу на рубеже IX—X вв. венгров, которые подчинили славян Паннонии и в XI в. основали государство, разделившее западных и южных славян. Значительная численность венгров, знакомство их с начатками земледелия еще до прихода в Паннонию, политическое господство

Балканские амфоры X в. из розовой, оранжево-красной и охрово-красной глины

обусловили ассимиляцию части славян завоевателями (Барта, 1965; Várt-
ha, 1975).

Значительным было воздействие Византии на общественный строй славян «болгарской» и сербской групп, а Франкского государства и последующих германских государств — на ход развития словенцев, хорватов и западных славян в VIII—XII вв. Отношения славян с соседями на западном и южном пограничье славянского ареала были весьма напряженными. При этом иногда военная опасность ускоряла политическую консолидацию территориальных союзов славян. Так, например, угроза аварского завоевания ускорила образование так называемого Государства Само в 20-х годах VII в., которое, отразив аварскую и франкскую опасность, упрочило позиции славян в регионе, несмотря на краткость своего существования (распалось в 658 г.). Когда же действия врага требовали в течение длительного времени напряжения всех сил народа, фактор военной опасности оказывал тормозящее воздействие. В таком положении оказа-

лись постепенно подчиняемые славяни на территории Византии, а также полабские славяне, противостоявшие в IX—XI вв. наступлению германцев. У лютичей имело место даже уничтожение княжеской власти и возвращение к порядкам «военной демократии» (Королюк, 1964).

Занятый западными и южными славянами ареал весьма разнообразен в природно-географическом отношении. И этот фактор, несомненно, отражался на темпах становления крестьянства. Он влиял прежде всего на формы его хозяйственной деятельности. Так, в Балтийском Поморье, в северных лесных зонах расселения польских и полабских племен существенную роль играли промыслы (охотничий, рыболовный, лесной),

Западославянский светильник
конца I тысячелетия н. э.
из Кенигсхайна (ГДР)

дольше практиковалось подсечно-огневое земледелие, тягловой силой чаще служила лошадь, медленнее внедрялся тяжелый плуг. Крайний недостаток пригодных для земледелия земель в хорватском приморье обусловил преобладание скотоводства и отсутствие крупных земледельческих комплексов (Бромлей, 1964; Rogić, 1960).

В основе социального и политического прогресса славян в VIII—X вв. лежало ускорение темпов развития производительных сил. На Балканах в целом оно выразилось в выравнивании уровней местной и славянской агротехники, в овладении производственным опытом византийцев. На смену не-

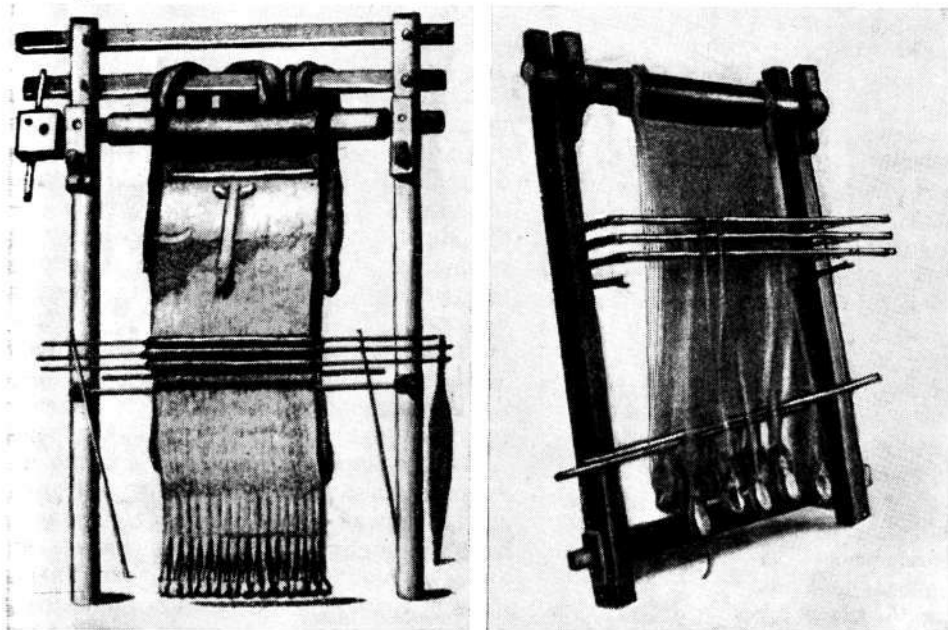
регулярному перелому пришел устойчивый севооборот: славяне перешли к двухполью, широко практиковавшемуся издавна в странах Средиземноморья. Трехполье в подлинном смысле было редким и в Византии: при налаженной системе удобрения почвы и орошения чистые пары не практиковались. Севооборот мог быть ориентирован на трехполье, но пар был при этом занятым (обычно бобовыми) (Кондов, 1961, с. 12). Возможно, славяне Фессалии уже в 70-х годах VII в. были знакомы с этой системой: они продали жителям Фессалоники большую партию пшеницы, бобовых и сухих фруктов (Lemerle, I, p. 214.9—13, § 254; 218.1—3, § 268).

Существенными были сдвиги у славян и в скотоводстве: характерное для земледельцев преобладание крупного рогатого скота сохранилось, но возросла роль овцеводства и свиноводства. Быки (волы) стали в основном тягловой силой, а коров держали преимущественно ради молочных продуктов. Молодняк крупного скота забивали теперь весьма редко.

Большие успехи были достигнуты в ремесле, на развитие которого византийская ремесленная техника также оказала благотворное влияние. Наиболее сильным это воздействие было в заселенных славянами районах к югу и юго-западу от Балканского хребта, где численность автохтонов была значительной (Иванова, с. 215—231).

Показателем продолжавшегося у славян на Балканах в VIII—IX вв. процесса отделения ремесла от сельского хозяйства и развития обмена является появление у них городов как ремесленно-торговых, а не только

административно-религиозных центров. Некоторые из них представляли собой возродившиеся к жизни позднеантичные центры, качественное отличие которых в данную эпоху состояло в том, что среди их производительного населения преобладал мелкий свободный ремесленник, владевший необходимым инструментом и мастерской, совмещенной с лавкой. Характерной особенностью балканского города в течение всего средневековья (исключая далматинский с XII в.) было сохранение массой ремесленников связи с землей, ведение ими мелкого крестьянского хозяйства. В свою очередь, крестьяне изготовляли сами множество орудий и предметов быта. Иначе говоря, отделение ремесла от сельского хозяйства не

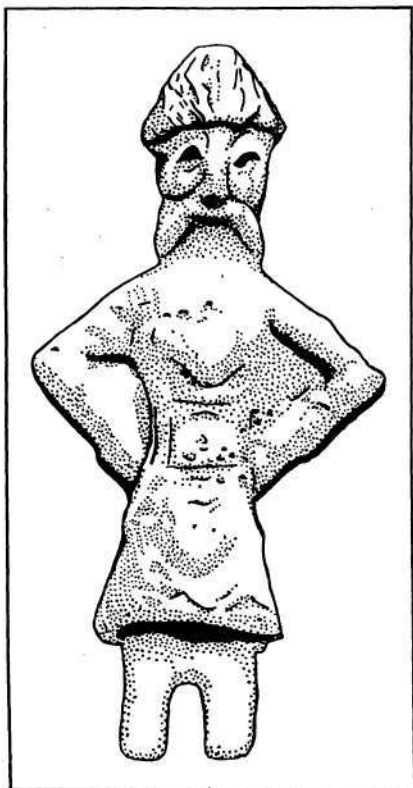
Крестьянский средневропейский ткацкий станок. XI в. Реконструкция

было полным — города сохраняли полуаграрный характер (Лишев, 1970, с. 27 и след.).

По сравнению с VI—VII вв. существенные изменения в развитии производительных сил произошли и в центральноевропейском ареале расселения славян. Пашенное земледелие стало господствующим на большей части этой территории в VIII—IX вв. (Lowmiański, 1953, s. 138; Wielowiejski, 1955). Широко практиковавшаяся у полабских славян (сорбов, велетов, ободритов) и польских племен на западной границе их расселения подсека свидетельствовала в IX в. скорее не об отсталости, а о расширении посевов. Пашенное земледелие обусловило более прочную связь населения с землей, стабильность поселений, создало возможность ведения хозяйства небольшим коллективом (малой семьей). Двухполье стало основной формой севооборота. От X в. имеются данные об озимых и яровых хлебах. Арабский путешественник Ибрагим ибн-Якуб сообщает (середина X в.) о нерегулярном трехполье у славян (МРН, NS, I, р. 52). Сократились посевы проса, увеличились — пшеницы, ячменя, овса, ржи.

Широко распространились бобовые (горох, бобы, чечевица, вика). Бык в качестве пахотного животного вытеснял лошадь. Поввысилась роль овцеводства и свиноводства. Свинина стала основным видом мясной пищи.

Значительный прогресс был достигнут в горном деле, выплавке железа, в металлообработке. В VIII—IX вв. появились города («грады», или «гроды»). В ряде случаев (в Словении, Южной Моравии) в этом процессе сыграла роль позднеантичная традиция, но большинство городов в центральноевропейском регионе не было к ней причастно и становилось ремесленно-торговыми центрами округи, возникая первоначально лишь как военно-административные пункты.

Западнотславянская
бронзовая фигурка крестьянина
конца I тысячелетия н. э.
из Шведта-на-Одере

Формы экономического развития западных славян как в период существования Великой Моравии (Достал, 1978, с. 84), так и позднее, на территории Чехии (Гичек, 1957) и Польши, были примерно одинаковыми. Но темпы и здесь были неравномерными: некоторое отставание польских земель было преодолено в X в. (Королюк, 1957, с. 84—89; Hensel, 1971). Замедление развития полабских славян объяснялось скорее не экономическими, а политическими причинами (германская экспансия) (Санчук, 1982, с. 195—212; Саливов, 1981, с. 130—151).

Вторжение полукочевых и кочевых народов (венгров в Паннонию и печенегов в левобережье Нижнего Дуная) положило начало новому этапу истории этих областей. Венгерское завоевание в первых порах замедлило развитие хозяйства местных славян: здесь были образованы обширные зоны кочевого и полукочевого скотоводства (Grafenauer, 1960, с. 91—95; Avenarius, 1974; Lotmiański, 1967—1973).

Однако с переходом к XI в. большинства венгров к оседлости сохранившие свою этническую специфику словацкие земли по уровню экономического развития не уступали соседним чешским и польским. Здесь также было известно плужное земледелие, внедрялось трехполье, быстро прогрессировали горные

дело, металлообработка, иные ремесла, развивались города. Иначе обстояло дело в зоне вторжения печенегов: необеспеченность результатов земледельческого труда привела к тому, что здесь оформился особый вид хозяйства, основу которого составляло перегонное скотоводство (пастушество), а земледелие играло вспомогательную роль. Славяне, переданные автохтонам элементы своей культуры, постепенно растворялись в волонской среде (Istoria României, 1962, t. II, p. 20—40).

Характеризуя в целом состояние производительных сил у южных западных славян в VIII—X вв., можно сказать, что оно соответствовало

той стадии развития народов Европы, на которой складывались раннефеодальные государства и утвердились первичные формы регулярной эксплуатации большинства их населения (в первую очередь — формирующегося крестьянства) социально и политически господствующим меньшинством. В основе опережающих в эту эпоху темпов развития южных и части западных славян лежало овладение элементами позднеантичного наследия и византийское влияние. Однако формы и темпы развития феодализма, в том числе крестьянской зависимости и самих категорий крестьян, в существенной степени зависели от специфики общественной эволюции на стадии перехода от первобытно-общинного к классовому обществу, от характера воздействия на этот процесс государственной власти.

Комплекс этих вопросов связан в советской науке с проблемами типологии феодализма, а для рассматриваемой в главе темы — прежде всего с проблемой синтеза позднеантичных институтов и славянских общественных порядков эпохи разложения племенного строя (Удальцова, Гутнова, 1983, с. 12—23; Удальцова, 1977). При этом в сферу активного синтеза входила лишь часть феноменов с обеих сторон. Так, например, унаследованное Византией от позднеантичного времени классическое рабство не было воспринято славянами. Патриархальная форма рабства была им давно знакома. Знали они и рабство в прямом смысле слова, нередкое в то время у их соседей-кочевников. Знать держала рабов для обслуживания дома и для ухода за скотом. Не заимствовали славяне и юридические нормы, касающиеся рабства. Иначе говоря, формы и судьбы института рабства у славян не могут найти объяснения в аспекте синтеза или влияния империи.

Когда речь идет о синтезе, главное внимание закономерно уделяется не отживающим элементам старой, рабовладельческой формации, а «росткам» нового идущего на смену общественного строя. К этим элементам, видимо, не может быть отнесена и общинная организация землевладения и землепользования сохранившегося в империи свободного крестьянства. Воспринимающей стороной здесь была скорее сама империя: распространение в Византии сельской общины было связано именно со вторжением варваров; возрождение здесь свободной общины, ослабленной в IV—V вв. и почти исчезнувшей к концу правления Юстиниана I, происходило скорее всего как раз там, где рушилось господство империи.

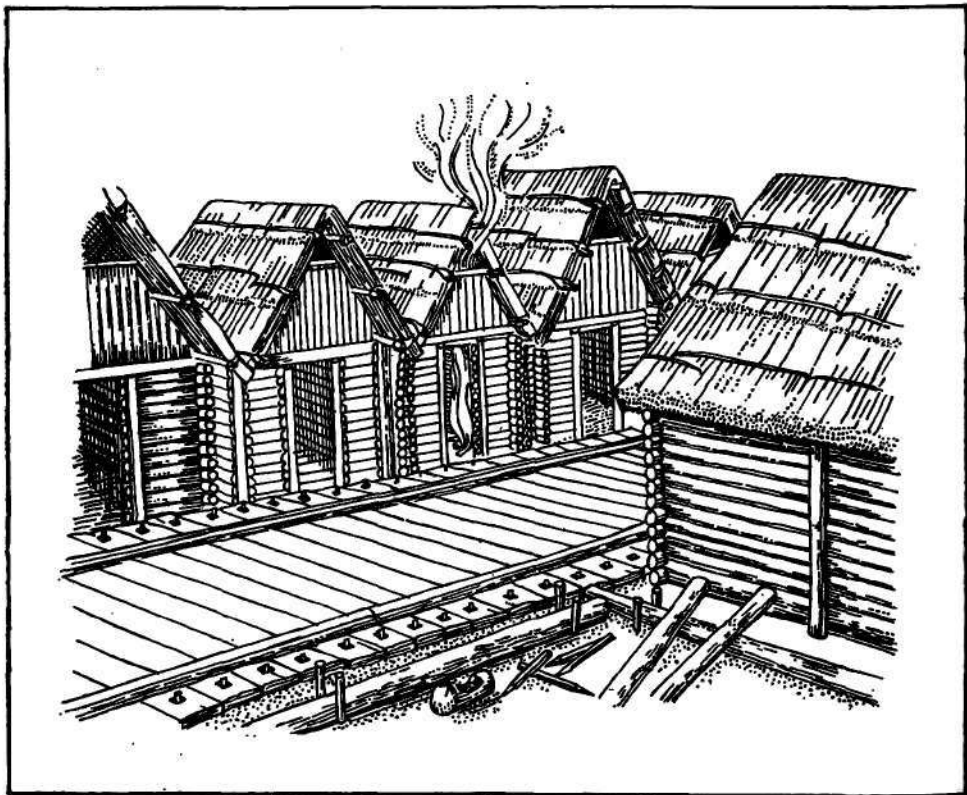
Формы власти в раннефеодальных славянских государствах также отличались от византийских. Ясно различимые феномены византийского происхождения в общественно-политической системе южных славян появятся только после крещения, т. е. уже после становления самих государств. Объяснить это можно, видимо, тем, что элементы новых отношений были в VI—VII вв. свойственны в большей мере не институтам империи, а разлагающимся порядкам племенного строя славян. Сохранившиеся спорадически именья императора и церкви, в которых происходил процесс перестройки их структуры и форм эксплуатации, вряд ли (по крайней мере в VII—VIII вв.) могли оказать на славян заметное влияние.

Более явственно прослеживаются последствия варварского (на Балканах прежде всего — славянского) вторжения для самой империи: насильственное устранение вместе с большей частью именья аристократии не только рабовладельческих, но и колонатных отношений как господствующих до того в империи форм эксплуатации крестьянства, всеобщее распространение свободной территориальной общины, разрушение или ослабление рабовладельческих городских центров, т. е. все то, что повлек-

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

ло за собой упадок громоздкой централизованной податной системы, сокращение и упрощение государственного аппарата, отказ от дорогостоящей и ненадежной наемной армии и т. д.

С точки зрения степени интенсивности синтеза феноменов славянского и позднеантичного общества обычно выделяют два главных региона. Балканы в целом ряд советских медиевистов включают в зону «уравновешенного синтеза» к которому относят земли Болгарии, значительную часть Сербии, а иногда также хорватские и словенские территории. В отличие от этого ареала регион полабо-прибалтийских, польских, чешских и словацких земель (вместе с венгерскими в целом), т. е. регион Централь-

Реконструкция селения западных славян из Майссена (ГДР), X в.

ной Европы, рассматривается как один из вариантов бессинтезного развития, где феодализм сложился, минуя рабовладельческую стадию, из разлагающегося первобытно-общинного строя (Королюк, 1972, с. 7–10; Удальцова, 1977).

Кроме того, В. Д. Королюк предложил при создании обобщенной схемы типологии феодализма в Европе особо выделить район, условно называемый «контактной зоной». Ее спецификой были длительное сосуществование разных хозяйственно-культурных типов — земледельческого, кочового и пастушеского, наличие элементов античного континуитета, влияния Византии, сложность этнических процессов. В отличие от большей части Центральной и Восточной Европы в контактной зоне процесс феодализ-

ции не всегда сопровождался образованием самостоятельных государств на однородной этнической основе. Контактная зона охватывала обширную территорию Европы. Северные и восточные границы ее проходили по южным землям современных Словакии и Моравии, Польши, Молдавии и западных областей Украины. Влияние античного наследия нарастало здесь с севера на юг и с востока на запад (Королюк, 1975, с. 159—182). Впрочем, и в балканской зоне синтеза его последствия были более явственными в направлении с севера на юг и из горных областей — к долинам и прибрежным приморским районам. В целом же главные проявления стимулирующего позднеантичного и византийского воздействия на славян в процессе синтеза следует, вероятно, усматривать не столько в социальной сфере, сколько в области развития производительных сил и в утверждении новых форм идеологии (христианства).

2. Становление феодальной эксплуатации и формирование класса феодально-зависимого крестьянства

Соответственно приведенной выше схеме, целесообразно, по-видимому, рассмотреть указанные в подзаголовке вопрос по регионам. Предварительно, однако, коротко еще о двух проблемах, связанных с процессом оформления крестьянства. Это проблемы становления государства и принятия христианства.

С одной стороны, и образование государства, и христианизация в раннефеодальную эпоху являются убедительными показателями того, что процесс классового образования достиг определенной степени развития и отношения эксплуатируемых и эксплуататоров приобрели антагонистический характер. С другой стороны, укрепляющийся государственный аппарат и христианская церковь стали важнейшим фактором продолжавшегося процесса феодализации, во многом определяя его темпы, формы, специфику.

Хронология становления государств у южных и западных славян приблизительно отражает стадии развития процесса классового образования (приблизительно — потому, что некоторые из них формировались в условиях острой внешней опасности, т. е. форсированными темпами). В конце VII—VIII в. сложились Болгарское государство, в конце VIII в. — Великая Моравия, в начале IX в. — Далматинская Хорватия и княжество на Саве, во второй половине IX в. — сербские княжества, в середине X в. — Чешское государство, а к концу этого века — Польское (процесс становления государств в Паннонии, Словении, Словакии, у полабо-прибалтийских племен и в южнобалканских районах был прерван утверждением иноземной власти).

Устойчивая христианизация осуществлялась сама с помощью органов государственной власти. Ранее всего христианство утвердилось у словенцев, затем у хорватов (к концу 50-х годов IX в.), граничивших с франками и находившихся в тесных отношениях с христианским населением северодалматинских городов, над частью которых хорватские князья устанавливали свой суверенитет. Во второй половине IX в. христианство упрочилось в Великой Моравии и, вероятно, входившей в ее состав Чехии, в Болгарии и сербских княжествах (кроме Нарентании — Пагании). В середине X в. христианство приняла Польша. В первой половине XI в. в условиях германской феодальной экспансии оно распространилось у части полабо-прибалтийских славян (у одобритов). В начале XII в. было

христианизировано Западное Поморье. Однако, даже будучи социально-экономически подготовленным, оно долго не могло упрочиться в полабо-прибалтийском обществе, так как оказалось символом иноземного порабощения.

Отнюдь не всегда более раннее становление государства и христианизация обуславливали и более раннее оформление феодального строя. Так, на территории Чехии, Польши и Словакии становление феодализма приходится на начало XII в., на болгарских землях — на первую половину XII, на сербских — на вторую половину этого столетия, а у полабо-прибалтийских славян (в условиях германского завоевания) на рубеже XII—XIII вв. (Lowmiański, 1953; Королюк, 1957; Черниловский, 1959; Разумовская, 1958; Grafenauer, 1960; Литаврич, 1960; Бромлей, 1964; Havlik, 1964; Brankack, 1964; Tumieniecki, 1928).

Южнославянский регион

Развитие раннефеодальных отношений и их приближение к зрелым формам происходили у южных и западных славян с разной степенью интенсивности.

Оформление крестьянства как социальной категории произошло раньше, чем частновладельческая эксплуатация стала доминирующей формой феодальных отношений. Становление раннефеодального крестьянства распадается, таким образом, на два этапа. Появление крестьянства в качестве еще сравнительно однородного социального слоя связано с началом его регулярной эксплуатации, когда средствами внеэкономического принуждения прибавочный продукт, создаваемый непосредственным производителем в ведущемся им самостоятельно хозяйстве, стал систематически изыматься не на нужды всего общества (как это было при племенном строе), а для удовлетворения потребностей формирующегося слоя знати и для целей дальнейшего упрочения ее экономического, социального и политического господства. Государство с момента своего возникновения обеспечивало развитие феодального строя, первоначальная фаза которого характеризовалась поэтому преобладанием централизованных форм эксплуатации.

Эта фаза (первый этап) хронологически охватывает весь рассматриваемый в главе период, исключая, может быть, лишь территорию Болгарии в XII в., входившую в пределы Византийской империи.

Феодализационный процесс у южных и западных славян совершался в основном двумя путями, которые определяются иногда в историографии как путь «сверху» (т. е. при активном содействии центральной власти) и путь «снизу» (Сюзюмов, 1960).

Почти в течение всего рассматриваемого периода во всех славянских государствах господствовала централизованная эксплуатация. Крестьянство, уплачивавшее лишь налоги в казну и выполнявшее в пользу государства отработочные повинности, мы определяем термином «свободные», в отличие от крестьян, втягивавшихся в частновладельческую эксплуатацию и не имевших права собственности на свой пахотный надел. Генетически государственный налог связан с добровольными взносами на нужды общества первобытно-общинной эпохи. Постепенно крепнущая племенная аристократия узурпировала право на общественные фонды, добровольные взносы трансформировались в регулярные повинности к исполнению которых принуждали силой. Потребности общества идентифицировались с нуждами князя, а представление о суверенитете д

ного этно-социального сообщества персонифицировалось в личности его верховного главы.

Социальная сущность сборов с населения изменилась на этом этапе принципиально — они стали выражением классового господства. Эти перемены нередко квалифицируют в научной литературе как следствие оформления верховной собственности государства (господствующего класса в целом или его высшего главы) на все земли страны. Однако в разных славянских странах существовали в этом отношении столь значительные различия, что указанное слишком обобщенное заключение является преувеличением, поскольку предполагает аналогию общественного строя южных и западных славян восточным деспотиям, где верховная собственность выражалась в неограниченном праве государя не только на все земли, но и на жизнь и смерть подданных (трактуемых юридически в качестве рабов).

В Византии, согласно официальному праву, в IX—XI вв. строго различались земли, находившиеся в собственности государства (императора), крупных землевладельцев и земледельцев-крестьян, и, наконец, общинные земли, принадлежавшие деревенским коллективам в целом. От IX—XI вв. нет ни одного факта произвольного распоряжения императора хотя бы одним двором свободного крестьянина или хотя бы частью общинных угодий: конфискация частной собственности осуществлялась лишь как акт репрессий за мятеж, восстание, заговор, еретичество или иные преступления. Право государя передавать в частные руки подати и самый их сбор стало утверждаться лишь с распространением условного держания от короны и приобрело отчетливые формы во второй половине XII в. (Литаврия, 1975; 1977, с. 103—105).

Есть все основания полагать, что сходным образом обстоит дело и в Болгарии и в Далматинской Хорватии. Вполне определенное свидетельство на этот счет содержит грамота хорватского короля Звонимира (1075—1089 гг.), согласно которой он отказался от прав на налог с пограничного участка, узнав, что собственник продал (причем без ведома короля) землю жителю города, не входившего в пределы Хорватского государства, т. е. не подданному Звонимира. Закономерно заключение, что верховной собственностью на все земли государства Звонимир не обладал (Supetarski Kartular, s. 224; Бромлей, 1964, с. 133).

Государственный налог устанавливался первоначально со всей общины в целом. Центральная власть использовала этот исторически сложившийся институт сельских жителей¹, связав общину коллективной ответственностью за уплату налога и выполнение отработочных повинностей в пользу государства.

На Балканах обычно община совпадала с селом или охватывала несколько соседних сел, включая хутора (веси), выделившиеся из деревни, но не из общины. Села были, как правило, невелики — от 10 до 40 домов. Хутора иногда включали несколько крестьянских дворов. Главной

¹ Термины, обозначающие у южных славян свободных поселенцев, весьма неопределенны: «люди», «простые люди», в латинских источниках — «жители» (incolae), «земледельцы» (agricolae), «селяне» (villani), в греческих — «земледельцы» (οικουοί), «поселяне» (χωρίται). В староболгарских памятниках упоминаются «смерды», но их социальный статус неизвестен. Пахотный, находящийся в собственности крестьянина участок именуется в славянских источниках «ждриб» (жребий), а в латинских — «зога», что, возможно, указывает на существовавший некогда обычай передела пахотных земель по жребью, который постепенно исчезал с развитием индивидуальной (семейной) собственности.

хозяйственной ячейкой в общине служила семья. Нередко она включала братьев и их племянников (этот вариант большой семьи называют братской). В ее составе оставалось и старшее поколение. Но большие семьи все более уступали место малым. Процесс этот растянулся, однако, на столетия, начавшись еще в эпоху переселения: господствовавшая в качестве жилища у южных славян полуземлянка, как и остатки хозяйственных построек, орудий труда, предметов быта свидетельствуют о существовании уже в этот период малых семей. Доводом в пользу того, что эти семьи выделились из большой семьи, можно считать расположение полуземлянок «гнездами» («кустами»), по несколько жилищ в каждой группе. Малые семьи еще сохраняли между собой хозяйственную связь, образуя патронимию, для которой был характерен и общий культ предков. У хорватов патронимия обозначалась термином «вервь». По-видимому, существовали крупные семьи и у болгар и сербов. Следы сохранения в VI—IX вв. на Балканах братской семьи можно усмотреть, в частности, в широком распространении права предпочтения, согласно которому преимущественное право на наследование или покупку отчуждаемой крестьянской земли имели прежде всего братья. Кодифицируя это право в X в., византийские правоведы подчеркивали как чаще встречающееся предпочтительное право на покупку, которое имелось у взрослых братьев, нераздельно («смешанно») владеющих имуществом. О праве предпочтения у хорватов упоминается и в Супетарском картулярии (рубеж XI—XII вв.).

Превращение пахотного надела в собственность крестьянина в Болгарии, как и в Далмации, где с конца IX в. происходила рецессия византийского права, совершилось, видимо, еще в дохристианский период, а теперь лишь нашло юридическое оформление. Об этом говорит сама терминология, обозначающая участок общинника — «баштина», «дедина», «племенщина». Трудно сказать, в какой мере нормы византийского «Земледельческого закона» (VIII в.) отражают жизнь славянского крестьянства, но они распространялись на славянских подданных империи — в том числе в районах, перешедших в VIII—IX вв. под власть Болгарии (Северная Фракия, Северная и Средняя Македония, часть Эпира). Согласно же «Земледельческому закону», общинник был собственником пахотного надела. Переделы земли в общине не производились. В деревнях-общинах уже имелись безземельные, издольщики и наемные работники, обрабатывавшие чужую землю за долю урожая или за плату (Липшиц, 1945, с. 122—123). В законах Крума (начало IX в.) богатым предписывалось снабжать разорившихся имуществом таким образом, чтобы они впредь не нищенствовали. Это, видимо, было возможно только при наделении безземельных участком, скотом и инвентарем. От XI в. достаточно данных о разных формах отчуждения крестьянами своих земель. Этим фактам не противоречат известия о переделах пахотных участков в рамках отдельной патронимии — верви: и малые, и большие семьи входили в одну и ту же соседскую общину, и передел между братьями являлся уже внутренним делом семьи.

Сельские общины объединялись в более крупные территориальные единицы, именовавшиеся у хорватов «сотнями» (возможно, термин отражал структуру народного ополчения). Несколько таких единиц, в свою очередь, входило в состав еще более крупных объединений. У сербов и у хорватов (а может быть, — и у болгар) такие объединения именовались жупами, хотя иногда то же обозначение употребляется и применительно к более мелким территориальным ячейкам (Грачев, 1972, с. 90—100).

Преобразование общины в податную произошло в Болгарии, вероятно, уже в первые десятилетия после образования государства. Объединение протоболгарских родов подчинило непосредственно в ареале расселения местных славян, сделал их данниками. Об их тяжелых трудовых повинностях свидетельствуют грандиозные укрепления вокруг «аулов» — станов протоболгарской знати, для возведения которых требовался труд множества землекопов, плотников, каменщиков. «Аулы» были сооружены в разных концах центральной, северной и восточной Болгарии. Наиболее яркий образец таких аулов — столица Болгарии Плиска, в которой следы непрерывного пребывания славянского населения прослеживаются с конца VII в. На периферии государства шел пояс полуавтономных славянских княжеств, оставшихся под властью союзных хану князей и жупанов, которые несли в пользу хана военную службу, возглавляя приводимые ими славянские ополчения, и уплачивали ему часть собираемых в своих славянских натуральных даней.

Возможно, уже на раннем этапе установились различия в положении крестьян этих двух по-разному организованных регионов государства, как и в положении крестьян в каждом из регионов в отдельности. Рядовые протоболгары служили преимущественно в коннице. Что же касается славян, то они составляли в основном пехотные части. Их вооружение зависело, видимо, от их имущественного положения, как это было обычно в средние века для крестьянских ополчений. Так, по крайней мере, обстояло дело в IX—X вв. в Хорватии: у ее князя имелись конные, пехотные и морские силы. С развитием феодализации роль ополчения должна была сокращаться — среди повинностей крестьян все большее значение стали приобретать налоги и отработки в пользу казны, отбываемые под надзором «властителей» — представителей власти. Процесс обнищания захватил и массу протоболгар: во время Крума часть воинов-конников не имела хороших коней и надлежащего вооружения. Обеднение свободных крестьян ускорило в правление Симеона, ведущего непрерывные войны: поселяне тысячами бежали из страны. Более высокую боеспособность (а следовательно, — и имущественную состоятельность) сохраняли крестьяне-ополченцы западных и юго-западных гористых районов страны, составившие позднее опору Самуила в его борьбе с империей (Литаврин, 1956).

Более определенны данные о налогах свободного крестьянства Болгарии от времени, предшествовавшего ее завоеванию византийцами (1018 г.). Уже при Петре (927—970 гг.) и Самуиле (976—1014 гг.) установилась система обложения, основанная, как и в Византии, на предварительном учете доходности хозяйства: обладатель полнонадельного тягла владел парой волов и участком, который эта упряжка могла обработать. С такого тягла вносились один модий (полпуда) пшеницы, модий проса и мера (кувшин) вина. Под византийским господством (1018—1186 гг.) централизованная эксплуатация значительно возросла, налоги были коммутированы на деньги, умножилось их число: без обложения не был оставлен ни один объект крестьянского хозяйства. Военнообязанные участки постепенно переводились в состав податных. Увеличились отработки и натуральные повинности всякого рода в пользу войска, казны и чиновников.

К концу XII в. свободное крестьянство было более многочисленным уже не в западной и юго-западной Болгарии, а северо-восточной, где власть империи была менее прочной и где менее распространенной была прония. Именно прония нанесла в Византийской империи (в том числе

во многих районах Болгарии) особенно сильный урон крестьянскому землевладению: император в обмен за службу (преимущественно — военную) стал раздавать земли, населенные свободными налогоплательщиками, в частные руки с правом собирать с них значительную часть налогов. Обладатели проний получали все более широкие льготы и права низшей и средней юрисдикции (иммунитет). Раздача проний свидетельствовала о распространении права государственной (императорской) собственности на земли свободных крестьян — именно так расценили это явление современники.

Время установления централизованной эксплуатации и ее формы в сербских княжествах IX—XII вв. почти неизвестны. Свободное крестьянство, по всей вероятности, в силу замедленных темпов развития феодализма сохранялось здесь дольше, чем в Болгарии, и в его положении было, видимо, больше разнообразия в разных областях, так как крестьяне (*vicini*) жили на землях, как правило, малых княжеств, где власть племенной местной знати (жупанов) была более опутимой. Медленнее складывался здесь аппарат центральной власти, долго не было постоянной столицы, и князь со своим двором периодически объезжал подвластные земли, требуя от крестьян полного содержания (Наумов, 1982, с. 181—195). Слой свободного крестьянства был в сербских землях еще значительным во второй половине XII в., составив опору Стефана Немани в борьбе за единое Сербское государство и его независимость от империи.

Еще более своеобразным было положение в хорватских землях. Князья (короли) стали рано раздавать здесь лены, «состоящие из дани», в награду за службу и под условием ее несения, но эта практика не привела при засилье на местах племенной знати к упрочению права верховной собственности на все земли страны.

Особую зону образовывали далматинские города с окрестными землями. В VII—XI вв. их жители составляли общину с уравнительными тенденциями, проявившимися при разделе пригородных и лежащих на ближайших островах земель. Эти горожане являлись в сущности крестьянами. Они подвергались централизованной эксплуатации (сбору дани), только в случаях установления над городами суверенитета хорватских либо венгерских (в XII в.) правителей. Лишь с развитием ремесел и торговли в XII в. и невозможностью совмещать занятие ими и сельским хозяйством горожане — владельцы пригородных участков стали раздавать их в аренду. Широко практиковалась свободная аренда — *коллат*, не имевший, однако, ничего общего с позднеримским (Фрейдленбергер, 1972, с. 97—116).

Процесс формирования у южных славян класса зависимого крестьянства начался, видимо, еще в период существования племенных княжеств. О силе родо-племенной аристократии, державшей под контролем целые районы и после образования государства, свидетельствует попытка знати славинии тимочан выйти из состава Болгарии в 818—823 гг. (Гюзелев, 1981, с. 68—80).

Упрочение центральной власти означало ликвидацию засилья родо-племенной аристократии и подчинение населения суверенитету главного государства. Поднималась новая, служилая знать, прежде всего — дружинники князя, отесывавшие племенную аристократию на задний план. Часть знатных родов приходила в упадок, гибла в междоусобицах и в борьбе с центральной властью. В латинских источниках, относящихся к Хорватии, новая знать обозначается обычно термином *pobiles* в отличие

от родовой (*maiores, primates*). В Болгарии для высшей знати утвердилось обозначение «боляре», восходящее к тюркскому (протоболгарскому) «бойл», что, может быть, указывает на формирование высшего слоя из среды завоевателей, удерживавших до середины IX в. господствующие позиции в центральном аппарате. Гипертрофия внешнеполитической функции (борьба с империей), наличие хорошо организованного конного войска (кочевников-протоболгар), крупная роль правящего рода-династии в укреплении государства — все это обусловило прочность центральной власти в Болгарии, строгое соблюдение наследственности престола. До раздачи ленов, «состоящих из дани», в VIII—X вв. здесь дело еще не дошло: централизованная эксплуатация осуществлялась в основном, как и в Византии, через государственный аппарат. Распределение собранных средств среди знати совершалось, видимо, самим ханом (князем). Централизованно реализовалась, скорее всего, и часть дани (налога) на внешнем рынке. С начала VIII до конца IX в. Болгария проявляла чрезвычайную заинтересованность в покупке у византийцев предметов роскоши, оружия, дорогой утвари и одежды в обмен на продукты сельского хозяйства и промыслов (кожи, лен, воск, мед, меха), на скот и рабов. Как известно по договорам X в. Древней Руси с Византией, подобную торговлю вела и феодализирующаяся русская знать.

Племенная (особенно, протоболгарская) аристократия оказывала сопротивление росту единоличной власти государя. В 865 г. в ходе крещения Болгарии она дважды поднимала мятеж против Бориса (Михаила) под флагом восстановления язычества. В результате княжеских репрессий было поголовно уничтожено 52 знатных рода. Опозиция протоболгарской родовой знати была уже сломлена, а славянская, утратив еще раньше с ликвидацией автономии славянских племен свое положение, широко вливалась в ряды служилой, составив ее подавляющее большинство. Эти процессы и обусловили сплочение господствующего класса Болгарии к концу IX в. и повышение ее могущества. Таким образом, укрепив свои позиции, центральная власть оказалась препятствием развития феодализации «снизу» в Болгарии. Процесс этой феодализации не прекратился, но он был поставлен под контроль главы государства, содействовавшего феодализации «сверху», субъективной целью которой было всемерное упрочение монархической власти.

Совершенствуя систему централизованной эксплуатации, государь одновременно создавал обширный фонд государственных земель. В него включались земли разгромленной родо-племенной знати, выморочные земли, территории, захваченные в ходе войн, присвоенные «ничейные», межобщинные пустоши, леса, луга. На этих землях опережающими темпами, сравнительно с частным землевладением, складывались княжеские имения. Обладая основными средствами внеэкономического принуждения и главной долей военной добычи, князь в начале организации крупных имений широко прибегал и к использованию труда рабов, хотя он и не был основой производства. Рабовладельческий уклад у южных славян играл более заметную роль в районах, где сравнительно большее значение имело скотоводство (запад и северо-запад полуострова).

Источником рабства был обычно плен. В рабов обращалась часть местного населения и при завоевании его иноземцами (например, при утверждении власти Византии на землях Болгарии). Рабами становились и несостоятельные должники, преступники, которым рабством заменяли казнь. В середине IX в. болгарский пограничный страж, не помешавший бежать из страны невольнику, подвергался казни. Рабов продавали и по-

купали. Об оживленной торговле рабами у славян говорят арабские авторы X—XI вв. Купцы-арабы вывозили рабов из славянских государств на восточные и европейские рынки. Лишь часть рабов использовалась для работы на земле: одни трудились на домене, а другие помещались на выделенных для них участках. С течением времени положение посаженных на землю рабов уподоблялось статусу зависимого крестьянина-держателя. Использовали рабов при создании своих имений и представители знати, получавшие нередко в качестве княжеских пожалований прежде всего пустоши (*Documenta historiae Chroaticaе*, № 133, 233).

Именно этот путь — через княжеские пожалования — был в IX—XI вв. в южнославянских странах главным при формировании феодальных вотчин. Особенно быстро складывалось церковно-монастырское землевладение. После крещения Болгарии в 865 г. духовенству передавались и княжеские имения, и пустоши, и целые села упорствующих в язычестве поселян. Уже через полвека Козма Пресвитер, бывший сам духовным лицом, писал о стяжательстве иерархами и монахами «нив и сел», об угнетении ими населения, о роскоши и об упадке нравов духовенства. Согласно грамотам Василия II, епископы Болгарии еще до византийского завоевания имели по всей стране земельные владения с зависимым крестьянством, часть которого была освобождена в пользу церкви от главных налогов в казну.

Император подчеркивал, что эти порядки ничем не отличаются от византийских, и именует зависимых крестьян болгарской церкви «париками» (Иванов, 1970, с. 551 и след.).

В XI—XII вв. на болгарских землях сложилось крупное феодальное землевладение, распространилась прония, быстро превращавшаяся в наследственное владение, оформился иммунитет феодального поместья.

Зависимое крестьянство к концу XII в. составляло здесь уже большинство сельского населения. Оно делилось на несколько категорий, различавшихся по имущественному положению, формам и интенсивности эксплуатации. Но общей тенденцией была нивелировка статуса разных категорий зависимых, сливавшихся в единый слой держателей-париков. В Болгарии так же, как и в империи, был установлен жесткий контроль центральной власти над ростом крупного землевладения, чиновники казны определяли размеры налогов и со свободных, и с зависимых крестьян. Все это оправдывает вывод о близком к византийскому пути развития феодализма в Болгарии в IX — начале XI в., т. е. еще до падения Первого Болгарского царства. Видимо, и здесь, как в империи, крестьянство делилось на три больших разряда: феодально-зависимых (они платили ренту господину и, если он не обладал податным иммунитетом, налоги в казну), государственных (они мало отличались от первых, ибо трудились на тех же условиях в имениях самого государя) и свободных (налогоплательщиков казны) (Litawrin, 1978). Как и в Византии, до завоевания Болгарии ее правитель не обладал правом верховной собственности на все земли страны.

В сербских и хорватских княжествах централизованная эксплуатация, видимо, господствовала до конца XII в. Родо-племенная знать обладала здесь более сильными позициями, пользовалась большим влиянием в местах, препятствуя развитию налоговой системы и укреплению контроля центральной власти. Обладая более ограниченным фондом доменных земель, князья (короли, великие жупаны) стали рано раздавать «земли состоящие из дани», ослабляя тем самым казначейство и содействуя сохранению полицентризма, преобладанию центробежных сил. В свою очередь

редь, местные жупаны не обладали достаточными силами для расширения собственных феодальных вотчин. Темпы развития феодализма были здесь замедленными, формы его долго сохраняли архаические черты.

Центральноевропейский регион

По сравнению с южнославянским регионом центральноевропейский составлял большее структурное единство, но темпы развития феодализма и здесь не были одинаковыми. Существенно отличалась от балканской и деревня — даже по внешнему виду. Чем далее к северу, тем чаще основным видом жилища были не полуземлянки, а наземные срубные дома. Помимо деревень-улицовок, существовали поселения, где дома располагались по кругу (так называемые окольные) — возможно, для нужд обороны (Balzer, 1910). Другим типом поселений были веси — выселки из деревень. Несколько сел-общин составляли ополье, а ряд ополей — еще более крупное объединение, опиравшееся на «град» (или «грод») — укрепленное крупное поселение, являвшееся убежищем и административным пунктом (Hensel, 1965). Свободные крестьяне у западных славян именовались «людьми», «селянами», «мужами», может быть, «кметами». У полабо-прибалтийских славян и у поляков встречался и термин «смерд». У словенцев часть свободных крестьян называлась «косезами» (Grafenauer, 1952).

О формах эксплуатации крестьянства в Великой Моравии нет сведений. Но вряд ли подлежит сомнению, что в эпоху существования этого западнославянского государства (оно распалось в 906 г. под ударами венгров) основную массу его населения составляли свободные крестьяне, платившие в казну налоги и выполнявшие трудовые повинности. В материальной культуре Великой Моравии до начала X в. ведущую роль играла носящая следы византийского влияния культура политического центра страны — моравская и словацкая, откуда она распространялась на другие области государства (O rosatkach slovenskych dejn, 1965; Dostal, 1965, с. 405, 408). Между старыми племенными центрами и новыми княжескими «графами» существовали непосредственная преемственность. Новые грады (Микульчицы, Велеград) отличались крупными размерами, свидетельствуя о наличии больших средств в руках князя. Решительное преобладание моравян и военная опасность, исходившая от франков, обусловили сравнительно быстрое объединение Моравии с Нитранским княжеством, без разорения его старых центров. Упомянув о высшей знати Великой Моравии, источники подчеркивают их верность князю (Флоря, 1982, с. 86).

Становление централизованной эксплуатации у славян Центральной Европы происходило в сходных формах. Власть государя над своими подданными оказывалась тем сильнее, чем основательнее в ходе объединения были подорваны позиции племенной аристократии. Так, в Чехии консолидировавшаяся в жестокой борьбе княжеская власть полностью уничтожила старые «графы» — опорные пункты племенной знати. Новые административные центры князь возводил, как правило, на новых местах, направляя туда из числа своих дружинников наместников — представителей новой, служилой знати, не причастной к традициям родо-племенной аристократии и связывавшей свое положение лишь с верной службой главе государства (Флоря, 1982, с. 123—125).

Крестьянство Чехии вносило регулярные налоги в казну с конца X в. Община была податной, несущей коллективную налоговую ответст-

венность. От круговой поруки ее не избавил и последующий переход к подворному обложению. Помимо уплаты налога, крестьяне снабжали продовольствием и фуражом государственных чиновников и служилых людей князя во время их поездок. Особенно обременительными для крестьян были разъезды по стране самого князя с многочисленной свитой и прислугой. К концу XI в. свободные крестьяне (дедичи) делились на два разряда. Зажиточные вошли в состав «воинов», служба для которых (отныне регулярная, в отличие от эпизодических сборов прежнего ополчения) стала их главной повинностью; остальные были отнесены к разряду налогоплательщиков. Часть крестьян, кроме того, волей центральной власти была выделена из податных общин в особые «служебные» категории со специфическими обязанностями. Эти крестьяне представляли квалифицированную рабочую силу (ремесленники разных специальностей, скотники, егеря, псаря и т. п.), были приписаны к княжескому двору и его имениям. Взамен они получали освобождение от ряда государственных налогов, особый наследственный юридический статус и ряд привилегий (охотиться на некоторые виды животных, разрабатывать рудные месторождения, строить мельницы и т. п.). Подобные «служебные» организации были созданы позднее и в Польше. Все это обусловило отнюдь не бесспорное, на наш взгляд, убеждение ряда ученых, что в Чехии и Польше государь был не только крупнейшим, но и единственным землевладельцем, не только верховным собственником основного условия производства — земли, но и организатором самого производства и высшим распорядителем получаемых от земли благ (Krzemieńska, Třeštík, 1978, с. 227—228).

Волей центральной власти вслед за христианизацией были определены и доходы в пользу служителей церкви. Первоначально это была десятина от доходов князя, а затем — десятина с урожая всего крестьянства. До превращения в крупного землевладельца в конце XI—XII в. церковь у западных славян была особенно тесно связана с княжеским двором, представляя собой, в сущности, часть государственного аппарата.

В Польше традиции общин-ополь (охватывавших до 20 деревень), как и большой семьи, были более устойчивыми, чем у чехов и словаков. Основную массу крестьян в XI—XII вв. составляли свободные (дедичи, наследники). Ополье и в XII в. оставалось налоговой единицей, связанной круговой порукой. Здесь также практиковались разъезды по стране главы государства со своим двором; десятина в пользу церкви имела форму изъятия непосредственно со сжатой нивы крестьянина каждого десятичного снопа (впоследствии замененного десятой мерой зерна).

В первые полтора века развития чешской государственности сильная центральная власть, преследуя фискальные интересы, принимала меры к охране мелкой крестьянской собственности. Класс феодально-зависимого крестьянства был еще сравнительно невелик. Но последующее развитие феодализации ускорила рано установившаяся практика раздачи князем служилым людям права сбора налогов с населения определенной территории. В свою пользу бенефициарий оставлял до трети казенных налогов.

У славян Центральной Европы, как и у южных, оформление княжеских, а затем церковно-монастырских имений значительно опережало становление вотчин других разрядов знати. Сходной при этом была и роль рабского труда. Отличие состояло, однако, в том, что, несмотря на более позднее становление государственности, намного раньше оформилось здесь право государя раздавать налоговый фонд в частные руки под условием несения службы, быстрее развилась система иммунитетных привилегий.

и в конечном счете ускоренными темпами складывалась сеньориальная форма эксплуатации.

Уже в «Житиях Вацлава и Людмилы» (X в.) указывается на формирование частных имений и на отработки крестьян в пользу господ. Другими же в XI в. все чаще получали не только право на присвоение (по месту отправления должности) части налогов, но и земли из княжеского фонда. Сначала это были пустоши, где господа постепенно, с помощью рабов, немущих пришельцев (госпитов — чужаков), как и обезземеленных местных крестьян, создавал доменальное хозяйство. Наконец, в XII в. короли стали раздавать также свои имения вместе с приписанным к ним зависимым населением. Эти пожалования назывались выслугой. Статус крестьян (рустиков), приписанных к имениям знати, был близок к положению лично-зависимых. Особо привилегированными были пожалования, в которые входили упоминавшиеся «служебные» организации — поселения специализированных на выполнении определенных работ зависимых людей. Чаще король наделял ими церковных феодалов, владения которых в XII в. уступали только королевским. Видимо, к «служебным» организациям восходили по происхождению зависимые села с такими названиями, как Ковачи, Тесары (плотники) (в Словакии), Овчары, Свиначи, Кобыльнички (в Польше).

На словацких землях Венгерского королевства в XI—XII вв. энергично основывала имения венгерская аристократия, захватывая земли крестьян и разрушая их общинную структуру. Позиции славянской знати здесь были подорваны. Труд рабов зачастую играл существенную роль при организации крупных вотчин. Венгерские короли брали в походах много пленных, которых в качестве рабов раздавали соратникам и церкви. Рабов сажали обычно на землю, обращая в зависимых крестьян. Власть господина (обычно венгра) на словацких землях была особенно сильна. Приписанные королем к владениям церкви или служилых людей крестьяне лишь первое время оставались под юрисдикцией государственной власти. С развитием иммунитета феодального поместья они оказывались в полной власти господина. Право перехода крестьян было практически ликвидировано. Сложилось два главных разряда знати: магнаты (крупные землевладельцы-иммунисты) и рыцари (средняя и мелкая знать, игравшая главную роль в феодальной войне и вытеснившая прежнее крестьянское ополчение). В Чехии и Польше эти разряды феодалов именовались соответственно панями и шляхтой (Бардах, Леснодорский, Пиетрчак, 1980, с. 39, 48, 50, 61, 65).

Спецификой становления сеньориальных форм эксплуатации на польских землях были его более медленные темпы и почти полное отсутствие условного землевладения. Короли и здесь раздавали в награду за службу пустоши, земли со свободным крестьянством, свои имения, но раздавали их в полную собственность. Приписанные к этим имениям крестьяне оказывались на положении лично-зависимых почти сразу после передачи частному лицу: беглых предписывалось возвращать силой. Шире протекал на польских землях и процесс возникновения зависимого крестьянства в результате имущественного расслоения общины, без вмешательства центральной власти. Как и на Руси, особую категорию составляли в Польше закупы, несостоятельные должники, множество которых использовалось в качестве дворовых холопов, а часть сажалась на землю и сливалась с зависимыми держателями. Такова же была судьба сервов и децимов, имевших первоначально статус невольников. Большие масштабы приняла на польских землях и коммендация — вынужденная отдача

себя крестьянином вместе со своим хозяйством под покровительство пана, чтобы ценой такой зависимости найти защиту от налоговых чиновников и от насилий крупных собственников.

С развитием товарно-денежных отношений все чаще наблюдался переход от отработочной ренты к денежной и натуральной, особенно близ крупных городских центров или торговых путей.

Существенной особенностью в развитии феодальных отношений был характерный для Чехии и Польши широкомасштабный процесс внутренней колонизации новых земель, начавшийся в середине XII в. Колонизация была, несомненно, следствием развития производительных сил и роста населения. Земли стало не хватать. Шла массовая расчистка лесов, осушались болота, осваивались пустоши. В ходе колонизации было создано особенно много привилегированных, мало зависимых от центральной власти имений. На первых порах колонизация привела к улучшению положения зависимого крестьянства. Она поощрялась государством, предоставлявшим феодалам — организаторам новых имений налоговые и имущественные привилегии. Заинтересованные в привлечении на колонизируемые земли рабочей силы, феодалы шли на уступки крестьянам, по преимуществу безземельным, беглым, обнищавшим. Им предоставлялось право не платить в течение определенного срока ренту, с ними заключался «чиншевый договор», в котором фиксировались их обязательства перед господином (чинш). За крестьянами признавалось право ухода из поместья после выполнения положенных работ и уплаты ренты. Такие условия держания господской земли назывались поселением в имении на польском праве.

Одним из важных последствий внутренней колонизации в рассматриваемое время было начало складывания свободного от личной наследственной зависимости крестьянства: безземельные и неимущие осваивали в некоторых местах новые земли самостоятельно, создавая поселения на принципах общинного правопорядка. Однако уже к началу XIII в. обозначился еще один важный результат внутренней колонизации, хотя ее апогей приходился только на XIV в.: она содействовала значительному укреплению, особенно в Польше, положения крупной феодальной знати и ослаблению позиций центральной власти. В конечном итоге феодально-зависимое крестьянство, составлявшее к рубежу XII—XIII вв. в Чехии и Польше большинство сельского населения, попадало все более в сферу действия частного права, т. е. в полную власть крупных собственников. Феодальная раздробленность, ознаменованная ожесточенной междоусобной борьбой, наступила в Польше уже в середине XII в. и продолжалась здесь намного дольше, чем в Чехии (История Польши, 1956, I, с. 60—72).

Наиболее общей особенностью формирования крестьянства в центрально-европейском регионе по сравнению со славяно-балканским можно признать, видимо, во-первых, более краткий период существования централизованной эксплуатации крестьян в качестве господствующей формы и, во-вторых, значительно более быстрый и интенсивный процесс стягивания крестьянства в частновладельческую феодальную зависимость.

3. Социальная и классовая борьба эксплуатируемого крестьянства

Сохранившиеся сведения лишь фрагментарно и неполно отражают картину сопротивления формирующегося крестьянства процессу укрепления и развития системы его эксплуатации. Крестьянство отвечало резким пре-

тестом уже на централизованные формы изъятия плодов его труда. Многочисленными были случаи бегства крестьян из своих деревень. Временами оно принимало массовый характер; как, например, в Болгарии во время войн царя Симеона: тысячи крестьян уходили на земли соседней Византии. Крестьяне принимали участие в мятежах знати, в княжеских междоусобицах. Особенно обострилась борьба крестьянства, когда одновременно с утверждением централизованной эксплуатации все более широкие его слои втягивались в сеньориальную зависимость, т. е. оказывались сплошь и рядом под двойным гнетом. Чаще «пускались в бега» сервы, рабы, децимы, формировавшиеся в значительной части из пленных или приобретенные на невольничьих рынках. В более сложных условиях находились обремененные семьями наследственные сервы, но и они, вероятно, совершали побег, пользуясь поддержкой окружающих поселен. Активной формой крестьянского сопротивления были действия так называемых разбойничьих отрядов, мстивших государственным налоговым чиновникам и феодалам за насилия и притеснения.

Эти методы борьбы крестьян вызвали целую систему репрессивных мер государственной власти, формы преследования и виды наказания «мятежников» фиксировались в официальном праве — достаточно напомнить о законах Крума против «бродяжничающих» и о статьях «Закона судного людем» против посягающих на частную собственность. Формирование отрядов «разбойников» являлось переходной ступенью к вооруженным крестьянским восстаниям. В раннефеодальный период в них участвовали прежде всего свободные крестьяне, начинавшие испытывать на себе тяжесть последствий феодализации и надеявшиеся отстоять свои бывшие привилегии. Источники сохранили, однако, по преимуществу отрывочные сведения о большей части такого рода массовых движений и лишь о некоторых из них имеются более подробные, но, как правило, тенденциозные свидетельства.

Одним из наиболее ярких примеров широкого антифеодального движения является крестьянское восстание 1037—1038 гг. в Польше, охватившее значительную часть страны и подавленное при поддержке иноземных феодалов. Активное участие принимали в восстании также сервы. Движение было направлено против вельмож, чиновников и церкви и проходило под лозунгом восстановления язычества. Русская летопись отмечает широкий размах восстания: «И бысть мятежь в земли Лядьске. Вставшии, людие избивша епископы и попы и бояры свои, и бысть в них мятежь» (ПВЛ, I, с. 101).

Подобные антифеодальные восстания крестьян в XI в. имели место во всех западнославянских землях. Характерно, что они, как правило, проходили под флагом возвращения к язычеству: в сознании крестьянства ухудшение его положения прочно связывалось с утверждением христианства и организацией церкви, ставшей верным помощником власть имущих. Таким антифеодальным движением, которое проходило также под знаменем восстановления язычества, было крупное восстание полабо-прибалтийских славян в 1066 г., приведшее к гибели бодрицкого князя Готшалка (Королюк, 1962). Следует подчеркнуть, однако, что у полабо-прибалтийских славян, как и у части южных (у хорватов во время восстания Людевита Посавского в 819—822 гг., у болгар и сербов во время восстания XI—XII вв.), антифеодальные движения обычно сливались с народно-освободительными, направленными против иноземных (немецких и византийских) феодалов и представителей иноэтнического христианского клира. Антифеодальные тенденции отчетливо проявились, в частности,

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

в народно-освободительных восстаниях в Болгарии в XI в. против византийского господства (Литаврин, 1960, с. 376—461).

Как уже говорилось, лишь незначительная часть фактов из истории социальной и классовой борьбы крестьян отражена в сохранившихся источниках. И все-таки имеются основания для того, чтобы наметить некоторые главные отличия, свойственные антифеодальному движению у южных и западных славян в эпоху становления феодальных отношений.

У западных славян, где процесс формирования государства протекал более медленными темпами и христианство стало распространяться относительно поздно или воспринималось как символ чужеземного гнета (у поляков, полабо-прибалтийских славян), народные движения принимали формы борьбы за реставрацию язычества.

У южных славян, особенно в Болгарии, где христианизация общества опережала процесс его феодализации, антифеодальное движение развернулось в виде религиозной ереси — богомилства, приверженцы которого отрицали государство, социальную иерархию, церковь, частную собственность, призывали к отказу от уплаты налогов и несения повинностей в пользу казны, духовных и светских господ. Ересь охватила в X в. значительную территорию, перекинулась в Сербию, а позднее и в Боснию (Ангелов, 1969). В Хорватии своеобразным руслом народного антифеодального движения была борьба за славянскую церковь (*Historia naroda Jugoslavije*, I, s. 204—205), т. е., по сути дела, — против церковного землевладения, поскольку оставшаяся в памяти населения церковь, основанная Кириллом и Мефодием, еще не имела, по-видимому, крупной земельной собственности и, следовательно, не выступала в роли феодально-эксплуататора. Этим обстоятельством, возможно, объясняется отчасти и прочность церковных славянских традиций в хорватских землях в X — начале XI в.

Таким образом, особенности классовой борьбы крестьян отражали специфику развития феодальных отношений в южнославянском и центральноевропейском регионах. Несмотря на существенные различия в формах и темпах становления крестьянства у южных и западных славян, оно совершалось на всех славянских землях в Юго-Восточной и Центральной Европе в результате утверждения прежде всего централизованной эксплуатации со стороны раннефеодального государства. Лишь на последнем этапе рассмотренного в главе периода (VI—XII вв.) и лишь у части южных и западных славян возобладала частновладельческая эксплуатация, которой подвергался консолидировавшийся класс феодально-зависимых крестьян.

ВЕНГЕРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО XI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В.

Венгерское крестьянство составляло более половины населения королевства Венгрии, которое занимало обширную территорию Среднего Подунавья, ограниченную на севере, востоке и юго-востоке Карпатами, на юге — реками Дунай и Сава и Юлийскими Альпами.

В этом ареале была расположена этническая территория венгров — Большая Среднедунайская низменность, предгорья (до границы буковых лесов) и речные долины южных склонов Западных Карпат, западных склонов Восточных Карпат и северных склонов Южных Карпат, все склоны Западных Румынских гор и Трансильванское плато. Начальный этап существования Венгерского королевства характеризуется переходом венгров, занимавшихся до прихода сюда характерными для полуседлых народов скотоводством, птицеводством и отчасти плужным земледелием, к господству оседлого земледелия. Феодалные отношения здесь возникли в результате завершения распада родового строя и превращения родовой знати в знать землевладельческую, реализовывавшую право на земельную собственность посредством эксплуатации посаженных на землю рабов (из числа пленников и неимущих соплеменников), а также вследствие политики складывавшегося раннефеодального государства, которое активно способствовало установлению власти светской знати и католической церкви над свободными. Зарождение феодальных отношений было ускорено контактами со странами, где эти отношения сложились значительно раньше (прежде всего — области Германской империи). Выходцы оттуда пополняли ряды господствующего класса.

Предысторию венгерского крестьянства составляют события и процессы, связанные с поселением венгерских племен в Среднем Подунавье в X в. и образованием раннефеодального королевства Венгрии в начале XI в. (Шушарин. Поселение..., 1971). Ввиду отсутствия сколько-нибудь определенных свидетельств источников и недостаточной разработанности материалов археологии вопросы о развитости земледелия у венгров до X в., об их взаимодействии со славянами Среднего Подунавья (в частности, о степени влияния последних на переход венгров к земледелию, о характере отношений различных слоев венгерского общества со славянским населением, о темпах перехода венгров к оседлости) освещаются в литературе гипотетически и часто в диаметрально противоположных направлениях. Общепризнано, что венгерские племена освоили прежде всего равнинные степные и лесостепные районы — до границы горных буковых лесов.

В течение долгого времени основное занятие свободных членов рода и племени составляло пастушество. Видимо, с самого начала освоения Среднего Подунавья районы кочевий ограничивались местностями, занятыми тем или иным родом (примерно в радиусе 20—50 км от основного им поселения) (Csalog, 1969, S. 196).

По-видимому, верховная собственность королей на землю в ранне-средневековой Венгрии отсутствовала. Первоначально землей (в основном пастбищами) распоряжались племена в целом. Позже это право было присвоено главам союза племен из рода Арпадов и владельцами отдельных областей — Дьюлой, Коппанем, Айтонем (Шушарин. Поселе-

ние..., 1971, с. 111—112). Территория вождя союза племен, превратившегося в короля, после разгрома этих владетелей и присвоения их областей составила королевский домен.

Светское землевладение сложилось в результате перехода в обладание глав родов части земель, на которых поселился род (на основе «права древней заимки»), а также в результате пожалований королями имений их вассалам — рыцарям, пришедшим из стран Центральной и Западной Европы и быстро «омадьярившимся». Так из прежних глав родов и западных рыцарей образовался слой крупных светских землевладельцев.

В конце изучаемого периода складывается слой мелких и средних феодалов — вассалов короля, выделившихся из «замковых людей».

В течение XI—XII вв. сложилось и церковное землевладение. В отличие от землевладельцев-мирян, пожалования в пользу которых до второй половины XII в. совершались в устной форме, католическая церковь с самого начала добилась обязательности издания жалованных грамот (первая из сохранившихся грамот такого рода датирована 1001 г.). Церковное землевладение выросло и в ходе пожалований королями частей домена и за счет пожертвований светских феодалов, обычно оформлявшихся завещанием.

Для изучаемого периода характерно утверждение собственности феодалов на все земли королевства Венгрии и как следствие этого — постепенное превращение массы свободных венгров в феодально-зависимых людей (XI в.) различных категорий (Ledeger, 1959).

1. Структура сельского населения в XI в.

Положение и эволюция отдельных категорий сельского населения отразились в законодательных актах, дипломах, содержащих распоряжения о пожалованиях и передаче имений по завещанию, а также в «Варадском регеструме» — протокольной записи дел, решенных «божьим судом» (испытание раскаленным железом) в 1209—1235 гг. О свободных говорится в ряде законоположений Иштвана I (1000—1038) (ZF, р. 146—150, 152, 154). Некоторые из них (об убийстве серва свободным, о запрещении обращать свободных в рабство, о браках свободных и сервов) имеют аналогии в западноевропейских варварских Правдах. Законодательство Ласло I (1077—1095) не отрицало тенденцию к превращению части свободных в сервов (ZF, р. 168, 174—175). А в постановлениях, принятых в правление Кальмана (1095—1116), фигурируют свободные, уже ставшие в зависимость от короля, его управляющего — ишпана, церкви. Королю «свободные» обязаны барщиной, на которую они должны являться со своими лошадьми и денежными платежами (ZF, р. 188, 189, 201). Некоторые историки предполагают существование в Венгрии сельских общин (деревень) в XI—XIII вв., уцелевших и под властью землевладельцев — короля и церкви (Ledeger, 1959, с. 130—141, 179—187. 1.; Tagányi, 1950 (1. kiad.—1895); Szabo, 1969, 50—72, 1.), однако данные, характеризующие структуру, размеры, функции общин, отсутствуют.

Данные археологии позволяют реконструировать некоторые стороны жизни свободных, не получившие отражения в письменных памятниках. В древнейшем венгерском поселении в районе Тисалека, изученном археологами (XI—XII вв.), жилищами служили небольшие полуземлянки (4,5×4 м), отапливавшиеся очагом без дымохода («по-черному»). Низкий уровень материальной культуры характеризуют немногочисленные

остатки керамики, а также находки кусков граблей, железных ножей, востяного шила, серпа. Судя по данным раскопок и по единичному письменному свидетельству, в XI в., видимо, применялась ручная мельница. Скотство полуземлянок XI в., обнаруженных в районе Тисалека, с жилищами славян VIII в., открытыми около Девеня, свидетельствует о том, что такой тип домов венгры переняли у славян. В полуземлянках венгерские крестьяне жили и во второй половине XIII в. Со времен кочевого быта венгры сохраняли шатры и легкие переносные деревянные дома в качестве летних жилищ (Шушарин, Культура..., 1971, с. 256).

Особую группу свободного крестьянства составляли госпиты — новопоселенцы, приходившие в XI в. в имения венгерских феодалов из стран Западной Европы (Германии, Фландрии). Госпиты фигурируют уже в законодательстве Иштвана I — речь идет об обязательности их пребывания в первоначальном месте поселения. Король Кальман предписывает госпитам, поселившимся среди «замковых людей», нести военную службу или уплачивать вместо нее деньги. Кроме того, госпиты должны были платить королю налог «за свои свободы» (ZF, р. 148, 187—188, 194, 1.).

Слой населения, находившийся в наиболее тяжелой форме зависимости, — это сервы и либертины. Определяя положение сервов, законы Иштвана I рассматривают их как рабов в буквальном смысле слова, т. е. как собственность наравне с недвижимым имуществом. Декреты Ласло I также приравнивают сервов к имуществу (ZF, р. 70, 175). Однако здесь имеется постановление, которое, предписывая взимать с сервов десятину, характеризует их как зависимых людей, живущих с семьями в своих домах и ведущих собственное хозяйство (ZF, р. 165). Существуют документальные свидетельства о пожалованных церковным феодалам хозяйствах сервов (MS, t. 1, 1874, р. 53—60). Декрет короля Кальмана уже запрещает продавать сервов (а также скот) за пределы страны (ZF, р. 193), а из гл. 67 постановлений Эстергомского собора, состоявшегося в правление Кальмана, видно, что в это время понятие «серв» стало обозначать не раба, а зависимого крестьянина, располагавшего тягловым скотом и выполнявшего отработки (ZF, р. 205). Памятники упоминают сервов церковных и частновладельческих имений, наделенных плугами и тягловым скотом (Bárczi, 1951, 11, 1., AUO, I, 26, 1.). Если законы Иштвана I трактуют сервов в качестве рабов, которых этот король жаловал церковным феодалам отдельно от земель, то позже сервы и либертины передавались вместе с наделом.

Таким образом, в течение XI в. происходил процесс превращения сервов в крестьян-земледельцев, посаженных на землю, выполняющих различные сельскохозяйственные работы и ведущих собственное хозяйство.

Источники позволяют определить характер повинностей и правовое положение таких сервов.

Основная их масса проживала в частновладельческих и церковных имениях. Источники сохраняли свидетельства об отработках церковных сервов — размеры этой барщины определялись волей господина («обязаны... как захочет аббат», «служба, как будет угодно аббату», служат «по приказу пробста или декана» и т. д. — речь идет в данном случае о полевой барщине). У церковных сервов довольно рано появилась и другая форма барщины — извоз, что было связано с разбросанностью церковных имений, жителей которых принуждали к перевозке натуральных поставок. Величина извозной повинности не была фиксирована.

В рассматриваемое время складывается еще одна категория зависимого населения (весьма многочисленная) — так называемые замковые люди (*castrenses, cives*). Наиболее ранние свидетельства о них содержатся в законах второй половины XI — начала XII в. Согласно декрету короля Ласло I, замковые люди (*öbökök*) — стражники (ZF, p. 172—173, l.). Они обязаны были нести военную службу и не имели права покидать королевские замки, к которым прикреплялись. Таков же смысл законоположений короля Кальмана (ZF, p. 187—189, l.; RMA, p. 357). Из хроники узнаем об участии «полков замков» в междоусобной борьбе 70-х годов XI в. (SRA, I, p. 384).

К замковым людям были близки по своему положению крестьяне-удворники (*udvornici*). Этот разряд зависимых крестьян, насколько можно судить по закону Иштвана I, где двор упоминается как хозяйственная единица, возник уже в первой половине XI в. Основной обязанностью удворников с самого начала являлось обслуживание господского хозяйства. Двор и удворники названы и в декрете Ласло I. По мнению Шимона Кезаи (1282—1285), в удворников была превращена часть местного славянского населения, захваченная «знатью королевства» (SRA, I, p. 193). Отсюда славянское происхождение названия удворников (от слова «двор»). Многими удворниками владел король. Во главе королевского ведомства, управлявшего удворниками, стояли иппаны.

2. Изменения в положении основных категорий зависимого сельского населения в XII — первой половине XIII в.

В XII — первой половине XIII в. социальный статус различных категорий венгерского сельского населения (сервы, либертины, удворники, замковые люди, иобагны, госпиты) претерпел определенные изменения.

Сервы и либертины

В документах первой половины XIII в. сервы фигурируют уже в качестве зависимых земледельцев. В имениях Тиханьского аббатства они проживали в каждой деревне. По своей численности сервы не уступают здесь другим категориям крестьян. Эндре II закрепил пожалование Паннонхальмскому аббатству «двух сервов... с виноградниками, которые они обрабатывали», «серва... с землей, для обработки которой достаточно четырех волов» (AUO, I, 105—126, 172, l.). В описи имений этого же церковного феодала наряду с «настоящими рабами, то есть такими, которых можно продавать», неоднократно упоминаются сервы — зависимые земледельцы. Здесь встречаются «сервы-виноградари», «сервы-пахари», «конные сервы», у которых есть собственные лошади. В имении Шанж живут «сервы, имеющие пахотную землю в 300 югеров» (AUO, II, 6, 7, 17, l.). «Серво-виноградарей» называет грамота короля Белы IV о основании монастыря в Белакуте (1237 г.) (AUO, VII, 28—29, l.). Показательно, что теперь владельцы начинают приравнивать сервов и либертинов: люди одной и той же категории называются то сервами, то либертинами. В памятниках получила также отражение связь либертинов с землей.

Уже в первой половине XII в. сервы и либертины отчуждались только с землей — в составе имений и деревень (1131—1141 гг.) (AUO, I,

55, 1.); 1137 г. (AUO, IX, 83, 1); 1194 г. (CDH, II, о. 299); 1138 г. (AUO, I, 250, 1.). Ряд грамот закрепляет их пожалования вкупе с имениями, где они живут, частным владельцам: 1198 г. (CDH, II, р. 344—346); 1228 г. (AUO, I, 250, 1.); 1237 г. (AUO, VII, 40, 1.); 1247 г. (HO, V, 21, 1.). Сервы и либертинов вместе с землей продают, передают по завещанию в качестве приданого и при разделе имущества. Как и в XI в., церковные сервы исполняют «произвольную» барщину. Описи XII—начала XIII в., в частности опись Демешского пробства, владевшего землями в ряде областей Венгрии, говорят о преобладании в это время натуральной ренты. Известно свидетельство о переводе серва-барщинника на натуральный оброк (1221 г.) (AUO, I, 171—175, 1.).

Чаще всего запись о размере натуральных повинностей сервов произвoдилась при пожертвовании их владельцами церковным учреждениям. Перешедшие под власть последних сервы назывались обычно задушными людьми (*dušinici*). Сохранились сведения о размерах натурального оброка четырех групп задушных людей Тиханьского (ежегодно бочка вина, один бык, 100 хлебов) и Паннохальмского аббатств (100 ведер вина). В «Варадском регеструме» также имеются свидетельства подобного рода: сервы «Регеструма», ставшие задушными людьми, доставляли церкви скот (быков, овец), птицу (кур и гусей), пиво, хлеб в определенных в каждом отдельном случае количествах (AUO, I, 110, 111, 120, 1.; II, 22, 1.; 1217 г. (RV, р. 214; № 166); 1226 г. (RV, р. 288, № 352); 1229 г. (RV, р. 292, № 360); 1229 г. (RV, р. 294, № 364); 1235 г. (RV, р. 308, № 389). О том, что задушные люди рассматривались в качестве сервов, только перешедших под власть церкви, четко говорит запись 1226 г.: задушный человек «сообразно своему положению серва» обязан вносить десятину священнику — также натурой (два кебеля¹ зерна и одну курицу) (RV, р. 288, № 352). По завещанию дьерского каноника Опа (1210 г.), один из сервов, пожертвованный церкви, был обязан давать ей ежегодно трехгодичного бычка и 100 хлебов (AUO, I, 105, 1.). Продолжала существовать у церковных сервов такая форма барщины, как извоз.

Данные о повинностях сервов позволяют судить об изменении социального положения этой категории населения в XII—первой половине XIII в.: из рабов они превращались в крестьян. Аналогичную эволюцию претерпел и статус либертинов. Либертины Паннохальмского аббатства были «обязаны всеми общими повинностями, как и другие люди, являющиеся по своему положению сервами» (AUO, II, 7, 1.).

Изменилось также правовое положение сервов и либертинов. О том, что именно считалось в первой половине XIII в. самой характерной чертой их статуса, можно судить по формулам, которые применяются в актах об освобождении этой категории зависимых людей. В первом из них (около 1208 г.) феодал, фиксируя освобождение крестьянина вместе с его потомством «от рабства», говорит: «Я пожаловал их свободой, так что они могут уйти, куда захотят». Освобождение сервов (иногда это — выкуп) закреплено в ряде записей «Варадского регеструма»: 1208 г. (HO, VI, 8, 1.); 1213 г. (RV, р. 175, № 58); 1213 г. (RV, р. 177, № 66); 1234 г. (RV, р. 300, № 375). Здесь обычна формула освобождения: феодал «освободил своего серва, так что он может оставаться там, где захочет». На этом же условии освобождаются либертины: 1232 г. (AUO, VI, 502, 1.); 1234 г. (RV, р. 304, № 382); 1249 г. (HO, VI, 30, 1.). Феодалы издавна рассматривали сервов и либертинов как свою полную

¹ Кебель (*subulum*) — мера сыпучих и жидких тел, равная 62,5 или 93,6 л.

собственность. Отсюда — судебные тяжбы, дела о принадлежности сервов (мужчин и женщин) тому или иному владельцу (1213 г.), а также из-за насильственного увода сервов: 1213 г. (RV, p. 165, № 30); 1215 г. (RV, p. 202, № 136); 1222 г. (RV, p. 284—285, № 344) и либертинов (1217 г.) (RV, p. 214—215, № 168). Проявлением прежнего отношения феодалов к сервам и либертинам следует считать их продажу без земли, зафиксированную «Варадским регеструмом»². Возможно, в данном случае продавались не крестьяне, а дворовые — слуги феодалов.

Показатель смягчения личной несвободы сервов — их участие в «божьем суде» в качестве ответчиков (его участники выступают на правах равных сторон): 1213 г. (RV, p. 168, № 38); 1213 г. (RV, p. 175, № 57); 1214 г. (RV, p. 180, № 73); 1219 г. (RV, p. 219, № 182); 1221 г. (RV, p. 264, № 294).

Характерно, однако, что в качестве истца в деле, касающемся имущества серва, которое было похищено ответчиками — зависимыми крестьянами — нобагионами, выступает не сам серв, а его господин (1213 г.). Когда либертинам предъявлялся иск о том, что они принадлежат к числу королевских замковых людей, то ответчиками были не сами либертины, а их господа (1216 г.). Степень дееспособности сервов характеризует также признание за ними права брать имущество в залог (1214 г.) (RV, p. 176, № 60; p. 190, № 102; p. 210—211, № 161).

Замковые люди

О сохранении военной повинности замковых людей в середине XII в. имеется свидетельство немецкого хрониста Оттона Фрейзингенского, побывавшего в Венгрии в 1147 г. с крестоносным войском императора Конрада III. В его время, в случае, когда король собирал войско, замковые люди вооружали и снабжали всем необходимым для войны каждого десятого или даже каждого восьмого или больше, если это было нужно, остальные же оставались дома обрабатывать землю (Catalogus Fontium Historiae Hungariae, t. 3, p. 1767). Характерна запись «Варадского регеструма» 1219 г.: «Петр, нобагон замка Боршод, заявил о замковых людях из деревень (следует пять названий), что их обязанностью является охрана тюрем. Те ответили, что они — воины замка, обязанные военной службой, а не охраной тюрем». Истец признал свое заявление неверным (RV, p. 236—237, № 223). О замковых людях (civiles, cives) как военной силе королевских замков на рубеже XII—XIII вв. упоминает Аноним, свидетельства которого об этом времени не вызывают сомнений. По словам современника и очевидца монголо-татарского нашествия 1240—1241 гг. магистра Рогерия, для защиты страны король приказал приготовить «замковым людям и принадлежащим к замкам» (castrenses et pertinentes ad castra) (SRA, I, p. 62, 76; II, p. 560). Остатки военной организации замковых людей существовали до второй половины XIII в.

Основная масса источников свидетельствует, однако, что к началу XIII в. замковые люди — это зависимые земледельцы. В памятниках упоминаются «деревни замковых людей»: 1217 г. (AUO, I, 384, 1.); 1218 г.

² 1219 г. — серв отдан кредитору вместо трех марок долга (RV, p. 241, № 236); 1220 г. — продажа рабыни (ancilla) (RV, p. 252, № 284); 1226 г. — продажа серва за шесть марок и одну корову (RV, p. 288, № 353); 1229 г. — продажа либертина за одну марку без одной унции (RV, p. 294, № 365).

(AUO, I, 392, 1.); 1219 г. (AUO, I, 401, 1.); 1221 г. (RV, p. 274, № 313); 1214 г. (AUO, XI, 128—129); 1217 г. (MS, I, p. 214—215). Король Эндре II в 1225 г. называет замковых людей крестьянами (CDH, III/2, p. 11). В первой половине XIII в. замковых людей вместе с землей, которую они обрабатывали, нередко жаловали частным владельцам и церковным учреждениям. Впрочем, король мог жаловать землю замковых людей и без ее обитателей: 1214 г. (AUO, XI, 128—129); 1217 г. (MS, I, p. 214—215). Документально зафиксирован захват земли замка и сгон с нее замковых людей (1219 г.). О наличии у замковых людей домов и виноградников говорится в королевской грамоте 1212 г. (MS, I, p. 222; CDH, III/4, p. 127).

Наиболее полное представление о повинностях замковых людей дает опись королевских имений замка Дьер: люди этого замка, «согласно их обычаю», отдавали половину урожая с каждого виноградника королю и ишпану комитата Дьер, а другую половину оставляли себе. «Милостиво устанавливая их статус и повинности», король Бела IV распорядился взимать с каждого крестьянского надела в год «20 болгарских кебелей вина и по одной марке» деньгами. Эта группа замковых людей освобождается от постоя ишпана, от взимания «свободных динариев», от поставок бычков, от «подымных денег», от повинностей в пользу сотника — представителя королевской администрации (HO, II, 5, 1.) (1240 г.). Очевидно, речь идет о тех видах феодальной ренты, которые были характерны для массы замковых людей. Денежные и натуральные поставки вносили и замковые люди пробства в Ясо. Об отработочной ренте этой категории зависимого крестьянства сведения отсутствуют.

Выше упоминались многочисленные случаи пожалования королем своих крестьян — замковых людей с землей. Результатом таких пожалований было появление замковых людей в частных владениях и церковных имениях. С переходом сюда замковые люди обязывались исполнять барщину — извоз, о чем свидетельствует грамота Бела IV от 19 апреля 1239 г. Передавая несколько наделов замковых людей Сексардскому аббату, король обязал крестьян исполнять «службу конных послов» (HO, IV, 22, 1.). В описи имений Тиханьского аббатства (1211 г.) упомянут один «рабского состояния человек замка», обязанный к уплате двух денсов (AUO, I, 211, 1.). Очевидно, прежняя его денежная повинность сохранилась и после перехода под власть церкви.

Появление извоза с переходом под власть церкви было обусловлено доминирующим положением натуральных повинностей в разбросанных церковных имениях. Из «Варадского регеструма» и других источников видно, что замковые люди сохранили право выступления в суде: они фигурируют в качестве истцов по отношению к лицам, принадлежащим к другим категориям зависимого населения (иногда — вместе с их управляющими — иобагионами замков): 1213 г. (RV, p. 166, № 32.); 1213 г. (RV, p. 172—173, № 51) и др. Выступали с исками они и против феодалов: 1221 г. (RV, p. 261, № 287); 1222 г. (RV, p. 283—284, № 342); около 1238 г. (AUO, II, 91—92, 1.); 1239 г. (AUO, II, 95—96, 1.). Показателен характер их земельных исков. Замковые люди рассматривают землю королевских замков, на которой они сидят, в качестве своей собственности, хотя фактически она давно перестала быть таковой. Заявления о «собственной» земле или протесты против попыток отчуждения земель замка свидетельствуют лишь о происхождении замковых людей из свободных крестьян, а также о сравнительно мягких условиях их личной зависимости.

В процессе эволюции этой категории зависимых людей военная повинность отступила на второй план. Они все больше превращались из королевских крестьян в частновладельческих и церковных.

Судя по материалам сохранившихся источников, категория замковых людей вобрала в себя в XI—XIII вв. основную массу свободных.

Удворники

В первой половине XIII в. удворники стали крестьянами, обязанными разного рода повинностями в пользу феодалов: это были натуральные

*Виноградарство в Византии. Миниатюра из Евангелия третьей четверти XI в.
Национальная библиотека, Париж.*

Подрезание лозы и вскапывание земли заступами

оброки, а также полевая барщина и извоз. От замковых людей удворники отличались тем, что в их повинностях велика была роль обработок.

Правовой статус удворников и замковых людей в основных чертах был одинаков, однако различие их хозяйственного положения влекло за собой и некоторое его несовпадение. Симптоматично, что король Эндре II в 1222 г. запретил возводить в сан священников «кого-либо из наших удворников или замковых людей или кого-либо из подчиненных ярму рабства» (PRT, I, 1902, 655, 1.). Известны случаи совместных выступлений удворников и замковых людей в суде против феодалов из-за земель, которые эти крестьяне считали своими: 1220 г. (AUO, I, 169—170, 1.); 1236 г. (AUO, VII, 22—24, 1.). Короли раздаривали удворников с их землей, как и замковых людей, частным владельцам и церкви: 1202 г. (MS, I, p. 164 и др.), но могли распоряжаться удворниками отдельно от их земель, чего не делали с замковыми людьми. Так, в 1150 г. Геза II пожаловал Паннонхальмскому аббатству удворников без земли. Позже имели место случаи передачи церкви и частным владельцам земель, при-

надлежавших ранее удворникам, которых их лишили: 1150 г. (AUO, I, 60, l.); 1151 г. (AUO, I, 60—61, l.); 1199 г. (CDH, II, p. 346—348); 1225 г. (AUO, I, 209—211, l.); 1244 г. (HO, I, 23, l.). Удворники, таким образом, по своему правовому положению были несколько ближе к зависимым крестьянам — сервам, нежели замковые люди. Характерно, что они сами иногда называли себя сервами (RV, p. 260, № 285).

О происхождении удворников из свободных можно судить по документам, где упоминаются остатки «свободных удворников», местами сохранившиеся еще во второй половине XII—XIII в. 1186 г. (HO, VI, 4, l.); 12 мая 1240 г. (HO, VIII, 42, l.); 1245 г. (AUO, II, 185, l.);

1250 г. (AUO, II, 216, l.). В XIII в. удворники часто захватывали земли, а также вступали в судебные тяжбы с отдельными феодалами из-за земель, которые считали своими. Сохранилось заявление удворников о том, что в прошлом они были свободны, — 1237 г. (AUO, VII, 46, l.).

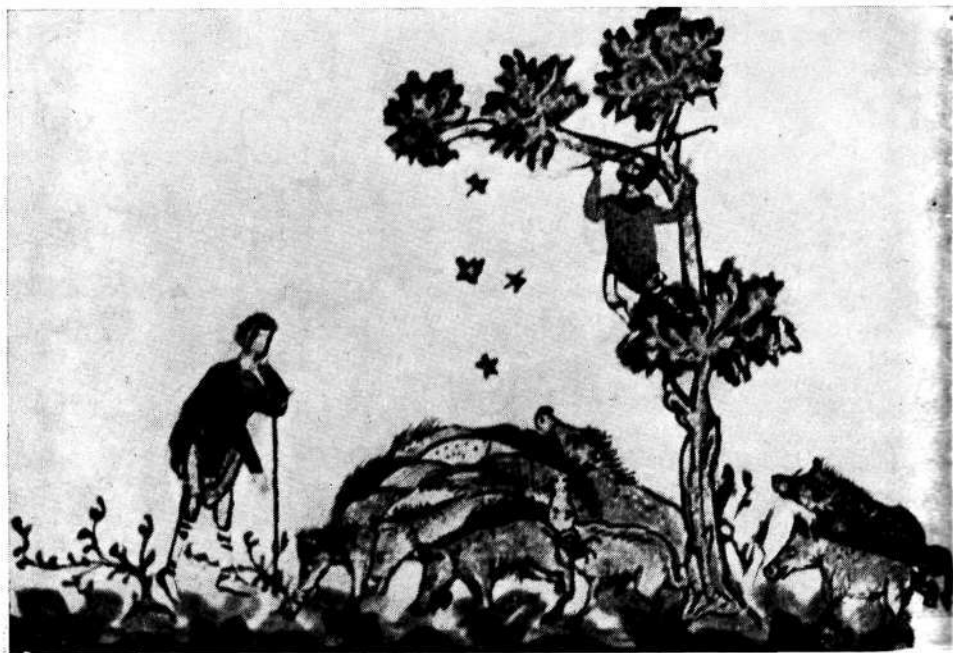
Иобагионы

Особую категорию крестьян в XII — первой половине XIII в. составляли иобагионы. Тем же термином обозначали тогда знатных людей из окружения короля.

Об иобагионах, проживавших в различных имениях, дает представление ряд источников. В частности, из 190 семей зависимого населения Арадского капитула 118 были семьями иобагионов (Szentpétery, 1923, 62—65, l.). Бросается в глаза многочисленность этой категории зависимого крестьянства в первой половине XIII в., о чем, кроме описи Арадского капитула, свидетельствует «Варадский регеструм», где дел с участием иобагионов (46) больше, чем дел с упоминанием о замковых людях (38), удворниках (3), и лишь немногим меньше, чем дел с привлечением сервов (53).

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

Иобагионы Тиханьского аббатства названы «людьми с определенными повинностями»: 1211 г. (AUO, I, 107, 1.), это натуральные поставки, а также полевая барщина и извоз (CDH, IX 7, p. 632) (1171 г.); 1212 г. (AUO, VI, 355—356, 1.); 1247 г. (AUO, VII, 218—219, 1.). Иногда иобагионы фигурируют в источниках как выходцы из крестьян, исполняющие функции надсмотрщиков, старост и т. д.: 1171 и 1233 гг. (CDH, IX, 7, 632—633; AUO, I, 538—539, 1.), но преимущественно иобагионы в первой половине XIII в.— это обширный слой непосредственных производителей, обязанных натуральной рентой и отработками в силу своего зависимого положения.

*Пастыба свиней. Миниатюра из Евангелия третьей четверти XI в.
Национальная библиотека, Париж.
Взобравшийся на дуб пастух сбивает желуди (гл 13)*

Каковы были степень и характер их зависимости? Сами они еще в первой половине XIII в. затевали судебные споры с феодалами из-за земельных владений, заявляя о своих правах собственности: 1237 г. (AUO, VII, 44—45, 1.); 1239 г. (AUO, II, 92—95, 1.); 1240 г. (НО, IV, 24, 1.). В действительности иобагионы к этому времени уже не только потеряли право распоряжаться своей землей, но и утратили личную свободу. По данным «Варадского регеструма», господин мог предъявить иск в случае убийства или избиения своего иобагиона, требуя возмещения ущерба, нанесенного его собственности: 1226 г. (RV, p. 287, № 350). Господин отвечал по иску, предъявленному его иобагиону (1213 г.). Без господина его иобагионы не могли явиться в суд: 1214 г. (RV, p. 191, № 105); 1226 г. (RV, p. 285, № 345). Впрочем, в первой половине XIII в. допускались выступления иобагионов (они упоминаются всегда с указанием их владельцев) в суде в качестве истцов — даже по отношению к

феодалам (1214 г.) (RV, p. 183, № 84). В это время зависимость нобагионов считалась менее тяжелой, чем удворников и замковых людей. По той, чтобы облегчить свое положение, удворники заявляли о принадлежности к категории нобагионов. Сами нобагионы, насколько можно судить по «Варадскому регеструму», отвергали попытки вывести их из категории замковых людей, заявляя, что «они полностью свободны» (1213 г.) (RV, p. 166, № 32) или что являются «настоящими нобагионами» (*naturales ioubagiones*), происходящими от свободных людей — «нобагионов святого короля» (Иштвана I): 1215 г. (RV, p. 194, № 112); 1215 г. (RV, p. 197, № 121).

Таким образом, нобагионы составляли как бы высший слой зависимого крестьянства, занимавший промежуточное положение между сервами, удворниками, замковыми людьми, с одной стороны, и людьми, не утратившими личной свободы, — с другой. Своеобразным статусом этой многочисленной категории крестьянства объясняется и тот факт, что нобагионы дали имя всему классу крестьянства, сформировавшемуся на рубеже XIII—XIV вв. в результате эволюции различных слоев зависимого и свободного сельского населения. От их имени впоследствии произошло и название зависимых, крепостных крестьян в современном венгерском языке (*jobbágy*).

Земледельцы рассмотренных нами категорий в XI — первой половине XIII в. находились в той или иной степени личной зависимости от феодалов. Их объединяло отсутствие свободы перехода, выхода из имений земельных собственников (Lederer, 1959, 63—65, 1.).

Свободные. Госпиты

В первой половине XIII в. в Венгрии еще сохранялись свободные земледельцы. Источники обозначают их терминами «*villani*», «*homines liberi*», «*rustici*» (1234 г.) (AUO, VI, 545—549, 1.) Существование земельных владений, отличных от держаний зависимых крестьян и принадлежащих свободным, отражено в ряде памятников: 1135 г. (CDH, II, p. 84); 1211 г. (AUO, I, 106—125, 1.); 1237 г. (HO, V, 17, 1.). Но в XII — первой половине XIII в. численность лично свободного крестьянства значительно сократилась.

Источники сохранили сведения, рисующие процесс феодального подчинения свободных. Это прежде всего заявления крестьян о том, что они являются свободными людьми и как таковые не должны нести повинности или могут распоряжаться своей землей. Феодалы обычно обращались за помощью к представителям государственной власти, а те выносили решения, закреплявшие зависимое состояние прежних свободных: 1226 г. (AUO, I, 221, 1.); 1228 г. (MS, I, p. 267). Иногда и феодалы косвенно признавали, что в прошлом их крестьяне были свободными (Fejérpataky, 1892, 43, 1.). О том, что подчинение свободных продолжалось и в первой половине XIII в., свидетельствуют судебные процессы, возбуждавшиеся феодалами или их представителями с целью доказать принадлежность свободных к одной из категорий зависимого крестьянства. Эту тенденцию отразил ряд записей «Варадского регеструма». Из них видно, что свободные крестьяне отводили обвинения об их принадлежности к числу либертинов (1226 г.) (RV, p. 286, № 348) и замковых людей: 1214 г. (RV, p. 180, № 74); 1217 г. (RV, p. 213, № 165). Сохранился приговор палатина Лоранда 1250 г. по делу о свободных, которые обвинялись в принадлежности к категории удворников.

К первой половине XIII в. изменилось и положение крестьян, оставшихся вне рамок личной зависимости. Уже в законах Кальмана свободные обозначены как имеющие владельцев (король, ишпаны, церковные учреждения) и исполняющие повинности в их пользу. По данным грамоты 1241 г., например, лично свободные жители местности Сала платили паннонхальмскому аббату по одной марке с каждого югера земли. Довольно точно указывались повинности свободных крестьян в госпитских грамотах.

Таким образом, крестьяне, фигурирующие в источниках XII — первой половины XIII в. под именем свободных, в действительности превращались

Поимка пчелиного роя. Миниатюра начала второй четверти XI в. Библиотека кафедрального собора в Бари. Крестьянин, подготовив колоду (роевню), готовится к снятию роя (к гл. 13)

в одну из групп феодально-зависимого населения. Однако в отличие от сервов, удворников, замковых людей, побагионов эти крестьяне, будучи зависимыми от землевладельцев, в пользу которых несли повинности, обладали, тем не менее, свободой перехода, выхода из имения (1141—1146, 1152, 1153, 1211 гг.) (Magyar Könyvszemle, 1893, 17, 19, 1; PRT, I, 602, 1; AUO, XI, 108—1131, 1.). Право выхода существенно облегчало юридическое и хозяйственное положение свободных крестьян, но не отменяло власти феодала над их личностью, а значит, феодальной зависимости. Характерна запись «Варадского регеструма» 1221 г.: два крестьянина были обвинены в том, что они, удворники, «однако, заявили, что являются свободными, и это подтвердил их господин» (RV, p. 261, № 288). Категория свободных крестьян не мыслилась в первой половине XIII в. вне представления о том, что у них имеются владельцы. Последние могли распоряжаться свободными крестьянами, в частности передать их по завещанию.

Косвенным свидетельством стремления феодалов ухудшить положение госпитов является указание «Золотой буллы» 1221 г. (ст. 19) и ее подтверждение 1231 г. (ст. 27), предписывавшие соблюдение «свободы» госпитов.

Грамоты, выдававшиеся владельцами имений при их заселении, позволяют составить представление о повинностях и правовом положении госпитов. Эти документы, как правило, предусматривают освобождение госпитов от повинностей на несколько лет: по истечении обозначенного срока крестьян обязывают к их исполнению. Обычно владелец имения довольно точно определял виды и размер полагающейся ему ренты. Лишь в одной госпитской грамоте говорится об извозной повинности (один раз в год) (1234 г.). Практически в первой половине XIII в., когда издана большая часть сохранившихся госпитских грамот, отработки у новопоселенцев отсутствовали. Некоторые группы госпитов в Трансильвании были обязаны военной службой в пользу короля. Порой с госпитов взималась натуральная рента (вино, десятина со скота), но в массе соответствующей

щих грамот в качестве основного вида феодальной ренты госпитов фигурируют денежные платежи.

В этих грамотах закреплялись также привилегии госпитов, отличавшие их от других категорий крестьянства и служившие главным средством привлечения феодалами новопоселенцев в свои имения. Королевские госпиты обычно выводились из-под юрисдикции комитатских властей; всем группам госпитов (королевским и частновладельческим) предоставлялось право выбора священника и старосты, исполнявшего и судейские функции. Однако, хотя привилегией госпитов являлось признанное землевладельцем право свободного перехода, его условиями являлись продажа

Рыбная ловля. Миниатюра X в. из библиотеки св. Марка.
Для приманки рыбы используется фонарь (к гл. 13)

вещей и строения, иногда выкуп вещей и самого человека (т. е. уплата землевладельцу определенной суммы). Самая характерная черта правового статуса госпитов — необязательность согласия землевладельца на уход крестьянина. Своеобразие положения госпитов как группы свободного крестьянства характеризуют записи «Варадского регеструма». Из них явствует, что принадлежность к свободному крестьянству (а не к замковым людям) доказывалась ссылкой на происхождение от госпитов: 1213 г. (RV, р. 165, № 31); 1221 г. (RV, р. 272—273, № 316). Однако иск по поводу ущерба, нанесенного крестьянином-госпитом, предъявлялся не к нему самому, а его господину. Осуществляя свои владельческие права, последние могли передавать госпитов с их землей по завещанию или дарить их землю. Таким образом усугублялась и их зависимость.

Борьба крестьянства против господ в изучаемый период проявлялась в различных формах. Наиболее распространенной формой крестьянского сопротивления были побег. Так, декрет Кальмана запрещает землевладельцам принимать беглых сервов и замковых людей (ZF, 188, 189, 1.).

В середине XI в. (около 1046 г. и в 1061 г.) происходили выступления сельских жителей против введения христианства (в литературе эти

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

движения называются иногда «языческими восстаниями»). Народные массы участвовали в борьбе, которая раздирала господствующую часть общества. При этом они «обрекли на смерть всю знать страны», «истребили чуть ли не всех священников и монахов», потребовав у Эндре I (1046—1060), которого они поддерживали, разрешения «убить епископов и попов, разрушить храмы», «убить сборщиков десятины, возвратиться к язычеству и уничтожить всякие налоги вместе с немцами и итальянцами». Эндре I разгромил вооруженных крестьян и осудил язычество. В 1061 г. произошло, по словам хрониста начала XII в., восстание «всех крестьян и сервов со всем плебсом Венгрии». Они выступали, как и ранее, за возвращение к «обычаю отцов», т. е. к язычеству. Это требование восставших, собравшихся в столице королевства — Секешфехерваре, выразили послы, избранные «плебсом» и направленные к королю и знати. При содействии дружинников король жестоко расправился с непокорным народом (SRA, I, p. 337—338, 359—360).

Время от времени происходили локальные выступления свободных крестьян (в 1113, 1233, 1234, 1240 гг.).

*

Процесс становления класса зависимых крестьян в Венгрии происходил в условиях чрезвычайной социальной разнородности и пестроты состава сельского населения. Сервы и отпущенники, свободные земледельцы и скотоводы, замковые люди и удворники, иобагионы и госпиты, сохраняя некоторые особенности своего статуса, в конечном итоге влились в состав феодального крестьянства, подчиненного крупному церковному и светскому землевладению. В процессе генезиса крестьянства важную роль играла государственная власть, заинтересованная в обеспечении церкви и знати материальными и людскими ресурсами. Передача королями земель вместе с возделывавшими их крестьянами под власть феодалов вела к социальному упадку массы мелких земледельцев. В этом отношении Венгрия может быть сопоставлена с рядом других стран Европы, в которых королевские пожалования явились мощным рычагом в преобразовании социальной структуры. В начале XIII в. преобладание в массе зависимого населения близких друг к другу по их статусу замковых людей и удворников, вошедших в свой состав практически всех свободных земледельцев и скотоводов Венгрии, привело к сближению различных категорий крестьянства.

ФОРМИРОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ВИЗАНТИИ (VII—XI ВВ.)

1. Византийское крестьянство в период зарождения феодализма (VII—IX вв.)

Чертами глубокого своеобразия отмечено зарождение феодальных отношений, а следовательно, и образование крестьянства в Византийской империи, государстве, границы которого охватывали огромные территории на трех континентах — в Европе, Азии и Африке. Располагаясь на перекрестке европейского и азиатского миров и испытывая постоянное влияние греко-римских и восточных традиций, Византия, тем не менее, проделала собственный путь исторического развития, во многом отличавшийся от пройденного как азиатским Востоком, так и европейским Западом.

В отличие от Западной Римской империи Византия избежала полного завоевания страны варварами и гибели государства. Экономическая устойчивость и жизнеспособность помогли Византии выстоять под ударами варварских нашествий и сохранить самостоятельность. Поселение на ее территории различных народов — славян, армян, иранцев, арабов и других племен, хотя и внесло в жизнь империи существенные изменения социального и демографического характера, однако не привело к образованию на исконных землях Византии самостоятельных варварских королевств. Если на Западе становление феодализма сопровождалось уничтожением рабовладения и гибелью римской государственности, то в Византии спонтанное развитие феодальных отношений происходило внутри разлагающегося рабовладельческого общества. Связь элементов феодализма, возникавших в византийском обществе, с общественными порядками варваров в условиях отсутствия варварского завоевания и коренной ломки римской государственности, естественно, протекал с явным преобладанием античного наследия (Удальцова, Гутнова, 1970, с. 1—3). Это замедляло разложение рабовладельческой формации в Византии и наложило отпечаток на процесс становления феодальных отношений и формирования крестьянства.

Важный этап генезиса феодализма в Византии начинается с VII в. В VI в., в правление Юстиниана (527—565), Византия пережила небывающий подъем своего могущества, быть может, самый блистательный за всю ее историю. Разгром вандалов в Северной Африке, остготов в Италии и вестготов в Испании почти полностью вернули Византии на Западе прежние владения Римской империи. Широкие законодательные и административные реформы, развитие ремесла и торговли, расцвет науки и культуры — все это знаменовало превращение Византии в самое могущественное государство Средиземноморья. Этот взлет, однако, оказался недолговечным, и при преемниках Юстиниана Византия вступает в полосу упадка. Военные успехи были куплены слишком дорогой ценой разорения народных масс. В последние десятилетия VI в. чрезвычайной силой достиг накат социальной борьбы. Выступления народных низов происходили в Константинополе, волна крестьянских восстаний прокатилась по Египту, не прекращались массовые движения в восточных провинциях — постоянных очагах сепаратизма. На рубеже VII в. угрожаю-

щий характер приняли волнения в византийской армии. В последующие десятилетия страна оказалась ввергнута в пучину внутренних смут, вылившихся в подлинную гражданскую войну, которая охватила Малую Азию, Сирию, Палестину и Египет (История Византии, т. 1, 1967, с. 358—363). Ожесточенная социальная борьба ослабила власть старой землевладельческой аристократии и расшатала позиции Византийского государства.

Этому во многом способствовало и изменившееся внешнеполитическое положение страны. На рубеже VI—VII вв. Византия быстро потеряла свои владения на Западе и Востоке. Значительную часть территории Ита-

*Пахота. Миниатюра третьей четверти XI в.
к «Словам» Григория Назианзина. Иерусалим*

лии вскоре захватили лангобарды. Под властью империи фактически остались лишь Сицилия и несколько районов на юге Италии. Из Испании византийцев вытеснили вестготы. С Востока на Византию обрушился новый враг — арабы, нанешие ей серию сокрушительных ударов. В 636—642 гг. арабами были захвачены богатейшие восточные провинции — Сирия, Верхняя Месопотамия, Палестина, житница империи — Египет. Восточная граница государства долгие годы оставалась фактически открытой, и вплоть до середины VIII в. малоазийские провинции подвергались набегам арабов. В конце VII в. арабы захватили владения Византии в Северной Африке.

На севере империи угрожали славянские племена. Наступление славян на византийские земли, начавшееся с первых десятилетий VI в., достигло особенно большого размаха в первой четверти VII в. К этому времени славянам удалось заселить северные балканские провинции, проникнуть в Македонию, Фракию, области Греции и частично Пелопоннеса. В середине VII в. поселения славян возникли в западных областях Малой Азии, особенно в Вифинии (Липшиц, 1961, с. 18—19; Тълкова-Займова, 1966, с. 21—25).

В результате длительных войн VII в. на западе и востоке и славянских вторжений на севере прежняя огромная средиземноморская империя практически перестала существовать. Территория страны по сравнению с временем Юстиниана сократилась более чем на две трети. В Италии за Византией сохранились лишь Равеннский экзархат, часть Южной Италии (Калабрия и Апулия) и остров Сицилия; Армения и Лазика фактически стали независимыми от империи. Значительная часть Балканского полуострова была заселена славянами. За империей осталась лишь вся Малая Азия, ставшая ядром средневекового Византийского государства, области Фракии и Греции, Пелопоннес, Крит и острова Эгейского моря.

И если империя все-таки смогла выстоять и не погибла окончательно, то причина этого — глубокие внутренние изменения, которые она пережила в VII в. В течение VII — первой половины VIII в. здесь произошли существенные этнические сдвиги. Из этнически крайне неоднородной в эпоху Юстиниана империя, в состав которой тогда входило множество различных племен и народов, стала теперь по преимуществу греческим государством; малоазиатские области, приобретшие отныне первостепенное значение в жизни страны, были населены греками и давно эллинизированными племенами. Преобладание греческого элемента становилось все более заметным, и государство постепенно обрело все бóльшую этническую сплоченность. Греческий язык превратился в официальный, государственный (Lemerle, 1954, p. 265—308; Chaganis, 1959, p. 23—44).

Коренные перемены произошли в сфере социально-экономических отношений. В результате этих перемен в основном подверглась ломке рабовладельческая экономическая система и наметилась решительная победа прогрессивных общественных тенденций. Империя вступила в новый период своего развития — период генезиса феодализма (середина VII—IX в.).

IX—X века для Византии были временем трудной борьбы с арабами на востоке и юге, и с болгарами на северо-западе. После полосы тяжелых поражений международное положение Византии стало улучшаться с середины X в., чему в немалой степени способствовало ослабление ее внешних врагов — распадение Багдадского халифата на ряд феодальных княжеств и междоусобицы в Болгарском царстве. Империя отвоевала у арабов Верхнюю Месопотамию и часть Малой Азии, области Сирии, Крит, Кипр, вернула под свой протекторат Грузию и Армению. Во второй половине X в. при императоре Василии II Византия завоевала Болгарию. Весь Балканский полуостров до Дуная вновь вошел в состав Византийской империи. После некоторых внешнеполитических неудач (поражение 1071 г. от сельджуков при Манцикерте, приведшее к потере

*Плавание под парусом.
Миниатюра третьей четверти XI в.
к «Словам» Григория Назианзина.
Иерусалим*

Армении и части Малой Азии, наступление норманнов на Южную Италию) наступил новый этап временной стабилизации Византийской империи в правление династии Комнинов. Вступление на престол Алексея I Комнина (1081—1118) знаменовало победу служилой провинциальной знати, оно расчистило путь к усилению феодализации и установлению феодальной зависимости крестьянства. Этот процесс в Византии завершается в XII в.

Для понимания специфики положения крестьянства в Византии важно уяснить значение городов в жизни страны. Разложение позднеантичной системы хозяйства отразилось прежде всего на их судьбах. Вплоть до VII в. город в Византии явно доминировал над деревней. Будучи опорой рабовладельческой империи, основной социально-экономической ячейкой общества, ранневизантийские города играли первостепенную роль в экономике страны, служили очагами образованности и культуры, были средоточием интенсивной духовной жизни (Курбатов, 1962, с. 30—42; Jones, 1954, p. 135—176; Kirsten, 1958, S. 1—48).

В империи IV—VI вв. существовало множество городов, являвшихся важными центрами ремесла и торговли. Природные условия страны, наличие значительных запасов полезных ископаемых благоприятствовали процветанию городской экономики, стимулировали развитие разнообразных промыслов и ремесел. В Византии в большом количестве производилось оружие, изготовлялись разнообразные орудия для ремесла и сельского хозяйства, керамические изделия, велось интенсивное строительство. Славу в средневековом мире Византии приносило искусство ее ювелиров, ткачей, кожевников, стекольных дел мастеров. Превосходя страны Западной Европы по уровню развития ремесленного производства, империя вела широкую международную торговлю и оставалась в раннее средневековье самой могущественной морской державой.

Тем не менее характерный для Западной Европы того периода процесс упадка городов и городской жизни в известной мере коснулся и Византии VII—VIII вв. Серьезный ущерб был нанесен византийским городам тяжелыми войнами и варварскими вторжениями. К арабам перешли крупнейшие восточные городские центры — Антиохия, Александрия, Дамаск, Эдесса. Некоторые города, особенно мелкие, фактически утратили свой городской характер, аграризировались и превратились в сельские поселения или крепости (Удальцова, 1971, с. 21—23; Сюзюмов, 1967, с. 38—70).

И все же дезурбанизация, происшедшая в Византии в VII—VIII вв., ощущалась здесь гораздо слабее, чем на Западе. В Византии уцелели города — и не только как административно-церковные, но и как торговые, ремесленные центры, очаги культуры и образованности. Пережив известный упадок в VII—VIII вв., византийские города раньше, чем города Западной Европы, вступили на путь экономического подъема. Причина этого — сохранение многих плодотворных традиций, унаследованных от античности: высокой техники ремесленного производства, секретов и навыков мастерства ремесленников, развитого монетного обращения, поддержки ремесленных корпораций государством. Наследие, полученное Византией от Поздней Римской империи, способствовало сравнительно быстрому подъему городов и в раннее средневековье сохранению их экономического превосходства над городами Западной Европы (Удальцова, 1971, с. 25; Francis, 1966, p. 27—30). Как бы то ни было, но упадок городов в VII—

VIII вв. повлек за собой значительную аграризацию страны и перемещение центра тяжести хозяйственной жизни в деревню.

Новый подъем византийских городов, начавшийся в X в., достиг своего апогея в XI—XII вв., причем охватил не только столицу Константинополь, но и некоторые провинциальные городские центры (Удальцова, Осипова, 1974, с. 20—21).

Итак, в отличие от Западной Европы, в Византии кривая социально-экономической трансформации городов шла от расцвета на заре византийской истории (IV — середина VII в.) через временное затухание экономической активности в период зарождения феодализма (середина VII — середина IX в.) к новому подъему в X—XII вв., сменившемуся окончательным упадком в последние два века существования империи. Подобное своеобразие исторического развития городов, на наш взгляд, является одним из важнейших типологических отличий Византии от стран Западной Европы.

Природные условия

В состав Византийской империи VII—IX вв. входили области с разнообразными природно-климатическими условиями. Природные контрасты особенно характерны для территории Малоазийского полуострова. В центральной части Малой Азии расположено высокое обширное плоскогорье, отличающееся резко континентальным климатом с большими перепадами температур. Зимой здесь нередко стояли двадцатиградусные морозы, а летом земля трескалась от иссушающего зноя. Немногочисленные реки летом обычно превращались в небольшие ручейки, а подчас и совсем пересыхали. В центральной части плато преобладал степной ландшафт. Это плато окружают горные массивы, в большинстве покрытые лесами и кустарниками. Длинные цепи Понтийских гор тянутся на севере Малой Азии вдоль берегов Черного моря, отделяя центральное плоскогорье от побережья. Значительной высоты (до 2500 м) достигают хребты Вифинского Олимпа, поднимающегося на северо-западной окраине плато. В горах выпадали обильные осадки — особенно снежной зимой отличались Понтийские горы. Дожди и грозы приносили много влаги в предгорья и прибрежные долины. Стекающие с горных склонов реки довольно многочисленны. В большинстве своем бурные и многоводные в пору дождей и таяния снегов, летом они сильно мелели. Наиболее крупные из них — Меандр и Ермон впадают в Эгейское море, Сангарий и Галис — в Черное.

Побережья Черного, Эгейского и Средиземного морей в Малой Азии различны по своему характеру. Черноморское побережье отличается сравнительно малой изрезанностью береговой линии. Во многих местах, особенно в западной части побережья, высокие горы подступают к самому морю. Узость прибрежной полосы, частые северные ветры, немногочисленность долин в устьях рек мало благоприятствовали в византийское время успешному ведению в этом районе сельского хозяйства и развитию мореплавания. Напротив, малоазийское побережье Эгейского моря изобилует удобными заливами и бухтами, близ которых с древних времен существовали богатые торговые города. Мягкий средиземноморский климат способствовал здесь произрастанию многих субтропических культур. Прибрежные долины покрыты пышной вечнозеленой растительностью. Приморские районы западной части Малой Азии отличались высоким уровнем агрикультуры и были всегда одной из наиболее богатых

областей Византийской империи. На южном, средиземноморском побережье Малой Азии было много обширных долин, обрамленных с севера высокими горными хребтами Тавра. Климат здесь субтропический, жаркий, позволяющий местами выращивать по два урожая в год. Изрезанная южная береговая полоса Малой Азии образует, как и на западе, полуострова, удобные гавани.

Большую часть европейской территории империи — Балканский полуостров — занимали горы, поросшие густыми лесами и кустарниками. Равнинный рельеф местности преобладал в долинах рек и прибрежных районах Фракии, Южной Македонии и Фессалии. Это были исконно земледельческие области, отличавшиеся высоким плодородием почв. После потери Египта Фракия стала основной житницей империи.

Виды сельского хозяйства.

Техника земледелия и деревенского ремесла

Среди различных отраслей хозяйства, получивших распространение в Византии VII—IX вв., главное место принадлежало хлебопашеству (NG, 12, 60, 68, 70). Зерновые культуры — пшеница, ячмень, рожь, овес — были распространены во Фракии, в долинах Македонии и Фессалии, а также в западных областях Малой Азии.

Наряду с производством зерновых культур в империи было развито виноградарство и разведение оливок. Греция, Фракия, западная Малая Азия (особенно Вифиния) изобиловали виноградниками и оливковыми рощами. В Земледельческом законе, важнейшем законодательном памятнике VIII в., отразившем нормы обычного права, обращают на себя внимание статьи, свидетельствующие о том, что византийцы тщательно возделывали виноградники и сады: их огораживали частоколами и рвами, земледельцу надлежало своевременно окапывать виноградники, подрезать лозы (NG, 13), соседям садовых участков вменялось в обязанность обрезать ветви деревьев, если они затеняли соседний сад (NG, 31).

Повсеместно было распространено огородничество. Разводились овощи — капуста, огурцы, морковь и особенно бобовые культуры (NG, 60). Бобы, фасоль, горох, чечевица служили повседневной пищей простого народа. В садах выращивали различные плоды и ягоды: инжир, яблоки, груши, гранаты, сливы, черешню, а также орехи и миндаль. Долины на южном побережье Малой Азии славилась финиковыми пальмами и финикийскими деревьями. Византийцы занимались пчеловодством (ИРАИК, V, с. 64) и охотой: густые леса, покрывающие страну, изобиловали дичью (Лопарев, 1914, с. 89).

Важной отраслью сельского хозяйства в Византии VII—VIII вв. являлось животноводство. Статьи Земледельческого закона упоминают крупный рогатый скот, овец, ослов, свиней. Скот был большой ценностью — об этом свидетельствует подробный перечень наказаний за ущерб, наносимый домашним животным, а также предписания Земледельческого закона о бережном уходе за скотом, о тщательном выполнении своих обязанностей пастухами стад (№ 9, 24—29, 37, 39, 42—44, 49—55, 72—77). В качестве пастбищ использовались — после уборочных работ — поля и виноградники, а также леса. В лесах скот мог пастись и без пастухов, под охраной пастушеских собак (№ 75—79).

Известными скотоводческими районами, где с древних времен разводили овец и тонкорунных коз, были центральное малоазийское плоско-

горье и Греция. В Вифинии, Эпире, Фессалии и Фракии было развито коневодство: множество лошадей, пасущихся в табунах и используемых для работы, названо среди богатств Филарета Милостивого (ИРАИК, V, с. 64). В том же житии пара коней фигурирует в качестве необходимой принадлежности всякого воина — стратюота (ИРАИК, V, с. 70). В Житии Евстратия Авгарского выведен бедняк, который, имея лошадь, едва прокармливал свое семейство, подвозя съестные припасы и дрова (Лопарев, 1914, с. 105). Западная Малая Азия и Вифиния, где было много дубовых лесов, стали главными свиноводческими районами Византии.

В сельских местностях большое распространение приобрели различные ремесла — выделка кож и производство изделий из них, изготовление шерстяных тканей, глиняной посуды, всевозможных предметов домашней утвари и сельскохозяйственного обихода. Разнообразны были природные богатства Византии. Во многих областях империи, особенно на Балканах, имелись залежи полезных ископаемых — золота, железа, меди, свинца, цинка, квасцов. Византия располагала большими запасами мрамора и строительного камня, а также глины и песка, применявшихся в керамическом и стеклодельном производстве. Великолепный строительный материал давали покрывавшие византийские земли леса. Воды окружающих Византию морей и внутренние водоемы изобиловали рыбой, и рыболовство издревле было традиционным промыслом жителей прибрежных областей.

В сельскохозяйственном производстве империи наблюдается хотя и медленное, но неуклонное развитие производительных сил. В земледелии, как и в ремесле, во многом продолжали сохраняться античные традиции — во всяком случае в гораздо большей степени, чем в любом другом регионе. При этом в течение всего раннего средневековья именно в Византии продолжала совершенствоваться и развиваться античная производственная техника, сельскохозяйственная и ремесленная.

Античные традиции агрикультуры господствовали в византийском земледелии. Это проявлялось и в характере сельскохозяйственных культур, и в том, что удерживались разнообразные технологические навыки античности в виноградарстве, садоводстве, разведении оливок, в приемах обработки почвы и применении удобрений. От античности Византия унаследовала многие сельскохозяйственные орудия. Здесь применялся легкий бесколесный деревянный плуг с железным сошником (NG, 62). Плуг не имел отвалов, поэтому пласты земли, взрезанной сошником, приходилось переворачивать лопатой и производить пахоту неоднократно — вдоль и поперек поля. Из сельскохозяйственных орудий использовались также двузубые мотыги, широко применявшиеся для работы в садах и виноградниках, серпы, топоры, садовые ножи и, наконец, ярмо (NG, 22, 62; Липшиц, 1961, с. 58). Пахота производилась с помощью пары волов; потеря одного из волов была для земледельца сущим бедствием. Образ крестьянина, обращающегося к святому с просьбой дать ему второго вола взамен павшего, «дабы не погибнуть с голоду вместе с семьей», неоднократно встречается в агиографии (Лопарев, 1914, с. 106; ИРАИК, V, с. 73).

Природные условия Византии — в большинстве гористые, заросшие кустарниками и лесами местности — в значительной мере обуславливали ведение хозяйства на небольших, а часто и на очень мелких участках. Такие участки, отводимые под пашню, назывались хорафиями. Хорафии обрабатывались крестьянами индивидуально и обносились заборами или

рвами. Господствовала чересполосица: участки пахоты перемежались виноградниками, огородами и садами.

Поля в Византии засеивались поздней осенью, на пороге зимы, а снимали урожай в июле. Жатва производилась серпами. В Византии сохранялись приемы молотбы, истари применявшиеся в Средиземноморье: по гумну пускались запряженные ослом деревянные сани, под тяжестью которых зерно обмолачивалось. Мельницы были разных типов: чаще всего их приводили в движение животные. Там, где протекали речки, строили водяные мельницы. Большинство земледельческих районов Византии отличалось высоким плодородием почв, однако во многих местах требовалось дополнительное орошение, что делало необходимым строительство ирригационных сооружений — каналов, искусственных водоемов и цистерн.

Демографические изменения и рост производительных сил

Особую роль в развитии производительных сил играл прирост населения. Он не только увеличивал число рабочих рук, но и способствовал более интенсивному воздействию человека на природу, стимулировал переход к более прогрессивным способам труда. Крупные демографические сдвиги имели место в Византии в VII—VIII вв. и были связаны, с одной стороны, с утратой в VII в. восточных провинций, с другой — с расселением варварских племен на территории империи.

Кризис рабовладельческой системы, достигший в Византии наибольшей остроты в VII в., усугубился массовым проникновением варваров в ее европейские области. В конце VI—VII в. славяне вторглись в Элладу и Пелопоннес, в VII в. — в некоторые области Малой Азии. Навстречу славянской иммиграции с востока двигалась другая волна — армяне, сарматы, марданты.

Последствия этих демографических сдвигов для развития производительных сил и изменения характера производственных отношений в империи были двоякими. Миграции, сопровождавшиеся военными столкновениями, привели к временному упадку производительных сил (заупустование и разрушение оросительных систем, порча дорог, гибель посевов и насаждений). Вместе с тем расселение варваров способствовало значительному росту населения. Расселившись на византийских землях, на Балканах, славяне, а также другие народы — армяне, марданты, персы, арабы — вошли органической частью в состав трудового населения империи и значительно увеличили его производительный земледельческий слой. Умножая ряды свободного крестьянства, славяне в то же время содействовали и укреплению общинного крестьянского землевладения в византийской деревне (Липшиц, 1961, с. 26; Lemerle, 1963, p. 277—280). Соприкасаясь с местными сельскими общинами, славяне не только постепенно овладевали достижениями античной агрикультуры, технологиями сельскохозяйственного и ремесленного производства, но и привносили собственный опыт ведения хозяйства. В VIII—IX вв. наряду с использованием культивируемых длительное время наделов шло интенсивное расширение посевных площадей посредством колонизации и освоения новых земель (преимущественно за счет расчистки лесов и распахивки пустошей), что явилось серьезным стимулом для развития производительных сил и укрепления крестьянского хозяйства (NG, 1, 4, 17, 20, 82).

Распахивке и посеву на новых землях предшествовала вырубка леса и расчистка вырубленной территории от стволов деревьев, хвороста, корневых

зарослей кустарника, осуществлявшиеся обычно путем сжигания (NG, 56, 57). Использование огня было важным мелиоративно-техническим средством, применявшимся с целью превращения лесных пространств в культурно-пахотные земли (Кондов, 1961, с. 6—9). Кроме того, выжигание леса на участках, равно как и сжигание стерни и соломы, оставшихся на поле после снятия урожая, использовалось непосредственно в агротехнических целях — для удобрения и повышения плодородия почвы. Ряд исследователей считает, что данные Земледельческого закона о расчистке и выжигании лесных участков свидетельствуют о широком (хотя и не господствующем) применении в Византии VII—VIII вв. подсеčno-огневой, или лядной, системы земледелия (Липшиц, 1961, с. 60—61; Липшев, 1959, с. 250—252; Цанкова-Петкова, 1963, с. 131). Однако такие характерные для подсеčno-огневой системы черты, как поверхностная обработка почвы, иногда — отсутствие всякой ее обработки, поскольку посев мог производиться непосредственно в золу после выжигания лесного участка, трудно согласуются с Земледельческим законом, в частности со статьей 12, содержание которой как раз предполагает тщательную и добросовестную обработку земельных участков. При подсеčno-огневой системе выжженные участки могли использоваться для посева лишь в течение трех-четырех лет, пока земля давала урожай. После этого они забрасывались и постепенно снова зарастали лесом, а их владельцы вынуждены были переходить к обработке новых земель. Однако земледельческая практика Византии опровергает это: из Земледельческого закона со всей очевидностью следует, что расчищенные участки предназначались для длительной эксплуатации.

Не только в Земледельческом законе, но и в более поздних византийских источниках нет определенных данных о применении в Византии четко организованного севооборота. Тем не менее анализ объективных возможностей ведения сельского хозяйства в климатических условиях Византии, а также свидетельства источников о земледельческой практике в соседней Болгарии в конце IX — первой четверти X в. — в период, наиболее близкий времени Земледельческого закона, — позволяют признать вероятным существование в этих областях двухпольной системы земледелия с занятым паром при чередовании хлебных и бобовых сельскохозяйственных культур (Кондов, 1961, с. 28; Липшиц, 1961, с. 63). Все сказанное позволяет прийти к выводу о поступательном, прогрессивном развитии производительных сил в сельском хозяйстве Византии в период генезиса феодализма.

Аграрный строй

Аграрный строй Византии во многом определялся борьбой частнособственнических тенденций, общинных традиций и государственных форм землевладения. При этом континуитет в сфере землевладения наблюдался здесь в гораздо большей степени, чем в странах Западной Европы (Сюзюмов, 1961, с. 34—63; Удальцова, Осипова, 1974, с. 26). В отличие от них в Византии в значительно более крупных масштабах и гораздо дольше сохранялись формы земельной собственности, унаследованные от предшествующего времени. Характерной особенностью Византии было сосуществование таких форм земельной собственности, как безусловная частная собственность, генетически связанная с позднеримскими аграрно-правовыми отношениями, государственная поземельная собственность и собственность мелких крестьян-общинников.

Безусловную частную собственность представляло крупное землевладение (прежде всего сенаторское), восходившее к Поздней Римской империи и строившееся во многом на эксплуатации труда посаженных на землю рабов и зависимых колонов. Этому типу землевладения в течение VII в. был нанесен тяжелый удар, приведший фактически к разорению крупных поместий.

Рабовладение в Византии приобрело несколько иные формы, чем на Западе. Византия не знала, как древний Рим, огромных рабовладельческих латифундий или вилл, целиком основанных на рабском труде. Большая часть рабов здесь была помещена на землю и вела самостоятельное хозяйство. Тем не менее удельный вес рабского труда как в сельском хозяйстве, так и в ремесле был довольно значительным. Рабы имелись во всех типах хозяйств. У нас нет оснований полагать, будто большинство рабов использовались в сфере обслуживания. Эксплуатация в сельском хозяйстве оставалась еще в немалой степени ориентированной на рабство. Более многообразные и гибкие, чем на Западе, формы использования рабского труда способствовали его большей рентабельности и более длительному сохранению в Византии.

Важным типологическим отличием Византии от стран Запада являлось существование государственной собственности на землю. В связи с увлечением некоторых зарубежных ученых-марксистов концепцией азиатского способа производства была выдвинута гипотеза о том, что в Византии якобы господствовали отношения, близкие к этому способу производства. Однако нельзя проводить прямых аналогий между государственной властью и государственной поземельной собственностью в Византии и на Востоке (Antoniadis-Bibicou, 1966, p. 47—72). В странах Востока государь всегда (или почти всегда) был не только верховным правителем, но и верховным собственником всей территории страны. Главным, а порою и непременным условием существования государственной собственности в странах Востока было одновременное отсутствие (или крайняя слабость) частной собственности на землю. Не случайно К. Маркс писал: «...отсутствие частной собственности на землю... вот настоящий ключ даже к восточному небу» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 215).

В Византии же государственная власть не имела патримониального характера. Верховное право собственности императора на все земли подданных в источниках не зафиксировано (Литаврин, 1973, с. 51—74). Фонд государственных земель в Византии состоял преимущественно из владений фиска (в состав которых входили заброшенные земли и участки, конфискованные и переданные в казну), а также из императорских доменов. Размеры фонда государственных земель в разные периоды истории Византии резко менялись. Государственные владения сравнительно редко представляли собой сплошные земельные массивы, они могли располагаться чересполосно, среди имений крупных собственников и крестьянских наделов. Они сохранялись на протяжении всего существования Византии, но никогда не охватывали целиком территорию Византийского государства.

В ранней Византии владения фиска и домены императора достигали настолько крупных размеров, что не могли обрабатываться жившими на них рабами и колонами. Обычно они сдавались в аренду и, тем не менее, из-за нехватки рабочих рук часто пустовали. В VII—VIII вв. в связи с общим критическим положением дел в стране фонд государственных земель сильно сократился. Многие из них были отторгнуты от империи

в результате вражеских завоеваний, другие заселены варварами. Значительная часть государственных земель в течение VII в. превратилась в достояние свободных крестьян. Власть государства над этими землями становилась лишь номинальной.

Крушение позднеантичной системы производственных отношений повлекло за собой в VII—VIII вв. общее перераспределение земельной собственности, почти полное исчезновение колониатной зависимости. Со страниц документов этого времени исчезают упоминания об эксплуатации труда зависимых колонов — основной фигурой сельского хозяйства становится свободный крестьянин. Распространение мелкого земледельческого производства явилось важнейшим результатом перемен в аграрном строе Византии в VII—VIII вв. Свободная крестьянская община стала центральной ячейкой хозяйственной жизни Византии, основой ее экономики.

Община, утвердившаяся в Византии в VII—IX вв., была сложным общественным организмом, возникшим в результате синтеза различных социально-экономических компонентов. Одним из ее истоков были местные общины, издавна существовавшие в Восточном Средиземноморье и восходившие своими традициями к доэллинистическим временам. В ранней Византии имелись общины разных типов, представлявшие определенные стадии общинного развития. Наибольшее распространение получили так называемые митрокомии — соседские общины, в которых крестьянин располагал правом частной собственности на земельный участок, ограниченным, однако, в возможности его отчуждения. Митрокомии располагались общественной землей, являвшейся коллективной собственностью жителей села. Будучи самоуправляющейся организацией свободных крестьян, такая община служила одновременно и низшей административно-фискальной единицей. В этом своем качестве она выступала как податная община, связанная коллективной ответственностью перед государством за поступление податей. Ранневизантийские митрокомии были свободны от пережитков родового быта, но сохраняли устойчивые античные традиции, проявившиеся в наличии рабства, во влиянии установлений частной собственности и в применении норм римского права (Удальцова, 1974, с. 16).

Определенное воздействие на формирование византийской общины оказали общинные порядки славянских племен. Славяне принесли с собой общину, отличавшуюся большой сплоченностью, устойчивостью и прочностью внутренних связей. В отличие от ранневизантийских митрокомий она сохраняла некоторые элементы общинно-родового строя славян, в частности традиций большой семьи, большесемейной собственности и кровнородственных отношений¹.

Наследие византийских митрокомий и общинные порядки славян явились двумя главными компонентами, из синтеза которых в Византии VII—VIII вв. сложился качественно новый тип общины.

¹ Проблема происхождения и специфика византийской общины трактуется в византистике по-разному. Некоторые исследователи подчеркивали элементы частной собственности в общине, живучесть античных традиций и силу их влияния (*Сюзюмов*, 1956, с. 27—48); другие связывают возрождение общины в VII—VIII вв. преимущественно со славянской иммиграцией (*Липшиц*, 1945, с. 111 и след.; 1961, с. 18—49; *Литве*, 1959, с. 250—256).

Сельское поселение

Византийские сельские поселения VII—IX вв., представлявшие собой по своей социальной структуре свободные общины, были деревнями, в центре которых обычно размещались крестьянские усадьбы: одноэтажные дома, крытые черепицей или соломой, и дворы с надворными постройками и колодцами. Весь комплекс общинных угодий подразделялся на две группы земель. Первая, куда входили все обрабатываемые земли, была разделена между общинниками и находилась в индивидуальном пользовании крестьян. Отдельные крестьянские хозяйства располагали угодьями разных видов: пахотными хорафиями, виноградниками, садами, нередко разбросанными в различных концах деревни. Вторая группа общинных угодий включала неподеленные земли — леса, пустоши, луга, находившиеся в коллективной собственности членов общины.

Обрабатываемое земледельцем пахотное поле, виноградник выразительно определяются Земледельческим законом как «собственное поле», «собственный виноградник» (NG, 1, 79), а обрабатывающий их земледелец является в то же время «хозяином», «владельцем земли» (NG, 17).

Степень владельческих прав крестьянина на его участок устанавливается Земледельческим законом вполне четко. Статьи Закона предусматривают возможность обмена земельными участками на определенный срок (в частности, на время посева) (NG, 4, 5) и навсегда, возможность передачи земли в обработку другим лицам на различных условиях (NG, 9—16), наконец, право владельца закладывать свою землю за деньги (NG, 37). В общинной практике имела место и купля-продажа земли — об этом свидетельствует упоминание в статье 16 Земледельческого закона «справедливой цены поля». В IX в. случаи продажи крестьянской земли фиксируются в других источниках — деловых документах (купчих грамотах), а также в агнографии. Смысл многих статей Земледельческого закона сводится к защите права собственности владельца на его надел. Разрушение или сожжение чужого дома или ограды виноградника со своекорыстной целью, вырубка или сожжение чужого леса, сруб чужих деревьев и виноградников, вторжение в чужое поле во время вспашки, сева или жатвы (NG, 1, 2, 6, 20, 57, 60, 66) — вот далеко не полный перечень нарушений прав чужой собственности, упоминаемых в Земледельческом законе и караемых последовательно разработанной системой санкций. Крестьянин мог сохранять право на свой участок даже в случае вынужденного ухода из села. По возвращении он был вправе взять обратно свой участок или получить равноценный (NG, 21).

Под воздействием общинных порядков славян византийская община, несомненно, изменилась, но славянское влияние отнюдь не привело византийскую общину к более низкой ступени имущественных отношений (Сюзюмов, 1960, с. 4—5). В развитии прав собственности общинников на их наделы община VII—VIII вв. удерживала традиции ранневизантийских митрокомий, где широко практиковалась продажа земельных участков (членам общины, но не чужакам).

В византийской общине VII—VIII вв. происходило перераспределение земельной собственности, результатом которого было непрерывное увеличение наделных земель общинников за счет разделов коллективных общинных угодий. Это были прежде всего леса и пустоши, использовавшиеся в качестве общинной собственности под пастбища, а также для сооружения различных построек, удовлетворявших коллективные

сельские нужды, в частности мельниц (NG, 81). Многие индивидуальные участки общинников в прошлом входили в состав общинной земли и лишь в результате ее раздела перешли в частное владение (NG, 82). Об этом говорит терминология Земледельческого закона: надел общинника чаще всего определяется здесь терминами «доля» (NG, 78, 82) или даже «жребий» (NG, 8). В состав индивидуальных владений общинников могли входить не только поля, виноградники и сады, но также участки леса (NG, 20, 57, 56) и пустоши (NG, 82).

В ходе ломки старых общественных порядков и утверждения свободного общинного землевладения в VII—VIII вв. достоянием сельских общин стало весьма значительное количество пригодных для эксплуатации земель. Поэтому фонды неразделенных коллективных угодий общины могли быть довольно обширными — гораздо более обширными, чем в ранневизантийское время. В масштабе всего государства практика их разделов с последующей обработкой становится основным средством расширения культивируемых земель и в конечном итоге — эффективным стимулом поднятия уровня сельскохозяйственного производства.

Необходимость проведения новых земельных разделов в каждом конкретном случае должна была диктоваться в первую очередь экономическими потребностями общины. Разделы осуществлялись по мере роста сельского населения и с увеличением числа индивидуальных крестьянских хозяйств, а также в процессе упрочения экономики села и роста потребности в расширении производства. Периодических переделов земли византийская деревня VII—IX вв. не знала. Статья 8 Земледельческого закона, на которую ссылались для подтверждения гипотезы о существовании в Византии таких переделов (Успенский, 1888, с. 248), на самом деле имеет в виду тот случай, когда раздел общинных угодий был осуществлен «несправедливо в жребиях» и опротестован общинниками. При таких обстоятельствах проведенный раздел мог быть аннулирован и допускалась возможность нового раздела земли.

Совокупность рассмотренных фактов показывает, что в недрах византийской общины VII—VIII вв. происходило значительное укрепление частной собственности. Об этом свидетельствует упрочение владельческих прав общинника на свой надел, отсутствие периодических переделов земли, массовые разделы коллективных общинных угодий. Однако это отнюдь не означает, что частная собственность в общине полностью восторжествовала и византийская деревня в эпоху Земледельческого закона превратилась в поселение частных собственников.

Византийская община того времени, как и крестьянская община в целом, характеризуется чертами глубокого внутреннего дуализма. Частно-собственнические начала внутри общины укреплялись в упорной борьбе с общинными традициями, выражавшимися в комплексе общинных прав, существенно ограничивавших права частной собственности общинников. Сельская община, будучи коллективным собственником неподеленных угодий, энергично защищала право коллективной собственности на эти земли, решительно пресекая попытки отдельных общинников «в частном порядке» использовать общинные угодья для себя. Например, если крестьянин, найдя на общинной земле пригодное место, строил мельницу, община указывала ему, что он присвоил общинную землю. В этом случае Земледельческий закон предписывал членам общины возместить строителю мельницы издержки по постройке и стать ее совладельцами (NG, 80). Иными словами, община запрещала возводить на своей земле частные постройки: последние должны были поступать в коллективное владение (NG, 82).

Специфической особенностью византийской общины, которая отличает ее от западноевропейской общины-марки, было сохранение прав на чужую землю. Эта общинная традиция выражалась в византийской деревне в существовании права потреблять плоды в чужом саду или винограднике, если делается это не с целью покражи (NG, 61), владеть деревом на чужом участке (NG, 32), занять землю крестьянина, бежавшего из села (NG, 18, 19, 21) или лишившегося возможности обработать свой надел (ИРАИК, V, с. 66).

Община проявляла заботу о затраченном общинниками труде. Дерево, выращенное общинником на неразделенной земле, оставалось его собственностью даже в том случае, когда после проведения раздела оно оказывалось на чужом участке (NG, 32). Общинник имел право остаться на занятой им чужой земле и сохранял возведенные им постройки — вернувшемуся хозяину земли он был обязан лишь предоставить равноценный участок (NG, 21). Сохранились такие общинные традиции, как предъявлявшееся к членам общины требование заботиться о чужой собственности, оказывать друг другу взаимную помощь и поддержку. Обычной для византийской деревни была взаимная помощь рабочим скотом (NG, 36, 37).

Земледельческий закон устанавливает за нарушение права собственности гораздо более мягкие наказания, нежели западные «варварские правды». За использование чужого поля византийский крестьянин терял лишь свой труд и семена (NG, 1, 2), тогда как Салическая правда нарала такое действие высоким штрафом. Сохранение прав на чужую землю, возможность пользоваться чужими плодами, чужим пастбищем, лесом, разрешение сажать деревья на чужой земле — все это в известной мере ограничивало владельческие права крестьян, но в то же время укрепляло экономические связи между общинниками, объединяло и сплачивало их. Развитие прав на чужую землю — новая характерная черта византийской общины VII—IX вв. В ранневизантийских общинах такая практика допускалась лишь в виде исключения — применение сервитутов, которое имело ограниченный характер. Примером подобных сервитутов можно считать право брать воду на соседнем участке и проходить через него (Таубеншлаг, 1957, с. 6—7).

Определенные ограничения в правах общинников на землю создавали и большесемейные отношения, возрождавшиеся и укреплявшиеся в эпоху Земледельческого закона под влиянием пережитков родового быта, принесенных в империю славянами и другими народностями (особенно армянами в Малой Азии). В Пафлагонии в VIII в. большая семья могла включать до 30 человек. Так, в семье упоминавшегося выше Филарета жили и вели общее хозяйство его сын и две дочери вместе со своими семьями, причем некоторые из многочисленных внуков главы семьи были уже взрослыми людьми (ИРАИК, V, с. 76). Прочность родственных связей фиксирует и законодательство: согласно «Эклоге, измененной по Прохирону», имущество умершего мужчины наследуют его сородичи (Ecloga ad Proch. м., II, 31)².

² Эклога — краткий свод законов, обнародованный в 726 г. императорами Исааврийской династии Львом III и Константином V. В состав Эклоги из обширного правового наследия предшествующей эпохи было включено то, что оставалось жизненно важным и актуальным для византийского общества VIII в., и наряду с этим — новые статьи, свидетельствующие о развитии процесса феодализации в империи. «Эклога, измененная по Прохирону», — один из вариантов «Эклоги», возникший после появле-

В VII—VIII вв. сельская община обладала большими административными правами. Она могла выступать в спорах, касавшихся жизненных интересов села, в частности в тяжбах об определении границ с соседними поселениями. В ее ведении находились все вопросы внутреннего распорядка сельской жизни, особенно те из них, которые касались коллективной эксплуатации общинных угодий, включая найм и содержание общинных пастухов и сторожей (NG, 19, 25). Община выбирала должностных лиц — старост села (ИРАИК, V, с. 79).

Участие в коллективном использовании общинных угодий, общность хозяйственных интересов, взаимная связь и взаимная помощь, усиленные глубоким проникновением общинных традиций в жизнь деревни, — все это способствовало объединению и упрочению спаянности односельчан. Община оставалась деятельным, сплоченным *коллективом*, чье влияние оказывало определяющее воздействие на сельские будни. Устойчивая экономическая структура общины, прочное взаимодействие всех ее элементов, крепость общинных связей и дух коллективизма, пронизывавший повседневную жизнь села, имели своим следствием большую консолидацию и жизнеспособность византийской общины по сравнению с общинами-марками западной Европы. Длительное существование сильной сельской общины свободных крестьян в империи является одной из важных типологических особенностей аграрного строя Византии (Удальцова, 1971, с. 16).

Разложение общины

Несмотря на свою силу и сплоченность, византийская община VII—VIII вв. уже не была коллективом равноправных тружеников. В среде общинников интенсивно шел процесс имущественной и социальной дифференциации. Как свидетельствуют источники, некоторые общинники выступали в качестве владельцев земли, скота, орудий труда, рабов, проявляли настойчивое стремление к захвату земель обедневших односельчан (NG, 9, 10). В VII—IX вв. наличие имущественного неравенства ошутимо проявлялось в выделении прослойки неимущих крестьян — апоров (NG, 11, 13, 14, 18; *Ecloga*, VII, 6; XVII, 2). Обычно апоры были лишены средств для обработки своих участков и по необходимости вынуждены были на различных условиях отдавать их в аренду другим лицам. Иногда участки могли передаваться только для первоначальной обработки — вспашки и посева (NG, 12—15), но чаще передавались для всего комплекса работ. Необходимость брать участок в аренду вызывалась крайней земельной нуждой крестьянина, его обезземеливанием; сдавать же участок в аренду вынуждало его обнищание, отсутствие необходимых орудий труда, невозможность обработать имевшуюся у него землю.

В деревне VIII—IX вв. практиковалась аренда исполу — наиболее тяжелый и невыгодный для крестьян вид арендного договора. Среди исполщиков, наряду с обедневшими членами общины, могли быть и пришлые люди, лишенные собственности (Сюзюмов, 1959, с. 30—31; Липшиц, 1945, с. 124—125). Другой вид аренды, отмеченный в Земледельческом законе, — так называемая морта — предусматривал в качестве платы десятую долю урожая. Земледелец и мортит, упоминаемые в

ния нового правового свода — «Прохирон», изданного императором Василием I ок. 579 г. (Эклога, 1965, с. 20; Липшиц, 1974, с. 5; 1976, с. 193—203).

источниках, — это люди разного имущественного положения. Внутриобщинные арендные соглашения, усугубляя расслоение общинников, способствовали созданию внутри общин элементов феодальной зависимости.

Порой обеднение некоторых членов общины приводило к потере ими своего надела. Бедность и задолженность влекли за собой отдачу земли за долги (NG, 67). Нередко апоры предпочитали добровольно похнынуть свои наделы и в поисках заработка уходили из села (NG, 31). Тем не менее обедневшие, зачастую лишившиеся земли, но оставшиеся в деревне крестьяне-апоры еще не утрачивали своего социального облика: они продолжали оставаться членами общины и пользовались всеми общинными правами.

Некоторые виды сельскохозяйственных работ в деревне VII—IX вв. выполнялись наемными работниками — мистиями. В Земледельческом законе называются мистии — наемные пастухи и сторожа огородов (NG, 34, 35). Для мистиев характерно отсутствие собственности. Как правило, мистии являлись чужаками, пришельцами, зачастую беглыми крестьянами, поэтому они не могли на новом месте стать полноправными общинниками и надеяться на получение общинной земли. Им приходилось поневоле соглашаться на самые тяжелые формы аренды земли (аренда исполу) или ради хотя бы временного пользования участком браться за расчистку леса под пашню (NG, 17). Согласно Эклоге, в качестве мистиев могли использоваться лица, выкупленные из плена, — до ушлаты или отработки ими суммы выкупа (Ecloga, VIII, 6).

Все эти факты свидетельствуют о том, что мистии были одной из наиболее бесправных и обездоленных групп сельского населения, чье подневольное положение легко ставило их в зависимые отношения от нанимателей. Даже скудные данные Земледельческого закона показывают, сколь предвзятым и настроенным было отношение общинников к мистиям: в них видели воров, которые тайком доят скот и продают молоко, тайком берут у крестьян рабочих волов и используют для своих нужд (NG, 36). Однако мистии оставались юридически свободными людьми; с ними заключались договоры, причем, как показывает юридическая практика, они могли односторонне нарушать договорные обязательства и бросать предусмотренную договором работу (NG, 14—16).

Наряду с мистиями в византийской деревне VII—VIII вв. имелись и рабы. Утратив свое прежнее значение как основа производства, рабство продолжало существовать в качестве уклада и не было отменено официальным законодательством империи ни в VII—IX вв., ни позднее. Более длительное, чем на Западе, сохранение рабовладельческого уклада — весьма характерная черта генезиса феодализма в Византии. Эксплуатация рабов как челяди получила широкое распространение и в городе, и в деревне. Труд рабов применялся в VII—VIII вв. на земледельческих работах. Рабы-пастухи упоминаются в Земледельческом законе (NG, 45—47, 71, 72). Раб не рассматривался как субъект права — Земледельческий закон показывает полную юридическую неспособность рабов, вследствие чего они обычно не привлекались в качестве ответчиков за содеянные ими преступления. Лично ответственными рабы выступали лишь в случае кражи скота или тогда, когда скот оказывался растерзанным дикими зверями. Виновного подвергали жестокому наказанию — распятию на вилах (фурке), но прежде он должен был возместить стоимость погибшего скота. Если раб не мог нести материальной ответственности за преступление, его подвергали бичеванию и пыткам (Линшиц, 1945, с. 129).

Особенности формирования феодальной собственности и зависимости крестьян

Сила и стойкость византийской общины, несмотря на постепенное вызревание в ее недрах ростков феодализма, препятствовали втягиванию крестьян в феодальную зависимость, замедляли темпы формирования феодальной собственности и образования вотчины. Не менее важной особенностью генезиса феодализма в Византии было сохранение здесь в эпоху раннего средневековья централизованного государства. Влияние такого государства на складывание феодальных порядков сказывалось двояким образом. Во-первых, оно способствовало подчинению основной массы свободных крестьян — посредством принудительного привлечения их к уплате государственных налогов. Нигде на Западе в раннее средневековье доля прибавочного продукта, присваиваемая в форме государственного налога, не была столь велика, как в Византии. Во-вторых, подчинение свободного крестьянства государством и огромная роль государственных институтов в жизни империи тормозили формирование феодальной вотчины, мешали увеличению власти феодалов над зависимым населением, накладывали особый отпечаток на облик феодальных институтов (Удальцова, 1971, с. 21—22).

Наступление господствующего класса на общину приобрело в Византии характер двуединого процесса. Прежде всего община подвергалась постоянному централизованному воздействию со стороны государства. В VII в., в условиях кризиса империи, позиции византийского государства были значительно ослаблены. Хотя сообщения источников об этом периоде крайне скудны, есть основания полагать, что в течение VII—VIII вв. не произошло резкого усиления налогового гнета (Theoph. Chron., p. 458). Известно также, что в течение VII—VIII вв. перестали применяться некоторые прежние методы взимания налогов, эффективно использовавшиеся до VII в. Имеется в виду практика коллективной налоговой ответственности крестьянства (система эпиболе — аллиленгий).

Как показывают статьи 18 и 19 Земледельческого закона, обложение общинного крестьянства в конце VII и в VIII в. было обычным делом, однако строго соблюдаемой системы круговой поруки византийская деревня того времени не знала. Смысл этих статей сводится к тому, что в случае оставления общинником его участка односельчане имели право занять надел при условии уплаты налогов. Использование чужой земли выступает здесь как акт совершенно добровольный, уплата налога — лишь его естественное следствие. Обе статьи отнюдь не подчеркивают обязательности, принудительности привлечения общинников к использованию брошенных земель и уплаты налогов за недоимщиков. Следовательно, система эпиболе — аллиленгий в общинах VIII в. не применялась: предусматривалась лишь возможность для членов общины использовать пустующие земли.

Иное положение складывается в начале IX в., когда был осуществлен комплекс общегосударственных реформ с целью укрепления финансового положения империи. Резко усилился налоговый гнет, были восстановлены налоги, не взимавшиеся в VII—VIII вв., отменены все виды льгот, введено взимание таможенной и некоторых других пошлин. Рост налогового обложения затронул не только низшие слои населения, но и церковно-монастырские круги. В империи вводилась система строгого учета земель, подлежащих обложению налогами. С этой мерой было связано и введение института аллиленгия, т. е. принудительного привлечения

налогоплательщиков к взаимной податной ответственности за пустующие земли независимо от того, использовались они или нет. Проведение податных реформ в начале IX в. привело к резкому ухудшению положения свободного общинного крестьянства, становившегося объектом жестокой эксплуатации со стороны государства. Правда, византийская община и в этих условиях выстояла, сохранила самостоятельность, но тем не менее процессы ее внутренней эволюции, рост имущественной дифференциации, вызревание элементов феодализма и складывание отношений зависимости внутри общины стали еще более интенсивными. Наряду с постоянным воздействием централизованного государства византийское общинное крестьянство подвергается все более настойчивому натиску со стороны растущего феодального землевладения.

Развитие феодального землевладения в VIII—IX вв.

Сведения о крупном и среднем землевладении в византийских источниках VII—IX вв. крайне скудны и неопределенны. Актового материала, сохранившего драгоценные живые свидетельства о жизни византийской деревни в последующие столетия, для данной эпохи почти нет, за исключением единичных грамот конца IX столетия. Поэтому суждения о характере крупного землевладения в империи VII—IX вв. во многом гипотетичны. Сохранились лишь отрывочные сведения о крупном светском землевладении того времени. Хорошо известен рассказ Константина Багрянородного о сиротливой вдове Даниэлис, «благороднейшей и богатейшей» земельной собственнице в районе Патр (Пелопоннес). Она владела огромными богатствами, которые могли сравниться лишь с владениями «тиранов». Даниэлис совершила путешествие в Константинополь на носилках, которые попеременно несли множество рабов. Она привезла византийскому императору дары, превосходившие подношения иных царей. К ее услугам было огромное количество слуг — несвободных и зависимых людей (Theoph. Cont., p. 318—321). В законодательном памятнике VIII в. — Эклоге — имеется указание на рост имений военной и гражданской знати, происходивший за счет императорских и церковных земель. Знаменательно, что в Эклоге подчеркивается недопустимость захвата военными людьми, «призванными защищать государство от одних только врагов», земельных участков и домов путем осады или покровительства (Ecloga, XII, 6; Ecloga prív. a., XIII; Липшиц, 1961, с. 170 и след.). Императорская власть выступает, таким образом, против земельных собственников, посягавших на земли и другие виды недвижимости, доходы с которых являлись важной статьей в бюджете централизованного государства и императорского правительства. Можно предполагать, что побудительным моментом для включения этого предписания в двенадцатый титул эклоги, стало реальное перемещение земельной собственности, приводившее к возникновению феодальных поместий.

Еще один пример крупного земельного собственника изучаемого времени — пафлагонский деревенский богатей Филарет Милостивый (702—792). Он был владельцем 50 участков земли, 100 пар волов, 800 табунных коней, 600 быков, 80 мулов, 12 000 овец и обширных процветающих поместий, включавших 48 проаствев (имений). Земли Филарета граничили с имениями «могущественных» соседей и с крестьянскими участками. Хотя из-за специфики агнографического источника трудно считать достоверными все детали жизнеописания Филарета, его жизнь,

несомненно, содержит подлинную бытовую основу, весьма существенную для представления о византийской действительности IX в. Судьба Филарета сложилась необычно. По разным причинам он потерял свои богатства: у него остался только отцовский дом и участок земли, а все его владения были присвоены богатыми соседями и крестьянами (ИРАИК, V, с. 64—86).

К разряду средних землевладельцев этого времени можно отнести командиров отрядов воинов-стратиготов и судовладельцев — навклеров (Липшиц, 1961, с. 79—80). В VIII—IX вв. возрастали и владения церквей и монастырей. Об увеличении имущества монастыря св. Андрея в местечке Перистерях близ Фессалоники свидетельствует акт 897 г. из архива Афонской Лавры (Lavra, № 1). Семейство некоей вдовы Георгии продает в селение Драговунтов, в восточной части Фессалоники, пахотные земли, заброшенные виноградники, луг, скотный двор. Название селения Драговунтов близко к наименованию славянской общины драгунтов, которая, по-видимому, ко времени составления акта распалась на отдельные частновладельческие участки. Таким образом, приведенная грамота — единственная для VII—IX вв. — убедительно говорит о расширении владений монастыря за счет имущества выделившегося из общины обеспеченного крестьянского хозяйства (Липшиц, 1952, с. 18—25).

Богатейшим земельным собственником являлся Студийский монастырь. В его владения входили пахотные земли, луга, виноградники, сады, мельницы, огороды, большое хозяйство монастыря велось силами монахов. Развито было и ремесленное производство — там трудились кожевники, сапожники, ткачи, портные, кузнецы, гончары, плотники, кровельщики.

Умножению церковно-монастырской собственности способствовало покровительство центральной императорской власти. Организация монастырей сопровождалась обычно наделением их землей, иногда целыми селами, именными, а также деньгами. Церкви и монастыри получали в дар различные предприятия (соляные промыслы) и статьи доходов: винные сборы, пошлины и т. д. (Лопарев, 1914, с. 63).

В VIII—IX вв. в византийских источниках впервые встречается термин «парик», ставший веком позже основным обозначением феодально-зависимого крестьянина. Этот термин употребляет хронист Феофан, рассказывающий, что в императорских монастырях, в церковных имениях и различных благотворительных учреждениях (приютах, богадельнях и т. д.) использовался труд «париков», которые освобождались от государственного подъемного налога (Theoph. Chron., p. 486—487). Упоминаются парики и в одном из приложений к Эклоге — «Законах Моисея», сборнике, составленном в VIII—IX вв. (Ecloga, p. 83—87), а также в некоторых эпиграфических памятниках того времени (Corpus inscr., N 8080).

Вопрос о путях формирования феодально-зависимого крестьянства в Византии вызывает давние споры в византийстике. Некоторые исследователи полагают, что парики — основная категория феодально-зависимых крестьян в империи — это прямые преемники колон-эпанографов ранневизантийского времени. Наиболее последовательно данную теорию в советской историографии развивает Е. Э. Липшиц. По ее мнению, уже в законодательстве Юстиниана парик приравнивался к колону, а колонны могли иногда быть феодально-зависимыми земледельцами (Липшиц, 1953, с. 28—55; 1967, с. 74, 76). Другие исследователи, напротив, рас-

смаатривали париков как новую категорию феодально-зависимого населения, сложившуюся в результате качественных сдвигов в социально-экономическом строе империи. Мы придерживаемся этой точки зрения.

Для образования класса зависимого крестьянства в Византийской империи потребовалось более двух столетий широкого распространения свободной крестьянской общины. Свободный общинник и свободный воин-стратигот были здесь предшественниками феодально-зависимых крестьян. В отличие от Запада, в Византии в формировании класса феодально-зависимого крестьянства значительно большую роль сыграли унаследованные от позднеантичного периода категории зависимых людей, в первую очередь рабы, мистии, различные прослойки арендаторов (Удальцова, 1971, с. 20). В условиях генезиса феодализма именно слияние этих различных категорий зависимых людей сформировало класс феодально-зависимого крестьянства. В VIII—IX вв. этот процесс только начался. Завершиться ему предстояло в последующие столетия.

2. Византийское крестьянство в период становления феодализма (IX—XI вв.)

Начиная со второй половины IX в. Византия вступает в новый период своего исторического существования, характеризующийся интенсивным развитием феодальных отношений во всех сферах общественной жизни. Наиболее ярко это проявилось в росте и утверждении крупной феодальной собственности, формировавшейся преимущественно за счет земель свободной крестьянской общины.

Византийская община X в. по сравнению с предшествующим периодом претерпела существенные изменения, вызванные прежде всего борьбой все более утверждавшихся частнособственнических тенденций с оживающими общинными традициями. Реализация общинниками права частной собственности на их наделы, выражавшаяся в широкой практике всякого рода отчуждений, приводила к перераспределению земельной собственности в общине и углублению имущественных и социальных противоречий. Византийское законодательство X в. отчетливо противопоставляет «бедных», «убогих» крестьян, земельный надел которых составлял их единственное достояние, и общинников, имевших довольно крупные хозяйства, объединявшие значительные земельные владения.

С точки зрения структуры сельская община в X в. представляла собой сложное и неоднородное по составу образование, включавшее разнообразные типы сельского поселения. Нередко зажиточные крестьяне, «имевшие много скота и рабов», предпочитали селиться вне деревни, на хуторах. Богатые общинники все чаще становились владельцами крупных усадеб — проастьев, в которых обычно жили не сами хозяева, «но зависимые от них люди — рабы, мистии и подобные им» (Податной устав, с. 115).

Внутреннее расслоение общины, усугублявшееся в результате проникновения в византийскую деревню крупного землевладения извне, приводит к тому, что в X в. резко меняется социальный состав общинников. В деревнях близ Фессалоники в начале X в. наряду с крестьянами — членами общины были крупные землевладельцы — диваты, имевшие зависимых крестьян. Уже в конце IX в. в селении Драговунтов значительная часть земель оказалась в руках соседнего монастыря, многие крестьяне,

обеднев, ушли из села, и община фактически распалась (Lavra, № 1). В общине селения Иериссо на Афонском перешейке в 40-х годах X в. многие земельные участки принадлежали различным афонским монастырям (Athos, № 107).

Однако, несмотря на внутренний раскол общины и ослабление общинных связей, в византийской деревне X в. продолжали сохранять силу некоторые характерные общинные традиции. Наиболее отчетливо это проявлялось в совместном землепользовании общинников, в осуществлении общиной как коллективом разнообразных публично-правовых сделок. Как и в эпоху Земледельческого закона, общины в X в. располагали общими землями (Reiga, XXXVIII, 2), которые постепенно либо путем заимок, либо в результате разделов переходили в частное владение общинников.

Нередко общинники практиковали продажу земельных участков из резерва неразделенных общинных угодий. Так поступали в X в. крестьяне селения Радохоста, продавшие монастырю для устройства мельниц участок на берегу реки. Крестьяне села Иериссо продавали землю из неразделенных угодий общины на Афонском перешейке. О продаже земли, осуществляемой общиной как юридическим лицом, сообщает новелла императора Константина Багрянородного от 947 г. (IGR, III, 258).

Как и в VIII в., в этот период в византийской деревне по-прежнему сохраняло силу право на чужую землю — на запустевшие участки соседей и односельчан. Так, в сигиллии Льва VI от 893 г. говорится о совместном использовании соседями запустевших земель в окрестных селениях (Lake, 1909, p. 84). В 941 г. при продаже запустевшей земли бывшей общины в районе Фессалоники сохранялись старые общинные порядки. В частное владение фактически поступала только наделенная земля бывшей общины, старое же пастбище новым владельцам предписывалось использовать сообща. Покупатели не должны были никому препятствовать рубить лес, собирать каштаны и косить траву на купленных участках бывших коллективных общинных угодий (Lavra, № 3; 4).

В качестве пережиточных форм общинной собственности в X в. были распространены случаи совместного владения землей или иным имуществом двух или нескольких лиц. Подобное совладение возникало на основе общей покупки или иного способа совместного приобретения. После покупки владение могло быть разделено на отдельные участки между «совладельцами» или «соучастниками». Факты общего владения несколькими общинниками землей и имуществом, повсеместно действовавшее право на выморочную землю соседей способствовали сохранению внутренней спаянности общины как коллектива землевладельцев, связанных общими хозяйственными интересами.

Эксплуатация свободного общинного крестьянства во второй половине IX—XI в. осуществлялась преимущественно в централизованной форме через государственную налоговую систему. Сельская община в этот период предстает в качестве основного объекта налогового обложения. В комплекс государственных налогов входили синона (государственная хлебная рента, коммутированная в X в.), капникон (подушный налог в размере двух миллиарисиев с домохозяйства), энномий (налог на содержание скота), различные мелкие подати. Но главным государственным налогом являлся димосий, или канон, — поземельный налог, исчислявшийся в зависимости от качества используемой плательщиком земли. С этой точки зрения земли делились на три категории, причем с участка земли первой категории размером в 24 модия (1 модий — 0,084 га) взимался димосий в 2 номисмы (1 номисма за землю как таковую, 1 — это

обеспечение ее тяглом и рабочими руками). Такой крестьянский надел составлял «полную стась». Ее собственник имел, как правило, упряжку собственных волов (зевгарь) и именовался «зевгаратом». Крестьянин, имевший лишь одного вола и меньший участок, назывался «воидатом» и платил половинный димосий. Наконец, наименее обеспеченный слой крестьянства составляли «актимоны» — лица, не имевшие своей земли и поэтому не платившие налогов.

При определении димосия отдельного крестьянина-общинника первоначально устанавливалась общая сумма налога всей общины (ридза) и определялась земельная площадь, с которой общине предстояло ее внести (ипотага). Затем первое число делилось на второе и полученная квота умножалась на площадь земельного участка каждого крестьянина (Податной устав, с. 114—115). Поэтому в зависимости от количества и качества общинной земли крестьяне могли платить неодинаковый димосий за разные наделы. Если кто-либо из общинников покидал свой участок, это не приводило к уменьшению ридзы. До тех пор, пока земля числилась за общиной (включалась в ее «периторисм»), с нее должны были поступать налоги, поэтому их доля, взимаемая с каждого крестьянина, соответственно увеличивалась (Осипова, 1960, с. 31—35).

Так вступало в силу действие коллективной податной ответственности свободного крестьянства, введенной в Византии в форме так называемого алиленгия после неурожая и голода, постигших империю в 928 г. По сообщению Симеона Метафраста, с тем «чтобы общины не имели задолженности относительно их ежегодных податей», было установлено, «чтобы соседи вносили налоги умерших и бежавших... Это было обязательно для всех подданных, и всякий был обязан платить налоги соседей и живших поблизости либо умерших с голода, либо выселившихся из-за нужды» (Zachariae von Lingenthal, S. 209, Ann. 12).

Принудительная обязанность общинника платить налоги за выморочные или брошенные земли соседей является твердо установленным порядком, фиксируемым в Податном уставе X в. Однако данные Устава не оставляют сомнения в том, что реальное взимание алиленгия нередко было затруднительным в связи с ожесточенным сопротивлением общинного крестьянства. В стремлении избавиться от непосильных налоговых тягот крестьяне нередко покидали свои наделы и бежали из родных деревень. О тяжелом налоговом бремени, усугублявшемся многочисленными злоупотреблениями податных чиновников, сообщают многие византийские авторы X—XI вв.: Иоанн Геометр (PG, t. 136, col. 329), Продолжатель Феофана (Theoph. Cont., p. 443), Кедрин (Cedrg., t. II., p. 368), Михаил Пселл (MM, V, p. 268).

Поскольку, однако, налогообложение свободного крестьянства являлось важнейшим источником государственных доходов, правительство было вынуждено принимать меры для сохранения земельной собственности в руках крестьян. Не желая добиваться этого путем реального ограничения налогового обложения, власти уже с начала X в. пытаются искусственно приостановить обнищание крестьянства с помощью ряда реформ. Их основной тенденцией было стремление сохранить общину как солидарно ответственный за уплату налогов коллектив мелких земельных собственников. Эта тенденция определяла в течение почти всего десятого столетия политику византийского государства в отношении свободного крестьянства.

Одной из мер правительства было введение вслед за алиленгием системы класм, предназначавшейся якобы для облегчения тяжести налого-

вого обложения, а на деле оказавшейся губительной для византийской деревни. При запустении по различным причинам земли податное ведомство направляло в селения своих чиновников, чтобы они производили освобождение от налогов (частичное или полное) оставленных земельных участков. Если в течение 30 лет владельцы или их наследники не возвращались на покинутые земли, освобождение от налога превращалось в налоговое изъятие. Эти участки переходили в категорию так называемых класм, изымавшихся из общины и поступающих в распоряжение государства, которое осуществляло их продажу, раздавало в виде пожалованных, сдавало в аренду (Податной устав, с. 116).

Практика земельных изъятий оказала глубоко разрушительное воздействие на византийскую общину. Использование заброшенных земель как соседями, так и всеми односельчанами для общих нужд являлось для деревни жизненной необходимостью. Исключение класмы из процесса нормального экономического функционирования в византийской деревне подрывало хозяйственные устои общины. Временные скидки налогов приносили лишь незначительное облегчение крестьянам, в то время как отторжение класм государством становилось процессом необратимым и приводило к неуклонному сокращению общинных земель и ослаблению позиций общинного землевладения. И хотя в принципе отдельные крестьяне, равно как и общины в целом, имели право покупки класм, однако в условиях повсеместного обнищания византийской деревни они лишь в редких случаях могли воспользоваться этим правом. Как правило, реализуемые государством класмы оказывались в руках крупных землевладельцев (чаще всего монастырей) и становились источником расширения крепившихся феодальных поместий. Источники свидетельствуют, что отчуждение класм у общин и их реализация государством непрерывно осуществлялись на протяжении X—XI столетий.

Весьма важным фактором политики государства в отношении свободного крестьянства явилось известное аграрное Законодательство императоров Македонской династии (IGR, III).

В серии императорских новелл начиная с 922 г. и до конца столетия под покровом традиционной риторики о «защите крестьянского землевладения» и мерах против «сильных» проводились в жизнь законы, суть которых сводилась к ограничению прав общинного крестьянства в распоряжении своей землей и сокращению круга потенциальных приобретателей крестьянской земли. Запрещая свободное отчуждение (продажу, дарение, сдачу в аренду) земельных наделов крестьянами, правительство опиралось на характерное для византийской общины «право протимисиса» — предпочтительного приобретения земельной собственности родственниками и соседями собственника. Исторически протимисис сложился как один из принципов обычного права общины и был непосредственно связан с правом общинника на использование чужой (соседней) земли в пределах села. С конца IX в. протимисис перешел в сферу права публичного и постепенно был оформлен государственным законодательством. Император Лев VI установил, что соседи продавца земельного участка вправе приобрести его у недавнего покупателя в течение шести месяцев после продажи (IGR, III, 220). Роман I Лакапин в 922 г. в законодательном порядке регламентировал действие протимисиса, определив пять категорий лиц, имевших преимущественное право на приобретение или получение отчуждаемой земли (яли иной недвижимости). Ими являлись: 1) родственники, 2) хозяйственно связанные совладельцы имущества (не родственники), 3) владельцы частей ранее единой недвижимости, 4) со-

седьмодельчане, 5) соседи по владениям, но не односельчане (IGR, III, 234—236).

Теоретически легализация права протимисиса имела целью оградить общинные земли от посягательств крупных собственников. Известно, что до издания первых императорских новелл 922 г. и 934 г. обычной и фактически не ограничивавшейся юридическими преградами была практика приобретения крестьянских земель динатами в результате покупки, дарения, завещания, заклада. Крупные собственники вступали в фактическое владение крестьянской землей под видом ее аренды, используя патронатные отношения, а также право сорокалетней давности, обеспечивавшее им вплоть до 996 г. — времени издания императором Василием II новеллы, формально отменившей это право, — возможность беспрепятственного расширения своих владений.

Императорское законодательство X в. в известной степени ограничивало захватнические действия византийских феодалов, однако ни в коей мере не могло их пресечь. Законы о предпочтении были внутренне противоречивы: призванные сохранять землю в руках крестьян, они в то же время создавали условия для концентрации земли в руках зажиточных членов общины. При хроническом безденежье рядовых общинников лишь сельские богатеи были в состоянии заплатить нужную сумму и приобрести продаваемую землю. Тем самым законы о протимисисе способствовали дальнейшему расслоению общины и создавали предпосылки для формирования в деревне феодальной собственности (Сюзюмов, 1956, с. 38). Примером может служить свидетельство новеллы императора Василия II от 1 января 998 г. о некоем Филокалесе, сельском старосте, который, разбогатев, быстро прибрал к рукам земли своих односельчан и превратил общину в собственный проастиий (IGR, III, 306).

Крупные землевладельцы не только ловко обходили новые законы, но и использовали их в своих интересах. Так, некий клирик Давид в 952 г. продал монастырю в Перистерях близ Фессалоники гончарный эргастий и подарил пахотную землю со строениями. Против этого запротестовали некоторые соседи, в особенности друнгарий флота Иоани, утверждавший, что подобная сделка противоречит существующему законодательству. Он утверждал, что соседями Давида были бедные крестьяне и им прежде всего принадлежит право приобретения участков. Выяснилось, однако, что это были зависимые крестьяне (проскафимены) динатов, не претендовавшие на землю в силу своей бедности. Их право протимисиса динаты, таким образом, хотели использовать для расширения своих владений.

Весьма важно и то обстоятельство, что, приобретая надел в общине любое лицо (в том числе и крупные землевладельцы) становилось ее членом и, обретя общинные права, получало возможность округлять свои владения за счет общинных земель, используя преимущества, санкционированные законодательством.

Таким образом, несмотря на законодательные ограничения, наступление феодального землевладения на общину продолжалось. Все чаще в стремлении захватить крестьянскую землю динаты прибегали к прямому насилию. Продолжатель Феофана рассказывает, что «динаты вторгаются в села и путем грабежа приобретают для себя проастиин» (Theoph. Cont., p. 447). По свидетельству императорской новеллы, «злоупотребления динатов в деревнях увеличивали тяготы бедных и влекли за собой притеснения, вымогательства, барщины и восстания» (IGR, III, 247).

Итак, приостановить процесс поглощения общинных земель динатами,

равно как и возратить крестьянам захваченные у них различными путями земельные участки, византийское государство не смогло. Материал деловых документов X—XI вв. показывает, что в большинстве случаев сделки производились без каких-либо ссылок на существующее законодательство. Многократные повторения в новеллах императоров одних и тех же ограничительных мер в отношении продажи и покупки крестьянской земли свидетельствуют об их малой эффективности. Тем не менее нельзя не признать, что проведение государством мероприятий, сдерживавших натиск феодалов на общину, в известной степени тормозило развитие сеньориальной формы феодальной собственности.

Глубокое проникновение в жизнь византийской деревни общинных традиций, стойкость византийской общины, которая успешно противостояла двойному натиску — со стороны централизованного государства и местных феодальных сил, определенная роль охранительных мер государства — все эти факторы предотвратили исчезновение свободного крестьянства в условиях интенсивной феодализации (Удальцова, 1975, с. 30). Оставаясь в X—XI вв. многочисленным, свободное крестьянство продолжало играть немалую роль в социальной и экономической жизни империи.

Формирование феодальной собственности на землю и феодальной зависимости крестьян в X—XI вв.

Внутренняя эволюция общины, имущественная дифференциация и вызревание элементов феодализма в ее недрах, равно как и экспроприация крестьянской собственности вторгающимся в общину крепнущим феодальным землевладением, — все это основные источники формирования феодальной вотчины в Византии. Однако процесс становления частного феодального землевладения в империи был значительно осложнен наличием сильной государственной собственности, общинного землевладения и остатков безусловной частной собственности, генетически восходящей к позднеримской. Свообразную и глубоко противоречивую роль в складывании феодальной вотчины в Византии играло государство. С одной стороны, государство само укрепляло феодальное землевладение, широко используя практику пожалования земель, особенно распространявшуюся во второй половине X—XI в. С другой стороны, государственная власть, продолжая тенденции аграрной политики императоров X в., еще пыталась сдерживать рост феодального землевладения, ограничить его и сохранить в сфере своего влияния. Отсюда — относительная замедленность темпов вызревания феодальной вотчины в Византии и, соответственно, формирования частновладельческой крестьянской зависимости.

Источниками засвидетельствованы три основных вида крупной земельной собственности: частное феодальное землевладение, церковно-монастырское землевладение, а также домены императора и его семьи. Процесс феодализации особенно интенсивно протекал в малоазийских фемах — Фракисийской, Анатолий, Армянской, где находились владения наиболее известных аристократических родов — Фок, Дук, Склиров. Знатной фамилии Маленинов, состоявших в родстве с несколькими византийскими императорами, принадлежали в Каппадокии целые области протяженностью более ста километров от города Клавдиополя до реки Сангарий. В Харсиане имели крупные вотчины (икосы) Аргирь. Богатые владения на востоке империи принадлежали византийскому вельможе Василию Нофу, который из своих зависимых людей смог сформировать

отряд в три тысячи воинов в полном вооружении (Leo Diac., p. 47; 176). Поместья протоспафария Воилы (XI в.) объединяли в Антиохийской феме более полутора десятков различных сельских поселений, среди которых были центральная усадьба с церковью, многочисленные села и проастии (Безобразов, 1911, с. 107—115). В европейской части империи, в районе Фессалоники и в округе Филиппополя, несколько деревень входили в состав владений великого доместика Запада Григория Бакурианн.

В X—XI вв. значительную силу в качестве крупных коллективных феодальных собственников приобретают монастыри. В этот период монастыри возникают по всей территории империи, причем особенно интенсивное строительство монастырей шло на Афоне, в районе Фессалоники, в Константинополе, Афинах, в Вифинии, в окрестностях Милета, Прусы, Никомидии. Рост монастырской собственности происходил нередко при прямом содействии византийского государства, сопровождавшего основание многих монастырей официальными земельными пожалованиями.

Расширение монастырских владений осуществлялось и за счет многочисленных пожертвований и вкладов от частных лиц, а также путем поглощения крупными монастырями мелких, экономически несостоятельных монастырьков, в том числе и крестьянских, возникавших в сельских общинах. Среди официально жалуемых монастырям земель особенно большое место занимали изъятые в общинах и конфискованные государством класмы. Большое распространение приобрели и денежные пожалования монастырям из государственной казны. Особенно настойчиво и изощренно монастыри осуществляли захваты крестьянских земель, что дало основание составителю императорской новеллы заявить, что «целые селения не только испытывали притеснения, но и совсем переставали существовать, заедаемые монастырями» (IGR, III, 313).

Различные пути генезиса феодальной собственности обусловили возникновение многообразных по структуре типов феодальных поместий. Чаще всего поместья складывались из многих земельных владений, расположенных в различных селах и местностях, среди общинных земель и владений соседних собственников. В других случаях это были хозяйства обособленные и не связанные с крестьянской общиной поселения — иногда генетически они восходили к позднеантичным виллам. Нередко поместье представляло собой подчиненную динатом сельскую общину. Поместья в византийских источниках обычно обозначаются терминами «проастиий» и «икос». Как мы видели, проастии по своему происхождению часто были связаны с общиной. Они возникали на периферии общины в процессе ее расслоения и выделения мелких вотчинников. С конца X в. термин стал применяться для обозначения типичного феодального поместья, населенного зависимыми крестьянами — париками. Наименование «икос» чаще употреблялось для обозначения богатых центральных усадеб во владениях феодала, особенно в малоазийских фемах империи.

Замедленностью формирования крупной феодальной собственности в Византии были обусловлены некоторые характерные особенности эксплуатации вотчинных земель. Недосток рабочих рук в феодальном хозяйстве — особенно в конце IX — первой половине X в., когда византийская парикия только складывалась, — вынуждал крупных собственников применять старые, унаследованные от античности формы эксплуатации — использовать труд рабов и наемных работников — мистиев.

Рабство в IX—XI вв. как уклад было еще достаточно широко распространено: рабы использовались в качестве домашней прислуги, на полевых работах, в ремесленном производстве, мореплавании. В этот период

может быть даже отмечена тенденция к расширению применения рабского труда в сельскохозяйственном производстве. Одновременно укреплялись права собственников рабов; беглые рабы могли быть возвращены господином в любое время независимо от срока давности. Тем не менее рабство постепенно теряло свое значение в сельском хозяйстве, и статус рабов сближался с положением низших слоев крестьянства.

Наемные работники — мистии — в источниках X—XI вв. упоминаются часто в качестве «рабочей силы в проастинах». Это были лишенные собственности батраки, пришлые люди, по разным причинам ушедшие из родных мест. Судя по памятникам, мистии селились преимущественно на периферии поместий, обрабатывали вновь приобретаемые феодалами земли. Но хотя мистии были бесправными, обездоленными людьми, юридически они оставались свободными. Мистии работали в поместьях в силу договора в течение более или менее точно установленного срока и за определенную плату. Они могли нарушать договоры и уходить из поместий. Рабы и мистии, естественно, не могли играть решающей роли в феодальной вотчине. Главную рабочую силу на частновладельческих землях представляло феодально-зависимое крестьянство.

В Византии феодальная зависимость формировалась двумя путями. Один из них — когда непосредственные производители попадали в частновладельческую зависимость вместе со своей землей, т. е. без предварительной экспроприации и обычно без потери связи с общиной. При этом подчинение крестьянина феодалу могло происходить двояко. В одном случае — на основе частноправовой договоренности (продажа, дарения, завещания земли крестьянами динамам, разнообразие формы патронажа, долговая кабала и т. д.) или в результате прямых насильственных действий феодальных собственников. В другом случае основной движущей силой формирования частновладельческой зависимости выступало государство, осуществлявшее раздачу земель вместе с сидящими на них крестьянами (из резерва государственных земель), а также практику разного рода условных пожалований, которые в итоге также приводили к возникновению парической зависимости крестьян.

В X—XI вв. представляется возможным наблюдать возникновение различных форм условной собственности, которая в Византии развивалась более медленными темпами и не получила столь широкого распространения и отчетливого оформления, как аналогичное явление в странах Западной Европы (Удальцова, 1977, с. 8). Источники X—XI вв. говорят об условных дарениях, пожалованиях ввещных прав, имевших характер личной, временной, пожизненной или наследственной привилегии, которая могла быть отменена. Их предоставление осуществлялось на практике путем денежных выплат, которые производились из фондов государственных налоговых поступлений. Отчетливее всего в документах представлены такие условные пожалования, как солемнии, харистикии, а в XII в. — пронии.

В X в. солемнии представляли собой передачу государством чаще всего монастырям права на взимание точно зафиксированной суммы государственного налога с крестьян не подчиненных монастырю деревень. При этом монахи должны были сами взимать пожалованный налог. Получение этого типа солемниев сулило монастырям значительные выгоды. Не случайно в X в. солемнии предоставлялись «по просьбам монахов» (Податной устав, с. 116). Привлекательность этих пожалований для монастырей заключалась в таившейся в них возможности феодального подчинения крестьян. Правда, обретение монахами прав взимания государ-

ственного налога с крестьян определенной деревни не превращало автоматически этих крестьян в монастырских париков. Однако обязанность платить подати монастырю, естественно, ставила их в подчиненное положение и в будущем легко могла привести к возникновению отношений феодальной зависимости и к приобретению монастырем владельческих прав на землю. Таким образом, в процессе своей эволюции солеменный приобретал принципиально новое качество, превращаясь в одно из действенных средств феодализации.

По своему значению в развитии феодализации к солеменным был близок институт харистикрия, который представлял собой передачу в качестве условного пожалования монастыря или иного церковного учреждения в распоряжение светского или (реже) духовного феодала (Glykatzi-Ahrweiler, 1964, p. 107—109).

Поскольку харистикарии получали значительные права распоряжения имуществом монастыря, его хозяйством и доходами, их деятельность сказывалась губительным образом на положении монахов, особенно низших категорий. Крайне пагубную роль в судьбе монахов играла передача под власть феодалов мелких крестьянских монастырей, возникавших в сельских общинах. Нередко кто-либо из крестьян, пытаясь сохранить землю, строил на своем участке церковь и становился при ней монахом. К нему присоединялось еще несколько односельчан, так что со временем известная часть жителей села оказывалась монахами деревенского монастыря (IGR, III, 313). Новообразованная обитель под предлогом хозяйственной несостоятельности со временем могла быть передана под власть кого-либо из динатов. В результате монахи-крестьяне превращались в париков харистикария. Таков был в общих чертах первый путь возникновения частновладельческой зависимости крестьян.

Однако в империи более широкое распространение приобрел другой путь, при котором феодальному подчинению предшествовала экспроприация непосредственных производителей — лишение их земли и отрыв от общины. Обезземелению общинников способствовали различные обстоятельства: расслоение общины, тяжелый налоговый гнет, злоупотребления администрации, произвол и насилия светских и церковных феодалов, войны и нашествия, голод, стихийные бедствия. Разорившись и потеряв землю, крестьяне были вынуждены уходить из родных деревень. Поиск средств к существованию обычно приводил их к приселению на земли динатов, где рано или поздно они должны были превратиться в зависимых людей.

Среди присельников значительную часть составляли бывшие общинники, ремесленники, разорившиеся и ушедшие из города в деревню, всевозможные неимущие пришлые люди, выбитые из родных мест, деклассированные элементы: нищие и бродяги, наконец, в более поздний период — беглые парики. Общим их признаком было отсутствие земли, собственного хозяйства и, соответственно, обязательств по уплате налогов или иных повинностей перед фиском или другим феодалом (Осинова, 1977, с. 66—67).

Византийские документы рисуют пеструю картину жизни феодального поместья, отмечая наряду с париками — зависимыми крестьянами, владельцами индивидуальных наделов — стасей — существование в поместьях различных категорий тружеников, закрепившихся на положении присельников. Среди них были люди с различным имущественным и социальным статусом — и лично свободные, и находившиеся в разной степени зависимости. Не всем присельникам удавалось получить землю

и завести собственное хозяйство. Уделом многих из них была обработка господских земель, иные долгое время оставались на положении поденщиков, дворовых слуг, использовались на всевозможных подсобных тяжелых работах и представляли собой наиболее обездоленную часть трудящегося населения поместий. Большинство из них до конца своих дней пребывало в крайней нищете.

Апоры, апоресанты, штохи, актимоны — так византийские источники называют немущих поселенцев поместий, не имевших ни дома, ни рабочего скота. Бесправным было положение и дулошарников — категории труженников, выполнявших наиболее тяжелые работы — барщины-ангарии — на доменальных землях поместий. Элевтеры — «свободные» в характерном византийском значении этого слова, т. е. лишенные земли и имущества и тем самым свободные от уплаты государственных налогов, — использовались динатами на подсобных работах и в качестве домашней челяди. По своему полузависимому положению они были близки другой категории присельников — шпиретам. Термин «проскафимены» («приселившиеся») в буквальном смысле служил первоначально для обозначения недавно поселившихся в поместьях крестьян. Но со временем термин превратился в устойчивое наименование сидящих на земле зависимых крестьян, фактически аналогичное названию «парик».

Решающим обстоятельством при наделении земель новых поселенцев в поместьях было имущественное положение присельников. Для доходной эксплуатации вновь выделяемых наделов собственнику нужны были прежде всего крепкие в хозяйственном отношении крестьяне, располагавшие своим сельскохозяйственным инвентарем и рабочим скотом. Заинтересованность в поселении на вотчинных землях состоятельных крестьян нередко выражалась вполне откровенно. Монастырь Иоанна Богослова на Патмосе настойчиво просил императора Мануила разрешить приселить на свои земли именно париков-завгаратов, обладавших упряжкой волов (MM, VI, p. 104). Иногда острая нужда в рабочих руках заставляла динатов давать крестьянам скот или ссуды на обзаведение необходимым инвентарем.

Нехватка рабочих рук и стремление к наиболее выгодной эксплуатации земли — эти два обстоятельства объясняют и использование на вотчинных землях аренды. Особенно широкое распространение аренда имела в X—XI вв. на землях монастырей, нередко «в туне лежавших из-за недостатка обработки» (IGR, III, 295). По свидетельству Пирры (Peira, XV, 6), в аренду сдавались принадлежавшие церкви поля и здания. В частности, подобным образом использовали свои земли монастыри св. Фоки (Peira, XV, 9) и Влахна (Peira, XV, 10).

Отношения арендаторов с собственниками земли оформлялись арендными договорами (аренда эмфитевтическая и аренда, определяемая термином «мистосис») и не содержали первоначально элементов личной зависимости: срок аренды определялся договором и не зависел от воли землевладельца. Но в X в. возникает новый вид аренды, в основе которой лежало понятие о парическом праве, возникшее в этом столетии. По «Определению» известного византийского юриста X в. магистра Косьмы, при передаче земли в аренду на основе парического права решающее значение имело волеизъявление собственника земли: парик-арендатор мог оставаться на участке столько времени, сколько желал собственник. Поселенные подобным образом парики не могли распоряжаться данными им участками — продавать или передавать их, ибо право собственности, как подчеркивает «Определение», принадлежит господину земли. В то

же время документ указывает на наличие элементов владельческих прав, которые вместе с парическим держанием приобрел парик: в случае его ухода с земли собственник ее должен был выдать парик материал возведенных им строений (Вазелонские акты, с. XXXV—XXXVI).

Последующая эволюция понятия о парическом праве может быть отмечена в материалах Пирь, где приводится рассказ об арендаторе, спящем в поле сроком на пять лет (Peira, XV, 3). По истечении того времени арендатору предоставляется право остаться на занимаемом им участке, однако тогда он будет считаться не арендатором, но держателем этой земли. По прошествии же 30 лет он не может быть согнан с этой земли, так как становится ее «господином». Но при этом он именуется теперь париком.

Наблюдение над изменением смысла понятия «парик» на протяжении X—XI вв. позволяет говорить о постепенном правовом упрочении присельников на тех землях, на которые они когда-то вселились, при одновременном углублении их личной зависимости. Рассматриваемые как зависимые люди, парики X—XI вв. были в то же время далеки от закрепощения, прикрепления к земле. Они обладали свободой перехода. В «Определении» магистра Косьмы совершенно ясно говорится, что парики могли покидать церковные земли. Это положение характерно и для XI в., что видно, в частности, из письма Михаила Пселла, в котором он просил судью воспрепятствовать ожидаемому переселению париков одного из землевладельцев (Скабаланович, 1884, с. 249).

Процесс поселения безземельных крестьян в феодальных поместьях в Византии также контролировался и регулировался государством. Начиная с 60-х годов X в. в целях сдерживания и ограничения этого неодолимо развивавшегося процесса государство начало применять практику пожалований земледельцам права на владение лишь строго ограниченными контингентами париков. Предоставляемое «количество» («арифмос») париков обычно строго фиксировалось в императорских хрисовулах. При этом в качестве неперемennого условия монастырям вменялось в обязанность комплектовать пожалованное «количество» париков из лишенных земли крестьян, не внесенных в государственные податные списки и соответственно не имевших обязательств по уплате налогов, т. е. из рядов присельников.

Главная тенденция практики арифмоса — пожалования землевладельцам права на владение и приселение лишь определенного числа зависимых людей — состояла в укреплении частновладельческой феодальной зависимости. Официально закрепляя предоставленное количество крестьян за феодальным собственником, этот институт непосредственно приводил к феодальному подчинению приселенных париков. В этом отношении важной вехой было предоставление монастырям экскусии париков, т. е. их освобождения от уплаты государственных налогов, передачу этих платежей монастырю, что влекло за собой дальнейшее усиление парической зависимости этих крестьян.

Таким образом, пожалование арифмоса париков с последующим предоставлением экскусии было одним из наиболее важных направлений продинатской политики византийского государства. Но в то же время пожалования арифмоса выполняли и ярко выраженную ограничительную функцию, поскольку землевладельцы, получая арифмос, теряли право на самовольное приселение новых крестьян сверх пожалованной нормы. Так государство, с одной стороны, пыталось идти навстречу устремлениям землевладельцев, с другой — стремилось держать развитие феодального

поместья под своим постоянным контролем. Для контроля за поселением париков в соответствии с пожалованным числом и для проверки прав монастырей на владение живущими на их землях париками государство осуществляло ревизии.

Документы о пожалованиях арифмоса париков позволяют проследить эволюцию в положении приселенных крестьян. По хрисовулу Романа II от 960 г. монастырю Иоанна Колову на Афонском перешейке было пожаловано 40 «бестяглых», т. е. не плативших государственных налогов крестьян. В 995 г. монастырю и его 40 парикам была пожалована эккуссия (Athos, № 155). Этот факт говорит о том, что за прошедшие 35 лет бывшие бестяглые крестьяне получили от монастыря землю и стали полнонадельными хозяевами. Вместе с тем пожалование эккуссии имело следствием существенное изменение в их положении. Передача государственных налогов этих крестьян монастырю влекла за собой дальнейшее упрочение их парической зависимости.

Актовый материал о государственных пожалованиях арифмоса и ревизиях, производившихся податными чиновниками в поместьях, служит убедительным свидетельством острейшей борьбы за крестьян, развернувшейся в X—XII вв. между византийским государством и феодалами. Г. Острогорский, анализируя эти документы, показал, что, уступив феодальным силам в X в. в борьбе за землю, византийское государство отнюдь не капитулировало в вопросе о рабочей силе (Ostrogorskiĭ, 1956, p. 37). Таким образом, государство по-прежнему пыталось сдерживать экспансионистские устремления феодалов. Борьба за крестьян между византийским государством и земельными собственниками, приобретая новую остроту, продолжалась. Контроль государства над числом зависимых крестьян в поместьях сохранял в X—XII вв. свою эффективность. Многочисленные просьбы монастырей о пожаловании новых париков без ограничения их числа долгое время не имели успеха. Лишь с течением времени ослабела эффективность государственного контроля за числом зависимых крестьян на землях феодалов. Порой акты пожалования париков стали включать указания на то, что данный арифмос может пополняться за счет детей и родственников ранее приселенных крестьян (Lavra, № 51). Приселение париков без ограничений их числа стало обычной практикой лишь в поздней Византии.

Разумеется, число зависимых людей, находившихся на частновладельческих землях, намного превышало официально разрешенные правительством контингенты. Наряду с париками в поместьях существовали различные категории сельских тружеников. Различные обстоятельства, и не в последнюю очередь — ограничения, связанные с арифмосом, приводили к тому, что не все из них могли рассчитывать на получение земли и обретение юридического статуса парика. Система действительного государственного контроля за числом париков в поместьях ограничивала возможности земельных собственников в испомещении на свои земли новых крестьян и тем самым тормозила складывание феодальной зависимости крестьянства в Византии. Сохранение многочисленных градаций в статусе и степени зависимости крестьянства, обилие терминов, обозначавших различные категории сельского населения, составляли характерную особенность Византии. Процесс консолидации класса феодально-зависимых крестьян в X—XI вв. не достиг в Византии окончательного оформления в значительной степени в силу тормозящего влияния государства.

Формы феодальной ренты

Состав рент частновладельческих париков изучен до сих пор недостаточно. Все же источники позволяют сделать некоторые наблюдения на этот счет. Мы можем утверждать, что парики, как правило, выполняли в пользу собственника земли разнообразные ангарии. Григорий Бакуриани во второй половине XI в. отмечал, что его монастырь построен «не за счет ангарий и привлечения париков» (Тур., р. 9). Один из его крестьян был обязан работать в странноприимном доме монастыря (молоть зерно, топить печи, готовить пищу, доставлять дрова и воду) и за это был освобожден от всех прочих работ, которым подлежала его деревня» (Тур., р. 51). Есть известия о выполнении барщины влахами для монастырей Афона (Meуег, 1894, S. 163). Ангарии практиковались в монастыре Богородицы Космосотиры (Lavra, № 72); о том, что динаты принуждают крестьян к ангариям, еще в 934 г. говорилось в новелле Романа Лакапина (IGR, III, 247). Г. Литаврин считал, что ангарии были главной формой эксплуатации частновладельческих париков собственниками земли (Литаврин, 1960, с. 208).

В состав парических рент входили также разнообразные натуральные взносы в пользу собственников земли — хлебом, воском, овощами. В XI в. в некоторых монастырях Афона натуральный взнос одного крестьянина состоял из буханки хлеба, курицы, меры ячменя и меры вина (Lavra, № 32). Крестьяне иногда принуждались к уплате особых взносов господину в связи с рождением ребенка или смертью кого-либо из членов семьи.

Весьма распространенным явлением была уплата крестьянином господину денежного пакта. Уже в конце IX в. в ряде случаев держатели монастырской земли платили монастырям денежную ренту (Lavra, № 1). О том, что в XI в. это стало правилом, свидетельствует Пира (Peira, XV, 14). Соответствующие сведения дошли до нас о париках Евстафия Волы, Андроника Дуки и других крупных земельных собственников этого периода. Напомним, что в случае, если собственник земли не обладал экскусией, на плечи его париков ложилось также все бремя государственных налогов.

Положение большей части париков, сидевших на царских землях, по-видимому, мало отличалось от положения частновладельческих крестьян. Возможно, что в привилегированном положении находились некоторые особые категории государственных крестьян, несшие специальные повинности и свободные от всех иных поборов и ангарий. В их число входили крестьяне, обслуживавшие почтовое ведомство (экскуссаты дрома), парики, снабжавшие императорский двор различными продуктами питания, и т. д.

Итак, в X—XI вв. в Византии в основном складывается система феодальной эксплуатации крестьянства, зависимого от собственников земли. Для нее характерно сочетание отработочной, натуральной и денежной рент — возможно, с некоторым преобладанием ангарий. Типологической особенностью Византии является соединение частнособственнических форм угнетения крестьянства с эксплуатацией тех же крестьян государством через налоговый аппарат.

Особенности социальной борьбы крестьянства
в VII—XI вв.

Типологические особенности формирования феодализма в Византии, специфика расстановки классовых сил, сохранение централизованного государства, отличия в административном и церковном устройстве и в идейно-политической жизни общества во многом определили своеобразие крестьянских движений в Византийской империи.

В ранней Византии, где столь выдающуюся роль играли города, социальные движения связаны главным образом с крупными городскими центрами, и прежде всего с Константинополем. Выступления крайне пестрого как в социальном, так и в этническом отношении сельского населения Византии носили в то время стихийный и локально-разобщенный характер. Тем не менее ранняя Византия, как и Иран, была колыбелью многих народно-еретических движений: среди них мы встречаем представителей различных еретических учений, от самых радикальных дуалистических сект демократического характера, подобных манихеям, мессалианам и монтианам, до умеренных религиозных течений, не согласных с догматами господствующей церкви, как ариане, несториане или монофиситы. В наибольшей степени радикальные еретические движения охватили сельское население Византии, хотя еретические идеи широко проникали и в среду горожан.

В начальный период генезиса феодализма в Византии ядром социальных движений стало свободное общинное крестьянство, а острее этих выступлений было направлено против податного гнета византийского государства и притеснений общинников со стороны правителей (архонтов), военных командиров (стратигов) и податных чиновников. При наличии в Византийской империи сильной государственной власти, разветвленного налогового аппарата и ренты-налога крестьянские выступления часто принимали форму восстаний против гнета налоговых сборщиков. В субъективном представлении крестьян именно налоговый сборщик был олицетворением гнета центрального правительства. Порою к народным социальным движениям примешивались религиозные, этнические и даже династические мотивы. Знатные узурпаторы, безвестные самованцы и просто авантюристы, стремясь к захвату власти в провинции, а иногда посягая и на императорский престол, направляли народное недовольство в русло династической борьбы в своих корыстных целях. Однако по мере усиления натиска государства и динатов на свободную общину в среде широких масс крестьянства росло сопротивление закреплению. Динаты и военные командиры захватывали земли не только свободных крестьян-общинников, но и военных поселенцев-стратиотов, которым византийское правительство давало земельные наделы за военную службу.

Начавшемуся упадку городов сопутствовало обеднение горожан и рост недовольства среди городской бедноты. Особенно страдали от притеснений государственных чиновников и динатов славянские поселенцы в Греции. В самом начале IX в. в Византии вспыхивает крупное восстание славян. О размахе движения свидетельствует тот факт, что восставшие славянские племена в союзе с арабами в 807 г. осадили город Патры — один из важнейших стратегических пунктов на западном побережье Греции. Постепенно восстание охватило почти весь Пелопоннес. Лишь с большим трудом оно было подавлено правительственными войсками.

Но самым грозным для византийского правительства стало восстание широких народных масс империи под руководством Фомы Славянина

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

(821—825). Восстание началось в 821 г. в Малой Азии и быстро охватило почти всю эту провинцию. В нем приняли участие крестьяне-общинники, солдаты-стратоты, недовольные притеснениями военных властей, втягиваемые в зависимость сельские бедняки, беглые рабы. По мере роста движения к нему присоединилась часть городской бедноты. По словам анонимного византийского хрониста, Фома, военный командир одной из малоазийских фем, «поднял рабов против господ, простых воинов против их начальников» (Theoph. Cont., p. 53). По словам современников, в число повстанцев входили «все враждебные господам, на долю которых выпал рабский удел» (Genes., p. 32).

К восстанию присоединились представители различных племен и народностей восточных областей Византии и приграничных районов Арабского халифата. Византийский император Михаил II в своем письме к французскому королю Людовику Благочестивому описывает восстание Фомы и называет среди его сторонников арабов, персов, армян и другие народы. Византийский хронист Генесий упоминает об участии в восстании славян, гуннов, лазов, абазгов и ряда других племен и народностей. Восстание поддержали и еретики-павликяне, весьма многочисленные в восточных областях империи (см. ниже). Восстание приняло сразу очень широкие размеры. Территория, на которой оно первоначально развернулось, простиралась от границ Армении до побережья Эгейского моря.

Вождем восстания Фома из Гезнуры по прозвищу Славянин — фигура яркая, но глубоко противоречивая. Его жизнь, полная опасных приключений, была окутана легендами. Биографические сведения о нем весьма отрывочны, точно неизвестно даже его происхождение: одни хронисты утверждают, что Фома был славянином, другие называют его ромеем (греком) или армянином. Большинство исследователей склоняется к мнению о его славянском происхождении. К моменту начала восстания Фома был человеком преклонного возраста, прожившим долгую и бурную жизнь. Смелый воин, талантливый военачальник, отличавшийся безмерным властолюбием, Фома был наделен умом хитрого политика, обладал большим жизненным опытом и талантом привлекать на свою сторону сердца людей. В молодости за участие в заговоре против правительства он попал в опалу и, спасаясь от казни, бежал в Сирию, где провел изгнанныком долгие годы при дворе багдадского халифа. Его недюжинные способности помогли ему сделать карьеру и заслужить доверие халифа. Император Лев V Армянин (813—820) простил Фому, вернул в империю и назначил военачальником одной из малоазийских фем. Однако Фома не оставил своих честолюбивых планов и возмечтал захватить императорский престол, подняв на борьбу против правительства народные массы. Очередной дворцовый переворот в Константинополе открыл дорогу Фоме к выполнению этих замыслов.

В 820 г. император Лев V был убит и на византийский престол взошел его убийца, коварный и жестокий правитель Михаил II (820—829). Борьба за власть между различными группировками господствующего класса, дворцовые заговоры и смуты облегчили выступление Фомы. Сравнительно в короткий срок под знаменами Фомы собралась огромная повстанческая армия. Успехи Фомы привели к тому, что в его армию влились не только солдаты, но и некоторые недовольные правлением нового императора военачальники из среды знати, впоследствии сыгравшие роковую роль в ходе восстания. Часть монашества, недовольная икоборческой политикой правительства и конфискацией земельных владений монастырей, тоже временно примкнула к движению.

Первоначально Фома привлекал на свою сторону широкие народные массы. По сообщению источников, он, «задержав всех сборщиков податей, отменил установленные законом сборы и щедро раздавал деньги народу» (Genes., р. 32—33). В борьбе с общим врагом — византийским правительством — Фома искал поддержки арабов. Халиф Мамун (813—833) заключил союз с Фомой на невыгодных для повстанцев условиях. Фома обещал признать империю данницей халифата и уступить арабам ряд пограничных территорий. За эти уступки халиф признал Фому василевсом ромеев. Фома был торжественно коронован в Антиохии, и антиохийский патриарх Иов возложил на него императорский венец. Халиф Мамун, надеясь использовать восстание Фомы в своих интересах, дал новому василевсу значительное войско, а арабский флот напал на принадлежавшие Византии острова Эгейского моря и приморские районы Малой Азии. Одержав ряд побед, повстанцы приняли решение двинуться на столицу империи Константинополь. Фома, как опытный полководец, тщательно готовился к походу. Ему удалось привлечь на свою сторону моряков византийского флота, базировавшегося у берегов Малой Азии. Вождь повстанцев деятельно принялся за вооружение и укрепление армии, за постройку новых военных и грузовых кораблей. В короткий срок в его руках оказались значительные морские силы, которые были стянуты к острову Лесбосу. Фома прекрасно понимал, какую важную роль должен сыграть флот при осаде столицы с моря. Огромная армия Фомы быстро продвигалась к Босфору. Однако оставшиеся в тылу повстанцев приверженцы правительства напали на замешкавшийся в дороге отряд приемного сына Фомы Констанция, разгромили его, а Констанция казнили. Они отрубили ему голову и послали этот трофей в столицу императору Михаилу, а император с торжеством отослал голову убитого Констанция ненавистному узурпатору. Гибель любимого сына не сломила мужества Фомы и его командиров. Под прикрытием ночной темноты Фома беспрепятственно переправил всю свою армию через пролив из Малой Азии во Фракию. Во Фракии и Македонии местное население поддержало восставших, крестьяне массами стали вступать в отряды Фомы. Особенно большую помощь оказали восставшим славянские поселенцы, крестьяне-общинники, жившие около Фессалоники. В то же время флот восставших двинулся от Лесбоса к Константинополю и вошел в воды Пропонтиды.

В декабре 821 г. началась осада столицы с суши и с моря. По словам современников, под знаменами Фомы собралась 80-тысячная хорошо вооруженная армия и сильный флот. Повстанцы вплотную подошли к городским стенам, а флот Фомы, прорвав железную цепь, преграждавшую вход в Золотой Рог, проник в залив и угрожал городу с моря. В столице началась паника. Однако повстанцам не удалось с ходу овладеть сильно укрепленным городом, и осада затянулась. Суровая зима, принесшая болезни и лишения, затрудняла осаду. В стане повстанцев начались распри, умело разжигаемые агентами правительства, которые стремились подкупом и щедрыми посулами отколоть от восставших колеблющиеся элементы, социально чуждые основной массе восставших. Измена проникла и во флот, который сражался вяло и терпел поражения. Осаду пришлось временно снять.

Весной 822 г. осада Константинополя возобновилась. В тылу армии Фомы поднял восстание изменник Григорий Птерот, которое с трудом было подавлено. Но Фома не падал духом и собирал новые силы. Из Греции на помощь Фоме прибыла большая флотилия из 350 кораблей.

Летом 822 г. борьба за столицу возобновилась с новой силой. В столь безвыходном положении император Михаил II обратился за помощью к опасному врагу Византии — болгарскому хану Омуртагу. В борьбе за власть обе враждующие стороны, мало заботясь о тяжелых последствиях для населения, искали помощи у иноземных правителей. Вмешательство болгарского хана сыграло роковую роль в ходе восстания Фомы и во многом определило его трагический исход. Весной 823 г. болгарские войска нанесли поражение армии восставших. Фома с остатками своих отрядов укрылся в горах, а Омуртаг, захватив добычу, отступил на родину. Но и этот удар не сломил мужества восставших, их воли к борьбе. Фома вновь собирает силы, население активно помогает ему, но военное счастье отвернулось от Фомы, и на этот раз окончательно. На подступах к Константинополю, на равнине, называемой Диабасис, в марте-апреле 823 г. произошла решающая битва между армией повстанцев и войсками Михаила II. Войска Фомы, измученные двухлетней борьбой, обескровленные недавним поражением, нанесенным болгарам, проиграли это сражение. Немалую роль при этом сыграло и предательство, проникшее в ряды повстанцев. Фома с горсткой своих приверженцев укрылся в Аркадиополе. Население города приняло его с распростертыми объятиями и мужественно сопротивлялось правительству. Аркадиополь был окружен плотным кольцом блокады, в нем начался страшный голод, но повстанцы не сдавались. Лишь измена привела к гибели Фомы. Фома пал жертвой заговора внутри города, он был схвачен заговорщиками и отдан в руки императора. Расправа с Фомой была чудовищно жестокой, ему отрубили руки и ноги и посадили на кол. Казнь Фомы совершилась в середине октября 823 г. Дело восставших было проиграно. Правительство жестоко расправлялось с восставшими, но их сопротивление продолжалось в отдельных крепостях Фракии и Малой Азии. Лишь к 825 г. восстание было окончательно подавлено (Липшиц, 1961, с. 212—229)

Восстание Фомы Славянина, безусловно, было одним из самых крупных народных движений раннего средневековья. Оно выделяется среди других народных движений как своим необычайным размахом, так и высокой военной организацией повстанческой армии. И здесь надо отдать должное военному опыту Фомы и его соратников, которые сумели создать действительно боеспособную армию, хорошо вооруженную и достаточно дисциплинированную, и первоначально активно действующий флот. Ареал движения был весьма широк — оно охватило как азиатские, так и европейские провинции империи — почти всю Малую Азию, большую часть Фракии, Македонии и Греции, острова Эгейды. Основным социальным ядром восставших, бесспорно, было византийское крестьянство. В его рядах насчитывалось много и свободных крестьян-общинников, носителей общинной организованности и сплоченности, и немало различных категорий зависимых людей деревни и города. Но восстание Фомы Славянина, разумеется, не было чисто крестьянским. В нем приняли участие стратоты и матросы, составившие военную опору Фомы, к нему прикнули отдельные представители знати, недовольные правлением императора Михаила II. Фому поддержала и часть духовенства из сторонников иконопочитания, надеявшаяся вернуть свои земли и привилегии, отнятые императорами-иконоборцами. Но в ходе восстания именно эти элементы внесли раскол в движение: знать предала Фому и перешла на сторону правительства, а ортодоксальное духовенство, недовольное участием в восстании ненавистных им еретиков-павликиан, мало-помалу отошло от движения. Поражает и этническая пестрота восстания. В нем сплелись

в единый тугой клубок и социальная борьба крестьян против закрепощения, и племенные интересы различных этнических групп в Малой Азии и на Балканах. Пестрота социального и этнического состава восстания Фомы Славянина во многом определила как его силу, так и внутреннюю слабость, приведшую в конечном счете к поражению.

Не может быть однозначной и оценка личности самого вождя восстания. Она была весьма противоречивой в трудах византийских хронистов и остается двойственной в современной византиноведческой литературе. Фому Славянина, на наш взгляд, нельзя рисовать одной только черной краской, как беспринципного авантюриста и честолюбивого узурпатора. А именно в таком свете описывают все его действия византийские хронисты, сторонники законной власти. С другой стороны, думается, что не соответствует исторической правде и образ Фомы — народного героя без страха и упрека. Очевидно, в нем сочетались и те и другие черты. Среди многочисленных узурпаторов, ставивших своей целью захват власти в империи, Фома все же занимает особое место. Он выделяется преданностью делу восставших, умением поднять и организовать народные массы, идти им навстречу в облегчении их участи, бескомпромиссно бороться с врагами. Его личное мужество, непоколебимая стойкость, мученическая смерть создали ему героический ореол. Недаром память о восстании и его мужественном вожде долгие годы жила в среде народных масс Византии.

Значительный след в социальной борьбе народных масс империи оставило и павликянское движение, получившее широкий размах в Византии IX—X вв.

Идейные истоки религиозно-философских и этических представлений, легших в основу большинства византийских ересей, и в том числе павликянства, следует искать на Востоке. Однако в Византии под влиянием своеобразных условий общественной жизни и чрезвычайно острой идейной борьбы, охватившей самые различные социальные слои, еретические учения, пришедшие с Востока, существенно видоизменялись, принимая зачастую новые формы. Это наиболее отчетливо можно проследить на примере эволюции павликянского движения.

Павликянство зародилось в Армении в VII в. и первоначально впитало немало философско-этических доктрин, своими корнями восходящих к восточным дуалистическим ересям, в частности к манихейству; можно проследить идейное родство павликянства с другими дуалистическими ересями: меситянством, монتانризмом, тодракитством (Бартикян, 1961, с. 8 и след.).

Дуализм павликянского учения зиждился на глубокой вере в извечную противоположность добра и зла, царства бога и царства сатаны, духа и плоти. Религиозная экзальтация, граничащая с мистическим экстазом, жажда мученичества, страстный протест против всех носителей зла, погрязших в пороках земных правителей, бунтарский дух, соединенный с бескомпромиссным аскетизмом, — вот черты, отличавшие наиболее радикальные течения в павликянском движении. Павликянство представляло большую опасность для византийского государства и господствующей церкви. Павликяне протестовали против имущественного неравенства, против роскоши и распущенности духовенства, отвергали церковную иерархию, требовали упразднения монашества и упрощения церковных обрядов. Павликяне не признавали таинства крещения и причастия, почитания девы Марии и святых, поклонения иконам и кресту. В своей догматике павликяне опирались на учение апостола Павла и были его рев-

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

ностными почитателями. Уважение к труду, находившее идейное обоснование в тезисе апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться,— то и не ешь!»,— стало социальной практикой павликианства. По одной из существующих в науке версий, само название павликианской ереси происходит от имени апостола Павла. Призывая к скромной трудовой жизни основную массу еретиков, их проповедники сами вели строго аскетическую жизнь. Они проповедовали равенство мужчин и женщин, уважение к учителям и наставникам, взаимную помощь. Государство и всех представителей государственной власти павликиане считали порождением сатаны и призывали к бескомпромиссной борьбе против них. По существу павликиане выступали против сословного и социального неравенства, царящего в земном мире (Липшиц, 1961, с. 116). Эти идеи во многом отражали мировоззрение общинного крестьянства.

Социальный состав павликианского движения был достаточно пестрым, но основное ядро его, бесспорно, составляли крестьяне. Из Армении павликианство распространилось в VII в. в Малую Азию. Несмотря на преследования властей, влияние павликиан постепенно возрастало. В 20-е годы IX в. византийское правительство приняло против еретиков жестокие меры — за приверженность к павликианской ереси грозила смертная казнь. Спасаясь от преследований, павликиане вынуждены были бежать в пределы Арабского халифата и основали свою колонию близ Митилены. После подавления восстания Фомы Славянина к ним присоединились бежавшие из Византии остатки армии повстанцев. В 40-х годах IX в. павликиане построили на берегу Евфрата в Западной Армении крепость Тефрику, ставшую столицей павликианства. Павликианам удалось временно создать независимое как от Византии, так и от Арабского халифата объединение. Под знамена павликиан стекались толпы крестьян, мелких ремесленников, городской бедноты. Движение все больше приобретало не только антиправительственный, но и антифеодальный характер. Павликиане создали свою армию, где царил суровая дисциплина. Павликианское движение выдвинуло талантливых вождей, страстных приверженцев ереси и храбрых и умелых полководцев. Вождь павликиан Карвей, основатель Тефрики, совершал успешные набеги на Византию, при императоре Михаиле III (842—867) началась фактическая война Византии с павликианам. Во время одного из походов на Византию Карвей захватил в империи 5 тыс. пленных. В 863 г. Карвей погиб, и его преемником стал талантливый военачальник Хрисохир. Военные успехи Хрисохира были весьма значительны. В 867 г. он занял город Эфес, один из крупных городских центров Малой Азии. Попытки императора Василия I (867—886) взять крепость Тефрику окончились неудачей, и византийский василевс принужден был просить мира у вождя восставших еретиков. Сознывая свою силу, Хрисохир потребовал от императора уступки павликианам всех восточных областей империи. На это византийское правительство пойти не могло, и, собрав огромное войско, в 872 г. оно захватило крепости павликиан и разгромило армию повстанцев в кровопролитном сражении. Раненый Хрисохир был захвачен в плен, ему отрубили голову и в знак победы над опасными еретиками отослали в Константинополь императору. Захват Тефрики и казнь Хрисохира знаменовали разгром павликианского движения.

Часть павликиан была переселена в европейские провинции, многие бежали в халифат.

Ярко выраженный крестьянско-плебейский характер учения павликиан, нашедший отражение в их идеологии, объясняет столь широкий раз-

мах и исключительную стойкость приверженцев этого еретического движения. В течение двух столетий павликианство, появившись на территории Византии, претерпело здесь существенную эволюцию: из замкнутой еретической секты оно постепенно превратилось в массовое крестьянское антифеодальное движение. Несмотря на разгром павликианства и постоянные преследования и репрессии со стороны государства и господствующей церкви, павликианское учение не исчезло, оно пустило глубокие корни в сознании народных масс (Липшиц, 1961, с. 160—163). Все попытки некоторых современных буржуазных византинистов отрицать социальный характер павликианства и сводить его к чисто религиозно-философскому вероучению не имеют никакого научного основания. Позднее учение павликиан распространилось на Балканах и там слилось с богомилством — одним из самых мощных антифеодальных народно-еретических движений, какие только знала Восточная Европа в эпоху средневековья. (Ангелов, 1969, с. III).

Богомилство распространилось в X—XI вв. в Болгарии и сопредельных областях Византийской империи. Для богомилства был характерен, как и для павликианства, дуализм — разделение мира на две части: на царство бога и на царство сатаны, на мир духовный и мир телесный. Для их учения характерно отрицание земной социальной иерархии, осуждение богатства, стремление перестроить социальные отношения по принципу раннехристианских общин. Богомилство было распространено как в крестьянской среде, так и в городах, основными центрами богомилства являлись крупнейшие города — Тырново, Пловдив, оно проникло даже в Константинополь.

Поддержкой богомилов пользовалось восстание болгар против византийского господства под предводительством Петра Деляна в 1040—1041 гг. Главным поводом к восстанию послужила жестокая налоговая политика империи. Подавляющую часть повстанцев составляло крестьянство. В апокрифической богомилской летописи (вторая половина XI в.) с большой симпатией говорится о главе повстанцев Петре. Автор считает его законным царем болгар и греков, отмечает его красоту, решительность, мужество. Цели преимущественно крестьянского антифеодального восстания Петра Деляна не были чужды богомилам именно потому, что многие из них сами были крестьянами. Современные исследователи обнаружили новые данные, свидетельствующие об усилении богомилской эмиграции в Западную Европу после подавления восстания Петра Деляна (Ангелов, 1969, с. 111), что лишний раз подтверждает участие богомилов в этом движении. Вторая половина XI в. была ознаменована новой вспышкой движения павликиан и богомилов в европейских владениях империи. Начало правления императора Алексея I Комнина (1081—1118) было отмечено крупным восстанием еретиков в районе Филиппополя. Ересь проникла в армию, которая отказалась служить императору и перешла на сторону повстанцев. Лишь хитростью и коварством Алексею Комнину удалось подавить восстание: он заманил в ловушку вождей восставших и перебил их. Имущество богомилов было конфисковано, вместе с семьями их выгоняли из домов, а командиров высылали. Жестокая расправа вызвала новый подъем движения. В 1084 г. во главе армии павликиан и богомилов встал способный военачальник Травл, который нанес поражение правительственным войскам. Только в конце XI в. Алексею Комнину удалось покончить с павликианами и богомилами. События, связанные с подавлением этого движения, подробно описаны византийской писательницей, дочерью Алексея Комнина — Анной Комнин

II. Становление класса феодально-зависимого крестьянства

(Anna Comn., 15, 8—10). Во время расправы с восставшими было схвачено около 10 тыс. еретиков и переселено на реку Марицу. Ереснарх богомилов старец Василий мужественно принял мученическую смерть на костре. Многие его последователи были сожжены или брошены в тюрьмы.

По данным источников, богомилство пользовалось значительной популярностью в среде крестьянства. Являясь демократической, крестьянско-плебейской ересью, оно объективно отражало стремление крестьянства освободиться от гнета феодалов, от притеснений со стороны государства и господствующей церкви. В свою очередь, дуалистические идеи богомилов, семена которых были занесены на социально родственную почву Западной Европы, были позднее восприняты последователями некоторых западноевропейских ересей, в частности катарями (альбигойцами) Южной Франции, Северной Италии и отчасти Германии. Иными словами, Византия сыграла весьма важную роль посредника в распространении народно-еретических учений сперва в Юго-Восточной, а затем и в Западной Европе.

Наличие в раннем средневековье непрерывных традиций массовых движений социального протеста, принимавших форму религиозных ересей (павликианство, тоидрактство, богомилство) в период формирования феодальных отношений, является важным проявлением типологического своеобразия Византии по сравнению со странами Западной Европы.

Рассмотренный материал позволяет прийти к следующим выводам. В X—XI вв. в Византии интенсивно шел процесс феодализации, византийское крестьянство в значительной своей части втягивалось в систему вотчинной феодальной эксплуатации. В этот период складывается основной слой зависимого крестьянства в Византии — частновладельческие и государственные парики. Развиваются специфические для византийского феодализма формы отчуждения публичной власти государством в пользу крупных собственников — солемний, харистикий, арифмос, экскуссия. С XI в. возникает, а в дальнейшем получает развитие институт пронии как один из видов условной собственности. Под термином прония скрывались различные виды условных пожалований от государства феодалу, включавшие как земельные владения, так и право сбора налогов с определенной территории. Пронии предоставлялись на условии несения военной или иной службы и на определенный срок. Постепенно прония превратилась из условного в наследственное владение. В отношении населявших эти земли крестьян прониар приобретал права феодального сеньора, хотя государство имело возможность конфискации проний вместе с зависимыми людьми. Государственная власть все в большей мере отражает интересы класса феодалов.

Основным типологическим отличием аграрного строя Византии от Западной Европы является замедленность процесса феодализации, не прошедшего к завершению и к концу XI в. Эта замедленность проявляется в сохранении общины и широких масс свободных крестьян-общинников, эксплуатируемых централизованно, при посредстве государственного налогового аппарата, в существовании системы государственного контроля за развитием крупной земельной собственности, в замедленном развитии вотчины и основных феодальных институтов. Свои зрелые формы византийский феодализм и система феодальной эксплуатации обретут в последующий период.

III. Крестьянство в раннефеодалном обществе

КРЕСТЬЯНСТВО И ГОСУДАРСТВО

На протяжении всей эпохи генезиса феодализма происходило формирование классов зависимых крестьян и феодальных землевладельцев и одновременно — феодального государства, характер и темпы складывания которого в различных регионах Европы были неодинаковы. Различия определялись своеобразием пути исторического развития тех или иных регионов и стран. В некоторых из них государство выросло непосредственно из организации управления родо-племенного общества. Многие политические образования этого переходного периода становились феодальными государствами лишь в процессе длительного развития.

Для варварского королевства на первом этапе его существования характерно отсутствие государственного аппарата, публичной власти, отделенной от народа. Англосаксонские и Лангобардское королевства вплоть до VII в. обнаруживают еще лишь зачатки государственности. Политический строй приобрел здесь определенные черты феодальной формации после того, как в самом обществе сложились раннефеодальные отношения. В тех варварских королевствах, где к началу средневековья в экономике и политическом устройстве значительны были остатки позднеимперской античности (например, в Остготском, Франкском и Вестготском королевствах), новая государственность, созданная варварами, представляла смешанную форму правления, в которой сочетались элементы римского государственного строя с органами военной демократии. Остготское королевство так и не вышло из этой стадии развития. В готской Испании и во Франкском королевстве раннефеодальное государство сложилось тогда, когда достиг известного уровня процесс формирования классов феодального общества, т. е. в середине VI в. (см.: Неусыхин, 1956, с. 149; см. также: Корсунский, 1963, гл. II).

По-видимому, сходную фазу в своем развитии прошло и древнерусское общество. Впрочем, грань между дофеодальным (варварским) и раннефеодальными этапами из-за скудости источников, относящихся к VIII—X вв., определяется различными исследователями по-разному¹. Особый путь формирования феодальной государственности характерен для Византии. Позднеантичное рабовладельческое государство постепенно, в соответствии со сдвигами в социально-экономических отношениях, трансформировалось здесь в феодальное (см. выше, гл. XIII).

Формы воздействия складывавшейся феодальной государственности на непосредственных производителей, воздействия, способствовавшего их превращению в класс зависимого крестьянства, были многообразны. К важнейшим из них относились: присвоение государством части или всего прибавочного продукта земледельцев в виде дани, налогов и повинностей и использование этих доходов для нужд самого государства и складывавшегося господствующего класса; содействие процессу превращения различных слоев непосредственных производителей в феодально-зависимых крестьян и юридическая санкция этого превращения; предоставление крупным землевладельцам политической власти над крестьянами их вотчин; регулирование взаимоотношений между крупными землевладельцами и крестьянами, учитывающее интересы формирующегося господствующего класса и потребности раннефеодального государст-

¹ См. выше, гл. 10.

ва; использование государственного земельного фонда для расширения феодальной эксплуатации крестьян; подавление их протеста против установления феодальных отношений.

В различных странах Европы в зависимости от конкретных исторических условий соотношение указанных форм воздействия государства на процесс формирования зависимого крестьянства было неодинаковым.

Социальные структуры и политические системы разных регионов существенно отличались друг от друга. Страны раннесредневековой Европы разнились между собой и по степени централизации государственного аппарата, и по удельному весу королевского землевладения, и по дру-

Сбор дани посадниками кн. Олега Святославича в Муромской и Ростово-Суздальской землях. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.

с иллюминированного протографа первой половины XIII в.

Рисунок иллюстрирует текст под 1096 г. о захвате князем Олегом городов в Муромской и Ростово-Суздальской землях, «посажении» в них своих посадников и об уплате дани им местным населением

гим особенностям государственного устройства. Все эти различия оказывали влияние на формы и темпы феодализации, на становление зависимого крестьянства.

1. Государственные налоги и повинности

Возникновению государства всегда сопутствует появление налогов и повинностей, необходимых для содержания публичной власти. В тех странах, где феодальные отношения складывались непосредственно в результате разложения родового строя, налоги генетически были связаны с системой даров и даней, существовавшей в догосударственный период. У древних германцев, например, лица, возглавлявшие племена, получали дары от собственных соплеменников (иногда и от соседних племен), часть судебных штрафов, а также дань от побежденных племен. После

возникновения государства эти источники доходов играли важную роль в создании материальной базы публичной власти, особенно в тех странах, где отсутствовали сколько-нибудь значительные остатки римского политического устройства. В донормандской Англии, скандинавских странах, Киевской Руси и отчасти во Франкском королевстве сохранилась и получила дальнейшее развитие система содержания населением представителей центральной власти: короли или их должностные лица обезжались поселения, обязанные предоставлять им провиант и фураж для лошадей, взимали судебные штрафы, а также дани от иноплеменного населения.

Однако уже в начальный период существования варварских королевств в порядке взимания такого рода поборов происходят изменения: эти поборы приобретают постоянный характер. Размеры дани, выплачиваемой населением, регулируются. Отныне ее сбором занимаются не только сами короли, но и их агенты, представители служилой знати.

По мере территориального расширения государства подарки от соплеменников и дань, которую ранее вносили покоренные племена, как бы сливаются воедино. Остатки былого обычая, в соответствии с которым короли, совершая объезд страны, получали продовольствие непосредственно от свободных общинников в их домах, видны, например, в законах кентского короля Этельберта (конец VI в.) (Abt., 3; Stenton, 1970, p. 287). Позднее в англосаксонских королевствах появляются *villae regales* — пункты, где королевские приказчики принимают от населения натуральные поборы (*feorme, pastus gafole*). Размеры их вначале довольно ограничены — это продовольствие, достаточное для прокормления короля и его свиты в течение суток раз в год (Stenton, 1970, p. 287; ср.: Jolliffe, 1933, p. 47). С конца VII в. право на подобное кормление приобрели и королевские должностные лица — эльдормены (Lehman, 1888, S. 76; Stenton, 1970, p. 289). В Норвегии институт кормлений известен с X в. В королевских сагах и в областных законах упоминаются объезды страны королем и его дружиной для сбора продовольствия с населения (*вейцла*). Обычно король посещал каждую местность один раз в три года. Численность дружинников, сопровождавших короля, как правило, не превышала 60 человек. Кормлением пользовались также принадлежавшие к родо-племенной знати ярлы. Иногда право сбора *вейцлы* жаловалось королевским сыновьям.

В Швеции наиболее древними натуральными поборами были *attgold*, происходивший от даров, которые главы родовых групп по обычаю приносили королю, и *gengärd*, коренившийся в обычае угощать короля во время его поездок по стране (Olof von Törne, 1938, S. 268—270).

Аналогичная система сбора дани существовала в IX в. и позднее в Киевской Руси. Русские князья, согласно сообщениям Константина Багрянородного, «Повести временных лет» и некоторых других источников, ежегодно совершали объезд подвластной им территории и собирали дань, главным образом мехами и одеждой, с населения (полюдь). В середине X в. в ряде областей возникают постоянные погосты, в которых князья живут во время сбора дани. Такие пункты становятся хозяйственно-административными центрами (Юшков, 1939, с. 42; Греков, 1946, с. 97—98). Сбор дани регулируется: устанавливаются дни, сроки и места ее взимания².

² Зимин, 1965, с. 240—241. По мнению О. М. Рапова, в IX в. единцей обложения был дом, а в X в. — плуг. См.: Рапов, 1968.

В некоторых странах Европы в эпоху раннего средневековья государственная власть, перенея римскую систему налогов и повинностей, применяла также способы сбора доходов, унаследованные от варварского общества.

Во Франкском государстве королям ежегодно приносились дары — сначала на «мартовских полях», а позднее на «майских полях». Другим остатком древнегерманской системы содержания королей был периодический объезд Меровингами территории королевства и получение ими в городах, виллах и монастырях соответствующего «угощения» от населения. Пунктами, где останавливался король со своим двором, здесь были королевские резиденции (*sedes regiae*) — Париж, Турнэ, Камбрэ, Кёльн, Трир и многочисленные, разбросанные по территории государства королевские виллы и дворцы, в которых сосредоточивались запасы продовольствия для короля и его двора. Подобные объезды территории государства практиковали и Каролинги (Brühl, 1968, 1. Kap.). В некоторых частях государства располагались резиденции, где короли с своим двором останавливались на определенное время и получали содержание, в других же такие остановки имели нерегулярный, случайный характер (Brühl, 1968, S. 66—67).

Правом на кормление пользовались в некоторых случаях также члены королевского дома и королевские должностные лица, совершавшие поездки по служебным нуждам. Содержание королевских агентов осуществлялось за счет населения. Насколько обременительна была эта повинность, показывают напоминания капитуляриев о том, чтобы должностные лица не предъявляли чрезмерных требований и не слишком отягощали простой народ (Brühl, 1968, S. 113—114; Cassiod. *Variae*, V, 39, 12; L. Vis., XII, 1, 2).

В Остготском, Вестготском, Бургундском, Франкском королевствах повинности по содержанию должностных лиц короля во время их разъездов по стране могли быть связаны и с соответствующими римскими институтами (*evectio* и *hospitalitas*).

В ряде стран — во Франкском, Бургундском, Вестготском, Остготском королевствах, а также в Византии в раннее средневековье в той или иной мере удержалась римская налоговая система. Прежние римские налоги и повинности с самого начала сохраняли здесь свое действие для местных земледельцев, т. е. для подавляющего большинства населения, а затем в полной или в ограниченной форме распространялись и на варваров. Как правило, продолжали взиматься римский поземельный и подушный налоги и ряд натуральных повинностей. Хотя налоговая система несколько упростилась и бремя податей, по-видимому, несколько уменьшилось по сравнению с римскими временами, все же налоги отнимали у местных земельных собственников не только прибавочный, но порой и часть необходимого продукта. Подтверждением тому могут служить сообщения о случаях, когда земельные собственники покидали свои владения из-за непосильного налогового бремени², угрозы правительства продавать земли лиц, виновных в неуплате налогов (Cassiod. *Variae*, V, 14), вынужденное периодическое аннулирование недоимок (Erwig., p. 479—480),

² Повышение налогов франкским королем Хильпериком заставило многих земледельцев оставить наделы и уйти в другие области (Greg. *Turon.* H. F., V, 29). Как и в римские времена, во Франкском государстве налог падал не только на главу семьи, но раскладывался и на детей. В житии св. Бальтильды сообщается, что люди предпочитали обречь своих детей на гибель, чем платить за них (см.: Lat, 1923, p. 89).

III. Крестьянство в раннефеодальном обществе

налоговые бунты (Greg. Turon. H. F., IX, 30), требование королевских законов, чтобы чиновники не повышали произвольно налогов и рассматривали жалобы населения на подобного рода злоупотребления.

Налоги взимались как с местного населения, так и с варваров. Распространение поземельного и особенно подушного налога на варваров вызывало с их стороны ожесточенное сопротивление, выражавшееся иногда в мятежах. Законы вестготских, остготских и бургундских королей косвенно свидетельствуют о попытках земледельцев-варваров уклониться от налогов и повинностей⁴. Помимо того, что несение служб и уплата налогов были экономически обременительны, для свободных людей это означало также принижение их социального статуса. Включение того или иного лица в полиптик считалось признаком его неполной свободы. Во франкской формуле Маркульфа, например, статус свободного франка определяется следующим образом: «...он человек заведомо свободный... и не числится в налоговом кадастре» (Form. Marc., I, 19). Тот, кто находился в числе налогоплательщиков, не мог вступать в клир, не заручившись разрешением короля и его должностных лиц. В Каролингский период во Франкском государстве продолжалось взимание и поземельного и подушного налогов. Капитулярии по-прежнему запрещали чиновникам чрезмерно обременять бедняков налогами. Правда, в налоговой системе происходят изменения: налог приобретает локальный традиционный характер, сближается с оброком, который вносится вотчинником, хотя и не сливается с ним (Lot, 1928, p. 115).

До конца существования Остготского и Вестготского государств и вплоть до распада Каролингской монархии система государственных налогов и повинностей играла существенную роль в эксплуатации крестьянства, постепенно превращаясь в централизованную форму феодальной ренты. Особое значение государственная налоговая система имела для становления зависимого крестьянства в Византии. Переход от рабовладельческого общества к феодальному принял там затяжную форму и осуществлялся, в отличие от стран Западной Европы, таким образом, что прежний государственный аппарат не был сломан.

Система сбора налогов сохраняла централизованный характер. В императорском дворце велся общий кадастр, в котором содержалось детальное описание всех земельных владений, указывалась их площадь, численность земледельцев, количество скота (История Византии, 1967, т. 1, с. 142—143).

К VIII в. прежний римский поземельно-подушный налог был заменен множеством различных поборов и повинностей, взимавшихся в натуральной и денежной форме, но, в отличие от большинства стран Запада, здесь сохранилась централизованная податная система, важную роль продолжали играть денежные платежи. Невозможность выплатить налоги заставляла крестьян в Византии оставлять свои наделы и бежать на новые земли, отдаваться под патронию магнатов. (см.: Житие Филарета Милостивого, 1900, с. 66; Ostrogorsky, 1975, S. 227—228; Dölger, 1960, S. 57). Подобные последствия налогового обложения сказывались, как отмечалось выше, и во Франкском королевстве, но лишь на начальном этапе раннефеодального периода, здесь же на протяжении всего раннего средневековья тяжесть государственных налогов не ослабевала, а скорее усиливалась.

⁴ Остготский король Теодорих предписывал конфисковывать земли у готов, отказывающихся от уплаты податей. См.: *Cassiod. Variae*, IV, 14. Ср.: V, 14. О выплатах налогов вестготами см.: *Корсунский*. Готская Испания, 1969, с. 274—275.

Таким образом, с помощью даней, налогов и повинностей государство осуществляло эксплуатацию непосредственных производителей, присваивая известную часть их прибавочного продукта.

Более сложен вопрос о характере этой эксплуатации. Некоторые ученые считают поборы, взимавшиеся с населения на этой стадии средневековой органами государственной власти, феодальной рентой (см., например: Поршнева, 1964, с. 67; Гуревич, 1957, с. 72). Само по себе то обстоятельство, что в принципе налог в феодальном государстве может рассматриваться как централизованная форма феодальной ренты, не вызывает сомнений, но такой подход предполагает в качестве необходимого условия наличие феодальной собственности и государства, представляющего собой орган господства класса феодалов. Между тем, как признают и сторонники отмеченной выше точки зрения, к началу рассматриваемого периода феодальный уклад хозяйства еще не сложился. В донормандской Англии крупное землевладение образуется в VII в., причем вотчина того времени еще отличается от собственно феодальной, поскольку большая или значительная часть эксплуатируемых в ней непосредственных производителей — это рабы или другие земледельцы нефеодального типа. Господствующим общественно-экономическим укладом феодализм становится здесь в X — первой половине XI в.

Временем появления боярского и церковного феодального землевладения в Киевской Руси, по мнению Л. В. Черепнина, следует считать вторую половину XI—XII в. (Черепнин, 1972, с. 159—163). В Византии крупная собственность феодального типа складывается в IX—X вв. К концу X в. в империи сформировались наследственные владения византийской феодальной знати (История Византии, 1967, т. 2, с. 122).

Пытаясь объяснить, каким образом в названных странах феодальное государство образовалось раньше, чем здесь сложилось частное феодальное землевладение, некоторые историки стараются доказать феодальный характер даней и налогов и высказывают мнение о существовании государственной собственности на землю как начальной формы феодальной собственности.

Вопрос о верховной собственности государства на землю в средневековой Европе не нов в исторической литературе. В свое время немецкий историк права Р. Шрёдер утверждал, что такая собственность принадлежала франкским королям (Schroeder, 1881). Ему не удалось, однако, обосновать свою точку зрения данными источников (Inama-Sternegg, 1879, S. 92; Brunner, 1928, S. 237; Metz, 1960, S. 216). После поселения франков на территории Галлии короли присвоили определенную часть земельных владений (бывшие домены императоров и некоторые иные земли), но основная часть завоеванной территории сделалась достоянием свободных общин. Королям принадлежало лишь право регулировать порядок поселения в этих общинах⁵. Однако ряд современных медиевистов в ФРГ, принадлежащих к «критическому направлению», не присоединяясь прямо к взгляду Шрёдера, приходили в конечном счете к сходному выводу.

Основная масса свободных, по мнению этих историков, в эпоху варварских Правд занимала земли короля. Согласно теории «королевских свободных» (Т. Майер, Г. Даннебауэр, К. Босль и др.), в период завоевания Галлии к франкским королям перешли прежние домены римского

⁵ L. Sal., XIV. Бургундские, вестготские и остготские короли также регулировали порядок поселения германцев, не приобретая прав собственности на всю землю.

фиска, часть владений римской знати, а также заброшенные земли. Таким путем образовался обширный земельный фонд, служивший источником и для раздач владений знатым, и для крестьянской колонизации. Свободные люди, которые упоминаются в варварских Правдах и формулах (*liberi, rapenses*), — это «королевские свободные». Они, поселившись на земле короля, выплачивают ему чинш, несут военную службу. Позднее «свободные люди короля», утратив свое военное значение, оказались в вотчинах церковных корпораций и светских магнатов и превратились в зависимых крестьян⁶.

Сторонники этой теории не сумели, однако, обосновать свои выводы о характере франкского завоевания Галлии: теория «королевских свободных» игнорирует данные источников о том, что основными субъектами права в варварских Правдах были свободные германские общинники.

Заселение доменов фиска мелкими земельными держателями, несомненно, имело большое значение для аграрного развития Франкского государства и других стран Европы, но это не дает оснований представлять главную массу свободных крестьян поселенцами на королевских землях⁷.

Что касается донормандской Англии и Норвегии, то в источниках также нет свидетельств о наличии верховной собственности короля на всю землю. Правда, короли раздавали земли в Англии не только из своего домена, но также из фолькланда, но земля, передававшаяся в бокленд частному лицу или церкви, не была до составления грамоты собственностью короля. Она становилась собственностью лишь в руках получателя (*Vinogradoff, 1928, p. 170; Jolliffe, 1948, p. 55*). Король, следовательно, имел возможность содействовать возникновению частной (впоследствии феодальной) собственности на землю потому, что выступал в известной мере представителем всего народа. Варварскому королевству присущи были отдельные черты военной демократии (*Корсунский, 1963, гл. II*). Характерно, что в Англии власть короля в отношении земельных раздач была ограничена уитанами: королевские пожалования должны были получать подтверждение уитенагемота. Для взгляда же, будто королю англосаксонского королевства принадлежала верховная собственность на землю, как отмечал П. Г. Виноградов, «нет ни теоретических, ни практических оснований» (*Vinogradoff, 1923, p. 18–19; ср.: Maitland, 1897, p. 240*).

В Норвегии собственность короля на всю землю страны также отсутствовала. В свое время предпринимались попытки истолковать сообщение «Хеймскринглы» о присвоении королем Харальдом Прекрасноволосым одаля всех бондов как свидетельство наличия такой собственности в этой стране. Но, как показано в советской и зарубежной специальной литературе, эта концепция несостоятельна. «Отнятие одаля» по существу было введением налога, прежде неизвестного норвежскому обществу (*Гуревич, 1967, с. 93–117*). Данные источников о собственности конунгов на их имения, о праве королей раздавать земли в держание из общинных земель (альменинг) указывают на реальные границы их права собственности.

Особенно сложен вопрос относительно государственной собственности на землю в Киевской Руси. Он был предметом полемики еще в дорево-

⁶ *Mayer, 1955; Dannenbauer, 1954*. Сходные взгляды относительно лангобардских ариманнов сравнительно недавно высказывал Дж. Табакко (*Tabacco, 1969, p. 240*).

⁷ См. критику теории «королевских свободных» в работах советских и зарубежных медиевистов: *Данилов, Пусыгин, 1960; Müller-Mertens, 1963; Ganshof, 1965; Krause, 1969*.

люционной русской историографии. Одни исследователи утверждали, будто князь являлся здесь верховным собственником всей земли и взимание податей — показатель этого. Другие полагали, что нет оснований считать всю землю объектом права собственности государства, а функция взимания податей не имеет ничего общего с правом собственности (библиографию см.: Шапиро, 1969). Мнение, согласно которому князьям принадлежало право собственности на всю землю в IX—XI вв., а дани и подати представляли собой феодальную ренту, в советской историографии высказывали М. Н. Покровский (Покровский, 1933, с. 26—28), Б. Д. Греков (Очерки истории СССР..., 1953, с. 97—98, 120), Л. В. Черепнин и его ученики (Черепнин, 1953, с. 48, 62; 1965, с. 146—155; Новосельцев, Пашуто, Черепнин, 1972, с. 149—155; Рапов, 1968, с. 61). Противоположная точка зрения также имеет своих сторонников среди советских историков (Смирнов, 1962, с. 149—151; Фроянов, 1966, с. 64 и др.).

Решение вопроса затрудняется скудостью данных письменных источников об аграрных отношениях в Киевской Руси в IX—XI вв. Те же положения, которые приводят в пользу своей точки зрения сторонники тезиса о верховной собственности государства на землю, не дают оснований говорить об исключительности древнерусского аграрного развития. Взгляд суверена на государство, как на собственную вотчину, его раздел между сыновьями, передача отдельных территорий в кормление — явление, характерное и для стран Западной Европы, в частности для Франкского королевства, где, как отмечалось выше, отсутствовала верховная собственность государства на землю. Вряд ли может служить доказательством существование таковой в Киевской Руси и практика дарений земли (вместе с обрабатываемыми ее свободными общинниками) церквям. Такого рода пожалования имели место и в донормандской Англии, и во Франкской империи, хотя верховная собственность государства на землю там отсутствовала. Эти пожалования генетически связаны с наличием у глав варварских политических образований возможности распоряжаться земельными пространствами, принадлежащими всему данному народу.

Противоречивые взгляды существуют в советской и зарубежной специальной литературе также относительно государственной собственности на землю в Византии в VII—X вв.

Исследователи, отстаивающие мнение о тождестве налога и ренты в раннефеодальную эпоху в Европе, нередко ссылаются на замечание К. Маркса о совпадении ренты и налога в тех случаях, когда крестьянам противостоит в качестве верховного земельного собственника государство, а не частные землевладельцы (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 354). Однако К. Маркс писал не о средневековом государстве вообще; он имел в виду азиатское, где частная собственность на землю отсутствовала (Там же). В европейских же государствах раннего средневековья процесс формирования земельной собственности происходил иначе, о чем уже говорилось в соответствующих главах данной книги.

Во всяком случае, эксплуатация формирующимся государством непосредственных производителей с помощью налогов и повинностей, лишаящая непосредственных производителей прибавочного продукта, а их хозяйство — экономической устойчивости, играла важную роль в процессе феодализации в Европе.

Таким путем формирующееся государство способствовало созданию предпосылок для феодализации, но еще не осуществляло феодальную

эксплуатацию, хотя бы и в первоначальной форме. Неправомерно утверждать, что феодальная эксплуатация крестьян государством предшествовала их эксплуатации частными феодальными собственниками, так же как неверно было бы доказывать, что происходило обратное. В период возникновения варварских королевств, когда общинная и позднеантичная формы собственности еще не были вытеснены новой формой собственности, а государство еще не сложилось, не было и феодальной эксплуатации (ни в индивидуальной, ни в централизованной форме). После упрочения раннефеодального государства и возникновения феодального уклада хозяйства положение изменилось. По мере формирования феодальной собственности, а также классов феодалов и зависимых крестьян государство становилось феодальным, налоги приобретали характер феодальной ренты, взимаемой государством.

*

Особой формой содействия государства превращению непосредственных производителей в зависимых крестьян — еще до того, как государственные налоги и повинности стали централизованной формой феодальной ренты, — была передача права на их взимание с населения церковным корпорациям или частным лицам (представителям формировавшегося господствующего класса).

Уже в VI в. во Франкском государстве король жаловал членам своего дома, церковным учреждениям и знати не только земли вместе с крестьянами (из владений фиска), но и право на доходы от деревень и городов, причитавшиеся казне (Waitz, 1870, S. 577, 632—633). Подобные пожалования имели место и позднее, когда феодальный уклад хозяйства уже сложился. Так, в грамоте императора Людовика от 828 г. подтверждается распоряжение короля Пипина, согласно которому 21 свободный человек, с потомством в Брейсгау, ранее выплачивавшие цена фиску, должны будут вносить его Сен-Галленскому монастырю (St. G., № 312). Иногда пожалования осуществлялись в иной форме: свободные люди, находившиеся на территории монастыря, коммендировались ему; сохраняя статус свободных людей, фактически они оказывались в зависимости от вотчины.

Особенно широко применялись королевские пожалования свободных людей под власть знатных и церкви в тех странах, где общинная собственность на землю разлагалась медленно и развитие феодального землевладения путем поглощения наделов свободных крестьян-общинников было затруднено. Так, в донормандской Англии королевские дарения земли в бокленд представляли собой во многих случаях передачу права на сбор налогов со свободных деревень (Maitland, 1897, p. 240—242; Vinogradoff, 1928, S. 20). В Киевской Руси в конце X в. князь Владимир Святославич раздавал города и соответствующие территории своим приближенным для управления (см.: Шапиро, 1969, с. 67—69; Фроянов. Кормления..., 1974, с. 58—59) и кормления. Земельные пожалования князей монастырям в ряде случаев сочетались с предоставлением получателям также права на княжеские доходы с населения данных округов (Юшков, 1939, с. 87—89). В Византии в VIII—IX вв. возникает институт солеминов; некоторые церкви и монастыри получали известную часть налога, выплачиваемого той или иной деревней. В X в. государство передавало монастырям право на взимание точно определенной суммы государственного налога с крестьян свободной деревни. Последняя не считалась собственностью монастыря, но он становился ее патроном. Иногда монастыри

ряи или светским землевладельцам предоставлялся арифмос — право взимания податей с определенного числа свободных крестьян, главным образом потерявших свои наделы и ставших приселенниками.

Пожалования определенной доли государственных доходов с тяглого земледельческого населения частным лицам, агентам королевской власти и религиозным корпорациям, широко практиковавшиеся во многих странах раннесредневековой Европы, в дальнейшем вели (при наличии других предпосылок феодализации) к превращению свободных земледельцев в зависимых и к образованию феодальных вотчин.

К наиболее обременительным повинностям крестьян в раннесредневековой Европе принадлежала церковная десятина. Ее взимание церковью было невозможно без помощи со стороны государства.

Во Франкском королевстве десятина была введена еще при Меровингах, но получения ее церкви приходилось добиваться лишь собственными средствами (угрозой отлучения). При Каролингах выплата церковной десятины становится всеобщей и обязательной [Сар., I, 20 (а. 779), с. 7]. Десятина взималась с урожая зерна, винограда, огородных и технических культур. В нее входили также скот и продукты скотоводства. С церковных земель, которые были даны королем светским лицам в качестве бенефициев, полагалось выплачивать десятину и девятину, т. е. в целом — свыше одной пятой части доходов (Feine, 1957, S. 174—176; Constable, 1960, p. 224—250). Завоевание новых территорий, например областей саксов, лангобардской Италии, сопровождалось введением церковной десятины и здесь. Бремя церковных поборов испытывали как крестьяне-аллодисты, так и мелкие земельные держатели.

Капитулярии Каролингов вменяли в обязанность государственным должностным лицам (графам, государевым посланцам) принуждать население вносить церковные десятины. Уклонение от них каралось денежными штрафами, а в случае упорного пренебрежения этой повинностью даже временным захватом имущества виновного (включая двор и дом), которое в течение определенного срока можно было выкупить. Кроме того, на неплательщика налагались церковные кары — запрещение посещать церковь.

Церковная подать взималась с VII в. и в донормандской Англии. Ее выплачивали все свободные люди в соответствии с размерами своих земельных владений. Уклонение влекло за собой высокий денежный штраф (60 шиллингов) и выплату подати в 12-кратном размере. В течение длительного времени (в VIII—IX вв.) церковь, собирая десятину, обходилась без вмешательства светских властей. В X в. положение резко изменилось. Государство стало суровыми мерами принуждать население к выплате десятины. Если крестьянин уклонялся от выплаты, должностные лица короля и епископа вместе со священником оставляли ему одну десятую часть его дохода, одну десятую отдавали приходской церкви, а остальное делили между глаффордом этого земледельца и епископом (Eg., II, 33; см.: Stenton, 1970, p. 153—156).

В Венгрии государство также принуждало население вносить церковную десятину. Закон короля Иштвана (997—1038) требовал, чтобы ее уплачивали все подданные, свободные платили десятину сами, а с имущества, находившегося у раба, платил его господин.

На Руси церковная десятина была введена князем Владимиром после принятия христианства. Сообщения нарративных памятников о ней скудны, и это затрудняет точное определение ее характера. В исторической литературе высказывалось мнение, что десятина взималась с наличного

княжеского имущества, движимого и недвижимого (см.: Очерки истории СССР..., 1953, с. 110). Однако большинство советских историков теперь считает, что десятина представляла собой десятую часть дани, собиравшейся князем в различных их видах, а также соответствующую часть доходов от княжеского суда и от торгового оборота. Это существенно отличает характер десятины в Древней Руси от ее западноевропейского аналога: на Западе она взималась непосредственно с доходов частных лиц (Щапов, 1965, с. 297—326).

С десятиной, введенной Владимиром для Руси, типологически совпадает такой же побор, существовавший в Польше с X—XI вв., но в XI или в XII в. он был переложен непосредственно на крестьян (Щапов, 1965, с. 324; Разумовская, 1958, с. 69).

В Норвегии церковная десятина была введена в XII в. Помимо этого, население прихода при освящении церкви обязано было в течение известного времени содержать епископа и его свиту. Государство карало отказ от выплаты десятины и несения других церковных повинностей штрафами и даже конфискацией имущества в пользу церкви (Maueg, 1907, S. 283—290).

О церковной десятине в Испании данные в источниках готского периода отсутствуют, но в VIII в. в Астурии зависимые крестьяне, вероятно, уже выплачивали церквям десятины⁸. В X в. в Леоне и Кастилии грамоты, фиксирующие пожалования церквям, предоставляют им право взимать десятины с крестьян. Обязанность жителей селений выплачивать этот налог позднее включается в некоторые фуэрос (Fueros de Sepulveda, 1953, App. II). Десятинны с продуктов земледелия и скотоводства взимались в пользу церкви в X в. и в Каталонии.

Византии не была известна система взимания церковной десятины, подобная западной и центральноевропейской. По мнению Е. Э. Липшица, десятина (морта), выплачивавшаяся крестьянином по Земледельческому закону, вносилась церковному землевладельцу⁹. С конца X в. введен был каноникон — церковный налог, который взимался с каждой деревни пропорционально числу дворов (История Византии, 1967, т. 2, с. 170). В источниках содержатся упоминания о десятине со скота, которую выплачивали церкви пастухи при Алексее III Комнине, о десятине, которая выплачивалась на церковных землях в византийских владениях в Южной Италии в IX в. (Schmid, 1957, S. 50—53; 102—103). В качестве всеобщей подати в пользу церкви здесь десятина не практиковалась (Schmid, 1957, S. 91; История Византии, 1967, т. 2, S. 170).

Таким образом, в различных странах Европы роль церковной десятины в системе эксплуатации крестьянства была неодинаковой. Ее значение зависело от самой церковной организации, взаимоотношений церкви и государства и характера феодализационного процесса. Как правило, церковная десятина была особенно существенным фактором крестьянской политики государства в католических странах, в первую очередь там, где процесс феодализации развертывался с большой интенсивностью (Франкское королевство), а также там, где раннефеодальное государство завоевывало новые территории, население которых находилось на более низкой ступени общественного развития и где осуществлялась насильственная христианизация (Саксония, земли западных славян).

⁸ Floriano, 1949, № 4, 6: грамоты датированы 745 и 757 гг., но они интерполированы в XII в.

⁹ Липшиц, 1961, с. 71—72. М. Я. Сюзюмов считает, что в Земледельческом законе нет никаких упоминаний о собственности церкви на землю. См.: Сюзюмов, 1956, с. 206.

На формирование зависимого крестьянства немалое влияние оказывали право собственности правителей на пустоши и колонизация этих земель. Во Франкском королевстве большое значение имела колонизация областей, пограничных с Испанией и Саксонией. Массы свободных крестьян, селившихся на этих землях, первоначально были в положении, близком к статусу мелких аллодистов, но постепенно крупные светские магнаты и церковные корпорации с помощью государства превращали их в зависимых крестьян. Много данных на этот счет сохранилось относительно испанских колонистов к северу от Пиренеев и в Испанской марке. Так, в начале IX в. капитулярии франкских королей санкционируют осуществление колонистами, выходцами из Испании, займов на пустующих землях, закрепляя за ними права, близкие к аллодиальным (обязывая нести военную службу и платить чинши королю). К концу IX в. значительная часть этих территорий передается в качестве бенефициев графам или (в качестве собственных владений) монастырям, а мелкие колонисты попадают к ним в подчинение, в X же веке превращаются в цензитариев, в зависимых крестьян, (см.: Арский, 1941; Krawinkel, 1937; Dupont, 1965).

Короли Астурии и Леона считались собственниками всех завоеванных в ходе реконквисты земель. Характер колонизации был в различные периоды и на разных территориях неодинаков. Вплоть до середины VIII в., когда происходила колонизация Кантабрии и Леона, ее наиболее активной силой выступали монастыри и церкви. Приобретая с помощью короны право собственности на запустевшие земли, они заселяли их не только принадлежавшими им рабами и либертинами, но и свободными земледельцами, которые первоначально обязывались лишь выплачивать десятину церкви (Flogiano, 1949, № 6), нести военную службу на границе и снабжать продовольствием королевских должностных лиц (Cap. I, 132, с. 1). В кастильской зоне Дуэро в IX в. большое место занимала колонизация, осуществлявшаяся свободными крестьянами (Pérez de Urbel, 1951, р. 209—210). Если крестьяне самостоятельно делали займки на пустующих землях, то они должны были получить подтверждение от короля, остававшегося верховным собственником завоеванной земли (Flogiano, 1949, № 6).

Борьба за новые территории составляла важнейшую цель внешней политики раннефеодальных государств. Тот факт, что завоеванные земли становились собственностью короны, а не общин, как это было ранее, во времена варварских завоеваний, означал, что королевская власть осуществляла завоевания теперь прежде всего как выразительница интересов складывавшегося класса феодалов. Осуществляя колонизацию завоеванных земель, короли использовали свое право собственности на приобретенную территорию для того, чтобы жаловать земли служилой знати и церкви, содействуя тем самым росту феодального землевладения и превращению свободных земледельцев в зависимых крестьян.

2. Королевское землевладение и крестьянство

Важное значение в экономической и политической жизни раннесредневековой Европы имело королевское землевладение. В период существования варварских королевств, когда феодальное государство еще только начинало складываться, структура этого землевладения в разных странах была существенно различной. В Остготском, Бургундском, Вестготском

королевствах, южной части Франкского королевства, а также в Византии королевское (императорское) землевладение унаследовало многие имения позднеимперского фиска. Королевские виллы обрабатывались, как и раньше, рабами, колонами, мелкими свободными держателями. В тех странах, где государство выросло непосредственно из родового строя (Англия, Киевская Русь, отчасти Германия, у южных и западных славян, Венгрия и скандинавские страны), процесс образования королевских имений растягивался на сравнительно длительный отрезок времени.

Об имениях королей и князей в начальный период существования таких политических образований имеются лишь крайне скудные сведения. Вероятно, определенную роль в их зарождении играли пункты сбора дани, взимаемой суверенами; обрабатывались эти имения главным образом несвободными. Возникновение королевского землевладения здесь обычно предшествовало появлению светских и церковных вотчин.

Франкское королевство (к северу от Луары) и Лангобардское королевство представляют собой промежуточный тип развития королевского землевладения: если здесь и не устанавливается непосредственная преемственность с позднеимперскими имениями фиска, то значительное влияние римского землевладения (в частности, через посредство церковного) очевидно.

Возникновение королевского земельного фонда в раннефеодальных государствах обуславливалось не только общими закономерностями экономического развития, но и характером политического устройства, основанного в значительной мере на личных связях правителя с лицами, осуществлявшими государственное управление. В условиях господства натурально-хозяйственных отношений материальной основой таких связей могло служить лишь использование владений фиска для пожалования земель (вместе с несвободными и полусвободными людьми) дружинникам, служилой знати, церкви.

Особые функции королевской власти в управлении и военном руководстве создавали весьма благоприятные предпосылки для расширения королевского землевладения.

В Англии после принятия христианства в конце VI в. короли стали жаловать земли церкви. Самые ранние жалованные грамоты такого рода относятся к последней четверти VII в. (В., № 39, 73). Земли жаловались в ряде случаев вместе с рабами и зависимыми людьми (первые грамоты дарений земель светским магнатам датируются VIII в. См.: Виноградов, 1911, с. 255; Stenton, 1970, p. 301).

В Киевской Руси княжеские вотчины, как предполагают советские ученые, появились раньше, чем крупные имения церкви и частных лиц. Возникновение княжеских имений исследователи относят к X—XI вв. (Черепнин, 1972, с. 157—158; Фроянов, *Княжеское...*, 1971, с. 45—46), более или менее определенные сведения об этом дошли от второй половины XI в. Временем же появления церковного землевладения считают конец XI в., а боярского — если основываться на письменных источниках — конец XI—XII в. (Черепнин, 1972, с. 159—162).

В государствах, основанных германцами на прежней римской территории, существовала, как уже отмечалось, преемственность между землевладением римского фиска и варварских королей. В Вестготском, Бургундском, Остготском и Франкском королевствах (особенно к югу от Луары) уделало также крупное землевладение католической церкви и сенаторской знати. Однако и здесь короли регулировали порядок раздела земель между завоевателями и местным населением — это вместе с

практикой королевских пожалований и конфискаций обуславливало тесную связь между землевладением фиска, магнатов и церкви.

В лангобардской Италии согласие герцогов на установление единоличной королевской власти выразилось в уступке ими королю Аутари половины своих владений в 584 г. с тем, чтобы он мог содержать дружинников и должностных лиц (Paul. Dias. H. L., III, 16). О королевских пожалованиях говорится в эдикте Ротари (Ro, § 167) и в более поздних памятниках. Таким образом, герцогское землевладение здесь сложилось еще до королевского. Вероятно, сохранила свои имения и какая-то часть римских епископов и поссессоров. В начале VII в. возникает также землевладение лангобардской служилой знати.

Во Франкской монархии короли в период завоевания страны сразу захватили много крупных имений. Земли же, которые находились в собственности католической церкви, остались за ней и после вторжения франков. Уже в конце VI в. появилось землевладение франкской служилой знати (Bergengruen, 1958, S. 182).

Таким образом, в начальной стадии раннего средневековья королевские имения были либо исходным пунктом развития крупного землевладения (в нероманских странах), либо способствовали сохранению такового, коль скоро оно являлось унаследованным от Римской империи (в романских странах) и позднее приобрело феодальный характер.

В собственно раннефеодальный период воздействие королевского (соответственно — княжеского или императорского) землевладения на становление зависимого крестьянства осуществлялось различными путями. Один из них — появление зависимых крестьян в самих королевских имениях.

Поступления от имений фиска являлись в ту эпоху главным источником государственных доходов, и в числе важнейших задач правителей было обеспечение поступления доходов из имений короны. С этим связана фиксация статуса и обязанностей тех, кто их обрабатывал. Общая тенденция законодательства государств раннего средневековья состояла в установлении повышенной охраны имущества фиска, включая и несвободных земледельцев, обрабатывавших его поместья. Законы варварских королевств назначали более строгие кары за убийство королевских рабов или за нанесение им какого-либо ущерба, чем за соответствующие действия по отношению к прочим рабам. Королевское законодательство предусматривало также возможность приобретения рабами фиска некоторых гражданских и имущественных прав: в ряде случаев они могли давать свидетельские показания в суде (L Vis., II, 4, 4; L Burg., LX, 3), продавать движимое имущество, рабов и землю в пределах вотчины (L Vis., V, 7, 16; Cap., I, 40, с. 10). В Каролингском государстве их, как и свободных людей, не разрешалось подвергать наказанию и лишать имущества, если они не были осуждены судом (Cap., I, 82, с. 4). Сервов фиска не должны были представлять на суд акторы: эти сервы могли действовать самостоятельно и допускались к присяге (L Rib., LVIII, с. 20), им предоставлялось право жаловаться королю на своих начальников (Cap., I, 32, с. 57). Сервов фиска использовали на государственной службе: они занимали должности графов, сацебаронов, скульдахнев, и жизнь их в подобных случаях защищалась так же, как и жизнь свободных (L Sal., LIV, 2; L Rib., LIII, 2; Ro, § 344).

Некоторые сдвиги в положении рабов, в первую очередь императорских, произошли и в Византии. За ними признавалось право собственности (по крайней мере, на часть их имущества).

Что же касается колонов и других зависимых мелких держателей, находившихся в имениях фиска, то в королевском законодательстве явно проступает стремление закрепить их неполноправный статус, раз и навсегда определить их повинности и нивелировать с массой несвободных земледельцев. Колонам фиска, как и рабам, разрешается продавать имущество со своих мансов лишь с разрешения господ; они не могут уходить из королевских имений. Законы регламентируют повинности колонов фиска (Сар., II, 273, с. 29—30; I, 56, с. 4; I, 31; ср.: L. Alam., XXII).

Вергельд за убийство королевских вольноотпущенников и «людей короля», согласно франкским законам, такой же, как и за королевских рабов, т. е. 100 солидов. Тенденция к нивелировке обрабатывающих королевские имения земледельцев различного статуса находит свое выражение в самой терминологии франкских капитуляриев: несвободные и полусвободные различных категорий, в том числе и колоны, в некоторых случаях обозначаются просто как *fiscalini*, *homines fiscalini*. В капитулярии Карла Великого, изданного для Италии, говорится, что альды фиска должны жить в Италии по тем же законам, что леты и фискалы во Франкском государстве (Сар., I, 98, с. 6).

Вестготская правда вовсе не упоминает о колонах, хотя в имениях императорского фиска, унаследованных вестготскими королями в Южной Галлии и Испании, они проживали наряду с сервами.

Королевская вотчина втягивала в орбиту своего влияния свободных. Для общинников, которые вынуждены были ради получения покровительства и помощи отказываться от своей собственности и свободы, имения королей обладали особой притягательной силой: их покровительство было более надежным, чем какое-либо иное. Сами короли стремились привлечь новых поселенцев в свои имения (Сар., I, 77, с. 19; 32, с. 36).

В общем те изменения в положении земледельческого населения, которые характерны для раннефеодальной эпохи, — упрочение хозяйственной самостоятельности и некоторое повышение юридического статуса несвободных, а также втягивание свободных в зависимость, нивелировка различных разрядов непосредственных производителей — в королевских имениях осуществлялись раньше, чем в других вотчинах.

Роль королевского землевладения в формировании зависимого крестьянства не ограничивалась только этой сферой. Во всех раннефеодальных государствах земельный фонд суверена служил своеобразным резервуаром пополнения владений церкви и светской знати. Исследователи, изучавшие структуру земель крупнейших монастырей Франкской империи, таких, как Сен-Жерменский, Лоршский, Верденский, Кемптенский, установили, что основная часть их владений первоначально принадлежала фиску, а позднее вместе с находившимися в них крестьянами была подарена монастырям. Весьма значительным источником роста церковных владений были королевские пожалования и в других государствах раннего средневековья.

Королевские пожалования питали также и землевладение светской знати. В готской Испании, например, знать требовала от королей, чтобы имущество, пожалованное служилым магнатам и конфискованное в связи с нарушением последними клятвы верности, не оставалось в составе владений фиска, но обязательно жаловалось другим «верным» (Сопс. Толет., VIII; *Decretum*).

Нередко представители служилой знати расхищали королевские имения. Вместе с ними к светским магнатам и церкви переходили и зависимые крестьяне. Королевская власть, используя свою власть и влияние для

превращения (полного или частичного) свободных общинников, прежних рабов и полусвободных в зависимых крестьян, затем передавала этих земледельцев другим крупным землевладениям, как церковным, так и светским.

Королевское законодательство о владениях фиска и их несвободных и зависимых держателях оказывало большое воздействие на весь статус зависимого крестьянства. Это объясняется характером политического устройства раннесредневековых государств, в которых отсутствовало четкое различие между управлением дворцовым имуществом и публичной властью; существовала тесная связь между доменами фиска, с одной стороны, владениями светских магнатов и церкви — с другой (частые переходы имений от государства к частным лицам и корпорациям и обратно). Однако основная причина состояла в том, что королевская власть в своей хозяйственной политике руководствовалась теми назревшими потребностями общественной жизни, которые были действительно для всех категорий крупного землевладения в данную эпоху.

Можно проследить прямую связь между юридическими нормами, регулирующими статус земледельцев имений фиска и прочих землевладельцев. Так, по мнению некоторых исследователей, постановления Алеманнской и Баварской правд о колонах короля и церкви восходят к недошедшим до нас меровингским законам о колонах фиска (см.: Metz, 1960, S. 72—77; Verhulst, 1966, p. 153—154).

В Вестготском королевстве вслед за изданием законов, при известных обстоятельствах предоставлявших сервам фиска право давать свидетельские показания и продавать имущество, через некоторое время публиковались постановления королей и церковных соборов, дававшие подобные же права сервам церкви и иных собственников (L Vis., 4, 10; XI, 1, 11; Conc. Tolet., IX, с. 10). Юридические нормы, касавшиеся земледельцев фиска, распространялись в первую очередь на зависимых людей церковных имений. Во многих случаях короли сразу регулировали положение несвободных и зависимых держателей фиска и церкви.

Влияние фиска на землевладение церкви и светских магнатов сплошь и рядом выходило за пределы указанных норм, регулировавших статус зависимых крестьян. Исследователи социальной истории Франкского королевства отмечают, что франкское светское землевладение, появившееся в конце VI в., имело своим прототипом имения фиска (Bergengruen, 1958, S. 182). Вотчинная система фиска, регламентированная Карлом Великим, была образцом для имений церкви и светских магнатов (Inama-Sterpegg, 1879, S. 324—328; Ковалевский, 1898, с. 163—164; Metz, 1965, S. 500). Иммуитет королевских имений служил моделью для иммуитета церковных вотчин (Metz, 1960, S. 180—187).

Сходные наблюдения сделаны и относительно связи между доменальными статутами и общим законодательством в Киевской Руси. Л. В. Черепнин, анализируя содержание Правды Ярославичей, рассматривает ряд ее статей (32, 34—37) как доменальный кодекс, касающийся правонарушений, подрывающих дворцовое княжеское хозяйство (Черепнин, 1965, с. 192—195). Он был источником для соответствующих глав Пространной правды. Обеспечивая охрану порядка прежде всего в вотчинах князей и их дружинников, Пространная правда регулировала социальные взаимоотношения и в имениях феодальных собственников других категорий. Речь идет о нарушениях знаков собственности, о кражах имущества, поджогах, расширении вотчинной юрисдикции за счет общинной, обеспечении прав вотчинника на выморочное имущество смердов (Черепнин,

1965, с. 258—268). Так происходил переход от регламентации социальных отношений в рамках княжеского домена к воздействию государства на положение крестьян в целом.

Содействие королевской власти процессу феодализации выражалось и в том, что она различными способами ограничивала права крестьян на общинные угодья: в частности, во Франкском государстве с крестьян взималась плата за пользование лесами и пастбищами (по традиции считавшимися королевскими) для выпаса скота и для получения строительного материала. Права на получение с населения таких поборов нередко передавались крупным землевладельцам и становились одним из видов феодальной ренты (Серовайский, 1969; 1971).

Часто королевские суды рассматривали тяжбы между крупными вотчинами и крестьянами из-за общинных лесов, отдавая, как правило, предпочтение вотчинникам (Hübner, 1891, № 202а, 275, 334, 456. См. также: Erperlein, 1969, S. 159—174; Неусыхин, 1964, с. 135—137). Иногда сами правители старались тем или иным путем присвоить общинные угодья крестьян (Весеро Gotico de Cardeña..., 1910, III).

Воздействие государства на процесс феодализации осуществлялось и в результате непосредственного участия представителей государственного аппарата — служилой знати — в этом процессе. Королевские должностные лица могли использовать свое служебное положение для давления на свободных крестьян и подчинения их своей власти.

В законах раннесредневековых государств, упоминающих о насилиях над простыми людьми, в первую очередь говорится о должностных лицах. Они отказывают простым свободным в правосудии или судят пристрастно, подобно прочим магнатам, сами совершают насилия над бедняками, незаконно принуждают крестьян выполнять в их пользу службы и вносить им платежи.

В новеллах византийских императоров X в., направленных против захватов собственности крестьян динатами, прямо говорится о том, что имеются в виду гражданские и военные чины (каковые и перечисляются).

Располагая властью, представители служилой знати легче, чем другие магнаты, могли привлекать под свой патронат свободных людей и в дальнейшем превращать их в своих зависимых крестьян.

3. Воздействие государства на правовое и хозяйственное положение крестьян

Социальная политика раннесредневекового государства в первую очередь утверждала отношения господства и подчинения между сформировавшимся классом феодалов и различными категориями зависимых крестьян. В рассматриваемый период, когда политическая власть магнатов в значительной мере находилась еще в зачаточном состоянии, для землевладельцев это было особенно важно.

Осуществление такого воздействия стало возможным после образования раннефеодального государства. Варварское королевство ограничилось тем, что санкционировало социальную структуру, существовавшую в родо-племенном обществе в эпоху его разложения и в позднеримском обществе (в романских странах). Правда, статус сервов и полусвободных ранее определявшийся обычаями, теперь закрепляется нормами писаного права; еще не затрагивая принцип полноправия свободных, это право верждает начавшуюся социальную дифференциацию свободных, зар-

дающиеся привилегии высшего слоя (родовой и служилой знати) и зачатки неполноправия обедневших свободных.

Оформление раннефеодального государства находило свое выражение, в частности, в его социальной политике. В соответствии с уровнем развития хозяйства и традиционными нормами обычного права варварского общества, с одной стороны, римского права — с другой, это государство закрепляло за рабами статус, лишавший их гражданских и политических прав: они являлись собственностью и находились в полной власти своих господ.

Таким путем создавалась возможность добиваться по отношению к непосредственным производителям данной категории самой высокой нормы эксплуатации, осуществимой в то время.

В социальной политике государства не могла, однако, не отразиться общая тенденция развития производства и экономики данной эпохи, требовавшая применения работника нового типа, находящегося в тесной (поземельной и личной) зависимости от собственника средств производства, но заинтересованного (в отличие от античного раба) в результатах своего труда. Эта тенденция уже проявилась в некоторых изменениях способов повседневного применения рабов и в их имущественном положении. Общая черта социального законодательства раннефеодальных государств — постепенное признание ограниченной имущественной правоспособности рабов. Об этом свидетельствуют законы, разрешающие рабам свободно распоряжаться своим движимым имуществом, рабочим скотом (давать займы, отчуждать) с согласия или даже без согласия их господ (см. гл. 4); рабы могли оставлять имущество в наследство своим детям (Сар. I, 82, с. 6). Судебники порой предписывали взимать с несвободных денежные штрафы (L Sal., XL, add. 1, 2; Ro, § 279; ПП Пр. ред., ст. 63; Gesetze der Angelsachsen, Wi., 13, 15; Корсунский, 1969, с. 115), что говорит о зарождении юридической ответственности раба за свои действия. Государство в ряде случаев регламентирует эксплуатацию несвободных, фиксируя их барщину и оброки (L Alam., XXII; L Baiuv., I, 13), обязывая господ в соответствии с церковными установлениями освобождать рабов от труда в некоторые праздничные и в воскресные дни (Gesetze der Angelsachsen, Ine, 3; At., 34; Сп., 45, 3).

Рабы начинают приобретать некоторые личные права. Так, теперь запрещается продавать раба «за море» (L Sal., XXXIX, 1, add. 1, 2; L Rib., XVI; L Vis., XI, 2, 3; XII, 2, 14; Gesetze der Angelsachsen, Ine, 11; Atr., V, 2; VI, 9; Сп., II, 3), т. е. за пределы родной страны.

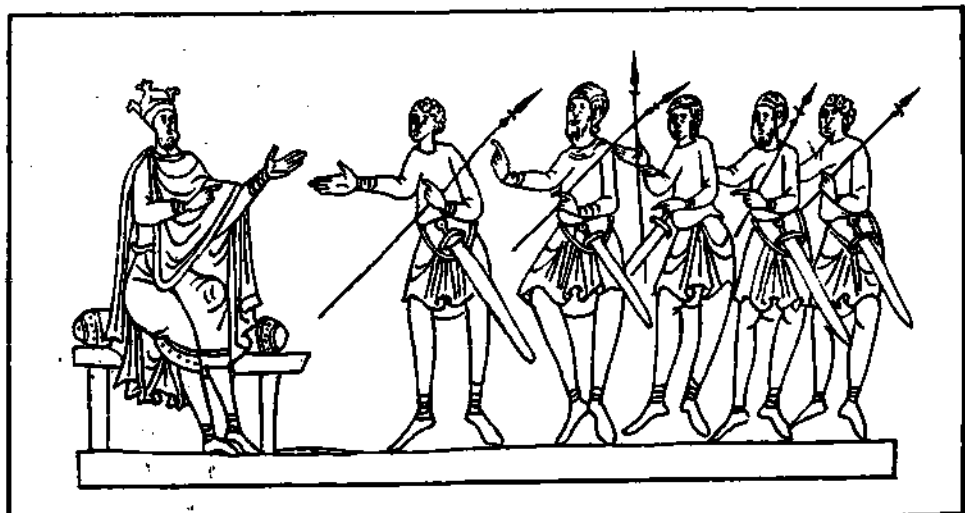

Символическое изображение «дарования законов» или «отправления правосудия». Миниатюра из юридической рукописи начала IX в.

Монастырь св. Павла в Каринтии (Австрия)

Государство стремится создать известные гарантии личной безопасности рабов, ограничив право господ и других свободных людей убивать их, совершать насилия по отношению к ним и их женам¹⁰. Рабы в некоторых случаях оказываются дееспособными в сфере судопроизводства и т. д.

В общем можно констатировать, что политика раннефеодального государства в отношении рабов двойственна (что вполне соответствует незавершенности самого развития этого государства): сохраняя на всем протяжении своего существования основные принципы дофеодального права о рабах (полная собственность господ на лишенных политических и гражданских прав рабов), оно постепенно придает статусу ра-

Король и его служилые люди. X в.
Национальная библиотека, Париж

бов некоторые новые черты, все больше сближая их со средневековыми крепостными.

Государство играло также существенную роль в трансформации статуса вольноотпущенников. Оно стремилось пресечь произвольное возвращение патронами своих либертинов в рабское состояние — это допускалось лишь в исключительных случаях (Сар., I, 9, с. 7; L Burg. XL, 1; L Vis., V, 7, 9). Основная же тенденция официального права состояла в закреплении неполноправности либертинов (значительно более высокий вергельд, чем для свободнорожденных, запрет вступать в духовное звание без разрешения прежнего господина, отсутствие права заключать браки со свободными, завещать свое имущество, дифференциация в системе наказаний по сравнению со свободнорожденными). Законом санкционировался порядок, согласно которому большинство либертинов оста-

¹⁰ Вестготская правда запрещала господам казнить и увечить своих рабов. Устав киевского князя Всеволодовича указывал, что свободный человек, оскорбленный рабом, получает денежную компенсацию и, встретив обидчика позднее, может избить его, но не убить (РП Пр. ред., ст. 65). Франкский король Хлотарь II установил, что раба, как и свободного человека, если он не застигнут на месте кражи, ни судить, ни иные лица не имеют права убивать без расследования (Сар., I, № 9, с. 22; ср. Сар., I, № 8, с. 3).

ваилось под патронатом, т. е. в личной зависимости от прежних господ. Последним принадлежали определенные права на достояние вольноотпущенников (права получения выморочного имущества).

Государство активно вмешивалось в сферу взаимоотношений между земельными собственниками и мелкими держателями. Общей тенденцией законодательства в эту эпоху было обеспечение права собственности на землю хозяевам имений и предотвращение попыток держателей превратить свои наделы в собственные владения. В законах и судебных постановлениях обычно подчеркивается, что держатель может пользоваться землей лишь в течение того времени, на которое ему предоставлен надел;

*Королевский суд. Казнь осужденного. Между 1098 и 1109 гг.
Библиотека Дижона*

нельзя его отчуждать, а также самовольно расширять границы участка (Cap., I, 198, с. 1; I, 20, с. 13; II, 293, с. 22; RO, § 173; L Vis., X, 1, 13; 14; Успенский, Бенешевич, 1927, с. XXXV). Особенно строго запрещались эти действия колонам, альдиям, литам — низшей категории зависимых крестьян. Вместе с тем государство еще в какой-то мере вынуждено было учитывать стремление свободных мелких земледельцев, попадавших в поземельную зависимость, к тому, чтобы обеспечить себе стабильные условия ведения хозяйства. Как правило, держатель мог пользоваться наделом пожизненно или на протяжении срока, указанного в грамоте, если не нарушал зафиксированные в ней условия, в первую очередь обязанность выплачивать оброк¹⁴. В законах определялись также порядок передачи таких владений по наследству детям держателя, процедура разрешения споров по поводу размеров участка.

Одним из проявлений процесса феодализации было, как известно, установление личной зависимости непосредственных производителей от

¹⁴ L Vis., X, 1, 1; ср.: Cap. I, 18, с. 11; 20, с. 13. Эдикт Ротари предоставлял человеку, передавшему собственность на свою землю другому лицу и сохранившемуся за собой пожизненное пользование ею, право продавать ее при некоторых обстоятельствах (RO, § 173). Согласно Пире, парик, обрабатывавший земельный надел в течение 30 лет, не мог быть согнан с него (Пира, XV, 3).

крупных землевладельцев. К наиболее существенным признакам такой зависимости принадлежало запрещение или ограничение свободы перехода для крестьян. Так, франкские колоны, древнерусские закупы, англосаксонские крестьяне, находившиеся в зависимости от глафтордов, формально лишены были права ухода от своих господ (см.: Корсунский. О статусе..., 1969; Простр. правда, 56; Gesetze der Angelsachsen, I, 39; Eadm., 70; Aethelst., X, 1). В ряде случаев зависимые крестьяне могли уходить, но утрачивали не только землю, но и все движимое имущество (Cap., II, 256; L. Vis., X, 1, 15; V, 3, 4; Ro, § 177).

Для законодательства раннефеодальных государств характерно стремление принизить статус колонов, сблизить их с сервами. Вестготские короли в своих законах игнорировали существование колонов (Корсунский. Готская Испания, 1969, с. 137). В капитуляриях франкских королей колоны при рассмотрении ряда юридических казусов приравниваются к рабам. Карл Великий, рассматривая порядок раздела детей рабов и колонов, принадлежащих различным господам, прямо заявляет, что «нет никого, помимо свободного и раба» (Cap., I, 158).

Государство активно вмешивалось в отношения между зависимыми крестьянами и собственниками имений. Важную роль в этой политике играло то обстоятельство, что государство само выступало крупным землевладельцем и регламентировало статус земледельцев в своих имениях. Деятельность государственного аппарата и церкви была тесно связана, и официальное право регулировало положение зависимых людей в имениях церкви не менее обстоятельно и детально, чем во владениях фиска. Некоторые варварские Правды регламентировали состав и величину оброка, выплачиваемого колонами и другими зависимыми людьми собственнику земли, характер отработочных повинностей (L. Baiuv., I, 13; I, 44, 1; 49, 3; 70, 1; Cap., 1, 31; II, 273). Для тех, кто отказывался от выполнения своих обязанностей, законы устанавливали строгие кары, вплоть до лишения надела и даже жизни (L. Vis., X, 1, 11; Gesetze der Angelsachsen, Eg., IV, 1—2). Официальное право несколько ограничивало произвол земельных собственников, но основное значение этого «трудового законодательства» заключалось в том, что оно официально санкционировало складывавшуюся в обычном праве некую среднюю норму эксплуатации непосредственных производителей.

4. Государство и свободные общины

Крестьянская политика государства раннего средневековья во многом определялась его отношением к общинной организации. Наличие общины в рассматриваемую эпоху характерно для всей Европы, хотя крестьянские общины различных регионов и стран существенно отличались друг от друга. Некоторые буржуазные историки считают общинную организацию результатом деятельности государства, преследовавшего фискальные и полицейские цели¹². Неосновательность подобной точки зрения видна из того, что община по своему происхождению старше феодального государства. Варварские Правды и другие источники показывают, что она существовала и тогда, когда в одних регионах государство еще толь-

¹² Странники «критического направления» в историографии ФРГ отрицают общинный характер общины в раннесредневековых государствах. Они рассматриваются ими как организации, созданные королевской властью, как округа, находящиеся под властью знатных. См.: Dannenbauer, 1958; Mayer, 1959. Критику взглядов этих авторов см.: Неусыгин, 1964.

ко зарождалось, а в других происходила трансформация рабовладельческого государства в раннефеодальное.

Первоначально формирующееся государство мало вмешивалось во внутреннюю жизнь общины, довольствуясь тем, что население выполняло некоторые службы (в первую очередь воинскую) и повинности (по содержанию правителей и их агентов).

В наиболее архаических по своему содержанию памятниках обычного права, в частности в Салической правде, королевская власть еще санкционирует статус общины как корпорации, обладающей правом собственности не только на альменду, но и на пахотные земли; община регулировала порядок землепользования и осуществляла некоторые судебные функции.

По мере того как у варваров в результате имманентных процессов развития происходило разложение земледельческой общины и возникали новые отношения собственности, складывавшееся раннефеодальное государство оказывало деятельное содействие этому процессу. Оно поощряло индивидуалистические тенденции в общине (санкционируя практику отказа от выполнения традиционных обязанностей по отношению к родичам, выделение индивидуальных семей из больших семей), пресекало притязания родичей-соседей на выморочное имущество, легализовало отчуждение общинниками недвижимого имущества. Королевская власть могла нарушать право общины распоряжаться своей территорией, разрешая селиться там третьим лицам. Тем самым раннефеодальное государство способствовало превращению земледельческой общины в марку, создавая благоприятные условия для разветвляющихся феодальных отношений. Этому способствовало, в частности, и все большее умаление гражданских прав свободных крестьян, их роли в военной организации. Одним из основных прав (и обязанностей) свободных общинников в варварском обществе было участие в периодически созывавшихся судебных собраниях. Во Франкском государстве роль рядовых свободных в суде все более сужалась. Правом давать свидетельские показания пользовались лишь те, кто имел вергельд свободного человека и обладал недвижимым и движимым имуществом определенного размера. Капитулярии Каролингов предписывали избирать свидетелей из числа «лучших людей» среди крестьян. В имущественных же делах свидетельские показания имел право давать лишь тот, кто имел собственную землю (Сар., II, 193, с. 6). Согласно вестготским законам VII в., в качестве свидетелей в суде следовало использовать только состоятельного и «почтенного» человека (*idoneus, honestus*). Социальное и имущественное положение свидетеля из числа свободных людей учитывает византийский законодательный свод VIII в. — Эклога. Приемлемыми считались свидетели, обладающие определенным имущественным цензом, должностные лица, люди, имеющие профессии. Свидетелей же «неизвестного положения» разрешалось подвергать допросу с пристрастием (Эклога, с. 34—35). Мистотам запрещалось выступать свидетелями по тяжбам их господ.

Законодательство некоторых стран Европы предусматривало дифференциацию наказаний за одни и те же преступления для знатных и состоятельных людей, с одной стороны, немущих и незначительных по своему социальному весу — с другой¹³. К последней категории в ран-

¹³ См.: Удальцова, 1959, с. 48—49; Корсунский. Готская Испания, 1969, с. 83, 90. Отдельные проявления такой дифференциации в наказаниях характерны и для франкского и византийского права. См.: Сар., I, 8; I, 13, 7; Эклога, XVII, II, 22, 29.

нефеодальных государствах принадлежала уже значительная (или основная) часть крестьян.

Ограничения гражданских прав простых свободных людей, касавшиеся главной массы крестьян, относились также к возможности их участия в судопроизводстве. Варварские королевства еще сохранили древний обычай, по которому тяжбы решались всеми свободными на судебных собраниях. С возникновением раннефеодального государства рядовые свободные отстранялись от судопроизводства, решающая роль в суде переходила к королевским должностным лицам. Во Франкском королевстве уже в конце VI в. роль судей осуществляют графы. Источники по истории Вестготского, Бургундского, Остготского и Лангобардского королевств отныне не содержат данных об участии свободных в судопроизводстве; во Франкском королевстве к IX в. они вообще отстраняются от судопроизводства. Капитулярии франкских королей требовали, чтобы скабинами и судьями назначались только «лучшие» и знатные люди (Сар., I, 144, с. 2; II, 202, с. 5). Участие рядовых свободных людей в судебных заседаниях перестает быть постоянным и регулярным. Присутствие на судебных собраниях стало тяжелой повинностью. Королевские капитулярии, предписывающие должностным лицам вызывать свободных не более трех раз в год на собрания (не считая случаев, когда эти люди сами участвуют в тяжбе или являются свидетелями) (Сенон, 1926, р. 241), закрепляют стихийно сложившееся положение, при котором крестьяне отстраняются от участия в собраниях. Известное значение в судопроизводстве рядовые свободные удерживают лишь в тех частях империи, где еще сохранились массы общинного крестьянства или возник значительный слой свободных поселенцев¹⁴. В Англии X в. каралось лишь трехкратное непосещение судебных собраний. Короли жаловали здесь в качестве особой привилегии населению определенных имений освобождение от обязанностей посещать местные собрания. На сотенных собраниях присутствовали не все свободные земледельцы, а только старосты деревень и наиболее зажиточные и влиятельные крестьяне. В судопроизводстве в сотнях решающее слово принадлежало судебной комиссии из 12 старших тэнов.

О народных собраниях в Древнерусском государстве, в которых участвовали бы крестьяне-общинники, какие-либо данные отсутствуют. Вероятно, ведает свое происхождение от родового строя, но, судя по источникам, термин «вече» применялся в X—XII вв. для обозначения различных явлений: вечем назывались совещания правителей городов, общинные сходки городских «меньших» людей, совещание князя с знатью (Греков, 1949, с. 348—364; Пашуто, 1965, с. 24—34). В Византии, где никогда не исчезала централизованная форма административного устройства, вообще не было места для каких-либо народных судебных собраний.

Ограничивая гражданские права свободных крестьян, подчиняя крестьянские общины властям и феодальным вотчинникам, государство в то же время использовало общинную организацию для своих административных и фискальных нужд. Во Франкском королевстве соседние члены деревенской общины обязаны были указать убийцу и помогать розыску, если преступление совершилось в пределах их территории. Капитулярии Каролингов, рассматривая вопросы, связанные с выполнением

¹⁴ Каролинги признавали суды, в которых дела о мелких преступлениях решались соседями, только у саксов (Сар., I, 27, с. 4, 8) и у испанских поселенцев в Септении (Сар., I, 132, с. 2).

королевских служб населением, нередко обозначают коллектив лиц, обязанных выполнять эти службы, термином «соседи» (*vicini*) (Сар., I, 46, с. 6; II, 259; 260, с. 13).

В Англии по законам IX—X вв. жители сотен участвовали в преследовании преступников и несли в некоторых случаях коллективную ответственность за правонарушения, которые имели место на территории сотни. Такая же ответственность лежала и на жителях общин в Леоне, Кастилии и Наварре в IX—XI вв., а также в Древнерусском государстве. В Византии жители общин были связаны круговой порукой в исправном несении государственных повинностей.

Одной из существенных форм воздействия раннефеодального государства на статус крестьян было умаление их роли в военной организации общества. В варварских королевствах несение военной службы было правом и обязанностью каждого свободного человека и считалось важнейшим атрибутом полноправной свободы. По мере развития феодальных отношений и упрочения государственной власти в военной системе происходили изменения: падало значение народного ополчения, возрастала роль королевских дружин и дружин магнатов.

В некоторых странах развитие власти магнатов выражалось также в том, что государство предоставляло им право осуществлять призыв в войско из среды свободных и зависимых людей, находившихся под их господством и покровительством. Вестготские короли еще в VII в. санкционировали положение, согласно которому свободный человек, будучи призван в войско, отправлялся в поход либо с графом соответствующего округа, либо со своим сеньором. В последнем случае он и сражался под его командованием. Власти требовали, чтобы сеньоры брали с собой в поход не менее одной десятой части своих сервов (*L Vis.*, IX, 2, 8, 9). Франкское государство также предоставило сеньорам право регулировать призыв в войско свободных людей, находившихся в их владениях. Согласно капитуляриям, свободный человек должен идти в поход со своим сеньором или с графом. Государство устанавливает порядок представления сеньорами своих людей в войско.

Наличие у сеньора подобных прав было одним из мощных рычагов установления отношений господства и подчинения между вотчинниками и крестьянами. Это не имело столь важного значения в тех странах, где частная власть магнатов не развилась в столь обширном объеме, как во Франкском государстве, и где государственный аппарат был централизован (например, в Византии) или военные силы еще представляли собой в основном народное ополчение (Англия). Однако постепенное умаление значения свободных мелких земельных собственников в комплектовании войска — одна из характерных черт формирования зависимого крестьянства как класса, а позднее и сословия феодального общества.

Во Франкском государстве ярким выражением этого процесса были военные реформы Карла Великого, согласно которым призыв в войско был поставлен в зависимость от размеров недвижимого и движимого имущества свободного человека. Способным снарядиться в поход считался лишь владелец 3—4 мансов, а тех, у кого земли было меньше или ее вовсе не было (а имелась лишь какая-то сумма денег), объединяли в группы, снаряжавшие одного воина (Сар., I, 48, 2; 50, с. 1). Еще ранее лангобардские законы установили, что часть неимущих свободных людей, не имеющих ни земли, ни домов, освобождается от призыва в войско и во время похода несет барщину на королевских должностных лиц (*Liu*, § 83). Король Айстульф в законе от 750 г. отмечал, что не все

неимущие свободные обладают щитом, и требовал, чтобы, являясь по призыву, они имели щит, лук и стрелы.

В Византии в VIII—IX вв. военной службой обязаны были все крестьяне. Но к IX в. происходит выделение слоя стратиотов. Государство ставит их в особое положение. Участки стратиотов неотчуждаемы и свободны от всех государственных налогов и повинностей, кроме государственного канона. Стратиоты несут военную службу, в то время как прочие крестьяне становятся податным слоем. В X в. стратиоты обособляются от крестьянства (История Византии, 1967).

В Англии народное ополчение, в котором служили кэрлы, сохраняло свое значение еще при короле Альфреде и позднее. Служба в войске, сооружение мостов и укреплений, иначе — «тройственная повинность» (*trinoda necessitas*), была здесь всеобщей. Как правило, иммунитеты от нее не освобождали (Stenton, 1970, p. 289—290). Правда, большую роль в военных действиях играла и королевская дружина^{15—16}.

Относительно участия свободных крестьян в войске Киевской Руси данные скудны. Очевидно, смерды участвовали в X—XI вв. в походах наряду с княжеской дружиной (Греков, 1949, с. 324—325). По мнению В. В. Мавродина, основной контингент военных сил князя первоначально составляло народное ополчение, но уже с конца VIII—начала IX в. «вои» — воины, набранные из народа, включались в княжескую дружину, в которой образовывали низшую группу (Мавродин, 1971, с. 104—106).

В Норвегии бонды несли военную повинность, и ополчение — лейданг — было основой военной организации. Первое упоминание о королевском ополчении относится ко второй половине X в. Бонды служили в войске и в XII—XIII вв. При этом пользование правами свободного человека зависело от выполнения воинской повинности.

В целом положение крестьян в военной организации раннесредневекового общества изменялось по мере его феодализации. Чем больше продвигался процесс формирования классов феодального общества, тем меньше места в военной системе оставалось для крестьян.

Таким образом, общей тенденцией социальной политики государства в Европе раннего средневековья было ограничение роли формирующегося класса зависимого крестьянства в политической жизни. Эта тенденция проявлялась тем резче, чем интенсивнее развивались феодальные отношения в целом. В общем же воздействие государства на правовое и экономическое положение непосредственных производителей состояло в том, что статус различных категорий крестьянства, складывавшийся в результате происходившего процесса классовобразования, получал политическую и юридическую санкцию.

5. Иммунитет и формирование зависимого крестьянства

Большое влияние на становление крестьянства оказывало содействие государства установлению личной власти вотчинников над крестьянами с помощью иммунитетов. Этот институт не был присущ ни варварским

^{15—16} Мнение Чедвина, будто в англосаксонский период королевские дружины являлись решающей силой в войнах, не подтверждается юридическими памятниками, которые уделяют много внимания участию рядовых кэрлов в ополчении. Англосаксонская хроника неоднократно отмечает использование королями ополчения еще в IX — начале XI в. См.: *Two of the Saxon chronicles*, a. 828, 851, 894, 905, 999, Stenton, 1905, p. 88—97, 378; ср.: Stenton, 1970, p. 291; Соколова, 1955, с. 45.

королевству, на позднеримским традициям. Он возник в процессе становления и развития раннефеодального общества.

В буржуазной исторической литературе иммунитет трактуется главным образом в публично-правовом аспекте. В развитии данного института во Франкском государстве, например, усматривают стремление королевской власти воспрепятствовать росту самостоятельности графов путем введения прямого контроля над иммунитетными округами (см.: Петрушевский, 1917, с. 364; Mitteis, 1974, S. 69—71; Ganshof, 1965, S. 386). Марксистская историография особое внимание уделяет социальной сущности иммунитета, рассматривая этот институт как юридическое оформление внеэкономического принуждения крестьян вотчинниками (см.: Граменицкий, 1946; Михаловская, 1946; Сказкин, 1968, с. 99—101; Данилов, 1948).

Политическая власть в эту эпоху осуществлялась не только через посредство государственного аппарата — она сосредоточивалась и в самих феодальных вотчинах. Правда, политическое значение вотчинной власти в различных странах Европы не было одинаковым. В некоторых государствах, где существовала относительно сильная централизованная власть (Византия, отчасти Вестготское королевство) и административные прерогативы вотчинников были ограниченными. В других же странах довольно рано сложились иммунитеты, притом в своей законченной форме (Каролингская монархия).

Развитие частной власти вотчинников имело двойное значение: с одной стороны, оно создавало или расширяло личную зависимость тех непосредственных производителей, которые уже находились в поземельной зависимости или по самому своему статусу находились в личной зависимости (например, вольноотпущенники); с другой — создавало благоприятные условия для втягивания в зависимость и свободных земледельцев.

Уже с начала своего существования раннефеодальное государство в той или иной мере предоставляло землевладельцам юрисдикцию и принудительную власть по отношению к зависимым людям определенных категорий¹⁷. В основном, однако, судебные и административные функции все же исполнялись органами государственной власти.

Новый этап в расширении частной власти вотчинников над земледельцами и в росте зависимого крестьянства ознаменовался возникновением иммунитетов. В наиболее полной форме они получили развитие, как отмечалось выше, во Франкском государстве. Здесь уже в VII в. короли жаловали церкви и светским магнатам иммунитетные грамоты, которые запрещали государственным должностным лицам вступать во владение иммунитетов для взимания налогов, а также для выполнения судебных и полицейских функций, за некоторыми исключениями. Налоги, судебные штрафы и другие платежи, причитающиеся фиску, теперь собирали иммунитеты, и не только с крестьян, находившихся в зависи-

¹⁷ Варварские Правды возлагали на патронов ответственность за представление в суд свободных людей, находившихся в зависимости от них (L Rib., XXXV; Liu, § 92). На Руси господину предоставлялось право избивать своего закупа «про дело» (РП Пр. ред., ст. 62). В Уэссексе гезяты по соглашению с эльдрманом или королем могли получать штрафы со свободных людей, состоявших под их властью (Ine, 50). Вестготские законы вменяли управляющим имениями частных лиц и фиска обязанность осуществлять некоторые полицейские функции в отношении всех жителей, в том числе и свободных, имений (L Vis., VI, 2, 4; IX, 1, 21). В Византии в IX в. за господином признавалось право судить своего мистия (за исключением тяжб, в которых сам господин был заинтересован).

мости от вотчины, но и со свободных людей, которые жили на собственных землях иммунитетов и в пределах подвластной ему территории, а также с тех, кто в будущем мог здесь поселиться. Согласно типичной формуле иммунитетной грамоты, «монастырь и его братья должны по полному праву иммунитета распоряжаться всеми уступленными в их пользу судебными штрафами, и все (сборы) с людей монастыря, как свободных, так, и несвободных, или с людей, проживающих на монастырских землях, на получение которых казна могла бы рассчитывать, должны целиком идти на лампы этой святой обители и на содержание слуг божьих» (Dipl. Merov., № 15; Form. Magc., 1, 3).

Иногда частная власть вотчинника над свободными складывалась не в результате санкционирования королем уже фактически сложившихся отношений в вотчине, а путем передачи ей права сбора государственного налога с той или иной группы свободных людей, ранее выплачивавших его государственным должностным лицам. Грамота, по которой в 828 г. король Людовик и Лотарь подтверждают сделанное ранее пожалование монастырю свободных людей (округ Врешни), отмечает, что эти люди и их потомство должны будут теперь вносить монастырю тот ценз, который они прежде выплачивали фиску (St. G., № 312). Переход сбора государственных налогов, причитавшихся со свободных людей, от органов фиска к вотчинникам означал втягивание непосредственных производителей в систему феодальной эксплуатации¹⁸. Иногда королевские грамоты предоставляли вотчинникам право осуществлять покровительство над находящимися в их владениях свободными, а последним вменялось в обязанность подчиняться своим сеньорам. Такого рода пожалование превращало свободных мелких держателей в лично-зависимых крестьян. Правительство возлагало на сеньоров надзор над их поведением. «Пусть каждый господин, — говорится в одном из капитуляриев Карла Великого, — осуществляет принуждение по отношению к своим людям с тем, чтобы они все лучше подчинялись и считались с приказами и распоряжениями императора» (Bouquet, t. VIII, a. 844. Pro monasterio S. Laurentii, p. 457—468; a. 844. Pro monasterio Polycarpi, p. 465).

Большое значение имело также постепенное расширение судебной власти иммунитетов над свободными земледельцами. Первоначально к их компетенции относились лишь дела о мелких правонарушениях в пределах вотчины. Тяжбы людей вотчины с третьими лицами и дела, относившиеся к высшей юрисдикции (убийство, поджог, разбой, споры о земельной собственности, о рабах), оставались в ведении государственных судов. Однако уже в VIII в. иммунитетный суд превратился в обязательную инстанцию и для посторонних лиц, коль скоро они судились с жителями вотчин иммунитетов. Компетенция этих судов также расширялась, так как перечень дел, относившихся к сфере высшей юрисдикции, при Карле Лысом был сокращен и сведен к трем (убийство, поджог, грабеж). Дела, касавшиеся земельной собственности, во Франции во второй половине IX в. сюда уже не входили.

Для осуществления функции управления вотчинникам необходим был соответствующий аппарат и средства принуждения. С этой целью

¹⁸ В ходе процесса феодализации сами налоги превращались по существу в централизованную форму феодальной ренты, что не дает, однако, оснований игнорировать различия между зависимыми крестьянами и мелкими аллодистами (особенно в раннефеодальный период).

в ряде случаев использовалась система вотчинного управления, унаследованная от позднеримских имений, в частности виллики и акторы. В готской Испании виллики приобрели некоторые административные, полицейские и фискальные полномочия (см.: Корсунский. Готская Испания, 1969, с. 214—217). В Италии в имениях папского патримония назначались дефензоры — папа поручал им возвращать к повиновению непокорных колонов (Greg. I. Epist., IX, 30).

Во Франкском королевстве при Каролингах в церковных вотчинах возникает институт адвокатов, или фогтов. Фогты, назначаемые иммунитетами (при участии графов) из светских лиц, выполняли административные и судебные функции в вотчине, следили за выполнением свободными, проживавшими на иммунитетной территории, военной повинности (Ganshof, 1965, p. 383—388). В фогте, по словам советского исследователя, «персонафицировался принудительный характер феодального вотчинного господства».

Политическая власть земледельцев над зависимыми крестьянами зарождалась и в лангобардской Италии. Сохранилась грамота времен Айстульфа, которая предоставляет церкви Сан-Лоренцо в Бергамо и людям, находящимся на ее землях, иммунитет от налога. В целом, однако, институт иммунитета сложился в Италии лишь при Каролингах. Вскоре после завоевания франками Лангобардского королевства иммунитеты получили монастыри Фарфы, Брешии, Монте-Кассино и др. (Drew, 1962, p. 183, 185—186). В конце VIII в., согласно каролингским капитуляриям, в Италии существовали иммунитетные округа, назначались адвокаты, которые судили рабов, альдиев и либелляриев (Car., I, 91, с. 6; 93, с. 1, 5; 39, с. 2).

В Англии важную роль в расширении личной власти вотчинников над крестьянами и во втягивании свободных общинников в феодальную зависимость сыграли королевские пожалования земель в бокленд и предоставление духовным корпорациям и светским магнатам судебной власти («саки» и «соки»). Правда, ранние грамоты, жалующие бокленд, в большинстве случаев не освобождают получателей от различных государственных поборов и повинностей и не предоставляют им права юрисдикции. В X в. частные суды, получившие распространение еще до правления короля Альфреда, легализуются королевскими грамотами уже в широких масштабах. «Сока» предоставляется магнатам над несколькими поселениями. Суд сотни становится судом церковного иммунитета (Jolliffe, p. 68—69). При Эдуарде Исповеднике (в начале XI в.), по мнению Ф. Стентона, юрисдикция, выраженная в «саке» и «соке», была уже для знатных обычной привилегией (Stenton, 1970, p. 501). Тем не менее этот суд все же не занял такого места в общей системе судостроительства, как суд иммунитета во Франкском королевстве в IX в. Как видно из грамот, короли предоставляли иммунитетам в Англии главным образом лишь неполную юрисдикцию — исключались дела, касавшиеся интересов короны, тяжбы по поводу земельной собственности (Jolliffe, p. 70—71). До конца англосаксонского периода основной судебной инстанцией оставался здесь королевский суд, которому была подчинена еще значительная часть свободного крестьянства.

В Испании собственно иммунитетные пожалования известны с начала IX в. Людовик Благочестивый и Карл Лысый избавляли каталонские монастыри от необходимости принимать у себя государственных судей. В Астурии, Леоне и Кастилии в IX—X вв. короли иногда передавали сеньорам-иммунитетам в тех или иных округах права, которыми

пользовались государственные должностные лица (судьи и графы). Публичным властям запрещалось взимать поборы во владениях иммунитетов и с несвободных, и со свободных людей. Сплошь и рядом в иммунитетных грамотах королей испанских государств (как и франкских) делаются оговорки, в соответствии с которыми права, даруемые грамотами, распространяются и на тех людей, которые в дальнейшем поселятся на территории иммунитета. В условиях реконквисты и колонизации это условие имело особенно большое значение для расширения сферы вотчинной эксплуатации крестьянства. В XI—XII вв. происходило дальнейшее расширение власти иммунитетов, но их судебные права остаются ограниченными. Высшая юрисдикция, так же как и право на сбор некоторых поборов, по-прежнему принадлежала королевской власти.

В Византии в период формирования феодальных отношений государство, как уже отмечалось выше, предоставляло крупным землевладельцам право на получение с крестьян определенной части налогов. Эти пожалования вели к росту феодальной ренты светских и церковных вотчинников, с одной стороны, к включению в сферу вотчинной эксплуатации свободных деревень — с другой. Постепенно расширялись также судебные права крупных землевладельцев. В XI в. церковные корпорации приобретали порой судебную автономию: чиновникам запрещалось вступать в их владения (Острогорский, 1958, с. 96—99, 106). Однако в большинстве случаев иммунитеты и в Византии обладали лишь ограниченной юрисдикцией.

На Руси иммунитеты появляются в XII в., но развитые формы иммунитетных пожалований засвидетельствованы уже гораздо более поздними документами (XIV—XVI вв.) (Юшков, 1939, с. 235).

Итак, иммунитет оказывал разностороннее воздействие на формирование зависимого крестьянства. Держатели, находившиеся в поземельной зависимости, теперь попадали также в личную и судебную зависимость. Свободные люди, проживавшие на территории иммунитета, оказывались подчиненными ему в судебном и административном отношении, что вело к втягиванию их в феодальную зависимость.

Изоляция населения иммунитетной вотчины от органов публичной власти означала принижение юридического статуса всех категорий крестьянского населения вотчины и была крупным шагом к установлению того статуса феодально-зависимого крестьянства (политическое бесправие), который станет характерной чертой развитого феодализма.

6. Политика государственного «покровительства крестьянам» и ее классовая сущность

Крестьянская политика раннефеодального государства рассматривается в исторической литературе по-разному.

Ряд ученых придерживались той точки зрения, будто оно покровительствовало крестьянам; эти исследователи писали о «защите убогих», о «смердолюбии» (Inama-Sternegg, 1879, S. 232; Dopsch, 1924, S. 134—136, 188—189; 1962, S. 15—18; Васильевский, 1930, с. 259). Исторические марксисты подчеркивали классовую основу политики раннефеодального государства, способствовавшего установлению феодальной зависимости крестьянства, причем некоторые считали эту политику (идет ли речь о Каролингской монархии или о Киевской Руси в XI в.) настолько законченной по своему классовому характеру, что не допускали возможности

осуществления даже отдельных мероприятий, ограничивавших эксплуатацию крестьян вотчинниками и государственными должностными лицами (см.: Юшков, 1940; Будовниц, 1961; ср. критические замечания по поводу последней статьи: Зимин, 1965, с. 245).

Государственная политика по отношению к массам непосредственных производителей зависела в рассматриваемую эпоху от многих факторов: от степени развития самого государства, которое ведь не сразу стало собственно феодальным, от форм и размаха борьбы народных масс против феодализации, от столкновений между различными группами формировавшегося господствующего класса и их взаимоотношений с королевской властью и пр. В первый период существования варварских королевств там, естественно, отсутствовало какое бы то ни было «покровительство крестьянам»: структура общества отличалась еще слабой дифференциацией, рядовые свободные общинники являлись основными субъектами права, публичная власть находилась в процессе становления. Так называемая политика «покровительства» возникает вместе с раннефеодальным государством.

Социальной политике раннефеодального государства в начальной фазе его истории присущи противоречивые тенденции. Королевская власть, руководствуясь нормами обычного права, пытается сохранить за общинниками их родовые земельные наделы и обеспечить условия, необходимые для нормального хозяйствования. Варварские Правды запрещают отчуждать родовые земельные наделы (L Burg., XXXIV; ср.: L Burg., I, 1), объявляют незаконными завещания и дарения, лишаящие сыновей их наследства (Ro, § 168; L Sax., LXII; L Vis., IV, 5, 1; V, 1, 1), устанавливают некоторые ограничения права кредиторов брать залоги у должников¹⁹, иногда назначают максимальные, правда высокие, нормы процентов, взимаемых за ссуды²⁰.

Правители раннесредневековых государств нередко возвещали о своем стремлении оказывать помощь неимущим свободным людям, защищать их от насилий и притеснений со стороны могущественных и знатных, частных и должностных лиц, грозили наказаниями тем, кто, нарушая законы, наносит ущерб слабым. Формальным обоснованием подобной политики служила концепция заботы об общественном благе (*utilitas publica*), заимствованная из политических доктрин поздней античности.

Остготский король Аталарих, разъясняя в начале своего эдикта мотивы, которые побуждают его издать этот закон, ссылаясь на жалобы слабых людей, угнетаемых магнатами. Эдикты остготских королей запрещают должностным лицам перекладывать тяжесть налогов с богатых землевладельцев на бедняков, привлекать земледельцев к уплате чужих долгов и взимать с населения суммы, превышающие установленные законами (см.: Удальцова, 1959, с. 194—195). В королевских указах говорится также о недопустимых действиях магнатов: предоставляя патриции слабым людям, они переводят их имущество на свое имя (*Cassiod. Variarum*, IV, 39, 40). Лангобардский король Ротари основной целью своего эдикта объявил заботу о подданных, в особенности предотвращение угнетения бедняков магнатами (Ro, Prologus).

¹⁹ Запрещается отбирать в залог за долги дом тяглого крестьянина (Ro, § 252), стада вьючного скота (L Alam., LXXV), свиней и овец (L Baiuv., III—V).

²⁰ L Vis., V, 5, 9 (не более одной трети суммы долга). Пространная правда (ст. 51) разрешала должнику брать не более 50% за год (см.: Смирнов, 1962, с. 27). Каролинги вовсе запрещали взимание процентов (впрочем, это касалось главным образом духовенства). См.: Сар., I, 163, с. 5; II, 202, с. 4; 297, с. 14.

Рядовым готам, у которых магнаты, судьи или епископы отняли имущество, вестготские короли предоставляли право жаловаться церковным соборам. Было запрещено отбирать у крестьян — из-за недоимок — землю. Вестготская правда содержит ряд постановлений против злоупотреблений должностных лиц, принуждавших крестьян к службам и платежам в свою пользу или просто захватывавшим их имущество (Корсунский. Готская Испания, с. 86 и след., 294 и след.). Король Хиндасвинт (641—652) предписывал судьям «несколько умерить суровость законов по отношению к людям убогим и особенно отягощенным бедностью» (L Vis., XII, 1, 1).

На Руси в Изборнике Святослава (1036 г.) богатым и знатым дается совет не озлоблять «меньших»: «...не разгневай мужа в нищете его» (см.: Будовниц, 1960, с. 120). Идея «общественного примирения» отчетливо сформулирована в Поучении Владимира Мономаха своим детям (см. выше, гл. X).

Наиболее полно политика «защиты крестьян» выражена в законодательстве франкских королей, особенно Каролингов, и императоров Македонской династии в Византии. Уже эдикты Меровингов запрещают графам, судьям, епископам и магнатам чинить насилия над простыми людьми, захватывать их имущество (Сар., I, 9, с. 8, 18, 20, 23). В капитуляриях Каролингов декларации в защиту слабых встречаются чаще, чем в предшествующий период, притом они более обстоятельны. Помимо встречавшихся и до того призывов к магнатам, служилой знати и епископам не посягать на достояние бедняков, здесь говорится о недопустимости таких действий по отношению к последним, как незаконное принуждение нести барщину на графов и викариев, разорение путем слишком частого привлечения к военным походам (Сар., I, 44, с. 16; 46, с. 8; 57, с. 2; 73, с. 2; 62, с. 12; 72, с. 5; II, 267, с. 2; 293; с. 61; 281, с. 10; 273, с. 7). Кьерсийский капитуляр 877 г. предписывал, чтобы от аллодистов не требовали ничего, кроме военной службы (Сар., II, 281, с. 10 ср.: 265). Практические же меры, принятые Каролингами, сводились к регламентированию воинской повинности в соответствии с размерами земельных владений, ограничению количества вызовов на судебные заседания, изъятию судебных процессов по делам о собственности из ведения низших чиновников и передаче их суду графов и государевых посланцев.

В Византии насилия магнатов над «слабыми» и бедными людьми запрещались и конституциями позднеимператоров, и законами Юстиниана, и «Василинами», ставшими с конца IX в. действующим правом. Особенно же ярким примером политики «покровительства крестьянам» служат законы императоров Македонской династии, изданные в период, когда процесс феодализации достиг большого размаха. Так, император Роман I Лакапин (921—944) объявил недействительными акты покупки динатами земель «убогих», восстановил преимущественное право крестьян покупать земли соседей, запретил динатам приобретение крестьянских наделов в тех деревнях, где они еще не имели собственной земли. Динатов обязывали вернуть крестьянам землю, купленную у них во время голода. Константин VII подтвердил запрет продавать участки стратиотов, с которых они получали содержание и средства для вооружения. Он предписал вернуть крестьянам все земли, которые динаты захватили у них после установления его единодержавия, а также в нарушение законов Романа I.

После некоторого ослабления этой политики при императоре Никифоре II Фоке (963—969) Иоанн Цимисхий (969—976) вернулся к курсу

Романа I: было произведено расследование и предписано восстановить свободу государственным крестьянам и стратиотам, переселившимся на землю частных лиц. Василий II (976—1025) отменил порядок соблюдения срока 40-летней давности по отношению к тем, кто приобрел участки стратиотов и крестьян. Он распорядился, чтобы динаты вернули крестьянам и стратиотам все земли, полученные от них, независимо от срока давности. В 1001—1002 гг. издан был закон об аллиленгии: круговая порука, которая ранее лежала на крестьянской общине, перекладывалась на динатов (Ostrogotskij, 1956, p. 16, 18).

Итак, политика «защиты крестьянства» представляла собой комплекс мероприятий различного происхождения, характера и значения. В начальный период формирования раннефеодального государства королевская власть в какой-то степени еще опиралась на свободных крестьян и рядовых дружинников, принадлежавших главным образом к господствовавшей в данной стране этнической группе, и не могла вовсе не учитывать их интересов. Сохранение слоя рядовых свободных было важно для самой государственной власти: не случайно в варварских Правдах рядовые общинники еще выступают основными субъектами права, они же составляют главный контингент военного ополчения во время войны. Грани между рядовыми свободными, с одной стороны, служилой знатью, дружинниками — с другой, еще не были резко очерчены. Один из сыновей общинника становился дружинником короля или герцога, а его братья продолжали вести хозяйство вместе с отцом, но все они принадлежали к определенному кругу родичей и еще более широкому кругу соплеменников, которые жили по своему праву в отличие от других этнических групп, находившихся на территории данного королевства (см.: Корсунский, 1963, с. 51, 160—161; 1968, с. 123—126).

Чем больший размах принимал, однако, процесс феодализации, которому, как отмечалось выше, активно содействовало государство, тем менее действенны становились меры правительства в пользу крестьян — обстоятельство, которое игнорировали исследователи, настаивавшие на безусловно реальном значении политики «защиты крестьян». А. Дорш, например, утверждал, будто свободный человек мог получить защиту в королевском суде, и ссылался при этом на протоколы судебных заседаний (Dorsch, 1962, S. 29). Иногда крестьяне, незаконно лишенные свободы, действительно могли еще добиться восстановления своих прав, но, как правило, вотчиннику нетрудно было получить от выступавших в качестве свидетелей зависимых крестьян угодные ему показания²¹. Показательно, что из 28 собранных Р. Хюбнером документов, в которых говорится о тяжбах по делам о крестьянской свободе, лишь пять содержат данные, характеризующие положительный для крестьянина исход (см.: Hübner, 1891, № 72, 144, 251, 255, 396).

В аналогичном направлении действовали и суды в Астуро-Леонском королевстве, Кастилии и Каталонии, рассматривавшие дела о статусе крестьян [Hinojosa, 1919, V (987); XIX (1075); Арский, 1941; Мильская, 1962, с. 76—78].

²¹ Типичным примером могут служить сведения о жалобе крестьян виллы Митри королю Карлу Лысому на монастырь Сен-Дени в 861 г.: 38 крестьян жаловались королю, что их, свободных людей, монах Деодат насильно обратил в «тягчайшее рабство». Староста виллы Деодат заявил, что они всегда были сервами. Это подтверждали зажиточные колонны той же виллы, и жалоба крестьян осталась безрезультатной. См.: *Bouquet*, t. VIII, p. 567.

В документах, отражающих разбор дел об отказе крестьян нести повинности, которые они считали противоречащими обычаю, лишь в виде исключения встречаются постановления, решающие тяжбы в их пользу [см. Duby, 1962, p. 118; Hinojosa, 1919, XXVI (1091)].

Государство не отказалось от попыток сохранить слой свободного крестьянства и в какой-то мере регулировать взаимоотношения между вотчинниками и зависимыми крестьянами и в тот период, когда процесс феодализации разворачивался уже весьма интенсивно. Помимо прежних мотивов этой политики (необходимость сохранить контингент для войска и слой налогоплательщиков), важную роль теперь играло и стремление предотвратить обострение социальных противоречий (борьба народных масс создавала угрозу самому государству), а также сохранить свободных крестьян как силу, способную служить противовесом сепаратистски настроенным магнатам. Ряд социальных мероприятий государства имел реальное, хотя и временное, значение: реформы, облегчавшие крестьянам бремя воинской повинности, ограничивавшие их обязанность посещения судебных заседаний, запрещение крестьянам отчуждать свои земельные наделы (особенно в Византии в X в.) и некоторые иные.

Тем не менее общие закономерности социального развития в эту эпоху, состоявшие в утверждении феодальных отношений, вели к тому, что действия государства в защиту крестьянства либо оказывали в конечном счете феодализующее действие, либо нейтрализовались другими мероприятиями государства, имевшими противоположный характер, и потому оказывались практически неэффективными. Так, освобождение от военной службы и от посещения судебных заседаний имело своим последствием исключение крестьян из политической жизни и создание того статуса сословной неполноправности, который характерен для феодально-зависимых крестьян. Требования законов, чтобы должностные лица защищали крестьян от насилий и притеснений, обращившись своей противоположностью, поскольку сами эти королевские агенты превращались в сеньоров и приобретали самостоятельное политическое значение, а светским магнатам и церквям предоставлялись иммунитеты. В Византии правительство, стараясь предотвратить захват династами земель париков, лишило последних не только права отчуждения своей земли, но и свободы передвижения.

Иными словами, политика «защиты крестьянства» могла в отдельных случаях несколько затормозить превращение свободных мелких земельных собственников в зависимых, но помешать этому превращению была не в состоянии. Свидетельство тому — судьба свободного крестьянства во Франкском королевстве (в IX в.), в Византии (в XI в.) и в других европейских странах, где процесс феодализации получил свое завершение.

Классовый характер крестьянской политики раннефеодального государства особенно ярко выразился в его усилиях, направленных на подавление социального протеста крестьян. Более того, необходимость преодолеть сопротивление непосредственных производителей установлению феодальной эксплуатации по существу и явилась важнейшей причиной возникновения феодального государства.

*

Выше были рассмотрены главным образом общие для раннесредневековой Европы черты воздействия государства на формирование зависимого крестьянства, хотя в ряде случаев отмечались особенности этого воздействия в различных регионах и странах. Задача определить роль госу-

дарства в процессе классового образования в отдельных регионах не представляется в настоящее время вполне разрешимой. Такое положение обусловлено прежде всего состоянием источников, которые весьма неравномерно освещают те или иные стороны вопроса.

Наличный материал позволяет, однако, сделать выводы о соотношении некоторых важнейших проявлений воздействия государства на процесс становления крестьянства. Особенности этого влияния определялись своеобразием социальной структуры, с одной стороны, государственного устройства — с другой. Там, где формирование зависимого крестьянства происходило главным образом путем изменения статуса позднеантичных сервов, колонов и либеринов (юго-западный регион), воздействие государства на юридический статус указанных категорий непосредственных производителей имело первостепенное значение. Там же, где зависимое крестьянство формировалось преимущественно из свободных общинников, главным фактором этой политики являлись усилия государства, направленные на умаление прав свободного дофеодалного крестьянства и подчинение его вотчинникам.

Государственные налоги тоже играли неодинаковую роль в эксплуатации свободных мелких собственников и превращении их в зависимых крестьян в разных регионах. Она была прямо пропорциональна удельному весу свободного общинного крестьянства. Вместе с тем значение этого фактора определялось также степенью централизации государственного аппарата, и поэтому налоги были мощным фактором воздействия на крестьянство и в Византии, хотя здесь удельный вес свободного общинного крестьянства был, по-видимому, не столь велик, как, например, в Англии.

Институт иммунитета сыграл особенно важную роль в подчинении крестьянства вотчинникам там, где он сложился в наиболее законченном виде, — во Франкском королевстве. Не приняв такой завершённой формы в Англии, Германии и Испании IX—X вв., он и здесь имел существенное значение в процессе образования зависимого крестьянства. Однако в Древней Руси и Византии этот институт, не получивший значительного развития, не оказал такого большого влияния на изучаемый процесс.

В общем же завершение раннефеодалного периода в изучаемых регионах означало, что эффект различных сторон воздействия государства на формирование зависимого крестьянства в итоге оказывался примерно равнозначным.

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯНСТВА

Формирование класса феодально-зависимого крестьянства, коренные сдвиги в общественных отношениях происходили в условиях острой социальной борьбы.

Социальная борьба крестьянства в средние века, и в частности в раннефеодальный период, долгое время не привлекала внимания буржуазной медиевистики. Постановка и разработка этой проблемы в марксистской, и прежде всего в советской, историографии вызвала определенный интерес к изучению различных крестьянских движений (особенно крупных восстаний) и в немарксистской исторической литературе, однако этот интерес, как правило, ограничивается периодом развитого феодализма.

В настоящее время большинство западных исследователей фактически игнорирует проблему социальной борьбы крестьянства в раннее средневековье, ее начало относится обычно к XIV в., а в лучшем случае — ко времени «классического феодализма» (Гутнова, 1977, с. 203—229). Редкое исключение составляет Р. Хилтон, который считает крестьянские движения неотъемлемым элементом феодального общества на всем протяжении его истории и охватывает в своих исследованиях период с IX—X вв., а в отдельных случаях с VII в. (Hilton, 1973, 1974), до конца XV в. Исследуя социальные движения западноевропейского крестьянства с позиций исторического материализма, Р. Хилтон в то же время не замечает их стадийных различий, специфических особенностей, какие имели параллельные формы крестьянского протеста в раннее средневековье и в XI—XIII вв. (Hilton, 1974, p. 75).

Оценки эффективности и исторического значения крестьянских выступлений, имеющиеся в исторической литературе, весьма противоречивы. Если Ги Фуркен выдвигает тезис о полной бесперспективности и реакционности всех народных движений средневековья (Fourquin, 1972), то Р. Хилтон утверждает, что при наличии определенных экономических предпосылок антифеодальная борьба крестьянства была успешной и в этом случае обеспечивала реализацию объективных условий социально-экономического развития (Hilton, 1973, p. 234—235).

В советской историографии классовая борьба крестьянства рассматривается в неразрывной связи с исторической обстановкой, в которой она протекала. А. И. Неусыхин, специально занимавшийся проблемами крестьянских движений раннефеодального периода в регионах с преобладанием свободного германского населения, высказал ряд важнейших положений относительно их отличительных черт и общей направленности. Вот его основные тезисы: 1) двойственность состава (свободные общинники и зависимые крестьяне) раннефеодального крестьянства как класса является главной причиной относительного своеобразия раннефеодальных крестьянских движений, отличающего их от крестьянских восстаний на последующих стадиях феодализма; 2) крестьянские движения раннефеодального периода были направлены против самого процесса феодализации в этих регионах. А. И. Неусыхин высказал также мысль о непрерывном изменении количественного соотношения выделенных им двух составных элементов крестьянства за счет превращения все большей части свободных общинников в зависимых крестьян (Неусыхин, 1956, с. 397—401; 1955, с. 102—115). Учет этого соотношения в конкрет-

ный исторический момент может служить критерием для выявления субстадиальной типологии крестьянских движений рассматриваемого периода.

А. И. Неусыхин подчеркивал прогрессивное историческое значение крестьянских восстаний раннефеодального периода, которое он видел в том, что они положили начинавшейся феодальной эксплуатации «некую грань и во всяком случае содействовали ее фиксации на определенном уровне» (Неусыхин, 1955, с. 120—121).

В советской историографии господствует общая позитивная оценка классовой борьбы средневекового крестьянства, основанная на том, что ее объективной исторической задачей (несмотря на субъективно-консервативную оболочку, которую она подчас принимала) было обеспечение максимально благоприятных условий для мелкого самостоятельного производства на базе свободной крестьянской собственности (Сказкин, 1973, с. 254—255).

Вопрос о степени интенсивности крестьянского протеста в раннефеодальный период по сравнению с более поздними стадиями был поставлен в общем виде Б. Ф. Поршневым. Оговорив, что он оставляет в стороне восстания начала средневековья в тех областях, в которых переход к феодализму осуществлялся путем эволюции строя первобытно-общинного, Б. Ф. Поршнев отмечал, что в целом по своей интенсивности крестьянское сопротивление феодальной эксплуатации в начале средневековья было менее значительно по сравнению с антифеодальной борьбой конца средневековья — начала нового времени: борьба крестьянства последовательно углублялась на протяжении всей средневековой истории (Поршнев, 1956, с. 205—206). В соответствии с этим три основные формы крестьянского сопротивления, указанные Б. Ф. Поршневым (частичное сопротивление, уход или бегство и восстание), выстраиваются им не только в логическую, но и в историческую последовательность. При этом восстание оценивается как нехарактерная форма борьбы крестьянства для раннего средневековья (Поршнев, 1964, с. 278—282).

Специально типология крестьянских движений раннего средневековья начала разрабатываться в марксистской исторической литературе в 70-е годы. Обобщая результаты имеющихся исследований по социальной борьбе народных масс Европы в раннефеодальный период, А. Р. Корсунский выделил следующие ее типы: 1) социальное сопротивление свободных крестьян-общинников (иногда с участием зависимых категорий крестьянства), осуществлявшееся в открытой форме восстаний против государственного налогообложения и христианизации за сохранение старых порядков родо-племенного строя; 2) борьба зависимых крестьян против своих господ, выражавшаяся в разных формах — локальных бунтах, побеге, «экономической борьбе». (Корсунский, 1975, с. 195—210; 1981, с. 48—75).

З. Эпперлейн (ГДР) предложил классификацию восстаний раннего средневековья, основанную на характерных чертах путей развития от родового к феодальному строю. Он выделяет восстания различных племен против экспансии феодальных государств как особый тип народных движений раннего средневековья. К другому типу крестьянских движений он относит восстания в Польше, Венгрии и Киевской Руси, которые проходили в условиях «независимого формирования» феодальных отношений. З. Эпперлейн подчеркнул три общие черты обоих типов: 1) их принадлежность к переходной стадии от первобытного к феодальному обществу; 2) связь с традициями родо-племенного строя; 3) возникновение этих

восстаний в периоды ослабления политической власти (Erperlein, 1975, S. 211—227).

В целом марксистская историография выдвинула по рассматриваемой в данной главе проблеме ряд общих положений и дала определенные ориентиры для сравнительно-исторического исследования различных проявлений борьбы крестьянства в изучаемый период.

Прежде чем перейти к изложению конкретного материала, необходимо сделать некоторые предварительные замечания.

Социальная борьба крестьянства как явление жизни общества на определенном этапе его развития, естественно, не может быть представлена в отрыве от социально-экономических условий, определяющих ее содержание, и от конкретно-исторической обстановки, отливающей ее в разнообразные формы. Общие условия рассматриваемой переходной эпохи отличались большой изменчивостью, как во времени, так и в пространстве, и более того, длительным одновременным сосуществованием различных хозяйственных и социальных форм. Своеобразие социальных процессов раннего средневековья, которые в конечном счете приводили к возникновению феодализма, и прежде всего сложность процесса классовообразования, наложило неизгладимый отпечаток на все проявления протеста народных масс в эпоху общественного переворота.

Социальная борьба крестьянства на разных стадиях зарождения и становления феодального способа производства имела существенные особенности¹. На первом его этапе действовал унаследованный от римской общественной структуры (на территории бывшей Римской империи) антагонизм между непосредственными производителями позднеантичного типа и крупными землевладельцами, а также центральной властью, защищавшей интересы последних (Корсунский, 1963, с. 60). Однако по мере укрепления государственной организации и присвоения ею и ее агентами части прибавочного продукта свободных земледельцев возникают новые противоречия. На втором этапе уже активно идет процесс формирования класса феодально-зависимого крестьянства, но наличие двух элементов в его составе (свободных общинников и несвободных категорий крестьянства) придает всему его облику своеобразные черты, а направления социальной борьбы этих двух основных групп раннефеодального крестьянства все более переплетаются (Неусыхин, 1956, с. 381; Korsunskij, 1975, S. 195).

Возникновение класса феодально-зависимого крестьянства идет параллельно со складыванием антагонистичного ему господствующего класса феодалов в процессе утверждения феодального уклада, который на протяжении всего раннего средневековья укреплялся за счет разложения и вытеснения других форм общественных отношений, определяя таким образом тенденцию, перспективу развития. На этапе интенсивного течения этого процесса становится заметным обострение социальных противоречий и социальной борьбы, характер которой может быть определен как антифеодальный.

Для свободных еще крестьян эта борьба носила антифеодальный характер в том смысле, что она была направлена против процесса феодализации, иначе говоря, велась за сохранение свободной индивидуальной

¹ Конечно, трудно точно определять хронологическую границу между этими двумя этапами даже в истории одной страны, тем более очевидно, что это невозможно сделать для Европы в целом, поскольку процесс генезиса феодализма проходил на ее территории асинхронно.

крестьянской собственности. Для уже впадавших в зависимость крестьян она имела целью установление наиболее легких форм эксплуатации, в тех случаях когда феодальный уклад неотвратимо побеждал в соревновании с отживающими рабовладельческим и первобытно-общинным укладами².

Борьба свободного крестьянства против его вовлечения в сферу феодальной эксплуатации, как и борьба уже зависимого крестьянства за ее ограничение, проявлялась в зависимости от обстоятельств в различных формах, которые по имеющимся данным могут быть сведены к следующим: 1) индивидуальные или коллективные внутривотчинные выступления скрытого или юридического характера; 2) побегии или уходы; 3) локальные открытые конфликты (как правило, вооруженные); 4) крестьянские восстания или массовые крестьянские выступления в русле широких общественно-политических движений; 5) проявления крестьянского протеста в религиозной форме.

В такой логической последовательности, отражающей нарастание, развитие социальной борьбы, ниже будут рассмотрены отмеченные формы крестьянского сопротивления.

Классовый антагонизм между зависимыми непосредственными производителями и феодалами выражался главным образом в повседневной борьбе крестьян против обременительных оброчных и отработочных повинностей, в попытках укрепить свое хозяйство и улучшить личный статус. Он находил иногда свое разрешение в уходе крестьянина из вотчины или в актах насилия. Борьба свободных общинников против грозившей им утраты независимости находила свое выражение как в легальных формах, так и в индивидуальных и групповых вооруженных конфликтах (часто совместно с зависимыми крестьянами), и наконец, в открытых восстаниях. Сопротивление широких народных масс процессу феодализации и его проводникам — государственной власти и церкви — создавало социальную основу для распространения профессиональных эксцессов: нелегального отправления запрещенных культов, открытых антихристианских восстаний, а в относительно рано христианизированных странах — в еретических движениях.

1. Крестьянское сопротивление внутри вотчины

Наиболее примитивное выражение сопротивления зависимых крестьян феодальной эксплуатации заключалось в попытках снизить затраты своего труда при выполнении барщины, что наносило ущерб господскому хозяйству.

«Капитулярий о поместьях» предусматривает в своей инструкции управляющим случаи воровства, плохую работу, укрытие семян «под землей или где-либо» и другие «слиходейства» (Cap., I, Capitulare de villis, 51, 54; Конокотин, 1959, с. 42). Такие действия крестьян не носили обычно явного характера и в очень редких случаях фиксировались в документах. В то же время они становились все более затруднительными с развитием вотчинного административно-хозяйственного аппарата. Именно

² Целью экономической борьбы крестьянства в этот период, как и в последующий, было обеспечить себе распоряжение всем продуктом своего труда и, соответственно, всеми средствами производства в своем индивидуальном хозяйстве (Скалкин, 1973, с. 99).

тактику «экономии сил» при несении отработочных повинностей можно с полным правом назвать скрытым сопротивлением³.

Сопротивление свободных и зависимых крестьян раннефеодальной эксплуатации находило свое выражение и в их противодействии становлению и расширению феодальной собственности на землю, а также в осуществлении общинных прав, узурпированных феодалами.

В источниках нередко отмечаются случаи столкновений между крестьянами и вотчинниками из-за земли, запашки крестьянами отдельных участков, самовольного использования бывших общинных пустошей, лесов и других угодий, захваченных вотчинниками.

Упорную борьбу за землю вели, например, крестьяне Южной Италии. Там держатели монастыря Волтурно из деревни Карапелла в 779 г. распахали ранее захваченные монастырем земли. В 936 г. община деревни Логреццано, состоявшая из колонов-массариев, зависимых от епископа Газзы, в ходе судебного разбирательства добилась фиксации границы владений, принадлежавших деревне. В 981 г. в Марсиканской области крестьяне захватили земли монастыря св. Марии (Абрамсон, 1953, с. 183, 189).

В Астуро-Леонском королевстве в 987 г. велась тяжба между пятью крестьянами и монастырем Селанова по вопросу о том, является ли земля их собственностью или держанием, полученным в пользование от монастыря (Корсунский, 1976, с. 66).

В Вестготской правде говорится о конфликте между собственником земли и держателем в связи с тем, что последний самовольно расширил запашку (Корсунский, 1969, с. 85, 95).

Во франкских капитуляриях встречаются прямые указания на то, что вынужденные уступки крестьянами своих наследственных наделов вотчинникам вызывали сопротивление детей или родственников дарителей, а некоторые прекаристы пытались рассматривать свое держание как ялод, за что они наказывались превращением их в колонов с правом сгона с земли за неисполнение повинностей (Неусыхин, 1956, с. 382—384).

В Византии распространенным явлением были судебные тяжбы колонов, оспаривающих права собственности магната на их земли (Лебедева, 1980, с. 94), причем никакие ограничительные меры не могли заставить крестьян отказаться от ведения этих процессов (Cod. Just., XI, 47, 20; 50, 1—2; Nov. Just., LXXX, 1, 2).

В англосаксонских законах говорится, правда, в очень общей форме о нарушении права собственности землевладельцев на леса, о потравках и т. п. (Ine, 43, 1; 49, 1—3; Af, 12).

Многочисленные столкновения между держателями и землевладельцами по поводу общинных прав собственности на лес и пустошь происходили в монастырских вотчинах восточно-франкских областей в IX в. (Erperlein, 1969, S. 153—174).

Борьба за право пользования общинными угодьями, протекавшая внутри вотчины, была повседневной и упорной, так как речь шла о жизненно необходимых для крестьянского хозяйства материальных ресурсах. Результатом этой многовековой борьбы были те соглашения

³ Оно сходно с элементарными видами протеста рабов против эксплуатации со стороны рабовладельца и в то же время имеет аналогии в повседневных проявлениях классового антагонизма между крестьянами и феодалами в период развитого феодализма.

режиме общинных земель, которые заключались в более моздний период (Hilton, 1973, p. 71) ⁴.

К типу социального протеста крестьян более высокого порядка следует отнести борьбу крестьянства в защиту своей свободы или за улучшение своего правового статуса, которая имела специфические особенности в рассматриваемое время. В раннефеодальный период статус свободного человека сохранял реальное значение. Несмотря на известные факты добровольной коммендации, крестьяне, постепенно втягиваемые в феодальную зависимость, вели упорную борьбу за сохранение статуса свободных людей. Они шли на самые крайние меры, вплоть до отказа от собственности на свою землю, для того, чтобы сохранить себе и своим детям свободу (Неусыхин, 1964, с. 107—114).

В лангобардских законах говорится о сговорах альдиев со свободными людьми «в целях достижения свободы» (Liu, § 98, III; Дворецкая, 1977, с. 93).

Свободные крестьяне из окрестностей афонского монастыря Иоанна Колову в Византии жаловались императору Льву VI на попытки превращения их в монастырских париков (еп. Порфирий, 1877, с. 295—297).

На протяжении всего рассматриваемого периода крестьяне использовали любую возможность для сохранения хотя бы элементов свободы. О силе этой тенденции свидетельствует специальный капитулярий Оттона III (996—1002 гг.), в котором говорится о жалобах сеньоров различных рангов, как светских, так и духовных, на то, что их сервы отрицают свой сервильный статус, поскольку господа в течение некоторого времени не принуждали их к выполнению сервильных повинностей ⁵.

Стремление к свободе в раннефеодальный период объяснялось не только желанием избавиться от эксплуатации, улучшить свое материальное положение, оно психологически обострялось тем, что в ближайшем социальном окружении серв или колон мог повседневно наблюдать свободных земледельцев и сравнивать свое правовое состояние с состоянием свободного человека. У некоторых колонов была еще свежа память о собственной свободе или о своем свободном происхождении. Феодальный гнет был им еще непривычен. На этот момент обратил внимание Ф. Энгельс в своей работе «Франкский период» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 517).

В то же время выступления крестьян с целью улучшить свой статус или ограничить повинности были в большинстве случаев неразрывно связаны между собой, поскольку доказательство свободного статуса служило правовым основанием для избавления от обременительных служб, гарантией по возможности благоприятного для крестьянина распределения его прибавочного продукта.

Византийское законодательство рекомендовало господам тщательно хранить документы, свидетельствующие о выполнении крестьянами колонатных повинностей на случай, если те вздумают добиваться по суду признания их свободными (Cod. Just., IV, 21, 19).

Существование специальных формул для ведения тяжб по поводу статуса и повинностей крестьян свидетельствует о частоте подобных случаев в судебной практике Франкского государства (Epperlein, 1969, S. 114).

⁴ Показательно, что главным требованием крестьян, принимавших участие в одном из наиболее значительных восстаний раннего средневековья (в Нормандии в 997 г.), было возобновление их общинных прав на леса и реки (см. ниже).

⁵ Содержание судебных процессов по поводу статуса крестьян во Франкском государстве обстоятельно изложено в кн.: Epperlein, 1969, S. 108—126.

Многokrатно зафиксировано во франкских источниках уклонение крестьян от уплаты церковной десятины (Сар., I, 93, 8; 141, 6; II, 191, 5,7). Пистенский эдикт Карла Лысого (864 г.) констатировал, что королевские и церковные колоны отказываются «возить мергель и другое, неугодное им, ссылаясь на то, что в старые времена мергель-де не вывозился... а также и из ручных работ молотью в ригах справлять не желают... (Сар., II, 273, 29; ср.: I, 155, 10)»⁶.

Известны многочисленные судебные иски крестьян в Венгрии, доказывавших, что они являются свободными людьми и не должны нести повинности или могут распоряжаться своей землей (см. гл. XII).

Уклонение держателей от уплаты оброков в VIII—X вв. было обычным явлением для многих крупных вотчин, и прежде всего монастырских. Например, в Южной Италии крестьяне монастыря Волтурно в течение двух веков (с 779 по 972 г.) пытались доказать свое свободное происхождение и свободный статус и отказывались от барщины и натуральных платежей (Абрамсон, 1953, с. 187—188).

В вотчинных судах Северной и Средней Италии также разбирались конфликты и тяжбы зависимого населения, случаи неисполнения либеллярными повинностей. Интересно, что в каждом либеллярном договоре епископства Лукки указывалось, что в случае неисполнения либеллярием его обязанностей (оставление участка, неплатеж чинша и т. д.) епископ или его посланец могут под угрозой истребования высокого штрафа заставить либеллярия выполнять договор (Котельникова, 1957, с. 94).

Подобные выступления бывали коллективными. Об этом, например, косвенно свидетельствует специальный византийский закон, в котором число ходатаев ограничивается тремя колонами по каждому процессу (Nov. Just., LXXX, 1, 2). Групповой характер носили действия зависимых крестьян аббатства св. Винсента (Южная Италия) из деревни Трита, отказывавшихся от выполнения повинностей и совместно представивших документы, якобы подтверждающие их свободный статус (Epperlein, 1969, S. 114—115). В 828 г. колоны поместья Антуанэ близ Тура, принадлежавшего аббату, подали коллективный иск в королевский суд, доказывая, что с них требуют барщину и оброки сверх их обычных повинностей. Тяжба, однако, была ими проиграна, так как представитель аббата сумел подтвердить его притязания записью обычного права от 801 г. (Recueil des actes, 12, p. 44).

В 847 г. в вотчинной курии Реймского монастыря св. Ремигия слушалось дело группы сервов (22 мужчин и 18 женщин), заявивших, что они имеют свободное происхождение (ex nativitate ingenui), но показаниями свидетелей их сервильный статус был подтвержден⁷. С 882 по 957 г. крестьяне монастыря св. Амвросия (Милан) периодически вели тяжбы с аббатством, стремясь опротестовать свой сервильный статус и ограничить объем многочисленных натуральных и отработочных повинностей, требуемых с них сеньором. Сервы действовали в рамках общинной организации, выступая на суде как коллектив совладельцев и соседей (vicini et consortes) через своих представителей (Hilton, 1973, p. 66—69). В 1039 г. крестьяне из Кастелло де Фракто (Южная Италия) во главе с

⁶ Подробно об этом и о многих фактах аналогичного характера см.: Epperlein, 1969, S. 20—28.

⁷ Об этой и других аналогичных тяжбах см.: Конокотин, 1959, с. 42—43. Об общине зависимых крестьян см.: Котельникова, 1960.

судьей общины, нотариусом и пресвитером обратились в суд с иском против монастыря Монте-Кассино. Суд вынес решение в пользу монастыря и заставил крестьян поручиться, что они будут впредь платить чинш в размере седьмой части урожая за все, что посеют (Абрамсон, 1953, с. 189).

Все рассмотренные выше виды социального сопротивления крестьянства имели экономические цели: улучшить свое материальное положение, укрепить хозяйство, обеспечить за собой распоряжение возможно большей долей созданного своим трудом прибавочного продукта. Поэтому особенно упорно зависимые крестьяне сопротивлялись увеличению наиболее тяжелых для них отработочных повинностей.

Указанные формы крестьянского сопротивления могли быть как индивидуальными, так и коллективными: последние подразумевали наличие некоторых элементов организации. Направлены они были против какого-то одного конкретного эксплуататора и обычно ограничивались рамками отдельной вотчины, ибо экономические интересы крестьян каждой общины, защищаемые в этой борьбе, «были, правда, одинаковые, но именно поэтому и не общие» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 496).

2. Побег и самовольные уходы

Уходы и побег крестьян от своих господ являлись одной из самых обычных форм сопротивления феодальной эксплуатации. Эта форма была распространена повсеместно, побег зависимых людей, наносившие материальный ущерб хозяйству феодалов, были столь многочисленны, что требовали вмешательства центральных властей, которые и сами далеко не всегда могли справиться с этим массовым социальным явлением. Не удивительно, что значительные усилия, предпринятые раннефеодальным государством в этом направлении, нашли свое отражение в законодательных памятниках.

Так, в византийском законодательстве были тщательно разработаны мероприятия против бегства рабов и колонов. Первый императорский эдикт о поимке беглых колонов был издан еще в 332 г. (Cod. Theod., V, 17, 1). В дальнейшем распоряжения о возвращении беглых колонов земельным собственникам неоднократно повторялись [Cod. Just., XI, 67 (68), 3; XI, 48 (47), 22—23 etc.; Nov. Just., LXXX, 1, 2]. Запрещались самовольные переходы колонов от одного земельного собственника к другому: по одной из новелл Юстиниана, в случае невозвращения чужого колона к имени принявшего его землевладельца приписывались для уплаты налогов окрестные пустоши (Nov. Just., XVII, 14). Тем не менее на практике переходы осуществлялись, причем не только в частные и монастырские имения, но и на земли фиска (Lib. Or., XLVIII, 18; Nov. Just., VII, CXXIII, 35; История Византии, 1967, 1, с. 526—527). Реальной перспективой для беглого колона или раба было пополнение рядов чрезвычайно многочисленных в Византии разбойников-скамаров, а позднее апелатов (Дмитрев, 1952, с. 9; Sathas, Legrand, 1875, 2004, 1053, 1060, 1078, 2020 etc.; Рудаков, 1917, с. 223; An. Bol., XI, p. 180). Интересно, что и свободные крестьяне, задавленные налоговым гнетом и долгами, искали спасения от них в бегстве (История Византии, 1967, 1, с. 526; Nov. Just., XXXII, XXXIV; PG, t. 106, col. 957).

В Западной Европе законодательные ограничения в передвижении зависимых крестьян и правила возвращения последних были особенно подробно разработаны в каролингских капитуляриях (Cap., 1, 40, 6; 46,

5; 56, 4; 67, 4; 93, 6; 102, 20; 140, 1; 148, 3; II, 195, 2; 267, 4; 273, 31). Интересно, что, несмотря на все меры, побеги приобрели характер обычных явлений⁸.

Аналогичная картина наблюдалась и в некоторых других раннефеодальных государствах. Например, в Вестготском королевстве целый ряд законов о задержке беглых (с V по начало VIII в.) завершается повелением короля Эгики (687—702 гг.), в которой говорится, что «нет уже ни одного города, бурга, деревни, виллы и уголка, где не обнаруживались бы укрывающиеся несвободные» (L Vis., IX; I, 21; Корсунский, 1969, с. 245—246). Беглые холопы и крестьяне из соседних и отдаленных областей Руси стекались в XI—XII вв. на Дунай. Их называли «бродники» или «берладники». Известно, что в 1159 г. в войске претендента на Галлицкий княжеский стол Ивана Ростиславича было 6 тыс. берладников (Тихомиров, 1975, с. 245—246).

Каково значение бегства как формы социального протеста зависимого крестьянства? Для того чтобы правильно оценить его, необходимо учитывать, с одной стороны, непосредственный результат ухода из поместья для самого крестьянина, а с другой — более отдаленные последствия этого массового явления с точки зрения его воздействия на положение крестьянства в целом. Лишь небольшая часть крестьян бежала в эту эпоху в сохранившиеся от античности или возникавшие вновь города. Некоторые беглые пополняли ряды тех маргинальных слоев (бродяг и разбойников), которые составляли наиболее взрывоопасный элемент, особенно в периоды политических и религиозных кризисов. Однако основная масса беглых в условиях раннего средневековья, когда имелось еще много свободных земель, находила себе применение в земледелии (Korsunskij, 1975, S. 205—206).

В любом из этих случаев самый факт бегства крестьян наносил ущерб хозяйству феодала, лишая его столь дефицитной в ту эпоху рабочей силы. Предотвратить или сократить ее утечку при наличии благоприятных условий для внутренней и внешней колонизации (начиная с VII в.) возможно, удавалось вотчиннику, который отказывался от притязаний, наиболее одиозных для крестьян и провоцировавших их побеги, иными словами, снижая уровень феодальной эксплуатации в своем поместье.

Во многих странах Западной и Центральной Европы в это время формируется за счет крестьян-новопришельцев слой госпитов, находившихся в лучших условиях, чем старые держатели тех же вотчин, а в некоторых случаях и вовсе свободных от повинностей.

В областях, подвергшихся в VIII—X вв. опустошительным набегам и завоеваниям норманнов, арабов и венгров, госпиты составили значительную часть сельского населения. Прослойка госпитов заняла, в частности, важное место в структуре крестьянства Нормандии в X в. Здесь госпиты предоставлялись индивидуальные и коллективные привилегии, освобождение от барщины, обеспечивалось лучшее правовое положение. Повинности госпитов ограничивались оброком, их имущество после смерти поступало наследникам без всякого обложения (Бартенев, 1940, с. 118—119). В Бретани, обезлюдившей в результате многочисленных набегов скандинавских и нормандских викингов, а также кровопролитной борьбы против нормандской оккупации, герцог Алан Кривобородый, с целью

⁸ Многочисленные свидетельства источников о бегстве сервов и зависимых крестьян во Франкском королевстве см. в кн.: *Epperlein*, 1969, S. 29—42.

привлечь крестьян из соседних франкских областей, издал в 946 г. закон, освобождавший всех переселенцев-сервов и вольноотпущенников от всякого тягла (Шевеленко, 1961, с. 24; 1968, с. 242—243). Наличие в Нормандии и Бретани значительного слоя госпитов, вообще не знавших личной зависимости, способствовало постепенному исчезновению серважа в этих областях.

Таким образом, бегство было эффективной формой социальной борьбы раннефеодального зависимого крестьянства. Если рассматривать не отдельные факты, а явление в целом, то станет очевидной его роль в уменьшении у части зависимых крестьян наиболее тяжелых повинностей и его косвенное положительное воздействие на статус всего зависимого крестьянства (Korsunskij, 1975, S. 206—207).

3. Локальные вооруженные выступления

Прямые и косвенные данные источников свидетельствуют о том, что социальная напряженность в деревне нередко выливалась в открытые враждебные действия. Особое внимание уделялось в законодательстве актам насилия по отношению к королевским или княжеским должностным лицам. В актах индивидуального террора против этих лиц выражалось сопротивление крестьян органам формировавшегося раннефеодального государства. В варварских правдах существовали специальные таксы штрафов и наказаний для лиц, виновных в избитии или убийстве представителей высшей королевской администрации, а также управляющих королевскими имениями (L Burg., LXXVI, 1—4; L Sal., LIV, 1—3; Ine, 6; 6, 2; 6, 3; Af., 7; 36; G., 170; F., IV, 57). Это указывает на распространенность подобного рода фактов. «Правда Ярославичей» охраняла чрезвычайно высокими вирами жизнь княжеских мужей («огнищан») и тиунов (Черепнин, 1952, с. 89—99). Источники свидетельствуют и об открытом неповиновении, о вооруженных конфликтах и даже об убийстве людьми своих господ (Ro, § 13; Liu, § 24, 92, 138; Ine; 45; Af., 4, 2, 40; II As., 4; Удальцова, 1959, с. 202). И это неудивительно: рост преступности, отмечающийся в раннефеодальный период, был в немалой степени связан с имущественным оскудением значительной части свободного крестьянства. Пытаясь избавиться от феодальной эксплуатации или от ее угрозы, некоторые свободные и зависимые крестьяне выбирали (зачастую вынужденно, вследствие уже совершенного преступления или побега) жизнь человека вне закона и вне общества, вставали на путь грабежа и разбоя (Неусыхин, 1955, с. 117).

Разбой, не будучи социальным движением в собственном смысле слова, есть несомненный симптом социального брожения в крестьянской среде, проявление назревшего в ней протеста, готовности к вооруженной борьбе (Hobsbawm, 1974, p. 149—153). Самый факт существования большого числа вооруженных банд достаточно показателен: он говорит о распространенности подобного выражения неприятия социальной действительности.

О наличии значительного числа бездомных и нищих людей, стоящих вне закона и представляющих собой контингент для вооруженных банд, имеются указания в Салической правде (L Sal., IV, 1, 9). Законы Инэ называют группу «нарушителей мира», насчитывавшую более 7 человек, «бандой», а свыше 35 — войском» (Ine, 13, 1; ср.: Ine, 14, 15). В эдикте Ротари говорится об организованных убийствах лиц, находившихся на королевской службе. В Лангобардском королевстве организация

нападения на судью группы в четыре человека и более квалифицировалась как мятеж (Ro, § 14, 17; Ratch, 10). «Правда Ярославичей» назначала повышенные штрафы за коллективные «грабежи» с участием 10—18 человек (Черепнин, 1952, с. 95).

Известны многократные упоминания в каролингских капитуляриях VIII—IX вв. о всевозможных злоумышленниках, разбойниках, убийцах, преступниках, расхитителях, грабителях, поджигателях (malefactores, latrones, homicidae, incestus, garaces, raptores, incendiarii) и т. д. (Сар., I, 20, 23; 27; II, 267; Конокотин, 1959, 42—43). В капитулярии Людовика Немецкого (850 г.) идет речь «о злонамеренных людях, которые сговариваются между собой и переходят из одного графства в другое», совершая нападения и грабежи в селениях, на дорогах и в лесах (Сар., II, 213, 2). В капитулярии от 853 г. говорится об участниках союзов, называющихся на немецком языке «hegizurh», которые вторгаются в иммунитетные территории, совершая поджоги, убийства и ограбления домов. Здесь же предусмотрены наказания для свободных и колонов, уклоняющихся от поимки разбойников (Сар., II, 260, 3, 5).

Наличие в определенном районе вооруженных отрядов разбойников, пополнявшихся в значительной мере за счет беглых или уцелевших участников подавленных крестьянских бунтов, создавало благоприятную почву для новых мятежей, а в определенных условиях обеспечивало массовый характер крупных восстаний. Именно такие люди составили основу военных отрядов биркебейнеров на первом этапе этого движения, а также восстаний слиттугов в 1218 г. и риббунгов в 1219—1220 г. в Норвегии (Гуревич, 1967, с. 206—210, 238—240).

Коллективные вооруженные выступления свободных и зависимых крестьян против господ и представителей складывавшегося государства были далеко не исключительным явлением в рассматриваемый период. Эдикт Ротари фиксирует совместные мятежи зависимых и свободных жителей лангобардских сел в ответ на попытки господ отобрать у крестьян их имущество. В законах Лютпранда упоминаются массовые, сопровождавшиеся кровопролитием сельские мятежи, причиной которых служили споры о землях, лугах, лесах, виноградниках, пустошах, захваченных под обработку (Ro, § 19, 279, 280; Liu, § 134, V; Дворецкая, 1977, с. 98). О совместном участии свободных и сервов в вооруженных выступлениях свидетельствуют положения вестготских законов, предусматривающие телесные наказания для обеих категорий их участников (L Vis., VIII, 1, 3).

Имеются отрывочные сведения о восстании сервов или либертинов в Астурии, подавленном королем Аурелио в VIII в. (Корсунский, 1976, с. 96).

В капитуляриях Карла Великого и Людовика Благочестивого (с 70-х годов VIII в. до середины IX в.), относящихся главным образом к территории будущей Франции и отчасти Италии, постоянно упоминаются тайные союзы и заговоры (gildones, coniurationes, conspirationes, adulationes, obligationes), направленные против представителей светской власти и церкви (Сар., I, 20, 16; 22, 29; 23, 25—26; 28, 31; 44, 10; 148, 7; 158, 4; II, 248, 5 и др.). Особо жестоко карались сообщества, в результате деятельности которых было совершено какое-либо «зло» (Сар., I, 44, 10). А. И. Неусыхин вполне обоснованно предполагал, что под этим «злом» подразумевались какие-то конкретные, реальные выступления крестьян против феодального гнета, участниками которых были не только сервы, но и свободные, а известный капитулярный Людовика Благочестивого (821 г.), запрещающий заговоры сервов во Фландрии, Мес-

лиско и других приморских областях, имеет в виду настоящие восстания сервов в этих районах (Сар., I 148, 9; Неусыхин, 1956, с. 399—400) *.

В каролингских источниках имеются и прямые свидетельства о вооруженных волнениях зависимых крестьян. В начале 80-х годов VIII в. вспыхнул бунт зависимых крестьян аббатства Сен-Аманда (Erperlein, 1969, S. 46). Крестьяне из деревни Цельт (Сельт) Реймского диоцеза, мятежный дух которых проявился еще в VI в., когда они сожгли скирды господского хлеба, в правление Карла Великого вновь выступили против своего сеньора — Реймского монастыря св. Ремигия и убили викария, управляющего поместьем. Карл лично подавлял мятеж (Конокотин, 1959, с. 47—48). Фульдские анналы сообщают о бунтах зависимых людей (*homines*) Майнцского епископства в 848 и 866 гг. (Ann. Fuld., S. 365). Коллективный и организованный характер носили выступления южноитальянских крестьян. В 999 г. сервы гастанского епископства, объявив себя свободными людьми, взбунтовались против своего сеньора. Лишь после вмешательства Оттона III епископу удалось вновь подчинить сервов областей Гаэты, Трайетто и Ардженто своей власти (Абрамсон, 1953, с. 189). Начиная с 1115 г. и до 90-х годов XII в. неоднократно вспыхивали крестьянские волнения на землях монастыря Монте-Кассино. Восставшие крестьяне разных общин объединялись и даже направляли своих представителей к императору (Абрамсон, 1954, с. 65—67).

Интересно, что в ряде случаев имеются указания на смешанный состав участников восстаний. Такие конфликты возникали, очевидно, когда делались какие-то попытки распространить феодальную эксплуатацию и на свободное население деревни, при этом острую коллективную реакцию могло, скорее всего, вызвать ущемление общинных прав на угодья. В подобных случаях, видимо, складывалась ситуация, в которой свободное крестьянство, боровшееся против перспективы превращения в феодально-зависимых крестьян, неизбежно объединялось с последними, выступавшими против усиления феодальной эксплуатации, и даже возглавляло их.

Локальные вооруженные бунты, сопровождавшиеся актами насилия над сеньорами или их управляющими, так же, как рассмотренные выше формы борьбы крестьян, были ограничены по своей социальной направленности. Они не выходили за рамки внутривотчинного конфликта, однако открыто враждебный и насильственный характер подобных выступлений говорит о росте напряженности в отношениях между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

Репрессивные меры со стороны центральной власти не могли устранить возможность образования и расширения небольших, но незатухающих очагов вооруженного сопротивления, готовых при определенных условиях положить начало настоящему восстанию, отличавшемуся от локальных мятежей более крупным территориальным охватом, длительностью, массовостью, а также в целом ряде случаев наличием определенной программы.

4. Восстания

Большинство рассмотренных выше крестьянских выступлений носило локальный, ограниченный характер, поскольку на практике они представляли собой борьбу с конкретным сеньором. Совершенно иначе обстояло

* Примечательно, что М. Блок также ставил «заговор сервов» во Фландрии в 821 г. в один ряд с крупными крестьянскими восстаниями средневековья (Блок, 1957, с. 229).

дело, когда крестьянство сталкивалось с силами социального подавления, действие которых, будучи распространено на самые широкие массы, фокусировало их сопротивление, придавая известную общность их интересам. Такой силой в раннефеодальный период «становится государственная власть, возникающая не из их среды, а враждебно им противостоящая и все более их эксплуатирующая» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 496). Раннефеодальное государство, формирование которого обгоняло процесс классового образования, так как было ускорено потребностями организации завоевания и осуществления функций подавления покоренного населения, выступило пионером в становлении отношений господства и подчинения, присваивая прибавочный продукт непосредственных производителей в виде дани, налогов, реквизиций и повинностей¹⁰. Поэтому наиболее крупные восстания в период генезиса феодализма были направлены против возникающего раннефеодального государства, осуществлявшего эксплуатацию покоренного свободного и несвободного населения, а позднее — и широких слоев свободных общинников.

Взимание или увеличение дани, налогов, штрафов и других государственных поборов — одна из наиболее распространенных побудительных причин восстаний крестьянства на ранней стадии генезиса феодализма. В регионах романо-германского синтеза происходили восстания против распространения на свободных германцев или повышения налогов, взимаемых по римским образцам¹¹. В Византии наличие развитого и централизованного государственного аппарата обусловило особую интенсивность антиналоговых и антиправительственных выступлений на протяжении всего раннефеодального периода¹². В VII—X вв. имели место многочисленные антиналоговые восстания славянских племен в Балканской Греции. Крупнейшим антиправительственным движением в Византии было восстание Фомы Славянина (821—825 гг.) (см. гл. XIII).

Интересно, что рецидивы ранних антиналоговых движений наблюдаются на территориях бывшей Западной Римской империи, подвергшихся византийскому завоеванию. К таким выступлениям несомненно относятся восстания широких народных масс итальянских фем под руководством лангобардского знати против податного гнета константинопольских императоров и притеснений византийских чиновников¹³.

Для регионов бессинтезного развития были характерны наиболее архаичные формы, когда выступления общинников возглавлялись представителями местной верхушки родо-племенного происхождения и сохранившимися органами «военной демократии». Такой характер носило восстание древлян в 945 г. в ответ на увеличение размеров дани киевским князем Игорем, расцененное как грубое нарушение обычая (см. гл. X), а также восстания норвежских бондов в X—XI вв., добивавшихся ограничения поборов и «кормлений» — «вейцл» традиционными нормами «древних обычаев» (Гуревич, 1967, с. 124—129, 196—199).

¹⁰ О многообразных функциях раннефеодального государства в процессе превращения различных слоев непосредственных производителей в феодально-зависимых крестьян см. гл. XIV.

¹¹ Например, хорошо известны в исторической литературе антиналоговые бунты во Франкском королевстве в VI в., описанные Григорием Турским (Hist., III, 30; V, 28; VII, 15). Такого же рода восстания крестьян происходили в 70-е годы VI в. в Южной Испании (Корсунский, 1969, с. 245—247).

¹² О специфике антифеодальных выступлений византийского крестьянства см. Удальцова, 1977.

¹³ Об антивизантийских восстаниях в Апулии и Калабрии в 887, 920, 948—955 гг. см.: Абрамзон, 1959, с. 190—193.

Для ранней стадии генезиса феодализма характерен еще один вид движений, отличавшийся большой архаичностью. Это движения против внешней феодальной экспансии¹⁴ и насильственной христианизации, борьба за независимость, в которой местная племенная знать и широкие слои свободных общинников выступали совместно против чужеземных завоевателей и христианской церкви, несших с собой феодальную эксплуатацию. Именно к этому типу относятся восстания саксов (конец VIII — начало IX в.) против франкских завоевателей, насаждавших в завоеванных областях каролингские порядки (Erperlein, 1975, S. 211 f.). Серия освободительных народных восстаний против франкских феодалов в Бретани в 811, 814, 818, 822 гг. завершилась в условиях раздела Каролингской империи образованием отдельного герцогства (Шевеленко, 1962, с. 11). К аналогичным движениям, с учетом, конечно, различий в характере завоевания, можно отнести также восстание в Великой Моравии (начало 70-х годов IX в.), где широкие массы населения, в том числе местная знать, сплоченно выступили против немецких завоевателей и изгнали их (История Чехословакии, 1956, т. 1, с. 56—57); восстания полабских славян (лютичей и бодричей) против экспансии немецких феодалов в 983, 990—995 гг. (Erperlein, 1975, S. 214—215; Королук, 1962, р. 178); восстание пруссов в 1242—1249 гг., направленное против немецких рыцарей, а также борьбу других прибалтийских народов против немецкой агрессии (Пашуто, 1959, с. 325; Грацианский, 1943, с. 48—56).

Всеобщность, всенародность является специфической чертой этих мощных восстаний, основной движущей силой которых были массы свободных общинников. Но с течением времени и при благоприятных условиях завоевателям удавалось использовать внутренние противоречия между различными этническими группами и социальными категориями местного населения для ослабления силы его сопротивления и постепенного включения в систему раннефеодальной эксплуатации.

Наконец, третий вид движений первого этапа генезиса феодализма направлен против государственной христианизации. К числу крупнейших движений этого вида относится восстание 866 г. в Болгарии, когда народ во главе с недовольной родовой аристократией — боярством выступил против «отступника от чести и славы отцов» — князя Бориса I, который дал «дурной закон» (Гюзелев, 1969, с. 102—122).

В X в. широкое языческое движение имело место в Чехии при Вацлаве (История Чехословакии, 1956, т. 1, с. 64).

В Норвегии бонды в X — начале XI в. оказывали упорное, в том числе и вооруженное, сопротивление конунгам, начиная с Хакона Доброго и кончая Олавом Харальдссоном (Святым), пытавшимся ввести христианство (Гуревич, 1967, с. 196; 1977, с. 213—226). В этих восстаниях выступало все население под руководством местной верхушки, связанной со жреческими функциями. Бонды видели в крещении угрозу их традиционному жизненному укладу и независимости. Они боролись против христианизации под лозунгом неприкосновенности старинных обычаев и вольностей.

Аналогичный характер, но осложненный борьбой против чужеземного влияния, имело восстание лютичей и бодричей в 1066 г., возглавленное старой языческой знатью и направленное против христианской церкви и

¹⁴ Феодальная экспансия с точки зрения социологической означает перенесение более развитых общественных и политических структур (отношений феодального господства и подчинения, государственных органов подавления) на общество, переживающее стадию разложения родо-племенного строя.

князя Готшалка, ревностно насаждавшего христианство. Князь был убит. Восставшие разрушили Гамбург и Шлезвиг, убивали епископов и священников (Королюк, 1947, с. 351—355). По словам Гельмольда, славяне «с таким упорством старались отстоять свою свободу, что предпочитали лучше умирать, чем снова принимать христианство и платить дани саксонским князьям» (Гельмольд, с. 78—79).

В раннефеодальный период, характеризующийся разрывом процесса классового образования, открытая вооруженная борьба крестьянства приобретает качественно новые черты. На данной стадии общественного развития специфической формой социального протеста свободных, полу-

Восстание крестьян на Белоозере 1071 г. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в. с иллюминированного протографа первой половины XIII в. Рисунок иллюстрирует текст о столкновении повстанцев в лесу с дружиной боярина Яна Вышатича. Крестьянин в короткополой одежде замахивается на Яна топором; последний изображен в длиннополой одежде с обнаженной саблей (мечом?). Справа пленных повстанцев призывают к деревьям

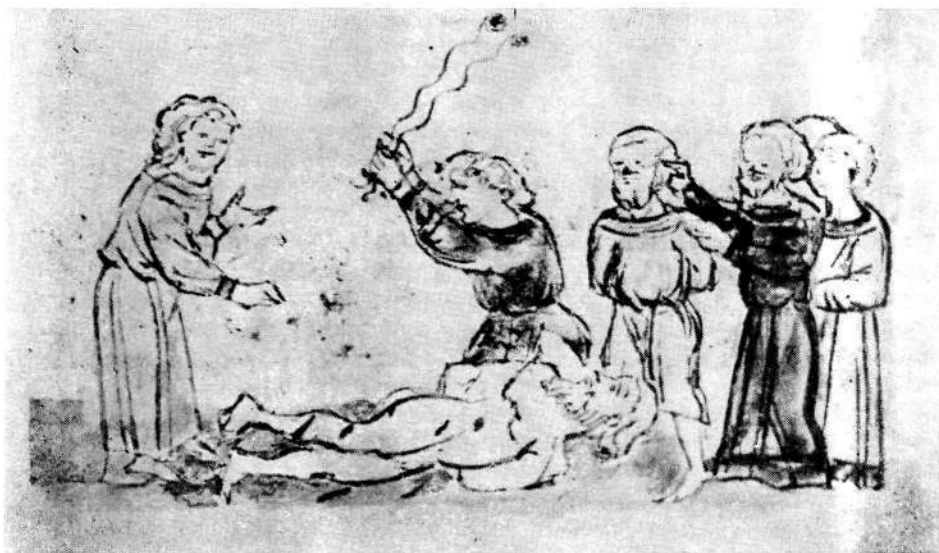
свободных и несвободных земледельцев¹⁵, процесс слияния которых в будущий класс феодально-зависимого крестьянства еще только начинался, становится движением, в котором выступления против государственной власти, как правило, переплетаются с выступлениями против феодализирующей светской знати и церковной иерархии. Эти восстания проходили обычно под лозунгом возврата к «старым обычаям» и к «верам предков».

Наиболее крупным крестьянским выступлением во Франкском государстве явилось восстание Стеллинга в Саксонии в 841—843 гг.¹⁶ Основ-

¹⁵ Необходимо иметь в виду, что наряду со свободными общинниками и зависимыми крестьянами недавнего происхождения большую роль в складывании крестьянства как класса сыграли несвободные варварского и в соответствующих регионах римского происхождения.

¹⁶ Восстание Стеллинга привлекло особое внимание исследователей, занимающихся аграрной историей раннего средневековья. В настоящее время можно конста-

ную массу восставших составили фрилинги, т. е. свободные члены саксонского племени, частично впадшие в зависимость. Они выступили вместе с полусвободными — литами и «изгнали из страны почти всех своих господ», в число которых входили франкские — светские и духовные — феодалы и представители верхушки саксонской знати — эделингов, постепенно превращавшихся в собственников вотчинного типа. Протест народных масс против начавшегося в Саксонии (в конце VIII — начале IX в.) процесса феодализации был использован Лотарем в борьбе против Людовика II. Лотарь, желая заручиться поддержкой фрилингов и литов, обещал им восстановить порядки и обычаи их предков времен язычества.

Восстание крестьян на Белоозере 1071 г.
Миниатюра Радзивилловской летописи XV в. с иллюминированного протографа
первой половины XIII в.
Рисунок иллюстрирует текст о наказании повстанцев — битьем плетью

Саксы восстали и, изгнав господ, стали «жить по старине». Восстание было подавлено Людовиком Немецким, однако в 842 г. Стеллинга вновь выступили против своих господ, но были разгромлены в кровопролитном сражении¹⁷.

Против феодализирующей племенной верхушки («старой чади», «лучших людей» и усиливавшейся княжеской власти) были направлены

тировать наличие в марксистской исторической литературе двух точек зрения по поводу состава участников этого восстания и его места в истории классовой борьбы. Некоторые ученые считают, что все участники восстания были феодально-зависимыми крестьянами, и причисляют его к классовым конфликтам зрелого феодализма (Herrman, 1971, S. 771 f.; Bartmuß, 1962, S. 1591 f.). По мнению А. И. Неусыхина, которое разделяется и нами, восстание Стеллинга было направлено против самого установления феодального строя, а движущей силой его были свободные и полусвободные саксы, т. е. социальные категории, унаследованные от «дофеодального» периода (Неусыхин, 1956, с. 222—223; 1955, с. 118—121; 1974, с. 5—21; см. также: Erperlein, 1969, S. 50—58; Müller-Mertens, 1972, S. 818—842).

¹⁷ Анализ источников, условий и хода восстания см. в упомянутых выше работах А. И. Неусыхина.

восстания свободных крестьян-смердов на Руси в 1024 и 1071 гг., проходившие под руководством волхвов и имевшие отчетливый языческий оттенок (см. гл. IX).

В 1037—1038 г. в обстановке ожесточенной борьбы между различными группировками знати и центральной властью вспыхнуло восстание свободных и зависимых крестьян в Польше. Движение было направлено против бояр и католического духовенства. Это крупное антифеодализационное движение получило, вследствие сложного международного положения страны, находившейся в состоянии длительного конфликта с Чехией, Русью и Германией, широкий резонанс, о нем писали хронисты

Восстание крестьян на Белоозере 1071 г. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в. с иллюминированного протографа 1-й половины XIII в. Справа с высоко поднятой саблей Ян Вышатич. Рисунок иллюстрирует текст о наказании повстанцев отсечением головы

всех соседних государств. Поход Бржетислава I Чешского на Гнезно в 1038 г. и захват им значительной части Силезии с Вроцлавом, а также дальнейшее распространение восстания, побудили немецких феодалов оказать военную помощь польскому королю Казимиру. В конце 1038 или начале 1039 г. восстание в Великой и Малой Польше было подавлено. Восстание в Мазовии, где местная знать использовала выступление крестьянства против начавшейся там христианизации и отложилось от Древнепольского государства, было ликвидировано только в 1047 г. с помощью Ярослава Мудрого (Королюк, 1957, с. 175—182).

В 1046 г. восстало венгерское крестьянство. В борьбе между сторонниками короля Петера и Эндре I массы вооруженных крестьян под предводительством Ваты выступили на стороне последнего, предварительно заручившись его согласием на отмену налогов, разрушение церквей, восстановление язычества и истребление духовенства, а также сборщиков десятины. Однако, захватив престол, Эндре разгромил кре-

стьян. В 1061 г. в стране вновь вспыхнуло восстание «всех крестьян и сервов со всем плебсом Венгрии» под руководством Яноша, сына Ваты. Крестьяне собрались в столице, выбрали и направили к королю представителей с просьбой разрешить им «по обычаю отцов жить в язычестве». Король, выиграв время и собрав силы, жестоко расправился с восставшими (История Венгрии, т. 1, с. 118—119).

Особый характер имело Нормандское восстание 997 г., которое явилось крупнейшим движением X в. в Западной Европе¹⁸. В Нормандии в 997 г. крестьяне выступили против установленных при Ричарде I (962—996 гг.) монополий герцогов на леса и воды (Серовайский, 1980, с. 58—67). Крестьяне (*rustici*) различных графств Нормандии «решили жить согласно своей воле» так, чтобы пользоваться лесами и водами на основе «своих законов», т. е. прав общины на альменду. Они устраивали тайные сборища (*conventicula*), избирали по два делегата на собрание всей страны (*mediterraneum conventum*) с тем, чтобы утвердить на нем свои наказания. Граф Рауль, посланный герцогом Ричардом II против крестьян с крупным военным отрядом, жестоко расправился с наиболее активной частью восставших, а остальные «вернулись к своим плугам» (Бартенев, 1940, с. 117—128). Обращает на себя внимание четкая организация восстания, не характерная и для рассматриваемого периода и для средневековья в целом. Идея местного и общего собрания возможно была отголоском еще не забытой практики областных и племенных собраний норманнов. Способность нормандского крестьянства к организованным действиям в масштабах герцогства, интенсивность его сопротивления расширению и углублению феодализационного процесса, не могли не сказаться на его течении. Особенности развития Нормандии в IX—X вв., включая и фактор реальной опасности мощных крестьянских движений, подготовили почву для полного исчезновения здесь серважа уже в XI в.

Попытки светских и особенно духовных феодалов Бретани — после того как последствия нормандской оккупации были изжиты — возобновить в прежних масштабах эксплуатацию сельского населения послужили причиной восстаний бретонских крестьян в начале XI столетия. Восстание началось в 1008 г. с протеста против введения герцогом чрезвычайного набора, а после убийства герцога Жоффруа движение распространилось по всей Бретани. Многие замки феодалов были уничтожены, знать перебита. Но отряды крестьян действовали порознь. К 1013 г. в большинстве мест восстания были подавлены рыцарским ополчением. Однако в 1024 г. по всей Бретани опять вспыхнуло крестьянское восстание, в ходе которого почти полностью были разгромлены монастыри. Подавление движения крестьян в 1024 г. имело следствием укрепление власти баронов и усиление феодальной раздробленности. Одновременно в XI в. резко возрастает число грамот, освобождающих крестьян от личной зависимости (Шевеленко, 1962, с. 12—14; 1968, с. 249—250).

В 1161 г. в Южной Италии произошло крупное антиналоговое восстание широких слоев свободного и зависимого крестьянства, которое удалось использовать антиправительственным группировкам знати в интересах внутривластной борьбы. Участвовавшие в беспорядках в столице и во взятии дворца крестьяне уничтожили хранившиеся там списки несвободных и записи их повинностей. Вильгельм I, стремясь упрочить свое положение, обещал народу «полностью отменить введенные в его время

¹⁸ О различных трактовках этого восстания в исторической литературе см.: Серовайский, 1980, с. 53—76.

III. Крестьянство в раннефеодальном обществе

обычай, которые уменьшают надлежащую свободу народа или же обременяют его слишком большими тяготами». В 1168 г. вспыхнуло еще одно антиналоговое восстание, участники которого, свободные крестьяне Сицилии, «защищая свободу всех сицилийцев», в частности, заявили, что последние не обязаны платить никаких оброков и поборов, но лишь в случае крайней необходимости добровольно несут сеньору службу в том объеме, в каком они сочтут это желательным (Абрамсон, 1951, с. 69—70).

В середине XI в. полоса массовых вооруженных выступлений прокатилась по всей Англии. В 1040 г. король Хардакнут назначил небывало высокий для мирного времени побор на содержание флота (в 6 раз превышающий обычный). Тяжесть податей для крестьянства усилилась тем, что этот год был неурожайным. В результате вспыхнул мятеж против сборщиков налога в Вустершире, для подавления которого Хардакнут организовал крупную экспедицию эрлов Миддлсекса, Мерсии, Уэссекса, Нортумбрии и Герефорда с их военными дружинами. Каратели разорили город Вустер и опустошили всю округу (*Anglo-Saxon Chronicle* p. 160—163; *Florence of Worcester*, p. 144).

В канун Нормандского завоевания и в ходе его главной ареной социальной борьбы стали области «датского права», где вследствие замедленности процесса феодализации сохранилось значительное число свободных крестьян. В 1065 г. они приняли участие вместе с тэнами Йоркшира и Нортумберленда в восстании против эрла Нортумбрии Тостига, которому были предъявлены обвинения во введении новых несправедливых законов и чрезмерных податей, а также в лишении многих людей земли и жизни. Восставшие объявили Тостига вне закона, расправились с его дружинниками, захватили его запасы оружия и казну. Движение было вскоре возглавлено соперничавшими с Тостигом эрлами. Восставшие двинулись на юг, где к ним присоединились люди из Линкольншира, Ноттингемшира, Дербишира и Уэльса. В результате переговоров король был вынужден исполнить требования мятежников, в числе которых было возобновление «законов короля Кнута» (*Anglo-Saxon Chronicle*, p. 190—193).

В течение пяти лет после битвы при Гастингсе в разных концах Англии в ответ на массовые конфискации земли у англосаксов вспыхивали антинормандские восстания. Самым крупным из них было всеобщее восстание в Йоркшире в 1069 г., которое возглавила англосаксонская знать. Йоркширское восстание вызвало цепную реакцию выступлений в Дорсете и Сомерсете, Стаффордшире и Южном Чешпире. Однако все эти мятежи были разгромлены. Нормандские войска разделились на отряды, которые, «прочесывая» Йоркшир, сжигали деревни и уничтожали их жителей. Йорк был сожжен, а вся округа так разорена, что опустошительные последствия нормандских карательных экспедиций ощущались не только через 17 лет, когда составлялась «Книга Страшного суда», но и гораздо позже, в середине XII в.⁴⁹

В 1073—1075 гг. основная масса свободного населения Саксонии поднялась против доминальной политики Генриха IV, затрагивающей жизненные интересы всех его слоев. Восстанию предшествовал заговор князей, которые впоследствии сумели привлечь на свою сторону свободное саксонское крестьянство, стоявшее перед угрозой потери личной свободы и превращения в зависимых держателей королевских министералов. Последние не только вносили с крестьян натуральные поставки,

⁴⁹ Наиболее подробное описание восстания 1069 г. см.: *Douglas*, 1964, p. 218—222.

но и требовали несения барщины, а также уплаты оброков за пользование лесами и полями в королевском домене. Кроме того, свободное крестьянство было недовольно нарушением саксонских «вольностей», которые выражались в особенностях судопроизводства, наследственного права и сословной структуры, сохранивших пережитки родо-племенного строя. Зависимые крестьяне, подвергавшиеся в новой обстановке усиленной эксплуатации, также включились в движение. На первом этапе восстания (до февраля 1074 г.) саксонские феодалы использовали массовые выступления крестьян и добились удовлетворения королем своих требований. Однако на втором этапе восстания саксонское крестьянство, будучи самой решительной его силой, выступало уже самостоятельно (разрушение крепости Гарцбург, сражение крестьянского ополчения с королевскими войсками на р. Унструт) (Колесницкий, 1968, с. 21—78; Неусыхин, 1974, с. 21—32; Müller-Mertens, 1975, S. 237—246).

Сложный характер носило движение биркебейнеров в Норвегии, которое представляло собой серию крестьянских восстаний в ходе гражданских войн последней четверти XII — начала XIII в.

Это было широкое движение, охватившее разные слои бондов: как тех, которые боролись против угрозы потери земли и превращения в лейлендингов, так и тех «могучих» или «лучших» бондов, которые стремились стать собственниками феодального типа. Движение было направлено против феодализировавшейся государственной организации и группировавшейся вокруг нее служилой знати. На первом этапе главной движущей силой были деклассированные элементы, отряды бродяг и разбойников, но впоследствии, апеллируя к «старым обычаям», к «законам святого Олава», самозванец Сверрир привлек на свою сторону зажиточных, «крепких» бондов, которые и составили социальную базу его монархии; порвав с крестьянским движением, он принял участие в подавлении новых восстаний бондов против переродившихся биркебейнеров, самым крупным из которых было антиналоговое восстание 1200—1201 г. в Вике (Гуревич, 1967, с. 201—246).

Рассмотренные крупные крестьянские выступления раннего средневековья с известной долей условности можно отнести к трем типам:

1) народные движения ранней стадии генезиса феодализма, когда все слои населения выступают против внешней феодальной экспансии или формирующейся территориально-государственной организации и группировавшихся вокруг нее сил;

2) крестьянские движения раннефеодального периода, в которых массы свободных и зависимых крестьян выступают против феодализировавшейся старой и новой знати, а также против государства и церкви, причем эти направления борьбы, как правило, переплетаются и объединяются лозунгом «возврата к старине». По своему составу и целям это крестьянские движения, несмотря на то, что их могли использовать в своих политических интересах отдельные представители или группировки формирующегося господствующего класса. Это восстание Стеллинга в Саксонии, восстания на Руси, в Польше и Венгрии в XI в. В Византии, где роль государства в эксплуатации крестьянства была особенно велика, ему почти всегда приходилось вести борьбу одновременно против правительства и представителей феодализировавшейся знати, например во время восстания Фомы Славянина (Удальцова, 1977, с. 63; см. гл. 13);

3) народные движения конца раннефеодального периода, представлявшие собой последние попытки сопротивления утверждающемуся феодализму, могли являться как собственно крестьянскими восстаниями

(иногда лишь на определенном этапе, но со своими особыми задачами), так и составной частью более широкого общественно-политического движения (в тех странах, где публично-правовая эксплуатация крестьянства имела перевес над частновотчинной). Это восстания в Нормандии, Бретани, Саксонское восстание 1073—1075 гг., восстания в Южной Италии, Англии, движение биркебейнеров в Норвегии.

Восстания всех трех типов имели значительный размах, охватывали обширные районы, были в ряде случаев довольно длительными. Все они терпели поражение, однако их значение в истории той или иной страны определялось вовсе не этим фактом. Историческая роль восстания Стеллинга, например, заключалась в том, что оно частично способствовало замедленности и неполноте на данном этапе процесса феодализации в Саксонии (Неусыхин, 1974, с. 21). Аналогичную роль сыграли и восстания норвежских бондов в X—XI вв., и восстания на Руси в XI в., и многие другие крестьянские выступления первого и второго типов, которые оказали несомненное воздействие на условия и ход процесса феодализации.

Несколько по-иному можно было бы оценить значение восстаний третьего типа в Бретани и Нормандии (Шевеленко, 1962, с. 14), Саксонии (Неусыхин, 1974, с. 31—32), Норвегии (Гуревич, 1967, с. 244—245) и других странах. Они объективно сыграли огромную роль в углублении и кристаллизации феодальных отношений, совершенствовании форм эксплуатации, ускорении консолидации господствующего класса и феодального государства, укреплении органов внеэкономического принуждения. Иными словами, несмотря на свою субъективно-консервативную направленность против феодализационного процесса, крестьянские движения объективно внесли свой вклад в реализацию сложившихся социально-экономических тенденций созревания и прогрессивного развития феодальной формации. В то же время для самого крестьянства они могли в какой-то мере временно облегчить конкретные условия феодализации.

5. Еретические и антицерковные движения

Крестьянская борьба осуществлялась и в форме религиозного протеста^{20—21}. При этом в зависимости от конкретной исторической ситуации оно выступало в виде явлений так называемой «массовой апостазии», или отступничества от христианского вероучения уже после формального крещения, в виде «антиавторитарных» выступлений народных проповедников, «лжесвятых» и «лжепророков», с присущими им эсхатологическими мотивами и элементами дохристианских культов (Гуревич, 1975, с. 159—185), и, наконец, в виде идейно обоснованного отклонения от ортодоксальной церковной доктрины внутри христианства, т. е. собственно ереси²².

^{20—21} Об этом в более широком социальном контексте см.: *Корсунский*, 1981, с. 73—75.

²² О ранних ересь в советской историографии писала Н. А. Сидорова (1953, с. 59—99). В западной историографии ранние ереси специально исследовал убежденный сторонник «чисто религиозной» интерпретации ересей Дж. Рассел (*Russel*, 1965) и отчасти его последователь М. Ламберт (*Lambert*, 1977). Небольшой экскурс в раннее средневековье делает и Н. Кон (*Conn*, 1970). Гораздо лучше изучены ранние восточные ереси. Наиболее важные работы: *История Византии*, 1967, 1, с. 267—281; *Липшиц*, 1961, с. 132—211; *Ангелов*, 1969; *Лооз*, 1974.

Религиозные идеи, враждебные официальной церкви, иногда возникали непосредственно в народной, в частности крестьянской, среде и распространялись выходцами из этой среды (таковы крестьянско-плебейские ереси, простонародные трактовки христианства); иногда же антицерковные идеи вносились в народное сознание извне представителями других социальных слоев, хотя тоже обычно получали широкое распространение в народных массах (более умеренные ереси, языческие движения, организуемые родо-племенной знатью и т. д.), что придавало им новое социальное содержание.

В буржуазной историографии при изучении истории еретических движений особенно большое внимание всегда уделялось вопросу об идейной преемственности и взаимной связи еретических учений. И в наши дни большинство буржуазных историков рассматривают средневековые ереси как чисто религиозные движения (даже если признается некоторая роль в их возникновении и развитии социально-экономического фактора), не связанные с проявлениями социального протеста определенных общественных слоев. В марксистской историографии проблема средневековых ересей ставится и исследуется в свете тех основных положений, которые были впервые выдвинуты Ф. Энгельсом, указавшим со всей определенностью на социальный характер еретических движений²³.

Разумеется, задача данного раздела значительно уже. Здесь пойдет речь лишь о конкретных проявлениях социального протеста крестьянства, совершавшихся в конфессиональной форме: в отказе от официальной религии, а также в отклонениях от ортодоксального учения церкви.

В переходный период от разлагавшегося родо-племенного строя к раннефеодальному общественное переустройство повлекло за собой радикальные перемены и в идеологической сфере. В ходе христианизации в странах Западной Европы произошла смена религий. Христианская церковь, санкционировавшая новый порядок, сама осуществляла феодальную эксплуатацию масс посредством присвоения десятины и феодальной ренты с церковных земель. (Напротив, в Византии, где христианство уже давно стало господствующей религией, главной формой конфессионального протеста были многочисленные ереси.) Политика христианизации была, по сути, составной частью и весьма важным проявлением феодализационного процесса. Соответственно этому оппозиция возникающему феодализму в тех странах, в которых христианство не было введено еще в Римскую эпоху, как правило, выражалась прежде всего в попытках сохранить язычество (Корсунский, 1981, с. 51—52).

Выше уже говорилось о языческих дозвухах некоторых крестьянских восстаний раннего средневековья. Однако «языческая оппозиция» имела и другие, менее острые формы, например явное или тайное отправление архаических культов.

Во Франкском государстве королевская власть была вынуждена прибегать к репрессивным мерам для осуществления насильственной христианизации саксов в ходе их завоевания. В «Капитуляции об областях Саксонии» (775—790 гг.) наряду с запрещением отправления языческих культов содержится пункт об обязательной уплате десятины (Сар., I, 26). Государство и церковь в каролингский период делали все для расширения влияния духовенства на народные массы в интересах складывавшегося господствующего класса (Сидорова, 1953, с. 184—199).

²³ О современной буржуазной и марксистской историографии этого вопроса см.: Гутнова, 1975, с. 28—31.

В Англии не было крупных языческих восстаний, но и здесь христианизация встретила упорное сопротивление. В Кенте после смерти короля Этельберта, принявшего христианство в конце VI в., произошла реставрация язычества. В Эссексе после смерти короля-христианина Саберта также было восстановлено язычество. В 643 г. осложнилось положение христианских миссионеров в Уэссексе. Идолопоклонство здесь приняло настолько широкие масштабы, что проповедники-христиане, по признанию Бэды, сочли за благо покинуть эти места, так как не верили в дальнейший успех своей миссии (Stenton, 1943, p. 96—128; Godfrey, 1962, p. 97—98; Савело, 1977, с. 27). Обычной формой сопротивления свободного и несвободного населения проводимой государством принудительной христианизации было уклонение от соблюдения христианских обрядов и уплаты податей церкви (Wi, 9, 11, 12, 14; Ipe, 2; 2, 1; 3; 3, 1; 3, 2; Af, 40, 2).

Кудесники и волхвы являлись вдохновителями восстаний смердов в горожан на Руси в 1024, 1068 и 1071 гг. Интересный эпизод, произошедший во время восстания в Новгороде, показывает отношение народа к христианству. Епископ с крестом вышел к восставшим вместе с князем и дружиной и обратился к народу с речью: «Иже хочеть веру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли веруеть кто, то ко кресту да идеть». За епископом пошли князь и дружина, а за волхвом — вся народная масса («а людье вси идоша за волхва»). Этот эпизод, как лакмусовая бумажка, проявил социально дифференцированное отношение к старой и новой религиям (Греков, 1953, с. 477). Автор поучения, помещенного в летописи в связи с восстанием 1068 г., с негодованием говорит о многолюдных играх и пустых храмах: «видим ведь игрища утоптаные, и людей многое множество на них, так что пихать начинают друг друга... когда же бывает час молитвам, мало людей обретается в церкви» (ПВЛ, ч. I, с. 114; Тихомиров, 1975, с. 83). Ростовское предание свидетельствует о борьбе язычников с христианами еще в XII в. Житие Авраама Ростовского рассказывает, что языческий идол стоял в Чудском конце в Ростове (Тихомиров, 1975, с. 95)²⁴.

Аналогичные явления имели место во всех странах и у всех народов Европы, чья христианизация осуществлялась в раннефеодальный период.

Своеобразной формой борьбы против христианской церкви были выступления самозванных святых и пророков в Западной Европе, которые, не противопоставляя церковной ортодоксии каких-либо догматических учений, тем не менее выражали сопротивление ее авторитету (Гуревич, 1975, с. 168). При этом чрезвычайно важной представляется неотторжимость, невыделенность лжесвятых и пророков из народной, крестьянской среды, кровная связь между ними. Сведений о подобных псевдосвятых достаточно много. В свидетельствах (о неофициальных святых и пророках, таких, как франкский крестьянин, выдававший себя за Христа, экзопроприировавший богатых и раздававший добычу немущим (590 г.), лжесвященник Альдеберт (744—746 гг.), игнорировавший церковную иерархию и католические храмы и проповедовавший в селах близ Суассона, майнцкая пророчица Тьота (847 г.), предвещавшая конец света в том же году, и других) привлекают внимание некоторые характерные места: 1) крестьянское происхождение «самозванцев», 2) неприязнь ими официальных институтов и непримиримая враждебность к ним со

²⁴ О живучести древних пластов язычества на Руси см.: Рыбаков, 1981, с. 3—30, 94—95, 438—471.

стороны церкви, 3) популярность лже святых в крестьянской среде и поддержка их народными массами, 4) смесь язычества и христианства в их проповедях, 5) отчетливо выраженный эсхатологизм и мессианизм, для которого в обстановке разрушения традиционных общественных связей и ломки привычных условий жизни создавалась благоприятная почва (Гуревич, 1975, с. 183—184). Все это дает основание считать «народное христианство» (которое было не только явлением массового сознания, но и фактором социального поведения), псевдопрофетизм и культ неофициальных святых воплощением народного неконформизма.

Аналогичные формы выражения социального протеста имели место и в истории ранней Византии (IV—VIII вв.), когда социальная борьба крестьянства нередко выступала в оболочке преследуемых нехристианских культов (например, восстание самаритян, локальные бунты крестьян-язычников, живших на церковных землях). Актом неприятия социальной несправедливости иногда являлся уход крестьянина в отшельники. Параллельно культу неофициальных святых в Западной Европе в Византии было распространено почитание чисто крестьянских местных святых — народных заступников Игнатия Руфинианского, Модеста Иерусалимского, Феодора Сикеста, Николая Сионита, мученика Фанурия и др. (Рудаков, 1917, с. 187). Однако в Византии наиболее ярким идейным выражением крестьянского протеста были крупные еретические движения, массовость и размах которых является одной из типологических особенностей народных движений в Византии (Удальцова, 1977, с. 62).

Широкое распространение в крестьянских массах имели здесь радикальные дуалистические ереси — манихеи и монتانисты в VI в. (История Византии, 1967, 1, с. 273—274), павликиане в VII—VIII вв., богомилы в IX в. Особенно острая социальная направленность и грандиозный размах были присущи павликианству и богомилству (см. гл. XIII). Возможно, именно воздействие павликианской пропаганды, которая начала проникать в Болгарию еще во второй половине VIII в., когда павликиане были массами поселены во Фракии по приказу византийских императоров, отчасти объясняет тот интересный факт, что болгарская деревня стала питательной средой для распространения христианской ереси через очень небольшой промежуток времени после официального крещения (865 г.) и двух языческих рецидивов (866 и 889 гг.). Показательно, однако, и то, что эта пропаганда нашла отклик среди болгарских крестьян именно в середине X в., когда сложились определенные общественно-политические условия, обострились социальные противоречия (Angelov, 1968, p. 75—76). Более умеренные ереси — арианство, несторианство, монофиситство, возникшие на почве расхождений с официальной церковью главным образом в связи с разной трактовкой догмата о божественной природе Христа, зарождались первоначально в церковной, городской и военной среде. Иногда они были связаны с сепаратистскими движениями в отдельных провинциях империи (несторианство — в Сирии, монофиситство — в Сирии, Палестине, Египте). Однако пропаганда последователями этих учений аскетизма, выпады против богатств господствующей церкви, преследования, которым они подвергались, вызывали сочувствие широких народных масс, распространение в крестьянской среде самих этих учений. Это придавало данным ересям массовый характер и социальную окраску (Удальцова, 1977, с. 60—61; История Византии, 1967, 1, с. 278—281).

Нет сомнения в том, что особенности социальной и политической структуры, а также церковной организации обусловили специфические

черты социальной борьбы крестьянства в Византийской империи, в том числе и появление в раннефеодальный период такой ее идейно развитой формы, какой явились народно-еретические движения.

В Западной Европе мы наблюдаем иную картину. В некоторых областях варварских государств также существовали догматические ереси (например, пелагианство в Средиземноморье и в Британии), но в целом их влияние было ограниченным, а социальные мотивы неопределенными. Наибольший интерес представляет присциллианство, сохранившееся в Галлии и Испании вплоть до VII в. Его приверженцы считали творцом материального мира дьявола, проповедовали аскетический образ жизни и отказ от имущества. Они выделяли из своей среды проповедников, устраивали богослужения в селениях, под открытым небом. Присциллианство встречало поддержку в народной среде. В актах соборов отмечалось, что это учение распространено в отдаленных районах среди «непросвещенных» людей. Основной контингент его адептов составлял плебс, свободные и зависимые крестьяне (Корсунский, 1969, с. 251—260; 1981, с. 55—56).

В раннефеодальный период идейным знаменем протеста становится язычество, а затем мессианизм. И лишь к концу этого периода, с окончательным утверждением феодальных отношений, появляются новые еретические учения. Преимущественно городские, по месту их возникновения, еретические движения XI и XII вв. были такими же и по составу участников. Исключение составляет так называемая «ересь Леутара», крестьянина из Шампани, который в 1000 г. призывал соблюдать лишь евангельские предписания, не верить всему тому, чему «учили пророки», и внушал крестьянам, что они не должны платить церковную десятину, чем привлек к себе большое число приверженцев из народа (Сидорова, 1953, с. 83). Наличие социального мотива в проповеди Леутара не вызывает сомнений. Но если говорить о форме, то это, конечно не «доктрина», а Леутар — не ересиарх. Он близок к народным проповедникам каролингского времени, о чем свидетельствуют, в частности, ссылки на «чудесное откровение», на внушения «самого святого духа», а также поведение «безумного еретика».

Безусловно, было бы неверным объяснить проявления конфессионального нонконформизма исключительно сопротивлением развитию феодальных отношений. Однако столь же неправомерно отрицать, что религиозный протест, в какой бы форме он ни выступал, являлся стихийным выражением оппозиции раннесредневекового крестьянства «церковному феодализму», а косвенно и устанавливающейся системе феодального угнетения в целом (Корсунский, 1981, с. 50—51).

*

Процесс феодализации сопровождался социальными движениями крестьянства, исследование которых, несмотря на трудности, связанные с недостаточным отражением их в источниках²³, продвинулось настолько, что позволяет сделать определенные выводы относительно общего характера, конкретных форм и основных целей социальной борьбы крестьянства в раннее средневековье.

²³ Хроники и летописи, сохранившие сведения лишь о крупнейших событиях своего времени, говорят о народных движениях чрезвычайно скупо и изображают их, как правило, в искаженном свете, а повседневное сопротивление и даже бунт (

Так как процесс феодализации проходил в разных странах и даже в отдельных областях при весьма различных внутренних и внешних условиях, сопротивление, которое он вызывал, осуществлялось в специфических формах, отражающих своеобразие конкретного момента исторического развития каждой страны. Однако, несмотря на то, что обстоятельства места и времени придавали проявлениям крестьянского протеста индивидуальную окраску, их можно классифицировать как по формам выражения, так и по ряду других критериев, в первую очередь по составу носителей этого протеста²⁶ и по виду эксплуатации, против которой он был направлен. Для вооруженных форм борьбы, и прежде всего для крупных крестьянских восстаний, немаловажное значение имеет и такая характеристика, как степень самостоятельности крестьянского движения.

Выше были рассмотрены различные формы, в которых осуществлялась социальная борьба крестьянства в раннее средневековье. Наиболее характерными формами протеста зависимых крестьян, несвободных и полусвободных, были на протяжении всего этого периода побег, внутривотчинные конфликты, а для свободного крестьянства гораздо большее значение имела наряду с легальными формами прямая вооруженная борьба. Если такие формы борьбы, как отказ от выполнения повинностей, побег и другие внутривотчинные конфликты, определялись в сущности уже классовым антагонизмом между зависимыми крестьянами и феодалами, то антифеодальная социальная природа выступлений свободного крестьянства выражалась в их направленности против процесса феодализации и его проводников. Более существенно, однако, то, что в целом ряде локальных столкновений и в крупных восстаниях участвовали обе эти категории формировавшегося раннефеодального крестьянства. При этом если самостоятельные выступления зависимого крестьянства редко выходили за пределы отдельной вотчины, то совместные действия свободных и зависимых крестьян могли охватить более обширные территории, быть относительно продолжительными и даже иметь некоторый временный успех, особенно в тех случаях, когда они поддерживали политические притязания каких-либо группировок знати.

В тех случаях, когда «экономические» и «легальные» формы сопротивления, уходы и побег крестьян, акты террора осуществлялись коллективно, социальная борьба зависимого крестьянства поднималась на новую ступень. В этих случаях объединяющую роль могла играть крестьянская община. Восстания, конечно, представляли собой относительно редкое явление, выступающее как кульминация назревавшего в массах недовольства, особенно в тех случаях, когда срабатывал какой-то внешний «детонатор», который, не имея отношения к глубинным причинам возникшего социального движения, мог послужить непосредственным толчком к взрыву. Наиболее благоприятные условия для крестьянского движения возникали в моменты политического ослабления господствующего слоя (особенно в связи с внутренними междоусобицами) или в

он был локально ограничен и быстро подавлен) могли вообще не оставить следа в нарративных источниках. Поэтому историкам, изучающим социальную борьбу крестьянства в этот период, часто приходится опираться не на прямые, а на косвенные свидетельства.

²⁶ Речь идет о наличии и соотношении трех еще не слившихся в единый класс слоев раннефеодального крестьянства: свободных общинников, крестьян, недавно попавших в зависимость, и категорий несвободных, унаследованных от позднеантичного и варварских обществ.

годы стихийных бедствий, угрожавших фундаментальным условиям существования земледельца.

Особенностью открытой социальной борьбы крестьянства в эпоху раннего средневековья явилось то, что большинство вооруженных выступлений было направлено против центральной власти и ее аппарата. Речь в данном случае идет не о вмешательстве местных или центральных государственных органов в локальные вооруженные конфликты и о подавлении ими крестьянских бунтов в королевских или княжеских вотчинах, ибо это общее явление средневековья. Специфичным для рассматриваемого периода было то, что публичноправовая эксплуатация, которая шла в авангарде процесса феодализации, вызвала активное сопротивление непосредственных производителей, и прежде всего еще обладавших оружием и воинскими навыками свободных. Это объясняется и экономической ролью государства как орудия эксплуатации народных масс путем налогового обложения, «кормлений», организации государственных повинностей и т. п., и его ролью как органа насилия, лишившего свободных общинников их древних вольностей, подчинявшего их процессу феодализации (Корсунский, 1963, с. 66—67). Таким образом, именно решающая роль публичноправовой эксплуатации в переходный период определила главное направление и обусловила слабодифференцированный характер открытой социальной борьбы крестьянства на этом этапе, а также некоторые особенности крестьянских восстаний в период раннего средневековья.

Выше были выделены три основных типа крестьянских восстаний, соответствующие различным ступеням феодализационного процесса. На самой ранней из них (восстания первого типа) в этих широких движениях принимали участие различные, еще не поляризованные классовым антагонизмом, социальные группировки разлагавшегося общинного строя, объединенные одной негативной целью, но имевшие в конечном счете расходящиеся позитивные интересы. Объектом их противостояния были институты, являвшиеся мощными рычагами процесса феодализации, — феодальное государство, проводившее экспансионистскую политику, аутогенное феодализирующееся государство, возникающее на обломках «военной демократии», и, наконец, «церковный феодализм». В этом и состоит антифеодальная направленность движений на стадии варварского общества. Конечно, они не были и не могли быть самостоятельными. Степень самостоятельности крестьянских выступлений была детерминирована условиями соответствующего этапа возникновения феодального крестьянства как класса. При этом следует помнить, что ни одно массовое движение средневековья не было совершенно однородным, «чисто» крестьянским, а тем более это характерно для переходного периода, отличавшегося множественностью и текучестью социальных градаций и в то же время относительной устойчивостью традиционной общественной структуры, процесс трансформации которой еще только начинался.

В раннефеодальный период, когда начинается процесс классового образования, феодализирующаяся местная знать уже противостоит основной массе свободных общинников и различным категориям несвободных. Такая расстановка сил характерна для восстаний второго типа.

И наконец, восстания третьего типа происходят в конце раннефеодального периода, когда процесс классового образования зашел уже достаточно далеко.

Социальная борьба крестьянства раннего средневековья наряду со стадийными имела значительные региональные особенности, которые

объясняются типологическими различиями в самом процессе генезиса феодализма, а также некоторые локальные особенности, связанные со специфическими комбинациями внешних и внутренних условий исторического развития отдельных стран: например фактор внешней феодальной экспансии на стадии разложения родового строя — «освободительные восстания» саксов, полабских славян, прибалтийских племен и т. д. или «реанимация» дофеодальных порядков в результате норманнских вторжений — Нормандия, Бретань, Южная Италия. В средиземноморском и западнофранкском регионах, а также в Византии большое значение на ранней стадии имела социальная борьба многочисленных категорий зависимого населения («частичное сопротивление», побег, бунты), а в регионах «бессинтезного развития» — преобладающую роль играли выступления свободных крестьян. Восстания второго типа характерны для народов, перешедших к феодализму в результате разложения родового строя. Особая интенсивность антиправительственных движений наблюдалась в раннефеодальный период в Византии, сохранившей сильное централизованное государство. Антианалоговые выступления и выступления против королевской власти являлись типологической чертой социальной борьбы английского и норвежского крестьянства в это время.

Вернемся, однако, к некоторым важным моментам более общего характера. Преобладание стихийности над сознательностью, разобщенности над организованностью, отсутствие правильного понимания целей и задач борьбы — эти общие черты, вытекающие из особенностей крестьянства как класса мелких производителей, из материальных и социальных условий его существования (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 508), были присущи всем крестьянским движениям средневековья. Но эти общие характеристики своеобразно преломлялись на разных этапах развития крестьянства как класса.

Крестьяне раннефеодальной эпохи не могли адекватно осознать свое место в новом, утверждающемся общественном порядке, поэтому, остро ощущая его враждебность, они обращались в поисках идеала, за который стоило бороться, к прошлому, к обычаям и вере предков, к «древним законам» родо-племенного строя. Именно в этих понятиях выражался протест крестьянства против установления феодализма, в них находили воплощение первые попытки крестьянства идеологически осмыслить свою борьбу. Конечно, это были достаточно примитивные идеи, но при отсутствии теоретически обоснованной программы такие лозунги, имевшие глубокие корни в социальной психологии крестьянства раннего средневековья, несли в себе антифеодальное содержание и, несмотря на свой в конечном итоге негативный характер, обладали большим мобилизующим воздействием на крестьянские массы (Гутнова, 1966, с. 54—60). Аналогичную роль могли играть и ранние ереси. Не будучи способными понять и усвоить богословскую догматику еретических доктрин (как, впрочем, и тонкости ортодоксального учения церкви), крестьянские массы чутко улавливали их враждебность официальной церкви, поддерживавшей власть имущих. При этом следует постоянно иметь в виду, что объективное содержание крестьянского сопротивления нельзя смешивать с субъективными лозунгами и целями крестьянских движений и конфессиональных выступлений.

Что касается форм организации крестьянского сопротивления в изучаемую эпоху, то здесь нужно учитывать не только наличие общины, но и тот факт, что в ряде стран, в которых процесс феодализации шел замедленными темпами, свободное крестьянство использовало в своей борь-

бе рудименты системы «военной демократии» (старинные областные и народные собрания, воинское ополчение и т. п.). Присутствием таких широких организационных форм отмечены некоторые крестьянские восстания раннего средневековья (областные собрания саксов²⁷, тинги норвежских бондов и т. д.), но можно предположить, что, не будучи зафиксированы источниками, они, тем не менее, оказывали воздействие и на другие крупные движения этого периода. Община же могла обеспечить земледельцам пусть локально ограниченную, но в определенных условиях эффективную коллективную организацию в повседневной борьбе свободных и особенно зависимых крестьян с феодалом против обременительных оброков и барщинных повинностей, а также против сокращения общинного земельного фонда.

В тех случаях, когда крестьянство выступало в широких антиналоговых и антиправительственных движениях вместе с различными группировками знати, некоторые организационные формы, как, впрочем, и идеи²⁸, могли быть навязаны ему временными союзниками.

Говоря об эффективности социальной борьбы раннефеодального крестьянства, необходимо различать ее прямые и отдаленные последствия и, кроме того, оценивать ее как с точки зрения осуществления стоявших перед крестьянством задач, так и с точки зрения влияния на объективный ход общественного развития. Добиться соответствия между субъективными целями, объективными задачами и результатами борьбы можно только на основе научного знания общественных законов, поэтому, естественно, итоги крестьянских восстаний никогда не соответствовали провозглашенным ими целям. Однако это не дает основания утверждать, что они были вовсе безрезультатными. Бесперспективные в смысле реализации неверно поставленных задач, неизменно терпевшие поражение, крестьянские восстания раннего средневековья в сочетании с другими методами социальной борьбы сыграли определенную роль в развитии нового общества, оказывая корригирующее воздействие на ход феодализационного процесса. В зависимости от сложившихся в конкретный исторический момент социально-экономических условий сопротивление крестьянства могло произвести тормозящий или ускоряющий эффект на этот процесс и придать ему особую окраску. Активная борьба крестьянства, проходившая в разных формах, могла способствовать сохранению прослойки свободных крестьян и многочисленных категорий полусвободных, закреплению части угодий в общинном пользовании, фиксации повинностей зависимых крестьян на определенном уровне. Ф. Энгельс указывал, в частности, что установление в определенных, не подлежащих повышению, размерах повинностей зависимого крестьянства, происходившее с конца VIII и начала IX в. во Франкском государстве, было «результатом угрожающего поведения этих несвободных масс» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 517). Нормирование «кормлений», судебных пошлин, церковных десятин в Киевской Руси (Черепнин, 1952, с. 92, 97—98), запись обычаев и заключение договоров зависимых крестьян с сеньорами в Южной Италии (Абрамсон, 1953, с. 52, 73), благоприятные условия феодальных договоров в Северной Италии (Котельникова, 1957, с. 92), вообще фиксация рент в странах Европы —

²⁷ На значении таких собраний для организации сопротивления у саксов косвенно указывает тот факт, что Карл Великий запретил все публичные собрания саксов (Сар., I, 26, 34; см. также: Korsunskij, 1975, S. 205).

²⁸ Речь, конечно, может идти только о таких идеях, которые могли найти отклик в крестьянской среде.

это показывает, что напряженная борьба крестьян за сохранение и укрепление мелкого крестьянского хозяйства, через которое осуществлялось развитие производительных сил в изучаемую эпоху, при известных условиях не была бесплодной²⁹.

Неравномерное распределение сохранившихся источников не позволяет исследователям сделать заключение о том, какова была интенсивность крестьянского сопротивления в той или иной стране в разное время. Тем не менее можно предположить, что по сравнению с первым этапом развитого феодализма, когда наступает «эпоха пассивного сопротивления», борьба крестьянства раннего средневековья имела больший размах, который был тесно связан с участием в ней масс свободных. Сопротивление попадавших в зависимость свободных многократно усиливалось болезненностью радикальных перемен в их положении и чаще выливалось в прямые вооруженные конфликты, в то время как зависимому крестьянину феодального периода, на которого «действовала долгая, переходившая от поколения к поколению привычка к подчинению» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 357), подняться на открытую вооруженную борьбу было чрезвычайно трудно.

²⁹ О связи нормы эксплуатации с сопротивлением крестьянства в данных конкретных условиях см.: *Славкин*, 1981, с. 108.

КРЕСТЬЯНСТВО И ГОРОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Немало европейских городов, особенно в Италии, Испании, Южной Франции, сохранились от античной эпохи и являлись важными для рассматриваемого времени административными, политическими и культурными центрами с относительно развитым ремесленным производством и оживленной торговлей. К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли два типа средневековых городов: «вновь возникших» и «сохранившихся от исторического прошлого» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 52). Указывая на «исключительное развитие городов» в Италии в средние века, К. Маркс отмечал, что они сохранились «по большей части еще от римской эпохи» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 365; т. 23, с. 728, примеч. 189).

Город VI—X вв. как социальное явление, возникшее на основе и в результате общественного разделения труда, имел ряд специфических особенностей, уяснение которых необходимо для того, чтобы понять пути и итоги его воздействия, как и воздействия товарно-денежных отношений в целом на формирование зависимого крестьянства в разных регионах Европы, а равно и обратного влияния этого процесса на становление города. Прежде всего мы обратимся к средиземноморскому региону, поскольку именно здесь большинство городов сохранилось от римской эпохи, и на всем протяжении раннего средневековья они продолжали функционировать в качестве прежде всего административно-политических и культурных центров, в меньшей степени — ремесленно-торговых.

1. Западное Средиземноморье

Элементы позднеимперского общественно-экономического уклада, римское культурное наследие оказали наиболее сильное воздействие на генезис феодализма в средиземноморском регионе (Италия, Испания, Южная Франция). Одним из главных факторов такого влияния был город и связанная с ним система экономических и социальных связей и отношений.

Города в большинстве своем вели там происхождение с римских и даже доримских времен. Как и другие античные города, римские города (колонии, муниципии, *civitates*) составляли неразрывное экономическое целое с их округой. Горожане представляли собой коллектив земельных собственников, владевших землей в пределах самого города и округи (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 470, 471). Вместе с тем многие римские города служили очагами ремесла и торговли, средоточием политической, административной и культурной жизни. Важнейшей чертой римского города была его муниципальная организация, выражавшаяся в существовании городского совета (сената или *куруи*), выборных магистратур, генеральной ассамблеи граждан — народного собрания.

Кризис рабовладельческого способа производства повлек за собой и упадок большого числа городов, основанных на античной форме собственности, прежде всего в Западной Римской империи (Carli, 1934, p. 107—177; Leicht, 1937, p. 41—55; 1946, p. 1—6; Jones, 1972, p. 351—372). Ремесло и торговля сократились, монетное обращение расстраи-

лось. Росло крупное землевладение, городское самоуправление ограничивалось, муниципальная организация деградировала.

Города все чаще становились центрами новой администрации — назначенных императорской властью (из числа состоятельных курiales) чиновников — кураторов и дефензоров, в городе постепенно набирали силу епископы, наряду с духовными прерогативами сплошь и рядом присваивавшие административные и судебные функции.

Однако было бы ошибкой рассматривать эволюцию позднеримского города столь однозначно и прямолинейно. Сокращение населения некоторых городов в какой-то степени компенсировалось подъемом других. Так, в IV в. еще относительно богатыми и населенными оставались Милан, Турин, Верона, Аквидея, Виченца, Модена, Парма, Павия и др.

Продолжавшие свое существование в IV—V вв. и как ремесленно-торговые центры североитальянские города в большей мере, чем города других областей Италии, оказывали экономическое воздействие на окружающую территорию, формально еще входившую в состав города, хотя практически все более отделявшуюся от него. Тенденция к полной экономической замкнутости поместий, которыми владели богатые посессоры и лица сенаторского сословия, избравшие эти поместья своими резиденциями, здесь еще не одержала верх в IV в. и даже в V в. Эти посессоры проживали большую часть времени в городах, откуда отдавали хозяйственные и административные распоряжения актерам и вилликам своих поместий, в которые иногда наезжали, сопровождаемые рабами (Ruggini, 1961, p. 60—85).

В их имениях применялся труд рабов, посаженных на землю, но все шире — колонов и свободных арендаторов, часто уплачивавших денежные чинши или взносы продуктами какого-либо одного вида (обычно — вином). Такого рода хозяйства имели связь и с рынком, где приобретали предметы роскоши (шелка, ковры, благовония и т. п.) и покупали различные продукты повседневного спроса. Определенную территорию в имениях занимали доменные земли, обрабатываемые сельскими рабами и наемными работниками и засевавшиеся пшеницей, которая шла на продажу в города и даже на экспорт. Однако доменная запашка не была преобладающей частью имений (Ruggini, 1961, p. 84—403; Корсунский, 1970, с. 170).

Сохранение городской активности в IV — конце V в. характерно и для отдельных областей Галлии. Арль, ставший столицей префектуры Галлии (она включала также Испанию и Британию), являлся речным и морским портом на пути из Италии в Испанию и из Галлии на Восток. Поэт Авзоний называл Арль «галльским Римом» (Martini, 1966, p. 36—40). Не прекратилась после готского завоевания и городская жизнь в Испании, хотя готы нанесли ощутимые удары и ей самой и городскому землевладению (Dupont, 1942, p. 76—79; Lacarra, 1959, p. 322—339; Fasoli, 1961, p. 85—86).

У городов римской Галлии, особенно ее южной части, существовали также довольно интенсивные экономические связи с округой. Преобладающая часть собственников поместий и здесь проживала в городе, среди населения которого важное место принадлежало купцам, торговавшим сельскохозяйственными продуктами, и ремесленникам, обслуживавшим сельскую округу (здесь же проживали чиновники, осуществлявшие те или иные управленческие функции в округе) (Бессмертный, 1972, с. 23—24).

Существование сравнительно развитых крупных городов сдерживало не только процесс натурализации поместий, содействуя их связям с рын-

ком, но и тенденцию подчинения лично свободных арендаторов власти частного земельного собственника, т. е. развитие предфеодальных или протофеодальных элементов их зависимости от землевладельцев. Вместе с тем наличие городов, где в той или иной степени удерживался в разных отраслях хозяйства и управления рабский труд, тормозило скольконбудь радикальную трансформацию статуса поместных сервов, даже и испомещенных на землю, и колонов — ведь собственники этих сервов и колонов, как правило, были горожане, эксплуатировавшие рабов в своем городском доме или в ремесленной мастерской.

В конце V—VII в. в истории городов наступила новая эпоха. Дальнейшее развитие общества по пути к феодализму было несовместимо с городом, основанным на античной форме собственности, но, разумеется, не с городом как социально-экономическим явлением, возникшим в результате общественного разделения труда (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 49—50; Штаерман, 1973, с. 13; Корсунский, 1965, с. 3, 9—10).

Какими же были города изучаемого региона в конце V—X в., в какой мере сохранили они черты, присущие римским городам, и как отражались особенности их структуры на процессе феодализации, захватившем как город, так и его округу?

В истории раннесредневековых городов Средиземноморья могут быть выделены два этапа (конец V—VII в. и VIII—X вв.), каждый из которых соответствует специфике генезиса феодализма и процесса возникновения крестьянства в этом регионе.

В городах остготской Италии (V—VI вв.) не затихала определенная ремесленная и торговая активность, наметился даже подъем городов, пришедших в упадок в III—IV вв. Историк и писатель Флавий Кассиодор писал о восстановлении и укреплении «многих городов», о строительстве «достойных восхищения дворцов». Возводились городские стены, мосты, дороги, водопроводы, новые дворцы и храмы в Риме, Равенне, Вероне, Парме, Павии и других городах. От времен Римской империи сохранились государственные оружейные мастерские в Кремоне, Мантуе, Вероне, Павии, Лукке, монетные дворы — в Риме, Равенне, Милане.

На сравнительно высоком уровне развития находилась техника обработки металла: изготавливались специализированные сельскохозяйственные орудия, металлические латы и панцири, мечи, щиты и копья, украшения. Среди ремесленников (городских и сельских), так же как и среди наемных работников, были свободные и рабы (Удальцова, 1959, с. 115—120; Hannestad, 1962, р. 72—87; Корсунский, 1965, с. 28—32; Dupont, 1942, р. 143—144, 202).

Ремесленники жили и в деревнях и в виллах крупных землевладельцев (светских магнатов, церкви, короля). Однако преобладающим было городское ремесло, достигшее и наиболее высокого уровня. Несмотря на общее сокращение городского землевладения в условиях завоеваний и конфискаций, произведенных готами, а также на земельные разделы гот с римским населением, — спецификой Италии, Южной Франции и Испании продолжала оставаться тесная связь с землевладением большого числа более или менее состоятельных городских ремесленников и, само собой разумеется, сельских ремесленников.

Средиземноморская торговля, объектами которой были прежде всего предметы роскоши и сравнительно редкого потребления (шелк, пряности и т. п.), в результате варварских завоеваний и после падения Римской империи уменьшилась в объеме, но отнюдь не прекратилась.

Главным портом на Средиземном море являлся Марсель. Оживленную внешнюю торговлю вели Нарбонна, Арль, Тулон (Fourquin, 1969, p. 92—94).

Продолжалась и региональная торговля — ряда городов нарбоннской Галлии с районом Тулузы и через посредство тулузских купцов с Испанией — оливковым маслом, вином, зерном, кожами, шерстью. Нарбонна выступала одним из центров работорговли (Dupont, 1942, p. 202—205; Vergauegen, 1934, p. 455). В торговых заведениях, как и в городских ремесленных мастерских, еще применялся труд рабов (о его масштабах судить трудно).

В сельских местностях или близ небольших городов периодически устраивались ярмарки. Их значение постепенно возрастало.

В торговле, особенно зерном, активно участвовали и земельные магнаты провинций. Купец и земельный собственник подчас выступали в одном лице. Землевладельцами были также представители администрации, военачальники, богатые ремесленники. Менялы, золотых дел мастера, мыловары, портные приобретали в городской округе имения, подчас довольно крупных размеров, населенные зависимыми людьми (Удальцова, 1959, с. 477—482; Корсунский, 1976, с. 13—19).

Значительную роль в городе продолжали играть посессоры поздне-римского типа, хотя и утратившие часть своих земельных владений и доходов. Постоянное местожительство в городе придавало им определенный социальный вес в обществе, которого были лишены или имели тогда в меньшей мере те, кто проживал в деревне, хотя немало таких владельцев покидали города и устремлялись в поместья (Удальцова, 1959, с. 126—127; Ruggini, 1961, p. 225—226, 452—453; Carli, 1934, p. 120).

С сохранением в V—VII вв. торговли и городской активности были связаны и некоторые особенности трансформации земельной собственности и зависимости сельского населения. В конце V—VI в. имения светских магнатов, церкви и фиска, как и в императорскую эпоху, не были полностью выключены из системы товарно-денежных отношений, центром которой являлся город. Значительные группы городского населения (ремесленники, торговцы, клирики, люди свободных профессий, наемные работники) являлись постоянными потребителями реализуемой на городском рынке сельскохозяйственной продукции. В то же время многие купцы и хозяева ремесленных мастерских, имевшие земли в городе и округе, не только получали отсюда продукты для собственного потребления, но и продавали их на городском рынке. Ремесленные изделия поступали к ним из их собственных или соседних мастерских того же города; во всяком случае, у них не было нужды заводить сколько-нибудь обширное ремесленное производство в сельских поместьях.

Торговля и городская активность в большой мере обуславливали широкое распространение денежных чиншей у арендаторов — кондукторов, колонов и эмфитевтов в конце V и в VI в. (Ruggini, 1961, p. 242—253, см. также: Корсунский, 1976, с. 32—36).

Владения крупных собственников (как церковных, так и купцов и богатых ремесленников) в подавляющей своей части представляли собой комплексы земель, в которых домен не занимал существенного места (ср. письма папы Григория I и сохранившуюся часть описи владений Равеннской церкви VI в.), основная масса земель сдавалась в аренду колонам и искомещенным на землю рабам за сравнительно небольшой денежный и натуральный чинш. Гораздо реже к этим взиманиям присоединялись барщинные работы — иногда от одного до трех дней в неделю.

Колоны разных разрядов отличались разной степенью личной несвободы, но обычно в той или иной степени были прикреплены к земле (Луццато, 1954, с. 171—173; ср. также: Удальцова, 1959, с. 460—474). В городах селились готские должностные лица, священники и епископы, располагались гарнизоны завоевателей. Поселение варваров-готов, присваивавших часть земель римских посессоров, на территории городских общин внесло в их жизнь не только существенные демографические, но и экономические, социальные и политические изменения.

В V—VII вв. курии во многих городах еще сохраняли свое значение муниципальных учреждений, хотя их упадок продолжался и они все

Строительство города.
Рисунок по миниатюре
из византийского кодекса VI в.
Архив Дзеникелли. Болонья.

больше уступали место в административно-финансовой области кураторам и дефензорам, а с VII в. — епископу, особенно с превращением городов в центры диоцезов (Удальцова, 1959, с. 128—131, 489—493; Корсунский, 1976, с. 12—25, 49—57; Fasoli, 1961, p. 21—25; Dupont, 1942, p. 174—181).

Итак, в конце V—VII в. в средиземноморском регионе Европы, несмотря на сильное уменьшение городской активности и упадок немалого числа городов, часть городов, сохранившихся от римской эпохи, не утратила своего значения. Большинство городов этого периода — прежде всего политико-административные и церковные, но отчасти также и торговые центры.

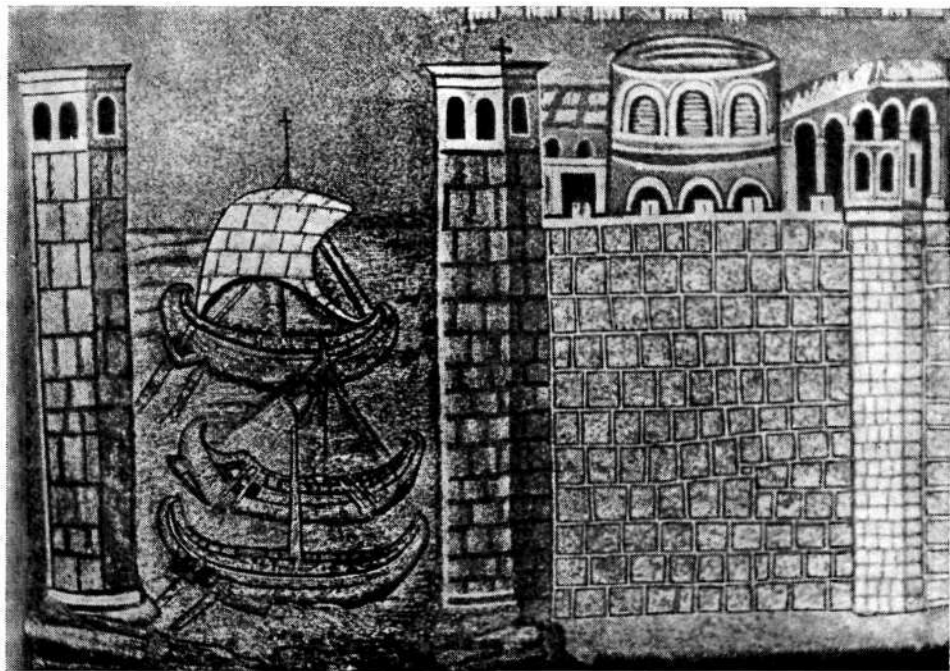
Отдельные города средиземноморского региона (в первую очередь в Италии) сохранили и в этот период относительно развитое ремесленное производство. Ремесленные изделия горожан пользовались постоянным спросом и у

городского населения, и у жителей округа. В округе ремесло было развито меньше и находилось в подчиненном положении к городскому.

В V—VII вв. продолжали играть значительную роль городские землевладельцы (в том числе купцы и ремесленники), эксплуатировавшие труд колонов и отчасти наделенных землей сервов, а также свободных арендаторов. Правда, в последние века существования Империи, а затем в ходе варварских завоеваний и последовавших за ними разделов земель экономическая и социальная структура городского землевладения подверглась существенным изменениям. Городские купцы и ремесленники V—VII вв. — это уже не землевладельцы античного типа: зависимые держатели их земель в большинстве своем, как правило, не рабы, а колоны разного статуса (лишь часть их — оригинарии, т. е. наиболее низший разряд, приближались к рабам, испомещенным на землю). Эти держатели вносили своим господам денежные и натуральные оброки, исполня-

ли барщину. Их личная свобода была ограничена, но они постепенно все более отдалялись от колонов и сидевших на земле рабов Поздней империи, попадая под частную власть своих господ и не будучи прикреплены к государственному тяглу. Изменялась и структура городского ремесла. В государственных и тем более частных ремесленных мастерских и торговых заведениях рабский труд использовался все в меньшей степени, — он отходил в сферу бытовых услуг. Тем самым и среди городского населения большой удельный вес приобретали свободные.

Итак, город V—VII вв. не тождествен античному полису, но это еще и не феодальный город. В Италии — центре бывшей Римской империи —

Мозаика церкви св. Аполлинария Нового в Равенне, изображающая город VI в.

вплоть до VIII в. проявляется лишь тенденция к феодализации, и только следующее столетие характеризуется интенсивным течением этого процесса. На периферии прежней Империи процесс феодализации отчетливо прослеживается раньше — в VII в. Позднеримский рабовладельческий строй (хотя и основательно трансформировавшийся) в V—VII вв. оказывал в этом регионе пока еще наиболее сильное влияние на историческое развитие. Его элементы соответственно преобладали и в городе той поры. Роль общинно-родовых порядков варваров, в свою очередь, в немалой степени подвергшихся романизации, в данном регионе была гораздо меньше, чем к северу от Альп. Следовательно, было бы неправомерным отождествлять раннесредневековый город с позднеантичным *civitas*, не выявляя качественного различия в их социальной и экономической структуре и отмечая лишь сохранение «постоянства городской культуры» (*Kulturkonstanz*), «постоянства поселения» (*Siedlungskonstanz*), что свойственно как сторонникам теории «чистого», или «непосредствен-

ного», так и в определенной степени «дифференцированного» («постоянство культуры во временной и пространственной дифференциации») континуитета (А. Дош, К. Ф. Эйхгорн, Г. Обэн, Г. Савиньи, Л. Гартманн. Э. Майер, А. Пиренн, Э. Эннен, Ф. Феркаутерен и др.) (Elpen, 1953: 1975; Göetz, 1944; Vercauteren, 1964; подробнее см.: Ястребицкая, 1980, с. 248—274).

Вместе с тем было бы неверным отрицать всякую преемственность позднеантичного *civitas* и раннесредневекового города. Уже на первом этапе истории раннесредневекового общества (V—VII вв.) специфика воздействия города на феодализационный процесс в странах Средиземноморья (особенно в ареале наибольшей плотности городов) сказывалась в длительном сохранении значительной прослойки как свободных ремесленников и плебса, так и мелких свободных собственников и лично свободных арендаторов. Возможность реализации сельскохозяйственной продукции на сравнительно емком городском рынке обусловила связь с этим рынком городских хозяйств и хозяйств арендаторов.

Указанный фактор в определенной степени способствовал относительной устойчивости более зажиточной части мелких свободных собственников и арендаторов перед натиском крупных землевладельцев, замедлял их втягивание в зависимость от последних, разорение недостаточно обеспеченных их слоев. Сохранению слоя мелких свободных собственников в городе и округе благоприятствовало и то обстоятельство, что они имели возможность заниматься торгово-ремесленной деятельностью, служить в органах городской администрации, суде и т. п.

Чем выше был уровень развития товарно-денежных отношений в том или ином географическом районе, тем слабее и медленнее происходила там натурализация поместья, тем меньше была величина господской запашки и тем уже — прослойка доменных работников, тем меньше применялся труд рабов, посаженных на землю или работавших в поместных мастерских, тем шире была прослойка мелких свободных собственников и арендаторов.

Тот факт, что город конца V—VII вв. еще во многом сохранил черты позднеимперского рабовладельческого уклада, не мог, однако, не сказаться и на социальном строе округи. В ней продолжали жить и трудиться колонны, чья личная свобода была довольно ограниченной, вплоть до прикрепления к земле, а также наделенные землей сервы, статус которых нес на себе отпечаток позднеантичного рабства. Значение указанных прослоек было особенно велико в процессе феодализации в Испании.

*

Что представляли собой города в изучаемом нами регионе на следующем этапе, т. е. в VIII—X вв.? Они по-прежнему являлись прежде всего административными, финансовыми и военными, а также культурными и церковными центрами, но их торговые и ремесленные функции постепенно и неуклонно возрастали. Топографический план города нередко сохранял еще римский облик; к предместью (суббургу) примыкала полоса шириной в милю, принадлежавшая непосредственно городу. Городская округа окончательно отделилась от собственно города. Город служил местопребыванием его правителя. В Италии им был герцог или гастальд, назначавшийся лангобардскими королями, позднее — как в Испании и Южной Франции — граф, обладавший судебной, административной и военной властью.

На главной площади города перед церковью происходило общее собрание горожан, обсуждавшее вопросы благоустройства, распределения налогов и мелкие судебные дела. Эта городская ассамблея и возглавлявшие ее чиновники — *procurator*, *sigatior* были в некоторой степени наследниками прежней позднеримской муниципальной организации, однако их деятельность протекала уже в рамках иной политической, социальной и экономической системы — в феодализирующемся обществе. В судебном разбирательстве наряду с постоянными судьями участвовали и представители городской состоятельной верхушки.

Каков был уровень экономического развития городов в Средиземноморском регионе в VIII—X вв., и прежде всего в его наиболее «городской» стране — Италии? Какое воздействие оказывали города и ростки товарно-денежных отношений на процесс феодализации и становления зависимого крестьянства в этот период? Несмотря на значительные разрушения и упадок многих городов в результате лангобардского нашествия, уже от VIII в. до нас дошли письменные и археологические свидетельства о разнообразной ремесленной и активной торговой деятельности немалого числа *civitates*. Их экономическая активность значительно возросла в период формирования собственно средневекового города (Chiappelli, 1926, p. 4—47; 1927, p. 203—229; 1928, p. 22—76; Duby, 1959, p. 244—258; Fasoli, 1965, p. 113—115, 122—126; 1961, p. 43—49; Bernareggi, 1960, p. 41—43; Tagliaferri, 1964, p. 245—247; p. 68—76).

В настоящее время и применительно к Италии полностью доказана несостоятельность теории об исключительно вотчинном характере ремесла в раннее средневековье и о господском дворе как единственном или главном центре ремесленного производства и родоначальнике городского ремесла. Ни в одной лангобардской грамоте не упоминаются вотчинные ремесленники. Такие упоминания более многочисленны в источниках франкской эпохи. Однако и по отношению к этому времени было бы неверно говорить о сколько-нибудь широком распространении вотчинного, несвободного ремесла. Почти вся ремесленная продукция изготовлялась прежде всего свободными городскими, а также свободными (т. е. не сервами) сельскими ремесленниками¹.

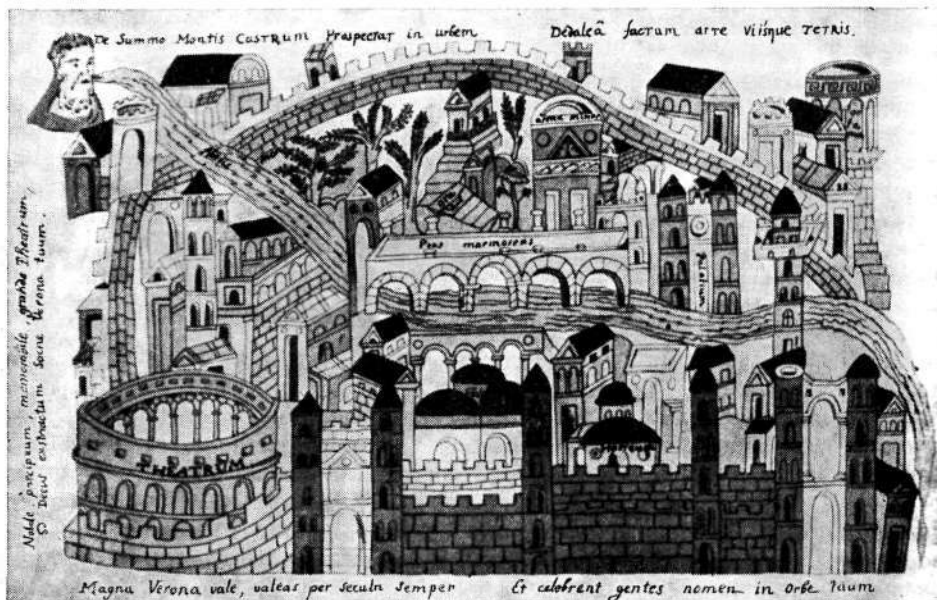
Ремесленные изделия встречались среди оброчных продуктов зависимых крестьян разных областей Италии. Так, зависимые крестьяне-массарии монастыря в Боббио (IX в.) доставляли сельскохозяйственные орудия или текстильные изделия из льна и конопли. Тяглые держатели земли епископа Лукки (VIII—IX вв.) привозили мешки, льняную одежду, колеса, плуги, телеги. Однако вносили оброк ремесленными изделиями сравнительно немногие крестьяне (приблизительно около 10—11%). Анализ полиптика монастыря св. Юлии в Брешии (начало X в.) показывает, что некоторые зависимые держатели и здесь доставляли в качестве оброка крестьянское полотно и полотняные рубашки, а также топоры, мотыги, вилы, но общий процент держателей-ремесленников в Брешии еще меньше, чем в Лукке — 4,5%. При монастыре существовала женская ремесленная мастерская — *гинекей*, в которой изготовлялись изделия из шерсти и льна, в документах отдельных монастырских поместий упоми-

¹ Bernareggi, 1960, p. 41—46, 58—59. Конечно, и в лангобардскую эпоху существовали имения, использовавшие труд сервов-министерялов, но они, по мнению Бернарджки, были исключением (ср.: Leicht, 1937, p. 91—93; Луццатто, 1954, с. 176—177).

III. Крестьянство в раннефеодальном обществе

наются сервы-каменщики (DL, v. 5, p. 3, № 1758; Guidi, Pellegrinetti, p. 3–11; МНР, v. XIII, № 419, а. 905–906; CDB, v. 1).

В грамотах Северной Италии VIII–X вв. многочисленны упоминания о мелких свободных собственников и зависимых держателях по договору (часто — либелляриях), одновременно являющихся и ремесленниками разных специальностей — монетчиками, кузнецами, мельниками, сапожниками, ювелирами и другими, проживающими в городе и округе (Leicht, 1937, p. 28 f.; Brezzi, 1940, p. 55–58; Violante, 1974, p. 53–61). Однако и на севере полуострова преобладало свободное городское ремесло.

Изображение города Вероны. Миниатюра начала X в. из рукописного кодекса веронского епископа Ратхерия (впоследствии утраченного). На рисунке видны два пояса стен (G, H): римская (III в.), внутренняя, и внешняя, построенная при остготском короле Теодорихе между ареной и рекой Адидже. Находящийся слева амфитеатр окружен стенами (F), являющимися продолжением старых римских стен. Выше на миниатюре — кафедральный собор (L) и резиденция епископа (V). В центре миниатюры — античное зернохранилище (лат. Horreum), окруженное садом (K). Там же арки форума и рыночная площадь (E). В верхней части миниатюры, над рекой Адидже, — укрепленное поселение (castrum) с поясом римских стен, которые заканчиваются у холма св. Петра (на рис. — Mons). По краям миниатюры — тексты, сочиненные епископом Ратхерием позже, в 60-х годах X в., когда он оставил кафедру и удалился в монастырь: «Прощай, величественная Верона! Пусть живет и процветает в веках твоё имя во всем мире! Прекрасный, необыкновенный, незабываемый театр, построенный в твою честь, священная Верона! Посмотри с вершины холма на город: это сеть улиц, созданная искусством Дедала»

Активные торговые связи в VIII–X вв. продолжали существовать между странами Средиземноморья и другими регионами Европы — через Пиренеи и Альпийские перевалы, посредством береговой торговли. Сношения с арабским Востоком и Византией по-прежнему осуществлялись через города Южной Италии — Неаполь, Салерно, Гаэту, Амальфи (Violante, 1974, p. 21–36; Fournier, 1970, p. 228–229).

Основное место во внешней торговле принадлежало товарам редкого потребления, предметы повседневного спроса встречались лишь частично. Интенсивной была и внутритальянская торговля. Главной торговой артерией Италии служила река По с ее многочисленными притоками и каналами. В IX—X вв. ежегодные и еженедельные ярмарки устраивались в Пьяченце, Асти, Верчелли, Милане, Ферраре, Кремоне, Новаре и других городах. Крупнейшим портом и рыночным центром долины реки По была Павия. Через нее шли торговые пути на север — в германские земли и на юг — к Риму. В IX и особенно X в. все наиболее крупные монастыри и церкви Падаванской долины имели в Павии свои торговые склады и лавки. В Павии расположены были и административно-хозяйственные центры ряда церковных вотчин, куда зависимые крестьяне нередко в порядке извозной повинности доставляли натуральные оброки. Своими торговыми помещениями владели в главных портах на реке По и ее притоках монастыри св. Коломбана в Боббио, брешинская обитель св. Юлии. У крупных церковных учреждений были и собственные порты (Vegetti, 1960, p. 53—57; Violante, 1974, p. 3—30; Hartmann, 1904, S. 74—122), куда привозились зерно, вино, оливковое масло, поступавшие из различных поместий. Сохранение связи с городским рынком, продажа в городах и портах продукции, получаемой в виде оброков с зависимых крестьян, составляли специфику как североитальянской, так частично и средне- и южноитальянской вотчины изучаемого периода (Котельникова, 1975, с. 100—115; Абрамсон, 1976, с. 12—26).

Чаще и успешнее всего осуществляли эту продажу вотчинники-горожане — богатые ремесленники и купцы. Натуральная рента занимала немалое место в повинностях тяглых крестьян в IX — начале X в.: согласно политике епископства Лукки (IX в.), — у более чем половины их; по данным политика св. Юлии в Брешии (начало X в.), — у 90%. Что же касается либелляриев и других категорий зависимых держателей, владевших землей на договорных условиях, то удельный вес натуральных поставок там был значительно меньшим: в IX—X вв. продуктовые оброки доставляла едва половина либелляриев в Северной Италии, а в Центральной Италии и того меньше: приблизительно пятая их часть.

Денежный чинш — один из важных показателей товарности крестьянского хозяйства — в середине IX—X в. преобладал у либелляриев в Центральной Италии. Его платила примерно половина североитальянских либелляриев. Однако здесь нередко практиковались оброки смешанного типа: натурой и деньгами одновременно. Судя по документам, относительно часто совершались ростовщические сделки с землей (Котельникова, 1975, с. 110—115; 1981, с. 80—86).

В современной историографии уже применительно к Италии IX—X вв. убедительно опровергнуты взгляды сторонников вотчинной теории (разделявшие Ф. Карли и А. Пиренном) о поместье этого времени как якобы полностью замкнутом экономическом комплексе и о поместных рынках, будто бы функционировавших лишь для обмена товарами между колоннами и остальным населением этого же поместья (Luzzatto, 1961, p. 15—28; Violante, 1974, p. 14—19; Jones, 1966, p. 60, 73—74, 81, 84—88). Разумеется, тезис о господстве натурального хозяйства в раннее средневековье остается в силе. Однако, хотя товарно-денежные отношения в Италии VII—VIII вв. находились ниже того уровня, который существовал в V—VI и тем более в последующие — IX—X вв., нельзя не принимать во внимание их наличие прежде всего в итальянском городе, а в определенной степени и в его округе.

Этим фактором во многом объясняются и небольшие размеры доменального хозяйства в Италии VIII—X вв. (в отличие от других европейских стран). Правда, установить точное соотношение доменальной и держательской земли можно далеко не всегда, тем не менее известно, что большая часть домена обычно раздавалась в аренду или держание, либо входила в состав необработанных земель (леса и т. п.). Так, по данным полиптиков, барщинных работников в вотчине епископства Лукского было почти в 3 раза меньше, чем оброчных крестьян. На домене монастыря св. Коломбана в Боббио производилось лишь 20% зерна, собиравшегося со всей принадлежавшей ему пашни. В начале X в. в брешинском монастыре св. Юлии 741 пребендарий (дворовые работники) приходился на 4700 зависимых людей: в монастыре Фарфа — 93 пребендария на 1500 зависимых. Незначительна была доля барской запашки в южноитальянской вотчине IX—XI вв. (Hartmann, 1904, S. 52; Luzzatto, 1966, p. 102 f.; см. также: Fumagalli, 1978, p. 34—49; Абрамсон, 1961, с. 137—173). Одной из характерных черт вотчины в Италии этого периода являлось то, что, как и в более раннее время, собственниками имений и господами крестьян нередко выступали купцы и богатые ремесленники — горожане, чиновники городских административных, финансовых и судебных учреждений, иногда — люди свободных профессий (Violante, 1974, p. 55 f.; Jones, 1974, p. 1622—1625).

В VIII—X вв. в Италии интенсивно происходил процесс феодализации, одним из главных проявлений которого было образование класса феодально-зависимых крестьян из обедневших мелких собственников, а также колонов, сервов и альдиев. В то же время значительные слои мелких и средних собственников, наследников позднеримских посессоров, продолжали оставаться вне подчинения частной вотчине и позднее X в., о чем свидетельствуют грамоты, фиксировавшие разного рода поземельные сделки, субъектами и объектами которых выступали эти собственники (Абрамсон, 1961, с. 170—172; 1976, с. 24—26; Котельникова, 1975, с. 112—115; 1981, с. 79—83). Слой этот уменьшался из-за вступления многих из них в зависимость от феодализирующей знати, но одновременно ряды мелких свободных собственников пополнялись за счет получавших освобождение сервов, колонов и альдиев и обедневших средних землевладельцев, а также приобретавших земельные владения небогатых горожан — торговцев и ремесленников, должностных лиц городской курии, представителей свободных профессий и т. п.

История городов Пиренейского полуострова, а также Южной Франции в VIII—X вв. отличалась существенными особенностями. Среди факторов, обусловивших эти особенности, не последнее место занимали арабские завоевания и связанное с ними перемещение торговых путей, ослабившее традиционные связи названных областей с другими западноевропейскими странами и Востоком. К этой части средиземноморского региона в гораздо большей мере, чем к Италии, применимо представление о наступившем перерыве в городской истории, продолжавшемся вплоть до возрождения городов в X—XI вв. уже на новой, феодальной основе. Однако и в отношении этого региона было бы ошибочным говорить о полном затухании товарно-денежных связей и исчезновении городов. Как отмечалось выше, в той или иной мере торговые сношения городов Испании (главным образом запада, юга и востока) с Византией, а также с Европой, прежде всего с Южной Францией, продолжались, хотя осуществлялись подчас и иными, чем раньше, путями. Ряд городов мусульманской

части Испании и после арабского завоевания сохранил свое значение административных и торгово-ремесленных центров.

Дж. Лакарра привел данные о значительном росте населения отдельных городов мусульманской Испании в VIII—X вв., заметно превосходившем население западноевропейских городов тех же столетий. Так, Кордова — столица Халифата — в конце VIII в. насчитывала приблизительно 5,5 тыс. жителей, в середине IX в. — 9,4 тыс., в конце X в. — уже около 15 тыс. В Толедо в X—XI вв. проживало около 37 тыс. жителей, в Гранаде — 26 тыс. и т. п. В IX в. возникли такие новые городские центры, как Мадрид, Калатрава, ряд других городов — торговых центров на побережье Средиземного моря. Есть и некоторые сведения о ремесленном производстве: изготовлении шелковых тканей, полотна; кожаных и скорняжных, керамических и стеклянных мастерских; заведениях, где изготовлялись пергамен и различные предметы роскоши. Ремесло в основном базировалось на свободном труде, но применялся и труд рабов. С IX в. существовали ремесленные корпорации.

Города христианской части Испании, которые в VIII—IX вв. в целом переживали упадок, к концу этого периода постепенно возрождались. С IX в. в Леоне происходили крупные еженедельные «королевские» ярмарки. Сюда постоянно доставлялись ткани — из Византии, оружие и другие товары — из Франции. Развитию этих городов, вероятно, способствовало соседство торговых центров мусульманской Испании. В формировании новых городских центров и коммунальном движении особо важную роль сыграла Реконкиста (Ласагга, 1959, р. 337—355, 393—415; Еппен, 1975, S. 70—72; Fazio, 1961, р. 86).

В X в. в Испании, как и в других странах Западной Европы, возникают бурги, которые впоследствии, соединившись со старыми *civitates*, дают новую жизнь многим городам. По темпам и уровню городского развития Испания не только не отставала, но частично даже опережала Францию, Германию и Англию (Амшпип, 1958, S. 115—117).

Арабское нашествие нанесло сильный удар южнофранцузской, главным образом морской, торговле. Однако связи южнофранцузских городов с Византией и Востоком не прекратились (немалую роль тут играло, как мы видели, посредничество купцов южноитальянских городов). Вместе с тем влияние этой торговли было недостаточным для того, чтобы она составила важный элемент городской жизни. Южнофранцузские города продолжали сохранять преимущественно военный характер (ввиду постоянной опасности арабских вторжений) (Дубу, 1959, р. 233—241). В то же время наряду с этой «дальней» торговлей определенное (и постепенно возрастающее) значение занимала региональная торговля между Южной Францией и ее соседями. Нарбонна, Каркассон и Тулуза представляли собой важные пункты на торговых путях, они были тесно связаны с Барселоной и Бордо. Этой региональной торговлей было в определенной степени обусловлено и развитие ремесла (производство швейных изделий, предметов домашнего и сельскохозяйственного обихода, частично предметов роскоши). Весьма важными объектами региональной торговли, как и в предшествующий период, оставались зерновые, вино, оливковое масло и оливки, мед, рыба, соль. Отдельные вотчины принимали активное участие в региональной торговле. Так, в 814 г. аббатство Грасс получило право свободной беспопыльной морской и сухопутной торговли.

С конца X в. наблюдается оживление экономической жизни южнофранцузских городов — в разной степени в разных областях: раньше — в Провансе, позже — в Лангедоке.

III. Крестьянство в раннефеодальном обществе

Заметное место в городах (в том числе и в их управлении) стали занимать представители мелкой военной знати (*milites*), к XI в. все теснее смыкавшиеся с богатыми торговцами. *Milites* обычно получали от городского сеньора — в качестве фьефов с обязательством защищать город — часть стены и башню, где они должны были определенное время проживать.

Широкое развитие региональной торговли товарами повседневного потребления и продолжавшаяся (хотя и в урезанном масштабе) дальняя морская торговля, а также сохранение ремесленного производства в городе оказали заметное влияние на структуру взаимоотношений южно-французского города и деревни. Было бы, видимо, неправомерно предполагать полный разрыв, прекращение всяких отношений между ними в VIII—X вв. Несмотря на значительные колебания и различную интенсивность этих связей, город в той или иной степени оставался центром ремесла: именно здесь вотчина приобретала часть нужных ей ремесленных изделий; в то же время городской рынок абсорбировал продукцию сеньориального хозяйства (которая подчас отправлялась и далеко за пределы данного города). Административно-хозяйственный центр вотчин духовных и светских феодалов (как и в Италии) нередко находился в городе или в суббурге; подчас и сам домен располагался на территории последнего (Dupont, 1942, p. 344—348, 373—396, 434—438; Duby, 1959, p. 238—258; Sautel, 1955, p. 313—322).

Сохранение в VIII—X вв. некоторой городской активности (хотя и в значительно меньшем объеме, чем в соседней Италии) и региональной торговли, наличие связи поместий с рынком оказали существенное воздействие на особенности феодализации в Южной Франции и Испании, где процесс генезиса феодализма имел некоторые сходные черты с итальянским, особенно в Северной Италии. Вотчина здесь также характеризовалась отсутствием домена или очень небольшим его удельным весом, и тут вся или большая часть домена раздавалась в держания свободным либо зависимым крестьянам. В Южной Франции к IX в. почти все земли имений находились во владении мелких держателей. Невелик был в VIII—IX вв. домен в Астурии. Соответственно и барщина в VIII—X вв. не занимала сколько-нибудь заметного места в системе крестьянских повинностей. В Юго-Западной Франции, Оверни, Провансе, готской Испании нет даже ее следов. Исключением являлась лишь извозная повинность, например в Оверни. Оброки натурой — часть урожая, десятина с зерна, плодов, мелкого скота и домашней птицы — составляли основную часть крестьянских повинностей. Однако, как и в Италии, денежные взносы здесь играли не последнюю роль (Жорсунский, 1976, с. 76—77; Fournier, 1962, p. 242; Poly, 1976; 1980, p. 61—67, 81—84; Bonnassie, 1980, p. 27—29), что было, несомненно, связано с относительно заметным распространением товарно-денежных отношений.

Для Южной Франции и Испании характерна также замедленность процесса подчинения обедневших свободных собственников феодализирующейся знати. В VIII—IX вв. мелкие свободные собственники продолжали существовать в Провансе и Бургундии, Септмании, Каталонии и Астурии. Зависимое крестьянство в этих областях в большей степени, чем в Италии пополнялось за счет освободившихся сервов, но при этом быстрее, чем в Италии, суживался разрыв между лично свободными и несвободными земельными держателями: либелляриями и прекаритами, с одной стороны, колонами и сервами — с другой. Колоны были довольно близки

ж сервам и их статус до IX в. в значительной степени сохранял черты, свойственные статусу позднеримских колонов (Бессмертный, 1972, с. 60).

Итак, особенности экономической и социальной структуры города раннего средневековья в средиземноморском регионе во многом обусловили специфику генезиса феодализма и формирования зависимого крестьянства.

Замедленность процесса генезиса феодализма и сохранение в течение длительного времени значительного слоя мелких и средних свободных земельных собственников (прежде всего позднеримского типа), как уже отмечалось, непосредственно связаны с существованием городов, удаленных от римской эпохи. При этом, конечно, было бы неправомерным отрицать и обратное воздействие товарно-денежных отношений на хозяйство мелких собственников: втягивание их земель в торговый оборот приводило к росту имущественного неравенства, к разорению и обеднению немалой части этих собственников.

Помимо этого, тесно связанное с городским развитием сохранение римских частнособственнических форм в ремесле и торговле, равно как и в земледелии, обусловило наличие более широкого, чем в каком-либо другом ареале Европы, слоя колонов и сервов позднеримского или близкого к нему типа в формировавшейся массе феодально-зависимого крестьянства. Очевидно, здесь же можно видеть один из факторов, объясняющих распространенность среди свободных собственников, становившихся зависимыми держателями, практики заключения с собственниками земель договоров, типологически близких к позднеримской наследственной амфитевтической аренде.

Несмотря на господство натурального хозяйства, особенностью данного региона являлось сохранение рыночных связей хозяйств как крупных землевладельцев, так и мелких и средних земельных собственников, а частично и крестьян, попавших в ту или иную зависимость от вотчины. Хотя производство ремесленных изделий осуществлялось и в поместье и крестьянском хозяйстве, город нередко оставался главным центром ремесленного производства: именно там приобретали основные ремесленные изделия не только сами горожане, но и жители сельской округи. Описанные факторы оказывали самое непосредственное влияние на структуру имения: его господская часть была или очень небольшой или вообще отсутствовала; вся земля имения нередко раздавалась в держания.

2. Византия *

По-иному, чем в странах Западной Европы, складывались судьбы византийского города. Как уже отмечалось в гл. 13, в ранний период Византийская империя изобиловала крупными городскими центрами и по праву называлась современными писателями Запада страной городов. Произведения византийских мастеров оставались тогда недостижимым эталоном для ремесленников многих стран. Византийские купцы проникали в отдаленные уголки средневекового мира. Они торговали с такими странами, как Индия, Китай и Цейлон. На севере корабли византийских мореходов достигали островов Британии и берегов Скандинавии. В торговле с Западом по Средиземному морю византийцы долго сохраняли свою гегемонию.

Разумеется, в жизни ранневизантийского города можно было наблюдать также черты упадка, явления, связанные с кризисом античного по-

* Авторы — З. В. Удальцова и К. А. Осипова.

лиса и муниципальной собственности, но в целом экономическое развитие городов все еще шло по восходящей линии.

В Византии процессы, связанные с общей натурализацией хозяйства в период генезиса феодализма, имели свои специфические особенности.

Прежде всего, все более углубляется существенное различие в социально-экономическом и культурном развитии прибрежных городских центров и городов-крепостей во внутренних областях империи.

Сохранение позднеантичного наследия в крупных морских портах Византии имело значительно большие масштабы и более длительную устойчивость, чем в каких-либо других европейских странах средневекового мира. Даже в период временного упадка (сер. VII—IX в.) в Византии сохранялись крупные городские центры, унаследованные от позднеантичного времени, но наряду с ними росли и новые средневековые города. Они возникали или на месте захиревших античных городов, или на вновь освоенных территориях, чаще — на морском побережье, реже — внутри страны.

В эти века менялся и внешний облик византийского города. При сохранении в основном его стройной планировки, с прямыми улицами, открытыми портиками, богатыми общественными зданиями, домами античного типа в 2 и 3 яруса, появляются и замкнутые укрепленные жилища горожан, а архитектурной доминантой города все чаще становится христианская базилика.

Важной особенностью общественного развития Византии стала совершенно исключительная роль столицы в экономической, политической и культурной жизни империи.

Константинополь к этому времени украсился великолепными дворцами-храмами, а гавань Золотого Рога стала крупнейшим портом Средиземноморья. Константинополь представлял собой огромный, хорошо укрепленный город с многочисленным населением, доходившим порою до 500 тыс. человек. Он всегда оставался местом пребывания императора и его двора, резиденцией православной патриархии и центром культуры и образованности. Константинополь по своей роли в истории раннего средневековья, по своему значению в международной политике и развитии культуры мог сравниться лишь с Римом времен его расцвета. Недаром до последних своих дней Константинополь сохранил название «Нового Рима».

В Западной Европе в раннее средневековье не было города, подобного Константинополю, ни средневековый Париж, Лондон или Барселона не могли соперничать с ним.

Каковы же были причины столь своеобразного развития городов в Византии в период генезиса феодализма?

Рождение средневекового города в империи происходило в иных, чем на Западе, условиях. Феодальные общественные отношения здесь складывались в обстановке более длительного сохранения традиций поздней античности. Античное наследие, которое получила Византия от Поздней Римской империи, послужило мощным стимулом расцвета городов и помогало в раннее средневековье сохранению их экономического превосходства над городами Западной Европы.

Другим важным условием, оказавшим влияние на формирование средневекового города в Византии, была государственная регламентация городского ремесла и торговли. Это явление, столь характерное для средневековой Византии, сохранившей свою государственную централизацию, возникло еще в ранний период и достигло своего расцвета в X—XI вв.

Государственная поддержка обеспечивала торговую монополию ремесленных корпораций, обилие заказов императорского двора, армии, константинопольской знати, гарантировала безопасность на дорогах и в городах империи.

Итак, вплоть до начала XII в. экономическое превосходство Византии над другими европейскими странами в сфере городской экономики, в уровне развития ремесла и торговли было бесспорным.

Подобное своеобразие исторического развития городов является одним из важнейших типологических отличий Византии от стран Западной Европы.

3. Центральная и Северная Франция. Рейнская Германия

Имелись ли какая-либо связь и взаимозависимость между существованием раннесредневековых городов, элементов товарно-денежных отношений и особенностью процесса образования зависимого крестьянства в других регионах Европы, где римские города сохранялись лишь sporadически и в виде исключения, а более или менее широкая полоса складывания городов наметилась не раньше конца X—XI вв.?

Обратимся прежде всего к региону «классического» пути возникновения и развития феодализма — Центральной и Северной Франции, а также Рейнской Германии (земли между Луарой и Рейном). Период Поздней Римской империи и начала варварских нашествий (III—IV вв.) отмечен здесь упадком многих городов, сокращением их торговой и ремесленной деятельности. В то же время ряд римских городов, расположенных вдоль «Римского вала» (средний Рейн), сохранил свое значение и даже переживал в III—IV вв. подъем, во многом связанный с их ролью административных центров и военных форпостов Империи, пытавшейся удержать и упрочить свои позиции на периферии.

Особое положение среди рейнских городов занимал Трир — в III—IV вв. один из крупнейших городов Западной Римской империи. Его население в IV в. достигало 60 тыс. человек. Императорские монетные мастерские чеканили монеты, изготовлялись оружие и одежда. Из Арля в Трир по Мозелю проходил поток купеческих караванов. Упадок Трира начался в V в.

Конец V—VII в. были временем глубокой трансформации старых римских городов, сохранившихся на территории изучаемого региона после падения Империи. Римские города, однако, не исчезли полностью с карты Рейнской Германии и Северной Франции. Материалы археологических раскопок, количество которых резко возросло в последние десятилетия, показали, что в большинстве римских *civitates* и даже *castra* и *castella* сохранились крепостные стены, административные и церковные здания, некоторые хозяйственные сооружения и т. п. (см., например: Schöneberger, 1973, S. 104—102; Doppelfeld, 1973, S. 110—129; Schindler, 1973, S. 130—151; Dollinger-Leopard, 1958, p. 215—218). Эти старые города все еще играли заметную роль в качестве военно-административных и церковных центров Франкского государства.

Германская колонизация не вытеснила римское население с захваченных варварами территорий. Не только в Италии, Галлии и Испании, но вплоть до X в. на Мозеле и Среднем Рейне сохранялись значительные группы галло-римлян, живших преимущественно в городах. Именно из их среды почти сразу же после Великого переселения народов выхо-

дели торговавшие с далекими странами купцы и опытные ремесленники. Рейнское стеклоделание, рейнско-маасская металлургия, добыча соли на территории, вошедшей впоследствии в состав Лотарингии, камня — на территории массива Эйфель, производство бытовой керамики, мозельское и эльзасское виноделие уходили своими корнями в античную традицию. «Зона преемственного развития» включала примозельский район и средние части прирейнской области.

В районе нижнего Мааса, а также в Нижней Прирейнской области и в Вестфалии, хотя там и сказывалось римское влияние, признаки римской традиции отсутствуют. Города этой области оказали наиболее сильное воздействие на города восточной и центральной части Германии, зародившиеся на новой, феодальной основе в каролингскую или, по крайней мере, оттоновскую эпоху.

В VIII—X вв. происходила постепенная нивелировка сохранившихся старых римских и вновь возникавших городов: все они в этот период представляли собой центры королевской администрации, резиденции епископов, стратегические опорные пункты в борьбе против норманнов и венгров; все они сильно пострадали от их опустошений.

Территория старых римских городов, возродившихся теперь к новой жизни в ином облике, расширялась. Новые предместья, как правило, торгово-ремесленные поселения — возникали в непосредственной близости от римского *civitas* или неподалеку от него: позднее они сливались друг с другом и со своим первоначальным ядром. Так обстояло дело в Трире, Меце, Вердене, Париже, Орлеане. Однако эти города были не только военно-административными центрами. По крайней мере в некоторых из них торговля и ремесло играли не последнюю роль. Хронист Григорий Турский описывал купеческие дома и лавки в Париже, строящиеся здания церквей в Париже и Суассоне (Büttner, 1958, S. 154). В V—VII вв. в городах Галлии существовали многочисленные колонии восточных купцов. По подсчетам Ф. Лота, в VI—VII вв. Реймс насчитывал 5800 жителей, Суассон — 2080, Турне — 1900 (Vercauteren, 1934, p. 359—360; 1959, p. 458—472). Начиная с VII и особенно с VIII в. в этой области интенсивно развивалась речная торговля по Луаре и Гаронне.

С Атлантического побережья во Франкское королевство вели морские торговые пути в вестготскую Галлию и к Гибралтару, в Ирландию и северо-западную Англию, к Ла-Маншу и Галлии. До конца VI в. район Роны — Соны был транзитом на путях к Средиземному морю из областей, прилегающих к Северному морю.

С VII в. торговая активность переместилась к северу. Долина Рейна оставалась крупной коммерческой магистралью между Италией, Северной и Северо-Восточной Галлией. Постепенно предметы роскоши, как объекты торговли, отходили на второй план: все более интенсивной становилась торговля вином. Сохранились некоторые данные о городском ремесле в меровингскую эпоху: о строительном деле (постройка церковных зданий), монетном, ювелирном производствах и др. Однако основу преуспеяния рейнских городов в тот период составляла торговля.

Разведение винограда на доменальных землях трирских архиепископов (главным образом между Мозелем, Рейном и Маасом), а также в восточных богатых бенедиктинских аббатств (св. Максимиана, св. Мартина, св. Матвея и др.), возникших поблизости или на территории города, способствовало тому, что в VIII—IX вв. Трир стал играть важную роль в торговле мозельским вином. Однако возрождение экономической жизни

Трира было сравнительно кратковременным. Норманские завоевания (с 882 г.) имели для Трира катастрофические последствия. Норманны взяли город и подвергли его разграблению, а стены разрушили. Оживление экономической жизни, происходившее в каролингскую и оттоновскую эпоху, было еще более заметным в других городах, расположенных между Рейном и Луарой, где последствия завоевания норманнов сказались менее явственно. Мец, в свое время служивший резиденцией франкских королей, избежал норманского нашествия. В конце IX в. его называли наиболее могущественным городом Лотарингии. В X в. там ежегодно устраивались три ярмарки. Основу экономики Меца, как и ряда других рейнских городов, составляла торговля прежде всего продуктами сельского хозяйства (скотом и особенно вином и солью). Энергичное участие в торговле принимали епископы, купеческий элемент был относительно слаб (Büttner, 1958, S. 152—155; Dollinger-Leonard, 1958, S. 195—226).

В рейнскую торговлю включались и вотчины, находившиеся на сравнительно большом расстоянии от городов, но обычно расположенные на торговых путях. По данным Сен-Жерменского полиптика, каждый год аббатство продавало более 80% вина, полученного как с господских виноградников, так и в виде оброков с держателей. Много собственного вина продавало аббатство Сен-Дени на ежегодных международных ярмарках, учрежденных еще Дагобертом в начале VII в. Нередко взамен реализованных товаров вотчинники приобретали на рынке ремесленные изделия, одежду для церковной братии и утварь. Немало вотчинников владели транспортными средствами, необходимыми для перевозки товаров по водным и сухопутным магистралям. В некоторых поместьях практиковалась особая торговая барщина. В Прюмском аббатстве держатели 187 мансов по очереди продавали монастырское вино и соль. Факты такого рода не были единичными — это доказывает Пистенский эдикт Карла Лысого от 864 г. Перевозки натуральных оброков, возможно, связанные с их реализацией на рынке, осуществлялись на значительное расстояние в Реймском аббатстве св. Ремигия.

В торговле участвовали и крестьяне.

В отличие от городов Средиземноморья города данного региона не были главными и сколько-нибудь значительными центрами ремесла в своей округе. Весьма сильно было развито ремесло в деревне, причем продукция производилась не вотчинными дворовыми ремесленниками, а либо профессиональными мастерами, специализировавшимися на изготовлении определенного вида изделий и нередко сочетавшими свои занятия с сельским хозяйством, либо — еще чаще — зависимыми крестьянами-держателями, доставлявшими в качестве оброка те или иные ремесленные изделия. Ремесленники, упомянутые в «Капитулярии о поместьях» («Capitulare de villis») Карла Великого (VIII в.), — кузнецы, сапожники, токари, плотники, оружейники, мыловары, седельники, — но не все они были дворовыми, хотя и находились в тесной связи с барским двором (эти мастерские обязаны были регулярно исполнять там всю текущую ремесленную работу или доставлять туда значительную долю своей продукции), могли иметь отдельные хозяйства и не жить на барском дворе. В том же «Капитулярии о поместьях», а также в других описях и иных источниках содержатся указания на существование женской ремесленной мастерской, в которой изготовлялась полотняная и иная одежда (Корхов, 1940, с. 7—9). В статутах Адальгарда (822 г., аббатство Корби) в числе дворовых работников — пребендариев — упо-

мянуты сапожники, сукновалы, кузнецы, золотых дел мастера, оружейники, пергаменщик, полировщик, литейщики, хлебопеки, плотники, врачи.

Работали на барском дворе, получая там в определенные дни довольствие, а в остальное время живя доходами со своих хозяйств, ремесленники монастыря Петергаузен (IX в.), повара и пекари, сукновалы, сапожники, садовники, плотники.

Однако общее число дворовых ремесленников даже в крупных монастырских хозяйствах, относительно которых сохранились более точные сведения, было невелико — до 20—30 человек в поместье и не свыше 4—6 человек одной специальности, но и те, вероятно, нередко имели собственные хозяйства.

Весьма квалифицированным, производительным и разнообразным было ремесло в крестьянских хозяйствах: крестьяне должны были изготовлять ремесленные изделия как для собственного потребления, так и для снабжения хозяйства вотчинников. Получило значительное распространение изготовление шерстяных тканей. По данным описи Лоршского монастыря IX—X вв., крестьяне 17 вилл платили оброк кусками шерстяной материи. В еще больших размерах они доставляли полотно (в описи названо 25 вилл, где крестьяне платили оброк льняной одеждой иногда по 10—20 штук и более или кусками льняного полотна из господского либо своего льна). Из описи владений Сен-Бертинского монастыря видно, что крестьяне 10 вилл вносили оброк готовыми тканями. В полиптике Сен-Жерменского монастыря, в описи владений Вейссенбургского монастыря также упомянуты крестьянские оброки сукном и полотном (в последнем льняную одежду поставляли держатели 137 гуф). Крестьяне Сен-Жерменской обители привозили на господский двор различные плотничьи изделия (клетки, обручи, бочки, телеги), железную утварь, печеный хлеб, вино, пиво.

Помимо крестьян-держателей, часть оброка уплачивавших ремесленными изделиями, среди сельских жителей в IX—X вв. имелась довольно многочисленная прослойка профессиональных или полупрофессиональных ремесленников. В статье 150 Сен-Жерменского полиптика говорится о нескольких держателях, владеющих половиной манса и целиком вносящих оброк кузнечными изделиями (дротиками, копьями и прочим), двое из них прямо названы кузнецами. В картулярии Сен-Бертинского аббатства упоминается кузнец, там же идет речь об оброке, состоявшем из 12 гончарных и стеклянных сосудов и 100 деревянных или металлических, который мог вносить только специалист-ремесленник. В описях Сен-Жерменского, Лоршского и Сен-Бертинского монастырей упоминаются крестьяне, специализировавшиеся на изготовлении некоторых плотничьих изделий (бочки, лодки, телеги) (Корхов, 1940, с. 33—37).

Итак, в IX—X вв. в деревне рассматриваемого региона наряду с дворовыми ремесленниками (причем, вопреки утверждению сторонников вотчинной теории, им вовсе не принадлежала исключительная роль) немалое место занимали крестьяне-держатели (в состав их оброков входили ремесленные изделия), а также сельские профессиональные и полупрофессиональные ремесленники. Несмотря на то, что общее число сельских ремесленников-профессионалов, судя по имеющимся данным, было, вероятно, больше, чем в средиземноморском регионе, они все же были малочисленны, а изготовлявшиеся ими изделия составляли только незначительную часть тех, которые находили здесь сбыт и применение. В описях наряду с сотнями и тысячами крестьян упоминаются лишь несколько раз

месленников-специалистов. Ясно, что основная доля ремесленной продукции вырабатывалась самими крестьянами-держателями как для собственных надобностей, так и частично для нужд сеньора, о чем свидетельствует и состав их оброков. Деревенские ремесленники-специалисты, в свою очередь, также продолжали заниматься сельским хозяйством. Они работали главным образом на заказ, на своих непосредственных соседей, и были связаны с рынком относительно слабо. Это обуславливалось и самим характером распространенных ремесленных профессий, которые предполагали именно работу на заказ (кузнецы, плотники, часто занимавшиеся разного рода починками и строительными работами), и тем обстоятельством, что специализация многих мелких сельских ремесленников диктовалась потребностями барского двора в каких-либо изделиях (Корхов, 1940, с. 38—43).

Регион между Рейном и Луарой, как известно, был областью, где синтез римских и варварских элементов в процессе генезиса феодализма проявился в наиболее отчетливой степени. Середина VIII — середина IX в. были своего рода кульминацией в формировании основного ядра феодально-зависимого крестьянства, в котором поляризация в социальном статусе отдельных составивших его группировок была гораздо меньшей, чем в Средиземноморье, а их нивелировка — более быстрой. За пределами вотчинной власти в данной области к X в. осталось значительно меньшее число мелких свободных собственников, чем в средиземноморском регионе, хотя и здесь (особенно на западе и северо-западе) они сохранились.

Какова была в этом регионе связь между особенностями генезиса феодализма и спецификой развития города и товарно-денежных отношений в раннее средневековье? Значительно меньшая и более спорадическая городская активность, чем в Средиземноморье, прежде всего в области ремесленного производства, упадок органов городского самоуправления (от старой муниципальной курии почти не сохранилось следов), менее разветвленный и позднее возникший аппарат этого управления, слабость купечества в условиях преобладания торговли продуктами сельского хозяйства, естественно, не требовали наличия столь же широкого слоя свободных людей — горожан и сельских жителей, — как на юге Европы. Упадок римского полиса повлек за собой кризис позднеимских частнособственнических порядков и в городской жизни и землевладении. Существование в этом регионе немалого числа свободных собственников еще в IX в. в гораздо меньшей степени было связано с потребностями ранне-средневекового города. Торговый обмен между городом и имением здесь, хотя и был довольно значительным, не включал главный предмет потребления — зерно. В рейнских городах в изучаемую эпоху, как правило, ремесло не было развитым и многоотраслевым, функции ремесленных центров нередко «брала на себя» деревня. Город не препятствовал ей в этом, как на юге Европы, хотя бы косвенно, а позднее — путем прямых запрещений — заниматься ремеслом вне цеха. Напротив, он словно «вынуждал» развивать ремесло в поместье, причем главным образом — в крестьянском хозяйстве. Это способствовало обособлению и натурализации вотчины: возможности приобрести различные изделия ремесла в городе были сравнительно невелики.

4. АНГЛИЯ

Города англосаксонской Англии до Нормандского завоевания, т. е. в середине VII — начале XI в., в большинстве своем являлись крепостями и административными центрами. Многие из них возникали на месте прежних римских городов, покинутых жителями после ухода римских легионов и постепенно оживившихся после утверждения тут англосаксов.

Немало таких поселений городского типа служили в то время торговыми центрами. Уже Беда Достопочтенный называл Лондон рынком для многих народов, прибывающих сюда по суше и по морю.

В англосаксонских Правдах содержатся свидетельства о порядке заключения торговых сделок в Лондоне. Королевские грамоты VII в. говорят об освобождении от пошлин и других сборов, налагавшихся центральной властью на корабли, заходившие с грузами в лондонский порт, а также в Кент, Фордвич (вблизи Кентерберги), Сэрт и т. д.

Из других источников известно, что в VIII—IX вв. функционировали торговые порты в Южной Англии — Хэмпвик, Дорчестер, Винчестер, во внутренних областях Англии — Дройтвич в Вустершире (королевство Мерсия). Кентерберги и Рочестер были крепостями и епископскими резиденциями, но имели и рынки (Левицкий, 1960, с. 17—55, 68—71; Addyman, 1973, p. 218—228; Biddle, 1973, p. 229—258).

Внешняя торговля с континентом занимала в тот период значительно больше места, чем внутренняя. Особенно деятельную роль в торговых сношениях англосаксов с континентом играли фризские купцы. В VIII в. наиболее посещаемыми англосаксами были гавани Дорстад и Утрехт, а также Антверпен, Квентовик, Булонь, Амьен, Руан и Марсель. Предметами вывоза из Англии в VIII в. являлись льняные ткани и одежда (то и другое вырабатывалось вочичинными ремесленниками — как на господских дворах, так и в крестьянских хозяйствах). В первой половине IX в. торговые связи Англии с континентом были в значительной степени нарушены нападениями норманнов (особенно пострадали Хэмпвик и Квентовик). Возобновление коммерческих сношений, возрождение внутренней и внешней торговли наступили с конца IX — начала X в. Главными предметами торговли на внутренних рынках были продовольственные товары и шерсть, в них все больше нуждалось увеличивавшееся сельскохозяйственное население. В небольших местечках и селах, где возникали рыночные центры, светские и церковные крупные землевладельцы присваивали себе права на взимание пошлин с торговых сделок.

В англосаксонский период развивались разнообразные виды ремесленной деятельности: добыча и плавка железа и цветных металлов, металлообработка (изготовление оружия, ювелирное мастерство, чеканка монет), кораблестроение, строительное дело, обработка камня и дерева, кожи и меха, солеварение, а также переработка сельскохозяйственных продуктов (сыроварение, маслоделание, хлебопечение, пивоварение и т. п.). Задолго до Нормандского завоевания сукноделание (вырабатывались главным образом грубые сукна) получило распространение как в крестьянском хозяйстве, так и на господском дворе, а также в некоторых наиболее крупных административно-политических и рыночных центрах — в Винчестере, а также Лондоне, Линкольне (Левицкий, 1960, с. 72—156).

Таким образом, донормандскую Англию, поскольку в ней почти полностью отсутствовала римская традиция в городской жизни, правомерно

было бы сопоставить в этом отношении с Нижней Прирейнской областью и Вестфалией, а также областью к востоку от Рейна и Северной Европой.

Однако по уровню и типу городского развития Англия существенно отличалась от этих областей. В X — начале XI в. здесь уже существовал ряд крупных для того времени политико-административных и рыночных центров, одновременно (хотя и в меньшей мере) являвшихся центрами все более специализировавшейся ремесленной деятельности. Ремесло было распространено и в крестьянском, но главным образом в господском хозяйстве. Очевидно, города-порты не в состоянии были удовлетворить нужды деревни. Возможно, относительная развитость английских портов — торговых центров, само существование которых требовало, как и во всяких поселениях городского типа, наличия свободного населения, занятия торговой и ремесленной деятельностью, и административного аппарата, в какой-то мере замедляла процесс феодализации в англосаксонском обществе и способствовала сравнительно длительному сохранению широких слоев свободного крестьянства.

5. Северная Европа

В Северной Европе практически отсутствовало римское влияние (спорадически существовавшие торговые связи в период Империи существенного воздействия на общественное развитие не оказывали).

И в этом регионе в изучаемую эпоху были торгово-ремесленные поселения, которые нередко представляли собой как бы изолированные островки в сельскохозяйственном мире. По крайней мере до XI в. в большинстве своем они не являлись городами, в том смысле, в котором этот термин употребляется применительно к раннесредневековым городам Средиземноморья или Западной Европы³. Перед нами скорее торгово-ремесленные местечки или морские порты (вики) (не обязательно — укрепленные), военные и административные центры.

История торгово-ремесленных поселений, располагавшихся на побережье Северного и Балтийского морей в VIII—X вв. (в конце IX — начале XI в. большинство их практически перестало существовать), известна преимущественно по материалам археологических раскопок последних двух десятилетий. Письменные источники содержат лишь отрывочные и незначительные свидетельства, да и то только с IX в. (Житие св. Ансгария).

Названные поселения располагались от Квентовика до острова Готланд и далее до Бирки. Наиболее важные из них — Домбург, Дорестад, Хайтабу, Бирка, Лилле, Скирингсаль. Наиболее крупными из них в IX в. были Домбург и Бирка, хотя насчитывали эти поселения лишь несколько сот жителей и дома в них являлись сплошь деревянными. В X в. они были окружены рвами и земляными валами, резко контрастируя с западноевропейскими *civitates* с их каменными постройками и солидными крепостными стенами. Своим возникновением эти поселения обязаны морской торговле (тесно связанной с пиратством и грабежами) на Северном и Балтийском морях: от дельты Шельды — Мааса — Рейна морской путь следовал вдоль фризского берега до Ют-

³ В скандинавской медиэвистике существуют разные точки зрения по этому вопросу: некоторые историки все же склонны считать такие центры, как Бирка и Хайтабу, городами. Подробнее об этом см.: *Fritz*, 1970, S. 47—52.

III. Крестьянство в раннефеодальном обществе

ландского полуострова к Хайтабу и затем в Скандинавию — к Бирке и Лилле. Сношения с северным побережьем, Южной и Западной Европой осуществлялись уже в эпоху Римской империи, а затем в VI—VIII вв. — во времена Лангобардского и Франкского государств.

Упомянутые поселения были не только и даже не столько торговыми центрами, сколько средоточием ремесла. Археологические раскопки свидетельствуют, что уже со II в. (возможно, в этом сказалось влияние сношений с Римом) и особенно в VII—VIII вв. жители выплавляли здесь чугуун, обрабатывали металлы (железо и бронзу) и кость. Следы подобной ремесленной деятельности налицо во многих обнаруженных археологами остатках крестьянских дворов. Очевидно, ремеслом занимались крестьяне, не порвавшие еще связей с сельским хозяйством, хотя имеются свидетельства о существовании (на огороженных пространствах) специализированных мастерских, изготовлявших предметы названных ремесел (Jankuhn, 1958, S. 453—464, 473—490; 1970, S. 25—34; Гуревич, 1966, с. 45—64; Fritz, 1970, S. 43—52; Ambrosiani, 1974, S. 58—64).

Можно ли констатировать какое-либо влияние этих поселений на генезис феодализма, на специфику образования класса зависимого крестьянства? Хотя такие поселения недостаточно «вычленились» из округи и их было немного до XI в., все же они могли до некоторой степени способствовать сохранению самостоятельности и свободы крестьян — скандинавских бондов, сочетавших свои сельскохозяйственные занятия с ремесленно-торговыми (или даже сделавших последние своей основной профессией). Развитие крестьянского ремесла и промыслов делало последние излишними в усадьбах феодализировавшейся знати, подрывая тем самым один из важных стимулов образования господского хозяйства.

Развитие преимущественно внешней торговли, объектами которой выступали товары неповседневного спроса, не оказывало сколько-нибудь существенного воздействия на процесс феодализации (в сторону его углубления и ускорения).

6. Центральная Европа

Сведения о городской жизни в области к востоку от Рейна в VII—VIII вв. скудны. Поселения предгородского типа существовали в Восточно-меровингском государстве: это были бургы, служившие резиденциями герцогов и графов, иногда короля. Важную роль играл в этих поселениях рынок, который часто находился вблизи порта. Неподалеку располагались складские помещения и купеческие дома. Поселение купцов (*portus*, или *wikus*) первоначально, как правило, возникало вне городских стен.

К городам, не имевшим предшественников в Римскую эпоху, принадлежат и западнославянские (чешские, польские), а также венгерские. Однако неверно было бы (против этого свидетельствуют в первую очередь данные раскопок, но частично и письменных источников) начинать историю этих городов с XII в., когда им стало предоставляться немецкое городское право (*locatio civitatis*). Археологические материалы позволяют констатировать существование уже в IX—X вв., а кое-где и ранее, на месте этих населенных пунктов или поблизости от них укрепленных поселений (*castra*) ремесленно-аграрного характера, окруженных рвом и земляным валом. Их жители — ремесленники, крестьяне, частично (главным образом позже) купцы, князь и его окружение (в бургах). Тип жилища и укрепления, находки предметов ремесла свидетельствуют о том,

что возникновение городского строя в этих областях определяется местными условиями (Hensel, 1967, S. 29—61; 1974, S. 176—189).

Городские поселения обнаружены в районах Вроцлава — Ополя, окрестностях Кракова (Нова Гута, Иголомия, Поморье), в Моравии (Микульчицы — Поганско-Старо-Място). Эти поселения сходны и более или менее синхронны торгово-ремесленным предгородским образованиям на побережье Северного и Балтийского морей, о которых шла речь выше.

В жизни городских образований Центральной и Восточной Европы весомым фактором являлась дальняя торговля. Ее пути шли с юга Италии — через Альпы на Рейн и обратно, включая область Неккара, а также по тюрингской речной системе и на юго-восток — в Паннонию (Roth, 1971, S. 348—358; Hensel, 1970, S. 53—64). Среди предметов торговли источники называют гончарные изделия (один из главных производителей — Майнцкая область); с VII в. — керамические изделия, вывозившиеся из Аллемании, Гура, областей верхнего Неккара; соль, металлы (главным образом, железо), экспортировавшиеся из восточных областей. Однако преобладающими объектами торговли были украшения, оружие, дорогие ткани, пряности, рабы. В могильниках находят коптскую бронзовую посуду (поступавшую из Египта через Италию, Альпы и далее по Рейну). В то же время некоторые ювелирные изделия, серебряные и позолоченные (серьги, фибулы, крестики), несомненно, вывозились и из Аллемании, как и из Скандинавии, — на запад и в англосаксонские области.

Некоторые следы римского влияния археологи находят и в этом субрегионе (остатки римских поселений II—V вв. в окрестностях Калиша, Кракове, Новой Гуте, в Моравии). Римские традиции прослеживаются в керамике и в еще большей степени — в стеклоделании (производство украшений, в том числе жемчуга, изготовление оконного стекла).

К ремеслам, удовлетворявшим повседневные потребности и распространенным в Тюрингии, Аллемании и Силезии, относятся токарное и бондарное. В строительном деле значительное место занимало производство черепицы.

Кем были эти ремесленники? Исследователи склоняются к тому, что в основном это были свободные люди, чья свобода существенно не ограничивалась, в силу чего они имели возможность более или менее свободно передвигаться. Число ремесленников-специалистов было, вероятно, невелико, большая часть их занималась ремеслом лишь в течение определенного сезона (Roth, 1971, S. 323—348, 357—358).

Как и в других областях к востоку от Рейна, в Венгрии ранние городские поселения первоначально являлись предместьями укрепленных замков князей и духовных лиц (до XIII—XIV вв. эти укрепления были земляными). Резиденция князя, епископа или аббата служила ядром собственно «города» (*civitas*).

В середине XII в. арабские путешественники насчитывали в Венгрии 78 «городов», в действительности представлявших собой административные центры округов (комитатов).

Археологические раскопки показали, что в X в., подобно тому, как это было в Польше и Чехии, в Венгрии вокруг резиденции князя располагались деревни, жители которых, занимаясь сельским хозяйством, вместе с тем платили оброки и ремесленными изделиями: в этих местах устраивались рынки.

Само обособление бурга (града), или *castrum*, — местожительства князя с его дружиной, который обслуживали торговцы и ремесленники, селившиеся неподалеку, в предместьях (на подоле), было неотделимо от обособления и упрочения власти князя и дружины в племенном союзе. Складывание такого торгово-ремесленного предместья происходило в процессе его последующего объединения с бургом.

В X в. резиденция князя Арпада находилась вблизи развалин двух римских городов — Обуда (*victus Buda*) и *Sorianae* (Пешт); сюда приезжали купцы из Праги, Кракова, Киева, Византии, с Кавказа. Первые города, укрепленные центры, занимали удобное стратегическое положение — на берегу Дуная, Тисы — Сопрош, Борсод, Абагасвар и др. Они строились также на торговых путях (Сегед, Секешфехервар и др.). Лишь с XIII в. возникают города на немецком праве. С XIII в. они получают королевские привилегии, защиту и свободу выбора судьи и духовного главы, а также право сбора двух третей таможенных пошлин (Györfy, 1969, p. 127—145).

Появление средневековых городов в собственном смысле слова, т. е. центров экономической, социальной и политической жизни, основанных на разделении труда между ними и деревенской округой, в областях к востоку от Рейна относится в целом к XI—XII вв. Процесс градообразования был тесно связан с возникновением и упрочением государств.

7. Древнерусское государство

На территории Руси древнейшие городища появились еще в VIII—IX вв., но далеко не все они имели постоянное население. Летописи упоминают в IX—X вв. примерно два десятка русских городов, среди них — Киев, Белгород, Муром, Новгород, Полоцк, Псков, Смоленск, Чернигов и др. Вначале это были обычно небольшие центры племени, позже город — укрепленный замок одного из князей. Вокруг этого замка вырастало предместье — предградье, или посад («подол» — в противовес «горе»). Так, в Киеве городские посады появляются приблизительно с IX в., а заселение подола в основном происходит лишь с конца X в. Новгородский подол — на Ярославом дворце — возник в первой половине XI в. Вообще XI век — время возникновения посадов в большинстве древнерусских городов. Тогда же начал употребляться и сам термин «горожанин».

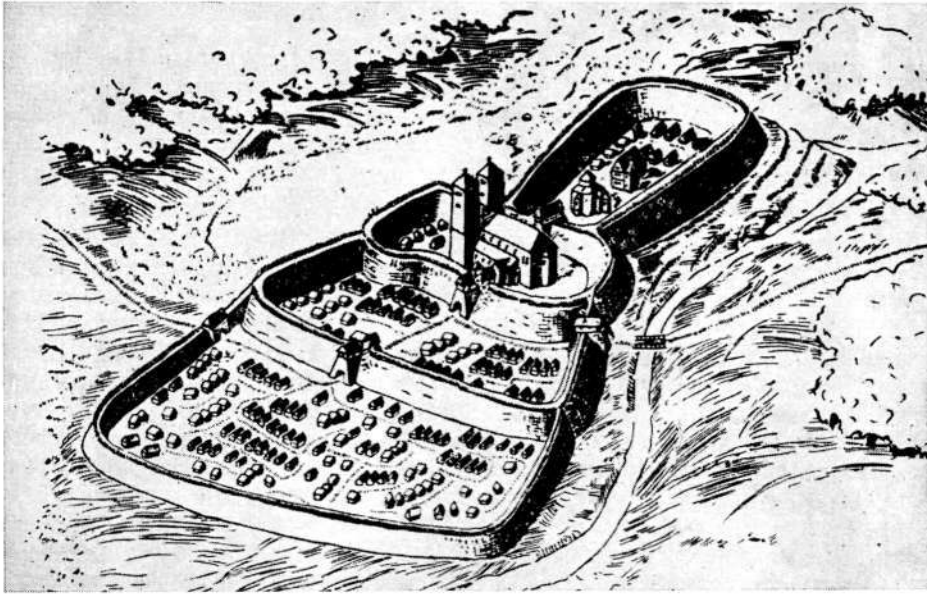
В XI—XIII вв. на Руси возникло много новых городов, в том числе Юрьев, Ярославль, Москва, Меньск (Минск) и др. К XIV в., по подсчетам М. Н. Тихомирова, существовал 271 город, хотя, по собственному признанию ученого, в использованных им источниках могли быть упомянуты и пункты, в действительности являвшиеся не городами, а селами. Многие из этих городов были главным образом феодальными замками-крепостями.

Крупными торгово-ремесленными и административными центрами являлись Киев, Чернигов, Новгород, Смоленск, Полоцк. Население Киева и Новгорода в этот период достигало нескольких десятков тысяч человек, в большинстве же городов оно редко превышало тысячу человек. Ремесло на Руси в IX—XIII вв. (по технике весьма развитое) насчитывало сотни специальностей. Археологические раскопки подтверждают постоянную связь горожан с сельским хозяйством.

Одним из наиболее распространенных ремесел было кузнечное дело; особую группу составляли ремесленники, изготовлявшие оружие и военные доспехи. Ювелирное искусство древнерусских мастеров получило на-

вестность далеко за пределами Руси. Ценные свидетельства на этот счет дает итальянский путешественник Джованни да Плано Карпини (XIII в.). Среди других отраслей древнерусского ремесла выделялись обработка цветных металлов, строительное дело, ткацкое ремесло, кожевенное производство, гончарное искусство и стеклоделие (последние получили широкое развитие и в деревнях). Большинство ремесленных изделий изготовлялись на заказ и из материала заказчика. Но с XII в. ремесленники все больше связывались с рынком (Рыбаков, 1982, с. 430 и след.).

Лицо древнерусских городов в значительной мере определяла торговля.

Реконструкция городского поселения Гнезно. XI в.
Укрепленная часть (*castrum*) и предместья (*suburbia*)

По исследованиям Б. А. Рыбакова, запросы деревни в железных предметах удовлетворялись деревенскими кузнецами, радиус действия которых составлял 10—30 км. В X—XI вв. в соседние страны вывозили меха, воск, мед, рабов, а также оружие, украшения; привозили ткани, металлы и металлические изделия, вина, фрукты. Деревня являлась поставщиком меда, воска, сала, но они поступали на рынок главным образом в составе оброка или дани, а не в результате непосредственной продажи их крестьянами (Рыбаков, 1982, с. 279—295, 530—546.)

Древнерусские города вели активную торговлю с Византией, прибалтийскими землями, Волжской Болгарией, государствами Востока и Западной Европы.

Новгородское боярство принимало активное участие во внешней торговле пушниной, что придавало ему большую экономическую и корпоративную сплоченность. По деревням купцы-коробейники развозили дешевые бусы, стеклянные браслеты, крестики, пряслица (Рыбаков, 1982; Янин, 1956).

III. Крестьянство в раннефеодальном обществе

Власть в городе осуществлялась князьями, дружинниками и боярами. С начала XIII в. Новгородская летопись повествует о вечевом собрании. Киевское вече известно с середины XII в. Во главе его стояли князь, митрополит, тысяцкий (Тихомиров, 1956, с. 5—221).

Необходимость в самообеспечивающемся натуральном хозяйстве в деревне (при недостаточном развитии широкого и постоянного товарного обмена города с деревней) способствовала развитию княжеского доменального хозяйства, использовавшего труд челядинов и холопов, а равно и находившихся в кабальной зависимости закупов.

Возраставшие потребности торговли (в том числе и внешней) в продуктах, поступавших в виде дани и оброка, стимулировали распространение княжеской власти на все новые территории и подчинение этой власти все большего числа смердов.

Таким образом, и применительно к Северной, Центральной и Восточной Европе также можно предполагать наличие взаимозависимости между типом городского и вообще торгово-ремесленного развития в раннее средневековье и спецификой генезиса феодальных отношений, и прежде всего особенностями складывания основного класса непосредственных производителей феодального общества — зависимого крестьянства.

КРЕСТЬЯНСТВО И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

Историк почти не располагает данными, которые позволили бы ему сколько-нибудь близко познакомиться с идеологическими аспектами жизни крестьян в раннефеодальный период и уяснить, как осознавалось их место в обществе ими самими и господствующим классом, каковы были самооценка социальной роли крестьянства и его труда, вообще характерные черты крестьянской культуры и соотношение ее с зарождавшейся феодальной культурой. Из среды крестьян до нас почти вовсе ничего не дошло, и американский медиевист Линн Уайт не без основания назвал их «безмолвствующим большинством» средневекового общества (White, 1967). Источники, исходящие от представителей социальных верхов, также очень скупо упоминают крестьян, — кроме тех случаев, когда речь идет об их повинностях, формах зависимости или неповиновении.

Немногие сведения, которыми наука все же располагает, недостаточно изучены либо изучены под другим углом зрения. Работы по этой проблематике отсутствуют, хотя различные ее стороны и затрагиваются исследователями, занятыми, правда, вовсе не крестьянством.

Эта ситуация легкообъяснима. В период раннего средневековья идейные позиции феодалов и крестьян еще не оформились, и крестьянство, еще только рождавшееся как особый класс общества, в мировоззренческом отношении растворялось в более широких и неопределенных слоях «свободных» и «рабов», «язычников» или «христиан», «еретиков» или «католиков». Существование крестьянства молчаливо предполагается источниками, но прямо о нем почти не говорят; далеко не всегда ясно, идет ли там речь о крестьянах и только о них, ибо и в сравнительно редких случаях, когда, казалось бы, передаются сведения именно такого рода, авторами источников, представляющих для нас особый интерес, являются не крестьяне¹. В тех памятниках, которые все же говорят о крестьянстве в интересующем нас плане, оно предстает в виде некой нерасчлененной массы. Свободные, зависимые и рабы, взгляды и настроения которых, естественно, были во многом различными, выступают в сочинениях раннего средневековья под общими обозначениями «селяне» (*rustici*), «плебс» (*plebs*), «бедняки» (*pauperes*) и т. п. Не всегда крестьяне отчленены терминологически и от знати: и тех и других могли именовать «свободными людьми» (*liberi homines, ingenui, franci*).

Было бы, конечно, ошибочно усматривать крестьянскую идеологию только в тех феноменах раннесредневекового сознания, которые представляют собой некие отклонения от официального мировоззрения. В период раннего средневековья крестьяне не были способны подняться до такого уровня общественного сознания, на котором существующий порядок ста-

¹ В 1924 г. в Вероне была обнаружена рукопись VIII или IX в., написанная на местном наречии. В ней встречается следующее выражение: «Он погоняет волов, пашет белые поля, правит белым плугом и сеет черное семя» (*Lazzari, 1942, p. 1 sq.*). Издатель принял этот текст за произведение крестьянской поэзии на древнеитальянском языке. На самом же деле, как подметил Э. Р. Курциус, перед нами — ученая метафора, описывающая труд писца. «Белые поля» — страница, «белый плуг» — перо, «черные семена» — чернила. Известны и многие другие подобные метафоры. См.: Curtius, 1973, S. 318.

вился бы под сомнение. «Мысли господствующего класса» были вместе с тем и «господствующими мыслями» всего общества; феодальное подчинение крестьянства включало в себя и его духовную зависимость от церкви. Безусловно, приверженность язычеству нередко выражала сопротивление натиску новых социальных сил, но она не была отличительной особенностью одного только крестьянства, и среди тех, кто чтит старых богов, находилась и родовая знать. Ересь, которая позднее станет знаменем оппозиции феодализму, тогда еще не получила на Западе широкого распространения, да и там, где она проявлялась, вряд ли обладала какой-либо однозначной социальной окраской. Само собой разумеется, исследование язычества или ересей периода раннего средневековья существенно для понимания крестьянского мировоззрения, но, следуя лишь по этому пути, очень трудно найти разграничительную черту между идеологией феодалов и взглядами крестьян.

Сложность состоит, далее, в том, что церковь, объективно выражая интересы господствующего класса, претендовала одновременно на то, что она представляет интересы всего общества. Своим учением о единой и гармоничной «общности христиан» (*corpus christianorum*) духовенство как бы стирало и заглушывало социальные противоречия. В сочинениях монахов и других духовных лиц (а почти все наличные источники исходят из этого круга) социальный строй предстает совсем в ином виде, чем он был в действительности; общество делилось прежде всего на угнетателей и угнетенных, богатых и бедных, сеньоров и подданных, но эти градации если и не вовсе игнорируются, то, во всяком случае, отступают на второй план перед более существенным, с точки зрения церкви, делением: на праведников и грешников, христиан и неверных, добрых и злых. Иными словами, социальная жизнь рассматривается церковными авторами в первую очередь в ее отношении к богу и душевспасительным целям.

Мало того, рассуждая о путях спасения и о его перспективах у лиц разного положения, духовенство порою отводило преимущественное место беднякам, обездоленным и лишенным гордыни людям (Mollat, 1978). В этой спиритуализованной картине общества избранниками Христа оказывались не господа, а низшие слои. Социальный смысл подобной проповеди понятен, но отсюда явствует, сколь сложно вычленишь особые идеологические позиции разных слоев и классов раннефеодального общества. Мы почти не знаем, как осознавали свое положение сами крестьяне, и вместе с тем испытываем немалые затруднения, пытаясь сформулировать взгляды складывавшегося класса феодалов на крестьян: ведь церковная проповедь всеобщей любви и милосердия, не будучи адекватной их воззрениям, служила немаловажным препятствием для откровенного высказывания светскими господами своего подлинного отношения к простонародью.

Иначе говоря, духовное господство церкви предполагало специфический способ описания структуры самого общества и взаимоотношения его частей — язык, расшифровка которого в категориях классовой идеологии не всегда возможна, тем более что и сами классы только еще возникали. Поэтому приходится ограничиться лишь отдельными наблюдениями по поводу «крестьянского вопроса» в период раннего средневековья. Как же рисуются хотя бы отдельные аспекты миропонимания крестьянства и оценки его в складывавшейся в тот период феодальной идеологии?

1. Крестьянство в литературе раннего средневековья

Крестьянство и его жизнь почти вовсе не отражаются в социальной картине мира, как она мыслилась в ту эпоху, и этот факт сам по себе весьма симптоматичен. Общество, аграрное по своей природе, перестраивавшееся на основе эксплуатации и подчинения широких слоев сельских тружеников, как бы позволяло себе идеологически игнорировать собственное большинство. Крестьянин словно «вынесен за скобки»; если он даже и подразумевается в литературных текстах эпохи, то о нем нет нужды и привычки думать или упоминать. Разумеется, наличие в обществе подобного слоя или класса отнюдь не исключало связанных с его существованием проблем — их было немало, но, по крайней мере до поры до времени, крестьяне обычно не попадали в поле зрения образованных людей.

Причины этого многообразны. Раннесредневековая литература — по преимуществу либо жития святых, либо героический эпос. Главное действующее лицо агнографических повествований — святой, эпических сказаний — благородный воин. Эти две фигуры олицетворяли господствовавшие общественные идеалы, и те, кто им не соответствовал, оставались обойденными литературой. Выходцам из крестьян доступ в литературу был тогда, за редчайшими исключениями, закрыт.

Современный французский ученый Жак Ле Гофф справедливо, впрочем, отмечает, что, будучи устранено из литературы раннего средневековья, крестьянство возвращается в нее в ином обличье, а именно под именем «язычников» (*pagani, rustici pagani*), «грешников», «бедняков» (*pauperes*) и, наконец, «невежественных», «неграмотных людей» (слово *rusticus* все более приобретало именно такой оттенок) (Le Goff, 1977, p. 131 sq.).

Для удобства анализа обратимся вначале к двум последним категориям, оставив в стороне отождествление крестьян с «язычниками». Прежде всего, термин «*pauper*» («бедняк») понимался в тот период неоднозначно. Указывая на действительную бедность и нищету, он зачастую служил синонимом социальной приниженности, сословной неполноправности, поэтому не считалось аномалией противопоставление понятий «*potens*» («могущественный») и «*pauper*»: в круг понятий, охватывающий эти термины, в первом случае входили, помимо богатства, власть, общественное могущество, родовитость, принадлежность к господствующему слою², во втором — не одна лишь бедность, но и, в особенности, социальная неполноценность, зависимость, несвобода. В некоторых раннесредневековых текстах термин «*pauper*» вообще трудно истолковывать буквально, ибо обозначаемый им «бедняк» мог быть вовсе не беден, но зато принадлежал к простонародью, к неблагородным и подвластным людям (Fossier, 1970, p. 146). Не служило ли в таком случае литературное обозначение крестьян «*pauperes*» симптомом их подчиненности господам или, по крайней мере, наличия подобной тенденции?³

Не менее показательно употребление термина «*rusticus*» в значении «невежда», «неграмотный». Крестьянство было чуждо официальной культуре, носителями которой являлись духовные лица. Огромную роль в

² См.: Vita Wichberti, p. 508 (автор — Сигиберт из Жамблу): знать, «отличающаяся благородством, богатствами и могуществом» (*nobilitate, divitiis et potentia clara*).

³ «*Opus servile*» превращал свободного в несвободного и «*pauper*» (Bosl, 1970, S. 727).

этом процессе культурного «вытеснения» крестьян сыграла церковь с ее латинской образованностью. Характерна игра словами, к которой прибегал Милон, автор жития святого Аманда (IX в.). Обращаясь к читателю, агрограф просит извинить его «грубость» (*rusticitas*), «ибо *rusticatio* создано всевышним»⁴. При этом повествователь имеет в виду сентенцию библейской «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова» (7,15): «Не обращай от трудной работы и от земледелия, которое учреждено от Вышнего» (*Non oderis laboriosa opera et rusticationem creatam ab Altissimo*). «*Rusticitas*» и «*rusticatio*» — «невежество», «необразованность», «неотесанность», «грубость» — и «деревенская жизнь», «сельский труд», «земледелие» оказываются синонимами. Любопытный случай употребления слова «*rusticitas*» в смысле «неверующий» встречается у Григория Турского (*In Gloria confessorum*, 80). Противопоставление языка грамотных людей «мужицкому языку» (*sermo rusticus*) имело явно оценочный характер, неблагоприятный для простого народа (*Le Goff*, 1977, p. 223 sq.).

Собственно, и там, где применялось понятие «бедность», «*paupertas*», как и в случае с применением термина «*rusticitas*», с тем их смысловым наполнением, о котором сейчас шла речь, литературные памятники не обязательно изображали крестьянство: на *sermo rusticus* мог говорить любой человек, не прошедший обучения⁵. Важно, однако, другое: ведь именно термины, прилагаемые к крестьянам, стали синонимами качеств, которые в складывавшемся феодальном обществе считались отрицательными: «невежественный», «неграмотный», «подвластный», «неоппорный», «язычник», «грешник». Иными словами, в глазах авторов того времени крестьянин подчас воплощал все отрицательные стороны социальной, экономической, культурной и религиозной жизни.

Как же все-таки, с точки зрения церковных авторов того времени, должен выглядеть «идеальный» крестьянин? Пожалуй, лучше всего об этом можно судить на основе составленного в середине VII в. Псевдо-Киприаном перечня «заблуждений и злоупотреблений мира». Эти 12 персонализированных грехов суть следующие: «бездеятельный мудрец, старец без религии, непослушный подросток, богат, не подающий милостыни, бесстыдная женщина, господин, лишенный добродетели, сварливый христианин, гордый бедняк, несправедливый король, небрежный епископ, непокорный плебс, народ без закона» (цит. по: *Le Goff*, 1977, p. 136, p. 21). *Pauper superbus, plebs sine disciplina, populus sine lege* — таковы, если искать в этом перечне указания на крестьян, главнейшие социальные «чудища». Гордыня, непослушание — вот что страшит в простонародье духовное лицо, составителя этого списка. Следовательно, «идеал» крестьянства, в глазах церкви и формирующегося господствующего класса, — покорный, смиренный и смиренный, законопослушный народ.

Так обстояло дело в начальный период генезиса феодализма. В литературе X и XI вв. крестьянин либо по-прежнему отсутствует, либо упоминания о нем обычно служат не более чем поводом для выражения сожалений и сочувствия или ненависти и презрения. За редчайшими исключениями, он не выступает в письменных памятниках в качестве субъекта, обладающего собственными мыслями и чувствами. Авторы про-

⁴ «*Rusticitati autem meae veniam date; necesse est, quia rusticatio, ut quidam ait, ab altissimo creata est*». Цит. по: *Curtius*, 1973, S. 414.

⁵ Средневековые авторы нередко просят читателей извинить им их «мужицкий язык» — это одно из распространенных «общих мест» тогдашней литературы.

изведений, так или иначе касающихся жизни крестьянства, — либо клирики, зачастую сами выходцы из крестьян, но, как правило, проникнутые церковной идеологией, либо рыцари. Неудивительно, что чаяния и настроения крестьянства почти вовсе не могли наложить своего отпечатка на раннесредневековую литературу.

Во французской поэзии и в поэзии вагантов оценка мужиков, когда она все же встречается, — резко уничижительная и отрицательная (эта поэзия относится к несколько более позднему периоду, но вряд ли она возникла «на пустом месте»). В Германии, где процессы формирования класса крестьян шли медленнее, чем во Франции (и на иной социальной основе), естественно, затягивалось и оформление взглядов, согласно которым мужики — это низший и приниженный слой общества. В немецкой литературе довольно долго сохранялась патриархальная интерпретация отношений между благородными и простонародьем. Сельский житель не обязательно наделялся здесь отрицательными или отталкивающими чертами. Не существовало — во всяком случае, последовательно проводимой и резко выраженной — противоположности моральных оценок знати и крестьян.

В этом смысле заслуживают внимания два произведения — «Unibos» и «Ruodlieb». В первом из них бедняк, владевший лишь одним быком (отсюда и его прозвище «Однобычий»), находит клад и богатеет, перехитрив сельских верховодов — приходского священника, старосту и управляющего имением. Крестьянин оказывается умнее и хитрее их, они же — воплощение жадности и глупости, — обманутые Унибосом, сперва своими руками уничтожают собственных домашних животных, затем убивают жен и в конце концов погибают сами. Поэма открывает длинный ряд немецких шванков, шуточных народных рассказов, разделяя с ними как сюжет и художественные особенности, так и критическое отношение к тем, кто находится на социальной лестнице выше простолюдинов. Нравственное и интеллектуальное превосходство в ней — всецело у бедного поселенца. За грубым юмором поэмы стоит, видимо, народная традиция. Общество в поэме делится скорее на умных и глупых, нежели по социально-правовым признакам, однако ум и сметку автор склонен искать у простого крестьянина, а не у священника или должностного лица деревни (*Versus de Unibove*, 1838, S. 354—380). Сила, управляющая миром, согласно воззрениям анонимного автора, — «судьба», «случай» (*fortuna*); к представителю бога в деревне — священнику, да и к самой церкви и к ее учению он относится довольно пренебрежительно. В земледельческом труде, как и в крестьянской бедности, автор не находит ничего уничижительного.

В отличие от позднейших шванков «Унибос» (и «Руодлиб») написан по-латыни. Дата его возникновения неясна (по-видимому, X или XI в.). Латинский язык поэмы расценивается как свидетельство того, что ее написал клирик. Если это и так, то он, вне сомнения, был близок по своим настроениям к низам общества. Герой поэмы выступает своеобразным мстителем за бедняков и слабых, его победа в борьбе с представителями сельской «аристократии» — торжество справедливости (в ее понимании тогдашними крестьянами).

«Руодлиб», памятник первой половины XI в., также анонимный и также, возможно, вышедший из-под пера монаха (полагают, что поэма была создана в баварском монастыре Тегернзее), по своему сюжету и построению сложнее «Унибоса». Если предшествующую поэму с известным основанием можно назвать крестьянским шванком, то «Руодлиб»

рисует куда более многообразную и сложную картину общества; действие происходит в разных частях Германии и разворачивается в различных социальных сферах. Какое же место в общей структуре поэмы занимает крестьянская жизнь и как она изображена?

«Руодлиб» выдвигает идеалы справедливого короля и доблестного рыцаря, однако наряду с ними здесь фигурирует еще один персонаж, обрисованный в столь же положительных тонах, — крестьянин. Краткое содержание поэмы таково. Рыцарь Руодлиб верно служит королю. При расставании Руодлиб получает от него дюжину полезных советов, преимущественно касающихся нравственного поведения. Среди них есть и такие: «не верь рыжему», «не ездь по жнивью», «не ночуй у старика, имеющего молодую жену». Руодлиб, тем не менее, не посчитался с первым из этих советов и согласился взять в свои спутники повстречавшегося ему рыжего молодца, который тут же попытался его обокрасть. Затем Rufus («рыжий») вытоптал сельскую ниву, и с ним сурово обошлись обозленные крестьяне. Путники въезжают в деревню и спрашивают, у кого можно остановиться на постой. Эпизод в селе и представляет для нас в данном контексте наибольший интерес.

Руодлиба отсылают в богатый дом, хозяина которого сперва был в нем простым слугой у прежнего владельца, войдя к нему в полное доверие, а после смерти хозяина женился на его вдове. Хозяйство у него таково, что он мог бы оказать гостеприимство и графу с сотней рыцарей. Скота у него много: он не в состоянии назвать точное число голов. Двери его дома всегда открыты для всех нуждающихся. Руодлиб встречает тут достойный прием и участвует в пиршестве, во время которого подают вино и многие яства. По окончании пира гость дарит хозяйке дома дорогой плащ. Rufus же навязал себя в постояльцы к старику, женатому на молоденькой, и тут же попытался ее соблазнить: застигнутый мужем, он убил его. Заключительная сцена поэмы (в том виде, в каком она сохранилась, — конец ее утрачен) происходит на сельской сходке. Молодая вдова кается в своем прегрешении и добровольно возлагает на себя тяжкую епитимью, а рыжего бандита приговаривают к казни (Ruodlieb, 1838, S. 127—198; Winterfeld, 1917, S. 287—361).

Поэма содержит множество деталей деревенской жизни. Описаны богатство крестьян, дорогая утварь, обильные угощения, одежды и подарки, которые они дают и получают, сельский суд, чинимый крестьянскими выборными лицами, воспроизведены даже подлинные реалии народного права. Со статусом крестьянина не связан какой-либо один тип характера или поведения, как то присуще средневековой французской литературе, неизменно враждебной мужику. Бок о бок с идеализированным крестьянином, который выбился из слуг в богачи благодаря своим нравственным качествам, в поэме стоит карикатурно злой и уродливый старик-крестьянин, точно так же как наряду с образцовыми королем и рыцарем Руодлибом в ней фигурирует Rufus, отмеченный печатью неблагородства. В центре внимания автора поэмы — этические, а не сословные противоречия. Зло и добро одинаковы во всех слоях общества. Сельская жизнь здесь не противопоставлена придворной: принципы справедливости и умеренности имеют равную силу как для рыцарей, так и для крестьян.

Однако, в отличие от «Унибоса», где герой — бедняк, в «Руодлибе» восхваляется зажиточный, благополучный крестьянин. Между хозяевами и их челядью поддерживаются отношения образцовой общности и взаимного благожелательства: усердие, честность и перед бедняком открывающая дорогу к уважению и преуспеянию. Деревня, как она обрисована в поэ-

ме, представляет собой самодовлеющий мирок, жители которого самостоятельно решают все свои дела, вплоть до наказания преступников смертью по приговору местного суда. Читатель тщетно стал бы допытываться, кому подчинено сельское население, находится ли оно от кого-либо в зависимости и т. п., — эти вопросы не занимают автора, дающего явно приукрашенную картину сельской жизни, причем идиллия нарушается не вторжением каких-либо социальных сил, но исключительно в результате поправа законов морали.

«Руодлиб» предоставляет исследователю единственную в своем роде возможность познакомиться с некоторыми чертами крестьянского самосознания в период генезиса феодализма, хотя, разумеется, для того, чтобы правильно понять отраженный в нем мир крестьянских идей, нельзя забывать о пронизывающей поэму тенденции к возвышающей стилизации.

Настроения, запечатленные в разобранных выше произведениях, отчасти сохраняются в отдельных памятниках немецкой литературы последующего периода: в стихотворении «О праве», действующие лица которого, хозяин и работник, «равные по праву» перед богом, вместе корчуют лес и честно делят между собой плоды своего труда, или в «Бедном Генрихе» Гартмана фон Ауэ, изображающем отношения между господином и слугой, пронизанные взаимной нерушимой верностью.

Однако по мере складывания класса крестьян и дальнейшего развития феодального строя классовая ненависть к ним господ и пренебрежение горожан и образованных людей (например, вагантов — странствующих клириков) стали общим местом в немецкой, как и во французской, литературе.

2. Крестьянство в христианской схеме раннефеодального общества

Церковь, выступавшая в средние века в качестве «наивысшего обобщения и санкции» (Ф. Энгельс) феодального строя, разумеется, не разделяла этой открытой враждебности к крестьянам, несовместимой с проповедью смирения, любви к ближнему и равенства всех перед богом. Ее задача состояла в том, чтобы по возможности сглаживать социальные конфликты и антагонизмы, оставаясь при этом в главном и основном на стороне феодалов, к которым принадлежали сами церковно-аристократические верхи. В соответствии с этим и выработывалась идеологическая позиция духовенства. Обращаясь к сильным мира сего, оно взывало к милосердию по отношению к угнетенным и обездоленным. Церковные авторы осуждали магнатов за чинимые ими утеснения мелкого люда и жестокость в обращении с подданными. Эта традиция обличения социальных зол восходила к весьма отдаленным временам: не говоря уже о периоде раннего христианства, вспомним хотя бы lamentации Сальвиана Марсельского (V в. н. э.) по поводу безнадежного положения угнетенных масс Римской империи, предпочитавших жить с варварами, чем переносить гнет собственного государства (Памятники средневековой..., 1970, с. 108 и след.).

Орлеанский епископ Иона (IX в.), обрушивая громы и молнии на головы «потентатов», напоминал им, что «по своей природе их рабы и вообще все бедняки равны им» (Fossier, 1970, p. 51). В начале XI в. ланский епископ Адальберон в сатирической поэме, посвященной королю Роберту Благочестивому, сокрушался по поводу беззаконий и развращенности высших слоев Франции и оплакивал несчастное положение сервов,

которые лишены всего, хотя своим трудом содержат все общество. «Есть ли предел слезам и стонам сервов?» — вопрошал он (*Adalberonis Carmen ad Rotbertum regem Francorum*, col. 781—782).

Это сочувствие к низшим слоям общества и осуждение их могущественных притеснителей в значительной мере проистекало из социального учения церкви, которая с подозрением относилась к богатству и превозносила бедность, считая ее идеальным состоянием. Правда, осуждение богатства, столь решительное в произведениях «отцов церкви» III—V вв., было несколько приглушено в литературе того периода, когда сама церковь стала крупнейшей собственницей. Прославление же бедности проходит лейтмотивом через все литературные памятники раннего средневековья. В бедняках видели божьих избранников (*pauperes Christi*) — «избранничество» должно было служить им своего рода моральной компенсацией за земные невзгоды. «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство божие», — эта евангельская сентенция (Матф., 19, 24) была популярна в средние века. Однако духовенство никогда не настаивало на том, что слова Нового завета нужно понимать буквально и, следуя им, отказываться от богатств, хотя никому не возбранялось раздать свое имущество и принять обет добровольной бедности.

Программа церкви в этом отношении практически сводилась к требованию милостыни в пользу бедняков. О способах прекращения бедности и не помышляли — подавание призвано было ее увековечивать, поскольку оно склоняло нищих к тому, чтобы оставаться в положении иждивенцев, кормящихся от крох, уделяемых зажиточными. Нищета возводилась в моральное достоинство. Своего рода культ бедности порождает, по свидетельству ряда церковных авторов, осуждаемое ими «чванство бедняков». Впрочем, в житиях святых эта «заносчивость бедных» подчас поощрялась. Парижский епископ Герман, получив в подарок от короля Хильдеберта коня с повозкой, употребил этот дар для выкупа пленника, хотя король просил святого, чтобы тот никому не отдавал его подарка. Автор жития говорит: «...для священника больше значил глас бедняка, нежели короля» (*Vita Germani episcopi Parisiaci*, 22, p. 385). Подлинным гимном добровольной бедности звучит стихотворная легенда о святом Алексии (в сохранившейся форме она восходит к XV в.) (*La Vie de Saint Alexis*, 1872).

В бедняках видели не столько несчастных, чью жалкую участь необходимо облегчить, сколько спасителей богатых. Бедные существуют для того, чтобы богатые могли искупить свои грехи; богатые же нужны бедным, дабы те могли кормиться около них. Подаваемая бедняку милостыня, писал Алкуин в конце VIII в., позволяет подавшему попасть в рай; земные сокровища, будучи розданы беднякам, превращаются в вечные богатства, вторил его ученик Храбан Мавр (*Le Jan-Hennebisque*, 1968, p. 186). Таким образом, бедность не осознавалась как социальная проблема, которую обществу надлежит разрешить.

Церковь стояла на позициях сохранения сложившегося порядка и учила, что каждый член общества должен жить согласно своему положению (*secundum suam conditionem*), а не добиваться изменения своего правового или имущественного статуса. Спиритуализируя социальные противоречия, церковное учение делало их как бы иллюзорными: поскольку подлинная жизнь человека — это жизнь души, единение с богом, постольку его общественное поведение имеет, собственно, лишь одну цель: не отяготить бессмертную душу грехами. Среди них на первом месте стояла гордыня (*Bloomfield*, 1967, p. 72, 77, 80, 106, 110 ff., 124, 126), а под эту

религиозно-моральную категорию легко подводились все попытки избавиться от своей доли.

Осуждение частной собственности церковью носило сугубо отвлеченный характер. Сотворенная господом земля вместе со всем, что на ней произрастает и находится, были отданы творцом в общее пользование людям. Свокорыстные людей после грехопадения привело к возникновению частной собственности. Поэтому праведна лишь бедность. В глазах общества она обладала высоким нравственным достоинством. Бедняк, с точки зрения церковного учения, был одновременно и предметом сочувствия или сострадания, и образцом для подражания, в нем воплощался существенный идеал средневековья.

Консервативные тенденции духовенства отчетливо проявлялись в сочинениях литературы, так или иначе затрагивающих проблему крестьянства.

Уже в период раннего средневековья люди не могли не задумываться над устройством общества, его составом и соотношением частей. Способы и формы осознания общественной жизни обуславливались наличным мыслительным материалом. В IX и X вв. возникает и со временем приобретает популярность учение о тройственном расчленении общества. Независимо от того, каковы были отдаленные истоки подобной конструкции, ее идеологическая суть в обстановке торжества католицизма сводилась к утверждению, согласно которому земная иерархия — не что иное, как порождение и отражение иерархии небесной, и обе они (в законченном виде эта концепция представлена в сочинениях Псевдо-Дионисия Ареопагита, ставших известными на Западе в IX в. в латинском переводе Иоанна Скотта Эриугены) моделируются по образцу божественной троицы. Общество делится в соответствии с этим учением на три состояния, «разряда» (*ordines*), взаимно дополняющих один другой и образующих гармоническое целое — социальный порядок (термин *ordo* и должен был выразить именно это понятие).

Расшифровка и уточнение, осмысление этой схемы заняли длительное время, и лишь постепенно была выработана вполне удовлетворительная формула (Duby, 1978). Упоминание трех «сословий» встречается уже в послании папы Захария Пипину Короткому (MGH, *Epistolae*, III, p. 480). В начале IX в. орлеанский епископ и каролингский поэт Теодульф писал о трех «орденах»: монахов, пребывающих у подножия господнего престола; священников, приготавливающих верующих ко спасению; мирян, которые «вращают колесо мельницы» (Fossier, 1970, p. 50). В такой отвлеченной морально-религиозной интерпретации общества невозможно вскрыть взгляды духовенства на крестьян. Однако в конце того же столетия формула трехчленного деления общества приобретает новый вид и принципиально иной смысл. В свой перевод трактата Боэция «Об утешении философией» (с латыни на древнеанглийский язык) король Альфред включает текст, отсутствовавший в оригинале. Рисуя облик идеального государя, английский король пишет, что средством и материалом, необходимым для успешного осуществления монархической миссии, служат три «состояния»: «те кто молятся (*gebodmen*), «те, кто воюют» (*fyrdmen*), и те, «кто работают» (*weorcmen*) (Sedgefield, 1968, p. 40). Здесь уже делается попытка представить общество не в плане богословия спасения (как у Теодульфа), а как функционально расчлененное целое, каждая часть которого дополняет другие и служит осуществлению общей задачи. Внутренняя структура духовного *ordo* оттесняется коренным расчленением общества в зависимости от выполняемых его частями государ-

ственно важных функций. Соответственно миряне делятся на воинов и трудящихся. Уеогстен, конечно, прежде всего крестьяне, поскольку малочисленное городское население еще не приобрело самостоятельного значения в общественном сознании Англии. Этой формулы придерживались и английские церковные авторы последующих двух веков.

Что касается континента, то в самом конце X в. Аббон из Флери придал трехчленной формуле такой вид: общество состоит из двух «орденов»: клириков и мирян, последние же разделяются на «земледельцев» (*agricolae*) и «воинов» (*agonistae*)⁶. Крестьяне получают в «социологической схеме» мыслителей раннего средневековья особое место. В начале следующего столетия Адальберон Ланский, подчеркнув единство общества в качестве «дома божьего», т. е. по отношению к творцу, и двойное его расчленение на «свободных» и «несвободных» в зависимости от личного статуса, т. е. в соответствии с «человеческим законом», одновременно провозглашал троякость социальной структуры, обусловленной функциями, выполняемыми каждым из «орденов»: в этом смысле общество делится, как и у Альфреда, на «молящихся», «воюющих» и «трудящихся». Эти три «ордена» живут вместе, и «разделение для них непереносимо», ибо услуги одних делают возможным существование других, и все опираются друг на друга (*Adalberonis Carmen*..., col. 782). Подобную же трехфункциональную схему общества развивал одновременно и епископ Камбре Герард (Duby, 1978, p. 35. sq.).

Троячное деление общества — не единственное, которое можно найти в раннесредневековой литературе. Еще в середине VIII в. св. Бонифаций различал *ordo* господ и *ordo* подданных, *ordo* богатых и *ordo* бедных (что скорее можно истолковать, по-видимому, как двойственное деление, нежели четверное), а св. Бенедикт Аньянский в IX в. писал об «ординах» старых и молодых, господ, богатых, бедных, благородных, неблагородных и т. д. (Fossier, 1970, p. 51, 144). В следующем столетии Ратхерий Веронский вместо отягощенного раннехристианской традицией понятия *ordo* употребляет чисто светское понятие «чин», «звание» (*conditio*), тогда как авторы XII и XIII вв. пишут уже о «статусах», давая их развернутую и нюансированную градацию.

Если ограничиваться периодом раннего средневековья (ибо мыслители более позднего времени вообще придерживались иных взглядов на социальную структуру), то есть все основания утверждать, что трехчленная схема была наиболее авторитетной и отличалась продуманностью и законченностью. Идея сотрудничества и взаимопомощи составляющих социальное целое «орденов», каждый из коих существует от века и неизменен, как неизменен и вечен объемлющий их богоустановленный миропорядок, оправдывала подчиненное положение крестьянства и служила интересам складывавшейся феодальной монархии (Le Goff, 1968; 1979; Oexle, 1978). Эта схема вместе с тем отвечала глубоко заложенной в средневековом сознании потребности видеть отдельное под знаком целого: благополучие же целого зависит от постоянства и неделимости его компонентов.

Что касается специально крестьянства, то, по словам авторов рассмотренных выше схем, его труд столь же существен и необходим для рядов «молящихся» и «воинов», как услуги духовенства и рыцарства жиз-

⁶ Деление на *milites bellicosi* и *rustici laboriosi* в начале XII в. проводил и польский хронист Галл Аноним (*Gall. Anonym.*, p. 8).

ненно важны для «пахарей». Классовая гармония и отрицание социальной мобильности — идеал мыслителей той эпохи.

Желая по тем или иным причинам охарактеризовать общество в целом, церковные авторы накладывали на социальную действительность некую отвлеченную трехчленную конструкцию, считая, очевидно, ее вполне адекватной и достаточной, ибо эти понятия (адекватность и достаточность) предполагали не объективность «отражения» жизни с ее многообразием и текучестью — это никого не интересовало, а соответствие высшим идеальным образцам, в данном случае — принципу троичного деления единого мира⁷. В период господства теологической мысли осмысленные социальные отношения могли означать только одно: изображение их в соответствии с априорно заданными мифологемами.

Что вопрос стоял именно в этой плоскости, видно и из того, с какой легкостью классово-сословное деление общества возводилось — опять-таки по правилам троичной схемы! — к библейским прототипам: рыцари, свободные и сервы происходят от трех братьев — сыновей Ноя; рыцарь — от Яфета, свободный — от Сима, зависимый — от Хама (Honorius Augustodunensis. *De imagine mundi*, p. 166). Согласно «Венской Книге бытия» (XI в.), источником крестьянской несвободы явилось проклятие Хама Ноем⁸.

При всех различиях отдельных толкований христианской трехчленной формулы смыслом ее оставалось идеологическое обоснование крестьянской зависимости и нерушимости общественного строя, основывавшегося на труде земледельцев.

3. Свобода и несвобода в общественном сознании раннего средневековья

Рассмотренные выше схемы социальной структуры конструировались в кругах образованных людей и выражали взгляды господствующего класса, преимущественно церкви, которая посредством проповеди старалась внушить эти идеи простонародью. Однако крестьяне имели и собственные представления об общественном устройстве и месте, занимаемом ими. Особенно важной для той части общества, которая в изучаемый период втягивалась в зависимость от крупных землевладельцев, была идея свободы. Этот аспект мировоззрения свободных людей запечатлели записи обычного права — варварские Правды.

Варварское общество представляло собой довольно расчлененную социальную структуру. Принадлежность того или иного лица к знати, рядовым свободным или зависимым выражалась не только в его материально-хозяйственном положении, в отношении к средствам производства и в обладании или отсутствии у него определенных прав — она была связана и с мировоззрением и социальным поведением. Поскольку индивид по существу еще не выделился из органической наследственной группы — кру-

⁷ Ср. немецкую поему Frauenlob, 244: «С самого начала люди разделены на три, как я читал: крестьяне, рыцари и священники». В немецкой поэзии подчеркивается взаимозависимость сословий. «Священник, рыцарь и крестьянин должны быть товарищами. Крестьянин должен обрабатывать землю для священника и рыцаря, священник должен спасать крестьянина и рыцаря от ада, а благородный рыцарь должен защищать священника и крестьянина от угрожающих им злодеев» (Gudde, 1936, p. 2—3).

⁸ Die altdeutsche Genesis, 1932, V, 1502 ff. Это толкование отвергалось в более поздний период «Саксонским зеркалом» (Sachsenspiegel. Landrecht, III, 42, 3).

га родства, большой семьи, патронимии, постольку происхождение детерминировало весь его образ жизни. Понятия «родовитость», «благородство», «чувство рода» были неотъемлемой и существенной стороной его самосознания. Повседневный интерес к генеалогии, знание родовых преданий, естественные для стадии, когда история сводилась к мифу и к родословной (обычно смешивавшимся воедино), служили показателями большой чуткости людей варварского общества ко всему, что касалось их статуса, — чуткости, которую сохранил и феодальное общество. Точно так же и вергельдные градации, зафиксированные в варварских Пrawdах, служили мерой оценки общественной значимости лица, рода и семьи; шкала вергельдов предусматривала, например, повышение размеров сумм, которые в случае правонарушения должны были платить лица знатного происхождения (Ine, 51; Af., 18; VI Atr., 52; VII Atr., 2; L Sax., 36; Car. Sax., 3; Car. 19, 20). Однако эта шкала, по-видимому, представляла социальные градации варваров в упрощенном виде — в действительности они были намного более дробными, отражавшими очень развитое чувство родовой принадлежности. Сказанное относится не к одной только знати: в среде широкого слоя рядовых свободных существовали многоразличные оттенки свободы, происхождения, достоинства. Это явствует, в частности, из чрезвычайно развитой и гибкой терминологии скандинавских памятников раннего средневековья, которая ближе передает сознание членов варварского общества, нежели латинская терминология континентальных Правд (см.: Гуревич, 1970, с. 131 и след.).

В варварском обществе существовала резкая грань между свободно-рожденными и несвободными, так что ее преодоление было либо невозможно, либо крайне затруднено. Брак свободного с рабыней влек порабощение первого или даже карался смертью — такое сожителство порочило свободу. Освобождение раба не превращало его в равного по статусу свободнорожденным людям; он переходил в разряд людей с ограниченными правами, и лишь по истечении нескольких поколений потомки вольноотпущенников могли в известной мере приблизиться к полноте свободы — однако память об их бывшей несвободе сохранялась⁹. Все это — симптомы обостренного чувства высокого достоинства, сознания наследственной родовой свободы и полноправия члена варварского общества. В представлении варваров личные качества человека свободного рода и раба — несопоставимы: от первого естественно ожидать благородства поступков, мужества, неустанной заботы о поддержании своей личной чести и чести рода (что, собственно, было одно и то же), второй, с точки зрения свободных и знати, — подл, вероломен, труслив и достоин лишь презрения или жалости¹⁰. Подобные оценки отражали глубокую укорененность в сознании людей раннего средневековья представлений о социальных и нравственных различиях между рабами и свободными.

⁹ Это отношение оставалось живучим и в более позднее время. Автор «Жизнеописания Людовика» Теган, обращаясь к архиепископу Эбо Реймскому, происшедшему из королевских рабов, писал: «Государь сделал тебя свободным, но не благородным, ибо сие невозможно». См.: Vita Ludovici, cap. 44. Цит. по: Fichtenau, 1949, S. 157.

¹⁰ Верный и мужественный раб, честно и бесстрашно служащий своему господину, восхвалялся как уникал. Недвусмысленную характеристику физических и нравственных качеств рабов дает исландская «Песнь о Риге» (см. выше, гл. IX). Франкский историк Нитхард, осуждая знатных господ, участвовавших в усобицах IX в., писал: «Они были неверны данному ими слову, подобно простым рабам». Цит. по: Dhondt, 1968, S. 30 f.

В этой моральной атмосфере формировались характеры и закреплялась противоположность традиционного деления на эти две категории.

Однако уже в начальный период существования варварских королевств на территории завоеванной германцами Римской империи в источниках находят отражение более нюансированные социальные градации. Видимо, расчленение общества на свободных и рабов не способно было выразить реальный спектр общественных отношений, и в глазах как законодателей, так и хронистов население делилось на «знатных», «благородных», «лучших» (*optimates, nobiles, meliores personae*), людей «среднего состояния» (*mediocres in populo*) и «малых», «низших», «неблагородных», «худших» (*minores, minofledi, inferiores personae, ignobiles*). Все эти и иные подобные термины (например, расчленение свободных на *ingenii* и *bene ingenii* — MGH, *Legum sectio, V, Form, Senon., 5*) имели оценочный характер: в них признается существование «лучших» и «худших» в среде свободных. Возможно, что среди «низших», социально неполноценных, упоминаемых хронистами, встречались и люди рабского положения, ибо как простые свободные, так и несвободные или зависимые одинаково противостояли знатным и благородным, сливаясь в «чернь», «плебс», «незначительное простонародье». Такие оценки могли относиться к имущественному, правовому, сословному статусу, но они имплицитно содержали в себе также и моральную характеристику.

Тем не менее осознание противоположности свободы и рабства удерживалось в раннефеодальный период и тогда, когда на практике она неизбежно начала стираться — вследствие социальной деградации массы свободных, оказывавшихся в личной и материальной зависимости, а равно и в результате освобождения рабов, которые превращались в таких же держателей земли, как и многие свободные. И те и другие были людьми подвластными, однако в разных странах изживание рабства шло неодинаковыми темпами, поэтому и преодоление представлений о лежащей в основе социальной структуры оппозиции «свободный — раб» происходило в разное время. В северо-западном регионе эта противоположность оставалась определяющей до конца изучаемого периода. Во Франции постепенно вырабатывалось новое отношение к статусу зависимого крестьянина: признаки рабства и свободы, объединившись, перешли в новое качество. Термин *colonus*, первоначально обозначавший людей лишь одного слоя зависимого населения, затем утрачивает свою определенность — отныне он применяется и в отношении крестьян, которые сохраняли элементы личной свободы, и в отношении к помещенным на землю рабам (см.: Корсунский, 1969, с. 34 и след.).

В одном из капитуляриев Карл Великий (или его писец) повторяет формулу римского права, знавшего деление общества лишь на свободных и рабов, — не существует никаких иных людей, кроме как свободные и рабы (*Quia non est amplius nisi liber et servus.* — MGH, *Capit., I, N 58, с. 1, р. 145*). Возможно, такой взгляд на социальную структуру был удобен представителям власти, однако ни в коей мере не отражал действительного положения в Каролинском государстве, под властью которого жили «люди различного состояния» (MGH, *Capit., I, N 154, с. 9. Ср.: MGH, Diplom. regum Germ., III, р. 208*). «Полная» свобода и «окончательное» порабощение были не более чем двумя крайними полюсами, между которыми располагались бесчисленные градации. Четкое противопоставление свободных рабам, существовавшее как в античном, так и в варварском обществе, в период генезиса феодализма не исчезало, но отчасти размывалось, уступая место социально-правовой пестроте. Насколь-

«о традиционное противопоставление свободных и рабов уже не соответствовало реальности раннефеодального общества, вероятно, лучше всего явствует из завещания второй половины VIII в., где упомянута передача церкви двух рабов (*servos*), из коих «один свободный, а другой раб» (*unus est liber et alter servus*), или из клювийской грамоты XI в., оформившей дарение виллы «с рабами и рабынями (*cum servis et ancillis*), проживающими в этом наследственном владении... будь то свободные, будь то рабы» (*sive sint liberi, sive sint servi*. — Boutruche, 1968, p. 337—338). Английский король сетовал в начале XI в. на стремление лордов представлять своих подчиненных то свободными, то несвободными, как им заблагорассудится.

Произвол феодалов? Стирание былой социально-юридической противоположности рабов и свободных? Несомненно. Возникает, однако, вопрос: как осознавались самими этими «свободными рабами» или «несвободными свободными» такие сдвиги в их статусе? К сожалению, анализ подобных явлений именно как фактов общественного сознания крайне труден: об идеологической и социально-психологической стороне проблемы наши источники молчат. Вряд ли можно, однако, сомневаться в том, что размывание грани между рядовыми свободными и рабами сопровождалось глубокими мировоззренческими сдвигами. Если в предшествующую эпоху представления о сущности свободы и несвободы были вполне определенными и четкими, то в переходный период складывания феодального строя они все более трансформировались. Текучесть и неустойчивость социальной терминологии раннего средневековья указывает на эти сдвиги в истолковании традиционных понятий и стоявших за ними ценностей. То обстоятельство, что в памятниках начиная со времен Каролингов «людьми короля» или «людьми церкви» («людьми» того или иного святого) именовали равно и свободных держателей, и несвободных, говорило само за себя. Бывший свободный, превратившись в зависимого держателя, со временем исключался из системы публично-правовых связей, не посещал более маллуса, не нес воинской службы, был подосуден своему господину, который мог подвергать его, подобно рабу, телесным наказаниям. Ясно, что у людей, хранивших память о своих полноправных и независимых предках, сознание утраты свободы вызывало острые отрицательные эмоции¹¹. Церковь, проповедуя смирение и перенося всю проблематику свободы из социально-политического плана в спиритуальный, отчасти способствовала разрядке этих конфликтов, поскольку побуждала простонародье принять его новое положение как должное и отвечающее воле творца, но, разумеется, эта перестройка общественного сознания была длительным и сложным процессом. Христианизация наталкивалась на иные идейные традиции. Стремясь избавиться от гнета и социальной приниженности, крестьяне осмысливали свой протест и бунт в категориях возврата к языческой вере, к «древнему порядку» (саксонские *сталлинги*), к «праву святого Олава» (норвежские «биркебейнеры»), либо к «законам Эдуарда Исповедника» (английские крестьяне в канун Нормандского завоевания).

В то время как сами крестьяне (или, по крайней мере, их часть) еще продолжали осознавать себя свободными (заявляя об этом в судьи,

¹¹ Уже цитированный выше Теган писал, что посланцы Людовика Благочестивого «нашли бесчисленное множество людей, которые были удручены отнятием их феодского наследства либо свободы». См.: Vita Ludovici, cap. 13. Цит. по: Fichtenau, 1949, S. 157.

где они отстаивали свой прирожденный статус, и провозглашая во время восстаний свободу и равноправие со знатью), господствующий класс рассматривал их уже в качестве несвободных: в цитированной выше поэме Адальберона *laboratores* приравниваются к сервам, тогда как «свободными» названы лишь знатные («те, кто молятся», и «те, кто сражаются»). Это расхождение в истолковании положения крестьянства было в период раннего средневековья и оставалось в дальнейшем одним из источников острых социальных конфликтов.

4. Оценка крестьянского труда

Оценка крестьянского труда в раннефеодальном обществе была противоречива, но в целом сравнительно низка. Ведь, во-первых, средневековье в этом отношении получило не очень-то благоприятное наследство от предшествовавшей формации, а во-вторых, в обществе, возглавляемом военной и церковной аристократией, труд неизбежно был оттеснен на периферию общественного сознания.

В античности труд не считался добродетелью и неотъемлемым признаком человека — таковым был *homo politicus* по преимуществу. Позднеантичная цивилизация не признавала высокого достоинства физического труда, видя в нем аномалию. Латинское слово *negotium* — «дело», «занятие», «труд» имело также значения: «досада», «неприятность»; это слово было производным от *otium* — «досуг», «покой», «спокойная жизнь» — и выражало их отрицание. Исключение делалось только для земледелия, но к концу античной эпохи и оно перестало быть существенной чертой гражданской добродетели, каковой являлось в более патриархальный период. В эпоху Империи «представление о прирожденной низости людей, занятых физическим трудом, и особенно рабов, стало... в кругах господствующего класса общепринятым» (Штаерман, Трофимова, 1971, с. 168). Правда, в античном обществе получили известное распространение теории и воззрения, пытавшиеся преодолеть это негативное отношение к труду (кинники, Сенека, Эпиктет), — так подготовлялся разрыв с античной рабовладельческой моралью, нашедший в конце концов свое выражение в христианстве. Высокое уважение труд находил лишь в среде самих трудящихся (Штаерман, 1961, с. 95 и след.; История Франции, 1972, т. 1, с. 28).

«Не трудящийся да не ест» — этот принцип раннего христианства ознаменовал отрицание установок античности в отношении к труду, который стал расцениваться в качестве нормального состояния человека, праздность же была причислена к тягчайшим из грехов. Христианское учение оценивало земные установления с точки зрения пригодности их как средства приближения к богу — под этим углом зрения определялось и отношение к труду. Трактовка труда, собственности, бедности, богатства в раннехристианской литературе — а эти сюжеты занимают в ней немалое место — может быть правильно понята, только если принять во внимание, что все эти вопросы ставились в плане религиозно-этическом, неизменно спиритуализовались, отнюдь не составляя некоей системы «экономических взглядов». Собственно экономическая проблематика чужда сознанию евангелистов и «отцов церкви», а равно и средневековых теоретиков, — она поставлена здесь в совершенно иные понятийные связи и приобретает значение лишь в более широких мировоззренческих рамках (см.: Гуревич, 1972, с. 192 и след.).

Но средневековье получило, помимо античного и христианского наследия, также наследие варварское. К производительному труду варварское общество тоже относилось — по-своему — очень противоречиво. Основная часть варваров была причастна к сельскохозяйственным и ремесленным занятиям. Свободный соплеменник, воин, участник народного собрания был вместе с тем и домохозяином, скотоводом и земледельцем. Лишь владевшие значительным количеством рабов были вовсе избавлены от труда и могли вести праздную жизнь, которую описывает Тацит, повествуя о древнегерманских дружинниках и их вождах. Однако вряд ли оценка свободным соплеменником своего труда была высокой. Естественно, что в обществе, которое в немалой степени жило войной, захватами и грабежами, и в особенности в период Великого переселения народов и непосредственно вслед за ним, вырабатывались героические идеалы поведения, и наиболее достойным свободного человека занятием, приносящим ему славу и добычу, считалось военное дело. Поскольку же к нему так или иначе были причастны все соплеменники, то вероятно, рядовые свободные, которым приходилось делить свое время между походами и обработкой полей, не могли одинаково высоко ставить оба эти занятия. Свободный труд, да еще в собственном владении, никого не унижал, но мог ли он идти в сравнение с дружинными подвигами?

По свидетельству римских авторов, германцы не особенно усердствовали в земледелии (Caes. De bell. Gall., XXII), и «гораздо труднее убедить их распашать поле и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны; больше того, по их представлениям, пóтом добывать то, что может быть приобретено кровью, — леность и малодушие» (Tac. Germ., XIV). Конечно, эти суждения сложились в результате знакомства с наиболее воинственной частью германцев, но разве не показательны то, что и в более позднее время в германской и скандинавской поэзии мы почти не встретим не только воспевания мирного сельского труда, но даже и самого его упоминания?

Группами, которые задавали тон в варварском обществе, выдвигая определенный идеал поведения, были преимущественно дружины. И в период после расселения варварских племен и союзов на завоеванной ими территории рядовой свободный, возделывая участок земли или сторожа стадо, не расставался с оружием — оно по-прежнему было главным признаком его происхождения и полноправия.

Положение должно было измениться, когда свободный соплеменник окончательно превратился в труженика и его единственным уделом стало производство материальных благ. Однако феодализация не могла благоприятствовать тому, чтобы труд, отныне ставший подневольным, получил более высокую оценку. Труд для зависимого крестьянина — суровая материальная и социальная необходимость, и прошло еще очень много времени, прежде чем он был осознан также и как признак морального достоинства. Тем не менее духовенство, сознавая важность крестьянства для благополучия общества, в какой-то мере способствовало известной реабилитации сельскохозяйственного труда.

Собственно говоря, в представлениях того времени труд не выделялся в какую-то особую категорию жизненных явлений. Согласно взглядам, господствовавшим в раннефеодальном обществе, всякая функция, выполняемая человеком или группой, расценивалась с точки зрения ее полезности и необходимости для поддержания социального целого. В охарактеризованной выше теории трехфункционального расчленения общества крестьянский труд нашел свое место наряду с воинской активностью

рыцарства и проповеднической деятельностью духовенства и тем самым получил необходимую санкцию. В этой системе представлений существенным было не разграничение труда производительного и непроизводительного, а служение каждого из «орденов» на пользу всему общественному организму.

Тем не менее нравственная оценка труда в раннефеодальном обществе оставалась двойственной. В необходимости трудиться церковь видела следствие первородного греха. Пока первые люди находились в раю, им не приходилось заботиться о пище, грехопадение же сопровождалось карою господней, и в наказание бог обрек род Адама добывать себе хлеб насущный в поте лица. Эта библейская концепция труда-наказания вошла в этику христианского средневековья. Христу и его последовате-

Рунический камень X в. Готланд. Вверху — павший герой спешит в Валхаллу. В середине — корабль викингов. Внизу — сцены из героических сказаний

лям не приходилось заботиться о добывании хлеба насущного. Созерцательную жизнь, приближающую человека к святости, теологи ставили выше деятельной, вследствие чего монахи занимали на лестнице восхождения к божеству более высокую ступень, чем все остальные люди.

Вместе с тем труд признавали в качестве необходимого занятия человека, который в силу несовершенства своей природы не может не трудиться. Главным был вопрос: какова цель, ради которой трудятся? Обогащение и накопление богатств осуждались. Оставались две другие цели, одна — практическая: поддержание земного существования человека, другая — нравственная: труд как средство воспитания и самообразования. Поскольку человеческая жизнь рисовалась аренной постоянному противоборству сил зла с силами добра, постольку любой род деятельности оценивался в этическом плане. Праздность — «враг души», угрожающий ей всеми пороками, а труд способен обуздать плоть и способствовать выработке дисциплины и прилежания. Этим труд и допускаясь, и в то же время подвергался ограничению. Имелась в виду не столько практическая польза труда, сколько идеальная цель, ради которой он должен был совершаться, — достижение высшего совершенства.

На деле такими оценками если и руководствовались, то лишь в монастырях, где телесные упражнения были подчинены — по крайней мере, по замыслу авторов монастырских уставов, в частности бенедиктинского, — духовной цели. Труд как разновидность аскезы — таков идеал раннего средневековья. Существовала иерархия оценок разных видов трудовой деятельности. Не говоря уже о ростовщических операциях, которые безоговорочно осуждались, и о торговой деятельности, на которую неизменно смотрели с подозрением, был ряд профессий, воспрещенных, например, для духовных лиц (в том числе многие виды ремесла). Наилучшие из трудовых занятий — сельскохозяйственные. В агнографической литературе нередко встречаются упоминания о святом, который мирно идет за плугом или пасет стадо. Выше (см. гл. VIII) уже было приведено высказывание английского епископа Эльфрика, который, отмечая важность различных занятий для человеческой жизни, подчеркивал, что полезнее всех — труд земледельца: «Мы все предпочтем жить с тобою, пахарь, чем с тобою, кузнец, ибо пахарь дает нам хлеб и питье, а что ты, кузнец, в своей кузнице можешь нам предложить, кроме искр, стука молотов и ветра из мехов?» (Aelfric's Colloquy, 1939, p. 219—237).

В популярном богословском наставлении Гонория Августодунского «Светильник» (конец XI — начало XII в.) перечисляются лица, которые попадут в ад; среди них — неправедные священники, рыцари-грабители, купцы-обманщики и наживалы, жонглеры — слуги Сатаны, и «почти все» ремесленники. Напротив, крестьяне «по большей части спасутся», «ибо ведут простой образ жизни и кормят народ божий» (Lefèvre, 1954, p. 427—429). В награду они получают удовольствие созерцать муки грешников в геенне огненной. Гонорий писал в то время, когда уже начинался новый этап осознания природы труда и его социальной роли, но в приведенном рассуждении он еще всецело формулирует установки аграрного общества.

Итак, в раннефеодальный период сосуществовали две оценки крестьянства, его места в системе общественных отношений. Одна оценка — негативная: крестьяне заслуживают презрения как низкие существа, которые стоят вне общества, они служат объектом эксплуатации — и только. Другая оценка связана с пониманием важности существования

крестьянства для общего благополучия. Обе оценки исходят из кругов, в принципе антагонистичных крестьянам, но первая порождена откровенно эгоистической точкой зрения господствующего класса, его аристократическим самосознанием и чувством превосходства над простонародьем. Вторая же оценка предполагает более широкий взгляд на положение дел: это точка зрения церкви, которая, также принадлежа к привилегированной части общества, рассматривает его в виде органической системы и, следовательно, видит в каждом из социальных компонентов носителя функции, служащей *congrue Christianorum*, возглавляемому монархом. При этом острота противоречий смягчается и как бы «снимается» вследствие перевода всей проблематики в «высший», морально-религиозный план. Подобная «дематериализация» общественных отношений лучше и полнее выражала коренные потребности господствующего класса, нежели прямолинейные высказывания ненависти и пренебрежения к мужику, характерные для вагантов или трубадуров¹².

Что касается отношения самих крестьян к труду, то об этом памятники раннего средневековья молчат. Исключение составляют, собственно, лишь скандинавские источники, содержащие довольно много указаний на то, что люди «эпохи саг» не гнушались физической работой; ею занимались даже знатные и зажиточные лица, владевшие зависимыми и рабами¹³. Точно так же герой немецкой поэмы на латинском языке «Вальтарий» (IX в.) признает, что если б он пожелал вступить в брак и зажить семейной жизнью, ему пришлось бы оставить службу воина, которую он нес при дворе могущественного владыки, и «дома воздвигать, возделывать землю» (Геральд. Вальтарий, 150 и след.:— Памятники средневековой..., 1970, с. 387). В уже упоминавшейся исландской «Песни о Риге» воспеваются среди других производственных занятия Карла (т. е. крестьянина). В другой эддической поэме — собрании афоризмов житейской мудрости («Речи Высокого») — говорится о необходимости прилежно трудиться: «не видеть добычи лежащему волку, а победы — проспавшему». /«Рано встает, /кто без подмоги /к труду приступает; /утром дремота/ работе помета — кто бодр, тот богат» (Старшая Эдда, 1963, с. 20). Таким образом, по крайней мере, в германских странах земледельческий труд не считался унижительным.

Сохранившиеся фрагменты трудовых песен (опять-таки скандинавских) свидетельствуют о поэтизации труда (Kulturhistorisk leksikon..., 1956, sp. 201 ff.). Не исключено, что об этом же говорят и древние аграрные ритуалы, которые должны были обеспечивать благоприятный урожай (см.: RL, I, 1970, S. 98 f.). Поэтизацию аграрного труда в раннее средневековье можно проследить отчасти и по памятникам искусства. Средневековый календарь был по своему характеру сельскохозяйственным. В изображениях календарей в памятниках литературы и искусства каждый месяц символизировал определенные сельские работы. Этот тип календаря был унаследован от античности, но античные изоб-

¹² С этими двумя точками зрения связаны в конечном счете и два неодинаковых подхода к рабочему времени крестьянина. Феодал мог быть заинтересован в увеличении числа рабочих дней, проводимых крестьянином на барщине, церковь же стояла на страже времени, в течение которого было запрещено трудиться, и карала нарушителей этих запретов. Не показательна ли, что подобные запреты нарушали не только сами трудящиеся, вынужденные работать и в дни церковных праздников или игнорировавшие их, но и господа, которые заставляли своих людей работать в неположенное время?

¹³ Многочисленные свидетельства источников см.: RL, I, 1970, S. 383 ff.

ражения месяцев представляли собой сочетание астрономических знаков с пассивными человеческими фигурами, между тем как в период раннего средневековья в Западной Европе сложилась иная схема изображения месячных работ: их теперь персонифицировали активно действующие, трудящиеся люди (Webster, 1938; Stern, 1955). От абстрактных аллегорий произошел переход к «трудам месяцев», и возник новый по своему смыслу жанр — земная деятельность человека свершается перед лицом небесного мира и включается в единый гармоничный ритм природы в христианском ее истолковании — как служанки творца. Разумеется, эти изображения не выражают непосредственно умонастроений и этики крестьянства, но они симптоматичны для изменившейся оценки труда в обществе и тем самым косвенно могут свидетельствовать о возросшем значении роли крестьянства и его хозяйственной деятельности в жизни раннесредневековой Европы.

Несмотря на то, что в изучаемый период техника не стояла на месте и были сделаны некоторые существенные усовершенствования, в целом приходится констатировать чрезвычайный консерватизм «технической мысли». Общественное сознание эпохи, по словам Ж. Ле Гоффа, было «антитехнично» (Le Goff, 1965, p. 252). Высказав эту мысль, французский историк полагает, что «повинен» в том был господствующий класс, который отчасти стимулировал, поскольку это касается рыцарства, лишь военное дело и, поскольку речь идет о духовенстве, церковное строительство. Ле Гофф обращает внимание на такое красноречивое явление: вплоть до классического средневековья орудия труда и производственные процессы фигурировали в искусстве и литературе преимущественно в качестве символов или аллегорических средств, атрибутов святых; их утилитарная, непосредственная ценность, практическая полезность культурой игнорировались. По-видимому, антитехнично, однако, было вообще сознание людей раннего средневековья, и понять соответствующие установки господствующего класса можно, только учитывая, что в конечном счете они по-своему воспроизводили общий консерватизм мышления, и прежде всего консерватизм крестьянского мышления. «Старина», «обычай предков» — вот ключевые понятия, открывающие тайны духовной жизни и поведения крестьянства того периода, идет ли речь об общественных распорядках, технических усовершенствованиях или религиозных верованиях.

5. Между язычеством и христианством

Признавая важность крестьянства как материальной опоры общества и заботясь о том, чтобы отношения между отдельными частями социального организма не нарушили его равновесия в целом, церковь вместе с тем настороженно относилась к верованиям и религиозной практике масс. В высшей степени симптоматична идентификация понятий «селянин» (rusticus) и «язычник» (paganus) в памятниках начала средневековья.

Христианизация не проходила столь гладко и быстро, как это изображалось в иных житиях святых. Примера праведной жизни отдельного отшельника, его проповеди и даже творимых им чудес было недостаточно для того, чтобы обратить в «истинную веру» население, традиционно приверженное к языческим культам. Хорошо известно, сколь важную роль в обращении в новую религию играла государственная власть, силою и авторитетом своим содействовавшая искоренению язычества и насильственному христианизации порядков. И тем не менее долгое время даже и

после завершения миссионерской деятельности духовенству приходилось сталкиваться с устойчивыми пережитками язычества в среде крестьянства. Обличения сельских языческих культов встречаются у многих церковных авторов — у Цезария Арелатского и Мартина из Бракары (VI в.), Элигия Нойонского (VII в.), Бурхарда Вюрцбургского и Пирмина Рейхенауского (VIII в.), Храбана Мавра (IX в.) и др. О мерах по искоренению язычества говорят постановления церковных соборов, папские послания и декреты, акты государственного законодательства и кодексы церковных покаяний. Заслуживает внимания, в частности, «Перечень суеверий и языческих обычаев» (*Indiculus superstitionum et paganiarum*.— Сар. N 108), в котором сжато перечислены многообразные формы народных верований и обрядов, преследуемых церковью. Этот перечень был составлен во Франкском государстве в VIII в., и, по-видимому, использовался духовенством в период христианизаторской миссии Бонифация для выявления и преследования всех подобных случаев. Названные здесь суеверия были распространены повсеместно — среди как германского, так и романского населения.

Церковь уничтожала капища и идолов, запрещая поклоняться богам, совершать жертвоприношения и устраивать языческие праздники и ритуалы. Преследованию подвергались погребальные обряды, сопровождавшиеся кремацией и ритуальными пирами (*Indiculus* начинается с упоминания «святоотцев» над покойниками и могилами). Все культы сил природы, народные обряды, отправлявшиеся в лесах и рощах, на скалах и близ источников, считались богопротивными. Суровые наказания угрожали тем, кто занимался гаданиями, заклинаниями и прорицаниями будущего или верил в них.

Многие из языческих обычаев, против которых обрушивали свой гнев деятели церкви и поддерживавшая их монархия, были явно аграрного, крестьянского происхождения. В *Indiculus* особо сказано «о бороздах, которые проводят вокруг деревень»: имелась в виду, очевидно, ритуальная вспашка или боронование. В том же перечне говорится об идоле, которого носят по полям. В другом источнике упоминаются деревья и жертвенники, установленные некими язычниками на своих полях или в вилах, где «эти несчастные» приносят обеты (Boudriot, 1928, S. 26). Св. Элигий обличал колдовство над скотом, а «*Homilia de sacrilegiis*» («Проповеди против святоотцев») — крестьянские ритуалы перед началом пахоты (Boudriot, 1928, S. 45), связанные с наблюдениями над небесными светилами. Преодолеть приверженность к такого рода ритуалам было нелегко. Абатиса Маркуита, основательница одного из вестфальских мона-

Изображения викингов. X в. Слева сверху — бронзовая статуэтка (Фрейр?). Швеция. Справа сверху — бронзовая булавка. Дания. Слева внизу — изображение на повозке Норвегия. Справа внизу — резьба по кости. Швеция

стырей (ок. 939 г.), разрешила своим крестьянам ежегодно на Троицу устраивать процессию «взамен языческого обхода полей» — для того, «чтобы лучше был урожай на полях» (Pfannenschmid, 1878, S. 50—51). Преведенный языческий обряд был по существу сохранен и лишь несколько приближен к христианству!

Церкви приходилось считаться с языческими традициями и в некоторых других случаях. Сохранилось послание папы Григория I (VI в.) архиепископу Кентерберийскому Меллитусу, в котором римский первосвященник рекомендует духовенству Англии выполнять свою миссию с большой осторожностью и не пытаться одним ударом покончить с язычеством англосаксов. Он советует,

Женские фигуры. Серебро. Швеция

в частности, не уничтожать самих капищ, разрушая лишь идолов: опрыскав старые святилища святой водой, их можно использовать для новых целей, поместив в них христианские алтари и мощи святых, чтобы новообращенные могли в знакомых и привычных им местах с большей легкостью перейти от заблуждений к истинной религии. Поскольку эти люди имеют обычай приносить в жертву демонам большое количество скота, то, продолжает папа, «нужно дать им взамен нечто праздничное», позволяя — разумеется, в дни святых — собираться на религиозные пиршества: пусть они не приносят животных в жертву дьяволу, а убивают их для собственного пропитания во славу господина и за все благодарят его. «Коль скоро для них будут оставлены некоторые внешние утехи, тем легче будет ощутить внутренние радости». Ибо нет сомнения, продолжает автор послания, что невозможно сразу же полностью очистить грубые умы, и потому надлежит действовать постепенно, подобно тому, как господь открывался избранному народу. «Так и с сердцами людей, подлежащими изменению: они должны отказаться от одной части жертвоприношений, сохранив другую, и даже если это будут те же самые животные, которых они имели обыкновение приносить в закляние; однако, поскольку они станут жертвовать их богу, а не идолам, постольку и самое жертвоприношение будет уже не таково, как прежде» (см. Н. Е., I, 30).

Предлагая учитывать психологию новообращенных, Григорий I желал по возможности избежать резкого конфликта двух религий. Правда, нет данных, свидетельствующих о применении рекомендованных папою терпимости и осторожности при крещении англосаксов или каких-либо других язычников. Форсирование процесса христианизации было одним из источников острых столкновений, ибо со старой верой у массы населения нередко ассоциировались традиции народной свободы и независимости, между тем как связь христианской церкви с государственной властью и угнетением, которое она несла, проступала достаточно отчетливо.

Борьба против язычества была, таким образом, составной частью процесса феодального подчинения крестьянства. Все это делало язычество врагом раннефеодальной монархии, которая принимала самые решитель-

ные меры для его искоренения. Предписания против нечестивой практики язычников издавали, например, большинство монархов Франкского королевства, начиная с Хильдеберта и кончая Людовиком Благочестивым; наибольшую активность в борьбе против язычества проявлял Карл Великий (капитулярии от 769, 779, 794, 802—803, 809 гг., «Всеобщее увещание» 787 г., саксонские капитулярии и другие эдикты и предписания). «Пусть всех людей принуждают к изучению „Credo“ и господней молитвы или „Символа веры“, — гласил один из его капитуляриев. — И если кто не знает их, пусть его бьют, либо пусть он воздерживается от всяческого питья, кроме воды, до тех пор, пока не сумеет их полностью повторить, а ежели не повинуется, привести его в наше присутствие. Женщин принуждать поркою или постом. Пусть посланцы наши помогают епископам проследить за тем, чтобы это исполнялось, а также и графы, коль они желают пользоваться милостями нашими, пусть содействуют епископам в принуждении народа усваивать веру» (Сар. № 130). Трудности выучивания молитв, конечно, были не мнемонического свойства.

Тема искоренения язычества с самого начала — с записей права Кента и Уэссекса VII в. и вплоть до «Законов Кнута» — проходит и в англосаксонском законодательстве. Вряд ли из чистой склонности цитировать библейские тексты включил король Альфред ветхозаветные запреты идолопоклонства во введение к своим законам. Как раз в это время (в конце IX в.) папа Формоз писал об «отвратительных ритуалах язычников», которые вновь распространились в Англии¹⁴.

Несмотря на все принятые меры, язычество не было уничтожено полностью. И после христианизации кое-где в германских областях Европы практиковались старые обычаи трупосожжения и иные запрещенные церковью погребальные обряды. Григорий Турский осуждал ариан, которые попеременно посещали церковные алтари и языческие капища (Greg. Turon. H. F., V, 43), но подобные действия вовсе не были каким-то отличительным признаком еретиков — к ним прибегали и те, кто считался католиком. В исландских источниках упоминаются люди «смешанной веры»: они посещали церковь и поклонялись Христу, но в решающие моменты жизни, когда нужна в содействии сверхъестественных сил ощущалась особенно сильно, обращались к Тору и магическим средствам. Беда Достопочтенный повествует о короле англов Редвальде: на время он принял христианство, а затем возвратился к язычеству и, «по обычаю древних самаритян»¹⁵, казалось, вместе служил и Христу, и божкам, которым поклонялся прежде, и в одном и том же храме держал алтарь для христианской службы и другой, поменьше, для жертвоприношения демонам (H. E., II, 15). Многочисленные языческие мотивы широко вобрало в себя раннесредневековое искусство, используя их в целях, чуждых первоначальному назначению. С особой подозрительностью смотрели церковь и государство на ритуальные пиршества и сборища населения, во время которых пили, плясали и предавались другим столь же богопротивным занятиям, внушенным дьяволом. Исполняемые во время этих гильдейских сборищ песни осуждались духовенством, враждебным культурным традициям простонародья¹⁶.

¹⁴ Chaney, 1970, p. 44. См.: II Snut, 5 (перечень языческих обычаев, которые сохранились в Англии в первой половине XI в.).

¹⁵ Согласно Ветхому завету, самаритяне имели склонность принимать чужих богов и поклоняться им наряду со своими.

¹⁶ О гильдиях и присягах (conjuraciones), которыми обменивались их члены, читаем в Капитулярии 779 г. и эдикте 789 г. Высказывания Цезаря Арелатского против

Было бы, однако, ошибкою принимать все такого рода уклонения от истинной веры только за пережитки язычества. «Язычество», с которым церкви приходилось иметь дело не только в тот период, но, собственно, на протяжении всего средневековья, отнюдь не было лишено почвы и продолжало жить вовсе не в силу одной инерции. Это была могучая сила, но правильно ли называть ее язычеством? При всех отличиях от сложнейшего, детально разработанного церковью христианского богословия и культа, от церковных институтов с их огромной иерархией служителей все же и язычество предполагало комплекс представлений о богах и подчиненных им силах. Не случайно в период христианизации церковь боролась прежде всего против языческого культа и сопутствующих ему предметов и символов, уничтожая идолы и капища, запрещая населению придерживаться прежних обрядов и жертвоприношений, связанных с этими культами.

Однако за культом как таковым скрывалась некая система представлений и навыков мышления, относительно независимая от веры в то или иное божество, и искоренение святилищ, замена языческих праздников церковными сами по себе еще не вели к отказу населения от традиционных взглядов на мир и правившие им силы. Разными способами церковь удалось доказать новообращенным, что Христос — более могучий бог, чем Водан (Один) или Донар (Тор), и оттеснить прежних богов на периферию религиозного сознания, превратив их в вечную силу, либо сохранив в отдельных случаях какие-то черты в облике святых, которым были переданы соответствующие функции, ранее выполнявшиеся языческими божествами. В результате утвердилась церковная обрядность, в принципе враждебная язычеству и, с точки зрения богословов, не имевшая ничего общего со старыми народными обычаями, а на деле частично компенсировавшая вчерашних язычников, которые, не вникая в высший трансцендентный смысл христианской литургии, вряд ли и доступный их разумению, видели в ней комплекс ритуалов, отчасти удовлетворявших их религиозно-практические нужды. Но лишь отчасти, ибо возмняния и жертвы идолам и до крещения ни в коей мере не исчерпывали средств, при помощи которых человек в аграрном обществе старается обеспечить свое благополучие и безопасность.

Короче говоря, под покровом религиозного сознания, будь то христианство или язычество, располагался мощный пласт архаических, «исконных» стереотипов практического или интеллектуального «освоения мира», вряд ли поддающихся описанию как религиозные в строгом смысле слова. Религия (мы имеем в виду, разумеется, только христианство и те формы язычества, с которыми церкви пришлось столкнуться в романской и варварской частях Европы) была связана с очеловечением, одухотворением природы, с приданием ей антропоморфных свойств и черт: человек «осваивается» с силами природы путем их «олицетворения» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 639). Между тем в сознании массы сельского населения, помимо веры в богов и в известном смысле независимо от нее (ибо старые божества были смещены новым богом), сохранялись совсем иные установки поведения, проистекавшие не из экстраполяции человеческих свойств на остальной мир, а скорее из распростра-

«непристойных любовных или невоздержанных выражений», «разнузданных песен и о «плясках и танцах перед самими церквами святых», призывы св. Элигия запретить «дьявольские игры и языческие песни», громы Храбана Мавра против «искусоморохов и словно бы отравленных ядом песен, кои суть дьявольский соблазн и наваждение». см.: Boudriot, 1928, S. 70—71.

нения признаков природы на человека. Люди обнаруживали в себе те же самые качества, что и во всей окружающей их природной среде: собственно, они не воспринимали ее как «окружение», «среду» — они ощущали себя ее интегральной частью. Они непосредственно включены в круговорот природных явлений.

Это участие в пульсации Вселенной, выражавшееся как в постоянном воздействии природы на человека, так и в столь же необходимом его воздействии на ход природных вещей при помощи целой системы сверхъестественных средств, есть не что иное, как магия. Магическое отношение к миру было в период раннего средневековья не простым «пережитком» язычества, а важной чертой мировоззрения и практики сельского населения. Мировоззрение этих людей, если судить о нем на основе источников, отражающих (насколько это вообще в тот период было возможно) их жизнь и взгляды, по сути своей было «магическим». О том, что перед нами действительно «магическая картина мира», свидетельствует вся повседневная жизнь раннефеодальной деревни.

Среди памятников, которые с относительной полнотой позволяют познакомиться с суевериями и ритуалами сельской жизни в раннее средневековье, наибольшей ценностью, на наш взгляд, обладают так называемые «покаянные книги» (пенитенциалии) католической церкви, пособия для исповедников, содержавшие перечни грехов и устанавливавшие епитимьи за эти прегрешения. Подчас они были написаны в форме подробнейших вопросов, которыми должны были пользоваться приходские священники во время исповеди, заимствуя из них нужные, с их точки зрения, вопросы и переводя их при этом с латыни на понятный исповедующемуся язык. Таким образом, это были практические руководства для служебного использования той частью духовенства, которая ближе всего стояла к пастве, знала ее религиозную жизнь и была обязана следить за ее исправлением. Естественно, в этих источниках перечисляются лишь вопросы, задаваемые священником, но не ответы прихожанина. Однако поскольку вопросы в значительной мере были продиктованы жизнью, опирались на опыт исповеди, постольку они дают ценный материал для характеристики неортодоксальных форм народной религиозности (подробнее см.: Гуревич, 1973; 1981, гл. III).

Церковь сражалась со всеми грехами, но, пожалуй, главный и наиболее опасный враг, с точки зрения авторов «покаянных книг», — «язычество». То «язычество», в котором приходские пастыри обвиняли паству, было весьма условным: раз уж они посещают церковную службу, ходят на исповедь и способны прочесть символ веры (с чего начиналось собеседование священника с прихожанином), трудно не считать их христианами. Очевидно, имеются в виду люди, признававшиеся в совершении грехов и принимавшие на себя после исповеди положенные епитимьи. Следовательно, если это и «язычество», то язычество христиан. Иными словами, речь идет о религиозно-нравственном поведении прихожан, осуждаемом церковью как несправедное и богопротивное не потому, что они не верят в бога и отказываются повиноваться его служителям, а потому, что наряду с исповеданием христианства эти люди придерживались всякого рода суеверий и религиозно-магической практики, противоречившей учению церкви. Невольно возникает вопрос: насколько глубоко и правильно было воспринято ими самое христианское учение?

Было бы очень рискованно судить о средневековом христианстве на основании одних лишь официальных религиозных текстов эпохи или сочинений теологов. Вряд ли при этом достаточны и те весьма существен-

ные коррективы, которые делаются при изучении ересей,— ведь и ересь представляла собой неортодоксальную форму того же христианства: еретики требовали возврата к «первоначальному», «подлинному» слову Христа. И затем не следует забывать, что в численном отношении они всегда до эпохи Реформации уступали правоверным христианам, в раннее средневековье в особенности. Но что же такое этот рядовой католик, который не поклоняется языческим богам и не впал в ересь, посещает церковь и не уклоняется от исповеди? О нем-то и идет речь в пенитенциалиях.

Предпосылка его поведения — подчеркнем это вновь — постоянное, интенсивное взаимодействие и единство с природой. Для того, чтобы не нарушался космический порядок, чтобы, скажем, наступило новолуние, необходимо совершать определенные магические обряды и заклинания, которые помогут луне «восстановить ее сияние»¹⁷. Ритуалы воздействия на «элементы» необходимы для вызывания дождя во время засухи; в одной из «покаянных книг» детально описана колдовская процедура «выманивания воды» деревенскими детьми из соседней речки (Schmitz, 1958, II, S. 452). Поле не даст урожая без жертвоприношений, столь же обязательных, как пахота и посев, а домашние животные и птицы будут с приплодом при условии, если хозяйка поворочит. Пенитенциалии обрушиваются на магов, заклинающих бури (Schmitz, 1958, I, S. 308, 811; II, S. 425). Подобное отношение к природе не есть некая совокупность средств, «дополняющих» естественную причинность и способствующих «обычному» ходу вещей,— по убеждению этих людей, магия есть составная часть мирового круговорота, объединяющая естественное и сверхъестественное в нерасторжимое целое.

Подобно тому как люди вмешиваются в природные процессы, помогая им ритуальными действиями, так и природа имеет прямое отношение к судьбам людей. Наблюдая движение звезд и планет, следя за полетом птиц, изучая приметы, можно получить залогов успеха человеческой деятельности. В январские календы участники праздника рядятся в телачьи или оленьи шкуры, наглядно ощущая и демонстрируя свое единство с природой. Это же единство воспроизводится во время народных игрниц и жертвоприношений силам природы, совершаемых под открытым небом, у источников, в рощах, на скалах. Церковь, решительно запрещающая эти сборища, стремилась оторвать прихожан от лона природы, ибо, с точки зрения духовенства, только в храме божьем человек должен вступать в контакт с высшей силой.

Однако представления прихожан об этой правящей миром силе были совсем не такими, как учило христианство. Сила эта — судьба, а ее конкретными воплощениями были могущественная Хольда или Хульда (нем. «фрау Холде»), благоприятствующая домохозяйкам и роженицам Фрийя, «три сестры» — парки и иные существа, перекочевавшие в более позднее время в народную сказку и легенду, а в период раннего средневековья являвшиеся предметом поклонения. Именно на вере в судьбу основывались гадания, заглядывание в будущее, против которых обрушивают свой гнев авторы «покаянных книг». Магические обряды расцениваются ими как попытки «избежать божьего суда» (Schmitz, 1958, I, S. 811; II, S. 445). Судя по всему, понятие божественного провидения

¹⁷ Храбан Маур обрушивался против «тех, кто при затмении луны исходит вошляма» (Hom., 42.— PL, t. 110, col. 78 f.). Во время лунного затмения, как отмечено в *Induculus superstitionum*, язычники восклицают: «Vince luna!» — «Луна, победи!» (MGH, Leges, II, 1, S. 222 ff.).

было чуждо сознанию людей аграрного общества, воспринимавших мир в конкретных образах и далеких от абстракций. «Не обращался ли ты к искусству гадания или магии, начиная какое-нибудь дело, вместо того чтобы призвать имя божие?» — вопрошает прихожанина исповедник (Schmitz, 1958, II, S. 431). «Не полагаешь ли ты, — восклицает он, обращаясь к погрязшему в „язычестве“ грешнику, — что петух своим кукареканьем скорее может прогнать нечисть, нежели божественный разум?» (Schmitz, 1958, II, S. 442). Церковь запрещала верить в существование оборотней — вервольфов, и церковный автор задавал риторический воп-

Серебряные бляшки с изображением человеческих лиц. X в. Готланд

рос: «Неужели ты верил, что кто-либо, кроме всемогущего господ, способен превратить божью тварь в иную форму или иное существо?» (Schmitz, 1958, II, S. 442).

Согласно христианскому учению, природа — лишь служанка творца. Между тем в мировоззрении людей, к которым обращены вопросы пенитенциалиев, она играет совершенно иную роль: именно ей и ее силам они поклоняются, на них воздействуют и от них ждут помощи. Вера в природные силы — основа и всей народной медицины, равно как и разветвленной системы приворотных и зловередных средств, против которых опять-таки ополчается духовенство. Особенно опасными церковь считала женщин, занимающихся изготовлением всякого рода снадобий и амулетов. Женщина вообще казалась ближе стоящей к природным силам и более интимно с ними связанной. В пособиях для исповедников большое внимание уделяется вере в способность некоторых женщин летать по ночам на шабашах и служить, «как госпоже, языческой богине Диане» (Schmitz, 1958, II, S. 429). Все эти верования, утверждают пенитенциалии, суть не что иное, как дьявольское внушение.

Авторы «покаянных книг» признают, что опасные и ложные заблуждения, с которыми они репительны, но, видимо, не очень успешно борются, широко распространены в народе, являясь достоянием «бесчисленного множества глушцов».

Источники подобных верований, столь далеких от христианства, разнообразны. Уже трудно отделить в них германские мотивы от мотивов романских или кельтских. Существенно не происхождение тех или иных идей и представлений, а совсем другое обстоятельство: сознание человека раннего средневековья, в первую очередь сельского жителя, было благоприятной почвой для воспроизведения такого рода образов. Будучи непосредственно включен в круговорот природных явлений, невольно и неизбежно подчиняя им всю свою жизнь, крестьянин той эпохи не был способен вырваться за пределы архаического мироздания, фрагменты которого мы находим в вопросниках пенитенциалиев (как, впрочем, хотя и не в столь концентрированной форме, и в других источниках) и которое во многом противоречило христианской картине мира.

Одной из основных черт этого архаического миропонимания был циклизм. Время, в котором живет аграрное общество — природное время, последовательность годовых циклов с их извечной повторяемостью. Временные ориентиры, значимые в этой системе сознания, заданы сменой времен года. В определенные моменты цикла устраиваются праздники («покаянные книги» предостерегают против языческих обрядов в январские календы). В крестьянском мире в принципе не бывает ничего нового, все повторяется, жизнь человека от рождения и до смерти проходит один и тот же, для всех одинаковый круг событий. Следование от века данным стереотипам поведения и выполнение традиционных обрядов людьми, поглощенными рутинной сельской хозяйством, затрудняет поиски нового и интерес к нему¹⁸.

Однако в той мере, в какой простой народ усваивал христианскую веру, он должен был как-то осознать собственную причастность к истории спасения и, следовательно, свою включенность в процесс движения в определенном направлении — к концу света, к Страшному суду и воз-

¹⁸ Подробнее о восприятии времени в этой системе сознания см.: *Стеблин-Каменский*, 1971, с. 101 и след.; *Гуревич*, 1970, с. 34 и след.; *Гуревич*. История и сага, 1972, с. 23 и след.

даянию за грехи. Вполне возможно, что именно через страх наказания (а страх в этой системе сознания является мощным фактором) недавние язычники в какой-то степени могли приобщиться к идее истории и связанному с ней представлению о линейном течении времени.

Вскрывая под плохо ли, хорошо ли усвоенным христианством более архаичский пласт сознания и соответствующих ему верований и способов жизненной ориентации и поведения, мы вплотную подходим к проблеме их соотношения и взаимодействия. К сожалению, источники не дают возможности достаточно близко познакомиться с внутренним миром крестьянина той эпохи; личность в них обезличена и выступает как тип, а не как индивид. «Покаянные книги» в силу своей специфики изображают лишь противоречия между двумя мировоззрениями и трактуют их как непримиримые: христианство — путь истины и спасения, язычество — греховное заблуждение. В действительности все было, вероятно, намного сложнее. Поскольку в диалоге, предполагаемом исповедальными руководствами, мы слышим один только голос духовника, допытывающегося о прегрешениях, но не самую исповедь с ее признаниями, колебаниями, попытками самооправдания, а возможно, и умолчаниями, постольку от нашего взора ускользает внутренний конфликт, который, не исключено, переживал крестьянин в результате пересечения в его сознании обоих упомянутых выше образов мира.

Историк вынужден ограничиться констатацией: христианская проповедь в той мере, в какой она воспринималась массой населения, порождала в высшей степени специфичный синтез мировоззрений.

Христианизация крестьянства приводила к выработке взглядов, весьма далеких от того, чего добивалось духовенство. Элементы новой религии переплетались в них и синтезировались с мощным слоем архаических верований и представлений о мире, во многом и определявших поведение крестьянства.

6. Крестьянин и церковный идеал святости

Если говорить о варваризованных регионах Европы в первые столетия средневековья, то нужно отметить, что культура не была глубоко дифференцирована в социальном отношении. Общие для всего варварского общества идеалы не утратили своей универсальности сразу же после того, как начался переход к феодализму. В варварском обществе эти идеалы являлись преимущественно героическими: доблести, ценимые превыше всего, были связаны с войной. Героические песни и сказания германцев, непосредственно выражавшие настроения и этические нормы наиболее воинственных элементов общества, знати, вместе с тем отвечали вкусам и устремлениям всех свободных (см.: Пекарчик, 1971, с. 103; Гуревич, 1979, с. 7 и след.). Немецкие крестьяне, по свидетельству «Кведлинбургских анналов» (X в.), распевали песни о Дитрихе Бернском, т. е. героические песни о Теодорихе¹⁹. В житии святого Ляудгерия упоминается певец Бернлев, очень популярный среди фризов благодаря исполнявшимся им песням о древних подвигах и войнах королей (MGH, SS, II, p. 410). Особенно культивировалась героическая поэзия в Северной Европе, у скандинавов и англосаксов.

¹⁹ MGH, SS, III, p. 31. Ср.: Poeta Saxo. De gestis Caroli magni.—MGH, SS, I, p. 268: о «народных песнях», воспевавших франкских королей.

По мере развития классовых противоположностей крестьянство неизбежно отгеснялось от тех культурных ценностей, которые постепенно становились монопольным достоянием господствующего класса. Этот процесс обуславливался в первую очередь возрастающим несоответствием идейного содержания героической поэзии реальному положению крестьян, круг интересов которых силою вещей все более суживался и подчинялся рутине деревенской жизни. В мире воинского эпоса, к которому рыцарство проявляло не меньший интерес, чем его отдаленная предшественница — дофеодальная знать, не было места для простолюдина. В еще меньшей мере могло оно найтись в новом жанре аристократической поэзии — в рыцарском романе и «песнях о подвигах» (*chansons de gestes*). И тем не менее нет оснований утверждать, что рыцарский героический эпос — «Песнь о Роланде» или «Песнь о Нибелунгах» — был совершенно чужд простому народу. В этих произведениях, непосредственно отвечавших идеалам аристократической верхушки, вместе с тем выражались в какой-то мере и общенародные представления, связанные с процессами начинавшего исподволь формироваться сознания народностей феодальной эпохи²⁰.

Иначе обстояло дело с «житиями святых». То был наиболее излюбленный жанр средневековой литературы. Жития не были произведениями народного творчества, их сочиняли и записывали духовные лица, нередко по прямому указанию церковных иерархов, но адресованы они были самым широким кругам населения и пользовались исключительной популярностью. Аудитория, для которой предназначались легенды о святых, накладывала на эти произведения определенный отпечаток. В них поднимались темы, представлявшие животрепещущий интерес для рядового верующего. Агиографические сочинения выполняли важную религиозно-дидактическую и пропагандистскую функцию. Поэтому в житиях затрагивались и социальные проблемы, а заключенная в них теология выступала в огрубленном и примитивизированном виде.

Вера в святых полностью отвечала магическим навыкам и склонностям простого человека, не разбиравшегося в христианских таинствах и богословских тонкостях, но охотно верившего в чудеса. Всемогущество святого, признаваемое даже чертями и демонами, его авторитет, превосходящий авторитет любой земной власти, — все это не могло не импонировать простому люду. Эксплуатируя веру в чудеса в своих интересах (распространение и укрепление веры, привлечение паломников к какому-либо священному месту, умножение числа дарений монастырю), духовенство иногда вместе с тем пыталось ограничить ее и не во всех случаях признавало подлинность чудес (ведь могло быть и ложное чудо, внушенное кознями нечистой силы!). Церковные авторы со времен Августина утверждали, что чудо — не главное для святого, но святые, не прославленные чудесами, не пользовались популярностью в народе. Духовенство наталкивалось на упорное стремление простого народа «получить» чудеса и тем самым удовлетворить свою потребность в чудесном, в магии под новым обликом, наконец, в социально-религиозном утешении, своего рода компенсации за несовершенство и прозаичность обыденной жизни.

Чудо представляло собой слишком эффективное средство социально-психологического воздействия на массу, чтобы церковь могла позволить

²⁰ Анализ имен держателей в «Сен-Жерменском полиптике» (начало IX в.) показал, что ценности и понятия варварского общества «героической поры» еще далеко не были изжиты и в крестьянской среде (*Бессмертный*, 1981, с. 56 и след.).

себе им пренебречь. Поскольку общественная потребность в чудесном была столь велика, духовенство старалось ее использовать в нужном для себя направлении. Если у язычников магией могли заниматься всякого рода колдуны, «математики» и вообще всякие опытные в этом деле люди (эта традиция сохраняется в народной сказке), то у христиан чудо становится монопольным достоянием одного только апробированного церковью и канонизованного святого — всякая «самодельность» настрого запрещалась. Таким образом, область сверхъестественного оказывалась под идеологическим контролем духовенства. Святые становятся необходимыми ходатаями и заступниками перед далеким и абстрактным божеством, мало понятным и чуждым сознанию простого люда.

Легенды о святых предельно просты, общедоступны и популярны. Святой — не кто иной, как христианизированный маг, творец чудес, целитель и заступник слабых и принижённых. Создается впечатление, что его облик как бы навязывается аудитории авторам житий, наделяющих святых теми чертами и качествами, которые простой народ ожидал в них найти. Культура мышления в агиографии примитивна. Уловки, к которым прибегают святые для того, чтобы одолеть нечистую силу, — это хитрости народной сказки. Упомянем хотя бы о не лишенной грубого комизма тяжбе из-за души блудницы Афры между епископом Нарциссом и дьяволом (*Conversio sanctae Aerae*.— MGH, SS, III, p. 58—60).

Отношения между верующими и святыми мыслились крестьянами как отношения взаимной помощи и защиты. Когда к раке святого Мартина Турского явились люди архиепископа Орлеанского с тем, чтобы схватить беглеца, соседние крестьяне, вооружившись, сбежались и заявили, что «они не потерпят, чтобы их святому причинили бесчестье» (*Alchvins Epistolae*, 4, 403, № 249. Цит. по: Fichtenau, 1949, S. 179). Своего святого ценили выше, чем «чужих», и гордились его могуществом.

В раннесредневековой агиографии немалое место занимают мотивы помощи святого бедным, вдовам, сиротам, социально принижённым. Большой популярностью на протяжении средневековья пользовалась легенда о Петре Публикани, который спасся подаванием бедному (*Kretzenbacher*, 1956). Поддержка нищих и обездоленных — излюбленная тема агиографии. Особенно часто в житиях меровингского времени встречается освобождение святым пленника, раба, преступника, осужденного на заключение или на казнь. В житиях, затрагивающих эту тему, явно близкую сердцу «маленького человека», наблюдается такая расстановка персонажей: милосердный святой — жестокий судья.

Защитник обездоленных, святой, вместе с тем отнюдь не оппонент светской власти и не борец против угнетения, он выше этой власти в том смысле, в каком церковь праведнее государства, а «Град божий» истиннее ограниченного во времени «Града земного». Святой вовсе не выступает принципиальным противником рабства и угнетения, и если они смягчаются благодаря его чудесному вмешательству, то это лишь частный случай. Точно так же, когда в житиях изображается дурной король или сеньор, то это всегда конкретное лицо; злым может быть тот или иной человек, а не самый институт или какое-либо сословие²¹. Нет и речи о моральной противоположности низших и высших. Согласно жи-

²¹ Таково, например, вмешательство св. Лентфрида в защиту держателей монастыря от жестокого управления (*Miracula s. Lentfredi*.— MGH, SS, VII, p. 17) или св. Сервация на стороне зависимых крестьян, притесняемых несправедливым фоггом (*Hagi*, 1929, S. 35 ff.).

тиям, идеальное поведение господина — мягкость и милосердие по отношению к подданным, а противоположный образ действий может быть исправлен только вмешательством святого, простой же люд должен безропотно терпеть свои невзгоды. Несвобода и неравенство — естественное состояние общества, в котором подвизается божий избраннык — персонаж жития. Как нечто разумеющееся в житиях упоминаются рабы и другие зависимые люди святых. Св. Гамальберт (Бавария) умиротворял своих рабов, ссорившихся между собой, для чего дарил им одежду или иное имущество; он щадил их на тяжелых работах — и только (*Vita Gamalberti*, 5, 6.—MGH, SS, VII, p. 189). Поднимая тему освобождения заточенного в темницу, агиографы демонстрировали чудесное могущество святого, а не стремление его исправить вопиющую социальную несправедливость. Исцеление больных, раздача богатств, щедрые подаяния милостыни — вполне достаточные доказательства святости.

Следует отметить, далее, то, что святые раннесредневековой агиографии — как правило, лица знатного рода и высокого социального положения. Одно из распространенных «общих мест» агиографии этого периода: такой-то святой благородного происхождения, но еще благороднее своей религиозностью. Исключения из этого правила были чрезвычайно редки (*Vita Pardulfi*, 1.—MGH, SS, VII, S. 25; ср.: *Vita Richardi*, 4.—*Ibid.*). основополагающая триада в структуре раннесредневекового жития: «народ — король — святой» дополняется затем новым членом: «знать», причем постепенно она оттесняет монарха на задний план или вовсе исключает его. Легенды о святых отражают нарастающую феодализацию социальной жизни. Уже в меровингской агиографии пара противоположных понятий «*fidelis — perfidus*» применяется то в смысле «верующий — неверующий», то в смысле «верный — неверный». Этот сдвиг значения, распространение понятий чисто религиозно-вероисповедных на социальные связи — немаловажный симптом перестройки общественного сознания. В период Каролингов термин «*fidelis*» становится «техническим термином» (Graus, 1965, S. 359—360). Идеология феодальной верности органически включается в церковную литературу, оказывая через жития свое воздействие на широкие слои народа.

7. Крестьянство и социально-этнические процессы в период раннего средневековья

Если проблема формирования народностей в той мере, в какой оно происходило в изучаемый период, вообще исследована крайне недостаточно (см.: Корсунский, 1968, с. 119 и след., 134 и след.), то вопрос о роле, которую играло в этом процессе складывавшееся крестьянство, и о его «этническом сознании», по сути дела, даже и не поставлен. При рассмотрении этнопсихологических установок раннефеодального крестьянства приходится поэтому ограничиться лишь несколькими соображениями.

Расселение варваров в завоеванных ими провинциях Римской империи привело к сосуществованию на одной территории двух, а то и нескольких этнических групп. Между пришельцами и местным романизованным населением поначалу сохранялись противоречия. Уровень культуры (даже чисто бытовой), языки, традиции, правосознание — все было глубоко различно. И хотя германцы нередко селились бок о бок с «римлянами», вступая с ними в многообразные отношения, этнический анта-

гонимизм сохранялся довольно долго²². Одним из его показателей явилось приниженное правовое положение покоренного населения. В записях права «римлянин» противопоставляется германцу как человек с ограниченной правоспособностью: возмещения за причиненный ему ущерб ниже, чем полагающиеся варвару вергельды и иные платежи (L Sal., XIV, 1—3; XXXII, add. 1, 2; XLI, 1; XLII, 40; L Sal., Capit., I, 11, 9; Cod. Eur., 312; L Burg., XXII; LIV, 2 и др.). Общий принцип состоял в том, что «римляне», в том числе и крестьяне Галлии, находятся в приниженном положении (L Rib., LXI, 11: «Generatio eorum semper ad inferiora declinetur»).

Рядовой свободный варвар также занимает в шкале социально-юридических оценок подчас более высокое место, нежели римский посессор, не говоря уже о представителях зависимого романского населения (L Sal., XLI, 6, 7). Межплеменные противоречия сохраняли силу и в отношении того широкого гетерогенного слоя, который превращался в крестьянство. Соблюдение принципа «личного права», согласно которому лица разной племенной принадлежности жили «каждый по своему закону», разобщало мелких производителей. Немаловажную роль в этом отношении в некоторых варварских королевствах играли религиозные противоречия между арианами-варварами и ортодоксальными христианами — «римлянами». Давали себя знать и различия между племенными и территориальными группами самих германцев; в их среде тоже не всегда признавалось равенство.

Высокое самосознание свободных в варварском обществе, о котором шла речь выше, было опосредовано сознанием их принадлежности к племени, находящемуся под покровительством богов. Идея избранности своего народа сохранялась и в период, когда уже победило христианство, ставившее веру выше племенной или национальной принадлежности. Красноречивым памятником этого племенного самосознания может служить Пролог к Салической правде (около середины VIII в.): «Народ франков славный, творцом Богом созданный, сильный в оружии, непоколебимый в мирном договоре, мудрый в совете, благородный телом, неповрежденный в чистоте, превосходный осанкой, смелый, быстрый и неутомимый, обращенный в католическую веру, свободный от ереси. Когда еще держался варварства, по внушению божию, искал ключ к знанию, согласно со своими обычаями, желая справедливости, сохраняя благочестие... Слава Христу, возлюбившему франков! Да хранит их царство и да исполнит их правителей светом своей благодати!.. Ибо это есть храброе и сильное племя, которое оружием свергло с себя тягчайшее иго римлян и, познав святость крещения, щедро украсило золотом и драгоценными камнями тела святых мучеников» (Салическая правда, 1913, с. 41). Перед нами — сплав идейных традиций варварского общества (значительная часть доблестей, приписываемых здесь франкам, отражает германские идеалы героической поры) с христианской религией и монархической идеологией, своего рода историческая апология превосходства франков над другими народами и обоснование их господства над ними.

²² Овернец Сидоний Аполлинарий (вторая половина V в.) сетовал в своем стихотворном послании на неспособность, живя «среди полчищ волосатых», воспевать Венеру — под властью германцев утонченному поэту приходилось терпеть их варварскую грубость и невоспитанность, против воли похваливать песни «обожравшихся бургундов», дышавших на него перегаром лука и чеснока, хотя эти «семистопные патроны» вели себя по отношению к нему очень добродушно. См.: Памятники средневековой..., 1970, с. 91—92.

Самое племенное имя *Franci* было синонимом их свободы, и в источниках, с одной стороны, сопоставляются понятия «*Franci*» и «*liberi, nobiles*» («свободные», «знатные»), а с другой — противопоставляются «*Francus*» и «*debilior persona*» («более слабый», «незначительный человек») (MGH, Capit., I, № 7. *Childeberti secundi Decretio*, cap. 8).

Однако со временем антагонизм германцев и «римлян» уступил место антагонизму жителей отдельных областей. Блок приводит ряд высказываний западноевропейских писателей IX—XI вв., содержащих выражения презрения и ненависти представителей отдельных племен и местностей к своим соседям или к иноплеменникам: нейстрийцы, считая себя «самыми благородными людьми в мире», клеймят аквитанцев как «неверных» и бургундцев как «трусов»; аквитанцы, в свой черед, поносят «извращенность» франков; саксы говорят о «подлости» тюрингов, «алчности» баваров и «грабежах» алеманнов. Блок отмечает «патриотизм» саксонского хрониста Видукинда, которому принадлежит часть подобных оценок, — но патриотизм сакса, а не германца (Bloch, 1968, p. 598).

Тем не менее постепенно происходило сближение и смешение различных этнических групп, которое, несомненно, ускорялось социально-экономическими процессами, протекавшими в раннефеодальных королевствах. Отмена запретов смешанных браков между лицами германского и романизированного населения — а на практике такие браки стали очень частыми — факт знаменательный: он свидетельствует о том, что рушились исконные представления о чуждости и враждебности всех других людей, помимо «своих» — членов органических групп, племен, родов. В тех королевствах, в состав населения которых входило несколько племен, отчасти сглаживаются различия между ними. Так, в Англии уже в начале VIII в. Беда применяет термин «*Angli*» не к одним лишь англам, но ко всему населению Британии, будь то англы, саксы или другие этнические группы германцев. Исидор Севильский именует подданных готских государей безотносительно к их происхождению как «готский народ» (*gens Gothorum*). Однако сознание принадлежности к раннесредневековой «протонародности» (см.: Корсунский, 1968, с. 130 и след.) вряд ли было сильно развито. В условиях генезиса отношений личной зависимости чувство приверженности сеньору оказывалось сильнее иных групповых эмоций. В IX в. западные франки именовали себя «людьми Карла Лысого» (*Carlenses, Karlinger*), подобно тому как их соседи — «людьми Лотаря».

Сочинения церковных писателей, как и законодательные памятники, не позволяют ближе познакомиться с изменениями в этнопсихологии простого человека. Некоторый свет на нее могут пролить антропонимические исследования. Изучение структуры фонда личных имен во Франции периода раннего средневековья показало, что, хотя германцы составляли относительно небольшой процент населения страны, удельный вес германских имен неуклонно возрастал: с 25% в V в. до 50% — в VI в. и до 80% в IX в. (см.: Каплан, 1972, с. 421). Естественно при этом, что франкские имена принимала не только галлороманская знать, стремившаяся сблизиться с верхушкой завоевателей, но и простой народ. Это со всей определенностью вытекает из анализа имен, записанных в Сен-Жерменском и Реймском полиптиках и в других памятниках, фиксировавших имена простых держателей, следовательно крестьян. Процесс германизации имен завершается в IX в., отражая сближение социального статуса потомков покоренного населения со статусом германцев. На смешение представителей разных этнических групп указывает характер имитаторства в тот период: возникали новые имена, составившиеся из

изолированных слогов, заимствованных как из германской, так и из романской антропонимических систем (Бессмертный, 1981, с. 54 и след.).

Наблюдения над историей языков периода раннего средневековья в основном согласуются с выводами антропонимики. К VIII в. во Франкском государстве и некоторых других варварских королевствах (в частности, в готской Испании) почти вовсе исчезли особые диалекты германцев. Население не понимало латыни (Miller, 1921; Lot, 1931; Norberg, 1966) — так возник еще один барьер между верхами и низами общества. «Философствующего риторика понимают лишь единицы, — замечал Григорий Турский, — речь же мужика — многие» (цит. по: Beumann, 1964). Турский синод в 813 г. предписал епископам переводить слова проповедей на романский или на старонемецкий язык с тем, чтобы их понимали прихожане (MGH, Concil., II, p. 288).

Крестьянство было чуждо латинской образованности. Знание латыни в большинстве стран Западной и Центральной Европы считалось синонимом грамотности (исключение составляли лишь англосаксонская Британия и скандинавские страны, где наряду с латынью существовала и даже преобладала письменность на родных языках). Вместе с тем латынь была одним из отличительных признаков привилегированного положения. Это не мешало значительной части светских феодалов оставаться неграмотными: для них незнание латыни не могло служить знаком дискриминации, так как, во-первых, образованность не входила в качестве необходимого компонента в вбисский идеал, а во-вторых, к их услугам в случае нужды были грамотные клирики, которые могли составить или прочесть необходимый документ.

Крестьянин же, вообще простолюдин, не принадлежал ни к *ordo* «молящихся», ни к *ordo* «воинов», рассматривался как воплощение невежества. Его достоинством было родное наречие, которое в иерархии языков (а в иерархизированном мире всему было отведено подобающее место на лестнице совершенства и служб, в том числе и языкам) занимало низшее место. Термин «*illitteratus*», «необразованный», «неграмотный», имел оттенок социальной неполноценности, так же как и «*sermo rusticus*», «язык сельских жителей», «грубая мужицкая речь». Разумелось само собой, что этот язык не приспособлен для хранения или создания культурных ценностей. Во всяком случае, на этом языке такого рода ценности не столько создавались, сколько могли воспроизводиться, — он как бы служил эхом латыни.

Известен рассказ Бэды о неграмотном певце Кэдмоне. Он был простым послушником в монастыре и присматривал за скотом. Слушая чтение Священного писания в переводе на родной для него язык, Кэдмон перелагал его в песни. Как подчеркивает Бэда, Кэдмон никогда не сочинял «фривольных и пустых песен» (какие, видимо, были распространены в народе), но исключительно поэмы религиозного содержания — это был божий дар, ниспосланный простому человеку. Чудо заключалось в том, что Кэдмону удавалось выражать на английском языке буквальный смысл Писания, ничего не потеряв в красоте и достоинстве текста (Н. Е., IV, 24).

Следовательно, и «мужицкий язык» мог в определенных случаях послужить во славу творца, но для этого требовалось вмешательство высшей силы, как это и произошло с Кэдмоном: ему было «видение» во сне, после которого он оказался в состоянии воспеть даже те события ветхозаветной и новозаветной истории, о каких до того и не слыхивал.

Таким образом, на смену языковым различиям между «римлянами»

III. Крестьянство в раннефеодальном обществе

и германцами приходила противоположность аристократической латыни и народных языков, на несколько столетий определившая лингвистическую ситуацию в феодальном католическом мире. Этот билингвизм имел ясно выраженный социальный характер, еще более обособляя верх и низы общества: латынь и народные диалекты по сути выражали два во многом несходных стиля мышления. Недаром составлялись германские пояснения — глоссы к латинским сводам права: сознанию простолюдинов оставался далеким самый строй латинского языка. Сопоставление документов, написанных по-латыни и по-немецки, обнаруживает существенные различия в структуре мышления их авторов (Hattenhauer, 1964, S. 356 ff.). По-латыни было нетрудно выразить абстракции, она хорошо служила для формулировки принципов теологии и политической идеологии, тогда как народная речь раннего средневековья была ориентирована на передачу конкретно-образных, наглядных представлений (Гуревич, 1975, с. 98—111). Язык, пожалуй, ярче, чем какая-либо другая сфера духовной жизни, зафиксировал увеличивавшийся разрыв между культурой крестьян и культурой господствующего класса.

В заключение отметим такой парадокс. Крестьянство, простонародье, угнетенное, бесправное, презираемое и игнорируемое господствующим классом, вместе с тем, вопреки как собственным представлениям, так и представлениям всего остального общества, в определенном смысле доминировало в духовной жизни раннего средневековья. В самом деле, отношение к природе, характеризовавшееся непосредственной включенностью в нее человека, отсутствием дистанции между ним и естественной средой, дистанции, которая будет отчетливо осознана лишь в городе, циклическое восприятие времени, подчиненного природным ритмам, идея полной аналогии вселенной — макрокосма и человека — микрокосма — не были ли эти существенные черты мировосприятия в период раннего средневековья в огромной мере обусловлены аграрным характером общества?

Сельская жизнь, с ее неторопливой размеренностью и периодической сменой вечно возвращающихся производственных сезонов, была главным регулятором социального ритма общества. Предельная приверженность традициям, находившая свое законченное выражение в установке на старину и во враждебности или недоверии к любому новшеству, неслышанному и, следовательно, не получившему санкции, консерватизм всей общественной жизни, начиная от способов ведения хозяйства и форм поселения и кончая навыками мысли, господством стереотипа в художественном творчестве, — не связаны ли эти коренные признаки общественного сознания той эпохи с преобладанием крестьянства в раннефеодальной структуре? Можно ли объяснить устойчивость магического мышления в Европе того времени, если не принять во внимание крестьянской его природы?

Мы начали с утверждения, что крестьянин почти не находит себе места в раннефеодальной культуре, третирующей его как своего рода «бесконечно малую величину». Но, как выясняется, эта величина на самом деле была не столь уж ничтожна. Фигуры крестьянина действительно нет на первом плане, и нужны особые «реактивы», чтобы ее выявить. В этом смысле культура раннего средневековья напоминает палимпсест, новые письмена которого скрывают первоначальный текст. Прочтение его — задача, к решению которой наука только еще подходит²³.

²³ В главе 17 рассмотрены отдельные аспекты духовной жизни крестьян только в Западной Европе.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛЬНО-ЗАВИСИМОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ЕВРОПЕ

Обобщение данных о генезисе крестьянства обнаруживает единую суть этого процесса во всех регионах раннесредневековой Европы. Происходила ли феодализация при интенсивном взаимодействии — синтезе — позднеантичных и варварских протофеодальных элементов или же условия подобного синтеза отсутствовали, становление зависимого крестьянства повсеместно означало глубокий общественный перелом, начало складывания нового феодального общества (Удальцова, Гутнова, 1970, с. 17). Сколь бы ни были явны протофеодальные элементы в позднеантичных рабстве и колонате или в системе использования рабов у варваров, дальше подготовки отдельных предпосылок нового строя внутреннее развитие этих двух обществ не пошло. Феодально-зависимое крестьянство по всем основным своим чертам, включающим владельческие права работника на свое хозяйство и падел, рентную форму эксплуатации, личное подчинение земледельца земельному собственнику — обладателю судебнополитических прерогатив, представляло новый общественный класс, который принципиально отличался и от свободных земледельцев, и от рабов, сосуществовавших в предшествующих общественных структурах.

Во всех регионах в формировании этого класса основополагающее значение имели переплетавшиеся между собой процессы становления феодальной собственности и феодальной государственности. Ход этих неразрывно связанных между собой процессов¹ яснее всего проявлялся в истории крестьянства, с одной стороны, в изменении характера земельных прав непосредственных производителей, с другой стороны, в их личном подчинении крупным земельным собственникам.

Касаясь первого из этих явлений, отметим, что, вообще говоря, имущественное неравенство непосредственных производителей — будь то владельцы аллодов или владельцы собственности по позднеримскому праву — обнаруживается на заре феодализации во всех европейских регионах: и в Северной, и Восточной Европе, где основную массу населения составляли члены варварских обществ, и в еще большей мере в Западной и Юго-Западной Европе, где давняя античная традиция частнособственнических отношений способствовала постоянному формированию среди мелких свободных земледельцев как зажиточной верхушки, так и оскудевших крестьян. Из приведенного в томе материала видно, однако, что одной из существенных особенностей низшей имущественной прослойки в раннефеодальной деревне была относительная малочисленность полностью разоренных безземельных людей. Основную массу этой низшей прослойки составляли тогда свободные, сохранившие те или иные права на землю².

¹ Напомним, что реализация феодальной земельной собственности предполагала судебно-административное, политическое и личное господство феодалов над крестьянами (т. е. применение по отношению к ним внеэкономического принуждения. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 353), иначе говоря, сама земельная собственность слита в феодальном обществе с разнообразными «политическими и социальными покровами и примесями» (Там же, с. 167).

² Конкретное содержание этих прав могло быть различно — от фактической собственности до условного владения. Неодинаковой бывала и величина земельных владений у оскудевших крестьян — от одного-двух «полных» наделов до малой его

Указанная особенность низшей имущественной прослойки крестьянства в период генезиса феодализма объясняется, по-видимому, несколькими обстоятельствами. Пользование правами-обязанностями свободных на последних этапах варварства и античности требовало таких относительно обширных имущественных ресурсов, которыми не всегда обладал даже владелец одного «полного» надела. Оскудение начиналось, стало быть, еще на стадии сохранения определенных земельных прав. Вместе с тем полное обезземеливание свободных аллодистов или же владельцев мелкой земельной собственности позднеримского происхождения не было субъективной целью какого бы то ни было социального слоя. Крупные земельные магнаты, уцелевшие после краха Рима, или же знать, возвысившаяся при дворе варварских королей, гораздо охотнее вовлекали в сферу своего влияния тех крестьян, которые сохранили хозяйственную дееспособность. Наоборот, совершенно обезземеленные люди представляли подчас лишь обузу, так как нуждались во вспомоществовании для обзаведения хозяйством. Объективно возможность сохранения земельных прав даже у низшей имущественной прослойки свободных обуславливалась тем, что источником богатства и социальной мощи была тогда не столько земля как таковая, сколько люди, способные ее возделывать и выполнять благодаря этому повинности в пользу ее собственника (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 729). Все это вместе взятое побуждает с большой осторожностью говорить о «разорении» и «обезземеливании» свободных крестьян как исходном моменте их феодального подчинения.

Отсюда не следует, будто имущественное оскудение не способствовало феодальному подчинению мелких свободных земледельцев. Оскудевшие крестьяне меньше других были способны воспротивиться такому подчинению, порою обстоятельства вынуждали их самих добиваться патронажа какого-либо магната, так как иначе они стали бы жертвой лихоимства чиновников или же насилий со стороны других магнатов. Более того, процесс имущественного расслоения имел определенное значение и для спонтанного возникновения мелковотчинных владений³. Формирование таких владений отражало вызревание элементов феодальной структуры, так сказать, «изнутри» свободной деревни. Весьма показательно, однако, что возникновение этих элементов само по себе не приводило к формированию феодальной мелкой вотчины и не означало феодального подчинения крестьян. Ибо о собственно феодальном типе подчинения можно говорить лишь там, где землевладелец хоть в какой бы то ни было степени обладает судебной-политической властью над своими крестьянами и выступает как верховный номинальный собственник земли, не участвующий в производительном труде (см. Неусыхин, 1964, с. 35—36, 40—41). Эти отличительные особенности феодального собственника складываются по мере того, как он, во-первых, приобретает явочным порядком или благодаря пожалованиям со стороны государей хотя бы низшую юрисдикцию, необходимую для принуждения работников к выполнению барщин и оброков,

части. В любом случае права этих людей на землю были ущербными и ограниченными по сравнению с правами средних по своему имущественному положению свободных крестьян, но, повторяем, эта ущербность и ограниченность редко предполагала полное обезземеливание.

³ Имеем в виду владения какого-либо мелкого земельного собственника, включающие несколько земельных наделов, которые обрабатываются с помощью свободных и несвободных работников, обязанных оброками и небольшими барщинами; поскольку число наделов оставалось небольшим, от двух до пяти, их собственник мог — или даже был вынужден — лично участвовать в труде.

а во-вторых, по мере расширения абсолютного числа подвластных данному собственнику крестьян с наделами, поскольку только такое расширение исключает его из числа «фактических» владельцев земли, участвующих в ее обработке.

Обе эти отличительные черты феодального собственника, как правило, не возникают в процессе имущественного расслоения деревни как такового. Они вообще могут сложиться только там, где общие социально-политические условия делают возможным и необходимым широкое распространение частной власти землевладельцев любого ранга над самостоятельно ведущими свое хозяйство мелкими земледельцами. Иными словами, имущественное расслоение деревни при всей его важности для судеб отдельных крестьян само по себе не создавало феодально-зависимого крестьянства. Не случайно оно существовало на протяжении самых разных исторических периодов, включая и позднеантичный, и варварский, не приводя к феодализации. В нем вернее видеть лишь один, и притом даже не решающий, симптом процесса феодализации⁴.

В конкретных условиях европейского средневековья огромное значение для этого процесса имела феодальная перестройка отношений рабства, кабалы и несвободы, унаследованных от поздней античности и варварского уклада. Эта перестройка составляет в большинстве стран — особенно там, где существовал развитый позднеантичный уклад, — главное содержание первого этапа генезиса феодально-зависимого крестьянства. В феодальном преобразовании дофеодальных форм несвободы на этом этапе большую роль сыграло воздействие государственной власти, узаконивавшей соответствующие преобразования и помогавшей их распространению.

Не меньшее значение имели действия государственной власти по передаче тем или иным представителям формирующегося господствующего класса прав, привилегий или владений. Эти пожалования ни в какой мере не были, разумеется, сознательно рассчитаны на формирование новой общественной структуры. Непосредственной целью этих пожалований было сплочение формирующегося господствующего класса вокруг правящей династии. По существу же они означали весьма важную форму феодального подчинения свободного населения, поскольку санкционировали ту самую судебную-политическую власть над ним земельных магнатов разного ранга, которая составляет одну из главных отличительных черт феодального собственника. В то же время пожалования оформляли земельные права магнатов, признавая их верховными («номинальными») собственниками обширных владений (что является, как уже отмечалось, еще одной особенностью феодального земельного собственника).

Государственная власть почти повсеместно выступала и в качестве силы, непосредственно осуществлявшей феодальное подчинение мелких свободных земледельцев. В первую очередь это касается стран, где феодализм развивался в результате разложения варварского общества при отсутствии активного взаимодействия с позднеантичными порядками. В этих странах, а также в Византии, где долго сохранялась позднеантичная государственность, частная власть феодалов и частновладельческая эксплуатация крестьянства складывались медленно. Очень важным рычагом

⁴ Как уже отмечалось во Введении, соотношение конкретных факторов феодализации крестьянства и роль среди них имущественного расслоения внутри общины принадлежат к числу остро дебатированных вопросов в современной медиевистике. С учетом этих дискуссий мы специально останавливаемся на обосновании концепции, которая представляется авторам данного заключительного раздела наиболее фундированной.

феодализации оказывались здесь действия центральной власти — императоров, королей, князей. Их многообразные взаимоотношения и вводившаяся ими система управления сельским населением с помощью аппарата из состава формирующегося господствующего класса выступали как проявление государственно-корпоративного господства. Эта форма господства приобретала тем более выраженную феодальную природу, чем интенсивнее феодализировалась общественная система в целом и отношения собственности, в частности. В результате подчиненные феодализующимся государям крестьяне, даже если они не были держателями их земель, оказывались на положении феодально-зависимых людей. От частносеньориальных крестьян они отличались по объему своих обязанностей и прав, но не по сути своего социального статуса.

Феодализация массы свободного населения составляет главное содержание второго этапа генезиса феодально-зависимого крестьянства в Европе. Как видно из материалов тома, феодализация свободных отличалась особым многообразием путей и форм. Она осуществлялась и силами частных магнатов, и центральной властью. Ее подготавливали и имущественное расслоение деревенской общности, и градуирование прав свободных. Она могла приводить к возникновению и поземельной и судебно-политической зависимости. Первые попытки феодализации свободных предпринимались еще на начальном этапе генезиса крестьянства. Но их массовое подчинение развертывается по большей части позднее — после феодальной перестройки отношений несвободы, унаследованных от предшествующих обществ. Лишь при особой замедленности темпа феодализации грань первого и второго ее этапов оказывается размытой.

Неотъемлемой составной частью процесса возникновения крестьянства повсюду в Европе было становление соседской общины. Крестьянское хозяйство не было самодовлеющим, оно, как правило, входило в сообщество соседей. Согласование между ними деревенских распорядков было тем более необходимым, чем шире разрасталось это сообщество и чем больше развивалось и усложнялось сельскохозяйственное производство. Неудивительно, что, как видно из ряда региональных глав, генезис феодальной деревни был неразрывно связан с укреплением соседской общины.

Наши сведения об общине на начальных этапах феодализации в большинстве регионов — исключая Византию, где сохранился такой уникальный для Европы памятник, как «Земледельческий закон», — крайне ограничены. Англосаксонские, древнерусские, ранние венгерские, древнеславянские источники об общине почти ничего не сообщают, а в тех случаях, когда мы располагаем указаниями на этот счет (например, в Германии), община рисуется довольно рыхлой и неоформленной. Больше данных об общине в Скандинавии, но здесь она отличалась значительной спецификой, которая обуславливалась преобладанием скотоводства над земледелием.

Разумеется, факт молчания источников еще не может служить аргументом в пользу отсутствия самого явления, и, скажем, то, что терминология, свидетельствующая о существовании развитой общины, возникла на Западе не ранее XII—XIII вв., не доказательство отсутствия общины до столь позднего времени. Однако из ряда свидетельств о ранней общине (см. гл. 3) можно заключить, что она представляла собой в ряде европейских регионов сравнительно слабо сплоченный организм, деятельность которого ограничивалась распоряжением угодьями и выморочными землями и организацией взаимопомощи, но не обладала верховной ответственностью на пахотные земли ее членов.

Эта специфика ранней общины отнюдь не означает, что (как полагают многие зарубежные медиевисты) исходным пунктом аграрного развития в Европе было господство не общинного устройства, но частной собственности на землю. Подобная точка зрения игнорирует своеобразие отношения людей архаического общества к земле, вообще к природе. Эта точка зрения абсолютизирует юридическую дихотомию «общинная собственность» — «частная собственность». Как отмечается в томе, гораздо плодотворнее представление о возможности в далеком прошлом состояния, когда вообще не существовало такого института собственности, который предполагал бы отношение субъекта (индивидуального или коллективного субъекта права) к объекту — земле, подлежащему более или менее полному распоряжению. У варварских народов Европы в предшествующий генезису феодализма период человек был еще настолько прочно включен в природную среду, настолько тесно связан с землей, на которой жил и трудился, что свободное индивидуальное распоряжение ею было исключено. Эта связь человека и органической социальной группы, в которую он входил, с одной стороны, и земельного участка, с другой, не имела в тот древний период ничего общего с частной собственностью — то была взаимная принадлежность: земля принадлежала ее возделывателям, а последние как бы принадлежали ей. Человек, по выражению К. Маркса, относился тогда к условиям производства и к земле «как к неорганической природе своей субъективности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 473) — иными словами, не противопоставлял себя ей как бездушному объекту, которым можно свободно оперировать, например, отчуждая его.

Слова К. Маркса о том, что индивидуальная земельная собственность у германцев не выступает «ни как форма, противоположная земельной собственности общины, ни как ею опосредствованная, а, наоборот, община существует только во взаимных отношениях друг к другу этих индивидуальных земельных собственников как таковых», и что общинная собственность «выступает только как общее для всех добавление к индивидуальным поселениям соплеменников и к индивидуальным земельным участкам» (Там же, с. 472), — эти слова вполне применимы и к той раннесредневековой общине, которая вырисовывается при изучении и оценке накопленного к настоящему времени материала источников по ряду регионов Европы⁵.

Несколько более четкими указания на общину становятся к концу изучаемой в томе стадии. Судя по ним, можно утверждать, что в период раннего средневековья происходил не упадок и не разложение общины, но процесс прямо противоположный — переход от рыхлости и неформальности дофеодальной общины к сплочению территориальной общины. Этот переход был связан с ростом населения и концентрацией его в деревнях, с изменениями в сельскохозяйственной технике, а впоследствии и с внедрением трехполья, которое революционизировало внутريدеревенские отношения и вызывало к жизни системы коллективного регулирования сельскохозяйственного производства (принудительный севооборот, выпас по жнивью, чересполосицу).

⁵ Следует лишь иметь в виду, что К. Маркс называет здесь германцев «индивидуальными земельными собственниками» не в юридическом смысле этого понятия, но лишь для того, чтобы подчеркнуть, что община представляла совокупность индивидуальных хозяйств, на которые не распространялась верховная собственность общины.

В начальный период генезиса феодализма распадались и приходили в упадок не собственно общинные, т. е. территориально-соседские, а кровнородственные связи. Архаические коллективы, основанные на происхождении от общего предка (род, патронимия, большая семья), действительно оказывались неэффективными после разложения варварских обществ. Из этих социальных групп дофеодальной эпохи выделяются индивидуальные семьи, ведущие самостоятельное хозяйство. Они-то и сплачиваются все теснее в общины. Иными словами, становление соседской общины есть неотъемлемая составная часть процесса возникновения крестьянства.

Одной из общеевропейских черт процесса становления феодально-зависимого крестьянства являлось участие в этом процессе христианской церкви. Феодализм в Европе нигде не складывался в условиях сохранения язычества: для него были необходимы иные идеологические и социально-культурные условия. Их создавало именно христианство, христианская церковь. Не случайно борьба против язычества шла в ногу с феодализацией. Распространение христианской религии среди широких масс крестьянства расчищало путь для его феодального подчинения. Новая система социально-религиозных ценностей навязывала массам идею покорности существу, отождествляя любое проявление своеволия с «гордыней» — тяжчайшим из грехов. Содержанием новой христианской концепции свободы оказывается служение как небесному господу, так и земному господину. Ясно, что распространение христианских представлений в массах означало важную веху в подготовке и осуществлении феодального подчинения крестьянства. Церковь повсеместно выступала и в качестве непосредственной феодализационной силы, добиваясь пожалований в свою пользу со стороны королей и князей и дарений со стороны папствы.

Формы феодальной эксплуатации крестьянства, сложившиеся в ходе генезиса феодализма, отличались многообразием. Тем не менее можно констатировать, что в большинстве регионов ведущей формой земельной ренты выступала в раннефеодальный период рента продуктами, лишь дополнявшаяся отдельными барщинами и небольшими денежными платежами. Развитое господское хозяйство с обширными барщинами было характерно в этот ранний период для сравнительно узкого круга регионов (и относительно немногих территорий внутри них): для Северной Франции, западнонемецких областей, отдельных районов Италии. Чаще во всех регионах встречались господские хозяйства, основывавшиеся на эксплуатации не столько барщинников, сколько дворовых. Запрещение уходить с земли касалось в первую очередь этой категории непосредственных производителей, еще нередко напоминавших по своему положению рабов или же просто сохранявших статус этих последних. Прикрепление к земле основной массы феодально-зависимого крестьянства не составляло, следовательно, на данном этапе конституирующей черты в положении этого класса. В связи со всем этим вряд ли есть основания говорить о крепостных крестьянах в собственном смысле слова как характерной для этого времени прослойке феодально-зависимого населения.

Возникновение в Европе феодально-зависимого крестьянства имело поистине историческое значение. Оно создало предпосылки для выхода из тупика, в который зашло социально-экономическое развитие, и в частности развитие производительных сил, в странах поздней античности, а до некоторой степени — и в странах варварства. Ибо новый класс обладал гораздо большими потенциями в интенсификации трудовой дея-

тельности и по сравнению с позднеантичными несвободными работниками, и по сравнению со свободными членами варварских племен, предпочитавшими войну (или охоту) регулярному земледелию. Становление феодального крестьянства, принужденного (и способного) полностью сосредоточиться на производственной деятельности, представляло тогда объективное условие исторического прогресса. И потому уровень социально-экономического и политического подъема отдельных стран и народов в конечном счете определялся тогда темпом и мерой феодализации непосредственных производителей.

Как показал проделанный анализ, эта феодализация шла всего быстрее там, где был интенсивнее синтез позднеантичных и варварских институтов. Ибо при таком синтезе создавались наиболее благоприятные условия для перерождения протофеодальных элементов обоих предшествовавших обществ в зачатки феодальных отношений. В таких регионах быстрее шел процесс складывания феодально-зависимого крестьянства, а формы феодальной зависимости отличались большей завершенностью и чистотой (исключение составляет лишь Византия, в которой длительность процесса разложения рабовладельческого уклада задержало и осложнило ход феодализации). Наоборот, в странах с отсутствием интенсивного синтеза процесс начинался позднее, шел медленнее, отличался обилием «стертых» форм и длительной незавершенностью. И это неудивительно: становление феодальной зависимости на базе родо-племенного строя было сопряжено с гораздо более глубокой общественной ломкой, чем феодальное «переплавление» позднеантичных отношений. Не случайно в подобных регионах социальная борьба сельских масс была в период генезиса феодализма особенно остра: не знавшие до той поры классового неравенства и эксплуататорского государства рядовые свободные сопротивлялись феодализации предельно активно.

Сформулированная в томе концепция возникновения феодально-зависимого крестьянства противостоит, как нетрудно видеть, наиболее известным концепциям современной западной средневековедения. В первую очередь наша концепция противоположна пользующимся сегодня очень широким распространением трактовкам раннесредневекового европейского общества как общества, чуждого процессам феодализации. Утверждается ли в этих концепциях сохранение в указанный период исконных устоев германского или славянского общества или же длительное — вплоть до «феодальной революции» X—XI вв. — сохранение в тех или иных странах позднеантичных институтов, все они отрицают происходящий в это время социальный перелом, и в частности становление феодально-зависимого крестьянства. Обширный фактический материал тома дает, как нам думается, возможность уяснить конкретно-историческую и методологическую необоснованность подобного подхода.

В то же время ясно, что в пределах рассмотренной в томе стадии феодально-зависимое крестьянство переживало начальный этап своего развития — этап становления. И внутренняя структура крестьянства, и его взаимоотношения с другими классами, и его социальная борьба обрели пока только начальные формы. Типичные для зрелого феодализма виды феодальной зависимости и эксплуатации лишь намечались. С этой точки зрения рассмотренная стадия в истории феодального крестьянства выступает как своего рода подготовительная к той, на которой данный класс достигнет своей полной зрелости. Характеристика положения крестьян на этой новой стадии составит предмет следующего тома.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

- АТН — Дьяконов М. А. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Юрьев, 1897. Вып. II.
- Беовульф — В кн.: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
- ВВ — Византийский вестник
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВИ — Вопросы истории
- ВО — Византийские очерки
- ВС — Византийский сборник
- Вальтарий — *Геральд*. Вальтарий. — В кн.: Памятники средневековой латинской литературы IV—IX вв. М., 1970.
- Византийские жития святых — Лопарев Хр. Византийские жития святых VIII—IX вв. — ВВ, 1911, XVII, с. 1—224; 1913, XVIII, отд. 1, с. 1—147; 1915, XIX, отд. 1, с. 1—151.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Гельмольд — *Гельмольд*. Славянская хроника. М., 1963.
- ГИМ — Государственный исторический музей
- Лопарев, 1914 — Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX вв. Пг., 1914.
- ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976.
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
- Житие Феофана — *Лагшиев В. В.* Житие прп. Феофана Исповедника. — Зап. Росс. АН, 1918, VIII, сер. ист.-фил., т. XIII, № 4.
- Житие Филарета Милостивого — *Васильев А. А.* Житие Св. Филарета Милостивого. — ИРАИК, 1900, т. V.
- Жития святых мучеников — Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печ. Д. И. Абрамович. Пг., 1916.
- ЭРВИ — Эборник Радова. Византологички институт
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
- ИЗ — Исторические записки.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ИРАИК — Известия Русского археологического общества в Константинополе.
- Исландские саги — Исландские саги / Под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956.
- Ксен. — *Petit L.* Actes de Xérophon — ВВ, 1903, т. X, прил. № 1.
- Ландслаг короля Магнуса Эрикссона — Ландслаг короля Магнуса Эрикссона / Пер. и примеч. С. Д. Ковалевского. — СВ, 1964, вып. 28.
- МГПИ — Московский городской пед. ин-т им. В. И. Ленина.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- Младшая Эдда — Младшая Эдда / Изд. подгот. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- Олимп. Ист. — *Олимпиодор*. История / Пер. Е. Ч. Скрижинской. — ВВ, 1956, т. VIII.
- ПВЛ — Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. I—II.
- ППС — Православный Палестинский сборник.
- ПРП — Памятники русского права / Сост. А. А. Зимин. Под ред. С. В. Юшкова. М., 1952—1953. Вып. I—II.

- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. II. Ипатьевская летопись.
- Памятники средневековой латинской литературы — Памятники средневековой латинской литературы IV—IX вв. М., 1970.
- Патерик Киево-Печерского монастыря — Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.
- Пра — Цит. по кн.: *Practica ex Eustathii Romani.* — In: JGR, t. V.
- Податной устав — Цит. по кн.: *Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts.* — *Byzantinische Archiv. München, 1927, N. 9.*
- ПСЭИ — Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVI вв. М., 1929.
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссиею. 2-е изд. СПб., 1908, т. VI.
- РП Кр. ред. — Русская правда. Краткая редакция. — В кн.: *Правда русская / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940—1947. Т. I—II.*
- РП Пр. ред. — Русская правда. Пространная редакция. — В кн.: *Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940—1947. Т. I—II.*
- СА — Советская археология
- Салическая правда — Салическая правда / Рус. пер. Н. П. Грацианского, А. Г. Муравьева. Казань, 1913.
- СВ — Средние века
- Слово о полку Игореве — Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.
- Смирнов, 1912 — *Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины.* — Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1912, кн. III.
- Старшая Эдда — Старшая Эдда. Древненорвежские песни о богах и героях / Под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.
- СЭ — Советская этнография.
- УЛС — Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950.
- Эклога — Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965.

AA — *Acta archaeologica*

Abt — *Aethelberth.* — *Liebermann, 1960.*

Ad Thess. — In: *Biblia sacra. Vulgatae editionis. P., 1842.*

Adalberonis Carmen — *Adalberonis Carmen ad Robertum regem Francorum.* — PL, t. 141.

Aelfred und Guthrum — *Liebermann, 1960.*

Aelfric's Colloquy — *Aelfric's Colloquy / Ed. by G. W. Garmonsway. L., 1939.*

Af — Aelfred. — *Liebermann, 1960.*

Aist. — *Edictus Aistulfi.* — *Die Gesetze der Langobarden / Hrsg. von. F. Beyerle. Weimar, 1947.*

Ambros. De officiis. — *Ambrosius. De officiis ministrorum.* — PL, t. 16.

Amm. Marcell. — *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Rec. C. U. Clark. B., 1910—1915. V. I—II.*

An. Bol. — *Analecta Bollandiana. Paris; Genève, 1882—1940, I—LXIII.*

Anglo-Saxon Chronicle — *The Anglo-Saxon Chronicle / Transl. with an Introd. by G. N. Garmonsway. L., 1953.*

Ann. Comn. — *Anne Comnène. Alexiade / Ed. B. Leib. P., 1937—1945. Т. I—IV.*

Ann. Fuld. — *Annales Fuldenses — MGH, SS. Hannover, 1826, t. I.*

Ann. Qued. — *Annales Quedlinburgenses.* — MGH, SS. Hannover, 1839, t. III.

Apoll. Sid. Epist. — *Apollinarius Sidonius. Epistolae et carmina / Recensuit et emendavit C. Luetjohann.* — MGH, AA. B., 1887, t. VIII.

- AR Franc. et Einh.—Annales regni Francorum et Annales qui dicuntur Einhardi / Ed. F. Kurze.—MGH, Scriptores rerum Germanicarum. Hannover, 1895.
- As.—Aethelstan.—Liebermann, 1960.
- Atr.—Aethelred.—Liebermann, 1960.
- Attenborough, 1963 — The Laws of the Earliest English Kings / Ed. by F. L. Attenborough. N. Y., 1963.
- August. De civit. Dei.—Augustinus. De civitate Dei.—PL, t. 41.
- August. De cura pro mortibus.—Augustinus. De cura pro mortibus querenda.—PL, t. 40.
- August. De opera monachorum.—Augustinus. De opera monachorum.—PL, t. 40.
- August. Epist.—Augustinus. Epistolae.—PL, t. 33.
- AUO — Arpadkori Uj Okmánytár. Szerk. Wenzel G. 1—12. k. Pest, 1863—1874.
- B.—Cartularium Saxonicum / Ed. by W. de G. Birch. L., 1885—1893. Vol. 1—3.
- Beowulf — Beowulf. Paderborn, 1963. 1. Teil.
- Becerro Gotico de Cardeña.—Serrano L. Fuentes para la historia de Castilla. Madrid, 1910. T. III.
- Be Wifmannes beweddange.—Liebermann, 1960.
- Boudriot, 1928 — Boudriot W. Die altgermanische Religion in der amtlichen kirchlichen Literatur des Abendlandes vom 5. bis 11. Jahrhundert. Bonn, 1928.
- Bouquet — Recueil des historiens des Gaules et de la France. P., 1738—1767. T. VII—XII.
- Br. Cod. Theod.—Breviarium Codicis Theodosiani.—Lex Romana Visigothorum / Ed. G. Haenel. Leipzig, 1849.
- CDB — Codice diplomatico del monastero di S. Colombano di Bobbio fino all'anno 1208 / A cura di C. Cipolla. Roma, 1918. Vol. I.
- CDF — Codex diplomaticus Fuldensis / Hrsg. von E. F. J. Dronke. Cassel, 1850.
- CDH — Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. G. Fejér. Budae, 1829—1844.
- CFHH — Catalogus Fontium Historiae Hungaricae / Ed. F. A. Gombos, Bp., 1938. T. 3.
- CL — Codex Laureshamensis / Hrsg. von K. Glöckner. Darmstadt, 1929—1936. Ed. I—III.
- Cap.—Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius.—MGH, Legum sectio II. Hannover, 1881—1897, t. I, ps. 1—2.
- Cart. Redon.—Cartulaire de l'abbaye de Redon / Publ. par Au. de Courson. P., 1863.
- Cart. S. Victor.—Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor de Marseille / Publ. par M. Guérard. P., 1857.
- Cassiod. Variar.—Cassiodorus, senator. Variar / Rec. Th. Mommsen.—MGH, AA. B., 1894, t. XII.
- Cedr.—Cedrenus Georgius. Joannis Scylitzae Ope. Bonnae, 1839, T. II.
- Chron. Abing.—Chronicon Monasterii de Abingdon / Ed. by J. Stevenson. Rolls Series. L., 1858. Vol. 1.
- Cn — Cnut.—Liebermann, 1960.
- Cod. Eur.—Legum Codicis Euriciani fragmenta.—MGH, Legum sectio I. Hannover; Leipzig. 1902, t. I.
- Cod. Just.—Codex Justinianus / Ed. P. Krueger.—Corpus juris civilis. B., 1954. T. II.
- Cod. Theod.—Codex Theodosianus / Ed. Th. Mommsen, P. Krueger. B., 1905. T. I, ps. 1—2.
- Conc.—Mansi I. D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae, 1762—1765, T. VIII—X.
- Concil.—Concilia aevi Karolini / Ed. A. Werminghoff.—MGH, Legum sectio III. Concilia. Hannover, 1908—1908. T. I—II.
- Conversio sanctae Aefrae — MGH, SS. Hannover, 1939, t. III.
- DH II — Heinrici II diplomata.—Diplomata regum et imperatorum Germaniae. T. III. Heinrici II et Arduini diplomata. Hannover, 1900.

- DHCh — Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Coll. diges., expl. F. Rački. Zagreb, 1877.
- DL — Memorie e documenti per servire all'istoria del ducato di Lucca. Lucca, 1841. Vol. 5, pt. 3.
- DO I — Ottonis I diplomata. — Diplomata regum et imperatorum Germaniae. Hannover, 1879—1884, Bd. 1.
- De adm. imp. — *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsic. Engl. trans. by R. Jenkins. Wash., 1967.
- De bello Gall. — Caesar. De bello Gallico. — *G. Julii Caesaris Commentarii* / Ed. A. Klotz. Lipsiae, 1957. V. 1.
- Dig. — Institutiones, Digesta / Ed. Th. Mommsen, P. Krueger. — Corpus juris civilis. B., 1954. T. I.
- Dipl. Karol. — Diplomata regum Francorum ex stirpe Karolinorum — MGH, Diplomata. Hannover, 1906. T. I. Pippini, Carlomanni, Caroli Magni diplomata.
- Dipl. Merov. — Diplomata regum Francorum ex stirpe Merovingici. — Diplomata imperii. Hannover, 1872. Bd. 1.
- Documents, 1975 — Documents Comptables de Saint-Martin de Tours à l'époque mérovingienne / Ed. par P. Gasnault. P., 1975.
- Ecloga — Ecloga Leonis et Constantini / Ed. A. G. Monferratus. Athenis, 1889.
- Ecloga ad Proch. m. — Ecloga ad Prochiron mutata et Epanagoge aucta / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. — JGR, IV.
- Ecloga priv. a. — Ecloga privata aucta / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. — JGR, IV.
- Ed. Theod. — Edictum Theoderici. — Fontes juris romani antejustiniani / Ed. J. Baviera. Florentiae, 1940. Ps. II.
- Eg. — Eadgar. — *Liebermann*, 1960.
- Em. — Eadmund. — *Liebermann*, 1960.
- Ervig. — Edictum Ervigii de tributis relaxatis. — MGH, Legum sectio I. Hannover; Leipzig, 1902, t. I.
- Eugipp. Vita S. Severini. — *Eugippius*. Vita Sancti Severini / Recensuit et adnotavit H. Sauppe. — MGH, AA. B., 1877, t. I, ps. 2.
- Ew. — Eadweard. — *Liebermann*, 1960.
- F. — Frostathings-Lov. — Norges gamle Love indtil 1387. Bd. I—IV. Christiania, 1846—1895. Bd. 1.
- Fagrskinna — Fagrskinna / Udg. F. Jánssen. København, 1902—1903.
- Florence of Worcester — The Chronicle of Florence of Worcester. L., 1854.
- Floriano — *Floriano A. C.* Diplomática española del periodo Astur. Oviedo, 1949—1951. T. I—II.
- Form. Andec. — Formulae Andecavenses. — Formulae Merovingici et Karolini aevi / Ed. K. Zeumer. — MGH, Legum sectio V. Formulae. Hannover, 1882, ps. 1.
- Form. Arvern. — Formulae Arvernenses. — Ibid.
- Form. Bituric. — Formulae Bituricenses. — Ibid.
- Form. Imperiales. — Formulae Imperiales. — Ibid.
- Form. Marc. — Formulae Marculfi. — Ibid.
- Form. Senon. — Formulae Senonenses. — Ibid.
- Form. Turon. — Formulae Turonenses. — Ibid.
- Form. Vis. — Formulae Visigothicae. — Ibid.
- Fragm. Gaud. — Collectionis iuris Romano. Visigothicae capita VII—XX (Fragmenta Gaudenziana). — MGH, Legum sectio I. Hannover; Leipzig, 1902, t. I.
- Fuero de Cuenca. — Fuero de Cuenca / Ed. Urefia y Smenjaud. Madrid, 1935.
- Fuero de León. — *Muñoz y Romero T.* Colección de fueros municipales y cartas pueblas. Madrid, 1847. T. 1.
- Fueros de Sepulveda — Los Fueros de Sepulveda. Segovia. 1953.
- G. — Gulatings-Lov. — Norges gamle Love indtil 1387. Christiania, 1846—1895. Bd. I—IV.
- Gai Instit. — *Gai* Institutiones. — Lex Romana Visigothorum / Ed. G. Haenel. Leipzig, 1849.

- Gall. Anonym.—*Gallus Anonymus. Chronica et Gesta Ducum sive Principum Polonorum.*—*Monumenta Poloniae Historica, nova series.* Kraków, 1952. T. II.
- Genes.—*Genesis* / Ed. C. Lachmann. Bonnae, 1834.
- Gerfa.—*Liebermann*, 1960.
- Germ.—Tacitus. Germania.—*P. Cornelli Taciti libri qui supersunt.* Lipsiae, 1957. V. 2.
- Gesetze der Burgunden — Die Gesetze der Burgunden / Hrsg. von F. Beyerle. Weimar, 1936.
- Glor. conf.—In Gloria confessorum.—PL, t. 71.
- Greg. I. Epist.—*Gregorii I papae Epistolae.*—MGH, Epistolarum. Hannover, 1890—1891. T. 1—2.
- Greg. Turon. H. F.—*Gregorius episcopus Turonensis. Historia Francorum.*—MGH, Scriptores rerum Merovingicarum. Hannover, 1951, t. I, ps. 1.
- Greg. Turon. L. H.—*Gregorius episcopus Turonensis.*—*Libri historiarum X.* 2 ed. / Curav. B. Krusch, W. Levison.—Ibid.
- Guidi, Pellegrinetti — *Guidi P., Pellegrinetti E. Gli Inventari del vescovato della cattedrale e di altre chiese di Lucca.* Roma, 1921.
- H. E.—*Bede's Ecclesiastical History of the English People* / Ed. by B. Colgrave, R. A. B. Mynors. Oxford, 1969.
- HO — Hazai Okmánytar, 1—7. k. Győr, 1865—1880.
- Heimskringla — *Snorri Sturluson. Heimskringla. Bjarni Aðalbjarnarson gaf út.* Reykjavík, 1941—1951. Bd. I—III.
- Hl.—Hlotaere und Eadric.—*Liebermann*, 1960.
- Hom.—*Hrabanus Maurus. Homilia.*—PL, t. 110.
- Honorius Augustodunensis. De imagine mundi.*—PL, t. 172.
- Iber.—*Dögler F. Sechs byzantinische Practika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon.*—*Abhandlungen der Bayerischen Academie der Wissenschaften.* NF. München, 1949, Bd. 28.
- JGR — *Jus Graeco-Romanum* / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856—1884. Ps. I—VII.
- J. L.—*Jyske-Lov.*—*Danmarks gamle landskabslove med kirkelovene* / Udg. af J. Brøndum-Nielsen og P. J. Jørgensen. København, 1933—1958. Bd. 1—8.
- Indiculus superstitionum — *Homan H. Der Indiculus superstitionum et paganiarum und verwandte Denkmäler.* Göttingen, 1965.
- Ine — *Liebermann*, 1960.
- Islandingabók.—*Art Þorgilsson. Islandingabók* / Jacob Benedictsson gaf út. Reykjavík, 1968.
- Jónsbók — *Kong Magnús Hakonssons lovbog for Island* / Udg. ved Olafur Halldórsson. Odense, 1970.
- K.—*Codex Diplomaticus Aevi Saxonici* / Ed. by J. M. Kemble. L., 1839—1848. Vol. 1—6.
- King Alfred's... Boethius — *King Alfred's Old English Version of Boethius De consolatione philosophiae* / Ed. by W. J. Sedgefield. Darmstadt, 1968.
- L.—*Lands-Lov.*—*Norges gamle Love indtil 1387.* Bd. I—V. Christiania, 1846—1895. Bd. II.
- L Alam.—*Leges Alamannorum* / Hrsg. von K. A. Eckhardt. Göttingen; Witzenhhausen, 1958—1962. Bd. I—II.
- L Baiuv.—*Lex Baiuvariorum* / Ed. E. F. Schwind.—MGH, Legum sectio I. Hannover, 1926, t. V, ps. 2.
- L Burg.—*Leges Burgundionum* / Ed. L. R. de Salis.—MGH, Legum sectio I. Hannover, 1892, t. II, ps. 1.
- L Fris.—*Lex Frisionum.* Ed. K. v. Richthofen.—MGH, Legum sectio I. Hannover, 1863, t. III, ps. 1.
- LR Burg.—*Lex Romana Burgundionum.*—MGH, Legum sectio I. Hannover, 1892, t. II, ps. 1.
- LR Vis.—*Lex Romana Visigothorum* / Ed. G. Haenel. Leipzig, 1849.
- L Rib.—*Lex Ribuaria* / Hrsg. von F. Beyerle und R. Buchner.—MGH, Legum sectio I. Hannover, 1954, t. III, ps. 2.

- L Sal.— Lex Salica. 100 Titel-Text / Hrsg. von K. A. Eckhardt. Weimar, 1963.
- L Sax.— Leges Saxonum und Lex Thuringorum / Hrsg. von C. F. v. Schwerin.— MGH, Fontes iuris Germanici antiqui. Hannover; Leipzig, 1918.
- L Vis.— Leges Visigothorum / Ed. K. Zeumer.— MGH, Legum sectio I, Hannover; Leipzig, 1902, t. I.
- Landnámabók — Landnámabók Islands. Reykjavík, 1968.
- Lavra — Actes de Lavra / Ed. G. Roillard, P. Collomp. P., 1937. T. 1.
- Lavra I—III — Actes de Lavra / Ed. P. Lemerle, A. Guillout, N. Svoronos, D. Pachrysanthou. P., 1970—1979.
- Lefèvre, 1954 — *Lefèvre Y. L'Elucidarium et les lucidaires*. P., 1954.
- Leo Diac.— *Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri 10*. Bonnae, 1828.
- Lib. Or.— *Libanii Oratio.— Libanii Opera* / Rec. R. Foerster. Lipsiae, 1903—1908. V. I—IV.
- Liber Eliensis — Liber Eliensis / Ed. by E. O. Blake. Camden Third Series. L., 1962. V. 92.
- Liebermann — *Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen*. 2. Aufl. Aalen, 1960. Bd. I—III.
- Liu — *Edictus Lintprandi.— Die Gesetze der Langobarden* / Hrsg. von F. Beyerle. Weimar, 1947.
- Marini — *Martini G. I papiri diplomatici raccolti ed illustrati*. Roma, 1805.
- Marius Avent.— *Marius episcopus Aventicensis. Chronica* / Ed. Th. Mommsen.— MGH, AA. B., 1894, t. XI.
- MGH, AA — Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi.
- MGH, SS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.
- MHP — Monumenta Historiae Patriae. Augustae Taurinorum, 1873, v. XIII.
- Miracula S. Lutfredi — MGH, SS, Hannover, 1846, t. VII.
- MM — Acta et diplomata graeca mediæ aevi, sacra et profana / Ed. F. Miklosich, J. Müller. Vindobonae, 1866—1890. V. I—V.
- MND — Le monastère de Notre-Dame de Pitié en Macédoine / Ed. par L. Petit.— ИРАИК, 1900, т. VI.
- MPH — Monumenta Poloniae Historica. Nova series. Kraków, 1949, t. I.
- MS — Monumenta ecclesiae Strigoniensis. Strigonii, 1874, t. I.
- NG — Византийский Земледельческий закон. Текст, иссл., коммент. Изд. подгот. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Плотровская. JL., 1984.
- Nov. Just.— *Novellae Justiniani* / Ed. P. Schoell, G. Kroll.— Corpus iuris civilis. B., 1954. T. III.
- Nov. Maior.— *Novellae Maioriani.— Lex Romana Visigothorum* / Ed. G. Haenel. Leipzig, 1849.
- Nov. Marc.— *Novellae Marciani.— Ibid.*
- Nov. Sever.— *Novellae Severiani.— Ibid.*
- Nov. Valent.— *Novellae Valentiniani.— Ibid.*
- Ó-magyar Olvasókönyv — Ó-magyar Olvasókönyv. Pécs, 1929.
- PG — *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca.*
- PL — *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series latina. P. S.— Pauli Sententiae.— Lex Romana Visigothorum* / Ed. G. Haenel. Leipzig, 1849.
- PRT — A Pannonhalmi Szent Benedec-rend Története, 1—12. k. Bp., 1902—1912.
- Pactus L Sal.— *Pactus Legis Salicae* / Hrsg. von K. A. Eckhardt.— MGH, Legum sectio I. Hannover, 1962, t. IV, pa. 1.
- Pallad. Hist. Laus.— *Palladius. Historia Lausiaca.— PL, t. 34.*
- Pallad. De re rust.— *Palladius. De re rustica.— Palladii Rutilii Opus Agriculturae*. Leipzig, 1975.
- Pard.— *Pardessus J. M. Diplomata, chartae, epistolae, leges aliaque instrumenta ad res Gallo-Francicas spectantia*. Lutetiae; Parisiorum; 1843—1849.
- Paul. Diac. H. L.— *Paulus Diaconus. Historia Langobardorum* / Ed. L. Bethmann, G. Waitz.— MGH, Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX. Hannoverae, 1878.

- Paul. Peil. Eucharist.—*Paulini Pellaei Eucharisticos*.—Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Vindobonae, 1888, t. XVI.
- Pauli Emerit. De vita patr. Emer.—*Paulus Emeritanus. De vita patrum Emeritensium*.—PL, t. 80.
- Petr. Sic.—*Petri Siculi Historia utilia*.—PG, t. CIV.
- Poeta Saxo. De gestis Caroli magni.—MGH, SS. Hannover, 1826, t. I.
- Poetae latini—*Poetae latini aevi Carolini* / Rec. E. Duemmler. B., 1884. T. II.
- Querolus—*Querolus sive Aulularia* / Ed. G. Ranstrand. Göteborg. 1951.
- Ratch.—*Edictus Ratchesi*.—Die Gesetze der Langobarden / Hrsg. von F. Beyerle. Weimar, 1947.
- Rectitudines singularum personarum—*Liebermann*, 1960.
- Recueil des actes—*Recueil des actes de Pepin I et de Pepin II, rois d'Aquitaine* / Ed. par L. Levillain. P., 1926.
- Reg. Als.—*Regesta Alsaciae aevi Merovingici et Carolingici, I. Quellenband* / Bearb. und hrsg. von A. Bruckner. Straßburg; Zürich, 1949.
- RL—*Rhetores latini minores. Ex codicibus maximam partem primum adhibitis / Emend. C. Halm. Lipsiae, 1863.*
- RMA—*Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana* / Ed. St. L. Endlicher. Sangalium, 1849.
- Ro—*Edictus Rotari*—Die Gesetze der Langobarden / Hrsg. von F. Beyerle. Weimar, 1947.
- Rudlieb—*Lateinische Gedichte des X. und XI. Jahrhundert* / Hrsg. von J. Grimm, A. Schmeller. Göttingen, 1838.
- Rüstr. Recht—*Das Rüstringer Recht* / Hrsg. von W. J. Buma, W. Ebel.—*Altfriesische Rechtsquellen*. Göttingen; Berlin; Frankfurt, 1963. Bd. 1.
- RV—*Regestrum Varadinense* / Ed. J. Karácsony; S. Borovszky. Bp., 1903.
- SHA—*Scriptores Historiae Augustae* / Ed. E. Hohl. Lipsiae, 1927. T. 1—2.
- SK—*Supetarski kartular*. Zagreb, 1952.
- SKA—*Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum* / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1937—1938. V. 1—2.
- Sachsenspiegel—*Sachsenspiegel. Landrecht* / Hrsg. von K. A. Eckhardt. 2. Ausg.—MGH, Fontes iuris germanici antiqui, nova series. Göttingen, 1955, t. I, ps. 1.
- salv. De gubern. Dei.—*Salvianus. De gubernatione Dei libri VIII*.—MGH, AA. B., 1877; t. I, ps. 1.
- Schiaparelli—*Schiaparelli L. Codice diplomatico Longobardo*. Roma, 1929—1933. V. 1—2.
- Schmitz, 1958, I—*Schmitz H. J. Die Bussbücher und Bussdisziplin der Kirche*. Graz, 1958. Bd. I.
- Schmitz, 1958, II—*Schmitz H. J. Die Bussbücher und das kanonische Bussverfahren*. Graz, 1958. Bd. II.
- Sermo Lupi—*Wulfstan. Sermo Lupi ad Anglos*.—In: Mossé F. Manuel de l'Anglais du Moyen Age. P., 1950. T. 1.
- St. G.—*Urkundenbuch der Abtei Sanct Gallen* / Hrsg. von H. Wartmann. Zürich 1863—1882. Bd. I—III.
- Symm. Epist.—*Symmachus. Epistolae* / Ed. O. Seeck.—MGH, AA. B., 1883, t. VI, ps. 1.
- Szentpétery I.—*Az Árpadházi királyok okleveleinek kritikai jegyzéke*, 1. k., 1—3. f. Szerk. Szentpétery I. Bp., 1923—1930.
- Tac. Ann.—*P. Cornelii Taciti libri qui supersunt*. Lipsiae, 1949. V. 1.
- TAF—*Traditiones et antiquitates Fuldenses* / Hrsg. von E. F. J. Dronke. Fulda, 1844.
- TW—*Traditiones possessionesque Wizenburgenses* / Ed. C. Zeuss. Spira, 1842.
- Theoph. Cont.—*Theophanus Continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. Bonnae, 1838.
- Theoph. Chron.—*Theophanis Chronographia* / Rec. C. de Boor. Lipsiae; 1883—1885. T. I—II.
- Tjäder—*Tjäder J. O. Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445—700*. Uppsala, 1955. T. 1.

Источники и сокращения

- Tróya — *Tróya C. Codice diplomatico longobardo*. Napoli, 1852—1855. V. I—IV.
- Two of the Saxon chronicles — *Two of the Saxon chronicles* / Ed. by Ch. Plummer. Oxford, 1965.
- Typicon Greg. Pac. — *Typicon Gregorii Pacuriani* / Ed. S. Kauchtschischwili. Georgica. Thbilisiis, 1963. T. V.
- UL — *Upplands Lagen — Svenska landskapslagar. Tolkade och förklarade för nutidens svenskar*. Av Å. Holmbäck och E. Wessén. Stockholm; 1933—1946. Ser. 1—5.
- VGL — *Vestgöta Lagen — Svenska landskapslagar. Tolkade och förklarade för nutidens svenskar*. Av Å. Holmbäck och E. Wessén. Stockholm, 1933—1946. Ser. 1—5.
- Veget. Ars mulomedic. — Vegetii Renati Artis veterinariae sive mulomedicinae libri quatuor* / Cur. Jo. Matthia Cesnero. Mannheimii, 1781.
- Versus de Unihove — *Lateinische Gedichte des X. und XI. Jh.* / Hrsg. von J. Grimm, A. Schmeller. Göttingen, 1838.
- La Vie de Saint Alexis — *La Vie de Saint Alexis, poème du XIe siècle*. P., 1872.
- Vita Gamalberti — MGH, SS. Hannover, 1846, t. VII.
- Vita Germani — *Vita Germani episcopi Ourisiaci*. — MGH, SS, t. VII.
- Vita Liudgerii — MGH, SS, Hannover, 1829, t. II.
- Vita Pardulfi — MGH, SS, t. VII.
- Vita Richardi — MGH, SS, t. VII.
- Vita Wicberti — MGH, SS. Hannover, 1848, t. VIII.
- Wi — *Withraed*. — *Liebermann*, 1960.
- Widuk. — *Widukindi monachi Corbeiensis Rerum gestarum Saxonicarum libri tres*. Bearb. von P. Hirsch. — MGH, *Scriptores rerum Germanicarum*. Hannover, 1935.
- Winterfeld, 1917 — *Winterfeld P. v. Deutsche Dichter des lateinischen Mittelalters* / Hrsg. von H. Reich, 2. Aufl. Münster, 1917.
- ZfA — *Zeitschrift für Archäologie*.
- ZF — *Zavodszky L. A Szent István, Szent László és Kálmán korabeli törvények és zsinati határozatok forrásai*. Bp., 1904, 131—209 f. Appendix (1000—1116).
- ZfG — *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*.
- Zepos — *Zepos J. et P. Jus Graeco-Romanum*. Athenai, 1932—1962. T. 1—8.
- Zosim. Hist. — *Zosimus. Historia nova* / Ed. E. Mendelssohn. Leipzig, 1887.
- ZSSR. GA — *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung*.

БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 419—459.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Там же, т. 3, с. 7—544.
- Маркс К. Введение.— Там же, т. 46, ч. I, с. 17—48.
- Маркс К. К критике политической экономии.— Там же, т. 13, с. 1—167.
- Маркс К. Капитал, т. I.— Там же, т. 23.
- Маркс К. Капитал, т. III.— Там же, т. 25.
- Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— Там же, т. 19, с. 400—421.
- Маркс К. Теория прибавочной стоимости.— Там же, т. 26.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Там же, т. 46, ч. I, с. 461—487.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Там же, т. 20, с. 1—338.
- Энгельс Ф. Заметки о Германии.— Там же, т. 18, с. 571—578.
- Энгельс Ф. К истории древних германцев.— Там же, т. 19, с. 442—494.
- Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Там же, т. 7, с. 343—437.
- Энгельс Ф. Марка.— Там же, т. 19, с. 327—345.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Там же, т. 21, с. 23—178.
- Энгельс Ф. Франкский период.— Там же, т. 19, с. 495—546.

ЛИТЕРАТУРА КО ВСЕМУ ТОМУ

- Барз М. А., Скалкин С. Д. История средневекового крестьянства в Европе и принципы ее разработки.— Вопросы истории, 1967, № 4.
- Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.
- Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Данилов А. И., Неусыхин А. И. О новой теории социальной структуры раннего средневековья в буржуазной медиевистике ФРГ.— СВ, 1960, вып. XVIII.
- Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958.
- Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
- Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
- Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
- Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья).— В кн.: Проблемы истории капиталистических обществ. М., 1968, кн. 1.
- Неусыхин А. И. Общественный строй древних германцев. М., 1929.
- Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
- Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964.
- Скалкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
- Сюсюмов М. Я. Дофеодальный период.— В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1972, VIII.
- Удальцова З. В. Византия и Западная Европа (типологические наблюдения).— В кн.: ВО, М., 1977, с. 3—65.
- Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970.
- Удальцова З. В., Гутнова Е. В. К вопросу о типологии феодализма в Западной Европе и Византии.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972.

- Черепнин Л. В.* Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.
- Штаерман Е. М.* Эволюция античной формы собственности и античного города.— ВВ, 1973, т. 34.
- Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto medioevo.* Spoleto, 1966.
- Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen.*— In: Vorträge und Forschungen / Hrsg. vom Konstanzer Arbeitskreis für mittelalterliche Geschichte, gel. von Th. Mayer. Konstanz; Stuttgart, 1964. Bd. I—II.
- Artigianato e tecnica nella società dell'alto Medioevo occidentale.* Spoleto, 1971.
- Boutruche R.* Seigneurie et féodalité. P., 1968—1970. T. I—II.
- The Cambridge Economic History of Europe.* 2nd ed. Vol. 1: The Agrarian Life of the Middle Ages / Ed. by M. M. Postan. Cambridge, 1966.
- Caratteri del secolo VII in Occidente.* Spoleto, 1958. T. 1—2.
- Chapelot J., Fossier R.* Le village et la maison au Moyen âge. P., 1980.
- Doehaerd R.* Le Haut Moyen âge occidental. Economies et sociétés. P., 1971.
- Duby G.* L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. P., 1962. T. I—II.
- Fossier R.* Histoire sociale de l'Occident médiéval. P., 1970.
- Fournier G.* L'Occident de la fin du Ve siècle à la fin du IXe siècle. P., 1969.
- Grand R., Delatouche R.* L'agriculture au Moyen Age de la fin de l'Empire romain au XVIe siècle. P., 1950.
- Günther R.* Zur Entstehung des Feudalismus bei den Franken.— ZfG, 1972, N 4.
- Latouche R.* Les origines de l'économie occidentale (IVe—XIe siècles). P., 1956.
- Nehlsen H.* Sklavenrecht zwischen Antike und Mittelalter. Germanisches und römisches Recht in den germanischen Rechtsaufzeichnungen. I. Ostgoten, Westgoten, Franken, Langobarden. Göttingen, 1972.
- Il passaggio dall'antichità al medioevo in Occidente.* Spoleto, 1962.
- I problemi dell'Occidente nel secolo VIII.* Spoleto, 1973.

ЛИТЕРАТУРА ПО ГЛАВАМ

ГЛАВА I

- Авербух М. С.* Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М., 1970.
- Алексеев В. П.* Историческая антропология. М., 1979.
- Алексеев Л. В.* Полоцкая земля в IX—XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии). М., 1966.
- Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
- Алексеева Т. И.* Географическая среда и биология человека. М., 1977.
- Алисов В. П., Полгарус Б. В.* Климатология. М., 1962.
- Анучин В. А.* Географический фактор в развитии общества. М., 1982.
- Артамоновский С. Н.* Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967.
- Аулих В. В.* Зымянівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ, 1972.
- Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972.
- Бахтеев Ф. X.* Очерки по истории и географии важнейших культурных растений. М., 1960.
- Бегин В. В., Преображенский Ю. В.* Суровость зим в Европе и ледовитость Балтики. Л., 1962.
- Бончев П.* Човекът навлиза в морето. Варна, 1967.
- Борисенков Е. П.* Климат и деятельность человека. М., 1982.
- Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.
- Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. М., 1973.
- Василик П. В.* К моделированию динамики численности населения Европы от мезолита до средних веков.— В кн.: Медицинская кибернетика. Киев, 1976.
- Возникновение и развитие земледелия.* М., 1967.
- Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века.* М., 1980.
- Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография.* М., 1976.
- Въжарова Ж. Й.* Славянски и славянобългарски селища в Българските земи от края на VI—IX век. София, 1965.

Библиография

- Генриот Э. Краткая иллюстрированная история судостроения. Л., 1974.
- Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979.
- Горленко В. Ф., Бойко I. Д., Куницкий О. С. Народна землеробська техніка українців. Київ, 1971.
- Гришин Ю. С. Древняя добыча меди и олова. М., 1980.
- Данилов Г. Г. Из истории земледелия Мордовии. Саранск, 1964.
- Дончева-Петкова Л. Българска битова керамика през ранното средновековие. София, 1977.
- Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
- Древние славяне и их соседи. М., 1970.
- Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. М., 1982.
- Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.
- Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Жекулин В. С. Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972.
- Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. Л., 1964.
- Земледелие южной зоны европейской части СССР / Под ред. С. И. Савельева. М., 1966.
- Из истории хозяйства населения Марийского края. Йошкар-Ола, 1979.
- Искусство стран и народов мира. М., 1962—1984. Т. 1—5.
- История Урала. Пермь, 1976. Т. 1.
- Казakov Е. Д. Зерноведение с основами растениеводства. М., 1965.
- Казенс Дж. Введение в лесную экологию. М., 1982.
- Камышев Н. С. Основы географии растений. Воронеж, 1961.
- Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.
- Карпатский сборник. М., 1976, № 2.
- Кириков С. В. Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X — начале XIX в. М., 1979.
- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1—2; Л., 1971. Вып. 3.
- Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси X—XIII веков. Л., 1973.
- Ключевич А. С. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. Казань, 1971.
- Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969.
- Корзугина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. в Среднем Поднепровье. Л., 1978.
- Коробушкина Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Минск, 1979.
- Кочкуркина С. И. Древняя корела. Л., 1982.
- Красное Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы: II тысячелетие до н. э. — первая половина I тысячелетия н. э. М., 1971.
- Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.
- Куцов А. И. Введение в географию культурных растений. М., 1975.
- Кухаренко Ю. В. Археология Польши. М., 1969.
- Лейтон А. К. Технические характеристики транспортных средств раннего средневековья. М., 1970.
- Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.): Историко-археологические очерки. Л., 1968.
- Макарова Т. И. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М., 1967.
- Максимов М. М. Очерк о серебре. М., 1974.
- Максимов М. М. Очерк о золоте. М., 1977.
- Максимов М. М., Горнунг М. В. Очерк о первой меди. М., 1976.
- Марков К. К. Палеогеография. М., 1960.
- Маркузон Ф. Д. Население мира от начала нашей эры до середины XX в. — В кн.: Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1967.
- Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979.
- Материалы культуры средне-византийской мордвы. VIII—XI вв. Саранск, 1969.
- Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966.
- Мезенцева Г. Г. Канівське поселення полян. Київ, 1965.
- Минкевич И. А. Растениеводство. М., 1965.
- Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981.
- Одум Е. Экология. М., 1968.
- Основные проблемы исторической географии России на современном этапе. М., 1980.
- Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев, 1968.

- Лягцева С. А.* Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (Ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971.
- Природная обстановка и фауны прошлого. Киев, 1965. Вып. 2; Киев, 1967. Вып. 3.
- Ранние земледельцы: Этнографические очерки. Л., 1980.
- Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. Л., 1975.
- Растительный мир Земли / Под ред. Ф. Фукарека. М., 1982. Т. 1—2.
- Рафалович И. А.* Славяне VI—IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972.
- Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982.
- Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
- Рябиниц Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. Л., 1981.
- Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
- Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974.
- Синицын В. М.* Введение в палеоклиматологию. Л., 1967.
- Синицына В. И.* Основные исторические этапы в истории костюма. М., 1976.
- Синская Е. Н.* Историческая география культурной флоры. Л., 1969.
- Славяне и Русь. Киев, 1980.
- Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.
- Славяните и средиземноморският свят. VI—IX век. София, 1973.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Сулбокова О. В.* Население днепровского Левобережья во второй половине I тысячелетия н. э. Киев, 1972.
- Техника в ее историческом развитии / Под ред. С. В. Шухардина и др. М., 1979.
- Тимченко Н. Г.* История охоты и животноводства в Киевской Руси: (Среднее Поднепровье). Киев, 1972.
- Тот Т. А., Фирштейн Б. В.* Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов: авары и сарматы. Л., 1970.
- Урланис В. П.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960.
- Федоров А. Я., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
- Федоров Г. В., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973.
- Федоров Г. В., Чеботаренко Г. Ф.* Памятники древних славян (VI—XIII вв.). Кишинев, 1974.
- Финно-угры и славяне. Л., 1979.
- Чеботаренко Г. Ф.* Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев, 1973.
- Чернецов А. В.* Пахотные орудия Древней Руси. М., 1973.
- Черныш Е. Н.* Металл — человек — время. М., 1972.
- Шевеленко А. Я.* Природный фактор и европейское общество V—X веков. — ВИ, 1969, № 10.
- Шевеленко А. Я.* К типологии генезиса феодализма. — ВИ, 1971, № 1.
- Шевеленко А. Я.* Производственно-трудовой опыт народных масс Европы VI—X веков. — ВИ, 1975, № 8.
- Шевеленко А. Я.* Демографическая заметка о Европе раннего средневековья. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981.
- Шевеленко А. Я.* Первые корабли средневековой Европы. — ВИ, 1981, № 9.
- Шапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.
- Этническая история и фольклор. М., 1977.
- Aalen F. H. A.* Man and the Landscape in Ireland. L., 1978.
- Annales de démographie historique. P., 1966—1978.
- Das archäologische Fundmaterial I der Ausgrabung Haithabu 1963—1964. Neumünster, 1970.
- Bach H., Dušek S.* Slawen in Thüringen. Weimar, 1971.
- Bachrach B. S.* A History of the Alans in the West. Minneapolis, 1973.
- Berretta D., Costa R.* La passionante histoire des grandes inventions. P., 1966.
- Biraben J.-N.* Les hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens. P., 1975. Vol. 1.
- Born M.* Die Entwicklung der deutschen Agrarlandschaft. Darmstadt, 1974.
- Bouton A.* Le Maine. Histoire économique et sociale des origines au XIVe siècle. Le Mans, 1976. Vol. II.
- Brentjes B., Richter S., Sonnemann R.* Geschichte der Technik. Leipzig, 1978.
- Burton L. H. D.* Primitive Labour. N. Y., 1971.
- Capelle T.* Der Metallschatz von Haithabu. Neumünster, 1968.
- Chance and Change: Social and Economic Studies in Historical Demographie in the Baltic Area. Odense, 1978.

- Clason A. T.* Animal and Man in Holland's Past. Groningen, 1967. Vol. «A».
- Crumlin-Pedersen O.* Das Haithabuschiff. Neumünster, 1969.
- Dhondt J.* Le haut moyen âge (VIIIe—IXe siècles). P., 1976.
- Dimbleby G. W.* Plants and Archaeology. L., 1967.
- Doehaerd R.* The Early Middle Ages in the West. Amsterdam, 1978.
- Donat P.* Die ur- und frühgeschichtliche Besiedlung des oberen Werragebietes. Jena, 1966. T. 1—2.
- Dopatka R., Höppner H.* Das Buch vom Schiff. B., 1972.
- Driesch A. von den.* Osteoarchäologische Untersuchungen auf der iberischen Halbinsel. München, 1972.
- Duby G.* L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. P., 1962. T. 1.
- Duby G.* Guerriers et paysans. VIIe—XIIe siècles. P., 1973.
- Early Medieval Studies. Stockholm, 1973. N 6.
- East G.* An Historical Geography of Europe. L., 1966.
- Ellmers D.* Frühmittelalterliche Handelsschiffahrt in Mittel- und Nordeuropa. Neumünster, 1972.
- Endrei W.* L'évolution des techniques du filage et du tissage du Moyen Age à la révolution industrielle. P., 1968.
- Ethnologia Europaea. P., 1967—1976. Vol. I—IX.
- Födisch H.* Zum Problem präurbaner Siedlung in Ostmitteleuropa. München, 1967.
- The Fontana Economic History of Europe. The Middle Ages / Ed. by C. M. Cipolla. L., 1972. Vol. 1.
- La formation et le développement des métiers au Moyen Age (V^e—XIVe siècles). Bp., 1977.
- Fourquin G.* Histoire économique de l'Occident médiéval. P., 1971.
- Frei H.* Der frühe Eisenerzbergbau und seine Geländespuren im nördlichen Alpenvorland. Kallmünz, 1966.
- Fumagalli V.* Terra e società nell'Italia pagana. Torino, 1976.
- Fustier P.* L'homme et les routes. P., 1972.
- Guillaume P., Pousson J.-P.* Démographie historique. P., 1970.
- Györfy Gy.* Wirtschaft und Gesellschaft der Ungarn um die Jahrtausendwende. Bp., 1983.
- Hansen V.* Danmarks kulturgeografi. København, 1974.
- Heilfurth G.* Bergbau und Bergmann in der deutschsprachigen Sagenüberlieferung Mitteleuropas. Marburg, 1967. Bd. 1.
- Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder / Neisse und Elbe. B., 1968.
- Herrmann J.* Zwischen Hradschin und Vineta: frühe Kulturen der Westslawen. Leipzig, 1971.
- Histoire de la France rurale. P., 1975. T. 1.
- An Historical Geography of the Balkans / Ed. by F. W. Carter. L., 1977.
- An Historical Geography of England and Wales / Ed. by R. A. Dodgson, R. A. Butlin. L., 1978.
- A History of Seafaring Based on Underwater Archaeology / Ed. by G. F. Bass. L., 1972.
- A History of Technology and Inventions. Progress through the Ages / Ed. by M. Daumas. N. Y., 1969. Vol. 1.
- Klaveren J. van.* General Economic History, 100—1760. München, 1969.
- Knecht G.* Mittelalterlich-frühneuzeitliche Tierknochenfunde aus Oberösterreich. München, 1966.
- Lambert A. M.* The Making of the Dutch Landscape. L., 1971.
- Land-, Forst-, Nahrungsgüterwirtschaft und Gartenbau. Leipzig, 1980.
- Lange E.* Botanische Beiträge zur mitteleuropäischen Siedlungsgeschichte. B., 1971.
- Le Roy Ladurie E.* Histoire du climat depuis l'an mil. P., 1967.
- Lee N. E.* Harvests and Harvesting through the Ages. Cambridge, 1971.
- Lexikon des Mittelalters. München, 1980. Bd. I.
- Lombard M.* Espaces et réseaux du haut moyen âge. P., 1972.
- Man Made the Land / Ed. by A. R. H. Baker and J. B. Harley. Totowa (N. J.). 1973.
- McEvedy C., Jones R.* Atlas of World Population History. L., 1978.
- Mead W. R.* An Historical Geography of Scandinavia. L., 1981.
- Migration. P., 1971.
- Mondfeld W.* Die arabische Dau. Rostock, 1979.
- Morlet A.* Vichy Celto-grec et Vichy Mérovingien. Macon, 1966.
- North D. C., Thomas R. P.* The Rise of the Western World. Cambridge, 1973.
- Origine de l'élevage et de la domestication. Nice, 1976.
- Paulsen P., Schach-Dörger H.* Holzhandwerk der Alamannen. Stuttgart, 1972.

- Pirling R.* Das römisch-fränkische Gräberfeld von Krefeld-Gellep. B., 1966. Bd. 1.
- Pleinerová J.* Brežno. Vesnice prvých Slovanů v severozápadních Čechách. Pr., 1975.
- Prehistorie en vroegste geschiedenis van ons land. s'Gravenhage, 1969.
- Probleme des frühen Mittelalters in archäologischer und historischer Sicht/Red. v. H. A. Knorr. B., 1966.
- Reinhard M. R., Armengaud A., Dapaquier J.* Histoire générale de la population mondiale. P., 1968.
- Rubner H.* Forstgeschichte im Zeitalter der industriellen Revolution. B., 1967.
- Salt, the Mysterious Necessity / Ed. by M. Batterson and W. W. Boddie. Midland, 1972.
- Sandermann W.* Das erste Eisen fiel vom Himmel. München, 1978.
- Sandström G. E.* Byggarna. Stockholm, 1968.
- Santa-Ritta G.* Portugal. Agricultura e problemas humanos. Lisboa, 1979.
- Siedlung, Burg und Stadt. Studien zu ihren Anfängen. B., 1969.
- Slücher van Bath B. H.* De agrarische geschiedenis van West-Europa (500—1850). Utrecht, 1962.
- Slücher van Bath B. H.* De paleodemografie.— A. A. G. Bijdragen, 1970, N 15.
- Smith C. T.* An Historical Geography of Western Europe before 1800. L., 1967.
- Themes in the Historical Geography of France / Ed. by H. D. Clout. L., 1977.
- Timm A.* Kleine Geschichte der Technologie. Stuttgart, 1964.
- Třebič V.* Micá enciclopedie de demografie. Buc., 1975.
- Tuma E. H.* European Economic History: Tenth Century to the Present. N. Y., 1971.
- Valonen N.* Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. Helsinki, 1963.
- Várady L.* Das letzte Jahrhundert Pannoniens. 376—476. Bd., 1969.
- Weeks J. R.* Population: an Introduction to Concepts and Issues. Belmont (Cal.), 1978.
- White L.* Technologie médiévale et transformations sociales. P., 1969.

ГЛАВА 2

- Головачев И. Ф.* Мелкое и среднее землевладение в Римской Африке первых трех веков империи.— ВДИ, 1963, № 3.
- Грацианский Н. П.* Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.
- Дилигенский Г. Г.* Северная Африка в IV—V веках. М., 1961.
- Ковалев С. И.* К вопросу о характере социального переворота III—V вв. в Западной Римской империи.— ВДИ, 1954, № 3.
- Коловская Ю. К.* Ветеранское землевладение в Паннонии.— ВДИ, 1963, № 4.
- Корсунский А. Р.* О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V веках.— ВДИ, 1954, № 2.
- Корсунский А. Р.* Движение багаудов.— ВДИ, 1957, № 4.
- Корсунский А. Р.* Были ли patrocinia vicorum в Западной Римской империи? — ВДИ, 1959, № 2.
- Корсунский А. Р.* Проблемы революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе.— ВДИ, 1964, № 5.
- Корсунский А. Р.* Готская Испания. М., 1969.
- Корсунский А. Р.* О мелкой земельной собственности в западных провинциях поздней Римской империи.— ВДИ, 1970, № 2.
- Корсунский А. Р.* О деревенском устройстве и системе землепользования в западных провинциях Поздней Римской империи.— ВДИ, 1977, № 2.
- Корсунский А. Р.* Проблемы аграрного строя и аграрной политики Западной Римской империи (IV—V вв.).— ВДИ, 1980, № 2.
- Липшиц Е. Э.* Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии.— ВДИ, 1955, № 4.
- Можжев Т.* История Рима. М., 1936. Т. I.
- Неусыгин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
- Сергеев В. С.* Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Ч. II.
- Сюсюмов М. Я.* Дофеодалный период.— В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1972, VIII.
- Сюсюмов М. Я.* К вопросу о процессах феодализации в Римской империи.— ВДИ, 1955, № 1.
- Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI в. М., 1959.
- Удальцова З. В.* Свообразие общественного развития Византийской империи: Место Византии во всемирной истории.— В кн.: История Византики. М., 1967. Т. 3.
- Удальцова З. В.* Сельское зависимое население Италии VI века.— ВДИ, 1955, № 3.
- Штаерман Е. М.* Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978.

Библиография

- Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.
- Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.
- Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971.
- Bloch M. Comment et pourquoi finit l'esclavage antique.— In: Bloch M. Mélanges historiques. P., 1963. T. 1.
- Brogan O. Roman Gaul. L., 1953.
- Fustel de Coulanges N. D. Recherches sur quelques problèmes d'histoire. P., 1885.
- Ganshof F. L. Le statut personnel du colon au Bas-Empire.— L'Antiquité classique, Bruxelles, 1945, t. XIV, fasc. 2.
- Grenier A. Manuel d'archéologie Gallo-Romaine. P., 1931, vol. VI.
- Günther R. Laeti, foederati und Gentilen in Nord- und Nordostgallien im Zusammenhang mit der sogenannten Laetenzivilisation.— ZfA, 1971, N 5.
- Halban-Blumenstock A. Die Entstehung des deutschen Immobiliareigentums, I. Innsbruck, 1894.
- Handbuch der europäischen Geschichte. Stuttgart, 1979. Bd. I.
- Holzappel H. Der sittliche Wert der körperlichen Arbeit im christlichen Altertum. Würzburg, 1941.
- Jones A. H. M. The Decline of the Ancient World. L., 1966.
- Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284—602. Oxford, 1964. Vol. I—III.
- Levy E. West Roman Vulgar Law: The Law of Property. Philadelphia, 1951.
- Levy E. Weströmisches Vulgarrecht: Das Obligationenrecht. Weimar, 1956.
- Lot F. L'impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire et à l'époque franque. P., 1928.
- Malafosse J. de. Le droit agraire du Bas-Empire et dans l'Empire d'Orient. Firenze, 1955.
- Maxey M. Occupations of the Lower Classes in Roman Society. Chicago, 1938.
- Mazzarino S. Aspetti sociali del Quarto secolo. Roma, 1951.
- Njeussychin A. J. Die Entstehung der abhängigen Bauernschaft als Klasse der frühfeudalen Gesellschaft in Westeuropa vom 6. bis 8. Jh. B., 1961.
- Oertel F. The Economic Life of the Empire.— Cambridge Ancient History. Cambridge, 1939, vol. XII.
- Pallasse M. Orient et Occident: à propos du colonat romain au Bas-Empire. Lyon, 1950.
- Piganiol A. Les documents cadastraux de la colonie Romaine d'Orange. P., 1962.
- Piganiol A. L'empire chrétien (325—395). P., 1972.
- Ruggini L. Economia e società nell'Italia annonaria.— Milano, 1961.
- Schmitz H. Stadt und Imperium. Köln in römischer Zeit. Köln, 1948. Bd. I.
- Die Schriften der römischen Feldmesser. B., 1848. Bd. I.
- Schulten A. Die Landgemeinden im römischen Reich.— Philologus, 1894, t. LIII.
- Seipel J. Die wirtschaftlichen Lehren der Kirchenväter. Wien, 1907.
- Serra Rafols J. de C. La «villa» romana de la dehesa de «la Cocosas». Badajoz, 1952.
- Seyfarth W. Soziale Fragen der spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus. B., 1963.
- Stein E. Geschichte des spätrömischen Reiches. Wien, 1928. Bd. I.
- Steinwenter A. Fundus cum instrumento. Wien; Leipzig, 1942.
- Stevens C. E. Agriculture and Rural Life in the Later Roman Empire.— In: The Cambridge Economic History. 2nd ed. Cambridge, 1966. Vol. I.
- Thompson E. A. Zosimus on the End of Roman Britain.— Antiquity, 1956, vol. 30, N 119.
- Von der Spätantike zum frühen Mittelalter: aktuelle Probleme in historischer und archäologischer Sicht. Sigmaringen, 1979.
- Westermann W. L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955.

ГЛАВА 3

- Аллагос М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии. М.; Л., 1949.
- Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. М.; Л., 1940.
- Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гуревич А. Я. Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тысячелетии н. э. в свете данных археологии и топонимики.— СА, 1960, № 4.
- Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977.
- Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в.— 1917 г.). М., 1974.
- Данилов А. И. А. И. Неусыхин — историк-медиевист, ученый и педагог.— СВ, 1969, вып. 32.

Библиография

- Данилов А. И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958.
- Клейн Л. С.* Археологические источники. Л., 1978.
- Кнабе Г.* Римские кварталы: теснота и история.— Декоративное искусство, 1979, № 4.
- Косвен М. О.* Патронимия у древних германцев.— Изв. АН СССР. Сер. истор. и филос., 1949, т. VI, № 4.
- Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963.
- Косминский Е. А.* Историография средних веков. V в.— середина XIX в.: Лекции. М., 1963.
- Мильская Л. Т.* К вопросу о трактовке проблемы сельской общины в современной историографии ФРГ.— СВ, 1975, вып. 38.
- Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы: Бронзовый и железный века. М., 1974.
- Неусыхин А. И.* Военные союзы германских племен около начала нашей эры.— Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН, 1929, т. 3.
- Неусыхин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья).— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1.
- Неусыхин А. И.* Общественный строй древних германцев. М., 1929.
- Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
- Петрушевский Д. М.* Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.; Л., 1928.
- Удальцов А. Д.* Родовой строй древних германцев.— В кн.: Из истории западноевропейского феодализма. М.; Л., 1934.
- Abel W.* Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert (Deutsche Agrargeschichte / Hrsg. von G. Franz, Bd. II). Stuttgart, 1967.
- Adams V., Schellema F.* Nordische Vorzeit. Bauern und Krieger.— In: Antaios. Stuttgart, 1964. Bd. V.
- Ambrosiani B.* Burg.— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 2. Aufl. Berlin; New York, 1981. Bd. 4.
- Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen. Stuttgart, 1964. Bd. I.
- Ausgrabungen in Deutschland. Mainz, 1975. Teil. 2.
- Bader K. S.* Das mittelalterliche Dorf als Friedens- und Rechtsbereich. Weimar, 1957.
- Bader K. S.* Dorfgemeinschaft und Dorfgemeinde. Weimar, 1962.
- Baetke W.* Yngvi und die Ynglinger. Eine quellenkritische Untersuchung über das nordische «Sakralkönigtum».— Sitzungsberichte der sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philol.-hist. Klasse, 1964, CIX: III.
- Beck H., Ebenbauer A.* Bauer.— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 2. Aufl. Berlin; New York, 1976. Bd. 2.
- Becker C. J.* Ein früheisenzeitliches Dorf bei Grøntoft, Westjütland.— AA, 1965, XXXVI.
- Becker C. J.* To landsbyer fra tidlig jernalder i Vestjylland.— In: Nationalmuseets Arbejdsmark 1966. København, 1966.
- Becker C. J.* Das zweite früheisenzeitliche Dorf bei Grøntoft, Westjütland.— AA, 1968, XXXIX.
- Bergengruen A.* Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich. Wiesbaden, 1958.
- Beuys B.* Familienleben in Deutschland. Neue Bilder aus der deutschen Vergangenheit. Hamburg, 1980.
- Bishop C. W.* Origin and Early Diffusion of the Traction-Plough.— Antiquity, 1936, vol. X.
- Bog I.* Dorfgemeinde, Freiheit und Unfreiheit in Franken. Stuttgart, 1956.
- Böhner K.* Archäologische Beiträge zur Erforschung der Frankenzzeit am Niederrhein.— Rheinische Vierteljahresblätter, 1950/51, 15/16.
- Böhner K.* Ausgrabungen von kaiserzeitlichen Siedlungen im freien Germanien.— In: Ausgrabungen in Deutschland. Mainz, 1975. Teil 2.
- Bosl K.* «Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt» (Tacitus. Germania, c. 7).— In: K. Bosl. Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa. München; Wien, 1964.
- Bosl K.* Staat, Gesellschaft, Wirtschaft in deutschen Mittelalter.— In: Gebhard. Handbuch der deutschen Geschichte. 9. Aufl. Stuttgart, 1970. Bd. 1.
- Capelle T.* Das Gräberfeld Beckum I. Münster (Westfalen), 1979.
- Capelle T.* Studien über elbgermanische Gräberfelder in der ausgehenden Latenezeit und der älteren römischen Kaiserzeit. Hildesheim, 1971.
- Christensen A. E.* Vikingetidens Danmark paa oldhistorisk baggrund. København, 1969.
- Christensen A. E., Hatt G.* Plough and Pasture. The Early History of Farming. N. Y., 1953.
- Danešae.* Red. ved. P. V. Glob. København, 1980, N 41.
- Danmarks historie / Af J. Skovgaard-Petersen, A. E. Christensen, H. Paludan. Copenhagen, 1977. Bd. 1.

- Dannenbauer H.* Adel, Burg und Herrschaft bei den Germanen.— In: Herrschaft und Staat in Mittelalter. Darmstadt, 1956.
- Dannenbauer H.* Die Entstehung Europas. Stuttgart, 1959. Bd. 1.
- Döbler H.* Die Germanen. Legende und Wirklichkeit von A — Z.— In: Ein Lexikon zur europäischen Frühgeschichte. Gütersloh u. a., 1975.
- Dölling H.* Haus und Hof in westgermanischen Volksrechten. München, 1958.
- Dopsch A.* Die Markgenossenschaft der Karolingerzeit.— MIOG, 1912—1913, Bd. 34.
- Dopsch A.* Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung aus der Zeit von Caesar bis auf Karl den Grossen. Wien, 1933. 1. Teil.
- Dopsch A.* Die freien Marken in Deutschland. Baden u. a., 1933.
- Dopsch A.* Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit vornehmlich in Deutschland. Weimar, 1962. 1. Teil.
- Düwel K.* Byr und bo in wikingerzeitlichen Runeninschriften aus Schweden.— In: Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters. Siedlungsform — wirtschaftliche Funktion — soziale Struktur / Hrg. von H. Jankuhn, R. Schützeichel und F. Schwind. Göttingen, 1977.
- Eggers H. J.* Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951.
- Eggers H. J.* Lübsow, ein germanischer Fürstensitz der älteren Kaiserzeit.— Praehistorische Zeitschrift, 1949/1950, Bd. 34/35.
- Es W. A. van.* Wijster. A Native Village beyond Imperial Frontier, 150—425 A. D.— Palaeohistoria, 1967, 11.
- Fleischmann W.* Altgermanische und altrömische Agrarverhältnisse in ihren Beziehungen und Gegensätzen. Leipzig, 1906.
- Franz G.* Geschichte des deutschen Bauernstandes vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1970.
- Ganahl K.-H.* Die Mark in den älteren St. Galler Urkunden, II.— ZSSR, GA, 1941, Bd. 61.
- Gebhardt.* Handbuch der deutschen Geschichte. 9. Aufl. / Hrg. von H. Grundmann. Stuttgart, 1970. Bd. 1.
- Gebähr M.* Zur Definition älterkaiserzeitlicher Fürstengräber vom Lübsow-Typ.— Praehistorische Zeitschrift, 1974, Bd. 49, Heft 1.
- Gettslinger H.* Horte als Geschichtsquelle dargestellt an den völkerwanderungs- und merowingischen Funden des südwestlichen Ostseeraumes. Neumünster, 1967.
- Genzmer F.* Die germanische Sippe als Rechtsbegriff.— ZSSR, GA, 1950, Bd. 67.
- Die Germanen.* Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. B., 1978. Bd. 1.
- Giffen A. E. van.* Der Warf in Ezinge, Provinz Groningen, Holland, und seine westgermanischen Häuser.— In: Germania, 1936, 20.
- Giffen A. E. van.* Prähistorische Hausformen auf Sandboden in der Niederlanden.— Germania, 1958, 36.
- Glob P.* Ard og Plov i Nordens Oldtid. København, 1951.
- Glob P. V.* Jyllands ode agre.— In: Kuml, 1951.
- Gradmann R.* Das mitteleuropäische Landschaftsbild nach seiner geschichtlichen Entwicklung.— Geographische Zeitschrift, 1901, VII.
- Grahn-Hoek H.* Die fränkische Oberschicht im 6. Jahrhundert (Vorträge und Forschungen, Sonderband 21). Sigmaringen, 1976.
- Grönbeck W.* Kultur und Religion der Germanen. Darmstadt. 1961. Bd. 1.
- Grünert H.* Zum Verhältnis von Produktivkräften und Produktionsverhältnissen bei den Germanen des Mittel- und Unterelbgebietes um die Wende unserer Zeitrechnung.— In: Germanen — Slawen — Deutsche. Forschungen zu ihrer Ethnologie. B., 1968.
- Gurevič A. Ja.* Zu Begriffsbildungen in vorkapitalistischen Gemeinwesen und ihrer gesellschaftlichen Motivation: «Hof», «Grund und Boden», «Welt». Anhand mittelalterlicher skandinavischen und angelsächsischen Quellen.— Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, 1979, I.
- Haarnagel W.* Die Grabung Feddersen Wierde und ihre Bedeutung für die Erkenntnisse der bäuerlichen Besiedlung im Küstengebiet in dem Zeitraum vom 1. Jahrhundert vor bis 5. Jahrhundert nach Chr.— Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie, 1962, Jg. 10, H. 2.
- Haarnagel W.* Die Wurtensiedlung Feddersen Wierde im Nordseeküstengebiet.— In: Ausgrabungen in Deutschland. Mainz, 1975. Teil 2.
- Haarnagel W.* Das eisenzeitliche Dorf «Feddersen Wierde», seine siedlungsgeschichtliche Entwicklung, seine wirtschaftliche Funktion und die Wandlung seiner Sozialstruktur.— In: Das Dorf der Eisenzeit..., 1977.
- Haarnagel W.* Die Grabung Feddersen Wierde. Methode, Hausbau Siedlungs- und Wirtschaftsformen sowie Sozialstruktur (Feddersen Wierde, Bd. II). Wiesbaden, 1979.
- Hachmann H.* Die Gesellschaftsordnung der Germanen um Christi Geburt.— Archaeologia geographica, 1956/1957, 5/6.

- Haff K.* Die dänischen Gemeinderechte. Leipzig, 1909. Bd. II.
- Hagen A.* Studier i jernalderens gardssamfunn.— In: Universitets oldsaksamlings Skrifter. Oslo, 1953. IV. Bd.
- Halban Blumenstok A.* Entstehung des deutschen Immobiliareigentums. Innsbruck, 1894. Bd. 1.
- Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte* / Hrsg. von H. Aubin und W. Zorn. Stuttgart, 1971. Bd. 1.
- Harek O., Kossack G., Reichstein J.* Siedlungsform und Umwelt. Grabungen in Archsum auf Sylt.— In: Ausgrabungen in Deutschland. Mainz, 1975. Teil 2.
- Hatt G.* Das Eigentumsrecht an bedeutem Grund und Boden.— Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie, 1955, Jg. 3, H. 2.
- Hatt G.* Norre fjand. An Early Iron-Age Village Site in West Jutland.— Arkaeologisk-kunsthistoriske skrifter utgivet af Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. København, 1957, Bd. 2, N 2.
- Hatt G.* Oldtidsagre.— In: Det kongelige Danske Videnskabernes Selskab.— Arkaeologisk-kunsthistoriske skrifter... København, 1949, Bd. 2, N 1.
- Hatt G.* The Ownership of Cultivated Land.— Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser. København, 1939, XXVI, 6.
- Hatt G.* Prehistoric Fields in Jutland.— AA, 1931, II.
- Hauck K.* Brakteatenikonologie.— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 2. Auf. Berlin; New York, 1978. Bd. 3.
- Herrmann J.* Frühe klassengesellschaftliche Differenzierungen in Deutschland.— ZfG, 1966, XIV, N 3.
- Herrmann J.* Sozial-ökonomische Grundlagen und gesellschaftliche Triebkräfte für die Herausbildung des deutschen Feudalstaates.— ZfG, 1971, XIX, N 6.
- Herrmann J.* Allod und Feudum als Grundlagen des West- und mitteleuropäischen Feudalismus und der feudalen Staatsbildung.— In: Beiträge zur Entstehung des Staates / Hrsg. von J. Herrmann, I. Sellniw. B., 1973.
- Hoops J.* Waldbäume und Kulturpflanzen im germanischen Altertum. Strassburg, 1905.
- Hvass S.* Hodde- et 2000-årigt landsbysamfund i Vestjylland.— In: Nationalmuseets Arbejdsmark 1975. København, 1975.
- Inama-Sternegg K. Th. von.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte bis zum Schluß der Karolingerperiode. Leipzig, 1909.
- Jäger H.* Zur Geschichte der deutschen Kulturlandschaften.— Geographische Zeitschrift, 1963, 51. Jg.
- Jankuhn H.* Archäologische Bemerkungen zur Glaubwürdigkeit des Tacitus in der Germania.— In: Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Phil.-hist. Kl., 1966, N 10.
- Jankuhn H.* Archäologische Beobachtungen zu Tier- und Menschenopfern bei den Germanen in der römischen Kaiserzeit.— Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Phil.-hist. Kl., 1967, N 6.
- Jankuhn H.* Archäologie und Geschichte. Vorträge und Aufsätze. Berlin; New York, 1976. Bd. 1. Beiträge zur siedlungsarchäologischen Forschung.
- Jankuhn H.* Einführung in die Siedlungsarchäologie. Berlin; New York, 1977.
- Jankuhn H.* Rodung und Wüstung in vor- und frühgeschichtlicher Zeit.— In: Jankuhn H. Archäologie und Geschichte..., 1976. Bd. 1.
- Jankuhn H.* Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaftsordnung der germanischen Stämme in der Zeit der römischen Angriffskrieg.— In: Jankuhn H. Archäologie und Geschichte..., 1976. Bd. 1.
- Jankuhn H.* Spätantike und merowingische Grundlagen für die frühmittelalterliche nordeuropäische Stadtbildung.— In: Early Medieval Studies. Stockholm, 1970. I.
- Jankuhn H.* Terra... silvis horrida.— In: Jankuhn H. Archäologie und Geschichte..., 1976. Bd. 1.
- Jankuhn H.* Typen und Funktionen eisenzeitlicher Siedlungen im Ostseegebiet.— In: Das Dorf der Eisenzeit..., 1977.
- Jankuhn H.* Vor- und Frühgeschichte vom Neolithikum bis zur Völkerwanderungszeit (Deutsche Agrargeschichte / Hrsg. von G. Franz, Bd. 1). Stuttgart, 1969.
- Janssen W.* Mittelalterliche Dorfsiedlungen als archäologisches Problem.— In: Frühmittelalterliche Studien. Münster, 1968. Bd. 2.
- Kirbis W.* Siedlungs- und Flurformen germanischer Länder, besonders Großbritanniens, im Lichte der deutschen Siedlungsforschung. Göttingen, 1952.
- Koehne C.* Die Streitfragen über den Agrarkommunismus der germanischen Urzeit. B., 1928.
- Krenalin A.* Zur Genese der Gewinnflur in Deutschland nach Untersuchungen im nördlichen Unterfranken.— Geografiska annaler, 1961, vol. XLIII.
- Kroeschell K.* Die Sippe im germanischen Recht.— ZSSR, GA, 1968. Bd. 77.

- Kuhn H. Adel.**— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 1973. Bd. 1.
- Kuhn H.** Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft.— ZSSR, GA, 1956, Bd. 73.
- Kulturbruch oder Kulturkontinuität im Übergang von der Antike zum Mittelalter / Hrsg. von P. E. Hübinger (Wege der Forschung, Bd. CCI).** Darmstadt, 1968.
- Lange E.** Botanische Beiträge zur mitteleuropäischen Siedlungsgeschichte. Ergebnisse zur Wirtschaft und Kulturlandschaft in frühgeschichtlicher Zeit. B., 1971.
- Last M. Altenburg.**— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 1973. Bd. 1.
- Laube A.** Probleme germanischer Adelsentwicklung im 1. und 2. Jh. unter den Aspekt der römischen Beeinflussung.— In: Römer und Germanen in Mitteleuropa / Hrsg. von H. Grünert. 2. Aufl. B., 1976.
- Lüders A.** Eine kartographische Darstellung der römischen Münzschatze in freien Germanien.— Archaeologia Geographica, 1952—1955, 2.
- Lütge F.** Geschichte der deutschen Agrarverfassung von frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. 2. Aufl. (Deutsche Agrargeschichte / Hrsg. von G. Franz, Bd. III). Stuttgart, 1967.
- Mayer E.** Germanische Gesellschaftsverbände und das Problem der Feldgemeinschaft.— ZSSR, GA, 1924, Bd. 44.
- Mildenberger G.** Die thüringischen Brandgräber der spätrömischen Zeit. Köln; Wien, 1970.
- Mildenberger G.** Sozial- und Kulturgeschichte der Germanen. Stuttgart etc., 1972.
- Mogk E. Nerthus.**— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde / Hrsg. von J. Hoops. Straßburg, 1915, Bd. 3.
- Mortensen H.** Die mittelalterliche deutsche Kulturlandschaft und ihr Verhältnis zum Gegenwart.— Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1958, Bd. 45, H. 1.
- Much R.** Der germanische Urwald.— Sudeta, 1928, 2.
- Much R.** Die Germania des Tacitus. 3. Aufl. / Unter Mitarbeit von H. J. Jankuhn, hrsg. von W. Lange. Heidelberg, 1967.
- Müller-Mertens E.** Vom Regnum Teutonicum zum Heiligen Römischen Reich Deutschen Nation.— ZfG, 1963, XI, N 2.
- Müller-Wille M.** Acker- und Flurformen.— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 1973. Bd. 1.
- Müller-Wille M.** Bäuerliche Siedlungen der Bronze- und Eisenzeit in der Nordseegebieten.— In: Das Dorf der Eisenzeit..., 1977.
- Müller-Wille M.** Eisenzeitliche Fluren in den festländische Nordseegebiete. Münster, 1965.
- Neue Ausgrabungen in Deutschland.** B., 1958.
- Norden E.** Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania, 3. Abdruck. Leipzig; Berlin, 1923.
- Ohlhafer H.** Der germanische Schmied und sein Werkzeug. Hamburg, 1939.
- Otto K.-H.** Deutschland in der Epoche der Urgesellschaft. B., 1960.
- Petrikovits H. von.** Das römische Rheinland. Archäologische Forschungen seit 1945. Köln; Opladen, 1960.
- Pfein S. V.** Avunkulat.— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 1973. Bd. 1.
- Phillipotts B. S.** Kindred and Clan in the Middle Ages and After. A Study in the Sociology of the Teutonic Races. Cambridge, 1913.
- Piekarczyk St.** Nitologia germaniska. W-wa, 1979.
- Planitz H.** Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Graz; Köln, 1971.
- Pleiner R.** Bergbau.— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 1976. Bd. 2.
- Raddatz K.** Die Bewaffnung der Germanen in der jüngeren römischen Kaiserzeit.— Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, I. Phil.-hist. Kl., 1967, N 1.
- Raddatz K.** Die germanische Bewaffnung der vorrömischen Eisenzeit.— Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, I. Phil.-hist. Kl., 1966, N 11.
- Radig W.** Die Siedlungstypen in Deutschland und ihre frühgeschichtliche Wurzeln. B., 1955.
- Redlich C.** Erbrecht und Grabbeigaber bei den Germanen.— Forschungen und Fortschritte, 1943, Jg. 24, H. 15/16.
- Rhamm K.** Die Grosshufen der Nordgermanen. Braunschweig, 1905.
- Die Römer an Rhein und Donau.** Zur politischen, wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung in den römischen Provinzen an Rhein, Mosel und oberer Donau im 3. und 4. Jahrhundert. B., 1975.
- Römer und Germanen im Mitteleuropa / Hrsg. von H. Grünert.** 2. Aufl. B., 1976.
- Rønneseth O.** Frühgeschichtliche Siedlungs- und Wirtschaftsformen im südwestlichen Norwegen. Neumünster, 1966.
- Russell J. C.** Late Ancient and Medieval Population.— Transactions of the American Philosophical Society, NS, 1958, vol. 48, N 3.

- Schnrnig H.* Die Bewaffnung der Germanen in der älteren römischen Kaiserzeit, archäologische Bemerkungen zur Germania des Tacitus.— Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte, 1965, 34.
- Schlesinger W.* Randbemerkungen zu drei Aufsätzen über Sippe, Gefolgschaft und Treue.— In: Alteuropa und die moderne Gesellschaft. Festschrift für Otto Brunner. Göttingen, 1963.
- Schlette F.* Zur Besiedlungskontinuität und Siedlungskonstanz in der Urgeschichte.— In: Siedlung, Burg und Stadt. Studien zu ihrer Anfängen / Hrsg. von K.-H. Otto and J. Herrmann. B., 1969.
- Schmitz H.* Die Zeit der Römerherrschaft am Rhein.— In: Das erste Jahrtausend. Kultur und Kunst im werdenden Abendland am Rhein und Ruhr. Düsseldorf, 1963. Textband I.
- Schumacher K.* Römisches Germanien.— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 1915/16. Bd. 3.
- Schützeichel R.* «Dorf». Wort und Begriff.— In: Das Dorf der Eisenzeit..., 1977.
- Steenberg A.* Den danske Landsby. København, 1940.
- Steenberg A.* North West European Plough-types of Prehistoric Times and the Middle Ages.— AA, 1936, VII.
- Steinbach F.* Gewandorf und Einzelhof.— In: Historische Aufsätze Aloys Schulte zum 70. Geburtstag. Düsseldorf, 1927.
- Steinbach A.* Ursprung und Wesen der Landgemeinde nach rheinischen Quellen. Köln; Opladen, 1960.
- Stenberger M., Klindt-Jensen O.* Vallhager, a Migration Period Settlement on Gotland / Sweden. Stockholm; Kopenhagen, 1955, Bd. 1—2.
- Stenberger M.* Eketorp — eine befestigte eisenzeitliche Siedlung auf Öland.— In: Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, I. Phil.-hist. Kl., 1969, N 5.
- Stenberger M.* Öland under äldre järnåldern. Stockholm, 1933.
- Stenberger M.* Remnants of Iron Age Houses of Öland.— AA, 1931, II.
- Steuer H.* Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa. Zur Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials.— In: Geschichtswissenschaft und Archäologie. Untersuchungen zur Siedlungs-, Wirtschafts- und Kirchengeschichte / Hrsg. von H. Jankuhn und R. Wenskus. Sigmaringen, 1979 (Vorträge und Forschungen, Bd. XXII).
- Steuer H.* Historische Phasen der Bewaffnung nach Aussagen der archäologischen Quellen Mittel- und Nordeuropas im ersten Jahrtausend n. Chr.— In: Frühmittelalterliche Studien. B., 1970. Bd. 4.
- Trier J.* First. Über die Stellung des Zauns im Denken der Vorzeit.— Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, 1940, Bd. III, N 4.
- Trier J.* Holz, Etymologien aus dem Niederwald.— Münsterische Forschungen, 1952, 6.
- Turville-Petre E. O. G.* Myth and Religion of the North. L., 1964.
- Uslar R. V.* Burg.— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 1981. Bd. 4.
- Uslar R. V.* Germanische Sachkultur in den ersten Jahrhunderten nach Christus. Köln; Wien, 1975.
- Vries J. de.* Altgermanische Religionsgeschichte. 3. Aufl. B., 1970. Bd. 1.
- Weber M.* Der Streit um den Charakter der altgermanischen Sozialverfassung in der deutschen Literatur des letzten Jahrzehnts.— In: Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Tübingen, 1924.
- Wenskus R.* Adel.— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 1973. Bd. 1.
- Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der früh-mittelalterlichen Gentes. Köln; Graz, 1961.
- Werner J.* Zur Entstehung der Reihengräberzivilisation.— Archaeologia Geographica, 1950, I, H. 2.
- Wopfner H.* Beiträge zur Geschichte der älteren Markgenossenschaft.— MIOG, 1912—1913, Bd. 33—34.
- Wort und Begriff «Bauer»* / Hrsg. von R. Wenskus, H. Jankuhn, K. Grinda. Göttingen, 1975.
- Währer K.* Agrarverfassung.— In: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 1973. Bd. 1.
- Währer K.* Die schwedischen Landschaftsrechte und Tacitus' Germania.— ZSSR, GA, 1959, Bd. 76.

ГЛАВА 4

- Грацианский Н. П.* Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.
- Корсунский А. Р.* Готская Испания. М., 1969.
- Корсунский А. Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.

Библиография

- Корсунский А. Р.* О развитии феодальных отношений в готской Испании V—VII вв. (формирование зависимого крестьянства).— СВ, 1957, вып. X.
- Корсунский А. Р.* О социальном строе вестготов в IV в.— ВДИ, 1965, № 3.
- Корсунский А. Р.* Рабы и вольноотпущенники в вестготском государстве VI—VII вв.— СВ, 1953, вып. IV.
- Корсунский А. Р.* Условия поселения вестготов в Южной Галлии и Испании.— СВ, 1964, вып. 25.
- Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. М., 1967.
- Миальская Л. Т.* Светская вотчина в Германии VIII—IX вв. и ее роль в закреплении крестьянства. М., 1957.
- Неусыгин А. И.* К вопросу о первом этапе процесса возникновения феодально-зависимого крестьянства как класса.— СВ, 1955, вып. VI.
- Неусыгин А. И.* Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.).— В кн.: Из истории социально-политических идей: Сб. статей к 75-летию акад. В. П. Волгина. М., 1955.
- Неусыгин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
- Неусыгин А. И.* К вопросу об эволюции форм семьи и земельного аллода у алеманнов в VI—IX вв.— СВ, 1956, вып. VIII.
- Неусыгин А. И.* Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 1.— СВ, 1960, вып. XVII.
- Неусыгин А. И.* Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 2.— СВ, 1962, вып. 21.
- Неусыгин А. И.* Судьбы свободного крестьянства в Германии VIII—XII вв. М., 1964.
- Неусыгин А. И.* Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 4.— СВ, 1967, вып. 30.
- Неусыгин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья).— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1.
- Неусыгин А. И.* От античности к средневековью.— В кн.: История Италии. М., 1970, т. 1.
- Неусыгин А. И.* Крестьянские движения в Саксонии в IX—XI вв.— В кн.: Ежегодник германской истории, 1973. М., 1974.
- Неусыгин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
- Романова Е. Д.* Прекарий на землях Сен-Галленского аббатства в VIII—IX вв.— СВ, 1959, вып. XV.
- Adel und Bauern im deutschen Staat des Mittelalters / Hrsg. von Th. Mayer. Leipzig, 1943.*
- Bergengruen A.* Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich. Wiesbaden, 1958.
- Beyerle F.* Die Gesetze der Burgunden. Weimar, 1936.
- Beyerle F.* Die Gesetze der Langobarden. Weimar, 1947.
- Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1906.
- Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters / Hrsg. von H. Jankuhn, R. Schützel, F. Schwind. Göttingen, 1977.*
- Franz G.* Geschichte des deutschen Bauernstandes vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1970.
- Ganshof F. L.* Was waren die Kapitularien? Weimar, 1961.
- Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte / Hrsg. von A. Erlar und E. Kaufmann. B., 1964.*
- Heck Ph.* Die Gemeinfreien der karolingischen Volksrechte. Halle, 1900.
- Heck Ph.* Die Standgliederung der Sachsen im frühen Mittelalter. Tübingen, 1927.
- Irsigler F.* Untersuchungen zur Geschichte des frühfränkischen Adels. Bonn, 1969.
- Jäkel K.* Libertas. Der Begriff der Freiheit in den Germanenrechten der Westgoten, Langobarden und Burgunden.— In: Festgabe für H. Aubin. Hamburg, 1950.
- Karl der Grosse. Lebenswerk und Nachleben / Hrsg. von H. Beumann, Düsseldorf, 1963. Bd. 1.*
- Lintzel M.* Ausgewählte Schriften. B., 1961. Bd. 1.
- Lütge F.* Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 2. Aufl. Berlin; Göttingen; Heidelberg, 1960.
- Mayer E.* Germanische Geschichtsverbände und das Problem der Feldgemeinschaft.— ZSSR, GA, 1924, Bd. 44.
- Metz W.* Das karolingische Reichsgut. B., 1960.
- Pertile A.* Storia del diritto italiano della caduta del' Impero romano alla codificazione. Torino, 1896. Vol. 1.
- Richtshofen K.* Friesische Rechtsquellen. B., 1840.

Библиография

- Richtshofen K.* Untersuchungen zur friesischen Rechtsgeschichte. B., 1880. Bd. II.
Seeliger G. Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter. Leipzig, 1903.
Vinogradoff P. Wergeld und Stand.— ZSSR, GA, 1902, Bd. 23.
Wernli F. Studien zur mittelalterlichen Verfassungsgeschichte.— Mettmensstetten, 1959—1960, H. 1—2.
 Wort und Begriff «Bauer» / Hrg. von R. Wenskus, H. Jankuhn, K. Grinda. Göttingen, 1975.

ГЛАВА 5

- Абрамсон М. Л.* Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—XI вв.).— ВВ, 1953, т. VII.
Абрамсон М. Л. О роли арендных отношений в социально-экономическом развитии Южной Италии (IX—XI вв.).— В кн.: Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959.
Абрамсон М. Л. Вотчина в Южной Италии IX—XI вв.— В кн.: ВО. М., 1961.
Арский И. В. Реконкиста и колонизация в истории средневековой Каталонии.— В кн.: Культура Испании. М.; Л., 1940.
Арский И. В. Очерки по истории средневековой Каталонии до соединения с Арагоном. Л., 1941.
Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.
Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880.
Грацианский Н. П. Бургундская деревня в X—XII столетиях. М.; Л., 1935.
Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898. Т. 1.
Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969.
Корсунский А. Р. История Испании IX—XIII вв. М., 1976.
Корсунский А. Р. О крестьянских общинных организациях в Астурии, Леоне и Кастилии в IX—XIII вв.— В кн.: Проблемы аграрной истории с древнейших времен до XVIII в. включительно. Минск, 1978, ч. 1.
Котельникова Л. А. Либелларии Северной и Средней Италии в VIII—X вв.— СВ, 1967, вып. X.
Котельникова Л. А. О формах общинной организации северо-итальянского крестьянства в IX—XII вв.— СВ, 1960, вып. XVII.
Луццатто Дж. Экономическая история Италии. М., 1954.
Мильская Л. Т. Очерки из истории деревни в Каталонии X—XII вв. М., 1962.
Мильская Л. Т. К вопросу о характере землевладения в Астурии IX—XII вв.— СВ, 1967, вып. 30.
Неусызин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
Пискорский В. К. История Испании и Португалии. СПб., 1909.
Серовайский Я. Д. Изменения аграрного строя на территории Бургундии в V в.— СВ, 1959, вып. XVI.
Серовайский Я. Д. Играла ли мелкая собственность доминирующую роль в бургундской деревне X—XII столетий?— Учен. труды Казах. гос. ун-та, серия истор. Алма-Ата, 1967.
Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
Удальцов А. Д. Свободная деревня в Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов. СПб., 1912.
Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.
Удальцова З. В. Рабство и колонат в византийской Италии во второй половине VI—VII в.— В кн.: ВО. М., 1961.
Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.
Филиппов И. С. Церковная вотчина в Провансе начала IX в.— СВ, 1980, вып. 43.
Фюстель де Куланж Н. Д. История общественного строя древней Франции. СПб., 1904. Т. 2; СПб., 1907. Т. 4.
 Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto medioevo. Spoleto, 1966.
Bader K. S. Das mittelalterliche Dorf als Friedens- und Rechtsbereich. Weimar, 1957. Bd. 1.
Barbero A., Vigil M. La formación del feudalismo en la Península Ibérica. Barcelona, 1979.
Barran-Ditigo L. Chartes de l'église de Valpuesta du IX au XI ss.— RH, 1900, t. 7.
Beyerle F. Die Gesetze der Langobarden. Weimar, 1947.

Библиография

- Bloch M.* La société féodale. P., 1919.
Bloch M. Mélanges historiques. P., 1970.
Bonnassie P. La Catalogne du milieu du Xe à la fin du XIe siècle. Toulouse, 1975—1976. T. 1—2.
Boutruche R. Seigneurie et féodalité. P., 1968.
 The Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1966, v. V, part 1.
 Caratteri del secolo VII in Occidente. Spoleto, 1958. T. 1—2.
Carlé M. del C. Del Concejo medieval Castellano-Leonés. Buenos-Aires, 1968.
Cavanna A. Fara, sala, arimannia nella storia di un vico longobardo. Milano, 1967.
Déléage A. La vie économique et sociale de la Bourgogne dans le haut moyen âge. V. 1.
Duby G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. P., 1962. T. 1—II.
Dufourcq Ch.-E., Gautier-Dalché J. Histoire économique et sociale de l'Espagne chrétienne au Moyen Age. P., 1976.
Endres R. Das Kirchengut im Bistum Lucca vom 8. bis 10. Jahrhundert.— VSWG, 1918, Bd. XIV.
Fasoli G. Aspetti di vita economica e sociale nell'Italia del secolo VII.— In: Caratteri del secolo VII. Spoleto, 1960.
Fasoli G. I longobardi in Italia. Bologna, 1965.
Felru Monfort G. El condado de Barcelona en los siglos IX y X Organización territorial y económico-social.— Cuadernos de historia económica de Cataluña. Barcelona, 1972, № 7.
Floriano A. C. Diplomática española del periodo Astur. Oviedo, 1949. T. 1.
Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval. P., 1970.
Fournier G. L'Occident de la fin du Ve siècle à la fin du IXe siècle. P., 1969.
Fournier G. Le peuplement rural en Basse Auvergne durant le Haut Moyen Age. P., 1962.
Gamillscheg E. Romania Germanica. B., 1935, Bd. II.
Gansco G. Sobre los fueros del Valle de Peñar, Castrocabón y Pajares... — AHDE, 1924, t. 1.
García Gallo A. La historiografía jurídica contemporánea.— AHDE, 1954, t. XXIV.
Grand R., Delatouche R. L'agriculture au Moyen Age de la fin de l'Empire romain au XVIe siècle. P., 1950.
Guglielmi N. La dependencia del campesino no-propietario.— Anales de historia antigua y medieval, 1967, v. 13.
Halban A. Das römische Recht in den deutschen Volksstaaten. Breslau, 1901. Teil 2.
Hartmann L. Geschichte Italiens im Mittelalter. Leipzig, 1910. Bd. II, Teil 1.
Hübner R. Grundzüge des deutschen Privatrechts. Leipzig, 1908.
Jones A. H. M. The Later Roman Empire, Oxford, 1964. V. II.
Kiener F. Verfassungsgeschichte der Provence seit der Ostgotenherrschaft bis zur Errichtung des Konsulats. Leipzig, 1900.
Latouche R. Les origines de l'économie occidentale (IVe—XIe siècles). P., 1956.
Leicht P. S. Operai, artigiani, agricoltori in Italia dal secolo VI al XVI. Milano, 1946.
Leicht P. S. Livellarino nomino. Scritti vari di storia del diritto italiano. Milano, 1948. V. II, t. II.
Levy E. West Roman Vulgar Law. The Law of Property. Philadelphia, 1951.
Levy E. Weströmisches Vulgarrecht. Das Obligationenrecht. Weimar, 1956.
Lewis A. R. The Development of Southern French and Catalan Society. Austin, 1965.
Luzzatto G. Dai servi della gleba agli albori del capitalismo. Bari, 1966.
Melicher Th. Der Kampf zwischen Gesetzes- und Gewohnheitsrecht im Westgotenreiche. Weimar, 1930.
Mommsen Th. Die Bewirtschaftung der Kirchengüter unter Papst Gregor I.— In: Mommsen Th. Gesammelte Schriften. B., 1907. Bd. 3.
Mor C. C. L'età feudale. Milano, 1952. Vol. 2.
Njeussyehin A. J. Die Entstehung der abhängigen Bauernschaft als Klasse der frühfeudalen Gesellschaft in Westeuropa von 6. bis 8. Jahrhundert. B., 1961.
Perrin O. Les Bourgondes. Neuchâtel, 1968.
Previté-Orton C. W. The Shorter Cambridge Medieval History. Cambridge, 1952. V. 1.
Reinhart W. Historia general del reino hispánico de los suevos. Madrid, 1953.
Rouche M. L'Aquitaine des Wisigoths aux Arabes. Lille, 1977. T. I—II.
Sánchez-Albornoz Cl. Pequeños propietarios libros en el reino asturleonés. Su realidad histórica.— In: Agricultura e monde rurale in Occidente nell'alto medioevo. Spoleto, 1966.
Sánchez-Albornoz Cl. Las behetrias: La encomendación en Asturia. León y Castilla.— In: AHDE, 1924, t. 1.
Schmidt L. Die Ostgermanen. München, 1969.
Schneider F. Die Reichsverwaltung in Toscana von der Gründung des Langobardenreiches bis zum Ausgang der Staufer. Rom, 1914. Bd. 1.

Библиография

- Séclès H.* Les classes rurales et le régime domanial en France au Moyen Age. P., 1901.
Tagliaferrri A. Le diverse fase dell'economia longobarda con particolare riguardo al commercio internazionale.— In: Problemi della civiltà e dell'economia longobarda. Scritti in memoria di G. P. Bognetti. Milano, 1964.
Valdeavellano L. Juniores.— Diccionario de historia de España. Madrid, 1968. V. II.
Verlinden Ch. Le grand domaine dans les Etats ibériques.— In: Recueils de la société Jean Bodin. Wetteren, 1949, IV.
Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe médiévale. Brugge, 1955. T. 1.
Verriest L. Institutions médiévales. Gent, 1946. T. 1.

ГЛАВА 6

- Барс М. А.* Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.
Бессмертный Ю. Л. Некоторые проблемы социально-политической истории периода Каролингов в современной западноевропейской медиевистике.— СВ, 1964, вып. 26.
Бессмертный Ю. Л. Крестьянская семья во Франции IX в.: (Заметки о статье Э. Коулиен «Детоеубийство в раннее средневековье»).— СВ, 1975, вып. 39.
Бессмертный Ю. Л. Основные формы феодальной зависимости крестьянства в Европе раннего средневековья и их особенности в западном и средиземноморском регионах.— В кн.: Страны Средиземноморья в Средние века. Горький, 1975, вып. 2.
Бессмертный Ю. Л. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа.— СВ, 1980, вып. 43.
Бессмертный Ю. Л. К демографическому изучению французской деревни IX в.: (Люди и имена).— СА, 1981, № 2.
Бессмертный Ю. Л. Современная западноевропейская историография о развитии производительных сил в средневековом земледелии. М., 1981.
Бессмертный Ю. Л. Некоторые дискуссионные вопросы генезиса феодализма на территории Франции.— СВ, 1984, вып. 47.
Бломин В. А. К изучению динамики сельского населения на территории Франции IX в.— СВ, 1984, вып. 47.
Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.
Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
Гутнова Е. В. Историография средних веков (середина XIX в.— 1917 г.). М., 1974.
Гюнтер Р. Завоевание франками Северной Галлии. Возникновение и развитие Франкского королевства до середины VI в.— В кн.: Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.
Данилов А. Я. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958.
Данилов А. Я., Неусызин А. И. О новой теории социальной структуры раннего средневековья в буржуазной медиевистике ФРГ.— СВ, 1960, вып. 18.
Корсунский А. Р. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв.— ВДИ, 1954, № 2.
Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
Корсунский А. Р. О статусе франкских колонов.— СВ, 1969, вып. 32.
Корсунский А. Р. Проблемы аграрного строя и аграрной политики Западной Римской империи (IV—V вв.).— ВДИ, 1980, № 2.
Косминский Е. А. Историография средних веков. V в.— середина XIX в. М., 1963.
Люблинская А. Д. Источники в смежных с историей науках (по материалам зарубежной медиевистики).— В кн.: Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979.
Мильская Л. Т. Светская вотчина в Германии VIII—IX вв. и ее роль в закреплении крестьянства. М., 1957.
Неусызин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
Неусызин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964.
Неусызин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья).— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
Неусызин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
Нифонтов А. С. Реймский политик как источник по изучению поместного строя раннего средневековья.— Учен. зап. Ин-та истории РАН ИОН, 1928, т. VI.

Библиография

- Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
- Рожанова Е. Д. Прекарный на землях Сек-Галленского аббатства в VIII—IX вв.— СВ, 1959, вып. 15.
- Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
- Сюжков М. Я. Дофеодалный период.— В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1972. Вып. 3.
- Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970.
- Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.
- Штаерман Е. М. Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978.
- Abel W. Landwirtschaft und ländliche Gesellschaft in Deutschland.— In: Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto medioevo. Spoleto, 1966.
- Agache R. La campagne à l'époque romaine dans les grandes plaines du Nord de la France.— In: Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. B.; N. Y., 1975.
- Agache R. La Somme pré-romaine et romaine. Amiens, 1978.
- Bergengruen A. Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich. Wiesbaden, 1958.
- Bessmertnyj Ju. L. Ludzie i imiona: Z badań nad demografią wsi francuskiej IX. w.— Kwartalnik Historii Kultury Materialnej, 1980, N 2.
- Bloch M. Mélanges historiques. P., 1963. T. 1.
- Bösl K. Potens und Pauper.— In: Alt-Europa und die moderne Gesellschaft. Göttingen, 1963.
- Boutruche R. Une société provinciale en lutte contre le régime féodal. Rodez, 1943.
- Boutruche R. Seigneurie et féodalité. P., 1968. T. 1.
- Bregi J.-F. Recherches sur la démographie rurale et les structures sociales au IXe siècle. Dactylographie. Nanterre, 1975.
- Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1906, Bd. I.
- Chapelot J., Fossier R. Le village et la maison au Moyen Age. P., 1980.
- Chouquer G., Favory F. Contribution à les recherches des cadastres antiques. P., 1980.
- Coleman E. R. L'infanticide dans le Haut Moyen Age.— Annales (Economies. Sociétés. Civilisations), 1974, N 2.
- Corbier M. Grand domaine et petite exploitation: la Gaule du Nord à l'époque romaine.— Rapport préparatoire, VIIIe Congrès International d'histoire économique. B., 1982.
- Deletang H. Contribution de la photographie aérienne à l'étude des villes gallo-romaines du sud de Beaucé.— Caesarodunum, 1982, t. 17.
- Dochaerd R. Le Haut Moyen âge occidental: économies et sociétés. P., 1971.
- Duby G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. P., 1962. T. 1.
- Duby G. Le problème des techniques agricoles.— In: Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto medioevo. Spoleto, 1966.
- Duby G. Guerriers et paysans. VIIe—XIIe siècle. Premier essor de l'économie européenne. P., 1973.
- Fossier R. La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIIIe siècle. P.; Louvain, 1968. T. I—II.
- Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval. P., 1970.
- Fossier R. Enfance de l'Europe. Aspects économiques et sociaux. P., 1982, T. 1—2.
- Fournier G. L'Occident de la fin du Ve siècle à la fin du IXe siècle. P., 1969.
- Fourquin G. Histoire économique de l'Occident médiéval. P., 1969.
- Fourquin G. Le premier Moyen Age.— In: Histoire de la France rurale. P., 1975. T. 2.
- Ganshof F. L. Quelques aspects, principaux de la vie économique dans la Monarchie franque au VIIe siècle.— In: Caratteri del secolo VII in Occidente. Spoleto, 1958.
- Guérard B. Polyptique de l'abbaye de Saint-Germain des Prés, Prologomènes. P., 1843. Vol. I.
- Günther R. Zur Entstehung des Feudalismus bei den Franken.— ZfG, 1972, N 4.
- Jacques F. Les centuriations romaines de la cité des Rèmes.— Revue du Nord, 1979, N 43.
- Jalmain D. Vici de la région parisienne.— Caesarodunum, 1977, t. 11.
- Hatt J. J. Histoire de la Gaule romaine (120 avant J.-C.— 451 après J.-C.): Colonisation ou colonialisme? P., 1966.
- Higounet Ch. Les forêts de l'Europe occidentale du Ve au XIe siècle.— In: Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto medioevo. Spoleto, 1966.
- Holmgren J. et Leday A. L'implantation des villas gallo-romaines dans la Champagne berrichonne.— Caesarodunum, 1982, t. 17.
- Latouche R. De la Gaule romaine à la Gaule franque.— In: Il passaggio dall'antichità al medioevo in Occidente. Spoleto, 1962.
- Le Glay M. La Gaule romanisée.— In: Histoire de la France rurale. P., 1975. T. I.
- Lemariquier J. Les actes de droit.— Revue Internationale, 1950.

Библиография

- Lemarignier J.-F.* Quelques remarques sur l'organisation ecclésiastique de la Gaule du VIIe à la fin IXe siècle principalement au nord de la Loire.— In: *Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto medioevo*. Spoleto, 1966.
- Lemarignier J.* La France médiévale: institution et société. P., 1970.
- Lot F.* Conjectures démographiques sur la France au IXe siècle.— *Le Moyen Age*, 1921.
- Müller-Mertens E.* Karl der Grosse, Ludwig der Fromme und die Freien. B., 1963.
- Perrin Ch.-E.* La seigneurie rurale en France et en Allemagne du début du IXe à la fin du XIIe siècle. P., 1951. T. 1.
- Petry F.* Vici, villas et villages.— *Caesarodunum*, 1982, t. 17.
- Roosens H.* Laeti, foederati und andere spätrömische Bevölkerungsniederschläge im Belgischen Raum.— *Archaeologia Belgica*, 1968, N 104.
- Rouche M.* Les premiers frémissements de l'Europe.— In: *Le Moyen Age*. P., 1982. T. I.
- Rouche M.* La dotation foncière de l'abbaye de Corbie.— *Revue du Nord*, 1973.
- Russell J. C.* Late Ancient and Medieval Population.— *Transactions of the American Philosophical Society*, 1958, vol. 48, part 3.
- Russell J.-C.* Aspects démographiques des débuts de la Féodalité.— *Annales (Economies, Sociétés, Civilisations)*, 1965, N 6.
- Salin E.* La civilisation mérovingienne. P., 1959. T. IV.
- Toubert P.* L'Italie rurale aux XIII—IXe siècles: Essai de typologie domaniale.— In: *I problemi dell'Occidente nel secolo VIII*. Spoleto, 1973.
- Verhulst A.* Le genèse du régime domaniale classique en France au Haut Moyen Age.— In: *Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto medioevo*. Spoleto, 1966.
- Wankenne A.* La Belgique à l'époque romaine. Bruxelles, 1972.
- Wartburg W. von.* Die Entstehung der romanischen Völker. Tübingen, 1951.
- Werner K. F.* Bedeutende Adels Familien im Reich Karl des Grossen.— In: *Karl der Grosse. Lebenswerk und Nachleben*. Düsseldorf, 1967. Bd. I.

ГЛАВА 7

- Барс М. А.* Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962.
- Барс М. А.* Проблема генезиса средневековой сеньории в современной буржуазной историографии.— В кн.: *Проблемы экономического и политического развития стран Европы в средние века и античную эпоху (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 294)*. М., 1969.
- Барс М. А.* Об одной концепции происхождения свободного крестьянства в средние века.— В кн.: *История и историки: Историкографический ежегодник 1971*. М., 1973.
- Барс М. А.* Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиэвистики. М., 1973.
- Бессмертный Ю. Л.* Социально-экономическое положение зависимого крестьянства Среднерейнской Германии по данным Прюмского полиптика (IX в.)— *СВ*, 1957, вып. X.
- Вейс В. Д.* К вопросу о природе фогтства в Германии X—XII веков.— *Ист. зап.*, 1946, т. 19.
- Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Данилов А. И.* К вопросу о роли светской вотчины в эпоху феодализма.— *СВ*, 1958, вып. XII.
- Данилов А. И.* К вопросу эволюции фогтства как одной из форм права феодальной собственности.— *Тр. Томск. ун-та*, 1948, т. 103.
- Данилов А. И.* К критике допшванской концепции раннесредневековой вотчины.— *СВ*, 1957, вып. IX.
- Данилов А. И.* Немецкая деревня второй половины VIII — начала IX в. в бассейне нижнего течения Неккара (по материалам Лоршского картулярия).— *СВ*, 1956, вып. VIII.
- Данилов А. И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958.
- Данилов А. И., Неусыгин А. И.* О новой теории социальной структуры раннего средневековья в буржуазной медиэвистике ФРГ.— *СВ*, 1960, вып. XVIII.
- Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. М., 1980.
- Колганов М. В.* Собственность: Докапиталистические формации. М., 1961.
- Колесницкий Н. Ф.* Исследование по истории феодального государства в Германии (IX — первая половина XII века). М., 1959.
- Корсунский А. Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
- Мильская Л. Т.* К вопросу о трактовке проблемы сельской общины в современной историографии ФРГ.— *СВ*, 1975, вып. 38.

Библиография

- Мильская Л. Т.* Некоторые проблемы формирования крестьянства раннефеодальной Германии.— СВ, 1976, вып. 40.
- Мильская Л. Т.* Светская вотчина в Германии VIII—IX вв. и ее роль в закреплении крестьянства. М., 1957.
- Мильская Л. Т.* Социальный состав деревни в Юго-Западной Германии в VIII—IX вв.— СВ, 1955, вып. VII.
- Мильская Л. Т.* Средневековая деревня в трехтомном труде К. З. Бадера.— СВ, 1977, вып. 41.
- Неусыгин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
- Неусыгин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья).— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1. См. также: ВИ, 1967, № 1.
- Неусыгин А. И.* Исторический миф третьей империи.— Учен. зап. МГУ, 1945, № 81.
- Неусыгин А. И.* Крестьянские движения в Саксонии в IX—XI вв.— В кн.: Ежегодник германской истории, 1973. М., 1974.
- Неусыгин А. И.* Реп. на кн.: Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе.— СВ, 1966, вып. 29.
- Неусыгин А. И.* Реп. на кн.: Hauck K. Die geschichtliche Bedeutung der germanischen Auffassung von Königtum und Adel.— СВ, 1961, вып. XX.
- Неусыгин А. И.* Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964.
- Романова Е. Д.* Прекарий на землях Свв-Галленского аббатства в VIII—IX вв.— СВ, 1959, вып. XV.
- Серовайский Я. Д.* Борьба французских крестьян против феодального освоения лесов в X—XIII вв.— СВ, 1980, вып. 43.
- Трошкова Г. В.* Природа вотчинной власти в Германии X—XII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1941.
- Abel W.* Geschichte der deutschen Landwirtschaft. Stuttgart, 1962.
- Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen.* Konstanz; Stuttgart, 1964. Bd. I—II.
- Bader K. S.* Studien zur Rechtsgeschichte des mittelalterlichen Dorfes. Weimar, 1957. Teil 1; Weimar, 1962. Teil 2; Wien; Köln; Graz, 1973. Teil 3.
- Bartmuß H. J.* Die Geburt des ersten deutschen Staates. B., 1966.
- Bartmuß H. J.* Zum Verhältnis zwischen Sachsen und Franken im 9. und zu Beginn des 10. Jahrhunderts.— In: Germanen — Slawen — Deutsche: Forschungen zu ihrer Ethnogenese. B., 1969.
- Bentzen Ü.* Bauernarbeit im Feudalismus. B., 1980.
- Bergengruen A.* Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich. Wiesbaden, 1958.
- Bleiber W.* Politische Macht und sozialökonomische Grundlagen bei der Ausbildung feudaler Verhältnisse in West- und Mitteleuropa.— ZfG, 1973, N 7.
- Bosl K.* Franken um 800: Strukturanalyse einer fränkischen Königsprovinz. 2. Aufl. München, 1969.
- Bosl K.* Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa. München; Wien, 1964.
- Brunner O.* Land und Herrschaft: Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Südostdeutschlands im Mittelalter. Wien, 1939.
- Buchda G.* Die Dorfgemeinde im Sachsenspiegel.— In: Die Anfänge der Landgemeinde... Stuttgart, 1964. Bd. II.
- Conrad H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Karlsruhe, 1962. Bd. I. Frühzeit und Mittelalter.
- Dannenbauer H.* Grundlagen der mittelalterlichen Welt. Stuttgart, 1958.
- Donat P.* Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7.—12. Jahrhundert: Archäologische Beiträge zur Entwicklung und Struktur der bäuerlichen Siedlung. B., 1980.
- Donat P., Ullrich H.* Einwohnerzahlen und Siedlungsgröße der Merowingerzeit.— ZfA, 1971, N 5.
- Dopsch A.* Herrschaft und Bauer in der deutschen Kaiserzeit. Jena, 1939.
- Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters.* Siedlungsformwirtschaftliche Funktion — soziale Struktur / Hrsg. von H. Jankuhn, R. Schützeichel, F. Schwind. Göttingen, 1977.
- Eggert W.* Das ostfränkisch-deutsche Reich in der Auffassung seiner Zeitgenossen. B., 1973.
- Eppertlein S.* Herrschaft und Volk im Karolingischen Imperium. B., 1969.
- Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte / Hrsg. von H. Aubin und W. Zorn.* Stuttgart, 1971. Bd. I.
- Herrmann J.* Sozialökonomische Grundlagen und gesellschaftliche Triebkräfte für die Herausbildung des deutschen Feudalstaates.— ZfG, 1971, N 6.
- Hirsch H.* Die hohe Gerichtsbarkeit im deutschen Mittelalter. Weimar, 1958.
- Jankuhn G.* Einführung in die Siedlungsarchäologie. B.; N. Y., 1977.

- Jankuhn G.*— In: Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters, 1975, Jg. 3. (Diskussionsbemerkungen).
- Janssen W.* Dorf und Dorfformen des 7. bis 12. Jahrhunderts im Lichte neuer Ausgrabungen in Mittel- und Nordeuropa.— In: Das Dorf der Eisenzeit..., 1977.
- Jäger H.* Das Dorf als Siedlungsform und seine wirtschaftliche Funktion.— In: Das Dorf der Eisenzeit..., 1977.
- Krause H.* Die liberi der lex Baiuvariorum.— In: Festschrift für Max Spindler zum 75. Geburtstag. München, 1969.
- Meitz W.* Das karolingische Reichsgut. B., 1960.
- Müller-Mertens E.* Die Genesis der Feudalgesellschaft im Lichte schriftlicher Quellen.— ZfG, 1964, N 8.
- Müller-Mertens E.* Karl der Grosse, Ludwig der Fromme und die Freien. B., 1963.
- Müller-Mertens E.* Der Stellingaaufland.— ZfG, 1972, N 7.
- Rudolf H.-U.* Grundherrschaft und Freiheit im Mittelalter. Düsseldorf, 1976.
- Schlesinger W.* Archäologie des Mittelalters in der Sicht des Historikers.— ZfA, 1974, N 2.
- Schlesinger W.* Bäuerliche Gemeindebildung in den mitteldeutschen Ländern im Zeitalter der mittelalterlichen deutschen Ostbewegung.— In: Die Anfänge der Landgemeinde..., Bd. II.
- Schmidt-Wiegand R.* Das Dorf nach den Stammesrechten des Kontinents.— In: Das Dorf der Eisenzeit..., 1977.
- Schwind F.* Beobachtungen zur inneren Struktur des Dorfes in karolingischer Zeit.— In: Das Dorf der Eisenzeit..., 1977.
- Seeltiger G.* Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter. Leipzig, 1903.
- Steinbach F.* Ursprung und Wesen der Landgemeinde nach rheinischen Quellen.— In: Die Anfänge der Landgemeinde..., Bd. II.
- Stern L., Bartmuss H. J.* Deutschland in der Feudalepoche von der Wende des 5/6. Jahrhunderts bis zur Mitte des 11. Jahrhunderts. B., 1964.
- Störmer W.* Eine Adelsgruppe um die Fuldaer Abti Sturm und Eigil und den Holzkirchener Klostergründer Troand.— In: Gesellschaft und Herrschaft. Forschungen zu sozial- und landesgeschichtlichen Problemen vornehmlich in Bayern: Eine Festgabe für K. Bosl zum 60. Geburtstag. München, 1969.
- Wort und Begriff «Bauer»/Hrsg. von R. Wenskus, H. Jankuhn, K. Grinda.* Göttingen, 1975.

ГЛАВА 8

- Варс М. А.* Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962.
- Гуревич А. Я.* Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства.— СВ, 1953, вып. 4.
- Гуревич А. Я.* Из истории имущественного расслоения общинников в процессе феодального развития Англии.— СВ, 1955, вып. 7.
- Гуревич А. Я.* Английское крестьянство в X — начале XI в.— СВ, 1957, вып. 9.
- Гуревич А. Я.* Англосаксонский фольклор и древнорвежский одадь; (Опыт сравнительной характеристики дофеодальных форм землевладения).— СВ, 1967, вып. 30.
- Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947.
- Косминский Е. А.* Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963.
- Савело К. Ф.* Раннефеодальная Англия. Л., 1977.
- Соколова М. Н.* Поместье в Англии до Нормандского завоевания.— СВ, 1971, вып. 33.
- The Agrarian History of England and Wales / Ed. by H. P. R. Finberg.* Cambridge, 1972. Vol. 1—2.
- Aston T. H.* The Origins of the Manor in England.— Transactions of the Royal Historical Society, 5th ser., 1958, vol. 8.
- Braude J.* Die Familiengemeinschaften der Angelsachsen. Leipzig, 1932.
- Chadwick H. M.* Studies on Anglo-Saxon Institutions. Cambridge, 1905.
- Chadwick H. M.* Origin of English Nation. L., 1907.
- Collingwood R. G., Myres J. N. L.* Roman Britain and the English Settlement. 2nd ed. Oxford, 1937.
- Davis R. H. C.* East Anglia and the Danelaw.— Transactions of the Royal Historical Society, 5th ser., 1955, vol. 5.
- Duby G.* Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. P., 1978.
- Ekwall E.* The Concise Oxford Dictionary of English Place-Names. Oxford, 1936.
- Ekwall E.* English Place-Names in -ing. 2nd ed. Lund, 1952.
- Finberg H. P. R.* Roman and Saxon Withington. Leicester, 1955.
- Freeman E.* The History of the Norman Conquest of England. Oxford, 1877. Vol. II.

- Gray H. L. English Field Systems. Cambridge (Mass.), 1915.
 An Historical Geography of England / Ed. by H. C. Darby. Cambridge, 1951.
 Hollister C. W. Anglo-Saxon Military Institutions on the Eve of the Norman Conquest. Oxford, 1962.
 John E. Orbis Britanniae and other Studies. Leicester, 1966.
 Kemble J. M. The Saxon in England. L., 1849. Vol. I.
 Lancaster L. Kinship in Anglo-Saxon Society.—The British Journal of Sociology, 1958, vol. IX, N 3—4.
 Leo H. Rectitudines singularum personarum nebst einer einleitenden Abhandlung über Landsiedlung, Landban, gutherrliche und bäuerliche Verhältnisse der Angelsachsen. Halle, 1842.
 Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. 2. Aufl. Aalen, 1960. Bd. I—III.
 Levison W. England and the Continent in the Eighth Century. Oxford, 1948.
 McGovern J. F. The Meaning of «gesettes land» in Anglo-Saxon Land Tenure.—Speculum, 1971, vol. XLVI, N 4.
 Mailland F. W. Domesday Book and Beyond. Cambridge, 1897.
 Phillpotts B. S. Kindred and Clan in the Middle Ages and after. Cambridge, 1913.
 Seebohm F. The English Village Community. 4th ed. L., 1905.
 Stenton F. M. Preparatory to Anglo-Saxon England. Oxford, 1970.
 Stenton F. M. Anglo-Saxon England. 3rd ed. Oxford, 1971.
 Thirsk J. The Common Fields.— Past and Present, 1964, N 29.
 Vinogradoff P. Villainage in England. Oxford, 1892.
 Vinogradoff P. English Society in the Eleventh Century. Oxford, 1908.
 Vinogradoff P. The Growth of the Manor. 2nd ed. Oxford, 1911.
 Vinogradoff P. The Collected Papers. Oxford, 1928. Vol. I.

ГЛАВА 9

- Анохин Г. И. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971.
 Бессмертный Ю. Л. Северофранцузский серваж: (К изучению общего и особенного в формах феодальной зависимости крестьян).—СВ, 1971, вып. 33.
 Гуревич А. Я. Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тысячелетии н. э. в свете данных археологии и топонимики.—СА, 1960, № 4.
 Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.
 Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.
 Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
 Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., 1977.
 История Норвегии. М., 1980.
 История Швеции. М., 1974.
 Ковалевский С. Д. Шведские областные законы как исторический источник.—СВ, 1971, вып. 33.
 Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.
 Ольсейрссон Эйнар. Из прошлого исландского народа. М., 1957.
 Сванидзе А. А. Зависимое крестьянство Швеции до конца классического средневековья.—ВИ, 1984, № 2.
 Andersen P. S. Samlingen av Norge og kristningen av landet, 800—1130. Bergen; Oslo; Tromsø, 1977.
 Andrae C. G. Kyrka och frälsa i Sverige under äldre medeltid. Uppsala, 1960.
 Bull Edv. Folk og kirke in middelalderen. Studier til Norges historie. Kristiania og København, 1912.
 Christensen A. E. Kongemagt og aristokrati. København, 1968.
 Christensen A. E. Vikingetidens Danmark. København, 1969.
 Dovring F. Agrarhistorisk forskning och svensk medeltidshistoria.—Historisk tidskrift, Stockholm, 1953, 4. h.
 Dovring F. Attungen och marklandet. Lund, 1947.
 Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. P., 1978.
 Glanzner P. Das Pachtrecht der schwedischen Landschaftsrechte.—Mediaeval Scandinavia, 1969. Vol. 2.
 Helle K. Norge blir en stat 1130—1319. Bergen; Oslo; Tromsø, 1974.
 Holmsen A. Problemer in norsk jordeiendomshistorie.—Historisk tidskrift, Oslo, 1947, 34. bd., 3 h.
 Holmsen A. Norges historie fra de eldste tider til 1660. Oslo; Bergen; Tromsø, 1971.
 Koht H. Norsk bondereising. Oslo, 1926 (2. utg. Oslo, 1975).
 Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. København, 1956—1978. Bd. 1—22.

- Lindkvist Th.* Landborna i Norden under äldre medeltid (Studia historica uppsaliensia, 110). Uppsala, 1979.
- Marx K.* Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. L., 1899.
- Maurer K. von.* Die norwegischen höldar.— In: Sitzungsberichte der königlich bayer. Akademie der Wissenschaften. Philos.-philol. Klasse (1889). München, 1890. Bd. II, H. II.
- Nordisk kultur, XVII, Byggnadskultur. Stockholm, 1952.
- Piekarczyk St.* Studia nad rozwojem struktury społeczno-gospodarczej wczesnośredniowiecznej Szwecji. W-wa, 1962.
- Schwerin C. von.* Der Bauer in den Skandinavischen Staaten des Mittelalters.— In: Adel und Bauern im deutschen Staat des Mittelalters / Hrsg. von Th. Mayer. Leipzig, 1943.
- Steensberg A.* (red). Den danske Landsby: Fra Storfamilie til Adelssamfund. København, 1940.
- Steinnes A.* Gamal skatteskipnad i Noreg. I.— In: Avhandlingar utgittav Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II. Hist.-Filos. Klasse, 1930.
- Steinnes A.* Utskyld.— Historisk tidsskrift, Oslo, 1953, 4h.
- Steinnes A.* Husebyar. Oslo, 1955.
- Visted K., Stigum H.* Vår gamle bondekultur. Oslo, 1951. Bd. 1.

ГЛАВА 10

- Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971.
- Актуальные проблемы истории России периода феодализма. М., 1970.
- Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
- Бромлей Ю. В., Корольков В. Д.* Славяне и волахи в великом переселении народов и феодализации Центральной и Юго-Восточной Европы: (К вопросу о соотношении внутренних и внешних фактов).— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кашинев, 1973.
- Бессмертный Ю. Л.* Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма.— В кн.: Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д., 1980.
- Буванов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980.
- Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1980.
- Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978.
- Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси.— ИГАИМК, 1935, вып. 138.
- Голубева Л. А.* Вещь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1978.
- Горемыкина В. И.* К проблеме истории докапиталистических обществ. Минск, 1970.
- Горемыкина В. И.* Об общине и индивидуальном хозяйстве в Древней Руси.— История СССР, 1973, № 5.
- Горская Н. А., Маньков А. Г., Панелях В. М., Свердлов М. Б., Юргинис Ю. М.* Советская литература 1970—1975 годов по истории сельского хозяйства и крестьянства IX—XVII веков.— История СССР, 1977, № 3.
- Горский А. Д.* Сельское хозяйство и промыслы.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1970, ч. 1.
- Греков В. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. 2-е изд. М., 1952. Кн. 1.
- Доженко В. И.* Землеробство древней Руси до середины XIII ст. Київ, 1961.
- Жужунадзе О. Г.* К истории классовой борьбы в Киевской Руси конца XI века.— Вестн. Отд-ния общественных наук АН Груз.ССР, 1963, № 3.
- Зимин А. А.* О смердах Древней Руси XI — начала XII в.— В кн.: Историко-археологический сборник: А. В. Арциховскому к шестидесятилетию. М., 1962.
- Зимин А. А.* Холопы Древней Руси.— История СССР, 1965, № 6.
- Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.
- История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948—1951. Т. I—II.
- Казачкова Д. А.* Зарождение и развитие антицерковной идеологии в Древней Руси.— Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958, т. 5.
- Кизилов Ю. А.* Спорные вопросы истории древнерусского феодализма.— История СССР, 1973, № 5.
- Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв.— МИА, 1959, № 65.

- Колчин В. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М., 1953.
- Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951.
- Корецкий В. И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Павтелеймонову монастырю.— Ист. арх., 1955, № 5.
- Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства: Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965.
- Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971.
- Куза А. В. Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э.— МИА, 1970, № 176.
- Курмачева М. Д., Назаров В. Д. Советская литература 1971—1972 годов по истории России до XIX в.— История СССР, 1974, № 1.
- Левашева В. П. Сельское хозяйство.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII в. / Под ред. Б. А. Рыбакова (Тр. ГИМ, вып. 32). М., 1956.
- Левашева В. П. Добывание и использование вспомогательных производственных материалов.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII в. / Под ред. Б. А. Рыбакова (Тр. ГИМ, вып. 33). М., 1959.
- Левашева В. П. Изделия из дерева, луба и бересты.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII в. / Под ред. Б. А. Рыбакова (Тр. ГИМ, вып. 33). М., 1959.
- Левашева В. П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII в. / Под ред. Б. А. Рыбакова (Тр. ГИМ, вып. 33). М., 1959.
- Левинсон-Лещева М. И. Ткачество.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII в. / Под ред. Б. А. Рыбакова (Тр. ГИМ, вып. 33). М., 1959.
- Лижанов Ю. А. Об одном опыте освещения истории Киевской Руси: Летописи и «исторические построения» в книге И. Я. Фроянова.— История СССР, 1982, № 5.
- Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.
- Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.): Историко-археологические очерки.— МИА, 1968, № 152.
- Маеродин В. В. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949.
- Маеродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.
- Мальм В. А. Промыслы древнерусской деревни.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII в. / Под ред. Б. А. Рыбакова (Тр. ГИМ, вып. 32). М., 1956.
- Мальм В. А. Производство глиняных изделий.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII в. / Под ред. Б. А. Рыбакова (Тр. ГИМ, вып. 33). М., 1959.
- Миролюбов М. А. Пахотные орудия севера и юга Восточной Европы в домонгольскую эпоху.— В кн.: Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977.
- Назаров В. Д. О феодальном землевладении в Новгородской республике: (К выводу книги В. Л. Янина «Новгородская феодальная вотчина». М., 1981).— История СССР, 1984, № 2.
- Назаров В. Д., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии.— ВИ, 1976, № 4.
- Назаров В. Д., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Новое в исследовании истории нашей Родины. М., 1978.
- Никольская Т. Н. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981.
- Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.
- Носова Г. А. Язычество в православии. М., 1975.
- Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.
- Очерки по истории русской деревни X—XIII в. / Под ред. Б. А. Рыбакова (Тр. ГИМ, вып. 32, 33, 43). М., 1956, 1959, 1967.
- Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства.— В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Пашуто В. Т. По поводу книги И. Я. Фроянова «Киевская Русь: Очерки социально-политической истории».— ВИ, 1982, № 9.
- Пропл В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М., 1958.
- Пугилов Б. И. Былины.— В кн.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.
- Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980.

- Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.
- Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
- Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. Л., 1975.
- Романов Б. А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма. — В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.; Л., 1960.
- Рожанов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. 2-е изд. М.; Л., 1966.
- Романова Е. Д.* Свободный общинник в Русской Правде. — История СССР, 1961, № 4.
- Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973.
- Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976.
- Русский фольклор. XV. Л., 1975; XVI. Л., 1976; XX. Л., 1981.
- Русское народное творчество. М.; Л., 1953. Т. 1.
- Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б. А.* Торговля и торговые пути. — В кн.: История культуры Древней Руси: Домонгольский период / Под ред. Н. Н. Воронина и др. М.; Л., 1948. Вып. 1.
- Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. — В кн.: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М.; Л., 1949.
- Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания — былины — летописи. М., 1963.
- Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979.
- Рыбаков Б. А.* Смерды. — История СССР, 1979, № 1—2.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыбаков Б. А.* Новая концепция предистории Киевской Руси. — История СССР, 1981, № 1—2.
- Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Свердлов М. Б.* Генезис феодальной земельной собственности в Древней Руси. — ВП, 1978, № 8.
- Свердлов М. Б.* Из истории системы налогообложения в Древней Руси. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). МИА, 1960, № 92.
- Седов В. В.* Новгородские сопки. М., 1970.
- Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
- Седов В. В.* Длинный курган кривичей. М., 1974.
- Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
- Славянские древности. Этногенез: Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980.
- Смирнов И. И.* К вопросу об изгоях. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952.
- Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.; Л., 1963.
- Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.
- Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979.
- Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.
- Тимченко Н. Г.* К истории охоты и животноводства в Киевской Руси (Среднее Поднепровье). Киев, 1972.
- Тихомиров М. Н., Щепкина М. В.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952.
- Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси. XI—XIII вв. М., 1955.
- Трегьяков П. Н.* Подсечно-земледелие в Восточной Европе. — ИГАИМК, 1932, т. XIV, вып. 1.
- Трегьяков П. Н.* Древлянские «грады». — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952.
- Трегьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.
- Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе (Опыт исчисления). М., 1941.
- Успенская А. В.* Металлургическое производство по материалам древнерусских сел. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова (Тр. ГИМ, вып. 33). М., 1959.
- Успенская А. В., Фехнер М. В.* Поселения древней Руси. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова (Тр. ГИМ, вып. 32). М., 1956.
- Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. (Тр. ГИМ, вып. 33). М., 1959.
- Фехнер М. В.* Заключение: Деревня Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв. по археологическим данным. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова (Тр. ГИМ, вып. 43). М., 1967.

- Ожино-угры и славяне. Л., 1979.
- Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
- Фроянов И. Я. Волхвы и народные восстания в Суздальской земле 1024 г.— В кн.: Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История: Сб. статей к IX Международному съезду славистов. Л., 1983.
- Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
- Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
- Черепнин Л. В. Русская Правда (в Краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы.— В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову по дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952.
- Черепнин Л. В. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси.— Ист. вестн., 1956, т. 56.
- Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда.— В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Черепнин Л. В. Вотчинное право на Руси XIV—XV вв.— В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.
- Черепнин Л. В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.
- Черепнин Л. В. Еще раз о феодализме в Киевской Руси.— В кн.: Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. статей к 90-летию акад. Н. М. Дружинина. М., 1976.
- Черепнин Л. В., Пашуто В. Т., Назаров В. Д. Основные проблемы изучения истории СССР периода феодализма.— В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978, вып. 2.
- Чернецов А. В. К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи.— Вестн. МГУ. Сер. 11, История, 1972, № 2.
- Чернецов А. В. О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий.— СА, 1972, № 3.
- Чернецов А. В. К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий.— СЭ, 1975, № 3.
- Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977.
- Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись.— ИОРЯС, СПб., 1909, т. XIII, кн. 1.
- Шапов Я. Н. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича.— Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1965.
- Шапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси.— В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI—XIV вв. М., 1972.
- Шапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси.— В кн.: Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975.
- Юдин Ю. И. Героические былины. М., 1975.
- Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.
- Яковлев А. И. Холопы и холопство в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943. Т. 1.
- Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде.— В кн.: Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1962.
- Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.
- Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

ГЛАВА 11

- Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей.— СЭ, 1968, № 2, 35—45.
- Ангелов Д. Богомилство в България. София, 1969.
- Ангелов Д. Образование на българската народност. София, 1971.
- Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980.
- Барта А. История венгерской культуры X века.— В кн. Nouvelles études historiques. Br., 1965, I.

- Бромлей Ю. В.** Некоторые аспекты изучения статуса свободных общинников в раннесредневековых славянских государствах.— В кн.: Исследования по истории и историографии феодализма в Хорватии. М., 1964.
- Бромлей Ю. В.** Становление феодализма в Хорватии. М., 1964.
- Велков В.** Някои проблеми на етническото състояние в древнетракийските земи през V—VI в.— В кн.: Първи конгрес на Българското историческо дружество. София, 1972, т. 1.
- Грачев В. П.** Сербская государственность в X—XIV вв.: (Критика теории «жупной организации»). М., 1972.
- Гюзелев В.** Средневековна България в светлината на нови извори. София, 1981.
- Достал Б.** Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Иванов И.** Български старини из Македонија. София, 1970.
- Иванова О. В.** Некоторые вопросы экономического развития славян в долинах Струмы и Вардара в VII—VIII вв.— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1984.
- История на България. София, 1981. Т. 2.
- История народного хозяйства Молдавской ССР. Кишинев, 1976.
- История Польши. М., 1956. Т. 1.
- Кондов Н. К.** К вопросу о системе полеводства в болгарских и соседних с ними землях Балканского полуострова в средние века.— ВВ, 1961, т. XX.
- Королюк В. Д.** Древнепольское государство. М., 1957.
- Королюк В. Д.** Государство бодричей в правление князя Готшалка.— *Slavia Occidentalis*, 1962, t. 22.
- Королюк В. Д.** К вопросу о раннефеодальной государственности у полабо-прибалтийских славян.— В кн.: Славяно-германские отношения. М., 1964.
- Королюк В. Д.** Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и беснистаного региона в Восточной и Центральной Европе.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1975.
- Королюк В. Д.** Пастушество у славян в I тысячелетии н. э. и перемещение их в подунавье и на Балканы: Славяне и волохи (Попытка реконструкции по письменным источникам).— В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978.
- Курбатов Г. Л.** К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии.— В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. JL, 1980. Вып. 3.
- Липищук Е. Э.** Византийское крестьянство и славянская колонизация: (Преимущественно по данным Земледельческого закона).— В кн.: ВС. М.; JL, 1945.
- Литаверин Г. Г.** Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв.— Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, 1956, т. 24.
- Литаверин Г. Г.** Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.
- Литаверин Г. Г.** Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977.
- Литаверин Г. Г.** Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв.— ВВ, 1973, т. 35.
- Литаверин Г. Г.** К проблеме образования Болгарского государства.— Сов. славяноведение, 1981, № 4.
- Литшев С.** Българският средновековен град. София, 1970.
- Наумов Е. П.** Формирование этнического самосознания древнесербской народности.— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
- Петров П.** Образоване на българска държава. София, 1981.
- Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
- Разумовская Л. В.** Очерки по истории польских крестьян. JL, 1958.
- Салимон А. И.** Самосознание ободритов (К вопросу об образовании ободритской раннефеодальной народности).— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1984.
- Санчук Г. Э.** Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян (VI—X вв.).— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
- Свердлов М. В.** Общественный строй славян в VI—начале VII в.— Сов. славяноведение, 1977, № 3.
- Седов В. В.** Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
- Седов В. В.** Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
- Скляков М. Я.** К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии.— ВВ, 1960, т. XVII.

- Тяпкива-Заимова В.* Нашествие и этнические промени на Балканите през VI—VII в. София, 1966.
- Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа: (Типологические наблюдения).— В кн.: ВО. М., 1977.
- Удальцова З. В., Гутнова Е. В.* К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе.— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Клинцев, 1983.
- Флора Б. Н.* О самосознании великоморавской народности.— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
- Флора Б. Н.* Формирование этнического самосознания раннефеодальной чешской народности.— Там же.
- Фрейдберг М. М.* Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. Калинин, 1972.
- Черниловский В. М.* Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959.
- Avenarius A.* Die Awaren in Europa. Amsterdam, 1974.
- Balzer O.* Chronologia najstarszych kształtów wsi słowiańskiej i polskiej.— Kwartalnik historyczny, 1910, t. XXIV, N 3/4.
- Bartha A.* Hungarian Society in the 9th and 10th Centuries. Bp., 1975.
- Brankač J.* Studien zur Wirtschafts- und Sozialstruktur der Westslawen zwischen Elbe — Saale und Oder aus der Zeit von 9. bis zum 12. Jh. Bodušin, 1964.
- Comsa M.* Socio-Economic Organization of the Daco-Romanie and Slav Population on the Lower Danube during the 6th—8th Centuries.— In: Relations between the Autochthonous Population and Migratory Population on the Territory of Romania. Buc., 1975.
- Documenta historiae Chroaticae*, 1877, N 133, 233.
- Dostal B.* Das Vordringen der grossmährischen materialen Kultur in die Nachbarländer.— Magna Moravia. Pr., 1965.
- Grafenauer B.* Nekaj vprasanj in dobe naseljevanja južnih Slovanov.— Zgodovinski časopis, 1950, N IV.
- Grafenauer B.* Ustolicevanje noroskih vojvod in država narantanskih Slovencev. Ljubljana, 1952.
- Grafenauer B.* Zgodnjefeodalna družbena struktura jugoslovanskih narodov in njen postanek.— Zgodovinski časopis, 1960, № XIV.
- Havlik L. E.* Velká Morava a středoevropští slované. Pr., 1964.
- Hensel W.* Początki państwa polskiego i jego kultury. Wrocław, 1971.
- Hensel W.* Słowiańszczyzna wezsnósredniowieczna. Zarys kultury materialnej. Wyd 2. W-wa, 1965.
- Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft u. gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse u. Elbe. B., 1968.
- Historia naroda Jugoslavije.* Zagreb, 1953. T. I.
- Istoria României.* Buc., 1962. T. II.
- Ivra sancti Petri de Gornal.* Supetarški kartular. Uredio... V. Novak. Lingvistička analiza P. Skok. Zagreb, 1952, s. 224.
- Krzemińska B., Treštk D.* Hospodárské základy rané středově kého státu ve středné Evropě (Čechy, Polsko, Uhryv 10. a 11. století).— Economic History, 1978, N 1.
- Köpstein H.* Zur Veränderung der Agrarverhältnisse in Byzanz vom 6. zum 10. Jh.— In: Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung. B., 1983.
- Lemerle P.* Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démentrius. P., 1979. Texte I.
- Litawrin G. G.* Zur Lage der byzantinischen Bauernschaft im 10.— 11. Jh. Strittige Fragen.— In: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.— 11. Jh. Pr., 1978.
- Ljubinković M.* Ka problemu kontinuiteta Iliri-Slaveni.— In: Simpozijum «Predslovenski etnički elementi na Balkanu u etnogenezi Južnih Slovena». Mostar, 1968; Sarajevo, 1969.
- Lowmiański H.* Początki Polski: Z dziejów s'owian w I tysiąceletiu n. e. W-wa, 1967—1973. T. III—V.
- Lowmiański H.* Podstawy gospodarsze formowania sie państw słowiańskich. W-wa, 1953.
- O pocatkach slovenských dejn.* Br., 1965.
- Rogić J.* Hrvatska, III. Regiji — Enciclopedija Jugoslavije. Zagreb, 1960. T. IV.
- Suić M.* Marginalne bilješke uz rad N. Klaić.— In: Sociologija sela. Zagreb, 1978, g. 16. br. 61—62, s. 135.
- Tumieniecki K.* Społeczństwo słowian lechickich. Lwów, 1928.
- Turek R.* Die frühmittelalterliche Stämmengebiete in Böhmen. Pr., 1957.
- Wielowiejski J.* Zagadnienie przelomu w technice uprawy roli w pierwszym tysiącleciu n. e. na ziemiach polskich.— Kwartalnik historii materialnej, 1955, N 1.

ГЛАВА 12

- Ачади Н.* История венгерского крепостного крестьянства: Пер. с венг. М., 1956.
- Шушарин В. П.* Поселение венгерских племен в Среднем Подунавье. Образование раннефеодального венгерского государства (конец IX — начало XI в.). Складывание и оформление феодальных отношений. Раннефеодальная монархия (XI — середина XIII в.). — В кн.: История Венгрии. М., 1971, т. 1.
- Шушарин В. П.* Культура XI—XV вв. — В кн.: История Венгрии. М., 1971, т. 1.
- Balassa I.* Az eke és a szántás története Magyarországon. Bp., 1973.
- Békefi R. A.* rabszolgaság Magyarországon az Árpádok alatt. Bp., 1901.
- Bolla I. A.* Közszabadság lehangyatlása a XII. Században. — Történelmi Szemle. Bp., 1973, N 1—2; 1974, N 1—2.
- Csalog Zs.* Zum Nomadismus der landnehmenden Ungarn. — In: Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Bp., 1969.
- Dienes I.* A honfoglaló magyarok. Bp., 1978.
- Erdélyi L.* Egyházi földesúr és szolgálói a középkorban. Bp., 1907.
- Erdélyi L.* Árpádkori társadalomtörténetünk legkritikusabb kérdései. Bp., 1915.
- Erdélyi L.* A tizenkét legkritikusabb kérdés. Kolozsvár, 1917.
- Fejérfataky L.* Kálmán király oklevelei. Bp., 1892.
- Győrffy Gy.* István király és műve. Bp., 1977.
- Heckenast G.* Fejedelmi (királyi) szolgálónépek a korai Árpád-korban. Bp., 1970.
- Kučera M.* O otrokoch v Uhorsku v 10—12. stor. — In: Historické Studie. Br., 1959, t. 5.
- Kučera M.* Die Struktur der Bevölkerung in der Slowakei im 10—12. Jahrhundert. — In: Studia Historica Slovaca. Br., 1966, T. IV.
- Lederer E.* A feudalizmus kialakulása Magyarországon. Bp., 1959.
- Lederer E.* Magyarország története a feudalizmus őrai szakaszában. — In: Magyarország története, I. k. Bp., 1965.
- Molnár E.* A magyar társadalom története az Árpádkortól Mohácsig. Bp., 1949.
- Szabó I.* A prédiium. — Agrártörténeti Szemle. Bp., 1963, N 1—3.
- Szabó I.* A középkori magyar falu. Bp., 1969.
- Szabó I.* A falurendszer kialakulása Magyarországon. Bp., 1971.
- Szabó I.* Jobbágyok-parasztok. Bp., 1976.
- Székelly Gy.* Magyarország története a honfoglalástól Mohácsig. — In: Magyarország története, I. k. Bp., 1971.
- Szentpétery I.* Az Árpád-házi királyok okleveleinek kritikai jegyzéke, I. k., I. füz. Bp., 1923.
- Tagányi K.* A Földközösség története Magyarországon. Bp., 1950 (I. kiad.—1895).

ГЛАВА 13

- Ангелов Д. С.* Богомилството в България. София, 1969.
- Бартикян Р. М.* Источники для изучения истории павликянского движения. Ереван, 1961.
- Браунинг Р.* Рабство в Византийской империи (600—1200). — ВВ, 1958, т. XIV.
- Васильевский В. Г.* Материалы по внутренней истории византийского государства. — ЖМНП, 1879, ч. IV.
- Винкельман Ф.* О роли народных масс в ранней Византии. — ВВ, 1979, т. 40.
- Златарски В.* История на българската държава през средните векова. София, 1972, т. II.
- Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София, 1970.
- Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1931.
- Иzvopi за българската история. София, 1965, XI.
- История Византии. М., 1967, Т. 1.
- Кондов Н. К.* К вопросу о системе полеводства в болгарских и соседних с ними землях Балканского полуострова в средние века. — ВВ, 1961, т. XX.
- Кондов Н. К.* Овощарството в Българските земи през средновековното. София, 1969.
- Журбатое Г. Л.* Ранневизантийский город (Антюхия в IV в.). Л., 1962.
- Липшиц Е. Э.* Византийское крестьянство и славянская колонизация. — В кн.: ВС. М., 1945.
- Липшиц Е. Э.* Византийское право между Эклогой и Прохионом (Частная Распространенная Эклога). — ВВ, 1974, т. 36.
- Липшиц Е. Э.* Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. (Некоторые наблюдения по аграрной истории Византии). — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952.
- Липшиц Е. Э.* О значении термина «парик» в Византии IX в. — В кн.: Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967.

- Липшиц Е. Э. О путях формирования феодальной собственности, феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии.— ВВ, 1958, т. XIII.
- Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII — первая половина IX в.). М., JL, 1961.
- Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. JL, 1976.
- Литаерин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.
- Литаерин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977.
- Литаерин Г. Г. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв.— Учен. зап. Ин-та славяноведения, 1956, 24.
- Литаерин Г. Г. Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв.— ВВ, 1973, т. 35.
- Лишее С. Несколько замечаний по поводу статьи М. Я. Сюзюмова «О характере и сущности византийской общины по Земледельческому Закону».— ВВ, 1959, т. XVI.
- Максимович Л. Генеза и характер апанаж у Византизу.— ЗРВИ, Београд, 1973, кн. 14/15.
- Осинова К. А. Ахлизенгий в Византии в X в.— ВВ, 1960, т. XVII.
- Осинова К. А. К вопросу о роле государства в утверждении феодализма в Византии.— In: XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Wien, 1961.
- Осинова К. А. К проблеме присельничества в Византии (X—XII вв.).— В кн.: ВО. М., 1977.
- Осинова К. А. Система класм в Византии в X—XI вв.— В кн.: ВО. М., 1961.
- Острогорски Г. Провија. Прилог Историји феодализма у Византији и у јужнословенским земљама.— САН, Посебна издања, књ. CLXXVI Византолошки институт. Београд, 1951, књ. 1.
- Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI веке, от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884.
- Сюзюмов М. Я. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии.— В кн.: ВО. М., 1961.
- Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII — середина IX в.).— ВВ, 1967, т. XXVII.
- Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии.— ВВ, 1960, т. XVII.
- Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому Закону.— ВВ, 1956, т. X.
- Сюзюмов М. Я. Проблемы иконоборчества в Византии.— Учен. зап. Свердлов. пед. ин-та, 1948, т. IV.
- Тъкова-Заимова В. Нашествия и етнически промени на Балканите през VI—VII в. София, 1966.
- Удальцова З. В. Византия и Западная Европа (Типологические наблюдения).— В кн.: ВО. М., 1977.
- Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии: (Постановка проблемы).— В кн.: ВО. М., 1971.
- Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования / Под ред. акад. Е. М. Жукова. М., 1975.
- Удальцова З. В., Гугнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы: Доклад на XIII Международном конгрессе историков в Москве. М., 1970.
- Удальцова З. В., Осинова К. А. Типологические особенности феодализма в Византии.— ВВ, 1974, т. 36.
- Успенский Ф. И. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI—XII вв. о раздаче церковных имуществ (характеристика).— ИРАИК, 1900, V.
- Успенский Ф. И. Наблюдения по сельскохозяйственной истории Византии.— ЖМНП, 1888, ч. ССIX.
- Физман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII в. М., 1965.
- Фрейденберг М. М. Развитие феодальных отношений в византийской деревне.— Учен. зап. Велколук. ГПИ, 1956.
- Хвоцгова К. В. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968.
- Хвоцгова К. В. Судьбы парики и особенности налогообложения париков в Византии XIV в.— ВВ, 1978, т. 39.
- Цанкова-Петкова Г. Към въпроса за селскостопанската техника в средновековна България и в някои съседни балкански области.— Изв. Ин-та за история БАН, 1963, XII.
- Antoniadis-Bibicou H. Byzance et le mode de production asiatique.— La Pensée, n. s., 1966, N 129.

- Antoniadis-Bibicou H.* Recherches sur les douanes à Byzance. P., 1963.
- Charanis P.* Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century.— DOP, 1959, 13.
- Dölger F.* Ein Fall der slavischen Einsiedlung in Hinterland von Thessalonike im X. Jh.— Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Kl., 1952, H. 1.
- Evert-Kappesova E.* Quelques remarques sur la colonisation Slave.— Actes du XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines. Beograd, 1963, t. II.
- Francès E.* La ville byzantine et la mouaie aux VIIe—VIIIe siècles.— Byzantinobulgarica, 1966, 2.
- Glykatzl-Ahrweiler H.* La concessions des droits incorporels.— Actes de XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines. Beograd, 1963, t. II.
- Jones A. H.* The Cities of the Roman Empire: Political, Administrative and Judicial Institutions.— Recueils de la Société Jean Bodin. Bruxelles, 1954, VI. La Ville, pt 1.
- Karayannopoulos J.* Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten.— In: Polychronion (Festschrift F. Dölger). Heidelberg, 1966.
- Kirsten E.* Die byzantinische Stadt.— In: Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. München, 1958, V.
- Kondov N.* Über den wahrscheinlichen Weizenantrag auf der Balkanhalbinsel im Mittelalter.— Etudes Balkaniques, Sofia, 1974, N 1.
- Koukouliès Ph.* Vie et civilisation byzantine. Athènes, 1949. V. III.
- Lake K.* The Early Days of Monasticism on Mount Athos. Oxford, 1909.
- Lefebvre des Noëttes.* L'attelage et le cheval de selle à travers les âges. P., 1931.
- Lemerle P.* The Agrarian History of Byzantium. L., 1979.
- Lemerle P.* Esquisse pour une histoire agraire de Byzance.— Revue historique, 1958, t. 219—220.
- Lemerle P.* Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VIIIe siècle.— Revue historique, 1954, t. 211.
- Lemerle P.* Rapport complémentaire.— Actes du XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines. Beograd, 1963, t. I.
- Leport* Fiscalité médiévale et informatique. Recherches sur les barèmes pour l'imposition des paysans byzantins du XIVe siècle.— Revue Historique, 1974, t. 512.
- Meyer Ph.* Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894.
- Ostrogorsky G.* Byzantine Cities in the Early Middle Ages.— DOP, 1959, 13.
- Ostrogorskij G.* Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956.
- Riché P.* Grandes invasions et empires V^e—Xe siècles. P., 1968.
- Runciman S.* The Widow Danielis.— Etudes dédiées à mémoire d'A. Andréadès. Athènes, 1940.
- Schübbach E.* Byzantinische Metrologia. München, 1970.
- Svoronos N.* Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XI—XIIe siècles: le cadastre de Thèbes.— BCH, 1959, 83.
- Teall I. L.* The Byzantine. Agricultural Tradition.— DOP, 1971, 25.
- Velkov V.* Das Schicksal der antiken Städte in den Ostbalkanländer.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin, Gesch.-Sprach. Reihe, 1963, № 78.

ГЛАВА 14

- Арский И. В.* Очерки по истории средневековой Каталонии до соединения с Арагоном (VIII—XII века). JL., 1941.
- Ачади И.* История венгерского крепостного крестьянства. М., 1956.
- Вазрушин С. В.* Держава Рюриковичей.— ВДИ, 1938, № 2.
- Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватия. М., 1964.
- Будовниц Н. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960.
- Будовниц Н. У.* О статье 12 Краткой Правды Русской.— В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961.
- Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства.— В кн.: Труды В. Г. Васильевского, т. 4.
- Виноградов И.* Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911.
- Граменицкий Д. С.* К вопросу о происхождении и содержании французского иммунитета.— СВ, 1946, вып. II.
- Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.; JL., 1946. Т. 1.
- Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949.
- Гуревич А. Я.* Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства.— СВ, 1953, вып. IV.

Библиография

- Гуревич А. Я. Английское крестьянство в X—начале XI в.— СВ, 1957, вып. IX.
- Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.
- Данилов А. И. Основные черты иммунитета и фогтства на церковных землях в Германии X—XII вв.— Доклады и сообщ. истор. факта МГУ. М., 1948, вып. 7.
- Данилов А. И., Неусыгин А. И. О новой теории социальной структуры раннего средневековья в буржуазной медиевистике ФРГ.— СВ, 1960, вып. XVIII.
- Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда.— Ист. зап., 1965, т. 76.
- История Византии. М., 1967. Т. 1, 2.
- Ицков Н. М. Крестьянская политика Каролингов.— Учен. зап. Дагест. пед. ин-та, 1940, № 1.
- Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898. Т. 1.
- Колесницкий Н. Ф. Исследование по истории феодального государства в Германии (IX—первая половина XII века). М., 1959.
- Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
- Корсунский А. Р. Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе.— СВ, 1963, вып. 31.
- Корсунский А. Р. О статусе франкских колоннов.— СВ, 1969, вып. 32.
- Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969.
- Корсунский А. Р. Раннефеодальное государство и формирование феодальной собственности в Западной Европе.— В кн.: V Международный конгресс по экономической истории. Ленинград, 1970: Доклады. М., 1976, т. 5.
- Корсунский А. Р. Об экономической политике государства раннего средневековья в Западной Европе.— В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. JL, 1978, вып. 2.
- Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. М.; JL, 1961.
- Мауровин В. В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.
- Мильская Л. Т. Очерки из истории деревни в Каталонии X—XII вв. М., 1962.
- Михаловская Н. С. Каролингский иммунитет.— СВ, 1946, вып. II.
- Неусыгин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
- Неусыгин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии VIII—XII вв. М., 1964.
- Неусыгин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья).— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1.
- Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.
- Острогорский Г. К истории иммунитета в Византии.— ВВ, 1958, т. XIII.
- Очерки истории СССР: Период феодализма, IX—XV вв. М., 1953. Ч. 1.
- Пашуто В. Т. Черты политического строя древнерусского государства.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение.
- Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. 2-е изд. М., 1917.
- Покровский М. И. Русская история с древнейших времен. М., 1933. Т. 1.
- Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
- Разумовская Л. В. Очерки по истории польских крестьян. М.; JL, 1958.
- Рапов О. М. К вопросу о земельной ренте в Древней Руси в домонгольский период.— Вестн. МГУ, 1968, № 1.
- Рыбаков В. А. История СССР. М., 1966. Т. 1.
- Серовайский Я. Д. О путях формирования феодальной собственности на леса во Франкском государстве.— СВ, 1969, вып. 32; 1971, вып. 33.
- Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
- Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв.— История СССР, 1962, № 2.
- Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.: JL, 1963.
- Соколова М. Н. Свободная община и процесс закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII—X веках.— СВ, 1955, вып. VI.
- Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону.— ВВ, 1956, т. X.
- Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы истории Византии.— ВИ, 1959, № 3.

Библиография

- Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. М., 1959.
- Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии.— В кн.: ВО. М., 1971.
- Фроянов И. Я. Смерды в Киевской Руси.— Вестник Ленингр. гос. ун-та, сер. истор., 1966, № 2.
- Фроянов И. Я. Княжеское землевладение и хозяйство на Руси X—XII вв.— В кн.: Проблемы истории феодализма России. Л., 1971.
- Фроянов И. Я. Кормления в древней Руси.— В кн.: Аграрная история северо-западной России. Л., 1971.
- Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.).— ВИ, 1953, № 4.
- Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение.
- Черепнин Л. В. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика).
- Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю.— ВИ, 1969, № 12.
- Шапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти древней Руси.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение.
- Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.
- Besetto Gotico... de Cardena por L. Serrano. Valladolid, 1910.
- Beck H. Res Publica Romana. München, 1970.
- Bloch M. Rois et serfs. P., 1920.
- Bréhier L. Les institutions de l'Empire byzantin. P., 1949.
- Brahl C. Fodrum, gistum, servitium regis. Köln; Graz, 1968.
- Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig; München, 1928. Bd. II.
- Chadwick H. Studies on Anglo-Saxon Institutions. Cambridge, 1905.
- Chenon E. Histoire générale du droit français public et privé. P., 1926. T. 1.
- Constable G. Nona et decima.— Speculum, 1960, vol. 35, № 2.
- Cuviller J.-P. L'Allemagne médiévale: Naissance d'un état (VIII—XIII siècles). P., 1979.
- Dannenbauer H. Die Freien im karolingischen Heer. Aus Verfassungs- und Landesgeschichte. Lindau; Konstanz, 1954. Bd. 1.
- Dannenbauer H. Hundertschaft, Centena und Hunteri. Grundlagen der mittelalterlichen Welt. Stuttgart, 1958.
- Danstrup J. The State and Landed Property in Byzantium to 1250.— Classica et medievallia, 1946, vol. 8.
- Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Darmstadt, 1960.
- Dopsch A. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. Wien, 1924. Teil 2.
- Dopsch A. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit, Weimar, 1962. Teil 2.
- Drew K. F. The Immunity in Carolingian Italy.— Speculum, 1962, vol. 37, № 2.
- Duby G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. Aubier, 1962. T. 1.
- Dupont A. L'aprision et le régime adprisonnaire dans le Midi de la France.— Le Moyen Age, 1965, t. LXXI.
- Epperlein S. Herrschaft und Volk im karolingischen Imperium. B., 1969.
- Feine H. E. Kirchliche Rechtsgeschichte. Weimar, 1957. Bd. 1.
- Floriano A. Diplomática española del período Astur. Oviedo, 1949. T. 1.
- Ganshof F. L. Charlemagne et les institutions de la monarchie franque.— In: Karl der Grosse. Lebenswerk und Nachleben. Düsseldorf, 1965. Bd. 1.
- Hinojosa E. Documentos para la historia de las instituciones de León y de Castilla. Madrid, 1919.
- Inama-Stiernegg K. Th. Die Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Leipzig, 1879. Bd. 1.
- Jolliffe J. E. A. Praefeudal England. L., 1933.
- Jolliffe J. E. A. The Constitutional History of England. L., 1948.
- Karayannópulos.— BZ, 1957, Bd. 50.
- Krawinkel K. Untersuchungen zum fränkischen Benefizialwesen. Weimar, 1937.
- Lehman K. Abhandlungen zur germanischen insbesondere nordischen Rechtsgeschichte. Berlin; Leipzig, 1888.
- Lot F. L'impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire et l'époque franque. P., 1928.
- Maitland F. W. Domesday Book and Beyond. Cambridge, 1897.
- Maurer K. Vorlesungen über altnordische Rechtsgeschichte. Leipzig, 1907—1908. Bd. I—II.
- Mayer Th. Die Kneigsfreien und der Staat des frühen Mittelalters.— In: Das Problem der Freiheit in der deutschen und schweizerischen Geschichte. Lindau; Konstanz, 1955.

Библиография

- Mayer Th.* Staat und Hundertschaft in fränkischer Zeit. Mittelalterliche Studien. Lindau; Konstanz, 1959.
- Metz W.* Das karolingische Reichsgut. B., 1960.
- Metz W.* Die Agrarwirtschaft im karolingischen Reiche.— In: Karl der Grosse. Lebenswerk und Nachleben. Düsseldorf, 1965. Bd. 1.
- Mittels H.* Der Staat des hohen Mittelalters. Weimar, 1974.
- Moxó S.* Sociedad, estado y feudalismo.— Revista de la Universidad de Madrid. I, 1971, v. XX, N 78.
- Müller-Mertens E.* Karl der Grosse, Ludwig der Fromme und die Freien. B., 1963.
- Müller-Mertens E.* Die Reichsstruktur im Spiegel der Herrschaftspraxis Ottos der Grossen. B., 1980.
- Olof von Törne H.* Die älteste Besteuerung in Schweden.— In: Wirtschaft und Kultur. Leipzig, 1938.
- Ostrogorskiĭ G.* Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956.
- Ostrogorsky G.* Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages.— Cambridge Economic History of Europe. 2nd ed. Cambridge, 1966. Vol. 1.
- Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1952.
- Pérez de Urbel J.* Reconquista y repoblación de Castilla y León durante los siglos IX y X.— In: La Reconquista española y la repoblación del país. Zaragoza, 1951.
- Platon J. G.* Observations sur le droit de *aportamento* en droit byzantin. P., 1906.
- Sánchez-Albornoz Cl.* España y el feudalismo Carolingio.— In: Estudios sobre las instituciones medievales españolas. México, 1965.
- Schmid H. F.* Byzantinisches Lehnwesen.— Jahrbuch der österreichischen Byzantinischen Gesellschaft. Wien, 1957, Bd. VI.
- Schröder R.* Die Franken und ihr Recht. Weimar, 1881.
- Stenton F.* Anglo-Saxon England. L., 1970.
- Tabacco G.* Dai possessori dell'età carolingia agli esercitanti.— Studi medievali, 1969. t. X, N 1.
- Verhuist A.* Genèse du régime domanial classique en France.— In: Agricultura e mondo rurale in Occidente nell'alto-medioevo. Spoleto, 1966.
- Vinogradoff P.* Collected Papers. Oxford, 1928. Vol. 1.
- Vinogradoff P.* Das Buchland.— In: Vinogradoff P. Collected Papers. Oxford, 1928. Vol. 1.
- Vinogradoff P.* Romanistische Einflüsse im angelsächsischen Recht: Das Buchland.— In: Vinogradoff P. Collected Papers. Oxford, 1928. Vol. 1.

ГЛАВА 15

- Абрамсон М. Л.* Положение крестьянства и крестьянские движения в Южной Италии в XII—XIII веках.— СВ, 1954, вып. III.
- Абрамсон М. Л.* Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—XI вв.).— ВВ, 1953, т. VII.
- Ангелов Д.* Богомилство в България. София, 1969.
- Варгелес А. С.* Из истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X века.— Учен. зап. Ленинградск. гос. пед. ин-та, 1940, т. V, истфак, вып. 1.
- Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.
- Васильев А. А.* Житие св. Филарета Милостивого.— ИРАИК, 1900.
- Грацианский Н. П.* Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943.
- Гуревич А. Я.* Из истории народной культуры и ереси: «Лжепророки» и церковь во Франкском государстве.— СВ, 1975, вып. 38.
- Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.
- Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., 1977.
- Гутнова Е. В.* Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья.— ВВ, 1966, № 4.
- Гутнова Е. В.* Средневековое крестьянство и ереси.— СВ, 1975, вып. 38.
- Гутнова Е. В.* Классовая борьба средневекового крестьянства (XI—XV вв.). в освещении современной французской, английской и американской медиевистики.— СВ, 1977, вып. 41.
- Гюзелев Васил.* Княз Борис Първи: България през втората половина на IX в. София, 1969.
- Дворецкая И. А.* О социально-политических противоречиях в лангобардском обществе.— СВ, 1977, вып. 41.
- Дмигров А. А.* Движение скамаров.— ВВ, 1952, т. V.
- История Венгрии.* М., 1971. Т. 1.

- История Чехословакии. М., 1971. Т. 1.
Колесницкий Н. Ф. Саксонское восстание 1073—1075 гг.— Учен. зап. МОПИ, 1968, т. 213, вып. 10.
Колокотин А. В. Классовая борьба во французской деревне IX—X веков.— В кн.: Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции, 1958. М., 1959.
Королюк В. Д. Государство бодричей в правление князя Готшалка (1031—1066).— В кн.: *Slavia Occidentalis*, 1962. Т. 22.
Королюк В. Д. Государство Готшалка (XI в.).— Славянский сборник. М., 1947.
Королюк В. Д. Древнепольское государство. М., 1957.
Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969.
Корсунский А. Р. История Испании IX—XIII веков. М., 1976.
Корсунский А. Р. Религиозный протест в эпоху раннего средневековья в Западной Европе.— СВ, 1981, вып. 44.
Котельникова Л. А. Либеллария Северной и Средней Италии в VIII—X вв.— СВ, 1957, вып. X.
Котельникова Л. А. О формах общинной организации североитальянского крестьянства в IX—XII вв.— СВ, 1960, вып. XVII.
Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.
Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. Л., 1961.
Неусызгин А. И. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX).— В кн.: Из истории социально-политических идей: К 75-летию акад. Б. П. Волгина. М., 1955.
Неусызгин А. И. Возникновение независимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков. М., 1956.
Неусызгин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964.
Неусызгин А. И. Крестьянские движения в Саксонии в IX—XI вв.— В кн.: Ежегодник германской истории за 1973 год. М., 1974.
Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.
Еп. Порфирий (Успенский). История Афона. Киев, 1877. Т. III, ч. I.
Поршнев В. Ф. Очерки политической экономики феодализма. М., 1956.
Поршнев В. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917.
Рыбаков В. А. Язычество древних славян. М., 1981.
Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977.
Серовайский Я. Д. Борьба французских крестьян против феодального освоения лесов в X—XIII вв.— СВ, 1980, вып. 43.
Сидорова Н. А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953.
Сидорова Н. А. Народные еретические движения во Франции в XI и XII веках.— СВ, 1953, вып. IV.
Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века.— Избр. труды по истории. М., 1973.
Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981.
Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.
Удальцова З. В. Византия и Западная Европа (Типологические наблюдения).— В кн.: ВО. М., 1977.
Черепнин Л. В. Русская Правда (в Краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.
Шевеленко А. Я. Предпосылки и первый этап Нантского восстания в начале XI столетия.— В кн.: Французский ежегодник, 1959. М., 1961.
Шевеленко А. Я. Установление феодальных отношений и антифеодальное движение в Бретани раннего средневековья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1962.
Шевеленко А. Я. Движение бретонских крестьян в первой четверти XI века.— В кн.: Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции, 1967. М., 1968.
Angelov D. Aperçu sur la nature et l'histoire du bogomilisme en Bulgarie.— In: Hérésies et sociétés dans l'Europe pré-industrielle. 11e—18e siècles. P., 1968.
Bartmuss H.-J. Ursachen und Triebkräfte im Entstehungsprozeß des «frühfeudalen deutschen Staates».— ZfG, 1962. H. 7.
Cohn N. The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages. L., 1970.

- Douglas D. C.* William the Conqueror: The Norman Impact upon England. L., 1964.
- Epperlein S.* Herrschaft und Volk im karolingischen Imperium. B., 1969.
- Epperlein S.* Volksbewegungen in frühmittelalterlichen Europa — eine Skizze.— In: Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. B., 1975.
- Fourquin G.* Les soulèvements populaires au Moyen âge. P., 1972.
- Godfrey J.* The Church in Anglo-Saxon England. Cambridge, 1962.
- Hermann J.* Sozialökonomische Grundlagen und gesellschaftliche Triebkräfte des deutschen Feudalstaates.— ZfG, 1971, N 6.
- Hilton R.* Bond men made free. L., 1973.
- Hilton R.* Peasant Society: Peasant Movements and Feudalism in Medieval Europe.— In: Rural Protest: Peasant Movements and Social Change / Ed. by H. A. Landsberger. L., 1974.
- Hobsbawn E. J.* Social Banditry.— In: Rural Protest: Peasant Movements and Social Change / Ed. by H. A. Landsberger. L., 1974.
- Korsunskij A. R.* Über einige charakteristische Züge des sozialen Kampfes der Volksmassen in der Periode des Übergangs von der Urgesellschaft zur Feudalgesellschaft in Europa.— In: Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. B., 1975.
- Lambert M.* Medieval Heresy: Popular Movements from Bogomil to Hus. L., 1977.
- Lemerle P.* Thomas le Slave.— In: Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantines. Travaux et mémoires. P., 1965. T. 1.
- Loos M.* Dualist Heresy in the Middle Ages. Prague; The Hague, 1974.
- Müller-Mertens E.* Der Stellingaaufland.— ZfG, 1972, N 7.
- Müller-Mertens E.* Der Sachsenkrieg von 1073 bis 1075 und die Frage nach dem Verbleib freier Bauern in der Feudalgesellschaft.— In: Die Rolle der Volksmassen in Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. B., 1975.
- Russell J. B.* Dissent and Reform in the Early Middle Ages. Berkeley, 1965.
- Sathas C., Legrand E.* Les exploits de Digenis Acritas. P., 1875.
- Stenton F. M.* Anglo-Saxon England. Oxford, 1943.

ГЛАВА 16

- Абрамсон М. Л.* Вотчина в Южной Италии IX—XI вв.— В кн.: ВО. М., 1961.
- Абрамсон М. Л.* Характерные черты южноитальянского города в раннее средневековье (VI—XI вв.).— СВ, 1976, вып. 40.
- Бессмертный Ю. Л.* Проблема западноевропейской торговли IX—XIII вв. в современной западной средневековедении: (К обсуждению концепции Анри Пиренна).— СВ, 1963, вып. 23.
- Бессмертный Ю. Л.* Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв. (по северофранцузским и западногерманским материалам). М., 1969.
- Бессмертный Ю. Л.* Возникновение Франции.— В кн.: История Франции. М., 1972, т. 1.
- Гуревич А. Я.* Походы викингов. М., 1966.
- Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., 1977.
- История Византии. М., 1967. Т. 1, 2.
- Ковалевский С. Д.* Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.
- Корсунский А. Р.* Города Испании в период становления феодальных отношений V—VII вв.— В кн.: Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965.
- Корсунский А. Р.* Готская Испания. М., 1969.
- Корсунский А. Р.* О мелкой земельной собственности в западных провинциях поздней Римской империи.— ВДИ, 1970, № 2.
- Корсунский А. Р.* История Испании IX—XIII веков. М., 1976.
- Корзов Ю. А.* Догородское ремесло средневековой Германии.— Учен. зап. МГПИ, 1940, т. XXVI, вып. 1.
- Котельникова Л. А.* Либерлярии Северной и Средней Италии в VIII—X вв.: (К вопросу об образовании зависимого крестьянства).— СВ, 1957, вып. X.
- Котельникова Л. А.* Итальянский город раннего средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма.— СВ, 1975, вып. 38.
- Котельникова Л. А.* Городское землевладение в Центральной Италии в VIII—XI вв.— СВ, 1981, вып. 44.
- Курбатов Г. Л.* Города, ремесло и торговля в Византии IV—V вв.: Константинополь и провинции.— В кн.: История Византии. М., 1967, т. 1.
- Курбатов Г. Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971.

- Левцкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.; Л., 1960.
- Лугаарин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977.
- Луццатто Дж. Экономическая история Италии. М., 1954.
- Неусышкин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
- Неусышкин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
- Проблемы методологии истории средних веков: европейский город в системе феодализма: Реферативный сборник. М., 1979. Ч. I, II.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
- Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
- Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.
- Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии (Постановка проблемы).— В кн.: ВО. М., 1971.
- Удальцова З. В. Византия и Западная Европа.— В кн.: ВО. М., 1977.
- Черепнин Л. В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Путь развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.
- Штаерман Е. М. Эволюция античной формы собственности и античного города.— ВВ, 1973, т. 34.
- Якин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
- Ястребицкая А. Л. Основные проблемы ранней истории средневекового города в освещении современной западной медиевистики.— СВ, 1980, вып. 43.
- Addyman P. V. Saxon Southampton: a Town and International Port of the 8th to the 10th Century.— In: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter: Bericht über ein Symposium in Rheinhausen bei Göttingen in der Zeit vom 18. bis 24. April 1972. Göttingen, 1975. T. 1.
- Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell' alto medioevo. Spoleto, 1966.
- Ambrosiani B. Neue Ausgrabungen in Birka.— In: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, 1975. T. 2.
- Ammann H. Vom Städtewesen Spaniens und Westfrankreichs im Mittelalter.— In: Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens. Lindau; Konstanz, 1958.
- Artigianato e tecnica nella società dell'alto Medioevo occidentale. Spoleto, 1971.
- Bernareggi E. Il sistema economica e la monetazione dei longobardi nell'Italia superiore. Milano, 1960.
- Biddle M. Winchester: the Development of an Early Capital.— In: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, 1975. T. 1.
- Bonnassie P. Du Rhone a la Galice: genèse et modalités du régime féodal.— In: Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (X^e—XIIIe siècles). Rome, 1960.
- Brezzi P. I comuni cittadini italiani. Origine e primitiva costituzione (sec. X—XII). Milano, 1940.
- Büttner H. Studien zum frühmittelalterlichen Städtewesen in Frankreich, vornehmlich im Loire- und Rhonegebiet.— In: Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens. Lindau; Konstanz, 1958.
- Caratteri del secolo VII in Occidente. Spoleto, 1958. T. 1—2.
- Carli F. Storia del commercio italiano. Vol. 1. Il mercato nell'alto medio evo. Padova, 1934.
- Chiappelli L. Formazione storica del comune cittadino in Italia.— Archivio storico italiano, 1926, vol. VI; 1927, vol. VII; 1928, vol. X.
- Chiappelli L. Storia di Pistoia nell'alto medio evo. Pistoia, 1932.
- La città nell'alto medioevo. Spoleto, 1959.
- Doehaerd R. Le Haut Moyen Age occidental: économies et sociétés. P., 1971.
- Dollinger-Leonard Y. De la cité romaine à la ville médiévale dans la région de la Moselle et la Haute Meuse.— In: Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens. Lindau; Konstanz, 1958.
- Doppelfeld O. Köln von der spätantike bis zur Karolingerzeit.— In: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, 1973. T. 1.
- Duby G. Les villes du sud-est de la Gaule du VIIIe au XIe siècle.— In: La città nell'alto medioevo. Spoleto, 1959.
- Dupont A. Les cités de la Narbonnaise première depuis les invasions germaniques jusqu'à l'apparition du consulat. Nîmes, 1942.
- Early Medieval Studies. Stockholm, 1970. Vol. 1.
- Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. 2. erg. und verb. Aufl. Göttingen, 1975.
- Ennen E. Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953.
- Fasoli G. Dalla civitas al comune. Bologna, 1961.
- Fasoli G. Dalla «civitas» al comune nell'Italia settentrionale. Bologna, 1969.
- Fasoli G. I longobardi in Italia. Bologna, 1965.

- Fournier G.** Le peuplement rural en Basse Auvergne durant le Haut Moyen Age. P., 1962.
- Fournier G.** L'Occident de la fin du Ve siècle à la fin du IXe siècle. P., 1970.
- Fourquin G.** Histoire économique de l'Occident médiéval. P., 1969.
- Fritz B.** Helgö und die Vorgeschichte der skandinavischen Stadt.— In: Early Medieval Studies. Stockholm, 1970. Vol. 1.
- Fumagalli V.** Colonie signori nell'Italia settentrionale sec. VI—X. Bologna, 1978.
- Goetz W.** Die Entstehung der italienischen Kommunen im frühen Mittelalters. München, 1944.
- Györffy G.** Les débuts de l'évolution urbaine en Hongrie.— Cahiers de civilisation médiévale, 1969, N 2.
- Hannestad K.** L'évolution des ressources agricoles de l'Italie du 4ème au 6ème siècle de notre ère. København, 1962.
- Hartmann L. M.** Zur wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalters. Analekten. Gotha, 1904.
- Hensel W.** Anfänge der Städte bei den Ost- und Westslaven. Bautzen, 1967.
- Hensel W.** Zentrumbildung und Handel im osteuropäischen Raum vor der Wikingerzeit.— In: Early Medieval Studies. Stockholm, 1970. Vol. 1.
- Hensel W.** Untersuchungen über die Anfänge der Städte in Polen.— In: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, 1975. T. 2.
- Jahkuhn H.** Die frühmittelalterlichen Seehandelsplätze im Nord- und Ostseeraum.— In: Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens. Lindau; Konstanz, 1958.
- Jahkuhn H.** Spätantike und merowingische Grundlagen für die frühmittelalterliche nordeuropäischen Stadtbildung.— In: Early Medieval Studies. Stockholm, 1970. Vol. 1.
- Jones A. H. M.** Il tramonto del mondo antico. Bari, 1972.
- Jones Ph. J.** L'Italia agraria nell'alto Medioevo: problemi di cronologia e di continuità.— In: Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto medioevo. Spoleto, 1966.
- Jones Ph. J.** La storia economica. Dalla caduta dell'Impero romano al sec. XIV.— In: Storia d'Italia. Torino, 1974. V. 2.
- Lacarra J. M.** Panorama de la historia urbana en la península ibérica desde el siglo V al X.— In: La città nell'alto medioevo. Spoleto, 1959.
- Das Leben in der Stadt des Spätmittelalters.** Wien, 1977.
- Leicht P. S.** Corporazioni romane ed arti medievali. Torino, 1937.
- Leicht P. S.** Operai, artigiani, agricoltori in Italia dal secolo VI al XVI. Milano, 1946.
- Leonard Y.** De la cité romaine à la ville médiévale dans la région de la Moselle et la Haute Meuse.— In: Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens. Lindau; Konstanz, 1958.
- Luzzatto G.** Economia naturale ed economia monetaria nell'alto medioevo.— In: Moneta e scambi nell'alto medioevo. Spoleto, 1961.
- Luzzatto G.** I servi nella grande proprietà ecclesiastiche italiane dei secoli IX e X.— In: Luzzatto G. Dai servi della gleba agli albori del capitalismo. Bari, 1966.
- Martini G.** L'età romano-barbarica. Milano, 1966.
- Il passaggio dall'antichità al medioevo in Occidente.** Spoleto, 1962.
- Poly J. P.** La Provence et la société féodale. 876—1166. Contribution à l'étude des structures dites féodales dans le Midi. P., 1976.
- Poly J. P.** Régime domanial et rapports de production «féodalistes» dans le Midi de la France (VIIIe—Xe siècles).— In: Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (X^e—XIIIe siècles). Rome, 1980.
- Problemi della civiltà e dell'economia longobarda: Scritti in memoria di G. P. Bognetti.** Milano, 1964.
- I problemi dell'Occidente nel secolo VIII.** Spoleto, 1973.
- Roth H.** Handel und Gewerbe vom 6. bis 8. Jahrhundert östlich des Rheins.— Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1971, Bd. 58, H. 3.
- Ruggini L.** Economia e società nell'Italia annonaria. Milano, 1961.
- Sautel G.** Les villes du midi méditerranéen au Moyen Age: aspects économiques et sociaux (IXe—XIIIe siècles).— In: La ville. Bruxelles, 1955. P. II.
- Schindler R.** Trier in merowingischer Zeit.— In: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, 1975. T. 1.
- Schönberger H.** Das Ende oder das Fortleben spätrömischer Städte an Rhein und Donau.— In: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, 1975. T. 1.
- Tagliaferri A.** Le diverse fase dell'economia longobarda con particolare riguardo al commercio internazionale.— In: Problemi della civiltà e dell'economia longobarda. Scritti in memoria di G. P. Bognetti. Milano, 1964.
- Tagliaferri A.** I longobardi nella civiltà e nell'economia italiana del primo Medioevo. Milano, 1965.

- Topografia urbana e vita cittadina nell'alto medioevo in Occidente. Spoleto, 1974. T. 1—2.
- Vercauteren F.* Etude sur les civitates de la Belgique Seconde. Contribution à l'histoire urbaine du Nord de la France de la fin du XIIIe à la fin du XVIe siècle. Bruxelles, 1934.
- Vercauteren F.* La vie urbaine entre Meuse et Loire du VIe au IXe siècle.— In: La città nell'alto medioevo. Spoleto, 1959.
- Vercauteren F.* La ville en Europe du IVe au XIe siècle.— In: Città mercanti dottrine nell'economia europea dal IV al XVIII secolo. Milano, 1964.
- Violante C.* La società milanese nell'età precomunale. 2 ed. Bari, 1974.

ГЛАВА 17

- Бессмертный Ю. Л.* Об изучении массовых социально-культурных представлений каролингского времени.— В кн.: Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981.
- Гуревич А. Я.* Из истории народной культуры и ереси: «Лжепророки» и церковь во Франкском государстве.— СВ, 1975, вып. 38.
- Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гуревич А. Я.* Народная культура раннего средневековья в зеркале «покаянных книг».— СВ, 1973, вып. 37.
- Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., 1977.
- Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
- Гуревич А. Я.* Язык исторического источника и социальная действительность: средневековый билдингвам.— В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1975, т. 7.
- История Франции. М., 1972. Т. 1.
- Каплан А. Б.* Некоторые вопросы изучения французской средневековой антропологии: (Историкография и методика).— В кн.: Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972.
- Корсунский А. Р.* Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе.— СВ, 1968, вып. 31.
- Корсунский А. Р.* О статусе франкских королей.— СВ, 1969, вып. 32.
- Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.
- Штаерман Е. М., Трофимова М. К.* Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971.
- Beumann H.* Gregor von Tours und der Sermo rusticus.— In: Spiegel der Geschichte: Festgabe für Max Braubach. Münster, 1964.
- Bloch M.* La société féodale. P., 1968.
- Bloomfield M. W.* The Seven Deadly Sins. Michigan, 1967.
- Bosl K.* Staat, Gesellschaft, Wirtschaft im deutschen Mittelalter.— In: Gebhardt. Handbuch der deutschen Geschichte / Hrsg. von H. Grundmann. 9. Aufl. Stuttgart, 1970. Bd. I.
- Boudriot W.* Die altgermanische Religion in der amtlichen kirchlichen Literatur des Abendlandes vom 5. bis 11. Jahrhundert. Bonn, 1928.
- Bouttruche R.* Seigneurie et féodalité. 2 éd. P., 1968. T. I.
- Curtius E. R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 8. Aufl. Bern; München, 1973.
- Dhondt J.* Das frühe Mittelalter.— Fischer Weltgeschichte. Frankfurt a. M., 1968, Bd. 10.
- Duby G.* Les trois ordres ou l'imaginaire de féodalisme. P., 1978.
- Fichtenau H.* Das karolingische Imperium. Zürich, 1949.
- Fossier R.* Histoire sociale de l'Occident médiéval. P., 1970.
- Graus F.* Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merovinger. Pr., 1965.
- Gudde E. G.* Social Conflicts in Medieval German Poetry. Berkeley, 1936.
- Hattenkauer H.* Zum Übersetzungsproblem im hohen Mittelalter.— ZSSR, GA, 1964. Bd. 81.
- Hägi H.* Der deutsche Bauer im Mittelalter dargestellt nach den deutschen literarischen Quellen vom 11.—15. Jahrhundert. Bern, 1929.
- Kretzenbacher L.* Legende und Spiel vom Traumgesicht des Sünders auf Jenseitswaage: Zu Fortleben und Gehaltswandel einer frühchristlichen Legende um einen «sozialen» Heiligen.— Rheinisches Jahrbuch für Volkskunde, 1956.
- Культурноисторический лексикон для скандинавского средневековья. 7. Jg. Bonn, 1956. 1. bd.
- Le Goff J.* La civilisation de l'Occident médiéval. P., 1967.
- Le Goff J.* Note sur société tripartite, idéologie monarchique et renouveau économique dans la chrétienté du IXe au XIIe siècle.— In: L'Europe aux IXe—XIe siècles: Aux origines des Etats nationaux. Varsovie, 1968.

Библиография

- Le Goff J.* Culture clericale et tradition folklorique dans la civilisation mérovingienne.— In: *Le Goff J.* Pour un autre Moyen Age. Temps, travail et culture en Occident: 18 essais. P., 1977.
- Le Goff J.* Les paysans et le monde rural dans la littérature du Haut Moyen Age (V^e—VIe siècles).— In: *Le Goff J.* Pour un autre Moyen Age... P., 1977.
- Le Goff J.* Pour un autre Moyen Age. Temps, travail et culture en Occident: 18 essais. P., 1977.
- Le Goff J.* Les trois fonctions indo-européennes l'historien et l'Europe féodale.— *Annales (Economies, Sociétés, Civilisations)*, 1979, N 6.
- Le Jan-Hennebique R.* «Pauperes» et «paupertas» dans l'Occident carolingien aux IXe et Xe siècles.— *Revue du Nord*, 1968, t. 50, N 197.
- Lot F.* À quelle époque a-t-on cessé de parler latin? — *Archivum latinitatis medii aevi*, 1931, t. VI.
- Martini F.* Das Bauerntum im deutschen Schrifttum von den Anfängen bis zum 16. Jahrhundert. Halle (Saale), 1944.
- Miller H.-F.* When did Latin cease to be a Spoken Language in France? — *Romanic Review*, 1921, N 12.
- Mollat M.* Les pauvres au Moyen Age. Etude sociale. P., 1978.
- Norberg D.* A quelle époque a-t-on cessé de parler latin en Gaule? — *Annales (Economies, Sociétés, Civilisations)*, 1966, N 2.
- Pfannenschmid H.* Germanische Erntefesten im heidnischen und christlichen Cultus. Hannover, 1978.
- Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 2. Aufl. B., 1968—1970. Bd. 1—3.
- Russell J. B.* Saint Boniface and the Eccentrics.— *Church History*, 1964, vol. XXXIII, N 3.
- Stern H.* Poésies et représentations carolingiennes et byzantines des mois.— *Revue archéologique*, 6e sér., 1955, t. XLV.
- Webster J. C.* The Labors of the Months in Antique and Medieval Art. Princeton, 1938.
- White L.* The Life of the Silent Majority.— In: *Life and Thought in the Early Middle Ages* / Ed. by R. S. Hoyt. Minneapolis, 1967.

История крестьянства в Европе

Эпоха феодализма

Том первый

Формирование феодально-зависимого крестьянства

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории АН СССР

Редакторы издательства
Ф. Н. Арский, Н. В. Шевелева

Художник
Е. А. Михельсон

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
И. Н. Жмуркина

Корректоры
М. В. Борцова, Р. В. Молоканова

ИБ № 28345

Сдано в набор 17.09.84

Подписано к печати 11.12.84

T-23206. Формат 70×100¹/₁₆

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная. Печать высокая

Усл. печ. л. 49,4. Усл.-кр. отт. 50,7. Уч.-изд. л. 54,8

Тираж 15600 экз. Тип. зак. 630

Цена 3 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Страна	Напечатано	Должно быть
46 58	1-2 св. 1 св.	от 1 (12 до 1) до 50 восточнославянской полуземлянки	от 1/12 до 1/50 восточнославянского наземного срубного жи- лища
59	2 св.	восточнославянского наземного срубного жи- лища	восточнославянской полуземлянки
365	23 св.	Болгария она	Болгария и позднее, в 893 г., она
416	26 св.	земледельцам	земледельцам
439	14 св.	знать	власть
522	12 св.	rusticitas	rusticus
555	16 св.	землевладельцев	земледельцев
568	26 св.	Salv.	Salv.